

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> приятного чтения!

Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТИ СЕДЬМОМУ ТОМУ

Основная работа над входящими в 27 том художественными произведениями протекала у Толстого в конце 1880-х годов и в 1890 году. Одно из этих произведений («Дьявол») Толстым не было окончательно отделано и впервые напечатано лишь после его смерти.

Из вышедших в свет при жизни Толстого произведений «Крейцера соната» перепечатывалась в большинстве изданий с текста, впервые опубликованного в 1890 г. в тринадцатой части сочинений Толстого и напечатанного по копии, переписанной С. А. Толстой, заключающей в себе множество отступлений от подлинного толстовского текста – бессознательных и частью сознательных. Ни этой копии ни корректур повести Толстой не читал. Отсюда большое число искажений, вкрапившихся в печатный текст «Крейцеровой сонаты» и лишь частично устраненных по неавторитетным спискам в некоторых зарубежных изданиях и преимущественно в двенадцатом издании сочинений Толстого 1911 г., но вновь sporadически появлявшихся в последующих изданиях повести.

Что касается „Послесловия к «Крейцеровой сонате», также не авторизованного Толстым ни в копии, с которой оно печаталось, ни в корректурах, то текст его в России вплоть до последнего времени печатался с существенными цензурными пропусками (исключение представляет собой единственная перепечатка «Послесловия» с заграничного издания В. Г. Черткова в брошюре «О половом вопросе. Мысли графа Л. Н. Толстого, собранные В. Г. Чертковым», напечатанной в журнале «Всемирный вестник» за 1906 г. и изданной затем отдельно).

Рассказ «Франсуаза» всё время печатался или по тексту, искаженному в интересах «благоприличия» А. С. Сувориным и впервые напечатанному в его газете «Новое время», или, реже, по искусственно скомбинированному тексту И. И. Бирюкова, в который лишь частично были введены купюры, сделанные Сувориным.

В настоящем издании все эти произведения – в результате изучения относящегося к ним рукописного материала – впервые появляются в печати в неискаженном виде.

Помимо вариантов литографированных редакций «Крейцеровой сонаты» и «Послесловия» к ней, печатаются ранние рукописные редакции, планы и варианты входящих в этот том художественных произведений, доселе в большинстве неопубликованные.

Из статей, входящих в состав данного тома, впервые публикуются три неоконченных отрывка. К статьям: «Для чего люди одурманиваются?» и «Предисловие к «Севастопольским воспоминаниям» Ершова» даны обширные варианты, впервые извлеченные из черновых рукописей автора; в статье «Для чего люди одурманиваются?» восстановлен пропуск, сделанный по цензурным условиям. В комментариях к статье «О соске» приводятся толстовские тексты, затерявшиеся в проредактированной им рукописи другого автора. Из других статей Предисловие к «Злой забаве» В. Г. Черткова и «Carthago delenda est» до сих пор не включались в собрания сочинений Толстого. Тексты всех статей проверены по рукописям.

Художественные произведения данного тома приготовлены к печати, редактированы и комментированы Н. К. Гудзием.

Вся работа по подготовке к печати текстов статей и составлению комментариев к ним сделана В. Д. Пестовой, под редакцией Н. Н. Гусева.

В составлении указателя к тому принимала участие А. И. Толстая-Попова.

Н. Гудзий

Н. Гусев.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гроздовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «кый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[ак]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или: [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1889 г.

Размер подлинника

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1889–1890 гг.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

**** КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА

«А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Матфея V, 28).

«Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться.

Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано.

Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так, и есть скопцы, которые сделали себя сами скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» (Матфея XIX, 10, 11, 12).

I

Это было ранней весной. Мы ехали вторые сутки. В вагон входили и выходили едущие на короткие расстояния, но трое ехало, так же как и я, с самого места отхода поезда: некрасивая и немолодая дама, курящая, с измученным лицом, в полумужском пальто и шапочке, ее знакомый, разговорчивый человек лет сорока, с аккуратными новыми вещами, и еще державшийся особняком небольшого роста господин с порывистыми движениями, еще не старый, но с очевидно преждевременно поседевшими курчавыми волосами и с необыкновенно блестящими глазами, быстро перебежавшими с предмета на предмет. Он был одет в старое от дорогого портного пальто с барашковым воротником и высокую барашковую шапку. Под пальто, когда он расстегивался, видна была поддевка и русская вышитая рубаха. Особенность этого господина состояла еще в том, что он изредка издавал странные звуки, похожие на откашливанье или на начатый и оборванный смех.

Господин этот во всё время путешествия старательно избегал общения и знакомства с пассажирами. На заговариванья соседей он отвечал коротко и резко и или читал, или, глядя в окно, курил, или, достав провизию из своего старого мешка, пил чай или закусывал.

Мне казалось, что он тяготится своим одиночеством, и я несколько раз хотел заговорить с ним, но всякий раз, когда глаза наши встречались, что случалось часто, так как мы сидели наискоски друг против друга, он отворачивался и брался за книгу или смотрел в окно.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoye
Во время остановки, перед вечером второго дня на большой станции нервный господин этот сходил за горячей водой и заварил себе чай. Господин же с аккуратными новыми вещами, адвокат, как я узнал впоследствии, с своей соседкой, курящей дамой в полумужском пальто, пошли пить чай на станцию.

Во время отсутствия господина с дамой в вагон вошло несколько новых лиц и в том числе высокий бритый, морщинистый старик, очевидно купец, в ильковой шубе и суконном картузе с огромным козырьком. Купец сел против места дамы с адвокатом и тотчас же вступил в разговор с молодым человеком, по виду купеческим приказчиком, вошедшим в вагон тоже на этой станции.

Я сидел наискоски и, так как поезд стоял, мог в те минуты, когда никто не проходил, слышать урывками их разговор. Купец объявил сначала о том, что он едет в свое имение, которое отстоит только на одну станцию; потом, как всегда, заговорили сначала о ценах, о торговле, говорили, как всегда, о том, как Москва нынче торгует, потом заговорили о Нижегородской ярманке. Приказчик стал рассказывать про кутежи какого-то известного обоим богача-купца на ярманке, но старик не дал ему договорить и стал сам рассказывать про былые кутежи в Кунавине, в которых он сам участвовал. Он, видимо, гордился своим участием в них и с видимой радостью рассказывал, как они вместе с этим самым знакомым сделали раз пьяные в Кунавине такую штуку, что ее надо было рассказать шопотом, и что приказчик захохотал на весь вагон, а старик тоже засмеялся, оскалив два желтые зуба.

Не ожидая услышать ничего интересного, я встал, чтобы походить по платформе до отхода поезда. В дверях мне встретились адвокат с дамой, на ходу про что-то оживленно разговаривавшие.

– Не успеете, – сказал мне общительный адвокат, – сейчас второй звонок.

И точно, я не успел дойти до конца вагонов, как раздался звонок. Когда я вернулся, между дамой и адвокатом продолжался оживленный разговор. Старый купец молча сидел напротив них, строго глядя перед собой и изредка неодобрительно жуя зубами.

– Затем она прямо объявила своему супругу, – улыбаясь, говорил адвокат в то время, как я проходил мимо него, – что она не может, да и не желает жить с ним, так как...

И он стал рассказывать далее что-то, чего я не мог расслышать. Вслед за мной прошли еще пассажиры, прошел кондуктор, вбежал артельщик, и довольно долго был шум, из-за которого не слышно было разговора. Когда всё затихло, и я опять услышал голос адвоката, разговор, очевидно, с частного случая перешел уже на общие соображения.

Адвокат говорил о том, как вопрос о разводе занимал теперь общественное мнение в Европе, и как у нас всё чаще и чаще являлись такие же случаи. Заметив, что его голос один слышен, адвокат прекратил свою речь и обратился к старику.

– В старину этого не было, не правда ли? – сказал он, приятно улыбаясь.

Старик хотел что-то ответить, но в это время поезд тронулся, и старик, сняв картуз, начал креститься и читать шопотом молитву. Адвокат, отведя в сторону глаза, учтиво дожидался. Окончив свою молитву и троекратное крещение, старик надел прямо и глубоко свой картуз, поправился на месте и начал говорить:

– Бывало, сударь, и прежде, только меньше, – сказал он. – По нынешнему времени нельзя этому не быть. Уж очень образованы стали.

Поезд, двигаясь всё быстрее и быстрее, погромыхивал на стычках, и мне трудно было расслышать, а интересно было, и я пересел ближе. Сосед мой, нервный господин с блестящими глазами, очевидно, тоже заинтересовался и, не вставая с места, прислушивался.

– Да чем же худо образование? – чуть заметно улыбаясь, сказала дама. – Неужели же лучше так жениться, как в старину, когда жених и невеста и не видели даже друг друга? – продолжала она, по привычке многих дам отвечая не на слова своего собеседника, а на те слова, которые она думала, что он скажет. – Не знали, любят

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
ли, могут ли любить, а выходили за кого попало, да всю жизнь и мучались; так по-вашему это лучше? – говорила она, очевидно обращая речь ко мне и к адвокату, но менее всего к старику, с которым говорила.

– Уж очень образованы стали, – повторил купец, презрительно глядя на даму и оставляя ее вопрос без ответа.

– Желательно бы знать, как вы объясняете связь между образованием и несогласием в супружестве, – чуть заметно улыбаясь, сказал адвокат.

Купец что-то хотел сказать, но дама перебила его.

– Нет, уж это время прошло, – сказала она. Но адвокат остановил ее.

– Нет, позвольте им выразить свою мысль.

– Глупости от образованья, – решительно сказал старик.

– Женят таких, которые не любят друг друга, а потом удивляются, что несогласно живут, – торопилась говорить дама, оглядываясь на адвоката и на меня и даже на приказчика, который, поднявшись с своего места и облокотившись на спинку, улыбаясь, прислушивался к разговору. – Ведь это только животных можно спаривать, как хозяин хочет, а люди имеют свои склонности, привязанности, – очевидно желая уязвить купца, говорила она.

– Напрасно так говорите, сударыня, – сказал старик, – животное скот, а человеку дан закон.

– Ну да как же жить с человеком, когда любви нет? – всё торопилась дама высказывать свои суждения, которые, вероятно, ей казались очень новыми.

– Прежде этого не разбирали, – внушительным тоном сказал старик, – нынче только завелось это. Как что, она сейчас говорит: «я от тебя уйду». У мужиков на что, и то эта самая мода завелась. «На, – говорит, – вот тебе твои рубахи и портки, а я пойду с Ванькой, он кудрявей тебя». Ну вот и толкуй. А в женщине первое дело страх должен быть.

Приказчик посмотрел и на адвоката, и на даму, и на меня, очевидно, удерживая улыбку и готовый и осмеять и одобрить речь купца, смотря по тому, как она будет принята.

– Какой же страх? – сказала дама.

– А такой: да боится своего му-у-ужа! Вот какой страх.

– Ну, уж это, батюшка, время прошло, – даже с некоторой злобой сказала дама.

– Нет, сударыня, этому времени пройти нельзя. Как была она, Ева, женщина, из ребра мужнина сотворена, так и останется до скончания века, – сказал старик, так строго и победительно тряхнув головой, что приказчик тотчас же решил, что победа на стороне купца, и громко засмеялся.

– Да это вы, мужчины, так рассуждаете, – говорила дама, не сдаваясь и оглядываясь на нас, – сами себе дали свободу, а женщину хотите в терему держать. Сами, небось, себе всё позволяете.

– Позволения никто не дает, а только что от мужчины в доме ничего не прибудет, а женщина-жено – утлый сосуд, – продолжал внушать купец.

Внушительность интонаций купца, очевидно, побеждала слушателей, и дама даже чувствовала себя подавленной, но всё еще не сдавалась.

– Да, но, я думаю, вы согласитесь, что женщина – человек, и имеет чувства, как и мужчина. Ну что же ей делать, если она не любит мужа?

– Не любит! – грозно повторил купец, двинув бровями и губами. – Небось, полюбит!

Этот неожиданный аргумент особенно поправился приказчику, и он издал

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle одобрительный звук.

– Да нет, не полюбит, – заговорила дама, – а если любви нет, то ведь к этому нельзя же принудить.

– Ну, а как жена изменит мужу, тогда как? – сказал адвокат.

– Этого не полагается, – сказал старик, – за этим смотреть надо.

– А как случится, тогда как? Ведь бывает же.

– У кого бывает, а у нас не бывает, – сказал старик.

Все помолчали. Приказчик пошевелился, еще подвинулся и, видимо не желая отстать от других, улыбаясь, начал:

– Да-с, вот тоже у нашего молодца скандал один вышел. Тоже рассудить слишком трудно. Тоже попалась такая женщина, что распутевая. И пошла чертить. А малый степенный и с развитием. Сначала с конторщиком. Уговаривал он тоже добром. Не унялась. Всякие пакости делала. Его деньги стала красть. И бил он ее. Что ж, всё хужела. С некрещеным, с евреем, с позволенья сказать, свела шашни. Что ж ему делать? Бросил ее совсем. Так и живет холостой, а она слоняется.

– Потому он дурак, – сказал старик. – Кабы он спервоначала не дал ей ходу, а укороту бы дал настоящую, жила бы, небось. Волю не давать надо сначала. Не верь лошади в поле, а жене в доме.

В это время пришел кондуктор спрашивать билеты до ближайшей станции. Старик отдал свой билет.

– Да-с, загодя укорачивать надо женский пол, а то всё пропадет.

– Ну, а как же вы сами сейчас рассказывали, как женатые люди на ярманке в Кунавине веселятся? – сказал я, не выдержав.

– Эта статья особая, – сказал купец и погрузился в молчанье.

Когда раздался свисток, купец поднялся, достал из-под лавки мешок, запахнулся и, приподняв картуз, вышел на тормоз.

II

Только что старик ушел, поднялся разговор в несколько голосов.

– Старого завета папаша, – сказал приказчик.

– Вот Домострой живой, – сказала дама. – Какое дикое понятие о женщине и о браке!

– Да-с, далеки мы от европейского взгляда на брак, – сказал адвокат.

– Ведь главное то, чего не понимают такие люди, – сказала дама, – это то, что брак без любви не есть брак, что только любовь освящает брак, и что брак истинный только тот, который освящает любовь.

Приказчик слушал и улыбался, желая запомнить для употребления сколько можно больше из умных разговоров.

В середине речи дамы позади меня послышался звук как бы прерванного смеха или рыдания, и, оглянувшись, мы увидели моего соседа, седого одинокого господина с блестящими глазами, который во время разговора, очевидно интересовавшего его, незаметно подошел к нам. Он стоял, положив руки на спинку сидения, и, очевидно, очень волновался: лицо его было красно, и на щеке вздрагивал мускул.

– Какая же это любовь... любовь... любовь... освящает брак? – сказал он, запинаясь.

Видя взволнованное состояние собеседника, дама постаралась ответить ему как можно мягче и обстоятельнее.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
– Истинная любовь... Есть эта любовь между мужчиной и женщиной, возможен и брак, – сказала дама.

– Да-с, но что разумеет под любовью истинной? – неловко улыбаясь и робея, сказал господин с блестящими глазами.

– Всякий знает, что такое любовь, – сказала дама, очевидно желая прекратить с ним разговор.

– А я не знаю, – сказал господин. – Надо определить, что вы разумеете...

– Как? очень просто, – сказала дама, но задумалась. – Любовь? Любовь есть исключительное предпочтение одного или одной перед всеми остальными, – сказала она.

– Предпочтение на сколько времени? На месяц? На два дни, на полчаса? – проговорил седой господин и засмеялся.

– Нет, позвольте, вы, очевидно, не про то говорите.

– Нет-с, я про то самое.

– Они говорят, – вступился адвокат, указывая на даму, – что брак должен вытекать, во-первых, из привязанности, любви, если хотите, и что если налицо есть таковая, то только в этом случае брак представляет из себя нечто, так сказать, священное. Затем, что всякий брак, в основе которого не заложены естественные привязанности – любовь, если хотите, не имеет в себе ничего нравственно-обязательного. Так ли я понимаю? – обратился он к даме.

Дама движением головы выразила одобрение разъяснению своей мысли.

– Засим... – продолжал речь адвокат, но нервный господин с горевшими огнем теперь глазами, очевидно, с трудом удерживался и, не дав адвокату договорить, начал:

– Нет, я про то самое, про предпочтение одного или одной перед всеми другими, но я только спрашиваю: предпочтение на сколько времени?

– На сколько времени? надолго, на всю жизнь иногда, – сказала дама, пожимая плечами.

– Да ведь это только в романах, а в жизни никогда. В жизни бывает это предпочтение одного перед другими на года, что очень редко, чаще на месяцы, а то на недели, на дни, на часы, – говорил он, очевидно зная, что он удивляет всех своим мнением, и довольный этим.

– Ах, что вы! Да нет. Нет, позвольте, – в один голос заговорили мы все трое. Даже приказчик издал какой-то неодобрительный звук.

– Да-с, я знаю, – перекикивал нас седой господин, – вы говорите про то, что считается существующим, а я говорю про то, что есть. Всякий мужчина испытывает то, что вы называете любовью, к каждой красивой женщине.

– Ах, это ужасно, что вы говорите; но есть же между людьми то чувство, которое называется любовью и которое дается не на месяцы и годы, а на всю жизнь?

– Нет, нету. Если допустить даже, что мужчина и предпочел бы известную женщину на всю жизнь, то женщина-то, по всем вероятностям, предпочтет другого, и так всегда было и есть на свете, – сказал он и достал папиросочницу и стал закуривать.

– Но может быть и взаимность, – сказал адвокат.

– Нет-с, не может быть, – возразил он, – так же как не может быть, что в возу гороха две замеченные горошины легли бы рядом. Да кроме того, тут не невероятность одна, тут, наверное, пресыщение. Любить всю жизнь одну или одного – это всё равно, что сказать, что одна свечка будет гореть всю жизнь, – говорил он, жадно затягиваясь.

– Но вы всё говорите про плотскую любовь. Разве вы не допускаете любви,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
основанной на единстве идеалов, на духовном сродстве? – сказала дама.

– Духовное сродство! Единство идеалов! – повторил он, издавая свой звук. – Но в таком случае незачем спать вместе (простите за грубость). А то вследствие единства идеалов люди ложатся спать вместе, – сказал он и нервно засмеялся.

– Но позвольте, – сказал адвокат, – факт противоречит тому, что вы говорите. Мы видим, что супружества существуют, что всё человечество или большинство его живет брачной жизнью, и многие честно проживают продолжительную брачную жизнь.

Седой господин опять засмеялся.

– То вы говорите, что брак основывается на любви, когда же я выражаю сомнение в существовании любви, кроме чувственной, вы мне доказываете существование любви тем, что существуют браки. Да брак-то в наше время один обман!

– Нет-с, позвольте, – сказал адвокат, – я говорю только, что существовали и существуют браки.

– Существуют. Да только отчего они существуют? Они существовали и существуют у тех людей, которые в браке видят нечто таинственное, таинство, которое обязывает перед Богом. У тех они существуют, а у нас их нет. У нас люди женятся, не видя в браке ничего, кроме совокупления, и выходит или обман или насилие. Когда обман, то это легче переносится. Муж и жена только обманывают людей, что они в единобрачии, а живут в многоженстве и в многомужестве. Это скверно, но еще идет; но когда, как это чаще всего бывает, муж и жена приняли на себя внешнее обязательство жить вместе всю жизнь и со второго месяца уж ненавидят друг друга, желают разойтись и всё-таки живут, тогда это выходит тот страшный ад, от которого спиваются, стреляются, убивают и отравляют себя и друг друга, – говорил он всё быстрее, не давая никому вставить слова и всё больше и больше разгорячаясь. Все молчали. Было неловко.

– Да, без сомнения, бывают критические эпизоды в супружеской жизни, – сказал адвокат, желая прекратить неприлично горячий разговор.

– Вы, как я вижу, узнали, кто я? – тихо и как будто спокойно сказал седой господин.

– Нет, я не имею удовольствия.

– Удовольствие небольшое. Я Позднышев, тот, с которым случился тот критический эпизод, на который вы намекаете, тот эпизод, что он жену убил, – сказал он, оглядывая быстро каждого из нас.

Никто не нашелся, что сказать, и все молчали.

– Ну, всё равно, – сказал он, издавая свой звук. – Впрочем, извините! А!.. не буду стеснять вас.

– Да нет, помилуйте... – сам не зная, что «помилуйте», сказал адвокат.

Но Позднышев, не слушая его, быстро повернулся и ушел на свое место. Господин с дамой шептались. Я сидел рядом с Позднышевым и молчал, не умея придумать, что сказать. Читать было темно, и потому я закрыл глаза и притворился, что хочу заснуть. Так мы проехали молча до следующей станции.

На станции этой господин с дамой перешли в другой вагон, о чем они переговаривались еще раньше с кондуктором. Приказчик устроился на лавочке и заснул. Позднышев же всё курил и пил заваренный еще на той станции чай.

Когда я открыл глаза и взглянул на него, он вдруг с решительностью и раздражением обратился ко мне.

– Вам, может быть, неприятно сидеть со мной, зная, кто я? Тогда я уйду.

– О, нет, помилуйте.

– Ну, так не угодно ли? Только крепко. – Он налил мне чаю. – Они говорят... И всё

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
лгут... – сказал он.

– Вы про что? – спросил я.

– Да всё про то же: про эту любовь ихнюю и про то, что это такое. Вы не хотите спать?

– Совсем не хочу.

– Так хотите, я вам расскажу, как я этой любовью самой был приведен к тому, что со мной было.

– Да, если вам не тяжело.

– Нет, мне тяжело молчать. Пейте ж чай. Или слишком крепок?

Чай, действительно, был как пиво, но я выпил стакан. В это время прошел кондуктор. Он проводил его молча злыми глазами и начал только тогда, когда тот ушел.

III

– Ну, так я расскажу вам... Да вы точно хотите?

Я повторил, что очень хочу. Он помолчал, потер руками лицо и начал:

– Коли рассказывать, то надо рассказывать всё с начала: надо рассказать, как и отчего я женился и каким я был до женитьбы.

Жил я до женитьбы, как живут все, т.-е. в нашем кругу. Я помещик и кандидат университета и был предводителем. Жил до женитьбы, как все живут, т.-е. развратно, и, как все люди нашего круга, живя развратно, был уверен, что я живу как надо. Про себя я думал, что я милашка, что я вполне нравственный человек. Я не был соблазнителем, не имел неестественных вкусов, не делал из этого главной цели жизни, как это делали многие из моих сверстников, а отдавался разврату степенно, прилично, для здоровья. Я избегал тех женщин, которые рождением ребенка или привязанностью ко мне могли бы связать меня. Впрочем, может быть, и были дети и были привязанности, но я делал, как будто их не было. И это-то я считал не только нравственным, но я гордился этим.

Он остановился, издал свой звук, как он делал всегда, когда ему приходила, очевидно, новая мысль.

– А ведь в этом-то и главная мерзость, – вскрикнул он. – Разврат ведь не в чем-нибудь физическом, ведь никакое безобразие физическое не разврат; а разврат, истинный разврат именно в освобождении себя от нравственных отношений к женщине, с которой входишь в физическое общение. А это-то освобождение я и ставил себе в заслугу. Помню, как я мучался раз, не успев заплатить женщине, которая, вероятно полюбив меня, отдалась мне. Я успокоился только тогда, когда послал ей деньги, показав этим, что я нравственно ничем не считаю себя связанным с нею. Вы не качайте головой, как будто вы согласны со мной, – вдруг крикнул он на меня. – Ведь я знаю эту штуку. Вы все, и вы, вы, в лучшем случае, если вы не редкое исключение, вы тех самых взглядов, каких я был. Ну, всё равно, вы простите меня, – продолжал он, – но дело в том, что это ужасно, ужасно, ужасно!

– Что ужасно? – спросил я.

– Та пучина заблуждения, в которой мы живем относительно женщин и отношений к ним. Да-с, не могу спокойно говорить про это, и не потому, что со мной случился этот эпизод, как он говорил, а потому, что с тех пор, как случился со мной этот эпизод, у меня открылись глаза, и я увидел всё совсем в другом свете. Всё навыворот, всё навыворот!..

Он закурил папироску и, облокотившись на свои колени, начал говорить.

В темноте мне не видно было его лицо, только слышен был из-за дребезжания вагона его внушительный и приятный голос.

IV

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e
– Да-с, только перемучавшись, как я перемучался, только благодаря этому я понял, где корень всего, понял, что должно быть, и потому увидел весь ужас того, что есть.

Так изволите видеть, вот как и когда началось то, что привело меня к моему эпизоду. Началось это тогда, когда мне было невступно 16 лет. Случилось это, когда я был еще в гимназии, а брат мой старший был студент 1-го курса. Я не знал еще женщин, но я, как и все несчастные дети нашего круга, уже не был невинным мальчиком: уже второй год я был развращен мальчишками; уже женщина, не какая-нибудь, а женщина, как сладкое нечто, женщина, всякая женщина, нагота женщины уже мучала меня. Уединения мои были нечистые. Я мучался, как мучаются 0,99 наших мальчиков. Я ужасался, я страдал, я молился и падал. Я уже был развращен в воображении и в действительности, но последний шаг еще не был сделан мною. Я погибал один, но еще не налагая руки на другое человеческое существо. Но вот товарищ брата, студент, весельчак, так называемый добрый малый, т. е. самый большой негодяй, выучивший нас и пить и в карты играть, уговорил после попойки ехать туда. Мы поехали. Брат тоже еще был невинен и пал в эту же ночь. И я, пятнадцатилетний мальчишка, осквернил себя самого и содействовал осквернению женщины, вовсе не понимая того, что я делал. Я ведь ни от кого от старших не слышал, чтоб то, что я делал, было дурно. Да и теперь никто не услышит. Правда, есть это в заповеди, но заповеди ведь нужны только на то, чтобы отвечать на экзамене батюшке, да и то не очень нужны, далеко не так, как заповедь об употреблении *it* в условных предложениях.

Так от тех старших людей, мнения которых я уважал, я ни от кого не слышал, чтобы это было дурно. Напротив, я слышал от людей, которых я уважал, что это было хорошо. Я слышал, что мои борьбы и страдания утишатся после этого, я слышал это и читал, слышал от старших, что для здоровья это будет хорошо; от товарищей же слышал, что в этом есть некоторая заслуга, молодечество. Так что вообще, кроме хорошего, тут ничего не виделось. Опасность болезней? Но и та ведь предвидена. Попечительное правительство заботится об этом. Оно следит за правильной деятельностью домов терпимости и обеспечивает разврат для гимназистов. И доктора за жалованье следят за этим. Так и следует. Они утверждают, что разврат бывает полезен для здоровья, они же и учреждают правильный, аккуратный разврат. Я знаю матерей, которые заботятся в этом смысле о здоровье сыновей. И наука посылает их в дома терпимости.

– Отчего же наука? – сказал я.

– Да кто же доктора? Жрецы науки. Кто развращает юношей, утверждая, что это нужно для здоровья? Они. А потом с ужасной важностью лечат сифилис.

– Да отчего же не лечить сифилис?

– А оттого, что если бы 0,01 тех усилий, которые положены на лечение сифилиса, были положены на искоренение разврата, сифилиса давно не было бы и помину. А то усилия употреблены не на искоренение разврата, а на поощрение его, на обеспечение безопасности разврата. Ну, да не в том дело. Дело в том, что со мной, да и с 0,9, если не больше, не только нашего сословия, но всех, даже крестьян, случилось то ужасное дело, что я пал не потому, что я подпал естественному соблазну прелести известной женщины. Нет, никакая женщина не соблазнила меня, а я пал потому, что окружающая меня среда видела в том, что было падение, одни – самое законное и полезное для здоровья отправление, другие – самую естественную и не только простительную, но даже невинную забаву для молодого человека. Я и не понимал, что тут есть падение, я просто начал предаваться тем отчасти удовольствиям, отчасти потребностям, которые свойственны, как мне было внушено, известному возрасту, начал предаваться этому разврату, как я начал пить, курить. А всё-таки в этом первом падении было что-то особенное и трогательное. Помню, мне тотчас же, там же, не выходя из комнаты, сделалось грустно, грустно, так что хотелось плакать, плакать о погибели своей невинности, о навеки погубленном отношении к женщине. Да-с, естественное, простое отношение к женщине было погублено навеки. Чистого отношения к женщине уж у меня с тех пор не было и не могло быть. Я стал тем, что называют блудником. А быть блудником есть физическое состояние, подобное состоянию морфиниста, пьяницы, курильщика. Как морфинист, пьяница, курильщик уже не нормальный человек, так и человек, познавший нескольких женщин для своего удовольствия, уже не нормальный, а испорченный навсегда человек – блудник. Как пьяницу и морфиниста можно узнать тотчас же по лицу, по приемам, точно так же и блудника.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Блудник может воздерживаться, бороться; но простого, ясного, чистого отношения к женщине, братского, у него уже никогда не будет. По тому, как он взглянет, оглядит молодую женщину, сейчас можно узнать блудника. И я стал блудником и остался таким, и это-то и погубило меня.

V

– Да, так-с. Потом пошло дальше, дальше, были всякого рода отклонения. Боже мой! как вспомню я все мои мерзости в этом отношении, ужас берет! О себе, над которым товарищи смеялись за мою так называемую невинность, я так вспоминаю. А как услышишь о золотой молодежи, об офицерах, о парижанах! И все эти господа и я, когда мы, бывало, тридцатилетние развратники, имеющие на душе сотни самых разнообразных ужасных преступлений относительно женщин, когда мы, тридцатилетние развратники, входим чисто-начисто вымытые, выбритые, надушенные, в чистом белье, во фраке или в мундире в гостиную или на бал – эмблема чистоты – прелесть!

Ведь вы подумайте, что бы должно быть и что есть. Должно бы быть то, что, когда в общество к моей сестре, дочери вступит такой господин, я, зная его жизнь, должен подойти к нему, отозвать в сторону и тихо сказать: «голубчик, ведь я знаю, как ты живешь, как проводишь ночи и с кем. Тебе здесь по месту. Здесь чистые, невинные девушки. Уйди!» Так должно бы быть; а есть то, что, когда такой господин является и танцует, обнимая ее, с моей сестрой, дочерью, мы ликуем, если он богат и с связями. Авось он удостоит после Ригольбош и мою дочь. Если даже и остались следы, нездоровье, – ничего. Нынче хорошо лечат. Как же, я знаю, несколько высшего света девушек выданы родителями с восторгом за сифилитиков. О! о мерзость! Да придет же время, что обличится эта мерзость и ложь!

И он несколько раз издал свои странные звуки и взялся за чай. Чай был страшно крепкий, не было воды, чтобы его разбавить. Я чувствовал, что меня волновали особенно выпитые мною два стакана. Должно быть, и на него действовал чай, потому что он становился всё возбужденнее и возбужденнее. Голос его становился всё более и более певучим и выразительным. Он беспрестанно менял позы, то снимал шапку, то надевал ее, и лицо его странно изменялось в той полутьме, в которой мы сидели.

– Ну, вот так я и жил до тридцати лет, ни на минуту не оставляя намерения жениться и устроить себе самую возвышенную, чистую семейную жизнь, и с этой целью приглядывался к подходящей для этой цели девушке, – продолжал он. – Я гваздался в гное разврата и вместе с тем разглядывал девушек, по своей чистоте достойных меня. Многих я забраковывал именно потому, что они были недостаточно чисты для меня; наконец я нашел такую, которую счел достойной себя. Это была одна из двух дочерей когда-то очень богатого, но разорившегося пензенского помещика.

В один вечер, после того как мы ездили в лодке и ночью, при лунном свете, ворочались домой, и я сидел рядом с ней и любовался ее стройной фигурой, обтянутой джерси, и ее локонами, я вдруг решил, что это она. Мне показалось в этот вечер, что она понимает всё, всё, что я чувствую и думаю, а что чувствую я и думаю самые возвышенные вещи. В сущности же было только то, что джерси было ей особенно к лицу, также и локоны, и что после проведенного в близости с нею дня захотелось еще большей близости.

Удивительное дело, какая полная бывает иллюзия того, что красота есть добро. Красивая женщина говорит глупости, ты слушаешь и не видишь глупости, а видишь умное. Она говорит, делает гадости, и ты видишь что-то милое. Когда же она не говорит ни глупостей ни гадостей, а красива, то сейчас уверяешься, что она чудо как умна и нравственна.

Я вернулся в восторге домой и решил, что она верх нравственного совершенства, и что потому-то она достойна быть моей женой, и на другой день сделал предложение.

Ведь что это за путаница! Из тысячи женившихся мужчин не только в нашем быту, но, к несчастью, и в народе, едва ли есть один, который бы не был женат уже раз десять, а то и сто или тысячу, как Дон-Жуан, прежде брака. (Есть теперь, правда, я слышу и наблюдаю, молодые люди чистые, чувствующие и знающие, что это не шутка, а великое дело. Помогите им Бог! Но в мое время не было ни одного такого на десять тысяч.) И все знают это и притворяются, что не знают. Во всех романах до подробностей описаны чувства героев, пруды, кусты, около которых они ходят; но, описывая их великую любовь к какой-нибудь девице, ничего не пишется о том, что

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
было с ним, с интересным героем прежде: ни слова о его посещениях домов, о горничных, кухарках, чужих женах. Если же есть такие неприличные романы, то их не дают в руки, главное, тем, кому нужнее всего это знать, – девушкам. Сначала притворяются перед девушками в том, что того распутства, которое наполняет половину жизни наших городов и деревень даже, что этого распутства совсем нет. Потом так приучаются к этому притворству, что наконец, как англичане, сами начинают искренно верить, что мы все нравственные люди и живем в нравственном мире. Девушки же, те, бедные, верят в это совсем серьезно. Так верила и моя несчастная жена. Помню, как, уже будучи женихом, я показал ей свой дневник, из которого она могла узнать хотя немного мое прошедшее, главное – про последнюю связь, которая была у меня и о которой она могла узнать от других и про которую я потому-то и чувствовал необходимость сказать ей. Помню ее ужас, отчаяние и растерянность, когда она узнала и поняла. Я видел, что она хотела бросить меня тогда. И отчего она не бросила!

Он издал свой звук, помолчал и отпил еще глоток чаю.

VI

– Нет, впрочем так лучше, так лучше! – вскрикнул он. – Поделом мне! Но не в том дело. Я хотел сказать, что обмануты тут ведь только одни несчастные девушки. Матери же знают это, особенно матери, воспитанные своими мужьями, знают это прекрасно. И притворяясь, что верят в чистоту мужчин, они на деле действуют совсем иначе. Они знают, на какую удочку ловить мужчин для себя и для своих дочерей.

Ведь мы, мужчины, только не знаем, и не знаем потому, что не хотим знать, женщины же знают очень хорошо, что самая возвышенная, поэтическая, как мы ее называем, любовь зависит не от нравственных достоинств, а от физической близости и притом прически, цвета, покроя платья. Скажите опытной кокетке, задавшей себе задачу пленить человека, чем она скорее хочет рискнуть: тем, чтобы быть в присутствии того, кого она прельщает, избалованной во лжи, жестокости, даже распутстве, или тем, чтобы показаться при нем в дурно сшитом и некрасивом платье, – всякая всегда предпочтет первое. Она знает, что наш брат всё врет о высоких чувствах – ему нужно только тело, и потому он простит все гадости, а уродливого, безвкусного, дурного тона костюма не простит. Кокетка знает это сознательно, но всякая невинная девушка знает это бессознательно, как знают это животные.

От этого эти джерси мерзкие, эти нашлепки на зады, эти голые плечи, руки, почти груди. Женщины, особенно прошедшие мужскую школу, очень хорошо знают, что разговоры о высоких предметах – разговорами, а что нужно мужчине тело и всё то, что выставляет его в самом заманчивом свете; и это самое и делается. Ведь если откинуть только ту привычку к этому безобразию, которая стала для нас второй природой, а взглянуть на жизнь наших высших классов как она есть, со всем ее бесстыдством, ведь это один сплошной дом терпимости. Вы не согласны? Позвольте, я докажу, – заговорил он, перебивая меня. – Вы говорите, что женщины в нашем обществе живут иными интересами, чем женщины в домах терпимости, а я говорю, что нет, и докажу. Если люди различны по целям жизни, по внутреннему содержанию жизни, то это различие непременно отразится и во внешности, и внешность будет различная. Но посмотрите на тех, на несчастных, презираемых, и на самых высших светских барынь: те же наряды, те же фасоны, те же духи, то же оголение рук, плеч, груди и обтягивание выставленного зада, та же страсть к камушкам, к дорогим, блестящим вещам, те же увеселения, танцы и музыка, пенье. Как те заманивают всеми средствами, так и эти. Никакой разницы. Строго определяя, надо только сказать, что проститутки на короткие сроки – обыкновенно презираемы, проститутки на долгие – уважаемы.

VII

– Да, так вот меня эти джерси и локоны и нашлепки поймали. Поймать же меня легко было, потому что я воспитан был в тех условиях, при которых, как огурцы на парах, выгоняются влюбляющиеся молодые люди. Ведь наша возбуждающая излишняя пища при совершенной физической праздности есть не что иное, как систематическое разжигание похоти. Удивляйтесь, не удивляйтесь, а так. Ведь я сам этого до последнего времени ничего не видал. А теперь увидал. От этого-то меня и мучает то, что никто этого не знает, а говорят такие глупости, как вон та барыня.

Да-с, около меня нынче весной работали мужики на насыпи железной дороги. Обыкновенная пища малого из крестьян – хлеб, квас, лук; он жив, бодр, здоров,

мое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle работает легкую полевую работу. Он поступает на железную дорогу, и харчи у него – каша и 1 фунт мяса. Но зато он и выпускает это мясо на шестнадцатичасовой работе с тачкой в 30 пудов. И ему как раз так. Ну а мы, поедающие по 2 фунта мяса, дичи и всякие горячительные яства и напитки, куда это идет? На чувственные эксессы. И если идет туда, спасительный клапан открыт, всё благополучно; но прикройте клапан, как я прикрывал его временно, и тотчас же получается возбуждение, которое, проходя через призму нашей искусственной жизни, выразится влюбленьем самой чистой воды, иногда даже платоническим. И я влюбился, как все влюбляются. И всё было налицо: и восторги, и умиление, и поэзия. В сущности же эта моя любовь была произведением, с одной стороны, деятельности мамы и портних, с другой – избытка поглощавшейся мной пищи при праздной жизни. Не будь, с одной стороны, катаний на лодках, не будь портних с талиями и т. п., а будь моя жена одета в нескладный капот и сиди она дома, а будь я, с другой стороны, в нормальных условиях человека, поглощающего пищи столько, сколько нужно для работы, и будь у меня спасительный клапан открыт – а то он случайно прикрывался как-то на это время, – я бы не влюбился, и ничего бы этого не было.

VIII

– Ну, а тут так подошло: и мое состояние, и платье хорошо, и катанье на лодках удалось. Двадцать раз не удавалось, а тут удалось. В роде как капкан. Я не смеюсь. Ведь теперь браки так и устраиваются, как капканы. Ведь естественно что? Девка созрела, надо ее выдать. Кажется, как просто, когда девка не урод и есть мужчины, желающие жениться. Так и делалось в старину. Вошла в возраст дева, родители устраивали брак. Так делалось, делается во всем человечестве: у китайцев, индейцев, магометан, у нас в народе; так делается в роде человеческого, по крайней мере в 0,99 его части. Только в 0,01 или меньше нас, распутников, нашли, что это нехорошо, и выдумали новое. Да что женовое-то? А новое то, что девы сидят, а мужчины, как на базар, ходят и выбирают. А девки ждут и думают, но не смеют сказать: «батюшка, меня! нет, меня. Не ее, а меня: у меня, смотри, какие плечи и другое». – А мы, мужчины, похаживаем, поглядываем и очень довольны. «Знаю, мол, я не попадусь». Похаживают, посматривают, очень довольны, что это для них всё устроено. Глядь, не поберегся, – хлоп, тут и есть!

– Так как же быть? – сказал я. – Что же, женщине делать предложение?

– Да уж я не знаю как; только если равенство, так равенство. Если нашли, что сватовство унизительно, то уж это в 1000 раз больше. Там права и шансы равны, а здесь женщина или раба на базаре или привада в капкан. Скажите какой-нибудь матушке или самой девушке правду, что она только тем и занята, чтобы ловить жениха. Боже, какая обида! А ведь они все только это и делают, и больше им делать нечего. И что ведь ужасно – это видеть занятых этим иногда совершенно молоденьких бедных невинных девушек. И опять, если бы это открыто делалось, а то всё обман. – «Ах, происхождение видов, как это интересно! Ах, Лиза очень интересуются живописью! А вы будете на выставке? Как поучительно! А на тройках, а спектакль, а симфония? Ах, как замечательно! Моя Лиза без ума от музыки. А вы почему не разделяете эти убеждения? А на лодках!..» А мысль одна: «возьми, возьми меня, мою Лизу! Нет, меня! Ну, хоть попробуй!..» – О, мерзость! ложь! – заключил он и, допив последний чай, принялся убирать чашки и посуду.

IX

– Да вы знаете, – начал он, укладывая в мешок чай и сахар, – то властвование женщин, от которого страдает мир, всё это происходит от этого.

– Как властвование женщин? – сказал я. – Права, преимущества прав на стороне мужчин.

– Да, да, это, это самое, – перебил он меня. – Это самое, то, что я хочу сказать вам, это-то и объясняет то необыкновенное явление, что, с одной стороны, совершенно справедливо то, что женщина доведена до самой низкой степени унижения, с другой стороны, – что она властвует. Точно так же как евреи, как они своей денежной властью отплачивают за свое угнетение, так и женщины. «А, вы хотите, чтобы мы были только торговцы. Хорошо, мы, торговцы, завладеем вами», говорят евреи. – «А, вы хотите, чтобы мы были только предмет чувственности, хорошо, мы, как предмет чувственности, и поработим вас», говорят женщины. Не в том отсутствие прав женщины, что она не может вотировать или быть судьей – заниматься этими делами не составляет никаких прав, – а в том, чтобы в половом общении быть равной мужчине, иметь право пользоваться мужчиной и воздерживаться от него по своему желанию, по своему желанию избирать мужчину, а не быть

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
избираемой. Вы говорите, что это безобразно. Хорошо. Тогда чтоб и мужчина не
имел этих прав. Теперь же женщина лишена того права, которое имеет мужчина.

И вот, чтоб возместить это право, она действует на чувственность мужчины, через чувственность покоряет его так, что он только формально выбирает, а в действительности выбирает она. А раз овладев этим средством, она уже злоупотребляет им и приобретает страшную власть над людьми.

– Да где же эта особенная власть? – спросил я.

– Где власть? Да везде, во всем. Пройдите в каждом большом городе по магазинам. Миллионы тут, не оценишь положенных туда трудов людей, а посмотрите, в 0,9 этих магазинов есть ли хоть что-нибудь для мужского употребления? Вся роскошь жизни требуется и поддерживается женщинами. Считите все фабрики. Огромная доля их работают бесполезные украшения, экипажи, мебели, игрушки на женщин. Миллионы людей, поколения рабов гибнут в этом каторжном труде на фабриках только для прихоти женщин. Женщины, как царицы, в плену рабства и тяжелого труда держат 0,9 рода человеческого. А всё оттого, что их унизили, лишили их равных прав с мужчинами. И вот они мстят действием на нашу чувственность, уловлением нас в свои сети. Да, всё от этого. Женщины устроили из себя такое орудие воздействия на чувственность, что мужчина не может спокойно обращаться с женщиной. Как только мужчина подошел к женщине, так и подпал под ее дурман и ошалел. И прежде мне всегда бывало неловко, жутко, когда я видал разряженную даму в бальном платье, но теперь мне прямо страшно, я прямо вижу нечто опасное для людей и противозаконное, и хочется крикнуть полицейского, звать защиту против опасности, потребовать того, чтобы убрали, устранили опасный предмет.

Да, вы смеетесь! – закричал он на меня, – а это вовсе не шутка. Я уверен, что придет время, и, может быть, очень скоро, что люди поймут это и будут удивляться, как могло существовать общество, в котором допускались такие нарушающие общественное спокойствие поступки, как те прямо вызывающие чувственность украшения своего тела, которые допускаются для женщин в нашем обществе. Ведь это всё равно, что расставить по гуляньям, по дорожкам всякие канканы, – хуже! Отчего азартная игра запрещена, а женщины в проституточных, вызывающих чувственность нарядах не запрещены? Они опаснее в тысячу раз!

Х

– Ну вот, так-то и меня поймали. Я был то, что называется влюблен. Я не только представлял ее себе верхом совершенства, я и себя за это время моего жениховства представлял тоже верхом совершенства. Ведь нет того негодяя, который, поискав, не нашел бы негодяев в каком-нибудь отношении хуже себя и который поэтому не мог бы найти повода гордиться и быть довольным собой. Так и я: я женился не на деньгах – корысть была не при чем, не так, как большинство моих знакомых женились из-за денег или связей, – я был богат, она бедна. Это одно. Другое, чем я гордился, было то, что другие женились с намерением вперед продолжать жить в таком же многоженстве, в каком они жили до брака; я же имел твердое намерение держаться после свадьбы единобрачия, и не было пределов моей гордости перед собой за это. Да, свинья я был ужасная и воображал себе, что я ангел.

Время, пока я был женихом, продолжалось недолго. Без стыда теперь не могу вспомнить это время жениховства! Какая гадость! Ведь подразумевается любовь духовная, а не чувственная. Ну, если любовь духовная, духовное общение, то словами, разговорами, беседами должно бы выразиться это духовное общение. Ничего же этого не было. Говорить бывало, когда мы останемся одни, ужасно трудно. Какая-то это была Сизифова работа. Только выдумаешь, что сказать, скажешь, опять надо молчать, придумывать. Говорить не о чем было. Всё, что можно было сказать о жизни, ожидавшей нас, устройстве, планах, было сказано, а дальше что? Ведь если бы мы были животные, то так бы и знали, что говорить нам не полагается; а тут, напротив, говорить надо и нечего, потому что занимает не то, что разрешается разговорами. А при этом еще этот безобразный обычай конфет, грубого обжорства сладким и все эти мерзкие приготовления к свадьбе: толки о квартире, спальне, постелях, капотах, халатах, белье, туалетах. Ведь вы поймите, что если женятся по Домострою, как говорил этот старик, то пуховики, приданое, постель – всё это только подробности, сопутствующие таинству. Но у нас, когда из десяти брачующихся едва ли есть один, которой не только не верит в таинство, но не верит даже в то, что то, что он делает, есть некоторое обязательство, когда из ста мужчин едва ли один есть уже неженатый прежде и из пятидесяти один, который вперед не готовился бы изменять своей жене при всяком удобном случае, когда большинство смотрит на

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
поездку в церковь только как на особенное условие обладания известной женщиной,
– подумайте, какое ужасное значение получают при этом все эти подробности.
Выходит, что дело то всё только в этом. Выходит что-то в роде продажи.
Развратнику продают невинную девушку и обставляют эту продажу известными
формальностями.

XI

– Так все женятся, так и я женился, и начался хваленый медовый месяц. Ведь название-то одно какое подлое! – с злобой прошипел он. – Я ходил раз в Париже по всем зрелищам и зашел смотреть по вывеске женщину с бородой и водяную собаку. Оказалось, что это было больше ничего, как мужчина декольте в женском платье, и собака, засунутая в моржовую кожу и плавающая в ванне с водой. Всё было очень мало интересно; но когда я выходил, то меня учтиво провожал показыватель и, обращаясь к публике у входа, указывая на меня, говорил: «вот спросите господина, стоит ли смотреть? Заходите, заходите, по франку с человека!» Мне совестно было сказать, что смотреть не стоит, и показывающий, вероятно, рассчитывал на это. Так, вероятно, бывает и с теми, которые испытали всю мерзость медового месяца и не разочаровывают других. Я тоже не разочаровывал никого, но теперь не вижу, почему не говорить правду. Даже считаю, что необходимо говорить об этом правду. Неловко, стыдно, гадко, жалко и, главное, скучно, до невозможности скучно! Это нечто в роде того, что я испытывал, когда приучался курить, когда меня тянуло рвать и текли слюни, а я глотал их и делал вид, что мне очень приятно. Наслажденье от куренья, так же как и от этого, если будет, то будет потом: надо, чтоб супруги воспитали в себе этот порок, для того чтоб получить от него наслажденье.

– Как порок? – сказал я. – Ведь вы говорите о самом естественном человеческом свойстве.

– Естественном? – сказал он. – Естественном? Нет, я скажу вам напротив, что я пришел к убеждению, что это не... естественно. Да, совершенно не... естественно. Спросите у детей, спросите у неразвращенной девушки. Моя сестра очень молодая вышла замуж за человека вдвое старше ее и развратника. Я помню, как мы были удивлены в ночь свадьбы, когда она, бледная и в слезах, убежала от него и, трясясь всем телом, говорила, что она ни за что, ни за что, что она не может даже сказать того, чего он хотел от нее.

Вы говорите: естественно! Естественно есть. И есть радостно, легко, приятно и не стыдно с самого начала; здесь же и мерзко, и стыдно, и больно. Нет, это неестественно! И девушка неиспорченная, я убедился, всегда ненавидит это.

– Как же, – сказал я, – как же бы продолжался род человеческий?

– Да вот как бы не погиб род человеческий! – сказал он злобно иронически, как бы ожидая этого знакомого ему и недобросовестного возражения. – Проповедуй воздержание от деторождения во имя того, чтобы английским лордам всегда можно было обжираться, – это можно. Проповедуй воздержание от деторождения во имя того, чтобы больше было приятности, – это можно; а заикнись только о том, чтобы воздерживаться от деторождения во имя нравственности, – батюшки, какой крик: род человеческий как бы не прекратился оттого, что десяток, другой хочет перестать быть свиньями. Впрочем, извините. Мне неприятен этот свет, можно закрыть? – сказал он, указывая на фонарь.

Я сказал, что мне всё равно, и тогда он поспешно, как всё, что он делал, встал на сиденье и задернул шерстяной занавеской фонарь.

– Всё-таки, – сказал я, – если бы все признали это для себя законом, род человеческий прекратился бы.

Он не сейчас ответил.

– Вы говорите, род человеческий как будет продолжаться? – сказал он, усевшись опять против меня и широко раскрыв ноги и низко опершись на них локтями. – Зачем ему продолжаться, роду-то человеческому? – сказал он.

– Как зачем? иначе бы нас не было.

– Да зачем нам быть?

– Как зачем? Да чтобы жить.

– А жить зачем? Если нет цели никакой, если жизнь для жизни нам дана, незачем жить. И если так, то Шопенгауэры и Гартманы, да и все буддисты совершенно правы. Ну, а если есть цель жизни, то ясно, что жизнь должна прекратиться, когда достигнется цель. Так оно и выходит, – говорил он с видимым волнением, очевидно очень дорожа своей мыслью. – Так оно и выходит. Вы заметьте: если цель человечества – благо, добро, любовь, как хотите; если цель человечества есть то, что сказано в пророчествах, что все люди соединятся воедино любовью, что раскуют копья на серпы и т. д., то ведь достижению этой цели мешает что? Мешают страсти. Из страстей самая сильная и злая и упорная – половая, плотская любовь, и потому если уничтожатся страсти и последняя, самая сильная из них, плотская любовь, то пророчество исполнится, люди соединятся воедино, цель человечества будет достигнута, и ему незачем будет жить. Пока же человечество живет, перед ним стоит идеал и, разумеется, идеал не кроликов или свиней, чтобы расплодиться как можно больше, и не обезьян или парижан, чтобы как можно утонченнее пользоваться удовольствиями половой страсти, а идеал добра, достигаемый воздержанием и чистотой. К нему всегда стремились и стремятся люди. И посмотрите, что выходит.

Выходит, что плотская любовь – это спасительный клапан. Не достигло теперь живущее поколение человечества цели, то не достигло оно только потому, что в нем есть страсти, и сильнейшая из них – половая. А есть половая страсть, есть новое поколение, стало быть, и есть возможность достижения цели в следующем поколении. Не достигло и то, опять следующее, и так до тех пор, пока не достигается цель, не исполнится пророчество, не соединятся люди воедино. А то ведь что бы вышло? Если допустить, что Бог сотворил людей для достижения известной цели, и сотворил бы их или смертными, без половой страсти, или вечными. Если бы они были смертны, но без половой страсти, то вышло бы что? То, что они пожилы бы и, не достигнув цели, умерли бы; а чтобы достигнуть цели, Богу надо бы сотворять новых людей. Если же бы они были вечны, то положим (хотя это и труднее тем же людям, а не новым поколениям исправлять ошибки и приближаться к совершенству), положим, они бы достигли после многих тысяч лет цели, но тогда зачем же они? Куда ж их деть? Именно так, как есть, лучше всего... Но, может быть, вам не нравится эта форма выражения, и вы эволюционист? То и тогда выходит то же самое. Высшая порода животных – людская, для того чтобы удержаться в борьбе с другими животными, должна сомкнуться воедино, как рой пчел, а не бесконечно плодиться; должна так же, как пчелы, воспитывать бесполок, т. е. опять должна стремиться к воздержанию, а никак не к разжиганию похоти, к чему направлен весь строй нашей жизни. – Он помолчал. – Род человеческий прекратится? Да неужели кто-нибудь, как бы он ни смотрел на мир, может сомневаться в этом? Ведь это так же несомненно, как смерть. Ведь по всем учениям церковным придет конец мира и по всем учениям научным неизбежно то же самое. Так что же странного, что по учению нравственному выходит то же самое?

Он долго молчал после этого, выпил еще чаю, докурив папироску и, достав из мешка новые, положил их в свою старую запачканную папиросочницу.

– Я понимаю вашу мысль, – сказал я, – нечто подобное утверждают шекеры.

– Да, да, и они правы, – сказал он. – Половая страсть, как бы она ни была обставлена, есть зло, страшное зло, с которым надо бороться, а не поощрять, как у нас. Слова Евангелия о том, что смотрящий на женщину с вожделением уже прелюбодействовал с нею, относятся не к одним чужим женам, а именно – и главное – к своей жене.

XII

– В нашем же мире как раз обратное: если человек еще думал о воздержании, будучи холостым, то, женившись, всякий считает, что теперь воздержание уже не нужно. Ведь эти отъезды после свадьбы, уединения, в которые с разрешения родителей отправляются молодые, ведь это не что иное, как разрешение на разврат. Но нравственный закон сам за себя отплачивает, когда нарушаешь его. Сколько я ни старался устроить себе медовый месяц, ничего не выходило. Всё время было гадко, стыдно и скучно. Но очень скоро стало еще мучительно тяжело. Началось это очень скоро. Кажется, на третий или на четвертый день я застал жену скучною, стал спрашивать, о чем, стал обнимать ее, что, по-моему, было всё, чего она могла желать, а она отвела мою руку и заплакала. О чем? Она не умела сказать. Но ей было грустно, тяжело. Вероятно, ее измученные нервы подсказали ей истину о

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
гадости наших сношений; но она не умела сказать. Я стал допрашивать, она что-то сказала, что ей грустно без матери. Мне показалось, что это неправда. Я стал уговаривать ее, промолчав о матери. Я не понял, что ей просто было тяжело, а мать была только отговорка. Но она тотчас же обиделась за то, что я умолчал о матери, как будто не поверив ей. Она сказала мне, что видит, что я не люблю ее. Я упрекнул ее в капризе, и вдруг лицо ее совсем изменилось, вместо грусти выразилось раздражение, и она самыми ядовитыми словами начала упрекать меня в эгоизме и жестокости. Я взглянул на нее. Всё лицо ее выражало полнейшую холодность и враждебность, ненависть почти ко мне. Помню, как я ужаснулся, увидав это. Как? что? думал я. Любовь – союз душ, и вместо этого вот что! Да не может быть, да это не она! Я попробовал было смягчить ее, но наткнулся на такую непреодолимую стену холодной, ядовитой враждебности, что не успел я оглянуться, как раздражение захватило и меня, и мы наговорили друг другу кучу неприятностей. Впечатление этой первой ссоры было ужасно. Я называл это ссорой, но это была не ссора, а это было только обнаружение той пропасти, которая в действительности была между нами. Влюбленность истощилась удовлетворением чувственности, и остались мы друг против друга в нашем действительном отношении друг к другу, т. е. два совершенно чуждые друг другу эгоиста, желающие получить себе как можно больше удовольствия один через другого. Я называл ссорой то, что произошло между нами; но это была не ссора, а это было только вследствие прекращения чувственности обнаружившееся наше действительное отношение друг к другу. Я не понимал, что это холодное и враждебное отношение было нашим нормальным отношением, не понимал этого потому, что это враждебное отношение в первое время очень скоро опять закрылось от нас вновь поднявшеюся перегонной чувственностью, т. е. влюблением.

И я подумал, что мы поссорились и помирились, и что больше этого уже не будет. Но в этот же первый медовый месяц очень скоро наступил опять период пресыщения, опять мы перестали быть нужными друг другу, и произошла опять ссора. Вторая ссора эта поразила меня еще сильнее, чем первая. Стало быть, первая не была случайностью, а это так и должно быть и так и будет, думал я. Вторая ссора тем более поразила меня, что она возникла по самому невозможному поводу. Что-то такое из-за денег, которых я никогда не жалел и уж никак не мог жалеть для жены. Помню только, что она так как-то повернула дело, что какое-то мое замечание оказалось выражением моего желания властвовать над ней через деньги, на которых я утверждал будто бы свое исключительное право, что-то невозможное, глупое, подлое, несвойственное ни мне ни ей. Я раздражился, стал упрекать ее в неделикатности, она меня, – и пошло опять. И в словах и в выражении ее лица и глаз я увидел опять ту же, прежде так поразившую меня, жестокую, холодную враждебность. С братом, с приятелями, с отцом, я помню, я ссорился, но никогда между нами не было той особенной, ядовитой злобы, которая была тут. Но прошло несколько времени, и опять эта взаимная ненависть скрылась под влюбленностью, т. е. чувственностью, и я еще утешался мыслью, что эти две ссоры были ошибки, которые можно исправить. Но вот наступила третья, четвертая ссора, и я понял, что это не случайность, а что это так должно быть, так и будет, и я ужаснулся тому, что предстоит мне. При этом мучала меня еще та ужасная мысль, что это один я только так дурно, непохоже на то, что я ожидал, живу с женой, тогда как в других супружествах этого не бывает. Я не знал еще тогда, что это общая участь, но что все так же, как я, думают, что это их исключительное несчастье, скрывают это исключительное, постыдное свое несчастье не только от других, но и от самих себя, сами себе не признаются в этом.

Началось с первых дней и продолжалось всё время и всё усиливаясь и ожесточаясь. В глубине души я с первых же недель почувствовал, что я попался, что вышло не то, чего я ожидал, что женитьба не только не счастье, но нечто очень тяжелое, но я, как и все, не хотел признаться себе (я бы не признался себе и теперь, если бы не конец) и скрывал не только от других, но от себя. Теперь я удивляюсь, как я не видал своего настоящего положения. Его можно бы уже видеть потому, что ссоры начинались из таких поводов, что невозможно бывало после, когда они кончались, вспомнить из-за чего. Рассудок не поспевал подделывать под постоянно существующую враждебность друг к другу достаточных поводов. Но еще поразительнее была недостаточность предлогов примиренья. Иногда бывали слова, объяснения, даже слезы, но иногда... ох! гадко и теперь вспомнить – после самых жестоких слов друг другу вдруг молча взгляды, улыбки, поцелуи, объятия... фу, мерзость! Как я мог не видеть всей гадости этого тогда...

XIII

Взошли два пассажира и стали усаживаться на дальней лавочке. Он молчал, пока они

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
усаживались, но как только они затихли, он продолжал, очевидно ни на минуту не
теряя нити своей мысли.

– Ведь что, главное, погано, – начал он, – предполагается в теории, что любовь есть нечто идеальное, возвышенное, а на практике любовь ведь есть нечто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно. Ведь не даром же природа сделала то, что это мерзко и стыдно. А если мерзко и стыдно, то так и надо понимать. А тут, напротив, люди делают вид, что мерзкое и стыдное прекрасно и возвышенно. Какие были первые признаки моей любви? А те, что я предавался животным излишествам, не только не стыдясь их, но почему-то гордясь возможности этих физических излишеств, не думая при том нисколько не только о ее духовной жизни, но даже и об ее физической жизни. Я удивлялся, откуда бралось наше озлобление друг к другу, а дело было совершенно ясно: озлобление это было не что иное, как протест человеческой природы против животного, которое подавляло ее.

Я удивлялся нашей ненависти друг к другу. А ведь это и не могло быть иначе. Эта ненависть была не что иное, как ненависть взаимная сообщников преступления – и за подстрекательство и за участие в преступлении. Как же не преступление, когда она, бедная, забеременела в первый же месяц, а наша свиная связь продолжалась? – Вы думаете, что я отступаю от рассказа? Нисколько! Это я всё рассказываю вам, как я убил жену. На суде у меня спрашивают, чем, как я убил жену. Дурачье! думают, что я убил её тогда, ножом, 5 октября. Я не тогда убил её, а гораздо раньше. Так точно, как они теперь убивают, все, все...

– Да чем же? – спросил я.

– Вот это-то и удивительно, что никто не хочет знать того, что так ясно и очевидно, того, что должны знать и проповедывать доктора, но про что они молчат. Ведь дело ужасно просто. Мужчина и женщина сотворены так, как животное, так, что после плотской любви начинается беременность, потом кормление, такие состояния, при которых для женщины, так же как и для ее ребенка, плотская любовь вредна. Женщин и мужчин равное число. Что же из этого следует? Кажется, ясно. И не нужно большой мудрости, чтобы сделать из этого тот вывод, который делают животные, т. е. воздержание. Но нет. Наука дошла до того, что нашла каких-то лейкоцитов, которые бегают в крови, и всякие ненужные глупости, а этого не могла понять. По крайней мере не слышать, чтобы она говорила это.

И вот для женщины только два выхода: один – сделать из себя урод, уничтожить или уничтожать в себе по мере надобности способность быть женщиной, т. е. матерью, для того чтобы мужчина мог спокойно и постоянно наслаждаться; или другой выход, даже не выход, а простое, грубое, прямое нарушение законов природы, который совершается во всех так называемых честных семьях. А именно тот, что женщина, наперекор своей природе, должна быть одновременно и беременной, и кормилицей, и любовницей, должна быть тем, до чего не спускается ни одно животное. И сил не может хватить. И оттого в нашем быту истерики, нервы, а в народе – кликуши. Вы заметьте, у девушек, у чистых, нет кликушества, только у баб, и у баб, живущих с мужьями. Так у нас. Точно так же и в Европе. Все больницы истеричных полны женщин, нарушающих закон природы. Но ведь кликуши и пациентки Шарко – это совсем увечные, а полукалеки женщин полон мир. Ведь только подумать, какое великое дело совершается в женщине, когда она понесла плод или когда кормит родившегося ребенка. Растет то, что продолжает, заменяет нас. И это-то святое дело нарушается – чем же? – страшно подумать! И толкуют о свободе, о правах женщин. Это всё равно, что людоеды откармливали бы людей пленных на еду и вместе с тем уверяли бы, что они заботятся о их правах и свободе.

Всё это было ново и поразило меня.

– Так как же? Если так, то, – сказал я, – выходит, что любить жену можно раз в два года, а мужчина...

– Мужчине необходимо, – подхватил он. – Опять милые жрецы науки уверили всех. Я бы им, этим волхвам, велел исполнять должность тех женщин, которые, по их мнению, необходимы мужчинам, что бы они тогда заговорили? Внушите человеку, что ему необходима водка, табак, опиум, и всё это будет необходимо. Выходит, что БОГ не понимал того, что нужно, и потому, не спросившись у волхвов, дурно устроил. Извольте видеть, дело не сходится. Мужчине нужно и необходимо, так решили они, удовлетворять свою похоть, а тут замешалось деторождение и кормление детей, мешающие удовлетворению этой потребности. Как же быть-то? Обратиться к волхвам,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
они устроят. Они и придумали. Ох, когда это развенчаются эти волхвы с своими обманами? Пора! Дошло уже вот докуда, с ума сходят и стреляются, и всё от этого. Да как же иначе? Животные как будто знают, что потомство продолжает их род, и держатся известного закона в этом отношении. Только человек этого знать не знает и не хочет. И озабочен только тем, чтобы иметь как можно больше удовольствия. И это кто же? Царь природы, человек. Ведь вы заметьте, животные сходятся только тогда, когда могут производить потомство, а поганый царь природы – всегда, только бы приятно. И мало того, возводит это обезьянье занятие в перл создания, в любовь. И во имя этой любви, т. е. пакости, губит, – что же? – половину рода человеческого. Из всех женщин, которые должны бы быть помощницами в движении человечества к истине и благу, он во имя своего удовольствия делает не помощниц, но врагов. Посмотрите, что тормозит повсюду движение человечества вперед? Женщины. А отчего они такие? А только от этого. Да-с, да-с, – повторил он несколько раз и стал шевелиться, доставать папиросы и курить, очевидно желая несколько успокоиться.

XIV

– Вот такой-то свиньей я и жил, – продолжал он опять прежним тоном. – Хуже же всего было то, что, живя этой скверной жизнью, я воображал, что потому, что я не соблазняюсь другими женщинами, что поэтому я живу честной семейной жизнью, что я нравственный человек, и что я ни в чем не виноват, а что если у нас происходят ссоры, то виновата она, ее характер.

Виновата же была, разумеется, не она. Она была такая же, как и все, как большинство. Воспитана она была, как того требует положение женщины в нашем обществе, и поэтому как и воспитываются все без исключения женщины обеспеченных классов, и как они не могут не воспитываться. Толкуют о каком-то новом женском образовании. Всё пустые слова: образование женщины точно такое, какое должно быть при существующем не притворном, а истинном, всеобщем взгляде на женщину.

И образование женщины будет всегда соответствовать взгляду на нее мужчины. Ведь все мы знаем, как мужчина смотрит на женщину: «Wein, Weiber und Gesang», [1] и так в стихах поэты говорят. Возьмите всю поэзию, всю живопись, скульптуру, начиная с любовных стихов и голых Венер и Фрин, вы видите, что женщина есть орудие наслаждения; она такова на Трубе и на Грачевке и на придворном бале. И заметьте хитрость дьявола: ну, наслаждение, удовольствие, так так бы и знать, что удовольствие, что женщина сладкий кусок. Нет, сначала рыцари уверяли, что они боготворят женщину (боготворят, а всё-таки смотрят на нее как на орудие наслаждения). Теперь уже уверяют, что уважают женщину. Одни уступают ей место, поднимают ей платки; другие признают ее права на занятие всех должностей, на участие в правлении и т. д. Это всё делают, а взгляд на нее всё тот же. Она орудие наслаждения. Тело ее есть средство наслаждения. И она знает это. Всё равно как рабство. Рабство ведь есть не что иное, как пользование одних подневольным трудом многих. И потому, чтобы рабства не было, надо, чтобы люди не желали пользоваться подневольным трудом других, считали бы это грехом или стыдом. А между тем возьмут, отменят внешнюю форму рабства, устроят так, что нельзя больше совершать купчих на рабов, и воображают и себя уверяют, что рабства уже нет, и не видят и не хотят видеть того, что рабство продолжает быть, потому что люди точно так же любят и считают хорошим и справедливым пользоваться трудами других. А как скоро они считают это хорошим, то всегда найдутся люди, которые сильнее или хитрее других и сумеют это сделать. То же и с эмансипацией женщины. Рабство женщины ведь только в том, что люди желают и считают очень хорошим пользоваться ею как орудием наслаждения. Ну, и вот освобождают женщину, дают ей всякие права, равные мужчине, но продолжают смотреть на нее как на орудие наслаждения, так воспитывают ее и в детстве и общественным мнением. И вот она всё такая же приниженная, развращенная раба, и мужчина всё такой же развращенный рабовладелец.

Освобождают женщину на курсах и в палатах, а смотрят на нее как на предмет наслаждения. Научите ее, как она научена у нас, смотреть так на самую себя, и она всегда останется низшим существом. Или она будет с помощью мерзавцев-докторов предупреждать зарождение плода, т. е. будет вполне проститутка, спустившаяся не на ступень животного, но на ступень вещи, или она будет то, что она есть в большей части случаев, – больной душевно, истеричной, несчастной, какие они и есть, без возможности духовного развития.

Гимназии и курсы не могут изменить этого. Изменить это может только перемена взгляда мужчин на женщин и женщин самих на себя. Переменится это только тогда,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
когда женщина будет считать высшим положением положение девственности, а не так, как теперь, высшее состояние человека – стыдом, позором. Пока же этого нет, идеал всякой девушки, какое бы ни было ее образование, будет всё-таки тот, чтобы привлечь к себе как можно больше мужчин, как можно больше самцов, с тем чтобы иметь возможность выбора.

А то, что одна побольше знает математики, а другая умеет играть на арфе, это ничего не изменит. Женщина счастлива и достигает всего, чего она может желать, когда она обворожит мужчину. И потому главная задача женщины – уметь обвораживать его. Так это было и будет. Так это в девичьей жизни в нашем мире, так продолжается и в замужней. В девичьей жизни это нужно для выбора, в замужней – для властвования над мужем.

Одно, что прекращает или хоть подавляет на время это, это – дети, и то тогда, когда женщина не урод, т. е. сама кормит. Но тут опять доктора.

С моей женой, которая сама хотела кормить и кормила следующих пятерых детей, случилось с первым же ребенком нездоровье. Доктора эти, которые цинически раздевали и ощупывали ее везде, за что я должен был их благодарить и платить им деньги, – доктора эти милые наши, что она не должна кормить, и она на первое время лишена была того единственного средства, которое могло избавить ее от кокетства. Кормила кормилица, т. е. мы воспользовались бедностью, нуждой и невежеством женщины, сманили ее от ее ребенка к своему и за это одели ее в кокошник с галунами. Но не в этом дело. Дело в том, что в это самое время ее свободы от беременности и кормления в ней с особенной силой проявилось прежде заснувшее это женское кокетство. И во мне, соответственно этому, с особенной же силой проявились мучения ревности, которые не переставая терзали меня во всё время моей женатой жизни, как они и не могут не терзать всех тех супругов, которые живут с женами, как я жил, т. е. безнравственно.

XV

– Я во всё время моей женатой жизни никогда не переставал испытывать терзания ревности. Но были периоды, когда я особенно резко страдал этим. И один из таких периодов был тот, когда после первого ребенка доктора запретили ей кормить. Я особенно ревновал в это время, во-первых, потому, что жена испытывала то свойственное матери беспокойство, которое должно вызывать беспричинное нарушение правильного хода жизни; во-вторых, потому, что, увидав, как она легко отбросила нравственную обязанность матери, я справедливо, хотя и бессознательно, заключил, что ей так же легко будет отбросить и супружескую, тем более, что она была совершенно здорова и, несмотря на запрещение милых докторов, кормила следующих детей сама и выкормила прекрасно.

– Однако вы не любите докторов, – сказал я, – заметив особенно злое выражение голоса всякий раз, как он упоминал только о них.

– Тут не дело любви и не любви. Они погубили мою жизнь, как они губили и губят жизнь тысяч, сотен тысяч людей, а я не могу не связывать следствия с причиной. Я понимаю, что им хочется, так же как и адвокатам и другим, наживать деньги, и я бы охотно отдал им половину своего дохода, и каждый, если бы понимал то, что они делают, охотно бы отдал им половину своего достатка, только чтобы они не вмешивались в вашу семейную жизнь, никогда бы близко не подходили к вам. Я ведь не собирал сведений, но я знаю десятки случаев – их пропасть, – в которых они убили то ребенка в утробе матери, уверяя, что мать не может разродиться, а мать потом рождает прекрасно, то матерей под видом каких-то операций. Ведь никто не считает этих убийств, как не считали убийств инквизиции, потому что предполагалось, что это на благо человечества. Перечесть нельзя преступлений, совершаемых ими. Но все эти преступления ничто в сравнении с тем нравственным растлением материализма, которое они вносят в мир, особенно через женщин. Уж не говорю про то, что если только следовать их указаниям, то, благодаря заразам везде, во всём, людям надо не итти к единению, а к разъединению: всем надо, по их учению, сидеть врозь и не выпускать изо рта спринцовки с карболовой кислотой (впрочем, открыли, что и она не годится). Но и это ничего. Яд главный в развращении людей, женщин в особенности.

Нынче уж нельзя сказать: «ты живешь дурно, живи лучше», нельзя этого сказать ни себе ни другому. А если дурно живешь, то причина в ненормальности нервных отправлениях или т. п. И надо пойти к ним, а они пропишут на 35 копеек в аптеке лекарства, и вы принимайте. Вы сделаетесь еще хуже, тогда еще лекарства и еще

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
доктора. Отличная штука!

Но не в этом дело. Я только говорил про то, что она прекрасно сама кормила детей, и что это ношение и кормление детей одно спасало меня от мук ревности. Если бы не это, всё случилось бы раньше. Дети спасали меня и ее. В восемь лет у ней родилось пять человек детей. И всех она кормила сама.

– Где же они теперь, ваши дети? – спросил я.

– Дети? – испуганно переспросил он.

– Извините меня, может быть, вам тяжело вспоминать?

– Нет, ничего. Детей моих взяла моя свояченица и ее брат. Они не дали их мне. Я им отдал состояние, а их они мне не дали. Ведь я в роде сумасшедшего. Я теперь еду от них. Я видел их, но мне их не дадут. А то я воспитаю их так, что они не будут такими, как их родители. А надо, чтоб были такие же. Ну, да что делать! Понятно, что мне их не дадут и не поверят. Да я и не знаю, был ли бы я в силах воспитать их. Я думаю, нет. Я – развалина, калека. Одно во мне есть. Я знаю. Да, это верно, что я знаю то, что все не скоро еще узнают.

Да, дети живы и растут такими же дикарями, как и все вокруг них. Я видел их, три раза видел. Ничего я не могу для них сделать. Ничего. Еду к себе теперь на юг. У меня там домик и садик.

Да, не скоро еще люди узнают то, что я знаю. Много ли железа и какие металлы в солнце и звездах – это скоро узнать можно; а вот то, что обличает наше свинство, – это трудно, ужасно трудно...

Вы хоть слушаете, я и то благодарен.

XVI

– Вот вы напомнили про детей. Опять какое страшное лганье идет про детей. Дети – благословенье Божие, дети – радость.

Ведь это всё ложь. Всё это было когда-то, но теперь ничего подобного нет. Дети – мученье и больше ничего. Большинство матерей так прямо и чувствуют и иногда нечаянно прямо так и говорят это. Спросите у большинства матерей нашего круга достаточных людей, они вам скажут, что от страха того, что дети их могут болеть и умирать, они не хотят иметь детей, не хотят кормить, если уж родили, для того чтобы не привязаться и не страдать. Наслаждение, которое доставляет им ребенок прелестью его, этих ручек, ножек, тельца всего, удовольствие, доставляемое ребенком, – меньше страданья, которое они испытывают – не говоря уже от болезни или потери ребенка, но от одного страха за возможность болезней и смерти. Взвесив выгоды и невыгоды, оказывается, что невыгодно и потому нежелательно иметь детей. Они это прямо, смело говорят, воображая, что эти чувства происходят в них от любви к детям, чувства хорошего и похвального, которым они гордятся. Они не замечают того, что этим рассуждением они прямо отрицают любовь, а утверждают только свой эгоизм. Для них меньше удовольствия от прелести ребенка, чем страданий от страха за него, и потому не надо того ребенка, которого они будут любить. Они жертвуют не собою для любимого существа, а имеющим быть любимым существом для себя.

Ясно, что это не любовь, а эгоизм. Но и осудить их, матерей достаточных семей за этот эгоизм – не поднимается рука, когда вспомнишь всё то, что они перемучаются от здоровья детей благодаря опять тем же докторам в нашей господской жизни. Как вспомню только, даже теперь, жизнь и состояние жены в первое время, когда было трое, четверо детей, и она вся была поглощена ими, – ужас берет. Жизни нашей не было совсем. Это была какая-то вечная опасность, спасенье от нее, вновь наступившая опасность, вновь отчаянные усилия и вновь спасенье – постоянно такое положение, как на гибнущем корабле. Иногда мне казалось, что это нарочно делалось, что она прикидывалась беспокоящейся о детях, для того чтобы победить меня. Так это заманчиво, просто разрешало в ее пользу все вопросы. Мне казалось иногда, что всё, что она в этих случаях делала и говорила, – она делала и говорила нарочно. Но нет, она сама страшно мучалась и казнилась постоянно с детьми, с их здоровьем и болезнями. Это была попытка для нее и для меня тоже. И нельзя ей было не мучаться. Ведь влечение к детям, животная потребность кормить, лелеять, защищать их – была, как она и есть у большинства женщин, но не было

того, что есть у животных, – отсутствия воображения и рассудка. Курица не боится того, что может случиться с ее цыпленком, не знает всех тех болезней, которые могут постигнуть его, не знает всех тех средств, которыми люди воображают, что они могут спасти от болезней и смерти. И дети для нее, для курицы, не мученье. Она делает для своих цыплят то, что ей свойственно и радостно делать; дети для нее радость. И когда цыпленок начинает болеть, ее заботы очень определенные: она греет, кормит его. И делая это, знает, что она делает всё, что нужно. Издохнет цыпленок, она не спрашивает себя, зачем он умер, куда он ушел, поквохчет, потом перестанет и продолжает жить попрежнему. Но для наших несчастных женщин и для моей жены было не то. Уж не говоря о болезнях – как лечить, о том, как воспитывать, растить, она со всех сторон слышала и читала бесконечно разнообразные и постоянно изменяющиеся правила. Кормить так, тем; нет, не так, не тем, а вот этак; одевать, поить, купать, класть спать, гулять, воздух, – на всё это мы, она преимущественно, узнавала всякую неделю новые правила. Точно со вчерашнего дня начали рожаться дети. А не так накормили, не так искупали, не во-время, и заболел ребенок, и оказывается, что виновата она, сделала не то, что надо делать.

Это пока здоровье. И то мученье. Но уж если заболел, тогда кончено. Совершенный ад. Предполагается, что болезнь можно лечить, и что есть такая наука и такие люди – доктора, и они знают. Не все, но самые лучшие знают. И вот ребенок болен, и надо попасть на этого самого лучшего, того, который спасает, и тогда ребенок спасен; а не захватил этого доктора или живешь не в том месте, где живет этот доктор, – и ребенок погиб. И это не ее исключительная вера, а это вера всех женщин ее круга, и со всех сторон она слышит только это: у Екатерины Семеновны умерло двое, потому что не позвали во-время Ивана Захарыча, а у Марьи Ивановны Иван Захарыч спас старшую девочку; а вот у Петровых во-время, по совету доктора, разъехались по гостиницам и остались живы, а не разъехались – и померли дети. А у той был слабый ребенок, переехали, по совету доктора, на юг – и спасли ребенка. Как же тут не мучаться и не волноваться всю жизнь, когда жизнь детей, к которым она животной привязана, зависит от того, что она во-время узнает то, что скажет об этом Иван Захарыч. А что скажет Иван Захарыч, никто не знает, менее всего он сам, потому что он очень хорошо знает, что он ничего не знает и ничему помочь не может, а сам только виляет как попало, чтобы только не перестали верить, что он что-то знает. Ведь если бы она была совсем животное, она так бы не мучалась; если же бы она была совсем человек, то у ней была бы вера в Бога, и она бы говорила и думала, как говорят верующие бабы: «Бог дал, Бог и взял, от Бога не уйдешь». Она бы думала, что жизнь и смерть как всех людей, так и ее детей, вне власти людей, а во власти только Бога, и тогда бы она не мучалась тем, что в ее власти было предотвратить болезни и смерти детей, а она этого не сделала. А то для нее положение было такое: даны самые хрупкие, подверженные самым бесчисленным бедствиям, слабые существа. К существам этим она чувствует страстную, животную привязанность. Кроме того, существа эти поручены ей, а вместе с тем средства сохранения этих существ скрыты от нас и открыты совсем чужим людям, услуги и советы которых можно приобретать только за большие деньги, и то не всегда.

Вся жизнь с детьми и была для жены, а потому и для меня, не радость, а мука. Как же не мучаться? Она и мучалась постоянно. Бывало, только что успокоимся от какой-нибудь сцены ревности или просто ссоры и думаем пожить, почитать и подумать; только возьмешься за какое-нибудь дело, вдруг получается известие, что Васю рвет, или Маша сходила с кровью, или у Андрюши сыпь, ну и кончено, жизни уж нет. Куда скакать, за какими докторами, куда отделить? И начинаются клестиры, температуры, микстуры и доктора. Не успеет это кончиться, как начинается что-нибудь другое. Правильной, твердой семейной жизни не было. А было, как я вам говорил, постоянное спасение от воображаемых и действительных опасностей. Так ведь это теперь в большинстве семей. В моей же семье было особенно резко. Жена была чадолюбива и легковерна.

Так что присутствие детей не только не улучшало нашей жизни, но отравляло ее. Кроме того, дети – это был для нас новый повод к раздору. С тех пор, как были дети и чем больше они росли, тем чаще именно сами дети были и средством и предметом раздора. Не только предметом раздора, но дети были орудием борьбы; мы как будто дрались друг с другом детьми.

У каждого из нас был свой любимый ребенок – орудие драки.

Я дрался больше Васей, старшим, а она Лизой. Кроме того, когда дети стали

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
подрастать, и определились их характеры, сделалось то, что они стали союзниками, которых мы привлекли каждый на свою сторону. Они страшно страдали от этого, бедняжки, но нам, в нашей постоянной войне, не до того было, чтобы думать о них. Девочка была моя сторонница, мальчик же старший, похожий на нее, ее любимец, часто был ненавистен мне.

XVII

– Ну-с, так и жили. Отношения становились всё враждебнее и враждебнее. И наконец дошли до того, что уже не разногласие производило враждебность, но враждебность производила разногласие: что бы она ни сказала, я уж вперед был несогласен, и точно так же и она.

На четвертый год с обеих сторон решено было как-то само собой, что понять друг друга, согласиться друг с другом мы не можем. Мы перестали уже пытаться договориться до конца. О самых простых вещах, в особенности о детях, мы оставались неизменно каждый при своем мнении. Как я теперь вспоминаю, мнения, которые я отстаивал, были вовсе мне не так дороги, чтобы я не мог поступиться ими; но она была противоположного мнения, и уступить – значило уступить ей. А этого я не мог. Она тоже. Она, вероятно, считала себя всегда совершенно правой передо мной, а уж я в своих глазах был всегда свят перед нею. Вдвоем мы были почти обречены на молчание или на такие разговоры, которые, я уверен, животные могут вести между собой: «который час? Пора спать. Какой нынче обед? Куда ехать? Что написано в газете? Послать за доктором. Горло болит у Маши». Стоило на волосок выступить из этого до невозможного сузившегося кружка разговоров, чтобы вспыхнуло раздражение. Выходили стычки и выражения ненависти за кофе, скатерть, пролетку, за ход в винте, – всё дела, которые ни для того ни для другого не могли иметь никакой важности. Во мне, по крайней мере, ненависть к ней часто кипела страшная! И смотрел иногда, как она наливала чай, махала ногой или подносила ложку ко рту, шлюпала, втягивала в себя жидкость, и ненавидел ее именно за это, как за самый дурной поступок. Я не замечал тогда, что периоды злобы возникали во мне совершенно правильно и равномерно, соответственно периодам того, что мы называли любовью. Период любви – период злобы; энергический период любви – длинный период злобы, более слабое проявление любви – короткий период злобы. Тогда мы не понимали, что эта любовь и злоба были то же самое животное чувство, только с разных концов. Жить так было бы ужасно, если бы мы понимали свое положение; но мы не понимали и не видели его. В этом и спасенье и казнь человека, что, когда он живет неправильно, он может себя затуманивать, чтобы не видеть бедственности своего положения. Так делали и мы. Она старалась забытья напряженными, всегда поспешными занятиями хозяйством, обстановкой, нарядами своими и детей, учением, здоровьем детей. У меня же было свое пьянство – пьянство службы, охоты, карт. Мы оба постоянно были заняты. Мы оба чувствовали, что чем больше мы заняты, тем злее мы можем быть друг к другу. «Тебе хорошо гримасничать, – думал я на нее, – а ты вот меня промучала сценами всю ночь, а мне заседанье». – «Тебе хорошо, – не только думала, но и говорила она, – а я всю ночь не спала с ребенком».

Так мы и жили, в постоянном тумане не видя того положения, в котором мы находились. И если бы не случилось того, что случилось, и я так же бы прожил еще до старости, я так бы и думал, умирая, что я прожил хорошую жизнь, не особенно хорошую, но и не дурную, такую, как все; я бы не понимал той бездны несчастья и той гнусной лжи, в которой я барахтался.

А мы были два ненавидящих друг друга колодника, связанных одной цепью, отравляющие жизнь друг другу и старающиеся не видеть этого. Я еще не знал тогда, что 0,99 супружеств живут в таком же аду, как и я жил, и что это не может быть иначе. Тогда я еще не знал этого ни про других ни про себя.

Удивительно, какие совпадения и в правильной и даже неправильной жизни! Как раз когда родителям жизнь становится невыносимой друг от друга, необходимы делаются и городские условия для воспитания детей. И вот является потребность переезда в город.

Он замолчал и раза два издал свои странные звуки, которые теперь уже совсем похожи были на сдержанные рыдания. Мы подходили к станции.

– Который час? – спросил он.

Я взглянул, было два часа.

– Вы не устали? – спросил он.

– Нет, но вы устали.

– Меня душит. Позвольте, я пройдуся, выпью воды.

И он, шатаясь, пошел через вагон. Я сидел один, перебирая всё, что он сказал мне, и так задумался, что и не заметил, как он вернулся из другой двери.

XVIII

– Да, я всё увлекаюсь, – начал он. – Много я передумал, на многое я смотрю по-иному, и всё это хочется сказать. Ну, и стали жить в городе. В городе несчастным людям жить лучше. В городе человек может прожить сто лет и не хватиться того, что он давно умер и сгнил. Разбираться с самим собой некогда, всё занято. Дела, общественные отношения, здоровье, искусства, здоровье детей, их воспитание. То надо принимать тех и этих, ехать к тем и этим; то надо посмотреть эту, послушать этого или эту. Ведь в городе во всякий данный момент есть одна, а то сразу две, три знаменитости, которые нельзя никак пропустить. То надо лечить себя, того или этого, то учителя, репетиторы, гувернантки, а жизнь пустым-пустешенька. Ну, так мы и жили и меньше чувствовали боль от сожигания. Кроме того, первое время было чудесное занятие – устройства в новом городе, на новой квартире, и еще занятие – переездов из города в деревню и из деревни в город.

Прожили одну зиму, и в другую зиму случилось еще следующее никому незаметное, кажущееся ничтожным обстоятельство, но такое, которое и произвело всё то, что произошло. Она была нездорова, и мерзавцы не велели ей рожать и научили средству. Мне это было отвратительно. Я боролся против этого, но она с легкомысленным упорством настояла на своем, и я покорился; последнее оправдание свиной жизни – дети – было отнято, и жизнь стала еще гаже.

Мужику, работнику, дети нужны, хотя и трудно ему выкормить, но они ему нужны, и потому его супружеские отношения имеют оправдание. Нам же, людям, имеющим детей, еще дети не нужны, они – лишняя забота, расход, сонаследники, они тягость. И оправдания свиной жизни для нас уж нет никакого. Или мы искусственно избавляемся от детей или смотрим на детей как на несчастье, последствие неосторожности, что еще гаже. Оправданий нет. Но мы так нравственно пали, что мы даже не видим надобности в оправдании. Большинство теперешнего образованного мира предается этому разврату без малейшего угрызения совести.

Нечему угрызаться, потому что совести в нашем быту нет никакой, кроме, если можно так назвать, совести общественного мнения и уголовного закона. А тут и та и другая не нарушаются: совеститься перед обществом нечего, все это делают: и Марья Павловна и Иван Захарыч. А то что ж разводить нищих или лишать себя возможности общественной жизни? Совеститься перед уголовным законом или бояться его тоже нечего. Это безобразные девки и солдатки бросают детей в пруды и колодцы; тех, понятно, надо сажать в тюрьму, а у нас всё делается своевременно и чисто.

Так прожили мы еще два года. Средство мерзавцев, очевидно, начинало действовать; она физически раздобрела и похорошела, как последняя красота лета. Она чувствовала это и занималась собой. В ней сделалась какая-то вызывающая красота, беспокоящая людей. Она была во всей силе тридцатилетней нерожающей, раскормленной и раздраженной женщины. Вид ее наводил беспокойство. Когда она проходила между мужчинами, она притягивала к себе их взгляды. Она была как застоявшаяся, раскормленная запряженная лошадь, с которой сняли узду. Узды не было никакой, как нет никакой у 0,99 наших женщин. И я чувствовал это, и мне было страшно.

XIX

Он вдруг приподнялся и пересел к самому окну.

– Извините меня, – проговорил он и, устремив глаза в окно, молча просидел так минуты три. Потом он тяжело вздохнул и опять сел против меня. Лицо его стало совсем другое, глаза жалкие, и какая-то странная почти улыбка морщила его губы. – Я устал немножко, но я расскажу. Еще времени много, не рассветало еще. Да-с, – начал он опять, закурив папиросу. – Она пополнила с тех пор, как перестала

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
рожать, и болезнь эта – страдание вечное о детях – стала проходить; не то что проходить, но она как будто очулась от пьянства, опомнилась и увидела, что есть целый мир Божий с его радостями, про который она забыла, но в котором она жить не умела, мир Божий, которого она совсем не понимала. «Как бы не пропустить! Уйдет время, не воротишь!» Так мне представляется, что она думала или скорее чувствовала, да и нельзя ей было думать и чувствовать иначе: ее воспитали в том, что есть в мире только одно достойное внимания – любовь. Она вышла замуж, получила кое-что из этой любви, но не только далеко не то, что обещалось, что ожидалось, но и много разочарований, страданий и тут же неожиданную муку – детей! Мука эта истомила ее. И вот, благодаря услужливым докторам, она узнала, что можно обойтись и без детей. Она обрадовалась, испытала это и ожила опять для одного того, что она знала, – для любви. Но любовь с огаженным и ревностью и всякой злостью мужем была уже не то. Ей стала представляться какая-то другая, чистенькая, новенькая любовь, по крайней мере я так думал про нее. И вот она стала оглядываться, как будто ожидая чего-то. Я видел это и не мог не тревожиться. Сплошь да рядом стало случаться то, что она, как и всегда, разговаривая со мной через посредство других, т. е. говоря с посторонними, но обращая речь ко мне, выражала смело, совсем не думая о том, что она час тому назад говорила противоположное, выражала полусерьезно, что материнская забота – это обман, что не стоит того – отдавать свою жизнь детям, когда есть молодость и можно наслаждаться жизнью. Она занималась детьми меньше, не с таким отчаянием, как прежде, но больше и больше занималась собой, своей наружностью, хотя она и скрывала это, и своими удовольствиями и даже усовершенствованием себя. Она опять с увлечением взялась за фортепиано, которое прежде было совершенно брошено. С этого всё и началось.

Он опять повернулся к окну устало смотрившими глазами, но тотчас же опять, видимо сделав над собою усилие, продолжал:

– Да-с, явился этот человек. – Он замялся и раза два произвел носом свои особенные звуки.

Я видел, что ему мучительно было называть этого человека, вспоминать, говорить о нем. Но он сделал усилие и, как будто порвав то препятствие, которое мешало ему, решительно продолжал:

– Дрянной он был человек, на мои глаза, на мою оценку. И не потому, какое он значение получил в моей жизни, а потому, что он действительно был такой. Впрочем, то, что он был плох, служило только доказательством того, как невменяема была она. Не он, так другой, это должно было быть. – Он опять замолчал.

– Да-с, это был музыкант, скрипач; не профессиональный музыкант, а полупрофессиональный, полуобщественный человек.

Отец его – помещик, сосед моего отца. Он – отец – разорился, и дети – три было мальчика – все устроились; один только, меньшей этот, отдан был к своей крестной матери в Париж. Там его отдали в консерваторию, потому что был талант к музыке, и он вышел оттуда скрипачом и играл в концертах. Человек он был... – Очевидно, желая сказать что-то дурное про него, он воздержался и быстро сказал: – Ну, уж там я не знаю, как он жил, знаю только, что в этот год он явился в Россию и явился ко мне.

Миндалевидные влажные глаза, красные улыбающиеся губы, нафиксатуаренные усики, прическа последняя, модная, лицо пошло-хорошенькое, то, что женщины называют недурен, сложения слабого, хотя и не уродливого, с особенно развитым задом, как у женщины, как у готтентотов, говорят. Они, говорят, тоже музыкальны. Лезущий в фамильярность насколько возможно, но чуткий и всегда готовый остановиться при малейшем отпоре, с соблюдением внешнего достоинства и с тем особенным парижским оттенком ботинок с пуговками и ярких цветов галстука и другого, что усваивают себе иностранцы в Париже, и что по своей особенности, новизне, всегда действует на женщин. В манерах деланная, внешняя веселость. Манера, знаете, про всё говорить намёками и отрывками, как будто вы всё это знаете, помните и можете сами дополнить.

Вот он-то с своей музыкой был причиной всего. Ведь на суде было представлено дело так, что всё случилось из ревности. Ничуть не бывало, т. е. не то, что ничуть не бывало, а то, да не то. На суде так и решено было, что я обманутый

мое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
муж, и что я убил, защищая свою поруганную честь (так ведь это называется по-ихнему). И от этого меня оправдали. Я на суде старался выяснить смысл дела, но они понимали так, что я хочу реабилитировать честь жены.

Отношения ее с этим музыкантом, какие бы они ни были, для меня это не имеет смысла, да и для нее тоже. Имеет же смысл то, что я вам рассказал, т. е. мое свинство. Всё произошло оттого, что между нами была та страшная пучина, о которой я вам говорил, то страшное напряжение взаимной ненависти друг к другу, при которой первого повода было достаточно для произведения кризиса. Ссоры между нами становились в последнее время чем-то страшным и были особенно поразительны, сменяясь тоже напряженной животной страстностью.

Если бы явился не он, то другой бы явился. Если бы не предлог ревности, то другой. Я настаиваю на том, что все мужа, живущие так, как я жил, должны или распутничать, или разойтись, или убить самих себя или своих жен, как я сделал. Если с кем этого не случилось, то это особенно редкое исключение. Я ведь, прежде чем кончить, как я кончил, был несколько раз на краю самоубийства, а она тоже отравлялась.

XX

– Да, это так было, и недолго перед тем.

Жили мы как будто в перемирье, и нет никаких причин нарушать его; вдруг начинается разговор о том, что такая-то собака на выставке получила медаль, говорю я. Она говорит: «не медаль, а похвальный отзыв». Начинается спор. Начинается перепрыгиванье с одного предмета на другой, попреки: «ну, да это давно известно, всегда так: ты сказал...», – «нет, я не говорил», – «стало быть, я лгу!..» Чувствуешь, что вот-вот начнется та страшная ссора, при которой хочется себя или ее убить. Знаешь, что сейчас начнется, и боишься этого, как огня, и потому хотел бы удержаться, но злоба охватывает всё твое существо. Она в том же, еще худшем положении, нарочно перетолковывает всякое твое слово, придавая ему ложное значение; каждое же ее слово пропитано ядом; где только она знает, что мне больное всего, туда-то она и колет. Дальше, больше. Я кричу: «молчи!» или что-то в этом роде. Она выскакивает из комнаты, бежит в детскую. Я стараюсь удержать ее, чтобы договорить и доказать, и схватываю ее за руку. Она прикидывается, что сделал ей больно, и кричит: «дети, ваш отец бьет меня!» Я кричу: «не лги!» – «Ведь это уж не в первый раз!» кричит она, или что-нибудь подобное. Дети бросаются к ней. Она успокаивает их. Я говорю: «не притворяйся!» Она говорит: «для тебя всё притворство; ты убьешь человека и будешь говорить, что он притворяется. Теперь я поняла тебя. Ты этого-то и хочешь!» – «О, хоть бы ты издохла!» кричу я. Помню я, как ужаснули меня эти страшные слова. Я никак не ожидал, чтобы я мог сказать такие страшные, грубые слова, и удивляюсь тому, что они могли выскочить из меня. Я кричу эти страшные слова и убегаю в кабинет, сажусь и курю. Слышу, что она выходит в переднюю и собирается уезжать. Я спрашиваю, куда. Она не отвечает. «Ну, и чорт с ней», говорю я себе, возвращаюсь в кабинет, опять ложусь и курю. Тысячи разных планов о том, как отомстить ей и избавиться от нее и как поправить всё это и сделать так, как будто бы ничего не было, приходят мне в голову. Я всё это думаю и курю, курю, курю. Думаю убежать от нее, скрыться, уехать в Америку. Дохожу до того, что мечтаю о том, как я избавлюсь от нее, и как это будет прекрасно, как сойду с другой, прекрасной женщиной, совсем новой. Избавлюсь тем, что она умрет, или тем, что разведусь, и придумываю, как это сделать. Вижу, что я путаюсь, что я не то думаю, что нужно, но и для того, чтобы не видеть, что я не то думаю, что нужно, для этого то курю.

А жизнь дома идет. Приходит гувернантка, спрашивает: «где madame? когда вернется?» Лакей спрашивает, подавать ли чай. Прихожу в столовую; дети, в особенности старшая Лиза, которая уж понимает, вопросительно и недоброжелательно смотрят на меня. Пью молча чай. Ее всё нет. Проходит весь вечер, ее нет, и два чувства сменяются в душе: злоба к ней за то, что она мучает меня и всех детей своим отсутствием, которое кончится же тем, что она приедет, и страх того, что она не приедет и что-нибудь сделает над собой. Я бы поехал за ней. Но где искать ее? У сестры? Но это глупо приехать спрашивать. Да и Бог с ней; если она хочет мучать, пускай сама мучается. А то ведь она этого и ждет. И в следующий раз будет еще хуже. А что как она не у сестры, а что-нибудь делает или уже сделала над собой?.. Одиннадцать, двенадцать, час. Не иду в спальню, глупо одному там лежать и ждать, и тут не ложусь. Хочу чем-нибудь заняться, написать письма, читать; ничего не могу. Сажу один в кабинете, мучаюсь, злюсь и прислушиваюсь. Три, четыре часа – ее всё нет. К утру засыпаю. Просыпаюсь – ее нет.

Всё в доме идет по-старому, но все в недоумении и все вопросительно и укоризненно смотрят на меня, предполагая, что всё это от меня. А во мне всё та же борьба – злобы за то, что она меня мучает, и беспокойства за нее.

Около одиннадцати приезжает ее сестра послом от нее. И начинается обычное: «Она в ужасном положении. Ну что же это!» «Да ведь ничего не случилось». Я говорю про невозможность ее характера и говорю, что я ничего не сделал.

– Да ведь не может же это так оставаться, – говорит сестра.

– Всё ее дело, а не мое, – говорю я. – Я первого шага не сделаю. Разойтись, так разойтись.

Свяченица уезжает ни с чем. Я смело сказал, говоря с ней, что не сделаю первого шага, но как она уехала, и я вышел и увидел детей жалких, испуганных, я уже готов делать первый шаг. И рад бы его сделать, но не знаю как. Опять хожу, курю, выпиваю за завтраком водки и вина и достигаю того, чего бессознательно желаю: не вижу глупости, подлости своего положения.

Около трех приезжает она. Встречая меня, она ничего не говорит. Я воображаю, что она смирилась, начинаю говорить о том, что я был вызван ее укоризнами. Она с тем же строгим и страшно измученным лицом говорит, что она приехала не объясняться, а взять детей, что жить вместе мы не можем. Я начинаю говорить, что виноват не я, что она вывела меня из себя. Она строго, торжественно смотрит на меня и потом говорит:

– Не говори больше, ты раскаешься.

Я говорю, что терпеть не могу комедий. Тогда она вскрикивает что-то, чего я не разбираю, и убегает в свою комнату. И за ней звенит ключ: она заперлась. Я толкаюсь, нет ответа, и я с злостью отхожу. Через полчаса Лиза прибегает в словах.

– Что? что-нибудь случилось?

– Мама не слышно.

Идем. Я дергаю изо всех сил дверь. Задвижка плохо задвинута, и обе половинки отворяются. Я подхожу к кровати. Она в юбках и высоких ботинках лежит неловко на кровати без чувств. На столике пустая склянка с опиумом. Приводим в чувство. Еще слезы и наконец примирение. И не примирение: в душе у каждого та же старая злоба друг против друга с прибавкой еще раздражения за ту боль, которая сделана этой ссорой и которую всю каждый ставит на счет другого. Но надо же как-нибудь кончить всё это, и жизнь идет по-старому. Так, такие-то ссоры и хуже бывали беспрестанно, то раз в неделю, то раз в месяц, то каждый день. И всё одно и то же. Один раз я уже взял заграничный паспорт – ссора продолжалась два дня, – но потом опять полубьясение, полупримирение – и я остался.

XXI

– Так вот в таких-то мы были отношениях, когда явился этот человек. Приехал в Москву этот человек – фамилия его Трухачевский – и явился ко мне. Это было утром. Я принял его. Были мы когда-то на ты. Он попытался серединными фразами между ты и вы удержаться на ты, но я прямо дал тон на вы, и он тотчас же подчинился. Он мне очень не понравился с первого взгляда. Но, странное дело, какая-то странная, роковая сила влекла меня к тому, чтобы не оттолкнуть его, не удалить, а, напротив, приблизить. Ведь что могло быть проще того, чтобы поговорить с ним холодно, проститься, не знакомя с женою. Но нет я, как нарочно, заговорил об его игре, сказал, что мне говорили, что он бросил скрипку. Он сказал, что, напротив, он играет теперь больше прежнего. Он стал вспоминать о том, что я играл прежде. Я сказал, что не играю больше, но что жена моя хорошо играет.

Удивительное дело! Мои отношения к нему в первый день, в первый час моего свидания с ним были такие, какие они могли быть только после того, что случилось. Что-то было напряженное в моих отношениях с ним: я замечал всякое слово, выражение, сказанное им или мною, и приписывал им важность.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
я представил его жене. Тотчас же зашел разговор о музыке, и он предложил свои услуги играть с ней. Жена, как и всегда это последнее время, была очень элегантно и заманчива, беспокоюще красива. Он, видимо, понравился ей с первого взгляда. Кроме того, она обрадовалась тому, что будет иметь удовольствие играть со скрипкой, что она очень любила, так что нанимала для этого скрипача из театра, и на лице ее выразилась эта радость. Но, увидав меня, она тотчас же поняла мое чувство и изменила свое выражение, и началась эта игра взаимного обманыванья. Я приятно улыбался, делая вид, что мне очень приятно. Он, глядя на жену так, как смотрят все блудники на красивых женщин, делал вид, что его интересует только предмет разговора, именно то, что уже совсем не интересовало его. Она старалась казаться равнодушной, но знакомое ей мое фальшиво-улыбающееся выражение ревнивца и его похотливый взгляд, очевидно, возбуждали ее. Я видел, что с первого же свиданья у ней особенно заблестели глаза, и, вероятно вследствие моей ревности, между ним и ею тотчас же установился как бы электрический ток, вызывающий одинаковость выражений, взглядов и улыбок. Она краснела – и он краснел, она улыбалась – он улыбался. Поговорили о музыке, о Париже, о всяких пустяках. Он встал, чтоб уезжать, и, улыбаясь, со шляпой на подрагивающей ляжке стоял, глядя то на нее, то на меня, как бы ожидая, что мы сделаем. Помню я эту минуту именно потому, что в эту минуту я мог не позвать его, и тогда ничего бы не было. Но я взглянул на него, на нее. «И не думай, чтоб я ревновал тебя, мысленно сказал я ей, – или чтоб я боялся тебя», мысленно сказал я ему и пригласил его привозить как-нибудь вечером скрипку, чтобы играть с женой. Она с удивлением взглянула на меня, вспыхнула и, как будто испугавшись, стала отказываться, говорила, что она недостаточно хорошо играет. Этот отказ ее еще более раздражил меня, и я еще больше настаивал. Помню то странное чувство, с которым я смотрел на его затылок, белую шею, отделяющуюся от черных, расчесанных на обе стороны волос, когда он своей подпрыгивающей, какой-то птичьей походкой выходил от нас. Я не мог не признаться себе, что присутствие этого человека мучало меня. От меня зависит, думал я, сделать так, чтобы никогда не видеть его. Но сделать так, значило признаться, что я боюсь его. Нет, я не боюсь его! Это было бы слишком унижительно, говорил я себе. И тут же, в передней, зная, что жена слышит меня, я настоял на том, чтобы он нынче же вечером приехал со скрипкой. Он обещал мне и уехал.

Вечером он приехал со скрипкой, и они играли. Но игра долго не ладилась, не было тех нот, которые им были нужны, а которые были, жена не могла играть без приготовлений. Я очень любил музыку и сочувствовал их игре, устраивал ему пюпитр, переворачивал страницы. И кое-что они сыграли, какие-то песни без слов и сонатку Моцарта. Он играл превосходно, и у него было в высшей степени то, что называется тоном. Кроме того, тонкий, благородный вкус, совсем не свойственный его характеру.

Он был, разумеется, гораздо сильнее жены и помогал ей и вместе с тем учтиво хвалил ее игру. Он держал себя очень хорошо. Жена казалась заинтересованной только одной музыкой и была очень проста и естественна. Я же, хотя и притворялся заинтересованным музыкой, весь вечер не переставая мучался ревностью.

С первой минуты, как он встретился глазами с женой, я видел, что зверь, сидящий в них обоих, помимо всех условий положения и света, спросил: «можно?» и ответил: «о, да, очень». Я видел, что он никак не ожидал встретить в моей жене, в московской даме, такую привлекательную женщину, и был очень рад этому.

Потому что сомнения в том, что она согласна, у него не было никакого. Весь вопрос был в том, чтобы только не помешал несносный муж. Если бы я был чист, я бы не понимал этого, но я, так же как и большинство, думал так про женщин, пока я не был женат, и потому читал в его душе как по-писанному. Мучался я особенно том, что я видел несомненно, что ко мне у ней не было другого чувства, кроме постоянного раздражения, только изредка прерываемого привычной чувственностью, а что этот человек, и по своей внешней элегантности и новизне и, главное, по несомненному большому таланту к музыке, по сближению, возникающему из совместной игры, по влиянию, производимому на впечатлительные натуры музыкой, особенно скрипкой, что этот человек должен был не то что нравиться, а несомненно без малейшего колебания должен был победить, смять, перекрутить ее, свить из нее веревку, сделать из нее всё, что захочет. Я этого не мог не видеть, и я страдал ужасно. Но несмотря на то или, может быть, вследствие этого, какая-то сила против моей воли заставляла меня быть особенно не только учтивым, но ласковым с ним. Для жены ли или для него я это делал, чтоб показать, что я не боюсь его, для себя ли, чтоб обмануть самого себя, – не знаю, только я не мог с первых же

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
сношений моих с ним быть прост. Я должен был, для того чтобы не отдаться желанию сейчас же убить его, ласкать его. Я поил его за ужином дорогим вином, восхищался его игрой, с особенной ласковой улыбкой говорил с ним и позвал его в следующее воскресенье обедать и еще играть с женою. Я сказал, что позову кое-кого из моих знакомых, любителей музыки, послушать его. Да так и кончилось.

И Позднышев в сильном волнении переменял положение и издал свой особенный звук.

– Странное дело, как действовало на меня присутствие этого человека, – начал он опять, очевидно делая усилие, для того чтобы быть спокойным. – Возвращаюсь с выставки домой на второй или на третий день после этого, вхожу в переднюю и вдруг чувствую, что-то тяжелое, как камень, наваливается мне на сердце, и не могу дать себе отчета, что это. Это что-то было то, что, проходя через переднюю, я заметил что-то напоминавшее его. Только в кабинете я дал себе отчет в том, что это было, и вернулся в переднюю, чтобы поверить себя. Да, я не ошибся: это была его шинель. Знаете, модная шинель. (Всё, что его касалось, хотя я и не отдавал себе в том отчета, я замечал с необыкновенной внимательностью.) Спрашиваю, так и есть, он тут. Прохожу не через гостиную, а через классную, в залу. Лиза, дочь, сидит за книжкой, и няня с маленькой у стола вертит какой-то крышкой. Дверь в залу затворена и слышу оттуда равномерное *agreggio* и голос его и ее. Прислушиваюсь, но не могу разобрать. Очевидно, звуки на фортепиано нарочно для того, чтобы заглушить их слова, поцелуй, может быть. Боже мой! что тут поднялось во мне! Как вспомню только про того зверя, который жил во мне тогда, ужас берет. Сердце вдруг сжалось, остановилось и потом заколотило, как молотком. Главное чувство, как и всегда, во всякой злости, было – жалость к себе. «При детях, при няне!» думал я. Должно быть, я был страшен, потому что и Лиза смотрела на меня странными глазами. «Что ж мне делать? – спросил я себя. – Войти? Я не могу, я Бог знает что сделаю». Но не могу и уйти. Няня глядит на меня так, как будто она понимает мое положение. «Да нельзя не войти», сказал я себе и быстро отворил дверь. Он сидел за фортепиано, делал эти *agreggio* своими изогнутыми кверху большими белыми пальцами. Она стояла в углу рояля над раскрытыми нотами. Она первая увидела или услышала и взглянула на меня. Испугалась ли она и притворилась, что не испугалась, или точно не испугалась, но она не вздрогнула, не пошевелилась, а только покраснела, и то после.

– Как я рада, что ты пришел; мы не решили, что играть в воскресенье, – сказала она таким тоном, которым не говорила бы со мной, если бы мы были одни. Это и то, что она сказала «мы» про себя и его, возмутило меня. Я молча поздоровался с ним.

Он пожал мне руку и тотчас же с улыбкой, которая мне прямо казалась насмешливой, начал объяснить мне, что он принес ноты для приготовления к воскресенью, и что вот между ними несогласие, что играть: более трудное и классическое, именно Бетховенскую сонату со скрипкой, или маленькие вещицы? Всё было так естественно и просто, что нельзя было ни к чему придаться, а вместе с тем я был уверен, что всё это было неправда, что они сговаривались о том, как обмануть меня.

Одно из самых мучительнейших отношений для ревнивцев (а ревнивцы все в нашей общественной жизни) – это известные светские условия, при которых допускается самая большая и опасная близость между мужчиной и женщиной. Надо сделаться посмешищем людей, если препятствовать близости на балах, близости докторов с своей пациенткой, близости при занятиях искусством, живописью, а главное – музыкой. Люди занимаются вдвоем самым благородным искусством, музыкой; для этого нужна известная близость, и близость эта не имеет ничего предосудительного, и только глупый, ревнивый муж может видеть тут что-либо нежелательное. А между тем все знают, что именно посредством этих самых занятий, в особенности музыкой, и происходит большая доля прелюбодеяний в нашем обществе. Я, очевидно, смутил их тем смущением, которое выражалось во мне: я долго ничего не мог сказать. Я был как перевернутая бутылка, из которой вода не идет оттого, что она слишком полна. Я хотел изругать, выгнать его, но я чувствовал, что я должен был опять быть любезным и ласковым с ним. Я так и сделал. Я сделал вид, что одобряю всё, и опять по тому странному чувству, которое заставляло меня обращаться с ним с тем большей лаской, чем мучительнее мне было его присутствие, я сказал ему, что полагаюсь на его вкус и ей советую то же. Он побыл настолько еще, насколько нужно было, чтобы сгладить неприятное впечатление, когда я вдруг с испуганным лицом вошел в комнату и замолчал, – и уехал, притворяясь, что теперь решили, что играть завтра. Я же был вполне уверен, что в сравнении с тем, что занимало их, вопрос о том, что играть, был для них совершенно безразличен.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Я с особенной учтивостью проводил его до передней (как не провожать человека, который приехал с тем, чтобы нарушить спокойствие и погубить счастье целой семьи!). Я жал с особенной лаской его белую, мягкую руку.

XXII

– Целый день этот я не говорил с ней, не мог. Близость ее вызвала во мне такую ненависть к ней, что я боялся себя. За обедом она при детях спросила меня о том, когда я еду. Мне надо было на следующей неделе ехать на съезд в уезд. Я сказал, когда. Она спросила, не нужно ли мне чего на дорогу. Я не сказал ничего и молча просидел за столом и молча же ушел в кабинет. Последнее время она никогда не приходила ко мне в комнату, особенно в это время. Лежу в кабинете и злюсь. Вдруг знакомая походка. И в голову мне приходит страшная, безобразная мысль о том, что она, как жена Урии, хочет скрыть уже совершенный грех свой, и что она затем в такой неурочный час идет ко мне. «Неужели она идет ко мне?» думал я, слушая ее приближающиеся шаги. Если ко мне, то я прав, значит. И в душе поднимается невыразимая ненависть к ней. Ближе, ближе шаги. Неужели не пройдет мимо, в залу? Нет, дверь скрипнула, и в дверях ее высокая, красивая фигура, и в лице, в глазах – робость и заискивание, которое она хочет скрыть, но которое я вижу и значение которого я знаю. Я чуть не задохнулся, так долго я удерживал дыхание, и, продолжая глядеть на нее, схватился за папиросочницу и стал закуривать.

– Ну что это, к тебе придешь посидеть, а ты закуриваешь, – и она села близко ко мне на диван, прислоняясь ко мне.

Я отстранился, чтоб не касаться ее.

– Я вижу, что ты недоволен тем, что я хочу играть ввоскресенье, – сказала она.

– Я нисколько не недоволен, – сказал я.

– Разве я не вижу?

– Ну, поздравляю тебя, что ты видишь. Я же ничего не вижу, кроме того, что ты ведешь себя как кокотка...

– Да если ты хочешь браниться, как извозчик, то я уйду.

– Уходи, только знай, что если тебе не дорога честь семьи, то мне не ты дорога (чорт с тобой), но честь семьи.

– Да что, что?

– Убирайся, ради Бога убирайся!

Притворялась она, что не понимает, о чем, или действительно не понимала, но только она обиделась и рассердилась. Она встала, но не ушла, а остановилась посередине комнаты.

– Ты решительно стал невозможен, – начала она. – Это такой характер, с которым ангел не уживется, – и, как всегда, стараясь уязвить меня как можно сильнее, она напомнила мне мой поступок с сестрой (это был случай с сестрой, когда я вышел из себя и наговорил сестре своей грубости; она знала, что это мучит меня, и в это место колынула меня). – После этого меня уж ничто не удивит от тебя, – сказала она.

«Да, оскорбить, унижить, опозорить и поставить меня же в виноватых», сказал я себе, и вдруг меня охватила такая страшная злоба к ней, какой я никогда еще не испытывал.

Мне в первый раз захотелось физически выразить эту злобу. Я вскочил и двинулся к ней; но в ту же минуту, как я вскочил, я помню, что я сознал свою злобу и спросил себя, хорошо ли отдался этому чувству, и тотчас же ответил себе, что это хорошо, что это испугает ее, и тотчас же, вместо того чтобы противиться этой злобе, я еще стал разжигать ее в себе и радоваться тому, что она больше и больше разгорается во мне.

– Убирайся, или я тебя убью! – закричал я, подойдя к ней и схватив ее за руку. Я сознательно усиливал интонации злости своего голоса, говоря это. И должно быть,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
я был страшен, потому что она так заробела, что даже не имела силы уйти, а только говорила:

– Вася, что ты, что с тобой?

– Уходи! – заревел я еще громче. – Только ты можешь довести меня до бешенства. Я не отвечаю за себя!

Дав ход своему бешенству, я упивался им, и мне хотелось еще что-нибудь сделать необыкновенное, показывающее высшую степень этого моего бешенства. Мне страшно хотелось бить, убить ее, но я знал, что этого нельзя, и потому, чтобы всё-таки дать ход своему бешенству, схватил со стола пресс-папье, еще раз прокричав: «уйди!», швырнул его о-земь мимо нее. Я очень хорошо целил мимо. Тогда она пошла из комнаты, но остановилась в дверях. И тут же, пока еще она видела (я сделал это для того, чтобы она видела), я стал брать со стола вещи, подсвечники, чернильницу, и бросать о-земь их, продолжая кричать:

– Уйди! убирайся! я не отвечаю за себя!

Она ушла – и я тотчас же перестал.

Через час ко мне пришла няня и сказала, что у жены истерика. Я пришел; она рыдала, смеялась, ничего не могла говорить и вздрагивала всем телом. Она не притворялась, но была истинно больна.

К утру она успокоилась, и мы помирились под влиянием того чувства, которое мы называли любовью.

Утром, когда после примирения я признался ей, что ревновал ее к Трухачевскому, она нисколько не смутилась и самым естественным образом засмеялась. Так странна даже ей казалась, как она говорила, возможность увлечения к такому человеку.

– Разве к такому человеку возможно в порядочной женщине что-нибудь кроме удовольствия, доставляемого музыкой? Да если хочешь, я готова никогда не видеть его. Даже в воскресенье, хотя и позваны все. Напиши ему, что я нездорова, и кончено. Одно противно, что кто-нибудь может подумать, главное он сам, что он опасен. А я слишком горда, чтобы позволить думать это.

И она ведь не лгала, она верила в то, что говорила; она надеялась словами этими вызвать в себе презрение к нему и защитить им себя от него, но ей не удалось это. Всё было направлено против нее, в особенности эта проклятая музыка. Так всё и кончилось, и в воскресенье собрались гости, и они опять играли.

XXIII

– Я думаю, что излишне говорить, что я был очень тщеславен: если не быть тщеславным в обычной нашей жизни, то ведь нечем жить. Ну, и в воскресенье я со вкусом занялся устройством обеда и вечера с музыкой. Я сам купил вещей для обеда и позвал гостей.

К шести часам собрались гости, и явился и он во фраке с бриллиантовыми запонками дурного тона. Он держал себя развязно, на всё отвечал поспешно с улыбочкой согласия и понимания, знаете, с тем особенным выражением, что всё, что вы сделаете или скажете, есть то самое, чего он ожидал. Всё, что было в нем непорядочного, всё это я замечал теперь с особенным удовольствием, потому что это всё должно было успокоить меня и показывать, что он стоял для моей жены на такой низкой ступени, до которой, как она и говорила, она не могла унизиться. Я теперь уже не позволял себе ревновать. Во-первых, я перемучался уже этой мукой, и мне надо было отдохнуть; во-вторых, я хотел верить уверениям жены и верил им. Но, несмотря на то, что я не ревновал, я всё-таки был ненатурален с ним и с нею и во время обеда и первую половину вечера, пока не началась музыка. Я всё еще следил за движениями и взглядами их обоих.

Обед был как обед, скучный, притворный. Довольно рано началась музыка. Ах, как я помню все подробности этого вечера; помню, как он принес скрипку, отпер ящик, снял вышитую ему дамой покрывку, достал и стал строить. Помню, как жена села с притворно-равнодушным видом, под которым я видел, что она скрывала большую робость – робость преимущественно перед своим умением, – с притворным видом села за рояль, и начались обычные та на фортепиано, пиччикато скрипки, установка нот.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Помню потом, как они взглянули друг на друга, оглянулись на усаживавшихся и потом сказали что-то друг другу, и началось. Она взяла первый аккорд. У него сделалось серьезное, строгое, симпатичное лицо, и, прислушиваясь к своим звукам, он осторожными пальцами дернул по струнам и ответил роялю. И началось...

Он остановился и несколько раз сряду произвел свои звуки. Хотел начать говорить, но засопел носом и опять остановился.

– Они играли Крейцерову сонату Бетховена. Знаете ли вы первое престо? Знаете?! – вскрикнул он. – У!.. Страшная вещь эта соната. Именно эта часть. И вообще страшная вещь музыка. Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что она делает? Говорят, музыка действует возвышающим душу образом – вздор, неправда! Она действует, страшно действует, я говорю про себя, но вовсе не возвышающим душу образом. Она действует ни возвышающим ни принижаящим душу образом, а раздражающим душу образом. Как вам сказать? Музыка заставляет меня забывать себя, мое истинное положение, она переносит меня в какое-то другое, не свое положение: мне под влиянием музыки кажется, что я чувствую то, чего я, собственно, не чувствую, что я понимаю то, чего не понимаю, что могу то, чего не могу. Я объясняю это тем, что музыка действует как зевота, как смех; мне спать не хочется, но я зеваю, глядя на зевающего; смеяться не о чем, но я смеюсь, слыша смеющегося.

Она, музыка, сразу, непосредственно переносит меня в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку. Я сливаюсь с ним душой и вместе с ним переношусь из одного состояния в другое, но зачем я это делаю, я не знаю. Ведь тот, кто писал хоть бы Крейцерову сонату, – Бетховен, ведь он знал, почему он находился в таком состоянии, – это состояние привело его к известным поступкам, и потому для него это состояние имело смысл, для меня же никакого. И потому музыка только раздражает, не кончает. Ну, марш воинственный сыграют, солдаты пройдут под марш, и музыка дошла; сыграли плясовую, я проплясал, музыка дошла; ну, пропели мессу, я причастился, тоже музыка дошла, а то только раздражение, а того, что надо делать в этом раздражении, – нет. И оттого музыка так страшно, так ужасно иногда действует. В Китае музыка государственное дело. И это так и должно быть. Разве можно допустить, чтобы всякий, кто хочет, гипнотизировал бы один другого или многих и потом бы делал с ними что хочет.

И главное, чтобы этим гипнотизером был первый попавшийся безнравственный человек.

А то страшное средство в руках кого попало. Например, хоть бы эту Крейцерову сонату, первое престо. Разве можно играть в гостиной среди декольтированных дам это престо? Сыграть и потом похлопать, а потом есть мороженое и говорить о последней сплетне. Эти вещи можно играть только при известных, важных, значительных обстоятельствах, и тогда, когда требуется совершить известные, соответствующие этой музыке важные поступки. Сыграть и сделать то, на что настроила эта музыка. А то несоответственное ни месту ни времени вызывание энергии, чувства, ничем не проявляющегося, не может не действовать губительно. На меня, по крайней мере, вещь эта подействовала ужасно; мне как будто открылись совсем новые, казалось мне, чувства, новые возможности, о которых я не знал до сих пор. Да вот как, совсем не так, как я прежде думал и жил, а вот как, как будто говорилось мне в душе. Что такое было то новое, что я узнал, я не мог себе дать отчета, но сознание этого нового состояния было очень радостно. Всё те же лица, и в том числе и жена и он, представлялись совсем в другом свете.

После этого престо они доиграли прекрасное, но обыкновенное, не новое *andante* с пошлыми варьяциями и совсем слабый финал. Потом еще играли по просьбе гостей то элегию Эрнста, то еще разные вещицы. Всё это было хорошо, но всё это не произвело на меня и 0,01 того впечатления, которое произвело первое. Всё это происходило уже на фоне того впечатления, которое произвело первое. Мне было легко, весело весь вечер. Жену же я никогда не видал такую, какую она была в этот вечер. Эти блестящие глаза, эта строгость, значительность выражения, пока она играла, и эта совершенная растаянность какая-то, слабая, жалкая и блаженная улыбка после того, как они кончили. Я всё это видел, но не приписывал этому никакого другого значения, кроме того, что она испытывала то же, что и я, что и ей, как и мне, открылись, как будто вспомнились новые, неиспытанные чувства. Вечер кончился благополучно, и все разъехались.

Зная, что я должен был через два дня ехать на съезд, Трухачевский, прощаясь,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
сказал, что он надеется в свой другой приезд повторить еще удовольствие
нынешнего вечера. Из этого я мог заключить, что он не считал возможным бывать у
меня без меня, и это было мне приятно. Оказывалось, что так как я не вернусь до
его отъезда, то мы с ним больше не увидимся.

Я в первый раз с истинным удовольствием пожал ему руку и благодарил его за
удовольствие. Он также совсем простился с женой. И их прощанье показалось мне
самым натуральным и приличным. Всё было прекрасно. Мы оба с женою были очень
довольны вечером.

XXIV

– Через два дня я уехал в уезд, в самом хорошем, спокойном настроении
простившись с женой. В уезде всегда бывало пропасть дела и совсем особенная
жизнь, особенный мирок. Два дня я по десяти часов проводил в присутствии. На
другой день мне в присутствие принесли письмо от жены. Я тут же прочел его. Она
писала о детях, о дяде, о нянюшке, о покупках и между прочим, как о вещи самой
обыкновенной, о том, что Трухачевский заходил, принес обещанные ноты и обещал
играть еще, но что она отказалась. Я не помнил, чтобы он обещал принести ноты:
мне казалось, что он тогда простился совсем, и потому это неприятно поразило
меня. Но дела было столько, что некогда было подумать, и я только вечером,
вернувшись на квартиру, перечел письмо. Кроме того, что Трухачевский без меня
был еще раз, весь тон письма показался мне натянутым. Бешеный зверь ревности
зарычал в своей конуре и хотел выскочить, но я боялся этого зверя и запер его
скорей. «Какое мерзкое чувство эта ревность! – сказал я себе. – Что может быть
естественнее того, что она пишет?»

И я лег в постель и стал думать о делах, предстоящих на завтра. Мне всегда долго
не спалось во время этих съездов, на новом месте, но тут я заснул очень скоро. И
как это бывает, знаете, вдруг толчок электрический, и просыпаешься. Так я
проснулся и проснулся с мыслью о ней, о моей плотской любви к ней, и о
Трухачевском, и о том, что между нею и им всё кончено. Ужас и злоба стиснули мне
сердце. Но я стал образумливать себя. «Что за вздор, – говорил я себе, – нет
никаких оснований, ничего нет и не было. И как я могу так унижать ее и себя,
предполагая такие ужасы. Что-то в роде наемного скрипача, известный за дрянного
человека, и вдруг женщина почтенная, уважаемая мать семейства, моя жена! Что за
нелепость!» представлялось мне с одной стороны. «Как же этому не быть?»
представлялось мне с другой. Как же могло не быть то самое простое и понятное,
во имя чего я женился на ней, то самое, во имя чего я с нею жил, чего одного в
ней нужно было и мне и чего поэтому нужно было и другим и этому музыканту. Он
человек неженатый, здоровый (помню, как он хрустел хрящем в котлетке и
обхватывал жадно красными губами стакан с вином), сытый, гладкий и не только без
правил, но, очевидно, с правилами о том, чтобы пользоваться теми удовольствиями,
которые представляются. И между ними связь музыки, самой утонченной похоти
чувств. Что же может удержать его? Ничто. Всё, напротив, привлекает его. Она? Да
кто она? Она тайна, как была, так и есть. Я не знаю ее. Знаю ее только как
животное. А животное ничто не может, не должно удержать.

Только теперь я вспомнил их лица в тот вечер, когда они после Крейцеровой сонаты
сыграли какую-то страстную вещицу, не помню кого, какую-то до похабности
чувственную пьесу. «Как я мог уехать? – говорил я себе, вспоминая их лица, –
разве не ясно было, что между ними всё совершилось в этот вечер? и разве не
видно было, что уже в этот вечер между ними не только не было никакой преграды,
но что они оба, главное она, испытывали некоторый стыд после того, что случилось
с ними?» Помню, как она слабо, жалобно и блаженно улыбалась, утирая пот с
раскрасневшегося лица, когда я подошел к фортепиано. Они уже тогда избегали
смотреть друг на друга, и только за ужином, когда он наливал ей воды, они
взглянули друг на друга и чуть улыбнулись. Я с ужасом вспомнил теперь этот
перехваченный мною их взгляд с чуть заметной улыбкой. «Да, всё кончено», говорил
мне один голос, и тотчас же другой голос говорил совсем другое: «это что-то
нашло на тебя, этого не может быть», говорил этот другой голос. Мне жутко стало
лежать в темноте, я зажег спичку, и мне как-то страшно стало в этой маленькой
комнатке с желтыми обоями. Я закурил папироску и, как всегда бывает, когда
вертишься в одном и том же кругу неразрешающихся противоречий, – куришь, и я
курил одну папироску за другой, для того чтобы затуманить себя и не видеть
противоречий.

Я не заснул всю ночь, и в пять часов, решив, что не могу оставаться более в этом
напряжении и сейчас же поеду, я встал, разбудил сторожа, который мне

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle прислуживал, и послал его на лошадыми. В заседание я послал записку о том, что я по экстренному делу вызван в Москву; потому прошу, чтобы меня заменил член. В восемь часов я сел в тарантас и поехал.

XXV

Вошел кондуктор и, заметив, что свеча наша догорела, потушил ее, не вставляя новой. На дворе начинало светать. Позднышев молчал, тяжело вздыхая, всё время, пока в вагоне был кондуктор. Он продолжал свой рассказ, только когда вышел кондуктор, и в полутемном вагоне послышался только треск стекол движущегося вагона и равномерный храп приказчика. В полусвете зари мне совсем уже не видно его было. Слышен был только его всё более и более взволнованный, страдающий голос.

– Ехать надо было 35 верст на лошадях и восемь часов по чугунке. На лошадях ехать было прекрасно. Была морозная осенняя пора с ярким солнцем. Знаете, эта пора, когда шины выпечатываются на масляной дороге. Дороги гладкие, свет яркий и воздух бодрящий. В тарантасе ехать было хорошо. Когда рассвело и я поехал, мне стало легче. Глядя на лошадей, на поля, на встречных, забывал, куда я еду. Иногда мне казалось, что я просто еду, и что ничего того, что вызвало меня, ничего этого не было. И мне особенно радостно бывало так забываться. Когда же я вспоминал, куда я еду, я говорил себе: «тогда видно будет, не думай». На середине дороги сверх того случилось событие, задержавшее меня в дороге и еще больше развлекшее меня: тарантас сломался, и надо было чинить его. Поломка эта имела большое значение тем, что она сделала то, что я приехал в Москву не в пять часов, как я рассчитывал, а в двенадцать часов и домой – в первом часу, так как я не попал на курьерский, а должен был уже ехать на пассажирском. Поездка за телегой, починка, расплата, чай на постоялом дворе, разговоры с дворником, всё это еще больше развлекло меня. Сумерками всё было готово, и я опять поехал, и ночью еще лучше было ехать, чем днем. Был молодой месяц, маленький мороз, еще прекрасная дорога, лошади, веселый ямщик, и я ехал и наслаждался, почти совсем не думая о том, что меня ожидает, или именно потому особенно наслаждался, что знал, что меня ожидает, и прощался с радостями жизни. Но это спокойное состояние мое, возможность подавлять свое чувство – кончилось с поездкой на лошадях. Как только я вошел в вагон, началось совсем другое. Этот восьмичасовой переезд в вагоне был для меня что-то ужасное, чего я не забуду во всю жизнь. Оттого ли, что, сев в вагон, я живо представил себя уже приехавшим, или оттого, что железная дорога так возбуждающе действует на людей, но только с тех пор, как я сел в вагон, я уже не мог владеть своим воображением, и оно не переставая с необычайной яркостью начало рисовать мне разжигающие мою ревность картины, одну за другой и одну циничнее другой, и всё о том же, о том, что происходило там, без меня, как она изменяла мне. Я сгорал от негодования, злости и какого-то особенного чувства упоения своим унижением, созерцая эти картины, и не мог оторваться от них; не мог не смотреть на них, не мог стереть их, не мог не вызывать их. Мало того, чем более я созерцал эти воображаемые картины, тем более я верил в их действительность. Яркость, с которой представлялись мне эти картины, как будто служила доказательством тому, что то, что я воображал, было действительность. Какой-то дьявол, точно против моей воли, придумывал и подсказывал мне самые ужасные соображения. Давнишний разговор с братом Трухачевского вспомнился мне, и я с каким-то восторгом раздираю себе сердце этим разговором, относя его к Трухачевскому и моей жене.

Это было очень давно, но я вспомнил это. Брат Трухачевского, я помню, раз на вопрос о том, посещает ли он публичные дома, сказал, что порядочный человек не станет ходить туда, где можно заболеть, да и грязно и гадко, когда всегда можно найти порядочную женщину. И вот он, его брат, нашел мою жену. «Правда, она уже не первой молодости, зуба одного нет сбоку, и есть пухлость некоторая, – думал я за него, – но что же делать, надо пользоваться тем, что есть». – «Да, он делает снисхождение ей, что берет ее своей любовницей, – говорил я себе. – Притом она безопасна». – «Нет, это невозможно! Что я думаю! – ужасаясь, говорил я себе. – Ничего, ничего подобного нет. И нет даже никаких оснований что-нибудь предполагать подобное. Разве она не говорила мне, что ей унижительна даже мысль о том, что я могу ревновать к нему? Да, но она лжет, всё лжет!» – вскрикивал я – и начиналось опять... Пассажиров в нашем вагоне было только двое – старушка с мужем, оба очень неразговорчивые, и те вышли на одной из станций, и я остался один. Я был как зверь в клетке: то я вскакивал, подходил к окнам, то, шатаясь, начинал ходить, стараясь подогнать вагон; но вагон со всеми лавками и стеклами всё точно так же подрагивал, вот как наш...

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLev
И Позднышев вскочил и сделал несколько шагов и опять сел.

– Ох, боюсь я, боюсь я вагонов железной дороги, ужас находит на меня. Да, ужасно! – продолжал он. – Я говорил себе: «буду думать о другом. Ну, положим, о хозяине постоянного двора, у которого я пил чай». Ну вот, в глазах воображения возникает дворник с длинной бородой и его внук – мальчик одних лет с моим Васей. Мой Вася! Он увидит, как музыкант целует его мать. Что сделается в его бедной душе? Да ей что! Она любит... И опять поднималось то же. Нет, нет... Ну, буду думать об осмотре больницы. Да, как вчера больной жаловался на доктора. А доктор с усами, как у Трухачевского. И как он нагло... Они оба обманывали меня, когда говорил, что он уезжает. И опять начиналось. Всё, о чем я думал, имело связь с ним. Я страдал ужасно. Страдание главное было в неведении, в сомнениях, в раздвоении, в незнании того, что – любить или ненавидеть надо ее. Страдания были так сильны, что, я помню, мне пришла мысль, очень понравившаяся мне, выйти на путь, лечь на рельсы под вагон и кончить. Тогда, по крайней мере, не будешь больше колебаться, сомневаться. Одно, что мешало это сделать, была жалость к себе, тотчас же непосредственно за собой вызывавшая ненависть к ней. К нему же было какое-то странное чувство и ненависти и сознания своего унижения и его победы, но к ней страшная ненависть. «Нельзя покончить с собой и оставить ее; надо, чтоб она пострадала хоть сколько-нибудь, хоть поняла бы, что я страдал», говорил я себе. Я выходил на всех станциях, чтобы развлекаться. На одной станции я в буфете увидел, что пьют, и тотчас же сам выпил водки. Рядом со мной стоял еврей и тоже пил. Он разговорился, и я, чтобы только не оставаться одному в своем вагоне, пошел с ним в его грязный, накуренный и забрызганный шелухой от семечек вагон третьего класса. Там я сел с ним рядом, и он много что-то болтал и рассказывал анекдоты. Я слушал его, но не мог понимать того, что он говорит, потому что продолжал думать о своем. Он заметил это и стал требовать к себе внимания; тогда я встал и ушел опять в свой вагон. «Надо обдумать, – говорил я себе, – правда ли то, что я думаю, и есть ли основание мне мучаться». Я сел, желая спокойно обдумать, но тотчас же вместо спокойного обдумыванья началось опять то же: вместо рассуждений – картины и представления. «Сколько раз я так мучался – говорил я себе (я вспоминал прежние подобные припадки ревности), – и потом всё кончалось ничем. Так и теперь, может быть, даже наверно, я найду ее спокойно спящую; она проснется, обрадуется мне, и по словам, по взгляду я почувствую, что ничего не было, и что всё это вздор. О, как хорошо бы это!» – «Но нет, это слишком часто было, и теперь этого уже не будет», говорил мне какой-то голос, и опять начиналось. Да, вот где была казнь! Не в сифилитическую больницу я сводил бы молодого человека, чтобы отбить у него охоту от женщин, но в душу к себе, посмотреть на тех дьяволов, которые раздирали ее! Ведь ужасно было то, что я признавал за собой несомненное, полное право над ее телом, как будто ото было мое тело, и вместе с тем чувствовал, что владеть я этим телом не могу, что оно не мое, и что она может распоряжаться им как хочет, а хочет распорядиться им не так, как я хочу. И я ничего не могу сделать, ни ему ни ей. Он, как Ванька-ключничек перед виселицей, споев песенку о том, как в сахарные уста было поцеловано и проч. И верх его. А с ней еще меньше я могу что-нибудь сделать. Если она не сделала, но хочет, а я знаю, что хочет, то еще хуже: уж лучше бы сделала, чтоб я знал, чтоб не было неизвестности. Я не мог бы сказать, чего я хотел. Я хотел, чтоб она не желала того, что она должна желать. Это было полное сумасшествие!

XXVI

– На предпоследней станции, когда кондуктор пришел собирать билеты, я, собрав свои вещи, вышел на тормоз, и сознание того, что близко, вот оно решение, еще усилило мое волнение. Мне стало холодно, и я стал дрожать челюстями так, что стучал зубами. Я машинально с толпой вышел из вокзала, взял извозчика, сел и поехал. Я ехал, оглядывая редких прохожих и дворников и тени, бросаемые фонарями и моей пролеткой то спереди, то сзади, ни о чем не думая. Отъехав с полверсты, мне стало холодно ногам, и я подумал о том, что снял в вагоне шерстяные чулки и положил их в сумку. Где сумка? тут ли? Тут. А где корзина? Я вспомнил, что я забыл совсем о багаже, но, вспомнив и достав расписку, решил, что не стоит возвращаться за этим, и поехал дальше.

Сколько я ни стараюсь вспомнить теперь, я никак не могу вспомнить моего тогдашнего состояния: что я думал? чего хотел? ничего не знаю. Помню только, что у меня было сознание того, что готовится что-то страшное и очень важное в моей жизни. Оттого ли произошло то важное, что я так думал, или оттого что предчувствовал, – не знаю. Может быть и то, что после того, что случилось, все предшествующие минуты в моем воспоминании получили мрачный оттенок. Я подъехал к

мое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle крыльцу. Был первый час. Несколько извозчиков стояло у крыльца, ожидая седоков по освещенным окнам (освещенные окна были в нашей квартире, в зале и гостиной). Не отдавая себе отчета в том, почему есть еще свет так поздно в наших окнах, я в том же состоянии ожидания чего-то страшного взшел на лестницу и позвонил. Лакей, добрый, старательный и очень глупый Егор, отворил. Первое, что бросилось в глаза, в передней была на вешалке рядом с другим платьем его шинель. Я бы должен был удивиться, но не удивился, точно я ждал этого. «Так и есть», сказал я себе. Когда я спросил Егора, кто здесь, и он назвал мне Трухачевского, я спросил, есть ли еще кто-нибудь. Он сказал:

– Никого-с.

Помню, как он ответил мне это с такой интонацией, как будто желал порадовать меня и рассеять сомнения, что есть еще кто. «Никого-с. Так, так», как будто говорил я себе.

– А дети?

– Слава Богу, здоровы. Давно спят-с.

Я не мог продохнуть и не мог остановить трясущихся челюстей. «Да, стало быть, не так, как я думал: то прежде я думал – несчастье, а оказывалось всё хорошо, по-старому. Теперь же вот не по-старому, а вот оно всё то, что я представлял себе и думал, что только представлял, а вот оно всё в действительности. Вот оно всё...

Я чуть было не зарыдал, но тотчас же дьявол подсказал: «ты плачь, сантиментальничай, а они спокойно разойдутся, улик не будет, и ты век будешь сомневаться и мучаться». И тотчас чувствительность над собой исчезла, и явилось странное чувство – вы не поверите – чувство радости, что кончится теперь мое мученье, что теперь я могу наказать ее, могу избавиться от нее, что я могу дать волю моей злобе. И я дал волю моей злобе – я сделался зверем, злым и хитрым зверем.

– Не надо, не надо, – сказал я Егору, хотевшему идти в гостиную, – а ты вот что: ты пооди, скорее возьми извозчика и поезжай; вот квитанция, получи вещи. Ступай.

Он пошел по коридору за своим пальто. Боясь, что он спугнет их, я проводил его до его комнаты и подождал, пока он оделся. В гостиной, за другой комнатой, слышен был говор и звук ножей и тарелок. Они ели и не слышали звонка. «Только бы не вышли теперь», думал я. Егор надел свое пальто с астраханским барашком и вышел. Я выпустил его и запер за ним дверь, и мне стало жутко, когда я почувствовал, что остался один, и что мне надо сейчас действовать. Как – я еще не знал. Я знал только, что теперь всё кончено, что сомнений в ее невинности не может быть, и что я сейчас накажу ее и кончу мои отношения с нею.

Прежде еще были у меня колебания, я говорил себе: «а может быть, это неправда, может быть, я ошибаюсь», теперь уж этого не было. Всё было решено бесповоротно. Тайно от меня, одна с ним, ночью! Это уже совершенное забвение всего. Или еще хуже: нарочно такая смелость, дерзость в преступлении, чтобы дерзость эта служила признаком невинности. Всё ясно. Сомнения нет. Я боялся только одного, как бы они не разбежались, не придумали еще нового обмана и не лишили меня тем и очевидности улики и возможности наказать. И с тем, чтоб скорее застать их, я на цыпочках пошел в залу, где они сидели, не через гостиную, а через коридор и детскую.

В первой детской мальчики спали. Во второй детской няня зашевелилась, хотела проснуться, и я представил себе то, что она подумает, узнав всё, и такая жалость к себе охватила меня при этой мысли, что я не мог удержаться от слез, и, чтобы не разбудить детей, выбежал на цыпочках в коридор и к себе в кабинет, повалился на свой диван и зарыдал.

«Я – честный человек, я – сын своих родителей, я – всю жизнь мечтавший о счастье семейной жизни, я – мужчина, никогда не изменявший ей... И вот! пять человек детей, и она обнимает музыканта, оттого что у него красные губы! Нет, это не человек! Это сука, это мерзкая сука! Рядом с комнатой детей, в любви к которым она притворялась всю свою жизнь. И писать мне то, что она писала! И так нагло броситься на шею! Да что я знаю? может быть, всё время это так было. Может быть,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
она давно с лакеями прижила всех детей, которые считаются моими. И завтра я бы приехал, и она в своей причёске, с своей этой талией и ленивыми грациозными движениями (я увидал всё её привлекательное ненавистное лицо) встретила бы меня, и зверь этот ревности навеки сидел бы у меня в сердце и раздирал бы его. Няня что подумает, Егор. И бедная Лизочка! Она уже понимала что-то. И эта наглость! и эта ложь! и эта животная чувственность, которую я так знаю», – говорил я себе.

Я хотел встать, но не мог. Сердце так билось, что я не мог устоять на ногах. Да, я умру от удара. Она убьёт меня. Ей это и надо. Что ж, ей убить? Да нет, это бы ей было слишком выгодно, и этого удовольствия я не доставлю ей. Да, и я сижу, а они там едят и смеются, и... Да, несмотря на то, что она была уж не первой свежести, он не побрезгал ею: всё-таки она была недурна, главное же, по крайней мере было безопасно для его драгоценного здоровья. «И зачем я не задушил ее тогда», сказал я себе, вспомнив ту минуту, когда я неделю тому назад вытаскивал ее из кабинета и потом колотил вещи. Мне живо вспомнилось то состояние, в котором я был тогда; не только вспомнилось, но я ощутил ту же потребность бить, разрушать, которую я ощущал тогда. Помню, как мне захотелось действовать, и всякие соображения, кроме тех, которые нужны были для действия, выскочили у меня из головы. Я вступил в то состояние зверя или человека под влиянием физического возбуждения во время опасности, когда человек действует точно, неторопливо, но и не теряя ни минуты, и всё только с одной определенной целью.

XXVII

– Первое, что я сделал, я снял сапоги и, оставшись в чулках, подошел к стене над диваном, где у меня висели ружья и кинжалы, и взял кривой дамасский кинжал, ни разу не употребившийся и страшно острый. Я вынул его из ножен. Ножны, я помню, завалились за диван, и помню, что я сказал себе: «надо после найти их, а то пропадут». Потом я снял пальто, которое всё время было на мне, и, мягко ступая в одних чулках, пошел туда.

И подкравшись тихо, я вдруг отворил дверь. Помню выражение их лиц. Я помню это выражение, потому что выражение это доставило мне мучительную радость. Это было выражение ужаса. Этого-то мне и надо было. Я никогда не забуду выражение отчаянного ужаса, которое выступило в первую секунду на обоих их лицах, когда они увидели меня. Он сидел, кажется, за столом, но, увидав или услышав меня, вскочил на ноги и остановился спиной к шкапу. На его лицо было одно очень несомненное выражение ужаса. На ее лице было то же выражение ужаса, но с ним вместе было и другое. Если бы оно было одно, может быть, не случилось бы того, что случилось; но в выражении ее лица было, по крайней мере показалось мне в первое мгновение, было еще огорченье, недовольство тем, что нарушили ее увлечение любовью и ее счастье с ним. Ей как будто ничего не нужно было кроме того, чтобы ей не мешали быть счастливой теперь. То и другое выражение только мгновение держалось на их лицах. Выражение ужаса в его лице тотчас же сменилось выражением вопроса: можно лгать или нет? Если можно, то надо начинать. Если нет, то начнется еще что-то другое. Но что? Он вопросительно взглянул на нее. На ее лице выражение досады и огорчения сменилось, как мне показалось, когда она взглянула на него, заботою о нем.

На мгновение я остановился в дверях, держа кинжал за спиной. В это же мгновение он улыбнулся и до смешного равнодушным тоном начал:

– А мы вот музицировали...

– Вот не ждала, – в то же время начала и она, покоряясь его тону.

Но ни тот ни другой не договорили: то же самое бешенство, которое я испытывал неделю тому назад, овладело мной. Опять я испытал эту потребность разрушения, насилия и восторга бешенства и отдался ему.

Оба не договорили... Началось то другое, чего он боялся, что разрывало сразу всё, что они говорили. Я бросился к ней, всё еще скрывая кинжал, чтобы он не помешал мне ударить ее в бок под грудь. Я выбрал это место с самого начала. В ту минуту, как я бросился к ней, он увидал, и, чего я никак не ждал от него, он схватил меня за руку и крикнул:

– Опомнитесь, что вы! Люди!

Я вырвал руку и молча бросился к нему. Его глаза встретились с моими, он вдруг

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle побледнел, как полотно, до губ, глаза сверкнули как-то особенно, и, чего я тоже никак не ожидал, он шмыгнул под фортепиано, в дверь. Я бросился было за ним, но на левой руке моей повисла тяжесть. Это была она. Я рванулся. Она еще тяжелее повисла и не выпускала. Неожиданная эта помеха, тяжесть, и ее отвратительное мне прикосновение еще больше разожгли меня. Я чувствовал, что я вполне бешеный и должен быть страшен, и радовался этому.

Я размахнулся изо всех сил левой рукой и локтем попал ей в самое лицо. Она вскрикнула и выпустила мою руку. Я хотел бежать за ним, но вспомнил, что было бы смешно бежать в чулках за любовником своей жены, а я не хотел быть смешон, а хотел быть страшен. Несмотря на страшное бешенство, в котором я находился, я помнил всё время, какое впечатление я произвожу на других, и даже это впечатление отчасти руководило мною. Я повернулся к ней. Она упала на кушетку и, схватившись рукой за расшибленные мною глаза, смотрела на меня. В лице ее были страх и ненависть ко мне, к врагу, как у крысы, когда поднимают мышеловку, в которую она попала. Я по крайней мере ничего не видел в ней, кроме этого страха и ненависти ко мне. Это был тот самый страх и ненависть ко мне, которые должна была вызвать любовь к другому. Но еще, может быть, я удержался бы и не сделал бы того, что я сделал, если бы она молчала. Но она вдруг начала говорить и хватать меня рукой за руку с кинжалом.

– Опомнись! Что ты? Что с тобой? ничего нет, ничего, ничего... Клянусь!

Я бы и еще помедлил, но эти последние слова ее, по которым я заключил обратное, т. е. что всё было, вызывали ответ. И ответ должен был быть соответствен тому настроению, в которое я привел себя, которое всё шло crescendo[2] и должно было продолжать так же возвышаться. У бешенства есть тоже свои законы.

– Не лги, мерзавка! – завопил я и левой рукой схватил ее за руку, но она вырвалась. Тогда всё-таки я, не выпуская кинжала, схватил ее левой рукой за горло, опрокинул навзничь и стал душить. Какая жесткая шея была... Она схватилась обеими руками за мои руки, отдирая их от горла, и я как будто этого-то и ждал, изо всех сил ударил ее кинжалом в левый бок, ниже ребер.

Когда люди говорят, что они в припадке бешенства не помнят того, что они делают, – это вздор, неправда. Я всё помнил и ни на секунду не переставал помнить. Чем сильнее я разводил сам в себе пары своего бешенства, тем ярче разгорался во мне свет сознания, при котором я не мог не видеть всего того, что я делал. Всякую секунду я знал, что я делаю. Не могу сказать, чтобы я знал вперед, что я буду делать, но в ту секунду, как я делал, даже, кажется, несколько вперед, я знал, что я делаю, как будто для того, чтоб возможно было раскаяться, чтоб я мог себе сказать, что я мог остановиться. Я знал, что я ударяю ниже ребер, и что кинжал войдет. В ту минуту, как я делал это, я знал, что я делаю нечто ужасное, такое, какого я никогда не делал и которое будет иметь ужасные последствия. Но сознание это мелькнуло как молния, и за сознанием тотчас же следовал поступок. И поступок сознавался с необычайной яркостью. Я слышал и помню мгновенное противодействие корсета и еще чего-то и потом погружение ножа в мягкое. Она схватилась руками за кинжал, обрезала их, но не удержала. Я долго потом, в тюрьме, после того как нравственный переворот совершился во мне, думал об этой минуте, вспоминал что мог, и соображал. Помню на мгновение, только на мгновение, предварявшее поступок, страшное сознание того, что я убиваю и убил женщину, беззащитную женщину, мою жену. Ужас этого сознания я помню и потому заключаю и даже вспоминаю смутно, что, воткнув кинжал, я тотчас же вытащил его, желая поправить сделанное и остановить. Я секунду стоял неподвижно, ожидая что будет, можно ли поправить. Она вскочила на ноги, вскрикнула:

– Няня! он убил меня!

Услышавшая шум няня стояла в дверях. Я всё стоял, ожидая и не веря. Но тут из-под ее корсета хлынула кровь. Тут только я понял, что поправить нельзя, и тотчас же решил, что и не нужно, что я этого самого и хочу, и это самое и должен был сделать. Я подождал, пока она упала, и няня с криком: «батюшки!» подбежала к ней, и тогда только бросил кинжал прочь и пошел из комнаты.

«Не надо волноваться, надо знать, что я делаю», сказал я себе, не глядя на нее и няню. Няня кричала, звала девушку. Я прошел коридором и, послав девушку, пошел в свою комнату. Что теперь надо делать? спросил я себя и тотчас же понял, что.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Войдя в кабинет, я прямо подошел к стене, снял с нее револьвер, осмотрел его – он был заряжен, – и положил на стол. Потом достал ножи из-за дивана и сел на диван.

Долго я сидел так. Я ничего не думал, ничего не вспоминал. Я слышал, что там что-то возились. Слышал, как приехал кто-то, потом еще кто-то. Потом слышал и видел, как Егор внес мою привезенную корзину в кабинет. Точно кому-нибудь это нужно!

– Слышал ты, что случилось? – сказал я, – скажи дворнику, чтобы дали знать в полицию.

Он ничего не сказал и ушел. Я встал, запер дверь и, достав папироски и спичку, стал курить. Я не докурил папироски, как меня схватил и повалил сон. Я спал, верно, часа два. Помню, я видел во сне, что мы дружны с ней, поссорились, но миримся, и что немножко что-то мешает, но мы дружны. Меня разбудил стук в дверь. «Это полиция, – подумал я, просыпаясь. – Ведь я убил, кажется. А может быть, это она, и ничего не было». В дверь еще постучались. Я ничего не отвечал, решая вопрос: было это или не было? Да, было. Я вспомнил сопротивление корсета и погружение ножа, и мороз пробежал по спине. «Да, было. Да, теперь надо и себя», сказал я себе. Но я говорил это и знал, что я не убью себя. Однако я встал и взял опять в руки револьвер. Но странное дело: помню, как прежде много раз я был близок к самоубийству, как в тот день даже, на железной дороге, мне это легко казалось, легко именно потому, что я думал, как я этим поражу ее. Теперь я никак не мог не только убить себя, но и подумать об этом. «Зачем я это сделаю?» спрашивал я себя, и ответа не было. В дверь постучались еще. «Да, прежде надо узнать, кто это стучится. Успею еще». Я положил револьвер и покрыл его газетой. Я подошел к двери и отодвинул задвижку. Это была сестра жены, добрая, глупая вдова.

– Вася! что это? – сказала она, и всегда готовые у ней слезы полились.

– Что надо? – грубо спросил я. Я видел, что совсем не надо было и незачем было быть с ней грубым, но я не мог придумать никакого другого тона.

– Вася, она умирает! Иван Федорович сказал. – Иван Федорович это был доктор, ее доктор, советчик.

– Разве он здесь? – спросил я, и вся злоба на нее поднялась опять. – Ну так что ж?

– Вася, поди к ней. Ах, как это ужасно, – сказала она.

«Пойти к ней?» задал я себе вопрос. И тотчас же ответил, что надо пойти к ней, что, вероятно, всегда так делается, что когда муж, как я, убил жену, то непременно надо итти к ней. «Если так делается, то надо итти, – сказал я себе. – Да если нужно будет, всегда успею», подумал я о своем намерении застрелиться и пошел за нею. «Теперь будут фразы, гримасы, но я не поддамся им», сказал я себе.

– Постой, – сказал я сестре, – глупо без сапог, дай я надену хоть туфли.

XXVIII

– И удивительное дело! Опять, когда я вышел из комнаты и пошел по привычным комнатам, опять во мне явилась надежда, что ничего не было, но запах этой докторской гадости, – иодоформ, карболка – поразил меня. Нет, всё было. Проходя по коридору мимо детской, я увидел Лизаньку. Она смотрела на меня испуганными глазами. Мне показалось даже, что тут были все пятеро детей, и все смотрели на меня. Я подошел к двери, и горничная изнутри отворила мне и вышла. Первое, что бросилось мне в глаза, было ее светло-серое платье на стуле, всё черное от крови. На нашей двуспальной постели, на моей даже постели – к ней был легче подходить – лежала она с поднятыми коленями. Она лежала очень отлого на одних подушках, в расстегнутой кофте. На месте раны было что-то наложено. В комнате был тяжелый запах иодоформа. Прежде и больше всего поразило меня ее распухшее и синее по отекам лицо, часть носа и под глазом. Это было последствие удара моего локтем, когда она хотела удерживать меня. Красоты не было никакой, а что-то гадкое показалось мне в ней. Я остановился у порога.

– Подойди, подойди к ней, – говорила мне сестра.

«Да, верно, она хочет покаяться», подумал я. «Простить? Да, она умирает и можно простить ее», думал я, стараясь быть великодушным. Я подошел вплоть. Она с трудом подняла на меня глаза, из которых один был подбитый, и с трудом, с запинками проговорила:

– Добился своего, убил... – И в лице ее, сквозь физические страдания и даже близость смерти, выразилась та же старая, знакомая мне холодная животная ненависть. Детей... я всё-таки тебе... не отдам... Она (ее сестра) возьмет...

О том же, что было главным для меня, о своей вине, измене, она как бы считала нестоящим упоминать.

– Да, полюбуйся на то, что ты сделал, – сказала она, глядя в дверь, и всхлипнула. В двери стояла сестра с детьми. – Да, вот что ты сделал.

Я взглянул на детей, на ее с подтеками разбитое лицо и в первый раз забыл себя, свои права, свою гордость, в первый раз увидел в ней человека. И так ничтожно мне показалось всё то, что оскорбляло меня, – вся моя ревность, и так значительно то, что я сделал, что я хотел припасть лицом к ее руке и сказать: «прости!» но не смел.

Она молчала, закрыв глаза, очевидно не в силах говорить дальше. Потом изуродованное лицо ее задрожало и сморщилось. Она слабо оттолкнула меня.

– Зачем всё это было? Зачем?

– Прости меня, – сказал я.

– Прости? Всё это вздор!.. Только бы не умереть!.. – вскрикнула она, приподнялась, и лихорадочно блестящие глаза ее устремились на меня. – Да, ты добился своего!.. Ненавижу! Ай! Ах! – очевидно в бреду, пугаясь чего-то, закричала она. – Ну, убивай, убивай, я не боюсь... Только всех, всех, и его. Ушел, ушел!

Бред продолжался всё время. Она не узнавала никого. В тот же день, к полдню, она померла. Меня прежде этого, в 8 часов, отвели в часть и оттуда в тюрьму. И там, просидев 11 месяцев, дожидаясь суда, я обдумал себя и свое прошедшее и понял его. Начал понимать я на третий день. На третий день меня водили туда...

Он что-то хотел сказать и, не в силах будучи удержать рыдания, остановился. Собравшись с силами, он продолжал:

– Я начал понимать только тогда, когда увидел ее в гробу... – Он всхлипнул, но тотчас же торопливо продолжал: – только тогда, когда я увидел ее мертвое лицо, я понял всё, что я сделал. Я понял, что я, я убил ее, что от меня сделалось то, что она была живая, движущаяся, теплая, а теперь стала неподвижная, восковая, холодная, и что поправить этого никогда, нигде, ничем нельзя. Тот, кто не пережил этого, тот не может понять... У! у! у!.. – вскрикнул он несколько раз и затих.

Мы долго сидели молча. Он всхлипывал и трясся молча передо мной.

– Ну, простите...

Он отвернулся от меня и прилег на лавке, закрывшись пледом. На той станции, где мне надо было выходить, – это было в 8 часов утра – я подошел к нему, чтобы проститься. Спал ли он или притворялся, но он не шевелился. Я тронул его рукой. Он открылся, и видно было, что он не спал.

– Прощайте, – сказал я, подавая ему руку.

Он подал мне руку и чуть улыбнулся, но так жалобно, что мне захотелось плакать.

– Да, простите, – повторил он то же слово, которым заключил и весь рассказ.

–

ПОСЛЕСЛОВИЕ К «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЕ»

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Я получил и получаю много писем от незнакомых мне лиц, просящих меня объяснить в простых словах то, что я думаю о предмете написанного мною рассказа под заглавием «Крейцера соната». Попытаюсь это сделать, т. е. в коротких словах выразить, насколько это возможно, сущность того, что я хотел сказать в этом рассказе, и тех выводов, которые, по моему мнению, можно сделать из него.

—
Хотел я сказать, во-первых, то, что в нашем обществе сложилось твердое, общее всем сословиям и поддерживаемое ложной наукой убеждение в том, что половое общение есть дело необходимое для здоровья, и что так как женитьба есть дело не всегда возможное, то и половое общение вне брака, не обязывающее мужчину ни к чему, кроме денежной платы, есть дело совершенно естественное и потому долженствующее быть поощряемым. Убеждение это до такой степени стало общим и твердым, что родители, по совету врачей, устраивают разврат для своих детей; правительства, единственный смысл которых состоит в заботе о нравственном благосостоянии своих граждан, учреждают разврат, т. е. регулируют целое сословие женщин, долженствующих погибать телесно и душевно для удовлетворения мнимых потребностей мужчин, а холостые люди с совершенно спокойной совестью предаются разврату.

И вот я хотел сказать, что это нехорошо, потому что не может быть того, чтобы для здоровья одних людей нужно бы было губить тела и души других людей, так же как не может быть того, чтобы для здоровья одних людей нужно было пить кровь других.

Вывод же, который, мне кажется, естественно сделать из этого, тот, что поддаваться этому заблуждению и обману не нужно. А для того, чтобы не поддаваться, надо, во-первых, не верить безнравственным учениям, какими бы они ни поддерживались мнимыми науками, а во-вторых, понимать, что вступление в такое половое общение, при котором люди или освобождают себя от возможных последствий его — детей, или сваливают всю тяжесть этих последствий на женщину, или предупреждают возможность рождения детей, — что такое половое общение есть преступление самого простого требования нравственности, есть подлость, и что потому холостым людям, не желающим жить подло, надо не делать этого.

Для того же, чтобы они могли воздержаться, они должны, кроме того что вести естественный образ жизни: не пить, не объедаться, не есть мяса и не избегать труда (не гимнастики, а утомляющего, не игрушечного труда), не допускать в мыслях своих возможности общения с чужими женщинами, так же как всякий человек не допускает такой возможности между собой и матерью, сестрами, родными, женами друзей.

Доказательств же того, что воздержание возможно и менее опасно и вредно для здоровья, чем невоздержание, всякий мужчина найдет вокруг себя сотни.

Это первое.

Второе то, что в нашем обществе, вследствие взгляда на любовное общение не только как на необходимое условие здоровья и на удовольствие, но и как на поэтическое, возвышенное благо жизни, супружеская неверность сделалась во всех слоях общества (в крестьянском особенно, благодаря солдатству) самым обычным явлением.

И я полагаю, что это нехорошо. Вывод же, который вытекает из этого, тот, что этого не надо делать.

Для того же, чтобы не делать этого, надо, чтобы изменился взгляд на плотскую любовь, чтобы мужчины и женщины воспитывались бы в семьях и общественным мнением так, чтобы они и до и после женитьбы не смотрели на влюбление и связанную с ним плотскую любовь как на поэтическое и возвышенное состояние, как на это смотрят теперь, а как на унижительное для человека животное состояние, и чтобы нарушение обещания верности, даваемого в браке, казнилось бы общественным мнением по крайней мере так же, как казнилась им нарушения денежных обязательств и торговые обманы, а не воспевалось бы, как это делается теперь, в романах, стихах, песнях, операх и т. д.

Это второе.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle

Третье то, что в нашем обществе, вследствие опять того же ложного значения, которое придано плотской любви, рождение детей потеряло свой смысл и, вместо того чтобы быть целью и оправданием супружеских отношений, стало помехой для приятного продолжения любовных отношений, и что потому и вне брака и в браке, по совету служителей врачебной науки, стало распространяться употребление средств, лишаящих женщину возможности деторождения, или стало входить в обычай и привычку то, чего не было прежде и теперь еще нет в патриархальных крестьянских семьях: продолжение супружеских отношений при беременности и кормлении.

И полагаю я, что это нехорошо. Нехорошо употреблять средства против рождения детей, во-первых, потому, что это освобождает людей от забот и трудов о детях, служащих искуплением плотской любви, а во-вторых, потому, что это нечто весьма близкое к самому противоположному человеческой совести действию – убийству. И нехорошо воздержание во время беременности и кормления, потому что это губит телесные, а главное – душевные силы женщины.

Вывод же, который вытекает из этого, тот, что этого не надо делать. А для того, чтобы этого не делать, надо понять, что воздержание, составляющее необходимое условие человеческого достоинства при безбрачном состоянии, еще более обязательно в браке.

Это третье.

Четвертое то, что в нашем обществе, в котором дети представляются или помехой для наслаждения, или несчастной случайностью, или своего рода наслаждением, когда их рождается вперед определенное количество, эти дети воспитываются не в виду тех задач человеческой жизни, которые предстоят им как разумным и любящим существам, а только в виду тех удовольствий, которые они могут доставить родителям. И что вследствие этого дети людей воспитываются как дети животных, так что главная забота родителей состоит не в том, чтобы приготовить их к достойной человека деятельности, а в том (в чем поддерживаются родители ложной наукой, называемой медициной), чтобы как можно лучше напитать их, увеличить их рост, сделать их чистыми, белыми, сытыми, красивыми (если в низших классах этого не делают, то только по необходимости, а взгляд один и тот же). И в изнеженных детях, как и во всяких перекормленных животных, неестественно рано появляется непреодолимая чувственность, составляющая причину страшных мучений этих детей в отроческом возрасте. Наряды, чтения, зрелища, музыка, танцы, сладкая пища, вся обстановка жизни, от картинок на коробках до романов и повестей и поэм, еще более разжигают эту чувственность, и вследствие этого самые ужасные половые пороки и болезни делаются обычными условиями вырастания детей обоего пола и часто остаются и в зрелом возрасте.

И я полагаю, что это нехорошо. Вывод же, который можно сделать из этого, тот, что надо перестать воспитывать детей людей как детей животных, и для воспитания людских детей поставить себе другие цели, кроме красивого, выхоленного тела.

Это четвертое.

Пятое то, что в нашем обществе, где влюбление между молодым мужчиной и женщиной, имеющее в основе всё-таки плотскую любовь, возведено в высшую поэтическую цель стремлений людей, свидетельством чего служит всё искусство и поэзия нашего общества, молодые люди лучшее время своей жизни посвящают: мужчины на выглядывание, приискивание и овладение наилучшими предметами любви в форме любовной связи или брака, а женщины и девушки – на заманивание и вовлечение мужчин в связь или брак.

И от этого лучшие силы людей тратятся не только на непроизводительную, но на вредную работу. От этого происходит большая часть безумной роскоши нашей жизни, от этого – праздность мужчин и бесстыдство женщин, не пренебрегающих выставлением по модам, заимствуемым от заведомо развратных женщин, вызывающих чувственность частей тела.

И я полагаю, что это нехорошо.

Нехорошо это потому, что достижение цели соединения в браке или вне брака с предметом любви, как бы оно ни было опоэтизировано, есть цель недостойная человека, так же как недостойна человека представляющаяся многим людям высшим благом цель приобретения себе сладкой и изобильной пищи.

Вывод же, который можно сделать из этого, тот, что надо перестать думать, что любовь плотская есть нечто особенно возвышенное, а надо понять, что цель, достойная человека, – служение ли человечеству, отечеству, науке, искусству ли (не говоря уже о служении Богу) – какая бы она ни была, если только мы считаем ее достойной человека, не достигается посредством соединения с предметом любви в браке или вне его, а что, напротив, влюбление и соединение с предметом любви (как бы ни старались доказывать противное в стихах и прозе) никогда не облегчает достижение достойной человека цели, но всегда затрудняет его.

Это пятое.

Вот то существенное, что я хотел сказать и думал, что сказал в своем рассказе. И мне казалось, что можно рассуждать о том, как исправить то зло, на которое указывали эти положения, но что не согласиться с ними никак нельзя.

Мне казалось, что не согласиться с этими положениями нельзя, во-первых, потому, что положения эти вполне согласны с прогрессом человечества, всегда шедшим от распушенности к большей и большей целомудренности, и с нравственным сознанием общества, с нашей совестью, всегда осуждающей распушенность и ценящей целомудрие; и, во-вторых, потому, что эти положения суть только неизбежные выводы из учения Евангелия, которые мы или исповедуем или по крайней мере, хотя и бессознательно, признаем основой наших понятий о нравственности.

Но вышло не так.

Никто, правда, прямо не оспаривает положений о том, что развратничать не надо до брака, не надо и после брака, что не надо искусственно уничтожать деторождения, что не надо из детей делать забавы, и не надо ставить любовное соединение выше всего остального, – одним словом, никто не спорит о том, что целомудрие лучше распушенности. Но говорят: «Если безбрачие лучше брака, то очевидно, что люди должны делать то, что лучше. Если же люди делают это, то род человеческий прекратится, и потому не может быть идеалом рода человеческого уничтожение его».

Но не говоря уже о том, что уничтожение рода человеческого не есть понятие новое для людей нашего мира, а есть для религиозных людей догмат веры, для научных же людей неизбежный вывод наблюдений об охлаждении солнца, в возражении этом есть большое, распространенное и старое недоразумение.

Говорят: «Если люди достигнут идеала полного целомудрия, то они уничтожаются, и потому идеал этот не верен». Но те, которые говорят так, умышленно или неумышленно смешивают две разнородные вещи – правило, предписание и идеал.

Целомудрие не есть правило или предписание, а идеал или скорее – одно из условий его. А идеал только тогда идеал, когда осуществление его возможно только в идее, в мысли, когда он представляется достижимым только в бесконечности и когда поэтому возможность приближения к нему – бесконечна. Если бы идеал не только мог быть достигнут, но мы могли бы представить себе его осуществление, он бы перестал быть идеалом. Таков идеал Христа, – установление царства Бога на земле, идеал, предсказанный еще пророками о том, что наступит время, когда все люди будут научены Богом, перекуют мечи на орала, копыя на серпы, лев будет лежать ягненок, и когда все существа будут соединены любовью. Весь смысл человеческой жизни заключается в движении по направлению к этому идеалу, и потому стремление к христианскому идеалу во всей его совокупности и к целомудрию, как к одному из условий этого идеала, не только не исключает возможности жизни, но, напротив того, отсутствие этого христианского идеала уничтожило бы движение вперед и, следовательно, возможность жизни.

Суждение о том, что род человеческий прекратится, если люди всеми силами будут стремиться к целомудрию, подобно тому, которое сделали бы (да и делают), что род человеческий погибнет, если люди, вместо борьбы за существование, будут всеми силами стремиться к осуществлению любви к друзьям, к врагам, ко всему живущему. Суждения такие вытекают из непонимания различия двух приемов нравственного руководства.

Как есть два способа указания пути ищущему указания путешественнику, так есть и два способа нравственного руководства для ищущего правды человека. Один способ состоит в том, что человеку указываются предметы, долженствующие встретиться

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
ему, и он направляется по этим предметам.

Другой способ состоит в том, что человеку дается только направление по компасу, который человек несет с собой и на котором он видит всегда одно неизменное направление и потому всякое свое отклонение от него.

Первый способ нравственного руководства есть способ внешних определений, правил: человеку даются определенные признаки поступков, которые он должен и которых не должен делать.

«Соблюдай субботу, обрезывайся, не крадь, не пей хмельного, не убивай живого, отдавай десятину бедным, не прелюбодействуй, омывайся и молись пять раз в день, крестись, причащайся и т. под.». Таковы постановления внешних религиозных учений: браминского, буддийского, магометанского, еврейского, церковного, ложно называемого христианским.

Другой способ есть способ указания человеку никогда не достижимого им совершенства, стремление к которому человек сознает в себе: человеку указывается идеал, по отношению к которому он всегда может видеть степень своего удаления от него.

«Люби Бога твоего всем сердцем, и всею душой твоей, и всем разумением твоим и ближнего, как самого себя. Будьте совершенны, как Отец ваш небесный».

Таково учение Христа.

Поверка исполнения внешних религиозных учений есть совпадение поступков с определениями этих учений, и совпадение это возможно.

Поверка исполнения Христова учения есть сознание степени несоответствия с идеальным совершенством. (Степень приближения не видна: видно одно отклонение от совершенства.)

Человек, исповедующий внешний закон, есть человек, стоящий в свете фонаря, привешанного к столбу. Он стоит в свете этого фонаря, ему светло, и идти ему дальше некуда. Человек, исповедующий Христово учение, подобен человеку, несущему фонарь перед собой на более или менее длинном шесте: свет всегда впереди его и всегда побуждает его идти за собой и вновь открывает ему впереди его новое, влекущее к себе освещенное пространство.

Фарисей благодарит Бога за то, что он исполняет всё.

Богатый юноша тоже исполнил всё с детства и не понимает, чего может не доставать ему, и они не могут думать иначе: впереди их нет того, к чему бы они могли продолжать стремиться.

Десятина отдана, суббота соблюдена, родители почтены, прелюбодеяния, воровства, убийства – нет. Чего же еще? Для исповедующего же христианское учение достижение всякой ступени совершенства вызывает потребность вступления на высшую ступень, с которой открывается еще высшая, и так без конца.

Исповедующий закон Христа всегда в положении мытаря. Он всегда чувствует себя несовершенным, не видя позади себя пути, который он прошел, а видя всегда впереди себя тот путь, по которому еще надо идти и который он не прошел еще

В этом состоит различие учения Христа от всех других религиозных учений, различие, заключающееся не в различии требований, а в различии способа руководства людей. Христос не давал никаких определений жизни, он никогда не устанавливал никаких учреждений, никогда не устанавливал и брака. Но люди, не понимающие особенности учения Христа, привыкшие к внешним учениям и желающие чувствовать себя правыми, как чувствует себя правым фарисей, противно всему духу учения Христа, из буквы его сделали внешнее учение правил, называемое церковным христианским учением, и этим учением подменили истинное Христово учение идеала.

Церковные, называющие себя христианскими учения по отношению ко всем проявлениям жизни вместо учения идеала Христа поставили внешние определения и правила, противные духу учения. Это сделано по отношению власти, суда, войска, церкви, богослужения, это сделано и по отношению брака: несмотря на то, что Христос не

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
только никогда не устанавливал брака, но уж если отыскивать внешние определения, то скорее отрицал его («оставь жену и иди за мной»), церковные учения, называющие себя христианскими, установили брак как христианское учреждение, т. е. определили внешние условия, при которых плотская любовь может для христианина будто бы быть безгрешною, вполне законною.

Но так как в истинном христианском учении нет никаких оснований для учреждения брака, то и вышло то, что люди нашего мира от одного берега отстали и к другому не пристали, т. е. не верят в сущности в церковные определения брака, чувствуя, что это учреждение не имеет оснований в христианском учении, и вместе с тем не видят перед собой закрытого церковным учением идеала Христа, стремления к полному целомудрию и остаются по отношению брака без всякого руководства. От этого-то и происходит то, кажущееся сначала странным, явление, что у евреев, магометан, ламаистов и других, признающих религиозные учения гораздо низшего уровня, чем христианское, но имеющих точные внешние определения брака, семейное начало и супружеская верность несравненно тверже, чем у так называемых христиан.

У тех есть определенное наложничество, многоженство, ограниченное известными пределами. У нас же существует полная распущенность и наложничество, многоженство и многомужество, не подчиненное никаким определениям, скрывающееся под видом воображаемого единобрачия.

Только потому, что над некоторой частью соединяющихся совершается духовенством за деньги известная церемония, называемая церковным браком, люди нашего мира наивно или лицемерно воображают, что живут в единобрачии.

Христианского брака быть не может и никогда не было, как никогда не было и не может быть ни христианского богослужения (Мф. VI, 5–12; Иоан. IV, 21), ни христианских учителей и отцов (Мф. XXIII, 8–10), ни христианской собственности, ни христианского войска, ни суда, ни государства. Так и понималось это всегда истинными христианами первых и последующих веков.

Идеал христианина есть любовь к Богу и ближнему, есть отречение от себя для служения Богу и ближнему; плотская же любовь, брак, есть служение себе и потому есть во всяком случае препятствие служению Богу и людям, а потому с христианской точки зрения – падение, грех.

Вступление в брак не может содействовать служению Богу и людям даже в том случае, если бы вступающие в брак имели бы целью продолжение рода человеческого. Таким людям, вместо того чтобы вступать в брак для произведения детских жизней, гораздо проще поддерживать и спасать те миллионы детских жизней, которые гибнут вокруг нас от недостатка не говорю уже духовной, но материальной пищи.

Только в том случае мог бы христианин без сознания падения, греха вступить в брак, если бы он видел и знал, что все существующие жизни детей обеспечены.

Можно не принимать учения Христа, того учения, которым проникнута вся наша жизнь и на котором основана вся наша нравственность, но, принимая это учение, нельзя не признавать того, что оно указывает идеал полного целомудрия.

В Евангелии ведь сказано ясно и без возможности какого-либо перетолкования – во-первых, то, что женатому не должно разводиться с женой, с тем чтобы взять другую, а должно жить с той, с которой раз сошелся (Мф. V, 31–32; XIX, 8); во-вторых, то, что человеку вообще, и, следовательно, как женатому, так и неженатому, грешно смотреть на женщину как на предмет наслаждения (Мф. V, 28–29), и, в-третьих, то, что неженатому лучше не жениться вовсе, т. е. быть вполне целомудренным (Мф. XIX, 10–12).

Для многих и многих мысли эти покажутся странными и даже противоречивыми. И они действительно противоречивы, но не между собой, а мысли эти противоречат всей нашей жизни, и невольно является сомнение: кто прав? – мысли ли эти или жизнь миллионов людей и моя? Это самое чувство испытывал и я в сильнейшей степени, когда приходил к тем убеждениям, которые теперь высказываю: я никак не ожидал, что ход моих мыслей приведет меня к тому, к чему он привел меня. Я ужасался своим выводам, хотел не верить им, но не верить нельзя было. И как ни противоречат эти выводы всему строю нашей жизни, как ни противоречат тому, что я прежде думал и высказывал даже, я должен был признать их.

«Но всё это общие соображения, которые, может быть, и справедливы, но относятся к учению Христа и обязательны для тех, которые исповедуют его, но жизнь есть жизнь, и нельзя, указав впереди недостижимый идеал Христа, оставить людей в одном из самых жгучих, общих и производящих наибольшие бедствия вопросов с одним этим идеалом без всякого руководства.

«Молодой, страстный человек сначала увлечется идеалом, но не выдержит, сорвется и, не зная и не признавая никаких правил, попадет в полный разврат!»

Так рассуждают обыкновенно.

«Христов идеал недостижим, поэтому не может служить нам руководством в жизни; о нем можно говорить, мечтать, но для жизни он не приложим, и потому надо оставить его. Нам нужен не идеал, а правило, руководство, которое было бы по нашим силам, по среднему уровню нравственных сил нашего общества: церковный честный брак или хоть даже не совсем честный брак, при котором один из брачующихся, как у нас, мужчина, уже сходилась со многими женщинами, или хотя бы брак с возможностью развода, или хотя бы гражданский, или (идя по тому же пути) хотя бы японский на срок, – почему же не дойти и до домов терпимости?»

Говорят, это лучше, чем уличный разврат. В том-то и беда, что, позволив себе принижать идеал по своей слабости, нельзя найти того предела, на котором надо остановиться.

Но ведь это рассуждение с самого начала неверно; неверно прежде всего то, чтобы идеал бесконечного совершенства не мог быть руководством в жизни и чтобы нужно было, глядя на него, или махнуть рукой, сказав, что он мне не нужен, так как я никогда не достигну его, или принизить идеал до тех ступеней, на которых хочется стоять моей слабости.

Рассуждать так – всё равно, что мореплавателю сказать себе, что так как я не могу идти по той линии, которую указывает компас, то я выкину компас или перестану смотреть на него, т. е. отброшу идеал или прикреплю стрелку компаса к тому месту, которое будет соответствовать в данную минуту ходу моего судна, т. е. принижу идеал к моей слабости. Идеал совершенства, данный Христом, не есть мечта или предмет риторических проповедей, а есть самое необходимое, всем доступное орудие руководства морехода; только надо верить как в то, так и в другое. В каком бы ни находился человек положении, всегда достаточно учения идеала, данного Христом, для того чтобы получить самое верное указание тех поступков, которые должно и не должно совершать. Но надо верить этому учению вполне, этому одному учению, перестать верить во все другие, точно так же как надо мореходу верить в компас, перестать приглядываться и руководиться тем, что он видит по сторонам. Надо уметь руководствоваться христианским учением, как уметь руководствоваться компасом, а для этого, главное, надо понимать свое положение, надо уметь не бояться с точностью определять свое отклонение от идеального данного направления. На какой бы ступени ни стоял человек, всегда есть для него возможность приближения к этому идеалу, и никакое положение для него не может быть таким, в котором бы он мог сказать, что он достиг его, и не мог бы стремиться к еще большему приближению. Таково стремление человека к христианскому идеалу вообще и таково же к целомудрию в частности. Если представить себе по отношению полового вопроса самые различные положения людей – от невинного детства до брака –, в которых не соблюдается воздержание, на каждой ступени между этими двумя положениями учение Христа с выставляемым им идеалом будет всегда служить ясным и определенным руководством того, что должно и не должно на каждой из этих ступеней делать человеку.

Что делать чистому юноше, девушке? Соблюдать себя чистыми от соблазнов и, для того чтобы быть в состоянии все свои силы отдать на служение Богу и людям, стремиться к большему и большему целомудрию мыслей и желаний.

Что делать юноше и девушке, подпавшим соблазнам, поглощенным мыслями о беспредметной любви или о любви к известному лицу и потерявшим от этого известную долю возможности служить Богу и людям? Всё то же: не попускать себя на падение, зная, что такое поущение не освободит от соблазна, а только усилит его, и всё так же стремиться к большему и большему целомудрию для возможности более полного служения Богу и людям.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Что делать людям, когда они не осилили борьбы и пали? Смотреть на свое падение не как на законное наслаждение, как смотрят теперь, когда оно оправдывается обрядом брака, ни как на случайное удовольствие, которое можно повторять с другими, ни как на несчастье, когда падение совершается с неровней и без обряда, а смотреть на это первое падение как на единственное, как на вступление в неразрывный брак.

Вступление это в брак своим вытекающим из него последствием – рождением детей – определяет для вступивших в брак новую, более ограниченную форму служения Богу и людям. До брака человек непосредственно в самых разнообразных формах мог служить Богу и людям; вступление же в брак ограничивает его область деятельности и требует от него возвращения и воспитания происходящего от брака потомства, будущих слугителей Богу и людям.

Что делать мужчине и женщине, живущим в браке и исполняющим то ограниченное служение Богу и людям, через возвращение и воспитание детей, которое вытекает из их положения?

Всё то же: стремиться вместе к освобождению от соблазна, очищению себя и прекращению греха, заменой отношений, препятствующих и общему и частному служению Богу и людям, заменой плотской любви чистыми отношениями сестры и брата.

И потому неправда то, что мы не можем руководиться идеалом Христа, потому что он так высок, совершенен и недостижим. Мы не можем руководиться им только потому, что мы сами себе лжем и обманываем себя.

Ведь если мы говорим, что нужно иметь правила более осуществимые, чем идеал Христа, а то иначе мы, не достигнув идеала Христа, впадем в разврат, мы говорим не то, что для нас слишком высок идеал Христа, а только то, что мы в него не верим и не хотим определять своих поступков по этому идеалу.

Говоря, что раз павши, мы впадем в разврат, мы ведь этим говорим только, что мы вперед уже решили, что падение с неровней не есть грех, а есть забава, увлечение, которое необязательно поправить тем, что мы называем браком. Если же бы мы понимали, что падение есть грех, который должен и может быть искуплен только неразрывностью брака и всей той деятельностью, которая вытекает из воспитания детей, рожденных от брака, то падение никак не могло бы быть причиной впадения в разврат.

А то ведь это всё равно, как если бы земледелец не считал посевом тот посев, который не удался ему, а, сея на другом и третьем месте, считал бы настоящим посевом тот, который удаётся ему. Очевидно, что такой человек испортил бы много земли и семян и никогда бы не научился сеять. Только поставьте идеалом целомудрие, считайте, что всякое падение кого бы то ни было с кем бы то ни было есть единственный, неразрывный на всю жизнь брак, и будет ясно, что руководство, данное Христом, не только достаточно, но единственно возможно.

«Человек слаб, надо дать ему задачу по силам», говорят люди. Это всё равно, что сказать: «руки мои слабы, и я не могу провести линию, которая была бы прямая, т. е. кратчайшая между двумя точками, и потому, чтоб облегчить себя, я, желая проводить прямую, возьму за образец себе кривую или ломаную». Чем слабее моя рука, тем нужнее мне совершенный образец.

Нельзя, познав христианское учение идеала, делать так, как будто мы не знаем его, и заменять его внешними определениями. Христианское учение идеала открыто человечеству именно потому, что оно может руководить его в теперешнем возрасте.

Человечество уже выжило период религиозных, внешних определений, и никто уже не верит в них.

Христианское учение идеала есть то единое учение, которое может руководить человечеством. Нельзя, не должно заменять идеал Христа внешними правилами, а надо твердо держать этот идеал перед собой во всей чистоте его и, главное, верить в него.

Плавающему недалеко от берега можно было говорить: «держись того возвышения, мыса, башни» и т. п.

Но приходит время, когда пловцы удалились от берега, и руководством им должны и могут служить только недостижимые светила и компас, показывающий направление. А то и другое дано нам.

—

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Комедия в 4-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Леонид Федорович Звездинцев, отставной поручик конной гвардии, владетель 24 тысяч десятин в разных губерниях. Свежий мужчина, около 60 лет, мягкий, приятный, джентльмен. Верит в спиритизм и любит удивлять других своими рассказами.

Анна Павловна Звездинцева, его жена, полная, молодящаяся дама, озабоченная светскими приличиями, презирающая своего мужа и слепо верящая доктору. Дама раздражительная.

Бетси, их дочь, светская девица, лет 20-ти, с распущенными манерами, подражающими мужским, в рипсе-пез. Кокетка и хохотунья. Говорит очень быстро и очень отчетливо, поджимая губы, как иностранка.

Василий Леонидыч, их сын, 25-ти лет, кандидат юридических наук, без определенных занятий, член общества велосипедистов, общества конских ристалищ и общества поощрения борзых собак. Молодой человек, пользующийся прекрасным здоровьем и несокрушимой самоуверенностью. Говорит громко и отрывисто. Либо вполне серьезен, почти мрачен, либо шумно-весел и хохочет громко.

Алексей Владимирович Кругосветлов, профессор. Ученый, лет 50-ти, с спокойными, приятно самоуверенными манерами и такою же медлительною, певучей речью. Охотно говорит. К несоглашающимся с собой относится кротко-презрительно. Много курит. Худой, подвижный человек.

Доктор, лет 40, здоровый, толстый, красный человек. Громогласен и груб. Постоянно самодовольно посмеивается.

Марья Константиновна, девица лет 20-ти, воспитанница консерватории, учительница музыки, с махрами на лбу, в преувеличенно-модном туалете, заискивающая и конфузящаяся.

Петрищев, лет 28, кандидат филологических наук, ищущий деятельности, член тех же обществ, как и Василий Леонидыч, и, кроме того, общества устройства ситцевых и коленкорových балов. Плешивый, быстрый в движениях и речи и очень учтивый.

Баронесса, важная дама, лет 50-ти, неподвижная, говорит без интонаций.

Княгиня, светская дама, гостья.

Княжна, светская девица, гримасница, гостья.

Графиня, древняя дама, насилу движущаяся, с фальшивыми буклями и зубами.

Гросман, брюнет еврейского типа, очень подвижный, нервный, говорит очень громко.

Толстая барыня, Марья Васильевна Толбухина, очень важная, богатая и добродушная дама, знакомая со всеми замечательными людьми, прежними и теперешними. Очень толстая, говорит поспешно, стараясь переговорить других. Курит.

Барон Клинген (кокò), кандидат Петерб. университета, камер-юнкер, служащий при посольстве. Вполне correct и потому спокоен душою и тихо весел.

Дама.

Барин (без слов).

Сахатов, Сергей Иванович, лет 50-ти, бывший товарищ министра, элегантный господин, широкого европейского образования, ничем не занят и всем интересуется. Держит себя достойно и даже несколько строго.

Федор Иванович, камердинер, лет под 60-т. Образованный и любящий образование человек, злоупотребляющий употреблением рiпсе-пез и носового платка, который он медленно разворачивает. Следит за политикой. Человек умный и добрый.

Григорий, лакей, лет 28, красавец собой, развратный, завистливый и смелый.

Яков, лет 40, буфетчик, суетливый, добродушный, живущий только деревенскими семейными интересами.

Семен, буфетный мужик, лет 20. Здоровый, свежий деревенский малый, белокурый, без бороды еще, спокойный, улыбающийся.

Кучер, лет 35. Щеголь, с усами только, грубый и решительный.

Старый повар, лет 45, лохматый, не бритый, раздутый, желтый, трясущийся, в нанковом летнем оборванном пальто и грязных штанах, и опорках, говорит хрипло. Слова вырываются из него как бы через преграду.

Кухарка, говорунья, недовольная, лет 30.

Швейцар, отставной солдат.

Таня, горничная, лет 19-ти, энергическая, сильная, веселая и быстро изменяющая настроение девушка. В минуты сильного возбуждения радости взвизгивает.

1-й мужик, лет 60-ти, ходил старшиной, полагает, что знает обхождение с господами, и любит себя послушать.

2-й мужик, лет 45, хозяин, грубый и правдивый, не любит говорить лишнего. Отец Семена.

3-й мужик, лет 70-ти, в лаптях, нервный, беспокойный, торопится, робеет и разговором заглушает свою робость.

1-й выездной лакей графини. Старик старого завета, с лакейской гордостью.

2-й выездной лакей, огромный, здоровый, грубый.

Артельщик из магазина. В синей поддевке, с чистым румяным лицом. Говорит твердо, внушительно и ясно.

Действие происходит в столице, в доме Звездинцевых.

—
ДЕЙСТВИЕ I

Театр представляет переднюю богатого дома в Москве. Три двери: наружная, в кабинет Леонида Федоровича и в комнату Василья Леонидыча. Лестница наверх, во внутренние покои; сзади нее проход в буфет.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Григорий (молодой и красивый лакей, глядится в зеркало и прихорашивается).

Григорий.

А жаль усов! Не годится, говорит, лакею усы! А отчего? Чтобы видно было, что ты лакей. А то как бы не превзошел сынка ее любезного. И есть кого! Хотя и без усов, а далеко ему... (Вглядывается с улыбкой.) И сколько их за мной волочатся! Только никто вот не нравится, как Таня эта! Простая горничная! Нда! А вот лучше барышни. (Улыбается.) Да и мила! (Прислушивается.) Вот, она и есть! (Улыбается.) Вишь постукивает каблучками... в-ва!..

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Григорий и Таня (с шубкой и ботинками).

Григорий.

Татьяне Марковне мое почтение!

Таня.

Что, смотрите всё? Думаете, очень из себя хороши?

Григорий.

А что, неприятен?

Таня.

Так, ни приятен ни неприятен, а середка на половину. Что ж это у вас шубы-то понавешаны?

Григорий.

Сейчас, сударыня, убегу. (Снимает шубу и накрывает ею Таню, обнимая ее.) Таня, что я тебе скажу...

Таня.

Ну вас совсем! И к чему это пристало! (Сердито вырывается.) Говорю же, оставьте!

Григорий (оглядывается).

Поцелуйте же.

Таня.

Да что вы в самом деле пристали? Я вас так поцелую!.. (Замахивается.)

Василий Леонидыч. (За сценой слышен звонок и потом крик.)

Григорий!

Таня.

Вон, идите, Василий Леонидыч зовет.

Григорий.

Подождет, он только глаза продрал. Слушай-ка, отчего не любишь?

Таня.

И какие такие любви выдумали! Я никого не люблю.

Григорий.

Неправда, Семку любишь. И нашла же кого, буфетного мужика сиволапого!

Таня.

Ну, какой ни-на-есть, да вот вам завидно.

Василий Леонидыч (за сценой).

Григорий!

Григорий.

Поспеешь!.. Есть чему завидовать! Ведь ты только начала образовываться и с кем связываешься? То ли дело меня бы полюбила... Таня...

Таня (сердито и строго).

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Говорю, не будет вам ничего.

Василий Леонидыч (за сценой).

Григорий!!!

Григорий.

Уж очень строго себя ведете.

Василий Леонидыч (за сценой, упорно, ровно, во всю мочь кричит).

Григорий! Григорий! Григорий!

(Таня и Григорий смеются.)

Григорий.

Меня ведь какие любили!

(Звонок.)

Таня.

Ну и идите к ним, а меня оставьте.

Григорий.

Глупая ты, посмотрю. Ведь я не Семен.

Таня.

Семен жениться хочет, а не глупости.

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Григорий, Таня и артельщик (несет большой картон с платьем).

Артельщик.

С добрым утром!

Григорий.

Здравствуйте. От кого?

Артельщик.

От Бурде, с платьем, да вот записка барыне.

Таня (берет записку).

Посидите тут, я подам. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Григорий, артельщик и Василий Леонидыч (высовывается из двери в рубашке и туфлях).

Василий Леонидыч.

Григорий!

Григорий.

Сейчас!

Василий Леонидыч.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Григорий! разве не слышишь?

Григорий.

я только пришел.

Василий Леонидыч.

Воды теплой и чаю.

Григорий.

Сейчас Семен принесет.

Василий Леонидыч.

А это что? От Бурдые?

Артельщик

Так точно-с.

(Василий Леонидыч и Григорий уходят. – Звонок.)

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Артельщик и Таня (вбегает на звонок и отворяет дверь).

Таня (артельщику).

Подождите.

Артельщик.

И так дожидаюсь.

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Артельщик, Таня и Сахатов (входит в дверь).

Таня.

Извините, сейчас вышел лакей. Да вы пожалуйста. Позвольте! (Снимает шубу.)

Сахатов (оправляясь).

Дома Леонид Федорович? Встали?

(Звонок.)

Таня.

Как же, давно уж!

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Артельщик, Таня и Сахатов. Входит Доктор.

Доктор (ищет лакея. Увидав Сахатова, с развязностью).

А? мое почтение!

Сахатов (пристально вглядывается).

Доктор, кажется?

Доктор.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
А я думал, что вы за границей. К Леониду Федоровичу?

Сахатов.

Да. А вы что же? Болен разве кто?

Доктор (посмеиваясь).

Не то чтобы болен, а знаете, с этими барынями беда! До трех часов каждый день сидит за винтом, а сама тянется в рюмку. А барыня сырая, толстая, да и годочков-то немало.

Сахатов.

Вы так и Анне Павловне высказываете ваш диагноз? Ей не нравится, я думаю.

Доктор (смеясь).

Что же, правда. Все эти штуки проделывают, а потом расстройство пищеварительных органов, давление на печень, нервы, – ну, и пошла писать, а ты ее подправляй. Беда с ними! (Посмеивается.) А вы что? Вы, кажется, спирт тоже?

Сахатов.

я? Нет, я не спирт тоже... Ну, мое почтение! (Хочет итти, но доктор останавливает.)

Доктор.

Нет, ведь я тоже не отрицаю вполне, когда такой человек, как Кругосветлов, принимает участие. Нельзя же! Профессор, европейская известность. Что-нибудь да есть. Хотелось бы как-нибудь посмотреть, да всё некогда, другое дело есть.

Сахатов.

Да, да. Мое почтение! (Уходит с легким поклоном.)

Доктор (Тане).

Встали?

Таня.

В спальне. Да вы пожалуйста.

(Сахатов и Доктор расходятся в разные стороны.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Артельщик, Таня и Федор Иваныч (входит с газетой в руках).

Федор Иваныч (к Артельщику).

Вы что?

Артельщик.

От Бурде с платьем да с запиской. Велели подождать.

Федор Иваныч.

А, от Бурде! (К Тане.) Кто это прошел?

Таня.

Сахатов, Сергей Иваныч, и еще доктор. Они тут постояли, поговорили. Всё о спиритичестве.

Федор Иваныч (поправляя)

Об спиритизме.

Таня.

Да я и говорю об спиритичестве. А вы слышали, Федор Иваныч, как прошлый раз удалось хорошо? (Смеется.) И стучало, и вещи перелетали.

Федор Иваныч

А ты почему знаешь?

Таня.

А Лизавета Леонидовна сказывали.

ЯВЛЕНИЕ 9-е

Таня, Федор Иваныч, Артельщик и Яков-буфетчик (бежит с стаканом чаю)

Яков (к Артельщику).

Здравствуйте!

Артельщик (грустно).

Здравствуйте.

(Яков стучит в дверь к Василью Леонидычу.)

ЯВЛЕНИЕ 10-е

Те же и Григорий

Григорий.

Давай.

Яков.

А стаканы вчерашние всё не принесли, да и поднос от Василья Леонидыча. Ведь с меня спросят.

Григорий.

Поднос занят у него с сигарками.

Яков.

Так вы переложите. Ведь с меня взыскивают.

Григорий.

Принесу, принесу!

Яков.

Вы говорите, принесу, а его нет. Намедни хватились, а подавать не на чем.

Григорий.

Да принесу, говорю. Эка суета!

Яков.

Вам хорошо так говорить, а я вот третий чай подавай да завтракать собирай. Треплешься, треплешься день денской. Есть ли у кого в доме больше моего дела? А всё нехорош!

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Григорий.

Да уж чего лучше? Вишь как хорош!

Таня.

Вам все нехороши, только вы один...

Григорий (к Тане).

Тебя не спросили! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 11-е

Таня, Яков, Федор Иваныч и Артельщик.

Яков.

Да что, я не обижаюсь, Татьяна Марковна, барыня не говорила ничего про
вчерашнее?

Таня.

Это об лампе-то?

Яков.

И как это она вырвалась из рук, Бог ее знает. Только стал обтирать, хотел
перехватить, – вышмыгнула как-то... В мелкие кусочки! Всё мое несчастье! Ему
хорошо, Григорию-то Михайлычу, говорить, как он один головой, а вот как семья?
Ведь тоже надо обдумать да прокормить. Я на труды не смотрю. Так ничего не
говорила? Ну, и слава Богу! А ложечки у вас, Федор Иваныч, одна или две?

Федор Иваныч.

Одна, одна. (Читает газету.)

(Яков уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 12-е

Таня, Федор Иваныч и Артельщик. Слышен звонок.

Входят Григорий с подносом и Швейцар.

Швейцар (Григорию).

Доложите барину, мужики из деревни.

Григорий (указывая на Федора Иваныча).

Дворецкому доложи, а мне некогда. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 13-е

Таня, Федор Иваныч, Швейцар и Артельщик.

Таня.

Откуда мужики?

Швейцар.

Из Курской, кажется.

Таня (взвизгивает).

Они... Это Семенов отец о земле. Пойду встречу. (Бежит.)

явление 14-е

Федор Иваныч, Швейцар и Артельщик.

Швейцар.

Так как скажете: пустить их сюда, или как? Они говорят – об земле, барин знает.

Федор Иваныч.

Да, о покупке земли. Так, так. Гость у него теперь. Ты вот что: скажи, чтоб подождали.

Швейцар.

Где ж ждать?

Федор Иваныч.

Пусть на дворе подождут, я тогда вышлю.

(Швейцар уходит.)

явление 15-е

Федор Иваныч, Таня, за ней три Мужика, Григорий и Артельщик.

Таня.

Направо. Сюда, сюда!

Федор Иваныч.

я не велел пускать было сюда.

Григорий.

То-то, егоза!

Таня.

Да ничего, Федор Иваныч, они тут с краюшка.

Федор Иваныч.

Натопчут.

Таня.

Они ноги обтерли, да я и подотру. (Мужикам.) Вот тут и станьте.

(Мужики входят, несут гостинцы в платках: кулич, яйца, полотенца, ищут, на что креститься. Крестятся на лестницу, кланяются Федору Иванычу и становятся твердо.)

Григорий (Федору Иванычу).

Федор Иваныч! вот говорили, от Пироне фасонисты щиблетки, уж это чего лучше у энтого-то? (Показывает на третьего Мужика в чунях.)

Федор Иваныч.

Всё вам только пересмеивать людей!

(Григорий уходит.)

явление 16-е

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Таня, Федор Иванович и три Мужика.

Федор Иванович (встает и подходит к Мужикам).

Так вы самые курские, о покупке земли?

1-й мужик.

Так точно. Происходит, примерно, насчет свершения продажи земли мы. Доложить бы как?

Федор Иванович.

Да, да, знаю, знаю. Подождите здесь, я сейчас доложу. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 17-е

Таня и три Мужика. Василий Леонидыч (за сценой). (Мужики оглядываются, не знают куда деть гостинцы.)

1-й мужик.

Как же, значит, это, не знаю, как назвать, на чем бы подать? Хворменно, чтоб предмет исделать. Блюдец бы, что ли?

Таня.

Сейчас, сейчас. Давайте сюда; покамест вот так. (Ставит на диванчик.)

1-й мужик.

Это какого звания, примерно, почтенный подходил-то к нам?

Таня.

Это камердин.

1-й мужик.

Прямое дело, камердин. В распоряжении, значит, тоже. (К Тане.) А вы, примерно, тоже при услужении будете?

Таня.

В горничных я. Ведь я тоже Деменская. Я ведь вас знаю, и вас знаю, только этого дяденьку не знаю. (Указывает на третьего Мужика.)

3-й мужик.

Тех вознала, а меня не вознала?

Таня.

Вы Ефим Антоныч?

1-й мужик.

Двистительно.

Таня.

А вы Семенов родитель, Захар Трифоныч?

2-й мужик.

Верно!

3-й мужик.

А я, скажем, Митрий Чиликин. Вознала теперь?

Таня.

Теперь и вас знать будем.

2-й мужик.

Ты чья ж будешь?

Таня.

А Аксиньи, солдатки покойной, сирота.

1-й и 3-й мужики (с удивлением).

Ну-у?!

2-й мужик.

Не даром говорится: дай за поросенка грош, посади в рожь, он и будет хорош.

1-й мужик.

Двистительно. Сходственно, в роде как мамзель.

3-й мужик.

Это как есть. О, Господи!

Василий Леонидыч (за сценой звонит, а потом кричит).

Григорий! Григорий!

1-й мужик.

Кто ж это так очень себя беспокоит, примерно?

Таня.

Молодой барин это.

3-й мужик

О, Господи! Сказывал, пока что, лучше бы наружу подождали. (Молчание.)

2-й мужик.

Тебя-то Семен замуж берет?

Таня.

А разве он писал? (Закрывается фартуком.)

2-й мужик.

Стало, писал! Да не дело задумал. Избаловался, вижу, малый.

Таня (живо).

Нет, он ничего не избаловался. Послать его вам?

2-й мужик.

Чего посылать-то. Дай срок. Успеем!

(Слышны отчаянные крики Василья Леонидыча: Григорий! чорт тебя возьми!)

ЯВЛЕНИЕ 18-е

Те же. Из двери Василий Леонидыч (в рубашке, надевает pince-nez).

Василий Леонидыч.

Вымерли все?

Таня.

Нет его, Василий Леонидыч... Сейчас я пошлю. (Направляется к двери.)

Василий Леонидыч.

Ведь я слышу, что разговаривают. Это что за чучелы явились? А, что?

Таня.

Это мужички из Курской деревни, Василий Леонидыч.

Василий Леонидыч (на Артельщика).

А это кто? А, да, от Бурдые!

(Мужики кланяются. Василий Леонидыч не обращает на них внимания, Григорий встречается с Таней в дверях, Таня остается.)

ЯВЛЕНИЕ 19-е

Те же и Григорий.

Василий Леонидыч.

Я тебе говорил, – те ботинки. Не могу я эти носить!

Григорий.

Да и те там же стоят.

Василий Леонидыч.

Да где же там?

Григорий.

Да там же.

Василий Леонидыч.

Врешь!

Григорий.

Да вот увидите.

(Василий Леонидыч и Григорий уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 20-е

Таня, три Мужика и Артельщик.

3-й мужик.

А може, скажем, не время таперь, пошли бы на фатеру, обождали бы пока что.

Таня.

Нет, ничего, подождите. Вот я вам сейчас тарелки для гостинцев принесу.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 21-е

Те же, Сахатов, Леонид Федорович и за ними Федор Иваныч.

(Мужики берут гостинцы и становятся в позы.)

Леонид Федорович (Мужикам).

Сейчас, сейчас, подождите. (На Артельщика.) А это кто?

Артельщик.

От Бурде.

Леонид Федорович.

А, от Бурдые!

Сахатов (улыбаясь)

Да я не отрицаю; но согласитесь, что, не видав всего того, что вы говорите, нашему брату, непосвященному, трудно верить.

Леонид Федорович.

Вы говорите: я не могу верить. Но мы и не требуем веры. Мы требуем исследования. Ведь не могу же я не верить этому кольцу. А кольцо получено мною оттуда.

Сахатов.

Как оттуда? Откуда?

Леонид Федорович.

Из того мира. Да.

Сахатов (улыбаясь).

Очень интересно, очень интересно!

Леонид Федорович.

Но, положим, вы думаете, что я увлекающийся человек, воображающий себе то, чего нет, но ведь вот Алексей Владимирович Кругосветлов, кажется, не кто-нибудь, а профессор, и вот признает то же. Да не он один. А Крукс? А Валлас?

Сахатов.

Да ведь я не отрицаю. Я говорю только, что это очень интересно. Интересно знать, как Кругосветлов объясняет?

Леонид Федорович.

У него своя теория! Да вот приезжайте нынче вечером; он будет непременно. Сначала Гросман будет... знаете, известный угадыватель мыслей.

Да, я слышал, но ни разу не случилось видеть.

Леонид Федорович.

Ну так приезжайте. Сначала Гросман, а потом Капчич, и наш сеанс медиумический... (Федору Иванычу.) Не вернулся посланный от Капчича?

Федор Иваныч.

Нет еще.

Сахатов

Так как же бы мне узнать?

Леонид Федорович

Да вы приезжайте, всё равно приезжайте. Если Капчица и не будет, мы найдем своего медиума. Марья Игнатьевна – медиум; не такой сильный, как Капчич, но всё-таки...

ЯВЛЕНИЕ 22-е

Те же и Таня (входит с тарелками для гостинцев. Прислушивается к разговору).

Сахатов (улыбаясь).

Да, да. Но только вот обстоятельство: почему медиумы всегда из так называемого образованного круга? И Капчич и Марья Игнатьевна. Ведь если это особенная сила, то она должна бы встречаться везде, в народе, в мужиках.

Леонид Федорович.

Так и бывает. Так часто бывает, что у нас в доме один мужик, и тот оказался медиумом. На днях мы позвали его во время сеанса. Нужно было передвинуть диван – и забыли про него. Он, вероятно, и заснул. И, представьте себе, наш сеанс уж кончился, Капчич проснулся, и вдруг мы замечаем, что в другом углу комнаты около мужика начинаются медиумические явления: стол двинулся и пошел.

Таня (в сторону).

Это когда я из-под стола лезла.

Леонид Федорович.

Очевидно, что он тоже медиум. Тем более, что лицом он очень похож на Юма. Вы помните Юма? – белокурый, наивный.

Сахатов (пожимая плечами).

Вот как. Это очень интересно! Так вот вы его бы и испытали.

Леонид Федорович.

И испытаем. Да и не он один. Медиумов бездна. Мы только не знаем их. Вот на днях одна больная старушка передвинула каменную стену.

Сахатов.

Передвинула каменную стену?

Леонид Федорович.

Да, да, лежала в постели и совсем не знала, что она медиум. Уперлась рукой о стену, а стена и отодвинулась.

Сахатов.

И не завалилась?

Леонид Федорович.

И не завалилась.

Сахатов.

Странно! Ну, так я приеду вечером.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой to1stoy1e
Леонид Федорович.

Приезжайте, приезжайте! Сеанс будет во всяком случае.

(Сахатов одевается. Леонид Федорович провожает его.)

ЯВЛЕНИЕ 23-е
Те же, без Сахатова.

Артельщик (Тане).

Доложите же барыне! Что же, мне ночевать, что ли?

Таня.

Подождите. Оне едут с барышней, так скоро сами выйдут. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 24-е
Те же, без Тани.

Леонид Федорович (подходит к Мужикам, те кланяются и подают гостинцы).

Не надо это!

1-й мужик (улыбаясь).

Да уж это первым долгом происходит. Как и мир нам предлагал.

2-й мужик.

Уж это как водится.

3-й мужик.

И не толкуй! Потому, как мы много довольны... Как родители наши, скажем, вашим родителям, скажем, служили, так и мы жалаем от души, а не то чтобы как... (Кланяется.)

Леонид Федорович.

Да что вы? Чего вы именно желаете?

1-й мужик.

К вашей милости, значит.

ЯВЛЕНИЕ 25-е
Те же и Петрищев (быстро вбегает в шинели).

Петрищев.

Василий Леонидыч проснулся? (Увидев Леонида Федоровича, кланяется ему одной головой.)

Леонид Федорович.

Вы к сыну?

Петрищев.

я? – Да, я на минутку в Вово.

Леонид Федорович.

Пройдите, пройдите.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e
(Петрищев снимает шинель и скоро идет.)

ЯВЛЕНИЕ 26-е

Те же, без Петрищева.

Леонид Федорович (к Мужикам).

Да-с. Ну, так вы что ж?

2-й мужик.

Прими гостинцы-то.

1-й мужик (улыбаясь).

Значит, деревенские предложения.

3-й мужик.

И не толкуй, – что там! Мы жалаем как отцу родному. И не толкуй.

Леонид Федорович.

Ну что ж... Федор, прими.

Федор Иванович.

Ну, давайте сюда. (Берет гостинцы.)

Леонид Федорович.

Так в чем же дело?

1-й мужик.

Да к вашей милости мы.

Леонид Федорович.

Вижу, что ко мне; да чего же вы желаете?

1-й мужик.

А насчет совершения продажи земли движение исделать. Происходит...

Леонид Федорович.

Что же, вы покупаете землю, что ли?

1-й мужик.

Двистительно, это как есть. Происходит... значит, насчет покупки собственности земли. Так мир нас, примерно, и полномочил, чтобы взойтить, значит, как полагается, через государственную банку с приложением марки узаконенного числа.

Леонид Федорович.

То есть вы желаете купить землю через посредство банка, – так, что ли?

1-й мужик.

Это как есть, как летось вы нам предлог исделали. Происходит, значит, всей суммы полностью 32 864 р. в покупки собственности земли.

Леонид Федорович.

Это так, но как же приплату?

1-й мужик.

А приплату предлагает мир, чтоб, как летось говорено, рассрочить, значит, в получении в наличностях, по законам положений, 4000 рублей полностью.

2-й мужик.

Четыре тысячи получи денежки теперь, значит, а остальные чтоб обождать.

3-й мужик (пока разворачивает деньги).

Уж это будь в надежде, себя заложим, а того не сделаем, чтоб как-нибудь, а скажем, как-никак, а чтобы, скажем, того... как должно.

Леонид Федорович.

Да ведь я писал вам, что я согласен только в таком случае, коли соберете все деньги.

1-й мужик.

Это, двистительно, приятнее бы, да не в возможностях, значит.

Леонид Федорович.

Так что же делать?

1-й мужик.

Мир, примерно, на то упевал, что как летось предлог исделали в отсрочке платежа...

Леонид Федорович.

То было прошлого года; тогда я соглашался, а теперь не могу...

2-й мужик.

Да как же так? Обнадежил, мы и бумагу выправили, и деньги собрали.

3-й мужик.

Помилосердствуй, отец. Земля наша малая, не то что скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда. (Кланяется.) Не грехи, отец! (Кланяется.)

Леонид Федорович.

Это, положим, правда, что прошлого года я соглашался отсрочить, да тут вышло обстоятельство... Так что мне теперь это неудобно.

2-й мужик.

Нам без этой земли надо жизни решиться.

1-й мужик.

Двистительно, без земли наше жительство должно ослабнуть и в упадок произойти.

3-й мужик (кланяется).

Отец! земля малая, не то что скотину, – куренка, скажем, и того выпустить некуда. Отец! помилосердствуй. Прими денежки, отец.

Леонид Федорович (просматривает пока бумагу).

Я понимаю, мне самому хотелось бы вам сделать доброе. Вы подождите. Я вам через полчаса ответ дам. Федор, скажи, чтоб никого не принимать.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Федор Иваныч.

Очень хорошо. (Леонид Федорович уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 27-е

Те же, без Леонида Федоровича. Мужики в унынии.

2-й мужик.

Ишь ты дело-то! Всё, говорит, подавай. А где их возьмешь?

1-й мужик.

Кабы летось не обнадежил нас. А то мы так упевали, двистительно, что как летось говорено.

3-й мужик.

О, Господи! Я, было, деньги, раскутал. (Завертывает деньги.) Теперь что станем делать?

Федор Иваныч.

Да у вас в чем дело состоит?

1-й мужик.

Дело у нас, почтенный, зависит, примерно, вот в чем: предлагал он нам летось рассрочить. Мир на то и взошел мнением и нас вполномочил; а таперь он, примерно, предлагает, чтобы всю сумму полностью. А выходит дело никак неспособно.

Федор Иваныч.

Денег-то много ль?

1-й мужик.

Всей суммы в поступлении четыре тысячи рублей, значит.

Федор Иваныч.

Так что ж? – понатужьтесь, соберите еще.

1-й мужик.

И так натурно собирали. Пороху в этих смыслах, господин, не хватает.

2-й мужик.

Как их нет, зубами не натянешь.

3-й мужик.

Мы бы всей душой, да, скажем, и так под метелочку и эти-то собрали.

ЯВЛЕНИЕ 28-е

Те же, Василий Леонидыч и Петрищев (в дверях, оба с папиросками).

Василий Леонидыч.

Да уж я сказал, буду стараться. Так буду стараться, что как только возможно. А, что?

Петрищев.

Ты пойми, что если ты не достанешь, то это чорт знает какая гадость!

Василий Леонидыч.

Да уж сказал – буду стараться и буду. А, что?

Петрищев.

Да ничего. Я только говорю, что добудь непременно. Я подожду. (Уходит, запирая дверь.)

ЯВЛЕНИЕ 29-е

Те же, без Петрищева.

Василий Леонидыч (махая рукой).

Чорт знает что такое.

(Мужики кланяются.)

Василий Леонидыч (смотрит на Артельщика. Федору Иванычу).

Что это вы этого от Бурдые не отпустите? Он уж совсем жить к нам переехал. Смотрите, он заснул. А, что?

Федор Иваныч.

Да подали записку, велели подождать. Когда Анна Павловна выйдут.

Василий Леонидыч (смотрит на Мужиков и воззривается на деньги).

А это что? Деньги? Это кому? Нам деньги? (К Федору Иванычу). Это кто такие?

Федор Иваныч.

Это крестьяне курские, землю покупают.

Василий Леонидыч.

Что ж, продали?

Федор Иваныч.

Да нет, не сошлись еще. Вот скупятся они.

Василий Леонидыч.

А? Это надо их уговорить. (К Мужикам.) Вы что ж, покупаете, а?

1-й мужик.

Двистительно, мы предлагаем, чтобы как приобрести собственность владения земли.

Василий Леонидыч.

А вы не скупитесь. Вы знаете, я вам скажу, как земля мужичку нужна! А, что? Очень нужна.

1-й мужик.

Двистительно, земля мужичку пристекает первая статья. Это как есть.

Василий Леонидыч.

Ну, вот вы и не скупитесь. Ведь земля что? Можно ведь на ней пшеницу рядами, я вам скажу, посеять. Триста пудов можно взять, по рублю за пуд, триста рублей. А, что?.. А то мяту, так тысячу рублей, я вам скажу, можно с десятины слупить!

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
1-й мужик.

Двистительно, это вполне, все продукты можно в действие произвести, кто понятие имеет.

Василий Леонидыч.

Так непременно мяту. Ведь я учился про это. Это в книгах напечатано. Я вам покажу. А, что?

1-й мужик.

Двистительно, что касающее вам по книгам виднее. Умственность, значит.

Василий Леонидыч.

Так покупайте, не скупитесь, а давайте деньги. (Федору Иванычу.) Папа где?

Федор Иваныч.

Дома. Они просили не беспокоить их теперь.

Василий Леонидыч.

Что ж, вероятно, у духа спрашивает, продать ли землю или нет? А, что?

Федор Иваныч.

Этого не могу сказать. Знаю, что пошли в нерешительности.

Василий Леонидыч.

Как ты думаешь, Федор Иваныч, есть у него деньги? А, что?

Федор Иваныч.

Уж не знаю. Едва ли. А вам зачем? Ведь вы на прошлой неделе взяли куш не маленький.

Василий Леонидыч.

Да ведь я за собак отдал. А теперь ведь ты знаешь: наше новое общество, и Петрищев выбран, а я брал у Петрищева деньги, а теперь надо внести за него и за себя. А, что?

Федор Иваныч.

Это какое ваше новое общество? Велосипидистов?

Василий Леонидыч.

Нет, я тебе сейчас скажу: это новое общество. Очень, я тебе скажу, серьезное общество. И ты знаешь, кто председатель? А, что?

Федор Иваныч.

В чем же это новое общество?

Василий Леонидыч.

Общество поощрения разведения старинных русских густопсовых собак. А, что? И я тебе скажу: нынче первое заседание и завтрак. А вот денег-то нет! Пойду к нему, попытаюсь. (Уходит в дверь.)

ЯВЛЕНИЕ 30-е
Мужики, Федор Иваныч и Артельщик.

1-й мужик (Федору Иванычу).

Это кто же, почтенный, будут?

Федор Иваныч (улыбаясь).

Молодой барин.

3-й мужик.

Наследник, скажем. О, Господи! (Прячет деньги.) Прибрать, видно, пока что.

1-й мужик.

А нам сказывали, что военный, в заслуге кавалерии, примерно.

Федор Иваныч.

Нет, он, как единственный сын, уволен от воинской повинности.

3-й мужик.

Для прокорму, скажем, родителей оставлен. Это правильно.

2-й мужик (качает головой).

Этот прокормит, что и говорить.

3-й мужик.

О, Господи!

ЯВЛЕНИЕ 31-е

Федор Иваныч, три Мужика, Василий Леонидыч, за ним в дверях Леонид Федорович.

Василий Леонидыч.

Вот это всегда так. Право, удивительно. То говорят мне, отчего я ничем не занят, а вот когда и нашел деятельность и занят, основалось общество серьезное, с благородными целями, тогда жалко каких-нибудь триста рублей!..

Леонид Федорович.

Сказал, что не могу, и не могу. Нет у меня.

Василий Леонидыч.

Да ведь вот продали землю.

Леонид Федорович.

Во-первых, не продал, и главное – оставь меня в покое. Ведь тебе сказали, что мне некогда. (Захлопывает дверь.)

ЯВЛЕНИЕ 32-е

Те же, без Леонида Федоровича.

Федор Иваныч.

Я вам говорил, что теперь не время.

Василий Леонидыч.

Вот, я вам скажу, положение, а? Пойду к мама, одно спасенье. А то сумасшествует с своим спиритизмом и всех забыл. (Идет вверх.)

(Федор Иваныч садится было за газету.)

ЯВЛЕНИЕ 33-е

Те же. Сверху сходят Бетси и Марья Константиновна. За ними Григорий.

Бетси.

Карета готова?

Григорий

Выезжает.

Бетси (Марье Константиновне).

Пойдемте, пойдемте! Я видела, что это он.

Марья Константиновна.

Кто он?

Бетси.

Очень хорошо знаете, что Петрищев.

Марья Константиновна.

Так где же он?

Бетси.

У вово сидит. Вот увидите.

Марья Константиновна.

А вдруг не он?

(Мужики и Артельщик кланяются.)

Бетси (к Артельщику).

А, вы от Бурдые, с платьем?

Артельщик.

Так точно. Прикажите отпустить.

Бетси.

Да я не знаю. Это мама.

Артельщик.

Не могу знать, кому. Нам приказано снести и деньги получить.

Бетси.

Ну так подождите.

Марья Константиновна.

Это всё тот же костюм для шарады?

Бетси.

Да, прелестный костюм. А мама не берет и не хочет платить.

Марья Константиновна.

Отчего же?

Бетси.

А вот спросите у мама. Для Вово за собак заплатить 500 рублей не дорого, а платье 100 рублей дорого. А не могу же я играть чучелой! (На Мужиков.) А это кто такие?

Григорий.

Мужики, землю покупают какую-то.

Бетси.

А я думала охотники. Вы не охотники?

1-й мужик.

Никак нет-с, госпожа. Мы насчет свершения продажи акта земли, к Леониду Федоровичу.

Бетси.

Как же, к Вово должны были притти охотники? Да вы наверное не охотники? (Мужики молчат.) Какие глупые! (Подходит к двери.) Вово! (Хохочет.)

Марья Константиновна.

Да ведь мы его встретили сейчас.

Бетси.

Охота вам помнить!.. Вово, ты здесь?

ЯВЛЕНИЕ 34-е
Те же и Петрищев.

Петрищев.

Вово нет, но я готов исполнить за него всё, что потребуется. Здравствуйте! Здравствуйте, Марья Константиновна! (Трясет руку сильно и долго Бетси, а потом Марье Константиновне.)

2-й мужик.

Вишь, ровно воду накачивает.

Бетси.

Заменить не можете, но всё-таки лучше, чем ничего. (Хохочет.) Какие это у вас дела с Вово?

Петрищев.

дела? дела фи-нансовые, то есть они, дела наши – фи! и вместе с тем нансовые, и кроме еще финансовые.

Бетси.

Что же значит нансовые?

Петрищев.

Вот вопрос! В том-то и штука, что ничего не значит!

Бетси.

Ну, это не вышло, совсем не вышло! (Хохочет.)

Петрищев.

Нельзя ведь, чтобы всякий раз выходило. Это в роде аллегри. Аллегри, аллегри, а потом и выигрыш.

(Федор Иваныч уходит в кабинет Леонида Федоровича.)

ЯВЛЕНИЕ 35-е

Те же, без Федора Иваныча.

Бетси.

Ну, это не вышло; а скажите, вы вчера были у Мергасовых?

Петрищев.

Не столько у mère Gassof, сколько у père Gassof, и даже не père Gassof, а у fils Gassof.[3]

Бетси.

Не можете без jeu de mots?[4] Это болезнь. И цыгане были? (Смеется.)

Петрищев (поет).

На фартучках петушки, золотые гребешки!..

Бетси.

Экие счастливые! А мы скучали у Фофо.

Петрищев (продолжая напевать).

И божилась, и клялась – побывать ко мне.. Как дальше? Марья Константиновна, как дальше?

Марья Константиновна.

Ко мне на час...

Петрищев.

Как? Как, Марья Константиновна? (Хохочет.)

Бетси.

Cessez, vous devenez impossible![5]

Петрищев.

J'ai cessé, j'ai bébé, j'ai dédé...[6]

Бетси.

Я вижу одно средство избавиться от ваших острот – это заставить вас петь. Пойдемте к Вово в комнату, у него и гитара есть. Пойдемте, Марья Константиновна, пойдемте!

(Бетси, Марья Константиновна и Петрищев уходят в комнату Василия Леонидыча.)

ЯВЛЕНИЕ 36-е

Григорий, три Мужика и Артельщик.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой to1stoy1e
1-й мужик.

Это чьи же?

Григорий.

Одна – барышня, а другая – мамзель, музыки учит.

1-й мужик.

В науку производит, значит. А как аккуратна. Настоящий патрет.

2-й мужик.

Что же замуж не выдают? Года-то уж, небось, вышли?

Григорий.

Разве как у вас, пятнадцати лет?

1-й мужик.

А мужчинка-то тот, примерно, из музыканщиков?

Григорий (передразнивая).

Из музыканщиков!.. Ничего-то вы не понимаете!

1-й мужик.

Это двистительно, глупость наша, значит, необразованность.

3-й мужик.

О, Господи!

(Слышно пение цыганских песен с гитарой из комнаты Василя Леонидыча.)

явление 37-е

Григорий, три Мужика, Артельщик, входит Семен и вслед за ним Таня. Таня наблюдает за встречей отца с сыном.

Григорий (к Семену).

Ты чего?

Семен.

К господину Капчичу посылали.

Григорий.

Ну, что?

Семен.

На словах приказали сказать, нынче никак быть не могут.

Григорий.

Хорошо, я доложу. (Уходит.)

явление 38-е

Те же, без Григория.

Семен (отцу).

Здорово, батюшка! Дяде Ефиму, дяде Митрию – почтение! Дома здоровы ли?

2-й мужик.

Здорово, Семен.

1-й мужик.

Здорово, братец.

3-й мужик.

Здорово, малый. Жив ли?

Семен (улыбаясь).

Что ж, батюшка, пойдем, что ль, чайку попить?

2-й мужик.

Погоди, отделаемся, – разве не видишь, недосуг таперь?

Семен.

Ну, ладно, я у крыльца ждать буду. (Уходит.)

Таня (бежит за ним).

Ты что ж ничего не сказал?

Семен.

Как же теперь говорить при народе? Дай срок, пойдем чай пить, я и скажу.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 39-е

Те же, без Семена. Федор Иваныч выходит и садится к окну с газетой.

1-й мужик.

Ну что ж, почтенный, как дело наше происходит?

Федор Иваныч.

Погодите, сейчас выйдет, кончает.

Таня (к Федору Иванычу).

А вы почем, Федор Иваныч, знаете, что кончает?

Федор Иваныч.

А я знаю, когда он вопросы окончит, то он вслух перечитывает вопрос и ответ.

Таня.

Неужели ж правда, что блюдечком можно разговаривать с духами?

Федор Иваныч.

Стало быть, можно.

Таня.

Ну что ж, они ему скажут подписать – он и подпишет?

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой to1stoyLe
Федор Иваныч.

А то как же?

Таня.

Да ведь они словами не говорят?

Федор Иваныч

Азбукой. Против какой буквы остановится, он и замечает.

Таня.

Ну, а если в сиансе?...

ЯВЛЕНИЕ 40-е

Те же и Леонид Федорович.

Леонид Федорович.

Ну, друзья мои, не могу. Очень бы желал, но никак не могу. Если все деньги, то другое дело.

1-й мужик.

Это двистительно, чего б лучше. Да маломочен народ, никак невозможно.

Леонид Федорович.

Не могу, не могу никак. Вот и бумага ваша. Не могу подписать.

3-й мужик.

А ты пожалей, отец, помилосердствуй!

2-й мужик.

Что ж так делать? Обида это.

Леонид Федорович

Обиды, братцы, нету. Я вам тогда летом говорил: коли хотите, делайте. Вы не захотели, а теперь мне нельзя.

3-й мужик.

Отец! смилосердуйся. Как жить таперича? Земля малая, не то что скотину – курицу, скажем, и ту выпустить некуда.

(Леонид Федорович идет и останавливается в дверях.)

ЯВЛЕНИЕ 41-е

Те же, Барыня и Доктор сходят сверху. За ними Василий Леонидыч, в веселом и игривом настроении духа, укладывает деньги в бумажник.

Барыня (затянутая, в шляпке).

Так принять?

Доктор.

Коли повторные явления будут, непременно принять. А главное – ведите себя лучше. А то как же вы хотите, чтоб густой сироп прошел через тоненькую волосяную трубочку, когда еще мы эту трубочку зажмем? Нельзя? Так и желчепровод. Всё ведь это очень просто.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Барыня.

Ну, хорошо, хорошо.

Доктор

То-то хорошо, а всё по-старому; а так, барыня, нельзя, нельзя. Ну, прощайте!

Барыня.

Не прощайте, а до свиданья. Вечером я вас всё-таки жду; без вас я не решусь.

Доктор.

Ладно, ладно. Коли время будет, заверну. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 42-е

Те же, без Доктора.

Барыня (увидав Мужиков).

Это что? Что это? Что это за люди? (Мужики кланяются.)

Федор Иваныч.

Это крестьяне из Курской о покупке земли к Леониду Федоровичу.

Барыня.

Я вижу, что крестьяне, да кто их пустил?

Федор Иваныч

Леонид Федорович приказали. Они с ними сейчас говорили о продаже земли.

Барыня.

И какая продажа? Совсем не нужно продавать. А главное – как же пускать людей с улицы в дом! Как пускать людей с улицы! Нельзя пускать в дом людей; которые ночевали Бог знает где... (Разгорячается всё более и более.) В одеждах, я думаю, всякая складка полна микроб: микробы скарлатины, микробы оспы, микробы дифтерита! Да ведь они из Курской, из Курской губернии, где повальный дифтерит!.. Доктор, доктор! Воротите доктора!

(Леонид Федорович уходит, закрывая дверь. Григорий выходит за доктором.)

ЯВЛЕНИЕ 43-е

Те же, без Леонида Федоровича и Григория.

Василий Леонидыч (курит на Мужиков).

Ничего, мама, хотите я их окурю так, что всем микробам капут? А, что? (Барыня строго молчит, ожидая возвращения Доктора.)

Василий Леонидыч (к Мужикам).

А вы свиной выкармливаете? Вот выгодно-то.

1-й мужик.

Двистительно, пускаем когда и по свиной части.

Василий Леонидыч.

Таких... Иу, иу! (Хрюкает поросенком.)

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Барыня.

Вово, вово! перестань!

Василий Леонидыч.

Похоже? А, что?

1-й мужик.

Двистительно, сходственно.

Барыня.

Вово, перестань, я тебе говорю!

2-й мужик.

Это к чему же?

3-й мужик.

Сказывал, на фатеру бы пока что.

ЯВЛЕНИЕ 44-е

Те же, Доктор и Григорий.

Доктор.

Ну, что еще? Что такое?

Барыня.

Да вот вы говорите, чтобы не волноваться. Ну как тут быть спокойной? Я сестру не вижу два месяца, я остерегаюсь всякого сомнительного посетителя. И вдруг люди из Курска, прямо из Курска, где повальный дифтерит, – в середине моего дома!

Доктор.

То есть вот эти молодцы-то?

Барыня.

Ну да, прямо из дифтеритной местности!

Доктор.

Да, коли из дифтеритной местности, то, разумеется, неосторожно, но всё-таки очень-то волноваться не зачем.

Барыня.

Да ведь вы сами же предписываете осторожность?

Доктор.

Ну да, ну да, только волноваться-то очень не зачем.

Барыня.

Да ведь как же? Полную дезинфекцию надо.

Доктор.

Нет, что ж полную, это дорого слишком, рублей триста, а то и больше станет. А я вам дешево и сердито устрою. Возьмите-ка на большую бутылку воды...

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Барыня.

Отварной?

Доктор.

Всё равно. Отварной лучше... Так на бутылку воды столовую ложку салициловой кислоты, да и велите перемыть всё, чего касались даже, а их самих, молодцов этих, разумеется, вон. Вот и всё. Тогда смело. Да того же состава через пульверизатор в воздух пропустите, стаканчика два, три, и посмотрите, как хорошо будет. Совершенно безопасно!

Барыня.

Таня где? Позовите Таню!

ЯВЛЕНИЕ 45-е
Те же и Таня.

Таня.

Что прикажете?

Барыня.

Знаешь большую бутылку в уборной?

Таня.

Из которой прачку вчера брызгали?

Барыня.

Ну да, а то какая же! Так вот возьми ты эту бутылку и вымой прежде, где они стоят, мылом, потом этим...

Таня.

Слушаю-с. Я знаю как.

Барыня.

Да потом возьми пульверизатор... Впрочем, я вернусь, сама сделаю.

Доктор

Так и сделайте, и не бойтесь ну, так до свиданья, до вечера.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 46-е
Те же, без Доктора.

Барыня.

А их вон, вон, чтоб их духу не было. Вон, вон. Идите, что смотрите?

1-й мужик.

Двистительно, мы как по глупости, как нам предлагать...

Григорий (выпроваживая Мужиков).

Ну, ну, идите, идите.

2-й мужик.

Платок–то мой дай!

3–й мужик.

О, Господи! Говорил я – на фатеру бы покуда что.

(Григорий выталкивает его.)

ЯВЛЕНИЕ 47–е

Барыня, Григорий, Федор Иваныч, Таня, Василий Леонидыч и Артельщик.

Артельщик (несколько раз порывавшийся говорить).

Будет ответ какой?

Барыня.

А, это от Бурдые? (Горячась.) Никакого, никакого, и несите назад. Я ей говорила, что я такого костюма не заказывала и дочери своей носить не позволю.

Артельщик.

Не могу знать, меня послали.

Барыня.

Ступайте, ступайте и несите назад. Я сама заеду.

Василий Леонидыч (торжественно).

Господин посланник от Бурдые, ступайте!

Артельщик.

Давно бы сказали. Что ж я пять часов сидел?

Василий Леонидыч.

Посланец Бурдые, ступайте!

Барыня.

Перестань, пожалуйста.

(Артельщик уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 48–е

Те же, без Артельщика.

Барыня.

Бетси! Где она? Вечно ее ждать.

Василий Леонидыч (кричит во всё горло).

Бетси! Петрицев! Идите скорей! Скорей! Скорей! А, что?

ЯВЛЕНИЕ 49–е

Те же, Петрицев, Бетси и Марья Константиновна.

Барыня.

Вечно тебя ждешь.

Бетси.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Напротив, я вас жду.

(Петрищев кланяется одной головой и целует руку барыне.)

Барыня.

Здравствуйте! (к Бетси.) Всегда отвечать!

Бетси.

Если вы, мама, не в духе, так лучше я не поеду.

Барыня.

Едем или не едем?

Бетси.

Да едьте, что ж делать?

Барыня.

Видела от Бурдые?

Бетси.

Видела и очень была рада. Я заказывала костюм и надену, когда заплатят за него деньги.

Барыня.

Я не заплачу и не позволю надеть неприличный костюм.

Бетси.

Отчего он стал неприличный? То был приличен, а то на вас pruderie[7] нашла.

Барыня.

Не pruderie, а переделать весь лиф, тогда можно.

Бетси.

Мама, право, это невозможно.

Барыня.

Ну, одевайся же. (Садятся. Григорий надевает ботинки.)

Василий Леонидыч.

Марья Константиновна! А вы видите, какая пустота в передней?

Марья Константиновна.

А что? (Вперед смеется.)

Василий Леонидыч.

А от Бурдые ушел. А, что? Хорошо? (Хохочет громко.)

Барыня.

Ну, едем. (Выходит в дверь и тотчас же возвращается.) Таня!

Таня.

Что прикажете?

Барыня.

Фифку без меня чтоб не простудить. Если будет проситься выпускать, то непременно надеть капотец желтенький. Она не совсем здорова.

Таня

Слушаю-с.

(Барыня, Бетси и Григорий уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 50-е

Петрищев, Василий Леонидыч, Таня и Федор Иваныч.

Петрищев.

Ну что же, добыл?

Василий Леонидыч.

Я тебе скажу, с трудом. Сначала сунулся к родителю, – зарычал и прогнал. Я к родительнице, – ну, и добился. Тут! (Хлопает по карману.) Уж если я возьмусь, от меня не уйдешь... Мертвая хватка. А, что? А нынче ведь приведут моих волкодавов.

(Петрищев и Василий Леонидыч одеваются и уходят. Таня идет за ними.)

ЯВЛЕНИЕ 51-е

Федор Иваныч (один).

Федор Иваныч.

Да, всё неприятности. И как это они не могут в согласии жить? Да и правду сказать, молодое поколение – не то. А царство женщин? Как давеча Леонид Федорович хотели было вступиться, да увидали, что она в экстазе, захлопнули дверь. Редкой доброты человек! Да, редкой доброты... Это что? Таня-то их опять ведет.

ЯВЛЕНИЕ 52-е

Федор Иваныч, Таня и три Мужика.

Таня.

Идите, идите, дяденьки, ничего.

Федор Иваныч.

Зачем же ты их опять привела?

Таня.

Да как же, Федор Иваныч, батюшка, надо же как-нибудь похлопотать за них. А я уж вымою заодно.

Федор Иваныч.

Да ведь не сойдется дело, я уж вижу.

1-й мужик.

Как же, поштенный, наше дело в действие произвесть? Вы, ваше степенство, побеспокойтесь как-нибудь, а уж мы в награждение хлопот от миру благодарность представить можем вполне.

3-й мужик.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Постарайся, соколик, жить нам нельзя. Земля малая, – не то что скотину, а
курицу, скажем, и ту выпустить некуда. (Кланяются.)

Федор Иваныч.

И жалко мне вас, да не знаю, братцы. Я ведь очень понимаю. Да ведь отказал он.
Теперь как же? Да и барыня еще несогласна. Едва ли! Ну, да давайте бумагу, –
пойду, попытаюсь, попрошу его. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 53-е

Таня и три Мужика (вздыхают).

Таня.

Да вы мне скажите, дяденьки, в чем дело-то стало?

1-й мужик.

Да вот только бы подписом приложения руки.

Таня.

Только чтоб барин бумагу подписал, да?

1-й мужик.

Только всего, приложить руку и деньги взять, вот бы и развязка.

3-й мужик.

Написал бы только: как мужички, скажем, жалают, так, скажем, и я жалаю. И всего
дела: взял, подписал, и крышка.

Таня.

Только подписать? на бумаге только чтоб барин подписал? (Задумывается.)

1-й мужик.

Двистительно, только всего и зависит дело. Подписал, значит, и больше никаких.

Таня.

Вы погодите, что вот Федор Иваныч скажет. Если он не уговорит, я попытаю одну
штуку.

1-й мужик.

Объегоришь?

Таня

Попытаю.

3-й мужик.

Ай, деушка, хлопотать хочет. Только выхлопчи ты дело, всю жизнь, скажем,
кормить миром обвяжемся. Во-как!

1-й мужик.

Кабы в действие произвести такое дело, двистительно озолотить можно.

2-й мужик.

Да уж что говорить!

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Таня.

Верно не обещаю; как это говорится: попытка – не шутка, а...

1-й мужик.

А спрос – не беда. Это двистительно.

ЯВЛЕНИЕ 54-е

Те же и Федор Иваныч.

Федор Иваныч.

Нет, братцы, не выходит ваше дело, не согласился и не согласится. Берите бумагу. Идите, идите.

1-й мужик (берет бумагу, к Тане).

Так уж на тебя, примерно, упевать станем.

Таня.

Сейчас, сейчас. Вы идите, на улице подождите, а я сию минутую выбегу, скажу что.

(Мужики уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 55-е

Федор Иваныч и Таня.

Таня.

Федор Иваныч, голубчик, доложите барину, чтоб он ко мне вышел. Мне ему словечко сказать надо.

Федор Иваныч.

Это что за новости?

Таня.

Да нужно, Федор Иваныч. Доложите, пожалуйста, худого ничего, ей-Богу.

Федор Иваныч.

Какое такое дело?

Таня.

Да секрет маленький. Я вам после открою. Вы доложите только.

Федор Иваныч (улыбаясь).

И что ты строишь, не пойму! Да ну, скажу, скажу. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 56-е

Таня (одна).

Таня.

Право, сделаю. Ведь он сам говорил, что сила в Семене есть, а ведь я всё знаю, как делать. Тогда никто не догадался. А теперь научу Семена. А не выйдет дело, не беда. Разве грех какой?

ЯВЛЕНИЕ 57-е

Таня, Леонид Федорович и за ними Федор Иваныч.

Леонид Федорович (улыбаясь).

Вот просительница-то! Что это у тебя за дело?

Таня.

Секрет маленький, Леонид Федорович. Позвольте мне один-на-один сказать.

Леонид Федорович.

Что так? Федор, выдь на минутку.

ЯВЛЕНИЕ 58-е

Леонид Федорович и Таня.

Таня.

Как я жила, выросла в вашем доме, Леонид Федорович, и как благодарна вам за всё, я как отцу родному открюсь. Живет у вас Семен и хочет он на мне жениться.

Леонид Федорович.

Вот как!

Таня.

Открываюсь перед вами, как перед Богом. Посоветоваться мне не с кем, как сирота я.

Леонид Федорович.

Что ж, отчего же! Он, кажется, мальй хороший.

Таня.

Это точно, он всё бы ничего, только одно я сумлеваюсь. И спросить хотела вас, что есть за ним одно дело, а я и понять не могу... как бы не худое что.

Леонид Федорович.

Что ж, он пьет?

Таня.

Нет, помилуй Бог! А как я знаю, что спиритичество есть...

Леонид Федорович.

Знаешь?

Таня.

Как же-с! Я очень понимаю. Другие, точно, по необразованию не понимают этого...

Леонид Федорович.

Ну так что ж?

Таня.

Да вот опасаясь насчет Семена. С ним это бывает.

Леонид Федорович.

Что бывает?

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Таня.

Да вот в роде, как спири...тичество. Это у людей спросите. Как только он задремлет у стола, сейчас стол затрясется, весь заскрипит так: тук, ту... тук! Все и люди слышали.

Леонид Федорович.

Вот как раз то, что я утром Сергею Ивановичу говорил. Ну?..

Таня.

А то... когда это было?.. Да, в среду. Сели обедать. Только он сел за стол, а ложка сама к нему в руку – прыг!

Леонид Федорович.

А, это интересно! И в руку прыг? Что ж, он задремал?

Таня.

Вот уж не заметила. Кажется, что задремал.

Леонид Федорович.

Ну?...

Таня.

Ну, вот я и опасаясь и об этом спросить хотела, что не будет ли от этого вреда? Тоже век жить, а в нем такое дело.

Леонид Федорович (улыбаясь).

Нет, не бойся, тут худого ничего нет. А это значит только то, что он медиум, – просто медиум. Я и прежде знал, что он медиум.

Таня.

Вот что... А я–то боялась!

Леонид Федорович.

Нет, не бойся, ничего. (Сам с собой.) Вот и прекрасно. Капчича не будет, мы его нынче и испытаем... Нет, ты, милая, не бойся, он и хороший муж будет, и всё... А это особенная сила, она во всех есть. Только в одних слабей, в других сильней.

Таня.

Покорно вас благодарю. Я теперь и думать не буду. А то и боялась... Что значит неученье–то наше!

Леонид Федорович.

Нет, нет, не бойся. Федор!

ЯВЛЕНИИ 59–е
Те же и Федор Иваныч.

Леонид Федорович.

Я пойду со двора. К вечеру приготовить всё для сеанса.

Федор Иваныч.

Да ведь Капчич не изволит быть.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Леонид Федорович.

Ничего, всё равно. (Надевает шинель.) Пробный сеанс будет с своим медиумом.
(Уходит. Федор Иваныч провожает его.)

ЯВЛЕНИЕ 60-е
Таня (одна).

Таня.

Поверил, поверил! (Взвизгивает, прыгает.) Ей-Богу, поверил! Вот чудо-то!
(Взвизгивает.) Теперь сделаю, только бы Семен не сбобел.

ЯВЛЕНИЕ 61-е
Таня и Федор Иваныч (возвращается).

Федор Иваныч.

Ну что же, сказала свой секрет?

Таня.

Сказала. Да я и вам открою, только после... А у меня и к вам, Федор Иваныч,
просьба есть.

Федор Иваныч.

Какая же это ко мне-то просьба?

Таня (стыдливо).

Вы мне как второй отец были, я вам как перед Богом откроюсь.

Федор Иваныч.

Да ты не виляй, прямо к делу.

Таня.

Да что дело? Дело-то, что Семен на мне жениться хочет.

Федор Иваныч.

Вот как! То-то я примечаю...

Таня.

Да что ж мне скрывать? Мое дело сиротское, а вы сами знаете здешнее городское
заведение: всякий пристаёт; хоть бы Григорий Михайлыч, прохожу от него нету.
Тоже и этот... знаете? Они думают, что у меня души нет, что я только им для забавы
далась...

Федор Иваныч.

Умница, хвалю! Ну, так что же?

Таня.

Да Семен писал отцу, а он, отец-то, нынче меня увидал, да сейчас и говорит:
избаловался, – про сына-то. Федор Иваныч! (Кланяется.) Будьте мне заместо отца,
поговорите с стариком, с Семеновым отцом. Я бы их в кухню провела, а вы бы
зашли, да и поговорили старику.

Федор Иваныч (улыбаясь)

Это сватом я, значит, буду? Что ж, можно.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой to1stoy1e
Таня.

Федор Иванович, голубчик, будьте заместо отца родного, а я век за вас буду Бога молить.

Федор Иванович.

Хорошо, хорошо; пройду ужо. Обещаю, так сделаю. (Берет газету.)

Таня.

Второй отец мне будете.

Федор Иванович.

Хорошо, хорошо.

Таня.

Так я буду в надежде... (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 62-е
Федор Иванович один.

Федор Иванович (кивает головой).

А ласковая девочка, хорошая. А ведь сколько их таких пропадает, подумаешь! Только ведь промахнись раз один – пошла по рукам... Потом в грязи ее уж не сыщешь. Не хуже, как Наталья сердечная... А тоже была хорошая, тоже мать родила, лелеяла, выращивала... (Берет газету.) Ну-ка, что Фердинанд наш, как изворачивается?...

Занавес.

—

ДЕЙСТВИЕ II

Театр представляет внутренность людской кухни. Мужики, раздевшись и запотев, сидят у стола и пьют чай. Федор Иванович с сигарой на другом конце сцены. На печке Старый повар, не видный первые четыре явления.

ЯВЛЕНИЕ 1-е
Три Мужика и Федор Иванович.

Федор Иванович.

Мой совет, ты ему не препятствуй. Если его желание есть и ее тоже, так и с Богом. Девушка хорошая, честная. На это не смотри, что она щеголиха. Это по-городски, нельзя без этого. А девушка умная.

2-й мужик.

Что ж, коли его охота есть. Ему жить с ней, а не мне. Только уж очень чиста. Как ее в избу введешь? Свекрови-то она и погладиться не дастся.

Федор Иванович.

Это, братец ты мой, не от чистоты, а от характера. Коли доброго характера, так будет покорна и уважительна.

2-й мужик.

Да уж возьму, коли так малый усетился, чтобы непременно ее взять. Тоже с немилой жить беда! Со старухой посоветуюсь, да и с Богом.

Федор Иванович.

Ну, и по рукам.

2-й мужик.

Да уж видно, что так.

1-й мужик.

И как тебе фортунит, Захар: приехал за совершением дела, а глядь – сноху за сына какую кралю высватал. Только бы спрыснуть значит, чтобы хворменно было.

Федор Иваныч.

Этого совсем не нужно.

(Неловкое молчание.)

Федор Иваныч.

Я ведь вашу жизнь крестьянскую очень понимаю. Я, вам скажу, сам подумываю, где бы землицы купить. Домик построил бы, да крестьянствовал. Хоть бы в вашей стороне.

2-й мужик.

Разлюбезное дело!

1-й мужик.

Двистительно, при деньгах можно в деревне себе всякое удовольствие получить.

3-й мужик.

Что и говорить! Деревенское дело, скажем, во всяком разе свободно, не то, что в городе.

Федор Иваныч.

Что ж, примете в общество, коли у вас поселюсь?

2-й мужик.

Отчего же не принять? Вина старикам выставишь, сейчас примут.

1-й мужик.

Да питейное заведение, примерно, или трактир откроете, житье такое будет, что умирать не надо. Царствуй, и больше никаких.

Федор Иваныч.

Там видно будет. А только хочется на старости лет спокойно пожить. Жить мне и здесь хорошо – жалко и оставить: Леонид Федорович ведь редкой доброты человек.

1-й мужик.

Это двистительно. Да что же он наше-то дело? Ужели ж так, без последствий?

Федор Иваныч.

Он-то бы рад.

2-й мужик.

Видно, он жены боится.

Федор Иваныч.

Не боится, а тоже согласия нет.

3-й мужик.

А ты бы, отец, постарался, а то как нам жить? Земля малая...

Федор Иваныч.

Да вот посмотрим, что выйдет от Татьянинных хлопот. Ведь она взялась.

3-й мужик (пьет чай).

Отец, помилосердствуй! Земля малая, не токмо скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда.

Федор Иваныч.

Да кабы в моих руках дело было. (Ко 2-му мужику.) Так так, братец, сваты мы с тобой будем. Кончено дело об Тане-то?

2-й мужик.

Да уж сказал коли я, и без пропою назад не попячусь. Только бы дело наше вышло.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Те же, входит Кухарка, заглядывает на печку, делает туда знаки и тотчас же начинает оживленно говорить с Федором Иванычем.

Кухарка.

Сейчас из белой кухни позвали Семена в верх; барин да энтот, что вызывает с ним, лысый-то, посадили его да велели на место Капчича действовать.

Федор Иваныч.

Что ты врешь!

Кухарка.

Как же! сейчас Тане Яков сказывал.

Федор Иваныч.

Чудно это!

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Те же и Кучер.

Федор Иваныч.

Ты что?

Кучер (к Федору Иванычу).

Так и скажите, что я не нанимался с собаками жить. Пускай другой кто живет, а я с собаками жить несогласен.

Федор Иваныч.

С какими собаками?

Кучер.

Да привели от Василья Леонидыча трех кобелей к ним в кучерскую. Напакостили, воют, а приступить нельзя – кусаются. Злые черти! – того и гляди сожрут. И то хочу поленом ноги им перебить.

Федор Иваныч.

Да когда же это?

Кучер.

Да нынче привели с выставки, какие-то дорогие, пустопсовые, чтоль, леший их знает! Либо собакам в кучерской, либо кучерам жить. Так и скажите.

Федор Иваныч.

Да, это непорядок. Я пойду спрошу.

Кучер.

Их бы сюда, что ль, к Лукерье.

Кухарка (горячо).

Тут люди обедают, а ты кобелей запереть хочешь. Уж и так...

Кучер.

А у меня кафтаны, полости, сбруя. А чистоту спрашивают. Ну, в дворницкую, что ль.

Федор Иваныч.

Надо Василью Леонидычу сказать.

Кучер (сердито).

Повесил бы себе на шею кобелей этих, да и ходил бы с ними, а то сам-то, небось, на лошадях ездить любит. Красавчика испортил ни за что. А лошадь была!.. Эх, житье! (Уходит, хлопая дверью.)

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Те же, без Кучера.

Федор Иваныч.

Да, непорядки, непорядки! (К Мужикам.) Ну, так так-то, пока прощайте, ребята!

Мужики.

С Богом.

(Федор Иваныч уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Те же, без Федора Иваныча.

(Как только Федор Иваныч уходит, на печке слышно кряхтенье.)

2-й мужик.

Уж и гладок же, ровно анарал.

Кухарка.

Да что и говорить! Горница особая, стирка на него вся от господ, чай, сахар – это всё господское, и пища со стола.

Старый повар.

Как чорту не жить, – накрал!

2-й мужик.

Это чей же, на печке–то?

Кухарка.

Да так, человечек один. (Молчание.)

1–й мужик.

Ну, да и у вас, посмотрел я давеча, ужинали, капиталец дюже хорош.

Кухарка.

Жаловаться нельзя. На это она не скупа. Белая булка по воскресеньям, рыба в постные дни по праздникам, а кто хошь, и скоромное ешь.

2–й мужик.

Разве постом лопают кто?

Кухарка.

Э, да все почитай. Только и постятся, что кучер (не этот, что приходил, а старый), да Сема, да я, да икономка, а то все скоромное жрут.

2–й мужик.

Ну, а сам–то?

Кухарка.

Э, хватился! да он и думать забыл, какой такой пост есть.

3–й мужик.

О, Господи!

1–й мужик.

Дело господское, по книжкам дошли. Потому умственность!

3–й мужик.

Ситник–то каждый день, я чай?

Кухарка.

О, ситник! Не видали они твоего ситника! Посмотрел бы пищу у них: чего–чего нет!

1–й мужик.

Господская пища, известно, воздушная.

Кухарка.

Воздушная–то, воздушная, – ну, да и здоровы жрать.

1–й мужик.

В аппеките, значит.

Кухарка.

Потому запивают. Вин этих сладких, водок, наливок шипучих, к каждому кушанью – свое. Ест и запивает, ест и запивает.

1–й мужик.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e
Она, значит, в препорцию и проносит пищу-то.

Кухарка.

Да уж как здоровы жрать – беда! У них ведь нет того, чтоб сел, поел, перекрестился да встал, а бесперечь едят.

2-й мужик.

Как свиньи, в корыто с ногами. (Мужики смеются.)

Кухарка.

Только, Господи благослови, глаза продерут, сейчас самовар, чай, кофе, щиколлад. Только самовара два отопьют, уж третий ставь. А тут завтрак, а тут обед, а тут опять кофий. Только отвалятся, сейчас опять чай. А тут закуски пойдут: конфеты, жамки – и конца нет. В постели лежа, – и то едят.

3-й мужик.

Вот так так. (Хохочет.)

1-й и 2-й мужики.

Да ты чего?

3-й мужик.

Хоть бы денек так пожить!

2-й мужик.

Ну, а когда же дела делают?

Кухарка.

Какие у них дела? В карты да в фортепяны – только и делов. Барышня, так та, бывало, как глаза продерет, так сейчас к фортепянам, и валяй! А эта, что живет, учительша, стоит, ждет, бывало, скоро ли опростаются фортепяны; как отделалась одна, давай эта закатывать. А то двое фортепян поставят, да по-двое, вчетвером запузывают. Так-то запузывают, аж здесь слышно.

3-й мужик.

Ох, Господи!

Кухарка.

Ну, вот только и делов: в фортепяны, а то в карты. Как только съехались, сейчас карты, вино, закуряют, – и пошло на всю ночь. Только встанут – поесть опять!

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Те же и Семен.

Семен.

Чай да сахар!

1-й мужик.

Милости просим, садись.

Семен (подходит к столу).

Благодарю покорно.

(1-й мужик наливает ему чай.)

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
2-й мужик.

Где был?

Семен.

Вверху был.

2-й мужик.

Что ж, какие же там дела?

Семен.

Да и не поймешь. Не знаю, как сказать.

2-й мужик.

Да что ж, дело какое?

Семен.

Да и не знаю, как сказать, силу какую-то во мне пытали. Да я не пойму. Татьяна говорит: делай, мы, говорит, нашим мужикам землю охлопочем, продаст.

2-й мужик.

Да как же она сделает-то?

Семен.

Да не пойму от нее, она не сказывает. Только, говорит, делай, как я велю!

2-й мужик.

Что ж делать-то?

Семен.

Да сейчас ничего. Посадили меня, свет потушили, велели спать. А Татьяна тут же схоронилась. Они не видят, а я вижу.

2-й мужик.

Что ж это, к чему?

Семен.

А Бог их знает, – не поймешь.

1-й мужик.

Известно, для разгулки времени.

2-й мужик.

Ну, видно, этих делов не разберем мы с тобой. А вот ты сказывай: денег ты много забрал?

Семен.

Я не брал, всё зажито, 28 рублей, должно.

2-й мужик.

Это ладно. Ну, а коли Бог даст, о земле сладимся, ведь я тебя, Семка, домой возьму.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe Семен.

С моим удовольствием.

2-й мужик.

Набаловался ты, я чай. Пахать не захочешь?

Семен.

Пахать-то? Давай сейчас. Косить, пахать, это всё из рук не вывалится.

1-й мужик.

А всё, примерно, после городского жительство не поманится.

Семен.

Ничего, и в деревне жить можно.

1-й мужик.

А вот дядя Митрий на твое место охотится, на великатную жизнь.

Семен.

Ну, дядя Митрий, наскучит. Оно, глядеться, легко, а беготни тоже много. Замотаешься.

Кухарка.

Вот ты бы, дядя Митрий, посмотрел балы у них. Вот подивился бы!

3-й мужик.

А что ж, едят всё?

Кухарка.

Куды тебе? Посмотрел бы, что было! Меня Федор Иваныч провел. Посмотрела я: барыни – страсть! Разряжены, разряжены, что куда тебе! А по сих. мест голые, и руки голые.

3-й мужик.

О, Господи!

2-й мужик.

Тьфу, скверность!

1-й мужик.

Значит, клеймат так позволяет.

Кухарка.

Так-то и я, дяденька, глянула: что ж это? – все телешом. Веришь ли, старые, – наша барыня, у ней, мотри, внуки, – тоже оголились.

3-й мужик.

О, Господи!

Кухарка.

Так ведь что: как вдарит музыка, как взыграли, – сейчас это господа подходят каждый к своей, обхватит, и пошел кружить.

2-й мужик.

И старухи?

Кухарка.

И старухи.

Семен.

Нет, старухи сидят.

Кухарка.

Толкуй, я сама видела!

Семен.

Да нет же.

Старый повар (высовываясь, хрипло).

Полька-мазурка это. Э, дура, не знает! – танцуют так...

Кухарка.

Ну, ты, танцорщик, помалкивай, знай. Во, идет кто-то

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Те же и Григорий.

(Старый повар поспешно скрывается.)

Григорий (кухарке).

Давай капусты кислой!

Кухарка.

Только с погреба пришла, опять лезть. Кому это?

Григорий.

Барышням тюрю. Живо! С Семеном пришли, а мне некогда.

Кухарка.

Вот наедятся сладко так, что больше не лезет, их и потянет на капусту.

1-й мужик.

Для прочистки, значит.

Кухарка.

Ну да, опростают место, опять валяй! (Берет чашку и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Те же, без Кухарки.

Григорий (мужикам).

Вишь, расселись. Вы смотрите: барыня узнает, она вам такую задаст трепку, не хуже утрешнего. (Смеется и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 9–е

Три Мужика, Семен и Старый Повар (на печке).

1–й мужик.

Двистительно, штурму сделала давеча – беда!

2–й мужик.

Давеча хотел он, видно, вступиться, а потом как глянул, что она крышу с избы рвет, захлопнул дверь: будь ты, мол, неладна.

3–й мужик (махая рукой).

Всё одно положение. Тоже моя старуха, скажем, другой раз распалится – страсть! Уж я из избы вон иду. Ну ее совсем! Того гляди, скажем, рогачом зашибет. О, Господи!

ЯВЛЕНИЕ 10–е

Те же и Яков (вбегает с рецептом).

Яков.

Сема, беги в аптеку, живо, возьми порошки вот барыне!

Семен.

Да ведь он не велел уходить.

Яков.

Успеешь. Твое дело еще, поди, после чаю... Чай да сахар!

1–й мужик.

Милости просим.

(Семен уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 11–е

Те же, без Семена.

Яков.

Некогда, да уж налейте чашечку для компании.

1–й мужик.

Да вот предлагает разговорка, как давеча ваша госпожа очень как себя гордо повела.

Яков.

О, эта горяча – страсть! Так горяча, – сама себя не помнит. Другой раз заплачет даже.

1–й мужик.

А что, примерно, я спросить хотел? Она что-то давеча предлагала макроту. Макроту, макроту, говорит, занесли. К чему это приложить, макроту эту самую?

Яков.

О, это макровы. Это, они говорят, такие козявки есть, от них, мол, и болезни все. Так вот, мол, что на вас, они. Уж они после вас мыли-мыли, брызгали, брызгали, где вы стояли. Такая специя есть, от ней дохнут они, козявки-то.

2-й мужик.

Так где же они на нас, козявки-то эти?

Яков (пьет чай).

Да они, сказывают, такие махонькие, что и в стекла не видать.

2-й мужик.

А почем она знает, что они на мне? Може, на ней этой пакости больше моего.

Яков.

А вот поди, спроси их!

2-й мужик.

А я полагаю, пустое это.

Яков.

Известно, пустое; надо же дохтурам выдумывать, а то за что бы им деньги платить? Вот к нам каждый день ездит. Приехал, поговорил, – десятку.

2-й мужик.

Вре?..

Яков.

А то один есть такой, что сотенную.

1-й мужик.

Ну! и сотенную?

Яков.

Сотенную? Ты говоришь: сотенную, – по тысяче берет, коли за город ехать. Давай, говорит, тысячу, а не дашь – издыхай себе!

3-й мужик.

О, Господи!

2-й мужик.

Что ж, он слово какое знает?

Яков.

Должно, что знает. Жил я прежде у генерала, под Москвой, сердитый был такой, гордый – страсть, генерал-то! Так заболела у него дочка. Сейчас послали за этим. Тысячу рублей, – приеду... Ну, сговорились, приехал. Так что-то не потрафили ему. Так, батюшки мои, как цыкнет на генерала. А! говорит, так так-то ты меня уважаешь, так-то? Так не стану ж лечить! – Так куда тебе! генерал-то и гордость свою забыл, всячески улещает. Батюшка! только не бросай!

1-й мужик.

А тысячу-то отдали?

Яков.

А то как же?..

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
2-й мужик.

То-то шальные деньги-то. Что б мужик на эти деньги наделал!

3-й мужик.

А я думаю, пустое все. Как у меня тады нога прела. Лечил, лечил, скажем, рублей пять пролечил. Бросил лечить, а она и зажила.

(Старый повар на печке кашляет,)

Яков.

Опять тут, сердешный!

1-й мужик.

Какой такой мужчинка будет?

Яков.

Да нашего барина повар был, к Лукерье ходит.

1-й мужик.

Кухмистер, значит. Что ж, здесь проживает?

Яков.

Не... Здесь не велят. А где день, где ночь. Есть три копейки – в ночлежном доме, а пропьет всё – сюда придет.

2-й мужик

Как же он так?

Яков.

Да так, ослаб. А тоже человек какой был, как барин! При золотых часах ходил, по сорока рублей в месяц жалованья брал. А теперь давно с голоду бы помер, кабы не Лукерья.

ЯВЛЕНИЕ 12-е

Те же и Кухарка (с капустой).

Яков (к Лукерье).

А я вижу, Павел Петрович опять тут?

Кухарка.

Куда ж ему деться, – замерзнуть, что ли?

3-й мужик

Что делает винцо-то! Винцо-то, скажем... (Щелкает языком с соболезованием.)

2-й мужик.

Известно, окрепнет человек – крепче камня; ослабнет – слабее воды.

Старый повар (слезает с печи, дрожит и ногами и руками).

Лукерья! Говорю, дай рюмочку.

Кухарка.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Куда лезешь? Я те дам такую рюмочку!..

Старый повар.

Боишься ты Бога? Умираю. Братцы, пяточок...

Кухарка.

Говорю, полезай на печь.

Старый повар.

Кухарка! пор-рюмочки. Христа ради, говорю, понимаешь ты – Христом прошу!

Кухарка.

Иди, иди. Чаю вот на!

Старый повар.

что чай? что чай? Пустое питье, слабое. Винца бы, только глоточек... Лукерья!

3-й мужик.

Ах, сердешный, мается как.

2-й мужик.

Да дай ему, что ль.

Кухарка (достаёт в поставце и наливает рюмку).

На, вот, больше не дам.

Старый повар (хватает, пьёт дрожа).

Лукерья! Кухарка! Я выпью, а ты понимай...

Кухарка.

Ну, ну, разговаривай! лезь на печку, и чтобы духа твоего не слышно было.

(Старый повар лезет покорно и не переставая ворчит что-то себе под нос.)

2-й мужик.

что значит – ослаб человек!

1-й мужик.

Двистительно, слабость–то человеческая.

3-й мужик.

Да что и говорить.

(Старый повар укладывается и всё ворчит. Молчание.)

2-й мужик.

Ну, что я хотел спросить: эта вот девушка живет у вас с нашей стороны – Аксинья–то. Ну что? Как? Как она живет, значит, честно ли?

Яков.

Девушка хорошая, похвалить можно.

Кухарка.

я тебе, дядя, истину скажу, как я здешнее заведение твердо знаю: хочешь ты Татьяну за сына брать – бери скорее, пока не изгадилась, а то не миновать.

Яков.

Да, это истинно так. Вот летось Наталья, у нас девушка жила. Хорошая девушка была. Так ни за что пропала, не хуже этого... (показывает на Повара).

Кухарка.

Потому тут нашей сестры пропадает – плотину пруди. Всякому манится на легонькую работу да на сладкую пищу. Ан глядь, со сладкой-то пищи сейчас и свихнулась. А свихнулась, им уж такая не нужна. Сейчас эту вон – свеженькую на место. Так-то Наташа сердешная: свихнулась – сейчас прогнали. Родила, заболела, весною прошлой в больнице и померла. И какая девушка была!

3-й мужик.

О, Господи! Народ слабый. Жалеть надо.

Старый повар.

Как же, пожалеют они, черти! (Спускает с печи ноги.) Я у плиты тридцать лет прожарился. А вот не нужен стал: издыхай, как собака!.. Как же, пожалеют!

1-й мужик.

Это двистительно, положения известная

2-й мужик.

Пили, ели, кудрявчиком звали; попили, поели – прощай, шелудяк!

3-й мужик.

О, Господи!

Старый повар.

Понимаешь ты много. Что значит: сотей а ла бамон? Что значит: бавасари? Что я сделать мог! Мысли! Император мою работу кушал! А теперь не нужен стал чертям. Да не поддамся я!

Кухарка.

Ну, ну, разговорился. Вот я тебя!.. Залезай в угол, чтоб не видать тебя было, а то Федор Иваныч зайдет, или еще кто, и выгонят меня с тобой совсем.

(Молчание.)

Яков.

Так знаете мою сторону-то, Вознесепское?

2-й мужик.

Как же не знать. От нас верст 17, больше не будет, а бродом меньше. Ты что же, землю-то держишь?

Яков.

Брат держит, а я посылаю. Я сам хоть здесь, а умираю об доме.

1-й мужик.

Двистительно.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
2-й мужик.

Анисим, значит, брат тебе?

Яков.

Как же, брат родный! На том конце.

2-й мужик.

Как не знать, – третий двор.

ЯВЛЕНИЕ 13-е

Те же и Таня (вбегают).

Таня.

Яков Иваныч! что вы тут прохлаждаетесь? Зовет!

Яков.

Сейчас. Что там?

Таня.

Фифка лает, есть хочет; а она ругается на вас: какой, говорит, он злой. Жалости, говорит, в нем нет. Ей давно обедать пора, а он не несет!.. (Смеется.)

Яков (хочет уходить).

О, сердита? как бы чего не вышло!

Кухарка (Якову).

Капусту–то возьмите.

Яков.

Давай, давай! (Берет капусту и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 14-е

Те же без Якова.

1-й мужик.

Кому же это обедать теперь?

Таня.

А собаке. Собака эта ее... (Присаживается и берется за чайник). Чай–то есть ли? – а то я принесла еще. (Всыпает.)

2-й мужик.

Обедать собаке?

Таня.

Как же! кокетку особенную делают, чтобы не жирная была. Я на нее, на собаку–то, белье стираю.

3-й мужик.

О, Господи!

Таня.

Как тот барин, что собаку хоронил.

2-й мужик.

Это как же так?

Таня.

А так, – рассказывал один человек, – издох у него пес, у барина-то. Вот он и поехал зимой хоронить его. Похоронил, едет и плачет, барин-то. А мороз здоровый, у кучера из носу течет, и он утирается... Дайте налью. (Наливает чай.) Из носу-то течет, а он всё утирается. Увидал барин: «что, говорит, о чем ты плачешь?» А кучер говорит: «как же, сударь, не плакать, какая собака была!» (Хохочет.)

2-й мужик.

А сам, я чай, думает: хоть бы ты и сам издох, так я бы плакать не стал... (Хохочет.)

Старый повар (с печки).

Это правильно, верно!

Таня.

Хорошо, приехал домой барин, сейчас к барыне: «какой, говорит, наш кучер добрый: он всю дорогу плакал, – так ему жаль моего Дружка. Позовите его: на, мол, выпей водки, а вот тебе награда – рубль». Так-то и она, что Яков собаки ее не жалеет.

(Мужики хохочут.)

1-й мужик.

Хворменно!

2-й мужик.

Вот так так!

3-й мужик.

Ай, девушка, насмешила!

Таня (наливает еще чай).

Кушайте еще!.. То-то, оно так кажется, что жизнь хорошая, а другой раз противно все эти гадости за ними убирать. Тьфу! В деревне лучше.

(Мужики перевертывают чашки.)

Таня (наливает).

Кушайте на здоровье, Ефим Антоныч! Я налью, Митрий Власьевич!

3-й мужик.

Ну, налей, налей.

1-й мужик.

Ну как же, умница, дело наше происходит?

Таня.

Ничего, идет...

1-й мужик.

Семен сказывал...

Таня (быстро).

Сказывал?

2-й мужик.

Да не понять от него!

Таня.

Мне сказать теперь нельзя, а только стараюсь, стараюсь. Вот она – и бумага ваша! (Показывает бумагу за фартуком.) Только бы одна штука удалась... (Взвизгивает.) Уж как бы хорошо было!

2-й мужик.

Ты смотри, бумагу-то не затеряй. За нее тоже денежки плачены.

Таня.

Будьте покойны. Ведь только чтобы подписал он?

3-й мужик.

А то чего ж еще? Подписал, скажем, и крышка. (Перевертывает чашку.) Да будет уж.

Таня (сама с собой).

Подпишет, вот увидите, подпишет. Еще кушайте. (Наливает.)

1-й мужик.

Только охлопочи насчет свершения продажи земли, миром и замуж можем отдать. (Отказывается от чая.)

Таня (наливает и подает.)

Кушайте.

3-й мужик.

Только сделай: и замуж отдадим и на свадьбу, скажем, плясать приду. Хоть отродясь не плясывал, плясать буду!

Таня (смеется).

Да уж я буду в надежде. (Молчание.)

2-й мужик (оглядывая Таню).

Так-то так, а не гожаешься ты для мужицкой работы.

Таня.

я-то? Что ж, вы думаете, силы нету? Вы бы посмотрели, как я барыню затягиваю. Другой мужик так не потянет.

2-й мужик.

Да куда ж ты ее затягиваешь?

Таня.

Да так на костях исделано, как куртка, по сих пор. Ну, на шнуры и стягиваешь, как вот запрягают, еще в руки плюют.

2-й мужик.

Засупониваешь, значит?

Таня.

Да, да, засупониваю. А ногой в нее ведь не упрешься. (Смеется.)

2-й мужик.

Зачем же ты ее затягиваешь?

Таня.

А вот затем.

2-й мужик.

Что ж, она обрелась, что ль?

Таня.

Нет, для красоты.

1-й мужик.

Пузу, значит, ей утягивает для хвормы.

Таня.

Так так стянешь, что у нее глаза вон лезут, а она говорит: «еще». Так все руки обожжешь, а вы говорите: силы нет.

(Мужики смеются и качают головами.)

Таня.

Однако я заболталась. (Убегает смеясь.)

3-й мужик.

Вот так девушка насмешила!

1-й мужик.

Да уж как аккуратна!

2-й мужик.

Ничего.

ЯВЛЕНИЕ 15-е

Три Мужика, Кухарка, Старый повар на печке. Входят Сахатов и Василий Леонидыч. У Сахатова в руках ложка чайная.

Василий Леонидыч.

Не то чтобы обед, а *déjeuner dînatoir*. [8] и прекрасный, и вам скажу, был завтрак: пороссячи окорочка – прелесть! Рулье отлично кормит. Я ведь только сейчас приехал. (Увидев Мужиков.) А мужики опять здесь?

Сахатов.

Да, да, это всё прекрасно, но мы пришли спрятать предмет. Так куда же спрятать?

Василий Леонидыч.

виноват, я сейчас. (К Кухарке.) А собаки где же?

Кухарка.

В кучерской собаки. Разве можно в людскую?

Василий Леонидыч.

А, в кучерской? Ну, хорошо.

Сахатов.

Я жду.

Василий Леонидыч.

Виноват, виноват. А, что? спрятать? Да, Сергей Иванович, так вот что я вам скажу: мужику, одному из этих, в карман. Вот хоть этому. Ты послушай. А, что? Где у тебя карман?

3-й мужик.

А на что тебе карман? Ишь ты, карман! У меня в кармане деньги.

Сахатов.

Ну, где кошель?

3-й мужик.

А тебе на что?

Кухарка.

Что ты! Молодой барин это.

Василий Леонидыч (хохочет).

А вы знаете, отчего он испугался так? Я вам сейчас скажу: у него денег пропасть. А, что?

Сахатов.

Да, да, понимаю. Ну, так вот что: вы поговорите с ними, а я покамест незаметно положу вон в эту сумку – так, чтоб и они не знали, не могли ничем указать ему. Поговорите с ними.

Василий Леонидыч.

Сейчас, сейчас. Ну, так как же, ребяташки, купите землю-то? А, что?

1-й мужик.

Мы-то предлагаем как всей душой. Да вот всё не происходит в движение делу.

Василий Леонидыч.

А вы не скупитесь. Земля – дело важное. Я вам говорил – мятую. А то можно табак еще.

1-й мужик.

Это двистительно, всякие продохты можно.

3-й мужик.

А ты, отец, попроси батюшку. А то как жить? Земля малая, – курицу, скажем, и ту

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
выпустить некуда.

Сахатов (положил ложку в сумку 3-го мужика).

C'est fait.[9] Готово. Пойдемте. (Уходит.)

Василий Леонидыч.

А вы не скупитесь. А? Ну, прощайте. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 16-е

Три Мужика, Кухарка и Старый Повар (на печке).

3-й мужик.

Я говорил: на фатеру. Ну, по гривне, скажем, отдали бы, по крайности покойно, а тут помилуй Бог. Деньги, говорит, давай. К чему это?

2-й мужик.

Должно, выпимши.

(Мужики переворачивают чашки, встают и крестятся.)

1-й мужик.

А ты помни, как он слово закинул, чтоб мяту сеять? Тоже понимать надо.

2-й мужик.

Как же, мяту сей, вишь. Ты попытай-ка, горбом поворочай, – запросишь мяты, небось... Ну, благодарим покорно!.. А что ж, умница, где нам лечь тут?

Кухарка.

Ложитесь – на печку один, а то по лавкам.

3-й мужик.

Спаси Христос. (Молится Богу.)

1-й мужик.

Кабы Бог дал свершения дела. (Ложится.) Завтра после обеда на машину бы закатились, во вторник и дома бы.

2-й мужик.

Свет-то тушить будете?

Кухарка.

Где тушить! Всё прибегать будут: то того, то другого... Да вы ложитесь, я заверну.

2-й мужик.

На малой земле как проживешь? Я нынче ведь с Рожества хлеб покупаю. И солома овсяная дошла. А то закатил бы четыре десятинки, Семку бы домой взял.

1-й мужик.

Твое дело семейное. Без нужды! Землю уберешь, только подавай. Только бы свершилось дело.

3-й мужик.

Царицу Небесную просить надо. Авось смилосердуется.

ЯВЛЕНИЕ 17-е

Тишина, вздохи. Потом слышны топот шагов, шум голосов, двери растворяются настежь и стремительно вваливаются: Гросман с завязанными глазами, держащий за руку Сахатова, Профессор и Доктор, Толстая барыня и Леонид Федорович, Бетси и Петрищев, Василий Леонидыч и Марья Константиновна, Барыня и Баронесса, Федор Иваныч и Таня. Три Мужика, Кухарка и Старый повар (невидим).

(Мужики вскакивают. Гросман входит быстрыми шагами, потом останавливается.)

Толстая барыня.

Вы не забываетесь: я слежу, я взялась следить и строго исполняю свою обязанность. Сергей Иваныч, вы не ведете?

Сахатов.

Да нет же.

Толстая барыня.

Вы не ведите, но и не противьтесь. (К Леониду Федоровичу.) Я знаю эти опыты. Я сама их делала. Я, бывало, чувствую истечение, и как только почувствую...

Леонид Федорович.

Позвольте попросить соблюдать тишину.

Толстая барыня.

Ах, я это очень понимаю! Я это на себе испытала. Как только внимание развлеклось, я уж не могу...

Леонид Федорович.

Шш...

(Ходят, ищут около 1-го и 2-го мужика и подходят к 3-му. Гросман спотыкается на скамейку.)

Баронесса.

Mais dites moi, on le paye?[10]

Барыня.

Je ne saurais vous dire.[11]

Баронесса.

Mais c'est un monsieur?[12]

Барыня.

Oh! oui.[13]

Баронесса.

Ça tient du miraculeux. N'est-ce pas? Comment est-ce qu'il trouve?[14]

Барыня.

Je ne saurais vous dire. Mon mari vous l'expliquera.[15] (Увидав Мужиков, оглядывается и видит Кухарку.) Pardon... Это что?

(Баронесса подходит к группе.)

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Барыня (Кухарке).

Кто пустил мужиков?

Кухарка.

Яков привел.

Барыня.

Якову кто приказал?

Кухарка.

Не могу знать. Федор Иваныч их видели.

Барыня.

Леонид!

(Леонид Федорович не слышит, занят отыскиванием и шикает.)

Барыня.

Федор Иваныч! Это что значит? Разве вы не видали, что я дезинфицировала всю переднюю, а теперь вы мне всю кухню заразили, черный хлеб, квас...

Федор Иваныч.

Я полагал, что здесь не опасно; а люди по делу. Итти им далеко, а из своей деревни.

Барыня.

В том-то и дело, что из Курской деревни, где, как мухи, мрут от дифтерита. А главное – я приказывала, чтоб их не было в доме!.. Приказывала я или нет? (Подходит к кучке, собравшейся около Мужиков.) Осторожнее! Не дотрогивайтесь до них: они все в дифтеритной заразе!

(Никто ее не слушает; она с достоинством отходит и неподвижно стоит, дожидаясь.)

Петрищев (сопит громко носом).

Дифтеритная – не знаю, а некоторая другая зараза в воздухе есть. Вы слышите?

Бетси.

Полноте врать! Вово, в какой сумке?

Василий Леонидыч.

В той, той! Подходит, подходит.

Петрищев.

Что это тут, диху или дүхи?

Бетси.

Вот когда ваши папироски кстати. Курите, курите, ближе ко мне.

(Петрищев нагибается и окуривает.)

Василий Леонидыч.

Добирается, я вам скажу. А, что?

Гросман (с беспокойством шарит около 3-го мужика).

Здесь, здесь. Я чувствую, что здесь.

Толстая барыня.

Истечение чувствуете?

(Гросман нагибается к сумочке и достает ложку.)

Все.

Браво! (Общий восторг.)

Василий Леонидыч.

А? так вот где наша ложечка нашлась! (На Мужика.) Так ты так-то?

3-й мужик.

Чего так-то? Не брал я твоей ложечки. И что путает? Не брал я, и не брал, и душа моя не знает. А вольно ему! Я видел, он приходил не за добрым. Кошель, говорит, давай. А я не брал, вот-те Христос, не брал.

(Молодежь обступает и смеется.)

Леонид Федорович (сердито на сына).

Вечно глупости! (3-му мужику.) Да не беспокойся, дружок! Мы знаем, что ты не брал; это опыт был.

Гроссман (снимает повязку и делает вид, как бы очнулся).

Воды, если можно... позвольте. (Все хлопочут около него.)

Василий Леонидыч.

Пойдемте отсюда в кучерскую. Я вам покажу, какой кобель один там у меня. *Érâtant!* [16] А, что?

Бетси.

И какое слово гадкое. Разве нельзя сказать: собака?

Василий Леонидыч.

Нельзя. Ведь нельзя про тебя сказать: какая Бетси человек *érâtant*? Надо сказать: девица; так и это. А, что? Марья Константиновна, правда? Хорошо? (Хохочет.)

Марья Константиновна.

Ну, пойдём.

(Марья Константиновна, Бетси, Петрищев и Василий Леонидыч уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 18-е

Те же, без Бетси, Марьи Константиновны, Петрищева и Василия Леонидыча.

Толстая барыня (Гросману).

Что? Как? Отдохнули? (Гросман не отвечает. К Сахатову.) Вы, Сергей Иванович, чувствовали истечение?

Сахатов.

Я ничего не чувствовал. Да, прекрасно, прекрасно. Вполне удачно.

Баронесса.

Admirable! ça ne le fait pas souffrir?[17]

Леонид Федорович.

Pas le moins du monde.[18]

Профессор (Гросману).

Позвольте вас попросить. (Подает термометр.) При начале опыта было 37 и 2. (Доктору.) Так, кажется? Да будьте добры, пульс проверьте. Трата неизбежна.

Доктор (Гросману).

Ну-ка, господин, позвольте ваш пульс. Проверим, проверим. (Вынимает часы и держит его за руку.)

Толстая барыня (к Гросману).

Позвольте. Но ведь то состояние, в котором вы находились, нельзя назвать сном?

Гросман (устало).

Тот же гипноз.

Сахатов.

Стало быть, надо понимать так, что вы сами гипнотизировали себя?

Гросман.

А отчего же нет? Гипноз может наступить не только при ассоциации, при звуке тамтам, например, как у Шаркò, но и при одном вступлении в гипногенную зону.

Сахатов.

Это так, положим, но всё-таки желательно точнее определить, что такое гипноз?

Профессор.

Гипноз есть явление превращения одной энергии в другую.

Гросман.

Шаркò не так определяет.

Сахатов.

Позвольте, позвольте. Таково ваше определение, но либò мне сам говорил...

Доктор (оставляя пульс).

А, хорошо, хорошо, только температуру теперь.

Толстая барыня (вмешиваясь).

Нет, позвольте! Я согласна с Алексеем Владимировичем. И вот вам лучше всех доказательств. Когда я после своей болезни лежала без чувств, то на меня нашла потребность говорить. Я вообще молчалива, но тут явилась потребность говорить, говорить, и мне говорили, что я так говорила, что все удивлялись. (К Сахатову.) Впрочем, я вас перебила, кажется?

Сахатов (достойно).

Нисколько. Сделайте одолжение.

Доктор.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Пульс 82, температура повысилась на 0,3.

Профессор.

Ну, вот вам и доказательство! Так и должно было быть. (Вынимает записную книжку и записывает.) 82, так? и 37 и 5? Как только вызван гипноз, так непременно усиленная деятельность сердца.

Доктор.

Я, как врач, могу засвидетельствовать то, что ваше предсказание вполне подтвердилось.

Профессор (к Сахатову).

Так вы говорили?..

Сахатов.

Я хотел сказать, что Либò мне сам говорил, что гипноз есть только особенное психическое состояние, увеличивающее внушаемость.

Профессор.

Это так, но всё-таки главное – закон эквивалентности.

Гросман.

Кроме того, Либò – далеко не авторитет, а Шаркò всесторонне исследовал и доказал, что гипноз, производимый ударом, травмою...

Вместе:

Сахатов.

Да я и не отрицаю трудов Шаркò. Я его тоже знаю; я говорю только то, что говорил мне Либò.

Гросман (горячась).

В Сальпетриере 3000 больных, и я прослушал полный курс.

Профессор.

Позвольте, господа, не в этом дело.

Толстая барыня (вмешиваясь).

Я в двух словах вам объясню. Когда мой муж был болен, все доктора отказались...

Леонид Федорович.

Пойдемте однако в дом. Баронесса, пожалуйста!

(Все уходят, говоря вместе и перебивая друг друга.)

явление 19-е

Три Мужика, Кухарка, Федор Иваныч, Таня, Старый повар (на печке), Леонид Федорович и Барыня.

Барыня (останавливает за рукав Леонида Федоровича).

Сколько раз я вас просила не распоряжаться в доме! Вы знаете только свои глупости, а дом на мне. Вы заразите всех.

Леонид Федорович.

Да кто? Что? Ничего не понимаю.

Барыня.

Как? Люди больные в дифтерите ночуют в кухне, где постоянное сношение с домом.

Леонид Федорович.

Да я...

Барыня.

Что я?

Леонид Федорович.

Да я ничего не знаю.

Барыня.

Надо знать, коли вы отец семейства. Нельзя этого делать.

Леонид Федорович.

Да я не думал... Я думал...

Барыня.

Слушать вас противно!

(Леонид Федорович молчит.)

Барыня (к Федору Иванычу).

Сейчас вон! Чтоб их не было в моей кухне! Это ужасно. Никто не слушает, всё на зло... Я оттуда их прогоню, они их сюда пустят. (Всё больше и больше волнуется и доходит до слез.) Всё на зло! Всё на зло! И с моей болью... Доктор! Доктор! Петр Петрович!.. И он ушел!

(Всхлипывает и уходит, за ней Леонид Федорович.)

ЯВЛЕНИЕ 20-е

Три Мужика, Таня, Федор Иваныч, Кухарка и Старый повар (на печке).

(Картина. Все стоят долго молча.)

3-й мужик.

Ну их к Богу совсем! Тут того гляди в полицию попадешь. А я в жизнь не судился. Пойдем на фатеру, ребята!

Федор Иваныч (Тане).

Как же быть-то?

Таня.

Да ничего, Федор Иваныч. В кучерскую их.

Федор Иваныч.

Да как же в кучерскую? И то кучер жаловался, там полно собак.

Таня.

Ну, так в дворницкую.

Федор Иваныч.

А как узнают?

Таня.

Ничего не узнают. Уж будьте покойны, Федор Иванович. Разве можно их ночью гнать? Они и не найдут теперь.

Федор Иванович.

Ну, делай как знаешь, только бы тут их не было. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 21-е

Три Мужика, Таня, Кухарка и Старый повар.

Мужики собирают сумки

Старый повар.

Вишь, черти проклятые! С жиру-то! Черти!.

Кухарка.

Молчи уж ты-то. Спасибо, не увидали.

Таня.

Так пойдемте, дяденьки, в дворницкую.

1-й мужик.

Ну, а что же дело-то наше? Как же, примерно, насчет подписки, руки приложения? Что ж, в надежде нам быть?

Таня.

Вот через час всё узнаем.

2-й мужик.

Исхитришься?

Таня (смеется).

Как Бог даст.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ III

Действие происходит вечером того же дня, в маленькой гостиной, где всегда производятся у Леонида Федоровича опыты.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Леонид Федорович и Профессор.

Леонид Федорович.

Так как же, рискнуть сеанс с нашим новым медиумом?

Профессор.

Неприменно. Медиум несомненно сильный. Главное же, желательно, чтобы медиумический сеанс у нас был нынче же и с тем же персоналом. Гросман непременно должен отозваться на влияние медиумической энергии, и тогда связь и единство явлений будут еще очевиднее. Вы увидите, что если медиум будет так же силен, как сейчас, то Гросман будет вибрировать

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Леонид Федорович.

Так я, знаете, пошлю за Семеном и приглашу желающих.

Профессор.

Да, да, я только сделаю себе некоторые заметки.

(Вынимает записную книжку и записывает.)

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Те же и Сахатов.

Сахатов.

Там у Анны Павловны сели в винт, а я, как остающийся за штатом... да кроме того интересующийся сеансом, вот являюсь к вам... Что ж, будет сеанс?

Леонид Федорович.

Будет, непременно будет!

Сахатов.

Как же, и без медиумической силы г-на Капчича?

Леонид Федорович.

Vous avez la main heureuse.[19] представьте себе, тот самый мужик, о котором я вам говорил, оказался несомненный медиум.

Сахатов.

Вот как! О, да это особенно интересно!

Леонид Федорович.

Да, да. Мы после обеда сделали с ним маленький предварительный опыт.

Сахатов.

Успели сделать и убедиться?..

Леонид Федорович.

Вполне, и оказался замечательной силы медиум.

Сахатов (недоверчиво).

Вот как!

Леонид Федорович.

Оказывается, что в людской давно уж замечали. Он сядет к чашке, ложка сама вскакивает ему в руку. (К Профессору.) Вы слышали?

Профессор.

Нет, этого собственно я не слышал.

Сахатов (Профессору).

Но всё-таки и вы допускаете возможность таких явлений?

Профессор.

Каких явлений?

Сахатов.

Ну, вообще, спиритических, медиумических, вообще сверхъестественных явлений.

Профессор.

Дело в том, что мы называем сверхъестественным? Когда не живой человек, а кусок камня притянул к себе гвоздь, то каким показалось это явление для наблюдателей: естественным или сверхъестественным?

Сахатов.

Да, конечно; но только такие явления, как притяжение магнита, постоянно повторяются.

Профессор.

То же самое и здесь. Явление повторяется, и мы его подвергаем исследованию. Мало того, мы подводим исследуемые явления под общие другим явлениям законы. Явления ведь кажутся сверхъестественными только потому, что причины явлений приписываются самому медиуму. Но ведь это неверно. Явления производимы не медиумом, но духовной энергией через медиума, а это разница большая. Всё дело – в законе эквивалентности.

Сахатов.

Да, конечно, но...

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Те же и Таня (входит и становится за портьеру).

Леонид Федорович.

Одно только знайте, что как с Юмом и с Капичем, так и теперь с этим медиумом вперед ни на что рассчитывать нельзя. Может быть неудача, а может быть и полная материализация.

Сахатов.

Даже и материализация? Какая же может быть материализация?

Леонид Федорович.

А такая, что придет умерший человек: отец ваш, дед, возьмет вас за руку, даст вам что-нибудь; или кто-нибудь вдруг подыметесь на воздух, как прошлый раз у нас с Алексеем Владимировичем.

Профессор.

Конечно, конечно. Но главное дело – в объяснении явлений и подведении их под общие законы.

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Те же и Толстая барыня.

Толстая барыня.

Анна Павловна мне позволила пройти к вам.

Леонид Федорович.

Милости просим!

Толстая барыня.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Но как однако Гросман устал. Он не мог чашки держать. Вы заметили, как он побледнел (к профессору) в ту минуту, как приблизился? Я сейчас же заметила, я первая сказала Анне Павловне.

Профессор.

Несомненно, трата жизненной энергии.

Толстая барыня.

Вот и я говорю, что этим злоупотреблять нельзя. Как же, гипнотизатор внушил одной моей знакомой, Верочке Коншиной, – да вы ее знаете, – чтоб она перестала курить, а у ней спина заболела.

Профессор (хочет начать говорить).

Измерение температуры и пульс, очевидно, показывают...

Толстая барыня.

Я сию минуту, позвольте. Я ей и говорю: уж лучше курить, но не страдать так нервами. Разумеется, что курить вредно, и я бы желала отвыкнуть, но, что хотите, не могу. Я раз две недели не курила, а потом не выдержала.

Профессор (опять делает попытку говорить).

Показывают несомненно...

Толстая барыня.

Да нет, позвольте! Я в двух словах. Вы говорите, что трата сил? И я хотела сказать, что когда я ездила на почтовых... Дороги тогда были ужасные, вы этого не помните, а я замечала, и, как хотите, наша нервность вся от железных дорог. Я, например, в дороге спать не могу, – хоть убейте, а не засну.

Профессор (опять начинает, но Толстая барыня не дает ему говорить).

Трата сил...

Сахатов (улыбаясь).

Да, да.

(Леонид Федорович звонит.)

Толстая барыня.

Я одну, другую, третью ночь не буду спать, а всё-таки не засну.

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Те же и Григорий.

Леонид Федорович.

Скажите, пожалуйста, Федору приготовить всё для сеанса и позовите Семена сюда – буфетного мужика, Семена, слышите?

Григорий.

Слушаю-с! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Леонид Федорович, Профессор, Толстая барыня и Таня (спрятанная).

Профессор (к Сахатову).

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoye
Измерение температуры и пульс показали трату жизненной энергии. То же будет и
при медиумических проявлениях. Закон сохранения энергии...

Толстая барыня.

Да, да. Я только еще хотела сказать, что я очень рада, что простой мужик
оказался медиум. Это прекрасно. Я всегда говорила, что славянофилы...

Леонид Федорович.

Пойдемте пока в гостиную.

Толстая барыня.

Позвольте, я в двух словах... Славянофилы правы, но я всегда говорила своему мужу,
что ни в чем не надо преувеличивать.

Золотая середина, знаете. А то как же утверждать, что в народе всё хорошо, когда
я сама видела...

Леонид Федорович.

Не угодно ли в гостиную?

Толстая барыня.

Вот такой мальчик и уж пьет. Я его сейчас же разбранила. И он благодарен был
потом. Они – дети, а детям, я всегда говорила, нужна и любовь, и строгость.

(Все уходят, разговаривая.)

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Таня (одна выходит из-за двери).

Таня.

Ах, удалось бы только! (Завязывает нитки.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Таня и Бетси (входит поспешно).

Бетси.

Папà нет тут? (Вглядываясь в Таню.) Ты что тут?

Таня.

А я так, Лизавета Леонидовна, вошла, хотела... так вошла... (Смущается.)

Бетси.

Да ведь тут сеанс сейчас будет? (Замечает, что Таня собирает нитки, пристально
смотрит на нее и вдруг заливается хохотом.) Таня! это ведь ты всё делаешь? Да уж
не отпирайся. И тот раз ты? Ведь ты, ты?

Таня.

Лизавета Леонидовна, голубушка!

Бетси (в восторге).

Ах, как это хорошо! Вот не ожидала! Зачем же ты это делала?

Таня.

Барышня, милая, да вы не выдайте!

Бетси.

Да нет, ни за что. Я ужасно рада! Да как же ты делаешь?

Таня.

Да так и делаю: спрячусь, а потом, как потушат, вылезу и делаю.

Бетси (показывая на нитку).

А это зачем? Да, не говори, понимаю, задеваешь...

Таня.

Лизавета Леонидовна, голубушка, я только вам откроюсь. Прежде я так шалила, а теперь дело хочу сделать.

Бетси.

Как, что? Какое дело?

Таня.

Да вот, видели, мужики пришли, хотят землю купить, а папаша не продают и бумагу не подписали и им назад отдали. Федор Иваныч говорит: духи ему запретили. Вот я и вздумала.

Бетси.

Ах, какая же ты умница! Делай, делай. Да как же ты будешь делать?

Таня.

Да я так придумала: как они свет потушат, сейчас я начну стучать, швырять, ниткой их по головам, а под конец бумагу об земле – она у меня – и брошу на стол.

Бетси.

Ну и что ж?

Таня.

А как же? Они удивятся. Бумага была у мужиков, и вдруг здесь. А тут же велю...

Бетси.

Да, ведь Семен нынче медиум!

Таня.

Так я ему велю... (Не может говорить от смеха.) Велю давить руками, кто под рукой будет. Только не папашу, – это он не посмеет, – и пусть давит кого других, пока подпишут.

Бетси (смеется).

Да ведь так не делают. Медиум сам ничего не делает.

Таня.

Да ничего, это всё одно, – авось и так выйдет.

ЯВЛЕНИЕ 9–е

Таня и Федор Иваныч.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Бетси делает знаки Тане и уходит.

Федор Иванович (Тане).

Ты что тут?

Таня.

Да я к вам, Федор Иванович, батюшка!..

Федор Иванович.

Чего же ты?

Таня.

Да об деле моем, к вам, что я просила.

Федор Иванович (смеясь).

Сосватал, сосватал, и по рукам ударили. Только не пили.

Таня (взвизгивает).

Неужто за-правду?

Федор Иванович.

Да уж я тебе говорю. Он говорит: с старухой посоветуюсь, да и с Богом.

Таня.

Так и сказал?.. (взвизгивая.) Ах, голубчик, Федор Иванович, век за вас буду Бога молить!

Федор Иванович.

Ну, ладно, ладно. Теперь некогда. Велено убирать для сеанса.

Таня.

Дайте я вам пособлю. Как же убирать?

Федор Иванович.

Да как? – Да вот: стол посреди комнаты, стулья, гитару, гармонию. Лампу не надо – свечи.

Таня (устанавливает всё с Федором Ивановичем).

Так, что ли? Сюда гитару, сюда чернильницу... (Ставит.) Так?

Федор Иванович.

Да неужели в самом деле Семена посадят?

Таня.

Должно быть. Ведь уж сажали.

Федор Иванович.

Удивление! (Надевает pince-nez.) Да чист ли он?

Таня.

Почем я знаю!

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Федор Иваныч.

Так ты вот что...

Таня.

Что, Федор Иваныч?

Федор Иваныч.

Поди ты, возьми щеточку ногтяную и мыла Тридас, – хоть у меня возьми... И все ты ему остриги когти и вымой чисто-на́чисто.

Таня.

Он и сам вымоет.

Федор Иваныч.

Ну так скажи только. Да белье вели надеть чистое.

Таня.

Хорошо, Федор Иваныч. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10-е

Федор Иваныч один, садится в кресло.

Федор Иваныч.

Учены, ученые, хоть бы Алексей Владимирович, профессор он, а всё другой раз сильно сомнение берет. Народные суеверия, грубые, истребляются, суеверия домовых, колдунов, ведьм... А ведь если вникнуть, ведь это такое же суеверие. Ну, разве возможно это, чтобы души умерших и говорили бы и на гитаре играли бы? А дурачит их кто-нибудь или сами себя. А уж это с Семеном и не поймешь что. (Рассматривает альбом.) Ведь вот их альбом спиритический. Ну, возможное ли это дело, чтобы фотографию с духа снять? А вот изображение – турок и Леонид Федорович сидят. Удивительна слабость человеческая!

ЯВЛЕНИЕ 11-е

Федор Иваныч и Леонид Федорович.

Леонид Федорович (входя).

Что, готово?

Федор Иваныч (встает не торопясь).

Готово. (Улыбаясь.) Только не знаю, как бы ваш новый медиум не скомпрометовал вас, Леонид Федорович.

Леонид Федорович.

Нет, мы испытывали с Алексеем Владимировичем. Удивительно сильный медиум!

Федор Иваныч.

Уж этого не знаю. Только чист ли он? Вы вот не позаботились руки ему велеть вымыть. А то всё-таки неудобно.

Леонид Федорович.

Руки? Ах, да. Нечисты, ты думаешь?

Федор Иваныч.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Да как же, мужик. А тут дамы, и Марья Васильевна.

Леонид Федорович.

Ну и прекрасно.

Федор Иваныч.

Да еще я хотел вам доложить: Тимофей, кучер, приходил жаловаться, что нельзя ему чистоту соблюсти от собак.

Леонид Федорович (устанавливая предметы на столе, рассеянно).

Каких собак?

Федор Иваныч.

Да Василью Леонидычу нынче борзых привели тройку, в кучерскую поместили.

Леонид Федорович (досадливо).

Скажи Анне Павловне, как она хочет, а мне и некогда.

Федор Иваныч.

Да ведь вы знаете их пристрастие...

Леонид Федорович.

Ну, как хочет она, так и делает. А от него мне кроме неприятностей... да и некогда.

ЯВЛЕНИЕ 12-е

Те же и Семен (в поддевке, входит, улыбается).

Семен.

Приказали притти?

Леонид Федорович.

Да, да. Покажи руки. Ну, и прекрасно, прекрасно. Так вот, дружок, ты так же делай, как давеча, садись и отдавайся чувству. А сам ничего не думай.

Семен.

Чего ж думать? Что думать, то хуже.

Леонид Федорович.

Вот, вот, вот. Чем менее сознательно, тем сильнее. Не думай, а отдавайся настроению: хочется спать – спи, хочется ходить – ходи; понимаешь?

Семен.

Как не понять? Хитрости тут нисколько.

Леонид Федорович.

И главное – не смущайся. А то ты сам можешь удивиться. Ты пойми, что как мы живем, так невидимый мир духов тут же живет.

Федор Иваныч (поправляя).

Незримые существа, понимаешь?

Семен (смеется).

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Как не понять? Как вы сказывали, так это очень просто.

Леонид Федорович.

Можешь подняться на воздух или еще что-нибудь, то ты не робей.

Семен.

Чего ж робеть? Это всё можно.

Леонид Федорович.

Ну, так я пойду, позову всех. Всё готово?

Федор Иванович.

Кажется, всё.

Леонид Федорович.

А грифельные доски?

Федор Иванович.

Внизу, сейчас принесу. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 13-е

Леонид Федорович и Семен.

Леонид Федорович.

Ну, так хорошо. Так ты не смущайся и будь свободнее.

Семен.

Нешто поддевку снять: оно слободнее будет.

Леонид Федорович.

Поддевку? – нет, нет, не надо. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 14-е

Семен один.

Семен.

Опять то же велела делать, а она опять будет свое швырять. И как она не боится?

ЯВЛЕНИЕ 15-е

Семен и Таня входят без ботинок, в платье цвета обой; Семен хохочет.

Таня (шикает).

Шш!.. Услышат! Вот на пальцы спички наклеи, как давеча. (Наклеивает.) Что же, всё помнишь?

Семен (загибая пальцы).

Перво-наперво спички намочить. Махать – раз. Другое дело – зубами трещать, вот так... – два. Вот третье забыл.

Таня.

А третье-то пуще всего. Ты помни: как бумага на стол падет – я еще в колокольчик позвоню, – так ты сейчас же руками вот так... Разведи шире и захватывай. Кто возле

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle сидит, того и захватывай. А какхватишь, так жми. (Хохочет.) Барин ли, барыня ли, знай – жми, всё жми, да и не выпускай, как будто во сне, а зубами скрыпи али рычи, вот так... (Рычит.) А как я на гитаре заиграю, так как будто просыпайся, потянись, знаешь, так, и проснись... Всё помнишь?

Семен.

Всё помню, только смешно больно.

Таня.

А ты не смейся. А засмеешься – это еще не беда. Они подумают, что во сне. Одно только, взаправду не засни, как они свет-то потушат.

Семен

Небось, я себя за уши щипать буду.

Таня.

Так ты смотри, Семочка, голубчик. Только делай всё, не робей. Подпишет бумагу. Вот увидишь. Идут... (Лезет под диван.)

ЯВЛЕНИЕ 16-е

Семен и Таня. Входят Гросман, Профессор, Леонид Федорович, Толстая барыня, Доктор, Сахатов, Барыня. Семен стоит у двери.

Леонид Федорович.

Милости просим, все неверующие! Несмотря на то, что медиум новый, случайный, я нынче жду очень знаменательных проявлений.

Сахатов.

Очень, очень интересно.

Толстая барыня (на Семена).

Mais il est très bien.[20]

Барыня.

Как буфетный мужик, да, но только...

Сахатов.

Жены всегда не верят в дело своих мужей. Вы совсем не допускаете?

Барыня.

Разумеется, нет. В Капчиче, правда, есть что-то особенное, но уж это Бог знает что такое!

Толстая барыня.

Нет, позвольте, Анна Павловна, это нельзя так решать. Когда еще я была не замужем, видела один замечательный сон. Сны, знаете, бывают такие, что вы не знаете, когда начинается, когда кончается; так я видела именно такой сон...

ЯВЛЕНИЕ 17-е

Те же, Василий Леонидыч и Петрищев входят.

Толстая барыня.

И мне многое было открыто этим сном. Нынче уж эти молодые люди (указывает на Петрищева и на Василья Леонидыча) всё отрицают.

Василий Леонидыч.

А я никогда, я вам скажу, ничего не отрицаю. А, что?

ЯВЛЕНИЕ 18-е

Те же. Входят Бетси и Марья Константиновна и вступают в разговор с Петрищевым.

Толстая барыня.

А как же можно отрицать сверхъестественное? Говорят: не согласно с разумом. Да разум-то может быть глупый, тогда что? Ведь вот на Садовой, – вы слышали? – каждый вечер являлось. Брат моего мужа – как это называется?.. не beau-frère, [21] а по-русски... не свекор, а еще как-то? Я никогда не могу запомнить этих русских названий, – так он ездил три ночи сряду и всё-таки ничего не видал, так я и говорю..

Леонид Федорович.

Так кто же да кто остается?

Толстая барыня.

Я, я!

Сахатов.

Я!

Барыня (к доктору).

Неужели вы остаетесь?

Доктор.

Да, надо хоть раз посмотреть, что тут Алексей Владимирович находит. Отрицать бездоказательно тоже нельзя.

Барыня.

Так решительно принять нынче вечером?

Доктор.

Кого принять?.. Ах да, порошок. Да, примите, пожалуй. Да, да, примите... Да я зайду.

Барыня.

Да, пожалуйста. (Громко.) Когда кончите, messieurs et mesdames, милости просим ко мне отдохнуть от эмоций, да и винт докончим.

Толстая барыня.

Неприменно.

Сахатов.

Да, да! (Барыня уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 19-е

Те же, без Барыни.

Бетси (Петрищеву).

Я вам говорю, оставайтесь. Я вам обещаю необыкновенные вещи. Хотите пари?

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Марья Константиновна.

Да разве вы верите?

Бетси.

Нынче верю.

Марья Константиновна (Петрищеву).

А вы верите?

Петрищев.

«Не верю, не верю обетам коварным». Ну, да если Елизавета Леонидовна велит...

Василий Леонидыч.

Останемся, Марья Константиновна. А, что? Я что-нибудь такое épâtant[22] придумаю.

Марья Константиновна.

Нет, вы не смешите. Я ведь не могу удержаться.

Василий Леонидыч (громко).

Я – остаюсь!

Леонид Федорович (строго).

Прошу только тех, кто остается, не делать из этого шутки. Это дело серьезное.

Петрищев.

Слышишь? Ну, так останемся. Вово, садись сюда, да смотри, не робей.

Бетси.

Да, вы смеетесь, а вот увидите, что́ будет.

Василий Леонидыч.

А что, как в самом деле? Вот штука-то будет! А, что?

Петрищев (дрожит).

Ой, боюсь, боюсь. Марья Константиновна, боюсь!.. дрожки ножат.

Бетси (смеется).

Тише!

(Все садятся.)

Леонид Федорович.

Садитесь, садитесь. Садись, Семен!

Семен.

Слушаю-с. (Садится на край стула.)

Леонид Федорович.

Садись хорошенько.

Профессор.

Садитесь правильно, на середину стула, совершенно свободно. (Усаживает Семена.)

(Бетси, Марья Константиновна и Василий Леонидыч хохочут.)

Леонид Федорович (возвышая голос).

Прошу тех, кто остается, не шалить и относиться к делу серьезно. Могут быть дурные последствия. Вово, слышишь? Если не будешь сидеть смирно, уйди.

Василий Леонидыч.

Смирно! (Прячется за спину Толстой барыни.)

Леонид Федорович.

Алексей Владимирович, вы усыпите.

Профессор.

Нет, зачем же я, когда Антон Борисович тут? У него гораздо больше и практики в этом отношении и силы... Антон Борисович!

Гросман.

Господа! я собственно не спирит. Я только изучал гипноз. Гипноз я изучал, правда, во всех его известных проявлениях. Но то, что называется спиритизмом, мне совершенно неизвестно. От усыпления субъекта я могу ожидать известных мне явлений гипноза: летаргии, абулии, анестезии, анэлгезии, каталепсии и всякого рода внушений. Здесь же предполагаются к исследованью не эти, а другие явления, и потому желательно бы было знать, какого рода эти ожидаемые явления, и какое они имеют научное значение.

Сахатов.

Вполне присоединяюсь к мнению г-на Гросмана. Такое разъяснение было бы очень и очень интересно.

Леонид Федорович (к профессору).

Я думаю, Алексей Владимирович, вы не откажетесь объяснить вкратце.

Профессор.

Отчего ж, я могу объяснить, если этого желают. (К доктору.) А вы, пожалуйста, измерьте температуру и пульс. Объяснение мое будет неизбежно поверхностно и кратко.

Леонид Федорович.

Да, вкратце, вкратце...

Доктор.

Сейчас. (Вынимает термометр и подает.) Ну-ка, молодец!.. (Устанавливает.)

Семен.

Слушаю-с.

Профессор (вставая и обращаясь к Толстой барыне, а потом садясь).

Господа! Явление, которое мы исследуем, представляется обыкновенно с одной стороны как нечто новое, с другой стороны как нечто выходящее из ряда естественных условий. Ни то ни другое не справедливо. Явление это не ново, а старо как мир, и не сверхъестественно, а подлежит всё тем же вечным законам, которым подлежит и всё существующее. Явление это определялось обыкновенно как общение с миром духовным. Определение это неточно. По определению этому мир

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
духовный противопоставляется миру материальному, но это несправедливо:
противуположения этого нет. Оба мира так тесно соприкасаются, что нет никакой
возможности провести демаркационную линию, отделяющую один мир от другого. Мы
говорим: материя слагается из молекул...

Петрищев.

Скучная материя! (Шопот, хохот.)

Профессор (остановившись и потом продолжая).

Молекулы – из атомов, но атомы, не имея протяжения, суть в сущности не что иное, как точки приложения сил. То есть, строго говоря, не сил, а энергии, – той самой энергии, которая так же едина и неуничтожима, как и материя. Но как материя одна, а виды ее различны, так точно и энергия. До последнего времени нам были известны только четыре превращающиеся один в другой вида энергии. Нам известны энергии: динамическая, термическая, электрическая и химическая. Но четыре вида энергии далеко не исчерпывают всего разнообразия ее проявлений. Виды проявления энергии многообразны, и один из таких новых, мало известных видов энергии и исследуется нами. Я говорю об энергии медиумизма.

(Опять шопот и хохот в углу молодежи.)

Профессор (останавливается и, строго оглянувшись, продолжает).

Медиумическая энергия известна человечеству давным-давно: предсказания, предчувствия, виденья и многие другие – всё это не что иное, как проявления медиумической энергии. Явления, производимые ею, известны давным-давно. Но самая энергия не признавалась таковой до самого последнего времени, до тех пор, пока не было признано той среды, колебания которой и производят медиумические явления. И точно так же, как явления света были не объяснимы до тех пор, пока не было признано существование невесомого вещества, эфира, – точно так же и медиумические явления казались таинственными до тех пор, пока не была признана та несомненная теперь истина, что в промежутках частиц эфира находится другое, еще более тонкое, чем эфир, невесомое вещество, не подлежащее закону трех измерений...

(Опять шопот, хохот и повизгивание.)

Профессор (опять оглядывается строго).

И точно так же, как математические вычисления подтвердили неопровержимо существование невесомого эфира, дающего явления света и электричества, точно так же блестящий ряд самых точных опытов гениального Германа Шмита и Иосифа Шмаццофена несомненно подтвердили существование того вещества, которое наполняет вселенную и может быть названо духовным эфиром.

Толстая барыня.

Да, теперь я понимаю. Как я благодарна...

Леонид Федорович.

Да; но нельзя ли, Алексей Владимирович, несколько... сократить?

Профессор (не отвечая).

Итак, ряд строго-научных опытов и исследований, как я имел честь сообщить вам, выяснили нам законы медиумических явлений. Опыты эти выяснили нам то, что погружение некоторых личностей в гипнотическое состояние, отличающееся от обыкновенного сна только тем, что при погружении в этот сон деятельность физиологическая не только не понижается, но всегда повышается, как это мы сейчас видели, – оказалось, что погружение в это состояние какого бы то ни было субъекта неизменно влечет за собой некоторые пертурбации в духовном эфире – пертурбации, совершенно подобные тем, которые производит погружение твердого тела в жидкое. Пертурбации же эти и суть то, что мы называем медиумическими явлениями...

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
(Хохот, шопот.)

Сахатов.

Это совершенно справедливо и понятно; но позвольте спросить: если, как вы изволите говорить, погружение медиума в сон производит пертурбации духовного эфира, то почему же эти пертурбации выражаются всегда, как это подразумевается обыкновенно в спиритических сеансах, проявлением деятельности душ умерших личностей?

Профессор.

А потому, что частицы этого духовного эфира суть не что иное, как души живых, умерших и неродившихся, так что всякое сотрясение этого духовного эфира неизбежно вызывает известное движение его частиц. Частицы же эти суть не что иное, как души людей, входящие этим движением в общение между собою.

Толстая барыня (к Сахатову).

Что же тут не понимать? Это так просто... Очень, очень благодарю вас!

Леонид Федорович.

Мне кажется, что теперь всё ясно, и мы можем приступить.

Доктор.

Малый в самых нормальных условиях: температура 37 и 2, пульс 74.

Профессор (вынимает книжку и записывает).

Подтверждением того, что я имел честь сообщить, может служить то, что погружение медиума в сон неизбежно, как мы сейчас и увидим, вызовет подъем температуры и пульса, точно так же, как и при гипнозе.

Леонид Федорович.

Да, да, виноват, я только хотел сказать Сергею Иванычу на то, что он спрашивал: почему мы узнаем, что с нами общаются души умерших? – Мы узнаем это потому, что тот дух, который приходит, прямо нам говорит, – просто, как я говорю, – говорит нам, кто он и зачем пришел, и где он, и хорошо ли ему? Последний сеанс был испанец Дон Кастильос, и он всё сказал нам. Он сказал нам, кто он, и когда умер, и то, что ему тяжело за то, что он участвовал в инквизиции. Мало того, он сообщил нам то, что с ним случилось в то самое время, как он говорил с нами, а именно то, что в то самое время, как он говорил с нами, он должен был вновь родиться на землю и потому не мог докончить начатого с нами разговора. Да вот вы сами увидите...

Толстая барыня (перебивая).

Ах, как интересно! Может быть, испанец у нас в доме родился и маленький теперь.

Леонид Федорович.

Очень может быть.

Профессор.

Я думаю, пора бы начинать.

Леонид Федорович.

Я только хотел сказать...

Профессор.

Поздно уж.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой to1stoy1e
Леонид Федорович.

Ну, хорошо. Так можем приступить. Пожалуйста, Антон Борисович, усыпите медиума...

Гросман.

Как вы желаете, чтоб я усыпил субъекта? Есть много употребительных приемов. Есть способ Бреда, есть египетский символ, есть способ Шарко.

Леонид Федорович (к Профессору).

Это всё равно, я думаю.

Профессор.

Безразлично.

Гросман.

Так я употреблю свой способ, который я демонстрировал в Одессе.

Леонид Федорович.

Пожалуйста!

(Гросман машет руками над Семеном. – Семен закрывает глаза и потягивается.)

Гросман (приглядывается).

Засыпает, заснул. Замечательно быстрое наступление гипноза. Очевидно, субъект уже вступил в анестетическое состояние. Замечательно, необыкновенно восприимчивый субъект и мог бы быть подвергнут интересным опытам!.. (Садится, встает, опять садится.) Теперь можно бы проколоть ему руки. Если желаете...

Профессор (к Леониду Федоровичу).

Замечаете, как сон медиума действует на Гросмана? Он начинает вибрировать.

Леонид Федорович.

Да, да... Теперь можно тушить?

Сахатов.

Но почему же нужна темнота?

Профессор.

Темнота? – А потому, что темнота есть одно из условий, при которых проявляется медиумическая энергия, так же как известная температура есть условие известных проявлений химической или динамической энергии.

Леонид Федорович.

И не всегда. Многим, и мне, являлись и при свечах и при солнце.

Профессор (перебивая).

Можно тушить?

Леонид Федорович.

Да, да. (Тушит свечи.) Господа! теперь прошу вниманья.

(Таня вылезает из-под дивана и берет в руки нитку, привязанную к бра.)

Петрищев.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Нет, мне понравился испанец. Как он, в середине разговора, вниз головой... что
называется: piquer une tête.[23]

Бетси.

Нет, вы подождите, посмотрите, что будет!

Петрищев.

Я одного боюсь: как бы во во не захрюкал поросенком.

Василий Леонидыч.

Хотите? Я хвачу...

Леонид Федорович.

Господа! прошу не разговаривать, пожалуйста...

(Тишина. – Семен лижет палец, мажет им косточки на руке и машет ими.)

Леонид Федорович.

Свет! Видите свет?

Сахатов.

Свет! Да, да, вижу; но позвольте...

Толстая барыня.

Где, где? Ах, не видала! Вот он. Ах!..

Профессор (к Леониду Федоровичу шопотом, указывая на Гросмана, который двигается).

Вы заметьте, как он вибрирует. Двойная сила. (Опять показывается свет.)

Леонид Федорович (к Профессору).

А ведь это он.

Сахатов.

Кто он?

Леонид Федорович.

Грек Николай. Его свет. Не правда ли, Алексей Владимирович?

Сахатов.

Что такое грек Николай?

Профессор.

Некий грек, монашествовавший при Константине в Царь-граде и посещавший нас последнее время.

Толстая барыня.

Где же он? Где же он? Я не вижу.

Леонид Федорович.

Его нельзя еще видеть. Алексей Владимирович, он всегда особенно благосклонен к вам. Спросите его.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Профессор (особенным голосом).

Николай! ты это?

(Таня стучит два раза о стену.)

Леонид Федорович (радостно).

Он! Он!

Толстая барыня.

Ай, ай! Я уйду.

Сахатов.

Почему же предполагается, что это он?

Леонид Федорович.

А два удара. Утвердительный ответ: иначе было бы молчание.

(Молчание. Сдержанный хохот в углу молодежи. – Таня бросает на стол колпак с лампы, карандаш, утиралку перьев.)

Леонид Федорович (шопотом).

Замечайте, господа, вот колпак с лампы. Еще что-то. Карандаш! Алексей Владимирович, карандаш.

Профессор.

Хорошо, хорошо. Я слежу и за ним и за Гросманом. Вы замечаете?

(Гросман встает и оглядывает предметы, упавшие на стол.)

Сахатов.

Позвольте, позвольте! Я бы желал посмотреть, не производит ли всего этого сам медиум?

Леонид Федорович.

Вы думаете? Так сядьте подле, держите его за руки. Но будьте уверены, он спит.

Сахатов (подходит, задевает головой за нитку, которую спускает Таня, и испуганно нагибается).

Да... а-а!.. Странно, странно. (Подходит, берет за локоть Семена. Семен рычит.)

Профессор (к Леониду Федоровичу).

Слышите, как действует присутствие Гросмана? Новое явление, надо записать... (Выбегает и записывает, потом возвращается.)

Леонид Федорович.

Да... Но нельзя же оставлять Николая без ответа, надо начинать...

Гросман (встает, подходит к Семену, поднимает опускает его руку).

Теперь интересно бы произвести контрактуру. Субъект в полном гипнозе.

Профессор (к Леониду Федоровичу).

Вы видите, видите?

Гросман.

Если вы желаете...

Доктор.

Да уж позвольте, батюшка, Алексею Владимировичу распорядиться, штука-то выходит серьезная.

Профессор.

Оставьте его. Он говорит уже во сне.

Толстая барыня.

Как я рада теперь, что решилась присутствовать. Страшно, но всё-таки я рада, потому что я мужу всегда говорила...

Леонид Федорович.

Прошу помолчать.

(Таня проводит ниткой по голове Толстой барыни.)

Толстая барыня.

Ай!

Леонид Федорович.

что? что?

Толстая барыня.

Он меня за волосы взял.

Леонид Федорович (шопотом).

Не бойтесь, ничего, подайте ему руку. Рука бывает холодная, но я это люблю.

Толстая барыня (прячет руку).

Ни за что!

Сахатов.

Да, странно, странно!

Леонид Федорович.

Он здесь и ищет общения. Кто хочет спросить что-нибудь?

Сахатов.

Позвольте, я спрошу.

Профессор.

Сделайте одолжение.

Сахатов.

Верю я или нет?

(Таня стучит два раза.)

Профессор.

Ответ утвердительный.

Сахатов.

Позвольте, я еще спрошу. Есть у меня в кармане десятирублевая бумажка?

(Таня стучит много раз и проводит ниткой по голове Сахатова.)

Сахатов.

Ах!.. (Хватает нитку и обрывает ее.)

Профессор.

Я бы просил присутствующих не делать неопределенных или шутливых вопросов. Ему неприятно.

Сахатов.

Нет, позвольте, у меня в руке нитка.

Леонид Федорович.

Нитка? Держите ее. Это часто бывает; не только нитка, но шелковые снурки, самые древние.

Сахатов.

Нет, однако откуда же нитка?

(Таня бросает в него подушкой.)

Сахатов.

Позвольте, позвольте! Что-то мягкое ударило меня в голову. Позвольте свет, – тут что-нибудь...

Профессор.

Мы просим вас не нарушать проявления.

Толстая барыня.

Ради Бога, не нарушайте! И я хочу спросить, можно?

Леонид Федорович.

Можно, можно. Спрашивайте.

Толстая барыня.

Я хочу спросить о своем желудке. Можно? Я хочу спросить, что мне принимать, аконит или белладонну?

(Молчание, шопот в стороне молодых людей, и вдруг Василий Леонидыч кричит, как грудной ребенок: уа! уа! – Хохот. Захватывая носы и рты и фыркая, девицы с Петрищевым убегают.)

Толстая барыня.

Ах, это верно, и этот монах опять родился!

Леонид Федорович (в бешенстве, гневным шопотом).

Кроме глупости, от тебя ничего! Если не умеешь держать себя прилично, то уйди.

(Василий Леонидыч уходит.)

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой to1stoyLe
ЯВЛЕНИЕ 20-е

Леонид Федорович, Профессор, Толстая барыня, Сахатов, Гросман, Доктор, Семен и
Таня. Темнота, молчание.

Толстая барыня.

Ах, как жаль! Теперь уж нельзя спрашивать. Он родился.

Леонид Федорович.

Нисколько. Это глупости Вово. А он тут. Спрашивайте.

Профессор.

Это часто бывает; эти шутки, насмешки – самое обыкновенное явление. Я полагаю,
что он здесь еще. Впрочем, мы можем спросить. Леонид Федорович, вы?

Леонид Федорович.

Нет, пожалуйста, вы. Меня это расстроило. Так неприятно! Эта бестактность!..

Профессор.

Хорошо, хорошо!.. Николай! ты здесь еще?

(Таня стучит два раза и звонит в колокольчик. – Семен начинает рычать и
разводить руками. Захватывает Сахатова и Профессора и давит их.)

Профессор.

Какое неожиданное проявление! Воздействие на самого медиума. Этого не бывало.
Леонид Федорович, наблюдайте, мне неловко. Он давит меня. Да смотрите, что
Гросман? Теперь нужно полное внимание.

(Таня бросает мужицкую бумагу на стол.)

Леонид Федорович.

Что-то упало на стол.

Профессор.

Смотрите, что упало.

Леонид Федорович.

Бумага! Сложенный лист бумаги.

(Таня бросает дорожную чернильницу.)

Леонид Федорович.

Чернильница!

(Таня бросает перо.)

Леонид Федорович.

Перо!

(Семен рычит и давит.)

Профессор (задавленный).

Позвольте, позвольте, совершенно новое явление: не вызванная медиумическая
энергия действует, а сам медиум. Однако откройте чернильницу и положите на
бумагу перо, он напишет, напишет.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
(Таня заходит сзади Леонида Федоровича и бьет его по голове гитарой.)

Леонид Федорович.

Ударил меня по голове! (Смотрит на стол.) Перо не пишет еще, и бумага сложена.

Профессор.

Посмотрите, что за бумага, сделайте скорей; очевидно, двойная сила: его и Гросмана – производит пертурбации.

Леонид Федорович (выходит с бумагой в дверь и тотчас возвращается).

Необычайно! Бумага эта – договор с крестьянами, который я нынче утром отказался подписать и отдал назад крестьянам. Вероятно, он хочет, чтоб я подписал его?

Профессор.

Разумеется! Разумеется! Да вы спросите.

Леонид Федорович.

Николай! Или ты желаешь...

(Таня стучит два раза.)

Профессор.

Слышите? Очевидно, очевидно!

(Леонид Федорович берет перо и выходит. – Таня стучит, играет на гитаре и гармонии и лезет опять под диван. – Леонид Федорович возвращается. – Семен потягивается и прокашливается.)

Леонид Федорович.

Он просыпается. Можно зажечь свечи.

Профессор (поспешно).

Доктор, доктор, пожалуйста, температуру и пульс. Вы увидите, что сейчас обнаружится повышение.

Леонид Федорович (зажигает свечи).

Ну что, господа неверующие?

Доктор (подходя к Семену и вставляя термометр).

Ну-ка, молодец. Что, поспал? Ну-ка, это вставь и давай руку. (Смотрит на часы.)

Сахатов (пожимает плечами).

Могу утверждать, что медиум не мог делать всего того, что происходило. Но нитка?.. Я бы желал объяснения нитки.

Леонид Федорович.

Нитка, нитка! Тут были явления посерьезнее.

Сахатов.

Не знаю. Во всяком случае – *je réserve mon opinion.*[24]

Толстая барыня (к Сахатову).

Нет, как же вы говорите: *je réserve mon opinion.* А младенец-то с крылышками? Разве вы не видали? Я сначала подумала, что это кажется; но потом ясно, ясно,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e
как живой...

Сахатов.

Могу говорить только о том, что видел. Я не видал этого, не видал.

Толстая барыня.

Ну как же! Совсем ясно было видно. А с левой стороны монах в черном одеянии еще нагнулся к нему...

Сахатов (отходит).

Какое преувеличение!

Толстая барыня (обращается к Доктору).

Вы должны были видеть. Он с вашей стороны поднимался.

(Доктор, не слушая ее, продолжает считать пульс.)

Толстая барыня (к Гросману).

И свет, свет от него, особенно вокруг личика. И выражение такое кроткое, нежное, что-то вот этакое небесное! (Сама нежно улыбается.)

Гросман.

Я видел свет фосфорический, предметы изменяли место, но более я ничего не видел.

Толстая барыня.

Ну, полноте! Это вы так. Это оттого, что вы, ученые школы Шарко, не верите в загробную жизнь. А меня никто теперь, никто в мире не разуверит в будущей жизни.

(Гросман уходит от нее.)

Толстая барыня.

Нет, нет, что ни говорите, а это одна из самых счастливых минут в моей жизни. Когда Саразате играл, и эта... Да! (Никто ее не слушает. Она подходит к Семену.) Ну, ты мне скажи, ты, дружок, что чувствовал? Очень тебе было тяжело?

Семен (смеется)

Так точно.

Толстая барыня.

Всё-таки терпеть можно?

Семен.

Так точно (к Леониду Федоровичу.) Прикажете итти?

Леонид Федорович.

Иди, иди.

Доктор (к Профессору).

Пульс тот же, но температура понизилась.

Профессор

Понизилась? (Задумывается и вдруг догадывается.) Так и должно было быть, – должно было быть понижение! Двойная энергия, пересекаясь, должна была произвести нечто в роде интерференции. Да, да.

Говорят все вместе, уходя:

Леонид Федорович.

Мне одно жалко, что полной материализации не было. Но всё-таки... господа, милости просим в гостиную.

Толстая барыня.

Особенно меня поразило, когда он взмахнул крылышками, и видно было, как он поднимается.

Гросман (Сахатову).

Если бы держаться одного гипноза, можно бы произвести полную эпилепсию. Успех мог бы быть совершенный.

Сахатов.

Интересно, но не вполне убедительно! – всё, что могу сказать.

ЯВЛЕНИЕ 21-е

Леонид Федорович с бумагой. Входит Федор Иваныч

Леонид Федорович.

Ну, Федор, какой сеанс был – удивительный! Оказывается что землю-то надо уступить крестьянам на их условиях.

Федор Иваныч.

Вот как!

Леонид Федорович.

Да как же? (Показывает бумагу.) Представь, бумага, которую я им отдал, оказалась на столе. Я подписал.

Федор Иваныч.

Как же она попала сюда?

Леонид Федорович.

Да вот попала. (Уходит.)

(Федор Иваныч уходит за ним.)

ЯВЛЕНИЕ 22-е

Таня одна, вылезает из-под дивана и смеется.

Таня.

Батюшки мои! Голубчики! Набралась я страху, как он за нитку поймал. (Визжит.) Ну, да всё-таки вышло, – подписал!

ЯВЛЕНИЕ 23-е

Таня и Григорий.

Григорий.

Так это ты их дурачила?

Таня.

А вам что?

Григорий.

А что ж, думаешь, барыня за это похвалит? Нет, шалишь, теперь попалась. Расскажу твои плутни, коли по-моему не сделаешь.

Таня.

И по-вашему не сделаю, и ничего вы мне не сделаете.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ IV

Театр представляет декорацию 1-го действия.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Два выездных лакея в ливреях, Федор Иванович и Григорий.

1-й лакей (с седыми бакенбардами).

Нынче к вам к третьим. Спасибо, в одной стороне приемные дни. У вас прежде по четвергам было.

Федор Иванович.

Затем переменили на субботу, чтобы за-одно: у Головкиных, у Граде-фон-Грабе...

2-й лакей.

У Щербаковых так-то хорошо, что как бал, так лакеям угощение.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Те же. Сверху сходят княгиня с княжной. Бетси провожает их. Княгиня глядит в книжечку, на часы и садится на ларь. Григорий надевает ей ботики.

Княжна.

Нет, ты, пожалуйста, приезжай. А то ты откажешься, Додо откажется, – ничего и не выйдет.

Бетси.

Не знаю. К Шубиным надо непременно. Потом репетиция

Княжна.

Успеешь. Нет, ты пожалуйста. Ne nous fais pas faux bond.[25] Федя будет и коко.

Бетси.

J'en ai par dessus la tête de votre Coco.[26]

Княжна.

я думала, что я его здесь найду. Ordinairement il est d'une exactitude...[27]

Бетси.

Он непременно будет.

Княжна.

Когда я его вижу с тобой, мне кажется, что он только что сделал или вот сделает предложение.

Бетси.

Да уж, вероятно, придется пройти через это. И так неприятно!

Княжна.

Бедный Коко! Он так влюблен.

Бетси.

Cessez, les gens.[28]

(Княжна садится на диванчик, разговаривая шопотом. Григорий надевает ей ботики.)

Княжна.

Так до вечера.

Бетси.

Постараюсь.

Княгиня.

Так скажите папа, что я ничему не верю, но приеду посмотреть его нового медиума. Чтоб он дал знать. Прощайте, ma toute belle.[29] (Целует и уходит с княжной.)

(Бетси уходит наверх.)

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Два лакея, Федор Иванович и Григорий.

Григорий.

Не люблю старух обувать: не перегнется никак, от живота не видит, тычет мимо всё; то ли дело молоденькую – приятно и ножку в руки взять.

2-й лакей.

Тоже разбирает!

1-й лакей.

Нашему брату этого разбирать не полагается.

Григорий.

Отчего ж не разбирать, разве мы не люди? Это они думают, что мы не понимаем; как сейчас разговорились, взглянули на меня, сейчас: ле жан.

2-й лакей.

А это что ж?

Григорий.

А это значит по-русски: не говори, поймут. За обедом то же; а я понимаю. Вы говорите: разница, – никакой нет.

1-й лакей.

Разница большая, кто понимает.

Григорий.

Разницы нет никакой. Нынче я лакей, а завтра, может, и не хуже их жить буду. И за лакеев замуж выходят, разве не бывало? Пойти покурить. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4-е
Те же, без Григорья.

2-й лакей.

А смелый этот у вас молодой человек.

Федор Иванович.

Пустой малый, неспособен к службе; в конторщиках был, набаловался. Я и не советовал брать, да барыне понравился – виден для выезда.

1-й лакей.

Я бы его к нашему графу, он бы его поставил в точку. Ох! не любит таких вертунов. Лакей, так будь лакей, звание свое оправдай; а эта гордость не пристала.

ЯВЛЕНИЕ 5-е
Те же, сверху сбегает Петрищев и достает папироску. Навстречу ему входит Коко Клинген в рпсе-pez.

Петрищев (в задумчивости).

Да, да. Мое второе то же, что «ка». Кар-тож-ка. Мое всё... Да, да... А, Кокоша-Картоша! Откуда?

Коко Клинген.

От Щербаковых. Ты вечно глупости...

Петрищев.

Нет, ты слушай, шарада: мое первое то же, что «кин», мое второе то же, что «ка», а мое всё далеко гоняет телят.

Коко Клинген.

Не знаю, не знаю. И некогда.

Петрищев.

А куда тебе еще?

Коко Клинген.

Как куда? К Ивиным, спевка, надо быть. Потом к Шубиным, потом на репетицию. Ведь и ты должен быть?

Петрищев.

Как же, непременно. И на репетиции и на морковетиции. Ведь то я был дикий, а теперь я и дикий и генерал.

Коко Клинген.

Ну, а сеанс вчерашний что?

Петрищев.

Умора! Мужик был; но главное дело – всё в темноте. Вово младенцем пищал. Профессор объяснял, а Марья Васильевна разъясняла. Потеха! Жаль, что ты не был.

Коко Клинген.

Боюсь, mon cher; [30] ты как-то это умеешь шутками отделяваться, а мне всё

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
кажется, что чуть скажу словечко, сейчас повернут так, что я сделал предложение.
Et ça ne m'arrange pas du tout, du tout. Mais du tout, du tout![31]

Петрищев.

А ты делай предложение с сказуемым, вот ничего и не будет. Так заходи к Вово,
вместе поедем на редькотицию.

Коко Клинген.

Не понимаю, как ты можешь водиться с таким дураком. Уж так глуп, вот уж истинно
шалопай!

Петрищев.

А я его люблю. Люблю Вово, но «странную любовь», «к нему не зарастет народная
тропа»... (Уходит в комнату Василья Леонидыча.)

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Два Лакея, Федор Иваныч и Коко Клинген. Бетси провожает Даму.

Коко значительно кланяется.

Бетси (трясет ему руку боком к даме).

Вы не знакомы?

Дама.

Нет.

Бетси.

Барон Клинген. Что ж вы вчера не были?

Коко Клинген.

Никак не мог, не успел.

Бетси.

Жаль, очень было интересно. (Смеется.) Вы бы увидели, какие были
manifestations.[32] Ну что же, наша шарада подвигается?

Коко Клинген.

О, да! Стихи на mon second[33] готовы, Ник сочинил, а я музыку.

Бетси.

Как же, как? Скажите.

Коко Клинген.

Позвольте, как?.. Да! Рыцарь поет Нанне. (Поет.)

«Как прекрасна натура,
Льет на душу мне надежду...
Нанна, Нанна! на, на, на!»
Дама.

Это mon second на, а mon premier[34] что же?

Коко Клинген.

Mon premier – это Аре, – имя дикарки.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой to1stoy1e
Бетси.

Аре, это, видите, дикарка, которая хочет съесть предмет своей любви... (Хохочет.)
Она ходит, тоскует и поет:

«Ах, аппетит...»
Коко (перебивая).

«Меня мутит...

Бетси (подхватывает).

«Кого-то есть желаю.
«Хожу, брожу...
Коко Клинген

«Не нахожу...
Бетси.

«Кого жевать – не знаю...
Коко Клинген.

«Вдали вот плот...
Бетси.

«Сюда плывет;
«На нем два генерала...
Коко Клинген.

«Мы два генерала,
«Судьба нас связала,
«На остров послала».
И опять refrain: [35]

«Судьба нас связала.
«На остров посла-а-ла».
Дама.

Charmant! [36]

Бетси.

Вы поймите, как глупо!

Коко Клинген.

В том-то и прелесть.

Дама.

Кто же Аре?

Бетси.

Я, я костюм сделала, а мама говорит: «неприлично». А нисколько не неприличнее,
чем на бале. (К Федору Иванычу.) Что, здесь от Бурдые?

Федор Иваныч.

Здесь, на кухне сидит.

Дама.

Ну, а арена как же?

Бетси.

Да вы увидите. Не хочу вам портить удовольствия. Au revoir. [37]

Дама.

Прощайте! (Раскланиваются. Дама уходит.)

Бетси (к Коко Клингену).

Пойдемте к татап.

(Бетси и Коко Клинген уходят наверх.)

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Федор Иваныч, два Лакея и Яков (выходит из буфета с подносом, чаем, печеньем; запыхавшись, идет через переднюю).

Яков (Лакеям).

Мое почтение, мое почтение!

(Лакеи кланяются.)

Яков (Федору Иванычу).

Хоть бы вы приказали Григорью Михайлычу подсобить. Замучился на отделку... (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Те же, без Якова.

1-й лакей.

Старательный это у вас человек.

Федор Иваныч.

Хороший малый, да вот не нравится барыне, – не виден, говорит, из себя. А тут еще наклепали на него вчера, что он мужиков в кухню пустил. Как бы не разочли! А малый хороший.

2-й лакей.

Каких мужиков?

Федор Иваныч.

Да пришли из нашей Курской деревни землю покупать; дело ночное, да и земляки. Один буфетному мужику отец. Ну и провели их в кухню. А тут случись угадыванье мыслей; спрятали вещь в кухню, пришли все господа, увидала их барыня – беда! Как, говорит, люди, может быть, зараженные, а их в кухню!.. Очень она напугана заразой этой.

ЯВЛЕНИЕ 9-е

Те же и Григорий.

Федор Иваныч.

Пойдите, Григорий, подсобите Якову Иванычу, а я здесь побуду один. Один не поспекает.

Григорий.

Неловок, оттого и не поспекает. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10-е

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Те же, без Григорья.

1-й лакей.

И что это за новая мода пошла нынче – эти заразы!.. Так и ваша боится?

Федор Иваныч.

Пуще огня! У нас только заботы теперь, что окуривать, обмывать, обрызгивать.

1-й лакей.

То-то я слышу дух такой тяжелый. (С оживлением.) Ни на что не похоже, какие грехи с этими заразами. Скверно совсем! Даже Бога забыли. Вот у нашего барина сестры, княгини Мосоловой, дочка умирала. Так что же? Ни отец ни мать и в комнату не вошли, так и не простились. А дочка плакала, звала проститься, – не вошли! Доктор какую-то заразу нашел. А ведь ходили же за нею и горничная своя и сиделка – и ничего, обе живы остались.

ЯВЛЕНИЕ 11-е

Те же, Василий Леонидыч и Петрищев (выходят из двери с папиросками).

Петрищев.

Да пойдем же, я только Кокошу-Картошу захвачу.

Василий Леонидыч.

Болван твой коноша! Я тебе скажу, терпеть его не могу. Вот пустой-то малый, настоящий полотер! Ничем не занят, только шляется. А, что?..

Петрищев.

Ну, так погоди, всё-таки я прощусь.

Василий Леонидыч.

Ну, хорошо, я пойду собак посмотрю, в кучерскую. Кобель один, так так зол, что кучер говорит, чуть не съел его. А, что?

Петрищев.

Кто кого съел? Неужели кучер съел кобеля?

Василий Леонидыч.

Ну, ты вечно... (Одевается и уходит)

Петрищев (задумчиво).

Ма-кин-тож, кар-тож-ка... Да, да. (Идет вверх)

ЯВЛЕНИЕ 12-е

Два Лакея, Федор Иваныч и Яков (пробегает через сцену в начале и конце явления).

Федор Иваныч (Якову).

Чего еще?

Яков.

Тартинок нет! Я говорил... (Уходит,)

2-й лакей.

А вот еще у нас барчук заболел. Так сейчас свезли его в гостиницу с нянькой, так

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
там без матери и помер.

1-й лакей.

То-то греха не боятся! Я полагаю, что от Бога никуда не уйдешь.

Федор Иваныч.

И я так думаю.

(Яков бежит вверх с тартинками.)

1-й лакей.

И то возьмите во внимание, что ежели теперь так всех бояться, то надо запереться в четырех стенах, как в тюрьме ровно, да так и сидеть.

ЯВЛЕНИЕ 13-е

Те же и Таня, потом Яков.

Таня (кланяется лакеям).

Здравствуйте!

(Лакеи кланяются.)

Таня.

Федор Иваныч! мне вам два слова сказать.

Федор Иваныч.

Ну, что?

Таня.

Да пришли, Федор Иваныч, мужички опять...

Федор Иваныч.

Ну так что же? Бумагу-то ведь я Семену отдал...

Таня.

Бумагу я им отдала. Уж как благодарят-то, и не знаю как. Теперь только просят деньги от них принять.

Федор Иваныч.

Да где они?

Таня.

Тут, у крыльца стоят.

Федор Иваныч.

Ну что ж, я скажу.

Таня.

Да еще просьба моя к вам, батюшка Федор Иваныч.

Федор Иваныч.

Что еще?

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Таня.

Да что, Федор Иваныч, мне уж оставаться нельзя здесь. Попросите, чтоб отпустили меня.

(Яков вбегает.)

Федор Иваныч (Якову).

Что ты?

Яков.

Самовар другой да апельсины.

Федор Иваныч.

У экономки спроси.

(Яков убегает.)

Федор Иваныч.

Это что ж так?

Таня.

Да ведь как же! Теперь мое дело такое.

Яков (вбегая).

Апельсинов мало.

Федор Иваныч.

Подай, что есть. (Яков убегает.) Не время ты выбрала: ведь видишь, суета...

Таня.

Да ведь сами знаете, Федор Иваныч, этой суете угомону не бывает, сколько ни жди, – вы сами знаете, – а ведь мое дело навек... Вы, батюшка Федор Иваныч, как мне добро такое сделали, будьте отец родной, выберите времечко, скажите. А то рассердится, билет не даст.

Рукопись (автограф) варианта конца повести

Размер подлинника

Федор Иваныч.

Да что же тебе так загорелось?

Таня.

Да как же, Федор Иваныч, дело теперь сладилось... Я бы к маменьке, к крестной поехала, приготовилась бы. А на красную горку и свадьба. Скажите, батюшка Федор Иваныч!

Федор Иваныч.

Ступай теперь, – не место тут.

ЯВЛЕНИЕ 14-е

Сверху сходит Барин (пожилой) и молча уходит со 2-м лакеем. Таня уходит. Федор

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Иваныч, 1-й лакей и Яков (входит).

Яков.

Что же, Федор Иваныч, это обида живая! Теперь меня расчесть хочет. Ты, говорит, всё колотишь, Фифку забыл и против моего приказания мужиков в кухню пустил. А вы сами знаете: я ничего знать не знаю! Только сказала мне Татьяна: проведи в кухню, а я не знаю, по чьему приказу.

Федор Иваныч.

Что ж, разве она говорила?

Яков.

Сейчас говорила. Уж вы заступитесь, Федор Иваныч! А то семейство только стало поправляться, а тут сойдешь с места, когда-то опять попадешь. Федор Иваныч, пожалуйста!

ЯВЛЕНИЕ 15-е

Федор Иваныч, 1-й лакей и Барыня провожает старую Графиню с фальшивыми волосами и зубами. Графиню одевает 1-й лакей.

Барыня.

Непременно, как же? я так истинно тронута.

Графиня.

Кабы не нездоровье, я бы чаще у вас бывала.

Барыня.

Право, возьмите Петра Петровича. Он груб, но никто так не может успокоить; так просто, ясно у него всё.

Графиня.

Нет, уж я привыкла.

Барыня.

Осторожнее.

Графиня.

Merci, mille fois merci.[38]

ЯВЛЕНИЕ 16-е

Те же и Григорий, растрепанный, в волнении, выскакивает из буфета. За ним виден Семен.

Семен.

А ты к ней не приставай.

Григорий.

Я тебя, мерзавца, научу, как драться! Ах ты, негодяй!

Барыня.

Что это такое? Что вы, в кабаке, что ли?

Григорий.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Не могу жить от этого мужика грубого.

Барыня (с досадой).

Вы с ума сошли, разве вы не видите? (К Графине). *Merci, mille fois merci. A mardi.* [39]

(Графиня и 1-й лакей уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 17-е

Федор Иваныч, Барыня, Григорий и Семен.

Барыня (к Григорию).

Что такое?

Григорий.

Я хоть в должности лакея, но я имею свою гордость и не позволю всякому мужику меня толкать.

Барыня.

Да что такое случилось?

Григорий.

Да вот Семен ваш набрался храбрости, что он с господами сидел. Драться лезет.

Барыня.

Что такое? За что?

Григорий.

А Бог его знает.

Барыня (к Семену).

Что это такое значит?

Семен.

Что ж он к ней пристаёт?

Барыня.

Да что у вас было?

Семен (улыбаясь).

Да так, он Таню, горничную, всё хватает, а она не хочет. Вот я его отстранил рукой... так, маленько.

Григорий.

Хорошо отстранил, чуть ребра не сломал. И фрак разорвал. Да ведь он что говорит: «на меня, говорит, по-вчерашнему, сила нашла», и начал давить.

Барыня (к Семену).

Как ты смеешь драться в моем доме?

Федор Иваныч.

Позвольте доложить, Анна Павловна, надо вам сказать, что Семен имеет чувства к Тане, и как они теперь сосватаны, а Григорий – что ж, надо правду сказать – обращается нехорошо, неблагородно. Ну, вот Семен, я полагаю, и обиделся на него.

Григорий.

Совсем нет; это из-за злобы, что я плутовство их всё открыл.

Барыня.

Какое плутовство?

Григорий.

А в сеансе. Все вчерашние штуки не Семен, а Татьяна делала. Я сам видел, как она из-под дивана лезла.

Барыня.

Что такое из-под дивана лезла?

Григорий.

Честное слово могу дать. Она и бумагу принесла и кинула на стол. Кабы не она, бумагу не подписали бы и мужикам землю не продали бы.

Барыня.

Вы сами видели?

Григорий.

Своими глазами. Прикажете позвать ее, она не отопрется.

Барыня.

Позовите ее.

(Григорий уходит.)

явление 18-е

Те же, без Григория. За сценой шум, голос Швейцара: Нельзя, нельзя! Показывается Швейцар, мимо него врываются три Мужика. Впереди 2-й мужик, 3-й мужик спотыкается, падает и хватается за нос.

Швейцар.

Нельзя, идите!

2-й мужик.

Авось, не беда. Разве мы за худым чем? – мы денежки отдать.

1-й мужик.

Двистительно, как за подписью руки приложенья, дело в окончании, мы только денежки предоставить с нашей благодарностью.

Барыня.

Погодите, погодите благодарить, всё это был обман. Еще не кончено. Не продано еще. Леонид! Позовите Леонида Федоровича. (Швейцар уходит.)

явление 19-е

Те же и Леонид Федорович выходит, но, увидав Барыню и Мужиков, хочет уйти назад.

Барыня.

Нет, нет, пожалуйста сюда! Я говорила вам, что нельзя продавать землю в долг, и все вам говорили. А вас обманывают, как самого глупого человека.

Леонид Федорович.

То есть в чем? Я не понимаю, какой обман.

Барыня.

Стыдились бы вы! Вы седой, а вас, как мальчишку, обманывают и смеются над вами. Жалеете для сына какие-нибудь 300 рублей для его общественного положения, а самих вас, как дурака, проводят на тысячи.

Леонид Федорович.

Да ты, Annette, успокойся.

1-й мужик.

Мы только в получении суммы, значит...

3-й мужик (достаёт деньги).

Отпусти ты нас, ради Христа!

Барыня.

Погодите, погодите.

явление 20-е

Те же, Григорий и Таня.

Барыня (строго к Тане).

Ты была вчера вечером во время сеанса в маленькой гостиной?

(Таня, вздыхая, оглядывается на Федора Ивановича, Леонида Федоровича и Семена.)

Григорий.

Да уж нечего вилять, когда я сам видел...

Барыня.

Говори, была? Я знаю всё, признавайся. Я тебе ничего не сделаю. Мне только хочется уличить вот его (указывает на Леонида Федоровича), барина... Ты кинула бумагу на стол?

Таня.

Я не знаю, что и отвечать. Одно, что нельзя ли меня домой отпустить?

Барыня (к Леониду Федоровичу).

Вот видите, вас дурачат.

явление 21-е

Те же. Входит Бетси в начале явления и стоит незамеченная.

Таня.

Отпустите меня, Анна Павловна!

Барыня.

Нет, милая! Ты ведь, может быть, убытку сделала на несколько тысяч. Продали землю, которую не надо было продавать.

Таня.

Отпустите меня, Анна Павловна.

Барыня.

Нет, ты ответишь. Плутовать нельзя. К мировому судье подам.

Бетси (выступая).

Отпустите ее, мама. А коли вы хотите ее судить, то и меня вместе с ней, – я с ней вместе вчера всё делала.

Барыня.

Ну, да уж когда ты, то кроме самого гадкого ничего и быть не могло.

явление 22-е
Те же и Профессор.

Профессор.

Здравствуйте, Анна Павловна! Здравствуйте, барышня! А я вам несу, Леонид Федорович, отчет о 13-м съезде спиритуалистов в Чикаго. Удивительная речь Шмита.

Леонид Федорович.

А, очень интересно!

Барыня.

Я вам гораздо интереснее расскажу. Оказывается, что и вас и мужа дурачила эта девчонка. Бетси на себя говорит, но это чтоб дразнить меня; а дурачила вас безграмотная девчонка, а вы верите! Вчера никаких ваших медиумических явлений не было, а это она (указывая на Таню) всё делала.

Профессор (раздеваясь).

Как, то есть?

Барыня.

Да так, что она в темноте и на гитаре играла, и мужа по голове била, и все глупости ваши делала, и сейчас призналась.

Профессор (улыбаясь).

Так что же это доказывает?

Барыня.

Доказывает, что ваш медиумизм – вздор! Вот что доказывает.

Профессор.

Оттого, что эта девушка хотела обманывать, от этого медиумизм – вздор, как вы изволите выразиться? (Улыбаясь.) Странное заключение! Очень может быть, что девушка эта хотела обманывать: это часто бывает; может быть, она что-нибудь и делала, но то, что она делала, – делала она, то, что было проявлением медиумической энергии, – было проявлением медиумической энергии. Даже весьма вероятно, что то, что делала эта девушка, вызывало, солицитировало, так сказать, проявление медиумической энергии, давало ей определенную форму.

Барыня.

Опять лекция!..

Профессор (строго).

Вы говорите, Анна Павловна, что эта девушка, может быть, и эта милая барышня что-то делали; но свет, который мы все видели, а в первом случае понижение, а во втором – повышение температуры, а волнение и вибрирование Гросмана, – что же, это тоже делала эта девушка? А это факты, факты, Анна Павловна! Нет, Анна Павловна, есть вещи, которые надо исследовать и вполне понимать, чтобы говорить о них, вещи слитком серьезные, слишком серьезные...

Леонид Федорович.

А дитя, которое ясно видела Марья Васильевна! Да и я видел... Это не могла же сделать эта девушка.

Барыня.

Вы думаете, что вы умны, а вы – дурак!

Леонид Федорович.

Ну, я уйду. Алексей Владимирович, пойдите ко мне. (Уходят в кабинет.)

Профессор (пожимая плечами, идет за ним).

Да, как еще мы далеки от Европы!

ЯВЛЕНИЕ 23-е

Барыня, три Мужика, Федор Иваныч, Таня, Бетси, Григорий, Семен и Яков (входит).

Барыня (вслед Леониду Федоровичу).

Обманули его как дурака, а он ничего не видит. (Якову.) Тебе что?

Яков.

На много ли персон прикажете накрывать?

Барыня.

На много ли?.. Федор Иваныч! принять от него серебро! Вон сейчас! От него всё. Этот человек меня в гроб сведет. Вчера чуть-чуть не заморил собачку, которая ничего ему не сделала. Мало ему этого, он же зараженных мужиков вчера в кухню завел, и опять они здесь. От него всё! Вон, сейчас вон! Расчет, расчет! (Семену.) А если ты себе вперед позволишь шуметь в моем доме, я тебя, скверного мужика, выучу!

2-й мужик.

Да что же, коли он скверный мужик, так и держать его нечего, а давай расчет, вот и всё.

Барыня (слушая его, вглядывается в 3-го мужика).

Да смотрите: у этого сыпь на носу, сыпь! Он больной, он резервуар заразы!! Ведь я вчера говорила, чтобы их не пускать, и вот они опять тут. Гоните их вон!

Федор Иваныч.

Что же, не прикажете деньги принять?

Барыня.

Деньги? Деньги возьми, но их, особенно этого больного, вон, сию минуту вон! Он совсем гнилой!

3-й мужик.

Напрасно ты, мать, ей-Богу, напрасно. У моей старухи, скажем, спроси. Какой я

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
гнилой? Я как стеклышко, скажем.

Барыня.

Еще разговаривает?.. Вон, вон! Всё на зло!.. Нет, я не могу, не могу! Пошлите за Петром Петровичем. (Убегает, всхлипывая.)

(Яков и Григорий уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 24-е

Те же, без Барыни, Якова и Григория.

Таня (к Бетси).

Барышня, голубушка, как же мне быть теперь?

Бетси.

Ничего, ничего. Поезжай с ними, я устрою. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 25-е

Федор Иванович, три Мужика, Таня и Швейцар.

1-й мужик.

Как же, почтенный, получение суммы теперича?

2-й мужик.

Отпусти ты нас.

3-й мужик (мнется с деньгами).

Кабы знать, я ни в жисть не взялся бы. Это засушит хуже лихой болести.

Федор Иванович (Швейцару).

Проводи их ко мне, там и счета есть. Там и получу. Идите, идите.

Швейцар.

Пойдемте, пойдемте.

Федор Иванович.

Да благодарите Таню. Кабы не она, быть бы вам без земли.

1-й мужик.

Двистительно, как изделала предлог, так и в действие произвела.

3-й мужик.

Она нас людьми изделала; а то бы что? земля малая, не то что скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда. Прощевай, умница! Приедешь на село, приходи мёд есть.

2-й мужик.

Дай домой приеду, свадьбу готовить стану, пиво варить. Только приезжай.

Таня.

Приеду, приеду! (Визжит.) Семен! то-то хорошо-то!

(Мужики уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 26-е
Федор Иванович, Таня и Семен.

Федор Иванович.

С Богом. Ну, смотри, Таня, когда домком заживешь, я приеду к тебе погостить. Примешь?

Таня.

Голубчик ты мой, как отца родного примем! (Обнимает и целует его.)

Занавес.

Конец

**** ФРАНСУАЗА

Рассказ по Мопассану

I

3-го мая 1882 года из Гавра отплыл в китайские моря трехмачтовый корабль «Богородица-Ветров». Он сдал свой груз в Китае, взял там новый груз, отвез его в Буэнос-Айрес и оттуда повез товары в Бразилию.

Переезды, повреждения, починки, затишья по несколько месяцев, ветры, сгонявшие корабль далеко с дороги, морские приключения и несчастья задерживали его так, что он четыре года проплавал по чужим морям и только 8 мая 1886 года пристал к Марселю с грузом жестяных ящиков с американскими консервами.

Когда вышел корабль из Гавра, на нем были капитан, его помощник и 14 матросов. Во время путешествия один матрос умер, четыре пропали при разных приключениях и только девять воротились во Францию. Вместо выбывших матросов на корабле наняли двух американцев, одного негра и одного шведа, которого нашли в одном кабаке в Сингапуре.

На корабле подобрали паруса и завязали на мачте крест-накрест снасти. Подошел буксирный пароход и пыхтя потащил его на линию кораблей. Море было тихо, у берега еле-еле плескался остаток зыби. Корабль вошел в линию, где стояли вдоль набережной бок о бок корабли из всех стран света, и большие, и малые, всяких размеров, форм и оснасток. «Богородица-Ветров» стала между итальянским бригом и английскою галеттой, которые потеснились, чтобы дать место новому товарищу.

Как только капитан разделался с таможенными и портовыми чиновниками, он отпустил половину матросов на всю ночь на берег.

Ночь была теплая, летняя. Марсель был весь освещен, на улицах пахло едой из кухонь, со всех сторон слышались говор, грохот колес и веселые крики.

Матросы с корабля «Богородица-Ветров» месяца четыре не были на суше и теперь, сойдя на берег, робко, по-двое шли по городу, как чужие, отвыкшие от городов люди. Они осматривались, обнюхивая улицы, ближайšie к пристани, как будто чего-то искали. Четыре месяца они не видали женщин, и их мучала похоть. Впереди их шел Селестин Дюкло, здоровенный парень и ловкий. Он всегда водил других, когда они сходили на берег. Он умел находить хорошие места, умел отделаться, когда надо было, и не ввязывался в драки, что частенько бывает с матросами, когда они сходят на берег; но если драка завязывалась, то он не отставал от товарищей и умел постоять за себя.

Долго матросы толкались по темным улицам, которые, как стоки, все спускались к морю и из которых несло тяжелым запахом подвалов и чуланов. Наконец Селестин выбрал один узкий переулок, в котором горели над дверями выпуклые фонари, и вошел в него. Матросы, зубоскаля и напевая, шли за ним. На матовых раскрашенных стеклах фонарей были выписаны огромные цифры. Под низкими потолками дверей сидели на соломенных стульях женщины в фартуках; они выскакивали при виде матросов и, выбегая на середину улицы, загораживали им дорогу и заманивали каждая в свой притон.

Иной раз в глубине сеней нечаянно распахивалась дверь. Из нее показывалась

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle полураздетая девка в грубых бумажных обтянутых штанах, коротенькой юбке и в бархатном черном нагруднике с позолоченными позументами. «Эй, красавчики, заходите!» звала она еще издали и иногда выбегала сама, цеплялась за кого-нибудь из матросов и тащила его изо всех сил к дверям. Она впивалась в него, как паук, когда он волочит муху сильнее себя. Парень, размякший от похоти, упирался слабо, а остальные останавливались и смотрели, что будет; но Селестин Дюкло кричал: «не здесь, не заходи; дальше!» И парень слушался его голоса и силой вырывался у девки. И матросы шли дальше, провожаемые бранью рассерженной девки. На шум вдоль всего переуллка выскакивали другие, накидывались на них и хриплыми голосами нахваливали свой товар. Так они шли всё дальше и дальше. Изредка попадались им навстречу то солдаты, стучавшие шпорами, то по одиночке мещанин или приказчик, пробравшиеся в знакомое место. В других переулках светились такие же фонари, но матросы шли дальше и дальше, шагая через вонючую жижу, сочившуюся из-под домов, полных женскими телами. Но вот Дюкло остановился около одного дома получше других и повел туда своих ребят.

II

Матросы сидели в большой зале трактира. Каждый из них выбрал себе подругу и уж не расставался с ней весь вечер: такой был обычай в трактире. Три стола были сдвинуты вместе, и матросы прежде всего выпили вместе с девками, потом они поднялись и пошли с ними наверх. Долго и громко стучали толстые башмаки двадцати ног по деревянным ступенькам, пока они все ввалились через узкие двери и разбрелись по спальным комнатам. Из спальных комнат они сходили опять вниз пить, потом опять шли наверх.

Гульба шла в развал. Всё полугодное жалованье пошло за четыре часа разгула. К одиннадцати часам они все были уже пьяны и с налитыми кровью глазами несвязно кричали, сами не зная что. У каждого на коленях сидела девка. Кто пел, кто кричал, кто стучал кулаком по столу, кто лил себе в глотку вино. Селестин Дюкло сидел среди товарищей. Верхом у него на коленке сидела крупная, толстая, краснощекая девка. Он выпил не меньше других, но не был еще совсем пьян; у него в голове бродили кое-какие мысли. Он разнежился и искал, о чем бы заговорить с своею подругой. Но мысли приходили ему и тотчас же уходили, и он никак не мог поймать их, вспомнить и высказать.

Он смеялся и говорил:

– Так, так-то... так-то... И давно уж ты здесь?

– Шесть месяцев, – отвечала девка.

Он кивнул головой, как будто одобрял ее за это.

– Ну что же, и хорошо тебе?

Она подумала.

– Привыкла, – сказала она. – Надо же как-нибудь. Всё же лучше, чем в прислугах или прачках.

Он одобрительно кивнул головой, как будто и за это он одобрял ее.

– И ты не здешняя?

Она покачала головой в знак того, что не здешняя.

– Дальняя?

Она кивнула.

– А откуда?

Она подумала, как будто припомнила.

– Из Перпиньяна я, – проговорила она.

– Так, так, – проговорил он и замолчал.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle

– А ты, что же, моряк? – спросила теперь она.

– Да, моряки мы.

– Что ж, далеко были?

– Да не близко. Всего насмотрелись.

– Пожалуй, и вокруг света ездили?

– Не то что раз, чуть не два раза объехали.

Она как будто раздумывала, припоминая что-то.

– Я чай, много встречали кораблей? – сказала она.

– А то как же.

– Не попадалась вам «Богородица-Ветров»? Такой корабль есть.

Он удивился, что она назвала его корабль, и вздумал пошутить.

– Как же, на прошлой неделе встретили.

– Правду, в самом деле? – спросила она и побледнела.

– Правду.

– Не врешь?

– Ей-Богу, – побожился он.

– Ну, а не видал ты там Селестина Дюкло? – спросила она.

– Селестина Дюкло? – повторил он и удивился и испугался даже. Откуда могла она знать его имя?

– А его разве знаешь? – спросил он.

Видно было, что и она чего-то испугалась.

– Нет, не я, а женщина тут одна его знает.

– Какая женщина? Из этого дома?

– Нет, тут поблизости.

– Где же поблизости?

– Да недалеко.

– Кто же она такая?

– Да просто женщина, такая же, как я.

– А зачем же он ей нужен?

– Почем же я знаю. Может, землячка его.

Они пытливо смотрели прямо в глаза друг другу.

– Хотелось бы мне повидаться с этой женщиной, – сказал он.

– А зачем? Сказать что хочешь?

– Сказать...

– Что сказать?

– Сказать, что видел Селестина Дюкло.

– А ты видел Селестина Дюкло? И жив он, здоров?

– Здоров. А что?

Она замолчала, опять собираясь с мыслями, и потом тихо сказала.

– А куда же идет «Богородица-Ветров»?

– Куда? В Марсель.

– Правду?! – вскрикнула она.

– Правду.

– И ты знаешь Дюкло?

– Да ведь сказал, что знаю.

Она подумала.

– Так, так. Это хорошо, – тихонько сказала она.

– Да зачем он тебе?

– А коли увидишь его, ты ему скажи... Нет, не надо.

– Да что?

– Нет, ничего.

Он смотрел на нее и тревожился всё больше и больше.

– Да ты-то знаешь его? – спросил он.

– Нет, не знаю.

– Так зачем же он тебе?

Она, не отвечая, вдруг вскочила и побежала к конторке, за которой сидела хозяйка, взяла лимон, разрежала его, надавила соку в стакан, потом налила туда воды и подала Селестину.

– На, выпей-ка, – сказала она и села, как и прежде сидела, ему на колени.

– Это зачем? – спросил он, взяв от нее стакан.

– Чтоб хмель прошел. Потом скажу. Пей.

Он выпил и утер рукавом губы.

– Ну, говори, я слушаю.

– Да ты не скажешь ему, что меня видел, не скажешь, от кого слышал то, что скажу?

– Ну, хорошо, не скажу.

– Побожись!

Он побожился.

– Ей-Богу?

– Ей-Богу.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
– Так ты ему скажи, что его отец умер, и мать померла, брат тоже помер. Горячка была. В один месяц все трое померли.

Дюкло почувствовал, что вся кровь его стеснилась у сердца. Несколько минут просидел он молча, не зная, что сказать, потом выговорил:

– И ты верно знаешь?

– Верно.

– Кто ж тебе сказал?

Она положила руки ему на плечи и посмотрела прямо в глаза.

– Побожись, что не разболтаешь.

– Ну, побожился. Ей-Богу.

– Я сестра ему.

– Франсуаза! – вскрикнул он.

Она пристально посмотрела на него и тихо-тихо пошевелила губами, почти не выпуская слов:

– Так это ты, Селестин!!

Они не шевелились, замерли, как были, смотря в глаза друг другу.

А вокруг них остальные орали пьяными голосами. Звон стаканов, стук ладонями и каблуками и пронзительный визг женщин перемешивались с гамом песен.

– Как же это так? – тихо, так тихо, что даже она едва-едва разобрала его слова, проговорил он.

Глаза ее вдруг налились слезами.

– Да так, померли. Все трое в один месяц, – продолжала она. – Что ж мне было делать? Осталась я одна. В аптеку, да к доктору, за похороны троих... продала, что было вещей, расплатилась и осталась в чем была. Поступила в прислуги к барину Кашо... помнишь, хромой такой? Мне только что 15 лет минуло, мне ведь и 14 еще не было, когда ты-то уехал. С ним согрешила... Дура ведь наша сестра. Потом в няньки поступила к нотариусу, он тоже. Сначала взял на содержание, жила на квартире. Да не долго.

Бросил он меня, я три дня не евши жила, никто не берет, и поступила вот сюда, как и прочие.

Она говорила, и слезы ручьем текли у ней из глаз, из носа, мочили щеки и вливались в рот.

– Что ж это мы наделали! – проговорил он.

– Я думала, и ты тоже умер, – сказала она сквозь слезы. – Разве это от меня, – прошептала она.

– Как же ты меня не узнала? – также шопотом сказал он.

– Я не знаю, я не виновата, – продолжала она и еще пуще заплакала.

– Разве я мог узнать тебя? Разве ты такая была, когда я уехал? Ты-то как не узнала?

Она с отчаянием махнула рукой.

– Ах! я их столько, этих мужчин, вижу, что они мне все на одно лицо.

Сердце его сжималось так больно и так сильно, что ему хотелось кричать и реветь,
Страница 157

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
как маленькому мальчику, когда его бьют.

Он поднялся, отстранил ее от себя и, схватив своими большими матросскими лапами ее голову, пристально стал вглядываться в ее лицо.

Мало-по-малу он узнал в ней наконец ту маленькую, тоненькую и веселенькую девочку, которую он оставил дома с теми, кому она закрыла глаза.

– Да, ты франсуаза! сестра! – проговорил он. И вдруг рыдания, тяжелые рыдания мужчины, похожие на икоту пьяницы, поднялись в его горле. Он отпустил ее голову, ударил по столу так, что стаканы опрокинулись и разлетелись вдребезги, и закричал диким голосом.

Товарищи его обратились к нему и уставились на него.

– Вишь, как надулся, – сказал один.

– Будет орать-то, – сказал другой.

– Эй! Дюкло! Что орешь? Идем опять вверх, – сказал третий, одной рукой дергая Селестина за рукав, а другой обнимая свою хохотавшую, покрасневшую, с блестящими черными глазами подругу в шелковом розовом открытом лифе.

Дюкло вдруг замолк и, затаив дыхание, уставился на товарищей. Потом с тем странным и решительным выражением, с которым, бывало, вступал в драку, он шатаясь подошел к матросу, обнимавшему девочку, и ударил рукой между им и девочкой, разделяя их.

– Прочь! разве не видишь, она сестра тебе! Все они кому-нибудь да сестры. Вот и эта, сестра франсуаза. Ха-ха-ха-ха!.. – зарыдал он рыданиями, похожими на хохот, и он зашатался, поднял руки и грянулся лицом на пол и стал кататься по полу, колотясь о него и руками и ногами, хрипя, как умирающий.

– Надо его уложить спать, – сказал один из товарищей, – а то как бы на улице не засадили его.

И они подняли Селестина и втащили вверх в комнату франсуазы и уложили его на ее постель.

ДОРОГО СТОИТ

БЫЛЬ

РАССКАЗ ПО МОПАССАНУ

Есть между Францией и Италией, на берегу Средиземного моря, маленькое, крошечное царство. Называется это царство Монако. В царстве этом жителей меньше, чем в большом селе, всего 7 тысяч, а земли столько, что не хватит по десятине на душу. Но царек в царстве есть настоящий. Есть у этого царька и дворец, и придворные, и министры, и архиереи, и генералы, и войско.

Немного войска, всего 60 человек, но всё-таки войско. Доходов у царька мало. Налог есть, как и везде, и на табак, и на вино, и на водку, и подушные; и хоть пьют и курят, но народа мало, и нечем бы царьку кормить своих придворных и чиновников и самому прокормиться, кабы не было у него особого дохода. А особый доход у него в царстве с игорного заведения – рулетки. Люди играют, проигрывают, выигрывают, а содержателю всегда барыш. А с дохода содержатель царьку платит большие деньги. А большие деньги потому платит, что осталось такое игорное заведение теперь только одно во всей Европе. Прежде были также игорные заведения у маленьких немецких князьков, но их лет десять тому назад запретили. А запретили за то, что от игорных заведений много бед бывало. Приедет какой-нибудь, начнет играть, зарвется, спустит всё, что есть, и даже чужие деньги, а потом с горя либо топится, либо стреляется. Немцы своим князькам запретили, а монакскому царьку запретить некому: у него одного осталось.

И с тех пор все охотники поиграть к нему едут, у него проигрываются, а ему барыш. От трудов праведных не наживешь палат каменных. Знает и монакский царек, что дело это скверное, да как же быть-то? Жить надо. Ведь и с водки и с табаку кормиться не лучше. Так и живет этот царек, царствует, денежки огребает и ведет у себя во дворце все порядки, как у настоящих больших королей. Так же коронуется и выходы делает, и награды раздает, и казнит, и милует, и так же у него парады,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe и советы, и законы, и суды. Всё как и у настоящих королей. Одно – что всё маленькое.

И вот, случилось раз, лет пять тому назад, у королька этого в царстве смертоубийство. Народ в царстве смирный, и прежде таких дел не бывало. Собрались судьи, всё честь честью, стали судить, всё как должно. И судьи, и прокуроры, и присяжные, и адвокаты. Судили, судили и присудили по закону отрубить преступнику голову. Хорошо. Представили королю. Прочел король приговор, утвердил. Казнить, так казнить. Одна беда: нет у них в царстве ни гильотины, чтоб голову рубить, ни палача. Подумали, подумали министры и решили написать французскому правительству запрос: могут ли французы выслать им на время машину и мастера, чтобы отсечь преступнику голову, и, если можно, чтоб уведомили, сколько понадобится на это дело расходов. Послали бумагу. Через неделю получают ответ: прислать машину и палача можно, расходу за всё 16 000 франков. Доложили царьку. Подумал, подумал царек – 16 000 франков! «Не стоит, – говорит, – негодяй этих денег. Нельзя ли как подешевле? А то 16 000 франков – ведь это значит по два франка слишком налога наложить на каждого жителя. Тяжело покажется. Как бы не взбунтовались». Собрали совет – как делу помочь? Решили послать с тем же к итальянскому королю. Французское правительство – республика, царей не уважает, а король итальянский всё-таки свой брат, авось дешевле возьмет. Написали; получают скоро ответ. Пишет итальянское правительство, что и машину и мастера они пришлют с удовольствием. А что стоить всё со всем, с проездом, будет 12 000 франков. Дешевле, а всё дорого. Опять не стоит мерзавец денег таких. Выходит опять без малого по два франка на человека надо накладывать. Опять собрался совет. Думали, думали – нельзя ли как подешевле? Не возьмется ли из солдат кто по-домашнему отрубить голову? Позвали генерала. «Что, не найдется ли солдат какой, чтобы отрубить голову? Всё равно, ведь на войне убивают. Солдат на то ведь и готовят». Поговорил генерал с солдатами – не возьмется ли кто? Не взялись солдаты. «Нет, – говорят, – мы этого не умеем и не учились».

Как быть? Опять думали, думали, собрали комитет, комиссию, подкомиссию. Передумали. Надо, говорят, смертную казнь заменить тюрьмой вечной. И милосердие покажет царь, и расходов меньше. Согласился царек, и так и решили. Одно горе – такой тюрьмы особенной нет, чтобы запереть на вечное время. Есть кутузки, так, легонькие, куда на время сажают, а прочной тюрьмы, чтобы навечно запереть, – нет такой. Ну, всё-таки приискали помещение. Посадили молодца. Приставили сторожа.

Сторож и караул и за едой для преступника на кухню во дворец ходит. Сидит так молодец шесть месяцев, сидит год. Стал царек сверять в конце года расходы и приходы, видит: на содержание преступника новый расход, да и не малый. Сторож особый да пища. В год 600 франков обошлось. А малый молодой, здоровый, пожалуй лет пятьдесят проживет. Сочти-ка, во что станет. Расход большой. Нельзя так. Позвал царек министров: «Придумайте, – говорит, – как бы нам с этим негодяем подешевле разделиться. А то он нам так дорого станет». Собрались министры, думали, думали. Один и говорит: «Вот что, господа, – по-моему, отставить сторожа». А другой говорит: «Да ведь он уйдет». – «А уйдет, и пес с ним». Доложили царьку. Согласился и царь. Отставили сторожа. Смотрят, что будет. Только видят: пришло время обедать, вышел преступник, поискал сторожа, не нашел и пошел на кухню королевскую себе за обедом. Забрал, что дали, вернулся в тюрьму, запер за собой дверь и сидит. На завтра то же. За пищей себе ходит, а уходить – не уходит. Как быть? Подумали. Надо, говорят, ему прямо сказать, что не нужен он нам. Пускай уходит. Хорошо. Призывает его к себе министр юстиции и говорит: «Отчего вы, – говорит, – не уходите? Сторожа при вас нет. Можете свободно уйти, и царь не обидится». – «Царь-то, – говорит, – не обидится, да мне-то итти некуда. Куда я пойду? Вы меня приговором осрамили, меня никто не возьмет теперь, я от всех дел отстал. Вы, – говорит, – со мной неправильно поступаете. Так делать не годится. Ну, приговорили вы меня к смертной казни, хорошо. Надо было вам меня казнить, вы не казнили. Это раз. Я не стал спорить. Потом приговорили вы меня к вечной тюрьме и сторожа приставили, чтоб он мне пищу носил, потом отняли у меня сторожа. Это два. Опять я не стал спорить. Сам ходил за едой. Теперь вы говорите: уходи. Нет, вы как хотите, а я никуда не пойду».

Как быть? Собрали опять совет. Что делать? Не уходит. Подумали, подумали. Надо ему пенсион назначить. Без этого не отделаешься от него. Доложили царьку. «Нечего делать, – говорит, – хоть как-нибудь с ним разделиться». Назначили ему 600 франков, объявили ему. «Ну, пожалуй, – говорит, – если будете верно платить, пожалуй уйду».

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle

Так и порешили. Получил он треть вперед, простился со всеми и выехал из владений царька. Всего четверть часа езды по железной дороге. Выехал, поселился в близости, купил землицы, развел огород, садик и живет припеваючи. Ездит в сроки получать пенсион. Получит, зайдет в игорный, поставит франка 2–3, иногда выиграет, иногда проиграет, и едет к себе домой. Живет смирно, хорошо.

Хорошо, что грех случился с ним не там, где не жалеют расходов ни на то, чтобы отрубить голову человеку, ни на вечные тюрьмы.

СТАТЬИ

*** [О СОСКЕ.] ВСТАВКА В БРОШЮРУ ДОКТОРА Е. А. ПОКРОВСКОГО «ОБ УХОДЕ ЗА МАЛЫМИ ДЕТЬМИ»

За границей в Англии и в других странах, где всякая мать кормит своего ребенка только грудью и не знает никаких сосок и не употребляет их, в этих странах из 100 новорожденных не доживает до года только 9, 10, 12 человек, а у нас в России из 100 новорожденных не доживает до года 33, а местами даже 60 человек. Что губит этих 20 и больше лишних детей, умирающих на каждую сотню? Страшно сказать. Но это так. Погубила миллионы детей и губит еще тысячи и тысячи – ничто иное, как соска, как дурацкой обычаи давать детям соску. Мало того, что за границей меньше мрет детей, чем у нас, у нас в России среди Татар детей мрет вполонину, а то втрое меньше, чем у нас. А отчего? только от того, что у Татар по закону Магомета каждая мать должна кормить ребенка ничем иным, как только своей грудью. Пора бросить этот дурацкий и жестокий обычай, губящий миллионы детей. Нечего ссылаться на дедов и прадедов, на бабок и прабабок. Что они не глупее нас были и что так велось веками, а мы станем переменять. Пора перестать говорить так: мудрость людская как была, так и есть не в том, чтобы делать то, что предки делали. Если бы было так, то мы до сих пор бы людей ели, как наши предки. Мудрость в том, чтобы из того, что делают люди, выбирать хорошее и следовать ему и откидывать дурное и переставать его делать.

Соска. Пустое дело, кажется. «Как делали бабки, так и мы взяли тряпочки, наклали каши, сосали и сунули в рот ребенку. Что же тут плохого? И мы так росли, сосали соску. Отчего же и нашему ребенку не сделать? Бабы старухи там как знают, так и делают». Так скажут отец и мать про своего ребенка. Но так они могут говорить, пока они не читали, не слыхали того, что написано здесь не для обмана, не для своей выгоды, а из жалости и любви к людям, к святым младенцам, которых посылает нам БОГ и которых мы губим по невежеству. Мы могли так говорить, пока не знали, но теперь, когда знаем и знаем верно, тут спора быть не может: записано, сколько мрут детей при сосках и сколько без сосок. Оказывается, что при сосках втрое больше. Спора нет, дело ясно. И не может ни мать сунуть соску своему детищу, если она не хочет его смерти, ни отец допустить то, чтобы его ребенок лежал в зыбке с[40] тряпкой во рту, с той тряпкой, от которой половина детей должна умереть. Не то отец, всякий добрый человек, войдя в дом и увидя ребенка с соской, должен вынуть ее изо рта младенцу и сказать матери про то зло, которое делает эта соска.

Соска убила на Руси людей больше, чем чума и холера и все болезни. Надо вооружиться против нее и помогать друг другу уничтожить ее.

—
ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ Д-РА МЕДИЦИНЫ АЛИСЫ СТОКГЭМ «ТОКОЛОГИЯ, ИЛИ НАУКА О РОЖДЕНИИ ДЕТЕЙ»

Предлагаемая книга не принадлежит к тому огромному большинству всякого рода книг, от философских и научных до художественных и практических, которые, другими словами, в других сочетаниях и перемещениях, толкуют, повторяют все те же знакомые и перезнакомые общие места. Книга эта – одна из тех редких книг, которые трактуют не о том, о чем все говорят и что никому не нужно, а о том, о чем никто не говорит и что всем важно и нужно. Важно родителям знать, как вести себя, чтобы без излишних страданий производить неиспорченных и здоровых детей, и еще важнее самим детям будущим родиться в наилучших условиях, как и сказано в одном из эпиграфов этой книги: *to be well born is the right of every child.*[41]

Книга эта не из тех, которые читают только для того, чтобы никто не мог сказать, что «я не читал этой книги», а из тех, чтение которых оставляет следы, заставляя изменять жизнь, исправлять то, что в ней неправильно, или по крайней мере, думать об этом. Книга эта названа Токологией, наукою о рождении детей. Есть всякие самые странные науки, но такой науки нет, а между тем, после науки о том, как жить и как умирать, это – самая важная наука. Книга эта имела огромный успех

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
в Америке и имела важное и большое влияние на американских матерей и отцов. В России она должна бы оказать еще большее влияние. Вопросы о воздержании от табака и всяких возбуждающих напитков, начиная от алкоголя и кончая чаем, вопросы о питании без убийства живых существ, вегетарианство, вопросы о половом воздержании в семейной жизни и мн. др., отчасти уже решенные, отчасти разрабатываемые и имеющие огромную литературу в Европе и Америке, у нас еще и не затрогиваются, а потому книга Стокгэм особенно важна для нас: она сразу переносит читателя в новый для него мир живого человеческого движения.

В книге этой всякая мыслящая читательница – так как для читательниц книга эта преимущественно предназначается – найдет прежде всего указание о том, что нет никакой надобности продолжать жить так же нелепо, как жили бабушки и дедушки, а что можно и должно искать лучших путей жизни, пользуясь для этого наукой, опытом людей и своею свободною мыслию, и, как первый образец такого пользования, она найдет в этой книге много драгоценных советов и указаний, которые облегчат жизнь ей, ее мужу и детям.

2 февраля 1890 года.

ДЛЯ ЧЕГО ЛЮДИ ОДУРМАНИВАЮТСЯ?

I

Что такое употребление одурманивающих веществ – водки, вина, пива, гашиша, опиума, табака и других менее распространенных: эфира, морфина, мухомора? Отчего оно началось и так быстро распространилось и распространяется между всякого рода людьми, дикими и цивилизованными одинаково? Что такое значит то, что везде, где только не водка, вино, пиво, там опиум или гашиш, мухомор и другие, и табак везде? Зачем людям нужно одурманиваться?

Спросите у человека, зачем он начал пить вино и пьет. Он ответит вам: «так, приятно, все пьют», да еще прибавит: «для веселья». Некоторые же, те, которые ни разу не дали себе труда подумать о том, хорошо или дурно то, что они пьют вино, прибавят еще то, что вино здорово, дает силы, т. е. скажут то, несправедливость чего давным-давно уже доказана.

Спросите у курильщика, зачем он начал курить табак и курит теперь, и он ответит то же: «так, от скуки, все курят».

Так же, вероятно, ответят и потребители опиума, гашиша, морфина, мухомора.

«Так, от скуки, для веселья, все это делают». Но ведь это хорошо так, от скуки, для веселья, оттого, что все это делают, вертеть пальцами, свистеть, петь песни, играть на дудке и т. п., т. е. делать что-нибудь такое, для чего не нужно ни губить природных богатств, ни затрачивать больших рабочих сил, делать то, что не приносит очевидного вреда ни себе, ни другим. Но ведь для производства табака, вина, гашиша, опиума часто среди населений, нуждающихся в земле, занимаются миллионы и миллионы лучших земель посевами ржи, картофеля, лоз, конопли, мака, табака, и миллионы рабочих – в Англии 1/8 всего населения – заняты целые жизни производством этих одурманивающих веществ. Кроме того, употребление этих веществ очевидно вредно, производит страшные, всем известные и всеми признаваемые бедствия, от которых гибнет больше людей, чем от всех войн и заразных болезней вместе. И люди знают это; так что не может быть, чтоб это делалось так, от скуки, для веселья, оттого только, что все это делают.

Тут должно быть что-нибудь другое. Беспреданно и повсюду встречаешь людей, любящих своих детей, готовых принести всякого рода жертвы для их блага и вместе с тем пропивающих на водке, вине, пиве или прокуривающих на опиуме или гашише и даже на табаке то, что или совсем прокормило бы бедствующих и голодающих детей, или по крайней мере избавило бы их от лишений. Очевидно, что если человек, поставленный в условия необходимости выбора между лишениями и страданиями своей семьи, которую он любит, и воздержанием от одурманивающих веществ, всё-таки избирает первое, то побуждает его к этому что-нибудь более важное, чем то, что все это делают и что это приятно. Очевидно, что делается это не так, от скуки, для веселья, а что есть тут какая-то более важная причина.

Причина эта, насколько я умел понять ее из чтения об этом предмете и наблюдений над другими людьми и в особенности над самим собой, когда я пил вино и курил табак, – причина эта, по моим наблюдениям, следующая.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyl

В период сознательной жизни человек часто может заметить в себе два отдельные существа: одно – слепое, чувственное, и другое – зрячее, духовное. Слепое животное существо ест, пьет, отдыхает, спит, плодится и движется, как движется заведенная машина; зрячее духовное существо, связанное с животным, само ничего не делает, но только оценивает деятельность животного существа тем, что совпадает с ним, когда одобряет эту деятельность, и расходится с ним, когда не одобряет ее.

Зрячее существо это можно сравнить со стрелкой компаса, указывающей одним концом на Nord, [42] другим на противоположный – Süd [43] и прикрытой по своему протяжению пластинкой, стрелкой, невидной до тех пор, пока то, что несет на себе стрелку, движется по ее направлению, но выступающей и становящейся видной, как скоро то, что несет стрелку, отклоняется от указываемого ею направления.

Точно так же зрячее духовное существо, проявление которого в просторечии мы называем совестью, всегда показывает одним концом на добро, другим – на противоположное зло и не видно нам до тех пор, пока мы не отклоняемся от даваемого им направления, т. е. от зла к добру. Но стоит сделать поступок, противный направлению совести, и появляется сознание духовного существа, указывающее отклонение животной деятельности от направления, указываемого совестью. И как мореход не мог бы продолжать работать веслами, машиной или парусом, зная, что он идет не туда, куда ему надо, до тех пор, пока он не дал бы своему движению направление, соответствующее стрелке компаса, или не скрыл бы от себя ее отклонение, так точно и всякий человек, почувствовав раздвоение своей совести с животной деятельностью, не может продолжать эту деятельность до тех пор, пока или не приведет ее в согласие с совестью, или не скроет от себя указаний совести о неправильности животной жизни.

Вся жизнь людская, можно сказать, состоит только из этих двух деятельностей: 1) приведения своей деятельности в согласие с совестью и 2) скрывания от себя указаний своей совести для возможности продолжения жизни. Одни делают первое, другие – второе. Для достижения первого – приведения поступков в согласие с своей совестью – есть только один способ: нравственное просвещение – увеличение в себе света и внимание к тому, что он освещает; для второго – для скрывания от себя указаний совести – есть два способа: внешний и внутренний. Внешний способ состоит в занятиях, отвлекающих внимание от указаний совести; внутренний состоит в затемнении самой совести.

Как может человек скрыть от своего зрения находящийся пред ним предмет двумя способами: внешним отвлечением зрения к другим, более поражающим предметам, и засорением глаз, так точно и указания своей совести человек может скрыть от себя двойным способом: внешним – отвлечением внимания всякого рода занятиями, заботами, забавами, играми, и внутренним – засорением самого органа внимания. Для людей с тупым, ограниченным нравственным чувством часто вполне достаточно внешних отвлечений для того, чтобы не видеть указаний совести о неправильности жизни. Но для людей нравственно-чутких средств этих часто недостаточно. Внешние способы не вполне отвлекают внимание от сознания разлада жизни с требованиями совести; сознание это мешает жить, и люди, чтобы иметь возможность жить, прибегают к несомненному внутреннему способу затемнения самой совести, состоящему в отравлении мозга одуряющими веществами.

Жизнь не такова, какая бы она должна быть по требованиям совести. Повернуть жизнь сообразно этим требованиям нет сил. Развлечения, которые бы отвлекали внимание от сознания этого разлада, недостаточны или они приелись, и вот для того, чтобы быть в состоянии продолжать жить, несмотря на указания совести о неправильности жизни, люди отравляют, на время прекращая его деятельность, тот орган, через который проявляются указания совести, так же как человек, умышленно засоривший глаз, скрыл бы от себя то, что он не хотел бы видеть.

II

Не во вкусе, не в удовольствии, не в развлечении, не в весельи лежит причина всемирного распространения гашиша, опиума, вина, табаку, а только в потребности скрыть от себя указания совести.

Иду я раз по улице и, проходя мимо разговаривающих извозчиков, слышу, один говорит другому: «известное дело – тверезому совестно!»

Трезвому совестно то, что не совестно пьяному. Этими словами высказана

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
существенная, основная причина, по которой люди прибегают к одурманивающим
веществам. Люди прибегают к ним или для того, чтобы не было совестно после того,
как сделан поступок, противный совести, или для того, чтобы вперед привести себя
в состояние, в котором можно сделать поступок, противный совести, но к которому
влечет человека его животная природа.

Трезвому совестно ехать к непотребным женщинам, совестно украсть, совестно
убить. Пьяному ничего этого не совестно, и потому, если человек хочет сделать
поступок, который совесть воспрещает ему, он одурманивается.

Помню поразившее меня показание судившегося повара, убившего мою родственницу,
старую барыню, у которой он служил. Он рассказывал, что когда он услал свою
любовницу горничную и наступило время действовать, он пошел было с ножом к
спальне, но почувствовал, что трезвый не может совершить задуманного дела.
«Тверезому совестно». Он вернулся, выпил два стакана припасенной вперед водки и
только тогда почувствовал себя готовым и сделал.

Девять десятых преступлений совершаются так: «для смелости выпить!» Половина
падений женщин происходит под влиянием вина. Почти все посещения непотребных
домов совершаются в пьяном виде. Люди знают это свойство вина заглушать голос
совести и сознательно употребляют его для этой цели.

Мало того, что люди сами одурманиваются, чтобы заглушить свою совесть, – зная,
как действует вино, они, желая заставить других людей сделать поступок,
противный их совести, нарочно одурманивают их, организуют одурманивание людей,
чтобы лишить их совести. На войне солдат напаивают пьяными всегда, когда
приходится драться в рукопашную. Все французские солдаты на севастопольских
штурмах бывали напоены пьяными. После взятия Геог-Тепе, когда солдаты не шли
грабить и убивать беззащитных стариков, детей, Скобелев велел напоить их
пьяными, тогда они пошли.

Всем известны люди, спившиеся с круга вследствие преступлений, мучивших их
совесть. Все могут заметить, что безнравственно живущие люди более других
склонны к одурманивающим веществам. Разбойничьи, воровские шайки, проститутки –
не живут без вина.

Все знают и признают, что употребление одурманивающих веществ бывает
последствием укоров совести, что при известных безнравственных профессиях
одурманивающие вещества употребляются для заглушения совести. Все также знают и
признают, что потребление одуряющих веществ заглушает совесть, что человек
пьяный способен на поступки, о которых он трезвый не решился бы и подумать. Все
с этим согласны, но – странное дело! – когда следствием употребления
одурманивающих веществ не являются такие поступки, как воровство, убийство,
насилие и т. п.; когда одурманивающие вещества принимаются не вслед за
какими-нибудь страшными преступлениями, а людьми, профессии которых не считаются
нами преступными, и когда вещества эти принимаются не сразу в большом
количестве, но постоянно в умеренном, то почему-то предполагается, что
одурманивающие вещества уже не действуют на совесть, заглушая ее.

Так, предполагается, что выпивание русским достаточным человеком ежедневно перед
каждой едой по рюмке водки и за едой по стакану вина, французом – своей полынной
настойки и вина, англичанином – своего портвейна и портера, немцем – своего
пива, а зажиточным китайцем выкуривание своей умеренной порции опиума и курение
при этом табаку делается только для удовольствия и несколько не влияет на
совесть людей.

Предполагается, что если после этого обычного одурманивания не совершено
преступления, воровства, убийства, а известные поступки, глупые и дурные, то эти
поступки произошли сами собой, а не вызваны одурманиванием. Предполагается, что
если этими людьми не совершено уголовного преступления, то им и нет причин
заглушать свою совесть, и что та жизнь, которую ведут люди, предающиеся
постоянному одурманиванию себя, есть жизнь вполне хорошая и была бы точно такую
же, если бы люди эти не одурманивались. Предполагается, что постоянное
употребление одурманивающих веществ несколько не затемняет их совести.

Несмотря на то, что каждый по опыту знает, что от употребления вина и табаку
настроение изменяется и перестает быть совестно то, что без возбуждения было
совестно; что после каждого, хотя бы и мелкого, укора совести так и тянет к

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
какому-нибудь дурману, и что под влиянием одурманивающих веществ трудно обдумать свою жизнь и свое положение, и что постоянное и равномерное употребление одуряющих веществ производит то же физиологическое действие, как и одновременное неумеренное, – людям, умеренно пьющим и курящим, кажется, что они употребляют одурманивающие вещества совсем не для заглушения своей совести, а только для вкуса и удовольствия.

Но стоит только серьезно и беспристрастно, не выгораживая себя, подумать об этом, чтобы понять, что, во-первых, если употребление одурманивающих веществ сразу в больших размерах заглушает совесть человека, то постоянное употребление этих веществ должно производить то же действие, так как одурманивающие вещества действуют физиологически всегда одинаково, всегда возбуждая и потом притупляя деятельность мозга, будут ли они приняты в больших или малых приемах; во-вторых, что если одурманивающие вещества имеют свойство заглушать совесть, то они имеют его всегда – и тогда, когда под влиянием их совершается убийство, воровство, насилие и когда под влиянием их говорится слово, которое не сказалось бы, думается и чувствуется то, что не думалось и не чувствовалось бы без них; и в-третьих, что если потребление одурманивающих веществ нужно для того, чтобы заглушить их совесть вора, разбойника, проституткам, то оно точно так же нужно людям, занимающимся профессиями, осуждаемыми их совестью, хотя бы профессии эти признавались законными и почетными другими людьми.

Одним словом, нельзя не понять того, что употребление одурманивающих веществ в больших или малых размерах, периодически или постоянно, в высшем или низшем кругу вызывается одною и тою же причиной – потребностью заглушения голоса совести для того, чтобы не видать разлада жизни с требованиями сознания.

III

В этом одном причина распространения всех одуряющих веществ и между другими табака, едва ли не самого распространенного и самого вредного.

Предполагается, что табак веселит, уясняет мысли, привлекает к себе только как всякая привычка, ни в каком случае не производя того действия заглушения голоса совести, которое признается за вином. Но стоит только повнимательнее взглянуться в условия, при которых проявляется особенная потребность в курении, для того чтобы убедиться, что одурманение табаком, точно так же как и вином, действует на совесть, и что люди сознательно прибегают к этому одурманению именно тогда, когда оно нужно им для этой цели.

Если бы табак только уяснял мысли и веселил, не было бы этой страстной потребности в нем и потребности именно в известных, определенных случаях, и не говорили бы люди, что они готовы пробыть скорее без хлеба, чем без табаку, и действительно часто не предпочитали бы курение пище.

Тот повар, который зарезал свою барыню, рассказывал, что когда он, войдя в спальню, резнул ее ножом по горлу и она упала, хрипя, и кровь хлынула потоком, то он заробел. «Я не мог дорезать, – говорил он, – и вышел из спальни в гостиную, сел там и выкурил папироску». Только одурманившись табаком, он почувствовал себя в силах вернуться в спальню дорезать старуху и разобраться в ее имуществе.

Очевидно, потребность курить в эту минуту была вызвана в нем не желанием уяснить мысли или развеселиться, а необходимостью заглушить что-то, мешавшее ему доделать задуманное дело.

Такую определенную потребность к одурманению себя табаком в известные, самые затруднительные минуты может заметить в себе всякий курящий. Вспоминаю за время своего курения, когда я чувствовал особенную потребность в табаке. Всегда это было в такие минуты, когда мне именно хотелось не помнить то, что я помнил – хотелось забыть, не думать. Сижу я один, ничего не делаю, знаю, что мне надо начать работу, и не хочется, – я закуриваю и продолжаю сидеть. Я обещал кому-либо быть у него в 5 часов и засиделся в другом месте; я вспоминаю, что я опоздал, но мне не хочется помнить это, – и я курю. Я раздражен и говорю человеку неприятное и знаю, что делаю дурно, и вижу, что надо перестать, но мне хочется дать ход своему раздражению, – я курю и продолжаю раздражаться. Я играю в карты и проигрываю больше того, чем то, чем я хотел ограничиться, – я курю. Я поставил себя в неловкое положение, я дурно поступил, ошибся, и мне надо сознать свое положение, чтобы выйти из него, но не хочется сознаться, – я обвиняю других

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle и курю. Я пишу и не совсем доволен тем, что пишу. Надо бросить, но хочется дописать то, что задумал, – я курю. Я спорю и вижу, что мы с противником не понимаем и не можем понять друг друга, но хочется высказать свои мысли, – я продолжаю говорить и курю.

Особенность табака от других одуряющих веществ, кроме легкости одурманивания себя им и его кажущейся безвредности, заключается еще и в его, так сказать, портативности, возможности прилагать его к мелким отдельным случаям. Не говоря уже о том, что употребление опиума, вина, гашиша сопряжено с некоторыми приспособлениями, которые не всегда можно иметь, табак же и бумагу всегда можно иметь с собой, и о том, что курительщик опиума, алкоголик возбуждает ужас, человек же, курящий табак, не представляет ничего отталкивающего, – преимущество табака перед другими дурманами то, что дурман опиума, гашиша, вина распространяется на все впечатления и действия, получаемые и производимые в известный, довольно продолжительный период времени, дурман же табака может быть направлен на каждый отдельный случай. Хочешь сделать то, чего не следует, – выкуриваешь папироску, одурманиваешься настолько, насколько нужно, чтобы сделать то, что не надо было, и опять свеж и можешь ясно мыслить и говорить; или чувствуешь, что сделал то, чего не следовало, – опять папироска, и неприятное сознание дурного или неловкого поступка уничтожено, и можешь заняться другим и забыть.

Но не говоря о тех частных случаях, в которых всякий курящий прибегает к курению, не как к удовлетворению привычки и препровождению времени, а как к средству заглушения совести для поступков, которые имеют быть сделаны или уже сделаны, разве не очевидна та строго определенная зависимость между образом жизни людей и их пристрастием к курению?

Когда начинают курить мальчишки? – Почти всегда тогда же, когда они теряют детскую невинность. Отчего люди курящие могут переставать курить, как скоро становятся в более нравственные условия жизни, и опять начинают курить, как только попадают в развращенную среду? почему игроки почти все курят? почему из женщин меньше курят женщины, ведущие правильный образ жизни? почему проститутки и сумасшедшие все курят? Привычка привычкой, но очевидно, что курение находится в определенной зависимости от потребности заглушения совести и что она достигает этой своей цели. [44]

Наблюдение о том, до какой степени курение заглушает голос совести, можно сделать над всяким почти курительщиком. Всякий курительщик, предаваясь своей страсти, забывает или пренебрегает самыми первыми требованиями общежития, которых он требует от других и которые он соблюдает во всех других случаях, до тех пор, пока совесть его не заглушена табаком. Всякий человек нашего среднего воспитания признает непозволительным, неблаговоспитанным, негуманным для своего удовольствия нарушать спокойствие и удобство, а тем более здоровье других людей. Никто не позволит себе намочить комнату, в которой сидят люди, шуметь, кричать, напустить холодного, жаркого или вонючего воздуха, совершать поступки, мешающие и вредящие другим. Но из 1000 курительщиков ни один не постеснится тем, чтобы напустить нездорового дыма в комнате, где дышат воздухом некурящие женщины, дети. Если закуривающие и спрашивают обыкновенно у присутствующих: «вам не неприятно?» то все знают, что принято отвечать: «сделайте одолжение» (несмотря на то, что некурящему не может быть приятно дышать зараженным воздухом и находить вонючие окурки в стаканах, чашках, тарелках, на подсвечниках или даже в пепельницах). Но если бы даже некурящие взрослые и переносили табак, то детям-то, у которых никто не спрашивает, никак не может быть это приятно и полезно. А между тем люди честные, гуманные во всех других отношениях курят при детях, за обедом, в маленьких комнатах, заражая воздух табачным дымом, не чувствуя при этом ни малейшего укуса совести.

Обыкновенно говорят, и я говорил, что курение содействует умственной работе. И несомненно, что это так, если смотреть только на количество умственной работы. Человеку, курящему и потому переставшему строго оценивать и взвешивать своим мысли, кажется, что у него вдруг сделалось очень много мыслей. Но это совсем не то, что у него сделалось много мыслей, а только то, что он потерял контроль над своими мыслями.

Когда человек работает, он всегда сознает в себе два существа: одного – работающего, другого – оценивающего работу. Чем строже оценка, тем медленнее и лучше работа, и наоборот. Если же оценивающий будет находиться под влиянием дурмана, то работы будет больше, но качество ее будет ниже.

«Если я не курю, я не могу писать. Мне не пишется, я начинаю и не могу продолжать», говорят обыкновенно, говорил и я. Что же это значит? А то, что тебе или нечего писать, или то, что ты сейчас хочешь уже написать, еще не созрело в твоём создании, а только смутно начинает представляться тебе, и оценивающий живущий в тебе критик, не одурманенный табаком, говорит тебе это. Если бы ты не курил, ты или оставил бы начатое и подождал времени, когда то, о чем ты думаешь, уяснилось бы тебе, или постарался бы вдуматься в то, что смутно представляется тебе, обдумал бы представляющиеся тебе возражения и напряг бы всё свое внимание на уяснение себе своей мысли. Но ты закуливаешь, судящий в тебе критик одурманивается, и задержка в твоей работе устраняется: то, что тебе трезвому от табаку казалось ничтожным, представляется опять значительным; то, что казалось неясным, уже не представляется таким; представлявшиеся тебе возражения скрываются, и ты продолжаешь писать, и пишешь много и быстро.

IV

«Но неужели такое малое, крошечное изменение, как легкий хмель, производимый умеренным употреблением вина и табаку, может производить какие-либо значительные последствия? Понятно, что если человек накуривается опиума, гашиша, напивается вина так, что падает и теряет рассудок, то последствия такого одурманения могут быть очень важны; но то, что человек находится под самым легким действием хмеля или табаку, никак не может иметь никаких важных последствий», говорят обыкновенно. Людям кажется, что маленький дурман, маленькое затмение сознания не может производить важного влияния. Но думать так – всё равно, что думать то, что часам может быть вредно то, чтоб ударить их о камень, но что если положить соринку в середину их хода, то это не может повредить им.

Ведь главная работа, двигающая всей жизнью людской, происходит не в движениях рук, ног, спин человеческих, а в сознании. Для того чтобы человек совершил что-нибудь ногами и руками, нужно, чтобы прежде совершилось известное изменение в его сознании. И это-то изменение определяет все последующие действия человека. Изменения же эти всегда бывают крошечные, почти незаметные.

Брюллов поправил ученику этюд. Ученик, взглянув на изменившийся этюд, сказал: «Вот чуть-чуть тронули этюд, а совсем стал другой». Брюллов ответил: «Искусство только там и начинается, где начинается чуть-чуть».

Изречение это поразительно верно, и не по отношению к одному искусству, но и ко всей жизни. Можно сказать, что истинная жизнь начинается там, где начинается чуть-чуть, там, где происходят кажущиеся нам чуть-чутьочными бесконечно малые изменения. Истинная жизнь происходит не там, где совершаются большие внешние изменения, где передвигаются, сталкиваются, дерутся, убивают друг друга люди, а она происходит только там, где совершаются чуть-чутьочные дифференциальные изменения.

Истинная жизнь Раскольниковова совершалась не тогда, когда он убивал старуху или сестру ее. Убивая самую старуху и в особенности сестру ее, он не жил истинною жизнью, а действовал как машина, делал то, чего не мог не делать: выпускал тот заряд, который давно уже был заложен в нем. Одна старуха убита, другая тут перед ним, топор у него в руке.

Истинная жизнь Раскольниковова происходила не в то время, когда он встретил сестру старухи, а в то время, когда он не убивал еще ни одной старухи, не был в чужой квартире с целью убийства, не имел в руках топора, не имел в пальто петли, на которую вешал его, – в то время, когда он даже и не думал о старухе, а, лежа у себя на диване, рассуждал вовсе не о старухе и даже не о том, можно ли или нельзя по воле одного человека стереть с лица земли ненужного и вредного другого человека, а рассуждал о том, следует ли ему жить или не жить в Петербурге, следует ли или нет брать деньги у матери, и еще о других, совсем не касающихся старухи, вопросах. И вот тогда-то, в этой совершенно независимой от деятельности животной области, решались вопросы о том, убьет ли он или не убьет старуху? Вопросы эти решались не тогда, когда он, убив одну старуху, стоял с топором перед другой, а тогда, когда он не действовал, а только мыслил, когда работало одно его сознание и в сознании этом происходили чуть-чутьочные изменения. И вот тогда-то бывает особенно важна для правильного решения возникающего вопроса наибольшая ясность мысли, и вот тогда-то один стакан пива, одна выкуренная папироска могут помешать решению вопроса, отдалить это решение, могут заглушить голос совести, содействовать решению вопроса в пользу низшей животной природы,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoye
как это и было с Раскольниковым.

Изменения чуть-чуточные, а от них-то самые громадные, ужасные последствия. От того, что сделается, когда человек решился и начал действовать, может измениться много материального, могут погибнуть дома, богатства, тела людей, но ничего не может сделаться больше того, чем то, что залегло в сознание человека. Пределы того, что может произойти, даны сознанием. Но от чуть-чуточных изменений, которые совершаются в области сознания, могут произойти самые невообразимые по своей значительности последствия, для которых нет пределов.

Пусть не думают, что то, что я говорю, имеет что-нибудь общее с вопросами о свободе воли и детерминизме. Разговоры об этих предметах совершенно излишни для моей цели, да и для чего бы то ни было. Не решая вопроса о том, может или не может человек поступать так, как он хочет (вопроса, по-моему, неправильно поставленного), я говорю только о том, что так как человеческая деятельность определяется чуть-чуточными изменениями в сознании, то (все равно – признавая или не признавая так называемую свободу воли) и надо быть особенно внимательным к тому состоянию, в котором проявляются эти чуть-чуточные изменения, как надо быть особенно внимательным к состоянию весов, посредством которых мы взвешиваем предметы. Надо, насколько это от нас зависит, стараться поставить себя и других в такие условия, при которых не нарушалась бы ясность и тонкость мысли, необходимые для правильной работы сознания, а не поступать обратно, стараясь затруднить и запутать эту работу сознания потреблением одуряющих веществ.

Человек ведь есть и духовное и животное существо. Человека можно двигать, влияя на его животное существо, и можно двигать, влияя на его духовную сущность. Так же, как часы можно двигать за стрелки и за главное колесо. И как в часах удобнее руководить движением через внутренний механизм, так и человеком – собой или другим – удобнее руководить через сознание. И как в часах пуще всего надо блюсти то, чем удобнее двигать серединный механизм, так и в человеке пуще всего надо блюсти чистоту, ясность сознания, которым удобнее всего двигать человеком. Сомневаться в этом невозможно, и все люди знают это; но является потребность обманывать себя. Людям не столько хочется, чтобы сознание работало правильно, сколько того, чтобы им казалось, что правильно то, что они делают, и они сознательно употребляют такие вещества, которые нарушают правильную работу сознания.

V

Пьют и курят не так, не от скуки, не для веселья, не потому, что приятно, а для того, чтобы заглушить в себе совесть. И если это так, то как ужасны должны быть последствия! В самом деле – подумать, какова бы была та постройка, которую строили бы люди не с прямым правилом, по которому они выравнивали бы стены, не с прямоугольным угольником, которым бы они определяли углы, а с мягким правилом, которое сгибалось бы по всем неровностям стены, и с угольником, складывающимся и приходящимся к каждому – и острому и тупому – углу.

А ведь, благодаря одурманиванию себя, это самое и делается в жизни. Жизнь не приходится по совести, – совесть сгибается по жизни. Это делается в жизни отдельных лиц, это же делается и в жизни всего человечества, слагающегося из жизни отдельных лиц.

Для того чтобы понять всё значение такого отуманения своего сознания, пускай всякий человек вспомнит хорошенько свое душевное состояние в каждый период своей жизни. Каждый человек найдет, что в каждый период его жизни перед ним стояли известные нравственные вопросы, которые ему надо было разрешить и от разрешения которых зависело всё благо его жизни. Для разрешения этих вопросов нужно большое напряжение внимания. Это напряжение внимания составляет труд. В каждом же труде, особенно в начале его, есть период, когда труд представляется тяжелым, мучительным, и слабость человеческая подсказывает желание оставить его. Физический труд представляется мучительным в начале его; еще более мучительным представляется труд умственный. Как говорит Лессинг, люди имеют свойство переставать думать тогда, когда думанье начинает представлять трудности, и именно тогда, прибавлю я, когда думанье начинает быть плодотворным. Человек чувствует, что решение стоящих перед ним вопросов требует напряженного, часто мучительного труда и ему хочется отвильнуть от этого труда. Если бы у него не было внутренних средств одурманения, он не мог бы изгнать из своего сознания стоящих перед ним вопросов и волей-неволей был бы приведен к необходимости решения их. Но вот человек узнает средство отгонять эти вопросы всегда, когда

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
они представляются, и употребляет его. Как только предстоящие к разрешению вопросы начинают мучить его, человек прибегает к этим средствам и спасается от беспокойства, вызываемого тревожащими вопросами. Сознание перестает требовать разрешения их, и неразрешенные вопросы остаются неразрешенными до следующего просветления. Но при следующем просветлении повторяется то же, и человек месяцами, годами, иногда всю жизнь продолжает стоять перед теми же нравственными вопросами, ни на шаг не подвигаясь в разрешении их. А между тем в разрешении нравственных вопросов и состоит всё движение жизни.

Совершается нечто подобное тому, что бы делал человек, которому через взмученную воду надо бы увидеть дно, для того чтобы достать драгоценную жемчужину, и который бы, не желая взойти в воду, сознательно взбалтывал воду, как скоро она начинала бы отстаиваться и быть прозрачной. Всю жизнь часто стоит человек одурманивающийся неподвижно на том же, раз усвоенном, неясном, противоречивом мирозерцании, упираясь при всяком наступающем периоде просветления всё в ту же стену, в которую он упирался 10–20 лет тому назад и которую нечем пробить, потому что он сознательно притупляет то острое мысли, которое одно могло бы пробить ее.

Пускай всякий вспомнит себя за тот период, во время которого он пьет и курит, и пускай проверит то же самое на других, и всякий увидит одну постоянную черту, отличающую людей, предающихся одурманиванию, от людей, свободных от него: чем больше одурманивается человек, тем более он нравственно неподвижен.

VI

Ужасны для отдельных лиц, как описывают их нам, последствия потребления опиума и гашиша; ужасны знакомые нам последствия потребления алкоголя на отъявленных пьяницах; но без сравнения ужаснее последствия для всего общества того, считающегося безвредным, умеренного употребления водки, вина, пива и табаку, которому предается большинство людей, а в особенности так называемые образованные классы нашего мира. Последствия эти должны быть ужасны, если признать то, чего нельзя не признать: что руководящая деятельность общества – деятельность политическая, служебная, научная, литературная, художественная – производится большей частью людьми, находящимися не в нормальном состоянии, людьми пьяными. Обыкновенно предполагается, что человек, который, как большинство людей наших достаточных классов, употребляет алкогольные напитки при всяком принятии пищи, находится на другой день, в тот период времени, когда он работает, в совершенно нормальном и трезвом состоянии. Но это совершенно несправедливо. Человек, выпивший накануне бутылку вина, стакан водки или две кружки пива, находится в обычном состоянии похмелья или угнетения, следующего за возбуждением, и потому в умственно подавленном состоянии, которое усиливается еще курением. Для того чтобы человек, курящий и пьющий постоянно и умеренно, привел мозг в нормальное состояние, ему нужно пробыть по крайней мере неделю или более без употребления вина и курения. Этого же почти никогда не бывает.

Так что большая часть всего того, что творится в нашем мире и людьми, управляющими другими и поучающими других, и людьми, управляемыми и поучаемыми, совершается не в трезвом состоянии.

И пусть не принимают это за шутку или за преувеличение: безобразие и главное – бессмысленность нашей жизни происходят преимущественно от постоянного состояния опьянения, в которое приводит себя большинство людей. Разве возможно бы было, чтобы люди непьяные спокойно делали всё то, что делается в нашем мире, – от Эйфелевой башни до общей воинской повинности. Без всякой, какой бы то ни было надобности составляется общество, собираются капиталы, люди работают, вычисляют, составляют планы; миллионы рабочих дней и пудов железа тратятся на постройку башни; и миллионы людей считают своим долгом влезть на эту башню, побыть на ней и слезть назад; и постройка, и посещение этой башни не вызывают в людях никакого другого суждения об этом, как желание и намерение еще в других местах построить еще более высокие башни. Разве трезвые люди могли бы это делать? Или другое: все европейские народы вот уже десятки лет заняты тем, чтобы придумывать наилучшие средства убийства людей и обучать убийству всех молодых людей, достигших зрелого возраста. Все знают, что нападений варваров никаких быть не может, что приготовления к убийству направлены христианскими цивилизованными народами друг на друга; все знают, что это тяжело, больно, неудобно, разорительно, безнравственно, безбожно и безумно, – и все готовятся к взаимному убийству: одни – придумывая политические комбинации о том, кто с кем в союзе и кого будет убивать; другие – начальствуя над приготавливающимися к убийству, и третьи –

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
подчиняясь против воли, против совести, против разума этим приготовлениям к
убийству. Разве трезвые люди могли бы это делать? Только пьяные, никогда не
вытрезвляющиеся люди могут делать эти дела и жить в том ужасающем противоречии
жизни и совести, в котором не только в этом, но во всех других отношениях живут
люди нашего мира.

Никогда, мне кажется, люди не жили в таком очевидном противоречии между
требованиями совести и поступками.

Человечество нашего времени точно зацепилось за что-то. Точно есть какая-то
внешняя причина, мешающая стать ему в то положение, которое ему свойственно по
его сознанию. И причина эта – если не одна, то главная – это то физическое
состояние одурения, в которое вином и табаком приводит себя огромное большинство
людей нашего мира.

Освобождение от этого страшного зла будет эпохой в жизни человечества, и эпоха
эта настает, кажется. Зло сознано. Изменение в сознании по отношению к
употреблению одуряющих веществ уже совершилось, люди поняли страшный вред их и
начинают указывать его, и это незаметное изменение в сознании неизбежно повлечет
за собой освобождение людей от употребления одуряющих веществ. Освобождение же
людей от употребления одуряющих веществ откроет им глаза на требования их
сознания, и они станут проводить свою жизнь в согласии с совестью.

И кажется, что это уже начинается. И, как всегда, начинается с высших классов
тогда, когда уже заражены все низшие.

Предлагаемая книга излагает историю развития этого сознания.

10 июня 1890.

ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ПОЛАМИ

В числе писем, полученных мною из разных мест по поводу «Крейцеровой сонаты» и
«Послесловия», показывающих, что необходимость изменения взгляда на отношения
между полами признана не мною одним, а большим количеством мыслящих людей, голоса
которых не слышны и не заметны потому только, что они заглушены криком людей
толпы, с упорством и задором отстаивающих привычный и потакающий их страстям
порядок вещей, – в числе этих писем получено мною 7-го октября 1890 года
следующее письмо, с приложением брошюры под заглавием «Диана», о которой в нем
упоминается. Вот это письмо:

«7 окт. 1890 г.

«Мы имеем удовольствие послать вам маленькую брошюру, под заглавием: «Диана,
психо-физиологический опыт о половых отношениях женатых мужчин и женщин»,
которую, надеемся, вы получите.

«С тех пор как ваше произведение «Крейцера соната» появилось в Америке, многие
говорили: «Диана» исполняет, объясняет и делает возможными теории Толстого». И
так, мы решаемся послать вам эту брошюру, чтобы вы могли сами судить.

«Молясь об исполнении желания вашего сердца, остаемся преданные вам.

«Мы будем рады, если вы почтите нас извещением о получении брошюры».

Раньше этого получено было мною из Франции письмо Angèle Françoise и ее брошюра.
В письме г-жа Angèle сообщала мне о существовании двух обществ, имеющих целью
поощрение чистоты половой жизни: одного – в Англии и другого – во Франции,
«Société d'amour pur». В статье г-жи Angèle были выражены те же мысли, как и в
статье «Диана», но только менее ясно и определенно и с оттенком мистицизма.

Мысли, выраженные в брошюре «Диана», хотя и имеющие в основе не христианское, а
скорее языческое, Платоновское мирозерцание, настолько новы и интересны и так
очевидно показывают неразумие установившейся распущенности как в холостой, так и
в женатой жизни нашего общества, что мне хочется поделиться этими мыслями с
читателями.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Основная мысль брошюры, эпиграфом которой поставлены слова «И будут два одною
плотью», следующая:

Разница в организации мужчины и женщины существует не только в физиологическом отношении, но еще и в других, нравственных свойствах, в мужчине называемых мужественностью, в женщине – женственностью. Влечение между полами основано не на одном стремлении к физическому общению, но и на взаимном притяжении, которое оказывают друг на друга эти противоположные свойства полов: женственность на мужчину и мужественность на женщину. Один пол стремится пополнить себя другим, и потому влечение между полами производит одинаково стремление к духовному, как и к физическому общению. Стремления к физическому и духовному общению суть два проявления одного и того же источника влечения, находящиеся в такой зависимости одно от другого, что удовлетворение одного стремления всегда ослабляет другое. Насколько удовлетворено стремление к духовному общению, настолько ослабевает или вовсе уничтожается стремление к физическому, и наоборот: удовлетворение физического влечения ослабляет или уничтожает духовное. И потому влечение между полами не есть только физическое стремление, производящее деторождение, но есть влечение различных полов друг к другу, могущее принимать форму самого духовного общения только мысли, самого животного общения, производящего деторождение, и всех самых различных ступеней между тем и другим. Вопрос о том, на какой из этих ступеней останавливается сближение разных полов, решается тем, какое общение соединяющиеся считают в данное время или навсегда – хорошим, должным и потому желательным. (Замечательной иллюстрацией того, до какой степени отношение между полами подчиняется представлению о том, что считается хорошим, должным и желательным, служит поразительный обычай малороссийского жениханья, состоящего в том, что сосватанные парни годами проводят ночи вместе с своими невестами, не нарушая их девственности.)

Полное удовлетворение для отдельных соединяющихся лиц составляет та ступень, которую эти лица считают хорошей, должной и потому желательной, и зависит от их личного взгляда. Но независимо от этого, само по себе, объективно, для всех одна ступень общения должна давать более удовлетворения, чем другая. Какое же общение дает это наибольшее удовлетворение само по себе, для всех, независимо от личного взгляда соединяющихся: то ли, которое приближается к духовному, или то, которое приближается к физическому? Ответ на этот вопрос, ясный и несомненный, хотя и противоречащий всему тому, что привыкли думать в нашем обществе, состоит в том, что чем форма общения ближе к крайнему физическому пределу, тем больше разжигается желание, и тем меньше получается удовлетворения; чем ближе к противоположному крайнему, духовному пределу, тем меньше вызываются новые желания, тем полнее удовлетворение. Чем ближе к первому, тем разрушительнее для жизненной силы; чем ближе к второму, к духовному, тем спокойнее, радостнее и сильнее общее состояние.

Соединение мужчины и женщины «в плоть едину» в форме неразрывного единобрачия автор считает необходимым условием высшего развития человека. Брак поэтому, по мнению автора, составляющий естественное и желательное условие для всех людей, достигших зрелого возраста, не есть необходимо физическое соединение, но может быть и духовным. Смотря по условиям и темпераменту, а главное по тому, что соединяющиеся считают должным, хорошим и желательным, для одних брак будет более приближаться к духовному общению, для других – к физическому; но чем больше общение будет приближаться к духовному, тем полнее будет удовлетворение.

Так как автор признает то, что те же половые стремления могут вести к духовному общению – любви, и к физическому – производительности, деторождению, и то, что одна деятельность переходит в другую в зависимости от сознания, то, естественно, он не только не признает невозможности воздержания, но считает его естественным и необходимым условием разумной половой гигиены как в браке, так и вне его.

Вся статья обставлена богатым подбором примеров и иллюстраций к тому, что в ней говорится, и физиологическими данными о процессах половых отношений, их воздействии на организм и возможности сознательного направления их по тому или другому пути – любви или производительности. В подтверждение своей мысли автор приводит слова Герберта Спенсера: «Если какой-либо закон, – говорит Спенсер, – содействует благу человеческого рода, то природа человеческая непременно подчинится ему, так что повиновение ему делается для человека радостным». И потому мы не должны, говорит автор, слишком полагаться на установившиеся привычки и условия, теперь окружающие нас, но должны смотреть

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle скорее на то, чем должен быть и может быть человек в предстоящем ему блестящем будущем.

Сущность всего сказанного автор излагает так. Основная теория «Дианы» та, что отношения между полами имеют две функции: производительную и любовную, и что половая сила, если только не имеется сознательного желания иметь детей, должна быть всегда направляема на путь любви. Проявление, которое примет эта сила, зависит от разума и привычки, вследствие чего постепенное приведение разума в согласие с изложенными здесь принципами и постепенное образование привычек, согласных с ними, избавит людей от многих страданий и даст им удовлетворение их половых стремлений.

В конце книги приложено замечательное «письмо к родителям и наставникам» Элизы Борнс. Письмо это, несмотря на то, что трактует о предметах, считающихся неприличными (называя, как этого нельзя иначе и сделать, вещи по имени), может иметь такое благодетельное влияние на несчастную молодежь, страдающую от эксцессов и неправильностей, что распространение этого письма между взрослыми мужчинами, губящими так напрасно свои лучшие силы и свое благо, и, главное, между бедными, гибнущими только от незнания, мальчиками в семьях, училищах, гимназиях и в особенности корпусах и закрытых заведениях, было бы истинным благодеянием.

14 октября 1890 г.

—

ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ В. Г. ЧЕРТКОВА «ЗЛАЯ ЗАБАВА»

Несколько лет тому назад мне довелось слышать следующий разговор между молодым, начинающим охотником и бывшим охотником, оставившим охоту вследствие сознания безнравственности этой забавы:

Молодой охотник (с уверенностью). Да что же дурного в охоте?

Бывший охотник. Дурно без нужды, для забавы убивать животных.

Ни возражать против этого, ни не соглашаться с этим невозможно. Так это просто, ясно и несомненно. Но, несмотря на это, молодой охотник не бросил тогда же охоты, а охотится и до сих пор. Но уверенность в безобидности занятия охотой нарушена; совесть пробуждена по отношению к делу, считавшемуся доселе несомненно правым.

И долго молодой человек уже не проохотится.

Вот это—то действие несомненно произведет эта прекрасная статья на всех тех, которые прочтут ее. Дай Бог, чтобы их было как можно больше, особенно из молодежи.

15 октября 1890 г.

—

ВАРИАНТЫ ЛИТОГРАФИРОВАННОЙ РЕДАКЦИИ «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ»

(Ссылки на страницы и строки — по настоящему изданию. Литографированная редакция сокращенно обозначается: лит. ред.)

Стр. 7.

Цитаты из «Евангелия» от Матфея, XIX, 10, 11, 12 в лит. ред. нет.

Стр. 7, строка 2.

Слов: Это было ранней весной. Мы ехали вторые сутки. — в лит. ред. нет.

Стр. 7, строки 8–11.

Вместо: господин с порывистыми движениями, кончая: необыкновенно блестящими

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe глазами, – в лит. ред.: чрезвычайно нервный, среднего возраста человек, с замечательно притягивающими к себе неопределенного цвета блестящими глазами,

Стр. 7, строки 11–17.

Слов: Он был одет в старое, кончая: на начатый и оборванный смех. – в лит. ред. нет.

Стр. 7, строки 18–19.

Вместо: старательно избегал общения и знакомства с пассажирами. – в лит. ред.: не познакомился ни с кем из пассажиров, как бы старательно избегая этого.

Стр. 7, строка 20–стр. 8, строка 2.

Вместо: или читал, или, глядя в окно, кончая: пил чай или закусывал. – в лит. ред.: начинал упорно глядеть в окно.

Стр. 8, строка 3.

Вместо: Мне казалось, – в лит. ред.: А между тем мне казалось,

Стр. 8, строка 3.

Слова: своим – в лит. ред. нет.

Стр. 8, строки 3–4.

Вместо: и я несколько раз хотел заговорить с ним, но всякий раз, – в лит. ред.: Онъ видел, что я понимаю это, и

Стр. 8, строки 6–7.

Вместо: брался за книгу или смотрел в окно. – в лит. ред.: всё-таки избегал разговора со мной.

Стр. 8, строки 8–12.

Вместо: Во время остановки, кончая: пить чай на станцию. – в лит. ред.: Во время остановки перед вечером на большой станции господин с хорошими вещами, адвокат, как я узнал впоследствии, с своей соседкой пошли пить чай на станцию.

Стр. 8, строки 15–17.

Вместо: в ильковой шубе и суконном картузе с огромным козырьком. – в лит. ред.: в широкой шубе и высоком картузе.

Стр. 8, строки 18–19.

После слов: на этой станции. – в лит. ред.: Сначала приказчик сказал, что место напротив занято, на это старик ответил, что он только на одну станцию. И с этого у них начался разговор.

Стр. 8, строка 21.

Вместо: не проходил, – в лит. ред.: не говорил.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Стр. 8, строки 22–38.

Вместо: Купец объявил сначала о том, кончая: про что-то оживленно разговаривавшие. – в лит. ред.: Они говорили сначала о ценах, о торговле. Назвали кого-то знакомого обоим и заговорили о Нижегородской ярманке. Приказчик хотел похвастать чьими-то кутежами на ярманке, но старик не дал ему ходу и, перебивая его, стал сам рассказывать про былые кутежи в Кунавине и про свое участие в них. Он, видимо, гордился своим участием в них и, вероятно, полагая, что это нисколько не нарушает того степенства, которое он изображал всей своей фигурой и манерами, с гордостью рассказывал, как они вместе с этим самым знакомым сделали раз пьяные в Кунавине такую штуку, что ее надо было рассказывать шопотом и что приказчик захохотал на весь вагон, а старик тоже засмеялся, оскалив два желтые зуба. Разговор мне был не интересен, и я вышел из вагона размять ноги до отхода поезда. В дверях встретились адвокат с дамой.

Стр. 8, строка 39.

Слова: общительный – в лит. ред. нет.

Стр. 9, строки 2–3.

Вместо: между дамой и адвокатом продолжался оживленный разговор. – в лит. ред.: адвокат с дамой оживленно разговаривали.

Стр. 9, строки 3–5.

Вместо: Старый купец молча сидел кончая: жуя зубами. – в лит. ред.: Купец молча сидел против них.

Стр. 9, строка 8.

Вместо: не желает жить – в лит. ред.: не хочет жить

Стр. 9, строки 10–12.

Вместо: Вслед за мной прошли кончая: не слышно было разговора. – в лит. ред.: за проходом кондуктора и нового пассажира.

Стр. 9, строка 14.

Слова: уже – в лит. ред. нет.

Стр. 9, строки 15–32.

Вместо: Адвокат говорил о том, кончая: и я пересел ближе. – в лит. ред.: – И засим является разлад, финансовые затруднения сторон, и супруги расходятся, – говорил адвокат. – В старину этого не было. Не правда-ли? – обратился общительный адвокат к старику-купцу, желая вовлечь его в этот разговор.

Но в это время поезд тронулся, и старик, не отвечая, снял свой картуз, три раза перекрестился и прошептал что-то. Окончив это и надев прямо и глубоко свой картуз, он сказал:

– Было, сударь, и прежде, только меньше. По нынешнему времени нельзя этому не быть. Уж очень образованы стали.

Адвокат что-то ответил старику, но поезд, двигаясь всё быстрее и быстрее, уже погромыхивал на стычках, и мне не слышно было, а интересно было знать, что скажет старик, и я пересел ближе.

Стр. 9, строка 32.

Слов: с блестящими глазами, – в лит. ред. нет.

Стр. 10, строка 13.

Вместо: – Глупости от образования, – решительно сказал старик. – в лит. ред.: – А потому что страху нет, – сказал старик.

Стр. 10, строка 13.

После слов: сказал старик. – в лит. ред.: – Да как же быть, когда

Стр. 10, строки 14–21.

Вместо: а потом удивляются, что несогласно живут, кончая: говорила она. – в лит. ред.: Ведь это только животных можно спаривать, как хозяин хочет, а люди имеют свои склонности, привязанности, – торопилась говорить дама, оглядываясь на адвоката и на меня и даже на приказчика, который, поднявшись с своего места и облокотившись на спинку, улыбаясь, прислушивался к разговору.

Стр. 10, строки 24–26.

Вместо: всё торопилась дама высказывать свои суждения, которые, вероятно, ей казались очень новыми. – в лит. ред.: сказала дама, очевидно поощряемая общим вниманием и сочувствием.

Стр. 10, строки 38–39.

Слов: даже с некоторой злобой сказала дама. – в лит. ред. нет.

Стр. 11, строки 7–8.

После слов: себе всё позволяете. – в лит. ред.: – Мужчина – дело особое.

– Так мужчине, по вашему, всё позволено?

Стр. 11, строка 18.

Слов: и губами. – в лит. ред. нет.

Стр. 11, строка 25.

Вместо: – Этого не полагается, – в лит. ред.: Этого не должно быть,

Стр. 11, строка 28.

После слов: сказал старик. – в лит. ред.: – Ну, а если какой глупый муж не может управлять женой, тому по делом. А всё же скандал делать не приходится. Люби, хоть не люби, а дома не расстраивай. Всякий муж жену укоротить может, на то ему дана власть. Только дурак не может.

Стр. 12, строки 7–9.

Вместо: – Ну, а как же вы сами кончая: сказал я, не выдержав. – в лит. ред.: – А самим в Кунавине кутить с красотками можно? – улыбаясь, сказал адвокат.

Стр. 12, строки 10–13.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Вместо: сказал купец кончая: вышел на тормоз. – в лит. ред.: сказал купец строго. – Прощенья просим, – прибавил он, вставая, запахнул, приподнял картуз и, достав мешок, вышел на тормоз.

Стр. 12, строки 20–21.

После слов: сказал адвокат. – в лит. ред.: Во-первых – права женщины, затем гражданский брак, засим развод, как нерешенный еще вопрос...

Стр. 12, строка 28 – стр. 13, строка 16.

Вместо: В середине речи дамы позади меня кончая: – Нет-с, я про то самое. – в лит. ред.: – Какая же это любовь освящает брак? – неожиданно сказал голос нервного господина, который незаметно подошел к нам. Он стоял, положив руки на спинку сиденья, и, очевидно, очень волновался: лицо его было красно, на лбу надулась жила, и вздрагивал мускул щеки. – Какая это такая любовь освящает брак? – повторил он.

– Как какая любовь? – сказала дама. – Обыкновенная любовь между супругами.

– Как же это может обыкновенная любовь освящать брак? – продолжал нервный господин. Он волновался, как будто сердился и хотел сказать неприятное даме. Она чувствовала это и тоже волновалась.

– Как? очень просто, – сказала дама.

Нервный господин тотчас же подхватил это слово:

– Нет, не просто!

Стр. 13, строка 14.

Вместо: – Да-с, но что разумеет под любовью истинной? кончая: проговорил седой господин и засмеялся. после слов: не дав адвокату договорить, начал:, стр. 13 строка 29, – в лит. ред.: – Да-с, но что разумеет под любовью, которая одна освящает брак?

– Всякий знает, что такое любовь, – сказала дама.

– А вот я не знаю и желаю знать, как вы определяете?

– Как? очень просто, – сказала дама, но задумалась. – Любовь? Любовь есть исключительное предпочтение одного или одной перед всеми остальными, – сказала она.

– Предпочтение на сколько времени? На месяц? на два дни? на полчаса? – с особенною злостью сказал господин.

– Нет, позвольте, вы, очевидно, не про то говорите.

Стр. 13, строки 27–29.

Вместо: продолжал речь адвокат, кончая: с трудом удерживался – в лит. ред.: хотел продолжать свою речь адвокат. Но нервный господин, очевидно, с трудом удерживался

Стр. 13, строка 34.

Слов: сказала дама, пожимая плечами. – в лит. ред. нет.

Стр. 13, строки 36–37.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Вместо: другими на года, что очень редко, – в лит. ред.: другими редко на года,

Стр. 13, строки 38–39.

Слов: говорил он, очевидно зная, что он удивляет всех своим мнением, и довольный этим. – в лит. ред. нет.

Стр. 14, строка 3.

Вместо: – перекрикивал нас седой господин, – в лит. ред.: перекрикивал он нас,

Стр. 14, строка 6.

После слова: женщине. – в лит. ред.: и менее всего к своей жене. Но на то и поговорка, она не врет: «Чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая».

Стр. 14, строки 10–20.

Вместо: Если допустить даже, что мужчина кончая: говорил он, жадно затягиваясь. – в лит. ред.: Если допустить даже, что Менелай предпочел бы Елену на всю жизнь, то Елена предпочла Париса, и так всегда было и есть на свете. И не может быть иначе, так же как не может быть, что в возу гороха две замеченные горошины легли бы рядом. Да кроме того, тут не невероятность одна, а, наверное, пресыщение Елены Менелаем или наоборот. Вся разница только в том, что у одного раньше, у другого позднее. Только в глупых романах пишут, что они любили друг друга всю жизнь. И только дети могут верить этому. Любить всю жизнь одну или одного – это всё равно, что сказать, что одна свечка будет гореть всю жизнь.

Стр. 14, строка 23.

Слов: сказала дама. – в лит. ред. нет.

Стр. 14, строки 24–25.

Вместо: – Духовное сродство! Единство идеалов! – повторил он, издавая свой звук. – в лит. ред.: – Отчего же не допустить,

Стр. 14, строки 25–26.

Вместо: А то вследствие единства идеалов люди ложатся спать вместе, – сказал он и нервно засмеялся. – в лит. ред.: А то единство идеалов встречается не между старухами, а всё между молодыми и красивыми, – сказал он и неприятно засмеялся. – Да-с, я утверждаю, что любовь, настоящая любовь, не освящает брак, как мы привыкли разуметь его, на всю жизнь, а напротив, разрушает его.

Стр. 14, строка 32.

Вместо: Седой господин опять засмеялся. – в лит. ред.: Нервный господин злобно засмеялся.

Стр. 14, строка 33.

Вместо: – То вы говорите, – в лит. ред.: – Так как же? Вы говорите,

Стр. 14, строки 35–36.

Вместо: тем, что существуют браки. – в лит. ред.: браками.

Стр. 14, строка 36.

Вместо: один обман! – в лит. ред.: обман и насилие.

Стр. 14, строка 39.

Вместо: – Существуют. Да только отчего они существуют? – в лит. ред.: – Да как и от чего они существуют?

Стр. 15, строка 2.

После слов: а у нас их нет. – в лит. ред.: и они только лицемерие и насилие. И вот мы чувствуем это и, чтобы избавиться от этого, проповедуем свободную любовь. В сущности же проповедь свободной любви есть не что иное, как призыв к возвращению назад, к смешению полов, – извините меня, – обратился он к даме, – к свальному греху. Износилась старая основа, надо найти новую, а не проповедовать разврат. – Он так горячился, что все замолчали и смотрели на него. – А вот переходное-то положение и ужасно. Люди чувствуют, что нельзя же допустить свальный грех, надо как-нибудь определить половые сношения, а основы для этого нет, кроме старой, в которую никто не верит.

Стр. 15, строки 2–3.

Вместо: У нас люди женятся, не видя в браке ничего, кроме совокупления, – в лит. ред.: и люди женятся по старому, не верят в то, что они делают,

Стр. 15, строка 8.

После слов: всю жизнь – в лит. ред.: и сами не знают, зачем, за что,

Стр. 15, строка 9.

Вместо: уж ненавидят друг друга, желают разойтись – в лит. ред.: уж желают разойтись

Стр. 15, строки 12–13.

Слов: говорил он всё быстрее, не давая никому вставить слова и всё больше и больше разгорячаясь. – в лит. ред. нет.

Стр. 15, строка 13.

Вместо: Все молчали. – в лит. ред.: Все помолчали.

Стр. 15, строка 15.

Слов: без сомнения, – в лит. ред. нет.

Стр. 15, строки 15–16.

После слов: в супружеской жизни, – в лит. ред.: Вот, например, дело Позднышева,

Стр. 15, строка 16.

Вместо: прекратить – в лит. ред.: остановить

Стр. 15, строка 17.

После слов: горячий разговор, – в лит. ред.: – как он из ревности убил жену, – читали вы?

Дама сказала, что не читала. Нервный господин ничего не сказал и изменился в лице.

Стр. 15, строки 18–19.

Вместо: тихо и как будто спокойно сказал седой господин. – в лит. ред.: вдруг сказал он.

Стр. 15, строки 21–24.

Вместо: тот, с которым случился тот критический эпизод, кончая: и все молчали. – в лит. ред.: Произошло молчание. Он покраснел, опять побледнел.

Стр. 15, строка 26.

Слов: издавая свой звук. – в лит. ред. нет.

Стр. 15, строка 27.

После слов: стеснять вас. – в лит. ред.: И он ушел на свое место.

Стр. 15, строка 28 – стр. 16, строка 17.

Концу II главы от слов: – Да, нет, помилуйте... – в лит. ред. соответствует III глава и следующее ее начало:

Я вернулся тоже на свое место. Господин с дамою шептались. Я сидел рядом с Позднышевым и молчал. Я хотел поговорить с ним, но не знал, с чего начать, и так мы проехали час до станции. На следующей станции господин с дамой и даже приказчик вышли, и мы остались одни во всем вагоне с Позднышевым.

– Они говорят! И или лгут или не понимают.

– Т. е. о чем это вы?

– Да всё о том же.

Он облокотился руками на колени и сжал виски руками.

– Любовь, брак, семья! Всё ложь, ложь, ложь!.. Он встал, задернул занавеску у фонаря и лег, облокотившись на подушку, и закрыл глаза. Он пролежал так минуту.

– Вам не неприятно сидеть со мною, зная, кто я?

– О нет.

– Вы не хотите спать?

– Совсем не хочу.

– Так хотите – я вам расскажу свою жизнь?

В это время прошел кондуктор; он проводил его молча злыми глазами и начал только тогда, когда этот ушел. В продолжение же рассказа потом он уже ни разу не останавливался и ни даже вновь входящие пассажиры не прерывали его. Во время его рассказа лицо его несколько раз переменялось совершенно, так что ничего не было похожего с прежним лицом, и глаза, и рот, и усы, борода даже – всё было другое: то было прекрасное, трогательное, новое лицо. И перемены эти происходили в полусвете вдруг, и минут пять было одно лицо, и нельзя было никак видеть

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e
прежнего, а потом, неизвестно как, делалось другим, и тоже нельзя было никак
изменить его.

Стр. 16–17.

Главе III в лит. ред. соответствует глава IV.

Стр. 16, строки 19–20.

Вместо: Да вы точно хотите? – Я повторил, что очень хочу. – в лит. ред.: всю
свою жизнь и всю свою страшную историю. Страшную, именно страшную. Вся история
страшнее конца.

Стр. 16, строка 20.

После слова: руками – в лит. ред.: закрытое

Стр. 16, строки 25–30.

Вместо: Жил я до женитьбы, кончая: что я вполне нравственный человек. – в лит.
ред.: Во-первых, скажу вам, кто я. Я сын богатого степного дворянина, бывшего
предводителя, и воспитанник университета, кандидат, юрист. Женился я 30-ти съ
чем то лет, но прежде чем сказать о женитьбе, надо сказать, как я жил прежде и
как смотрел на семейную жизнь. Жил я до женитьбы, как живут все так называемые
порядочные люди нашего круга, т. е. развратно, и, так же как и большинство людей
нашего круга, живя развратно, был убежден, что я среди развратных людей
исключительно нравственный человек. Происходило это, т. е. то, что я считал себя
нравственным, оттого, что в нашей семье не было того особенного, специального
разврата, который был так обыновенен в нашей помещичьей среде, и что потому,
воспитавшись в семье, где ни отец ни мать не изменяли друг другу, я с ранних лет
лелеял мечту о самой возвышенной и поэтической семейной жизни. Жена моя должна
была быть верхом совершенства. Любовь наша взаимная должна была быть самая
возвышенная. Чистоты наша семейная жизнь должна была быть голубиной.

Думать – я так думал и всё время хвалил себя за возвышенные мысли. И вместе с
этим лет десять жил взрослым человеком, не торопясь жениться, и вел то, что я
называл степенную, благоразумную холостую жизнь, которой я даже гордился перед
моими сверстниками и сотоварищами, предававшимися разным специальным развратам.

Стр. 16, строки 31–32.

Слов: как это делали многие из моих сверстников, – в лит. ред. нет.

Стр. 16, строки 32–33.

Вместо: степенно, прилично, для здоровья. – в лит. ред.: в приличных,
общепринятых формах, и наивно был уверен, что я вполне нравственный человек.
Женщины, с которыми я сходил, были не мои, и мне до них не было никакого дела,
кроме удовольствия, которое они мне доставляли. И мне тут не казалось ничего
безобразного. Напротив, я в этом то, в том, что я не сблизился с ними сердцем, а
платил им деньгами, я в этом то и видел свою нравственность.

Стр. 16, строка 36–стр. 17, строка 3.

Вместо: И это-то я считал не только нравственным, но я гордился этим. кончая: а
разврат, истинный разврат – в лит. ред.: И живя так, я считал себя нравственным
человеком. Я не понимал, что разврат не состоит в чем-либо физическом, что
никакое безобразие физическое не есть еще разврат, а что истинный разврат
состоит

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Стр. 17, строка 13.

После слов: каких я был. – в лит. ред.: Если вы согласны, о теперь, а прежде вы это не думали. И я не думал, и если бы не сказали то, что я теперь вам говорю, не было бы того, что со мною было.

Стр. 17, строка 16.

Слов: – Что ужасно? – спросил я. – в лит. ред. нет.

Стр. 17, строка 117.

После слова: заблуждения – в лит. ред.: и разврата,

Стр. 17, строки 17–26.

Вместо: относительно женщин и отношений к ним, кончая: внушительный и приятный голос. – в лит. ред.: по отношению к истинному женскому вопросу.

– Т. е., что вы понимаете под истинным женским вопросом?

– Вопрос о том, что такое то особенное от мужчин организованное существо и как она сама и мужчина должны смотреть на нее.

Стр. 17–19.

Главе IV в лит. ред. соответствует глава V, начинающаяся словами: – Да, я 10 лет жил в самом безобразном разврате, мечтая о чистой, возвышенной любви, даже во имя ее. Да, я хочу рассказать, как я убил свою жену, и, чтобы рассказать это, должен рассказать, как я развратился. Я убил ее прежде, чем я ее знал, я убил женщину в первый раз, когда не любя познал ее, и тогда уже убил жену свою.

Стр. 17, строка 28.

Вместо: – Да-с, только перемучавшись, как я перемучался, – в лит. ред.: – Да-с, только перестрадав, перемучавшись, как я перемучался,

Стр. 17, строка 29.

После слов: где корень всего, – в лит. ред.: понял себя, свой и наш общественный грех.

Стр. 17, строка 32.

Вместо: эпизоду. – в лит. ред.: несчастью.

Стр. 18, строка 1.

После слов: Я мучался, – в лит. ред.: – наверное, и вы мучались,

Стр. 18, строки 5–6.

После слов: человеческое существо. – в лит. ред.: Я бы мог еще спастись.

Стр. 18, строка 6.

Вместо: Но вот – в лит. ред.: И вот

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Стр. 18, строка 10.

Вместо: пятнадцатилетний – в лит. ред.: 16-ти летний

Стр. 18, строка 13.

Слов: Да и теперь никто не услышит. – в лит. ред. нет.

Стр. 18, строка 14.

Вместо: есть это в заповеди, – в лит. ред.: было это в заповеди,

Стр. 18, строка 26.

Вместо: попечительное правительство – в лит. ред.: правительство

Стр. 18, строки 27–28.

Вместо: обеспечивает разврат для гимназистов. – в лит. ред.: обеспечивает разврат для нас, для гимназистов.

Стр. 18, строка 36.

После слова: Они. – в лит. ред.: Кто развращает женщин, научая и придумывая средства не рожать?

Стр. 18, строки 36–37.

Вместо: А потом с ужасной важностью лечат сифилис. – в лит. ред.: Кто лечит сифилис с восторгом? Они.

Стр. 18, строка 39.

Вместо: – А оттого, что если бы 0,01 тех усилий, – в лит. ред.: А вот оттого, что лечить сифилис – всё равно, что обеспечивать разврат, всё равно, что воспитательный дом для младенцев.

– Нет, но всё-таки...

– Да, только 0,01 этих усилий,

Стр. 19, строки 20–21.

Вместо: – Да-с, естественное, простое отношение к женщине было погублено – в лит. ред.: Да-с, отношения к женщине были погублены

Стр. 19, строка 34.

Слов: и это-то и погубило меня. – в лит. ред. нет.

Стр. 19–22.

Главе V в лит. ред. соответствует глава VI до слов: – Нет, впрочем так лучше.

Стр. 20, строка 3.

Вместо: когда мы, бывало, – в лит. ред.: когда мы

Стр. 20, строка 8.

После слов: эмблема чистоты – прелесть! – в лит. ред.: О! о мерзость! Да придет же время, что обличится эта мерзость и ложь.

Стр. 20, строки 9–30.

Слов: Ведь вы подумайте, что бы должно было быть и что есть. кончая: в которой мы сидели. – в лит. ред. нет.

Стр. 20, строки 33–34.

Вместо: приглядывался к подходящей для этой цели девушке, – продолжал он. – в лит. ред.: приглядывался к подходящим для этой цели девушкам.

Стр. 20, строки 39–40.

После слов: разорившегося пензенского помещика. – в лит. ред.: По правде сказать, без ложной скрытности, меня ловили и поймали. Мамаша – папаша не было – устраивала всякие ловушки, и одна – именно катание на лодках – удалась.

Стр. 21, строка 1.

Вместо: В один вечер, – в лит. ред.: Я решил в один вечер,

Стр. 21, строки 10–15.

Слов: Удивительное дело, кончая: что она чудо как умна и нравственна. – в лит. ред. нет.

Стр. 21, строки 16–17.

Вместо: она верх нравственного совершенства, – в лит. ред.: она верх совершенства,

Стр. 21, строка 18.

После слов: сделал предложение. – в лит. ред.: – Нет, как хотите, а мы живем по уши в таком омуте лжи, что если нас не треснет по голове, как меня, мы не можем опомниться.

Стр. 21, строки 21–22.

Вместо: не был бы женат уже раз десять, а то и сто или тысячу, как Дон-Жуан, прежде брака. – в лит. ред.: не был бы женат уже раз десять прежде брака.

Стр. 21, строки 32–33.

Вместо: их не дают в руки, главное, тем, кому нужнее всего это знать, – девушкам. – в лит. ред.: их не дают в руки девушкам.

Стр. 21, строки 33–36.

Вместо: Сначала притворяются перед девушками кончая: что этого распутства совсем нет. – в лит. ред.: Все перед девушками, а наконец и сами перед собой притворяются, что то, что наполняет половину жизни наших городов и деревень даже, т. е. распутство, как удовольствие жизни, в котором все принимают участие, что этого нет.

Стр. 21, строки 36–38.

Вместо: Потом так приучаются к этому притворству, кончая: в нравственном мире. – в лит. ред.: И притворяются так старательно, что наконец сами начинают верить.

Стр. 22, строки 6–8.

Вместо: И отчего она не бросила!.. кончая: еще глоток чаю. – в лит. ред.: И какое бы это было счастье для нас! – Он помолчал.

Стр. 22–23.

Главе VI в лит. ред. соответствует вторая половина главы VI, от слов: – Нет, впрочем так лучше,

Стр. 22, строки 13–14.

Вместо: знают это прекрасно. – в лит. ред.: знают это.

Стр. 22, строка 37.

После слов: Ведь если откинуть только – в лит. ред.: те условные разъяснения, почему и для чего это делается, главное, откинуть

Стр. 23, строка 1.

После слов: на жизнь наших высших – в лит. ред.: да и низших

Стр. 23, строки 11–12.

Вместо: обтягивание выставленного зада, – в лит. ред.: обтягивание зада,

Стр. 23, строка 18.

Глава VII в лит. ред. начинается после слов: Да, так вот меня эти джерси и локоны и нашлепки поймали.

Стр. 23, строки 23–27.

Вместо: Удивляйтесь, не удивляйтесь, кончая: как вон та барыня. – в лит. ред.: Мужчины нашего мира содержатся и кормятся, как случные жеребцы. Стоит ведь только придержать спасительный клапан, т. е. развратному молодому человеку пожить немного времени воздержанной жизнью, и тотчас же получится страшное беспокойство и возбуждение, которое, проходя через призму искусственных условий нашей общественной жизни, выражается влюблением. Все наши любви и браки, все большую часть обусловлены пищей. Вы удивляетесь? А надо удивляться, как мы не видим этого.

Стр. 23, строка 28.

Вместо: Да-с, около меня – в лит. ред.: Около меня

Стр. 23, строка 29.

Вместо: Обыкновенная пища малого из крестьян – в лит. ред.: Обыкновенную пищу малого из крестьян вы знаете:

Стр. 24, строки 1–2.

Вместо: которое, проходя через призму, кончая: иногда даже платоническим. – в лит. ред.: которое, если его перегнуть через призму романов, повестей, стихов, музыки, через праздную, роскошную обстановку нашей жизни, – и будет влюбление самой чистой воды. Иногда даже платоническое влюбление.

Стр. 24, строки 4–7.

Вместо: любовь была произведением кончая: катаний на лодках, – в лит. ред.: любовь была устроена мамашей и портнихами. Не будь катаний на лодке,

Стр. 24, строки 9–13.

Вместо: а будь я, с другой стороны, кончая: ничего бы этого не было. – в лит. ред.: я бы не влюбился, и меня бы не поймали.

Стр. 24, строки 15–18.

Вместо: – Ну, а тут так подошло: кончая: так и устраиваются, как капканы. – в лит. ред.: – Заметьте еще лганье мира. Это то, каким образом устраиваются наши браки.

Стр. 24, строки 20–21.

Вместо: Так и делалось в старину. – в лит. ред.: Ан нет! Тут начинается новое лганье. В старину

Стр. 24, строка 21.

Вместо: родители устраивали брак. – в лит. ред.: ее родители, знающие больше жизнь, не увлекающиеся влюблением минутным, а вместе с тем любящие ее не меньше себя, часто родители устраивали брак.

Стр. 24, строки 31–33.

Вместо: и очень довольны, кончая: – хлоп, тут и есть! – в лит. ред.: И толкуем о правах женщин, о свободе, которая как то приобретается на курсах.

Стр. 24, строка 38 – стр. 25, строка 1.

Вместо: женщина или раба на базаре или привада в капкан. – в лит. ред.: женщина – раба на базаре, и так как она не может соглашаться быть рабой, не может и сама делать предложение, то вот и начинается эта еще другая и безобразнейшая ложь, которая иногда называется «выезжать в свет», иногда – «веселиться», которая есть не что иное, как ловление женихов.

Стр. 25, строки 11–12.

Слов: А на лодках!..» – в лит. ред. нет.

Стр. 25, строки 13–14.

Слов: – О, мерзость! ложь! – заключил он и, допив последний чай, принялся убирать чашки и посуду. – в лит. ред. нет.

Стр. 25, строки 16–17.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Вместо: – Да вы знаете, – начал он, укладывая в мешок чай и сахар, – в лит.
ред.: – Вы знаете, вдруг перебил он,

Стр. 25, строки 19–21.

Вместо: – Права, преимущества прав на стороне мужчин.

– Да, да, это, это самое, – перебил он меня. – в лит. ред.: – Все плачутся на то, что они не имеют прав, что они задавлены.

– Это, это самое, – подхватил он.

Стр. 26, строки 13–14.

Вместо: бесполезные украшения, экипажи, мебель, игрушки на женщин. – в лит.
ред.: бесполезные украшения на женщин.

Стр. 26, строки 21–22.

Вместо: что мужчина не может спокойно обращаться – в лит. ред.: что молодой человек, да и старый, не может спокойно обращаться

Стр. 26, строка 22.

После слов: спокойно обращаться с женщиной. – в лит. ред.: Посмотрите в праздник в народе и на наших вечерах и балах; женщина знает, как она действует, это вы можете видеть в ее торжествующей улыбке. И вот

Стр. 26, строки 22–23.

Вместо: Как только мужчина подошел – в лит. ред.: как только молодой человек подошел

Стр. 26, строки 24–25.

Вместо: разряженную даму в бальном платье, – в лит. ред.: разряженную женщину и бабу в красном платке с подкладными юбками и нашу даму в бальном платье;

Стр. 26, строка 30.

Слов: Да, вы смеетесь! – закричал он на меня, – в лит. ред. нет.

Стр. 26, строки 35–36.

Вместо: которые допускаются для женщин в нашем обществе. – в лит. ред.: которые допускаются нашими женщинами.

Стр. 26, строки 38–40.

Слов: Отчего азартная игра запрещена, а женщины в проституточных, вызывающих чувственность нарядах не запрещены? Они опаснее в тысячу раз! – в лит. ред. нет.

Стр. 27, строки 4–5

Вместо: представлял тоже верхом совершенства. – в лит. ред.: представлял таким же совершенным человеком.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Стр. 27, строки 35–36.

Вместо: – всё это только подробности, сопутствующие таинству. – в лит. ред.: всё это подробности дела, освященного таинством.

Стр. 27, строки 37–38.

Вместо: который не только не верит кончая: некоторое обязательство, – в лит. ред.: который не то что верит в таинство (верить или не верить в это не важно), но не верит в то, что он обещает,

Стр. 28, строка 2.

Слов: при всяком удобном случае, – в лит. ред. нет.

Стр. 28, строка 6.

Слов: выходит, что дело то всё только в этом. – в лит. ред. нет.

Стр. 28, строка 8.

Вместо: обставляют эту продажу известными формальностями. – в лит. ред.: обставляют эту продажу самым приятным образом.

Стр. 28, строки 10–12

Вместо: и начался хваленый медовый месяц. Ведь название-то одно какое подлое! – с злобой прошипел он. – в лит. ред.: И если бы только знали молодые люди, мечтающие о медовом месяце, какое это разочарование! И всегда разочарование. Но почему-то все считают нужным скрывать это.

Стр. 28, строки 25–26.

Вместо: неловко, стыдно, – в лит. ред.: Восторгов медового месяца нет никаких, а, напротив, неловко, стыдно,

Стр. 28, строки 27–29.

Вместо: что я испытывал, кончая: что мне очень приятно. – в лит. ред.: что испытывает юноша, когда приучается курить, когда его тянет рвать, и текут слюни, и он глотает их, делая вид, что ему очень приятно.

Стр. 28, строки 37–38.

Вместо: Да, совершенно не.. естественно. Спросите у детей, спросите у неразвращенной девушки. – в лит. ред.: И это убедился я, испорченный, развращенный человек. Что же бы было, если бы я не был развращенный человек? Для девушки, для всякой неразвращенной девушки это в высшей степени неестественно, точно для детей.

Стр. 29, строка 9.

После слов: всегда ненавидит это. – в лит. ред.: Девушка чистая желает одного – детей. Детей – да, но не мужа.

Стр. 29. строка 10.

Вместо: – Как же, – сказал я, – в лит. ред.: – Как же, – сказал я с удивлением,
Страница 186

Стр. 29, строка 12–стр. 31, строка 20.

Вместо: – Да, вот как бы не погиб род человеческий! кончая: а именно – и главное – к своей жене. – в лит. ред.:

– Да зачем же ему продолжаться? – неожиданно возразил он.

– Как зачем? Иначе бы нас не было.

– Да зачем нам быть?

– Как зачем? Да чтобы жить.

– Зачем жить? Ведь Шопенгауеры, Гартманы, да и все Буддисты утверждают, что благо в том, чтобы не жить. И они правы в том, что благо человеческое совпадает с самоуничтожением. Только они не так выражаются: они говорят, что роду человеческому надо уничтожиться, чтобы избавиться от страданий, что цель его – самоуничтожение. Это неправда. Цель человечества не может быть избавление от страданий через самоуничтожение, потому что страдания есть последствия деятельности: цель деятельности не может состоять в уничтожении ее последствий. Цель как человека, так и человечества, – благо. Для достижения же блага человечеству дан закон, который оно должно исполнять. Закон же в единении людей. Мешают этому единению страсти. Из страстей самая сильная и злая – половая, плотская любовь, и потому если уничтожатся страсти и последняя, самая сильная из них – плотская любовь, то единение совершится, человечество исполнит свой закон, и ему незачем будет жить.

– Ну, а пока не исполнит?

– Ну вот и дан спасительный клапан. Признак неисполненного закона есть присутствие плотской любви. А как только есть плотская любовь, так вследствие именно ее и является новое поколение, в котором может осуществиться закон. Не осуществило и то, опять следующие – до тех пор, пока осуществится всё. Когда же осуществится, тогда вследствие этого самого осуществления и сам собою уничтожится род человеческий, по крайней мере мы не можем себе представить жизни или той жизни, которую мы знаем, при условии полного единения людей.

XII

– Странная теория, сказал я.

– Что тут странного? По всем учениям церковным придет конец мира, по всем учениям научным неизбежно то же самое. Так что же странного, что по учению нравственному выходит то же самое? «Могущие вместить – да вместят», сказал Христос. И я прямо понимаю это, как он сказал. Для того чтобы между людьми была нравственность в половом отношении, нужно, чтобы целью они себе ставили полное целомудрие. Стремясь к целомудрию, человек падает; падет, и будет брак нравственный; но если человек, как в нашем обществе, стремится уже прямо к плотской любви, то хотя бы он облек ее и в мнимо-нравственную форму брака, будет только разрешение на разврат с одной, будет всё-таки безнравственная жизнь, та, в которой я погиб и ее погубил и которая у нас называется нравственной семейной жизнью. Вы заметьте, какое у нас извращение понятий, когда самое счастливое положение для человека – свобода, безбрачие считается чем то жалким, смешным. Высший идеал, лучшее положение женщины – быть чистой, весталкой, девственницей – есть страх и посмешище в нашем обществе. Сколько и сколько молодых девушек приносит в жертву свою чистоту этому Молоху мнения, выходя замуж за негодяев, только бы не остаться девой, т. е. высшим существом. Из страха, что она будет находиться в высшем положении, она губит себя.

Ну, я тогда не понимал этого, не понимал того, что слова Евангелия о том, что смотрящий на женщину с вожделением уже прелюбодействовал с нею, относятся не к одним чужим женам, а именно и главное – к своей жене. Я не понимал этого и думал, что этот медовый месяц и мои поступки в этот медовый месяц были самые прекрасные, что удовлетворить похоть с своей женой есть нечто вполне хорошее.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Стр. 31, строки 22–24.

Слов: – В нашем же мире кончая: воздержание уже не нужно. – в лит. ред. нет.

Стр. 31, строки 24–25.

Вместо: Ведь эти отъезды после свадьбы, – в лит. ред.: Вы поймите, что ведь эти отъезды,

Стр. 31, строки 27–29.

Вместо: Но нравственный закон сам за себя оплачивает, кончая: ничего не выходило. – в лит. ред.: Я тогда не видел в этом ничего дурного или стыдного и, ожидая себе великих радостей, стал проводить медовый месяц. И, разумеется, ничего не выходило.

Стр. 31, строка 29.

После слов: ничего не выходило. – в лит. ред.: Но я верил в медовый месяц и во что бы то ни стало старался устроить его себе. Но чем больше я усиливался, тем меньше выходило.

Стр. 32, строка 1.

Вместо: промолчал о матери. – в лит. ред.: промолчал о родителях.

Стр. 32, строка 2.

Вместо: а мать была только отговорка. – в лит. ред.: а родители была только отговорка.

Стр. 32, строки 2–6.

Вместо: Но она тотчас же обиделась кончая: выразилось раздражение, – в лит. ред.: Она не слушала меня, тогда я упрекнул ее в капризе и что-то подтрунил над ее печалью, и вдруг слезы исчезли,

Стр. 32, строки 8–9.

Вместо: Всё лицо ее выражало полнейшую холодность, кончая: увидав это. – в лит. ред.: Всё лицо ее выражало одну злобу, и злоба эта была направлена на меня. Не могу передать того ужаса, который я испытал, увидав это.

Стр. 32, строка 10.

Вместо: вместо этого вот что! – в лит. ред.: вместо этого ненависть ко мне! Ко мне? Что это такое? за что?

Стр. 32, строка 22.

После слов: один через другого, – в лит. ред.: два друг другом хотящие воспользоваться люди.

Стр. 32, строки 22–26.

Вместо: Я называл ссорой то, кончая: враждебное отношение – в лит. ред.: То, что я называл ссорой, было наше действительное отношение друг к другу, обнаруживавшееся при прекращении чувственности. Я тогда не понимал, что это

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
холодное и враждебное отношение

Стр. 32, строка 33.

Вместо: наступил опять период – в лит. ред.: наступил еще период

Стр. 32, строка 34.

Вместо: произошла опять ссора. – в лит. ред.: произошла вторая ссора.

Стр. 32, строки 34–35.

Вместо: Вторая ссора эта поразила – в лит. ред.: Вторая ссора поразила

Стр. 32, строка 36.

После слов: не была случайностью, – в лит. ред.: ошибкой,

Стр. 33, строки 8–9,

Вместо: поразившую меня жестокою, холодную враждебность. – в лит. ред.: поразившую меня ненависть.

Стр. 33, строка 14.

Вместо: что это не случайность, – в лит. ред.: что это не ошибка,

Стр. 33, строки 15–20.

Вместо: и я ужаснулся тому, кончая: так же, как я, думают, – в лит. ред.: я уже не ужасался, а только удивлялся одному – почему я именно, я один только так дурно, непохоже на то, что я ожидал, живу с женой, почему этого нет между другими супругами? Я не знал еще тогда, что со всеми супружествами то же самое, но что все, так же как и я, думают,

Стр. 33, строки 22–23.

После слов: сами себе не признаются в этом, – в лит. ред.: Так было и со мной.

Стр. 33, строка 35.

После слов: достаточных поводов. – в лит. ред.: Как это бывает у весело смеющейся молодежи, не успевающей придумывать смешное, чтобы смеяться, и смеющейся своему смеху, так мы не успевали придумывать повода для своей ненависти и ненавидели друг друга просто оттого, что в душе была ненависть друг к другу.

Стр. 33, строки 37–38.

Вместо: ох! гадко и теперь вспомнить – в лит. ред.: всегда с ужасом вспоминаю

Стр. 34, строки 2–6.

Вместо: Взошли два пассажира кончая: – Ведь что главное поганно, – начал он, – в лит. ред.: – Все, все, и мужчины и женщины, все мы воспитаны в каком то благоговении к тому чувству, которое у нас принято называть любовью. Я с детства готовился влюбляться и влюблялся и всю молодость влюблялся и радовался, что

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
влюблен. Мне было внушено, что это самое благородное и возвышенное в мире
занятие – быть влюбленным. Ну, вот наконец приходит это ожидаемое чувство,
человек отдается ему. Но тут и обман:

Стр. 34, строки 6–7.

Вместо: предполагается в теории, что любовь есть нечто идеальное, возвышенное, –
в лит. ред.: предполагается в теории любовь идеальная, возвышенная,

Стр. 34, строка 12.

После слов: что мерзкое и стыдное – прекрасно и возвышенно. – в лит. ред.: Буду
грубо, коротко говорить.

Стр. 24, строка 28.

Слов: на суде у меня спрашивают, чем, как я убил жену. – в лит. ред. нет.

Стр. 34, строка 30.

Вместо: а гораздо раньше. – в лит. ред.: а гораздо прежде.

Стр. 34, строка 32–стр. 35, строка 16.

Вместо: – Да чем же? – спросил я. кончая: И сил не может хватить. – в лит. ред.:
Вы поймите, в нашем мире существует разделяемый всеми взгляд на то, что женщина
дает мужчине наслаждение (и обратно, вероятно, но я этого не знаю, я свое знаю),
Wein, Weiber und Gesang, и так в стихах поэты говорят. Женщина с вином и
песнями. Да что! возьмите всю поэзию, всю живопись, скульптуру, начиная с ножек
Пушкина и голых Венер и Фрин, вы видите, что женщина есть орудие наслаждения:
она такова на Трубе, на Грачевке и на придворном бале. И заметьте хитрость
дьявола: ну, гадость, так так бы и знать, что гадость, что женщина сладкий
кусочек. Нет, сначала рыцари уверяют, что они боготворят женщину (боготворят, а
всё-таки смотрят на нее как на орудие наслаждения). Теперь же уверяют, что
уважают женщину, одни уступают ей место, поднимают ей платки, другие признают ее
права на занимание всех должностей, на участие в правлении и т. д. Это всё
делают, а взгляд на нее всё тот же. Она – орудие наслаждения. Тело ее есть
средство наслаждения. И она знает это. Всё равно, как рабство. Рабство ведь есть
не что иное, как пользование одних трудами многих. И потому, чтобы рабства не
было, надо, чтобы люди не желали пользоваться трудами других, считали бы это
грехом или стыдом. А между тем возьмут, отменят внешнюю форму рабства, устроят
так, что нельзя больше совершать купчих на рабов, и воображают и себя уверяют,
что рабства уже нет, и не видят и не хотят видеть того, что рабство продолжает
быть, потому что люди точно так же любят и считают хорошим и справедливым
пользоваться трудами других. А как скоро они считают это хорошим, то всегда
найдутся люди, которые сильнее или хитрее других, и сумеют это сделать. То же и
с эмансипацией женщины. Рабство женщины ведь только в том, что люди желают и
считают очень хорошим пользоваться ею как орудием наслаждения. Ну, и вот
освобождают женщину, дают ей всякие права, равные мужчине, но продолжают
смотреть на нее как на орудие наслаждения, так воспитывают ее и в детстве и
общественным мнением. И вот она всё такая же приниженная, развращенная раба, а
мужчина всё такой же развращенный рабовладелец. Да, как для уничтожения рабства
нужно, чтобы общественное мнение считало бы позором пользование трудами других
людей для своего удовольствия, так и для освобождения женщины нужно, чтобы
общественное мнение считало позорным воззрение на женщину как на орудие
наслаждения. Эмансипация женщины – не на курсах и не в палатах, а в спальне. Да,
борьба с проституцией не в домах терпимости, а в семьях. Освобождают женщину на
курсах и в палатах, а смотрят на нее как на предмет наслаждения. Научите ее, как
она научена у нас, смотреть так на самую себя – и она всегда останется низшим
существом. Или она будет с помощью мерзавцев докторов предупреждать зарождение
плода, т. е. будет вполне проститутка, спустившаяся не на ступень животного, но
на ступень вещи, или она будет то, что она есть в большей части случаев, –
больной душевно, истеричной, несчастной, какие они и есть без возможности

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
духовного развития.

– Да отчего же? – спросил я.

– Вот это то и удивительно, что никто не хочет знать того, что так ясно и очевидно, того, что должны знать и проповедывать доктора, но про что они молчат. Мужчина хочет наслаждаться и знать не хочет закона природы – детей, но дети являются и становятся препятствием для постоянного наслаждения, и желающему только наслаждаться мужчине приходится выдумывать средство обходить это препятствие. И вот придумали три обхода. Один – по рецепту мерзавцев – сделать жену уродом, тем, что всегда составляло и должно составлять несчастье женщины – бесплодной; тогда он может спокойно и постоянно наслаждаться; другой – многоженство, не честное, как магометанское, а подлое, наше европейское, исполненное лжи и обмана; третий обход – даже не обход, а простое, грубое, прямое нарушение законов природы, которое совершают все мужья в народе и большинство мужей в так называемых честных семьях. Так жил и я. Мы не дошли ни до Европы, до Парижа, до «Zwei Kinder-System»[45], ни до Магомета и своего ничего не придумали, потому что вовсе и не думали об этом. Чую, что что-то скверное и в том и в другом, и хотим иметь семью, но дикий взгляд на женщину тот же, и потому выходит еще хуже.

Женщина должна быть у нас и беременной и любовницей, и кормилицей и любовницей. А сил не может хватить.

Этот текст лит. ред. часто буквально или почти буквально покрывается текстом, входящим в главы XIII и XIV окончательного печатного текста.

Стр. 35, строка 18.

Вместо: у девушек, у чистых, нет кликушества, – в лит. ред.: у девок нет кликушества,

Стр. 35, строки 19–22.

Вместо: Так у нас. кончая: полон мир. – в лит. ред.: Ясно отчего, и вот от этого упадок духовный и нравственный женщины и ее принижение.

Стр. 35, строки 23–24.

Вместо: когда она понесла плод или когда кормит родившегося ребенка. – в лит. ред.: когда она носит или кормит.

Стр. 36, строки 4–5.

Вместо: развенчаются эти волхвы – в лит. ред.: развенчаются эти мерзавцы

Стр. 36, строки 20–22.

Слов: Да-с, да-с, – повторил он кончая: желая несколько успокоиться. – в лит. ред. нет.

Стр. 36, строка 24–25.

Вместо: – Вот такой-то свиньей я и жил, – продолжал он опять прежним тоном. – Хуже же всего было то, – в лит. ред.: – Да, много хуже животного человек, если он живет не по-человечески. И таким я был. Что же было всего хуже, это то,

Стр. 36, строка 27.

Вместо: что поэтому я живу – в лит. ред.: что я живу

Стр. 36, строка 35–стр. 38, строка 20.

Вместо: Толкуют о каком-то новом женском образовании, кончая: Так это было и будет. – в лит. ред.: Как часто приходится слышать и читать суждения о неправильности женского воспитания и о том, как следует изменить его. Но всё это пустые слова. Воспитание женщины вытекает из истинного, а не притворного взгляда людей на призвание женщины. По существующему в нашем обществе взгляду – призвание женщины, главное, в том, чтобы давать наслаждение мужчине, и такое и дается ей воспитание. Смолоду она обучается только тому, чем она может увеличить свою привлекательность. И всякая девушка приучается думать только об этом. Как крепостные были воспитываемы так, чтобы уметь угождать господам, и это не могло быть иначе, так и все они, наши женщины, воспитываемы так, чтобы уметь привлекать к себе мужчин, и это не может быть иначе. Но вы скажете, может быть, что это касается только дурно воспитанных девушек, то, что у нас принято презрительно называть барышней, и что есть другое, серьезное воспитание – гимназия – даже классическая, акушерство, медицинские и высшие курсы. Это неправда. Всякие, какие бы то ни были женские воспитания имеют в виду только пленение мужчин. Одни пленяют музыкой и локонами, а другие ученостью и гражданской доблестью. Цель-то одна и не может быть не одна, потому что другой нет, цель – прельстить мужчину, чтобы овладеть им. Можете вы себе представить женские курсы и ученость женскую без мужчин, т. е. что они будут учены, но мужчины не будут знать про это? Я не могу. Никакое воспитание, никакое образование не может изменить это до тех пор, пока высший идеал женщины будет брак, а не девство и свобода от чувственности. До тех пор она будет рабой.

Ведь стоит подумать только, забыв про их всеобщность, те условия, в которых воспитывается наша барышня, чтобы не то что удивляться тому разврату, который царствует среди женщин наших обеспеченных классов, но чтобы удивляться обратному, как еще так мало этого разврата. Ведь вы подумайте только: с раннего детства наряды, украшение себя, чистота, грация, танцы, музыка, чтение стихов, романов, пение, театры, концерты в наружном и внутреннем употреблении, т. е. слушают или сами играют. При этом полнейшая физическая праздность и холя для тела и самая сладкая и жирная пища. Ведь мы только не знаем этого, потому что всё это шито и крыто, что переживают эти несчастные девушки от возбуждения чувственности, из 10–9 мучаются и страдают невыносимо в период первой зрелости и потом, если за 20 лет не выходят замуж. Ведь это мы только хотим не видеть, но у кого глаза есть, тот видит, что большинство этих несчастных так возбуждены этой скрытой (хорошо, как еще скрытой) чувственностью, что они ничего не могут делать, они оживляются только в присутствии мужчин. Вся жизнь их проходит в приготовлениях к кокетству и в кокетстве. При мужчинах они оживляются через край, начинают жить чувственной энергией, но стоит уйти мужчине – и вся энергия падает, и жизнь кончается. И это не то, что известный мужчина, а всякий. Только бы они не были совсем отвратительны. Вы скажете: это исключение. Нет, это правило. Только в одних девушках это проявляется сильнее, в других – слабее, но все они не живут вполне своею жизнью, а только в зависимости от мужчин. Пока же этого нет, все они одинаковы и не могут не быть одинаковыми, потому что для всех их привлечение к себе как можно больше мужчин есть высший идеал как их девичьей, так и замужней жизни. И от этого у них нет чувства сильнее этого женского не скажу тщеславия, но животной потребности всякой самки привлекать к себе как можно больше самцов с тем, чтобы иметь возможность выбора.

Стр. 38, строки 20–21.

Вместо: Так это в девичьей жизни в нашем мире, – в лит. ред.: Так это в девичьей жизни,

Стр. 38, строка 24.

Вместо: подавляет на время это, – в лит. ред.: подавляет на время это стремление –

Стр. 38, строка 37.

Вместо: в это самое время – в лит. ред.: в это время

Стр. 38, строка 39.

Вместо: это женское кокетство. – в лит. ред.: это самое женское кокетство.

Стр. 38, строка 40–стр. 39, строка 3.

Вместо: которые не переставая терзали кончая: т. е. безнравственно. – в лит. ред.: которые я испытывал и прежде, но только в гораздо меньшей степени.

Стр. 39.

Глава XV в лит. ред. начинается со следующего текста отсутствующего в окончательной редакции:

XV

– Да, ревность – это еще один из всем известных и от всех скрываемых секретов супружества. Кроме общей причины ненависти друг к другу супругов, заключающейся в соучастии осквернения человеческого существа, и еще других причин, источник постоянной грызни супругов между собой есть еще взаимная ревность. Но по взаимному соглашению решено скрывать это от всех, и так и скрывается. Зная это, каждый про себя предполагает, что это только его несчастная особенность, но не общий удел. Так было и со мной. Оно так и должно быть. Ревность не может не быть между супругами, безнравственно живущими между собой. Если они оба не могут пожертвовать своим удовольствием для блага своего ребенка, то оба справедливо заключают, что они никак не пожертвуют своим удовольствием для – не скажу – блага или спокойствия (потому что можно грешить так, что не узнают), а только для добросовестности. Каждый хорошо знает про другого, что сильных нравственных препятствий для измены нет ни у того ни у другого, знают это потому, что друг с другом нарушают нравственные требования, и потому они не верят друг другу и карают друг друга.

Ох, какое это ужасное чувство – ревность! Я не говорю о той настоящей ревности, которая имеет хоть какое-нибудь основание: эта ревность настоящая мучительна, но она имеет и обещает исход; но я говорю о той бессознательной ревности, которая неизбежно сопутствует всякому безнравственному супружеству и которая, не имея причины, не имеет и конца. То – нарыв зубной, а это – один зуб болит своей костяной неподвижной болью день, ночь и опять день, ночь, и так без конца. Ревность эта ужасна, именно ужасна. Ревность это такая: молодой мужчина говорит с женой, улыбаясь смотрит на нее и, как мне кажется, оглядывает ее тело. Как он смеет думать про нее, думать про возможность романа с ней! И как она, видя это, может переносить это? Но она не только переносит, она, видимо, очень довольна. Даже я вижу, что она для него делает то, что она делает. И в душе поднимается такая ненависть к ней, что всякое слово, всякий жест ее – противен. Она замечает это и не знает, что ей делать, и начинает делать вид равнодушного оживления. А! я страдаю, а ей это – то и весело, она очень довольна! И ненависть удесяттерется, но не смеешь дать ей хода, потому что в глубине души знаешь, что настоящих поводов нет. И сидишь, притворяешься равнодушным, напускаешь на себя особенное внимание и учтивость к нему. Потом сам на себя сердисься и хочешь выдти из комнаты и оставить их одних и, действительно, выходишь. Но стоит выдти, и тебя охватывает ужас о том, что там без тебя делается. Входишь опять, придумывая предлог, а иногда не входишь, а останавливаешься у двери и подслушиваешь. Как она может так унижать себя и меня, ставя – кого же? – меня в такое подлое положение подозренья, подслушиванья! О мерзкая! О животное гадкое! А он, он! Он что ж? Он то, что все мужчины, что был я, когда не был женат. Ему это удовольствие. Он даже улыбается, глядя на меня, как будто говорит: «что же делать! теперь мой черед». Ужасно это чувство! Ядовитость этого чувства ужасна: стоило мне излить это чувство хоть раз на какого-нибудь человека, стоило раз заподозрить человека в замыслах на мою жену, и уже навеки этот человек был для меня испорчен, точно серной кислотой облит. Стоило мне хоть раз приревновать человека, и уже никогда я не мог восстановить к нему простых человеческих отношений. Навеки уж у меня с ним бегают мальчики в глазах, когда мы глядим друг на друга.

Жену же, которую я много и много раз обливал этой серной кислотой, этой ревнивой ненавистью, я уже всю изуродовал. В период этой моей безосновательной ревности к ней я всю ее развенчал, испозорив в моем воображении. Я придумывал все самые невозможные плутни с ее стороны. Я подозревал ее в том, что, совестно сказать, что она, как эта царица «Тысячи и одной ночи», изменяет мне с рабом почти на моих глазах, смеяться надо мною. Так что во всякий новый прилив ревности (я все говорю о безосновательной ревности) я впадал в прорытую уже прежде колею грязных подозрений о ней и все глубже и глубже прорывал эту колею. То же делала и она. Если я имел основания ревновать, то она, зная мое прошедшее, имела их в 100 раз больше. И она еще хуже ревновала меня. И страдания, испытываемые мною от ее ревности, были совсем другие и тоже очень, очень тяжелые. Это выражалось так: живем мы более или менее спокойно, я даже весел, доволен, вдруг начинается разговор о самом обыкновенном, и вдруг она не соглашается с тем, с чем всегда, бывало, соглашалась. Мало того, я вижу, она без всякой надобности раздражается. Думаю, что она не в духе или, точно, ей неприятно то, о чем говорим. Но начинается разговор о другом, и опять то же, опять цепляет, и опять раздражение. Я удивляюсь, ищу: что? отчего? Она молчит, отвечает односложно или говорит, очевидно намекая на что-то. Я начинаю догадываться, что причина та, что я прошел по саду с ее кухней, о которой я и думать не думал, или что-нибудь подобное. Я начинаю догадываться, но сказать это нельзя. Тем, что я скажу, я подтверждаю ее подозрения. Я начинаю допытываться, спрашивать. Она не отвечает, а догадывается, что я понимаю, и еще более утверждается в своих подозрениях.

– Что с тобой? – говорю я.

– Ничего. Я такая же, как всегда, – говорит она, а сама, как сумасшедшая, говорит бессмысленные, ничем необъяснимые злые вещи.

Терпишь иногда, но иногда прорвется, раздражишься, и тогда прорывается и ее раздражение, и выливается поток ругательств и какое-нибудь уличение тебя в воображаемом преступлении. И всё это доведенное до самой превосходной степени, с рыданиями, слезами, беганьем из дому в самые необычные места. Начинаешь искать. Совестно перед людьми, детьми, но делать нечего. Она в таком состоянии, что ты чувствуешь – она на всё готова. Бегаешь за ней, отыскиваешь. Проходят мучительные ночи. И оба с истерзанными нервами наконец, после самых жестоких слов и обвинений, наконец затихаем.

Стр. 39, строки 5–6.

Вместо: – Я во всё время моей женатой жизни никогда не переставал испытывать терзания ревности. – в лит. ред.: – Да-с, ревность, безосновательная ревность – это условие нашей развращенной брачной жизни, и я всё время моей женитьбы никогда не переставал испытывать ее и мучаться ей.

Стр. 39, строки 7–9.

Вместо: И один из таких периодов кончая: Я особенно ревновал в это время, во-первых, потому, – в лит. ред.: Это было два периода: один – это был после первого ребенка, когда доктора не велели кормить, а кормила кормилица, я особенно ревновал, во-первых, потому,

Стр. 39, строка 12.

Вместо: во-вторых, потому, что – в лит. ред.: главное же потому, что

Стр. 39, строка 19.

Вместо: особенно злое выражение голоса – в лит. ред.: особенно злое выражение лица и голоса

Стр. 39, строка 31.

Вместо: не может разродиться, – в лит. ред.: не может родить,

Стр. 40, строки 11–12.

Вместо: Я только говорил про то, что она прекрасно сама кормила детей, – в лит. ред.: Я говорил про то, что она прекрасно кормила детей,

Стр. 40, строки 12–15.

Вместо: и что это ношение и кормление детей кончая: она кормила сама. – в лит. ред.: и что это кормление и ношение детей, вообще дети умеряли мои муки ревности, но зато вызывали другого рода мучения.

Стр. 40, строки 16–36.

Слов: – Где же они теперь, ваши дети? кончая: я и то благодарен. – в лит. ред. нет.

Стр. 40, строка 38 – стр. 43, строка 33.

Вместо: – Вот вы напомнили про детей. кончая: Жена была чадолюбива и легковерна. – в лит. ред.:

Дети пошли скоро один за другим, и пошло всё то, что бывает в нашем мире с детьми и с докторами. Да-с, дети, материнская любовь к детям – это тоже мудреная вещь. Дети для женщины нашего мира – не радость, не гордость, не исполнение призвания, а страх, тревога, неперестающее страдание, казнь; они прямо так и говорят, так и думают, так и чувствуют. И дети для них точно мучение, не потому, что они не хотят рожать, кормить и ходить за ними, – они, женщины с сильным материнским инстинктом, к которым и принадлежала моя жена, готовы на это, – но потому, что дети могут болеть и умирать. Они не хотят рожать для того, чтобы не полюбить, а полюбив, не бояться за здоровье и жизнь ребенка. Для этого же они не хотят кормить. «Если буду кормить, – говорят они, – я слишком люблю его, а что как он умрет?» Оказывается, что им бы лучше было, если бы дети были гуттаперчевые, такие, которые не могли бы болеть и умирать, а такие, которых бы всегда можно было починить. Ведь что за путаница в головах и в сердцах этих несчастных! Ведь для чего делают мерзости, чтобы не рожать? Для того, чтобы не полюбить. Любовь, самое радостное состояние души, представляется опасностью. А отчего это? Оттого, что когда человек не живет по человечески, то ему много хуже животного. Ведь женщина наша не умеет смотреть на ребенка иначе, как только на удовольствие. Больно, правда, рожать, но зато ручки... Ах, ручки! Ах, ножки!.. Ах, улыбается! Ах, всё тельце! Ах и чмокает, икает! Одним словом, животное материнское чувство – чувственность. Мысли же о том таинственном значении появления нового человеческого существа, которое заменит нас, нет никакой. Нет того, что при крещении говорят и делают над ребенком. Ведь никто не верит в это, а между тем ведь это было не что иное, как напоминание о человеческом значении младенца. Это бросили, не верят, а ничем не заменили, и остались одни ленточки, кружева, ручки, ножки. Осталось то, что есть у животного. Но дело в том, что у животного нет воображения, нет предвидения, нет размышления, нет докторов, да, опять докторов. У курицы, у коровы – зачичкался цыпленок, теленок издохнет, она поквокчет, помычит и живет дальше. А у нас заболит ребенок – что такое? как лечить? где лечить? какого выписывать доктора? куда ехать? Ну, а если помер – где-же ножки, ручки? зачем всё это было? зачем эти мученья? Корова не спрашивает этого, и вот от этого дети – мученье. У коровы нет воображенья, и потому она не может думать того, как бы она могла спасти ребенка, если бы сделала то-то и то-то, и поэтому ее горе, сливающееся с физическим состоянием и продолжающееся определенно короткое время, есть состояние, а не горе, которое раздувается при праздности и сытости до отчаяния. У нее нет рассудка, который бы спрашивал, зачем это? Зачем перенесены были все страдания, зачем вся моя любовь, если они должны умереть? Нет рассуждения, которое говорило-бы, что впредь и не нужно рожать, а если родишь нечаянно, не нужно кормить и вообще не нужно любить, а то хуже. А так именно рассуждают наши женщины. И выходит, что когда человек не живет, как человек, то ему хуже животного.

– Да как же надо, по вашему, по человечески обращаться с детьми? – спросил я.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoye
– Как? Любить их человечески.

– Ну, что же? Разве матери не любят своих детей?

– Не любят по-человечески, почти никогда не любят и поэтому любят даже не по-собачьи. Ведь вы заметьте: курица, гусыня, волчица – всегда будут для женщины недосыгаемыми образцами животной любви. Редкая женщина бросится с опасностью жизни на слона отбивать у него своего ребенка, но ни одна курица, ни одна воробья даже не преминет броситься на собаку, и всякая отдает всю себя за детей, тогда как женщина редкая это сделает. Вы заметьте: женщине – человеку дана возможность воздержаться от физической любви к детям, чего не дано животному. Что же, разве это оттого, что женщина ниже животного? Нет, оттого, что она – выше (да и выше неправильно: не выше, а женщина – другое существо), у нее другие обязанности – человеческие, она может воздержаться от животной любви, перенеся эту любовь на душу ребенка. Это-то и свойственно женщине-человеку, и этого-то никогда нет в нашем мире. Мы читаем про героинь-матерей, жертвовавших детьми во имя чего-то высшего, и нам кажется, что это только сказки из древнего мира, которые до нас не касаются. А между тем я думаю, что если у матери нет того, во имя чего она может пожертвовать животными чувствами к своему ребенку, если она эту духовную силу, не находящую приложения, перенесет на попытки делать невозможное, физически сохранить своего ребенка, в чем ей будут помогать доктора, то ей будет много хуже, и она будет страдать, как она страдает. Так было с моей женой. Один ли был ребенок или их было пятеро – это было всё равно. Даже лучше немножко, когда их стало пятеро. Вся жизнь была постоянно отравлена страхом за детей, действительными или воображаемыми болезнями детей и даже самым присутствием детей. Я по крайней мере всё время всей моей женатой жизни постоянно чувствовал, что жизнь моя со всеми моими интересами всегда висит на волоске и зависит от здоровья детей, состояния детей, от учения детей. Дети – важное дело, что говорить, но ведь надо всем жить! В наше же время большим уже жить нельзя. Правильной жизни для больших нет: вся жизнь семейная теперь всякую секунду висит на волоске, и жизни семейной, жизни супругов – нет. Какое бы у вас ни было для вас важное дело, если вы вдруг получаете известие, что Васю рвет или Лиза сходила кровью, всё мгновенно должно быть брошено, забыто, превращено в ничто. Всё ничтожно... Важны только доктора, клестир, температура. Не говоря уже о том, что никогда вы не начнете разговора, чтобы в самом интересном месте не прибежал Петя, с озабоченным видом спрашивая, можно ли есть яблоко или какую надевать курточку, или не пришла няня с ревущим ребенком. Правильной, твердой семейной жизни нет. Как вы живете, где живете, а потому и чем занимаетесь, всё это зависит от здоровья детей, а здоровье детей ни от кого не зависит, а благодаря докторам, которые говорят, что они могут помочь здоровью, ваша жизнь вся, всякую минуту может быть вся нарушена. Нет жизни. Это какая-то вечная опасность, спасенье от нее, вновь наступающая опасность, вновь отчаянные усилия и вновь спасение, постоянно такое положение, как на гибнущем корабле. Иногда мне казалось, что это нарочно делалось, что она прикидывалась беспокоящейся о детях для того, чтобы победить меня, так это заманчиво просто разрешало в ее пользу все вопросы. Мне казалось тогда, что всё, что она делала и говорила тогда, она говорила на мой счет, но теперь я вижу, что сама она, моя жена, мучалась и казнилась постоянно с детьми, с их здоровьем и болезнями. Это была пытка для нее и для меня тоже. Но кроме того, дети для нее были еще и средством забыться – пьянством. Часто я замечал, когда ей очень бывало тоскливо, ей легче становилось, когда заболел ребенок, и она могла уйти в это опьянение. Но опьянение было невольное. Ведь другого ничего не было. И со всех сторон внушалось, что вот у Екат. Сем. умерло двое, а у М. Н. доктор такой-то спас, а у тех сейчас разъехались по гостиницам и тоже спасли. Разумеется, доктора с значительным видом подтверждали всё это, поддерживали ее в этом. И она рада бы не бояться, но доктор сказал какое-нибудь словечко – заражение крови, скарлатина, а помилуй Бог, дифтерит, и всё пропало. И нельзя ведь иначе. Ведь если бы у них была, как в старину у женщин, вера, что Бог дал, Бог и взял, что ангельская душа к Богу идет, что ему, умершему ребенку, лучше умереть невинному, чем умереть в грехах и т. п., чему ведь верили же люди; если бы у них было что-нибудь подобное этой вере, то они могли бы переносить спокойнее болезни детей, а то ведь этого нет ничего, следа нет. Веры в это нет. А вера должна быть во что-нибудь, и вот они верят, нелепо верят в медицину, и не в медицину, а в докторов, – одна в И. И., другая в П. И. и, как верующие, не видят нелепости своей веры, верят *quia absurdum*. [46] ведь в самом деле, если бы они не верили бессмысленно, ведь видна же бы им была нелепость того, всего того, что предписывают эти разбойники. Скарлатина – заразительная болезнь, для этого надо в большом городе переезжать из своего дома в гостиницу половине семьи (мы так

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
два раза переезжали). Но ведь всякий человек в городе – это центр проходящих
через него бесчисленных диаметров, несущих нити всякой заразы, и преграды нет
никакой: хлебник, портной, извозчик, прачки. Так что я берусь для каждого
переехавшего из своего дома от известной ему заразы в другое место – в этом
другом месте найти столь же близкую другую или ту же заразу. Но этого мало. Все
знают богачей, после дифтерита в доме истребляющих всё и во вновь отделанных
домах заболевающих, и все знают десятки людей, вместе с больными не
заражающихся. Ну, да всё, ведь стоит только послушать. Одна говорит другой, что
ее доктор хороший. Другая отвечает: «Помилуйте, он уморил того-то и того-то». И
наоборот. Ну, приведите к барыне уездного доктора, она не поверит ему; привезите
в карете такого, который точно то же знает, по таким же книгам и опытам лечит и
скажет, что ему надо заплатить 100 рублей, – она поверит.

Всё дело в том, что наши женщины – дикие. Нет у них веры в Бога, и потому одни
верят в порчу, которую напускают злые люди, а другие – в доктора И. И. за то,
что берет дорого за визиты. Кабы была у них вера, так они бы знали, что
скарлатины и т. п. совсем не так страшны, потому что от них не может нарушиться
то, что может и должен любить человек – душа, а может произойти то, чего никто
из нас не может избежать – болезни и смерть. А то как нет веры в Бога, они и
любят только физически, и вся энергия их направлена на то, чтобы сохранить
жизнь, то, чего нельзя и что только доктора уверяют дураков и в особенности дур,
что они могут спасти. – Ну, и надо их звать.

Стр. 43, строки 34–36.

Вместо: Так что присутствие детей кончая: повод к раздору. – в лит. ред.: Так
что присутствие детей не только не улучшало наших отношений, не соединяло, а,
напротив, еще больше разъединяло нас.

Стр. 43, строки 37–39.

Вместо: дети были кончая: орудием борьбы; – в лит. ред.: дети были орудием
борьбы;

Стр. 44, строка 10.

Вместо: – Ну-с, так и жили. – в лит. ред.: – Жили сначала в деревне, потом в
городе. и далее отсутствующее в окончательном тексте: И если бы не случилось
того, что случилось, и я так же бы прожил еще до старости, я так бы и думал,
умирая, что я прожил хорошую жизнь, не особенно хорошую, но и не дурную, такую,
как все; я бы не понимал той бездны несчастья и той гнусной лжи, в которой я
барахтался, но чувствовал, что что-то не ладно. Чувствовал я, главное, то, что я
– мужчина, который по моим понятиям должен был властвовать, что я попал, как
говорят, под башмак и никак не могу из-под него выскочить. Главное, что держало
меня под этим башмаком, – это были дети. Я хотел подняться, утвердить свою
власть, но никак не выходило. У нее были дети и, опираясь на них, она
властвовала. Я не понимал тогда того, что ей нельзя было не властвовать, главное
потому, что она, выходя замуж, нравственно была несравненно выше меня, как и
всегда всякая девушка несравненно выше мужчины, потому что несравненно чище его.
Вы заметьте удивительную вещь: женщина наша, средняя женщина нашего круга –
большею частью очень плохое существо, без нравственных основ, эгоистка,
болтуня, самодурка, но девушка, рядовая девушка, молодая девушка до 20-ти лет –
большею частью прелестное существо, готовое на всё самое прекрасное и высокое.
Отчего это? Ясно, что это оттого, что мужья развращают, нравственно принижают
своих жен до своего уровня. В самом деле, если мальчики и девочки рождаются
одинаково, то всё-таки преимущество девушек огромно. Во-первых, девушка не
подвергается тем развращающим условиям, которым подвергаемся мы: у нее нет ни
курения, ни вина, ни карт, ни учебных заведений, ни товарищества, ни службы, а
во-вторых, и главное, – она плотски чиста. И потому девушка, выходя замуж,
всегда выше своего мужа. Она выше мужчины и девушкой и становясь женщиной в
нашем быту, где для мужчин нет необходимости непосредственного добывания
пропитания, становится большею частью и выше его по важности того дела, которое
она делает, когда начинает рожать и кормить. Женщина, рожая и кормя, ясно видит,
что дело ее более важно, чем дело мужчины, заседающего в земском собрании, в
суде, в Сенате. Она знает, что во всех этих делах важно одно – получить за это

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
деньги. Деньги же получить можно различными другими способами, и потому самое дело не есть несомненно необходимое, как кормление ребенка. Так что женщина непременно выше мужчины и должна властвовать над ним. Мужчина же нашего круга не только не признает этого, но, напротив, всегда смотрит на женщину с высоты своего величия, презирая ее деятельность.

Так моя жена презирала меня с моей земской деятельностью на основании того, что она рождает и кормит детей. Я же, поддерживаемый установившимися взглядами мужчин, я считал, что бабья возня: пеленки, сиськи, соски, соски, как я это шуточно называл, – есть деятельность самая презренная, над которой можно и должно подтрунивать. «Бабы там знают, как управиться». Так что кроме всех других причин, нас еще разделяло взаимное презрение.

Стр. 44, строки 16–24.

Вместо: что понять друг друга, кончая: был всегда свят перед нею. – в лит. ред.: что общения духовного нет и не может быть, и не делалось уже попыток. О самых простых вещах мы оставались неизменно каждый при своем мнении, не пытались даже убедить друг друга. С самыми посторонними лицами и я и она – мы говорили о разнообразных и задушевных предметах, но не между собой. Иногда, слушая, как она при мне говорила с другими, я говорил себе: «какова! и всё лжет!» И я удивлялся, как собеседник ее не видел, что она лжет.

Стр. 44, строка 30.

После слов: чтобы вспыхнуло раздражение. – в лит. ред.: Присутствие 3-го лица облегчало нас. Через 3-ье лицо мы еще кое-как общались. Она считала себя всегда совершенно, вероятно, правой передо мной, а уж я для себя был всегда свят перед нею в своих глазах.

Периоды того, что мы называли любовью, приходили так же часто, как и прежде, но они были грубее, голее, без всякого прикрытия. Но периоды эти были непродолжительны и тотчас сменялись периодами злобы без всякой причины, злобы, питаемой самыми непонятными предложениями.

Стр. 44, строка 38.

Вместо: возникали во мне – в лит. ред.: возникали

Стр. 45, строка 12.

Вместо: здоровьем детей. – в лит. ред.: и – главное – здоровьем детей.

Стр. 45, строки 12–18.

Вместо: У меня же было свое пьянство – кончая: не спала с ребенком». – в лит. ред.: Всё это были занятия, не вытекающие из прямой потребности, а относилась она к ним всегда так, что как будто жизнь ее и детей зависит от того, что пирожки к супу не будут подожены, что не будет повешена гардина, окончено платье, выучен урок и принято какое-то лекарство. Мне ясно было, что всё это было для нее – главное – средством забвения – пьянством, таким, каким для меня было пьянство службы, охоты, карт; правда, у меня было кроме этого в прямом смысле пьянство: табаком, которого я выкуривал пропасть, и вином, которым я не напивался, но которого я выпивал – перед едой водку, да за едой стакана два вина, так что постоянный туман застилал от нас неладность нашей жизни.

Эти новые теории гипнотизма, душевных болезней, истеричности – всё это не простая, а вредная, гадкая глупость. Про жену мою Шарко непременно бы сказал, что она была истерична, а про меня сказал бы, что я не нормален и, пожалуй, стал бы лечить. А лечить тут нечего было. Вся эта душевная болезнь наша происходила оттого, что мы жили безнравственно. От безнравственной жизни нам было больно, а чтобы заглушить эту боль, мы и делали различного рода ненормальные поступки, то самое, что эти доктора называют признаками душевной болезни, истеричностью. Лечение этих болезней не у Шарко, не у них. Никакими внушениями и бромами этого

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
вылечить нельзя, а надо ясно увидеть, отчего боль, – всё равно, как на гвоздь
сел: увидишь гвоздь, увидишь, что неправильно в твоей жизни, и перестанешь
делать, прекратится боль, и нечего будет заглушать. От неправильности нашей
жизни была боль: и мои муки ревности, моя раздражительность, моя потребность
поддерживания себя охотой, картами и – главное – вином и табаком в постоянном
состоянии опьянения. От этой же неправильности было: ее страстность отношения ко
всем занятиям, ее переменчивость настроения – то мрачность, то странная
веселость, ее болтливость – всё это вытекало из потребности постоянного
отвлечения внимания от себя самой, от своей жизни: постоянное опьянение
какими-нибудь делами, которые всегда бывали к спеху.

Стр. 45, строки 20–24.

Слова: И если бы не случилось того, что случилось, кончая: в которой я
барахтался. – в лит. ред. находятся в начале XVII главы, после слов: Жили
сначала в деревне, потом в городе.

Стр. 45, строка 25.

Вместо: А мы были – в лит. ред.: Мы были

Стр. 45, строки 33–34.

После слов: И вот является потребность переезда в город. – в лит. ред.: Так и с
нами случилось, и мы переехали в город.

Стр. 45, строка 36 – стр. 46, строка 8.

Вместо: Мы подходили к станции кончая: и всё это хочется сказать. – в лит. ред.:
Потом он выпил залпом оставшийся стакан чаю и продолжал.

Стр. 46, строка 28.

Вместо: но она с легкомысленным упорством – в лит. ред.: но она с легкостью, но
с упорством

Стр. 46, строки 37–39.

Слов: Или мы искусственно избегаемся кончая: Оправданий нет. – в лит. ред. нет.

Стр. 47, строки 7–8.

Вместо: И Марья Павловна и Иван Захарыч. – в лит. ред.: и М. П. и И. З.

Стр. 47, строки 19–22.

Вместо: Вид ее наводил беспокойство. кончая: запряженная лошадь, – в лит. ред.:
Вид ее наводил страх: в роде как застоявшаяся горячая запряженная лошадь,

Стр. 47, строка 24.

Слов: и мне было страшно. – в лит. ред. нет.

Стр. 47, строки 26–29.

Слов начала XIX гл.: Он вдруг приподнялся кончая: и опять сел против меня. – в
лит. ред. нет.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Стр. 47, строки 30–32.

Вместо: глаза жалкие кончая: закурив папироску. – в лит. ред.: глаза жалкие, совсем чужие, носу почти нет, и усы и борода поднялись к самым глазам, и рот стал огромный, страшный.

– Да-с, так

Стр. 48, строки 28–30.

Слов: Он опять повернулся к окну, кончая: продолжал:

– Да-с, – в лит. ред. нет.

Стр. 48, строка 40–стр. 49, строка 1.

Слов: Не он, так другой, это должно было быть. – Он опять замолчал. – в лит. ред. нет.

Стр. 49, строки 8–9.

Слов: Человек он был.... – в лит. ред. нет.

Стр. 49, строка 10.

После слова: воздержался – в лит. ред.: остановился

Стр. 49, строки 17–18.

Слов: как у готтентотов, говорят. Они, говорят, тоже музыкальны. – в лит. ред. нет.

Стр. 49, строка 18.

Вместо: Лезущий в фамильярность, – в лит. ред.: Приличный, знаете, лезущий в фамильярность,

Стр. 49, строка 20.

Вместо: с соблюдением внешнего достоинства – в лит. ред.: по с соблюдением внешнего достоинства

Стр. 49, строка 37.

Слов: т. е. мое свинство. – в лит. ред. нет.

Стр. 49, строки 37–38.

Вместо: всё произошло оттого, что между нами была та страшная пучина, – в лит. ред.: всё произошло оттого, что явился этот человек в то время, когда между нами была та страшная пучина,

Стр. 50, строка 6.

Вместо: живущие так, как я жил, – в лит. ред.: живущие на тех же основах брака, как я жил,

Стр. 50, строки 12–16.

Вместо: – Да, это так было, кончая: Начинается спор. – в лит. ред.: – Чтобы вы поняли, надо рассказать, как это бывало. Ну, вот живем мы; всё, кажется, хорошо. Вдруг начинается разговор о воспитании детей. Не помню, какие слова я сказал или она, но начинается спор, пререкания.

Стр. 50, строки 23–26.

Вместо: нарочно перетолковывает всякое твое слово, кончая: туда то она и колет. – в лит. ред.: и понимает, но нарочно перетолковывает всякое твое слово, каждое же ее слово пропитано ядом: всё, что только мне дорого, – всё это она срамит и поганит.

Стр. 50, строки 29–30.

Вместо: Она прикидывается, что сделал ей больно, и кричит: – в лит. ред.: и делаю ей больно. Она кричит:

Стр. 50, строки 30–31.

После слов: Я кричу: «не лги!» – в лит. ред.: Она продолжает говорить что-то лживое только для того, чтобы уязвить меня:

Стр. 50, строка 31.

Слов: кричит она, – в лит. ред. нет.

Стр. 51, строка 16.

Вместо: где madame? – в лит. ред.: où est madame?

Стр. 51, строки 17–19.

Вместо: дети, в особенности старшая кончая: Пьем молча чай. Ее всё нет. – в лит. ред.: дети – Лиза – старшая – с ужасом, вопросительно смотрит на меня. А ее всё нет.

Стр. 51, строка 20.

Вместо: злоба – в лит. ред.: ненависть

Стр. 51, строка 23.

Слов: Я бы поехал за ней. – в лит. ред. нет.

Стр. 51, строки 25–26.

Слов: А то ведь она этого и ждет. И в следующий раз будет еще хуже. – в лит. ред. нет.

Стр. 51, строка 27–28.

Вместо: сделала над собой?.. – в лит. ред.: сделала?..

Стр. 51, строка 28.

Вместо: Одиннадцать, двенадцать, час. Не иду в спальню, – в лит. ред.: 11, 12, 1 – не сплю, не иду в спальню.

Стр. 51, строки 31–32.

Вместо: Три, четыре часа – ее всё нет – в лит. ред.: Ее нет.

Стр. 51, строки 33–36.

Вместо: но все в недоумении кончая: и беспокойство за нее. – в лит. ред.: но все в недоумении, вопросительно, а дети укоризненно смотрят на меня. И опять то же чувство беспокойства за нее и ненависть за это самое беспокойство.

Стр. 52, строки 1–5.

Вместо: – Да ведь не может же это так оставаться? кончая: не сделаю первого шага, – в лит. ред.: и первого шага не сделаю. Развод, так развод! Свояченица не допускает этой мысли и так уезжает ни с чем. На меня находит упрямство, и я смело сказал; говоря с ней, что не сделаю первого шага.

Стр. 52, строка 8.

Вместо: И рад бы его сделать, но не знаю как. – в лит. ред.: Но я связал себя своими словами.

Стр. 52, строка 29.

Вместо: чего я не разбираю, – в лит. ред.: чего я не понимаю,

Стр. 52, строки 28–31.

Вместо: в душе у каждого та же старая злоба кончая: Но надо же какнибудь кончить всё это, – в лит. ред.: в душе, очевидно злоба у каждого друг против друга, но надо же как-нибудь кончить всё это,

Стр. 52, строки 33–36.

Вместо: Один раз я уже взял заграничный паспорт – кончая: и я остался. – в лит. ред.: один раз я совсем хотел бежать, но опять по какой-то слабости остался.

Стр. 52, строки 38–39.

После слов: когда явился этот человек. – в лит. ред.: Правда, человек дрянной, но что же – такой же, как все мы. Затем идет глава XXI.

Стр. 52, строка 39 – стр. 53, строка 1.

Вместо: Приехал в Москву этот человек – фамилия его Трухачевский – и явился ко мне. – в лит. ред.: Приехав в Москву, этот господин – фамилия его Трухачевский – явился ко мне.

Стр. 53, строки 4–5.

Вместо: Он мне очень не понравился с первого взгляда. – в лит. ред.: Он мне очень не понравился; с первого взгляда я понял, что это был грязный блудник, и стал ревновать его еще прежде, чем он увидел жену.

Стр. 53, строки 9–10.

Вместо: заговорил об его игре, сказал, что мне говорили, что он бросил скрипку.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
– в лит. ред.: заговорил об его игре, о том, что я слышал, что он бросил скрипку.

Стр. 53, строка 14.

После слов: Удивительное дело! – в лит. ред.: отчего в важных событиях нашей жизни, в тех, в которых решается судьба человека, как для меня решилась тогда, – отчего в этих делах нет ни прошедшего ни будущего?

Стр. 53, строки 16–18.

Вместо: что то было напряженное кончая: и приписывал им важность. – в лит. ред.: У меня было сознание страшного бедствия, связанного с этим человеком. Но, не смотря на это, я не мог не быть ласков с ним.

Стр. 53, строки 19–22.

Слов: Тотчас же зашел разговор о музыке, кончая: понравился ей с первого взгляда. – в лит. ред. нет.

Стр. 53, строка 23.

Вместо: Кроме того, она обрадовалась тому, – в лит. ред.: Она, видимо, обрадовалась, вероятно, сначала только потому,

Стр. 53, строки 25–26.

Слов: и на лице ее выразилась эта радость. – в лит. ред. нет.

Стр. 53, строка 31.

Вместо: не интересовало его. – в лит. ред.: не интересуется его.

Стр. 53, строка 35.

Слова: вероятно – в лит. ред. нет.

Стр. 53, строки 38–39.

Слов: Она краснела – и он краснел, она улыбалась – он улыбался. – в лит. ред. нет.

Стр. 53, строка 39.

Вместо: Поговорили – в лит. ред.: Мы поговорили

Стр. 54, строка 2.

Слов: в эту минуту – в лит. ред. нет.

Стр. 54, строки 2–3.

Вместо: потому, что в эту минуту я мог не позвать его, – в лит. ред.: потому что я мог не позвать его. Я мог не позвать его,

Стр. 54, строки 5–6.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Слов: «или чтоб боялся тебя», мысленно сказал я ему – в лит. ред. нет.

Стр. 54, строки 6–7.

Вместо: пригласил его привозить как-нибудь вечером скрипку, – в лит. ред.:
пригласил его привозить нынче же вечером скрипку,

Стр. 54, строка 10.

Слов: и я еще больше настаивал. – в лит. ред. нет.

Стр. 54, строки 16–17.

Вместо: Но сделать так, значило признаться, что я боюсь его. – в лит. ред.: Но
неужели я, я боюсь его?

Стр. 54, строки 24–25.

Вместо: устраивал ему пюпитр, переворачивал страницы. – в лит. ред.: предлагал,
помогал.

Стр. 54, строка 26 – стр. 55, строка 5.

Вместо: Он играл превосходно, кончая: и потому читал в его душе как по
писанному. – в лит. ред.: Он играл превосходно и то что называется – тон сильный
и нежность; трудностей же для него не существовало. Как только начал он играть,
лицо его изменилось: он сделался серьезен и гораздо более симпатичен, он был,
разумеется, гораздо сильнее жены и помогал ей просто и естественно и вместе с
тем учтиво хвалил ее игру. Жена казалась заинтересованной только одной музыкой и
была очень проста и приятна. Во весь вечер я сам представлялся не только перед
другими, но и перед самим собой заинтересованным только музыкой. В сущности же я
не переставая мучался ревностью. С первой минуты, как он встретился глазами с
женой, я видел, что он смотрел на нее как на не приятную женщину, с которой
при случае не неприятно вступить в связь. Если бы я был чист, я бы не думал о
том, что бы он мог про нее думать, но я, так же как и большинство, думал про
женщин и потому понимал его и мучался этим.

Стр. 55, строки 14–16.

Вместо: должен был победить, смять, кончая: всё, что захочет. – в лит. ред.:
должен был победить ее и сделать из нее всё, что захочет.

Стр. 55, строка 16.

Вместо: и я страдал ужасно: – в лит. ред.: и не мог не страдать и не ревновать.
И я ревновал и страдал ужасно.

Стр. 55, строки 19–20.

Вместо: Для жены ли или для него я это делал, чтобы показать, – в лит. ред.: Для
жены ли я это делал, чтоб показать,

Стр. 55, строка 24.

Слов: дорогим вином, – в лит. ред. нет.

Стр. 55, строка 26.

Вместо: обедать и еще играть с женою. – в лит. ред.: обедать и играть.

Стр. 55, строка 28.

Слов: Да так и кончилось. – в лит. ред. нет.

Стр. 55, строки 29–33.

Слов: И Позднышев в сильном волнении кончая: чтобы быть спокойным. – в лит. ред. нет.

Стр. 55, строки 33–35.

Вместо: – Возвращаюсь с выставки кончая: и вдруг чувствую, – в лит. ред.: На второй или на третий день после этого дня возвращаюсь откуда-то, захожу в переднюю и разговариваю с знакомым и вдруг чувствую,

Стр. 56, строки 3–4.

Вместо: Прохожу не через гостиную, а через классную в залу. – в лит. ред.: Прохожу мимо гостиной через классную.

Стр. 56, строки 5–8.

Вместо: Дверь в залу затворена кончая: поцелуй, может быть. – в лит. ред.: В гостиной слышу равномерное *agreggio* и сдержанный голос его и ее отрицание. Она что-то сказала: «но нет, нет» и еще что-то. Как будто кто-то нарочно на фортепиано заглушает слова.

Стр. 56, строка 10.

Слова: тогда – в лит. ред. нет.

Стр. 56, строки 13–15.

Вместо: Должно быть, я был страшен, кончая: Войти? – в лит. ред.: Она позорит меня. Уйду я,

Стр. 56, строки 16.

Вместо: Но не могу и уйти. кончая: понимает мое положение. – в лит. ред.: Но не могу и пройти. Няня взглянула на меня так, как будто она понимала и советовала смотреть в оба.

Стр. 56, строка 18.

Вместо: быстро отворил дверь. – в лит. ред.: сам не помня себя, отворил дверь.

Стр. 56, строки 21–22.

Вместо: услышала и взглянула на меня. – в лит. ред.: услышала меня и взглянула на меня.

Стр. 56, строка 33.

После слов: или маленькие вещицы? – в лит. ред.: И говоря это, он взглянул на нее.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Стр. 56, строка 40.

После слов: опасная близость между мужчиной и женщиной. – в лит. ред.: при известных, допускаемых обществом условиях.

Стр. 57, строка 47.

После слов: может видеть тут что-либо нежелательное. – в лит. ред.: Муж не должен так думать, а тем более совать свой нос и мешать,

Стр. 57, строки 10–11.

Вместо: Я, очевидно, смутил кончая: я долго ничего не мог сказать. – в лит. ред.: Я, очевидно, смутил их тем, что долго ничего не мог сказать.

Стр. 57, строки 13–15.

Вместо: но я чувствовал, кончая: Я так и сделал. – в лит. ред.: но я ничего не мог сделать. Напротив, я чувствовал, что я помешал им и что виноват в этом.

Стр. 57, строка 20.

Вместо: сгладить неприятное впечатление, – в лит. ред.: сгладить первое неприятное впечатление.

Стр. 57, строки 20–21.

Вместо: когда я вдруг с испуганным лицом вошел в комнату и замолчал, – в лит. ред.: когда я вдруг вошел с испуганным лицом,

Стр. 57, строка 29.

Вместо: его белую, мягкую руку. – в лит. ред.: эту белую мягкую руку.

Стр. 57, строки 38–39.

Вместо: лежу в кабинете и злюсь. Вдруг знакомая походка. – в лит. ред.: Вдруг ее шаги, ее походка.

Стр. 58, строка 7.

Вместо: красивая фигура. – в лит. ред.: грациозная, ленивая и гибкая фигура;

Стр. 58, строки 19–20.

Вместо: Я же ничего не вижу, кроме того, что ты ведешь себя как кокотка... – в лит. ред.: Только тебе всякая подлость приятна, а мне ужасна.

Стр. 58, строка 25.

После слов: – Убирайся, ради Бога убирайся! – в лит. ред.: Но она не ушла.

Стр. 58, строки 26–28.

Вместо: Притворялась она, что не понимает, кончая: а остановилась посередине комнаты. – в лит. ред.: Но она не ушла. Притворялась она, что не понимает о чем, или действительно не понимала, но только она обиделась и рассердилась.

Стр. 58, строки 29–32.

Вместо: Это такой характер, кончая: мой поступок с сестрой – в лит. ред.: или что-то в этом роде о моем характере, стараясь, как всегда, уязвить меня как можно больнее, – после твоего поступка с сестрой

Стр. 58, строка 33.

Вместо: сестре своей – в лит. ред.: ей

Стр. 58, строки 34–35.

Вместо: – После этого меня уж ничто не удивит от тебя, – сказала она. – в лит. ред.: меня уж ничто не удивит от тебя.

Стр. 58, строки 27–28.

Вместо: такая страшная злоба – в лит. ред.: неопишная злоба

Стр. 58, строка 40.

Вместо: я вскочил и двинулся к ней; – в лит. ред.: Я вскочил,

Стр. 59, строки 1–2.

Вместо: хорошо ли отдался этому чувству, – в лит. ред.: хорошо ли отдаваться этой злобе,

Стр. 59, строка 4.

Вместо: я еще стал разжигать ее в себе – в лит. ред.: я еще стал подстегиваться

Стр. 59, строка 5.

Вместо: больше разгорается во мне. – в лит. ред.: больше клокотала во мне.

Стр. 59, строки 6–11.

Вместо: закричал я, подойдя к ней кончая: – Вася, что ты, что с тобой? – в лит. ред.: закричал я нарочно страшным голосом и схватил ее за руку. Она не уходила. Тогда я повернул ее и сильно толкнул.

– Что с тобой? Опомнись! – сказала она.

Стр. 59, строка 12.

После слов: заревел я еще громче. – в лит. ред.: выкатывая глаза.

Стр. 59, строка 13.

После слов: я не отвечаю за себя! – в лит. ред.: Уходи!

Стр. 59, строка 17.

Вместо: и потому, кончая: прокричав: «уйди!», – в лит. ред.: и воздерживался. Я отошел от нее и, подбежав к столу, схватил пресс-папье,

Стр. 59, строки 20–21.

Слов: Тогда она пошла из комнаты, но остановилась в дверях. – в лит. ред. нет.

Стр. 59, строки 21–23.

Вместо: пока еще она видела кончая: и бросать о-земь их, – в лит. ред.: пока еще она не скрылась (я сделал это, чтобы она видела), я схватил подсвечник, бросил о-земь, барометр со стены,

Стр. 59, строки 26–27.

Вместо: что у жены истерика. – в лит. ред.: что у нее истерика.

Стр. 59, строки 28–29.

После слов: но была истинно больна. – в лит. ред.: Послали за доктором, и я всю ночь ходил за ней.

Стр. 59, строки 34–35.

Вместо: ей казалось, как она говорила, – в лит. ред.: ей показалась возможность

Стр. 59, строка 37.

Вместо: кроме удовольствия, доставляемого музыкой? – в лит. ред.: кроме удовольствия музыки?

Стр. 59, строка 40 – стр. 60, строка 1.

Слов: главное, он сам, – в лит. ред. нет

Стр. 60, строка 22.

После слов: она не могла унизиться. – в лит. ред.: Не столько от уверений жены, сколько от того мучительного страдания, которое я испытывал, ревнуя ее

Стр. 60, строки 23–25.

Слов: Во первых, я перемучался кончая: и верил им. – в лит. ред. нет.

Стр. 60, строки 25–26.

Вместо: несмотря на то, что я не ревновал, – в лит. ред.: несмотря на то,

Стр. 60, строка 28.

Вместо: Я всё еще следил за движениями и взглядами их обоих. – в лит. ред.: Я невольно следил за каждым движением, взглядом их обоих.

Стр. 60, строки 29–30.

После слов: Довольно рано началась музыка. – в лит. ред.: Он пошел за скрипкой. Жена подошла к роялю и стала разбирать ноты.

Стр. 61, строки 1–6.

Вместо: Она взяла первый аккорд, кончая: и опять остановился. – в лит. ред.: Они в одно время ударили аккорд – она на рояли, он на скрипке.

Стр. 61, строка 8.

Вместо: вскрикнул он. – У!.. – в лит. ред.: У!.. вскрикнул он и долго молчал.

Стр. 61, строка 10.

Вместо: Я не понимаю. – в лит. ред.: Я не знаю.

Стр. 62, строка 4.

После слов: первое престо. – в лит. ред.: – да и много таких вещей есть.

Стр. 62, строки 4–7.

Вместо: Разве можно играть кончая: и говорить о последней сплетне. – в лит. ред.: Разве можно играть в гостиных среди декольтированных дам или в концертах – сыграть, потом похлопать и потом сыграть другое?

Стр. 62, строки 9–11.

Вместо: соответствующие этой музыке кончая: настроила эта музыка. – в лит. ред.: соответствующие этой музыке поступки.

Стр. 62, строка 19.

После слов: было очень радостно. – в лит. ред.: В этом новом состоянии ревность уже не имела места.

Стр. 62, строка 20.

После слов: совсем в другом свете. – в лит. ред.: Меня вынесла эта музыка в какой-то такой мир, в котором ревность уже не имела места. Ревность и чувство это, вызывавшее ее, казались такими пустяками, о которых не стоило думать.

Стр. 62, строки 26–27.

Слов: всё это происходило уже на фоне того впечатления, которое произвело первое. – в лит. ред. нет.

Стр. 62, строки 36–37.

Вместо: Вечер кончился благополучно, и все разъехались. – в лит. ред.: Я весь вечер почти не ревновал.

Стр. 62, строка 37.

Вместо: Зная, что я должен был – в лит. ред.: Я должен был

Стр. 62, строки 37–39,

Вместо: Трухачевский, прощаясь, сказал, кончая: нынешнего вечера. – в лит. ред.: и он, прощаясь, собрал все свои ноты и спрашивал, когда я вернусь, желая проститься со мною перед отъездом.

Стр. 63, строки 1–2.

Вместо: Оказывалось, что так как я не вернусь до его отъезда, то мы с ним больше не увидимся. – в лит. ред.: Оказывалось, что я едва ли вернусь до его отъезда, так что мы с ним прощались совсем.

Стр. 63, строки 6–7.

После слов: были очень довольны вечером. – в лит. ред.: В самых общих выражениях говорили о впечатлении, произведенном музыкой, но были так близки и дружны в этот вечер, как редко уже бывали в последнее время.

Стр. 63, строки 12–14.

Вместо: На другой день кончая: Она писала – в лит. ред.: Вечером 2-го дня, вернувшись на свою квартиру в уездном городе, я нашел от нее письмо, в котором она писала мне

Стр. 63, строка 16.

Вместо: и обещал играть еще, – в лит. ред.: и предлагал играть еще,

Стр. 63, строки 19–22.

Вместо: Но дела было столько, кончая: показался мне натянутым. – в лит. ред.: Я перечел письмо: в письме было что-то натянутое, робкое, и мне стало ужасно тяжело: сердце заныло.

Стр. 63, строки 24–28.

Вместо: «Какое мерзкое чувство эта ревность!» кончая: о делах, предстоящих на завтра. – в лит. ред.: «Какое мерзкое чувство это ревность! Что может быть естественнее того, что она пишет?» сказал я себе, и лег в постель, казалось, спокойный. Я стал думать о делах, предстоящих на завтра, и заснул без мысли о ней.

Стр. 63, строка 29.

Вместо: я заснул очень скоро. – в лит. ред.: я заснул сейчас же.

Стр. 63, строка 35.

После слов: унижать ее и себя, – в лит. ред.: себя главное,

Стр. 64, строка 2.

Вместо: женился на ней, – в лит. ред.: женился на своей жене,

Стр. 64, строка 11.

Слов: Да кто она? – в лит. ред. нет.

Стр. 64, строки 19–20.

Вместо: что уже в этот вечер между ними не только не было никакой преграды, – в лит. ред.: что между ними не только не было уже никакой преграды,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Стр. 64, строки 23–24.

Слов: когда я подошел к фортепиано. – в лит. ред. нет.

Стр. 64, строка 37.

Вместо: и в пять часов, решив, что – в лит. ред.: и в пять часов, хотя еще было темно, решил, что

Стр. 64, строки 38–39.

Вместо: я встал, разбудил сторожа, – в лит. ред.: Поезд отходил со станции в 8 часов. Я разбудил сторожа,

Стр. 65, строки 4–11.

Слов начала XXV гл.: Вошел кондуктор кончая: страдающий голос. – в лит. ред. нет.

Стр. 65, строка 17.

Слов: Когда рассвело и я поехал, мне стало легче. – в лит. ред. нет.

Стр. 65, строка 17.

Вместо: Глядя на лошадей, – в лит. ред.: Я как то, глядя на лошадей,

Стр. 65, строки 19–20.

Вместо: что я просто еду, что ничего того, что вызвало меня, ничего этого не было. – в лит. ред.: что я просто еду, катаюсь, так буду ехать до конца жизни и света.

Стр. 65, строка 24.

После слова: тарантас – в лит. ред.: совершенно новый,

Стр. 65, строки 24–28.

Слов: Поломка эта имела большое значение, кончая: а должен был уже ехать на пассажирском – в лит. ред. нет.

Стр. 66, строки 12–13.

Вместо: не мог не смотреть на них, не мог стереть их, не мог не вызывать их. – в лит. ред.: не смотреть на них, стереть их, не вызывать их.

Стр. 66, строка 14.

После слов: тем более я верил в их действительность. – в лит. ред.: забывая то, что не было никакого основания этого.

Стр. 66, строка 35.

Вместо: она лжет, всё лжет!» – в лит. ред.: она лжет!»

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Стр. 67, строка 3.

Вместо: И Позднышев вскочил – в лит. ред.: И мой рассказчик вскочил

Стр. 67, строки 6–7.

Вместо: Да, ужасно! – продолжал он. – Я говорил себе: «буду думать о другом. – в лит. ред.: Ну, опять садился, – продолжал он, – и говорил себе: «буду думать о другом.

Стр. 67, строки 12–25.

Вместо: Нет, нет... кончая: сознания своего унижения – в лит. ред.: Я страдал так, что наконец не знал, что с собой делать, и мне пришла уже мысль, очень даже понравившаяся мне, – выйти на путь, лечь под вагон, кончить всё. Одно, что мешало это сделать, была жалость к себе, тотчас же непосредственно за собой вызывающая ненависть к ней, к нему, к нему – не столько. К нему было какое-то странное чувство сознания своего унижения

Стр. 67, строки 28–29.

Слов: Я выходил на всех станциях, чтобы развлекаться. – в лит. ред. нет.

Стр. 67, строки 36–37.

Слов: потому что продолжал думать о своем. – в лит. ред. нет.

Стр. 68, строки 20–21.

Слов: я могу что-нибудь сделать. – в лит. ред. нет.

Стр. 69, строки 33–34.

Вместо: и тени, бросаемые фонарями и моей пролеткой то спереди, то сзади, – в лит. ред.: и читал вывески –

Стр. 69, строки 1–3.

Вместо: не могу вспомнить моего тогдашнего состояния: что я думал? чего хотел? ничего не знаю. – в лит. ред.: не могу себе уяснить теперь, почему я так торопился.

Стр. 69, строки 36–40.

Вместо: явилось странное чувство – кончая: злым и хитрым зверем. – в лит. ред.: явилась животная потребность физической ловкой, хитрой и решительной деятельности. Я помню, что я сделался зверем, умным зверем.

Стр. 70, строки 13–14.

Вместо: я сейчас накажу ее и кончу мои отношения – в лит. ред.: я сейчас кончаю мои отношения

Стр. 70, строка 23.

Вместо: возможности наказать. – в лит. ред.: и мучительного наслаждения наказать, – да, – казнить.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Стр. 70, строки 24–25.

Вместо: пошел в залу, где они сидели, не через гостиную, – в лит. ред.: пошел в гостиную, где они сидели, не через залу,

Стр. 71, строки 18–19.

Вместо: Мне живо вспомнилось – в лит. ред.: Мне, главное, вспомнилось

Стр. 71, строки 20–21.

Вместо: ощутил ту же потребность бить, разрушать, которую я ощущал тогда. – в лит. ред.: вступить в то же зверское состояние.

Стр. 71, строка 26.

Вместо: и всё только – в лит. ред.: и всё время

Стр. 71, строки 29–36.

Слова: – Первое, что я сделал, кончая: в одних чулках пошел туда. – в лит. ред. заключают главу XXVI.

Стр. 71, строка 37.

Вместо: И подкравшись тихо, я вдруг отворил дверь. – в лит. ред.: Я не только не знаю, как я шел, каким шагом, через какие комнаты я шел, как я подходил к гостиной, как отворил дверь, как вошел в нее, – я ничего не помню.

Стр. 71, строки 37–38.

Вместо: Помню выражение их лиц. – в лит. ред.: Помню только выражение их лиц, когда я открыл дверь.

Стр. 72, строка 2.

Вместо: которое выступило – в лит. ред.: которое выразилось

Стр. 72, строки 6–7.

Вместо: На ее лице было то же выражение – в лит. ред.: на ее лице то же выражение

Стр. 72, строка 17.

Вместо: начнется еще что-то – в лит. ред.: начнется еще

Стр. 72, строка 34.

Слов: я выбрал это место с самого начала. – в лит. ред. нет.

Стр. 72, строки 38–39.

Вместо: Его глаза встретились с моими, – в лит. ред.: Верно, я был страшен, потому что

Стр. 73, строка 35.

Слов: какая жесткая шея была... – в лит. ред. нет.

Стр. 73, строки 36–37.

Вместо: и я как будто этого-то и ждал, изо всех сил ударил ее кинжалом – в лит. ред.: за которое я душил ее, и я ударил ее кинжалом

Стр. 74, строка 21.

Слов: только на мгновение, – в лит ред. нет.

Стр. 74, строки 26–27.

Слов: я секунду стоял неподвижно, ожидая, что будет, можно ли поправить. – в лит. ред. нет.

Стр. 74, строка 31.

После слов: из-под ее корсета – в лит. ред.: как из гвоздя,

Стр. 75, строка 3.

После слов: сел на диван – в лит. ред.: всем телом.

Стр. 75, строки 18–19.

Вместо: Я вспомнил сопротивление корсета и погружение ножа, и мороз пробежал по спине. – в лит. ред.: Я вспомнил сопротивление корсета и потом....

Стр. 77, строка 9.

После слов: увидел в ней человека, – в лит. ред.: сестру.

Стр. 77, строка 18.

После слов: – Прости меня! – сказал я. – в лит. ред.: – Да, если бы ты не убил меня! вдруг вскрикнула она, и глаза ее заблестели лихорадочно.

Стр. 77, строки 19–20.

Слов: вскрикнула она, приподнялась, и лихорадочно блестящие глаза ее устремились на меня. – в лит. ред. нет.

Стр. 77, строки 21–22.

Вместо: Ай! Ах! – очевидно в бреду, кончая: Ну, убивай, убивай, я не боюсь!.. – в лит. ред.: Потом сделался бред. Она стала пугаться, кричать: «стреляй, я не боюсь... Только всех убей. Ушел, ушел!

Стр. 77, строка 24.

Вместо: Она не узнавала никого. – в лит. ред.: Она не узнавала детей, даже Лизаньку, которая прорвалась к ней.

Стр. 77, строка 37.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Вместо: холодная, – в лит. ред.: вся холодная,

Стр. 77, строки 39–40.

Слов: у! у! у!.. – вскрикнул он несколько раз и затих. – в лит. ред. нет.

Стр. 78, строки 1–2.

После слов: и трясся молча передо мной. – в лит. ред.: Лицо его сделалось тонкое, длинное, и рот во всю ширину его.

– Да, сказал он вдруг. – Если бы я знал, что я знаю теперь, так бы совсем другое было бы. Я бы не женился.

Опять мы долго молчали.

Стр. 78, строки 3–13.

Вместо: – Ну простите... кончая: и заключил весь рассказ. – в лит. ред.: – Да-с, вот что я сделал и вот что я пережил. Да-с, надо понять настоящее значение, что слова Евангелия Матф. V, 28. – о том, что всякий, кто смотрит на женщину с похотью, прелюбодействует, относятся к женщине, к сестре, не к одной чужой, посторонней женщине, а преимущественно к своей жене.

ВАРИАНТЫ ЛИТОГРАФИРОВАННОЙ РЕДАКЦИИ „ПОСЛЕСЛОВИЯ К «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЕ»“
Стр. 79, строки 5–8.

Слов: т. е. в коротких словах выразить, кончая: которые, по моему мнению, можно сделать из него. – в лит. ред. нет.

Стр. 79, строка 9.

Вместо: Хотел я сказать, во-первых, то, – в лит. ред.: Я думаю об этом предмете следующее: во-первых, я думаю то,

Стр. 79, строки 11–17.

Вместо: убеждение в том, кончая: что родители, – в лит. ред.: убеждение о том, что половое общение есть дело необходимое для здоровья мужчин и поэтому вполне позволительное, и поэтому холостые люди с совершенно спокойной совестью предаются разврату друг перед другом; некоторые родители,

Стр. 79, строка 20.

Вместо: учреждают разврат, – в лит. ред.: учреждают проституцию,

Стр. 79, строка 22.

Вместо: потребностей мужчин, – в лит. ред.: потребностей своих граждан.

Стр. 79, строки 22–23.

Слов: а холостые люди с совершенно спокойной совестью предаются разврату. – в лит. ред. нет.

Стр. 79, строка 25.

Вместо: И вот я хотел сказать, что это нехорошо, потому – в лит. ред.: И я думаю, что это нехорошо. Не хорошо потому,

Стр. 80, строки 1–2.

Вместо: Вывод же, который, мне кажется, естественно сделать кончая: поддаваться этому заблуждению и обману не нужно. – в лит. ред.: И поддаваться этому заблуждению или обману не нужно.

Стр. 80, строки 4–5.

Вместо: какими бы они ни поддерживались мнимыми науками, – в лит. ред.: какими бы они ни подтверждались науками,

Стр. 80, строки 5–7.

Вместо: вступление в такое половое общение, кончая: или сваливают – в лит. ред.: вступление за деньги или даром в половое общение, при котором люди освобождают себя от возможных последствий его, сваливая

Стр. 80, строки 8–12.

Вместо: или предупреждают возможность рождения детей, кончая: надо не делать этого. – в лит. ред.: или содействуя ее гибели, есть подлость. И потому холостым людям, не хотящим жить подло, надо воздерживаться по отношению всех женщин, точно так же как бы они воздерживались, если бы вокруг не было других женщин, кроме их матерей и сестер.

Стр. 80, строки 13–19.

Вместо: Для того же, чтобы они могли воздержаться, кончая: женами друзей. – в лит. ред.: Для того же, чтобы люди могли воздерживаться, они должны вести естественный образ жизни: не пить, не объедаться, не есть мяса, не избегать труда, не гимнастики, а утомляющего, не игрушечного труда.

Стр. 80, строка 24.

Вместо: Второе то, – в лит. ред.: Во-вторых, я думаю то,

Стр. 80, строки 25–27.

Вместо: не только как на необходимое условие здоровья и на удовольствие, но и как на поэтическое и возвышенное благо жизни, – в лит. ред.: и как на поэтическое, возвышенное благо жизни и как на необходимое условие здоровья,

Стр. 80, строка 30.

Вместо: И я полагаю, что это нехорошо. – в лит. ред.: И я думаю, что это нехорошо.

Стр. 80, строки 30–32.

Вместо: Вывод же, который вытекает из этого, кончая: чтобы не делать этого, надо – в лит. ред.: А так как происходит это не столько от вложенного в человека животного свойства стремления к продолжению рода, сколько от возведения этого животного свойства на степень поэтического блага или молодечества, то, и для того чтобы этого не было, надо

Стр. 80, строка 33.

Вместо: взгляд на плотскую любовь, – в лит. ред.: взгляд на влюбление и плотскую

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
любовь,

Стр. 80, строки 34–38.

Вместо: чтобы они и до и после женитьбы кончая: животное состояние, – в лит. ред.: чтобы они и до женитьбы и после женитьбы смотрели на влюбление и плотское общение, лежащее в основе его, не как на самое поэтическое и возвышенное состояние или молодечество, которым можно хвастать, как на это смотрят теперь, а как на унижительное для человека скотское состояние.

Стр. 80, строка 38 – стр. 81, строка 3.

Слов: и чтобы нарушение обещания верности, – кончая: в романах, стихах, песнях, операх и т. д. – в лит. ред. нет.

Стр. 81, строка 5.

Вместо: Третье то, – в лит. ред.: В третьих, я думаю то,

Стр. 81, строка 6.

Вместо: которое придано плотской любви, – в лит. ред.: которое придано влюблению и плотской любви,

Стр. 81, строка 10.

Вместо: по совету служителей врачебной науки, – в лит. ред.: благодаря безнравственному вмешательству так называемой науки медицины,

Стр. 81, строка 16.

Вместо: И полагаю я, что это нехорошо. – в лит. ред.: И это очень нехорошо.

Стр. 81, строки 16–22.

Вместо: Нехорошо употреблять средства – кончая: во время беременности и кормления потому, что – в лит. ред.: Не хорошо потому, что

Стр. 81, строки 24–25.

Вместо: Вывод же, который вытекает из этого, тот, что этого не надо делать. – в лит. ред.: И этого не надо делать.

Стр. 81, строки 27–28.

После слов: обязательно в браке – в лит. ред.: и что рассудок дан человеку не на то, чтобы стать ниже животного, а выше его. Истребление же плода с целью наслаждения и продолжение общения во время беременности и кормления есть превосходение животного в животности.

Стр. 81, строка 30.

Вместо: Четвертое то, – в лит. ред.: В-четвертых, я думаю то,

Стр. 81, строки 30–32.

Вместо: дети представляются или помехой для наслаждения или несчастной случайностью, – в лит. ред.: дети являются помехой для наслаждения, несчастной

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
случайностью,

Стр. 81, строка 35.

Слов: как разумным и любящим существам, – в лит. ред.: нет.

Стр. 81, строка 37.

Вместо: И что вследствие этого – в лит. ред.: И вследствие этого

Стр. 82, строка 1.

После слов: как можно лучше напитать их, – в лит. ред.: увеличить в них количество мяса,

Стр. 82, строки 2–3.

После слов: сытыми, красивыми. – в лит. ред.: Их всячески холят, моют, много кормят и не заставляют работать

Стр. 82, строки 4–5.

Вместо: И в изнеженных детях, – в лит. ред.: и в перекормленных детях,

Стр. 82, строки 6–7.

Вместо: непреодолимая чувственность, кончая: в отроческом возрасте. – в лит. ред.: непреодолимая мучительная чувственность.

Стр. 82, строка 11.

Вместо: самые ужасные половые пороки и болезни – в лит. ред.: половые пороки и болезни

Стр. 82, строка 14.

Вместо: И я полагаю, что это нехорошо. – в лит. ред.: И это нехорошо.

Стр. 82, строки 14–15.

Вместо: Вывод же, который можно сделать из этого, тот, что надо – в лит. ред.: И надо

Стр. 82, строка 20.

Вместо: Пятое то, – в лит. ред.: В-пятых, я думаю то,

Стр. 82, строки 20–34.

Вместо: где влюбление между молодым мужчиной и женщиной, кончая: вызывающих чувственность частей тела. – в лит. ред.: вследствие приданного ложного значения плотской любви и сопутствующему ей влюблению, главные силы людей поглощены в лучшее время их жизни – мужчин – выглаживанием, приискиванием и овладеванием наилучших предметов любви, для достижения чего считаются простительными ложь и обман; женщин же и девушек – заманиванием и вовлечением мужчин в связь или брак, для чего женщины не брезгают употреблением самых низких средств – подражанием модам проституток и выставлением вызывающих чувственность частей тела.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Стр. 82, строка 35.

Вместо: И я полагаю, что это нехорошо. – в лит. ред.: И я думаю, это нехорошо.

Стр. 82, строки 36–40.

Вместо: достижение цели соединения в браке или вне брака кончая: приобретения себе сладкой и изобильной пищи. – в лит. ред.: достижение цели наслаждения плотской любовью, как бы она ни была опоэтизирована, есть животная цель, недостойная человека, и вытекает из взгляда на жизнь столь же грубого и скотского, как и тот, очень часто встречаемый на низких ступенях развития, по которому сладкая и изобильная пища представляется высшим благом и достойной целью деятельности человека. Это нехорошо, и делать этого не нужно.

Стр. 83, строки 1–3.

Вместо: Вывод же, который можно сделать из этого, кончая: а надо понять, – в лит. ред.: А для того, чтобы этого не делать, люди должны понять,

Стр. 83, строки 6–8.

Вместо: не достигается посредством соединения с предметом любви кончая: и соединение с предметом любви – в лит. ред.: непременно находится вне личного наслаждения, и что потому вступление не только в любовную связь, но и в брак, с христианской точки зрения, есть не возвышение, а падение, потому что влюбление и сопутствующая ему плотская любовь

Стр. 83, строка 13–стр. 84, строка 34.

Вместо: Вот то существенное, кончая: нравственного руководства. – в лит. ред.: Вот приблизительно то главное, что я думаю о предмете рассказа.

«Но род человеческий? Если признать то, что безбрачие лучше брака и что цель человечества – стремиться к целомудрию, то род человеческий прекратится. А если вывод из всего рассуждения тот, что должен прекратиться род человеческий, то всё рассуждение это неверно». Но рассуждение это не мое, не я выдумал это. То, что человек должен стремиться к целомудрию, и что безбрачие лучше брака, есть истина, открытая Христом 1900 лет тому назад, которая написана в наших катехизисах и которую мы все исповедуем. В Евангелии ясно и без возможности какого-либо перетолкования сказано, что женатому, тому, кого сознание истины застанет женатым, должно оставаться с тою, с которою он сошелся, т. е. не переменять жены и жить целомудреннее, чем он жил прежде (Матф. V, 38, XIX, 8 и след.), что не женатому лучше не жениться вовсе и продолжать быть целомудренным (Мтф. XIX, 10–12), и что как тому, так и другому, стремясь к наибольшему целомудрию, грешно смотреть на женщину как на предмет наслаждения (Мф. V, 28–29).

Это сказал Христос, и это же самое свидетельствует история человечества и совесть и разум каждого отдельного человека. История показывает нам неперестающее и не возвращающееся назад с древнейших времен движение человечества от распушенности к целомудрию, от полного смешения полов к многоженству и многожеству, от многоженства к единобрачию, от невоздержанного единобрачия к целомудрию в браке. Совесть наша подтверждает то же самое, всегда осуждая и в себе и в других невоздержание, всегда одобряя целомудрие и всегда тем выше ставя в нравственной оценке человека, чем более он целомудрен.

То же утверждает и разум, показывая, что единственное не противное чувству человека разрешение неизбежного перенаселения земли достигается только естественным для человека, хотя и противным животному, стремлением к целомудрию.

И удивительное дело, то, что были и есть теории Мальтуса, то, что всё более и более распространяется проституция (я всякое половое общение без рождения детей не умею назвать иначе, как проституцией); то, что одни миллионы детей убиваются в утробах; то, что другие миллионы детей гибнут от голода и нищеты; то, что

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
миллионы и миллионы людей убиваются на войнах, и что главная деятельность
государств направлена на то, чтобы как можно увеличить способность убивать
людей, – всё это ничего и не опасно для рода человеческого; но заикнись человек
о том, что надо умерять свои страсти и воздерживаться, – и род человеческий в
опасности.

Стр. 84, строки 35–37.

Вместо: Как есть два способа указания пути кончая: для ищущего правды человека.
– в лит. ред.: Есть два способа указания пути ищущему его человеку.

Стр. 84, строки 38–39.

Вместо: что человеку указываются предметы, кончая: и он направляется по этим
предметам. – в лит. ред.: что идущему говорят: «иди вон на то дерево, от дерева
на деревню, от деревни вдоль реки на курган» и т. д.

Стр. 84, строка 40–стр. 85, строка 3.

Вместо: что человеку дается только направление по компасу, кончая: и потому
всякое свое отклонение от него. – в лит. ред.: что ищущему указывают
направление: «иди на восток, – недостижимое солнце или звезда всегда укажут тебе
направление».

Стр. 85, строки 4–36.

Вместо: Первый способ нравственного руководства кончая: освещенное пространство.
– в лит. ред.: Первый способ есть способ временных, внешних религиозных
определений.

Другой способ есть способ внутреннего сознания вечной, неизменной истины.

В первом случае человеку даются определенные признаки поступков, которые он
должен и которых не должен делать; во втором – человеку указывается вечная,
недостижимая, но признаваемая им цель, и цель эта дает направление всей его
жизненной деятельности.

«Помни день субботний, обрезывайся, не пей хмельного, не крадь, отдавай десятину
бедным, не прелюбодействуй, крестись, причащайся и т. п.» Таковы внешние учения
– браминское, буддийское, еврейское, магометанское и церковное, называемое
христианским.

«Люби Бога всем сердцем и всей душой твоей и ближнего твоего как самого себя»,
«Как хотите чтобы с вами поступали люди, поступайте и вы», «Люби врага». Таково
учение Христа. Оно не дает никаких определений поступкам; оно только указывает
людям тот неизменный идеал, который всякий человек находит в своем сердце, как
скоро он открыт ему.

Для исповедующего внешнее учение точное исполнение закона составляет достижение
совершенства, и достижение это прекращает всякое дальнейшее стремление.

Стр. 85, строка 37.

Слов: фарисей благодарит Бога за то, что он исполняет всё, – в лит. ред. в этом
месте нет, но они встречаются раньше.

Стр. 85, строки 38–39.

Слов: с детства, и не понимает, чего может не доставать ему. – в лит. ред. нет.

Стр. 85, строка 40–стр. 86, строка 1.

Вместо: к чему бы они могли продолжать стремиться. – в лит. ред.: к чему они могут продолжать стремиться.

Стр. 86, строки 1–3.

Слов: Десятина отдана, кончая: Чего же еще? – в лит. ред. нет.

Стр. 86, строка 5.

Вместо: на высшую ступень, – в лит. ред.: на высшую,

Стр. 86, строка 7.

Вместо: Исповедующий закон Христа – в лит. ред.: Христианин

Стр. 86, строки 8–9.

Слов: не видя позади себя пути, который он прошел, – в лит. ред. нет.

Стр. 86, строка 10.

После слов: и который он не прошел еще. – в лит. ред. следует абзац: Человек, исповедующий внешний закон, кончая: освещенное пространство. (стр. 85, строки 29–36.) В этом абзаце вместо: исповедующий Христово учение, – в лит. ред.: исповедующий учение внутреннего сознания.

Стр. 86, строки 11–15.

Вместо: В этом состоит различие учения Христа кончая: и по отношению брака. – в лит. ред.: Говорят, не может быть идеалом человечества целомудрие и безбрачие, потому что целомудрие уничтожает того, кто стремится к идеалу; не может быть идеалом рода человеческого уничтожение его.

Но идеал только тогда идеал, когда он недостижим и когда возможность приближения к нему бесконечна. Таков христианский идеал установления царства Бога, соединения любовью всего живущего. Представление о достижении его несовместимо с представлением о движении жизни. Какая может быть жизнь, когда всё живое соединено любовью воедино? Никакой. Представление о жизни возможно только при стремлении к недостижимому идеалу. Но если бы мы даже и допустили, что христианский идеал полного целомудрия осуществился бы, то и тогда мы не пришли бы ни к чему иному, как к самым знакомым нам утверждениям с одной стороны религии, одним из догматов которой есть конец света, с другой так называемой науки, утверждающей процесс охлаждения солнца и неизбежным следствием которого должен быть конец рода человеческого. Только потому и живем мы, христиане, в том ужасающем противоречии действительности с нашим сознанием, что, не понимая указующего недостижимый вечный идеал учения Христа, церковные учения, незаконно называющие себя христианскими, заменили этот христианский идеал внешними определениями. Это сделано по отношению богослужения, учительства, власти и многого другого. То же сделано церквами и по отношению брака.

Стр. 86, строка 29.

После слов: («оставь жену и иди за мной»), – в лит. ред.: говорил он); он только указал как женатым, так и неженатым стремление к совершенству, включающее в себя целомудрие в браке и вне его.

Стр. 86, строки 29–30.

Вместо: церковные учения, называющие себя христианскими, установили брак – в

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
лит. ред.: Церкви же, пытаясь, противно учению Христа, установить брак

Стр. 86, строки 32–33.

Слов: для христианина – в лит. ред. нет.

Стр. 86, строка 33.

После слов: безгрешною, вполне законною. – в лит. ред.: не установив твердого внешнего учреждения, лишили людей руководящего идеала Христа.

Стр. 86, строки 34–35.

Слов: Но так как в истинном христианском учении нет никаких оснований для учреждения брака, то и – в лит. ред. нет.

Стр. 86, строка 36–стр. 87, строка 1.

Вместо: т. е. не верят в сущности кончая: без всякого руководства. – в лит. ред.: потеряли истинный идеал целомудрия, данный Христом, и только по внешности приняли вымышленное, ни на чем не основанное церковное учение таинства брака и не верят в него.

Стр. 87, строки 2–7.

Вместо: От этого то и происходит то, кончая: чем у так называемых христиан. – в лит. ред.: От этого то и произошло то кажущееся сначала странным явление, что семейное начало и супружеская верность без сравнения тверже в народах, признающих внешние религиозные учения – у евреев, магометан, чем у так называемых христиан.

Стр. 87, строки 8–12.

Вместо: У тех есть определенное наложничество, кончая: под видом воображаемого единобрачия. – в лит. ред.: У тех есть ясные, точные внешние определения брака, у христиан же нет никакого.

Стр. 87, строки 13–16.

Вместо: Только потому, что над некоторой частью соединяющихся кончая: что живут в единобрачии. – в лит. ред.: Только изредка над некоторой малой частью из совершающихся в действительности половых общений производя через духовенство известную церемонию, называемую ими церковным браком, люди нашего общества живут в полной распушенности многоженства и многомужества, не подчиняясь в половых общениях никаким определениям и предаваясь в этом отношении ужасающим половым порокам, воображая, что они живут в том единобрачии, которое исповедуют.

Стр. 87, строки 17–18.

Вместо: Христианского брака быть не может и никогда не было, как никогда не было и не может быть – в лит. ред.: Христианского брака быть не может, как не может быть

Стр. 87, строки 24–28.

Вместо: Идеал христианина есть любовь к Богу и ближнему, кончая: и потому с христианской точки зрения – падение, грех. – в лит. ред.: Идеал христианина не есть брак, но любовь к Богу и ближнему, и потому для христианина плотское общение в браке не только не может представляться законным, праведным и счастливым состоянием, каким оно представляется в нашем обществе, нашими

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
церквами, а всегда падением, слабостью, грехом.

Стр. 87, строка 29–стр. 88, строка 11.

Вместо: Вступление в брак не может содействовать служению Богу и людям кончая: т. е. быть вполне целомудренным (Мф. XIX, 10–12) – в лит. ред.: Христианского брака никогда не было и не может быть. Христос не женился и не устанавливал брака, и ученики его не женились. Брак христианского не может быть, но есть христианское отношение к браку. Отношение это таково: христианин, я говорю не про того человека, который считает себя христианином потому, что его крестили, и он говееет каждый год, а про христианина, руководящегося в своей жизни учением Христа, христианин не может смотреть на плотское общение иначе как на отступление от учения, как на грех, как это и сказано в Матф. V, 28 (так называемый христианский обряд брака не может ни на волос изменить этого), и потому никогда не будет желать брака, а всегда будет избегать его.

Если же христианина застанет познание истины уже в браке, или, не преодолев слабости любви, христианин вступит в половое общение, при условиях церковного брака или без них, то он не может делать ничего иного, как, не покидая жены (или мужа, если говорить о женщине), стремиться вместе с участницей (или участником) греха к освобождению себя от него – к наибольшему целомудрию в браке и к конечному идеалу, к замене плотской любви чистыми отношениями брата и сестры. Таково христианское отношение к браку, и иного нет и не может быть для человека, руководящегося в жизни учением Христа.

Стр. 88, строка 12.

Вместо: мысли эти покажутся странными – в лит. ред.: мысли, высказанные в рассказе и здесь, покажутся странными и неясными.

Стр. 88, строки 15–16.

Вместо: мысли ли эти или жизнь миллионов людей и моя? – в лит. ред.: мысли ли, которые кажутся справедливыми, или жизнь людей и моя?

Стр. 88, строки 17–18.

Вместо: когда приходил к тем убеждениям, которые теперь высказываю: – в лит. ред.: когда писал свой рассказ.

Стр. 88, строки 20–21.

Вместо: не верить нельзя было. – в лит. ред.: не верить нельзя и разуму и совести.

Стр. 88, строка 21.

Вместо: И как ни противоречат – в лит. ред.: И как ни странны, как ни противоречат

Стр. 88, строка 24–стр. 91, строка 30.

Слов: Но всё это общие соображения, кончая: но единственно возможно. – в лит. ред. нет.

Стр. 91, строка 31.

Вместо: «Человек слаб, – в лит. ред.: «Но человек слаб,

Стр. 91, строка 31.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Вместо: говорят люди. – в лит. ред.: говорят на это.

Стр. 91, строка 32.

Вместо: «руки мои слабы, и я не могу – в лит. ред.: «рука моя слаба, я не могу

Стр. 91, строка 37 – стр. 92, строка 13.

Слов конца «Послесловия»: Нельзя, познав христианское учение идеала, кончая: А и то и другое дано нам. – в лит. ред. нет.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

** [ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ».]

Мы ѣхали 2-е сутки.

Въ вагонъ входили и выходили ѣдущіе на короткія разстоянія, но трое ѣхали уже 2-ю ночь. Это были[47] – невысокій человекъ въ хорошемъ платьѣ, съ пріятными мягкими пріемами, лѣтъ 50, молодая некрасивая[48] дама, скромно, хорошо одѣтая, съ[49] умнымъ и пріятнымъ лицомъ, и[50] средняго роста худощавый человекъ, съ желтымъ цвѣтомъ лица, черными блестящими глазами, быстро перебѣгавшими съ предмета на предметъ, [51] и съ[52] быстрыми нервными движеніями и съ рано посѣдѣвшими густыми и вьющимися жесткими волосами. Этотъ господинъ везъ съ собою дѣвочку 3-хъ лѣтъ и ухаживалъ за ней, какъ нянька или мать. И дѣвочка миленькая, очевидно, привыкла къ нему, какъ къ нянькѣ или матери, и властвовала надъ нимъ. Со всѣми пассажирами и кондукторами этотъ господинъ былъ какъ будто грубъ: такъ онъ рѣзко отрывалъ свои слова, какъ будто онъ говорилъ: что нужно, я вамъ скажу, сдѣлаю, а въ остальномъ оставьте меня въ покоѣ. Не желаю съ вами сблизаться и не нуждаюсь ни въ комъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ казалось, что ему мучительно одиночество и что ему нужно говорить съ кѣмънибудь. Онъ видѣлъ, что я понимаю это, и когда глаза наши встрѣчались, что случалось часто, онъ отворачивался и все таки не вступалъ ни съ кѣмъ въ разговоръ. Когда въ вагонъ попала старуха съ мѣшками и не могла успѣть внести ихъ, онъ вдругъ выскочилъ, какъ будто онъ хотѣлъ ее вытолкать, и схватилъ ее мѣшки, испугавъ ее (она, вѣрно, думала, что онъ ихъ выкинетъ), внесъ ихъ, уложилъ ихъ ей и, сунувъ, посадилъ ее и быстро вернулся на свое мѣсто, издавъ какой-то странный звукъ, которымъ онъ и все время пугалъ пассажировъ, звукъ похожій или на начатую и оборванную рѣчь или на сдержанный не то смѣхъ, не то рыданіе. Господинъ пріятный въ обращеніи и съ хорошими сафьянными мѣшочками познакомился ужъ въ началѣ перваго дня съ дамой и со мной, и мы ѣхали какъ знакомые, неразъ услуживая другъ другу. И то читали книжки или газеты, а то разговаривали другъ съ другомъ и съ входящими разговорчивыми пассажирами. [53] Сѣдой господинъ сидѣлъ все одинъ съ своей дѣвочкой наискосокъ противъ меня, глядя передъ собой и быстро поворачиваясь на каждое входящее лицо и изрѣдка испуская свои странные звуки. Господинъ съ хорошими вещами хотѣлъ было заговорить съ нимъ. Дама хотѣла черезъ дѣвочку сблизиться, но онъ не давался, обрывалъ свои рѣчи и отзывалъ дѣвочку. Только со мной, какъ съ сосѣдомъ, онъ вошелъ въ нѣкоторое общеніе. Я уступилъ ему свое мѣсто. На 2-е сутки путешествія, когда смерклось, кондукторъ зажегъ фонарь, и на большой станціи вышло и вошло нѣсколько новыхъ пассажировъ. Господинъ съ хорошими вещами и пріятная дама пошли пить чай, [54] вернулись оживленные и еще болѣе добрые и общительные. Противъ ихъ лавочки съ[55] высокій желтый старикъ въ длинномъ пальто и бобровомъ картузѣ съ длиннымъ козырькомъ. [56] Молодой человекъ, прикащикъ, познакомившись съ господиномъ съ хорошими вещами и съ дамой, хотѣлъ услужить имъ и сказалъ старику, что мѣсто это занято. [57] Старикъ, не отвѣчая, съ[58] прямо глядя передъ собой. Когда вошелъ господинъ съ хорошими вещами съ дамой, прикащикъ опять обратился къ старику:

– Я говорилъ вамъ, что занято.

Старикъ также упорно смотрѣлъ передъ собой, какъ будто готовый разразиться чѣмъ-то дурнымъ, но господинъ съ хорошими вещами не далъ ему времени.

– Сдѣлайте одолженіе, – сказала господинъ съ хорошими вещами, – всѣмъ мѣсто будетъ; спать еще рано. Побесѣдуемъ. И съ[59] съ дамой. Старичекъ сказалъ, что онъ только на 3 станціи. [58] Господинъ съ хорошими вещами обратился къ сосѣдкѣ и сталъ продолжать разговоръ. У нихъ нашелся общій знакомый. Общій знакомый ихъ имѣлъ несчастье съ женой: онъ ли, она ли его оставила, но они разошлись, и у

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
нихъ было разводное дѣло. Я прислушивался къ разговору. [59]

– Да, сколько теперь этихъ разводовъ, – сказалъ господинъ съ хорошими вещами. – У насъ въ Петербургъ это безпрестанно.

– А это все отъ того, что я и говорила, что женщина была раба совсѣмъ, а теперь полураба, – сказала дама.

– Въ этомъ я не согласенъ съ вами, – улыбаясь сказалъ господинъ съ хорошими вещами, какъ бы о предметъ, который уже былъ разобранъ имъ, и, взглянувъ на старика, сидѣвшаго противъ и смотрѣвшаго на него, спросилъ, отчего это прежде не было.

– Было и прежде, только меньше, – сказалъ старикъ. – По нынѣшнему времени нельзя этому не быть.

– Отчего же вы думаете? – спросила дама. – Отчего нельзя этому не быть?

– А потому, что [60] волю себѣ дали, сударыня, – сказалъ старикъ.

– Какъ? [61] Какую волю?

– Прелесть разводить стали, – сказалъ старикъ. – И женятся-то не по людски. [62] Всякій пупленокъ ужъ объ любви говорить. По любви и женятся, а не какъ Богъ велить.

Дама даже разсмѣялась.

– Да какъ же безъ любви? [63]

Съ этихъ словъ начался оживленный разговоръ, и я пересѣлъ на соседнюю лавочку, чтобы слушать. [64]

– Да какъ же, вѣдь это единственная связь. Напротивъ, отъ того, что этаго нѣтъ, нѣтъ настоящей любви между молодыми людьми, а ихъ женятъ, отъ этаго и выходятъ дурные браки.

Господинъ съ хорошими вещами не далъ отвѣчать старику и тоже напалъ на него.

– Такъ неужели же лучше бракъ по домострою, когда брачующіеся не видали даже другъ друга, не знали, есть ли симпатія, а выходили изъ-подъ фаты по волѣ родителей?

– Да позвольте, – оживленно говорилъ старикъ.

Голоса такъ оживились, что прикащикъ съ другого конца пересѣлъ къ проходу и перегнулся въ темнотѣ къ разговаривающимъ.

– Нѣтъ, ужъ это время прошло... – заговорила дама.

Но господинъ съ хорошими вещами остановилъ ее:

– Нѣтъ, позвольте имъ выразить свою мысль.

Старикъ дожидался. Когда затихли, онъ сказалъ:

– Вотъ то-то и бѣда, сударыня, – сказалъ онъ, обращаясь все къ дамѣ, – что [65] по любви женятся, а не по закону.

– Да что жъ вреднаго въ любви? Вѣдь это самое высшее чувство.

– Позвольте мнѣ вамъ доложить такъ: живу я, примѣрно, у родителей, возвращаютъ они меня. У меня умъ ребяческій, ничего я не знаю, а кровь играетъ, вотъ я на ту дѣвушку погляжу, на эту, ахъ, хороша! и эта хороша. И всякія глупости у меня въ головѣ. Ну, что какъ мнѣ не будетъ устращу, а мнѣ еще внушеніе будетъ отъ умныхъ людей и въ книжкахъ, что это самое хорошее чувство, какъ у нашихъ у купчиковъ, у богатенькихъ, да и у господъ (отъ нихъ то и научились). Я про себя скажу. Въ родительскомъ домѣ прислуга тоже. И дьяволь сбиваетъ, а пуще товарищи дурные.

Ну, да страхъ есть. Думаешь себе: родители знаютъ, что къ худу, что къ добру. У меня, Богъ даль, родители были богобоязненные. Ну и воздержался. Понялъ, что это глупость одна и прелесть. Книгъ я тоже скверныхъ не читалъ, да и некогда было, все при дѣлѣ. Такъ и не повадился, а потомъ слышу, женить хотятъ. Тутъ тоже объ любви какой то. Но романсовъ этихъ не было. А думаю, какъ новую жизнь поведу. Вотъ показали невѣсту. Мнѣ 19 лѣтъ было. Красоты особенной не было, а дѣвица какъ надобно. 19 лѣтъ все хорошо. У кого зубы есть, все сгложетъ. Ну и принялъ законъ. Такъ и понималъ, что законъ Божій принимаю, такъ и старушка понимала. Ну вотъ и живемъ 63-й годъ женатые. И никакихъ глупостей не было. Потому[66] – не поважены.

– Ну что же, и не было у васъ искушеній? – улыбаясь сказала дама.

– Сказать, что не было. Потому закрѣплено, въ сердцѣ у насъ закрѣплено отъ родителей. [67]

– Ревности неужели не было?

– Ревности? Было, – улыбаясь сказалъ старикъ. Было и это, да какъ не поважены мы съ ней, такъ и ничего.

– Что же, она васъ ревновала или вы ее?

– Не запомню. [68] Нѣтъ. Ну, былъ разъ прикащикъ у насъ щеголь, бабникъ такой скверный. Молодцы про него сказали мнѣ разъ. Ну и запало мнѣ въ голову, что какъ станеть онъ за ней виснуть, глупости какія говорить. И запало мнѣ въ голову, что и она чаще на крыльцо выходить. И такъ скучно мнѣ стало. Я и говорю ей: «покаюсь я тебѣ: такъ и такъ. Смущаетъ меня объ тебѣ нечистый». Вся сгорѣла она. Эхъ, думаю, ужъ и ей не запало ли что въ мысль? Думаю, бабочка молодая, изгадится. Такъ жалко, жалко мнѣ ее стало.

Въ это время вдругъ подлѣ самыхъ разговаривающихъ раздался громкій звукъ оборвавагося смѣха или рыданья. Всѣ оглянулись. На ручкѣ кресла сидѣлъ съдой господинъ и, впиваясь глазами въ разскащика, слушалъ. Когда на него оглянулись, онъ быстро всталъ, повернулся, пошелъ въ свой уголь, что-то покопался надъ дѣвочкой и сейчасъ же опять вернулся.

Старикъ продолжалъ:

– И жаль было прикащика, хорошій малый былъ, разсчель – вотъ и все. И такъ и вѣкъ прожилъ, не знаю, что за любви эти такія. Все это отъ романсовъ, сударыня.

– Да какъ же отъ романовъ, – улыбаясь сказала дама. – Ну, а какъ проснется любовь, да увлечется. Ну, какъ бы вы не хватились во время, да (извините меня, я вѣдь только къ слову) жена бы ваша влюбилась да въ связь вошла бы?

– Ну такъ чтожъ? Развѣ она бы другая стала, развѣ убудеть что? Ну чтожъ, скучно, извѣстно. А все же ее жаль. Еще жалче. Помочь надо.

– Ну да развѣ вы бы могли съ ней жить?

– Отчего жъ?

– Да она бы не захотѣла.

– Эхъ, какъ не захотѣтъ. Легче мужниныхъ хлѣбовъ нѣту. Законъ вѣдь.

– Да вѣдь любви бы ужъ не было.

– Отчего же любви бы не было? Любовь, сударыня, христіанская, братская сильнѣе каменныхъ стѣнъ. А что вы изволите говорить, это не любовь, это романсы. А отъ романсовъ-то и любви нѣтъ.

Опять крикнулъ что-то черный и остановился. Всѣ помолчали.

Прикащикъ пошевелился, еще подвинулся и, видимо страстно желая говорить, улыбаясь началъ:

– Да-съ, вотъ тоже у нашего молодца такой же скандалъ одинъ вышелъ. Тоже разсудить весьма трудно. Тоже попалась такая женщина, что распутевая. И пошла чертить. А малый степенный и съ образованіемъ. Сначала съ конторщикомъ, уговаривалъ онъ тоже добромъ. Не унялась. Всякія пакости дѣлала и его деньги стала красть. И билъ онъ ее. Чтожь, все хужѣла. Съ Евреемъ свела шашни. Чтожь ему дѣлать? Бросилъ ее совсѣмъ. Такъ и живетъ холостой, а она слоняется.

– Неправильно, – сказалъ старикъ.

Въ это время пришелъ кондукторъ спрашивать, у кого до Варвина билеты. Старикъ подозвалъ кондуктора и отдалъ билетъ.

– Скоро Варвино то, голубчикъ?

– Подходимъ.

– А неправильно. Терпѣть надо, – сказалъ онъ, доставая мѣшокъ. – Кабы законъ понималъ, была бы любовь христіанская, не прогналъ бы, пожалѣлъ бы. Прощенья просимъ.

Онъ всталъ, поднялъ картузь и пошелъ. Черный господинъ проводилъ его глазами и остался на ручкѣ кресла.

Только что старикъ, завладѣвшій разговоромъ, ушелъ, поднялся разговоръ въ нѣсколько голосовъ.

– Старого завѣта папаша, – сказалъ прикащикъ.

– Вотъ домострой живой, – сказала дама.

– Есть доля правды, – сказалъ господинъ съ хорошими вещами. [69]

– Ему кажется это просто при той почти животной жизни, дальше которой онъ не видитъ, – сказала дама. – Для него не существуетъ еще вся та сложная игра страсти, которая составляетъ поэзію человѣческой жизни.

– Да, но на его сторонѣ выгода та, что вопросъ все таки разрѣшается для него, тогда какъ для насъ, въ нашемъ сложномъ цивилизованномъ обществѣ, онъ представляется неразрѣшимымъ.

– Совсѣмъ не неразрѣшимымъ, – сказала дама. – Рѣшеніе въ свободѣ, въ признаніи правъ.

Прикащикъ слушалъ во всѣ уши и улыбался, желая запомнить для употребленія сколько можно больше изъ умныхъ разговоровъ.

– Свобода? Какая свобода? – вдругъ неожиданно сказалъ мой сосѣдь. – Какъ это свобода разрѣшаетъ вопросы? Позвольте узнать.

Дама какъ бы испугалась сначала, но потомъ отвѣчала:

– Свобода разрѣшаетъ вопросъ тѣмъ, что нѣтъ насильно навязанныхъ узъ.

– Да и безъ навязанныхъ узъ страсть можетъ быть, ревность. Я хочу женщину и другой хочетъ. Какъ быть?

– То есть какъ? Въдь женщина чловѣкъ. Что она хочетъ?

– А если она не знаетъ, чего она хочетъ? Она хочетъ и того и другого.

– Я васъ не понимаю.

Онъ только крикнулъ, дернулся и замолчалъ.

Господинъ съ хорошими вещами вступился, желая разъяснить.

– Они говорятъ, – сказалъ онъ, указывая на даму, – что если бы была свобода, то какъ женщина, такъ и мущина, будучи вольны избирать себѣ по своей симпатіи, было

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle бы больше согласія. А въ случаѣ ошибки могли бы свободно расходиться. Тогда только и правильнѣе бы сходились, и не было бы столкновеній при исправленіи разъ сдѣланныхъ ошибокъ. Такъ ли я васъ понялъ? – обратился онъ къ дамѣ.

– А страсти? – А развитія, какъ онъ говорить, романсами страсти куда дѣтъ?

– Подчинить разсудку.

– Распустить во весь ходъ паровозъ, снять тормоза, а потомъ сразу остановить?

– Нѣтъ, почему же не отказаться добровольно, свободно избрать наилучшій выходъ?[70] Положимъ, я люблю своего мужа, – сказала дама, – но вижу, что онъ любить другую. Какже я могу жить съ нимъ? Развѣ не очевидно, что только одно средство выдти изъ того ада, въ который мы поставлены, – это дать ему свободу. Иначе мы будемъ страдать оба.[71] И я знаю такихъ супруговъ. Я вамъ рассказывала, – обратилась она къ господину съ хорошими вещами, – про моего шурина. Онъ любилъ ее и всетаки отказался для другаго. И самъ спокоенъ и счастливъ.[72]

– Онъ никогда не любилъ, – рѣзко сказалъ мой сосѣдъ.

– Нѣтъ, почему же. Вотъ я знаю, товарищъ мнѣ...

И господинъ съ хорошими вещами рассказалъ, какъ его знакомый, узнавъ о невѣрности жены, вызвалъ на дуэль того, ранилъ, а потомъ развелся и женился, и тотъ женился на его женѣ и живутъ прекрасно.[73]

– Гмъ! это не любовь даже. Это удобство. Такъ холостяки живутъ не любя.

– Почему же не любовь? – сказала дама.

– А потому, что если есть любовь, какже разойтись, уступить другому? Рыбамъ разойтись можно, молоки и икру класть, одной другой не мѣшать, а животныя не расходятся такъ легко.[74]

– Да зачѣмъ же говорить про животныхъ, когда мы говоримъ про людей?

– Про людей... Люди тоже не расходятся. Про людей![75] А то то и дѣло, что мы выставяемъ принципъ, а потомъ не держимся его. Если любовь, любовь къ одной женщинѣ, – великое, высокое чувство – романсы, такъ какже я отдамъ другому ту женщину, которую я люблю? Во имя чего? Нельзя отдать, если есть эта любовь.[76] А если могу отдать и быть доволенъ съ другою, то и любви ее этой нѣтъ, а есть самое низкое рыбье свойство.

– А человекъ что сдѣлаеть, по вашему? – спросила дама.

– Человекъ настоящій, какъ я понимаю, сдѣлаеть нѣчто особенное, да не о немъ рѣчь. Рѣчь о человекѣ нашего общества, вѣрящаго въ высоту чувства любви и любящаго. Если такой человекъ не рыба, онъ не разойдется[77] и не отдасть. Нетъ того, во имя чего отдать.[78] Есть рыбы – всѣ рыбы, есть животныя, есть иногда и люди, только рѣдко.

– Почему же не можетъ человекъ, любя, отдать?

– А оттого что нельзя. Это хорошо разсуждать, что дѣлать, когда крушеніе будетъ, а какъ начнется крушеніе, того не сдѣлаешь. Вы слышали, вѣрно, дѣло разбиралось въ К. судѣ – Позднышева, – сказалъ онъ оглядываясь, какъ будто вошелъ кто-то.

Никто изъ насъ не слыхалъ про Позднышева.

– Не слышали, такъ я вамъ скажу: убилъ[79] жену, потому что любилъ ее. И не могъ не сдѣлать этаго.[80]

– Ну ужъ это я не понимаю.[81]

– Женился Позднышевъ какъ всѣ. Работалъ въ университетъ, работалъ потомъ, добился своего. Потомъ заговорило это чувство. Встрѣтились. Она молода, красива, очень красива,[82] съ состоянницею, въ пансіонѣ была, не доучилась. Локоны,

платицы модныя, хорошенькая, глупенькая, добренькая, главное – хорошенькая. Чтожь, думаетъ, развѣ я не человѣкъ? Кромѣ моей химіи, есть тамъ еще эти радости, красота, любовь.[83] Чтожь, я такъ и буду глазами хлопать, пока другіе разберутъ, да и года пройдутъ? Нѣтъ, дудки, и моя денежка не щербатая. Взять, женился. Все продѣлалъ какъ надо. Всю собачью сватьбу. Онъ домострой? При домостроѣ, когда женили по волю родителей, и не видали невѣсты, и романсовъ не было, тогда и перины, и бѣлье, и платья, и смотрины – все чисто и честно. Но у насъ, когда въ душѣ-то у всѣхъ, кто участвуетъ въ сватьбѣ, одна собачья сватьба, когда и въ таинство-то не вѣрятъ (онъ ученый, стало-быть, не вѣ[рять]), тогда всѣ эти постели, бѣлье, халаты, туалеты, капоты, шоколады – вѣдь это просто пакость. Ну, продѣлалъ всю эту пакость, женился и узналъ, что кромѣ химіи еще вонъ какія пріятныя штучки есть. И понравилось, очень понравилось. Пойдетъ, работаетъ, вернется, а дома, вмѣсто пыли, скуки, прелесть, грація, изящество, красота, наслажденіе.[84] Чего лучше? Какъ, думаетъ, я давно не догадался? Такъ и думалъ, что кромѣ этихъ всѣхъ удовольствій ничего не будетъ. Анъ съ первыхъ же недѣль явилось новенькое и совсѣмъ неожиданное. Явились слезы, досады, требованія чего то для себя такого, что не сходилось [съ] тѣмъ, что нужно было для него. Случилось, какъ это всегда случается, что то подобное тому, что вы бы испытали, если бы вы завели себѣ удобство – кресло у камина, чтобъ отдыхать, и вдругъ кресло поворачивается кверху ножками и заявляетъ свои желанія – какія? – поиграть, отдохнуть. Вы удивляетесь, какъ можетъ кресло чего то для себя желать. Вѣдь оно – кресло. Вы поворачиваете кресло, хотите сѣсть, а оно опять свое. Вотъ тоже со всѣми бываетъ. И начинается разладъ, ссоры. Да какія ссоры! Такія, какія бываютъ между людьми, которые совсѣмъ не понимаютъ, не хотятъ понимать требованій жизни другъ друга. И эти ссоры озадачиваютъ: какъ такъ? Была такая сильная любовь 6 часовъ тому назадъ, и вдругъ ничего не осталось – кресло было мягкое, покойное, и вдругъ торчатъ одни рожны. Не можетъ же быть, чтобъ была такая сильная любовь, и ничего не осталось, хоть кусочка. Хватъ-похватъ, ничего нѣтъ, ни капельки. Совсѣмъ чужой озлобленный человѣкъ, и начинается потасовка. Вѣдь это секретъ, который всѣ другъ отъ друга скрываютъ, но всѣ знаютъ. Начинаются ссоры, злоба, какъ между звѣрями, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе было то, что называется любовью. Такія злобы, которыя доводятъ до искренняго желанія смерти себя и ея, его и себя. Такъ и идетъ, пока опять обманъ страсти не заслонитъ. Такъ шло. А кромѣ того явилось и еще неожиданное обстоятельство, а именно то, что онъ, устроивъ себѣ удовольствіе, не разсчиталъ, что охотниковъ на эти удовольствія очень много, да еще такихъ умныхъ людей, которые не только знаютъ, что иногда очень пріятно жить съ женщиной, но знаютъ еще и то, что для этаго не нужно всѣхъ этихъ хлопотъ и непріятностей, связанныхъ съ женатою жизнью. А что гораздо пріятнѣе и безъ хлопотъ собирать сливочки съ того подоя, который другіе устроятъ. Жена была прекрасная, знаете, съ вызывающей замѣтной красотой. Ну и замѣтили тѣ-то, болѣе умные. Вотъ одинъ изъ этихъ болѣе умныхъ и взялся за дѣло. А! Да. Ну вотъ тутъ и начинаются всѣ эти вопросы, какъ разойтись по согласію, по свободѣ. Какъ разойтись такъ по свободѣ, что вотъ имъ – онъ указалъ на прикащика – понадобилась ваша вотъ эта рука, такъ чтожь, – очень просто. Чѣмъ стѣсняться, пускай онъ возьметъ мою руку да и пойдетъ. У него будетъ три руки, а у меня одна. И я спокойно такъ и отдамъ. Вотъ и началось это, что по вашему такъ просто рѣшается. Главная трудность просто то рѣшать та, что никогда вопроса не ставится. А чортъ его знаетъ, хочеть моя жена обмануть меня, обманула ли ужъ давно или вотъ только приладилась сегодня обмануть? Это никто не знаетъ – ни мужъ, ни жена, ни тотъ, кто чужую жену караулитъ. Онъ говоритъ: «авось, нынче подвинется дѣло». У него это дѣломъ называется. А жена говоритъ себѣ: «какія-то странныя чувства и хорошія, какъ люблю», а кого, сама не знаетъ. А мужъ думаетъ: «нѣтъ, это мнѣ показалось»; а черезъ минуту думаетъ: «это удивительно, что я не видалъ, что у нихъ ужъ все кончено». А черезъ минуту думаетъ: «а можетъ быть, и нѣтъ. Надо не думать». И начинаеть заниматься тѣмъ, чтобы не думать о бѣломъ медвѣдѣ. Пріятное занятіе. Кто не испыталъ, тотъ пріятности этой понять не можетъ.

Вотъ это то и началось. И пошло, и пошло, и пошло. Такъ шло 2 года. Оказалось, что удовольствіе то – удовольствіе, и пріятности и удобствъ много, но и жестко. Ухъ, жестко![85]

– Она была женщина безъ образованья, – сказала дама.

Опять онъ разсердился на даму и, не глядя на нее, отвѣчалъ господину съ хорошими вещами:

– Образованья она была того самаго, при которомъ женщины про себя говорятъ:

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
женщина образованная. Въдь если женщина по англійски говорить, она про всѣхъ тѣхъ, которые не говорятъ, говоритъ – необразованные, а если она, помилуй Богъ, про естественный подборъ знаетъ, тогда всѣ необразованы. Она знала про подборъ. Онъ развивалъ ее, давалъ ей читать, самъ читалъ съ ней. Она читала, поднимала вопросы, особенно въ присутствіи тѣхъ умныхъ, которые ее караулили. Это все было, но это была все ложь. Онъ зналъ, зачѣмъ онъ ее взялъ, – развитію ему ее никакого не нужно было. А такъ ужъ заведено такъ, для приличія развивалъ. И она знала, что она, и зачѣмъ она нужна, и въ чемъ ее сила, и такъ только дѣлала видъ, что ее что-нибудь интересуетъ. Интересовало ее (У!), бѣдняжку, одни ее лицо, и тѣло, и его покровы, и дѣти. Былъ ребенокъ. Ну чтожъ, ребенокъ тоже очень красиво: и колыбель, и ванночка, и платъицы – все занимало, но и въ дѣтской кокетничала очень хорошо. Такъ что нельзя разобрать было, что она моетъ, чтобы вымыть, или чтобы локти свои бѣлые показать, и ласкается, что[бы] приласкать или рядомъ свою голову съ головкой ребенка поставить.

Такъ шло, шло и дошло, что что-то какъ будто случилось.

Да и случилось такъ, что нельзя было знать, случилось или не случилось. Для мужа осталось не то что тайной (кабы тайна, лучше бы), а то все тотъ же бѣлый медвѣдь, про котораго надо не думать, чтобы не разорвалось сердце.

– Да чтожъ случилось?

– А вотъ что: было дѣло на дачѣ. У! (Я тамъ же жилъ). Жилъ съ ними рядомъ художникъ. Милый такой мальчикъ, одинъ изъ тѣхъ, что поумнѣе, тѣ, которые и безъ женитьбы устраиваются, лѣтъ 28, хорошенькій, бѣлый, глазки блестящіе, голубые, губки красненькія, усики съ рыжинкой. Ну, чего же еще? Писалъ онъ все какія то деревья съ желтыми листьями и все съ мѣста на мѣсто ходилъ съ своимъ мольбертомъ въ шляпъ и пледъ. И познакомился съ ними и бывалъ.[86] Все та же началась эта паутина, которая стала обматывать его со всѣхъ сторонъ и въ которой онъ все больше и больше путался. Все тоненькія ниточки, совѣстно ихъ разрывать – за что? Но одна за другой, одна за другой, и не успѣлъ оглянуться, какъ ужъ онъ весь запутанъ по рукамъ, по ногамъ. Она любитъ живопись, еще въ пансіонѣ оказывала способности, но не было руководителя. Начинала нѣсколько разъ, но тутъ какъ не воспользоваться такимъ удивительнымъ случаемъ? Знаменитость, и такой любезный, услужливый, и такая простота. Никакихъ интересовъ нѣтъ, очевидно, между ними, кромѣ высокаго искусства. Ахъ, какая прелесть это пятнышко, какъ свѣжо. Покажетъ мужъ признакъ ревности, чуть выпуститъ когти, сейчасъ же оскорбленная невинность, намеки на то, чего и въ мысляхъ не было. «Только вызываетъ дурныя мысли». И спрячетъ опять ревность. А она есть. Простота отношеній удивительная, ровность, веселость, шутовство. Присутствіе мужа ни на волосъ не измѣняетъ простоты тона. И мужъ принимаетъ этотъ же тонъ, а въ душѣ адъ. Разъяснить дѣло нельзя, не выдавъ себя. Начать разъяснять хотъ съ ней – значить снять запоры съ звѣрскаго чувства. А не разъяснить вопросъ – еще ужаснѣе. Главное дѣло, въдь самое ужасное въ этихъ случаяхъ то, что онъ видѣлъ, что то самое, что она для него – услада нѣкоторыхъ минутъ жизни, то самое она должна еще въ большей степени быть для другихъ. И то самое, что онъ для нея, для нея въ сто разъ больше должны быть другіе и по новизнѣ и просто по внѣшности.[87] По здравому смыслу ей надо предпочесть того. Внутреннихъ преградъ въдь никакихъ мужъ ни за собой не знаетъ, ни за ней. Стало-быть, ей надо это сдѣлать, если она будетъ не дура. Одна помѣха – это огласка, худая слава, непріятности, стало-быть, она должна сдѣлать такъ, чтобы никто не узналъ. А если она такъ станеть дѣлать или уже сдѣлала, то я не узнаю.

Но нѣтъ, она не сдѣлала, а между тѣмъ она уже все лѣто была въ связи съ художникомъ. И[88] если тонко разбирать, то онъ зналъ это, несомнѣнно зналъ,[89] не такъ зналъ, какъ знаютъ то, на что имѣютъ внѣшнія доказательства, но какъ зналъ свои ощущенія – несомнѣнно, но не видно. Знаю я одинъ характерный эпизодъ изъ ихъ жизни за это время. Въдь чтобы понятно было послѣдующее, надо дать понятіе объ ихъ чувствахъ.

Одинъ разъ она поѣхала въ городъ. Нужны оказались тѣ вещи, которыя, вы знаете, всегда нужны дамамъ, до зарѣзу нужны. Онъ, художникъ, долженъ былъ особенныя деревца на пруду дописывать.[90] Она поѣхала. Очень спѣшила. Очень хороша была собой, онъ говорилъ. И она раза два между разговора упомянула, что ей скучно дѣлать порученіе художника въ городѣ, давая понимать, что онъ на дачѣ.

Вдругъ на него нашло сознаніе, что все кончено. Она измѣнила. Онъ пошелъ къ

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle художнику; его сожитель сказалъ, что онъ въ ночь уѣхалъ въ городъ. [91] Тутъ вспомнились ему поѣздки въ городъ частыя, въ пыль, безъ достаточныхъ предлоговъ. [92]

Стало быть, все уже было. Она уже сдѣлала такъ, какъ ей по здравому разсудку слѣдовало сдѣлать. [93] Онъ не могъ усидѣть дома и поѣхалъ въ городъ. И не просто поѣхалъ, а взялъ ривольверъ, чтобъ убить ее и его.

Это страшное рѣшеніе пришло ему какъ самое естественное. Но вышло совсѣмъ другое. Они встрѣтились на дорогѣ. Онъ увидалъ ее еще издалека. Она возвращалась домой свѣжая, веселая, довольная. И въ первую минуту встрѣчи онъ увидалъ на ней то сіяніе счастья, которое было для него всегда главнымъ внутреннимъ доказательствомъ ея измѣны. Когда она увидала его, она улыбнулась, ему показалось – насмѣшливо (надъ нимъ смѣется и съ нимъ), но сейчасъ же выразила безпокойство.

– Что съ тобой. Куда ты?

Онъ хотѣлъ солгать, но не могъ. Онъ сѣлъ къ ней въ пролетку и раздавилъ картины, которыя она везла. Это разсердило ее. Какъ будто она имѣла еще право сердиться.

– Что съ тобой? Что ты какъ шальной?

– Я не могу такъ больше.

Они вышли и пѣшкомъ пошли до дома.

– Я измучался.

– Ахъ, это Леонидъ Николаевичъ? Полно, какъ тебѣ не совѣстно.

И началось. Въ губахъ радостная игра улыбки, которую не въ силахъ сдержать. И насмѣшки и не увѣренія, она не хотѣла спуститься до увѣреній. Какъ можно думать и мучаться такимъ вздоромъ? Такъ все хорошо. Зачѣмъ портить жизнь?

– Ну, если тебя мучаетъ, я не буду видѣть его. Хоть это глупо, унизительно для меня. Но какъ хочешь, мнѣ дороже всего ты, твое спокойствіе.

А она уже измѣнилаему и хотѣла продолжать измѣнять. Но онъ повѣрилъ ей, и никогда она такъ прекрасна не казалась ему. Никогда онъ такъ страстно не любилъ ее. [94] Онъ въ первый разъ, взявъ пистолетъ, далъ ходъ звѣрскому чувству, и усилилось другое звѣрское чувство. Оно одно, только съ другого конца.

Этотъ эпизодъ кончился. Художника она явно не видала больше, да онъ уѣхалъ. И жизнь пошла какъ будто лучше. Но все то же карауленье другъ друга. [95] Но годъ прошель хорошо, ревности и поводовъ къ ней не было. Только были ссоры и тѣже иногда отчаяніе у него, раскаяніе, зачѣмъ онъ навязалъ себѣ на шею эту муку, попытки избавиться и сознаніе, что погублена жизнь, надо тянуть до конца, и тѣже примиренія и сближенія. Но внутренней связи никакой. Каждый смотрѣлъ на другого какъ на существо, которое ему нужно, на которое онъ имѣлъ права, но которое своихъ правъ не имѣеть.

Жили они еще годъ. Но тутъ наступилъ тотъ самый экзамень, на которомъ ему надо было показать, какъ вы изволите говорить, что какъ легко по здравому разсудку, по свободѣ разойтись, чтобъ никому не было хуже, а всѣмъ было лучше. Какъ можно пріятнѣе и лучше.

Вотъ такъ-то и шло дѣло еще [96] годъ. Родился еще ребенокъ. Увеличивались и привычка, и прелесть женатой жизни, и страданія. И кажется, непропорціонально. Если бы тогда вы видѣли его, вы бы не сказали, что онъ несчастень, онъ самъ бы не сказалъ этаго про себя. Какъ человекъ съ началомъ губительной болѣзни узнаеть весь ужасъ своего положенія послѣ, когда болѣзнь разразилась. То, что его мучало больше всего, про то-то и нельзя было говорить, особенно съ самымъ близкимъ человекомъ, съ женою. Онъ послѣ уже говорилъ мнѣ, что мученіе увеличивалось тѣмъ, что онъ не зналъ, его ли этотъ послѣдній ребенокъ или того блага художника, который писалъ на пруду деревья; то онъ былъ увѣренъ, что да, то былъ увѣренъ, что нѣтъ. Бѣдствовалъ онъ ужасно. А отчего бѣдствовалъ? Оттого, что его супруга была для него только, только сладкій, вкусный кусокъ, который онъ ѣлъ, и

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
чѣмъ слаще былъ кусокъ, тѣмъ яснѣе ему было, что непременно этотъ сладкій кусокъ
хотятъ съѣсть и съѣли отчасти или рано или поздно съѣдятъ другіе. ѣздили они
за границу. Все будто бы она развивалась. А собственно одно и у ней было. Она
знала, что она сладкій кусокъ, и надо увеличивать, поддерживать и сохранять его
сладость. Такъ и дѣлала.[97] Что жъ, это особенная была натура, мелкая,
ничтожная? Нисколько. Это былъ звѣрь, какъ звѣрь, хорошій звѣрокъ, ласковый,
хитрый, красивый и умный.[98]

Ну вотъ-съ, продолжали они жить примѣрными супругами. И вотъ случилось, поѣхали
они на лѣто въ деревню къ его брату, совсѣмъ въ другой сторонѣ, гдѣ была дача.
Онъ началъ заниматься агрономіей. Было дѣло въ срединѣ лѣта.[99] У ней были
знакомыя сосѣдки: женщина врачъ – славный человекъ – тоже о свободѣ толковала.
Приходитъ онъ разъ домой изъ сада за забытыми черенками, – онъ прививаль, – и
видитъ, она идетъ домой.

– Откуда ты?

– Я гуляла?

– Гуляла?

Смотритъ, сіяетъ ея лицо. Такъ сіяетъ, какъ сіяетъ только отъ любви, отъ[100]
звѣрской. Вернулся онъ домой, нашель докториху, слово за слово, и рассказала она
ему, что недѣлю тому назадъ пріѣхалъ художникъ и живетъ у священника. Пришла
обѣдать. Хочетъ удержать сіянье и не можетъ. Такъ хороша, какъ никогда не была.
Моя она,[101] а не я причиной этаго сіянья, а онъ. Не сталъ ничего говорить и
тоже, какъ звѣрь, какъ тигръ, скрылъ все и только проше, естественнѣе былъ. И
такъ и оставилъ. Моя, но не моя, еще слаще она показалась ему. Не моя, но моя.
Онъ что больше любилъ, то больше ненавидѣлъ. И ненависть перерастать стала. Онъ
жилъ и стерегъ. Художникъ не показывался.[102] Что онъ перестрадалъ! Онъ ничего
не зналъ, но видѣлъ, что она знаетъ, что онъ тутъ, и видитъ его. Упомянуть его
имя онъ не могъ. Такъ прошла недѣля. Онъ объявилъ, что ѣдетъ въ городъ на сутки,
и уѣхалъ. И, разумѣется, отослалъ лошадей и вернулся домой вечеромъ, ночью и
видѣлъ самъ, какъ онъ бокомъ, оглядывая[съ], подошелъ къ балконной двери,
поколебался и быстро шмыгнулъ. Нѣтъ, ножъ садовый не хорошъ. Я вбѣжалъ къ себѣ,
у меня былъ кинжалъ. Да. Я не помню, какъ я вбѣжалъ. Да, мою, мою жену, мою! Онъ
выскочилъ въ окно. На ней была одна рубашка, она подняла обнаженные руки и съла
на постели. Да! Какъ же, отдамъ я свое! Я подбѣжалъ и воткнулъ кинжалъ съ низу и
потянулъ кверху. Она упала, схватила за руку меня. Я вырвалъ кинжалъ руками.
Кровь хлынула. Мнѣ мерзко стало отъ крови ея.

– Гадина, пропади, – и я[103] кулакомъ ударилъ ее по лицу и вышелъ къ горничной
и къ слугѣ.

– Подите, скажите уряднику. Я убилъ жену.

Я сълъ у себя и выкурилъ папироску. Докториха пришла.

– Подите къ ней.

– Зачѣмъ?

– Подите.

– Умреть?

– Да.

Что-то дрогнуло во мнѣ. «Ну, и лучше». Я подошелъ къ двери. Открылъ. Она лежитъ,
изуродованное лицо, и распухла, и посинела щека и глазъ. Боже мой! Что я
сдѣлалъ. Я только что, самъ не зная зачѣмъ, хотѣлъ упасть на колѣни, просить
чего-то. У! Она поманила.

– Прости меня, прости, – сказала она.

Я молчалъ.

– Я не могла, я не знала. Я гадкая, но я не виновата, право, не виновата.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Прости. Но неужели я умру? Неужели нельзя помочь? Я бы жила хорошо... Я бы...
искупила.

Откуда она взяла эти слова? Но ничего нельзя было сделать. Она умерла, меня судили. Я Позднышевъ. И оправдали, скоты. Такъ вотъ что. Вотъ и перенесите. А что старикъ вретъ.

– Да вѣдь старикъ это самое и говорить, – робко сказалъ господинъ съ хорошими вещами.

– Старикъ! У! Да, онъ это и говорить, и я это говорю. Только на ея одрѣ я полюбилъ. Какъ полюбилъ! Боже мой, какъ полюбилъ!

Онъ зарыдалъ.

– Да не она виновата. Будь она жива, я бы любилъ не ея тѣло и лицо, а любилъ бы ее и все простилъ бы. Да если бы я любилъ, и нечего бы прощать было.

На слѣдующей станціи онъ вышелъ. Дѣвочка, которая была съ нимъ, была та ея дочь, про которую онъ не зналъ, онъ ли былъ ея отецъ.

** [ТРЕТЬЯ (НЕЗАКОНЧЕННАЯ) РЕДАКЦИЯ «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ».]

Мы ѣхали цѣлый день. Вагонъ нашъ 3-го класса былъ почти пустой. Входили и выходили проезжающіе на короткіе переѣзды, но изъ постоянныхъ пассажировъ были только мы двое: я и этотъ притягивающій мое вниманіе, не старый, сильный, не красивый, высокій господинъ въ теплое пальто, очень поношенномъ, но, очевидно, когда то дорогомъ и модномъ, и въ круглой шляпѣ.

Человѣкъ этотъ былъ замѣчательнъ, во первыхъ, тѣмъ, что онъ везъ съ собою хорошенькую дѣвочку 3-хъ лѣтъ и ухаживалъ за ней, какъ мать, именно какъ мать, а не какъ отецъ: онъ не нѣжничалъ съ нею, не суетился, а видно было, какъ мать, помнилъ ее всякую секунду, и дѣвочка была къ нему доверчива и требовательна, какъ бываютъ дѣти къ нянямъ и къ матерямъ, которыми они вполне завладѣли. Вовторыхъ, этотъ человѣкъ и самъ собою былъ замѣчательнъ: не тѣмъ только, что, несмотря на его небогатую одежду и вещи въ истертыхъ чемоданѣхъ и въ узлѣ съ собой въ вагонѣ, и 3-й классъ, и чайникъ съ собой, онъ по всемъ приемамъ своимъ, потому, какъ онъ сидѣлъ, какъ держалъ руки, главное потому, какъ онъ ни на что не смотрѣлъ, а видѣлъ, что дѣлалось въ вагонѣ, какъ онъ учтиво сторонился передъ проходящими, помогалъ тѣмъ, кому нужна была помощь, по всему видно было, что это человѣкъ не только благовоспитанный, но умный и многосторонний. Но не это одно. Главная черта его, невольно притягивающая къ нему вниманіе, была та, что онъ, очевидно, дѣлалъ все, что дѣлалъ, для себя, а не для другихъ, что ему совершенно все равно было, какимъ онъ кажется другимъ. Его довольно странное положеніе однонаго мужчины съ ребенкомъ, обращавшее на него вниманіе, нисколько не стѣсняло его. На обращенія къ нему онъ отвѣчалъ учтиво, но просто и коротко, какъ бы не желая сблизаться ни съ кѣмъ. За предложеніе помощи женщинъ благодарилъ, но ему ничего не нужно было: все у него было обдуманно, прилажено, такъ что онъ никому не мѣшалъ, [104] и ему ничего не нужно было. Наружность его была [105] такая: хорошо, тонко сложенный, высокій, очевидно очень сильный (видно, бывшій гимнастъ), немного сутуловатый, ранне лысый, съ маленькой, не сплошной полурыжей-получерной бородкой, оставившей незаросшими части лица подъ углами губъ, съ правильнымъ носомъ, толстыми губами и карими, быстрыми и усталыми глазами, изъ которыхъ одинъ косилъ. Быстрыя, сильныя и красивыя всѣ движенья, большія красивыя жилистыя руки. Во всемъ чувствовалась сдержанная нервная напряженность. [106] Ни колецъ, ни рѣс-нез, ни папирозъ, ни книги – у него ничего не было. Онъ оправлялъ спящаго ребенка, или ухаживалъ его, или становился у окна и сидѣлъ, глядя прямо передъ собой или въ окно и, очевидно, думалъ и хорошо, важно, серьезно думалъ, только изрѣдка отрываясь и взглядывая на дѣвочку, и бѣглымъ взглядомъ, мгновенно охватывавшимъ все на лицахъ [?] въ вагонѣ. Когда онъ встрѣчался со мной глазами, онъ тотчасъ же отводилъ взглядъ, какъ будто понималъ меня и то, что я наблюдаю его. И это ему было какъ будто не то что непріятно, но докучливо. Меня онъ очень занималъ. Мнѣ хотѣлось заговорить с нимъ, но именно потому, что мнѣ очень этаго хотѣлось, совѣстно было и не хотѣлось начать съ какой нибудь глупости. Онъ ѣхалъ до Кіева, судя по вагону, и я тоже, и я надѣялся, что найдется случай.

Дѣло шло къ вечеру, кондукторъ зашелъ зажечь фонари. Онъ посторонился на своей лавочкѣ, и когда у кондуктора не закрывался фонарь, всталъ и очень ловко и скоро

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe поправил задвижку и спросил, гдѣ можно взять воды горячей въ чайникъ. Кондукторъ сказалъ, что мы подходимъ къ буфету. Онъ досталъ изъ подъ лавки жестяной чайникъ, развязалъ узелокъ, засыпалъ чай и всталъ, но въ это время дѣвочка его проснулась и заплакала.

Въ вагонъ почти всѣ спали, кромѣ меня. Онъ оглянулся на всѣхъ и встрѣтился глазами со мной.

– Я не выйду, – сказала я. – Я побуду съ ней.

Онъ улыбнулся прекрасной, умной, доброй, чуть замѣтной улыбкой. И какъ это часто бываетъ, этотъ короткій взглядъ, улыбка показала намъ наше родство духовное, освободила, такъ сказать, связанную теплоту. Онъ понялъ, что я просто желаю ему быть полезень, а я понялъ, что ему это пріятно. [107]

– Нѣтъ, ужъ если вы хотите, то возьмите воды горячей – вотъ деньги. – Онъ подаль мнѣ пятакъ.

Я взялъ чайникъ и деньги и пошелъ на станцію. Когда я вернулся, дѣвочка ужъ успокоилась и заснула. Онъ очень благодарилъ меня и предложилъ мнѣ напитокъ чаю. Я согласился. Мы сѣли рядомъ съ дѣвочкой на пустыя лавочки, передъ собой поставили чай. Онъ казался именно тѣмъ самымъ, какимъ я предполагалъ его, благовоспитаннымъ, образованнымъ и тонкимъ, но очень сдержаннымъ человѣкомъ: онъ какъ будто старался не выдать себя и съ особенной скромностью, которую я сначала принялъ за гордость, старался избѣгать фамильярности, т. е. того, что могло бы вызвать насъ на личныя откровенности.

Разговоръ нашъ начался, какъ часто начинается въ желѣзной дорогѣ, въ родѣ того что въ маскарадѣ: мы, разговаривая объ общихъ предметахъ, о поклоненіи мощамъ въ Кіевѣ, о воспитаніи, о спиритизмѣ, осторожно выщупывали другъ друга, т. е. преимущественно я. Онъ же охотно и умно, не пошло, а своеобразно говорилъ обо всемъ, но о себѣ не говорилъ и обо мнѣ не желалъ знать. Но, не смотря на это, странно сказать, я просто полюбилъ этаго человѣка, нѣжно полюбилъ, и мнѣ казалось, да я и увѣренъ, что и онъ также. Мы иногда такъ улыбались, такъ смотрѣли въ глаза другъ другу, какъ смотрятъ влюбленные. Да и прекрасные были у него глаза и въ особенности улыбка. Только сдержанность была въ немъ большая, удерживающая и меня.

Онъ ошибся, много засыпалъ чаю, и чай вышелъ крѣпкій, какъ пиво. Оттого ли, что намъ обоимъ хотѣлось пить, или что мы разговорились и, не замѣчая, пили этотъ чай, мы напились оба (по крайней мѣрѣ про себя я это знаю) пьянымъ чаемъ. Я почувствовалъ, что въ вискахъ у меня стучить, сердце бьется быстро, мысли съ большей ясностью возникаютъ и смѣняются и, главное, что говоришь и слышишь, представляется въ такихъ живыхъ образахъ, какъ будто это все видишь передъ собой. Онъ, вѣроятно, испытывалъ тоже самое и даже замѣтилъ это. Особенному нервному возбужденію, вѣроятно, содѣйствовало и тряска, и шумъ вагона, и темнота.

Мы такъ оживились, опять я особенно, – я былъ тогда совсѣмъ молодъ и влюбленъ, мнѣ было 28 лѣтъ и ѣхалъ въ семью моей будущей жены сдѣлать предложеніе, – я такъ оживился, что совсѣмъ уже забылъ про свое любопытство узнать о томъ, кто и что онъ. Мнѣ казалось, что я уже зналъ его вполне, зналъ его душу и люблю ее, такъ что подробности внѣшнія о его жизни ничего ужъ не могли мнѣ прибавить. Мы говорили о воспитаніи. Я высказалъ свой взглядъ на то, что вся судьба человѣчества зависитъ отъ воспитанья, что если бы люди только понимали всю важность этаго дѣла и подчинили бы ему все остальное, и внѣшнюю, и внутреннюю политику, и экономическія условія, и только тогда бы возможно было поставить воспитаніе такъ, какъ оно должно стоять. А то что же теперь воспитанье, когда дѣтей ставятъ – именно въ виду воспитанія, въ самыя невоспитательныя условія; везутъ въ городъ, отдають въ школы къ чужимъ людямъ, имѣющимъ совсѣмъ постороннія цѣли? [108] Онъ слушалъ улыбаясь.

– Да, это такъ, – говорилъ онъ, – но вы забываете...

Но я перебилъ его и продолжалъ свое... Но потомъ остановился и спросилъ:

– Вы хотѣли сказать что-то?

– Нѣтъ, ничего, – сказалъ онъ нахмурившись. – Нѣтъ ничего, а можетъ, забыть.

– Нѣтъ, вы сказали: «вы забываете».

– Ахъ да, ну да это не стоить... Вы не женаты? – вдругъ спросилъ онъ.

– Нѣтъ, но я ѣду жениться, – сказалъ я.

– А! да то то вы такъ смѣло говорите о томъ, какимъ должно быть воспитаніе, – сказалъ онъ, грустно улыбаясь. – Вы хотите провести его въ жизнь?

– И проведу, разумѣется, проведу. Если у меня будутъ дѣти. Впрочемъ, я говорю, будутъ. А еще и не женатъ.

Я покраснѣлъ, замаялся. Онъ улыбнулся.

– Вы простите меня, что я спросилъ васъ.

– Ахъ нѣтъ, я радъ, вѣдь это странно сказать, – сказалъ я смѣло подъ вліяніемъ того же чайнаго возбужденія, – но вотъ вы человекъ, котораго я вижу первый разъ, и мнѣ пріятно говорить вамъ про самыя задушевныя дѣла, потому что я вижу, что вы понимаете. Отчего же не сказать? Я ѣду жениться. Да, я люблю одну дѣвушку. И вѣрю, что она меня любитъ. А если есть любовь, то будетъ и любовь къ дѣтямъ, а будетъ любовь къ дѣтямъ, она и укажетъ то, что нужно для блага дѣтей, а не поведетъ по этимъ битымъ дорожкамъ...

Сказавъ это, я взглянулъ на него: онъ смотрѣлъ на меня не то что улыбаясь, но весь преобразившись. Все лицо его свѣтилось любовью. Онъ смотрѣлъ на меня, какъ мать смотритъ на любимаго ребенка, радуясь на него и жалъя его. Онъ, очевидно, любилъ меня. Я поглядѣлъ на него и остановился и даже спросилъ:

– что?

– что? – повторилъ онъ. – Я только хотѣлъ спросить, что понимать подъ любовью? – сказалъ онъ.

– что понимать, – сказалъ я, улыбаясь отъ радости его участія. – любить – все отдать, объ одномъ думать, одного желать. Я ѣду, я говорю съ вами, а думаю о ней. Да чтоже, вы меня не знаете и не узнаете, а тѣмъ более ее.

Его грустное, доброе, любящее меня лицо, изъ котораго смотрѣли на меня, притягивая къ себѣ, его глубокіе сѣрые глаза, еще более возбуждало меня.

– Тотъ, кто не знаетъ этаго чувства, тотъ его не можетъ, не можетъ понять, – говорилъ я. – Я не знаю, красива, некрасива она (всѣ говорятъ, что красива), но знаю, что вотъ я говорю съ вами, и я вижу ее, ея улыбку, слышу ея голосъ, вижу ея душу. Это пошло, но это то самое, что называется сліяніемъ душъ... – Я остановился. – Вы вѣрно знаете это чувство?

– Да хорошее ли это чувство? – сказалъ онъ.

– Это чувство? – вскрикнулъ я. – Какъ хорошо ли? Да одно только и есть хорошее. Одно чувство, которое даетъ намъ образецъ высшаго счастья, вѣчнаго. Только то и хорошее чувство, которое похоже на это. [109]

– Ну, а уступили бы вы ее другому, если бы знали, что она будетъ счастлива съ другимъ?

– Да развѣ можно это знать? – сказалъ я, отвиливая отъ вопроса.

– Нѣтъ, я помню, гдѣ то читаль: еслибы человекъ истинно любилъ женщину, онъ ни за что въ мѣръ не пожелалъ бы быть ея мужемъ, еслибы не зналъ навѣрно, что онъ самый лучшій мужъ, котораго она можетъ имѣть. Такъ ли вы любите?

Меня поразило это замѣчаніе.

– Положимъ, – сказалъ я всетаки, – что есть доля эгоизма въ любви, но это не мѣшаетъ любви быть высочайшимъ чувствомъ.

– Ахъ, какое это ужасное чувство! – сказалъ онъ для себя больше, чѣмъ для меня.

– Какъ ужасное! [110] – сказалъ я.

– Да, ужасное, ужасное, ужасное, – сказалъ онъ, и глаза его заблестѣли гнѣвомъ на кого то. И тотчасъ же онъ поглядѣлъ на дѣвочку и утихъ. – Любите, – сказалъ онъ потомъ, – любите того, кого любите, отдавайтесь этому чувству, но не восхваляйте его, не воображайте себѣ, что это чувство лучше, чѣмъ оно есть.

– Но когда я чувствую, я знаю, что у меня крылья, я люблю черезъ нее всѣхъ, и васъ, и всѣхъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ, и мы замолчали. Трутутумъ, только подрагивали подъ нами колеса по рельсамъ.

– Нѣтъ, нельзя этаго передать другому, – сказалъ онъ.

– чего?

– Того, в чемъ обманъ, въ чемъ ужасъ этой вашей любви.

– Да въ чемъ же?

Онъ не отвѣчалъ, а все пилъ свой чай и предложилъ его мнѣ. Я думалъ, что онъ хочетъ прекратить разговоръ, такъ долго мы молчали, но онъ вдругъ поставилъ стаканъ. [111]

– Въ чемъ ужасъ? – повторилъ онъ.

– Я не понимаю.

– А поймете, когда узнаете, кто я.

Я вопросительно посмотрѣлъ на него.

– Я Степановъ. Леонидъ Степановъ.

– Я не знаю.

– Я Степановъ, судившійся 4 года тому назадъ въ Казанскомъ окружномъ Судѣ, – сказалъ онъ, глядя на меня твердымъ, но холоднымъ взглядомъ.

– Да, Степановъ, но нѣтъ, я не знаю, я не слыхалъ, не читалъ.

– А я думалъ, что это дѣло надѣлало столько шума, что вы знаете. [112]

– Но что общаго съ нашимъ разговоромъ? – сказалъ я.

– Что общаго? Дѣло это – исторія любви, самой, по вашему, возвышенной, хорошей любви.

Я молчалъ.

– Да, вамъ нужно это знать. Можетъ быть, вы не захотите знать меня послѣ, но мне все равно, я для васъ скажу и для себя. [113]

– Женился я, какъ женятся всѣ такъ называемые порядочные люди нашего круга, то есть обманывалъ, лгалъ и себѣ и другимъ, и меня обманывали, и мнѣ лгали, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ увѣренъ, [114] что женясь, я дѣлаю что то очень прекрасное и, главное, съ раннихъ лтъ я лелѣялъ мечту о семейной жизни. Жена моя должна была быть верхъ совершенства. Любовь наша взаимная должна была быть самая возвышенная. Чистоты наша семейная жизнь должна была быть голубиной. Думать я такъ думалъ и лтъ 10 жилъ взрослымъ человекомъ, не торопясь выбирать предметъ любви, не торопясь излить на какую нибудь женщину всѣ богатства моего сердца. Я приглядывался ко многимъ, но все было не то, все было далеко отъ того совершенства, которое было достойно меня. [115] Это еще лучшее воспитаніе, такое, при которомъ хотя въ воображеніи представляется идеаль чистой, любовной,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
поэтической семейной жизни. У меня был такой идеал, потому что и родители мои были хорошие люди, и воспитанья были матерью, вдовой, чудесной женщиной, всегда в удивительном свѣтѣ рисовавшей мнѣ семейную жизнь. Такъ я жилъ и мечталъ, но не торопился, какъ я вамъ говорилъ, жениться и вель, по русски называя, распутную жизнь (она и не можетъ быть иною для 30-лѣтняго, здороваго, не связаннаго ничѣмъ богатаго человѣка), но которую я, вь сравненіи съ безобразнымъ развратомъ, окружающимъ меня, считалъ хорошею, чистою. Я жилъ спокойно вь тихомъ, пріятномъ развратѣ и мечталъ о возвышенной любви и чистой семейной жизни. Женщины, съ которыми я сходилъ, были не мои, и мнѣ до нихъ не было никакого дѣла, кромѣ удовольствія, которое онѣ мнѣ доставляли; но будущая жена должна была быть моя, и эта то моя должна была быть все, что есть святаго и прекраснаго, потому что она будетъ моя жена. И мнѣ тутъ не казалось ничего невозможнаго. Такъ шло до 30 лѣтъ. Вь 30 лѣтъ я нашель ту, которая должна была осуществить все то, о чемъ я мечталъ. [116] Это была одна изъ 3-хъ дочерей одного средняго чиновника. Я рѣшилъ вь одинъ вечеръ, послѣ того какъ мы ѣздили вь лодкѣ и уже ночью, ворочаясь домой, сидѣли на кормѣ и говорили о томъ, что жизнь должна быть также хороша вь насъ, какъ она хороша вь природѣ, я рѣшилъ, что это она. Понялъ я, что это она, мнѣ казалось, потому, что я увидаль ея душу, удивительную душу, достойную меня, увидаль ея вь улыбкѣ чуть замѣтной, во взглядѣ, во всей ея граціозной фигуркѣ съ очень тонкой таліей, широкими плечами и бюстомъ и маленькой головкой съ тяжелыми волосами. [117] Я [118] понялъ, [119] что она понимаетъ меня, понимаетъ все, все, что я чувствую и думаю. И вернулся домой вь восторгъ и рѣшилъ что она верхъ совершенства и достойна быть моею женою. [120] Достойна быть моею! Вѣдь это прелесть, что за безуміе! Возьмите какого хотите молодого человѣка – хоть вы – и вь трезвья минуты оцѣните себя. Ну, я, по крайней мѣрѣ, оцѣнивалъ себя вь трезвья минуты и зналъ очень хорошо, что я такое, такъ себѣ человѣкъ, такой же, какъ миллионы, – даже скорѣе плохой, чѣмъ хорошей, безъ особеннаго дарованія, завистливый, слабый, безхарактерный, увлекающійся, бѣшеный вь припадкахъ гнѣва, какъ всѣ слабые люди. И вотъ я то, такой человѣкъ, находя вь ней всѣ высшія совершенства и именно потому, что она заключаетъ ихъ вь себѣ, я считаю ея достойной себя. Главный обманъ того безумія, который мы называемъ любовью, не тотъ, что мы придаемъ предмету любви несвойственныя ему добродѣтели, но себѣ вь это удивительное время безумья. – Ахъ! Ахъ! Ахъ! мы живемъ по уши вь такомъ омутѣ лжи, что, если насъ не треснетъ по головѣ, какъ меня, страшное несчастье, мы не можемъ опомниться. Вѣдь что это за путаница лжи – нашъ честный бракъ. Предполагается, и это le secret de la comédie, [121] что мужчина женится чистый, тогда какъ еще вь гимназіи считается однимъ изъ самыхъ лихихъ молодецкихъ подвиговъ за одно – курить, пить и распутничать. Такъ, по крайней мѣрѣ, было вь мое время. Теперь есть ужъ, я слышу и наблюдаю, молодые люди чистые, чувствующіе и знающіе, что это не шутка, а великое дѣло. Помогите имъ Богъ. Но вь мое время, да и теперь, вѣдь это повально. Во всѣхъ романахъ до подробностей описаны чувства героевъ, кусты, около которыхъ они ходятъ, но, описывая ихъ великую любовь къ какой нибудь Эленѣ, ничего не пишется о томъ, что было прежде. Всѣ притворяются, что то, что наполняетъ половину жизни нашихъ городовъ и деревень даже, что этаго нѣтъ. И дѣвушки бѣдныя нѣкоторыя вѣрятъ вь это совсѣмъ серьезно по незнанію, а другіе, всѣ родители, желаютъ вѣрить и притворяются, что вѣрятъ. Но женщины – матери, тѣ, съ своимъ практическимъ смысломъ, притворяясь, что вѣрятъ, на дѣлѣ ведутъ своихъ дочерей совсѣмъ обратно. Они знаютъ, что такое тѣ мужчины – женихи ихъ дочерей, знаютъ, на какую удочку ихъ ловить; отъ этаго эти Джерси мерзкіе, эти нашлапки на задницы, эти голыя плечи, руки, почти груди. Вѣдь это одинъ сплошной домъ терпимости, только одинъ, признаваемый такимъ, на краткіе сроки, а другой, не признаваемый, – на болѣе долгіе сроки. Вы удивляетесь напрасно. Если люди различны по внутреннему содержанію, то это различіе непременно отразится и во внѣшности, но посмотрите на тѣхъ – не называемыхъ, а на самихъ высшихъ свѣтскихъ барынь: тѣже наряды, тѣже фасоны, тѣже духи, тѣже камни и золото, тѣже увеселенья, танцы и музыка, пѣнье, и ѣда, и питье. Никакой разницы. Строго опредѣляя, надо только сказать, что проститутки на короткіе сроки обыкновенно презираемы, на долгіе – уважаемы.

Да, но я влюбился, какъ всѣ влюбляются. Я думалъ, что я самъ. А совсѣмъ нѣтъ: это устроили мамы и портнихи. Мамаши съ катаньями на лодкахъ, портниха съ таліями и т. п.

Заманиванье, ловленіе жениховъ мамышами – вѣдь это другой, всѣмъ извѣстный секретъ. Признаться вь заманиваньи – помилуй Богъ, но вѣдь на этомъ проходить вся жизнь семей съ дѣвцами. И родители и дочери вь запуски другъ передъ другомъ только это и дѣлаютъ, ссорятся, соревнуютъ, хитрятъ, мошенничаютъ. А когда

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoye
сдѣлають и пока дѣлають, показываютъ видъ, что это дѣлается само собой. Не могу
безъ злобы говорить про это, потому что все отъ этаго.

Ну, вотъ я и женился. Женился какъ всь, то есть сложились извѣстныя
обстоятельства: съ одной стороны, меня поймали, съ другой стороны, я самъ
влетѣль, потому что подошло такое время, т. е. по той же самой причинѣ, по
которой я случайно сходилъ и съ другими женщинами. Но разница была въ томъ, что
тамъ я ничего о себѣ не воображалъ хорошаго, а тутъ я за это себя почему то
вознесъ до небесъ и почелъ это дѣло чѣмъ то необыкновеннымъ и особеннымъ. Въ
сущности же я (если откинуть безуміе), я женился затѣмъ, чтобы избавиться отъ
неудобствъ неправильной жизни, имѣть подъ рукой всегда свою жену, чистую,
красивую, молодую.

– Нѣтъ, ну какже это возможно?

– Да, если бы мнѣ тогда это сказали, я бы убилъ того. Это было совсѣмъ другое въ
моемъ представленіи. Но горькимъ опытомъ я узналъ, что это было ничто иное.
Тогда я былъ во всемъ разгарѣ лжи. Но и тогда, я помню, нѣкоторыя подробности
сватъбы оскорбили меня. Я почувствовалъ, что что то не то. Въдь вы помните, что
если женятся по домострою, какъ онъ говорилъ, то пуховики, приданое, постель –
все это подробности нѣкотораго законнаго дѣла, освящаемаго таинствомъ. Но у
насъ, когда изъ 10 брачующихся едва ли есть одинъ, который вѣритъ въ таинство,
когда изъ 100 мужчинъ едва ли одинъ есть уже не женатый прежде, какое ужасное
значеніе получаютъ всь эти подробности: постели, халата, капота, бѣлья, туалета
«jeune mariée», [122] шоколаду. Ложь ложью, а когда до дѣла, то собачья сватъба и
больше ничего. Это немножко оскорбило меня, но ничего, я, какъ и всь,
просмотрѣлъ это, то есть воображалъ себѣ ложь, а дѣлалъ гнусную правду.

Я женился, и устроилось то, чего я въ дѣйствительности желалъ, вступая въ бракъ,
т. е. нѣкоторыя удобства жизни, но того, о чемъ я мечталъ, разумѣется, не было и
признака. Я женился для того, чтобы спокойно жить с женою, но пока я не жилъ
спокойно съ своей женою, я жилъ съ другими женами, на то время находя это болѣе
удобнымъ, и потому невольно сдѣлалъ заключеніе о томъ, что другіе люди, не
женившіеся, должны смотрѣть на мою жену, какъ я смотрѣлъ на другихъ. И тутъ
начались мученія ревности, не одной ревности, но гордости оскорбленнаго
самолюбія и еще негодованія на покушенія противъ моей законной собственности,
купленной мною дорогой цѣной. Кромѣ того, очень скоро послѣ моей женитъбы я
сдѣлалъ необыкновенное открытіе о томъ, что жена моя, кромѣ своей любви ко мнѣ,
даже, какъ мнѣ казалось, въ протиположность этой любви, имѣла свои чувства,
привычки, то, что называютъ убѣжденіями, и еще больше неожиданное открытіе
(столь же неожиданное и оскорбительное для меня, какъ и то, что она храпѣла),
что она сердилась и, когда сердилась, говорила очень ядовитыя мнѣ вещи. Тутъ же
она забеременила, начались капризы и ссоры. Я служилъ тогда предводителемъ. На
сѣздъ пріѣзжалъ къ намъ товарищъ прокурора, который повадился ѣздить. И у меня
началась ревность.

Я, женившись, рѣшилъ быть вѣренъ своей женѣ и, признаюсь, гордился этимъ,
гордился тѣмъ, что, будучи 10 лѣтъ развратникомъ, я былъ вѣренъ моей женѣ. О
томъ, чтобы она была невѣрна мнѣ, она, моя жена, я не могъ подумать безъ
ужаса. [123] И потому чувства, которыя вызывало во мнѣ ухаживанье этаго товарища
прокурора, были ужасно мучительны. Должно быть, я сталъ непріятенъ. Она стала
еще непріятнѣе. И не прошло еще году, какъ я узналъ еще новый, всѣмъ извѣстный
секретъ, именно тотъ, что супружеская жизнь 99/100 есть неперестающій адъ и
мученія, и что всь супруги сговорились скрывать отъ всѣхъ этотъ всѣмъ извѣстный
секретъ. У насъ шелъ адъ, а для людей было похоже на ту жизнь, которую я
воображалъ себѣ; но похоже было только снаружи, т. е. тѣ, которые смотрѣли на
насъ, могли признавать, что мы жили любовной жизнью, но изнутри это было не
такъ. [124] Стычки были безпрестанныя. Слова все болѣе и болѣе жестокія
говорились другъ другу. Тогда я не понималъ того, что насъ связывала вовсе не
любовь, а нѣчто совсѣмъ противоположное; находили періоды просто злобы другъ на
друга безъ всякой видимой причины, подъ самыми непонятными предлогами – за кофе,
за пролетку, за ломберный столъ, все дѣла, которыя ни для того ни для другаго не
имѣли никакой важности. Я не замѣчалъ тогда, что эти періоды злобы возникали
совершенно правильно и равномерно, соответственно періодамъ того, что мы
называли любовью. Періодъ любви – періодъ злобы, длинный періодъ [любви] [125] –
длинный періодъ [злобы]. [126] Тогда мы не понимали, что эта любовь и злоба были
тоже самое чувство, только съ разныхъ концовъ. Такъ шло 12 лѣтъ. Старшему
мальчику было 11, дѣвочкѣ 9, еще два мальчика были 7 и 5 лѣтъ. 3-хъ лѣтній былъ

Случилось, что послѣ одной бользни жены ей нельзя было рожать. Отношенія наши все время были тѣже отвратительныя. Часто бывали времена, что я говорилъ себя въ душѣ: «ахъ кабы она умерла!» и ужасала эта мысль и не могъ ее отогнать. Не знаю, думала ли она тоже. Должно быть. Ссоры бывали жестоки. Потомъ уже узнали силы другъ друга и не доходили до послѣднихъ предѣловъ, но ненависть другъ къ другу кипѣла страшная. Снаружи же все было прекрасно. Мы были вѣрны другъ другу, воспитывали дѣтей и были приличны. Я еще не зналъ тогда, что 99/100 такъ называемыхъ хорошихъ супружествъ живутъ такъ. Я думалъ, что это я одинъ такой несчастный, и скрывалъ, но она была привлекательна и еще больше красива съ тѣхъ поръ, какъ перестала рожать.

Тутъ же я отслужилъ 3-е трелхлѣтїе, и рѣшено было для воспитанія дѣтей ѣхать жить въ городъ. Удивительно, какъ все совпадаетъ и въ правильной и даже неправильной жизни. Какъ разъ когда родителямъ жизнь становится невыносимой другъ отъ друга, необходимы и городскія условія для воспитанія дѣтей, спасающія родителей отъ скуки и ненависти. Перѣехали въ городъ.[127] Такъ называемое воспитаніе дѣтей достигло вполнѣ своей цѣли, чувство мое къ моей собственной женѣ, которое мы называемъ любовью, начинавшее охладѣвать въ деревнѣ, тотчасъ же оживилось въ городѣ, въ особенности ревностью, которую я держалъ въ себѣ и не позволялъ себѣ выказывать. Моя жена возбуждала чувства другихъ, и чувства другихъ возбуждали мои. Когда она прїѣзжала домой въ цвѣтахъ и бальномъ платьѣ, которое она снимала при мнѣ, я чувствовалъ новый приливъ того, что я называлъ любовью къ ней. Но странное дѣло, въ городѣ, при все учащенномъ щекотаніи ревности, это чувство все больше и больше перемѣшивалось съ недобримъ чувствомъ. Но все было хорошо, и особенныхъ причинъ ревновать мнѣ не было, и моя жена вела себя хорошо. Заботилась о домѣ, о дѣтяхъ и веселилась, какъ мы это называемъ.[128] Удивительное дѣло! Я говорилъ себѣ, что люблю свою жену и люблю ей, мнѣ казалось. Я, напримѣръ, былъ въ горѣ истинномъ, когда она заболѣла, еще въ большемъ горѣ, когда у нея выкрошился одинъ зубъ. Но о томъ, что у нея было въ душѣ, цѣлы ли были ея душевные зубы, я не то что не зналъ, я не хотѣлъ или, скорѣе, не могъ знать, какъ будто что то мѣшало мнѣ знать это. Я, наблюдательный человѣкъ, довольно тонко понимающій людей, ничего не могъ, не хотѣлъ видѣть въ ея душѣ. Движенія ея рукъ, ногъ, пальцевъ, рѣсницъ я зналъ до малѣйшихъ подробностей и все еще и еще изучалъ, но души ея не видѣлъ, не зналъ и не думалъ, что она живетъ. А она жила. И жила сильно, потому что, да, потому что это было мало что прелестная красотой женщина, это былъ человѣкъ нѣжный, добрый. Да, она была прекрасный человѣкъ, но я не видалъ его. Я видѣлъ мою жену и только.

Началось это съ музыки, она прекрасно играла на фортепіано. И какъ мы всѣ страдаемъ отъ скуки и спасаемся, какъ умѣемъ, она спасалась музыкой. Прїѣхалъ[129] нѣкто Трухачевской, [130] скрипачъ. Вы думаете, что вы все поняли? Нѣтъ, вы ничего не поняли. Если вы видѣли, какъ умираютъ люди, вы все таки ничего не знаете о томъ, какъ онъ умиралъ, тотъ кто умиралъ. Надо, чтобъ онъ разсказалъ. Вотъ я и разскажу, да, разскажу все. Вы слушаете?

Лицо стало совсѣмъ другое, глаза жалкіе, совсѣмъ чужіе, носу почти нѣтъ, и усы и борода поднялись къ самымъ глазамъ, а ротъ сталъ огромный, страшный.

– Надо вамъ сказать, что такое было за существо моя жена. Утонченная, съ маленькими руками, ногами, съ правильнымъ носомъ, граціозными движеніями, всегда элегантная и грубая, глупая и невѣжественная до послѣдней степени и вмѣстѣ съ тѣмъ наивная, добрая и честная. Ну, да этого разсказать нельзя, надо было все пережить, какъ я пережилъ. Она была чистая отъ природы, кокетство дѣвичье давно забыто; по немъ ужъ прошло 12 лѣтъ материнской жизни, но безсознательной, нечаянной.

Да, это нельзя такъ разсказывать. Ну вотъ. Сидимъ мы дома одни. Обычный ходъ жизни: встали, напильсь кофею вмѣстѣ, не побранились, но пошпынялись изъ за пустяковъ. Трудъ привычный – хорошо, но праздность привычная – это мука. Ранней было осенью. Мы зажились въ городѣ. Я не признавался въ этомъ, но мнѣ было невыносимо скучно. Хуже даже: странное дѣло, жена мнѣ прискучила, со мной начало случаться то, чего не было со времени моей женитьбы: я сталъ смотрѣть на женщину какъ на женщину; я сталъ оглядываться на нихъ и самъ злился на себя и, странное дѣло, на нее за это. Былъ періодъ полнаго охлаждения. Она, милая, ничего не видѣла, не знала этаго. Она просто жила, удовлетворяясь тѣми мелкими заботами

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe жизни, которая не казалась ей мелкими, – она одъвалась, играла, ъздила въ гости и принимала гостей, смотреѣла за дѣтьми, училась вязать что то новое, модное. У ней все было просто, твердо, низменно и правдиво. Разъ я вернулся домой со скуки [изъ] клуба. Она сидѣла за столомъ въ гостиной съ меньшей дочерью и учила ее вязать, тетушка раскладывала пасьянсъ. Она спросила, гдѣ я былъ, попросила лошадей на завтра и послѣ всего, когда ужъ я сталъ уходить, вернула меня.

– Ахъ да, [131] пріѣзжалъ Трухачевъ. Я не приняла его.

Трухачевъ былъ одинъ изъ трехъ сыновей сосѣда моего отца, разорившагося, важничавшаго и всегда говорившаго по французски барина. Мальчики ъздили къ намъ, потомъ я ихъ потерялъ изъ вида; одинъ какія то аферы дѣлалъ, женился на богатой, гадости какія то дѣлалъ и сгинулъ какъ то. Второй былъ пьяница, билъ квартальныхъ, его или онъ кого то высѣкъ. Ну, однимъ словомъ пропацие, самага низкаго и круга, и воспитанья, и взгляда люди. Третій оказался большою талантъ музыкальный. Его крестная мать – богачка отдала его въ консерваторію въ Парижъ, и тамъ онъ пошелъ очень хорошо и въ Европѣ игралъ въ концертахъ на водахъ. Всѣ три были красивые brunety съ чѣмъ то еврейскимъ въ типѣ. Я и этаго потерялъ изъ вида. И вотъ онъ явился. Жена была рада послушать его и поиграть съ нимъ. Она игрывала съ наемнымъ скрипачемъ. На другое утро Трухачевъ этотъ явился. Съ трудомъ я могъ узнать черты мальчика, такъ они заросли всѣмъ прожитымъ. И прожитое было не чисто, что то влажное, жирное, нечистое, какъ бы смазанъ онъ саломъ. Особенно влажные глаза, но то, что женщины называютъ не дурень, высокій, нескладный, слабый, но не уродливый. Задъ особенно развитъ, какъ у женщины. Очень приличный, этакой заискивающей, но безъ подлости и съ тѣмъ парижскимъ оттънкомъ во всемъ отъ ботинокъ до капулевской прически. Простота искусственная и веселость. Такая манера, знаете, про все говорить намеками и отрывками, какъ будто вы все это знаете. Были мы когда то на ты. Онъ, вѣрно, хотѣлъ, но я удержался, но ласково принялъ его, особенно для жены. И мысли объ опасности его для жены у меня не было – такъ онъ казался мнѣ ничтоженъ.

– Пріѣзжайте вечеромъ, привозите скрипку.

– Ахъ, я очень радъ.

– Жена славно играетъ, по настоящему хорошо.

И дѣйствительно, я часто удивлялся, откуда у ней это бралось, эта точность, даже сила и выраженіе въ ея маленькихъ, пухленькихъ, красивыхъ рукахъ и съ ея спокойнымъ, тихимъ, красивымъ лицомъ. Я представилъ его женѣ. Онъ поговорилъ о музыкѣ. Онъ уѣхалъ. Вечеромъ играли, несовсѣмъ ладилось, не было тѣхъ нотъ. Но игралъ онъ отлично и былъ въ восхищеніи отъ игры жены. Она оживилась, раскраснѣлась. На той же недѣль онъ у насъ обѣдалъ, два раза, и одинъ день вечеромъ; кое кто былъ, пріятельницы жены. Они играли. И играли удивительно. Я ужасно любилъ музыку. Теперь я ненавижу ее, не потому что она связывается съ нимъ, а потому что она и прелесть и мерзость. Играли они 2-й разъ сонату Бетховена, посвященную Крейцеру. Какая ужасная вещь это 1-е аллегро. Никогда я не видѣлъ жену такую, какою она была въ этотъ вечеръ. Эти блестящіе глаза, эта строгость, значительность выраженія, пока она играла, и эта совершенная растаянность какая то, слабая, жалкая и блуждающая улыбка. Одно, что я замѣтилъ, – она почти не смотреѣла на него.

Черезъ два дня у меня былъ съездъ мировыхъ судей, да и скука, я поѣхалъ въ уѣздъ. Поѣхалъ спокойный, безъ [132] сомнѣній. Были, какъ всегда, мысли ревнивыя, но я отгонялъ ихъ, не позволяя себѣ оскорблять ее и, главное, себя. Хитрыми подходами однако (не выдавая себя), я далъ почувствовать, что безъ меня не нужно звать Т[рухачева]. Я уѣхалъ. Тамъ на своей скучной квартирѣ я получилъ одно письмо, въ которомъ она пишетъ мнѣ, что тетка хотѣла непременно слышать Т[рухачева] и привезла его, и они опять играли. Въ письмѣ я замѣтилъ осторожность при упоминаніи Т[рухачева] и изысканную простоту. Но я легъ въ постель совершенно спокойный. Мнѣ всегда долго не спалось на новомъ мѣстѣ, но тутъ я заснулъ сейчасъ же. И какъ это бываетъ, знаете, вдругъ толчекъ электрической, и просыпаешься. Такъ я проснулся и проснулся съ мыслью о женѣ и о Т[рухачевѣ] и о томъ, что все кончено. Ужасъ, презрѣніе, злоба стиснули мнѣ сердце, но я сталъ образумливать себя. Ничего нѣтъ, не было, нѣтъ никакихъ основаній. И какъ я могу такъ унижать ее и себя, себя главное, предполагая такіе ужасы. Молодой человекъ ничтожный, что то въ родѣ наемнаго скрипача, извѣстный за дряннаго мальчика, и вдругъ женщина высокаго относительно положенія, мать

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
семейства, моя жена. Что за нелѣпость! – представлялось мнѣ съ одной нашей свѣтской стороны нашей привычной, закоренѣлой лжи, которую я считалъ правдой и которой хотѣлъ вѣрить. С другой же стороны представлялось самое простое, ясное: то самое, во имя чего я женился на своей женѣ, то самое, что мнѣ въ ней нужно, то самое нужно и другимъ и этому[133] музыканту. Онъ человекъ не женатый, не только безъ правилъ, но, очевидно, съ правилами о томъ, чтобы пользоваться тѣми удовольствіями, которыя представляются. И между ними связь самой утонченной похоти чувства. Его ничто удержать не можетъ, все привлекаетъ, напротивъ. Она? Она тайна, какъ была, такъ и есть. Я не знаю ея. Это говорилъ здравый смыслъ, но я считалъ, что это ложь, которая мнѣ подсказываетъ унижительное чувство ревности. Я старался заглушить этотъ голосъ, но не могъ. Мало того, что здравый смыслъ мнѣ говорилъ, что это должно быть, во мнѣ возникало какое-то несомнѣнное сознание того, что это навѣрное есть. Только теперь я вспомнилъ тотъ вечеръ, когда они играли Крейцерову сонату, и ихъ лица. «Какъ я могъ уѣхать? – говорилъ я себѣ, вспоминая ихъ лица, – развѣ не ясно было, что между ними все совершилось въ этотъ вечеръ, и развѣ не видно было, что не только между ними не было ужъ никакой преграды, но что они оба, главное она, испытывали нѣкоторый стыдъ послѣ того, что случилось съ ними?» Они рѣдко смотрѣли другъ на друга. Но за ужиномъ, когда онъ наливалъ ей воды, какъ они взглянули другъ на друга и чуть улыбнулись! Да, все кончено. Но нѣтъ, это что то нашло на меня. И страшно страдаая, я не заснулъ всю ночь. На утро я кое какъ покончилъ дѣла, которыя бросилъ, и уѣхалъ.

Онъ еще разъ былъ утромъ безъ меня. Она была добра, кротка и что то какъ будто знала радостное про себя. Разумѣется, говорить ни про что нельзя было; я и не говорилъ, и она не говорила. Мы оба знали, что насъ мучало, и оба молчали. Собирались уѣзжать въ деревню. Все было уложено. Собирались ѣхать завтра, но оказалось, что неготово пальто дочери. Вдругъ мнѣ стало ясно, что это была хитрость; я не сказалъ, но упрекнулъ въ неакуратности. Стала оправдываться, я упрекнулъ во лжи. Меня упрекнули въ неделикатности. Я вскипѣлъ и потоки[?] упрековъ полили изъ меня. Она не разсердилась, не отвѣчала, а улыбнулась презрительно (только ея любовь и невѣрность мог[ли] дать ей эту силу и эту хитрость) и сказала, что послѣ моего поступка съ сестрой (это былъ мой гадкій поступокъ съ сестрой. Она знала, что это мучить меня, и въ это мѣсто кольнула меня) ее ничто отъ меня не удивить.

– Ты[134]... – закричалъ я, схватилъ ее за горло и сталъ душить. Потомъ опомнился и сталъ колотить все, что тамъ было въ комнату. Она убѣжала отъ меня. Бывали и у насъ сцены, но такихъ никогда. Мы уѣхали. Узнать я ничего не узналъ, и мы помирились опять подъ вліяніемъ того чувства, которое мы называли любовью, но надрывъ былъ большой. Одинъ разъ я даже признался ей, что ревновалъ ее. Мнѣ стыдно было, но я признался. Боже мой, откуда взялась хитрость у этой женщины? Такъ просто, съ такимъ яснымъ взглядомъ успокаивать меня, жалѣть меня, говорить о томъ, что это невысказано – изменить и для кого? И что кромѣ удовольствія музыки къ такому человеку развѣ возможно чтонибудь въ порядочной женщинѣ? Да, она говорила все это, а ребенка, вотъ этаго самаго, котораго она родила послѣ этаго, она родила отъ него.

Онъ замолчалъ и раза два сряду издалъ свои странные звуки, которые теперь уже были совсѣмъ похожи на сдержанныя рыданія. Онъ помолчалъ, выпилъ залпомъ остывшій стаканъ чаю и продолжалъ.

– Да-съ, такъ я прожилъ 12-ть лѣтъ. Если бы не случилось того, что случилось, и я такъ же бы прожилъ еще до старости, я такъ бы и думалъ, умирая, что я прожилъ хорошую жизнь, не особенно хорошую, но и не дурную, такую, какъ всѣ; я бы не понималъ той бездны несчастій и гнойной лжи, въ которой я барахтался.

Послѣ этаго случая съ «нимъ» у насъ какъ будто сдѣлалась передышка. Она стала мягче, больше уступала и хотя я, по мѣрѣ ея уступчивости, сталъ еще злѣе и придирчивѣе, но всетаки было спокойнѣе между нами. Во мнѣ установилось очень опредѣленное чувство презрѣнія къ ней, которое я считалъ самымъ законнымъ. Я рѣшилъ себѣ, что она не человекъ, что такое выпало мнѣ несчастье жениться на животномъ в образѣ человѣческомъ, и что же дѣлать, надо было нести. (Я не зналъ тогда изрѣченія Лесинга, который говорить, что сужденіе каждаго мужа о своей женѣ такое: была одна скверная женщина въ мѣрѣ, и она то и моя жена.) Нести же это было мнѣ довольно легко, потому что особенно съ тѣхъ поръ, какъ она перестала рожать, она была очень свѣжая, красивая и чистоплотная и всегда расположена къ моимъ ласкамъ любовника. Такъ мы и жили. Рѣшено было съ обѣихъ сторонъ и опытомъ извѣдано, что общенія духовнаго между нами нѣтъ и не можетъ

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
быть. О самых простых вещах, которых нельзя не решить единогласно, мы оставались каждый неизменно при своем мнении и не пытались даже убедить друг друга. Сь самыми посторонними лицами, и я[135] и она, мы говорили о разнообразных и задушевных предметах, но не между собой. Иногда, слушая, как она при мне говорить сь другими, я говорил себя: «какова! И все лжет». И я удивлялся, как собеседники ее не видели, что она лжет. Вдвоем мы были почти обречены на молчаніе или на такіе разговоры, которые, я увѣренъ, животные могутъ вести между собой: который часъ? пора спать, какой нынче объѣдъ? куда ѣхать? что написано въ газетѣ? горло болитъ у Маши, послать за докторомъ. Стоило на волосокъ выступить изъ этаго до невозможности съузившагося кружка разговоровъ, чтобы вспыхнуло раздраженіе. Присутствіе 3-го лица облегчало насъ. Черезъ 3-ье лицо еще мы кое какъ общались. Она считала себя, вѣроятно, правой, а ужъ я былъ святъ передъ нею въ своихъ глазахъ. Я увѣренъ, что она думала: какъ бы хорошо было, коли бы онъ умеръ. А я такъ очень часто, въ минуты озлобленія, со страхомъ сознавалъ, что я всей душой желаю этаго. Я привыкъ къ той мысли, что она красивый звѣрокъ, больше ничего, и что сь этимъ звѣркомъ мнѣ надо доживать жизнь и доживать, глядя за этимъ звѣркомъ въ оба. Такъ я и дѣлалъ.

Онъ помолчалъ.

– А! А вѣдь она была человекъ, и хорошій человекъ. И она и я – мы не хотѣли такъ жить. И не этаго хотѣли, когда женились. Тогда я и не вспоминалъ того, что она была дѣвушкой. Мнѣ казалось, что все то было кокетство, обманъ. А нѣтъ, это было не обманъ.[136] Теперь я гляжу на всѣхъ дѣвушекъ, теперь и ее вспоминаю. Вы знаете еще – удивительная вещь, которая мнѣ открылась теперь только. Знаете что? Дѣвушка, обыкновенная, рядовая дѣвушка какого хотите круга, не особенно безобразно воспитанная, – это святой человекъ, это лучшій представитель человеческого рода въ нашемъ мѣрѣ, если она не испорчена особенными исключительными обстоятельствами. Да и обстоятельства эти только двухъ родовъ: свѣтъ, балы, тщеславіе и несчастный случай, сближеніе сь другимъ мужчиной, разбудившимъ въ ней чувственность. Но это случаи рѣдкіе. А рядовая дѣвушка – это лучшее существо въ мѣрѣ. Да посмотрите, въ ней нѣтъ ничего развращающаго душу, ни вина, ни игры, ни разврата, ни товарищества, ни службы ни гражданской ни военной. Вѣдь дѣвушка, хорошо воспитанная дѣвушка – это полное невѣденіе всѣхъ безобразій міра и полная готовность любви ко всему хорошему и высокому. Это тѣ младенцы, подобнымъ которымъ намъ вѣлно быть.[137] Я обсудилъ свое прошедшее влюбленье. Въ немъ было безумное превознесеніе себя и ея, именно ея, надо всѣми, но дѣвушка, какъ дѣвушка, сама по себѣ, ее нельзя не любить. Только дѣло въ томъ, что мы, мужчины, входя въ общеніе сь ней, вмѣсто того чтобы понять свою низость, свою гадость, вмѣсто того чтобы стараться подняться до нея, мы ее хотимъ развить, научить. Ну и научаемъ. Я теперь только вспоминаю ее, какою она была, когда я сталъ сближаться сь нею. Помню ея дневникъ, который я почти насильно отнял у нея, ея философствованіе, исканіе истины, а главное, ея готовность отдаться другому и жить не для себя. Еще прежде того дня на лодкѣ, когда я еще не былъ женихомъ, я проводилъ у нихъ вечеръ. Были ея сестры и еще одна дѣвушка. Помню, читали «Мертвый домъ» Достоевского – описаніе наказанія шпицрутенами. Кончили главу въ молчаніи. Одна спросила:

– Какъ же это?

Я растолковалъ.

– Да зачѣмъ же они бьютъ, солдаты? – сказала другая. – Я бы на ихъ мѣсть отказалась. Всѣ бы отказались.

Жена же моя сидѣла молча, и слезы у ней были на глазахъ. Потомъ, не помню кто, сказалъ какую то глупость, и всѣ зашебетали, захохотали, только бы поскорѣе отогнать мучительное впечатлѣніе. Больше всѣхъ хохотала моя жена. У ней былъ чудесный, заразительный смѣхъ. Она рѣдко смѣялась, но когда смѣялась, всѣ смѣялись, не зная чему. Въ этотъ же вечеръ мы остались вдвоемъ, и это было первое почти признаніе наше въ любви, не высказанное словами. Мы говорили о совершенно постороннемъ, но знали, что мы говоримъ о нашей любви и о томъ, что мы хотимъ соединить нашу жизнь. Я рассказывалъ ей о своей дѣятельности.[138] Она слушала меня и сь своей манерой напряженія вниманія, со складкой во лбу, поднимая кверху голову, какъ бы вспоминая, слегка кивала головой.[139]

– Да, да, – приговаривала она.

Я не успевал говорить о томъ, какъ я хочу устроить, какъ она уже подсказывала мнѣ. Ей такъ легко и естественно казалось, [140] что моя дѣятельность всегда полезна, важна, благородна. Она [141] готовилась служить мнѣ, вѣря тому, что то, что я дѣлаю, добро. Куда бы я не повелъ ее, она пошла бы за мной. Ну, и куда я повелъ ее? Мнѣ некуда было вести ее. Я никуда не повелъ ее, а остановился съ нею, утѣшаясь радостями любви. Помню, я испытывалъ нѣкоторое чувство стыда за то, что моя дѣятельность далеко не такая, какою она воображала себя ее. Страшное дѣло то, что въ нашемъ мѣрѣ совершается при выходѣ хорошо воспитанной дѣвушки замужъ. Для мужчины, какъ это было для меня, это пріобрѣтеніе большихъ удобствъ и пріятностей жизни, для дѣвушки – это начало жизни дѣйствительной, которая была до тѣхъ поръ только въ возможности. Разница главная въ томъ, что мужчина можетъ ни послѣ ни до женитьбы ничего не дѣлать, даже дѣлать зло, воображая, что онъ нѣчто совершаетъ; но для женщины это нельзя. Она, хочешь, не хочешь, начинаетъ дѣлать самое великое дѣло жизни – людей, и поэтому она требуетъ, также какъ мужчина требуетъ отъ женщины, чтобы она была плодородна, требуетъ, чтобы условія жизни, въ которыхъ она будетъ рожать и растить дѣтей, были также значительны, опредѣленны и тверды, какъ и ея дѣло. И она, любя перваго мужчину, вѣритъ, что это такъ и есть. Я помню мое смущеніе. Я помню, что я чувствовалъ, что ввожу ее въ обманъ, позволяя ей приписывать такое значеніе моей дѣятельности. «А что же, – думалъ я притомъ, – если она такъ думаетъ, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ это такъ?» Главное же, я думалъ только о томъ, чтобы овладѣть ей. И вотъ я овладѣлъ. И она увидала не только пустоту моей дѣятельности, но, главное, мое отношеніе къ ней, какъ къ игрушкѣ. Знаю я много браковъ, и во всѣхъ одно и то же. Чѣмъ бы ни занимался въ нашемъ мѣрѣ мужчина: революціей, наукой, искусствомъ, службой, все это игрушки, и люди относятся къ этому какъ къ игрушкамъ, и женщины видятъ это и разочаровываются не только въ своихъ мужьяхъ, но и въ своихъ идеалахъ, нужныхъ имъ, чтобы растить дѣтей. Спросите у женщины, чѣмъ она хочетъ видѣть своихъ сыновей. Из 1000 одна скажетъ, чего она хочетъ. Но всѣ безъ исключенья скажутъ: «только не то, что былъ мой мужъ». Она разочаровывается въ томъ, что ей казалось въ ея мужъ, и, напротивъ, увлекается тѣмъ, что дѣйствительно было въ ея мужъ – чувственностью. Этому одному мы можемъ научить нашихъ женъ и научаемъ. И я научилъ. Да-съ, когда я былъ женихомъ, я стыдился своей несостоятельности и того, что она считала меня лучшимъ, чѣмъ я есть, но потомъ пересталъ и стыдиться. Мы всѣ супруги хотимъ поддерживать другъ друга, а намъ не на чемъ самимъ стоять. Какъ же поддерживать, когда не на чемъ стоять? Все это я вспомнилъ потому, что въ самое послѣднее время, на 13-мъ году нашей жизни, передъ самой катастрофой, какъ я говорилъ вамъ, у насъ было затишье, и мы жили довольно хорошо, духовно отдѣлившись другъ отъ друга. И вотъ, помню, разъ какъ то въ одно и то же время на обоихъ насъ нашло хорошее расположеніе духа, и мы попытались разбить этотъ ледъ между нами. Но Боже мой! какой страшной толщины выросъ ужъ этотъ ледъ. Мы почти не слыхали другъ друга. Началось это съ разговора о романѣ, который мы читали одинъ послѣ другаго. Она сказала о мужчинахъ, о томъ, что они не понимаютъ женщинъ и низко цѣнятъ ихъ, о томъ, какъ разлетѣлись ея мечты. Я сказалъ, что тоже и я испыталъ. Мы взглянули вдругъ въ глаза другъ друга, какъ будто испугавшись сначала того, что переступили заказанную грань, но она ласково смотрѣла на меня. Я продолжалъ:

– Мелочи нарушаютъ единеніе. Да что ходить кругомъ да около? Развѣ мы не знаемъ, что мы отдалены другъ отъ друга?

– А отчего? – сказала она, – отъ того, что ты не вѣрилъ мнѣ.

У насъ начался хорошій разговоръ, но я сказалъ, что причина всему та, что она не хочетъ принимать участіе въ моей жизни. Я теперь ужъ не стыдился, какъ прежде, отсутствія серьезности моей жизни, я выставлялъ ее какъ нѣчто важное. Я сказалъ, что хочу выдти въ отставку, заняться... Еще я не успѣлъ сказать чѣмъ, какъ ужъ на ея лицѣ выразилось уныніе и полное отсутствіе интереса, она не вѣрила мнѣ. Да я самъ себя не вѣрилъ. И разсердился отъ этаго. Она упрекнула меня, я ее, и мы разбѣжались въ разныя стороны, хлопая дверями. Это была послѣдняя попытка. Да, послѣднія минуты мы ужъ не выходили изъ узенькаго, узенькаго кружка нашего словеснаго общенія. Въ этотъ ужасный годъ дѣлали операцію сыну, дурацкую операцію: онъ косилъ, такъ ему рѣзали глаза, и остались на дачѣ подъ городомъ.

Все шло по старому. Вдругъ въ одинъ день...

[ВАРИАНТЫ К «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЕ».]

* № 1

– Да, сколько теперь этихъ разводныхъ дѣлъ, – сказалъ господинъ съ хорошими

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
вещами. – У насъ въ Петербургъ это стало повально.

– Я удивляюсь одному, – сказала дама, – какъ правительство не регулируетъ этихъ дѣлъ. Фактъ существуетъ и совершается, но общество какъ будто не признаетъ его. Все это дѣлается какими-то обходами.

– Да, для многихъ товарищей моихъ это хлѣбъ, – улыбаясь сказалъ господинъ.

– Пора признать существующій фактъ – свободу любви и невозможность подчиненія ея внѣшнимъ формамъ.

– Въ этомъ я не совсѣмъ согласенъ съ вами, какъ вы знаете, – улыбаясь сказалъ господинъ съ хорошими вещами, какъ бы о предметъ, который уже былъ разобранъ ими, – брачуіеся не могутъ руководиться одной любовью, симпатіей: они по самому существу дѣла вступаютъ во внѣшнія обязательства, которыя должны быть скрѣплены внѣшними формами. Хоть бы гражданскій бракъ во Франціи.

– Но вѣдь внѣшнія формы не обезпечиваютъ, обезпечиваетъ только внутренняя связь. Внѣшняя связь только обманъ передъ людьми. И то, что теперь такъ часты эти разводныя дѣла, только доказываетъ то, что необходимы, должны выработаться новыя формы.

– Да, сказалъ господинъ, – какъ бы не желая вступать въ разсужденія, – поразительные теперь случаи. Сплось да рядомъ разводятся, жена выходитъ за другого, и мужъ женится. Прежде это былъ рѣдкій случай, а теперь рѣдко кто не разводится – право. Въ старину этого не было. Не правда ли? – обратился онъ къ старику, смотрѣвшему все время на него.

**№ 2

Старикъ дожидался, когда затихнетъ. Онъ сказалъ:

– Зачѣмъ мучаться? – сказалъ онъ. – Женились встарину и вѣкъ проживали безъ муки. А вотъ нынче поглядишь, какъ всякій пупленокъ вотъ такой уже объ любви, нынче и на рѣдкость чтобъ честно вѣкъ прожили. А все отъ любви отъ этой.

– Да какъ же иначе, какъ не по любви? Вѣдь животныя только безъ любви, – сказала дама, оглядываясь на господина и на меня.

– Понимаю я, сударыня, къ чему вы это клоните, да только неправильно. Жениться надо по закону, законъ принять, а не по любви.

– Да вотъ принимаютъ законъ, да и расходятся потомъ, – презрительно сказала дама.

– Въ комъ страха нѣтъ, тѣ расходятся. А когда страхъ есть, живутъ.

– Да если по старому жену вещь считать да бить, чтобы страхъ былъ, это ужъ нельзя, да и не прочно.

– Зачѣмъ бить? Это напрасно думаютъ, кто не понимаетъ: страхъ надо, да не тотъ. Страхъ Божій, а не плетка.

– Всѣ такъ говорятъ, а посмотрѣть, такъ рѣдко хорошо живутъ.

– Не знаю про другихъ, а про себя скажу: прожилъ вѣкъ съ старухой, и теперь жива. Ничего мы этихъ глупостей не знаемъ. Женили меня 19 лѣтъ. Красоты особенной не было, а дѣвица какъ надобно. Въ 19 лѣтъ все хорошо. У кого зубы есть, все сгложетъ. Ну, и принялъ законъ. Такъ и понималъ, что законъ Божій принимаю, такъ и она – невѣста моя понимала. Ну вотъ и живемъ 53-й годъ. И никакихъ глупостей не было. Потому любви этой, романсовъ, значить, не знали. [142]

– Да вѣдь это не отъ романсовъ, а искушенія бываютъ у всѣхъ. Развѣ у васъ и у нея не было? – улыбаясь сказала дама.

– Сказать, что не было. Потому закрѣплено, въ сердцѣ у насъ закрѣплено отъ родителей.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoye
– Да все таки.

– Было, – улыбаясь, сказала старикъ. – Было и это, да какъ не поважены мы съ ней, такъ и ничего.

– Что жъ, она васъ ревновала или вы ее?

– И то и другое было. Да все не дошло до грѣха. Запилъ я разъ и сбился съ пути. Запалъ въ сердць грѣхъ. Совсѣмъ погибалъ было, да пришелъ къ ней, покаялся, и развязался грѣхъ.

Дама улыбаясь оглянулась на меня, какъ бы удивляясь милой откровенности старика и приглашая слушать дальше.

– Ну вы ее ревновали? – спросила она.

– Было и это. И тоже Богъ миловалъ. Жилъ прикащикъ у насъ щеголь...

* № 3

Вѣдь нѣсколько есть такихъ дѣлъ, при которыхъ устанавливается неприличное отношеніе между мужчиной и женщиной, которое считается не только приличнымъ, но чѣмъ-то возвышеннымъ и чему препятствовать уже никакъ нельзя, если не хочешь прослыть уродомъ и посмѣшищемъ. Такія дѣла: во первыхъ, здоровье, медицина, доктора и ихъ заботы, вовторыхъ, свѣтъ, танцы, увеселенія свѣтскія, въ 3-хъ, искусства – прекрасныя, изящныя искусства, т. е. пакость, мерзость. Они же, эти прекрасныя искусства, погубили и меня и ее. Ее, ее бѣдную! Писать съ натуры – чтожъ тутъ, кромѣ самаго высокаго: она пишетъ, онъ показываетъ. Ну чтожъ тутъ стоять и караулить, и притомъ такъ ясно, что никакихъ интересовъ нѣтъ между ними, кромѣ высокаго искусства.

* № 4

«Но нѣтъ, она не сдѣлала», думаешь себѣ, а между тѣмъ сейчасъ же послѣ думаешь: можетъ быть, она уже все лѣто въ связи съ нимъ. Такъ это шло все лѣто. Я мучался страшно, и дѣло это ничѣмъ не кончилось. Я такъ ничего и не знаю объ этомъ. Послѣ этого она родила 3-хъ дѣтей, и мы жили благополучно и даже сильной ревности не было. И объ этомъ эпизодѣ я не сталъ бы и говорить, если бы этотъ самый эпизодъ не произвелъ бы того страшнаго внутреннего не разрыва, а обнаженія нашихъ отношеній. Послѣ этого обнаженія оказалось, что насъ связываетъ только одна внѣшняя цѣпь и чувственность. Случилось, казалось бы, пустое обстоятельство, но я помню всѣ его ужасныя подробности. Это былъ первый шагъ къ тому, что случилось послѣ. Это было въ то же 1-е лѣто, когда она не кормила ребенка и по случаю этого живописецъ проклятый

** № 5

– Да отчего же человѣку поступать какъ животному, а не какъ человѣку?

– А оттого-съ, – закончилъ онъ, что для того, чтобы поступать по человѣчески, много надобно. И не къ тому готовятъ людей въ нашемъ мѣрѣ. – Онъ такъ взволнованно и горячо говорилъ, что дама испугалась немного, да и всѣ замолчали. – Да съ, если бы мужчины и женщины, мужа и жены, точно любили бы другъ друга хоть животной любовью, про которую въ романахъ пишутъ, они бы давно всѣ перерѣзали другъ друга; а то и того нѣтъ. Холодный развратъ, и на улицахъ и въ семьяхъ одинакій. Они идутъ на развратъ и прощаютъ развратъ, потому что они ниже животнаго.

– Нѣтъ, отчего же? – сказала я.

– А отъ того, что такъ есть. Вѣдь все ложь, ложь, вѣдь мы живемъ въ такой сплошной непролазной лжи, что всякую вещь надо открывать. Мы ничего не знаемъ про самихъ себя. Вѣдь мы ниже животныхъ. А какъ храбримся! По домострою былъ бракъ – законъ принять. Онъ не знаетъ, зачѣмъ законъ, но законъ священный, и знаетъ, что отъ него дѣти. Ну, пока держались закона и тѣ, кто держатся, еще хорошо. Но въ нашемъ то мѣрѣ что?[143] Законъ нарушенъ, не вѣрятъ въ него. Это что Домострой! И одни притворяются для видимости, что вѣрятъ въ бракъ, другіе и не притворяются и прямо говорятъ, что не вѣрятъ, свобода выбора, отношеній. Да вѣдь горе въ томъ, что сходитьсь надо, хочется. А нѣтъ того, во имя чего сходитьсь. Остается одна любовь – романсы. И весь мѣръ полонъ романсовъ. Ну, что же любовь? То самое, что у животныхъ. Но человѣкъ, если не человѣкъ, хуже

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
животнаго. Онъ не доходить до животнаго. Закона нѣтъ, и въ большей части
случаевъ любви нѣтъ, а есть отпращенія, и это называется принципами свободы.

– Но отчего же любовь недостаточна? – спросилъ я.

– Она достаточна, но результаты ея – животная борьба. Отъ того я и говорю, что въ нашемъ мѣрѣ давно бы жены отравили бы всѣхъ му[жей], если бы любили, и мужа порѣзали бы жень; а то и того нѣтъ. Есть холодный лживый развратъ.[144]

– Но отчего же?

– А вотъ отъ того самаго, отчего Познышевъ убилъ свою жену.

– Да вѣдь мы не знаемъ, отчего г. Познышевъ убилъ свою жену, – сказалъ господинъ съ хорошими вещами холоднымъ петербургскимъ тономъ требованія ясности и точности въ разговорѣ.

– Я я знаю съ. А! Потому что я самый Познышевъ и есть. Я убилъ. Меня оправдали. Но дѣло осталось какъ есть, и если человекъ любить по вашему, то рано [или] поздно убьетъ. Да съ. Извините. А! не буду стѣснять васъ.

Онъ ушелъ на свое мѣсто. Всѣ замолчали. Господинъ съ дамой стали шептаться. Я вернулся на свое мѣсто.

– Можетъ быть, вамъ непріятно сидѣть съ убійцей? – вдругъ сказалъ онъ. – Тогда подите.

Мнѣ до слезъ стало его жалко. Я только пожалъ его руку и не могъ ничего сказать. Онъ понялъ это и не всталъ, но продолжалъ вертѣться на своемъ мѣстѣ, то поправлялъ безъ всякой надобности одѣяло дѣвочки, то перевертывался, то закрывалъ лицо руками и издавалъ свои особенные звуки.

– Ахъ, Боже мой. Вы не хотите спать?

– Нѣтъ. –

– Хотите чаю?

Онъ залилъ себѣ чайникъ и было забылъ про него. Теперь онъ вспомнилъ и предложилъ мнѣ. Мы стали пить.

– Они говорятъ. А тутъ какъ, какъ тутъ они бы сдѣлали?

– То есть о чемъ это вы?

– Да все о томъ же. Какъ бы они разошлись, когда...

– Разумѣется, – сказалъ я, – есть такія условія ужасныя.

– Совсѣмъ нѣтъ, закричалъ онъ, – не особенныя, а это общія условія всѣхъ. Да хотите, я вамъ расскажу? Хотите?

– Да, я очень радъ, если вамъ не тяжело.

– Мнѣ? Мнѣ тяжело молчать и думать. А вы поймите. Хотите?

Онъ облокотился руками на колѣни и, сжавъ виски, началъ.[145]

Разойтись по добру по здорову, свобода, права. Все ложь, ложь, ложь. Такъ не бываетъ. А вы тутъ разберите да разойдитесь, когда вы страстно физически любите, когда она хороша,[146] молода, сильна и любила и теперь любитъ васъ, когда у васъ дѣти, когда у васъ честная семья, которую вы блюли 10 лѣтъ и которой гордитесь, и когда вы эгоистъ, какъ всѣ эгоисты нашего мѣра, и ничего другого не знаете, кромѣ своего наслажденія, своей гордости, своей любви. Случилось, послѣ 10 лѣтъ семейной жизни, которая людямъ казалась счастливою, приличною, но про внутреннее достоинство которой знали только они одни. Да съ, послѣ 10 лѣтъ такъ называемой счастливою жизни явился въ семью этотъ человекъ. Онъ былъ не виноватъ, онъ тоже былъ то, что долженъ былъ быть. – Онъ... Но нѣтъ надо рассказать съ начала. Но

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
вамъ, можетъ быть, непріятно? – опять сказалъ онъ.

– Нѣтъ, напротивъ. Я не знаю, какое то у меня странно особенное чувство къ вамъ,
– сказалъ я. – Я просто полюбилъ васъ и какъ я готовъ вамъ всю душу открыть.

Но онъ не слушалъ меня. Онъ [147] всталъ, покрылъ раскидавшуюся дѣвочку, вернулся, сѣлъ противъ меня, поднялъ голову, закинувъ назадъ, какъ бы вспоминая, потомъ всталъ еще, задернулъ занавѣску у фонаря и опять сѣлъ. [148] Въ это время прошелъ кондукторъ. Онъ сердито, гнѣвно проводилъ его молча глазами и началъ только тогда, когда тотъ ушелъ. Впродолженіи же разсказа потомъ онъ уже ни разу не останавливался и никто, даже вновь входящіе пассажиры, не прерывали его. Только дѣвочку онъ поглядывалъ и изрѣдка поправлялъ, почти не переставая разсказ[ывать]. Во время его разсказа лицо его 20 разъ перемѣнялось совершенно такъ, что ничего не было похожего съ прежнимъ лицомъ: и глаза, и ротъ, и усы, и борода даже – все было другое – то было прекрасное, трогательное новое лицо, то безобразное, ужасное, ни на что не похожее новое лицо. И перемѣны эти происходили въ полусвѣтъ, вдругъ: минутъ пять было одно лицо, и нельзя было никакъ видѣть прежняго, а потомъ неизвѣстно [какъ] дѣлалось другое, и тоже нельзя было никакъ его измѣнить.

Вотъ что онъ разсказалъ мне:

– Мнѣ теперь 43 года, а было тогда 30, [149] какъ и вамъ. И также, какъ и вы, я думалъ что только мнѣ одному 23 года, и что всѣ, кто старше, никакъ не могутъ понять, что такое 23 года. Ну да не въ томъ дѣло. Тоже было представленіе о любви. Вамъ кажется, что никто не понимаетъ такъ любви къ женщинѣ, какъ вы, ну а ужъ мнѣ казалось, что никто въ мірѣ никогда не только не испытывалъ, но и вообразить не могъ ничего подобнаго моей любви и того предмета любви, той женщины, которую я буду любить.

Вѣдь мы всѣ такъ воспитаны. Думать я такъ думалъ и не торопился выбирать предметъ любви, не торопился излить на какую-нибудь женщину всѣ богатства своего сердца, но это не мѣшало мнѣ, какъ и вамъ, я думаю, шалить съ женщинами. Все вѣдь это у насъ идетъ рядомъ. Идеаль возвышенной любви и самая гнусная гнусность. Право, тѣ лучше, которые ужъ съ одной гнусностью живутъ. Меньше лжи.

Ну вотъ я и жилъ такъ. Семья чопорная, я единственный матушкинъ сынъ, и по французски, по англійски говорю, и мазурку <танцую, и университетъ кончилъ, все какъ надо>. Лелѣю возвышенныя мечты о любви и женитьбѣ, а самъ живу въ тихомъ и приличномъ развратѣ. Женщины, съ которыми я сходилъ, были не мои, и мнѣ до нихъ не было другого дѣла, кромѣ удовольствія, но въ виду была женщина, будущая жена, уже моя, и эта то моя должна была быть все что есть святого и прекраснаго, потому что она будетъ моя жена. Ну, да этого я не понималъ, какъ и вы не понимаете. Вышелъ я изъ университета, былъ за границей, <потомъ послужилъ по земству, потомъ бросилъ, пожилъ въ Петербургѣ, скаковыхъ лошадей завелъ. Мать жива была. Идеала совершенства женщины, достойной быть моей, все еще не находилъ, тѣмъ болѣе, что я гордъ былъ, какъ всѣ развращенные люди, и потому прикидывалъ взять жену тамъ, гдѣ не можетъ быть рѣчи объ отказѣ>. Такъ шло до 30 лѣтъ. [Въ] 30 лѣтъ подошли такія обстоятельства, теперь я знаю чисто физическія, что случилось мнѣ встрѣтиться съ дѣвушкой въ деревнѣ у знакомыхъ, видѣть ее въ спектаклѣ. Я зналъ ее прежде, и мнѣ казалось что не она, но тутъ вдругъ она играла служанку въ фартукѣ съ голыми руками по плечи. Мнѣ казалось, что эти руки не при чемъ, но только при свѣтъ этихъ рукъ и фартучка и еще разныхъ обстоятельствъ я увидалъ вдругъ и ея глаза и улыбку, увидалъ, какъ мнѣ казалось, родственную, высокую, нѣжную душу, которая просилась навстрѣчу мнѣ. Я видѣлъ что между нами начало происходить чудесное. Я думалъ, я испытывалъ чувство, и въ ней отзывались всѣ оттѣнки моихъ мыслей и чувствъ. Да, я рѣшилъ неожиданно, что она достойна быть моей, не я быть ея, но она моей. Въ этомъ все. Достойна быть моей! Вѣдь это прелесть, что за безуміе! Возьмите какого-нибудь молодого человѣка – хоть вы – и въ трезвыя минуты оцѣните себя. Ну я, по крайней мѣрѣ, оцѣнивая себя въ трезвыя минуты, зналъ очень хорошо, что я такъ себѣ человѣкъ, какихъ сотни тысячъ, даже и гаденькій и развратненькій и слабый и страшно бѣшенный, вспыльчивый, упивающійся своимъ бѣшенствомъ, какъ всѣ слабые люди. И вотъ я-то, такой человѣкъ, находилъ въ ней всѣ высшія совершенства человѣчества и только потому, что она заключала ихъ въ себѣ, считалъ ее достойной себя. Главный обманъ при любви не тотъ, что мы придаемъ предмету любви несвойственныя ему добродѣтели, но себѣ въ это удивительное время. Мы женились, и началась жизнь немного похожая на то, что я воображалъ, но недолго. Она забеременѣла, стала

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
рожать, сама кормила, начались капризы, ссоры. <Я пошелъ въ предводители въ
нашемъ уѣздѣ, мы жили въ деревнѣ, и я жилъ честно, то есть вѣренъ былъ>.

* № 6

– Ну а какже, когда любви нѣтъ къ мужу или къ женѣ, а есть къ другому?

– Это другое дѣло, – сказалъ старикъ. – Это само собой. Только законъ нарушать
нельзя.

– Да какже его не нарушать?

– А такъ, терпи.

– Да вѣдь искушенія бываютъ у всякаго. Развѣ у васъ не было? – улыбаясь сказала
дама.

– Не сказать, чтобъ не было, – улыбаясь сказалъ старикъ, и въ улыбку его
обозначился, странно сказать, веселый, сластолюбивый человекъ. – Все бывало. И
молодъ былъ и жилъ. Да все таки законъ держалъ, виду не показывалъ. А на дѣтей
посмотрю, на зятей или на снохъ. Какъ только они проживутъ, и Богъ ихъ знаетъ. И
то уже одна дочь разошлась съ мужемъ. [150]

– Да какже быть? – сказала дама. – Мужинь, значить, вы позволяете грѣшить, а
женщинъ то какъ?

– Женщина – другое дѣло. Мужчина всякіе соблазны долженъ видѣть въ жизни, –
сказалъ онъ улыбаясь, – а женское дѣло – что. Сиди, домашнимъ хозяйствомъ
занимайся.

– Ну вотъ вы права эти дали мужинь, и женщина говорить: «и я хочу ихъ».

– Женщинъ это, сударыня, первое дѣло, безъ надобности, а второе, у ней долженъ
страхъ быть. А теперь только ей скажи что, она сейчасъ говорить: «а коли такъ –
говорить – я отъ тебя уйду». У мужиковъ на что – и то эта самая мода завелась.
«На – говорить – вотъ тебѣ твои рубахи, портки, а я пойду съ Ванькой. Онъ
кудрявѣй тебя». Ну вотъ и толкуй.

– Да какже вы хотите дать эти права мужинь, а женщина чтобъ была раба? Это ужъ
время прошло.

– Эхъ, сударыня, доложу вамъ – всѣ мы люди, всѣ грѣшны. Это понимать надо. Ну
чтожъ, ну и ошибся коли мужъ или хоть, скажемъ, грѣшнымъ дѣломъ жена. Ну, побилъ
ее. А всетаки соръ не выноси, не срами самъ себя и домъ не разстраивай, а живи
какъ надо – по закону. А то, чуть что, сейчасъ: «не могу жить» – и врозь. Мало
того, что скверность, примѣръ. И торговля ущербъ отъ этаго несетъ. И государство
тоже. Долженъ быть сынъ отечества. Свое горе притаи, а дѣло не разстраивай.

– Нѣтъ, простите меня, – горячо заговорила дама, – ужъ все лучше, чѣмъ такое
лицемѣріе. Это лицемѣріе и обманъ. А по моему – все пропади, а нельзя. Я не
знаю, какъ муж[ья], а я женщина – и пропадай все, если меня мужъ не любитъ и я
не люблю его; не могу я съ нимъ жить. Лучше разстаться.

– Все отъ образованія, – сказалъ старикъ, – жили же прежде.

– Нѣтъ, да какъ же вы скажете, – сказалъ адвокатъ, – развѣ можно мужу простить
жену, когда она его обманула?

* № 7

– Ахъ, мерзавцы! мерзавцы!

– Кто? – спросилъ я.

– Всѣ. Смѣшно отвѣчать такъ, а иначе нельзя. Ну развѣ не мерзавцы родители? Я и
тогда и послѣ слышалъ такихъ: что предстоитъ сыну? Сдѣлать несчастье дѣвушкѣ –
дурно, замужняя женщина – тоже не хорошо. Остается одно – домъ. И я первый
поведу сына. Я слышалъ сколько разъ такія слова. Но какъ ни храбрился, все таки
стыдъ сильнѣе, и никогда отецъ не только не поведетъ, но говорить съ сыномъ не
достанетъ силъ. Но правительство. Вѣдь если [въ немъ] есть смыслъ, то оно

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
блюдет добрую жизнь гражданъ, и вотъ оно устраиваетъ домъ и обезпечиваетъ
развратъ для насъ, для гимназистовъ. Нѣтъ, но это все простительно. Но доктора
съ своей наукой, утверждающей, что это нужно.

** № 8

<Помню, товарищъ брату, устройвъ нашу погибель, уѣхалъ, и мы остались одни съ
двумя женщинами – моей и братниной. Помню, ничего страшнаго, отталкивающаго, что
мнѣ всегда представлялось въ послѣдствіи въ такихъ женщинахъ, я не видѣлъ тогда
въ этихъ домахъ. Одна – моя – была русая, рябая, нѣсколько добродушная,
глуповатая, высокая, полная женщина, братнина была тоненькая, высокая, съ
вздернутымъ носомъ, блѣлая, съ очень доброй и тонкой улыбкой. Братъ тоже въ
первый разъ познавалъ женщину и былъ въ томъ же размягченномъ состояніи, какъ и
я. Я какъ во снѣ вспоминаю это. Мы сидѣли всѣ 4 полураздѣтые въ маленькой
пропахнувшей особеннымъ запахомъ комнатѣ и говорили – о чемъ же? Мы оба говорили
– братъ началъ, а я поддерживалъ – о томъ, что имъ надо бросить эту жизнь, пойти
хоть въ услуженіе. Братнина – Надежда (звали ее Надежка) отшучивалась,
улыбалась, говорила, что это невозможно, и я видѣлъ, она не столько себя при
этомъ жалѣла, сколько насъ, брата, что она должна разочаровать его. Но она была
радостна. Этого нашего разговора я послѣ него не вспоминалъ до самаго послѣдняго
времени. Этотъ эпизодъ записанъ въ моемъ воспоминаніи въ отдѣлъ стыдныхъ, и я
только уже послѣ моего несчастія, перебирая все, нашель тамъ этотъ эпизодъ,
единственный свѣтлый въ воспоминаніяхъ этого рода, записанныхъ въ стыдныхъ.>

* № 9

Все мнѣ казалось легко, весело. Мало того: былъ самый главный признакъ
настоящаго влюбленія: чувственность совсѣмъ не говорила по отношенію къ ней. Она
таилась тамъ гдѣ-то внизу, подъ поворочами нагроможденныхъ на нее раздутыхъ
чувствъ. Только изрѣдка, изрѣдка и чѣмъ ближе къ сроку сватьбы, тѣмъ чаще, она
прорывалась, и показывало себя то, на чемъ все было построено.

– Да, но есть же любовь къ женщинѣ не чувственная. – Я не договорилъ еще, какъ
онъ уже перебилъ меня:

– Никогда! т. е. влюбленія нѣтъ. Отчего жъ всегда любятъ тѣхъ, которыя одѣваются
по модѣ, и причесываются и выставляютъ..., а не экономку, тетюшку? Нѣтъ, батюшка,
это все она, тоже похоть, но разведенная въ большомъ количествѣ поэтической воды
и окрашивающая ее всю. [151]

И доказательство, что это она, что какъ только она явится наголо и
удовлетворится, вся эта вода сдѣлается просто прѣсной водой, и вся постройка
рухаетъ. Поэтическая любовь и похоть – два выраженія одного и того же, какъ
сила [и] тепло. Если оно въ одной, въ другой нѣтъ. – Ну, да это послѣ. Такъ вотъ
я былъ влюбленъ по всѣмъ правиламъ, и я не могу выразить, какъ я, болванъ, былъ
этимъ доволенъ и какъ хвалилъ себя за это. Вѣдь, кромѣ общаго безумія, было у
меня еще что?

** № 10

– Главная ложь, главный обманъ – это любовь. Любовь! L'amour! та самая, про
которую они говорили. – Онъ указалъ на то мѣсто, гдѣ сидѣла дама съ адвокатомъ.
– Всѣ, всѣ, и мужчины и женщины, воспитаны въ этомъ благоговѣніи къ любви. Я съ
дѣтства уже готовился влюбляться и влюблялся и всю молодость влюблялся,
радовался, что влюбленъ.

Это главное и самое благородное и возвышенное въ мірѣ занятіе быть влюбленнымъ.
Мнѣ говорить, нельзя отрицать, что чувство это есть. Разумѣется, есть, какъ и
тысячи другихъ чувствъ, но тѣ зародыши остаются зародышами и проявляются
случайно въ одномъ человѣкѣ изъ многихъ, и то временно, точно также, какъ
чувство обжорства, охоты и многія другія. Но когда почва такова, что все
развиваетъ это чувство, тогда оно, это чувство влюбленія, разрастается до тѣхъ
предѣловъ, въ которыхъ оно въ нашемъ развратномъ, праздномъ обществѣ. Такъ оно
разрасталось во мнѣ, и хотя я влюблялся и прежде, но въ жену свою я влюбился ужъ
во всю. Я приберегъ всю силу любви къ супружеству. И вотъ она пришла. Все было
по настоящему: пришла любовь и увѣнчалась успѣхомъ. Романы, поэмы, романсы,
оперы, музыка, философія даже – все восхваляетъ любовь. Вѣдь надо бы хоть
немножко разобратъ, что такое эта столь хваленая любовь? Ну, во-первыхъ, буду
грубо, коротко говорить! [152]

я увѣрялъ себя и всѣхъ, что я люблю ее возвышенно, а поступалъ съ ней, какъ не
Страница 249

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
поступают животныя съ своими самками. Это въдъ ужасно. Люди хуже, грязнѣе
животныхъ. А лгутъ то какъ! Любовь къ дѣтямъ! Я знаю, что ребенокъ, отнятый отъ
груды, теряетъ половину шансовъ жизни, статистика мнѣ доказываетъ это. И моя
жена, кормилица этого ребенка, беременѣетъ. А я распинаюсь въ любви. Только бы
не лгать. Паль ниже животнаго, признайся въ этомъ, кайся, и ты будешь все таки
человѣкъ. Но жить, какъ мы живемъ, – въ гноѣ восхваляемой нами любви, довольные
собой – это ужасно. Это не то что хуже животныхъ – это черти. Эмансипація вотъ
гдѣ. Съ проституціей борьба вотъ гдѣ. Истерика и слабость вотъ отчего.

** № 11

– Такъ я жилъ, развратничалъ, воображая, что я чуть не святой и живу честной
семейной жизнью. Жена моя была женщина, какъ я ее теперь понимаю, женщина самая
средняя. Если была у нея особенность выдающаяся, то это было [153] желаніе
нравиться, тщеславіе, но женское.

Образованья она была, что называется, очень хорошаго, она имѣла все, что
можетъ [154] дать ученье. Она знала языки, воспитана англичанкой по теперешней
модѣ, прошла все, что проходятъ въ гимназіяхъ, держала экзамень и, кромѣ того,
писала масляными красками недурно и играла на фортепіано даже очень хорошо. Она
не была даровита. Еще къ музыкѣ у ней была нѣкоторая способность, но, какъ это
бываетъ у дамъ, не искусство интересовало ее, а дѣйствіе производимое ею на
другихъ. Кромѣ того, она и читала и могла говорить о многомъ, но это ее не
интересовало въ сущности. Она знала, что она, и зачѣмъ она нужна, и въ чемъ ея
сила, и такъ только дѣлала видъ, что ее что нибудь интересуеетъ. Интересовало ее,
бѣдняжку, (У!) одно: ея привлекательность, ея дѣйствіе на людей и, замѣтте, на
людей новыхъ. Ей хотѣлось нравиться, заставлятъ смотрѣть на себя, любоваться
собой. И потому, очевидно, интересъ ея не могъ состоятъ въ томъ, чтобы заставить
меня любоваться собой. Это ужъ было сдѣлано, и на меня она имѣла другія возжи:
интересъ ея былъ въ томъ, чтобы другихъ людей заставлятъ любоваться собой,
чужихъ людей, и чѣмъ болѣе чужихъ, тѣмъ интереснѣе. Не думайте, чтобы она была
исключительная кокетка, совсѣмъ нѣтъ, она была, пожалуй, средняго уровня
кокетства нашихъ женщинъ. Но всѣ онѣ таковы и не могутъ не быть таковы, потому
что у нихъ нѣтъ ничего, чтобы стояло для нихъ выше, чтобы было сильнѣе этаго
женскаго тщеславія. Перевѣсъ этому тщеславію дѣлаетъ въ нашемъ быту только одно
– дѣти, и то тогда, когда женщина не уродъ, то есть сама кормить.

** № 12

Главное то дѣло въ томъ, что всѣ мужчины – я помню чувство къ моему лучшему другу
– я знаю какъ смотрѣть на женщинъ. И я смотрѣлъ такъ и понимаю, что можно
смотрѣть, но только не на мою жену. Завидовать мнѣ даже я не позволяю. А еще
мучало меня то, что она при другихъ мужчинахъ говорила то, что она, бывало,
говорила мнѣ, или то, чего, я знаю, она не думала, и я видѣлъ, что слова ея
ничего не значатъ, что и слова ея, какъ и одежда, – это только средство
заманить, понравиться. Единственный отдыхъ въ этомъ отношеніи бывалъ мнѣ, когда
она беременѣла и потомъ когда кормила. Слѣдующаго ребенка, несмотря на
запрещеніе мерзавцевъ, она сама стала кормить и выкормила прекрасно. И послѣ
этаго ребенка всѣхъ остальныхъ. И вотъ началась та почти одинаковая наша
семейная жизнь съ рожденіемъ и воспитаніемъ дѣтей, которая продолжалась 10 лѣтъ,
больше – 12 лѣтъ. Со стороны, я увѣренъ, что жизнь наша представлялась
счастливой, но мы знали, что это было. Это не только не была счастливая жизнь,
это былъ адъ. Адъ потому, что мы, просто говоря, ненавидѣли другъ друга и не
признавались себѣ въ этомъ и не нарушали семейной связи. Я много разъ замѣчалъ,
что невѣрные супруги гораздо лучше живутъ. И это просто отъ того, что они уже не
грѣшатъ другъ съ другомъ, не испытываютъ отравляющаго чувства сообщничества и
раскаянія и не смотрѣтъ другъ на друга какъ на собственность, не желаютъ, не
ревнуютъ, не пресыщаютъ другъ друга.

** № 13

XXII

– Да-съ. Такъ все и кончилось. Черезъ нѣсколько дней мы уѣхали все таки не такъ,
какъ я хотѣлъ, а какъ она хотѣла. Она, должно быть, видѣлась съ нимъ еще. По
всѣмъ доказательствамъ и разсужденіямъ я долженъ былъ знать, что ничего между
ними не было, но безъ всякихъ доказательствъ, въ глубинѣ души, я достовѣрно
зналъ, что она измѣнила мнѣ, и ненавидѣлъ ее всѣми силами души. Прежде бывало,
что чѣмъ больше я предавался плотской любви, тѣмъ больше я ее ненавидѣлъ. Такъ
теперь выходило тоже съ другой стороны: чѣмъ больше я ее ненавидѣлъ, тѣмъ
сильнѣе я желалъ ее. Но тутъ, несмотря на предписанія мерзавцевъ не рожать, она
родила вотъ эту самую крошку, и вышла перерывъ въ моихъ отношеніяхъ къ ней,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
перерывъ, еще сильнѣе разжегшій во мнѣ къ ней ненависть. Помню эти мучительные
роды, эти страданія, не вызывавшія во мнѣ сочувствія, не примирившія меня съ
ней. Ну, родилась дѣвочка. Взяли опять кормилицу. Она опять стала свободна.
Отношенія наши были ужасны. Они дошли до такого напряженія, что ясно было намъ
обоимъ, что что-нибудь необычайное должно случиться, намъ обоимъ было страшно.

Я въ это лѣто жилъ, казалось, какъ всегда, но вѣдь человекъ никогда не живетъ
какъ всегда, а постоянно или растеть или гнѣеть. Я гнилъ. Я былъ предводителемъ,
но это надоѣло мнѣ, тщеславіе предводительское износилось совсѣмъ. Хозяйство?...
Какъ у большинства насъ – запуталось, стало на такую ногу, что выбраться цѣлымъ
нельзя, то есть что все идетъ въ убытокъ: видишь это, но не имѣешь силъ
перевернуть все. И идетъ все по старому, и знаешь, что по скверному, и потому
интересоваться имъ нельзя. А все по привычкѣ что то дѣлаешь. Къ дѣтямъ, къ
воспитанію ихъ приступить – значитъ заниматься не воспитаньемъ, а бранью съ
женою. А это ужъ измучало и даже подъ конецъ становилось страшно. Оставались
пьянства всякаго рода, именно пьянство охоты: я его ждалъ въ концѣ Іюня, потомъ
пьянство романовъ, которые я читалъ не переставая, потомъ пьянство ѣды,
настоящее – вина и изрѣдка – картъ, и все это въ неугасимомъ пьянствѣ табаку и
сверхъ того – пьянство и жены. Такъ такъ я жилъ. Все это было старое, но все
это, повторяясь 12-й годъ, стало скучно, тяжело, душило, давило какъ то, какъ
гробъ, ходили смутныя мечты что нибудь сдѣлать такое, которое оборвало бы все
это, вывело бы куда нибудь въ новое. Кромѣ того, два обстоятельства не
переставая мучали меня; хотя я не позволялъ себѣ думать о нихъ, но они мучали:
это исполненіе совѣта мерзавца чтобъ не рожать и эпизодъ съ Трухачевскимъ, о
которомъ я старался не думать, какъ о бѣломъ медвѣдѣ. Такъ шло.

Дѣло было въ началѣ Іюля. Я ждалъ, что подкосятъ хлѣба, чтобы ѣхать въ даль на
болота, и по вечерамъ ходилъ около дома. Прихожу 3-го Іюля съ охоты. Она на
террасѣ, моя сестра съ дѣтьми, пріѣхавшая вчера, пьетъ чай. Простокваша, ягоды,
малина. Всѣ веселы, разговоръ идетъ хорошій; но, смотрю, она что-то выпытывающе
взглядываетъ на меня. Что это я ей интересенъ? Ну, разумеется, мелькнула въ
головѣ мысль о Трухачевскомъ, но я отогналъ ее, такъ какъ вѣрно не думать о
бѣломъ медвѣдѣ. Вѣдь карауленье другъ друга – это общее радостное занятіе
супруговъ. Ну, караулю. И вдругъ обнаруживается.

– А мы съ Полиной (это моя сестра) рѣшили съѣздить завтра въ городъ. Отлично
будетъ, Полина. Возьмемъ пирожки, кофейникъ, подставу. Вѣдь можно лошадей?

– Зачѣмъ это? – спрашиваю самымъ равнодушнымъ образомъ.

– Ахъ, какже зачѣмъ? Вотъ всегда такъ начинается съ мѣста, чтобы я
оправдывалась. Машу доктору нужно же показать. Вѣдь запустить легко, а потомъ
ужъ не поправишь. Потомъ мнѣ необходимо... – То, что имъ всегда необходимо, то
есть чего запомнить даже нельзя. – Ну, и потомъ, какъ жется, ужъ я сажу. Я вѣдь не
выѣзжала больше 2-хъ мѣсяцевъ.

Ну, отвѣчать нечего, главное хотеть. Ну и пускай. Съ Полиной ѣдутъ, дѣтей не
берутъ, одну Машу. Ну такъ, нашла рѣзвость дѣлать что-то необыкновенное.

XXIII

Ну, поѣхали утромъ. Все бы хорошо, но что-то въ ея улыбкѣ, ея взглядѣ, ея
жестахъ, въ ея движеніяхъ – что-то сдержанно радостное и таинственное. Но о
бѣломъ медвѣдѣ не вѣрно думать, такъ и проводилъ ихъ.

Я цѣлый день пролежалъ въ кабинетѣ, читалъ романъ. Хотѣлъ ѣхать дупелей
посмотрѣть, да заѣхалъ нашъ мировой судья. Надо было остаться обѣдать съ нимъ.
Послѣ обѣда поздно. За обѣдомъ начинается мнѣ рассказывать мировой судья (онъ
ѣхалъ въ городъ), что въ городъ пріѣхалъ Трухачевскій, хотеть дать концертъ, и
онъ непременно уговорить его дать концертъ въ пользу пріюта.

«Неужели? нѣтъ. [155] Неужели она такая с... Не можетъ быть.

Нечаянно? Совпаденіе? Не можетъ быть». Все это я себѣ говорилъ и забылъ всѣхъ, и
забылъ, что я за столомъ. Губернантка замѣтила.

– Вѣрно, вы опять страдаете? – спросила она.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
– Нѣтъ, а что?

– Да вы блѣдны.

– И въ самомъ дѣлѣ, что съ вами?

– Ничего, говорю, – ничего... – хочу подавить волнение, а сердце бьется, бьется обь стѣнки чего-то и воть-вотъ разорветъ что-то. И этому, и этому она виною. Я умру отъ разрыва. Да ей что? Да не хочу я, не стоить эта мерзавка, чтобы я волновался. Не хочу, успокоюсь. Да, схватило сердцебиение, это бываетъ со мною. Пью воду и немного успокаиваюсь и говорю, какъ во снѣ, о постороннемъ.

Мировой судья уѣхалъ, я остался одинъ. Взятъ было за романъ. Ничего не понимаю. Сердце бьется молоткомъ, бьется, бьется и вдругъ остановится. И чѣмъ мнѣ больнѣе, тѣмъ я злѣе на нее.

Пошелъ въ болото. Немного развлекся. Пришелъ домой, легъ спать. Не спалъ до утра. Утромъ рѣшилъ ѣхать въ городъ. Поѣхалъ было, вернулся съ половины дороги. И это срамъ. Всѣ видятъ, что я какъ шальной. И въ этомъ кто виноватъ? Она же. И это кто же? Моя, моя жена! моя жена, когда я ей вѣрный мужъ, при всѣхъ условіяхъ былъ и буду вѣрный, и это она, мать четырехъ дѣтей, почтенная женщина! Какъ она взглянетъ на меня? «Да погоди, сдѣлала ли еще она что? виновата ли?» говорилъ я себѣ; но не вѣрилъ тому, чтобы можно было иначе отвѣчать на этотъ вопросъ, какъ: да, разумеется!

Не помню, какъ прошелъ день. Вечеромъ поздно она пріѣхала. Первый взглядъ ея на меня: испуганный, хитрый и вопросительный, и видъ ея – счастливой удовлетворенности – сказалъ мнѣ все. Да, она все сдѣлала. Это вѣрно! Но какъ я узнаю? Узнаю такъ, чтобы не было сомнѣнья, чтобы можно было уничтожить эту радость, это сіянье въ глазахъ и вызвать то испуганное выраженіе, когда я душилъ ее. И руки и пальцы мои сжимались.

Какъ, отчего это сдѣлалось? Но несмотря на все это, что я передумывалъ, на меня нашло внѣшнее спокойствіе. Онѣ почти ничего не замѣтили. Такъ, я дурно спалъ – было достаточное объясненіе.

XXIV

– И вотъ начинаю я, какъ тигръ, подкрадываться, чтобы растерзать, навѣрное растерзать. «Нужно узнать, нужно доказать» – говорю я себѣ, но въ сущности мнѣ нужно одно: растерзать. Откуда бралось что, я не знаю, но я сдѣлался веселъ, и она ничего не замѣчала. Мало того, что я сдѣлался веселъ, я почувствовалъ къ ней особенно сильно то, что я называлъ любовью въ этотъ вечеръ. Она была, казалось мнѣ, особенно хороша.

Ну, все сдѣлали, веселились, смѣшныя приключенья, дѣтямъ гостинцы, докторъ сказалъ, что Машѣ надо то-то. О немъ ни слова. И я ни слова, но только тонко выпытываю, было ли ей время быть съ нимъ наединѣ, разлучалась ли она съ Полиной.

Оказалось, да. Больше двухъ часовъ Полина была у игуменьи въ монастырѣ, а жена ждала ее дома. Для всякаго человѣка это ничего бы не значило, но для меня это было такое же доказательство, какъ бы я видѣлъ ихъ въ объятіяхъ другъ друга. Узнать это мнѣ было даже страшно. Хотѣлось узнать, не была ли она съ кѣмъ нибудь въ это время. Нѣтъ, она была одна. Стало быть, все ясно. На минуту забилось сердце, но опять затихло. Некогда было, теперь надо было дѣйствовать. И я торопился дѣйствовать. Все должно было разъясниться ночью, вечером...

XXV

Будетъ она, какъ жена Урія, искать сближенія съ мужемъ, чтобы скрыть грѣхъ свой? Будетъ, то нѣтъ сомнѣнія, и я знаю, что сдѣлать. Руками? Нѣтъ, нѣтъ, руками долго и можно ослабѣть.

И когда всѣ еще сидѣли за чаемъ, я вышелъ въ кабинетъ и взялъ маленькій кривой булатный кинжалъ, который висѣлъ у меня съ ягташемъ, и вынулъ и, ошупавъ, остро ли лезвіе, вложилъ его въ ножны. Да, этимъ. Отчего же не этимъ? Чѣмъ нибудь же надо. А себя? Себя? Зачѣмъ? Да надо же. Ну, хорошо, и себя. Но тамъ видно будетъ. Главное – чтобы ей перестало быть забавно.

Мы посидѣли еще, простились, и я пошелъ раздѣваться.

– Ты, пожалуйста, не засидись, а приходи скорѣе. Я устала, а ты опять разбудишь.

И она улыбалась заманивающей улыбкой. И два яда слились въ моемъ сердцѣ: ядъ страсти плотской любви къ этой женщинѣ и ядъ ревности, получившей подтвержденіе этимъ обращеніемъ.

Я пришелъ въ кабинетъ, раздѣлся, надѣлъ халата и сѣлъ задумавшись. Мнѣ стало страшно то, передъ чѣмъ я стоялъ. Надо было разобраться. Трудно было, но надо было. Я попробовалъ было подумать, какъ еще поступить. Сказать ей? Вызвать ея признанье, уѣхать, оставивъ письмо, или еще какъ? Но и то, и другое, и третье было слишкомъ сложно, трудно, и, главное, при этомъ надо было отказаться отъ половой любви, а я никогда такъ страстно не желалъ ея и никогда такъ страстно ее не ненавидѣлъ. «Нѣтъ, этого не разберешь», сказалъ я себѣ, и тотчасъ же рука моя потянулась за папироской, и я жадно ихъ выкурилъ двѣ – одну за другой – и всталъ и пошелъ къ ней. Выходя изъ двери, я взглянулъ на ягташъ съ висѣвшимъ подъ нимъ ножикомъ. Какъ она будетъ ждать меня? Въ какомъ положеніи? Это рѣшить многое. Она сказала, что устала. Если это правда, она давно успѣла уже лечь. Но нѣтъ, она, чего я ждалъ и чего боялся, она сидѣла передъ туалетомъ еще безъ кофточки, поднявъ полныя, бѣлыя [руки] надъ головой, устраивая свою ночную прическу. Она оглянулась. Да, это жена Урїя. Я – Урїй. Такъ, этотъ мальчишка, грязное существо, валявшееся во всѣхъ гнояхъ Парижа, – онъ Давидъ, онъ Царь, а я нуженъ только для того, чтобъ скрыть...

XXVI

Да, чѣмъ страстнѣе были ея ласки, тѣмъ злѣе была моя ненависть и тѣмъ тверже устанавливалось мое рѣшеніе. Она продолжала вѣрить мерзавцамъ, она спорила, пока еще я спорилъ о томъ, что благоразумнѣе посвятить себя тѣмъ дѣтямъ, которыя есть, чѣмъ рожать вновь, что тутъ грѣха нѣтъ, и ни на минуту не сдавалась. Но тутъ она вдругъ забыла это и согласилась со мной. Я уже было забылъ все, я былъ побѣжденъ нѣгой страсти, но тутъ уже была очевидность. Я отошелъ отъ нея и пошелъ къ двери.

– Куда же ты?

Да, всѣ эти ласки только слабыя повторенія того, что было тамъ.

– Я? Ничего. Я...

– Что съ тобой? Что ты? Вася, что ты?

Я слышалъ ея испуганный голосъ, и онъ еще больше подтверждалъ меня. Я, ни минуты не останавливаясь, пробѣжалъ въ кабинетъ, схватилъ ножъ, вынулъ изъ ноженъ, бросилъ ихъ. Они завалились за спинку дивана. «Надо будетъ поднять ихъ послѣ, а то забудешь». И я тихо вошелъ въ ея комнату.

Она сидѣла на краю постели и улыбнулась, увидавъ меня.

– А я испугалась. Что съ тобой сдѣлалось? Я ду...

– Ты думала, что можно быть моей женой и отдаваться другому..

– Вася, что ты?

Но я не слушалъ ее, я слушалъ свои слова. Я говорилъ, что убью, и убью, и какъ это сдѣлалось, я не знаю. Она поднялась ко мнѣ, увидавъ ножъ и желая схватить меня за руки, но я вырвалъ руку и запустилъ кинжалъ снизу и почувствовалъ, что онъ пошелъ кверху. Она упала, схватила за руку меня, я вырвалъ кинжалъ руками. Кровь хлынула... Мнѣ мерзко стало отъ крови ея. И чтобы мерзость стала больше еще, чтобы все потонуло въ мерзости, я кулакомъ ударилъ ее по лицу. Она упала.

XXVII

Я вышелъ къ горничной.

– Подите, скажите всѣмъ. Я убилъ жену.

Я ушелъ въ кабинетъ, сѣлъ у себя и выкурилъ папироску.

Сестра въ кофточкѣ, блѣдная, плачущая вышла ко мнѣ.

– Базиль. Что это? Что ты сдѣлалъ?

– Я убилъ.

– Боже мой! Но она жива, она мучается... Поди къ ней.

– Зачѣмъ?

– Поди къ ней.

– Умреть она?

– Не знаю, ахъ, Боже мой!

Я подошелъ къ двери, открылъ. Она лежала изуродованная, лицо распухло, и посинѣли щека и глазъ. Мнѣ не жалко было. Мнѣ было только гадко. И одинъ вопросъ мучалъ меня: а что какъ я ошибся? У! – Она поманила.

– Прости меня, прости, – сказала она.

Я молчалъ.

– Я не могла, я не знала... Я гадкая, но я не виновата, право не виновата. Но неужели я умру? Неужели нельзя помочь? Я бы жила хорошо... Я бы... испустила...

Откуда она взяла это слово? Она сознавалась, стало быть. Сознавалась! А мнѣ было жалко только себя.

Тутъ только, съ этой минуты, я проснулся...

XXVIII

Она умерла, меня судили...

И оправдали, скоты! Такъ вотъ что. Вотъ и перенесите. А что старикъ вретъ...

– Да вѣдь старикъ это самое и говорить, – робко сказалъ я.

– Старикъ? У! Да онъ это и говорить, и я это говорю. Только на ея одръ я полюбилъ ее. Какъ по любилъ! Боже мой, какъ полюбилъ!

Онъ зарыдалъ.

– Да, не она виновата. Будь она жива, я бы любилъ не ея тѣло и лицо, а любилъ бы ее и все простилъ бы. Да если бы я любилъ, и нечего бы прощать было...

** № 14

Только что старикъ ушелъ, поднялся разговоръ въ нѣсколько голосовъ.

– Старого завѣта папаша, – сказалъ прикащикъ.

– Вотъ домострой живой, – сказалъ адвокатъ.

– Да, много еще пройдетъ время, пока выработается человѣческое отношеніе къ женщинѣ, – сказала дама.

– <Положимъ, – сказалъ адвокатъ, – но согласитесь, что при его взглядѣ легче опредѣленіе отношеній.

– Легче, но за то это отношеніе дикихъ. Держать въ рабствѣ женщину, которая уже не любить.>

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
– Однако, – сказал адвокат, – в Европѣ уже вырабатываютъ новые формы – во-первыхъ, гражданскій бракъ, во-вторыхъ, разводъ.

– Только мы отстали, – сказала дама. – Разводъ разрѣшаетъ все. Какъ только есть разводъ, то будетъ и бракъ истинный, когда люди будутъ знать, что они не на вѣки связаны, не рабы.

Прикащикъ слушалъ улыбаясь, желая запомнить для употребленія сколько можно больше изъ ученыхъ разговоровъ.

– Какже такъ разводъ исправить бракъ? – неожиданно сказалъ голосъ нервнаго господина, который незамѣтно подошелъ къ намъ. Онъ стоялъ въ коридорѣ, положивъ руки на спинку сидѣнья и, очевидно, очень волновался: лицо его было красно, на лбу надулась жила, и вздрагивалъ мускуль щеки. – Это все равно, что сказать, если разорвался вотъ рукавъ, такъ его совсѣмъ оторвать.

– Я не понимаю вашего вопроса, – сказала дама.

– Я говорю: почему разводъ закрѣпить бракъ?

Господинъ волновался, какъ будто сердился и хотѣлъ сказать непріятное дамѣ. Она чувствовала это и тоже волновалась.

– Признакъ, признакъ – любовь. Есть любовь, то люди соединяются, нѣтъ любви – люди расходятся. Это очень просто, – сказала дама.

Нервный господинъ тотчасъ же подхватилъ это слово.

– Нѣтъ-съ, не просто. Каждый мужъ и каждая жена въ первый же годъ разъ 20 думаютъ, что они перестали любить, и опять начинаютъ. Какъ же тутъ быть?

– Должна быть полная любовь. И бракъ долженъ опредѣляться только любовью. Тогда не будетъ этихъ ошибокъ.

– Не понимаю.

– Онъ говорятъ, – вступился адвокатъ, указывая на даму, – что если бы былъ разводъ, то какъ женщина, такъ и мужчина, зная впередъ, что ихъ соединяетъ только ихъ желаніе, что каждый можетъ всегда покинуть другаго, зная это, брачующіеся серьезнѣе относились бы къ браку, а въ случаѣ ошибки могли бы свободно расходиться, и не было бы тѣхъ недоразумѣній и неясности, которыя существуютъ теперь. Такъ ли я понимаю? – обратился онъ къ дамѣ. – Я тоже полагаю..

Дама движеніемъ головы выразила одобреніе разъясненію своей мысли.

Но нервный господинъ, очевидно, съ трудомъ удерживался и, не давъ адвокату договорить, началъ:

– Да, но по какимъ бы признакамъ узнавать, что наступило время развода? Вы говорите, что признакъ того, что супруги не могутъ жить вмѣстѣ, есть прекращеніе любви. Да какже рѣшить, прекратилась любовь или нѣтъ?

– Да какже не знать? Это чувствуется.

– Какже чувствуется? А ссоры, которыя бываютъ между всякими супругами, – что же онъ – прекращеніе любви?

– Нѣтъ, ссоры если бываютъ, то это ссоры, а все таки есть любовь. Развестись слѣдуетъ, когда нѣтъ любви.

– Да какъ это узнать?

– Всякій знаетъ, что такое любовь.

– А вотъ я не знаю и желаю знать, какъ вы опредѣляете.

– Какъ? Очень просто: любовь есть исключительное предпочтеніе одного или одной передъ всѣми остальными.

- Предпочтеніе на сколько времени? На годъ? на мѣсяць? на два дни? на...
- Нѣтъ, позвольте, вы, очевидно, не про то говорите.
- Нѣтъ, я про то самое, про предпочтеніе одного или одной передъ всеми другими, но я только спрашиваю: на сколько времени?
- На сколько времени? надолго, иногда на всю жизнь.
- Да вѣдь этого никогда не бываетъ.[156] только въ романахъ. А въ жизни никогда. Въ жизни бываетъ это предпочтеніе одного передъ другимъ рѣдко на года, чаще на мѣсяцы, а то на недѣли, на дни, на часы.
- Ахъ, что вы! Да нѣтъ, нѣтъ, позвольте, – въ одинъ голосъ заговорили мы всѣ трое. Даже прикащикъ издалъ какой-то неодобрительный звукъ.
- А я говорю, что въ дѣйствительности такъ. Нынче мужъ предпочитаетъ всѣмъ свою жену и жена мужа, а завтра ужъ нѣтъ. Что жъ, это значить кончилась любовь?
- Да нѣтъ-съ, позвольте, – сказала дама, – вы говорите о животномъ чувствѣ, а мы говоримъ о любви.
- Да любовь между мужчиной и женщиной основана только на животномъ чувствѣ. Другой нѣтъ.[157]
- Но позвольте-съ, сказалъ адвокатъ, – если бы дѣло было такъ, какъ вы изволите говорить, то совсѣмъ бы не было честныхъ браковъ, супруги постоянно предавались бы своимъ увлеченіямъ, и не было бы ни тѣхъ семей, живущихъ согласно и мирно, которыхъ мы видимъ теперь. Есть, слѣдовательно, и другія, болѣе высокія и нравственныя, такъ сказать, чувства въ нашемъ мѣрѣ.
- Нервный господинъ злобно, иронически засмѣялся.

Рукопись шестой-седьмой редакции „Крейцеровой сонаты“, написанная рукой М. Л. Толстой и исправленная рукой Толстого (л.л. 127 об. и 128 вар. № 14)

Размер подлинника

- Да, если есть честные по внѣшности, только по внѣшности, браки среди насъ, то только отъ того, что въ нашемъ обществѣ живы тѣ домостроевскія <фарисейскія> правила, которыя вонъ онъ высказывалъ, – сказалъ нервный господинъ, указывая на мѣсто, гдѣ сидѣлъ старикъ. – Только благодаря тому, что есть инерція этихъ правилъ, въ которыя когда-то вѣрили, этихъ правилъ, т. е. плетки, есть что-то по внѣшнему похожее на бракъ.[158] Въ нашемъ мѣрѣ, и у образованныхъ и въ народѣ, теперь вмѣсто брака есть одинъ обезьяній развратъ, т. е. что всякій развращенный мужчина ищетъ любви съ всякой привлекательной женщиной и точно также всякая женщина. А такъ какъ въ нашемъ мѣрѣ всѣ развращены или 0,99, то всѣ и предаются этому разврату и прощаютъ его другъ другу.
- Ахъ, это ужасно, что вы говорите. Но есть же между людьми то чувство, которое называется любовью и которое длится не мѣсяцы и годы, а всю жизнь?[159]
- Нѣтъ, нѣту. Менѣлай, можетъ быть, и предпочиталъ Элену всю жизнь, но Елена предпочла Париса, и такъ всегда было и есть на свѣтѣ. И не можетъ быть иначе, также, какъ не можетъ быть, что въ возу гороха двѣ замѣченныя горошины легли бы рядомъ. Да кромѣ того, тутъ не невѣроятность одна, а, навѣрное, пресыщеніе Элены[160] Менелаемъ или наоборотъ. Вся разница только въ томъ, что у одного раньше, у другаго позднѣе. Только въ глупыхъ романахъ пишутъ, что они любили другъ друга всю жизнь. И только дѣти могутъ вѣрить этому. Любить всю жизнь одну или однаго – это все равно, что сказать, что одна свѣчка будетъ горѣть всю

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
жизнь.

– Но вы все говорите про плотскую любовь.

– Какже назвать ту любовь, которая бывает только къ молодымъ и красивымъ, никогда не бывает къ старикамъ и дѣтямъ?

– Но позвольте опять повторить тоже, – сказалъ адвокатъ. – Фактъ противорѣчить тому, что вы говорите. Мы видимъ супружества, доживающія всю жизнь въ любви и согласіи.

– Да только благодаря тому, что въ этихъ семьяхъ, какъ у этаго купца, совсѣмъ нѣтъ любви, а есть, съ одной стороны, фарисейство, съ другой – тайный развратъ. А любви, которую проповѣдуютъ, теперь нѣтъ. Если бы же была любовь безъ разврата, то была бы рѣзня. Мы бы всѣ перерѣзали другъ друга.

– Да отчего же? – спросилъ адвокатъ.

– А отъ того, что въ нашемъ мѣрѣ такъ называемый бракъ есть ничто иное, какъ собачья сватьба. Только хуже. Если бы была собачья сватьба, т. е. была бы любовь, про которую вы говорите, то была бы грызня, а то и той нѣтъ. Старыя основы брака, домостроевскія, какъ вы называете, износились, а новыхъ нѣтъ. Мало того, вмѣсто новыхъ подставляются прямо требованія любви, про которую вы говорите. А въ сущности проповѣдь свободной любви есть ничто иное, какъ призывъ къ возвращенію назадъ, къ полному смѣшенію половъ. Износилась старая духовная основа брака, надо найти новую, а не проповѣдывать развратъ.

Онъ такъ горячился, что всѣ замолчали и смотрѣли на него.

– Да-съ, по опыту, по ужасному опыту знаю все это именно потому, что не вѣрилъ въ теорію купца, а вѣрилъ въ вашу. Вы, какъ я вижу, узнаете, кто я?

– Нѣтъ, я не имѣю удовольствія.

– Удовольствіе не большое. – Произошло молчаніе. Онъ покраснѣлъ, опять поблѣднѣлъ. – Ну, все равно, – сказалъ онъ. – Впрочемъ, извините, – сказалъ онъ. – А! Не буду стѣснять васъ. – И ушелъ на свое мѣсто.

** № 15

Женщина нашего мѣра любитъ въ ребенкѣ только то, что ей доставляетъ наслажденіе, – ручки, нѣжное, красивое тѣльцо, любитъ чувственностью къ дѣтямъ. Также и большинство отцевъ. Отъ этого то и происходитъ то, что изъ 100 случаевъ въ 99 являются ненависть, взаимное соперничество всѣхъ родовъ между вырастающими дѣтьми и родителями, чувства, которые бы не могли быть, если бы сначала была любовь человѣческая. И что ужаснѣе всего – это то, что при этомъ предполагается, что родители и дѣти любятъ другъ друга. <Да что жъ называется человѣческою любовью? Любовь, ищущая только блага другаго. Въдъ слова столь смущающія многихъ: «Вы же любите ненавидящихъ васъ, то если вы любите любящихъ васъ, какая же въ этомъ заслуга», въдъ это самое точное опредѣленіе любви.> Въдъ развѣ я могу сказать, что люблю по человѣчески человека, который за мной ухаживаетъ, меня веселитъ и радуетъ? Я люблю его такъ, какъ любить собака того, кто ее кормитъ. Развѣ я могу сказать, что люблю женщину, которая даетъ мнѣ наслажденія даже не одной плотской любви, но производитъ во мнѣ то состояніе возбужденія, которое меня счастливитъ, развѣ я могу сказать, что я люблю ее по человѣчески? Также гастрономъ любить свое старое бургундское. Также точно и мать любить то существо, которое доставляетъ ей восторги и радости, – развѣ она можетъ сказать, что она любитъ его по человѣчески? Любить по человѣчески можно только то, что совсѣмъ мнѣ не нужно, <но какъ трудно найти совсѣмъ безразличное, то, чтобы не ошибиться, вѣрнѣе всего сказать: любить по человѣчески можно только тѣхъ которые нарушаютъ твое спокойствіе и счастье. Такъ и сказано: «люби ненавидящихъ». Такъ вотъ это любовь человѣческая.> А такъ какъ такой любви нѣтъ въ нашихъ женщинахъ, то любовь нашихъ матерей – это только пристрастіе, пьянство своего рода, въ которое женщина уходитъ съ головой, и тѣмъ больше уходитъ, чѣмъ запутаннѣе для нея ея семейная жизнь. А такъ какъ супружеская свиная жизнь всегда запутана, то и всѣ онѣ въ наше время съ страстью уходятъ въ это пьянство.

** № 16

Всякая дѣвушка, выходя за нечистаго мужчину, выше его, а между тѣмъ онъ то

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
смотреть на нее съ высоты своего величія безнравственности и старается
образовать ее по своему.

Она выше мужчины и дѣвушкой и становясь женщиной. Продолжаетъ быть выше еще и потому, что у женщины, какъ только она начинаетъ рожать, есть дѣло настоящее, а у мужчины его нѣтъ. Женщина, рожая, кормя, твердо убѣждена, что она, дѣлая это, исполняетъ волю Божью, а мужчина, хоть бы онъ предсѣдательствовалъ въ нѣмецкомъ рейстагѣ, или строилъ мостъ черезъ Миссисипи, или командовалъ миллионной арміей, или открывалъ новыя бактеріи или фонографы, не можетъ имѣть той увѣренности. [161] и женщина видитъ это. Никакіе мудрецы не убѣдятъ ее въ томъ, что произнести рѣчь въ парламентѣ, сдѣлать смотръ войскамъ, докончить опытъ культивированія бактерій также важно, какъ накормить кричащаго ребенка. И разъ убѣдившись въ этомъ, она, какъ человекъ необразованный, мало мыслящій, убѣдившись, что мужская дѣятельность нашего круга ниже ея, считаетъ, что эта ея дѣятельность есть высшая на свѣтѣ дѣятельность, тогда какъ эта ея дѣятельность есть ни высшая ни низшая, а совершенно безразличная дѣятельность, которая можетъ быть и прекрасной и отвратительной, смотря по тому, что въ нее вложить, т. е. что въ томъ, чтобы рожать, кормить и воспитывать дѣтей, нѣтъ ничего ни хорошаго, ни дурнаго, какъ нѣтъ ничего ни хорошаго ни дурнаго въ томъ, чтобы двигать мускулами, а хорошее и дурное только въ томъ, для чего воспитывать дѣтей, какъ и въ томъ, для чего двигать мускулами.

**№ 17

– Вася, опомнись, что ты? Что съ тобой? Ничего нѣтъ, ничего, ничего. Клянусь.

Я бы еще помедлилъ, но эта ложь подожгла еще мое бѣшенство. «Ну чтожъ, ее, а потомъ себя».

– Не лги, мерзавка, – завопилъ я и выстрѣлилъ разъ и два. Она вскрикнула и упала на полъ. И въ ту же минуту вбѣжала няня.

– Я убилъ ее, – сказалъ я. И въ это время въ двери показалась Лизанька въ одной рубашенкѣ съ ужасными глазами. Я встрѣтился съ ней глазами, и бѣшенство мое прошло. Я повернулся и пошелъ въ кабинетъ и сталъ курить, дрожа всѣмъ тѣломъ и ничего не понимая и ничего не думая. Я слышалъ, что тамъ что то возились. Слышалъ, какъ пріѣхалъ Егоръ съ корзинкой. Онъ внесъ въ кабинетъ корзинку.

– Слышалъ? Я убилъ жену, – сказалъ я ему. – Скажи дворнику, чтобъ далъ знать въ полицію.

Онъ ничего не сказалъ и ушелъ. Я опять сталъ курить, прислушиваясь къ звукамъ въ квартирѣ. Кто то пришелъ. Я думалъ, что полиція, и придетъ ко мнѣ, но это былъ докторъ. Вдругъ скрипнула дверь. А можетъ быть, это она, и ничего не было; но это была не она, шаги были чужіе. «Да, теперъ надо и себя», сказалъ я себѣ, но я говорилъ это, но зналъ, что я не убью себя. Однако я всталъ и взялъ опять въ руки револьверъ. Въ дверь вошла няня. Няня въ кофточкѣ вошла робко и сказала, что она меня зоветъ къ себѣ. Да вѣдь я убилъ ее. Няня вдругъ заплакала (а она была прехолодный и непріятный человекъ).

– Васъ просятъ. Онъ въ постели. Докторъ перевязалъ. Едва ли живы будутъ, очень слабы, – сказала она, какъ бы говоря о болѣзни независимой отъ меня.

«Да, если нужно будетъ, то всегда усну», сказалъ я себѣ и положилъ револьверъ. «Фразы. Grimасы. Ну, да Богъ съ ней. Пойду». Только что я вошелъ, странный запахъ пороха поразилъ меня. Проходя по коридору мимо дѣтской, я опять увидалъ Л[изаньку]. Она смотрѣла на меня испуганными глазами. Мнѣ показалось даже, что тутъ были и другіе – всѣ пятеро смотрѣли на меня. Я подошелъ къ двери, и горничная тотчасъ же изнутри отворила мнѣ и вышла. Она лежала на нашей двуспальной постели, на моей даже постели, къ ней былъ легче подходъ. Она лежала на высоко поднятыхъ за спиною подушкахъ въ кофтѣ бѣлой, не застегнутой, съ открытой грудью, на которой видна была повязка раны. Но не это поразило меня. Прежде и больше всего меня поразило ее распухшее и синѣющее по отекамъ лицо, часть носа и подъ глазомъ. Это было послѣдствіе удара моего локтемъ, когда она хотѣла удерживать меня. Этотъ видъ былъ ужасенъ. Мнѣ стало гадко, но еще не жалко.

XX...

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Жалко мнѣ стало только тогда, когда глаза наши встретились. Такое было жалкое, забитое, усмиренное, покорное лицо. Боже, что какъ я ошибся?!» подумаль я.

Она поманила меня и начала тихо-тихо. Я подошелъ вплоть. Не спуская съ меня взгляда, она тихо-тихо проговорила:

– Прости, Вася.

И это слово, этотъ взглядъ, очевидно умирающей, не нуждающейся уже ни въ чемъ женщины сразу убили во мнѣ животное, то одно и тоже животное, которое испытывало къ ней то, что кощунственно называется среди насъ любовью, и то животное, которое убило ее. Я въ первый разъ увидалъ въ ней челоуѣка, сестру, и не могу выразить того чувства умиленія и любви, которое я испыталъ къ ней.

– Прости меня, я виновата, но я не могла, я не могла, я не знаю, что со мной сдѣлалось. Прости.

Я молчалъ, потому, что не могъ говорить. Изуродованное лицо сморщилось.

– Зачѣмъ это все было? Прости.

– Я не могу прощать, я отмстилъ, – сказалъ я.

– Какъ? – вдругъ вскрикнула она, приподнялась, и глаза ея заблестѣли лихорадочно. – И ты говоришь, что[162] я умру? Нѣтъ, нѣтъ, я не умру. Я не хочу. Я не могу. Я бы хорошо жила. Я искуплю.

Потомъ сдѣлался бредъ. Она стала пугаться, кричать.

– Стрѣляй! я не боюсь, только всѣхъ убей.[163] Ушелъ! ушелъ!

Про дѣтей только она не вспомнила ни разу ни въ бреду ни въ свѣтлыя минуты. Она не узнала даже Л[изаньку], которая прорвалась къ ней. Я не видалъ, какъ она умерла въ тотъ же день, къ полдню. Меня въ 8 часовъ отвезли въ часть, а оттуда въ острогъ. И тамъ то, просидя эти 11 мѣсяцевъ, дожидаясь суда, я обдумаль себя, свое прошедшее и поняль его.

Мы долго сидѣли молча. Онъ всхлипываль и трясся молча передо мной. Лицо его сдѣлалось тонкое, длинное и ротъ во всю ширину его.

– Да, – сказалъ онъ вдругъ. – Если бы я зналь, что знаю теперь, какъ я былъ [бы] счастливъ и какъ бы она могла быть счастлива. Я бы не женился на ней ни за что. И ни на комъ не женился бы.

Опять мы долго молчали.

– Да-съ, вотъ что я сдѣлаль и вотъ что я пережилъ. Такъ я знаю, что такое половыя отношенія. <Если шекеры правы, половыя отношенія въ нашемъ обществѣ должны быть регулированы, теперь же они совсѣмъ безъ контроля.> Прежде, когда былъ домострой, были религиозныя вѣрованія, опредѣлявшія брачныя отношенія, было опредѣленіе этихъ отношеній, но теперь, когда не вѣрятъ больше, нѣтъ никакого опредѣленія ихъ. А сходитьсь мущинамъ и женщинамъ хочется отъ праздности и отъ того, что имъ внушено, что это есть нѣкотораго рода *partie de plaisir*. [164] Вотъ они и сходятся, а основаній, на которыхъ бы они могли сходитьсь, нѣтъ никакихъ, кромѣ животнаго удовольствія. Они это называютъ любовью, но дѣло отъ этаго не изменяется. Вотъ какой-то жидъ написаль книгу: «*Convenzione delle Luegen*». Условныя лжи, которая считается всѣми передовой, и тамъ онъ прямо совѣтуетъ людямъ спуститься опять назадъ съ той ступени развитія, въ семейномъ отношеніи доведшей людей до единобрачія, и спуститься опять въ половой развратъ, только назвавъ половое влеченіе хорошимъ словомъ – любовью. Но назадъ люди не ходять и не бросаютъ завоеваннаго. И въ этомъ отношеніи людямъ надо идти не назадъ, но впередъ. И знаете, я право думаю, что шекеры правы.

(Вписать то, что въ XII и XIII главахъ). [165]

– Да съ, надо понять настоящее значеніе, что слова Евангелія Матфея V, 28, о томъ, что «всякій, кто смотритъ на женщину съ похотью, прелюбодѣйствуетъ», относятся не къ одной посторонней, а преимущественно къ своей женѣ.

1889, 28 Августа.

Я[сная] П[оляна].

Л. Т.

* № 18

– Надо вамъ сказать, что такое было за существо моя жена. Во-первыхъ, никакъ нельзя сказать про нее, какое она была существо, надо сказать, какія два существа была моя жена. Мы – и всѣ люди – я всегда удивлялся, отчего писатели романисты, которыхъ главное дѣло описывать характеры, – никогда не описываютъ того, что всякій человекъ не одинъ характеръ и даже не два, а иногда много. И въ женѣ моей было много разныхъ, но два, нѣтъ три совсѣмъ разныхъ существа. Одно[166] – мученица въ обоихъ смыслахъ, т. е. женщина, желающая мучать себя и всѣхъ людей, но прежде всего себя, и другая – страстная, но неумѣлая кокетка, тщеславная и лгунья. И въ самой глубинѣ души – добрый, великодушный, почти святой человекъ, способный мгновенно, безъ малѣйшаго колебанія и раскаянія, отдать себя всего, всю свою жизнь другому. Ну, да этаго рассказать нельзя, надо было все пережить, какъ я пережилъ.

* № 19

<Возвращаюсь я разъ съ мужскаго обѣда. Сидитъ она съ дядей моимъ[167] и молодымъ слѣдователемъ, добрымъ, не опаснымъ юношей, который часто бывалъ у насъ и котораго я почти не ревновалъ. Сидятъ и играютъ въ винтъ. Дѣти ужъ уложены спать. Старшій,[168] Вася, тотъ, котораго кормила кормилица (ему было десять лѣтъ, онъ былъ въ приготовительномъ классѣ), потомъ[169] Лиза, 8 лѣтъ дѣвочка, потомъ Ваня и Митя и Анночка, послѣдняя, двухъ лѣтъ.

Я сълъ за нее, а она, по просьбѣ дяди, съла за фортепіано.

– Ахъ да, – говоритъ она, – пріѣзжалъ Трухачевскій, я не приняла его.>

* № 20

<Все, что я дѣлалъ, я дѣлалъ съ большою точностью, не торопливостью и ловкостью, какъ это дѣлаютъ звѣри и люди въ моменты физическаго возбужденія.

Я послушалъ у двери гостиной. Были слышны голоса, и по звуку этихъ голосовъ ничего нельзя было заключить. Но заключеніе, какое мнѣ нужно было, уже было сдѣлано. Ничто теперь ужъ не могло разувѣрить меня въ ея виновности. Теперь, разбирая мои чувства, я могу опредѣлить ихъ такъ. Я былъ виноватъ въ своемъ животномъ и безчеловѣчномъ отношеніи къ женѣ. Я чувствовалъ эту свою вину въ глубинѣ души, но чтобы не признавать свою вину, мнѣ нужна была ея виновность: отъ этаго этотъ мучительный восторгъ, который я испытывалъ при всякомъ поводѣ, который она мнѣ подавала, обвинять ее. Отъ этаго же желаніе ея вины и ни на чемъ не основанная увѣренность въ ея дѣйствительности. Увѣренность замѣнялась злобой противъ нея и всѣмъ тѣмъ, что возбуждало ее.>

** [ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ «ПОСЛЕСЛОВІЯ К «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЕ».]

ПОСЛѢСЛОВІЕ

– Читали вы послѣднюю повѣсть Толстаго?

– Нѣтъ, а что?

– Да ужъ до того дописался, что проповѣдуетъ безбрачіе, прекращеніе рода человѣческаго.

– Да, мистицизмъ до добра не доведетъ. И какая это жалость, что наши русскіе писатели такъ скоро повреждаются въ разсудкъ. Отчего бы это? – и т. д.

Вотъ тѣ сужденія, которыя въ большинствѣ случаевъ среди самыхъ вліятельныхъ судей вызовутъ мой разсказъ. И мнѣ жалко, что это такъ будетъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы читатели, особенно молодые, не рѣшали бы такъ сразу, а вдумались бы въ тѣ вопросы, которые затронуты въ этомъ разсказѣ. А стоитъ только безъ предвзятыхъ мыслей, безъ непоколебимой вѣры въ пошлость, въ то, что существующіе порядки суть самыя хорошіе порядки, стоитъ серьезно и свободно подумать объ этихъ предметахъ, чтобы неизбѣжно придти къ тѣмъ же мыслямъ, къ которымъ пришелъ и я. Мысли же, къ которымъ я пришелъ, выражая ихъ въ самой сжатой формѣ, вотъ какія:

1) Въ дохристiанское время и въ внѣхристiанскихъ народахъ мужчины смотрѣли и смотрять на женщину какъ на предметъ наслажденiя. Христiанство установило равенство мужчины и женщины и этимъ самымъ уничтожило въ сознании до и внѣхристiанскiй взглядъ на женщину. Но эта перемѣна взгляда совершилась только въ тѣхъ христiанахъ, которые всѣмъ сердцемъ усвоили всю сущность ученiя, а такихъ всегда было очень мало; большинство осталось съ прежнимъ взглядомъ на женщину, несмотря на то, что соединенiе съ женщиной совершалось и совершается въ формѣ христiанскаго брака. Для большинства женщина осталась орудiемъ наслажденiя, и отъ этого проституцiя, развратъ и нехристiанская жизнь въ семьяхъ.

2) Христiанское отношенiе половъ выражено въ 28 стихъ V главы Матфея, гдѣ сказано, что тотъ, кто смотритъ на женщину съ вождельнiемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ ней въ сердцѣ своемъ. Тоже надо понимать и обратно. Положенiе это относится не къ однимъ чужимъ женамъ и чужимъ мужьямъ, а и къ своей женѣ и къ своему мужу. Похоть къ женщинѣ есть нехристiанское чувство, съ которымъ всегда боролось и борется истинное христiанство. Въ наше же время чувство это поощряется въ общественной жизни книгами, картинами, зрѣлищами, нарядами, увеселенiями и признается законнымъ[170] въ семейной жизни. Отъ этаго – разнообразнымъ безчисленныя физическiя страданiя, вырожденiе потомства, униженiя чловѣческаго достоинства и общiй упадокъ нравственности.

3) Идеаль того, къ чему можетъ и долженъ стремиться христiанинъ, выражень также въ Евангелiи Мф. XIX, 10, 11, 12. На заявленiе о томъ, что если таково[171] отношенiе къ женѣ, какое оно предписываетъ, то лучше не жениться вовсе, Христосъ говоритъ, что не всѣ могутъ сдѣлать это, но тѣ, кому дано, тѣ, которые сдѣлали себя скопцами для Царства небснаго. Словами этими высказано то, что идеаль христiанина, женщины и мужчины, есть безбрачiе и чистота совершенная, а не тотъ идеаль, который въ лучшемъ случаѣ, т. е. въ нравственно воспитанныхъ молодыхъ людяхъ, теперь стоитъ передъ ними – идеаль плотской любви въ супружеской жизни. И вотъ, потому что идеаломъ людей стоятъ плотскiя наслажденiя супружеской жизни, получается развратная супружеская жизнь. Только тогда достигнуть люди честнаго и чистаго брака, когда идеаломъ ихъ будетъ совершенная чистота. Только тогда можно достать камнемъ до цѣли, когда будешь бить дальше ея.

4) Когда было полное смѣшенiе половъ, многоженство, наложничество было идеаломъ, который не вполне достигался, но всетаки поднималъ семейную жизнь на высшую ступень. Единобрачiе было слѣдующимъ идеаломъ, который далеко не достигается, но стремленiе къ которому подняло людей на слѣдующую ступень. Теперь ясно выступаетъ поставленный христiанствомъ идеаль полной чистоты, и стремленiе къ нему поднимаетъ на слѣдующую, высшую ступень.

Таковы мои мысли объ отношенiяхъ мужчинъ и женщинъ. И я убѣжденъ, что тотъ, кто серьезно подумаетъ объ этомъ предметѣ, придетъ къ тому же, потому что я пришелъ къ этимъ мыслямъ не потому, что я выдумалъ ихъ, а потому что, во первыхъ, я нашель стремленiе къ чистотѣ и отвращенiе къ похоти въ своемъ сердцѣ, и всякiй искреннiй, не испорченный чловѣкъ найдетъ тоже въ своемъ, во 2-хъ, я нашель ясное и точное указанiе на это въ высшемъ проявленiи разума чловѣческаго, а въ 3-хъ – я нашель тоже въ общемъ движенiи всего чловѣчества. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ людей, они постоянно двигаются отъ наибольшей распущенности въ половомъ отношенiи къ большей умѣренности, воздержанiю и чистотѣ.

«Но родъ чловѣчскiй прекратится». На это я могу сказать только то, съ чѣмъ, я думаю, согласится всякiй, – что я несомнѣнно чувствую, что содѣйствiе продолженiю рода чловѣческаго никакъ не лежитъ въ моихъ обязанностяхъ. Что родъ чловѣчскiй прекратится отъ того, что люди сдѣлаются чистыми и святыми, ничего нѣтъ страшнаго. По ученiю церкви мы признаемъ, что жизнь рода чловѣческаго прекратится, по ученiю науки, указывающей на то, что ужъ начинаетъ обмерзать съ краевъ (на полюсахъ) нашъ земной шаръ, и что скоро онъ весь замерзнетъ, и жизнь прекратится. И мы не протестуемъ и не боимся. Отчего же мы такъ пугаемся того, что жизнь прекратится отъ того, что люди сдѣлаются святыми? При томъ же если ужъ говорить, о чемъ не слѣдуетъ говорить, то и другое можетъ случиться въ одно и тоже время.

л. т. 6 д[екабря].

* [ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ «ПОСЛЕСЛОВИЯ К «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЕ».]

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoye
– Читали вы послѣднюю повѣсть Толстаго?

– Нѣтъ, а что?

– Да ужъ до того дописался, что проповѣдуетъ безбрачїе, прекращенїе рода
человѣческаго.

– Да, мистицизмъ до добра не доведетъ. И какая это жалость, что наши русскїе
писатели такъ скоро повреждаются въ разсудкъ. Отчего бы это? – и т. д.

Вотъ тѣ сужденїя, которыя въ большинствѣ случаевъ среди самыхъ влїятельныхъ
судей вызоветъ мой разсказъ. И мнѣ жалко, что это такъ будетъ. Мнѣ бы хотѣлось,
чтобы читатели, особенно молодые, безъ закоренѣлыхъ привычекъ и предвзятыхъ
мыслей, оправдывающихъ эти привычки, вдумались бы въ то, что сказано въ этомъ
разсказѣ, а вдумавшись и придя къ тѣмъ же мыслямъ, къ которымъ я пришелъ,
сообразно этимъ мыслямъ измѣнили бы и повели бы свою жизнь. Такъ я писалъ прежде
еще, чѣмъ разсказъ этотъ сталъ извѣстенъ и появились о немъ сужденїя.
Появившіяся о немъ сужденїя и мнѣнїя и недоумѣнїя, выражаемыя въ письмахъ,
которыя я получаю о предметъ этаго разсказа, и самое запрещенїе для печати этаго
разсказа подтвердило и превзошло мои ожиданїя. Сужденїя слышатся самая для меня
неожиданная о смыслѣ и значенїи этого разсказа. Говорится о цинизмѣ, неприличїи,
о пессимизмѣ, мрачности этого разсказа, говорится о какой то художественности
изложенїя, о великомъ мастерствѣ и нелѣпости автора, о проповѣди самоубїйства,
объ униженїи женщины, о томъ, что герой разсказа психопать, объ отрицанїи семьи
и брака и еще о многомъ другомъ, но только не о томъ, что составляетъ
существенное содержанїе и необходимый выводъ изъ этого разсказа.

<Передъ Богомъ говорю, что мнѣ нисколько не обидно это, но мнѣ жалко, что такъ
говорять и будутъ говорить, не для себя, а для тѣхъ людей, въ особенности
молодыхъ, которые, сбитые такимъ сужденїемъ людей, мнѣнїе которыхъ они привыкли
уважать, не прочтутъ или, что хуже, прочтя, не поймутъ того, что тяжелыми
страданїями выжито мною и съ болью сердца сознано и высказано не для потѣхи, но
на пользу людямъ, идущимъ по той же гибельной дорогѣ, по которой и я шель въ
моей жизни.

Такое сужденїе о томъ, что Толстой сумасшедшїй или мистикъ, вѣдь собственно не
сужденїе, а только уловка для того, чтобы избавить себя отъ необходимости
обсудить тотъ вопросъ, [172] о которомъ говорится, а обсудивъ его, неизбѣжно
прийти къ осужденїю себя и своей жизни.

Дѣло вѣдь не въ томъ, сумасшедшїй или мистикъ Толстой, а въ томъ, справедливо ли
то, что онъ говоритъ. Для того чтобы было ясно и опредѣленно то именно, что
говорится въ этомъ разсказѣ, чтобы нельзя было неправильно перетолковать того,
что говорится, преувеличить и сказать, что это невозможно, и пропустить то, что
сказано, и сказать, что это и не высказано, для этого то я и пишу это кажущееся
для понимающихъ столь ненужнымъ послѣсловїе.

Основныя мысли и выводы, вытекающїе изъ этихъ мыслей, высказанные въ этомъ
разсказѣ, слѣдующїе.

Мнѣ кажется, что никогда нигдѣ люди не жили въ такомъ вопїющемъ не только
разладѣ, но и противорѣчїи между сознаваемою мыслью, выраженной словомъ, и
дѣломъ, практикой жизни, въ [какомъ] живутъ образованные люди христїанскихъ
народовъ нашего времени. Если бы разумное существо, не знающее нашей жизни,
узнало бы тѣ только принципы не только религіозно-христїанскїе, но и самые
умѣренные, не признающїя обязательность христїанства свѣтскїя ученїя
нравственности, узнало бы только тѣ принципы гуманности и либеральности,
обязательность которыхъ такъ всеобще признается общественнымъ мнѣнїемъ, какое бы
это разумное существо составило себѣ мнѣнїе о нашей жизни? Какъ бы много
уступокъ не дѣлало это существо невозможности осуществленїя всего того, къ чему
стремятся люди, оно все таки никакъ не могло бы себѣ представить того, что есть,
<т. е. того, что люди, исповѣдующїе принципы равенства, братства, свободы и въ
основѣ всего принципъ любви, въ дѣйствительности стремятся только къ тому, чтобы
каждому превзойти другихъ и выдѣлить себя изъ другихъ, вмѣсто братства – только
къ тому, чтобы всѣхъ остальныхъ людей сдѣлать своими рабами.> Разумное существо,
увидавъ потомъ дѣйствительность, т. е. одну часть этихъ людей, которыхъ онъ
увидаль, обреченныхъ поколѣнїями съ женами и дѣтьми на нелѣпый, нужный только
для прихоти другихъ людей, убивающїй тѣло и душу трудъ на заводахъ и фабрикахъ,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
другую часть воспитываемые на убійство другъ друга и третью часть пользующіеся
этимъ рабствомъ угнетенныхъ и вырывающіе другъ у друга выгоды этаго угнетенія,
увидавъ все это, разумное существо никакъ не могло бы повѣрить, что это тѣ самые
люди, которые исповѣдуютъ принципы равенства, братства, свободы и любви.>

Разладъ и противорѣчіе между выражаемымъ словомъ сознаниемъ людей нашего времени
и дѣйствительностью ужасны во всѣхъ проявленіяхъ жизни, но ни въ одномъ это
противорѣчіе не выступаетъ такъ ярко, какъ въ отношеніяхъ половъ. Противорѣчіе
это особенно поразительно потому, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ человѣкъ
можетъ сослаться на невозможность измѣнить своими силами того зла, которое онъ
сознаетъ, но которому все таки долженъ подчиняться; въ дѣлѣ же полового общенія
этой отговорки нѣтъ: для каждого человѣка в этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ
препятствій для осуществленія въ жизни того, что онъ исповѣдуетъ. А между тѣмъ
въ этомъ отношеніи противорѣчіе между сознаниемъ людей и ихъ дѣятельностью[173]
точно никакъ не меньше, если не больше, чѣмъ въ отношеніяхъ экономическихъ и
другихъ. Ничто лучше этого не показываетъ тщету отговорокъ людей, когда они,
оправдываясь въ противорѣчій своего сознанія съ жизнью, утверждаютъ, что
уничтоженіе этихъ противорѣчій не отъ нихъ зависитъ; но не въ этомъ дѣло теперь.
Дѣло въ томъ противорѣчій, на которое я хотѣлъ указать въ своемъ разсказѣ.

Противорѣчіе это ужасно. Стоитъ послушать или почитать то, что говорится
представителями образованныхъ сословій о святости семейной жизни и родительскихъ
чувствахъ, о христіанскомъ или гуманномъ равенствѣ людей, о жестокости и
развратности прежнихъ поколѣній и о равенствѣ женщинъ и мужчинъ, и взглянуть на
семейную жизнь людей отъ высшихъ сословій до низшихъ, на измѣны другъ другу
супруговъ, на безпрестанные легальные и нелегальные разводы, на входящее все
болѣе и болѣе въ обыкновение употребленіе средствъ для предотвращенія
дѣторожденія, на увеличивающееся количество незаконныхъ рожденій и отдаваніе
дѣтей въ воспитательные дома, на процвѣтающій порокъ онанизма, развратнаго
общенія мужчинъ съ мужчинами и женщинъ съ женщинами, на существованіе миліоновъ,
да, милліоновъ проститутокъ въ большихъ городахъ Европы,[174] чтобы ужаснуться
той степени лжи, которую въ состояніи переносить человѣчество.

Причина этого страшнаго противорѣчія между словомъ и дѣломъ одна – слѣдующая:
та, что люди освободили себя отъ того древняго закона, который опредѣлялъ
половые отношенія, и не признали новаго. Бываютъ такіе періоды въ возрастѣ
отдѣльныхъ людей и въ возрастѣ человѣчества: отъ однаго берега отстали, къ
другому не пристали. <Причина этаго страшнаго разлада между словомъ и дѣломъ –
это освобожденіе себя отъ языческаго закона, дохристіанскаго, еврейскаго,
повтореннаго магомет[анами], и непониманіе, несознаніе закона христіанскаго.>
языческая, будійская, еврейская, магометанская семья, которая есть только
повтореніе, несравненно <въ общемъ> нравственнѣе, чѣмъ христіанская. – Отъ чего
бы это? А отъ того, что языческіе, нехристіанскіе народы держатся своего закона,
считаютъ его обязательнымъ, христіанскіе же народы, не ясно сознавъ свой законъ,
непонимая его даже или понимая превратно, <какъ его перетолковывали его
лжетолкователи>, <не вѣря въ него>, не имѣютъ въ этомъ отношеніи никакого
закона.

—
<Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ людей христіанскаго воспитанія не знаетъ и не признаетъ
того, что противорѣчіе это поразительное? Количество рождающихся мужчинъ и
женщинъ одинаково или измѣняется на 2 и 3 % и для соображеній о брачныхъ
отношеніяхъ должно быть разсматриваемо какъ равное. Мужчинъ и женщинъ одинаковое
число. Мужчины и женщины имѣютъ одинаковыя права, мужчина не имѣетъ больше правъ
на женщину, чѣмъ женщина на мужчину. Всякій человѣкъ нашего христіанскаго міра
признаетъ это, не отдавая себѣ даже отчета, почему это такъ, но онъ знаетъ, что
это такъ, и гордится тѣмъ что знаетъ, что это такъ. Что же вытекаетъ изъ этихъ
двухъ положеній по отношенію брачнаго общенія?>

Нехристіанскія народы смотрѣли и смотрятъ на женщину какъ на предметъ
наслажденія – «съ вождельніемъ» и, понимая женщину какъ желательную
собственность, какъ на рабу, и оградили обладаніе этой собственностью, этой рабы
извѣстными законами. Въ нехристіанскихъ обществахъ женщина не есть равноправный
членъ общества, но предметъ, которымъ можно обладать, и потому христіанство,
уничтоживъ все языческое воззрѣніе, уничтожило и это. Оно учитъ тому, что не
должно вождельтъ женщину, т. е. смотрѣть на женщину какъ на предметъ
наслажденія, и вслѣдствіи этаго женщина по ученію христіанскому не можетъ ужъ
быть собственностью и рабою. Очень обычно слышать сужденіе о томъ, что

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
христианство освободило женщину и сдѣлало ее равноправною мужчи́нъ. Сужденіе это справедливо, если разуме́тся, что христианство, уничтоживъ взглядъ на женщину какъ на предметъ наслажденія, этимъ самымъ освободило ее, <точно также, какъ бы мы сказали про то, что христианство, уничтоживъ взглядъ на человѣка какъ на орудіе, этимъ самымъ освободило его отъ рабства>, но оно совершенно несправедливо, если подразумѣвается, что христианство освободило женщину, удержавъ на нее прежній взглядъ предмета наслажденія. Если она предметъ наслажденія, то каждый будетъ стараться пріобрѣсть это право наслажденія. А право наслажденія, особенно столь заманчиваго, должно быть организовано, учреждено. И такъ оно было и теперь строго организовано у языческихъ народовъ и отъ того тамъ мало или почти нѣтъ разврата. У насъ же взглядъ на женщину тотъ же, какъ у язычниковъ: женщина есть предметъ наслажденія, и право наслажденія это совсѣмъ не организовано или очень слабо. При языческомъ взглядѣ на женщину у насъ предоставлена ей вся та свобода, которая можетъ быть допущена и вытекаетъ только изъ уничтоженія взгляда на женщину какъ на предметъ наслажденія. Отъ этого 9/10 зла нашей общественной жизни.

Все происходитъ отъ того, какъ и во всѣхъ бѣдствіяхъ нашей жизни, что дѣлаются поправки, компромиссы въ законъ, открытомъ Христомъ. Законъ этотъ кажется слишкомъ труднымъ, и люди берутся исправлять его. Въ родѣ того, чтобы дѣлали люди, которымъ покажутъ направленіе ихъ пути по прямой линіи, но которые скажутъ, что такъ какъ идти по прямой линіи невозможно и что математически прямой никогда не бываетъ въ действительности, то не надо указывать направленіе по прямой, а по кривой. А между тѣмъ все ученіе Христа таково, что онъ показаль намъ тотъ идеаль совершенства – быть совершеннымъ, какъ Отецъ небесный, который кажется недостижимымъ, но который одинъ можетъ руководить насъ и показывать путь, какъ только прямая можетъ показывать направленіе. Таковъ идеаль, показанный намъ Христомъ и въ половомъ отношеніи. Онъ не говорилъ нигде: сходитесь съ женщиной, съ мужчиной и предавайтесь половой похоти, даже нигдѣ не сказалъ, чтобы производить и растить дѣтей. Напротивъ, онъ <много разъ> сказалъ о томъ, чтобы мужчина (подразумѣвая неженатаго) не искалъ наслажденія отъ женщинъ, не смотрѣлъ на нее съ вождельнѣмъ, женатый же не оставлялъ свою жену, т. е. опять не искалъ бы наслажденій. Если же онъ говорилъ что про жену, то только то, чтобы человѣкъ оставилъ бы ее, если она мѣшаетъ ему въ достиженіи Царствія Божія. – Идеаль Христа есть ни многобрачіе ни единобрачіе, но цѣломудріе. И этотъ идеаль выставленъ въ поразительной ясностью въ XIX гл. Матвѣя. И такъ и понимали христианство всѣ первые христіане. Такъ училъ и Павелъ. Ученіе Христа, выраженное просто, говоритъ только то, что христіанину, человѣку для исполненія воли Бога надо подавлять въ себѣ похоть къ женщинъ, влюбленье, лучше не жениться. Если же не можешь подавить похоти, то удовлетвори ей съ одной женщиной, и если женатъ, то не расходись съ женою. Такъ даже и выражено это въ катихизисахъ. Бракъ не есть и никогда не былъ христіанскимъ учрежденіемъ, точно также какъ общественная молитва, жертвоприношеніе и т. п. Все это суть языческія учрежденія, на которыя наложена христіанская внѣшность.

* ТРЕТЬЯ (НЕЗАКОНЧЕННАЯ) РЕДАКЦИЯ «ПОСЛЕСЛОВІЯ КЪ «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЕ».]
Прочтя «Крейцерову Сонату» вы говорите, что не можете хорошенько уяснить себѣ тѣхъ соображеній, которыя тамъ дѣлаются относительно брака. Между тѣмъ этотъ вопросъ, пишете вы, для меня въ настоящую минуту весьма интересенъ и даже важенъ. И вы просите меня сообщить вамъ основную мысль этой повѣсти съ краткими поясненіями. Вы пишете, что мой отвѣтъ можетъ отразиться на всей вашей жизни, давь ей другое направленіе. Но какъ мнѣ отвѣчать вамъ?

<Очень жалѣю, что вы не указали прямѣе на то, въ чемъ мои взгляды на бракъ могутъ вліять на васъ: въ чемъ вашъ личный вопросъ. Мнѣ бы тогда легче было отвѣчать вамъ. Вы, можетъ быть, молодой человѣкъ, неженатый, и вопросъ представляющійся вамъ, состоитъ ли въ томъ, жениться ли вамъ вообще или жениться ли вамъ на этой извѣстной дѣвушкѣ; вы, можетъ быть, и женатый человѣкъ, чувствующій себя счастливымъ или несчастнымъ въ бракѣ и для котораго представляется вопросъ, какъ ему дальше вести свою женатую жизнь. Въ обоихъ случаяхъ рѣшеніе вопроса зависитъ не отъ васъ однихъ, а [и] отъ той женщины, съ которой вы только хотите <соединиться> или уже соединились. Такъ что отвѣчать я долженъ такъ, чтобы мой отвѣтъ относился и къ вамъ въ различныхъ положеніяхъ и къ той женщинѣ, съ которой вы соединились или хотите соединиться, что я и попытаюсь сдѣлать, такъ какъ послѣ распространенія «Крейцеровой Сонаты» въ рукописи я слышалъ и читаю сужденія и получаю письма, выражающія совершенно превратное пониманіе того, что тамъ сказано. И отвѣтъ мой на ваши письма могъ бы служить и разъясненіемъ того, что, не скрываясь за вымышленной личностью

Познышева, думаю я о главномъ предметъ этаго рассказа, <о томъ, въ чемъ состоитъ неправильность отношеній половъ, отъ чего она происходитъ и каковы бы они должны быть, т. е. чѣмъ долженъ руководствоваться каждый отдѣльный человѣкъ, для того чтобы поступать нравственно въ этомъ отношеніи.> Для того чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо предпослать ему одно общее соображеніе. Соображеніе это слѣдующее. <Если[175] вы, будучи высоки ростомъ или ѣдучи верхомъ, на высокомъ экипажѣ, видите впереди себя колокольню города, въ который вы идете, и идущій съ вами по дорогѣ невысокій человѣкъ спрашиваетъ васъ, какъ пройти къ городу, вы будете неправы, если, не узнавъ того, видите ли вашъ спутникъ колокольню, которую вы видите, опредѣлите для него направленіе, по которому ему надо идти, колокольней, которую вы видите. Прежде всего надо узнать уровень зрѣнія того, кто спрашиваетъ. Тоже самое и во всѣхъ нравственныхъ вопросахъ, опредѣляющихъ направленіе жизни, и тоже самое очевиднѣе всего въ вопросѣ отношенія половъ.>

Идеаль, къ которому стремится человѣчество въ отношеніяхъ половъ, <идеаль бесконечно отдаленный, можетъ быть, недостижимый (это вопросы, до насъ не касающіеся)>, есть цѣломудріе. Что идеаль человѣчества именно такой, подтверждается 1) судомъ совѣсти: всякое приближеніе къ цѣломудрію одобряется и всякое удаленіе отъ него осуждается ею, 2) движеніемъ <прогрессомъ> въ этомъ отношеніи человѣчества: вездѣ и постоянно человѣчество отъ наибольшей распущенности въ половомъ отношеніи, отъ полнаго смѣшенія половъ переходило къ наложничеству, многоженству и наконецъ къ единобрачію; и 3) свидѣтельствомъ Евангелія, которое исповѣдуютъ такъ называемые христіанскіе народы, въ которомъ безусловно и безповоротно идеаломъ поставлено цѣломудріе, бракъ же только допускается для тѣхъ, которые не въ силахъ достигнуть идеала цѣломудрія. Идеаль, къ которому влечетъ человѣчество и внутренній голосъ, и историческій ходъ, и откровеніе истины, есть цѣломудріе <Цѣломудріе есть та колокольня изъ того царства Божія, къ которому стремится человѣчество, колокольня, указанная намъ Христомъ и видная намъ съ высоты его ученія. При этомъ надо замѣтить, что идеаль цѣломудрія истиненъ не потому, что Христовъ намъ указалъ его, а Христовъ потому указалъ намъ его, что это есть истинный идеаль человѣчества. Цѣломудріе есть идеаль, видный съ высоты ученія Христа>, и въ этомъ никогда ни для одного христіанина не было сомнѣнія.

Такъ смотрѣли на отношенія половъ первые христіане, такъ смотрятъ и теперь всѣ люди, истинно проникнутые духомъ христіанства, такъ смотрятъ на это[176] люди, посвятившіе свою жизнь на служеніе Богу по ученію Христа. <Такъ смотреть на это неиспорченная человѣческая природа.> Во всѣхъ катихизисахъ при опредѣленіи того, что есть бракъ, сказано, что по ученію Христа состояніе дѣвственности лучше, чѣмъ состояніе брака. (Изъ катихизиса выписка), т. е. что не надо жениться, но не погибъ и тотъ, кто женился. Идеаль есть цѣломудріе. И какъ ни недоступенъ этотъ идеаль для людей, теперь называющихъ себя христіанами, ненадо принижать идеаль для слабости людской, а надо, продолжая держать идеаль во всей его чистотѣ, поднимать людей до высоты его. Таковъ идеаль цѣломудрія для христіанъ, признающихъ христіанство не въ буквѣ, а въ духъ его. Для людей же, номинально признающихъ христіанство, только по буквѣ, и для людей, которыхъ очень и очень много, вовсе не признающихъ его, идеаль цѣломудрія не существуетъ. И говорить такимъ людямъ о томъ, что ихъ идеаломъ, то есть руководителемъ ихъ поступковъ въ половомъ общеніи должно быть стремленіе къ полному цѣломудрію, все равно, что человѣку, съ своего низкого уровня не видящаго колокольню, указывать на нее какъ на руководство въ его направленіи. Для такихъ людей хотя идеаль наибольшаго достижимаго цѣломудрія остается тотъ же, должна быть указана видимая имъ цѣль въ этомъ направленіи, должно быть указано видимое имъ дерево, стоящее на той же линіи, какъ и колокольня. Вотъ то соображеніе, которое нужно предпослать отвѣту на вашъ вопросъ. И потому, прежде чѣмъ отвѣчать, нужно знать, о чемъ именно спрашивается: объ общемъ ли идеаль человѣчества и всѣхъ людей или о частномъ случаѣ извѣстнаго человѣка въ извѣстномъ положеніи. И если спрашивается о частномъ случаѣ, то надо знать, на какой высотѣ сознанія находится спрашивающій.

<Если спрашивающій не видитъ идеала цѣломудрія, не видитъ того, что его благо и потому благо всѣхъ тѣмъ ближе осуществится, чѣмъ ближе онъ достигнетъ цѣломудрія, ему нельзя указывать идеаль стремленія къ цѣломудрію.>

Если спрашивается объ общемъ идеаль человѣчества, то для насъ, христіанъ, или хоть воспитанныхъ въ христіанскихъ преданіяхъ людей конца XIX вѣка не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что идеаль нашъ, сознанный и выраженный 1860 лѣтъ тому назадъ, есть несомнѣнное полное цѣломудріе. Такъ это высказано

[ВАРИАНТЫ К «ПОСЛЕСЛОВИЮ К «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЕ».]

* № 1

Мысли же эти очень просты и ясны для того, кто мыслить для того, чтобы познать истину. Станными, парадоксальными, даже несправедливыми эти мысли кажутся только тому, кто разсуждает не для того, чтобы понять истину, а для того, чтобы свою жизнь со всѣми ея пороками и заблужденіями считать истинной.

Мысли эти, выражая ихъ въ самомъ сжатомъ видѣ, слѣдующія: [177]

1) Никакой родъ преступленій людскихъ противъ нравственнаго закона не скрывается съ такой тщательностью людьми другъ передъ другомъ, какъ преступленія, вызываемыя половой похотью, и нѣтъ преступленія противъ нравственнаго закона, которое бы было такъ обще всѣмъ людямъ, захватывая ихъ въ самыхъ разнообразныхъ и ужасныхъ видахъ, нѣтъ преступленія противъ нравственнаго закона, на которое бы смотрѣли такъ несогласно люди, – одни считая извѣстный поступокъ страшнымъ грѣхомъ, другіе – тотъ же поступокъ самымъ обычнымъ удобствомъ или удовольствіемъ. Нѣтъ преступленія, насчетъ котораго было бы высказано столько фарисейства, и нѣтъ преступленія, отношеніе къ которому показывало бы такъ вѣрно нравственный уровень человѣка, и нѣтъ преступленія болѣе губительнаго для отдѣльныхъ людей и для движенія впередъ всего человѣчества.

* № 2

Но родъ человѣческой? Если такъ, то прекратится родъ человѣческой. Вы вѣдь говорите, что лучше безбрачіе, чѣмъ бракъ? Вѣдь говорите вы это? Говорите? А если говорите, то выходитъ, что если всѣ послѣдуютъ тому, что лучше, то родъ человѣческой прекратится. А если вы говорите, что надо дѣлать то, отъ чего прекратится родъ человѣческой, то, значить, все, что вы говорите, все вздоръ. Такъ говорили, говорятъ и будутъ говорить тѣ люди, которые не хотятъ быть обличаемы, а хотятъ съ сознаниемъ своей правоты продолжать мазаться въ своемъ развратѣ. И людей этихъ много, и люди, стоящіе на перепутьи, которыхъ тоже много, часто слушаютъ этихъ людей и, потакая своимъ слабостямъ, откидываютъ спасительное указаніе и гибнуть навѣкъ въ развратѣ. И для этихъ то людей, какъ ни неправильно разсужденіе о прекращеніи рода человѣческаго, я считаю нужнымъ отвѣтить на него.

Вопервыхъ, – и этого перваго достаточно вполне – положи руку на сердце, можетъ ли кто нибудь сказать, что, отдаваясь плотской любви, онъ думаетъ о продолженіи рода? Этого даже представить себѣ нельзя. Это прямо выдумка, и никто никогда этого не думаетъ. Если же есть такой необыкновенно заботливый человѣкъ, то пусть онъ успокоится: природа позаботилась такъ объ этомъ, вложивъ въ людей половую страсть, что нельзя представить себѣ людей безъ нея.

* № 3

3) То, что въ нашемъ обществѣ дѣвушки и женщины не только не стыдятся того, чтобы украшеніями и выставленіемъ своего тѣла возбуждать чувственныхъ мужчинъ, но въ этомъ, болшею частью, отъ низшихъ до высшихъ, кладутъ главный интересъ своей жизни. То, что мужчины считаютъ это занятіе украшенія себя женщинами весьма важнымъ дѣломъ, такъ что считающійся философомъ Ренанъ называетъ нарядъ женщинъ великимъ искусствомъ (*le grand art*), и что миллионы рабочихъ трудятся не переставая для удовлетворенія этой похоти женской, и что средняя женщина съ молодыхъ лѣтъ, занятая преимущественно тѣмъ, чтобы разжигать чувственность мужчины, разжигаетъ свою и вслѣдствіи этого умственно и нравственно принижается и, поглощаясь исключительно женскимъ интересомъ, перестаетъ участвовать въ интересахъ человѣческихъ. И это все женщины надо понять, что унижительно и безнравственно возбужденіе своимъ тѣломъ чувственности и, понявъ это, усвоить себѣ разъ навсегда покойныя, удобныя, красивыя, но не чувственныя одежды и потому перестать съ жадностью и поспѣшностью слѣдить за тѣми измѣненіями одеждъ и модъ, изобрѣтаемыми женщинами, по профессіи занятыми только выдумками новыхъ средствъ возбужденія чувственности мужчинъ.

* № 4

На какой бы человѣкъ ни стоялъ ступени, ему предоставлено стремиться къ высшей по направленію, къ цѣломудрію. Живущій въ полной распущенности будетъ подвигаться къ цѣломудрію, когда у него будутъ опредѣленныя наложницы и жены, живущій въ многоженствѣ – если онъ перейдетъ къ единобрачію, живущій въ единобрачіи – если онъ будетъ воздерживаться, когда это несвойственно природѣ,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
воздерживающіеся супруги – если они станут жить какъ братъ съ сестрою.

Конечно, нельзя, ѣдучи верхомъ, съ высоты лошади указывать человѣку, идущему пѣшкомъ, направленіе пути по колокольнѣ, которую я вижу, но онъ не видитъ, и нельзя указывать на требованіе полнаго цѣломудрія человѣку живущему распущенно. Это все равно, что съ лошади указать дальнюю колокольню, которую не видитъ пѣшій. Онъ заблудится, если оставитъ его съ этимъ указаніемъ. Надо указать ему на ближайшій видимый предметъ, но въ томъ же направленіи. Тоже въ указаніи нравственнаго пути человѣку, живущему въ распущенности, указать единобрачіе и т. д. Но для мыслящихъ, стремящихся къ истинѣ, въ особенности для дѣтей, для чистыхъ, для неиспорченныхъ людей мы не имѣемъ права указывать другаго, какъ то, что намъ указано, – ученіе истины – цѣломудріе и полное цѣломудріе, хотя бы до уничтоженія рода человѣческаго

* № 5

Конечно, нельзя изъ окна высокаго дома указывать человѣку, идущему пѣшкомъ, направленіе пути по колокольнѣ, которая видна изъ дома, но не видна пѣшеходу, также какъ неразумно указывать на требованіе полнаго цѣломудрія человѣку, живущему распущенно. Пѣшеходъ, не видя дальнюю колокольню, заблудится. Также заблудится и человѣкъ, которому будетъ указать идеаль цѣломудрія. Чтобы руководить его, надо указать ему на ближайшій видимый предметъ въ томъ же направленіи и сказать: иди на этотъ столбъ, на этотъ домъ, а тамъ опять спроси.

Такъ поступали и поступаютъ всѣ жреческія религіозныя ученія и ученія практически-нравственныя: ты живешь въ распущенности, живи въ многоженствѣ – это будетъ лучше. Ты живешь въ многоженствѣ, живи въ единобрачіи – это будетъ лучше. И ты будешь совсѣмъ хорошій и нравственный человѣкъ. Но не таково ученіе Христа.

* № 6

Есть два способа указанія пути идущему и не знающему пути человѣку. Одинъ способъ состоитъ въ томъ, что спрашивающему о пути даются внѣшнія указанія: иди на дерево, которое увидишь, отъ дерева на домъ, на деревню, на мостъ, на курганъ и т. д.

Другой способъ состоитъ въ томъ, что спрашивающему указывается недостижимый предметъ – солнце и говорится: иди на закатъ, восходъ или полдень, полночь, поперечное направленіе движенію солнца.

Первый способъ есть способъ временныхъ, внѣшнихъ, государственныхъ, общественныхъ и религіозныхъ опредѣленій. Человѣку указываются признаки тѣхъ дѣлъ, которыя онъ долженъ, и тѣхъ, которыя онъ не долженъ дѣлать. Помни день суботній, не пей хмѣльнаго, не крадь, не прелюбодѣйствуй и т. д. Другой способъ есть способъ вѣчный, внутренняго сознанія Христовой истины. Человѣку указывается вѣчная, недостижимая и сознаваемая имъ цѣль и направленіе къ этой цѣли, путь. Ты живешь въ распущенности, живи въ многоженствѣ, такъ и такъ обращаясь съ своими женами, говоритъ внѣшнее религіозное ученіе, и люди отъ большей распущенности переходятъ къ меньшей и подвигаются на пути цѣломудрія. Но достигнувъ многоженства, они будутъ коснѣть въ немъ, считая себя вполне правыми до тѣхъ поръ, пока внѣшнее ученіе не укажетъ слѣдующій шагъ. Они пойдутъ дальше только тогда, когда внѣшнее ученіе скажетъ: ты жилъ въ многоженствѣ, живи въ единобрачіи, это будетъ лучше. И только тогда люди поднимутся на слѣдующую ступень, на которой опять остановятся съ сознаніемъ своего достоинства и совершенства. Но не таково ученіе Христа – внутренняго сознанія истины.

* № 7

«Но родъ человѣческой! Если такъ, то прекратится родъ человѣческой!» – смѣло говорятъ люди, забывая то, что они исповѣдуютъ христіанское ученіе или, по крайней мѣрѣ, живутъ среди людей, исповѣдующихъ его. Вѣдь не я выдумалъ это: именно то, что цѣломудріе лучше распущенности и что человѣку свойственно стремиться отъ одного къ другому. Вѣдь это не произвольное мое утвержденіе, а ясное и опредѣленное положеніе откровенія, въ которомъ мы, христіанскіе народы выросли. Въ этомъ откровеніи ясно и безповоротно указано то, что женатому должно оставаться съ тѣмъ или съ тою, съ которымъ онъ сошелся. (Мѣ V...) Не женатому лучше не жениться (Мѣ, XVIII). Обоимъ же должно воздерживаться отъ любовнаго вождельнія, такъ какъ самое вождельніе къ женщинѣ есть грѣхъ (Мѣ, V, 28). «Но не всѣ вѣрятъ откровенію Христа, не всѣ обязаны вѣрить ему» – отвѣчаютъ на это. И это совершенно справедливо: вѣрить откровенію Христа потому, что оно откровеніе Христа, также неразумно, какъ вѣрить откровенію Магомета потому, что оно

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
откровение Магомета. Но дело в том, что откровению Христа мы верим не потому, что оно откровение Христа, а потому, что оно открывает нам очевидные для нас свойства человеческой природы вне нас, в истории, и в нас, в нашей совести и нашем разуме.

* № 8

Но впервых, христианский идеал не есть безбрачие. Христианский идеал есть достижение людьми идеала Царствия Божия, единения и любви, безбрачие же есть только одно из условий, содействующих достижению этой цели. Главное же то, что если даже допустить, что идеал человечества есть полное целомудрие и полное безбрачие, то и признав этот идеал, мы не имеем никакого ни основания ни права обсуживать этот идеал на основании того, что будет, когда он достигнется.

* № 9

Церкви же установили языческий брак, назвали его христианским и вследствие этого потеряли выставленный Христом идеал – стремление к совершенству, включающее в себя целомудрие и в брак и вне его, и нравственный уровень народов, живущих в церковных определениях брака, понизился до степени язычества. Понизился до такой степени, что в нашем мире люди не замечают того, что, исповедуя единобрачие, они живут в самом определенном многоженстве и многожестве и что брак, установленный церквами, есть ничто иное, как только печать, накладываемая за деньги на некоторые исключительные браки, составляющие едва ли не меньшую долю совершающихся в действительности браков. Самый же брак сам по себе есть в большей части случаев ничто иное, как разрешенный и церковью и государством и общественным мнением организованный разврат.

* [ПЕРВЫЙ ПЛАН «ПЛОДОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ».]

Д[ействие] 1

Львовъ[178] сидитъ, [179] вертитъ блюдечко о земль крест[ьянамъ]. Самаринъ невѣрующій. «Пріѣзжайте вечеромъ. Вотъ я и знаю». «Да вы и такъ знаете, вы нароч[но]». «Нѣтъ, вотъ вы пріѣзжай[те]. Хоро[шо]?» Уход[ить]. «Позва[ть] муж[иковъ]». Мужики[180] приход[ять]. [181] «Нельзя, мое правило». Сухо отказывается. «Вотъ и Прасковья Афан[асьевна] извѣстна». Прасковья Афанасьев[на] проситъ за мужиковъ. «Нельзя, противъ моихъ правилъ». Жалостно проситъ. [182] «Ну хорошо, я для тебя спрошу за столомъ еще разъ». Отказъ. Н[яня]. «Погоди жъ ты. Ты удивляешься?» «Нѣтъ, чегожъ? Я вѣдь слышала». «А! Что жъ ты слышала? Да вы не понимаете. Думаете, что господа дѣлаютъ глупости». «Нѣтъ, чтожъ. Это возможно». «Да какже, я тебѣ скажу. Профессоръ – не дуракъ, стало быть». Н[яня]. «Да, все возможно. Я и сама видала». Л[ьвовъ]. «Что?» «Да Семка мой, вотъ что изволи[ли] взять». «Это буфетн[ый] мужикъ новый? Да, я видѣлъ, славный малый, кажется». Н[яня] «Удивленье! Вчера за столъ сѣли, <такъ> вдругъ столъ запрыгалъ, такъ что всѣ испугали[сь]. Отошелъ, перестало. Какъ взялъ ложку, такъ опять». Л[ьвовъ] (улыбаясь). «Вамъ это удивительно? Это просто медіумъ». Н[яня]. «Мы что знаемъ? Только это точно». «Надо будетъ его взять на сеансъ». Н[яня]. «Увольте, вѣдь младъ онъ. Какъ бы чего не было». Л[ьвовъ] (улыбаясь). «Не бойся. Это сила, в немъ сила есть». [183] «Такъ какже мужикамъ?»

«Мужикамъ? Да я сейчасъ скажу». Вертитъ блюдечко. «Нельзя, няня, отказать. Нельзя. Я бы радъ. Имъ же хуже бы было». Жена приходитъ. «Ну, мнѣ пора. (Уходитъ въ одну дверь.) [184] А Семену скажи, чтобъ онъ не уходилъ.»

2 Д[ействие]

Кухня. Мужики. «Никакого резонта не приним[аетъ]. Нечто Аф[анасьевна] похлопочетъ. (Семену). Нечто тетка твоя похлоп[очетъ]». Семена посылаютъ къ Малчи[чу]. Горничн[ая] другая брезгаетъ. [185] Одна за другой рассказываетъ. Кучеръ рассказываетъ. Семень рассказываетъ чудеса. Поваръ. «Когда жъ объѣдъ то?» Приходитъ няня. «Ну, погоди жъ. Не робѣйте, я сдѣлаю. Мнѣ и то скучно – уйти хочу». М[ужики]. «Матушка, вѣ[къ] благодарить будемъ». [186] Семень возвращается. «Нѣтъ <дома>». Н[яня]. «Ну и хорошо. Слушай меня. Дѣл[ай] такъ, такъ». «Это все можно». Барыня приходитъ, разгоняетъ мужиковъ. «Сказано, ничего не будетъ. Я на тебя, няня, удивляюсь». Н[яня]. «Идите, ужъ я взя[лась], обдѣлаю, знаю я ихъ».

3 Д[ействие]

Сеансъ. Семень ворочаетъ по профессору, входитъ въ азартъ. «Чемъ то недовольны». «Бумажкой этой». «Чтожъ велеть дѣлать?» «То и предлагаетъ. Отдать землю». Всѣ въ восторгъ. Самаринъ повѣрилъ. Бьетъ, шипеть онучу. «Однако ужъ очень трудно,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoye
расхотились они нынче». Подписывает бумагу, и тишина.[187] Мужики въ радости
уходятъ домой. «Смотри жь, Татьяна!» «Да, буду служить. Чтожь, тутъ жить – и
послѣдняго ума рѣшиться!»

4 д[ѣйствіе]

Мужики пришли благодарить.[188] «Некогда». Разговариваютъ съ про[фесоромъ]. «Это
эпоха будетъ». «Позвать Семена. Я поѣду съ нимъ въ Петербургъ». Семень просится
домой. Таня. «И меня отпустите, я замужъ иду». «Чтожь ты?» «Да дома земля
будетъ. Отецъ велить». «Да вѣдь ты замѣча[тельный] медиумъ, ты чудо. Скажи, что
ты[189] будешь дѣлать? – «Ужь позвольте домой». «Да вѣдь дома много, а ты
одишь». «Да вы кого угодно застав[ьте], тоже сдѣлае[тъ]». «Какъ?» «Да какъ Таня
велѣла, такъ и дѣлалъ. Таня это нарочно, у ней сила». Л[ьвовъ] ужасается.
Пр[офесоръ] успокаиваетъ. «Онуча реализуется. Онъ разнесетъ истину въ глушь.
Онъ самъ не знаетъ. Барыня приходитъ, ругаетъ. Л[ьвовъ] сконфуженъ. Пріѣзжаютъ
на журьфиксъ. Мужики приходятъ. «Спасибо, Аф[анасьевна], а то бы где
догадаться».

На полях поперек текста и между строк сделаны следующие дополнительные записи,
относящиеся к 1-му действию.

Мужики стоятъ въ кабинетъ съ няней. Она ихъ обнадеживаетъ. Выходитъ Львовъ. «Я
подумаю». Мужики уходятъ. Онъ вертитъ блюдечко. Пріѣзж[аетъ] Сам[аринъ], и
зоветъ его вечеромъ на сеансъ. «Позвать мужиковъ. Нѣтъ, лучше Пр[асковья]
Аф[анасьевна]. Пр[асковья] Аф[анасьевна],» и т. д.

«Тетинька, что я выдумала! Только попросите старик[а], чтобъ онъ сыну на мнѣ
жениться позволилъ. Что я выдумала». «Ну, ужъ ты выдум[аешь]». «Все будетъ,
только сдѣлайте. Скажите ему». «Да что будетъ?» «Все по нашему будетъ. Ну,
сдѣлай[те] милость. Ради Христа. Все сдѣлаемъ. Да скажите, что у Семена столь
трясется».

Семень имѣетъ силу.

Таня выбѣгаетъ и говоритъ свой планъ – сказать и доложить Львову о Семень. «Это
точно».

Жена денегъ просить. Даетъ. Скука.

Семень просить жениться. Таня <придумываетъ> говор[ить], что я могу все, <они
говорили>, что у Семена сила, и просить тетку заступиться, какъ выговорил[а].

–

* [ВТОРОЙ ПЛАН «ПЛОДОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ»]

д[ѣйствіе] 1

Мужики стоятъ въ кабинетъ съ няней. Она имъ объясняетъ про спиритизмъ. «Какъ
впадетъ на умъ». Л[ьвовъ] общаетъ подумать и дастъ отвѣтъ <вечеромъ>, черезъ
няню послать ег[о]. Н[яня]. «Вертѣтъ будетъ». Л[ьвовъ] вертитъ. Сам[аринъ]
пріѣзжаетъ, невѣрующій. «Какъ вы хотите, такъ сдѣлается». [?]» Зоветъ его
вечеромъ на сеансъ, рассказывая, что у Семена сила. Идетъ провожать. «Позвать
мужиковъ. Нѣтъ, няня пусть передастъ».> Приходитъ няня «и Таня. «Барыня
приказали соръ подмести»>. Н[яня] просить за мужиковъ. «Нельзя. Отвѣтъ
рѣшительный, такъ и скажи имъ». Н[яня]. «Да что вы имъ вѣрите? Вы сами обсудите,
безъ нихъ». Л[ьвовъ]. «Ты не понимаешь. Ты думаешь, господа глупости дѣлаютъ».
Н[яня]. «Я ничего не думаю, жалко брата». «Нѣтъ, ты вѣришь». Н[яня]. «Да я не
понимаю». Л[ьвовъ]. «Ты не понимаешь, а эта сила во всякомъ можетъ быть. <Вотъ
Семень, твой племянникъ, въ немъ есть, я замѣтилъ послѣдній разъ. Его позвалъ
фортеп[ьяно] подвинуть, сейчасъ стали отвѣты яснѣе.» Н[яня]. «Ну, какая у него
сила. Какже насчетъ земли?» Л[ьвовъ]. «Нельзя», [190] нельзя. «Уходить.» Таня
выскакиваетъ». Что я выдумала! Только попросить старика Семена на мнѣ женить, а
земля будетъ наша. Что я выдумала! <Нерѣшительно.> Вы только поговорите съ нимъ
еще о Семень, <скажите, что въ немъ> силу видѣли. Такъ скажите. Столь прыгаетъ».
Н[яня]. «Ну что глупости стану я говорить». Т[аня]. «Все по нашему будетъ,
только скажите, а ужъ я Семъ прикажу. Все по нашему будетъ, тетушка, голубка,
скажите – ложки прыгаютъ». Л[ьвовъ]. ««Что дожидаетесь? Сказаль – нельзя. Если
бы я бы могъ переменить, а то не я, а они. Вѣдь вы не вѣрите». Н[яня]. «Да я
что. Отчего не вѣрить?»> «Ахъ, это хорошо, я позову его». Приходитъ жена,
требуетъ денегъ и безъ верченія беретъ ихъ. <Малчишь.> Записка отъ Малчица – не
будетъ. «Возьму с[емена]. Часто эти неучи ка[къ] медиумы бываютъ удивител[ьны]».

д[ѣйствіе] 2-е

Кухня. Семень просить жениться. Старикъ сердится. <Няня прих[одить].> Таня общаетъ простоту. Разговоры о господахъ. Няня приходитъ – неудача, отказаль. Мужик[и] тужать. Семень уходитъ. Таня ставить условіе. Мужикъ не вѣрить, но общаетъ. Барыня выгоняетъ мужик[овъ]. Таня успокаиваетъ. Семену наставлен[ія]. «Все можно». Она знаетъ отъ барышни.

3 д[ѣйствіе]

Проф[есоръ], Сам[аринъ], барыня чужая.

Семень ворочаетъ. Ануча. Барыня зоветъ ужинать. <Семень.> Бумага подписана.

4 д[ѣйствіе]

<Барыня ругаетъ.>

*[ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ «ПЛОДОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ».] ИСХИТРИЛАСЬ!

КОМЕДІЯ въ 4 дѣйствіяхъ

дѣйствующія лица 1-ГО дѣйствія:

Леонидъ Ѳедоровичъ, богатый баринъ.

Жена его.

Бетси, дочь его.

Василій Леонидычъ, сынъ его.

Таня, молодая горничная, сирота изъ деревни. Николай, буфетчикъ.

Камердинеръ.

Григорій, лакей.

Семень, буфетный мужикъ.

Мужики из деревни:

1-й

2-й

3-й

Старшая горничная.

Старикъ-гость.

Петровъ.

дѣйствіе I

Большая передняя. 1-й часъ.

явленіе 1-е

Лакей Григорій (молодой, красивый, смотрится в зеркало).

[Григорій.] Не годится, говорятъ, лакею усы. Ну и сбриль. Ей то что пользы? Положимъ, что и такъ хорошо, благородно. А чудеса! Сколько ихъ за мной увиваются. И Эмилија Карловна и гувернантка, я вижу. Да что, стары! А вотъ и ничтожная дѣвочка Таня, а засѣла мнѣ такъ, что ну! (Улыбается.) Да и мила. (Прислушивается.) Она и есть. Вѣдь какъ врѣзался, что походку узнаю. Вишь, постукиваетъ каблучками. Ва!

явленіе 2-е

Григорій и горничная Таня (выходить съ шубкой и ботинками).

[Григорій.] Татьянъ Марковнъ мое почтеніе.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
[Таня.] Что смотрите все? Думаете, очень изъ себя хороши?

Григорій. А чтожь, непріятень?

Таня. Такъ, ни пріятень ни непріятень, а середка на половинку. (Подходить къ вѣшалкѣ.) Чтожь это у васъ шубъ то навѣшано?

Григорій. Сейчасъ, сударыня, уберу. (Снимаетъ шубу и накрываетъ ею Таню, обнимая ее.) Таня, что я тебѣ скажу.

Таня. Ну васъ совсѣмъ! И къ чему это пристало! Говорю же, оставьте. А еще говорите, что вы образованный. Развѣ образованные такъ дѣлають?

Григорій. А вы думаете какъ? Поцѣлуйте.

Таня. Да что вы въ самомъ дѣлѣ пристали?

Григорій. Таня, отчего не любишь?

Таня. Я никого не люблю.

Григорій. Неправда. Семку любишь. И нашла же кого – буфетнаго мужика – сиволапаго.

Таня. Ну, какой ни есть, да вотъ вамъ завидно.

Григорій. Есть чему завидовать! Вѣдь ты только начала образовываться, а съ кѣмъ связываешься. Эхъ, Таничка, не брезгай мною, Таня! (Опять хочетъ обнять.)

Таня (отстраняясь). Будетъ вамъ, Григорій Михайлычъ, оставьте глупости то.

Григорій. Вѣдь я не Семень, меня какія любили.

Таня. Семень жениться хочетъ, а не глупости...

Григорій. Счастья своего не хочешь. Да вотъ поцѣлую же.

Таня. Я говорю – отстаньте.

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Выходитъ Аркадій Кузмичъ, камердинеръ, сытый, бритый въ пинсъ-не и съ газетой въ рукахъ.

Аркадій Кузмичъ. Ахъ, Григорій, Григорій, это слишкомъ! Что она въ званіи помощницы горничной, то ты можешь позволять себе вольности необстоятельныя? Неправильно!

Таня. Вотъ я, Аркадій Кузмичъ, тоже говорю.

Григорій. Хорошо Аркадію Кузмичу говорить, когда ему 50 лѣтъ. Чтожь тутъ особеннаго? Отчего жъ не пошутить? Всѣ тоже дѣлають. На что господа – и тѣ.

Аркадій Кузмичъ. Господа знаютъ гдѣ и какъ, потому имѣють образованіе.

Григорій. И какое особенное такое образованіе?

(Аркадій Кузмичъ читаетъ газету, мол[чить].)

Таня. (До сихъ поръ чистила шубку.) А что, Аркадій Кузмичъ будетъ нынче вызываніе?

Аркадій Кузмичъ. Будетъ, послали Семена за Капчичемъ. Если свободны, то будетъ.

Таня. А какъ вы понимаете?

Григорій. Одни пустяки, отъ нечего дѣлать.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Аркадій Кузмичъ. Много вы понимаете... (Читаетъ газету.)

(Входить Николай буфетчикъ, торопясь.)

[Николай.] У васъ, Григорій Михайлычъ, ложечка? Опять недочтусь. (Тань.) Да стаканы принесите, пожалуйста.

Григорій Михайлычъ. То то суета. Только и заботы.

Николай. Вамъ хорошо. А мнѣ вотъ гдѣ.

Григорій Михайлычъ. Вотъ гдѣ. (Передразниваетъ.) Пойти покурить. (Уходитъ.)

Николай. То-то обидчикъ, да Богъ съ нимъ. Что, Татьяна Ивановна, барыня не говорила ничего?

Таня. Ничего.

Николай. Помилуй Богъ, откажутъ. Въдѣ у меня семейство. Я на труды не смотрю, только для семейства. Такъ ли? (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Тѣ же и швейцаръ (входитъ).

[Швейцаръ.] Доложите барину, мужикъ какой-то изъ деревни. Говорить, баринъ вельль.

Таня. Какой мужикъ? Деменскій?

Швейцаръ. Изъ Курской деревни.

Таня. Они. Это Семена отецъ, объ земли. (Таня выходитъ на крыльцо.)

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Швейцаръ, Григорій и потомъ камердинеръ.

Григорій. Ишь, вострая какая.

(Звонятъ, выходитъ камердинеръ.)

[Швейцаръ.] Доложите барину, мужики Деменские изъ Курской деревни.

Камердинеръ. Знаю, онъ вельль подождать. Гость у него.

Швейцаръ. Натопчатъ они!

Камердинеръ. Ну, ужъ подотрешь.

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Григорій, швейцаръ, Таня и за ней три мужика.

Таня (проводжаетъ ихъ). Сюда, сюда, дяденька.

(Мужики несутъ гостинцы, куличъ и яйца, ищутъ, на что креститься. Крестятся на лѣстницу; кланяются камердинеру и становятся твердо.)

Григорій. Что, скоро они, что-ль?

Таня. Нѣтъ, еще затягивать меня позовутъ.

Григорій. Пойти покурить. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Тѣ же, безъ Григорія.

Таня. Вы здѣсь подождите. Онъ сейчасъ выйдетъ.

2-й Мужикъ. Не подъ дождемъ, постоимъ да подождемъ.

Таня. А вы изъ Деменки?

1-й Мужикъ. Самая наша деревня. Оттелева обыватели, примѣрно. А вы, значить?

Таня. Значить, изъ Семеновой деревни?

1-й Мужикъ. Семкѣ земляки, госпожа. Примѣрно, вотъ это отецъ его.

Таня. О! Такъ вы ему родитель?

2-й Мужикъ. Извѣстно, родитель, когда сынъ мнѣ. А ты чья же будешь?

Таня. Да и я отъ васъ. Я Аксины солдатки – сирота.

2-й Мужикъ. Ну? Ты, значить, сама Танька будешь?

Таня. Я и есть. Чтожъ, не узнали?

1-й Мужикъ. Вотъ, значить, въ холѣ то что значить. Примѣрно, полубарыня. Какъ есть. Не то что грубость деревенская.

2-й Мужикъ. Тебя, значить, и хочеть Семень замужъ взять?

Таня. Я самая. (Закрывается фартукомъ.)

2-й Мужикъ. Такъ. (Вздыхаетъ, качая головой.) Набаловался, видно, малый-то.

Таня. Онъ ничего не избаловался. Послать его вамъ?

2-й Мужикъ. Успѣемъ.

(Проходить лакей, мужики встають.)

1-й Мужикъ. Позвольте, почтенный, примѣрно, это кто жъ будетъ?

Таня. Это лакей.

1-й Мужикъ. Такъ. Это правильно. А вотъ если, примѣрно, насчетъ дѣловъ. Можетъ ли кто [1 неразобр.] какъ значить дѣло наше? Може тоже слышала?

Таня. Слышала, дяденька. Землю купить хотите? Едва ли выйдетъ ваше дѣло.

2-й Мужикъ. А что такъ?

Таня. Да духи ему запрещаютъ.

1-й Мужикъ. Это, значить, насчетъ умственности? Поняль.

2-й Мужикъ. Къ чему жъ это?

3-й Мужикъ. О, Господи! Какъ бы чего худаго...

Таня. Онъ, значить, обо всѣхъ дѣлахъ у духовъ спрашивается. Нетѣлесные духи такіе съ нимъ разговариваютъ. Какъ скажутъ, такъ онъ и дѣлаеть.

3-й Мужикъ. Оо! ишь ты, о Господи!

1-й Мужикъ. Всего, значить, наука доводить. Потому привилегія.

2-й Мужикъ. Врешь.

Таня. Истинно говорю. Только они ему все больше то самое и велятъ, чего ему хочется. А ему землю барыня не велить продавать. А онъ ее пуще духовъ боится.

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Тъ же, и Григорій входитъ въ ливреѣ. Мужики встають.

Таня. Вотъ не вѣрятъ, что баринъ у духовъ обо всѣхъ дѣлахъ спрашиваетъ.

1-й Мужикъ. Потому по необразованности нашей спервоначала.

Григорій (усмѣхаясь). Имъ, извѣстно, удивительно. Да ты и сама, я думаю, не понимаешь настоящаго.

Таня. Только вы одни и поняли. Знаю, спиритизмъ. Нынче всѣ господа этимъ занимаются.

3-й Мужикъ. Охъ, Господи! Да какъ же такъ можно?

Григорій. А такъ и можно.

Таня. Возьмуть блюдечко, да по бумажкѣ и водятъ, а оно стучить да обозначаетъ по буквамъ.

1-й Мужикъ. Въ дѣйствіе, значить, производить.

Григорій. Толкуй имъ. Поймутъ они.

2-й Мужикъ. Дѣло господское, только отдалъ бы землю, а то какъ собака на снѣ.

(Молчаніе.)

1-й Мужикъ. Ученье до всего доводитъ, а мы что знаемъ.

2-й Мужикъ. Глупость это одна.

3-й Мужикъ. Чтожъ, братцы, мѣшки то на фатеръ оставили, какъ бы не того...

ЯВЛЕНИЕ 9-е

Тъ же, и входитъ Леонидъ Ѳедоровичъ и Самаринъ. Таня прячется за дверь.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Я вѣдь знаю, что вы не вѣрите.

Самаринъ. Нѣтъ, гипнотизмъ – это дѣло науки, и магнетическое вліяніе я могу допустить.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Это что же, самое обыкновенное. Нынче у жены будете?

Самаринъ. Да, я буду. Но спиритическимъ явленіямъ не могу вѣрить.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Это и не можетъ быть иначе. Тотъ, кто не изслѣдовалъ, не можетъ вѣрить. Но фактамъ мы не можемъ не вѣрить. Мы ихъ изслѣдоваемъ.

Самаринъ. Да я не отказываюсь. Покажите факты.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну вотъ пріѣзжайте завтра. (Къ Григорію.) Пошелъ Семень къ Капчичу?

Григорій. Пошелъ-съ.

Самаринъ. Чтожъ, будетъ Капчичъ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да если и не будетъ, то это можно всегда и безъ него. Медіумовъ бездна, мы только ихъ не знаемъ. Я имѣю привычку маленькую и ужъ по общему виду знаю. На дняхъ, напримѣръ, мы позвали буфетнаго мужика во время сеанса передвинуть фортепіано. Онъ, не особенно сильный человекъ, взялъ и одинъ почти перенесъ фортепіано и самъ удивился.

Таня (из за дверей). Вона, а я и не думала.

Леонидъ Ѳедоровичъ. А удивительнаго ничего. Онъ медиумъ. Потомъ былъ другой случай. Одна больная старушка отодвинула рукой стѣну...

Самаринъ. Ну, увижу самъ, тогда повѣрю. А ce soir.[191] Это кто же?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Здравствуйте, братцы. Здравствуйте. (къ Самарину.) Это изъ Курской деревни, просятъ продать имъ землю.

Самаринъ. Ну чтожь вы?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Je ne peux pas me décider seul sur un sujet aussi important.[192]

Самаринъ. Vous demanderez aux esprits?[193]

Леонидъ Ѳедоровичъ. Sans doute. Je demanderai conseil à ma mère.[194]

Самаринъ. А безъ этаго нельзя?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нельзя.

Самаринъ (смѣется). Удивительно. Et madame se porte bien?[195]

Леонидъ Ѳедоровичъ. Т. е. какъ entre nous soit dit, elle se porte bien, mais les microbes, ça fait nos malheurs.[196]

Самаринъ. А что?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да какже! Вѣрить и боится заразы. C'est une calamité.[197] Ну, что дѣлать. Такъ до вечера.

Самаринъ. Да, да.

ЯВЛЕНИЕ 10-е

Тѣ же, безъ Самарина. Мужики кланяются, подаютъ гостинцы.

Мужикъ.] Примите, сдѣлай милость.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Такъ вы что же, о чемъ?

1-й Мужикъ. До твоей милости.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Что? Это не нужно.

1-й Мужикъ. Какъ можно. Ну хоть барынь.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну вы барынь и отдайте.

1-й Мужикъ. Какъ были вы намъ замѣсто отца роднаго, и наши отцы вамъ и отцамъ служили, такъ вамъ по гробъ жизни...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да что?

1-й Мужикъ. Изъ нарочнаго къ тебѣ.

2-й Мужикъ. Нельзя намъ жить. Совсѣмъ помирать приходится. Потому земля малая. На квасъ. А скотину выпустить некуда. Курица – и та на вашу перескочить, и все грѣхъ. Развяжи ты насъ.

3-й Мужикъ. Это точно.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Такъ чтоже вы хотите?

1-й Мужикъ. Какъ приказывали мы, что, значить, какъ бы разойтись получше. Намъ изъ банка деньги выдадутъ, а приплата, которая на вексель, значить, повремени.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Леонидъ Ѳедоровичъ. Я не могу.

1-й Мужикъ. Значить, какъ кормильцы наши, ужъ помилосердствуйте. Развязку сдѣлать.

3-й Мужикъ. Ужъ это какъ есть.

1-й Мужикъ. Цѣна извѣстная. Какъ ты приказывалъ, по 50 рублей за десятину, и всей суммы 32 тысячи 864 рубля. Только, значить, повремени, а ужъ мы, значить, себя заложимъ и того не сдѣлаемъ, чтобъ...

3-й Мужикъ. Ублагодотвори, отецъ.

2-й Мужикъ. Какже, обнадежилъ, а теперь опять.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Я понимаю. Я, правда, хотѣлъ, да тутъ вышло обстоятельство. Мнѣ не очень желательно.

3-й Мужикъ. Отецъ!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Я подумаю.

2-й Мужикъ. Да ты насъ не держи. Одно что. А то чтожъ...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Вы подождите. Я вамъ черезъ полъ часа отвѣтъ дамъ. Григорій, скажи, чтобъ никого не принимать.

Григорій. Слушаю-съ.

ЯВЛЕНІЕ 11-е

Тѣ же, и Василій Леонидычъ выходитъ съ Петровымъ.

Василій Леонидычъ. Такъ я постараюсь.

Петровъ. Тутъ нельзя говорить постараюсь, когда это нужно. Вѣдь я даль не свои деньги, и ты знаешь, что отъ этаго будетъ.

Василій Леонидычъ. Ахъ, это положеніе подлое. Ну, сдѣлаю что могу.

Петровъ. Пойми, онъ подастъ ко взысканію, я не могу ужъ скрывать, и тогда все откроется. Жду, стало быть, тебя завтра.

Василій Леонидычъ. Да ты подожди, я сейчасъ пойду къ папа.

Петровъ. Ну, хорошо. (Уходить.)

[ЯВЛЕНИЕ 12-е.]

[Тѣ же безъ Петрова].

[Василий Леонидычъ.] Григорій, всталъ папа?

Григорій. Встали, да не вѣли пускать никого. Они объ этомъ дѣлѣ.

Василий Леонидычъ. Это что, зачѣмъ?

Григорій. Да мужики изъ Деменки землю покупаютъ какую-то.

Василій Леонидычъ. А? (къ мужикамъ.) Покупаете землю?

1-й Мужикъ. Такъ точно, значить.

Василій Леонидычъ. Отлично. (Въ дверь.) Можно войти?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, я просилъ не тревожить меня. Что тебѣ?

Василій Леонидычъ. Да все одно. Это невозможно. Вы меня ставите въ такое положеніе, что я не знаю. Вѣдь этакъ не[льзя!]

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да что тебѣ?

Василій Леонидычъ. Вы знаете очень хорошо что.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, не знаю.

Василій Леонидычъ. Ну, такъ опять скажу: мнѣ необходимо, понимаете, необходимо по крайней мѣрѣ 300 р. Des dettes d'honneur.[198]

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ты получилъ свое.

Василій Леонидычъ. Получилъ, но...

Леонидъ Ѳедоровичъ. У меня нѣтъ. Поди къ матери, а у меня нѣтъ.

Василій Леонидычъ. Вѣдь это можно, когда бы наша жизнь велась такая, а то каждый на меня смотритъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Я сказалъ, что не могу.

Василій Леонидычъ. Боже мой. Когда это освободишься отъ этаго ига страшнаго. Пойду къ мама, одно спасенье, [а] то сумашеств[уетъ] съ спиритизмомъ и всѣхъ забылъ. (Идетъ на верхъ.)

1-й Мужикъ. (Къ Григорію.) Это кто же будетъ?

Таня. Это молодой баринъ.

1-й Мужикъ. Чтожъ онъ на службѣ, чтоль?

Таня. Служба? Его служба шалберничать.

1-й Мужикъ. Да какъ же, сказывали все учителя учили. Учителя учили, а въ дѣло не годился.

Таня. Только одно: на одномъ колесѣ ѣздить да деньги мотать.

2-й Мужикъ. Видно, во всякомъ чину есть по плохому сыну.

явленіе 13

Тѣ же. Входитъ старшая горничная.

Старшая горничная. Таня, гдѣ ты? Иди затягивать.

Таня. Вонъ вы боитесь, что я не сработаю. Вы бы посмотрѣли, какъ я барыню затягиваю. Видала я, какъ запрягаютъ, тоже затягиваютъ что-то. Еще въ руки плюютъ да упираются ногой то.

2-й Мужикъ. Это засупониваютъ то?

Таня. Это самое. Такъ посмотрѣли бы, какъ я такъ барыню затягиваю.

2-й Мужикъ. Куда жъ ты ее такъ затягиваешь?

Таня. А шнурками. Тоже руки всѣ обожжешь. А упереться ногой въ нее тоже нельзя. (Смѣется.)

2-й Мужикъ. Да какъ же затягиваешь?

Таня. Да такъ на костяхъ и сдѣлано, какъ куртка по сихъ поръ. И на шнуры ну и стягиваешь.

1-й Мужикъ. Пузо, значить, стягиваешь для формы.

Таня. Именно. Такъ стянешь, что глава у ней вонъ лѣзутъ. А она говоритъ: еще.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
2-й Мужикъ. Чтожъ она это обрелась, что ли?

Таня. Да для красоты.

Старшая горничная. Иди, Таня, что же ты?

Таня. Сейчасъ. (Бъжить.)

ЯВЛЕНИЕ 14-е

3 мужика, Григорій, входитъ Бетси.

Бетси (выходить одѣтая въ шляпкъ съ рinсе-pez). Что, мама нѣтъ? Вѣчно ждешь, ждешь. Васюкъ! А это что?

(Мужики кланяются.)

Григорій. Изъ деревни, къ папашъ.

Бетси. А!

[ЯВЛЕНИЕ 15-е.]

Выходитъ Петровъ.

[Петровъ.] Въмсто Василія Леонидыча я не гожусь ли вамъ?

Бетси. Не совсѣмъ, но можно. Здравствуйте. (Трясетъ руку.)

1-й Мужикъ. (Въ сторону.) Какъ воду накачиваетъ.

[Бетси.][199] Вы зачѣмъ такъ рано?

Петровъ. Все наши дѣла.

Бетси. Знаю ваши дѣла. Вчера у цыганъ были...

Петровъ. Грѣшны.

Бетси. Вотъ счастливички. Я бы всю жизнь проводила у нихъ. А мы должны журфиксы соблюдать. Надоѣло.

Петровъ. Да бросьте вы эти журфиксы.

Бетси. Нельзя, служба. Поѣдете нынче къ Капнистамъ? Они вельли. Нужно сатану, роль.

Петровъ. Скука! Все одно и то же.

Бетси. Вотъ правда. Такая скука, что не знаешь куда дѣтъ[ся]. Нынче угадыванье мыслей. Приходите.

Петровъ. Не угадаютъ они моихъ мыслей.

Бетси. Отчего?

Петровъ. Да отъ того, что нѣтъ никакихъ.

(Смѣются.)

Бетси. Такъ это, я вижу, Вася у мама денегъ выпрашивать пошелъ.

Петровъ. Кажется.

Бетси. Ну, это не скоро. Пойдемъ, покажите мнѣ новую пѣсню.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ 16

Григорій и 3 мужика.

1-й Мужикъ. Чтожъ это? Барышня?

Григорій. Она.

2-й Мужикъ. Не выдаютъ все?

Григорій. Развѣ какъ у васъ, 15-ти лѣтъ?

1-й Мужикъ. Это глупость, значить, наша.

(Слышно пѣнье цыганскихъ пѣсень съ гитарой изъ комнаты.)

ЯВЛЕНИЕ 17

Григорій, мужики, барыня, Василій Леонидычъ и докторъ, потомъ Бетси и Петровъ. Мужики встаютъ и подаютъ гостинцы. Барыня отстраняется.

Барыня (затянутая, въ шляпкѣ). Не надо, не надо, Григорій, не бери.

Докторъ. Притомъ, такъ какъ прямого указанія нѣтъ, то повторная инъекція не можетъ повредить.

Барыня. Благодарствуйте, милый Петръ Захарычъ, безъ васъ я не знаю, гдѣ бы я была, должно быть, на томъ свѣтѣ. Завтра будете?

Докторъ. О, да!

[Барыня]. Ну какъ тутъ быть здоровой? Все наперекоръ, все наперекоръ. И какъ пустить съ улицы людей? Я не знаю, что они принесли: скарлатину, оспу, всѣ микробы?

Василій Леонидычъ. Я ихъ окурю, мама.

Барыня. Ничего смѣшнаго нѣтъ. (Къ доктору.) Вотъ и блюдите семью. Ну что тутъ дѣлать? Микробовъ, я думаю, занесли. Надо дезинфекцію.

Докторъ. Разумѣется, вѣрнѣе, но все таки опасности большой нѣтъ.

[Барыня]. Бетси, гдѣ она? Вѣчно ее ждать. (Бетси выходитъ.) Вѣчно тебя ждешь, ждешь.

Бетси. Я васъ жду.

(Петровъ кланяется головой и цѣлуетъ руку.)

1-й Мужикъ. Вотъ такъ то.

Барыня. Всегда отвѣчать.

Бетси. Если вы не въ духъ, такъ я и не поѣду.

Василій Леонидычъ. Матерь моя, Юнона гнѣвная! Ничего, мамаша, поѣзжайте.

Барыня. Ну, надѣвай-же.

(Садятся, лакей надѣваетъ ботинки. Василій Леонидычъ начинаетъ визжать поросенкомъ, собакой, смѣется.)

Барыня. Qu'est ce qu'il penseront?[200]

Василій Леонидычъ. Земледѣльцы узнаютъ свои звуки.

1-й Мужикъ. Это точно, сходство есть.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Барыня. (Григорію.) Чтобы мужиковъ этихъ не было тутъ. Баринъ какъ хочеть, а я у
себя въ передней не велю.

(Лакей отворяетъ двери, уходятъ.)

Василій Леонидычъ. Добыль, ѣдемъ.

(Уходятъ съ Петровымъ.)

ЯВЛЕНІЕ 18

3 мужика, Таня, Григорій вбѣгаютъ.

Григорій. Таня, Таня, забыла барыня портъ-картъ на туалетъ.

(Таня бѣжитъ на лѣстницу.)

3-й Мужикъ (вздыхаетъ). О, Господи! и говорилъ я на фатеръ подождать.

(Таня сбѣгаетъ съ портъ-картъ, подаетъ Григорію. Григорій уходитъ.)

1-й Мужикъ. Поглядишь, много тутъ ума полож[ено].

2-й Мужикъ. Глупость одна.

3-й Мужикъ. Я говорилъ, пойдете.

Таня. Подождите, ничего, онъ скоро выйдетъ. Она уѣхала. Теперь за одно ужъ.

1-й Мужикъ. Это что жъ въ стеклахъ то, кто же?

Таня. А это докторъ. Лечить ее все.

1-й Мужикъ. Вотъ, значить, хорошъ, какую выхолилъ.

2-й Мужикъ. Здорова.

1-й Мужикъ. Чтожъ на счетъ то сказывала, что мы мокроту принесли. Мы гостинцы
точно что принесли.

Таня. Это микробы, такіе махонькіе, махонькіе, что не видать.

2-й Мужикъ. А не видать, такъ чегожъ она боится?

3-й Мужикъ. Право, на фатеру бы, тамъ бы пождали.

ЯВЛЕНІЕ 19

Тѣ же и Семень входитъ съ запиской, видитъ отца, кланяется.

Семень. Здравствуй, батюшка. Дядь Митрію, дядь Ивану почтеніе. Дома здоровы-ли?

Таня. Ну что? Будетъ капчичъ-то?

Семень. Нѣту. На словахъ велѣлъ сказать. Нельзя нынче.

Таня. Вотъ и хорошо.

Семень. Чего хорошо?

Таня. А вотъ погоди, увидишь.

Семень. Ну что, родитель не говорилъ?

Таня. Не нравится ему, вижу. Ты, Семень, не робѣй. Я одну штуку придумала, ты
только дѣлай.

Семень. Я-то? Да я все сдѣлаю. Чтожъ, развѣ я худое что?

(Кличетъ камердинера.) Федоръ Иваныч!

ЯВЛЕНИЕ 20

Камердинеръ. Ну что?

Семень. Приказали кланяться, не могутъ быть никакъ.

Камердинеръ. Погодите, сейчасъ выйдетъ, будетъ ршенье. Кончается.

Таня. А вы почему узнаете, Федоръ Иваныч?

Камердинеръ. А когда онъ записаль сообщеніе духовъ, тогда онъ вслухъ перечитываетъ.

Таня. А вы неужели вѣрите, Федоръ Иваныч?

Камердинеръ. Вѣрить не вѣрю, а это дѣло можетъ быть изслѣдовано научно. Есть много, другъ Горацій...

Таня. Это точно. Такъ спрашиваетъ ужь? (Мужикамъ.) Это онъ спрашиваетъ про ваше дѣло.

1-й Мужикъ. Гдѣ бы про это узнать нашему брату? Спрашиваетъ? У кого же?

Таня. Да у духовъ все.

1-й Мужикъ. Значить, себѣ размѣтку дѣлаетъ?

Таня. Да нѣтъ. Говорю, спрашиваетъ.

2-й Мужикъ. Да какъ же?

Таня. Да вотъ возьметъ блюдечко да вертитъ, а оно пишетъ.

1-й Мужикъ. Дошли, значить, до дѣла.

Камердинеръ. Спиритизмъ это.

ЯВЛЕНИЕ 21

Тѣ же и Леонидъ Федоровичъ.

Леонидъ Федоровичъ (выходить). Ну, друзья мои, не могу. Очень бы желалъ, но мнѣ никакъ нельзя. Не могу исполнить вашего желанія.

1-й Мужикъ. Да ужь помилосердствуй.

2-й Мужикъ. Арестъ вѣдь намъ, и жить нельзя.

3-й Мужикъ. Это какъ мѣръ намъ приказываль.

Леонидъ Федоровичъ. Не могу никакъ. Если на деньги, тогда другое дѣло.

1-й Мужикъ. Не усилимъ. Мы бы вѣдь всей душой...

Леонидъ Федоровичъ. Не могу, не могу никакъ. Вотъ и бумага ваша. Не могу подписать.

2-й Мужикъ. Чтожъ намъ ее брать?

1-й Мужикъ. Смилуйтесь, отецъ родной. Только подписать, значить.

(Въ ноги кланяются.)

Леонидъ Федоровичъ. Да полноте, что вы?

1-й Мужикъ. Не давай ты намъ бумаги. Потому все въ надеждѣ будемъ. Може, какъ вы и обдумаете получше какъ.

3-й Мужикъ. Пожалѣй ты насъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Не знаю, право не знаю, можно ли.

2-й Мужикъ. На попятную, значить, не бери, бумагу оставь.

1-й Мужикъ. Оставь, Леонидъ Ѳедорычъ. Ваше высокородіе, будь за мѣсто отца, матери, только подумай еще.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Не могу, и обнадеживать не стоить.

(Отдаетъ бумагу, уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 22

Таня, 3 мужика и камердинеръ.

2-й Мужикъ. Чтожъ это, заръжетъ онъ насъ.

1-й Мужикъ. Просить надо. Стараться какъ можно.

Камердинеръ. Жалко мнѣ васъ, а, братцы, не выйдетъ ваше дѣло. Не продастъ онъ теперь.

2-й Мужикъ. Какже быть то?

3-й Мужикъ. Что, на фатеру, значить?

1-й Мужикъ. (Камердинеру.) Да ужъ будь отецъ, постарайся, а мы, значить, не постоимъ въ благодарности. Міръ не постоить. А мы...

Камердинеръ. Не могу, друзья. Я вѣдь очень понимаю, что вамъ нужна, и я жизнь вашу понимаю. Вѣдь я самъ изъ крестьянъ. Кабы можно было, самъ бы въ деревню уѣхалъ. И потому жалко мнѣ васъ, а помочь не знаю какъ. Пойду, пожалуй, попрошу. Дайте бумагу. (Беретъ бумагу и уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 23

3 мужика (вздыхаютъ) и Таня.

Таня. Вы, дяденьки, не отчаивайтесь. Я придумала одну штуку, вы погодите.

1-й Мужикъ. Значить, оборудуешь?

2-й Мужикъ. Ну гдѣ жъ ей!

Таня. А вотъ погодите. Только ужъ если сдѣлаю, вы меня не обижайте. Чтожъ, дяденька, вы про Семена сказывали... (Закрывается.) А я сдѣлаю.

1-й Мужикъ. Да только сдѣлай такъ, и замужь отдадимъ и міромъ кормить всю жизнь обвяжемся.

Таня. Не обманете?

ЯВЛЕНИЕ 24

Тѣ же и камердинеръ.

Камердинеръ. Ходилъ, просилъ, нѣтъ, не согласенъ. Берите бумагу да идите.

Таня. Дайте бумагу, а сами не уходите совсѣмъ, подождите тутъ. Я сейчасъ выбѣгу, скажу что.

(Мужики уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ 25

Таня и камердинеръ.

Таня (камердинеру). Доложите, Ѳеодоръ Иванычъ, барину. Мнѣ ему словечко сказать надо.

Камердинеръ. Это что еще?

Таня. Да по случаю спиритизма.

Камердинеръ. Да чтожъ?

Таня. Нужно, вы скажите.

Камердинеръ. Ты что знаешь?

Таня. Стало быть, знаю, я прошлый разъ при Капчичъ всю сеансу видѣла, подъ диваномъ просидѣла.

Камердинеръ. Егоза ты, посмотрю на тебя. Ты скажи, что?

Таня. Послѣ скажу. Худаго ничего. Ужъ вы, Ѳеодоръ Иванычъ, скажите. Вы не обидчикъ, какъ Григорій Михайлычъ. Я васъ какъ благодарю всегда. Вы на умъ наставите. Скажите, пожалуйста, худаго ничего. Ей Богу. А вы бумагу только возьмите да положите барину на столъ, я сдѣлаю, что подпишетъ.

Камердинеръ. Что придумала, ну посмотримъ, пожалуй.

(Уходить.)

ЯВЛЕНИЕ 26

Таня одна.

Таня. Право, сдѣлаю. Чего жъ не сдѣлать? Онъ не пойметъ. Только бы Сема слушался. Да онъ у меня молодецъ. Онъ простой, а ужъ за что возьмется, по сторонамъ не глядитъ. Я его налажу. Онъ какъ сдѣлаетъ, то чудо. (Смѣется.) Ну а не выйдетъ дѣло – ну не бѣда. Развѣ грѣхъ какой!

ЯВЛЕНИЕ 27

Таня и Леонидъ Ѳедоровичъ и камердинеръ.

Леонидъ Ѳедоровичъ (выходить, улыбаясь). Вотъ просительница-то! Что это у тебя за дѣла?

Таня. Да ужъ есть дѣльце. Только позвольте вамъ одинъ на одинъ сказать.

Леонидъ Федоровичъ. Что такъ? (Камердинеру.) Выдь на минутку.

(Камердинеръ уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 28

Таня и Леонидъ Ѳедоровичъ.

Таня. Какъ я жила, выросла въ вашемъ домѣ, Леонидъ Ѳедорычъ, и какъ благодарна вамъ за все, я какъ отцу родному откроюсь. Живетъ у васъ Семень и хочетъ онъ на мнѣ жениться... (Стыдится.)

Леонидъ Ѳедоровичъ. Вотъ какъ!

Таня. Чтожъ мнѣ скрывать? Одно что какъ вы всегда милостивы были ко мнѣ... И вы ученье знаете. А я сирота, не осмѣливаюсь. Выходить ли мнѣ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Чтожъ, отчего же? Онъ, кажется, малый хорошій.

Таня. Это точно, оно все бы ничего. Только одно я сомнѣваюсь. И спросить хотѣла

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoylev
васъ. Что есть за нимъ одно дѣло, а я понять не могу, какъ бы не худое что.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Чтожъ, онъ пьетъ?

Таня. Нѣтъ, помилуй Богъ! А какъ я знаю, что спиритизмъ есть...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Знаешь?..

Таня. Какъ же, я сама видѣла.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да вѣрно вы думаете, что это глупости такъ господа дѣлаютъ.

Таня. Какъ можно! Другіе точно по глупости и необразованію, а я вѣдь тоже могу понимать...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну такъ чтожъ?

Таня. Да вотъ опасаюсь насчетъ Семена. Съ нимъ бываетъ это.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да что бываетъ?

Таня. Всякія странности бываютъ. Это у людей спросите. Дня не бываетъ. Сядетъ онъ за столъ обѣдать, сейчасъ столъ затрясется, весь заскрипитъ. Всъ, а не я, видѣли. А другой разъ ничего.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Медіумъ, медіумъ! А они удивляются.

Таня. А то, когда это было? Да, въ субботу. Съли обѣдать за кашу. Такъ онъ только протянулъ руку, а ложка сама къ нему въ руку.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну, да, очевидно. А! это интересно.

Таня. А я вотъ опасаюсь. Это самое и спросить хотѣла, что не будетъ ли отъ этаго вреда? Тоже вѣкъ жить, а въ немъ такое дѣло.

Леонидъ Ѳедоровичъ (улыбаясь). Нѣтъ, не бойся, тутъ худаго нѣтъ. Это независимо отъ его желанія. Это медіумъ, значитъ.

Таня. Медіумъ? Вотъ что! А я и боялась...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, не бойся, ничего. А вотъ что. Нынче же я испытаю его. Ты ничего ему не говори. А только, чтобъ онъ дома былъ.

Таня. Слушаюсь.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, Таня, ты не бойся. Онъ и хорошій мужъ будетъ, и все. А это особенная сила, она во всѣхъ есть. Только въ однихъ слабѣе, въ другихъ сильнѣе.

Таня. Покорно васъ благодарю. Я теперь и думать не буду. А я боялась. Что значитъ неученье то наше!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, нѣтъ, не бойся. Ѳедоръ!

ЯВЛЕНІЕ 29

Таня, Леонидъ Ѳедоровичъ и камердинеръ (входитъ).

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ѳедоръ! Я пойду со двора. Къ вечеру приготовить все для сеанса.

Камердинеръ. Да вѣдь Капчичъ не изволить быть.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ничего. Все равно. (Надѣваетъ шинель.)

Таня. А мужики просились гдѣ бы переночевать имъ. Прикажете ли въ людской?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Чтожъ, пускай. (Уходитъ. Камердинеръ за нимъ.)

ЯВЛЕНИЕ 30
Таня одна.

[Таня]. Только бы не сробѣлъ онъ. Да нѣтъ, онъ не таковский, и старичковъ оборудую. Пойти ихъ въ людскую свести. (Выбѣгаетъ.)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II

Мужики, раздѣвшись и запотѣвъ, сидятъ на кухнѣ, пьютъ чай. Кухарка съ засученными рукавами, облокотившись на столъ, говоритъ съ ними.

ЯВЛЕНИЕ 1

1, 2, 3 Мужики, кухарка. Камердинеръ сидитъ с сигарой.

[Камердинеръ.] Это какой молодой на это льстится. А я развѣ не понимаю? Я ужь давно пригадываю землицы купить да домикъ построить.

На полях против этого места записано: Таня поить чаемъ, всѣ размякли. Поэтическій разговоръ о будущности. Камердинеръ говоритъ о своей преданности.

1-й Мужикъ. Пріѣзжайте. Мы вамъ, значить, всякое удовольствіе исдѣлаемъ. Только наше дѣло ужь какъ нибудь.

Камердинеръ. Да едва ли. Таня васъ обнадежила, да не знаю какъ.

2-й Мужикъ. Ну а какъ она дѣвка? [нѣтъ] худаго за ней?[201]

Камердинеръ. Дѣвушка хорошая, и какъ я слышу, Семень, сынъ твой, ее сватаетъ, то мой совѣтъ – возьми. Дѣвушка смирная, честная, работающая. На это не смотри, что она щеголиха. Это по городски, нельзя безъ того. Я совѣтую.

2-й Мужикъ. Спасибо на добромъ словѣ. Ну а чтожъ, объ дѣлѣ она хлопотать хотѣла?

Камердинеръ (улыбается). Ужь не знаю, что то чудно затѣяла. Такъ, такъ-то, братцы, куплю землицы, построюсь, вы меня примите.

1-й Мужикъ. Питейное заведеніе откроете, жить будете.

Камердинеръ. Тамъ видно будетъ. Охота у меня. А только хочется на старости лѣтъ покойно пожить. А здѣсь вѣдь только кажется, а тошно станеть.

(Кухарка входитъ.)

[Кухарка]. Ѳедоръ Ивановъ, баринъ зовутъ.

(Камердинеръ уходитъ.)

2-й Мужикъ. Да, подумаешь, жизнь какая!

Кухарка. Бѣлая булка воскресенье, посты съ рыбкой, а кто хочеть, и скоромное ѣшь.

2-й Мужикъ. Развѣ ѣдятъ кто?

Кухарка. Ѳедоръ Ивановъ всегда скоромное.

1-й Мужикъ. Дошли, значить, по книжкамъ.

2-й Мужикъ. Извѣстно, про господъ.

Семень (входитъ). Чай да сахаръ.

1-й Мужикъ. Милости просимъ, садись.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Семень. Убрался и перечистилъ.

2-й Мужикъ. Ну чтожъ Семка? Какъ живешь? Житье у васъ барское, посмотрю.

Семень. Барское, то барское. Да скучно.

Кухарка. И правда, скучно. Поглядишь на ихъ житье. А что дѣлають и зачѣмъ, ничего толку нѣтъ. Такъ, маячатся, сами не знаютъ зачѣмъ. (Къ Семену.) Теперь чтожъ, пошла у нихъ игра?

Семень. Какже, начали глаза завязывать, и тотъ самый фокусникъ пріѣхаль.

3-й Мужикъ. Посмотришь – житье. Все гулянье. Бѣлый хлѣбъ сплошь, я чай.

1-й Мужикъ. Это что! А то балы. Были у васъ?

Кухарка. Куда тебѣ. Посмотрѣль бы, что было. Меня Ѳедоръ Иванычъ провель. Посмотрѣла я, страсть! Наѣхало каретъ, полонъ дворъ. Барыня, карета, лакей, карета, лакей. А барыни всѣ оголились по сихъ поръ, страмъ!

1-й Мужикъ. Значить, клеймать такъ.

2-й Мужикъ. Тьфу, скверность!

3-й Мужикъ. О, Господи!

Кухарка. Такъ-то и я, дяденька, какъ гляну, чтожъ это всѣ телешатся. Вѣришь ли, старая наша барыня, мотри старушка вовсе, внуки, – глядь, тоже оголилась.

Семень. Ггг..

1-й Мужикъ. Ты чего ржешь?

Семень. Да смѣшно больно.

Кухарка. Такъ вѣдь что, какъ вдарить музыка, какъ взыграеть, сейчасъ это господа подходятъ каждый къ своей, сейчасъ облапить и пойдутъ кружить.

2-й Мужикъ. И старухи?

Кухарка. И старухи.

Семень. Нѣ, старухи сидять.

Кухарка. Толкуй, я сама видѣла.

Семень. Да нѣтъ же.

Николай (вбѣгая съ рецептомъ). Сема, бѣги въ аптеку, живо, возьми.

Семень. Чего еще?

Николай. Извѣстно что, лекарства барынь. (Мужикамъ.) Чай да сахаръ.

1-й Мужикъ. Милости просимъ.

Николай. Некогда. Да ужъ налейте чашечку для компаніи.

1-й Мужикъ. Чтожъ это, заболѣлъ кто?

Николай. Нѣтъ, это значить отъ заразы.

1-й Мужикъ. Какая же зараза?

Николай. А значить, такое теперь заведенье, что всякая болѣзнь отъ заразы. А вотъ видишь ли, пріѣхаль баринъ изъ дому, а у нихъ племянница въ болѣзни, такъ вотъ его, значить, опрыскать, тогда ужъ.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
1-й Мужикъ. Какъ же они узнають?

Кухарка. А у нихъ это расписывается, кто какой бользнью заболѣлъ. Значить, ужъ къ нему ѣзды нѣтъ.

Николай. Какже, лѣтось заболѣла у нашего барина сестры дочь. Богатые тоже господа, такъ такъ и померла, ни отецъ, ни мать не вошли, не простились. Плакала дѣвочка, говоритъ, мамашу, говоритъ, позовите. А та и изъ дома уѣхала.

2-й Мужикъ. Да вѣдь кому-нибудь ходить надо жъ?

Николай. И ходили. Меня жъ послали, я и ходилъ. Ну да извѣстно, наше дѣло такое.

1-й Мужикъ. И чтожъ, не пристало же?

Николай. Ничего. Я и глаза закрылъ.

3-й Мужикъ. О Господи! Царица небесная!

Кухарка. Все дохтура. Къ нашимъ каждый день ѣздить. Каждый разъ десятку.

2-й Мужикъ. Вре...

Николай. Это вѣрно. А то коли консил[іумъ], 25, а то есть одинъ, такъ тому[202] 3 сотенныхъ.

2-й Мужикъ. Ну!

Николай. Вѣрно!

2-й Мужикъ. Да я бъ какую бы избу поставилъ.

Николай. Такъ знаете мою сторону то, Вознесенское?

2-й Мужикъ. Какже, отъ насъ версть 17, больше не будетъ, а бродомъ меньше. Ты чтожъ, землю то держишь?

Николай. У брата, а я посылаю. Я самъ здѣсь, а все думаю – на старости лѣтъ пріютъ.

1-й Мужикъ. Извѣстно.

2-й Мужикъ. Анисимъ, значить, братъ, 3-я изба, какже.

Таня (бежить). Сема! Нѣту? Николай Иванычъ, зовуть.

Николай. Сейчасъ. Что тамъ?

Таня. Фифку рветъ, подтереть да подушку перемѣнить.

1-й Мужикъ. Это кто-же, дочка?

Таня. Какая дочка? Собака.

(Николай уходитъ.)

2-й Мужикъ. Такъ чегожъ съ собакой дѣлать?

Таня. Съ собакой то? Да другой барынъ такого житья нѣтъ. Каклету особенную дѣлають, чтобъ не жирная была.

2-й Мужикъ. Собакъ то?

Таня. А то какже.

Кухарка. Я на нее, на собаку то, бѣлье стирала.

3-й Мужикъ. О, Господи!

Григорій (вбѣгаетъ). Кухарка, давай капусты кислой.

Кухарка. Это зачѣмъ? На погребъ надо.

Григорій. Барышнѣ тюрю.

Кухарка. Сладкое то надоѣло. (Достааетъ. Мужики крестятся.)

1-й Мужикъ. Хорошо то хорошо, а хлопотно, нечего сказать. Благодаримъ.

Григорій. Ну, что? поглядѣли Москву? Все видѣли?

1-й Мужикъ. Гдѣ жъ намъ видѣть?

Григорій. Ну, давай. (Уходитъ.)

Таня. Вы, дяденьки, ложитесь тутъ, а объ дѣль не сумлевайтесь. (Уходитъ.)

(Самаринъ и Петровъ входятъ.)

Петровъ. Да вотъ отлично. Мужикъ въ карманъ. Гдѣ у тебя карманъ?

3-й Мужикъ. Карманъ въ шубѣ.

Петровъ. Ну, гдѣ кошель?

3-й Мужикъ. Въ голенищѣ.

Петровъ. Отлично. Вотъ въ голенище ему давай. (Берутъ ключъ и кладутъ въ голенище). Пускай ищетъ. *mais il a des poux!*[203]

Петровъ. *ça ne fait rien, au moins ce sera drôle.*[204] (Уходитъ.)

[1-й] Мужикъ. Чтожъ это? Чтожъ это?

3-й Мужикъ. Какъ бы чего не вышло.

2-й Мужикъ. Кто ихъ разберетъ.

3-й Мужикъ. Я говорю на фатеру. Ну, по гривнѣ отдали бы. По крайности покойно. А тутъ, помилуй Богъ!

1-й Мужикъ. Есть чего сумлеваться. Ты долженъ понимать, какъ съ господами обхожденье. Имъ, пзвѣстно, по младости поиграть. Ну чтожъ, поиграй. А по крайности все таки узнаемъ, какъ что. А дѣвушка общааетъ.

2-й Мужикъ. Дѣвушка ничего, почтительная. Взять можно. Больно ужъ стрекоза. [?] Семкѣ съ ней не совладать. Ну, да сказаль ужъ, не попячусь. Чтожъ, умница, можно тутъ лечь?

Кухарка. Ложитесь. На печку одинъ, а то на лавкахъ.

3-й Мужикъ. Спаси Христось. (Молится Богу)

(2-й мужикъ стелеть, 1-й легъ и кряхтитъ.)

1-й Мужикъ. Свѣтъ то тушить будете?

Кухарка. Гдѣ тушить! У нихъ до утра гульба будетъ, все прибѣгать будутъ. Да вы ложитесь, я заверну.

2-й Мужикъ. Эхъ, малый, только бы Богъ далъ дѣло сдѣлать. Зажиль бы. Я нынче съ Рожества хлѣбъ покупаю, а то бы закатилъ 4 десятины и Семку домой бы взялъ.

1-й Мужикъ. Извѣстно, безъ земли какъ мужику быть?

3-й Мужикъ. Царицу Небесную просить надо. Авось смилосердуется, жить и будемъ, а

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
то что.

(Тишина, вздохи, шаги, и идутъ съ завязанными глазами. Леонидъ Ѳедоровичъ держитъ руку Самарина. За ними барыня, Бетси, Петровъ, Василій Леонидычъ. Дама толстая въ очкахъ, Профессоръ, двѣ дѣвицы и еще публика. Мужики вскакиваютъ.) [205]

Толстая барыня. Нѣтъ, я слѣжу точно. П. Ѳ., вы не ведете?

Самаринъ. Нѣтъ, я только отдаюсь.

Толстая барыня. Только не противьтесь.

(Ходятъ и ищатъ около 1-го, 2-го и подходятъ къ 3-му. Онъ испуганъ и глядитъ на сапогъ.)

Барыня (кухарке). Это что? Зачѣмъ мужики?

Кухарка. Баринъ приказали.

Барыня. Тебѣ кто сказалъ?

Кухарка. Ѳедоръ Иванычъ.

Барыня (къ Ѳедору Иванычу). Кто вамъ велѣлъ?

Ѳедоръ Ивановичъ (въ *rinse-nez*). Баринъ сказали. Я полагаль, что затрудненій нѣтъ ночь имъ переночевать.

Барыня. Вы знаете, что баринъ въ хозяйственныя дѣла не входитъ. (Къ мужу.) Леонидъ! (Мужъ не слышитъ, занятъ отъискиваніемъ.)

Ѳедоръ Иванычъ. Я полагаль, что крестьяне по дѣлу. Дѣло еще не рѣшилось. Завтра будетъ.

Барыня. Вы полагаете, полагаете. Выгнать вонъ ихъ. Чтобъ не было. Я велю. А то прогоню всѣхъ. Слышите? (Подходить къ кучке.) *Mais prenez garde. Ils peuvent être malades.* [206]

Василій Леонидычъ (сзади). *Malades* – не знаю, а (затыкая носъ) Брокеръ нуженъ.

Петровъ. Позвольте покурить.

Б[етси]. Полноте мѣшать. У котораго?

Петровъ. У этаго, у этаго.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Вотъ, вотъ, я говорилъ.

Профессоръ (къ толстой барынь). Это вполне точно. Остается измѣрить температуру и пульсъ, чтобы имѣть данныя. Впрочемъ, это уже такъ несомнѣнно. Воля одного передается другому. (Шпюлеръ нагибается къ сапогу и вытаскиваетъ ключъ. Общій крикъ восторга. Bravo.)

1-й Мужикъ. Мы, значить, не то чтобы какъ привилегію, а потому по необразованію, онъ и дома то въ судьи выбирал[ся].

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ты не безпокойся. Ну, оставимъ ихъ.

Толстая барыня. Да, это удивительно. (Къ Самарину.) Вы чувствовали истеченіе, т. е. магнетизмъ?

Самаринъ. Я ничего особеннаго не чувствовалъ, я только шель.

Профессоръ. Позвольте вашъ пульсъ.

Самаринъ. Послѣ.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
[Профессоръ.] Нѣтъ, позвольте.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Пойдемте.

(Всѣ выходятъ въ дверь, разговаривая.)

Шпюлеръ (ломаннымъ языкомъ). Я не знаю, что и какъ, я только отдаюсь.

Толстая барыня. Но позвольте, это не сонъ же.

Шпюлеръ. Нѣтъ, не сонъ.

Профессоръ (держитъ за руку Самарина). Нѣтъ, не сонъ, но нѣкоторая асуписація, какъ мы называемъ скрытое гипнотическое состояніе.

Самаринъ. Гипнотическое, но не спиритическое.

Профессоръ. Предѣлы одного и другаго трудно найти.

Самаринъ. Позвольте, предѣлы очевидны.

Толстая барыня (вмѣшиваясь). Совсѣмъ не трудно, я сама лежала безъ чувствъ и говорила. Я такъ нервна.

Профессоръ (учтиво). Да съ. (къ Самарину.) Намъ кажется очевиднымъ то, что подпадаетъ нашему физическому субъекту, но есть еще субъектъ духовный и субъектъ объективный.

Самаринъ. Позвольте, это надо доказать.

Профессоръ. Я и докажу.

Барыня (къ Шпюлеру и Самарину). Все это прекрасно, но мнѣ это совсѣмъ непріятно, люди съ улицы, БОГЪ знаетъ какія микрококи. Это все Леонидъ. Пожалуйста, вы пройдите къ Доктору, чтобъ онъ окуриль васъ.

Самаринъ. Очень хорошо. Какъ же вы докажете?

Толстая барыня. Такъ я вамъ объясню. Такъ какъ я нервна, и когда мой мужъ былъ боленъ...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, П. Ѳ, вы не такъ смотрите.

(Все говорятъ вдругъ и уходятъ.)

Барыня (останавливая за рукавъ мужа). Сколько разъ я васъ просила не распорядиться въ домъ. Вы знаете свои глупости, а домъ на мнѣ. Вы заразите всѣхъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да что? кто? Я не понимаю.

Барыня. Какъ? Съ улицы люди больные, въ заразь. Я думаю, половина людей заразили ужъ. Квасъ, черный хлѣбъ. Хороши вы будете съ своими духами.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да я...

Барыня. Когда слягутъ дѣти, я. Хорошо, что я тутъ, а то бы...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да я не думалъ. Я думалъ...

Барыня. Вы думали. (къ кухаркѣ и Ѳедору Иванычу.) Сейчасъ вонъ, чтобъ ихъ не было въ моей кухнѣ, а потомъ, Таня, возьми карб[олку], знаешь, на туалетъ, и обрызгай все. Ступай. (Уходитъ.) Такъ вонъ, вонъ, чтобъ не было сейчасъ.

ЯВЛЕНІЕ...

Остаются 3 мужика, Таня, кухарка и Ѳедоръ Иванычъ.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Кухарка. Ну, дѣла!

Таня (покатывается со смеха). Ну, дѣла!

2-й Мужикъ. Чтожъ это? Право, порченые, чтоль какіе? Ничего не разберешь. Чего они?

1-й Мужикъ. Любопытно. Энтотъ, энтотъ нѣмецъ то, какъ на скамейку то спотыкнулся. Бры...

3-й Мужикъ. Говорилъ, братцы, на фатеру.

Федоръ Ивановичъ (къ Танѣ). Какже быть то?

Таня. Да какъ быть? Развѣ можно ихъ ночью гнать. Добро бы знамые люди. А то они и не найдуть. Въ дворницкую.

Федоръ Ивановичъ. А ну какъ узнаеть?

Таня. Ничего не узнаеть. Я ихъ окурю.

ЯВЛЕНІЕ...

Входить Семень.

Таня. Сема, сведи земляковъ въ дворницкую: скажи – баринъ велѣлъ. Тамъ и ночуйте. А на счетъ бумаги я ужъ знаю: либо сгонять меня, либо сдѣлаю вамъ дѣло.

1-й Мужикъ. Смѣла, погляжу.

2-й Мужикъ. Будеть ли толкъ то?

(3-й мужикъ собираетъ сумки.)

Занавѣсъ.

3-е ДѢЙСТВІЕ

ЯВЛЕНІЕ I

Профессоръ и Леонидъ Федоровичъ въ маленькой гостиной, гдѣ всегда происходятъ опыты.

Профессоръ. Опытъ совсѣмъ успѣшный. Этотъ молодой мужикъ несомнѣнный и весьма сильный медиумъ. Свѣтотыя явленія были не слабѣе, чѣмъ при Ка[п]чичѣ, и, что особенно замѣчательно, съ трескомъ.

Леонидъ Федоровичъ. Да, точно зубы скрипятъ, но въ отдаленіи. И полетъ вещей замѣчательный. Вотъ находка, я вамъ говорю. Вчера дѣвушка говоритъ мнѣ и боится, такая смѣшная.

Профессоръ. Да, замѣчательный медиумъ. Совѣтую вамъ изслѣдовать дальше, у него могутъ быть особенности.

Леонидъ Федоровичъ. А вы замѣтили, какъ скоро онъ впалъ въ ясновидящій сонъ?

Профессоръ. Да, почти мгновенно. Это происходитъ отъ особенностей психическихъ.

ЯВЛЕНІЕ II

Самаринъ. Можно? Точно колдуете.

Леонидъ Федоровичъ. Пожалуйста. Мы толкуемъ о необыкновенныхъ явленіяхъ. Вчера только горничная – у ней амуры съ буфетнымъ мужикомъ pour le bon motif[207] – она замужъ хочетъ, и вотъ вчера, – а она съ дѣтства у насъ въ домъ и славная дѣвушка, – такъ она пришла со мной совѣтоваться объ ея женихѣ, буфетномъ мужикѣ, что съ нимъ дѣлается необыкновенное: напимѣрь, онъ садится къ чашкѣ, а ложка его сама вскакиваетъ ему въ руку.

Самаринъ. Ну, что вы говорите!

Профессоръ. Я удивляюсь только удивленію. Я думаю, страннѣе было видѣть въ первый разъ, когда не живой человѣкъ, а кусокъ камня притянулъ къ себѣ гвозди. Но стали наблюдать, изслѣдовать и опредѣлили явленія магнетизма.

Самаринъ. Да, но почему же до сихъ поръ...

Профессоръ. И то прежде не наблюдали.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Такъ вотъ нашъ буфетный мужикъ оказался медиумомъ и замѣчательно сильнымъ.

Самаринъ. Да, вы мнѣ говорили, бѣлокурый.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Мы нынче съ Викторомъ Алексѣевичемъ дѣлали опыты, и вполне подтвердилось. Сейчасъ мы вамъ вотъ покажемъ.

Самаринъ. Прекрасно. Я Ѳома невѣрный.

Профессоръ. Но имѣйте въ виду, что дѣло то мы имѣли всетаки не съ даннымъ субъектомъ медиумомъ, а съ нетѣлесными духами черезъ медиумъ, сообщающійся съ нимъ, то мы никогда не можемъ быть вполне увѣрены.

Леонидъ Ѳедоровичъ. По крайней мѣрѣ опытъ съ нимъ также интересенъ, какъ и съ Юмомъ, съ Капчичемъ. Знать ничего нельзя, могутъ быть слабыя проявленія. А можетъ быть матерьялизація полная.

Самаринъ. Т. е. какъ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. А такъ, что придетъ умершій человѣкъ, отецъ вашъ, дѣдъ, возьметъ васъ за руку, дастъ вамъ вещи и т. д.

Самаринъ. Нѣтъ, вы расскажите, ну какъ же вы процидируете? какъ это бываетъ?

(Таня входитъ и становится за портьеру.)

Леонидъ Ѳедоровичъ. Очень просто. Прежде всего медиумъ усыпляется. Когда онъ вступилъ въ сонъ, происходятъ нѣкоторыя явленія – признаки: свѣтъ, шумъ, предметы летаютъ. Тогда мы беремъ карандаши и спрашиваемъ.

Самаринъ. Какъ? съ блюдечкомъ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Иногда съ блюдечкомъ, иногда просто карандашъ пишетъ, кто онъ.

Самаринъ. Ну!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Тогда или мы спрашиваемъ, и онъ отвѣчаетъ.

Самаринъ. Какъ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Вопросами, требующими положительнаго или отрицательнаго отвѣта. Положительный – стукъ, отрицательный – молчаніе.

Профессоръ. Иногда духъ не отвѣчаетъ, а самъ чего нибудь требуетъ. Напримѣръ, удаленія какихъ нибудь лицъ.

Самаринъ. Пожалуй, меня выгонить.

ЯВЛЕНІЕ III

Толстая барыня. Пожалуйста, позвольте послушать. О чемъ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да вотъ сейчасъ сдѣлалъ опытъ съ новымъ медиумомъ.

Толстая барыня. Со мной тоже было. Когда я жила въ деревнѣ, то одна женщина, она еще дочь того самаго человѣка, который, помните, на пожаръ спасъ. Пожары вѣдь у насъ безпрестанные, и все отъ папирось. Я могу бросить, но если бы вмѣстѣ.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Всегда вмѣстѣ веселѣе и больше энергіи.

Леонидъ Ѳедоровичъ. О, да! Такъ хотите начнемъ? (Звонить.)

Толстая барыня. Да, такъ вы говорите новый медіумъ, и я хотѣла сказать, что когда я ѣздила еще на почтовыхъ, дороги тогда были ужасны, вы этаго не знаете, и я замѣчала, что наша нервность отъ желѣзныхъ дорогъ. Спать я не могу.

ЯВЛЕНІЕ IV
Григорій входитъ.

[Леонидъ Ѳедоровичъ]. Позовите, пожалуйста, Семена и скажите Ѳедору приготовить все для сеанса.

Григорій. Слушаю-сь.

Профессоръ (Самарину). О, какая ужасная дама!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Такъ пойдѣмте пока въ гостиную,
(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ V
Таня одна.

[Таня.] Отлично. Первое дѣло ниточки завязать то. (Ходить, привязываетъ.) Когда онъ сядетъ, я ему подамъ. Только бы не сробѣлъ онъ. Вызовутъ они духа, это все равно какого, только надо, чтобы духъ неотвѣчалъ, а требовалъ самъ. Бумага на столъ.

(Входитъ Ѳедоръ Ивановъ.)

Таня. Приказали все приготовить для сеанса.

Ѳедоръ Ивановъ. Неужели же Семень оказался духовидцемъ?

Таня. Какже. Сейчасъ баринъ рассказывали профессору, говорили, опытъ совсѣмъ удался. И свѣтъ былъ и трескъ, какъ полагается.

Ѳедоръ Ивановъ. Что-то это не нравится мнѣ. Какъ мужика посадить за столъ? Хотѣ бы одѣтъ его какъ приличнѣй.

Таня. Да вотъ мужикъ, а сила въ немъ оказалась большая спиритическая.

Ѳедоръ Ивановъ. Такъ чтожъ убирать? какъ?

Таня. Да какъ обыкновенно.

Ѳедоръ Ивановъ. Столъ посередѣ комнаты, стулья, гитару, гармонію, лампу не надо, свѣчи. Позови Григорья, пускай оставитъ онъ.

Таня. Да мы сами оставимъ, мнѣ дѣлать нечего. (Уставляетъ столъ, стулья, гитару.)

Ѳедоръ Ивановъ. Да чистъ ли онъ?

Таня. Почему я знаю?

Ѳедоръ Ивановъ. Ну, ну! Вѣдь я знаю. Тутъ худаго нѣтъ. Онъ хотѣ мужикъ, а хорошій малый. Такъ ты вотъ что.

Таня. А что, Ѳедоръ Ивановъ?

Ѳедоръ Ивановъ. Поди ты возьми щеточку ногтяную и мыла Тридасъ. Хотѣ у меня возьми. И всѣ ты ему остриги когти и вымой чисто, чисто.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Таня. Онъ и самъ вымоетъ. А это хорошо.

Федоръ Ивановичъ. Ну вотъ хорошо, такъ и сдѣлай. Да бѣлье вели надѣть чистое.

Таня. Это точно. А еще баринъ приказывали бумагу мужицкую, что утромъ была, принести барынѣ.

Федоръ Ивановичъ. Чтожъ, или соглашаются? Я принесу.

Таня. Да вы мнѣ скажите гдѣ? Я снесла бы прямо барынѣ.

Федоръ Ивановичъ. На письменномъ столѣ подъ малымъ малахитовымъ преспапье.

Таня. Такъ я сбѣгаю. (Уходить.)

ЯВЛЕНІЕ VI

Федоръ Ивановичъ одинъ.

[Федоръ Ивановичъ] (садится въ кресло). Только привычка одна. А то другой разъ сильно сомнѣнье беретъ. Въдъ тутъ разсудку ничего нѣтъ, а одна глупость. Положимъ, все благородно, да ужъ очень легкокъ разсудкомъ. Я понимаю, что суевѣрїя (еще Вольтеръ нападалъ), суевѣрїя низкія, какъ у насъ домовые, порчи – все это вздоръ. А другой разъ подумаешь, у образованныхъ тоже. Ну что тутъ? Въдъ я разъ присутствовалъ. Ничего нѣтъ, фокусы одни. А ужъ эти съ Семеномъ и не поймешь что. Не субреточка ли наша затѣваетъ что? Должно, она. Ну, Богъ съ ней! (Надѣваетъ рiпсе-пез и разсматриваетъ альбомъ.) Это являющійся духъ – обманъ. Вонъ Турка.

ЯВЛЕНІЕ VII

Леонидъ Федоровичъ. Что, готово?

Федоръ Ивановичъ (встаетъ неторопясь). Готово. (Улыбается.) Только не знаю, какъ бы вашъ новый медіумъ не скомпрометировалъ бы васъ, Леонидъ Федоровичъ.

Леонидъ Федоровичъ. Нѣтъ, я пробовалъ. Удивительный! Я послалъ за нимъ, онъ сейчасъ придетъ.

Федоръ Ивановичъ. Чистъ ли онъ? Вы вотъ не позаботились руки велѣть вы[мыть].

Леонидъ Федоровичъ. Ахъ да, это правда.

Федоръ Ивановичъ. А я велѣлъ.

Леонидъ Федоровичъ. Ну, и прекрасно. Да вотъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII

Семень. (Руки растопырены, въ поддѣвкѣ, улыбается.) Чего прикажете?

Леонидъ Федоровичъ. Ничего пока. Покажи руки. Такъ вотъ, дружокъ, ты только отдавайся своему чувству, хочется спать – спи, хочется ходить – ходи. Понимаешь?

Семень. Это можно. Очень просто. Я и такъ ничего не дѣлаю.

Леонидъ Федоровичъ. А ты не смущайся ничѣмъ. А то ты самъ можешь удивиться. Ты пойми, что какъ мы живемъ, такъ невидимый міръ духовъ тутъ же живетъ.

Федоръ Ивановичъ (поправляя). Незримыя существа. Понимаешь?

Семень (смеется). Какъ не понять? Какъ вы сказывали, такъ это очень просто.

Леонидъ Федоровичъ. Ну, такъ я пойду позову всѣхъ. Все готово?

Федоръ Ивановичъ. Кажется, все.

Леонидъ Федоровичъ. А грифельныя доски?

Федоръ Иванычъ. Внизу, сейчасъ принесу.

Леонидъ Федоровичъ. Ну такъ хорошо, я иду звать. Такъ не робѣй, Семень.

(Уходить Федоръ Иванычъ, потомъ Леонидъ Федоровичъ.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Семень. Робѣть то не сробѣю, а только бы Таня на глаза не показывалась. (Хохочеть.) Да, какъ бишь она говорила? (Загибаетъ палецъ.) Перво на перво свѣтъ пускать, ну это она намажетъ; другое дѣло зубами трещать, такъ вотъ. (Трещить.) Третье (загибаетъ) за ниточки тащить; четвертое (загибаетъ) ворочать ихъ, нажимать, значить.

ЯВЛЕНИЕ X

Таня входитъ. Семень хохочеть.

Таня. Ну тебя! Вотъ спички, наклей. (Наклеиваетъ на руки.)

Семень (хохочеть). Помню.

[Таня.] Видишь, вотъ ниточку я привяжу. А вотъ бумага, я ее шваркну на столъ съ книжкой, а ты нажимай и все жми, все жми, пока не станутъ спрашивать. А станутъ спрашивать, ужъ я стучать буду. Главное дѣло, помни, когда я въ колокольчикъ позвоню, да зачинай возить вотъ такъ руками и дави кого попало смѣлуй.

Семень. Засмѣюсь.

Таня. Смотри, все дѣло испортишь. А то и смѣйся, они и тому повѣрятъ. Идутъ. Ну, помни. (Снимаетъ ботинки и лѣзетъ подъ диванъ.)

ЯВЛЕНИЕ XI

Входятъ Шпюлеръ, профессоръ, Леонидъ Федоровичъ, Петровъ, толстая барыня, Барыня, Бетси, Самаринъ и еще гости, мужчины и дамы.

Леонидъ Федоровичъ. Ну съ, кто съ нами остается, милости просимъ. Всѣ невѣрующіе, я нынче жду очень знаменательныхъ проявленій.

Барыня. А я, напротивъ, боюсь, что ничего не выйдетъ и что будетъ скучно.

Толстая барыня. Вы остаетесь?

Барыня. О нѣтъ, я никогда. Леонидъ дѣлаетъ какъ онъ хочетъ. Я не принимаю никогда участія, даже и съ профессиональнымъ медиумомъ. *Cela me donne sur les nerfs.* [208]

Самаринъ. Что же, вы не вѣрите? Жены всегда не вѣрятъ дѣлу своихъ мужей.

Барыня. *Cela ne m'intéresse guère, voilà tout.* [209]

Леонидъ Федоровичъ. Такъ, господа, кто да кто остается?

Толстая барыня. Я вамъ не помѣшаю. Но одно, что я боюсь. На меня такъ страшно дѣйствуетъ. Я, когда еще была не замужемъ, видѣла сонъ. Сны бываютъ такіе странные, что вы не знаете, когда начинается и когда кончается. Утверждаютъ, что тутъ причина натуральная. Но нынче ужъ все отрицаютъ. И почему же, когда мы видимъ такія явленія, какъ привидѣнье... Въ Садовой, вы слышали, каждый вечеръ. Братъ моего мужа... какъ это называется? *beau frère*? Славянофилы любятъ это называть особенно – не шуринъ, но я никакъ не могу запомнить, – такъ...

Барыня. *Pardon. Vous restez?* [210] А мы, господа, пойдете лучше ко мнѣ. Мы побесѣдуемъ или *Sophie* намъ попоетъ. Не правда ли. Это вамъ не помѣшаетъ. Ну. я иду.

Самаринъ, Шпюлеръ, Профессоръ, Толстая барыня. Мы остаемся.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Петровъ. А вы какъ? (къ Бетси.) Посмотрите (на Семена), comme il est à son
aise. [211]

Бетси. Да, очень хорошъ. Теперь папа съ нимъ не разстанется.

Петровъ. Останемтесь.

Бетси. Да вы будете дурачиться.

Петровъ. Въдь вы этаго и хотите.

Бетси. Ничуть.

Петровъ. Ну, честное слово, буду какъ мертвецъ. Мнѣ тоже интересно. Я, разумѣется, не вѣрю.

Бетси. Нѣтъ, пойдите в secretaire. [212]

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ [XII.]

Леонидъ Ѳедоровичъ. Садитесь. Садись, садись, Семень.

Семень. Да совѣстно.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Садись. (Всѣ садятся, на первое мѣсто садится Семень.)
Викторъ Алексѣевичъ, вы усыпите?

Профессоръ. Нѣтъ, зачѣмъ же я, когда Трифонъ Никифоровичъ тутъ? У него гораздо
больше силы. Трифонъ Никифоровичъ!

Шпюлеръ. Это можно. Только бы желательно для невѣрующихъ объяснить, что именно
мы дѣлаемъ и по какимъ законамъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ (къ Профессору). Вы объясните вкратцѣ.

Профессоръ. Хорошо.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Господа! вотъ вы, П. Ѳ., для того чтобы имѣть ясное понятіе
о томъ, что дѣлается, не думайте, что тутъ чудеса. Викторъ Алексѣевичъ, скажите.

Профессоръ (вставая и обращаясь къ Толстой барынь; сначала стоитъ, потомъ
садится). Господа! явленіе, которое мы, такъ сказать, изслѣдуемъ, считается
нѣкоторыми новымъ, но оно старо, старо какъ міръ, или точнѣе – какъ
человѣчество. Явленіе это есть общеніе съ міромъ невидимымъ въ общеніи, какомъ
бы то ни было, есть два, всегда по крайней мѣрѣ 2 фактора. Въ данномъ случаѣ ихъ
въ общемъ два: міръ человѣческой, нашъ, плотскій, и міръ невидимый, духовный. Въ
общеніи этомъ наше воздѣйствіе на духовъ невидимо – невидимо дѣйствіе
производимое на нихъ, хотя бы и видимы были наши манипуляціи, такъ сказать; ихъ
же духовное, такъ сказать, воздѣйствіе на насъ видимъ ошутительно, хотя не
видимы ихъ манипуляціи, если таковыя производятся ими. Видимость эта всегда
была, всегда мы чувствовали вліяніе ихъ. Но до послѣдняго времени были
неизвѣстны, такъ сказать, манипуляціи, которыми можетъ быть вызвано ихъ
воздѣйствіе.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Сократите.

(Семень глядитъ на Таню и фыркаетъ.)

Профессоръ. Да, до послѣдняго времени стало извѣстно, что духи общаются съ нами
черезъ избранныхъ людей при условіи изъятія, такъ сказать, этихъ людей изъ
условій міра.

Петровъ. Я засну прежде всѣхъ.

Бетси. Полноте, молчите.

Профессоръ. Выведенные изъ условій міра исключительныя натуры – медиумы, имѣютъ

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle свойства вызывать души живших людей и общаться с ними. Души эти сходятъ сюда, проявляютъ себя и иногда входятъ въ условія этой жизни, иногда же отказываются.

Самаринъ. Позвольте спросить, почему же отказываются?

Профессоръ. Причинъ бываетъ много. Нѣкоторыя уже, такъ сказать, извѣстны намъ, а именно несимпатичность среды и частные случаи.

Самаринъ. Какіе же?

Профессоръ. Отсутствіе въ данный моментъ, т. е., такъ сказать, присутствіе въ другомъ мѣстѣ. Иногда же, какъ это было прошлый разъ, возвращеніе въ жизнь: души, бесѣдовавшіе съ нами, прекратили свои сообщенія потому, какъ они объявили намъ, что они вновь рожали[съ] къ жизни. Теперь, съ другой стороны..

Леонидъ Ѳедоровичъ. Простите, это ужъ ясно. Всѣ могутъ дѣлать вопросы о томъ, что интересуеть или затрудняетъ.

Профессоръ. Да я только хотѣлъ сказать, что наука нетолько не противурѣчить этимъ даннымъ, но, напротивъ, многосторонне подтверждаетъ ихъ своимъ положеніемъ о переходѣ силъ въ матерію и обратно.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Теперь Трифонъ Никифоровичъ будетъ усыплять.

(Шпюлеръ подходитъ къ Семену и машеть.)

Шпюлеръ. Какъ скоро субъектъ заснетъ, мы потушимъ свѣчи и будемъ ждать проявленій и сообщеній.

Самаринъ. Зачѣмъ же темнота?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Таковы условія сначала, потомъ могутъ проявляться и при свѣчахъ.

(Тишина.)

Шпюлеръ (шопотомъ). Засыпаетъ. Очень чувствителень.

(Семень тянется.)

Леонидъ Ѳедоровичъ (встаетъ). Кажется, заснулъ.

(Тишина. Семень рычитъ и фыркаетъ и опять тянется.)

Леонидъ Ѳедоровичъ. Заснулъ. (Тушитъ свѣчи. Таня встаетъ, становится на диванъ и достаетъ ниточку, привязанную къ бра. Семень лижетъ палець, мажетъ косточки, махаетъ ими, светится и рычитъ)

Толстая барыня. Ахъ, это ужасно! Я видѣла. Вы видѣли?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Это только начинается. Это свѣтъ. И свѣтовья явленія похожи на Николаевы.

Самаринъ. Что Николаевы?

Профессоръ. Николай, монахъ, чехъ 15-го вѣка. Онъ часто сообщался съ нами. Но можно узнать. Я спрошу.

Самаринъ. Какже онъ отвѣтитъ?

Профессоръ. А стуками. Утвердительный стукъ – два. (Особеннымъ голосомъ.) Ты здѣсь?

(Таня стучитъ о стену.)

Толстая барыня. Я уйду... А хочется присутствовать.

Самаринъ. Ради Бога, не мѣшайте.

Профессоръ. Знакомый нашъ. (Два стука.) Николай чехъ. (Две пары стуковъ.) Вы видите, онъ. (Летятъ на столъ карандашъ, перо, утиралка перьевъ, и гитара звѣнитъ.)

Леонидъ Ѳедоровичъ. О, какое сильное проявленіе.

Самаринъ. Позвольте, позвольте, надо изслѣдовать.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Вы думаете, что онъ? Сядьте подлѣ, держите. Но будьте увѣрены, онъ спитъ.

Самаринъ (подходить, задѣваетъ головой за нитку, которую Таня спускаетъ, и испуганно нагибается). Даа... (Подходить, беретъ за локоть Семена. Семень рычитъ.)

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ему тяжело. Чѣмъ сильнѣе проявленія, тѣмъ больше тяготится медіумъ. Что, онъ не шевелится?

Самаринъ. Нѣтъ, только тяжело дышитъ.

Толстая барыня. Позвольте. Я думаю, что это невозможно. Тутъ какое нибудь...

(Таня проводитъ ниткой ей по головѣ.)

Толстая барыня. Ай!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Что, что?

Толстая барыня. Онъ меня за волосы взялъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Это ничего; онъ прямо рукой беретъ. Холодно?

Толстая барыня. Ай, не надо.

Профессоръ. Одно несомнѣнно, что онъ теперь здѣсь съ нами и въ добромъ и бодромъ, такъ сказать, состояніи, и поэтому я совѣтую сколь возможно воспользоваться его присутствіемъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Кто хочетъ спросить что нибудь?

Самаринъ. Позвольте, я спрошу. Вы говорите, надо вопросы, на которые только да или нѣтъ?

Профессоръ. Не иначе.

Самаринъ. Вѣрю я или нѣтъ? (Два стука.)

Профессоръ. Значить, вѣрите.

Самаринъ. Позвольте, я спрошу. Есть у меня въ карманъ 10 р. бумажка? (6 стуковъ, и нитка проходитъ по голове и цепляется за ухо.)

Самаринъ. Ахъ! (Хватаетъ за нитку и обрываетъ.)

Профессоръ. Ему непріятны пустые, скептическіе, такъ сказать, вопросы.

Самаринъ. Нѣтъ, позвольте, у меня въ рукахъ нитка.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Это часто бываетъ, нетолько нитка, но шелковые шнурки, самые древніе.

Самаринъ. Нѣтъ, позвольте свѣтъ. Тутъ что нибудь. (Въ него летитъ подушка.)

Профессоръ. Вы держите то, что имѣете въ рукъ, не нарушайте сообщеній, которыя могутъ быть интересны.

Толстая барыня. Да, пожалуйста, не зажигайте и продолжайте.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe Самаринъ (ощупывая и разглядывая). Нитка. (Убирает свой конец и переходит на другую сторону.)

Профессоръ. Господа, не надо злоупотреблять и утруждать, такъ сказать, нашего духовнаго посьтителя. Проявленія были. Присутствіе его извѣстно, и потому я предлагаю, какъ обыкновенно, такъ сказать, дѣлается послѣ того какъ онъ исполнилъ наши желанія, предоставить ему выразить свои желанія относительно, такъ сказать, нашей дѣятельности.

Самаринъ. Какже онъ выскажетъ?

Профессоръ. Желанія свои духъ обыкновенно высказываетъ черезъ медиума, иногда движеніями, иногда даже прямо слова. Медиумъ говоритъ, находясь въ ясновидящемъ состояніи. Такъ согласны?

Всѣ. Согласны!

Профессоръ. Просимъ тебя, Николай, если ты еще здѣсь, выразить теперь свои желанія. Согласенъ ты?

(Два стука, и Таня звонитъ въ колокольчикъ. Семень начинаетъ рычать и разводитъ руками и давить Профессора и Самарина.)

Профессоръ. Онъ чего то требуетъ, настоятельно требуетъ.

Самаринъ (вырывается). Нѣтъ, это невозможно!

Профессоръ. Смотрите за проявленіями теперь.

(Летитъ мужицкая бумага на столъ.)

Леонидъ Ѳедоровичъ. Это бумага какая то. (Летитъ дорожная чернильница.) Чернильница! (Летитъ перо.) Перо!

Профессоръ. Онъ, вѣрно, хочетъ написать. Откройте чернильницу и положите на бумагу перо. Вѣроятно, оно напишетъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ. Но чего то требуетъ, опредѣленнаго требуетъ.

(Колокольчикъ звонитъ. Семень рычитъ и давить. Таня заходитъ сзади Леонида Ѳедоровича и бьетъ его по головѣ гитарой и кидаетъ ее на диванъ.)

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ахъ! проявленія всѣ на меня. Отъ меня чего то требуетъ.

Профессоръ. Онъ страшно корчится, душитъ меня, узнайте его, такъ сказать, требованія скорѣй.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Не могу понять, какая это бумага.

Профессоръ. Выдѣте, посмотрите скорѣй, такъ сказать. Онъ торопить.

(Таня звонитъ. Семень рычитъ.)

Леонидъ Ѳедоровичъ (выходитъ въ дверь и тотчасъ же возвращается). Необычайно! Бумага, которая была у меня въ кабинетъ. Это договоръ съ крестьянами, Онъ хочетъ, чтобъ я подписалъ его. Такъ и есть, утромъ сообщеніе было неопредѣленное.

Профессоръ. Это самое. Медиумъ успокоился.

Самаринъ. Такъ онъ требуетъ, чтобы вы продали землю мужикамъ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да, да. Да можно спросить. Спросите, Викторъ Алексѣевичъ.

Профессоръ. Ты хочешь, чтобы подписана была бумага?

(Стукъ усиленный. Леонидъ Ѳедоровичъ беретъ перо и выходитъ.)

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Толстая барыня. Необыкновенно!

Профессоръ. Онъ успокоился. Тутъ ли онъ? Ты здѣсь?

(Стукъ, стукъ.)

Леонидъ Ѳедоровичъ (возвращается). Спросите, то ли я сдѣлалъ?

Профессоръ. Николай, то-ли ты желалъ?

(Два стука, и потомъ начинается звонъ колокольчиковъ, гитары и гармоніи. Таня, произведя это, лѣзетъ подъ диванъ.)

Профессоръ. Обычное его прощаніе.

(Семень потягивается и прокашливается.)

Профессоръ. Можно зажечь свѣчу.

Самаринъ (зажигаетъ). Да, необычайно!

Толстая барыня. Да, теперь нѣтъ сомнѣнья, удивительно.

Самаринъ. Однако нитка – вотъ она.

Профессоръ. Ну чтожъ нитка? Могла быть и нитка. Она, такъ сказать, орудіе, движимое тѣмъ же духомъ.

(Семень встаетъ и улыбается.)

Толстая барыня. Ты чтожъ чувствовалъ?

Семень (смѣется). Не могу знать. (Уходитъ.)

Леонидъ Ѳедоровичъ. Онъ ничего не можетъ помнить.

Профессоръ. Онъ безсознательное орудіе.

(Всѣ выходятъ, разговаривая.)

Таня (вылѣзаетъ, смѣется). Вотъ глупы-то!

Григорій (всходитъ). Такъ ты вотъ какъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ IV

ЯВЛЕНІЕ I

Передняя перваго дѣйствія и буфетъ. Въ буфетъ экономка и буфетчикъ приготавливаютъ. 3 лакея сидятъ съ шубами. Григорій и Ѳедоръ Ивановычъ.

1-й лакей. Нынче къ вамъ къ третьимъ. Спасибо, въ одной сторонѣ пріемные дни. У васъ прежде по четвергамъ было.

Ѳедоръ Ивановычъ. Затѣмъ перемѣнили на субботу, чтобъ за одно: у Головкиныхъ, у Граде фонъ Грабе.

1-й лакей. У Щербаковыхъ, по крайней мѣрѣ, лакеямъ угощенье. Это какіе же мужики пришли?

Ѳедоръ Ивановычъ. А изъ нашей деревни. Вчера имъ баринъ продалъ черезъ банкъ землю, такъ подписываютъ бумагу.

2-й лакей. Чтожъ рады?

Ѳедоръ Ивановычъ. Да какже не рады? Совсѣмъ было разошлось вчера дѣло, да въ сеансъ согласились подписать.

1-й лакей. Чудно это у васъ. Я полагаю, что грѣхъ это.

Федоръ Ивановичъ. Какъ сказать.

ЯВЛЕНИЕ II

Сверху сходить Бетси, провожая Княгиню съ Княжной. Княгиня глядитъ въ книжечку, на часы и садится на ларь, лакей надѣваетъ калоши.

Княжна. А Кисленскаго еще нѣтъ?

Бетси. Но это не минуетъ. Такъ надоѣлъ. Я истинно боюсь.

Княжна. Ну что же, не дѣлалъ предложеніе?

Бетси. Les gens!.. [213] Но я вижу, что надо будетъ пройти черезъ это.

Княжна. Да, ты – партія.

Бетси. Вотъ это то и ужасно. И потому это преслѣдованіе даже противно.

Княжна (садится, ей натягиваетъ Григорій ботики). Такъ до вечера.

Княгиня. Такъ скажите папа, что я ничему не вѣрю, но пріѣду посмотрѣть его новаго медиума. Чтобъ онъ далъ знать. (Уходятъ, Бетси на верхъ.)

ЯВЛЕНИЕ III

Григорій. Молоденькую всетаки пріятно обувать, да и живо, она сама попадетъ въ полусапожекъ, а вотъ какъ княгиня: не перегнется отъ живота, не видитъ, тычетъ мимо.

2-й лакей (смѣется). Тоже разбираетъ!

Григорій. Нельзя. А какъ началъ обувать, она сейчасъ «лежанъ».

1-й лакей. А это чтожъ?

Григорій. При лакеяхъ, значить, не говори. За объдомъ тоже какъ начнутъ про пакости какія говорить, сейчасъ «лежанъ», скверная должность.

2-й лакей. Скверная ли, не скверная, кормиться надо. Даромъ намъ съ тобой 20 рублей не дадутъ въ мѣсяць. А вотъ посижу.

Григорій. Житье! Пожилъ бы хоть мѣсяць по ихнему. (Уходитъ.)

2-й лакей (съ бакенбардами). А смѣлый этотъ у васъ молодой человекъ.

Федоръ Ивановичъ. Пустой малый. Неспособенъ къ службѣ, въ телеграфистахъ былъ, набаловался полубариномъ, а теперь нужда пришла.

2-й лакей (съ бакенбардами). Я бы его къ нашему графу. Онъ его бы поставилъ въ точку. Охъ, не любитъ этакихъ вертуновъ. Лакей, такъ будь лакей. Званье свое оправдай. А эта гордость не пристала.

ЯВЛЕНИЕ [IV.]

Съверху сбѣгаетъ офицеръ и достаетъ папироску, навстрѣчу входитъ Кисленскій. [214]

Офицеръ. У Головкиныхъ были?

Кисленскій. Былъ. Ну кто здѣсь?

Офицеръ. Ну все тоже: ист., [2 неразобр.]. (Смѣются).

Кисленскій. Чтожъ вчерашній сеансъ?

Офицеръ. Ну, разумѣется, удалось. Папаша съ духами, мамаша съ микробами, дочка съ... Ну!

Кисленскій. А Василій тутъ?

Офицеръ. Нѣтъ, уѣхалъ доставать денегъ.

Кисленскій. Вотъ дуракъ-то. Я глупѣй и не видывалъ.

Офицеръ. Но зато сестрица!

Кисленскій. Сестрица хороша бы бы[ла], кабы не ловила. Я отъ этаго не ѣзжу сюда, что ужъ слишкомъ явно. Такъ и жду, что, помилуй Богъ, скажешь что-нибудь, сейчасъ съ образомъ. (Хохочетъ.)

ЯВЛЕНИЕ [V.]

Бетси сходить, провожая даму. Кисленскій кланяется головой.

Бетси (трясетъ руку бокомъ). Чтожъ вы вчера не были?

Кисленскій. Не успѣлъ, за то теперь.

Бетси. Очень смѣшно было вчера, вы бы посмотрѣли. Мы пришли было въ темноту, но потомъ...

Кисленскій. Какъ жалко, что я не былъ.

(Идутъ наверхъ, дама уѣзжаетъ.)

Буфетчикъ Яковъ (изъ буфета съ подносомъ, крендель, булка, запыхавшись идетъ на лѣстницу). Замучался, хоть бы Григорій Ивановичъ пособилъ. (Уходитъ.)

(Входитъ въ переднюю Василій Леонидычъ.)

[Василій Леонидычъ.] Кто здѣсь?

Федоръ Ивановичъ. Да много было. Теперь Торбѣевъ, Лычева, Кобылинъ, Кисленскій здѣсь.

Василій Леонидычъ. Терпѣть не могу этаго болвана, не пойду. (Ворочается назадъ.)

3-й Лакей. Который же болванъ то? Этотъ этаго дуракомъ назвалъ, а этотъ того. По дѣлу выходятъ оба.

Въ буфетъ Таня (къ экономкѣ). Авдотья Васильевна, какъ мнѣ доложить барынѣ?

Экономка. Чего доложить?

Таня. Да вотъ Семеновъ отецъ пріѣхалъ, онъ меня беретъ.

Яковъ (вбѣгаетъ). [1 неразбор.] зачѣмъ нѣтъ?

Экономка. Я говорила, возьми. (Яковъ убѣгаетъ.) Нашла время, видишь, только успѣй управиться.

Таня. Да вѣдь это неугомонная возня. Вы сами знаете, а вѣдь мое дѣло на вѣкъ. Вы, голубушка, милая, вы выберете времячко, скажите.

Экономка. Да развѣ Семень уходитъ?

Таня. Да какъ же, теперь, слава Богу, мужичкамъ баринъ подписали бумагу, онъ его беретъ. И говорилъ, на красную горку и сватъба. А я бы къ маменькѣ поѣхала да къ крестной. Вы, голубушка, скажите.

Экономка. Хорошо, хорошо.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
(Вбѣгаетъ Яковъ.)

[Яковъ.] Самовара нѣтъ.

Экономка. Я пойду скажу.

(Выходить. Яковъ убѣгаетъ наверхъ съ апельсинами.)

ЯВЛЕНІЕ

Таня одна.

[Таня.] Только бы уѣхать скорѣй, а то Богъ ихъ знаетъ что.

(Григорій входитъ, зажигая папиросу.)

[Григорій.] А, милѣйшая дѣвица! (Хочетъ обнять.)

Таня. Говорила, бросьте вы эти манеры, совсѣмъ не къ лицу. А то я васъ знаете какъ.

Григорій. Ну ужъ теперь не уйдешь отъ меня. Вчера то зачѣмъ изъ подъ дивана лѣзла? Что, какъ скажу? Ну право, маточка, ты не какетничай, а полюби. Поцѣлуй. (Хватаетъ ее.)

Таня. Говорю, брось.

Григорій. А скажу.

Таня. Ну и говори.

(Григорій схватываетъ. Она кричитъ. Входитъ Семень съ самоваромъ.)

Таня. Сема, прогони ты его.

(Семень ставитъ на полъ самоваръ и начинаетъ разводить руками, прижимая Григоріа къ стѣнѣ.)

Григорій. Ну, ну, ты, мужикъ!

Семень. Мужикъ то, мужикъ, да вѣдь находить на меня спиритическая сила, видишь, не могу.

Григорій. Брось, я говорю, свинья.

Семень. Нашла сила. Вотъ сдержатъ не могу. Вотъ! (Бьетъ подъ бокъ Григоріа.) Вотъ!

Григорій. Ахъ ты мерзавецъ! Вотъ сейчасъ все расскажу. (Вырывается и выходитъ въ переднюю.)

ЯВЛЕНІЕ...

Барыня провожаетъ старую графиню съ фальшивыми волосами, зубами.

Барыня. Sans doute. Je suis vraiment touchée. Prenez garde.[215] (Графиню одѣваютъ.)

Барыня (къ Григорію). Что это такое? Что это за шумъ?

Григорій. Не могу жить отъ этаго мужика грубаго.

Барыня. Что такое? Погодите. (Провожаетъ графиню.) Merci, mille fois.[216] (Уходитъ графиня съ лакеемъ.) Что такое?

Григорій. Я хоть въ должности лакея временно, но я имѣю свою гордость и не позволю всякому мужику меня толкать.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Барыня. Да что такое?

Григорій. Семень, нашъ новый спирить, набрался храбрости, что онъ съ господами сидѣль, сталь меня толкать.

Барыня. Зачѣмъ?

Григорій. А Богъ его знаетъ.

Федоръ Ивановичъ. Надо вамъ доложить, что Семень имѣетъ чувство къ Танѣ, а Григорій, чтожъ, правду надо сказать, обращается нехорошо съ ней, вотъ Семень и обидѣлся.

Григорій. Совсѣмъ нѣтъ. Это из за злобы, что я ихъ плутовство вывелъ наружу.

Барыня. Какое плутовство?

Григорій. А съ духами. Всѣ вчерашнія штуки не Семень, а Татьяна дѣлала. Я самъ видѣль, какъ она изъ подъ дивана лѣзла.

Барыня. Вы видѣли?

Григорій. Честное слово могу дать. Она и бумагу принесла и кинула на столъ. Кабы не она, мужикамъ бы землю не продали и не подписали.

Барыня. Вы сами видѣли?

Григорій. Своими глазами. Прикажете позвать ее, она не отопрется.

Барыня. Позовите ее.

ЯВЛЕНІЕ

Мужики выходятъ улыбаясь и кланяясь.

[Мужики.] Вѣкъ будемъ за здравіе, а родителямъ царство небесно. Отецъ!

Леонидъ Федоровичъ. Ну, дай Богъ, дай Богъ.

Барыня. Дайте сюда бумагу. Это обманъ. Я говорила, что не надо продавать. И всѣ вамъ говорили. А васъ обманываютъ, какъ самага глупаго челоуѣка.

Леонидъ Федоровичъ. Какъ, кто? Какой обманъ?

Барыня. Стыдились бы вы. Вы съдой, а какъ мальчишку.

Леонидъ Федоровичъ. Чѣмъ, кто?

Таня (входитъ). Приказывали?

Барыня. Ты вчера подъ диваномъ была въ кабинетъ?

Таня. Я не знаю.

Барыня. Я знаю все, признавайся. Я тебѣ ничего не сдѣлаю. Мнѣ только хочется этаго... уличить. Ты принесла бумагу и кинула на столъ?

Таня. Позвольте мнѣ разсчитать.

Барыня (къ Леониду Федоровичу). Вотъ видите. Васъ дурачатъ.

3-й мужикъ. Пойдемъ пока что.

ЯВЛЕНІЕ

Профессоръ. Что это?

Барыня. А то, что и васъ и мужа дурачить дѣвочка, а вы вѣрите. Вчера никакихъ

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
явленій не было, а эта дѣвушка въ темнотѣ васъ дурачила.

Профессоръ. Это знакомое явленіе. Духи часто не желаютъ быть узнаваемы и возбуждаютъ людей дѣлать, какъ будто есть обманъ. Но обмана нѣтъ, есть только самое яркое подтвержденіе.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Вотъ и я говорю.

Барыня. Вы дуракъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну, я уйду.

Барыня. И уходите. Позовите Семена.

Семень. Да я здѣсь былъ, я слышалъ. Прикажите расчесть дать.

Барыня. Нѣтъ, я не могу. (Сходятъ гости.) А, вы ужъ ѣдете? Тутъ случилась непріятность. Ѳедоръ Иванычъ! пожалуйста, чтобъ лишняго народа здѣсь не было.

Ѳедоръ Иванычъ. Вы ступайте, земляки, да благодарите Таню, не забудьте ее. Быть бы вамъ безъ земли, кабы не она.

2-й мужикъ. Да что говорить. Сношка 1-й сортъ. Спасибо ей.

3-й мужикъ. Вѣкъ не забудемъ. Пойдемъ.

Ѳедоръ Иванычъ. Идите. А тутъ пошумятъ, пошумятъ, да и отпустятъ вашихъ молодыхъ. Они вмѣстѣ къ вамъ и пріѣдутъ.

(Всѣ уходятъ.)

Таня. Отчего, Ѳедоръ Иванычъ, господа такъ учены, а ужасно какъ и глупы и задорны? Вѣдь мужики вотъ и неучены, а лучше.

Ѳедоръ Иванычъ. Много ты понимаешь!

Занавѣсъ.

[ВАРИАНТЫ К «ПЛОДАМ ПРОСВЕЩЕНИЯ»]

* № 1

Входитъ Василій Леонидычъ, раскланивается съ мужиками, курить.

[Василій Леонидычъ.] Здравствуй, папа. Что, можно взять лошадь? Я бы поѣхалъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Куда?

Василій Леонидычъ. Да самъ не знаю, куда нибудь бы поѣхалъ, а то скука.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да ты бы съ сестрой поѣхалъ.

Василій Леонидычъ. Ну, благодарю покорно. Это умереть отъ скуки. Что это, зачѣмъ мужики?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Объ землѣ. Вотъ самъ бы ты занялся, я бы не продалъ.

Василій Леонидычъ. Ну какъ вамъ не скучно все одно и то же? Ну что тамъ заниматься, собирать деньги? Это всякій можетъ. (Зѣваетъ.) Пойти къ мама. Ахъ да, папа, дай мнѣ денегъ, сколько [...]

Леонидъ Ѳедоровичъ (уходитъ). Опять! Не могу я тебѣ давать безпредѣльно.

Василій Леонидычъ. Ну Богъ съ ними и съ вами. (Мужикамъ.) Вы давайте побольше денегъ.

1-й Мужикъ. Да только бы намъ распространиться.

Василій Леонидычъ. Распространиться! Гмъ! (Видитъ Таню въ дверяхъ.) Тантантаничка! А, и ты тутъ! (Хочетъ ущипнуть ее. Она отстраняется.) Одинъ

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e
человѣкъ не скучный, и тотъ бѣгаетъ отъ меня. Вотъ тоска то! (Идетъ навѣрхъ.)

* № 2

ДѢЙСТВІЕ II

1 СЦЕНА

Сцена представляет просторную людскую. Три мужика сидятъ въ рубахахъ, одинъ, 3-й мужикъ, въ полушубкѣ, и пьютъ чай. Кухарка, облокотясь на столъ, слушаетъ. Семень стоитъ улыбаясь.

Кухарка. Что жъ, я чай, Настасья то скучала безъ сына то?

2-й Мужикъ. Какъ не скучать, 3-го сына берутъ. Липать отбился отъ рукъ, а этаго только на ноги поставила, взяли.

Кухарка. Далеко загнали?

2-й Мужикъ. Въ Польшу куды то. Писаль оттелева.

Кухарка. А сноха при ней?

2-й Мужикъ. Марѣутка то? Пока живеть съ ней, и то говорю: не спускай, говорю, кума, со двора. А то сынъ придетъ, не съ кѣмъ жить будетъ.

Кухарка. Какъ можно. Хоть мое дѣло – шляюсь по людямъ. Ну хорошо еще – прибилась сюда. Все жить можно.

1-й Мужикъ. Да ужъ что говорить. Солдатское житье извѣстное.

Кухарка. Кушайте. (Наливаетъ.)

3-й Мужикъ (перевертываетъ чашку). Спать ужъ и время, я чай. Мы какъ бы не того.

Кухарка. Э, спать! У нихъ теперь самая гульба пойдеть.

Семень. Еще самовары не ставили?

(Входитъ Таня.)

[Таня.] Что, водицы разжиться можно?

Кухарка. Мало у васъ своихъ самоваровъ?

Таня. Да только чашку, крахмаль заварить

Кухарка. Ну, чашку бери.

Таня (завариваетъ, взглядывая на мужиковъ, краснѣеть). А я уговоръ не забыла.

1-й Мужикъ. Да, ужъ изхитрайся, а мы сказали, міромъ тебя не забудемъ.

3-й Мужикъ. Ужъ какъ есть.

2-й Мужикъ. И чего, кажись, упираться ему? Добро бы хозяйствовалъ, а то вѣдь на глазахъ все терню[?] идетъ. Прикашики пользуются, да и то не какъ надо. А такъ дуромъ, а тутъ денежки.

Таня (отходитъ и шопотомъ Семену). Просись сейчасъ жениться, а коли что говорить стануть, скажи Ивана Ефимыча чтобы обо мнѣ спросиль.

Семень. Да какже при народѣ?

Таня. Эка, развѣ плохое что? Говорю, дѣлай.

* № 3

ЯВЛЕНІЕ № 3

Входитъ Сахаринъ и вслѣдъ за нимъ Докторъ.

Сахаринъ. Дома?

Григорій. Сейчас доложу. (Уходит.)

(Таня возится около шубки.)

Сахарит. А, докторъ! Мое почтенье.

Докторъ (съ трудомъ узнавая). Мое почтенье. Да, да, вѣдь вы, кажется, въ деревнѣ живете.

Сахаринъ. Да вотъ пріѣхалъ на нѣсколько дней и хочу изслѣдовать занимающій меня вопросъ.

Докторъ. А! О спиритизмъ! Ну, ужъ лучше нигдѣ не изслѣдуете, какъ здѣсь, у Леонида Ѳедоровича.

Сахаринъ. Я слышалъ, у нихъ замѣчательный медиумъ, такъ вотъ хочу самъ видѣть. (Докторъ дѣлаетъ насмѣшливую гримасу.) Вы, я вижу, не вѣрите.

Докторъ. Отрицать положительно нѣтъ, такъ сказать, основаній, но не думаю, чтобы Леонидъ Ѳедоровичъ могъ обставить явленія вполне научно для изслѣдованій.

Сахаринъ. Ну, все равно, посмотрю. А вы что? Или боленъ ктонибудь?

Докторъ. Не то чтобы боленъ, но нѣкоторыя осложненія, такъ сказать, въ состояніи Анны Павловны. Ну, я руковожу, такъ сказать. (Къ Тань.) Встали?

Таня. Въ спальнѣ. Да вы пожалуйста.

(Ѳедоръ Ивановъ и Григорій выходятъ.)

Ѳедоръ Ивановъ. Пожалуйста, просятъ. Григорій, проводите.

(Сахаринъ и Докторъ раскланиваются и расходятся въ разныя стороны.)

* № 4

ЯВЛЕНІЕ [4-е.]

Григорій (къ Тань). Такъ какъ же быть то? А? Ты пойми, что Семень и что я. Я ничего для тебя не пожалю. (Опять приступаетъ къ ней и обнимаетъ одной рукой.)

Таня. Кто въ этомъ нуждается, тому это говорите. А я вами не нуждаюсь, вотъ и все. Оставьте, Христа ради. И что это, право, ей Богу? Вотъ я, право, Ѳедору Иванову скажу.

ЯВЛЕНІЕ [5-е].

Входитъ Ѳедоръ Ивановъ, камердинеръ, сытый, бритый, въ пинсъ-не и съ газетой въ рукахъ.

Ѳедоръ Ивановъ. Что это сказать хочешь? А?

Таня. Да вотъ отъ Григорія Михайлыча прохода нѣтъ.

Ѳедоръ Ивановъ. Напрасно вы, Григорій, позволяете себѣ вольности. Шутить хорошо съ тѣмъ, кто принимаетъ ваши шутки.

Григорій. Что же это? И пошутить нельзя? Точно монастырь какой!

Ѳедоръ Ивановъ. Монастырь – не монастырь, а нехорошо это, и прошу васъ оставить.

Григорій (про себя). Эка важничаетъ. Право, точно князь какой!..

Ѳедоръ Ивановъ. Что? Ну да васъ не переслушаешь. (Развертываетъ газету.)

(Таня чиститъ шубки, Григорій сидитъ надувшись и достаетъ папиросу.)

* № 5

ЯВЛЕНІЕ 3

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Тъже и Таня входит и становится за портьеру.

Сахатовъ. Ну какже начинается? Какъ вы процедуриуете?

Профессоръ. Очень просто. Прежде всего медіумъ усыпляется. Дѣлаю это я или Шпюлеръ. И медіумъ впадаетъ въ трансъ. Какъ только онъ въ трансъ, такъ начинаются различныя проявленія: свѣтъ, шумъ, предметы летаютъ. Тогда мы знаемъ, что духовныя силы присутствуютъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Иногда просто говорить голось, хватаетъ васъ за руки.

Профессоръ (перебиваетъ). Иногда это можетъ быть, но не всегда.

Сахатовъ. Какже большей частью вы сообщаетесь? Карандашемъ съ блюдечкомъ?

Профессоръ. Иногда съ блюдечкомъ, иногда стуками.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Иногда прямо пишетъ одинъ карандашъ или печатаетъ или телефонируетъ даже.

Профессоръ (перебивая). Приемовъ очень много, но приемъ наиболее употребительный и, по моему мнѣнію, самый научный состоитъ въ томъ, чтобы ставить вопросы, требующіе положительнаго или отрицательнаго отвѣта. Положительные отвѣты выражаются стуками, отрицательные – молчаніемъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. А то просто можно разговаривать. Послѣдній разъ, я помню, я его, Сократа, кажется, поймалъ за руку и просилъ отвѣчать.

Сахатовъ. Какже, по гречески?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Я просилъ переводить.

Профессоръ (вздыхаетъ). Самое обычное общеніе всетаки стуками. Разумѣется, надо привыкнуть. Въдъ и языкамъ говорить мы учились; такъ и здѣсь.

* № 6

ЯВЛЕНІЕ 6

Сахатовъ, Докторъ.

(Входитъ Докторъ, оглядывается, ища лакея.)

Докторъ (увидавъ Сахатова, съ развязностью). А, мое почіене!

Сахатовъ. А! Докторъ.

Докторъ. А я думалъ, что вы за границей. Къ Леониду Ѳедоровичу?

Сахатовъ. А вы что же? Болень развъ кто?

Докторъ (посмѣиваясь). Не то чтобы болень, а знаете, съ этими барынями бѣда. До трехъ часовъ каждый день сидятъ за винтомъ, тянется въ рюмку со своей корпуленціей. А барыня сырая, толстая, ну и разстройство пищеварительныхъ органовъ, давленіе на печень, нервы, ну и пошла писать, а ты ее подправляй, бѣда съ ними. (Посмѣивается.) А вы что? Вы, кажется, спирить тоже?

Сахатовъ (обиженно). Я? (презрительно улыбаясь.) Я не только не спирить, но антиспирить. А слышалъ я, что появился у нихъ новый медіумъ, такъ вотъ хочу посмотрѣть самъ. Я, напротивъ, во всемъ скептикъ. Это одно, что остается въ нашъ вѣкъ. А вы, человекъ науки, какъ относитесь къ медіумизму? Вижу, не вѣрите?

Докторъ. Я? Да никакъ. Мнѣ, батюшка, некогда. Одно, что такой человекъ, какъ Алексій Владимировичъ принимаетъ участіе, какъ хотите, ученый профессоръ, европейская знаменитость, что нибудь да есть. Хотѣлось тоже какъ нибудь посмотрѣть, да все некогда, другое дѣло есть. (Тань) Встали?

Таня. Какже, пожалуйста.

Сахатовъ. Такъ до свиданья.

Докторъ. Мое почтение.

(Сахатовъ и Докторъ расходятся въ разныя стороны.)

* № 7

Бетси. Ну, а чтожь острить! А скажите лучше, вы участвуете въ нашей шарадь?

Петрищевъ. Какже, я участвую въ пляскъ дикарей. Я самый дикій дикарь, до такой степени дикій, что съдаю сырыхъ 2-хъ генераловъ. Но вы, говорятъ, отказываетесь?

Бетси. Нисколько, вотъ и костюмъ готовъ. Вотъ онъ. (Указываетъ на артельщика.) Я не отказываюсь. Отъ кого? Не отъ Казевайсь.

Марья Константиновна. Какъ не отъ Казевайсь?

Петрищевъ. Костюмъ не отъ Казевайсь, а отъ Бурдые. (Хохочуть.)

** ДЬЯВОЛ

«А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

«Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не всё тело твое было ввержено в геенну.

«И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не всё тело твое было ввержено в геенну».

Мф. v, 28, 29, 30.

I

Евгения Иртенева ожидала блестящая карьера. Всё у него было для этого. Прекрасное домашнее воспитание, блестящее окончание курса на юридическом факультете петербургского университета, связи по недавно умершему отцу с самым высшим обществом и даже начало службы в министерстве под покровительством министра. Было и состояние, даже большое состояние, но сомнительное. – Отец жил за границей и в Петербурге, давая по 6 тысяч сыновьям – Евгению и старшему, Андрею, служившему в кавалергардах, и сам проживал с матерью очень много. Только летом он приезжал на 2 месяца в имение, но не занимался хозяйством, предоставляя всё заевшемуся управляющему, тоже не занимавшемуся имением, но к которому он имел полное доверие.

После смерти отца, когда братья стали делиться, оказалось, что долгов было так много, что поверенный по делам советовал даже, оставив за собой имение бабки, которое ценили в 100 тысяч, отказаться от наследства. Но сосед по имению, помещик, имевший дела с стариком Иртеновым, т. е. имевший вексель на него и приехавший для этого в Петербург, говорил, что, несмотря на долги, дела можно поправить и удержать еще большое состояние. Стоило только продать лес, отдельные куски пустоши и удержать главное золотое дно – Семеновское с 4 тысячами десятин чернозема, сахарным заводом и 200 десятин заливных лугов, если посвятить себя этому делу и, поселившись в деревне, умно и расчетливо хозяйничать.

И вот Евгений, съездив весной (отец умер постом) в имения и осмотрев всё, решил выйти в отставку, поселиться с матерью в деревне и заняться хозяйством с тем, чтобы удержать главное имение. С братом, с которым не был особенно дружен, он сделался так. Обязался ему платить ежегодно 4 тысячи или одновременно 80 тысяч, за которые брат отказывался от своей доли наследства.

Так он и сделал и, поселившись с матерью в большом доме, горячо и осторожно вместе с тем взялся за хозяйство.

Обыкновенно думают, что самые обычные консерваторы это старики, а новаторы это молодые люди. Это не совсем справедливо. Самые обычные консерваторы это молодые люди. Молодые люди, которым хочется жить, но которые не думают и не имеют времени подумать о том, как надо жить, и которые поэтому избирают себе за образец ту жизнь, которая была.

Так было и с Евгением. Поселившись теперь в деревне, его мечта и идеал были в том, чтобы воскресить ту форму жизни, которая была не при отце – отец был дурной хозяин, но при деде. И теперь и в доме, и в саду, и в хозяйстве он, разумеется, с изменениями, свойственными времени, старался воскресить общий дух жизни деда – всё на широкую ногу, довольство всех вокруг и порядок и благоустройство, а для того чтоб устроить эту жизнь, дела было очень много: нужно было и удовлетворять требованиям кредиторов и банков и для того продавать земли и отсрочивать платежи, нужно было и добывать деньги, для того чтобы продолжать вести где наймом, где работниками, огромное хозяйство в Семеновском с 4000 десятин запашки и сахарным заводом; нужно было и в доме и в саду делать так, чтобы не пошло было на запущение и упадок.

Работы было много, но и сил было много у Евгения – сил и физических и духовных. Ему было 26 лет, он был среднего роста, сильного сложения с развитыми гимнастикой мускулами, сангвиник с ярким румянцем во всю щеку, с яркими зубами и губами и с негустыми, мягкими и вьющимися волосами. Единственный физический изъян его была близорукость, которую он сам развил себе очками, и теперь уже не мог ходить без пенсне, которое уже прокладывало черточки на верху горбинки его носа. Таков он был физически, духовный же облик его был такой, что чем больше кто знал его, тем больше любил. Мать и всегда любила его больше всех, теперь же, после смерти мужа, сосредоточила на нем не только всю свою нежность, но всю свою жизнь. Но не одна мать так любила его. Товарищи его с гимназии и университета всегда особенно не только любили, но уважали его. На всех посторонних он всегда действовал так же. Нельзя было не верить тому, что он говорил, нельзя было предполагать обман, неправду при таком открытом, честном лице и, главное, глазах.

Вообще вся его личность много помогала ему в его делах. Кредитор, который отказал бы другому, верил ему. Приказчик, староста, мужик, который сделал бы гадость, обманул бы другого, забывал обмануть под приятным впечатлением общения с добрым, простым, и главное, открытым человеком.

Был конец мая. Кое-как Евгений наладил дело в городе об освобождении пустоши от залога, чтобы продать ее купцу, и занял деньги у этого же купца на то, чтобы обновить инвентарь, т. е. лошадей, быков, подводы. И, главное, на то, чтобы начать необходимую постройку хутора. Дело наладилось. Возили лес, плотники уже работали, и навоз возили на 80 подводах, но всё до сих пор висело на ниточке.

II

В середине этих забот случилось обстоятельство хотя и не важное, но в то время помучавшее Евгения. Он жил свою молодость как живут все молодые, здоровые, неженатые люди, т. е. имел сношения с разного рода женщинами. Он был не развратник, но и не был, как он сам себе говорил, монахом. А предавался этому только настолько, насколько это было необходимо для физического здоровья и умственной свободы, как он говорил. Началось это с 16 лет. И до сих пор шло благополучно. Благополучно в том смысле, что он не предался разврату, не увлекся ни разу и не был ни разу болен. Была у него в Петербурге сначала швея, потом она испортилась, и он устроился иначе. И эта сторона была так обеспечена, что не смущала его.

Но вот в деревне он жил второй месяц и решительно не знал, как ему быть. Невольное воздержание начинало действовать на него дурно. Неужели ехать в город из-за этого? И куда? как? Это одно тревожило Евгения Ивановича, а так как он был уверен, что это необходимо и что ему нужно, ему действительно становилось нужно, и он чувствовал, что он не свободен, и что он против воли провожает каждую молодую женщину глазами.

Он считал нехорошим у себя в своей деревне сойтись с женщиной или девкой. Он знал по рассказам, что и отец его и дед в этом отношении совершенно отделились от других помещиков того времени и дома не заводили у себя никогда никаких шашен с крепостными, и решил, что этого он не сделает; но потом, всё более и более чувствуя себя связанным и с ужасом представляя себе то, что с ним может быть в городишке, и сообразив, что теперь не крепостные, он решил, что можно и здесь. Только бы сделать это так, чтобы никто не знал, и не для разврата, а только для здоровья, так говорил он себе. И когда он решил это, ему стало еще спокойнее; говоря с старостой, с мужиками, с столяром, он невольно наводил разговор на женщин и, если разговор заходил о женщинах, то задерживал на этом. На женщин же

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
он приглядывался больше и больше.

III

Но решить дело самому с собой было одно, привести же его в исполнение было другое. Самому подойти к женщине невозможно. К какой? где? Надо через кого-нибудь, но к кому обратиться?

Случилось ему раз зайти напиться в лесную караулку. Сторожем был бывший охотник отца. Евгений Иванович разговорился с ним, и сторож стал рассказывать старинные истории про кутежи на охоте. И Евгению Ивановичу пришло в голову, что хорошо бы было здесь, в караулке или в лесу, устроить это. Он только не знал как, и возьмется ли за это старый Данила. «Может-быть, он ужаснется от такого предложения, и я осрамлюсь, а может, очень просто согласится». Так он думал, слушая рассказы Данилы. Данила рассказывал, как они стояли в отъезжем поле у дьячихи, и как Пряничникову он привел бабу.

«Можно», подумал Евгений.

– Ваш батюшка, царство небесное, этими глупостями не занимался.

«Нельзя», подумал Евгений, но, чтобы исследовать, сказал:

– Как же ты такими делами нехорошими занимался?

– А что же тут худого? И она рада и мой Федор Захарыч довольны-предовольны. Мне рубль. Ведь как же и быть ему-то? Тоже живая кость. Чай вино пьет.

«Да, можно сказать», подумал Евгений и тотчас же приступил.

– А знаешь, – он почувствовал, как он багрово покраснел, – знаешь, Данила, я измучался. – Данила улыбнулся. – Я всё-таки не монах – привык.

Он чувствовал, что глупо всё, что он говорит, но радовался, потому что Данила одобрял.

– Что ж, вы бы давно сказали, это можно, – сказал он. – Вы только скажите какую.

– Ах, право, мне всё равно. Ну, разумеется, чтоб не безобразная была и здоровая.

– Понял! – откусил Данила. Он подумал. – Ох, хороша штучка есть, – начал он. Опять Евгений покраснел. – Хороша штучка. Изволите видеть, выдали ее по осени, – Данила стал шептать, – а он ничего не может сделать. Ведь это на охотника что стоит.

Евгений сморщился даже от стыда.

– Нет, нет, – заговорил он. – Мне совсем не то нужно. Мне, напротив (что могло быть напротив?), мне, напротив, надо, чтобы только здоровая, да поменьше хлопот – солдатка или эдак...

– Знаю. Это, значит, Степаниду вам предоставить. Муж в городе, всё равно как солдатка. А бабочка хорошая, чистая. Будете довольны. Я и то ей намесь говорю – пойди, а она...

– Ну, так когда же?

– Да хоть завтра. Я вот пойду за табаком и зайду, а в обед приходите сюда али за огород к бане. Никого нет. Да и в обед весь народ спит.

– Ну, хорошо.

Страшное волнение охватило Евгения, когда он поехал домой. «Что такое будет? Что такое крестьянка? Что-нибудь вдруг безобразное, ужасное. Нет, они красивы, – говорил он себе, вспоминая тех, на которых он заглядывался. – Но что я скажу, что я сделаю?»

Целый день он был не свой. На другой день в 12 часов он пошел к караулке. Данила стоял в дверях и молча значительно кивнул головой к лесу. Кровь прилила к сердцу

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Евгения, он почувствовал его и пошел к огороду. Никого. Подошел к бане. Никого. Заглянул туда, вышел и вдруг услышал треск сломленной ветки. Он оглянулся, она стояла в чаще за оврагом. Он бросился туда через овраг. В овраге была крапива, которой он не заметил. Он острекался и, потеряв с носу пенснэ, вбежал на противоположный бугор. В белой вышитой занавеске, красно-бурой паневе, красном ярком платке, с босыми ногами, свежая, твердая, красивая, она стояла и робко улыбалась.

– Тут кругом тропочка, обошли бы, – сказала она. – А мы давно. Голомя.

Он подошел к ней и, оглядываясь, коснулся ее.

Через четверть часа они разошлись, он нашел пенснэ и зашел к Даниле и в ответ на вопрос его: «довольны ль, барин?» – дал ему рубль и пошел домой.

Он был доволен. Стыд был только сначала. Но потом прошел. И всё было хорошо. Главное, хорошо, что ему теперь легко, спокойно, бодро. – Ее он хорошенько даже не рассмотрел. Помнил, что чистая, свежая, недурная и простая, без гримас. «Чья, бишь, она? – говорил он себе. – Печникова он сказал? Какая же это Печникова? [217] Ведь их два двора. Должно быть, Михайлы старика сноха. Да, верно его. У него ведь сын живет в Москве, спрошу у Данилы когда-нибудь».

С этих пор устранилась эта важная прежде неприятность деревенской жизни – невольное воздержание. Свобода мысли Евгения уже не нарушалась, и он мог свободно заниматься своими делами.

А дело, которое взял на себя Евгений, было очень нелегкое: иногда ему казалось, что он не выдержит, и кончится тем, что всё-таки придется продать имение, все труды его пропадут, и, главное, что окажется, что не выдержал, не сумел доделать того, за что взялся. Это больше всего тревожило его. Не успевал он заткнуть кое-как одной дыры, как раскрывалась новая, неожиданная.

Во всё это время всё оказывались новые и новые неизвестные прежде долги отца. Видно было, что отец в последнее время брал где попало. Во время раздела в мае Евгений думал, что он знает наконец всё. Но вдруг в середине лета он получил письмо, из которого оказывалось, что был еще долг вдове Есиповой в 12 тысяч. Векселя не было, была простая расписка, которую можно было, по словам поверенного, оспаривать. Но Евгению и в голову не могло придти отказаться от уплаты действительного долга отца только потому, что можно было оспаривать документ. – Ему надо было узнать только наверное, действительный ли это был долг.

– Мама! что такое Есипова Калерия Владимировна? – спросил он у матери, когда они по обыкновению сошлись за обедом.

– Есипова? Да это воспитанница дедушки. А что?

Евгений рассказал матери про письмо.

– Удивляюсь, как ей не совестно. Твой папа ей сколько передавал.

– Но должны мы ей?

– Т. е. как тебе сказать? Долгу нет, папа по своей бесконечной доброте...

– Да, но папа считал это долгом.

– Не могу я тебе сказать. Не знаю. Знаю, что тебе и так тяжело.

Евгений видел, что Марья Павловна сама не знала, как сказать, и как бы выпытывала его.

– Из этого я вижу, что надо платить, – сказал сын. – Я завтра поеду к ней и поговорю, нельзя ли отсрочить.

– Ах, как мне жалко тебя. Но, знаешь, лучше. Ты ей скажи, что она должна подождать, – говорила Марья Павловна, очевидно успокоенная и гордая решением сына.

Положение Евгения было особенно трудно оттого еще, что мать, жившая с ним, совсем не понимала его положения. Она всю жизнь привыкла жить так широко, что не могла представить себе даже того положения, в котором был сын, т. е. того, что нынче-завтра дела могли устроиться так, что у них ничего не останется, и сыну придется всё продать и жить и содержать мать одной службой, которая в его положении могла ему дать много-много 2000 рублей. Она не понимала, что спастись от этого положения можно только урезкой расходов во всем, и потому не могла понять, зачем Евгений так стеснялся в мелочах, в расходах на садовников, кучеров, на прислугу и стол даже. Кроме того, как большинство вдов, она питала к памяти покойника чувства благоговения, далеко не похожие на те, которые она имела к нему, пока он был жив, и не допускала мысли о том, что то, что делал или завел покойник, могло быть худо и изменено.

Евгений поддерживал с большим напряжением и сад, и оранжерею с двумя садовниками, и конюшню с двумя кучерами. Марья же Павловна наивно думала, что, не жалуясь на стол, который готовил старик повар, и на то, что дорожки в парке не все были чищены, и что вместо лакеев был один мальчик, что она делает всё, что может мать, жертвующая собой для своего сына. – Так и в этом новом долге, в котором Евгений видел для себя почти что добивающий удар всем его предприятням, Мария Павловна видела только случай, выказавший благородство Евгения. Марья Павловна не беспокоилась очень о матерьяльном положении Евгения еще и потому, что она была уверена, что он сделает блестящую партию, которая поправит всё. Партию же он мог сделать самую блестящую. Она знала десяток семей, которые счастливы были отдать за него дочь. И она желала как можно скорее устроить это.

IV

Евгений сам мечтал о женитьбе, но только не так, как мать: мысль о том, чтобы сделать из женитьбы средство поправления своих дел, была отвратительна ему. Жениться он хотел честно, по любви. Он и приглядывался к девушкам, которых встречал и знал, прикидывал себя к ним, но судьба его не решалась. Между тем, чего он никак не ожидал, сношения его с Степанидой продолжались и получили даже характер чего-то установившегося. Евгений так был далек от распутства, так тяжело было ему делать это тайное, – он чувствовал – нехорошее дело, что он никак не устраивался и даже после первого свиданья надеялся совсем больше не видеть Степаниды; но оказалось, что через несколько времени на него опять нашло беспокойство, которое приписывал этому. И беспокойство на этот раз уже не было безличное; а ему представлялись именно те самые черные, блестящие глаза, тот же грудной голос, говорящий «голомя», тот же запах чего-то свежего и сильного, и та же высокая грудь, поднимающая занавеску, и всё это в той же ореховой и кленовой чаще, облитой ярким светом. Как ни совестно было, он опять обратился к Даниле. И опять назначилось свидание в полдень в лесу. В этот раз Евгений больше рассмотрел ее, и всё показалось ему в ней привлекательно. Он попробовал поговорить с ней, спросил о муже. Действительно, это был Михайлин сын, он жил в кучерах в Москве.

– Ну что же, как же ты... – Евгений хотел спросить, как она изменяет ему.

– Чего как же? – спросила она. Она, очевидно, была умна и догадлива.

– Ну как же вот ты ко мне ходишь?

– Вона, – весело проговорила она. – Он, я чай, там гуляе. Что ж мне-то?

Очевидно, она сама на себя напускала развязность, ухарство. И это показалось мило Евгению. Но всё-таки он не назначил ей сам свиданья. Даже когда она предложила, чтобы сходитьсь помимо Данилы, к которому она как-то недоброжелательно относилась, Евгений не согласился. Он надеялся, что это свидание было последнее. Она ему нравилась. Он думал, что ему необходимо такое общение и что дурного в этом нет ничего; но в глубине души у него был судья более строгий, который не одобрял этого и надеялся, что это в последний раз, если же не надеялся, то, по крайней мере, не хотел участвовать в этом деле и приготавливать себе это в другой раз.

Так и шло всё лето, в продолжение которого он виделся с ней раз 10 и всякий раз через Данилу. Было один раз, что ей нельзя было придти, потому что приехал муж, и Данила предложил другую. Евгений с отвращением отказался. Потом муж уехал, и свиданья продолжались по-старому, сначала через Данилу, а потом уже прямо он

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle назначал время, и она приходила с бабой Прохоровой, так как одной нельзя ходить бабе. Один раз, в самое назначенное время свиданья, к Марье Павловне приехало семейство с той девушкой, которую она сватала Евгению, и Евгений никак не мог вырваться. Как только он мог уйти, он пошел как будто на гумно и в обход тропинкой в лес на место свиданья. Ее не было. Но на обычном месте всё, покуда могла достать рука, всё было переломано, черемуха, орешень, даже молодой кленок в кол толщиной. Это она ждала, волновалась и сердилась и, играючи, оставляла ему память. Он постоял, постоял и пошел к Даниле просить его вызвать ее на завтра. Она пришла и была такая же, как всегда.

Так прошло лето. Свиданья всегда назначались в лесу и один раз только, уж перед осенью, в гуменном сарае на их задворках. Евгению и в голову не приходило, чтобы эти отношения его имели какое-нибудь для него значение. Об ней же он и не думал. Давал ей деньги, и больше ничего. Он не знал и не думал о том, что по всей деревне уж знали про это и завидовали ей, что ее домашние брали у ней деньги и поощряли ее и что ее представление о грехе, под влиянием денег и участия домашних, совсем уничтожилось. Ей казалось, что если люди завидуют, то то, что она делает, хорошо.

«Просто для здоровья надо же, – думал Евгений. – Положим, нехорошо, и, хотя никто не говорит, все или многие знают. Баба, с которой она ходит, знает. А знает, верно рассказала и другим. Но что же делать? Скверно я поступаю, – думал Евгений, – да что делать, ну да не надолго».

Главное, что смущало Евгения, то это был муж. Сначала ему почему-то представлялось, что муж ее должен быть плох, и это как бы оправдывало его отчасти. Но он увидал мужа и был поражен. Это был молодчина и щеголь, уж никак не хуже, а наверно лучше его. При первом свидании он сказал ей, что видел мужа, и что он полюбовался им, какой он молодчина.

– Другого такого нет в деревне, – с гордостью сказала она.

Это удивило Евгения. Мысль о муже с тех пор еще более мучала его. Случилось ему раз быть у Данилы, и Данила, разговорившись, прямо сказал ему:

– А Михайла наемни спрашивал меня, правда ли, что барин с сына женой живет. Я сказал, не знаю. Да и то, говорю, лучше с барином, чем с мужиком.

– Ну, что ж он?

– Да ничего, – говорит: погоди ж, дознаюсь, я ей задам.

«Ну да если бы муж вернулся, я бы бросил», думал Евгений. Но муж жил в городе, и отношения пока продолжались. «Когда надо будет, оборву, и ничего не останется», думал он.

И ему казалось это несомненным, потому что в продолжение лета много разных вещей очень сильно занимали его: и устройство нового хутора, и уборка, и постройка, и, главное, уплата долга и продажа пустоши. Всё это были предметы, которые поглощали его всего, о которых он думал ложась и вставая. Всё это была настоящая жизнь. Сношения же – он даже не называл это связью – с Степанидой было нечто совсем незаметное. Правда, что когда приступало желание видеть ее, оно приступало с такой силой, что он ни о чем другом не мог думать, но это продолжалось недолго, устраивалось свиданье, и он опять забывал ее на недели, иногда на месяц.

Осенью Евгений часто ездил в город и там сблизился с семейством Анненских. У Анненских была дочь, только что вышедшая институтка. И тут, к великому огорчению Марьи Павловны, случилось то, что Евгений, как она говорила, продешевил себя, влюбился в Лизу Анненскую и сделал ей предложение.

С тех пор сношения с Степанидой прекратились.

У

Почему Евгений выбрал Лизу Анненскую, нельзя объяснить, как никогда нельзя объяснить, почему мужчина выбирает ту, а не другую женщину. Причин было пропасть и положительных и отрицательных. Причиной было и то, что она не была очень богатая невеста, каких сватала ему мать, и то, что она была наивна и жалка в

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoye
отношениях к своей матери, и то, что она не была красавица, обращая на себя
внимание, и не была дурна. Главное же было то, что сближение с ней началось в
такой период, когда Евгений был зрел к женитьбе. Он влюбился потому, что знал,
что женится.

Лиза Анненская сначала только нравилась Евгению, но когда он решил, что она
будет его женою, он почувствовал к ней чувство гораздо более сильное, он
почувствовал, что он влюблен.

Лиза была высокая, тонкая, длинная. Длинное было в ней всё: и лицо, и нос не
вперед, но вдоль по лицу, и пальцы, и ступни. Цвет лица у ней был очень нежный,
белый, желтоватый, с нежным румянцем, волосы длинные, русые, мягкие и вьющиеся,
и прекрасные, ясные, кроткие, доверчивые глаза. Эти глаза особенно поразили
Евгения. И когда он думал о Лизе, он видел всегда перед собой эти ясные,
кроткие, доверчивые глаза.

Такова она была физически: духовно же он ничего не знал про нее, а только видел
эти глаза. И эти глаза, казалось, говорили ему всё, что ему нужно было знать.
Смысл же этих глаз был такой.

Еще с института, с 15 лет, Лиза постоянно влюблялась во всех привлекательных
мужчин и была оживлена и счастлива только тогда, когда была влюблена. Вышедши из
института, она точно так же влюблялась во всех молодых мужчин, которых
встречала, и, разумеется, влюбилась в Евгения, как только узнала его. Эта-то ее
влюбленность и давала ее глазам то особенное выражение, которое так пленило
Евгения. В эту же зиму в одно и то же время она уже была влюблена в двух молодых
людей и краснела и волновалась не только когда они входили в комнату, но когда
произносили их имя. Но потом, когда ее мать намекнула ей, что Иртенев, кажется,
имеет серьезные виды, влюбленье ее в Иртенева усилилось так, что она стала почти
равнодушной к двум прежним, но когда Иртенев стал бывать у них, на бале,
собрании, танцевал с ней больше, чем с другими, и, очевидно, желал узнать
только, любит ли она его, тогда влюбленье ее в Иртенева сделалось чем-то
болезненным, она видела его во сне и наяву в темной комнате, и все другие
исчезли для нее. Когда же он сделал предложение, и их благословили, когда она
поцеловалась с ним и стали жених с невестой, тогда у ней не стало других мыслей,
кроме него, других желаний, кроме того, чтобы быть с ним, чтобы любить его и
быть им любимой. Она и гордилась им, и умилялась перед ним и перед собой и своей
любовью, и вся млея и таяла от любви к нему. Чем больше он узнавал ее, тем
больше и он любил ее. Он никак не ожидал встретить такую любовь, и эта любовь
усиливала еще его чувство.

VI

Перед весной он приехал в Семеновское посмотреть и распорядиться по хозяйству, а
главное по дому, где шло убранство для женитьбы.

Марья Павловна была недовольна выбором сына, но только потому, что партия эта не
была так блестяща, как она могла бы быть, и потому, что Варвара Алексеевна,
будущая теща, не нравилась ей. Добрая ли она была или злая, она не знала и не
решила, но то, что она была не порядочная женщина, не *comme il faut*, не леди,
как говорила себе Марья Павловна, это она увидела с первого знакомства, и это
огорчало ее. Огорчало за то, что она ценила эту порядочность по привычке, знала,
что Евгений очень чуток на это, и предвидела для него много огорчений от этого.
Девушка же ей нравилась. Нравилась, главное, потому, что она нравилась Евгению.
Надо было любить ее. И Марья Павловна готова была на это, и совершенно искренно.

Евгений застал мать радостной, довольной. Она устраивала всё в доме и сама
собиралась уехать, как только он привезет молодую жену. Евгений уговаривал ее
оставаться. И вопрос оставался нерешенным. Вечером, по обыкновению, после чая
Марья Павловна делала пасьян. Евгений сидел, помогая ей. Это было время самых
задушевных разговоров. Окончив один пасьян и не начиная новый, Марья Павловна
взглянула на Евгения и, несколько заминаясь, начала так:

– А я хотела тебе сказать, Женя. Разумеется, я не знаю, но вообще я хотела
посоветовать о том, что перед женитьбой надо непременно покончить все свои
холостые дела, так чтобы ничего уже не могло беспокоить и тебя и, помилуй Бог,
жену. Ты меня понимаешь?

И действительно, Евгений сейчас же понял, что Марья Павловна намекала на его

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
сношения с Степанидой, которые прекратились с самой осени, и, как всегда
одинокие женщины, приписывала этим сношениям гораздо большее значение, чем то,
которое они имели. Евгений покраснел, и не от стыда столько, сколько от досады,
что добрая Марья Павловна суется – правда, любя, – но всё-таки суется туда, куда
ей не надо и чего она не понимает и не может понимать. Он сказал, что у него
ничего нет такого, что бы нужно было скрывать, и что он именно так себя вел
всегда, чтобы ничто не могло помешать его женитьбе.

– Ну и прекрасно, дружок. Ты, Геня, не обижайся на меня, – сказала Марья Павловна, конфузясь.

Но Евгений видел, что она не кончила и не сказала то, что хотела. Так и вышло. Немного погодя она стала рассказывать о том, как без него ее просили крестить у... Пчельниковых.

Теперь Евгений вспыхнул уж не от досады и даже не от стыда, а от какого-то странного чувства сознания важности того, что ему сейчас скажут, сознания невольного, совершенно несогласного с его рассуждением. Так и вышло то, чего он ожидал. Марья Павловна, как будто не имея никаких других целей, кроме разговора, рассказала, что нынешний год родятся всё мальчики, видно, к войне. И у Васиных и у Пчельникова молодая бабочка первым – тоже мальчик. Марья Павловна хотела рассказать это незаметно, но ей самой сделалось стыдно, когда она увидела краску на лице сына и его нервные снимание, пощелкивание и надевание пенснэ и поспешное закуриванье папирасы. Она замолчала. Он тоже молчал и не мог придумать, чем бы перервать это молчание. Так что оба поняли, что поняли друг друга.

– Да, главное в деревне надо справедливость, чтоб не было любимцев, как у дяди твоего.

– Маменька, – сказал вдруг Евгений, – я знаю, к чему вы это говорите. Вы напрасно тревожитесь. Для меня моя будущая семейная жизнь такая святыня, которой я ни в каком случае не нарушу. А то, что было в моей холостой жизни, то всё кончено совсем. И я никогда не входил ни в какие связи и никто не имеет на меня никаких прав.

– Ну, я рада, – сказала мать. – Я знаю твои благородные мысли.

Евгений принял эти слова матери как следующую ему дань и замолчал.

На другое утро он поехал в город, думая о невесте, обо всём на свете, но только не о Степаниде. Но как будто нарочно, чтобы напомнить ему, он, подъезжая к церкви, стал встречать народ, шедший и ехавший оттуда. Он встретил Матвея старика с Семеном, ребят, молодых девок, а вот две бабы, одна постарше и одна нарядная в ярко-красном платке, и что-то знакомое. Баба идет легко, бодро, и на руке ребенок. Он поровнялся, баба старшая поклонилась по-старинному, остановившись, а молодайка с ребенком только нагнула голову, и из-под платка блеснули знакомые улыбающиеся, веселые глаза.

«Да, это она, но всё кончено, и нечего смотреть на нее. И ребенок, может быть, мой, – мелькнуло ему в голове. – Нет, вздор какой. Муж был, она к нему ходила». Он не стал высчитывать даже. Так у него решено было, что это было нужно для здоровья, он платил деньги, и больше ничего, связи какой-нибудь между им и ею нет, не было, не может и не должно быть. Он не то чтобы заминал голос совести, нет, прямо совесть ничего не говорила ему. И он не вспомнил о ней ни разу после разговора матери и встречи. И ни разу после и не встречал ее.

На Красную горку Евгений обвенчался в городе и тотчас же с молодой женой уехал в деревню. Дом был устроен, как обыкновенно устраивают для молодых. Марья Павловна хотела уехать, но Евгений, а главное – Лиза упросили ее остаться. Только она перешла во флигель.

И так началась для Евгения новая жизнь.

VII

Первый год семейной жизни был трудный год для Евгения. Труден он был тем, что дела, которые он откладывал кое-как во время сватовства, теперь, после женитьбы, все вдруг обрушились на него.

Выпутаться из долгов оказалось невозможным. Дача была продана, самые кричащие долги покрыты, но всё еще оставались долги, и денег не было. Именьё принесло хороший доход, но нужно было послать брату и издержать на свадьбу, так что денег не было, и завод не мог итти, и надо было его остановить. Одно средство выпутаться состояло в том, чтобы употребить деньги жены. Лиза, поняв положение мужа, сама потребовала этого. Евгений согласился, но только с тем, чтобы сделать купчую на половину именья на имя жены. Так он и сделал. Разумеется, не для жены, которую это оскорбляло, а для тещи.

Эти дела с разными переменами, то успех, то неуспех, было одно, что отравляло жизнь Евгения в этот первый год. Другое было нездоровье жены. В этот же первый год, 7 месяцев после женитьбы, осенью, с Лизой случилась беда. Она выехала в шарабане встречать мужа, возвращавшегося из города, смиренная лошадь заиграла, она испугалась, выпрыгнула. Прыжок был относительно счастливый, – она могла зацепиться за колесо, – но она была уже беременна, и в ту же ночь у нее начались боли, и она выкинула и долго не могла справиться после выкидыша. Потеря ожидаемого ребенка, болезнь жены, связанное с этим расстройство жизни и, главное, присутствие тещи, приехавшей тотчас же, как заболела Лиза, – всё это сделало для Евгения год этот еще более тяжелым.

Но, несмотря на эти тяжелые обстоятельства, к концу первого года Евгений чувствовал себя очень хорошо. Во-первых, его задушевная мысль восстановить упавшее состояние, возобновить дедовскую жизнь в новых формах, хотя с трудом и медленно, но приводилась в исполнение. Теперь уже речи не могло быть о продаже за долги всего имения. Имение главное, хотя и переписанное на имя жены, было спасено, и, если только свекла будет выходна и цены хороши, то к будущему году положение нужды и напряжения может замениться совершенным довольством. Это было одно.

Другое было то, что как ни много он ожидал от своей жены, он никак не ожидал найти в ней то, что он нашел: это было не то, чего он ожидал, но это было гораздо лучше. Умилений, восторгов влюбленных, хотя он и старался их устраивать, не выходило или выходило очень слабо; но выходило совсем другое, то, что не только веселее, приятнее, но легче стало жить. Он не знал, отчего это происходит, но это было так.

Происходило же это оттого, что ею было решено тотчас же после обручения, что из всех людей в мире есть один Евгений Иртенев выше, умнее, чище, благороднее всех, и потому обязанность всех людей служить и делать приятное этому Иртеневу. Но так как всех нельзя заставить это делать, то надо по мере сил делать это самой. Так она и делала, и потому все ее силы душевные всегда были направлены на то, чтобы узнать, угадать то, что он любит, и потом делать это самое, что бы это ни было и как бы трудно это ни было.

И в ней было то, что составляет главную прелесть общения с любящей женщиной, в ней было, благодаря любви к мужу, ясновиденье его души. Она чуяла – ему казалось часто лучше его самого – всякое состояние его души, всякий оттенок его чувства и соответственно этого поступала, стало-быть, никогда не оскорбляла его чувства, а всегда умеряла тяжелые чувства и усиливала радостные. Но не только чувства, мысли его она понимала. Самые чуждые ей предметы по сельскому хозяйству, по заводу, по оценке людей она сразу понимала и не только могла быть ему собеседником, но часто, как он сам говорил ей, полезным, незаменимым советчиком. На вещи, людей, на всё в мире она смотрела только его глазами. Она любила свою мать, но, увидав, что Евгению бывало неприятно вмешательство в их жизнь тещи, она сразу стала на сторону мужа и с такой решительностью, что он должен был укрощать ее.

Сверх всего этого, в ней было пропасть вкуса, такта и, главное, тишины. Всё, что она делала, она делала незаметно, заметны были только результаты дела, т. е. всегда и во всём чистота, порядок и изящество. Лиза тотчас же поняла, в чем состоял идеал жизни ее мужа, и старалась достигнуть и достигала в устройстве и порядке дома того самого, чего он желал. Недоставало детей, но и на это была надежда. Зимой они съездили в Петербург к акушеру, и он уверил их, что она совсем здорова и может иметь детей.

И это желание сбылось. К концу года она опять забеременела.

Одно, что не то что отравляло, но угрожало их счастью, была ее ревность –

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe ревность, которую она сдерживала, не показывала, но от которой она часто страдала. Не только Евгений не мог никого любить, потому что не было на свете женщин, достойных его (о том, что была ли она достойна его или нет, она никогда не спрашивала себя), [но] и ни одна женщина поэтому не могла сметь любить его.

VIII

Жили они так: он вставал, как всегда, рано и шел по хозяйству, на завод, где производились работы, иногда в поле.

К 10 часам он приходил к кофею. Кофе пили на террасе Марья Павловна, дядюшка, который жил у них, и Лиза. После разговоров, часто очень оживленных, за кофе, расходились до обеда. В два обедали. И после ходили гулять или ездили кататься. Вечером, когда он приходил из конторы, пили поздно чай, и иногда он читал вслух, она работала, или музицировали, или разговаривали, когда бывали гости. Когда он уезжал по делам, он писал и получал от нее письма каждый день. Иногда она сопровождала его, и это бывало особенно весело. В именины его и ее собирались гости, и ему приятно было видеть, как она умела всё устроить так, что всем было хорошо. Он видел, да и слышал, что все любят ее, молодой, милой хозяйкой, и еще больше любил ее за это. Всё шло прекрасно. Беременность она носила легко, и они оба, хотя и сами робея, начинали загадывать о том, как они будут воспитывать ребенка. Способ воспитания, приемы, всё это решал Евгений, и она только желала покорно исполнить его волю. Евгений же начитался медицинских книг и имел намерение воспитывать ребенка по всем правилам науки. Она, разумеется, соглашалась на всё и готовилась, шивала конверты теплые и холодные и устраивала качку. Так наступил второй год их женитьбы и вторая весна.

IX

Это было под Троицын день. Лиза была на пятом месяце и, хотя и береглась, была весела и подвижна. Обе матери, ее и его, жили в доме под предлогом карауления и оберегания ее [и] только тревожили ее своими пикировками. Евгений занимался особенно горячо хозяйством, новой обработкой в больших размерах свеклы.

Под Троицын день Лиза решила, что надо сделать хорошую очистку дома, которой не делали со Святой, и позвала в помощь прислуге двух поденных баб, чтоб вымыть полы, окна и выбить мебель и ковры и надеть чехлы. С раннего утра пришли бабы поставили чугуны воды и принялись за работу. Одна из двух баб была Степанида, которая только что отняла своего мальчика и напросилась через конторщика, к которому она бегала теперь, в поломойки. Ей хотелось хорошенько рассмотреть новую барыню. Степанида жила по-старому одна, без мужа, и шалила, как она шалила прежде с стариком Данилой, поймавшим ее с дровами, потом с барином, теперь с молодым малым – конторщиком. Об барине она вовсе и не думала. «У него теперь жена есть, – думала она. – А лестно посмотреть барыню, ее заведение, хорошо, говорят, убрано».

Евгений с тех пор, как встретил ее с ребенком, не видал ее. На поденную она не ходила, так как была с ребенком, а он редко проходил по деревне. В это утро, накануне Троицына дня, Евгений рано, в пятом часу, встал и уехал на паровое поле, где должны были рассыпать фосфориты, и вышел из дома, пока еще бабы не входили в него, а возились у печи с котлами.

Веселый, довольный и голодный, Евгений возвращался к завтраку. Он слез с лошади у калитки и, отдав [ее] проходившему садовнику, постегивая хлыстом высокую траву, повторяя, как это часто бывает, произнесенную фразу, шел к дому. Фраза, которую он повторял, была: «фосфориты оправдают», – что, перед кем – он не знал и не думал.

На лужку колотили ковер. Мебель была вынесена.

«Матушки! какую Лиза затеяла перестановку. Фосфориты оправдают. Вот так хозяйка. Хозяюшка! Да, хозяйюшка, – сказал он сам себе, живо представив себе ее в белом капоте с сияющим от радости лицом, какое у нее почти всегда было, когда он смотрел на нее. – Да, надо переменить сапоги, а то фосфориты оправдают, то есть пахнет навозом, а хозяйюшка-то-с в таком положении. Отчего в таком положении? Да, растет там в ней маленький Иртенев новый, – подумал он. – Да, фосфориты оправдают». И, улыбаясь своим мыслям, ткнул рукой дверь в свою комнату.

Но не успел он надавить на дверь, как она сама отворилась, и нос с носом он столкнулся с шедшей ему навстречу с ведром, подоткнутой, босоногой и с высоко

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
засученными рукавами бабой. Он посторонился, чтобы пропустить бабу, она тоже
посторонилась, поправляя верхом мокрой руки сбившийся платок.

– Иди, иди, я не пойду, коли вы.. – начал было Евгений и вдруг, узнав ее,
остановился.

Она, улыбаясь глазами, весело взглянула на него. И, обдернув паневу, вышла из
двери.

«Что за вздор?.. что такое?.. Не может быть», хмурясь и отряхиваясь, как от
мухи, говорил себе Евгений, недовольный тем, что он заметил ее. Он был недоволен
тем, что заметил ее, а вместе с тем не мог оторвать от ее покачивающегося
ловкой, сильной походкой босых ног тела, от ее рук, плеч, красивых складок
рубахи и красной паневы, высоко подоткнутой над ее белыми икрами.

«Да что же я смотрю, – сказал он себе, опуская глаза, чтоб не видать ее. – Да,
надо взойти всё-таки, взять сапоги другие». И он повернулся назад к себе в
комнату; но не успел пройти 5 шагов, как, сам не зная как и по чьему приказу,
опять оглянулся, чтобы еще раз увидеть ее. Она заходила за угол и в то же
мгновение тоже оглянулась на него.

«Ах, что я делаю, – вскрикнул он в душе. – Она может подумать. Даже наверно она
уже подумала».

Он вошел в свою мокрую комнату. Другая баба, старая, худая, была там и мыла еще.
Евгений прошел на цыпочках через грязные лужи к стенке, где стояли сапоги, и
хотел выходить, когда баба тоже вышла.

«Эта вышла, и придет та, Степанида – одна», вдруг начал в нем рассуждать кто-то.

«Боже мой! Что я думаю, что я делаю!» Он схватил сапоги и побежал с ними в
переднюю, там надел их, обчистился и вышел на террасу, где уж сидели обе мамы
за кофе. Лиза, очевидно, ждала его и вошла на террасу из другой двери вместе с
ним.

«Боже мой, если бы она, считающая меня таким честным, чистым, невинным, если бы
она знала!» подумал он.

Лиза, как всегда, с сияющим лицом встретила его. Но нынче она что-то особенно
показалась ему бледной, желтой и длинной, слабой.

Х

За кофеем, как и часто случалось, шел тот особенный дамский разговор, в котором
логической связи не было никакой, но который, очевидно, чем-то связывался,
потому что шел непрерывно.

Обе дамы пикировались, и Лиза искусно лавировала между ними.

– Мне так досадно, что не успели вымыть твою комнату до твоего приезда, –
сказала она мужу. – А так хочется всё перебрать.

– Ну как ты, спала после меня?

– Да, я спала, мне хорошо.

– Как может быть хорошо женщине в ее положении в эту невыносимую жару, когда
окна на солнце, – сказала Варвара Алексеевна, ее мать. – И без жалузи или
маркиз. У меня всегда маркизы.

– Да ведь здесь тень с 10 часов, – сказала Марья Павловна.

– От этого и лихорадка. От сырости, – сказала Варвара Алексеевна, не замечая
того, что она говорит прямо противное тому, что говорила сейчас. – Мой доктор
говорил всегда, что нельзя никогда определить болезнь, не зная характера
больной. А уж он знает, потому что это первый доктор, и мы платим ему 100
рублей. Покойный муж не признавал докторов, но для меня никогда он ничего не
жалел.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyl

– Как же может мужчина жалеть для женщины, когда жизнь ее и ребенка зависит, может быть...

– Да, когда есть средства, то жена может не зависеть от мужа. Хорошая жена покоряется мужу, – сказала Варвара Алексеевна, – но только Лиза слишком еще слаба после своей болезни.

– Да нет, мама, я себя прекрасно чувствую. Что ж кипяченых сливок вам не подали?

– Мне не надо. Я могу и с сырыми.

– Я спрашивала у Варвары Алексеевны. Она отказалась, – сказала Марья Павловна, как будто оправдываясь.

– Да нет, я не хочу нынче. – И, как будто чтоб прекратить неприятный разговор и великодушно уступая, Варвара Алексеевна обратилась к Евгению. – Ну что, рассыпали фосфориты?

Лиза побежала за сливками.

– Да я не хочу, не хочу.

– Лиза! Лиза! тише, – сказала Марья Павловна. – Ей вредны эти быстрые движения.

– Ничего не вредно, если есть спокойствие душевное, – сказала, как будто на что-то намекая, Варвара Алексеевна, хотя и сама знала, что слова ее не могли ни на что намекать.

Лиза вернулась со сливками. Евгений пил свой кофе и угрюмо слушал. Он привык к этим разговорам, но нынче его особенно раздражала бессмысленность его. Ему хотелось обдумать то, что случилось с ним, а этот лепет мешал ему. Напившись кофе, Варвара Алексеевна так и ушла не в духе. Остались одни Лиза, Евгений и Марья Павловна. И разговор шел простой и приятный. Но чуткая любовью Лиза тотчас же заметила, что что-то мучает Евгения, и спросила его, не было ли чего неприятного. Он не приготовился к этому вопросу и немного замялся, отвечая, что ничего. И этот ответ еще больше заставил задуматься Лизу. Что что-то мучало и очень мучало его, ей было так же очевидно, как то, что муха попала в молоко, но он не говорил, что же это такое было.

XI

После завтрака все разошлись. Евгений по заведенному порядку пошел к себе в кабинет. Он не стал ни читать ни писать письма, а сел и стал курить одну папиросу за другою, думая. Его страшно удивило и огорчило это неожиданно проявившееся в нем скверное чувство, от которого он считал себя свободным с тех пор, как женился. Он ни разу с тех пор не испытывал этого чувства ни к ней, к той женщине, которую он знал, ни к какой бы то ни было женщине, кроме как к своей жене. Он в душе много раз радовался этому своему освобождению, и вот вдруг эта случайность, такая, казалось бы, ничтожная, открыла ему то, что он несвободен. Его мучало теперь не то, что он опять подчинился этому чувству, что он желает ее, – этого он и думать не хотел, – а то, что чувство это живо в нем, и что надо стоять настороже против него. В том, что он подавит это чувство, в душе его не было и сомнения.

У него было одно неотвеченное письмо и бумага, которую надо было составить. Он сел за письменный стол и взялся за работу. Окончив ее и совсем забыв то, что его встревожило, он вышел, чтобы пройти на конюшню. И опять, как на беду, по несчастной ли случайности или нарочно, только он вышел на крыльцо, из-за угла вышла красная панева и красный платок и, махая руками и перекачиваясь, прошла мимо его. Мало того, что прошла, она пробежала, миновав его, как бы играючи, и догнала товарку.

Опять яркий полдень, крапива, зады Даниловой караулки и в тени кленов ее улыбающееся лицо, кусающее листья, восстали в его воображении.

«Нет, это невозможно так оставить», сказал он себе и, подождав того, чтобы бабы скрылись из виду, пошел в контору. Был самый обед, и он надеялся застать еще приказчика. Так и случилось. Приказчик только что проснулся. Он стоял в конторе, потягиваясь, зевал, глядя на скотника, что-то ему говорившего.

- Василий Николаевич!
- Что прикажете?
- Мне поговорить с вами.
- Что прикажете?
- Да вот кончите.
- Разве не принесешь? – сказал Василий Николаевич скотнику.
- Тяжело, Василий Николаевич.
- Что это? – спросил Евгений.
- Да отелилась в поле корова. Ну ладно, я сейчас велю запречь лошадь. Вели Николаю Лысуху запречь, хоть в дроги.

Скотник ушел.

– Вот видите ли, – краснея и чувствуя это, начал Евгений. – Вот видите ли, Василий Николаевич. Тут, пока я был холостой, были у меня грехи... Вы, может быть, слышали...

Василий Николаевич улыбался глазами и, очевидно, жалея барина, сказал:

- Это насчет Степашки?
- Ну да. Так вот что. Пожалуйста, пожалуйста, не берите вы ее на поденную в дом. Вы понимаете, неприятно очень мне...
- Да это, видно, Ваня, конторщик, распорядился.
- Так пожалуйста... Ну так как же, рассыпят остальное? – сказал Евгений, чтобы скрыть свой конфуз.
- Да вот поеду сейчас.

Так и кончилось это. И Евгений успокоился, надеясь, что как он прожил год не выдав ее, так будет и теперь. «Кроме того, Василий скажет Ивану конторщику, Иван скажет ей, и она поймет, что я не хочу этого», говорил себе Евгений и радовался тому, что он взял на себя и сказал Василью, как ни трудно это было ему. «Да всё лучше, всё лучше, чем это сомнение, этот стыд». Он содрогался при одном воспоминании об этом преступлении мыслью.

XII

Нравственное усилие, которое он сделал, чтобы, преодолев стыд, сказать Василью Николаевичу, успокоило Евгения. Ему казалось, что теперь всё кончено. И Лиза тотчас же заметила, что он совсем спокоен и даже радостнее обыкновенного. «Верно, его огорчала эта пикировка между мамашами. В самом деле, тяжело, в особенности ему с его чувствительностью и благородством, слышать всегда эти недружелюбные и дурного тона намеки на что-то», думала Лиза.

Следующий день был Троицын. Погода была прекрасная, и бабы, по обыкновению, проходя в лес завивать венки, подошли к барскому дому и стали петь и плясать. Марья Павловна и Варвара Алексеевна вышли в нарядных платьях с зонтиками на крыльцо и подошли к хороводу. С ними же вместе вышел в китайском сертучке обрюзгший блудник и пьяница дядюшка, живший это лето у Евгения.

Как всегда, был один пестрый, яркий цветами кружок молодых баб и девок центром всего, а вокруг него с разных сторон, как оторвавшиеся и вращающиеся за ним планеты и спутники, то девочки, держась рука с рукой, шурша новым ситцем растегаев, то малые ребята, фыркающие чему-то и бегающие взад и вперед друг за другом, то ребята взрослые, в синих и черных поддевках и картузах и красных рубахах, с неперестающим плеваньем шелухи семечек, то дворовые или посторонние, издали поглядывающие на хоровод. Обе барыни подошли к самому кругу и вслед за

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyl
ними Лиза в голубом платье и таких же лентах на голове, с широкими рукавами, из которых виднелись ее длинные белые руки с угловатыми локтями.

Евгению не хотелось выходить, но смешно было скрываться. Он вышел тоже с папиросой на крыльцо, раскланялся с ребятами и мужиками и заговорил с одним из них. Бабы между тем орали во всю мочь плясовую и подщелкивали и подхлопывали в ладони и плясали.

– Барыня зовут, – сказал малый, подходя к не слыхавшему зова жены Евгению. Лиза звала его посмотреть на пляску, на одну из плясавших баб, которая ей особенно нравилась. Это была Степаша. Она была в желтом растегее и в плисовой безрукавке и в шелковом платке, широкая, энергическая, румяная, веселая. Должно-быть, она хорошо плясала. Он ничего не видал.

– Да, да – сказал он, снимая и надевая пенснэ. – Да, да, – говорил он. «Стало-быть, нельзя мне избавиться от нее», думал он.

Он не смотрел на нее, потому что боялся ее привлекательности, и именно от этого то, что он мельком видел в ней, казалось ему особенно привлекательным. Кроме того, он видел по блеснувшему ее взгляду, что она видит его и видит то, что он любит ее. Он постоял сколько нужно было для приличия и, увидав, что Варвара Алексеевна подозвала ее и что-то нескладно, фальшиво, называя ее милочкой, говорила с ней, повернулся и отошел. Он отошел и вернулся в дом. Он ушел, чтобы не видать ее, но, войдя на верхний этаж, он, сам не зная как и зачем, подошел к окну и всё время, пока бабы были у крыльца, стоял у окна и смотрел, смотрел на нее, упивался ею.

Он сбегал, пока никто не мог его видеть, и пошел тихим шагом на балкон и, на балконе закурив папиросу, как будто гуляя, пошел в сад по тому направлению, по которому она пошла. Он не сделал двух шагов в аллее, как за деревьями мелькнула плисовая безрукавка на розовом растегее и красный платок. Она шла куда-то с другой бабой. «Куда-то они шли?»

И вдруг страстная похоть обожгла его, как рукой схватила за сердце. Евгений, как будто по чьей-то чуждой ему воле, оглянулся и пошел к ней.

– Евгений Иваныч, Евгений Иваныч! Я к вашей милости, – заговорил сзади голос, и Евгений, увидав старика Самохина, который рыл у него колодец, очнулся и, быстро повернувшись, пошел к Самохину. Разговаривая с ним, он повернулся боком и увидел, что они с бабой прошли вниз, очевидно к колодцу или под предлогом колодца, и потом, побыв там недолго, побежали к хороводу.

XIII

Поговорив с Самохиным, Евгений вернулся в дом убитый, точно совершивший преступление. Во-первых, она поняла его, она думала, что он хочет видеть ее, и она желает этого. Во-вторых, эта другая баба – эта Анна Прохорова – очевидно, знает про это.

Главное же то, что он чувствовал, что он побежден, что у него нет своей воли, есть другая сила, двигающая им; что нынче он спасся только по счастью, но не нынче, так завтра, так послезавтра он всё-таки погибнет.

«Да, погибнет, – он иначе не понимал этого, – изменить своей молодой, любящей жене в деревне с бабой, на виду всех, разве это не была гибель, страшная гибель, после которой нельзя было жить больше? Нет, надо, надо принять меры».

«Боже мой, Боже мой! Что же мне делать? Неужели я так и погибну? – говорил он себе. – Разве нельзя принять мер? Да надо же что-нибудь сделать. Не думать об ней, – приказывал он себе. – Не думать!» и тотчас же он начинал думать и видел ее перед собой и видел кленовую тень.

Он вспомнил, что читал про старца, который от соблазна перед женщиной, на которую должен был наложить руку, чтоб лечить ее, положил другую руку на жаровню и сжег пальцы. Он вспомнил это. «Да, я готов сжечь пальцы лучше, чем погибнуть». И он, оглянувшись, что никого нет в комнате, зажег спичку и положил палец в огонь. «Ну, думай о ней теперь», – иронически обратился он к себе. Ему стало больно, он отдернул закопченный палец, бросил спичку и сам засмеялся над собой. – «Какой вздор. Не это надо делать. А надо принять меры, чтобы не видать ее –

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
уехать самому или ее удалить. Да, удалить! Предложить ее мужу денег, чтоб он
уехал в город или в другое село. Узнают, будут говорить про это. Ну что же, все
лучше, чем эта опасность. Да, надо сделать это», говорил он себе и всё, не
спуская глаз, смотрел на нее. «Куда это она пошла?» вдруг спросил он себя. Она,
как ему показалось, видела его у окна и теперь, взглянув на него, взялась рука с
рукой с какой-то бабой, пошла к саду, бойко размахивая рукой. Сам не зная зачем,
почему, всё ради своих мыслей он пошел в контору.

Василий Николаевич в нарядном сертуке, напомаженный, сидел за чаем с женой и
гостьей в ковровом платке.

– Как бы мне, Василий Николаевич, поговорить.

– Можно. Пожалуйте. Мы отпили.

– Нет, пойдете со мной лучше.

– Сейчас, только дай картуз возьму. Ты, Таня, самовар-то прикрой, – сказал
Василий Николаевич, весело выходя.

Евгению показалось, что он был выпивши, но что же делать, может, это к лучшему,
он участливее взойдет в его положение.

– Я, Василий Николаевич, опять о том же, – сказал Евгений, – об этой женщине.

– Так что же. Я приказал, чтоб отнюдь не брать.

– Да нет, я вообще вот что думаю и вот о чем хотел с вами посоветоваться. Нельзя
ли их удалить, всё семейство удалить?

– Куда ж их удалишь? – недовольно и насмешливо, как показалось Евгению, сказал
Василий.

– Да я так думал, что дать им денег или даже земли в Колтовском, только бы не
было ее тут.

– Да как же удалишь? Куда он пойдет с своего корня? Да и на что вам? Что она
вам мешает?

– Ах, Василий Николаевич, вы поймите, что жене это ужасно будет узнать.

– Да кто же ей скажет?

– Да как же жить под этим страхом? Да и вообще это тяжело.

– И чего вы беспокоитесь, право? Кто старое помянет, тому глаз вон. А кто Богу
не грешен, царю не виноват?

– Всё-таки лучше бы удалить. Вы не можете поговорить с мужем?

– Да нечего говорить. Эх, Евгений Иванович, что вы это? И всё прошло и забылось.
Чего не бывает? А кто же теперь про вас скажет худое? Ведь вы в виду.

– Но вы всё-таки скажите.

– Хорошо, я поговорю.

Хотя он и знал вперед, что из этого ничего не выйдет, разговор этот несколько
успокоил Евгения. Он, главное, почувствовал, что он от волнения преувеличил
опасность.

Разве он шел на свидание с ней? Оно и невозможно. Он просто шел пройтись по
саду, а она случайно выбежала туда.

XIV

В этот же самый Троицын день, после обеда, Лиза, гуляя по саду и выходя из него
на луг, куда повел ее муж, чтобы показать клевер, переходя маленькую канавку,
оступилась и упала. Она упала мягко на бок, но охнула, и в лице ее муж увидал не

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle только испуг, но боль. Он хотел поднять ее, но она отвела его руку.

– Нет, погоди немного, Евгений, – сказала она, слабо улыбаясь и снизу как-то, как ему показалось, с виноватым видом глядя на него. – Просто нога подвернулась.

– Вот я всегда говорю, – заговорила Варвара Алексеевна. – Разве можно в таком положении прыгать через канавы?

– Да нет же, мама, ничего. Я сейчас встану.

Она встала с помощью мужа, но в ту же минуту она побледнела, и на лице ее выразился испуг.

– Да, мне нехорошо, – и она шепнула что-то матери.

– Ах, Боже мой, что наделали! Я говорила не ходить, – кричала Варвара Алексеевна. – Погодите, я пришлю людей. Ей не надо ходить. Ее надо снести.

– Ты не боишься, Лиза? Я снесу тебя, – сказал Евгений, обхватив ее левой рукой. – Обойми мне шею. Вот так.

И он, нагнувшись, подхватил ее под ноги правой рукой и поднял. – Никогда он не мог забыть после это страдальческое и вместе блаженное выражение, которое было на ее лице.

– Тебе тяжело, милый, – говорила она, улыбаясь. – Мама-то бежит, скажи ей!

И она пригнулась к нему и поцеловала. Ей, очевидно, хотелось, чтобы и мама видела, как он несет ее.

Евгений крикнул Варваре Алексеевне, чтоб она не торопилась, что он донесет. Варвара Алексеевна остановилась и начала кричать еще пуще.

– Ты уронишь ее, непременно уронишь. Хочешь погубить ее. Нет в тебе совести.

– Да я прекрасно несу.

– Не хочу я, не могу я видеть, как ты моришь мою дочь. – И она забежала за угол аллеи.

– Ничего, это пройдет, – говорила Лиза улыбаясь.

– Да только бы не было последствий, как тот раз.

– Нет, я не об этом. Это ничего, а я о маме. Ты устал, отдохни.

Но хотя ему и тяжело было, Евгений с гордой радостью донес свою ношу до дому и не передал ее горничной и повару, которых нашла и выслала им навстречу Варвара Алексеевна. Он донес ее до спальни и положил на постель.

– Ну, ты поди, – сказала она и, притянув к себе его руку, поцеловала ее, – Мы с Аннушкой справимся.

Марья Павловна прибежала тоже из флигеля. Лизу раздели и уложили в постель. Евгений сидел в гостиной с книгой в руке, дожидаясь. Варвара Алексеевна прошла мимо него с таким укоризненным, мрачным видом, что ему сделалось страшно.

– Ну что? – спросил он.

– Что? Что же спрашивать? То самое, чего вы хотели, вероятно, заставляя жену прыгать через рвы.

– Варвара Алексеевна! – вскрикнул он. – Это невыносимо. Если вы хотите мучать людей и отравлять им жизнь – он хотел сказать: то поезжайте куда-нибудь в другое место, но удержался. – Как вам не больно это?

– Теперь поздно.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
И она, победоносно встряхнув чепцом, прошла в дверь.

Падение, действительно, было дурное. Нога подвернулась неловко, и была опасность того, что опять будет выкидыш. Все знали, что делать ничего нельзя, что надо только лежать спокойно, но всё-таки решили послать за доктором.

«Многоуважаемый Николай Семенович, – написал Евгений врачу, – вы так всегда добры были к нам, что надеюсь, не откажете приехать помочь жене. Она в...» и т. д. – Написав письмо, он пошел в конюшню распорядиться лошадьми и экипажем. Надо было приготовить одних лошадей, чтобы привезти, других – увезти. Где хозяйство не на большую ногу, всё это не сразу можно устроить, а надо обдумать. Наладив всё сам и отправив кучера, он вернулся домой в десятом часу. Жена лежала и говорила, что ей прекрасно, и ничего не болит; но Варвара Алексеевна сидела за лампой, заслоненной от Лизы нотами, и вязала большое красное одеяло с таким видом, который ясно говорил, что после того, что было, миру быть не может. «А что бы кто ни делал, я, по крайней [мере], исполнила свою обязанность».

Евгений видел это, но, чтобы сделать вид, что он не замечает, старался иметь веселый и беспечный вид, рассказывал, как он собрал лошадей, и как кобыла Кавушка отлично пошла на левой пристяжке.

– Да, разумеется, самое время выезжать лошадей, когда нужна помощь. Вероятно, и доктора также свалят в канаву, – сказала Варвара Алексеевна, из-под пенснэ взглядывая на вязанье, подводя его под самую лампу.

– Да ведь надо же было кого-нибудь послать. А я сделал как лучше.

– Да я очень хорошо помню, как меня мчали ваши лошади под поезд.

Это была ее давнишняя выдумка, и теперь Евгений имел неосторожность сказать, что это не совсем так было.

– Недаром я всегда говорю, и князю сколько раз говорила, что тяжелее всего жить с людьми неправдивыми, неискренними; я всё перенесу, но только не это.

– Ведь если кому больнее всех, то уж верно мне, – сказал Евгений.

– Да это и видно.

– Что?

– Ничего, я петли считаю.

Евгений стоял в это время у постели, и Лиза смотрела на него и одной из влажных рук, лежавших сверх одеяла, поймала его руку и пожала. «Переноси ее для меня. Ведь она не мешает нам любить друг друга», говорил ее взгляд.

– Не буду. Это так, – прошептал он и поцеловал ее влажную, длинную руку и потом милые глаза, которые закрывались, пока он целовал их.

– Неужели опять то же? – сказал он. – Как ты чувствуешь?

– Страшно сказать, чтоб не ошибиться, но чувство у меня такое, что он жив и будет жив, – сказала она, глядя на свой живот.

– Ах, страшно, страшно и думать.

Несмотря на настояния Лизы, чтоб он ушел, Евгений провел ночь с нею, засыпая только одним глазом и готовый служить ей. Но ночь она провела хорошо и, если бы не было послано за доктором, может быть, и встала бы.

К обеду приехал доктор и, разумеется, сказал, что, хотя повторные явления и могут вызывать опасения, но, собственно говоря, положительного указания нет, но так как нет и противопоказания, то можно, с одной стороны, полагать, с другой же стороны, тоже можно полагать. И потому надо лежать, и хотя я и не люблю прописывать, но всё-таки это принимать и лежать. Кроме того, доктор прочел еще Варваре Алексеевне лекцию о женской анатомии, при чем Варвара Алексеевна значительно кивала головой. Получив гонорар, как и обыкновенно, в самую заднюю

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
часть ладони, доктор уехал, а больная осталась лежать на неделю.

XV

Большую часть времени Евгений проводил у постели жены, служил ей, говорил с ней, читал с ней и, что было труднее всего, без ропота переносил нападки Варвары Алексеевны и даже сумел из этих нападков сделать предмет шутки.

Но он не мог сидеть дома. Во-первых, жена посылала его, говоря, что он заболел, если будет сидеть всё с нею, а во-вторых, хозяйство всё шло так, что на каждом шагу требовало его присутствия. Он не мог сидеть дома, а был в поле, в лесу, в саду, на гумне, и везде не мысль только, а живой образ Степаниды преследовал его так, что он редко только забывал про нее. Но это было бы ничего; он, может быть, сумел бы преодолеть это чувство, но хуже всего было то, что он прежде жил месяцами не видя ее, теперь же беспрестанно видел и встречал ее. Она, очевидно, поняла, что он хочет возобновить сношения с нею, и старалась попадаться ему. Ни им ни ей не было сказано ничего, и оттого и он и она не шли прямо на свиданье, а старались только сходиться.

Место, где можно было сойтись, это был лес, куда бабы ходили с мешками за травой для коров. И Евгений знал это и потому каждый день проходил мимо этого леса. Каждый день он говорил себе, что он не пойдет, и каждый день кончалось тем, что он направлялся к лесу и, услышав звук голосов, останавливаясь за кустом, с замиранием сердца выглядывал, не она ли это.

Зачем ему нужно было знать, не она ли это? Он не знал. Если бы это была она и одна, он не пошел бы к ней, – так он думал, – он убежал бы; но ему нужно было видеть ее. Один раз он встретил ее: в то время как он входил в лес, она выходила из него с другими двумя бабами и тяжелым мешком, полным травы, на спине. Немного раньше и он бы, может быть, столкнулся с нею в лесу. Теперь же ей невозможно было на виду других баб вернуться к нему в лес. Но, несмотря на сознаваемую им эту невозможность, он долго, рискуя обратить этим на себя внимание других баб, стоял за кустом орешника. Разумеется, она не вернулась, но он простоял здесь долго. И, Боже мой, с какой прелестью рисовало ему ее его воображение. И это было не один раз, а пятый, шестой раз. И что дальше, то сильнее. Никогда она так привлекательна не казалась ему. Да и не то что привлекательна; никогда она так вполне не владела им.

Он чувствовал, что терял волю над собой, становился почти помешанным. Строгость его к себе не ослаблялась ни на волос; напротив, он видел всю мерзость своих желаний, даже поступков, потому что хождение его по лесу был поступок. Он знал, что стоило ему столкнуться с ней где-нибудь близко, в темноте, если бы можно, прикоснуться к ней, и он отдастся своему чувству. Он знал, что только стыд перед людьми, перед ней и перед собой держал его. И он знал, что он искал условий, в которых бы не был замечен этот стыд – темноты или такого прикосновения, при котором стыд этот заглушится животной страстью. И потому он знал, что он мерзкий преступник, и презирал и ненавидел себя всеми силами души. Он ненавидел себя потому, что всё еще не сдавался. Каждый день он молился Богу о том, чтобы Он подкрепил, спас его от гибели, каждый день он решал, что отныне он не сделает ни одного шага, не оглянется на нее, забудет ее. Каждый день он придумывал средства, чтобы избавиться от этого наводнения, и употреблял эти средства.

Но всё было напрасно.

Одно из средств было постоянное занятие; другое было усиленная физическая работа и пост; третье было представление себе ясное того стыда, который обрушится на его голову, когда все узнают это – жена, теща, люди. Он всё это делал, и ему казалось, что он побеждает, но приходило время, полдень, время прежних свиданий и время, когда он ее встретил за травой, и он шел в лес.

Так прошли мучительные 5 дней. Он только видал ее издали, но ни разу не сошелся с нею.

XVI

Лиза понемногу поправлялась, ходила и беспокоилась той переменной, которая произошла в ее муже и которой она не понимала.

Варвара Алексеевна уехала на время, из чужих гостей только дядюшка. Марья Павловна, как всегда, была дома.

В таком полусумасшедшем состоянии находился Евгений, когда случились, как это часто бывает после июньских гроз, июньские проливные дожди, продолжавшиеся два дня. Дожди отбили от всех работ. Даже навоз бросили возить от сырости и грязи. Народ сидел по домам. Пастухи мучались с скотиной и наконец пригнали ее домой. Коровы и овцы ходили по выгону и разбегались по усадьбам. Бабы, босые и покрытые платками, шлепая по грязи, бросились разыскивать разбежавшихся коров. Ручьи текли везде по дорогам, все листья, вся трава были полны водой, из желобов текли не умолкая ручьи в пузырящиеся лужи. Евгений сидел дома с женой, которая была особенно скучна нынче. Она несколько раз допрашивала Евгения о причине его недовольства, он с досадой отвечал, что ничего нет. И она перестала спрашивать, но огорчилась.

Они сидели после завтрака в гостиной. Дядюшка рассказывал сотый раз свои выдумки про своих великосветских знакомых. Лиза вязала кофточку и вздыхала, жалуясь на погоду и на боль в пояснице. Дядюшка посоветовал ей лечь, а сам попросил вина. В доме Евгению было ужасно скучно. Всё было слабое, скучающее. Он читал книгу и курил, но ничего не понимал.

– Да, надо пройтись посмотреть терки, вчера привезли, – сказал он. Он встал и пошел.

– Ты возьми зонтик.

– Да нет, у меня кожан. Да и я только до варков.

Он надел сапоги, кожан и пошел к заводу; но не прошел он 20 шагов, как навстречу ему попала она в высоко над белыми икрами подоткнутой паневе. Она шла, придерживая руками шаль, которой были закутаны ее голова и плечи.

– Что ты? – спросил он, в первую минуту не узнав ее.

Когда он узнал, было уже поздно. Она остановилась и, улыбаясь, долго поглядела на него.

– Теленку ищу. Куда же это вы в ненастье-то? – сказала она, точно каждый день видала его.

– Приходи в шалаш, – вдруг, сам не зная как, сказал он. Точно кто-то другой из него сказал эти слова.

Она закусила платок, кивнула глазами и побежала туда, куда шла, – в сад, к шалашу, а он продолжал свой путь с намереньем завернуть за сиреневым кустом и итти туда же.

– Барин, – послышался ему сзади голос. – Барыня зовут, на минутку просят зайти.

Это был Миша, их слуга.

«Боже мой, второй раз Ты спасаешь меня», подумал Евгений и тотчас же вернулся. Жена напоминала ему, что он обещал в обед снести лекарство больной женщине, так вот она просила его взять его.

Пока собирали лекарство, прошло минут 5. Потом, выйдя с лекарством, он не решился итти в шалаш, чтобы его не увидели из дома. Но как только вышел из вида, он тотчас повернул и пошел к шалашу. Он уже видел в воображении своем ее по середине шалаша, весело улыбающуюся; но ее не было, и в шалаше ничего не было, что бы доказывало, что она была. Он уже подумал, что она не приходила и не слыхала и не поняла его слов. Он пробурчал их себе под нос, как бы боясь, чтобы она услышала их. «Или, может быть, и не хотела прийти? И с чего он выдумал, что она так и бросится к нему? У нее есть свой муж; только я один такой мерзавец, что у меня жена, и хорошая, а я бегаю за чужою». Так он думал, сидя в шалаше, протекшем в одном месте и капающем с своей соломы. «А что бы за счастье было, если бы она пришла. Одни здесь в этот дождь. Хоть бы раз опять обнять ее, а потом будь что будет. Ах, да, – вспомнил он, – если была, то по следам можно найти». Он взглянул на землю пробитой к шалашу и не заросшей травой тропинки, и свежий след босой ноги, еще покатывшейся, был на ней. «Да, она была. Но теперь кончено. Прямо, где ни увижу, пойду к ней. Ночью пойду к ней». Он долго сидел в

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle шалаше и вышел из него измученный и убитый. Он снес лекарство, вернулся домой и лег у себя в комнате, дожидаясь обеда.

XVII

Перед обедом Лиза пришла к нему и, всё придумывая, что бы могло быть причиною его неудовольствия, стала говорить ему, что она боится, что ему неприятно, что ее хотят везти в Москву родить, и что она решила, что останется здесь. И ни за что не поедет в Москву. Он знал, как она боялась и самих родов и того, чтобы не родить [не]хорошего ребенка, и потому не мог не умилиться, видя, как легко она всем жертвовала из любви к нему.

Всё было так хорошо, радостно, чисто в доме; а в душе его было грязно, мерзко, ужасно. Весь вечер Евгений мучался тем, что он знал, что, несмотря на свое искреннее отвращение к своей слабости, несмотря на твердое намерение перервать, завтра будет то же самое.

– Нет, это невозможно, – говорил он себе, ходя взад и вперед по своей комнате. – Ведь должно же быть какое-нибудь средство против этого. Боже мой! что делать?

Кто-то на иностранный манер постучался в дверь. Это, он знал, был дядюшка.

– Взойдите, – сказал он.

Дядюшка пришел самопроизвольно послom от жены.

– Ты знаешь ли, что, в самом деле, я замечаю в тебе перемену, – сказал он, – и Лизу, я понимаю, как это мучает. Я понимаю, что тебе тяжело оставлять всё начатое и прекрасное дело, но что ты хочешь, que veux tu? Я бы советовал вам ехать. Покойней будет и тебе и ей. И знаешь ли, мой совет ехать в Крым. Климат акушер там прекрасный, и в самый виноградный сезон вы попадете.

– Дядюшка, – вдруг заговорил Евгений, – можете вы соблюсти мой секрет, ужасный для меня секрет, постыдный секрет?

– Помилуй, неужели ты сомневаешься во мне?

– Дядюшка! Вы можете мне помочь. Не то что помочь, спасти меня, – сказал Евгений. И мысль о том, что он откроет свою тайну дядюшке, которого он не уважал, мысль о том, что он покажется ему в самом невыгодном свете, унижится перед ним, была ему приятна. Он чувствовал себя мерзким, виноватым, и ему хотелось наказать себя.

– Говори, мой друг, ты знаешь, как я тебя любил, – заговорил дядюшка, видимо очень довольный и тем, что есть секрет, и что секрет постыдный, и что секрет этот ему сообщат, и что он может быть полезен.

– Прежде всего я должен сказать, что я мерзавец и негодяй, подлец, именно подлец.

– Ну, что ты, – надуваясь горлом, начал дядюшка.

– Да как же не мерзавец, когда я, Лизин муж, Лизин! – надо ведь знать ее чистоту, любовь, – когда я, ее муж, хочу изменить ей с бабой?

– То есть, отчего же ты хочешь? Ты не изменил ей?

– Да, то есть, всё равно, что изменил, потому что это не от меня зависело. Я готов был. Мне помешали, а то я теперь бы... теперь бы. Я не знаю, что бы я сделал.

– Но позволь, ты объясни мне...

– Ну, да вот. Когда я был холостым, я имел глупость войти в сношения с женщиной здесь, из нашей деревни. То есть, как я встречался с ней в лесу, в поле...

– И хорошенькая? – сказал дядюшка.

Евгений поморщился от этого вопроса, но ему так нужна была помощь внешняя, что

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
он как будто не слышал его и продолжал.

– Ну, я думал, что это так, что я перерву, и всё кончится. Я и перервал еще до женитьбы и почти год и не видал и не думал о ней – Евгению самому странно было себя слушать, слушать описание своего состояния, – потом вдруг, уж я не знаю отчего, – право, иногда веришь в привороты, – я увидел ее, и червь залез мне в сердце – гложет меня. Я ругаю себя, понимая весь ужас своего поступка, то есть, того, который я всякую минуту могу сделать, и сам иду на это, и если не сделал, то только Бог меня спасал. Вчера я шел к ней, когда Лиза позвала меня.

– Как, в дождь?

– Да, я измучался, дядюшка, и решил открыться вам и просить вашей помощи.

– Да, разумеется, в своем имени это нехорошо. Узнают. Я понимаю, что Лиза слаба, надо жалеть ее, но зачем в своем имени?

Опять Евгений постарался не слышать того, что говорил дядюшка, и приступил скорее к сущности дела.

– Да вы спасите меня от себя. Я вас вот о чем прошу. Нынче мне помешали случайно, но завтра, в другой раз, мне [не] помешают. И она знает теперь. Не пускайте меня одного.

– Да, положим, – сказал дядюшка. – Но неужели ты так влюблен?

– Ах, совсем не то. Это не то, это какая-то сила ухватила меня и держит. Я не знаю, что делать. Может быть, я окрепну, тогда...

– Ну вот и выходит по-моему, – сказал дядюшка. – Поедьте-ка в Крым.

– Да, да, поедьте, а пока я буду с вами, буду говорить вам.

XVIII

То, что Евгений доверил дядюшке свою тайну, и, главное, те мучения совести и стыда, которые он пережил после того дождливого дня, отрезвили его. Поездка в Ялту была решена через неделю. В эту неделю Евгений ездил в город доставать денег на поездку, распоряжался из дома и конторы по хозяйству, опять стал весел и близок с женою и стал нравственно оживать.

Так, ни разу после того дождливого дня не видав Степаниду, он уехал с женою в Крым. В Крыму они провели прекрасно два месяца. Евгению было столько новых впечатлений, что всё прежнее стерлось, ему казалось, совсем из его воспоминания. В Крыму они встретили прежних знакомых и особенно сблизились с ними; кроме того, сделали новые знакомства. Жизнь в Крыму для Евгения была постоянным праздником и, кроме того, еще была поучительна и полезна для него. Они сблизились там с бывшим губернским предводителем их же губернии, с умным, либеральным человеком, который любил Евгения и образовывал его и привлек на свою сторону. В конце августа Лиза родила прекрасную, здоровую девочку, и родила неожиданно очень легко.

В сентябре Иртеневы поехали домой уже сам четверт с ребенком и кормилицей, так как Лиза не могла кормить. Совершенно свободный от прежних ужасов, Евгений вернулся к себе совсем новым и счастливым человеком. Пережив всё то, что переживают мужья при родах, он еще сильнее любил жену. Чувство к ребенку, когда он его брал на руки, было смешное, новое, очень приятное, точно щекотное чувство. Еще новое в его жизни теперь было то, что, кроме занятия хозяйством, в его душе, благодаря сближению с Думчиным (бывший предводитель), возник новый интерес земский, отчасти честолюбивый, отчасти сознания долга. В октябре должно было быть экстренное собрание, в котором его должны были выбрать. Приехав домой, он раз съездил в город, другой раз к Думчину.

О мучениях соблазна и борьбы он забыл и думать и с трудом мог восстановить их в своем воображении. Это представлялось ему чем-то в роде припадка сумасшествия, которому он подвергся.

До такой степени теперь он чувствовал себя свободным от этого, что он даже не побоялся спросить при первом случае, когда они остались одни, у приказчика. Так

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle как он уж говорил с ним об этом, ему не совестно было спросить.

– Ну что, Пчельников Сидор всё не живет дома? – спросил он.

– Нет, всё в городе.

– А баба его?

– Да пустая бабенка! Теперь с Зиновеем путается. Совсем заболталась.

«Ну и прекрасно, – подумал Евгений. – Как удивительно мне всё равно, и как я изменился».

ХІХ

Совершилось всё, чего желал Евгений. Именье осталось за ним, завод пошел, выход свекловицы был прекрасный, и доход ожидался большой; жена благополучно родила, и теща уехала, и его выбрали единогласно.

Евгений после избрания возвращался домой из города. Его поздравляли, он должен был благодарить. И он обедал и выпил бокалов пять шампанского. Совсем новые планы жизни теперь представились ему. Он ехал домой и думал о них. Было бабье лето. Прекрасная дорога, яркое солнце. Подъезжая к дому, Евгений думал о том, как он, вследствие этого избрания, займет в народе именно то положение, о котором он всегда мечтал, то есть такое, в котором он в состоянии будет служить ему не одним производством, которое дает работу, но прямым влиянием. Он представлял себе, как об нем через 3 года будут судить его же и другие крестьяне. «Вот и этот», думал он, проезжая в это время по деревне и глядя на мужика и бабу, которые шли ему поперек дороги с полным ушатом. Они остановились, пропуская тарантас. Мужик был старик Пчельников, баба была Степанида. Евгений взглянул на нее, узнал ее и с радостью почувствовал, что он остался совершенно [спокойным]. Она была всё так же миловидна, но его это не тронуло нисколько. Он приехал домой. Жена встретила на крыльце. Был чудный вечер.

– Ну что, можно поздравить? – сказал дядюшка.

– Да, выбрали.

– Ну и прекрасно. Спрыснуть надо.

На другое утро Евгений поехал по хозяйству, которое он запустил. На хуторе молотилка новая работала. Рассматривая ее работу, Евгений ходил между баб, стараясь не замечать их, но как он ни старался, он два раза заметил черные глаза и красный платок Степаниды, носившей солому. Два раза он покосился на нее и почувствовал, что опять что-то, но не мог дать себе отчета. Только на другой день, когда он опять поехал на гумно хутора и пробыл там 2 часа, чего совсем не нужно было, не переставая глазами ласкать знакомый красивый образ молодой женщины, он почувствовал, что он погиб, погиб совсем, безвозвратно. Опять эти мученья, опять весь этот ужас и страх. И нет спасенья.

–
То, чего он ожидал, то и случилось с ним. На другой день вечером он, сам не зная как, очутился у ее задворков, против ее сеного сарая, где один раз осенью у них было свиданье. Он, как будто гуляя, остановился тут, закуривая папироску. Баба соседка увидела его, и он, проходя назад, услышал, как она говорила кому-то:

– Иди, дожидается, сейчас умереть, стоит. Иди, дура!

Он видел, как баба – она – побежала к сараю, но ему нельзя уже было вернуться, потому что его встретил мужик, и он пошел домой.

ХХ

Когда он пришел в гостиную, всё ему показалось дико и неестественно. Утром он встал еще бодрый, с решением бросить, забыть, не позволять себе думать. Но, сам не замечая как, он всё утро не только не интересовался делами, но старался освободиться от них. То, что прежде важно было, радовало его, было теперь ничтожно. Он бессознательно старался освободиться от дел. Ему казалось, что нужно освободиться для того, чтобы обсудить, обдумать. И он освободился и остался один.

Но как только остался один, так он пошел бродить в сад, в лес. И все места эти были загажены воспоминаниями, воспоминаниями, захватывающими его. И он почувствовал, что он ходит в саду и говорит себе, что обдумывает что-то, а он ничего не обдумывает, а безумно, безосновательно ждет ее, ждет того, что она каким-то чудом поймет, как он желает ее, и возьмет и придет сюда или куда-нибудь туда, где никто не увидит, или ночью, когда не будет луны, и никто, даже она сама, не увидит, в такую ночь она придет, и он коснется ее тела...

«Да, вот и перервал, когда захотел, – говорил он себе. – Да, вот и для здоровья сошелся с чистой, здоровой женщиной! Нет, видно, нельзя так играть с ней. Я думал, что я ее взял, а она взяла меня, взяла и не пустила. Ведь я думал, что я свободен, а я не был свободен. Я обманывал себя, когда женился. Всё было вздор, обман. С тех пор, как я сошелся с ней, я испытал новое чувство, настоящее чувство мужа. Да, мне надо было жить с ней.

«Да, две жизни возможны для меня; одна та, которую я начал с Лизой: служба, хозяйство, ребенок, уважение людей. Если эта жизнь, то надо, чтоб ее, Степаниды, не было. Надо усрать ее, как я говорил, или уничтожить ее, чтоб ее не было. А другая жизнь – это тут же. Отнять ее у мужа, дать ему денег, забыть про стыд и позор и жить с ней. Но тогда надо, чтоб Лизы не было и мими (ребенка). Нет, что же, ребенок не мешает, но чтоб Лизы не было, чтоб она уехала. Чтоб она узнала, прокляла и уехала. Узнала, что я променял ее на бабу, что я обманщик, подлец. Нет, это слишком ужасно! Этого нельзя. Да, но может и так быть, – продолжал он думать, – может так быть. Лиза заболит да умрет. Умрет, и тогда всё будет прекрасно.

«Прекрасно! О, негодяй. Нет, уж если умирать, то ей. Кабы она умерла, Степанида, как бы хорошо было.

«Да, вот как отравляют или убивают жен или любовниц. Взять револьвер и пойти вызвать и, вместо объятий, в грудь. И кончено.

«Ведь она чорт. Прямо чорт. Ведь она против воли моей завладела мною. Убить? да. Только два выхода: убить жену или ее. Потому что так жить нельзя.[218] Нельзя. Надо обдумать и предвидеть. Если остаться так, как есть, то что будет?

«Будет то, что я опять себе скажу, что я не хочу, что я брошу, но я только скажу, а буду вечером на задворках, и она знает, и она придет. И или люди узнают и скажут жене, или я сам скажу ей, потому что не могу я лгать, не могу я так жить. Не могу. Узнается. Все узнают, и Параша и кузнец. Ну и что же, разве можно жить так?

«Нельзя. Только два выхода: жену убить или ее. Да еще...

Ах, да, третий есть: себя, – сказал он тихо вслух, и вдруг мороз пробежал у него по коже. – Да, себя, тогда не нужно их убивать». Ему стало страшно, именно потому, что он чувствовал, что только этот выход возможен. – «Револьвер есть. Неужели я убью себя? Вот чего не думал никогда. Как это странно будет».

Он вернулся к себе в комнату и тотчас открыл шкаф, где был револьвер. Но не успел он открыть его, как вошла жена.

XXI

Он накинул газету на револьвер.

– Опять то же, – с испугом сказала она, взглянув на него.

– Что то же?

– То же ужасное выражение, которое было прежде, когда ты не хотел мне сказать. Геня, голубчик, скажи мне. Я вижу, ты мучаешься. Скажи мне, тебе легче будет. Что бы ни было, всё лучше этих твоих страданий. Ведь я знаю, что ничего дурного.

– Ты знаешь? Пока.

– Скажи, скажи, скажи. Не пущу тебя:

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Он улыбнулся жалкой улыбкой.

«Сказать? Нет, это невозможно. Да и нечего говорить».

Может быть, он сказал бы ей, но в это время вошла кормилица, спрашивая, можно ли идти гулять. Лиза вышла одеть ребенка.

– Так ты скажешь. Я сейчас приду.

– Да, может быть...

Она никогда не могла забыть улыбки страдальческой, с которой он сказал это. Она вышла.

Поспешно, крадучись, как разбойник, он схватил револьвер, вынул из чехла. «Он заряжен, да, но давно, и одного заряда недостает. Ну, что́ будет».

Он приставил к виску, замялся было, но как только вспомнил Степаниду, решение не видеть, борьбу, соблазн, падение, опять борьбу, так вздрогнул от ужаса. «Нет, лучше это». И пожал гашетку.

Когда Лиза вбежала в комнату, – она только что успела спуститься с балкона, – он лежал ничком на полу, черная, теплая кровь хлестала из раны, и труп еще подрагивал.

Было следствие. Никто не мог понять и объяснить причины самоубийства. Дядюшке даже ни разу не пришло в голову, что причина имела что-нибудь общего с тем признанием, которое два месяца тому назад ему делал Евгений.

Варвара Алексеевна уверяла, что она всегда предсказывала это. Это было видно, когда он спорил. Лиза и Марья Павловна обе никак не могли понять, отчего это случилось, и всё-таки не верили тому, что говорили доктора, что он был душевно-больной. Они не могли никак согласиться с этим, потому что знали, что он был более здравомыслящ, чем сотни людей, которых они знали.

И действительно, если Евгений Иртнев был душевно-больной, то все люди такие же душевно-больные, самые же душевно-больные это несомненно те, которые в других людях видят признаки сумасшествия, которых в себе не видят.

19 ноября 1889.

Ясная Поляна.

[ВАРИАНТ КОНЦА ПОВЕСТИ «ДЬЯВОЛ»]. [219]

сказал он себе и, подойдя к столу, достал из него револьвер и, осмотрев его – одного заряда не доставало, – положил его в карман штанов.

– Боже мой! что я делаю? – вдруг вскрикнул он и, сложив руки, он стал молиться.
– Господи, помоги мне, избавь меня. Ты знаешь, что я не хочу дурного, но я не могу один. Помоги мне, – говорил он, крестясь на образ.

«Да я могу же владеть собой. Пойду похожу и обдумаю».

Он вышел в переднюю, надел полушубок, калоши и вышел на крыльцо. Не замечая этого, шаги его направились мимо сада по полевой дороге к хутору. На хуторе всё еще гудела молотилка, и слышались крики погонщиков-мальчиков. Он вошел в ригу. Она была тут. Он тотчас же увидал ее. Она сгребала колос и, увидав его, она, смеясь глазами, бойкая, веселая, рысью побежала по раскиданному колосу, ловко сдвигая его. Евгений не хотел, но не мог не смотреть на нее. Он опомнился только, когда она перестала быть видима. Приказчик доложил, что теперь домолачивают слежавшиеся, и что от этого дольше и выхода меньше. Евгений подошел к барабану, изредка стучавшему при пропуске плохо распластанных снопов, и спросил приказчика: много ли таких слежавшихся снопов.

– Возов 5 будет.

– Так вот что... – начал Евгений и не договорил. Она подошла вплоть к барабану, из под него выгребая колос, и обожгла его своим смеющимся взглядом.

Взгляд этот говорил о веселой, беззаботной любви между ними, о том, что она знает, что он желает ее, что он приходил к ее сараю, и что она, как всегда, готова жить и веселиться с ним, не думая ни о каких условиях и последствиях. Евгений почувствовал себя в ее власти, но не хотел сдаваться.

Он вспомнил свою молитву и попытался повторить ее. Он стал про себя говорить ее, но тотчас же почувствовал, что это было бесполезно.

Одна мысль теперь поглотила его всего: как незаметно от других назначить ей свидание?

– Если нынче кончим, прикажете начинать новый скирд или уж до завтра? – спросил приказчик.

– Да, да, – отвечал Евгений, невольно направляясь за нею к вороху, к которому она с другой бабой пригребала колос.

«Да неужели я не могу овладеть собою? – говорил он себе. – Неужели я погиб? Господи! Да нет никакого Бога. Есть дьявол. И это она. Он овладел мной. А я не хочу, не хочу. Дьявол, да, дьявол».

Он подошел вплоть к ней, вынул из кармана револьвер и раз, два, три раза выстрелил ей в спину. Она побежала и упала на ворох.

– Батюшки! родимые! что ж это? – кричали бабы.

– Нет, я не нечаянно. Я нарочно убил ее, – закричал Евгений. – Посылайте за становым.

Он пришел домой и, ничего не сказав жене, вошел в свой кабинет и заперся.

– Не ходи ко мне, – кричал он жене через дверь, – узнаешь всё.

Через час он позвонил и у пришедшего лакея спросил:

– Поди, узнай, жива ли Степанида.

Лакей уж знал всё и сказал, что померла с час назад.

– Ну и прекрасно. Теперь оставь меня. Когда приедет становой или следователь, скажи.

Становой и следователь приехали на другое утро, и Евгений, простившись с женой и ребенком, был отвезен в острог.

Его судили. Это были первые времена суда присяжных. И его признали временно душевно-больным и приговорили только к церковному покаянию.

Он пробыл в остроге девять месяцев и в монастыре месяц.

Он начал пить еще в остроге, продолжал в монастыре и вернулся домой расслабленным, неменяемым алкоголиком.

Варвара Алексеевна уверяла, что она всегда предсказывала это. Это было видно, когда он спорил. Лиза и Марья Павловна обе никак не могли понять, отчего это случилось, и всё-таки не верили тому, что говорили доктора, что он был душевно-больной, психопат. Они не могли никак согласиться с этим, потому что знали, что он был более здравомыслящий, чем сотни людей, которых они знали.

И действительно, если Евгений Иртенев был душевно-больной тогда, когда он совершил свое преступление, то все люди такие же душевно-больные, самые же душевно-больные это несомненно те, которые в других людях видят признаки сумасшествия, которых в себе не видят.

[ВАРИАНТЫ К ПОВЕСТИ «ДЬЯВОЛ».]

* № 1

<Это было поздней весной. Евгений Иртеневъ [220] <Евгений Ивановичъ, какъ его звали

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
мужики и бабы, какъ молодого барина>, былъ въ отпускъ изъ своей Петербургской
департаментской службы и, живя въ деревнѣ, съ большимъ рвеніемъ занимался
хозяйствомъ. Ему было 26 лѣтъ и, несмотря на пенсне, которое онъ носилъ, онъ
былъ сильный, свѣжій малый, съ сильно развитыми гимнастикой мускулами и
неиспорченнымъ здоровьемъ, два года тому назадъ кончившій кандидатомъ курсъ въ
университетъ. <Онъ <охотно> исполнялъ желаніе матери, ему надоѣла петербургская
жизнь, а у него смутно шевелилась мысль выдти въ отставку, жениться и остаться
въ деревнѣ. Но только остаться не такъ, какъ теперь, занимаясь хозяйствомъ подъ
руководствомъ ничего не понимающей въ хозяйствѣ и всего боящейся матери,
независимо, въ своемъ отдѣльномъ имѣніи, гдѣ бы онъ могъ устроиться, какъ онъ
хочетъ. Ихъ было два брата и сестра. Братъ служилъ въ гвардіи и былъ не хозяинъ,
а сестра была выдѣлена и замужемъ.>

Онъ только что раздѣлился съ братомъ (братъ служилъ въ гвардіи), и ему досталось
800 десятинъ прекраснаго чернозема съ усадьбой, и тутъ то онъ хозяйничалъ, какъ
всегда хозяйничаютъ всѣ новички, съ закупаніемъ машинъ, съ нововведеніями и съ
смутнымъ представленіемъ, что какъ то случилось такъ, что до него всѣ дѣлали не
то, а что онъ то вотъ и покажетъ.

Впрочемъ, все это онъ дѣлалъ въ мѣру, потому что былъ истинно скромный,
добродушный и честный молодой человекъ. Всѣ, кто знали, любили его, и у матери
онъ былъ признаннымъ любимцемъ, такъ что мать, у которой было свое имѣнье въ 30
верстахъ отъ сына, по старой памяти жила съ нимъ, и сынъ съ матерью прекрасно
ладили.>

* № 2

<И Евгеній Ивановичъ съ одобренія матери рѣшилъ выдти въ отставку и остаться
совсѣмъ въ деревнѣ и служить по земству. Зимой въ этомъ году должны были быть
выборы. <И такого молодого земца, вѣроятно, выберутъ въ непремѣнные члены, либо
въ Мировые Судьи. А онъ пойдетъ и туда и сюда. Только бы жить въ деревнѣ и
хозяйничать. Мать особенно одобряла этотъ планъ еще и потому, что она надѣялась
женить Геню.> Марья Павловна, мать Евгенія, была счастлива тѣмъ, что жила съ
любимымъ сыномъ, но многое въ ея жизни, кромѣ неугасаемаго горя по мужу, было ей
тяжело. И тяжелѣе всего, хотя она и не признавала этаго, была относительная
бѣдность ихъ жизни. И она отыскивала средство избавленія, средство, совпадавшее
съ желаніемъ ея сердца. Средство это было женитьба сына. У нея уже была
прекрасная дѣвушка на примѣтъ, 18-тилѣтняя хорошенькая институтка, только что
выпущенная, и 80 тысячъ приданаго – единственная дочь. Дѣвушка эта съ родителями
жила въ 30 верстахъ отъ нихъ. Кромѣ того, Марья Павловна наемкнула Евгенію на
то, что она одного теперь желаетъ – это его женитьбы. Онъ сказалъ, что онъ не
только не прочь жениться, но очень желаетъ этаго, потому что не любить и боится
неправильной жизни.

– Да, да, жениться тебѣ нужно, дружокъ, – сказала Марья Павловна, – чѣмъ скорѣе,
тѣмъ лучше. <И я за тебя боюсь.> Въ деревнѣ холостому молодому человекъ
нехорошо, – прибавила она значительно. Евгенію показалось, что мать что-нибудь
слышала. Въ деревнѣ вѣдь скрыть ничего нельзя, а у Марьи Павловны, какъ у всѣхъ
помѣщицъ, была своя тайная полиція, доносившая все, что дѣлалось и могло ее
интересовать. Евгеній понялъ, на что она намекала. «Ну что жъ дѣлать, – подумалъ
онъ, – если и знаетъ. Кажется, я веду себя такъ, что ничего противъ меня сказать
нельзя». Онъ думалъ такъ, потому что онъ дѣйствительно старался вести себя какъ
можно скромнѣе.

[ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ КНИГѢ А. И. ЕРШОВА «СЕВАСТОПОЛЬСКІЕ ВОСПОМИНАНІЯ АРТИЛЛЕРІЙСКОГО
ОФИЦЕРА».]

А. И. Ершовъ прислалъ мнѣ свою книгу: «Севастопольскія воспоминанія» и просилъ
прочестъ и высказать произведенное этимъ чтеніемъ впечатлѣніе.

Я прочелъ книгу, и высказать произведенное на меня этимъ чтеніемъ впечатлѣніе
мнѣ очень хочется сдѣлать, потому что впечатлѣніе это очень сильное. Я
переживалъ съ авторомъ пережитое и мною 34 года тому назадъ. Пережитое это было
и то, что описываетъ авторъ, – ужасы войны, но и то, чего почти не описываетъ
авторъ, то душевное состояніе, которое при этомъ испыталъ авторъ.

Мальчикъ, только что выпущенный изъ корпуса, попадаетъ въ Севастополь. Нѣсколько
мѣсяцевъ тому назадъ мальчикъ этотъ былъ радостенъ, счастливъ, какъ бывають
счастливы дѣвушки на другой день послѣ свадьбы. Только вчера, кажется, это было,
когда онъ обновилъ офицерскій мундирчикъ, въ который опытный портной подложилъ,

какъ надо, ваты подъ лацканы, распустилъ толстое сукно и погоны, чтобы скрыть юношескую, не сложившуюся еще дѣтскую грудь и придать ей видъ мужества; вчера только онъ обновилъ этотъ мундиръ и поѣхалъ къ парикмахеру, подвилъ, напмадилъ волосы, подчеркнулъ фиксауаромъ пробивающіеся усики и, гремя по ступенькамъ шашкой на золотой портупей, съ фуражкой на бочку прошелъ по улицъ. Уже не самъ онъ оглядывается, какъ бы не пропустить, не отдавъ чести офицеру, а его издалека видятъ нижніе чины, и онъ небрежно прикасается къ козырьку или командуеть: «вольно!» Вчера только генераль, начальникъ, говорилъ съ нимъ серьезно, какъ съ равнымъ, и ему такъ несомнѣнно представлялась блестящая военная карьера. Вчера, кажется, только няня удивлялась на него, и мать умилялась и плакала отъ радости, цѣлуя и лаская его, и ему было и хорошо, и стыдно. Вчера только онъ встрѣтился съ прелестной дѣвушкой; они говорили о пустякахъ, и у обоихъ морщились губы отъ сдержанной улыбки; и онъ зналъ, что она, да и не она одна, а сотни и еще въ 1000 разъ лучше ея могли, да и должны были, полюбить его. Все это, казалось, было вчера. Все это, можетъ быть, было и мелочно, и смѣшно, и тщеславно, но все это было невинно и потому мило. И вотъ онъ въ Севастополь. И вдругъ онъ видитъ, что что-то не то, что что-то дѣлается не то, совсѣмъ не то. Начальникъ спокойно говоритъ ему, чтобы онъ, тотъ самый человекъ, котораго такъ любить мать, отъ котораго не она одна, но и всѣ такъ много ожидали хорошаго, онъ со всей своей тѣлесной и душевной, единственной, несравненной красотой, чтобы онъ шель туда, гдѣ убиваютъ и калѣчатъ людей. Начальникъ не отрицаетъ того, что онъ – тотъ самый юноша, котораго всѣ любятъ и котораго нельзя не любить, жизнь котораго для него важнѣе всего на свѣтѣ, онъ не отрицаетъ этого, но спокойно говоритъ: «Идите, и пусть васъ убьютъ». Сердце сжимается отъ двойного страха, страха смерти и страха стыда, и дѣлая видъ, что ему совершенно все равно, итти ли на смерть или оставаться, онъ собирается, притворяясь, что ему интересно то, зачѣмъ онъ идетъ и его вещи и постель. Онъ идетъ въ то мѣсто, гдѣ убиваютъ, идетъ и надѣется, что это только говорятъ, что тамъ убиваютъ, но что, въ сущности, этого нѣтъ, а какъ-нибудь иначе это дѣлается. Но стоитъ пробыть на бастіонахъ полчаса, чтобы увидеть, что это, въ сущности, еще ужаснѣе, невыносимѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. На его глазахъ человекъ сіялъ радостью, цвѣлъ бодростью. И вотъ шлепнуло что-то, и этотъ же человекъ падаетъ въ испражненія другихъ людей, – одно ужасное страданіе, раскаяніе и обличеніе всего того, что тутъ дѣлается. Это ужасно, но не надо смотрѣть, не надо думать. Но нельзя не думать. То былъ онъ, а сейчасъ буду я. Какъ же это? Зачѣмъ это? Какъ же я, я, тотъ самый я, который такъ хорошъ, такъ милъ, такъ дорогъ былъ тамъ не одной нянѣ, не одной матери, не одной ей, но столькимъ, почти всѣмъ людямъ? Дорогой еще, на станціи, какъ они полюбили меня, и какъ мы смѣялись, какъ они радовались на меня и подарили мнѣ кисеть. И вдругъ здѣсь не то, что кисеть, но никому не интересно знать, какъ, когда искалчатъ мое все это тѣло, эти ноги, эти руки, убьютъ, какъ убили вонъ того. Буду ли я нынче однимъ изъ этой тысячи, – никому не интересно; напротивъ, даже желательно какъ будто. Да, я, именно я никому здѣсь не нуженъ. А если я не нуженъ, такъ зачѣмъ я здѣсь? – задаетъ онъ себѣ вопросъ и не находитъ отвѣта. Добро бы кто-нибудь объяснилъ, зачѣмъ все это, или если хоть не объяснилъ, то сказалъ бы что-нибудь возбуждающее. Но никто никогда не говоритъ ничего такого. Да кажется, и нельзя этого говорить. Было бы слишкомъ совѣстно, если бы кто-нибудь сказалъ такое. И отъ того никто не говоритъ. Такъ зачѣмъ же, зачѣмъ же я здѣсь? – вскрикиваетъ мальчикъ самъ съ собою, и ему хочется плакать. И нѣтъ отвѣта, кромѣ болѣзненного замиранія сердца. Но входитъ фельдфебель, и онъ притворяется, что [1 неразобр.]. Время идетъ. Другіе смотрятъ, или ему кажется, что на него смотрятъ, и онъ дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы не осрамиться. А чтобы не осрамиться, надо дѣлать, какъ другіе: не думать, курить, пить, шутить и скрывать. И вотъ проходитъ день, другой, третій, недѣля... И мальчикъ привыкаетъ скрывать страхъ и заглушать мысль. Ужаснѣе всего ему то, что онъ одинъ находится въ такомъ невѣдѣніи о томъ, зачѣмъ онъ здѣсь въ этомъ ужасномъ положеніи; другіе, ему кажется, что-то знаютъ, и ему хочется вызвать другихъ на откровенность. Онъ думаетъ, что легче бы было сознаться въ томъ, что всѣ въ томъ же ужасномъ положеніи. Но вызвать другихъ на откровенность въ этомъ отношеніи оказывается невозможнымъ; другіе какъ будто боятся говорить про это, такъ же какъ и онъ. Говорить нельзя про это. Надо говорить объ эскарпахъ, контръ-эскарпахъ, о портерѣ, о чинахъ, о порціонахъ, о штоссѣ – это можно. И такъ идетъ день за днемъ, юноша привыкаетъ не думать, не спрашивать и не говорить о томъ, что онъ дѣлаетъ, и не переставая чувствуетъ однако то, что онъ дѣлаетъ что-то совсѣмъ противное всему существу своему. Такъ это продолжается семь мѣсяцевъ, и юношу не убило и не искалчило, и война кончилась.

Страшная нравственная пытка кончилась. Никто не узналъ, какъ онъ боялся, хотѣлъ уйти и не понималъ, зачѣмъ онъ здѣсь оставался. Наконецъ, можно вздохнуть,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
опомниться и обдумать то, что было. Что ж было? Было то, что в продолжение семи месяцев я боялся и мучался, скрывая отъ всѣхъ свое мученіе. Подвига, т. е. поступка, которымъ бы я могъ не то что гордиться, но хотъ такого, который бы пріятно вспомнить, не было никакого. Всѣ подвиги сводились къ тому, что я былъ пушечнымъ мясомъ, находился долго въ такомъ мѣстѣ, гдѣ убивало много людей и въ головы, и въ грудь, и въ спину, и во всѣ части тѣла. Но это мое личное дѣло. Оно могло быть не выдающимся, но я былъ участникомъ общаго дѣла. Общее дѣло? Но въ чемъ оно? Погубили десятки тысячъ людей. Ну, и что же? Севастополь, тотъ Севастополь, который защищали, отданъ, и флотъ потопленъ, и ключи отъ Иерусалимскаго храма остались, у кого были, и Россія уменьшилась. Такъ что ж? Неужели только тотъ выводъ, что я по глупости и молодости попалъ въ то ужасное, безвыходное положеніе, въ которомъ былъ семь мѣсяцевъ, и по молодости своей не могъ выйти изъ него? Неужели только это?

Юноша находится въ самомъ выгодномъ положеніи для того, чтобы сдѣлать этотъ неизбѣжный логическій выводъ: во-первыхъ, война кончилась постыдно и ничѣмъ не можетъ быть оправдана (нѣтъ ни освобожденія Европы или болгаръ или т. п.); во-вторыхъ, юноша не заплатилъ такую дань войнѣ, какъ калѣчество на всю жизнь, при которомъ уже трудно признать ошибкой то, что было причиной его. Юноша не получалъ особенныхъ почестей, отреченіе отъ которыхъ связывалось бы съ отреченіемъ отъ войны; юноша могъ бы сказать правду, состоящую въ томъ, что онъ случайно попалъ въ безвыходное положеніе и, не зная, какъ выйти изъ него, продолжалъ находиться въ немъ до тѣхъ поръ, пока оно само развязалось.

И юношѣ хочется сказать это, и онъ непременно прямо сказалъ бы это. Но вотъ сначала съ удивленіемъ юноша слышитъ вокругъ себя толки о бывшей войнѣ не какъ о чемъ-то постыдномъ, какою она ему представляется, а какъ о чемъ-то не только весьма хорошемъ, но необыкновенномъ; слышитъ, что защита, въ которой онъ участвовалъ, было великое историческое событіе, что это была неслыханная въ мірѣ защита, что тѣ, кто были въ Севастополь, слѣдовательно, и онъ – герои изъ героевъ, и что то, что онъ не убѣжалъ оттуда, такъ же какъ и артиллерійская лошадь, которая не оборвала недоуздка и не ушла, что въ этомъ великій подвигъ, что онъ герой. И вотъ сначала съ удивленіемъ, потомъ съ любопытствомъ мальчикъ прислушивается и теряетъ силу сказать всю правду – не можетъ сказать противъ товарищей, выдать ихъ; но все-таки ему хочется сказать хоть часть правды, и онъ составляетъ описаніе того, что онъ пережилъ, въ которомъ юноша старается, не выдавая товарищей, высказать все то, что онъ пережилъ. Онъ описываетъ свое положеніе на войнѣ, вокругъ него убиваютъ, онъ убиваетъ людей, ему страшно, гадко и жалко. На самый первый вопросъ, приходящій въ голову каждому: зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? зачѣмъ онъ не перестанетъ и не уйдетъ? – авторъ не отвѣчаетъ. Онъ не говоритъ, какъ говорили въ старину, когда ненавидѣли своихъ враговъ, какъ евреи филистимлянъ, что онъ ненавидитъ союзниковъ; напротивъ, онъ кое-гдѣ показываетъ свое сочувствіе къ нимъ, какъ къ людямъ-братьямъ. Онъ не говоритъ тоже о своемъ страстномъ желаніи добиться того, чтобы ключи Иерусалимскаго храма были бы въ нашихъ рукахъ, или даже, чтобы флотъ нашъ былъ или не былъ. Вы чувствуете, читая, что вопросы жизни и смерти людей для него несоизмѣримы съ вопросами политическими. И читатель чувствуетъ, что на вопросъ: зачѣмъ авторъ дѣлалъ то, что дѣлалъ? – отвѣтъ одинъ: за тѣмъ, что меня смолodu или передъ войной забрали, или я случайно, по неопытности, самъ попалъ въ такое положеніе, изъ котораго я безъ большихъ лишеній не могъ вырваться. Я попалъ въ это положеніе; и тогда, когда меня заставили дѣлать самую противоестественную дѣла въ мірѣ, убивать ничѣмъ не обидѣвшихъ меня братьевъ, я предпочелъ это дѣлать, чѣмъ подвергнуться наказаніямъ и стыду. И несмотря на то, что въ книгѣ дѣлаются краткіе намеки на любовь къ царю, къ отечеству, чувствуется, что это только дань условіямъ, въ которыхъ находится авторъ.

Несмотря на то, что подразумевается то, что такъ какъ жертвовать своею цѣлостью и жизнью хорошо, то всѣ тѣ страданія и смерти, которыя встрѣчаются, служатъ въ похвалу тѣмъ, которые ихъ переносятъ, чувствуется, что авторъ знаетъ, что это неправда, потому что онъ свободно не жертвуетъ жизнью, а при убійствѣ другихъ невольно подвергаетъ свою жизнь опасности. Чувствуется, что авторъ знаетъ, что есть законъ божій: люби ближняго и потому не убій, который не можетъ быть отмѣненъ никакими человѣческими ухищреніями. И въ этомъ достоинство книги. Жалко только, что это только чувствуется, а не сказано прямо и ясно. Описываются страданія и смерти людей, но не говорится о томъ, что производитъ ихъ.

35 лѣтъ тому назадъ и то хорошо было, но теперь уже нужно другое.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Нужно описывать то, что производит страдания и смерти войны для того, чтобы
узнать, понять и уничтожить эти причины.

«Война! Какъ ужасна война со своими ранами, кровью и смертями!» говорятъ люди.
«Красный крестъ надо устроить, чтобы облегчить раны, страданія и смерть». Но
вѣдь ужасны въ войнѣ не раны, страданія и смерть. Людямъ всѣмъ, вѣчно
страдавшимъ и умиравшимъ, пора бы привыкнуть къ страданіямъ и смерти и не
ужасаться передъ ними. И безъ войны мрутъ отъ голода, наводненій, болѣзней
повальныхъ. Страшны не страданія и смерть, а то, что позволяетъ людямъ
производить ихъ. Одно словечко челоуѣка, просящаго для его любознательности
повѣсить, и другого, отвѣчающаго: «хорошо, пожалуйста, повѣсьте», – одно
словечко это полно смертями и страданіями людей. Такое словечко, напечатанное и
прочитанное, несетъ въ себѣ смерти и страданія миллионѣвъ. Не страданія, и
увѣчья, и смерть тѣлесную надо уменьшать, а увѣчья и смерть духовную. Не Красный
крестъ нуженъ, а простой крестъ Христовъ для уничтоженія лжи и обмана.

Я дописывалъ это предисловіе, когда ко мнѣ пришелъ юноша изъ юнкерскаго училища.
Онъ сказалъ мнѣ, что его мучаютъ религіозныя сомнѣнія, онъ прочелъ «Великаго
инквизитора» Достоевскаго, и его мучаетъ сомнѣніе: почему Христосъ проповѣдывалъ
ученіе, столь трудно исполнимое. Онъ ничего не читалъ моего. Я осторожно
говорилъ съ нимъ о томъ, что надо читать Евангеліе и въ немъ находить отвѣты на
вопросы жизни. Онъ слушалъ и соглашался. Передъ концомъ бесѣды я заговорилъ о
винѣ и совѣтовалъ ему не пить. Онъ сказалъ: «но въ военной службѣ бываетъ иногда
необходимо». Я думалъ – для здоровья, силы, и ждалъ побѣдоносно опровергнуть его
доводами опыта и науки, но онъ сказалъ: «Вотъ, напримѣръ, въ Геокъ-Тепе, когда
Скобелеву надо было перерѣзать населеніе, солдаты не хотѣли, и онъ напоилъ ихъ,
и тогда...» Вотъ гдѣ всѣ ужасы войны: въ этомъ мальчикѣ съ свѣжимъ молодымъ лицомъ
и съ погончиками, подъ которыми аккуратно просунуты концы башлыка, съ
вычищенными чисто сапогами и его наивными глазами и столь погубленнымъ
міросозерцаніемъ!

Вотъ гдѣ ужасъ войны!

Какіе миллионы работниковъ Краснаго креста залѣчатъ тѣ раны, которыя кишать въ
этомъ словѣ – произведеніи цѣлаго воспитанія!

10 м[арта] 89.

* [ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ КНИГѢ А. И. ЕРШОВА «СЕВАСТОПОЛЬСКІЕ
ВОСПОМИНАНІЯ АРТИЛЛЕРІЙСКАГО ОФИЦЕРА».]

А. И. Ершовъ прислалъ мнѣ свою книгу: Севастопольскія воспоминанія
артиллерійскаго офицера, прося прочесть и высказать произведенное этимъ чтеніемъ
впечатлѣніе. Первое, т. е. прочесть ее, я не могъ не сдѣлать. Стоило мнѣ
открыть, начать читать – и не могъ оторваться до конца, переживая вмѣстѣ съ
авторомъ пережитое 35 лѣтъ тому. Второе же, высказать произведенное на меня
этимъ чтеніемъ впечатлѣніе, мнѣ очень хочется, потому что впечатлѣніе это очень
сильное. – Я сказалъ, что читая переживалъ съ авторомъ пережитое 35 лѣтъ тому
назадъ – пережитое это было и все то, что описываетъ авторъ, но и то, что не
описываетъ авторъ, но то, что всегда интереснѣе всего во всякой книгѣ, то, что
само собой передается читателю – душевное состояніе[221] писавшаго. Душевное
состояніе это очень сложное, очень трогательное и очень поучительное. Я испыталъ
его и потому[222] могу понять его.

Воспоминанія объ этомъ состояніи и было то сильное впечатлѣніе, испытанное мною
при чтеніи этой книги, и его то я и попытаюсь высказать.

Одно изъ самыхъ странныхъ, вмѣстѣ самыхъ значительныхъ явленій челоуѣческой
жизни, явленій, отъ которыхъ зависитъ большая доля того зла, отъ котораго
страдаетъ челоуѣчество, состоитъ въ, назову это, въ перекувырканіи челоуѣческой
природы. Перекувырканіе это состоитъ въ томъ, что челоуѣкъ вмѣсто того, чтобы
руководиться въ своей практической дѣятельности, въ своихъ поступкахъ,
дѣятельностью[223] своей духовной природы, челоуѣкъ, не обдумавъ прежде,
отдается весь извѣстной практической дѣятельности и, потративъ часть своей
жизни, духовную дѣятельность свою устремляетъ на оправданіе этой практической
дѣятельности, и обсудивъ ихъ подъ вліяніемъ воспитанія, примѣръ жизненнаго
гипнотизма совершаетъ извѣстныя поступки. Челоуѣкъ усиленіями воспитанія
натолкнуть на книжную, учебную дѣятельность. Не успѣвъ одуматься и потративъ
лучшіе года жизни на заучиваніе того, что въ книгахъ, онъ близорукимъ,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle безмускульнымъ, съ разбитыми нервами, убогимъ человѣкомъ очунается въ 30 лѣтъ и задаетъ себѣ вопросъ о томъ, какое высшее призваніе человѣка и какая цѣна той дѣятельности, въ жертву которой онъ уже принесъ себя. Изъ 1000 такихъ людей едва ли у одного изъ такихъ людей достанетъ искренности оцѣнить свое положеніе, остальные же признаютъ то, во имя чего они принесли себя въ жертву, безспорно заслуживающимъ этихъ жертвъ, и вся духовная деятельность ихъ направляется на доказательство того, что они, не выбирая, выбрали то самое, что было нужно. Это явленіе повторяется во всѣхъ проявленіяхъ жизни человѣческой. Мальчикъ воспитывается въ понятіяхъ о томъ, что высшая доблесть – военная, не успѣетъ онъ очнуться, опомниться, какъ онъ уже въ красивомъ мундирѣ, въ эполетахъ; миліонъ солдатъ, всѣ, встрѣчаясь съ нимъ, вытягиваются и всѣ должны покоряться ему, женщины заглядываются на его мундиръ, сабля гремитъ по тротуару. Но къ этому еще можно отнести критически. Но вотъ выдаютъ раціоны золотомъ, комплектуются батальоны, и полки съ музыкой идутъ въ походъ, съ готовностью ранъ и смерти. Идутъ въ походъ, начинается война, и мальчику отрываютъ обѣ ноги. Фельдмаршалъ навѣшиваетъ крестъ, всѣ восхваляютъ героя, и выдаютъ пенсію. И вотъ герой задаетъ себѣ вопросъ: хорошо ли быть героемъ? Отвѣтъ несомнѣненъ, тѣмъ болѣе, если война еще кончается такъ, какъ кончилась война 12 и 15 годовъ, или война Нѣмцевъ съ французами. Міръ усмиренъ, всему этому обязанъ онъ намъ. Отечество усилено и прославлено, и всему этому обязаны намъ. Даже и если ноги не оторваны или хоть одна или глазъ выбить, и человѣкъ повязанъ чернымъ платкомъ. Если даже и ничего не попорчено въ человѣкѣ, но знакъ отличія на груди или саблѣ, то все-таки не можетъ быть сомнѣнія въ пользе, разумности всей прошедшей дѣятельности, и изъ 10 000 едва ли не всѣ будутъ направлять всю свою духовную дѣятельность не на то, чтобы опредѣлить свои будущіе поступки, а на то, чтобы оправдать прошедшіе. Такъ это было всегда, такъ это было въ Севастопольскую войну, но съ нѣкоторой особенностью производили именно то сложное трогательное и очень поучительное душевное состояніе, которое испытывалъ авторъ воспоминаній и которое испытывалъ и я, когда читалъ книгу. Мальчикъ [224] прямо изъ [225] военно-учебнаго заведенія, гдѣ все внушало ему, что настоящее, истинное дѣло есть одно военное – остальное все случайности – мальчикъ выходитъ и попадаетъ въ Севастополь. Происходить это при Николаѣ Павловичѣ, когда дѣйствительно совѣстно было быть штатскимъ и ни у какого смѣльчака не поднималась рука нетолько на Генерала, но на офицера, когда военное сословіе было нѣчто священное. Мальчикъ, настроенный на то, что высшая доблесть есть доблесть военная, попадаетъ въ Севастопольскую бойню. Подвигъ съ его стороны совершается – онъ отдаетъ свою жизнь, ставится въ условіе, гдѣ больше шансовъ быть убитымъ, чѣмъ остаться живымъ, и чувствуетъ, что онъ сдѣлалъ то, что должно было съ этой стороны. И у него послѣ возвращенія его оттуда начинается дѣйствовать его духовная сторона – мысль, соображая и то, что онъ сдѣлалъ, и во имя чего онъ сдѣлалъ. И вотъ тутъ является именно въ Севастопольскую войну цѣлый рядъ обстоятельствъ, которыя мѣшаютъ убѣдительности доказательствъ о томъ, что то, что было дѣлано имъ, этимъ офицеромъ, и было то самое лучшее, что онъ и долженъ былъ дѣлать. Дѣлаетъ возможнымъ сомнѣніе, во 1-хъ, то, что не искалъчень человѣкъ, не испорченъ безнадежно, ему только 20 лѣтъ, и потому не дано вполне такихъ залоговъ, при которыхъ нѣтъ возврата и надо уже какъ никакъ оправдывать заплаченную цѣну. Во 2-хъ, особенное свойство самой войны севастопольской – подвиговъ дѣятельныхъ никакихъ не было, да и быть не могло. Никого нельзя было спасать, защищать, никого даже нельзя было наказывать, никого удивлять нельзя было. Всѣ подвиги сводились къ тому, чтобы быть пушечнымъ мясомъ, и если дѣлать что, то дѣлать дурное, т. е. стараться дѣлать видъ, что не замѣчаешь страданій другихъ, не помогать имъ, вырабатывать въ себѣ холодность къ чужимъ страданіямъ. И если что и дѣлать, то или посылать людей на смерть, или вызывать ихъ на опасность. Въ 3-хъ, единственный мотивъ всей войны, всей гибели сотенъ тысячъ былъ Севастополь съ флотомъ. И этотъ Севастополь былъ отданъ, и флотъ потопленъ, и потому простое неизбежное разсужденіе: зачѣмъ же было губить столько жизней? неволью приходило въ голову. Въ 4-хъ, въ это самое время умеръ Николай, и тѣ глухо ходившіе толки о неустройствѣ не только войска, но и всего въ Россіи, о ложномъ величій этого царствованія, разоблаченномъ Севастополемъ, послѣ смерти Николая стали всеобщимъ говоромъ, и разсужденіе о томъ, что если не было силъ, то не надо было и начинать войны, неволью напрашивалось каждому. –

Мы герои, мы вернулись изъ ада Севастополя, мы перенесли всѣ эти неслыханные труды и опасности. Это неслыханная, геройская защита. Все это чувствуется, и не хочется отказаться отъ заплаченной такимъ рискомъ жизни роли, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, опредѣленно сказать, въ чѣмъ состояли подвиги, кроме какъ въ томъ, въ чѣмъ состоялъ подвигъ всякой артиллерійской лошади, которая стоитъ въ своемъ мѣстѣ, не обрывая недоуздка, ничего придумать нельзя было, кроме того, что много

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
убивало другихъ людей и въ спину, и въ грудь, и въ ноги, и въ голову, и во всѣ
части, и вотъ въ описаніяхъ нѣкоторая натяжка, и какъ предположеніе, что зачѣмъ
это все дѣлалось, это всѣ знаютъ, а я только описываю, какъ.[226] И вотъ отъ
этого эта простота описанія и отсутствіе въ большой степени вранья военнаго и
ложнаго пафоса въ этомъ, какъ и въ большинствѣ описаній Севастопольской
войны.[227] Ошибаюсь я или нѣтъ, но Севастопольская война положила въ русскомъ
обществѣ замѣтное начало сознанію безсмысленности войнъ. И пускай война турецкая
какъ будто не считалась съ опытомъ, даннымъ Севастопольской войной.

—
[ВОЗЗВАНІЕ.]
25 мая 1889.

[228]нельзя медлить и откладывать. Нечего бояться, нечего обдумывать, какъ и что
сказать. Жизнь не дожидается. Жизнь моя уже на исходѣ и всякую минуту можетъ
оборваться. А если могу я чѣмъ послужить людямъ, если могу чѣмъ загладить всѣ
мои грѣхи, всю мою праздную, похотливую жизнь, то только тѣмъ, чтобы сказать
людямъ братьямъ то, что мнѣ дано понять яснѣе другихъ людей, то, что вотъ ужъ 10
лѣтъ мучаетъ меня и раздираетъ мнѣ сердце.

Не мнѣ одному, но всѣмъ людямъ[229] ясно и понятно, что жизнь людская идетъ не
такъ, какъ она должна идти, что люди мучаютъ себя и другихъ.[230] Всякій
человѣкъ знаетъ, что для его блага, для блага всѣхъ людей нужно любить ближняго
не меньше себя, и если не можешь дѣлать ему того, что себѣ хочешь, не дѣлать
ему, чего себѣ не хочешь; и ученіе вѣры всѣхъ народовъ, и разумъ, и совѣсть
говорятъ тоже всякому человѣку. Смерть плотская, которая стоитъ передъ каждымъ
изъ насъ, напоминаетъ намъ,[231] что не дано намъ вкушать плода ни отъ какого
изъ дѣлъ нашихъ, что смерть всякую минуту можетъ оборвать нашу жизнь, и что
потому одно, что мы можемъ дѣлать, и что можетъ дать намъ радость и спокойствіе,
это то, чтобы всякую минуту, всегда дѣлать то, что велитъ намъ нашъ разумъ и
наша совѣсть, если мы не вѣримъ откровенію, и откровеніе Христа, если мы вѣримъ
ему, то есть, если ужъ мы не можемъ дѣлать ближнему того, что намъ хочется, не
дѣлать ему, по крайней мѣрѣ, того, чего мы себѣ не хотимъ. — И какъ давно, и
какъ всѣмъ одинаково извѣстно это,[232] и несмотря на то не дѣлаютъ люди
другимъ, чего себѣ желаютъ, а убиваютъ, грабятъ, обворовываютъ, мучатъ другъ
друга люди и вмѣсто того, чтобы жить въ любви, радости и спокойствіи, живутъ въ
мученіяхъ, горести, страхѣ и злобѣ.[233]И вездѣ одно и тоже: люди страдаютъ,
мучаются, стараясь не видѣть той безумной жизни,[234] стараются забыть, за-
глушить свои страданія и не могутъ, и съ каждымъ годомъ все больше и больше
людей сходить съ ума и убиваетъ себя, не будучи въ силахъ переносить жизнь,
противную всему существу человѣческому.

Но, можетъ быть, такова и должна быть жизнь людей. Такъ, какъ живутъ теперь люди
съ своими императорами, королями и правительствами, съ своими палатами,
парламентами, съ своими миліонами солдатъ, ружей и пушекъ, всякую минуту
готовыхъ наброситься другъ на друга. Можетъ быть, такъ и должны жить люди съ
своими фабриками и заводами ненужныхъ или вредныхъ вещей, на которыхъ, работая
10, 12, 15 часовъ въ сутки, гибнутъ миліоны людей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей,
превращенныхъ въ машины. Можетъ быть, такъ и должно быть, чтобы все больше и
больше пустыли деревни и наполнялись людьми города съ ихъ трактирами, борделями,
ночлежными домами, больницами и воспитательными домами. Можетъ быть, такъ и
должно быть, чтобы все меньше и меньше становилось честныхъ браковъ, а все
больше и больше проститутокъ и женщинъ, въ утробѣ убивающихъ плодъ. Можетъ быть,
такъ и должно быть, чтобы сотни и сотни тысячъ людей сидѣли по тюрьмамъ, въ
общихъ или одиночныхъ камерахъ, губя свои души. Можетъ быть, такъ и надо, чтобы
та вѣра Христа, которая учитъ смиренію, терпѣнію, перенесенію обидъ, дѣланію
ближнему того, чего себѣ хочешь, любви къ нему, любви къ врагамъ, совокупленію
всѣхъ во едино, можетъ быть, такъ нужно, чтобы вѣра Христа, учащая этому,
передавалась бы людямъ[235] учителями разныхъ сотенъ враждующихъ между собою
сектъ въ видѣ ученія нелѣпыхъ и безнравственныхъ басенъ о сотвореніи міра и
человѣка, о наказаніи и искупленіи его Христомъ, объ установленіи такихъ или
такихъ таинствъ и обрядовъ. Можетъ быть, что все это такъ нужно и свойственно
людямъ, какъ свойственно муравьямъ жить въ муравейникахъ, пчеламъ въ ульяхъ, и
тѣмъ и другимъ воевать и работать для исполненія закона своей жизни. Можетъ
быть, это самое нужно людямъ, таковъ ихъ законъ. И можетъ, требованіе разума и
совѣсти о другой, любовной и блаженной жизни, — можетъ быть, это требованіе
мечта и обманъ, и не надо и нельзя думать о томъ, что люди могутъ жить иначе.
Такъ и говорятъ нѣкоторые. Но сердце человѣческое не вѣритъ этому; и какъ

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle всегда, оно громко вопіяло противъ ложной жизни, призывало людей къ той жизни, которую требуютъ откровеніе, разумъ и совѣсть, такъ еще сильнѣе, сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, оно вопіетъ въ наше время.[236]

Прошли вѣка, тысячелѣтія – вѣчность времени, и насъ не было. И вдругъ мы живемъ, радуемся, думаемъ, любимъ. – Мы живемъ, и срокъ этой жизни нашей по Давиду 70 крошечныхъ лѣтъ, пройдутъ они, и мы исчезнемъ, и этотъ 70-лѣтній предѣлъ закроетъ опять вѣчность времени, и насъ не будетъ такими, какими мы теперь, ужь никогда. И вотъ, намъ дано прожить эти въ лучшемъ случаѣ 70 лѣтъ, а то можетъ быть только часы даже, прожить или въ тоскѣ и злобѣ или въ радости и любви, прожить ихъ съ сознаниемъ того, что все то, что мы дѣлаемъ, не то и не такъ, или съ сознаниемъ того, что мы сдѣлали, хотя и несовершенно и слабо, но то, именно то, что должно и можно было сдѣлать въ этой жизни.

«Одумайтесь, Одумайтесь, Одумайтесь!» кричалъ еще Іоаннъ Креститель; «одумайтесь», провозглашалъ Христось; «одумайтесь», провозглашаетъ голосъ Бога, голосъ совѣсти и разума. Прежде всего остановимся каждый въ своей работѣ или своей забавѣ, остановимся и по думаемъ о томъ, что мы дѣлаемъ. Дѣлаемъ ли то, что должно, или такъ, даромъ, ни за что прожигаемъ ту жизнь, которая среди двухъ вѣчностей смерти дана намъ.

Знаю я, что со всѣхъ сторонъ на тебя налегаютъ люди и не даютъ тебѣ минуты покоя, и что тебѣ, какъ лошади на колесѣ, кажется, что тебѣ никакъ нельзя остановиться, хотя и колесо, движущееся подъ тобой, разогнано самимъ тобою; знаю я, что сотни голосовъ закричатъ на тебя, какъ только ты попытаешься остановиться, чтобы одуматься.

– «Некогда думать и разсуждать, надо дѣлать», – закричитъ одинъ голосъ.

– «Не слѣдуетъ разсуждать о себѣ и своихъ желаніяхъ, когда дѣло, которому ты служишь, есть дѣло общее, дѣло семьи, дѣло торговли, искусства, науки, государства. Ты долженъ служить общему», закричитъ другой голосъ.

– «Все это ужь пробовано обдумывать, и никто ничего не обдумалъ, живи, вотъ и все», – закричитъ третій голосъ. – «Думай или не думай, все будетъ одно: поживешь недолго и умрешь; и потому живи въ свое удовольствіе».

– «Не думай! Если станешь думать, увидишь, что эта жизнь хуже, чѣмъ не жизнь, и убьешь себя. Живи какъ попало, но не думай», закричитъ четвертый голосъ.

Какъ въ сказкѣ разсказываютъ, что когда уже въ виду искателя клада было то, что онъ искалъ, тысяча страшныхъ и соблазнительныхъ голосовъ закричали вокругъ него, чтобы помѣшать ему взять то, что давало ему счастье. Такъ и голоса слугъ міра сбиваютъ искателя истины, когда онъ уже въ виду ея. Не слушай этихъ голосовъ. И въ отвѣтъ на все, что они могутъ сказать тебѣ, скажи себѣ одно: Позади своей жизни я вижу безконечность времени, въ которомъ меня не было. Впереди меня такая же безконечная тьма, въ которую вотъ-вотъ придетъ смерть и погрузитъ меня. Теперь я въ жизни и могу – знаю, что могу – могу закрыть глаза и, не видя ничего, попасть въ самую злую и мучительную жизнь, и могу нетолько открыть глаза, смотрѣть, но могу видѣть и оглядывать все вокругъ себя и избрать самую лучшую и радостную жизнь. И потому, что бы мнѣ ни говорили голоса, и какъ бы ни тянули меня соблазны, какъ бы ни тянула меня уже начатая мною, и какъ бы ни поощряла меня текущая вокругъ меня жизнь, я остановлюсь, оглянусь вокругъ себя и одумаюсь.

И стоитъ человѣку сказать себѣ это, какъ онъ увидитъ, что не онъ одинъ одумывается, а что и прежде его, и при немъ много и много людей также, какъ онъ, одумывались и избирали тотъ лучшій путь жизни, который одинъ даетъ благо и ведетъ къ нему.

** [CARTHAGO DELENDA EST.] [237]
(«Жизнь, та форма жизни...»)

Г[осподи] Б[лагослови]. 30 н[оября 18]89. я. п.

Garthago delenda est. [238] жизнь, та форма жизни, которой живемъ теперь мы,
Страница 340

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
христианские народы, – delenda est, должна быть разрушена, говорил я и буду
твердить это до тех пор, пока она будет разрушена. Я умру, может быть, пока
она не будет еще разрушена, но я не один, со мной стоят сотни тысяч людей,
со мной стоит истина. И она будет разрушена, и очень скоро. Она будет
разрушена не потому, что[239] ее разрушают революционеры, анархисты, рабочие,
государственные социалисты, Японцы или Китайцы,[240] а она будет разрушена
потому, что она уже разрушена на главную половину – она разрушена в сознании
людей.[241] Старая форма жизни[242] держится как дерево, от которого живут
отростки, но которое само кажется живым только потому, что гниль, подтачивающая
его, еще не прошла всю сердцевину. Тот, кто не глух и не слеп к тому, что
творится в нашем христианском мире, не может не видеть того, что[243]
умственный, духовный конец прогресса продвинулся вперед несоразмерно с[244]
социальным, общественным. Это общий голос всех передовых людей нашего
времени. Если представить себе прогресс, как движение четвероугольного

Рукопись (автограф) первого плана «Флодов просвещения»

Размер подлинника

тѣла посредствомъ двухъ прикрѣпленныхъ къ двумъ переднимъ угламъ
постромокъ,[245] то положеніе наше теперь подобно тому, которое приняло бы
движимое тѣло, когда одна сторона продвинулась бы впередъ несоразмѣрно съ
другой. Дѣлать больше нечего, какъ продвинуть отставшій конецъ наравнѣ съ
опередившимъ. Естественно заблужденіе недалъновидныхъ людей, видящихъ
неправильность положенія, и, чтобы исправить его, желающихъ вернуть назадъ
продвинутый конецъ; но это невозможно. Продвинувшійся конецъ есть разумное
сознаніе – это есть высшая сила въ человѣчествѣ, и потому нѣту той силы, которая
могла бы осадить ее. Остается одно: соотвѣтственно сознанію продвинуть
действительность. Человѣчество движется[246] только такъ: шагъ сознанія, шагъ
практической дѣятельности, осуществляющей въ жизни новый шагъ сознанія. И есть
времена, когда дѣйствительность какъ будто на равнѣ съ сознаніемъ (похоже на то,
что такъ было въ половинѣ прошлаго вѣка), и есть времена, какъ теперь, когда
далеко впередъ выступаетъ сознаніе, несоотвѣтствующее жизни.

Не то – надо вновь.

–

** [ПО ПОВОДУ ДЕЛА СКУБЛИНСКОЙ.]
18 Февр. 1890. Я. П.

Въ Варшавѣ женщина Скуплинская убивала дѣтей – убила ихъ около сотни. Ее судятъ,
осудятъ, приговорятъ къ каторжнымъ работамъ или что нибудь въ этомъ родѣ. У насъ
въ Туль прошлаго года судился крестьянинъ, изнасиловавшій свою дочь. Слѣдователь
разсказывалъ мнѣ, что крестьянинъ этотъ, 44 лѣтъ, былъ похожъ на звѣря: дома у
него не было, онъ нѣсколько лѣтъ ходилъ по міру съ дочерью. Его никогда не
пускали ночевать въ избы, а онъ лѣто и зиму ночевалъ съ дочерью на дворѣ. Другое
дѣло въ Туль же – такое же точно, почти въ одно и то же время было еще гдѣ то –
мальчикъ завелъ въ лѣсъ 5 лѣтнюю дѣвочку, зарѣзалъ ее и вырѣзалъ жиръ, но не
успѣлъ сдѣлать нужной ему изъ этого жира свѣчки. Ему помѣшали и посадили его въ
острогъ, гдѣ онъ и теперь сидитъ. Злодѣйка Скуплинская и еще другая какая то и
ихъ помощники и помощницы, злодѣй отецъ, изнасиловавшій дочь, злодѣй мальчикъ.
Это звѣри. Ихъ повѣсить мало. Повѣсить ихъ не поѣсятъ – неизвѣстно почему, хотя
почтенныхъ мужиковъ въ Пензѣ, въ порывѣ гнѣва убившихъ прикащика за убійство
одного изъ ихъ товарищей – повѣсили. Но этихъ не повѣсятъ, а будутъ судить:
судьи и прокуроры, адвокаты наговорятся въ сласть. Газеты наполняютъ свои столбцы
негодованіемъ – людей этихъ: женщинъ, отца и отцевъ, насилующихъ дочерей, и
мальчиковъ, убивающихъ дѣтей для приготовленія свѣчей, удалять, чтобы они,
эти[247] звѣри, не мѣшали намъ, хорошимъ людямъ, жить какъ слѣдуетъ, и жизнь
наша хорошая пойдетъ ненарушимо. –

Жизнь наша очень хорошая: Есть у насъ правительство, заботящееся о благѣ
народномъ, есть у насъ церковь, заботящаяся о духовномъ христианскомъ
просвѣщеніи народномъ, есть у насъ общественная жизнь и отраженіе ея –

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe общественное мнѣніе, устанавливающее общественную нравственность, воспитывающую наши молодыя поколѣнія и нашъ народъ, не достигшій еще до той нравственной и духовной высоты, на которой стоимъ мы. –

Правительства у насъ хорошія, такія, которыя не могутъ терпѣть того, что дѣлаютъ Скублинскія, нищіе отцы и дѣти, приготовляющія свѣчи. Правительства наши отъ русскаго до американскаго знаютъ и видятъ очень хорошо, чего не можетъ теперь не видѣть слѣпой и не слышать глухой, что алкоголь есть самый вредоносный ядъ, губящій и тѣло и душу человека, что 0,9 бѣдствій и страданій, и Скублинскія, и нищіе, и дѣти, дѣлающія свѣчки, и тысячи другихъ преступленій, происходящихъ отъ вошедшаго (введеннаго правительствами или высшими. классами) въ обычай и страсть употребленія этого яда въ разныхъ формахъ – водки, винъ, пивъ, правительства поощряютъ производства этихъ ядовъ (притворяясь при этомъ, что они очень скорбятъ объ этомъ), выдаютъ награды за изготовленіе наилучшихъ ядовъ на выставкахъ и, главное, собираютъ деньги за продажу этихъ ядовъ (и потому не могутъ не поощрять ихъ). Это разъ. Другой признакъ той нравственной высоты, на которой мы стоимъ и съ которой не можетъ не негодовать на Скублинскую, нищихъ и мальчиковъ, дѣлающихъ свѣчи, это отношеніе нашего правительства къ женщинамъ въ ихъ половомъ отношеніи и къ дѣтямъ, къ младенцамъ. Правительства наши тоже всѣ учреждаютъ, организуютъ проституцію. Миліоны да миліоны женщинъ, лишенная не только свободы, но человѣческаго образа, приговоренныя вѣрнѣе приговора къ казни преступника, приговоренныя къ ранней гибели въ своей отверженности, миліоны такихъ женщинъ организуются правительствомъ. Но правительству мало этого попеченія о нравственности своихъ народовъ – оно учреждаетъ еще воспитательные дома, распространяющіе развратъ на огромный районъ вокругъ себя, дома, гдѣ тысячи служащихъ получаютъ квартиры и жалованье за то, что въ этихъ домахъ съ паркетными полами убиваютъ дѣтей въ такомъ количествѣ, до котораго не достигнетъ дѣятельность тысячъ Скублинскихъ въ этомъ направленіи. Но деятельность нашихъ правительствъ не ограничивается этимъ. Благодѣтельныя правительства, озабоченныя благомъ своихъ гражданъ, учреждаютъ суды для распространенія между гражданами правильныхъ нравственныхъ понятій. Суды эти разнообразны, смотря по той фарисейской роли, которую избираетъ правительство, и по тому обычаю, который существуетъ въ странѣ. У насъ въ Россіи хотя и притворяются, что держатся гласнаго суда съ присяжными, въ сущности этотъ гласный судъ съ присяжными прилагаютъ только настолько, насколько онъ нуженъ для нравственнаго растлѣнія населенія (о чемъ далѣе). Въ сущности же судъ въ Россіи коканскій, т. е. подвергаютъ страданіямъ, мукамъ, смерти людей въ той мѣрѣ, въ которой это нужно или нравится тѣмъ, въ рукахъ кого находится власть. Какже намъ не возмущаться убійствомъ полсотни младенцовъ, намъ, приученнымъ къ такому[248] челоѣколюбію нашимъ правительствомъ. Мы знаемъ, правда, что изъ среды нашей исчезаютъ люди, что люди эти оказываются въ крѣпостяхъ Шлюсельбургской и Петропавловской, гдѣ они сидятъ живыми мертвецами десятками лѣтъ, умирая безъ человѣческаго слова сочувствія, живыми внѣ міра, гдѣ они сходятъ съ ума, убиваются, гдѣ ихъ вѣшаютъ и сѣкутъ безразлично мужчинъ и женщинъ. Мы знаемъ, что это все и хуже этого существуетъ, но мы не знаемъ подробностей; правительство тщательно скрываетъ ихъ отъ насъ. И потому какже намъ не возмущаться тому, что Скублинская убила полсотни младенцовъ? Но кромѣ этого суда, въ заботѣ о насъ правительство учредило еще и другіе, но съ такой оговоркой, что какъ только есть вѣроятіе того, что судъ осудитъ не такъ, какъ того хочетъ правительство – какъ только есть возможн[ость] свободно двигаться чашъ вѣсовъ – такъ тотчасъ же правительство говоритъ какое нибудь слово – охрана, полевой, военный судъ, и тогда мучаетъ, убиваетъ того, кого хочетъ и какъ хочетъ. (Такъ это сдѣлалось въ нынѣшнемъ царствованіи. Помню *à tort ou à raison*, [249] но я юношей, бывало, гордился тѣмъ, что у насъ, русскихъ, нѣтъ смертной казни. Теперь ужъ нѣтъ повода къ этой гордости – есть самая самая скверная – произвольная.) Есть и тотъ гласный судъ съ присяжными, но, какъ я сказалъ, только затѣмъ, чтобы развращать народъ, т. е. приучать народъ къ тому, что публично можно говорить также похоже на правду, что бѣлое – бѣлое, какъ и то, что оно черное; чтобы приучать народъ клеветать, клятвопреступничать и, главное, участвовать въ бессмысленныхъ и подлыхъ глупостяхъ, потому что ничѣмъ инымъ нельзя назвать того, что дѣлается во всѣхъ нашихъ уголовныхъ судахъ, а именно того, чтобы челоѣка невѣжественнаго и развращеннаго и большей частью работающаго для пропитанія своего и своего семейства, посадить въ тюрьму въ сообщество самыхъ невѣжественныхъ и развращенныхъ людей, лишить его возможности добывать пропитаніе семьѣ, но для самого его обеспечить пропитаніе и праздность или легкую и не нужную работу, или, что еще глупѣе, содействовать къ тому, чтобы челоѣка, вреднаго въ Тульской губерніи, переслать въ Иркутскую.

Такъ вотъ каковы наши правительства! Но мало того, что они заботятся о правильномъ управленіи народа самымъ вреднымъ ядомъ, объ учрежденіи правильной проституціи, о погибели младенцовъ въ специально для того учрежденныхъ домахъ, о наполненіи крѣпостей, тюремъ и каторгъ безвѣстно умирающими, въ страшныхъ страданіяхъ людьми, о вѣжаніи всѣхъ тѣхъ людей, которые кажутся безпокойными и непріятными, о развращеніи и развращенныхъ уже преступниковъ[250] и неразвращенныхъ еще присяжныхъ, правительство озабочено еще и тѣмъ, чтобы всѣ, въ особенности тѣ, которые еле еле могутъ сами существовать, чтобы всѣ эти люди отдавали бы большую долю своей работы деньгами правительству, съ тѣмъ, чтобы правительство посредствомъ своихъ чиновниковъ могло бы управлять этими людьми такъ, чтобы люди эти, воображая себя свободными, были бы въ полной власти и подчиненіи правительства. И для этой то цѣли, для полнаго подчиненія правительству[251] изливаетъ свои высшія благодѣянія (невысшія, одно, последнее еще есть выше), свои благодѣянія на гражданъ тѣмъ, что каждаго изъ нихъ (за исключеніемъ, разумеется, тѣхъ, которые нужны правительству для другихъ цѣлей) подъ предлогомъ защиты этихъ самыхъ гражданъ забираетъ на временное полное рабство, называемое военной службой. Въ этомъ состояніи каждый человекъ долженъ на время отречься отъ всего своего человѣческаго достоинства, долженъ признать себя безмозглымъ, безсловеснымъ рабомъ раба, готовымъ безпрекословно на всякое преступленіе противъ Бога и человѣковъ.[252] Какже намъ не ужасаться на Скублинскихъ, на нищихъ съ дочерьми, на мальчиковъ съ свѣчками, мы такъ деликатно, нѣжно, человѣколюбиво воспитаны. Каждый изъ насъ побывалъ въ томъ состояніи, въ которомъ онъ или убивалъ или по крайней мѣрѣ готовъ былъ убивать людей и жечь дома, топтать поля и убивать женъ и дѣтей. Правительства готовятъ къ этому состоянію молодыхъ людей. Есть школы военныя, въ которыхъ учатъ этому. – Страшны, говорятъ, новыя орудія истребленія, мелениты, торпеды, электрическія ружья и т. п. Нѣтъ, это не страшно. Сами мелениты и торпеды и электрическія ружья ничего никому не сдѣлаютъ. Страшны люди, воспитанные правительствами. Прошлаго года ко мнѣ пришелъ 20 лѣтній воспитанникъ военной школы. Онъ пришелъ посоветоваться о своихъ религіозныхъ сомнѣніяхъ. Не затрогивая его военного положенія, несообразность котораго я предоставлялъ открыть ему самому, мы поговорили съ нимъ объ ученіи Христа. Прощаясь съ нимъ, я сказалъ ему еще о винѣ – большой опасности для юноши военного сословія. Я сказалъ ему, что хорошо бы совсѣмъ не пить, потому что вино всегда вредно. – А какже, сказалъ онъ, въ военномъ дѣлѣ? – Я думалъ, что онъ скажетъ о томъ, что вино поддерживаетъ силы въ походахъ, и ждалъ этаго, чтобы сообщить ему статистическія данныя, доказывающія противное. Но онъ сказалъ не это. Онъ сказалъ: – А какже Скобелевъ при Геокъ-Тепе. – Добрые, сѣрые глаза въ румяномъ пухломъ, еще не обросшемъ невинномъ лицѣ смотрѣли на меня смѣло и прямо... – А какже при Геокъ-Тепе, когда Скобелевъ велѣлъ солдатамъ перерѣзать населеніе. Они не хотѣли идти. Имъ надо было дать вина. Дали вина, и они сдѣлали. – Не меленить страшень, а вотъ что страшно. Извращенная человѣческая душа. Тоже я другой разъ видѣлъ на другомъ кадетѣ съ усами. На разговоръ о незаконности для христіанина войны, онъ сказалъ, что онъ присягалъ и что потому онъ нетолько самъ будетъ убивать, но убьетъ того, кто не захочетъ убивать. Вотъ что ужасно. Въ юношѣ еще это видно. Но когда старый генералъ съ смѣлостью, бойкостью и увѣренностью давнишняго, одобряемаго всѣми безумія, съ 50 лѣтнимъ мастерствомъ жеста и языка, скажетъ это же, онъ импонируетъ многимъ. – Да, вотъ такихъ людей для своихъ цѣлей – заботы о насъ воспитываютъ правительства. Такъ какже намъ не негодовать на Скуплинскую, на нищаго съ дочерью и мальчика съ свѣчкой, когда у насъ такое просвѣтительное нравственное[253] правительство.[254] Но этаго мало. Для достиженія образованія людей, олицетворяемыхъ моимъ кадетомъ, людей, необходимыхъ для собиранія податей, нужныхъ для содержанія чиновниковъ и судейскихъ, нужныхъ для развращенія народа и властвованія надъ нимъ,[255] нужна еще сила, которая бы мѣшала людямъ понимать смыслъ своей жизни, понимать то, что открыто объ этомъ смыслѣ жизни благодѣтелями человечества, нужно лжетолкователей смысла жизни, которые бы или, какъ у насъ въ Россіи, одни имѣли власть толковать смыслъ жизни, всякое же другое толкованіе преслѣдовалось и казнилось, или, какъ въ большинствѣ народовъ, нужно поддерживать этихъ лжетолкователей и поощрять ихъ деньгами, собираемыми съ того народа, который должны обманывать эти лжетолкователи. И вотъ для этого еще существуетъ церковь, съ высоты которой мы признаемъ за собой право такъ негодовать на Скуплинскую, на отца съ дочерью и мальчика со свѣчкой. Какже намъ не негодовать, вѣдь мы, всѣ народы европейскіе, кто немного меньше, кто немного больше 1000 лѣтъ христіане, у насъ есть Иереи, Церковь – правильнѣе церкви, потому что церковей, каждая изъ которыхъ называетъ себя единою истинною, очень много, болѣе ста – то церкви наши хорошія, нравственныя, святыя и не могутъ не негодовать на то, что дѣлаютъ Скуплинская и др.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e
Церкви наши, начиная от католической до Сведенборгiанской, проповѣдуютъ очень многое, самыя необыкновенныя, самыя нелѣпыя ученiя: и о томъ, что Бога надо ѣсть, что Богъ одинъ и три, что Богъ сдѣлалъ самое лучшее для людей дѣло то, что послалъ своего сына, и т. п., что есть дьяволъ и ангелы и чудотворныя статуи и мощи и еще многое и многое, но не проповѣдуютъ ни одна изъ нихъ того, что христiанское ученiе исключаетъ

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «ДЛЯ ЧЕГО ЛЮДИ ОДУРМАНИВАЮТСЯ?»]

* № 1

К главе I.

<Духовное существо это, которое есть наше разумное сознаниe, проявляющееся въ видѣ совѣсти, какъ и сказано, ничего не предписываетъ, не дѣлаетъ ни малѣйшаго насилiя надъ животнымъ существомъ, но не переставая указываетъ ему его отступленiе отъ требованiй добра, и это указаниe парализируетъ дѣятельность существа. Точно также какъ отклоненiе компаса отъ линiи, опредѣленной компасомъ, не насилуя того, кто руководится имъ, парализируетъ его дѣятельность, и сознаниe отклоненiя отъ истиннаго пути выражается страданiемъ. Сознаниe же совпаденiя съ истиннымъ путемъ даетъ радость и увеличенiе энергiи жизни.>

* № 2

К главе I.

<Всѣ мы съ дѣтскихъ лѣтъ знаемъ радостное сознаниe того, что ты сдѣлалъ то, что отъ тебя ожидали, и что старшiе довольны тобой. Такъ это въ дѣтствѣ гдѣ мѣсто совести занимаетъ одобренiе другихъ. Въ молодости же и въ зрѣлыхъ годахъ, во время которыхъ одобренiе старшихъ получаетъ меньше и меньше значенiя и на мѣсто его является собственное разумное сознаниe. Всѣ мы знаемъ, что нѣтъ болѣе радостнаго воспоминанiя, какъ воспоминанiе о тѣхъ временахъ, когда ты зналъ, что сознательно дѣлалъ то, что должно было. И всѣ мы знаемъ, что нѣтъ болѣе тяжелаго воспоминанiя, какъ о тѣхъ временахъ, когда ты зналъ, что надо было, и не дѣлалъ этого, или зналъ, что не надо было дѣлать то, что ты дѣлалъ, и всетаки дѣлалъ это.>

Не счастье – счастье слишкомъ неопредѣленное выраженiе, но благо, главное благо жизни – въ соответствiи своихъ поступковъ требованiямъ своего сознания, и худшее, несчастливѣйшее состоянiе – это чувство несоответствiя своихъ поступковъ требованiямъ своего сознания, – разногласiе между ними.

Чѣмъ меньше разногласiя, тѣмъ счастливѣе человекъ, чѣмъ больше это разногласiе, тѣмъ человекъ несчастнѣе.

Согласiе жизни и требованiй сознания есть блаженство. Разногласiе между требованiями сознания и жизнью есть страданiе, и страданiе такое сильное, что человекъ не можетъ долго переносить его и такъ или иначе выходитъ изъ него.

Выходитъ же изъ этого разногласiя есть два способа: одинъ – это приближенiе своей жизни къ требованiямъ сознания; другой – это затемнѣнiе сознания.>

* № 3

К главе I.

Способы внѣшнiе – скрытiе указанiй совѣсти посредствомъ отвлеченiя вниманiя – безконечно разнообразны. Таковы всякаго рода забавы, увеселенiя, собранiя, балы, охоты, карты, шашки, шахматы, кости. Таковы всякаго рода зрѣлища, цирки, спорты, парады, скачки, выставки, театры, всякаго рода чтенiя безъ опредѣленной цѣли: газеты, романы, таковы ненужныя наряды, ненужныя путешествiя, ненужныя работы физическiя и умственныя, отъ вышиванiй въ пальцахъ до рѣшенiя вопросовъ о происхожденiи видовъ, таковы заботы о приобрѣтенiи собственности и славы людской. Способовъ этихъ очень много, и всѣ они дѣйствительны, но не всегда достаточны.

* № 4

К главе II.

Оттого и говорится и повторяется это <скверное> слово писанiя (какъ жаль, что помнятъ больше всего такiя слова), что вино веселитъ сердце человекъ (хотя вино собственно не веселитъ, а только уничтожаетъ ту тоску и страданiе, происходящiе

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e
отъ сознанія несогласія своей жизни съ требованіями совѣсти, и потому даетъ ходъ
жизни, такъ какъ при сознаніи несоответствія нельзя жить, какъ нельзя идти, не
зная дороги). Вино дѣлаетъ то, что перестаетъ быть стыдно, совѣстно, скучно и
мучительно, и потому кажется, что оно веселитъ.

* № 5

К главе II.

<Къ несчастью, въ писаніи есть случайное слово: вино веселитъ сердце человѣка, и
какъ всегда, умныя, важныя слова забыты, глупыя и неважныя помнятся и
привидятся.>

* № 6

К главе II.

<Про себя знаю, что когда я пилъ вино – я рѣдко напивался – раза два въ жизни –
то я дѣлалъ, не будучи тѣмъ, что называется пьянымъ, подъ вліяніемъ его такіе
поступки, говорилъ такія вещи (а въ нашемъ быту главные наши поступки – слова),
которые и не подумалъ бы сдѣлать и сказать безъ вина.>

* № 7

К главе II.

<Морфинистъ требуетъ одного спокойствія физическаго, безболѣзненности, и
наркотикъ даетъ ему это. Сознаніе ѣдока или курильщика опіума и хашиша требуетъ
удовлетвореній похоти, которые невозможны ему, и наркотикъ погружаетъ его въ
состояніе галлюцинаціи, при которомъ ему кажется, что онъ имѣетъ то, чего ему
хочется. Разница хашиша, опіума отъ алкоголя и табака та, что табакъ разрѣшаетъ
судью и критика умственнаго, распускаетъ преимущественно умъ и рѣчь, алкоголь –
преимущественно чувство, морфинъ, хашишъ и опіумъ преимущественно воображеніе.
При первомъ – табачномъ опьяненіи усыпляется задерживающій размахъ и произволь
ума, при алкоголе – задерживающее чувство, при морфине, опіуме, хашишѣ –
воображеніе>

* № 8

К главе II.

Всѣ знаютъ, что страстные потребители морфина, опіума, хашиша, предаваясь своему
пороку и живя въ мірѣ воображенія, въ который ихъ переносятъ пріемъ одуряющаго
вещества, все болѣе и болѣе становятся равнодушными къ жизни, не стараясь уже
измѣнять ни себя, ни условія своей жизни соответственно требованіямъ своего
сознанія, и становятся тѣмъ, что называется невмѣняемыми. Ненормальность этихъ
людей признается всѣми, и мы совершенно справедливо относимся къ нимъ, какъ къ
больнымъ людямъ, съ которыми нельзя разсуждать, но которыхъ надо лѣчить. Почему
же люди нашего міра, постоянно пьющіе вино и курящіе, представляются намъ
совершенно нормальными, и намъ и въ голову не приходитъ, что люди, потребляющее
алкоголь и табакъ, точно также люди не нормальные и больные, какъ и морфинисты
или ѣдоки и курильщики опіума и хашиша? –

Если можно установить различіе между послѣдствіями потребления опіума, хашиша,
морфина, алкоголя и табаку, то только въ особенностяхъ нарушенія цѣльности
душевной дѣятельности: одно вещество нарушаетъ одну сторону душевной
дѣятельности, другое – другую; но всѣ одинаково нарушаютъ нормальность этой
дѣятельности, а потому всѣ одинаково достигаютъ цѣли скрыть отъ человѣка
требованія его сознанія. Я не испыталь дѣйствія морфина, опіума, хашиша и могу
судить о дѣйствіи ихъ только по тому, что слышалъ и читалъ, а потому и мнѣніе
мое о томъ, на какую сторону душевной дѣятельности дѣйствуютъ морфинъ, опіумъ,
хашишъ, я высказываю только какъ предположеніе, тогда какъ дѣйствіе алкоголя и
табаку, которое я испыталь на себѣ и постоянно наблюдаю, я утверждаю, какъ
несомнѣнное данное опыта и наблюденія, всегда могущее быть провереннымъ и
подтвержденнымъ. Дѣйствіе морфина и опіума, мнѣ кажется, состоитъ
преимущественно въ уничтоженіи въ человѣкѣ сознанія его физической слабости,
дѣйствіе хашиша – въ уничтоженіи руководителя воображенія. Такъ я предполагаю.
Дѣйствіе же алкоголя состоитъ въ уничтоженіи сознанія чувства хорошаго и
дурнаго; табака – въ уничтоженіи сознанія разумнаго и бессмысленнаго. Опіумъ и
морфинъ уничтожаютъ, какъ бы, совѣсть тѣла, хашишъ – совѣсть воображенія,
алкоголь – совѣсть чувства, табакъ – совѣсть ума. –

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
О морфинѣ, опиумѣ, хашишѣ я предполагаю, но о винѣ и табакѣ я утверждаю.
Утверждаю, что вино лишаетъ человѣка совѣсти, табакъ – разума.

* № 9

К главе II.

<Такъ что не въ однихъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно выпить для храбрости, чтобы поѣхать къ женщинамъ, украсть, убить, одурманиваніе виномъ заглушало совѣсть. Оно заглушаетъ ее всегда> и тогда, когда подъ вліяніемъ его <не совершается особенно рѣзкихъ, нарушающихъ порядокъ жизни поступковъ, и совѣсть заглушается не только тогда,> когда человѣкъ напьется до того, что шатается и путается языкомъ, но и тогда, когда <человѣкъ пьетъ свою постоянную и умеренную порцію. Едва ли даже не полнѣе при умеренномъ и постоянномъ употребленіи. При сильномъ пьянствѣ, напримѣръ, бываетъ просвѣтъ, во время котораго человѣкъ можетъ одуматься. При умеренномъ и постоянномъ употребленіи ихъ нѣтъ. Напрасно думаютъ, что дѣйствіе вина прекращается черезъ 3–4 часа, дѣйствіе его на душевное состояніе продолжается не менѣе сутокъ, доказательствомъ чего служить такъ называемое похмѣліе.

Одинъ хмѣль не успѣетъ пройти до половины, какъ напускается уже другой. Въ промежуткахъ же подбавляются пріемы табачнаго дурмана, такъ что умеренно пьющіе и курящіе люди живутъ постоянно съ подавленной, недѣйствующей совѣстью.>

* № 10

К главе II.

Людямъ одуреннымъ никакъ нельзя видѣть своего положенія. Они не выходятъ изъ состоянія дурмана. Человѣкъ, постоянно употребляющій спиртные напитки, выпиваетъ свою порцію водки, вина, пива за завтракомъ. Не успѣетъ пройти хмѣль, держашійся болѣе 5 часовъ, какъ наступаетъ обѣдъ, потомъ ужинъ, ежели въ промежуткахъ еще не выпиваются экстренныя порціи. Въ промежуткахъ же не прекращается куреніе табаку, такъ что если и выбивается у иныхъ совѣсть изъ за опьяненія вина – табакъ заглушаетъ эти послѣдніе проблески.

* № 11

К главе III.

Таково внѣшнее различіе дѣйствія опиума, алкоголя и табаку, но есть и внутреннее различіе. Различіе это, насколько я его наблюдалъ на себѣ и другихъ, въ томъ, что алкоголь заглушаетъ, такъ сказать, совѣсть чувства, а табакъ – совѣсть разума. Алкоголь скрываетъ требованія совѣсти чувства, устраняетъ задерживающую силу, которая не позволяетъ выражаться всѣмъ зарождающимся чувствамъ. Табакъ устраняетъ ту задерживающую силу разума, которая не позволяетъ высказываться всѣмъ зарождающимся неяснымъ мыслямъ.

* № 12

К главе III.

Лесингъ говоритъ: viele Leute hoeren mit dem Denken da auf wo das Denken anfaengt ihnen Shwirigkeit zu bereiten[256] – начинаетъ быть трудно. (Можно прибавить: гдѣ только думанье и плодотворно). Каждый знаетъ, что при работѣ мысли, какъ и при всякой работѣ, наступаетъ моментъ, когда является ощущеніе напряженія труда, тотъ моментъ, когда именно и достигается плодъ мышленія; и вотъ тутъ–то, какъ и въ физической работѣ, является искушеніе – не идти дальше, отдохнуть, бросить. Вотъ этому–то самому искушенію помогаетъ табакъ. Человѣку смутно начинаютъ представляться дальнѣйшіе новые выводы. Ему нужно напряженіе вниманія, чтобы разсмотрѣть ихъ. Онъ усталъ, ему тяжело. Онъ закуриваетъ; то небольшое, что было видно, скрывается.

* № 13

К главе III.

<Ни на чемъ это такъ не видно, какъ на шахматной игрѣ. Партія идетъ обычно, но вотъ наступаетъ важный, рѣшающій ходъ, игрокъ думаетъ, соображаетъ и не рѣшается, наконецъ, если онъ куритъ, онъ зажигаетъ папиросу, затягивается, одурманивается и дѣлаетъ ходъ. Собственно, происходитъ тутъ слѣдующее: каждый игрокъ по свойству своей головы и вслѣдствіе большей или меньшей практики игры можетъ обдумать варианты ходовъ до извѣстныхъ предѣловъ. Когда наступаетъ

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
трудный ходъ, игрокъ дѣлаетъ напряженіе, чтобы видѣть дальше этихъ предѣловъ, и, смутно представляя себѣ дальнѣйшіе варианты, испытываетъ ощущение тяжести напряженія. Для того, чтобы поступить разумно, ему надо бы сдѣлать еще большее напряженіе, но вмѣсто этого онъ, подъ предлогомъ того, что куренье проясняетъ ему мысли, закуриваетъ, одурманивается, скрываетъ отъ себя эти дальнѣйшія возможности соображеній и, не видя уже ихъ, ограничивается меньшими вариантами, низшими соображеніями – и дѣлаетъ ходъ. Тоже самое происходитъ при всѣхъ умственныхъ работахъ.>

* № 14

К главе III.

Каждое наркотическое вещество усыпляетъ различныя свойства сознанія. Насколько я могу судить, не испытывъ самъ дѣйствія морфина и опіума, морфинъ и опіумъ заглушаютъ преимущественно совѣсть тѣла. Человѣкъ теряетъ сознаніе несоотвѣтствія состоянія тѣла съ требованіями здороваго состоянія – отъ этого прекращеніе страданій – усыпленіе. Хашишъ, сколько я могу судить по тому, что читаль о немъ, преимущественно заглушаетъ совѣсть представленій. Человѣкъ, не теряя сознанія тѣла, теряетъ сознаніе несоотвѣтствія своихъ представленій съ дѣйствительностью, и отъ того – преувеличенныя, пространственныя и временныя мечтанія. Алкоголь, сколько я могъ наблюдать его дѣйствіе на себѣ и другихъ, заглушаетъ преимущественно совѣсть чувства. Не теряя въ первой степени опьяненія ни сознанія своего тѣла, ни сознанія представленій дѣйствительности, человѣкъ теряетъ сознаніе несоотвѣтствія своихъ чувствъ съ требованіями совѣсти. <Пьяный виномъ человѣкъ проявляетъ всѣ тѣ чувства, которыхъ онъ не выказываль, будучи трезвымъ. Табакъ, сколько я могъ наблюдать его дѣйствіе на себѣ и другихъ, заглушаетъ совѣсть мысли. Человѣкъ подъ вліяніемъ табака, не теряя сознанія ни тѣла, ни представленія дѣйствительности, ни нравственнаго чувства, теряетъ сознаніе соотвѣтствія своихъ мыслей и выраженія ихъ съ требованіями здраваго смысла. Если представить себѣ совѣсть, какъ регуляторъ дѣятельности тѣла, воображенія, поступковъ и мыслей, то морфинъ и опіумъ освобождаютъ отъ регулятора тѣлеснаго, хашишъ – отъ регулятора воображенія, вино – отъ регулятора чувствъ, табакъ – отъ регулятора мыслей и словъ.

То, что я говорю о дѣйствіи опіума и хашиша, я говорю гадательно, то же, что я говорю о дѣйствіи алкоголя и табака, я говорю по опыту и наблюденію, которые всегда могутъ быть проверены. Различіе между дѣйствіемъ на людей дурмана вина и табака очень опредѣленно и ясно. Опьяненіе виномъ скрываетъ несоотвѣтствіе желаній, опьяненіе табакомъ – несоотвѣтствіе мыслей съ требованіями совѣсти. Трудно сказать, какое изъ двухъ вреднѣе. Одно дополняетъ другое.>

Трезвый отъ вина человѣкъ одерживаетъ проявленіе своихъ чувствъ. Сознвая несоотвѣтствіе своихъ желаній съ требованіями совѣсти, онъ подавляетъ ихъ и воздерживается отъ поступковъ. – Опьяненіе же виномъ скрываетъ отъ него требованія совѣсти и тѣмъ устраняетъ то, что задерживало проявленіе чувствъ, и у пьянаго нетолько на языкъ, но и на дѣль то, что было у трезваго на умѣ.

Табакъ, насколько я могъ наблюдать его дѣйствіе на себѣ и другихъ, дѣйствуетъ почти также, но съ тою разницею, что онъ заглушаетъ преимущественно совѣсть мысли. Накурившійся человѣкъ, не теряя сознанія тѣла, представленій дѣйствительности и даже сознанія требованій совѣсти, теряетъ сознаніе несоотвѣтствія своихъ мыслей и выраженій ихъ съ требованіями разума.

Трезвый отъ табака, т. е. не накурившійся человѣкъ боится дать ходъ всѣмъ тѣмъ мыслямъ, которыя пробѣгаютъ у него въ головѣ, и высказать ихъ словами. Онъ сознаетъ несоотвѣтствіе ихъ съ требованіями здраваго смысла. Опьяненіе же табакомъ скрываетъ отъ него это несоотвѣтствіе, всѣ проходящія ему черезъ голову мысли кажутся ему одинаково хорошими и важными, и онъ высказываетъ ихъ, не взвѣсивая, не сличая и не оцѣнивая ихъ.

* № 15

К главе III.

<Если бы Кантъ и Спиноза не курили, то вѣроятно Критика чистаго разума не была бы написана такимъ ненужно непонятнымъ языкомъ и Этика Спинозы не была бы облечена въ несвойственную ей форму математическаго сочиненія, и т. п.>

* № 16

Вижу я побоище Севастополя, ползающих раненых, которых Пелисье не дает убирать, чтобы нагнать страх. Это ужасно.

Да. Но на днях я вижу юнкера в обтянутых штанах, надушенного, и присутствую при его разговоръ съ старымъ человѣкомъ, защитникомъ системы мира, говорящимъ [257] объ ужасѣ, жестокости, незаконности, нехристiанности войны. Юнкеръ спорить, горячится. Старикъ говоритъ: «ну, вы добрый молодой человѣкъ, счастливый, какъ, за что вы будете участвовать въ бойнѣ? Развѣ нѣтъ другихъ дѣлъ?» – И я вижу, что у юноши идетъ борьба. Въ сознании – всы стоятъ ровно. Надо только не нарушать его. Юноша закуриваетъ. – «Нѣтъ, – говоритъ онъ, – я присягалъ: я убью, и убью того, кто не пойдетъ убивать». – Что страшнѣе? Конечно, второе. Первое кончилось, когда совершилось, а юноша этимъ рѣшенiемъ, словомъ несетъ въ мiръ страшныя послѣдствiя.

Такъ вотъ отъ этихъ-то чуть чуточныхъ измѣненiй въ области мысли происходитъ вся истинная жизнь человѣка и человѣчества.

* № 17
К главе V.

Дѣлается ужасное дѣло.

Человѣчество движется впередъ къ своему нравственному совершенству. Движенiе это совершается движенiемъ отдѣльныхъ лицъ. Движенiе отдѣльныхъ лицъ совершается умственными и нравственными усилями. Нравственныя усилия эти производятъ все движенiе впередъ человѣчества, въ нихъ вся жизнь человѣчества. И эти-то усилия, тѣ, которыми одними движется человѣчество, сознательно парализируются употребленiемъ одурманивающихъ веществъ.

* № 18
К главе V.

Человѣкъ нашего круга, т. е. достаточный и образованный, живетъ, какъ всѣ въ Россiи, Англiи, Францiи, Америкѣ, потребляя при каждой ѣдѣ умеренное количество алкогольнаго питья, или куря по нѣсколькѣ сигаръ или папиросъ въ день, или употребляя и то и другое. Человѣкъ этотъ никогда не бываетъ пьянъ и не заговаривается, не шатается. Онъ читаетъ, пишетъ статьи, сочиненiя, служить, засѣдаетъ въ палатѣ, судѣ и говоритъ рѣчи въ палатахъ и за обѣдами. Человѣка этаго считаютъ нормальнымъ. Но стоитъ сравнить человѣка въ этомъ состоянiи постояннаго одурманиванья съ нимъ же самимъ, если бы онъ подвергалъ себя постоянному опьяненiю, или со всякимъ другимъ совершенно трезвымъ отъ алкоголя и табаку, чтобы убѣдиться, что человѣкъ этотъ далеко не въ нормальномъ положенiи.

Человѣкъ, выпивающiй по рюмкѣ водки или стакану вина за завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ или выкуривающiй 10, 20 папиросъ или трубокъ въ день, никогда не бываетъ свободенъ отъ дурмана, хотя и не лишающаго его способности низшей душевной дѣятельности, лишающаго его полной ясности мысли.

* № 19
К главе VI.

Куренье притупляетъ, такъ сказать, самое острое совѣсти, затемняетъ совѣсть разума и потому даетъ просторъ безпорядочной, бессмысленной умственной дѣятельности. Отъ этого эти не могущiе имѣть никогда никакого конца разговоры, которые не переставая происходятъ въ накуренныхъ комнатахъ съ неугасаемыми папиросами во ртахъ, разговоры того особеннаго папиросочнаго характера, въ которыхъ всѣ торопятся говорить, спорятъ, волнуются и никогда не могутъ сказать, зачѣмъ они говорятъ то, что говорятъ. Отъ этого это огромное количество всякаго рода литературныхъ, переливающихъ изъ пустаго въ порожнее произведенiй, которыя нельзя иначе назвать какъ дурманными, вертящихся десятками лѣтъ все на одномъ и томъ же, носящихъ на себѣ этотъ особенный папиросочный характеръ, состоящiй, главное, въ томъ, что чувствуется, что тому, кто говоритъ и пишетъ, нѣтъ никакой надобности говорить или писать о томъ, о чемъ онъ говоритъ или пишетъ. Отъ этого вообще это огромное количество книгъ, затопляющихъ своей безполезной массой все дѣйствительно полезное и хорошее, и отъ этого и писанья и произведенiя искусства разбора гораздо более низкаго, чѣмъ тотъ, къ которому должны бы принадлежать

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
произведения людей, которые их составляют.

* № 20

К главе VI.

Кажется, что благодаря этому всеобщему постоянному опьянению никогда человечество не жило въ такомъ разладѣ между сознаниемъ и практикою жизни. Возьму для примѣра хоть три всегда поражающія меня явленія и отношеніе къ нимъ людей.

Никогда, мнѣ кажется, сознание ужасовъ, жестокости, безнравственности, бессмысленности войны не было столь общимъ, и никогда такъ старательно не вооружались всѣ народы другъ противъ друга.

Никогда, мнѣ кажется, сознание несправедливости угнетенія однихъ людей для удовлетворенія порочныхъ прихотей другихъ не было столь общимъ, и никогда безумная роскошь не доходила до такихъ предѣловъ.

Никогда не было такъ обще сознание необходимости соединенія людей въ одномъ общемъ и разумномъ вѣрованіи, и никогда съ такой исключительностью и неуступчивостью не проповѣдовались самыя дикія, устарѣвшія и вновь выдумываемыя самыя нелѣпыя религіозныя ученія и пр. и пр.

*№ 21

К главе VI.

Только вслѣдствіи этого постоянного дурмана отъ алкогольныхъ напитковъ и куренія, въ которомъ находятся почти всѣ люди нашего общества, происходитъ то необыкновенное явленіе, что люди нашего круга, умные, образованные, заняты такъ серьезно такими удивительными пустяками, которыми они заняты. Только вслѣдствіи этого всеобщаго одурманиванія возможно появленіе такого огромнаго количества всякаго рода литературныхъ произведеній никому ненужныхъ. Только вслѣдствіи этого всеобщаго состоянія одуренія возможно появленіе этихъ безчисленныхъ такъ называемыхъ произведеній искусства, главный характеръ которыхъ состоитъ въ томъ, что они никому ни на что не нужны. Только вслѣдствіи этаго состоянія одуренія возможны эти столь обыкновенные въ нашемъ обществѣ, вездѣ въ данное время, все одни и тѣже разговоры и споры, вертящіяся все на одномъ и томъ же, никому ничего не объясняющіе и никому даже не нужные. Только вслѣдствіи этаго всеобщаго одуренія происходитъ въ жизни та поразительная, но никѣмъ не замѣчаемая противуположность между поступками людей и тѣми принципами, которые они исповѣдуютъ.

* № 22

10 Апр. 1890. Ясн. Поляна.

Спросить у человѣка, въ чемъ его счастье? и вы получите безконечно разнообразныя отвѣты: одинъ хочетъ быть богатъ, другой славенъ, третій быть любимымъ предметомъ своей любви и т. д. Но спросите у человѣка, когда онъ былъ наиболее счастливъ. И всякій человѣкъ, способный вспомнить и обдумать, скажетъ, что онъ былъ счастливъ, наиболее счастливъ тогда, когда его жизнь, его поступки наиболее сблизались или совпадали съ требованіями его совѣсти, когда онъ дѣлалъ то, что по своей совѣсти долженъ былъ дѣлать, и дѣлалъ такъ, какъ по своей совѣсти долженъ былъ дѣлать.

* № 23

Человѣкъ живъ духомъ, а не плотью. Отрѣжь у человѣка руку, ногу, обѣ руки, обѣ ноги, человѣкъ все человѣкъ – душа Божія. Но повредись человѣкъ въ разумъ и совѣсти, хоть бы и всѣ члены у него были цѣлы и былъ бы онъ сильнѣй и быстрѣй всякаго другаго человѣка, человѣкъ уже не человѣкъ, а хуже безсловесной скотины. [258] Жизнь человѣка въ духъ его, въ разумъ и совѣсти его. И потому какъ ни страшны человѣку поврежденія тѣла и членовъ его, страшнѣе всего человѣку должны быть поврежденія духа, разума и совѣсти его. А между тѣмъ мы видимъ, что люди, которые всѣми силами берегутъ отъ поврежденія свое тѣло и члены, сами своей охотой подвергаются поврежденію свои духовныя силы, свои разумъ и совѣсть. Мало того, ищутъ этого поврежденія, привыкаютъ повреждать свою душу, въ поврежденіи этомъ находятъ удовольствіе. Человѣкъ бережетъ свои руки, ноги, чтобъ не замозолить, не занозить ихъ, да что я говорю: руки, ноги – лицо бережетъ отъ загара, ногти, волосы бережетъ; этотъ же человѣкъ нисколько не

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle жалеть своего разума и совести и охотно или выпивает одурманивающего питья, или накуривается одурманивающей травой, опиума, хашиша, табаку, затемняя тем свою совесть и разум.

Нигде и никогда или очень редко люди уродуют свое тело, то тело, в котором нет силы жизни, и везде и всегда люди уродуют свою душу, то самое, в чем самая сила жизни. Отчего такое странное дело? Зачем люди уродуют свою душу? Откуда берется у людей, у большинства людей эта потребность одурманиваться? –

Я много думал и читал об этом, наблюдал эти привычки над другими людьми и, главное, сам над собой замечал тогда, когда я сам пил и курил, и в особенности когда я старался отвыкнуть от того и другого и мог наблюдать в себе те причины, которые тянули меня к одурманиванию себя вином и табаком. По моему, причина происходит вот от чего:

Тело человека есть орудие, посредством которого человек делает то, что показывает ему душа. В душе человек носит всегда образцы того, что он должен делать, того, чем он должен быть. Чтобы ни делал человек, в душе его всегда есть голос, который на каждый шаг, на каждый поступок его говорит ему, так или не так он делает или, точнее, на сколько то, что он делает, близко или далеко от того, что он должен делать. Все равно как ватерпас и угольник, на которые прикидывает каменщик или плотник все, что он делает, показывает ему, на сколько прямо или не прямо то, что он делает.

Плотник бережет свой ватерпас, отвес и угольник для того, чтобы они не покривились и чтобы то, что он делает, не вышло кривым. Казалось бы и человеку надо всеми силами беречь свою совесть и разум для того, чтобы всегда знать, что ему должно делать. Но разница в том, что плотник и каменщик здесь сейчас должны сдать свою работу и здесь сейчас подрядчик или хозяин не примут его работу, если она сделана криво; от человека же принимает его работу жизни не другой человек, а сам Бог, и принимает ее, какая бы она ни была, предоставляя самому человеку судить о том, крива или прямо, угодна или не угодна Богу его работа. И вот от этого то и происходит то, что одни люди стараются как можно улучшить свою работу, приближать ее к тому образцу, который заложен в их совести, и для этого как можно больше берегут ясность и чистоту своего образа, чтобы быть в состоянии все больше и больше приближаться к нему, другие же, отдавшись от образа, стараются не видеть его и для этого стараются затемнить его. В этом одном я нашел объяснение того непонятного всеобщего стремления слабых людей затемнять в себе табаком, вином, хашишем, опиумом то, что есть в них самого дорогого, самого главного – своих совести и разум.

* № 24

И доволен и истинно счастлив, спокоен, радостен бывает человек только тогда, когда дела его близко подходят к тому, что показывает ему его отвес и угольник, т. е. его разум и совесть. Чем ближе сходятся стана и угол с отвесом и угольником, тем радостнее плотнику, чем ближе дела человека к тому, чего требует от него совесть, тем радостнее человек, и тем тревожнее и несчастнее человек, чем больше удаляется одно от другого.

Все большее и большее приближение того, что делает человек, с тем, чего требует его совесть, и составляет главное дело жизни всякого человека, потому что в этом приближении только истинное счастье, и в обратном, в удалении поступков от того, чего требует совесть – все несчастье человека. Так что, казалось бы, человеку дано все для того, чтобы он был счастлив – дан ему верный отвес и угольник, показывающие ему, как и что ему надо работать, и дана ему возможность работать и приближаться к тому, что должно быть, и в этом находить счастье.

Казалось бы, чего же еще нужно человеку, стоит ему идти по открытому ему пути, и он верно получает благо, но, видно, нужно человеку испытать все роды обманов и ложных путей, прежде чем взойти на истинный путь, и вот люди, вместо того, чтобы приближать свои поступки к тому, чего требует совесть, придумали средство, не изменяя своей жизни, приближать к своей дурной жизни требования совести. Средства эти в том, чтобы не стану выправлять по отвесу, а отвес отводить рукой по кривой стани и думать, что стана прямая, одурманить и покривить совесть по своим дурным делам и считать дурные дела – хорошими.

Удивительное дѣло: жили, жили люди безъ вина и безъ табаку, и теперь есть люди, которые живутъ безъ нихъ, и понемногу, понемногу стали пить и курить люди, и теперь дошло до того, что пьютъ и курятъ уже почти всѣ, и мужчины, и женщины, и дѣти даже, такъ что вина и табаку выходитъ столько, что отдавай люди тѣ деньги или тѣ труды, которые они тратятъ на табакъ и вино, то можно бы прокормить и одѣть и призрѣть всѣхъ бѣдныхъ, убогихъ, больныхъ и старыхъ и обучить въ хорошихъ училищахъ всѣхъ дѣтей всего міра. Но не это удивительно; – мало ли люди тратятъ силъ и трудовъ для своихъ удовольствій. И ничего бы не было удивительного, если бы питье вина и куренье табаку сами по себѣ доставляли бы удовольствіе, такъ, какъ доставляютъ такое удовольствіе[259] игра, охота, роскошь, хорошая пища, плотская любовь. Всѣ эти дѣла прямо тянутъ къ себѣ человѣка, потому что онъ прямо пріятны человѣку. Но совсѣмъ не то съ виномъ, табакомъ у насъ (и хашишемъ и опиумомъ въ Азіи и Африкѣ); всѣ эти одурманивающія вещь[ства] сами по себѣ не доставляютъ удовольствія и человѣка не тянутъ къ себѣ, напротивъ (алкоголь, въ чемъ бы онъ ни былъ въ винѣ, въ водкѣ, въ пивѣ ли) алкоголь самый тотъ, отъ котораго крѣпость вина, и никотинъ, отъ котораго крѣпость табака, ни то ни другое не манится человѣку, а напротивъ отталкиваетъ, и всякій свѣжій человѣкъ, не испорченный привычкой, предпочтетъ пить сладкій, но не пьяный напитокъ и дышать чистымъ воздухомъ, а не табачнымъ дымомъ, и нюхать запахъ травы, цвѣтовъ, а не никотина.

И вмѣстѣ съ тѣмъ такъ или иначе, но люди, понемногу принуждая себя, преодолеваютъ непріятность, происходящую отъ питья и куренья, привыкаютъ къ тому и другому и привыкаютъ такъ сильно, что готовы лишать себя всего – не только удовольствій, но и необходимаго; только бы имѣть возможность курить или пить.

–
* [ВАРИАНТ ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ СТАТЬЕ В. Г. ЧЕРТКОВА «ЗЛАЯ ЗАБАВА».]

Какъ хорошо бы было, если бы статья эта получила такое распространеніе, чтобы всѣ грамотные охотники, въ особенности молодые, начинающіе прочли бы ее. Пускай ни одинъ охотникъ, прочтя ее, не броситъ охоты, довольно будетъ того, что сомнѣніе заронится въ душъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.[260] Довольно будетъ и того, что охотники старые и начинающіе узнаютъ, что не всѣ люди считаютъ охоту милымъ и благороднымъ занятіемъ. Мнѣ бы хотѣлось къ тому, что сказано здѣсь, прибавить только тотъ короткій разговоръ, который мнѣ довелось слышать между молодымъ охотникомъ и бывшимъ охотникомъ.

Молодой охотникъ (съ спокойной увѣренностью). Да что же можетъ быть дурнаго въ охотѣ?

Бывшій охотникъ. Какъ что дурнаго въ томъ, чтобы для своей забавы лишать жизни живыя существа?

–
ПРИЛОЖЕНИЕ

*** ЧАСТНОЕ ПИСЬМО РОДИТЕЛЯМЪ, ДОКТОРАМЪ И НАЧАЛЬНИКАМЪ ШКОЛ

Беру смелость предложить вашему вниманию некоторые взгляды на отделение спермы, которые, насколько я знаю, до сих пор не разделялись ни докторами, ни вообще публикой.

Физиологи и писавшие о половых органахъ обычно предполагаютъ, что отделение спермы аналогично отделению желчи, сока поджелудочной железы, слюны и другихъ отделений, существенныхъ для человеческой жизни, и которые, раз образовавшись, должны быть потреблены и изгнаны изъ организма.

Логическій выводъ изъ этой теории тотъ, что для обозначения совершеннаго здоровья каждаго мужчины и мальчика, достигшаго 14–15-тилетняго возраста или около этого, необходимо изгонять это отделение въ правильные или неправильные промежутки времени черезъ общеніе съ другимъ поломъ или черезъ мастурбацию, если отделения спермы не происходитъ произвольно во время сна.

Дальнейшій выводъ изъ этого тотъ, что существуетъ естественная необходимость неограниченнаго общенія между полами, или, такъ какъ общество не допускаетъ этого, то учрежденіе домовъ терпимости; между темъ нравственная природа какъ мужчины, такъ и женщины возмущается противъ такого вывода; а потому и нельзя не усумниться въ истинности такой теории. Я съ своей стороны считаю, что эта признаваемая всеми теория имеетъ свое основаніе только въ половой безнравственности, разрушающей

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
заодно и жизненность и счастье нашей породы.

«Человек есть то, что он думает», это классическая истина. Если мальчик получил впечатление из книг и от товарищей старше его, что в 14 или 15 лет отделение спермы неизбежно образуется и накапливается, и что это совершается вместе с тем без его сознания и воли, что он не может воспрепятствовать этому, и что для того, чтобы поддерживать здоровье, ему необходимо периодически каким-нибудь способом выбрасывать это отделение, то его поступки тотчас же и начнут соответствовать его убеждению.

Сравнение, делаемое врачами, отделения спермы с желчью, гастрическим соком и пр. утверждает эту теорию в уме молодого человека и поддерживает его в его вредных привычках; но подставьте вместо желчи слезы – и вы вызываете в уме мальчика совершенно другое представление. Он знает, что слезы не составляют существенного условия жизни и здоровья. Человек может находиться в совершенном здоровье и ни разу не плакать в продолжение пяти или даже пятидесяти лет. Слезная жидкость всегда присутствует, но в таких малых количествах, что она незаметна. Слезы всегда готовы, ожидая соответственной причины, для того чтобы излиться; но они не накапливаются и не вредят человеку, оттого что не изливаются ежедневно, еженедельно и ежемесячно. Составные элементы слез приготавливаются организмом; проходя через кровообращение, они всегда готовы составиться и излиться, когда они понадобятся, но если они составляют, накапливаются и текут без соответствующей причины, без физического раздражения или душевного волнения, – врач тотчас же заключает о болезни слезных желез. И потому гораздо больше аналогии между слезами и спермой в их естественном способе выделения и потребления, чем между желчью или желудочным соком и семенем.

Истечение как слез, так и семени не существенны для жизни и здоровья. И то, и другое в большой степени находится под контролем воображения, чувств и воли. Истечение того и другого может быть остановлено мгновенно внезапной душевной деятельностью.

Если бы мужчины и мальчики могли быть убеждены и чувствовали бы, что допущение выделения семени без разумной и соответствующей причины – столь же унижительно как и проливание слез часто и при ничтожных случаях, – и что кроме того беспричинное выделение семени есть разрушительная трата жизненного запаса, то образование привычек мастурбации, распутства, невоздержания в браке со всеми их губительными последствиями были бы предотвращены в большой степени.

Трудность обращения с этим предметом, кроме щекотливости, которая предполагается в соображениях о нем, – лежит, главное, в том, что большинство людей рождается с неестественно развитыми половыми стремлениями.

Половая распущенность прошедших поколений породила в нашем поколении чрезмерную половую раздражительность и противодействовать ей можно только очень постепенно воспитанием молодежи в принципах половой нравственности и всеобщим распространением истинного знания о естественных отправлениях производительных органов.

При установлении положения половой гигиены люди науки должны быть очень внимательны к проповедуемым ими теориям об этом предмете.

Теории, влекущие за собой пагубные последствия и не обещающие облегчения тех бедствий, которые теперь удручают человечество – не могут не вызвать сомнений.

Помню, как больно сжалось мое сердце, когда однажды при конце физиологической лекции о страстях, один молодой человек воскликнул раздирающим голосом: «что ж нам делать, молодым людям! Мы желаем жить хорошо, но страсти наши сильны, а вы, доктора, не говорите нам, что нам делать!?»

На лекции были врачи, но ни один не сказал ни слова для того, чтобы подкрепить волю молодого человека на пути воздержания.

Весьма вероятно, сравнительная физиология и анатомия в большой степени поможет приобретению правильного понимания естественных свойств человеческого организма. Я полагаю, что исследование полового строения дикого оленя или обезьяны и сравнение его с человеческим значительно поможет решению вопроса о том, находится ли в согласии с простым и неповрежденным законом природы и с

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
человеческим счастьем то обстоятельство, что несоответственно тому, что совершается в животном, в человеке выделение спермы образуется и возобновляется так постоянно и в таком огромном количестве. Естественно по крайней мере спросить о том, не есть ли накопление и составление половых выделений, происходящих в человеке, в большей степени последствие привычки, так же, как и огромное истечение слюны есть последствие такой же воспитанной привычки плеванья. Некоторые люди могут наплевать полный штоф в день, другие же плюют редко или никогда.

На родителях и воспитателях лежит обязанность предупреждать образование дурных половых привычек в детстве и молодости. Кроме прямого поучения об этом предмете, дети с раннего возраста должны быть воспитываемы в привычках самообладания. Важные поучения, содержащиеся в следующем извлечении, должны быть глубоко продуманы всеми воспитателями.

Нет привычки более привычки самообладания требующей упражнения. Привычка эта заключает в себе так много важного для жизни, что можно сказать, что только по мере ее силы, мужчина мужественен, а женщина женственна. Уменье отождествлять свое я с высшими сторонами нашей природы, подчинять ей низшие стороны, поднимать животную природу до высоты своего сознания – составляет ту центральную силу, которая дает жизненность всему существу человека. Как развить это в ребенке – есть задача каждого родителя; как воспитать это в себе – есть дело каждого юноши. Путь, ведущий к этому, не таинственен и не сложен.

Привычка самообладания есть только накопление постоянных поступков самоотречения ради достойного предмета; есть повторяемая победа разума над побуждениями, суждения над пристрастиями, сознания долга над желаниями.

Тот, кто приобрел эту привычку, кто может разумно управлять собою без болезненного усилия, кто властвует над своими страстями, тот имеет в самом себе источник истинной власти и истинного счастья. Силы и энергия, употребляемые на это день за днем и час за часом – не истощаются и даже не уменьшаются; напротив, они увеличиваются употреблением, делаются только сильнее вследствие упражнения; и хотя уже совершили свое дело в прошедшем, составляют испытанное, верное и могущественное орудие для будущей борьбы в высших областях.

На ранних стадиях истории мира условия, независящие от половых нужд, сделали женщину рабой мужчины. Если бы полы были равны по силе, с полной свободой выбора и отказа в половых сношениях, на всех ступенях любви, начиная с обменов взглядов до того общения, которое предназначено только для произведения потомков, – я думаю, что это равенство мужчины и женщины предотвратило бы то чрезмерное желание общения, которое обладало мужчиной с тех пор как мы знаем жизнь людей, и которое доходило и доходит теперь почти до мании, делающей несчастье всего рода человеческого.

Eliza B. Burnz.

Элиза Б. Бернз.

КОММЕНТАРИИ

Цитаты из дневников и записных книжек, приводимые в комментариях ко всем произведениям данного тома, извлекаются из неопубликованных пока автографов, хранящихся в Архиве Толстого в Публичной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Выдержки из неопубликованных писем Толстого и к Толстому в комментариях извлекаются также из автографов, хранящихся в различных рукописных собраниях. Сокращенные ссылки, делаемые при этом, означают: АТ – Архив Толстого, хранящийся в Публичной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, АЧ – Архив В. Г. Черткова, хранящийся в Государственном Толстовском музее и частично у В. Г. Черткова, ГТМ – Государственный Толстовский музей, ИРЛ – Институт русской литературы Академии наук СССР.

«КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ»

Работа над «Крейцеровой сонатой» заняла у Толстого с перерывами не менее двух лет. В этот же промежуток времени он начерно написал комедию «Плоды просвещения» и повесть «Дьявол», работал над статьей об искусстве и начал и закончил ряд других статей.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Еще в конце 1870–х годов Толстой начал, но не окончил рассказ «Убийца жены», [261] в котором можно видеть ранний эмбрион «Крейцеровой сонаты».

Как видно из дальнейшего, путь создания «Крейцеровой сонаты» был очень сложен, и она в процессе писания подверглась многочисленным переработкам и коренным переделкам. Толстой далеко не сразу пришел к тому тексту повести, какой представлен ее окончательной редакцией; первоначальные ее варианты значительно отличаются от последнего. Ряд записей, сделанных Толстым в дневнике и записной книжке в связи с работой над «Крейцеровой сонатой», свидетельствуют о значительных его колебаниях в развитии ее сюжета. Кое-что из того, что в этих записях было намечено, не нашло себе в повести никакого отражения.

Так же постепенно, как и сюжетное оформление «Крейцеровой сонаты», созидалось и ее идейное наполнение. В письме к В. И. Алексееву от 10 февраля 1890 г., говоря о «Крейцеровой сонате», Толстой пишет: «Содержание того, что я писал, мне было так же ново, как тем, которые читают. Мне в этом отношении открылся идеал столь далекий от деятельности моей, что сначала я ужаснулся и не поверил, но потом убедился, покаялся и порадовался тому, какое радостное движение предстоит другим и мне» (ГТМ). О том же в сходных выражениях он пишет Г. А. Русанову в письме от 25 апреля того же года. [262] В «Послесловии» к повести, сказав о том, что мысли, высказанные в нем, покажутся многим странными и даже противоречивыми, Толстой далее говорит: «Это самое чувство испытывал и я в сильнейшей степени, когда приходил к тем убеждениям, которые теперь высказываю: я никак не ожидал, что ход моих мыслей приведет меня к тому, к чему он привел меня. Я ужаснулся своим выводам, хотел не верить им, но не верить нельзя было». [263]

Мы не можем с точностью установить время начала работы над повестью которая впоследствии получила название «Крейцеровой сонаты». Но приблизительно это время определяется следующими строками письма Толстого к Г. А. Русанову от 14 марта 1889 г.: «Слух о повести имеет основание. Я уже года два тому назад написал начерно повесть действительно на тему половой любви, но так небрежно и неудовлетворительно, что и не поправляю, а если бы занялся этой мыслью, то начал бы писать вновь». [264] Таким образом, первый набросок повести относится, видимо, к 1887 г. Это, несомненно, тот самый автограф без заглавия, который описан ниже под № 1. С. А. Толстая в записи своего дневника от 28 декабря 1890 г. сообщает, что мысль создать «Крейцерову сонату» внушил Толстому актер В. Н. Андреев-Бурлак. «Он же – записывает Софья Андреевна – рассказал ему, что раз на железной дороге один господин сообщил ему свое несчастье от измены жены, и этим то сюжетом и воспользовался Левочка». [265] Как явствует из другой записи С. А. Толстой в том же дневнике – от 21 июня 1887 г., Андреев-Бурлак приехал в Ясную поляну, чтобы познакомиться с Толстым, 20 июня 1887 г. [266] Следовательно, если полагаться на слова Софьи Андреевны, первая редакция повести не могла быть написана ранее этого срока.

Существенные особенности текста первого наброска сводятся к следующему.

Он прежде всего по объему значительно кратче текста повести в окончательной редакции. В нем еще нет тех пространных общих рассуждений, какие там ведет Позднышев, и отношения между его женой и любовником, а также сопровождающие эти отношения эпизоды рассказаны и по другому и гораздо сжатее. Любовник – не музыкант, а художник, и о музыке в этой ранней редакции совсем нет речи. Первые и последние встречи жены Позднышева с любовником происходят на даче, там же происходит и убийство ее. Встреча и затем связь с художником у нее случается гораздо скорее после замужества, чем в окончательной редакции, судя по словам Позднышева: «Так шло 2 года» и по тому, что до этого у нее был всего лишь один ребенок. Между первыми подозрениями жены в неверности и убийством проходит сравнительно значительное время, во всяком случае, больше года: художник уезжает и долгое время не встречается с женой Позднышева; за это время отношения между супругами как будто вновь налаживаются, затем он поселяется в той самой деревне, где на лето поселился Позднышев с женой. Любовная связь возобновляется, муж это подозревает, так как знает о том, что художник живет в той же деревне, и, чтобы проверить свои подозрения, сказав жене, что уезжает на сутки в город, возвращается в ту же ночь, замечает у балконной двери быстро шмыгнувшую фигуру художника, выскочившего затем в окно, вбегает в дом и убивает жену.

В этой ранней редакции повести о Позднышеве говорится, что он по образованию химик. В двух местах, позднее зачеркнутых, Толстой говорит о нем как об ученом, химике и даже профессоре химии. С начала до конца всё, что говорит Позднышев, он

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle говорит, обращаясь к «господину с хорошими вещами» и к даме, с которыми у него и происходит разговор; рассказчик же остается в стороне и ни разу в разговор не вмешивается. Судя по зачеркнутым строкам, убийца сразу же должен был объявить присутствующим, кто он, но вместо этого он ведет речь о Позднышеве как о своем знакомом и лишь в конце рассказа, под влиянием волнения, третье лицо – «он» заменяет первым – «я» и, наконец, заявляет: «Я Позднышев». Общие высказывания Позднышева касаются непосредственно существа половой любви: в них еще нет ни конкретных иллюстраций его мыслей ни рассуждений о детях, о воспитании юношей и девушек, о половом воздержании женатых, о безнравственности искусственных мер против деторождения; нет и нападок на медицину и докторов. Позднышев едет не один, а с девочкой трех лет, которая, может быть, дочь не его, а художника.

Если в ближайших последующих редакциях в центре повести – судьба людей дворянского, светского крута, то этого никак нельзя сказать о первой ее редакции. Ниоткуда здесь не видно, чтобы Позднышев был дворянин или светский, богатый человек. Он прежде всего человек интеллигентной профессии, трудом добывающий свою жизненную карьеру. О нем сказано: «работал в университете, работал потом, добился своего». Нет речи и о беззаботных, безответственных связях Позднышева с женщинами до женитьбы и о том, чтобы он вел холостую жизнь на манер светской молодежи. Про его жену сказано только, что она была «с состояньицем», училась в пансионе, но не доучилась, и при этом зачеркнуто указание на ее социальное происхождение: «купеческая дочка». Художник, любовник жены Позднышева, также, видимо, человек не из светской среды: он, так же как и Позднышевы, живет на даче, а не в имении, и при том с сожителем, а затем селится на квартире у священника.

Из прочих персонажей повести в первой ее редакции особенно выделяется фигура старика-купца; он изображен здесь также иначе, чем в редакции окончательной. Ему приданы черты внутреннего благообразия и традиционного благочестия. Разводы становятся часты, по его мнению, оттого, что люди «по любви женятся, а не по закону» (в окончательной редакции оттого, что «уж очень образованы стали»). Сам он, воспитанный богобоязненными родителями в традиционной морали, женится именно «по закону», а не «по любви», и потому живет с женой любовно и в согласии больше шестидесяти лет. Искушений у него не было, потому что «в сердце у нас закреплено от родителей», ревность же была побеждена заботой о жене и жалостью к ней. Но если бы жена и изменила ему, он, по его словам, пожалел бы ее, помог бы ей и продолжал бы жить с ней, любя ее любовью христианской, а не той, которой учат «романсы».

Образ старика и его речи прямо контрастны образу Позднышева, его поступкам и его речам – почти до самого конца повести: всё у старика было как-раз наоборот по сравнению с тем, что было у Позднышева, и этим контрастным сопоставлением двух видов супружеских отношений, приемом антитезы Толстой, видимо, хотел усилить художественный и психологический эффект повести, в конце которой Позднышев высказывается уже совершенно в духе старика-купца.

В копии, сделанной с автографа (см. описание рукописей, № 2), повесть Толстым была сильно исправлена и значительно дополнена. Историю своей женитьбы и убийства жены Позднышев рассказывает теперь уже не трем пассажирам, а одному лишь рассказчику, причем рассказ этот значительно подробнее, чем в автографе. Между женитьбой и встречей с художником проходит десять лет, во время которых у Позднышевых родилось уже несколько детей. При обрисовке старика-купца несколько сбавлено его благочестие: после женитьбы он запил и «сбился с пути», но покаялся перед женой, и «развязался грех». Социальная физиономия Позднышева уже не та, что в тексте первой редакции: он не интеллигент, человек умственного труда, а помещик-дворянин, единственный сын в чопорной семье, говорящий на иностранных языках, побывавший за границей. Далее зачеркнуты его слова, в которых говорится о том, что он завел скаковых лошадей, эпизодически служил то по земству, то предводителем дворянства. До женитьбы он ведет легкомысленную жизнь светского холостяка. Одним словом, в основном Позднышев охарактеризован так же, как и в окончательной редакции повести.

И эта – вторая редакция повести не поддается точной датировке. Можно лишь предположить, что она относится по времени до марта 1888 г., когда между Чертковым и Толстым завязалась переписка на тему о половой любви (см. ниже): многие из тех мыслей, которые в этой переписке высказывал Толстой, повторены затем в последующих обработках повести, но в данной редакции они еще не высказаны.

Написанное и переделанное было на время оставлено, и Толстой принялся затем писать повесть заново (см. описание рукописей, № 3), присоединив лишь к новому автографу часть текста (около 31/2 страниц) из ее второй редакции. Эта третья редакция повести однако не была закончена. В ней фигурируют в качестве пассажиров лишь рассказчик и убийца жены с трехлетней девочкой.[267] Имя и фамилия убийцы – Леонид Степанов. Подробно охарактеризована его наружность и несколько раз подчеркнуты его аристократизм, учтивость, тонкость, образованность и сдержанность. (В первой и во второй редакциях о Позднышеве сказано, что он производил впечатление грубого человека.) Между ним и рассказчиком устанавливается взаимная симпатия, даже любовь. Спутники заводят разговор на тему о воспитании. По ходу беседы рассказчик сообщает Степанову о том, что он едет жениться на девушке, в которую влюблен. Восторженное настроение жениха, идеализирующего любовь и брак, побуждает Степанова высказать свое мнение о любви. Он ее называет «ужасным чувством», затем сообщает, кто он, и рассказывает историю своей женитьбы и убийства жены. В этом рассказе повторено иногда буквально, кое-что из того, что вошло во вторую редакцию повести, но и привнесены новые подробности. Степанов говорит о том, как женятся молодые люди, как матери, девушки и портнихи заманивают женихов, как женился он сам и что он при этом думал и испытывал. Обо всем этом говорится сходно с тем, что сказано в окончательной редакции повести. Мысль о женитьбе на девушке – одной из трех дочерей одного среднего чиновника – приходит Степанову в голову, как и в окончательной редакции, во время катанья с ней на лодке, а не во время спектакля, в котором участвует его будущая жена, как во второй редакции. В характеристике Степановым своей жены здесь не чувствуется злоба против нее – скорее сочувственное к ней отношение. Он обвиняет самого себя за то, что, зная хорошо все детали ее внешнего облика, не знал ее души и не интересовался ею. Жена – по его словам – была одновременно и грубая, глупая и невежественная до последней степени и вместе с тем прекрасный человек, нежная, добрая, наивная и честная женщина.

Вскоре после женитьбы начинаются ссоры между супругами и уже во время первой беременности жены ревность Степанова к товарищу прокурора, ездившему к нему в дом. Место художника занимает музыкант, Трухачевский. Характеристика его в основном та же, что и в окончательной редакции. О нем сказано, что он сын разорившегося барина-помещика, всегда говорившего по-французски. Два его брата – один аферист, другой – пьяница – «люди пропащие, самого низкого круга». Но, судя по зачеркнутым строкам, вначале о нем говорилось как о бывшем кавалергарде, страстном любителе музыки. Здесь впервые, хотя не так подробно, как в окончательной редакции, идет речь о Крейцеровой сонате, которую играют жена Степанова и Трухачевский. Встреча между ними происходит в городе, куда переселились Степановы для воспитания детей, через двенадцать лет после женитьбы Степановых; жена родила уже пятеро детей, и врачи запретили ей больше рожать. Через два дня после исполнения Крейцеровой сонаты муж уезжает на съезд мировых судей и так же, как и в окончательной редакции, получив от жены письмо, в котором она писала о визите Трухачевского в его отсутствие, взволнованный ревностью, уезжает домой, не окончив дел. Дальнейший текст не находит себе соответствия в окончательной редакции. Ничего не сказано ни о переживаниях мужа по дороге домой ни о том, когда и как он приехал. Между супругами в день приезда мужа устанавливаются мучительные отношения, никак на первых порах не высказываемые, но вскоре между ними происходит бурная ссора из-за того, что жена отложила отъезд в деревню и тем усилила подозрения мужа. По приезде в деревню наступает наружное примирение. Жена хитрит, муж это понимает, но под влиянием любовного возбуждения, соединенного с чувством презрения к жене, живет сравнительно покойно. Внутреннего общения между супругами нет, и вдвоем они обречены почти на полное молчание.

Последние страницы текста третьей редакции посвящены апологии девушки, как существа «лучшего в мире». Мужчины виноваты в том, во что превращается девушка, выходя замуж. Очень сочувственно и уважительно говорит Степанов затем о своей жене, вспоминая, какой отзывчивой, склонной к деятельному добру была она, будучи девушкой. Он винит себя за то, что на первых же порах своей супружеской жизни не умел поддержать и развить в ней хороших душевных задатков, и за то, что сам в своей жизни был не на высоте. После этого текст обрывается на полуфразе: «Всё шло по старому. Вдруг в один день»...

Эту редакцию повести следует датировать весной 1888 г. на следующем основании. Как сообщает биограф Толстого П. И. Бирюков, поводом для написания «Крейцеровой

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
сонаты»[268] послужило исполнение как то весной в Москве, в хамовническом доме Толстых, соны Бетховена, посвященной Крейцеру, скрипачем Ляготтой и С. Л. Толстым (последним на рояле). Среди многих слушателей был художник Репин и актер Андреев-Бурлак. В этот день давно знакомая Толстому соната произвела на него особенно сильное впечатление, [269] и он, обратившись к Репину и Андрееву-Бурлаку, предложил изобразить эту сонату доступными всем трем средствами искусства. Сам он взялся написать рассказ, который должен был прочесть перед публикой Андреев-Бурлак – прекрасный чтец, а Репину предложено было написать на эту тему картину, которая должна стоять на сцене во время чтения Андреевым-Бурлаком рассказа. Предложение это было принято, но выполнено одним лишь Толстым. Бирюков сообщает, что ему пришлось присутствовать на чтении Толстым начала повести Андрееву-Бурлаку, тут же попробовавшему читать ее». [270] Так как Андреев-Бурлак умер 10 мая 1888 г., то, следовательно, незаконченная третья редакция, которая впервые связалась с «Крейцеровой сонатой», была написана до этого времени. Само же исполнение сонаты в Москве в присутствии Репина и Андреева-Бурлака состоялось, очевидно, незадолго до этого, также весной этого года, так как с Андреевым-Бурлаком Толстой, как сказано выше, познакомился лишь в июне 1887 г.

После этого в работе над «Крейцеровой сонатой» наступает перерыв, длящийся около года. В списке намеченных Толстым к разработке сюжетов, хранящемся в Государственном Толстовском музее в Москве и датированном приблизительно концом ноября 1888 г., [271] значится и «Крейцера соната». Возобновилась работа над повестью, видимо, не ранее апреля месяца 1889 г. 23 марта этого года Толстой поехал в гости к своему другу кн. С. С. Урусову в с. Спасское и привез туда с собой начатые работы. В Спасском Толстой пробыл до 8 апреля и работал над комедией «Исхитрилась!» (позднее озаглавленной «Плоды просвещения»), над корректурами статьи об искусстве и над «Крейцеровой сонатой». 3 апреля 1889 г. он записывает в дневник: «Хотел писать новое, но перечел только все начала и остановился на «Крейцеровой сонате». В ближайшие дни в дневнике сделаны следующие записи в связи с работой над «Крейцеровой сонатой». 4 апреля: «Начал «Крейцерову сонату» поправлять». 5 апреля: «Очень много и недурно писал «Крейцерову сонату»». 6 апреля: «Долго не писалось, а потом опять писал «Крейцерову сонату». После обеда читал ее Урусову[...] Урусову очень нравится. Да и правда, что ново и сильно». 7 апреля: «Опять писал довольно много». Следующая дневниковая запись – 9 апреля сделана уже в Москве: «Записал в дневник и хочу писать «Крейцерову Сонату». И пописал до завтрака». На этом апрельские записи дневника, связанные с работой над «Крейцеровой сонатой», прекращаются, и больше в апреле и в начале мая Толстой к работе над повестью, видимо, не возвращался. Несомненно, что в Спасском у Толстого шла работа над рукописью, описанной под № 4. Текст этой рукописи в целом приходится датировать временем после 29 марта 1889 г. на основании следующей дневниковой записи Толстого от этого числа: «За обедом беседовали с Урусовым, и мне пришло в голову о том, как я и большинство людей губят свою невинность – не от соблазнов, не то, чтобы женщина прельстила, а просто à froid [272] решают, что вот есть еще удовольствие – блуд, как курить, пить, и идут совершать блуд». Во вставке, написанной Толстым и вошедшей в рукопись № 4, на листе 22 об., читаем: «Дело в том, что со мной да и с 9/10, если не больше, не только нашего сословия, но всех, даже крестьян, случилось то ужасное дело, что я пал не потому, что я подпал чувственному соблазну прелести женщины. Нет, никакая женщина не соблазнила меня, а я пал потому, что хотел пасть, не то, что пасть (я не понимал, что тут есть падение), а я просто начал предаваться тем отчасти удовольствиям, отчасти потребностям, которые свойственны известному возрасту, как я начал пить, курить...» Таким образом текст вставки развивает текст дневниковой записи и, следовательно, написан после этой записи. Текст рукописи № 4, как это видно из ее описания, возник на основе комбинации второй и третьей (незаконченной) редакции повести и образовал четвертую ее редакцию.

Работа над текстом повести, сделанная в Спасском, в основном свелась к следующему.

В результате комбинации второй и третьей редакций в повесть вновь были введены персонажи, отсутствующие в третьей редакции, – господин с хорошими вещами, о котором сказано, что он адвокат, дама, старик-купец и приказчик. Фамилия убийцы – вновь Позднышев. С ним попрежнему едет трехлетняя девочка. О своей жизни и семейной драме Позднышев рассказывает, обращаясь лишь к рассказчику. Образ старика-купца значительно изменен: нравственное благообразие его очень сбавлено, сбавлен и морализирующий элемент в его речах. Зачеркнут его рассказ о своей

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
женитьбе «по закону», а не по «романсам», о его «грехе», о приказчике, к которому он приревновал жену. Вместо этого написан новый текст, который приближает характеристику старика к той, какая читается в окончательной редакции. Жену свою, которая теперь оказывается уже дочерью не среднего чиновника, а когда-то очень богатого и разорившегося барина, Позднышев характеризует здесь как «женщину самую среднюю», тщеславную, недаровитую и озабоченную только тем, чтобы нравиться окружающим. Все положительные черты ее, особенно в пору ее девичества, приданные ей в тексте третьей редакции, здесь исключены, и вместе с этим ослаблена сила самобичевания Позднышева за свое отношение к жене. Упоминание о товарище прокурора и о ревности к нему Позднышева выпущено. Далее – впервые написаны страницы, в которых идет речь в подробностях о жизни Позднышева до женитьбы, о его первом падении (в зачеркнутом варианте описаны две проститутки и разговор с ними мальчика Позднышева и его брата), о половых излишествах в супружеской жизни, о рабстве женщины (ср. главы IV, XIII и XIV в окончательной редакции).

По возвращении из Спасского в Москву Толстой продолжал работу над «Крейцеровой сонатой», переделывая ранее написанное и комбинируя прежний материал с вновь написанным. Результатом этой работы на первых порах было создание новой – пятой законченной редакции повести, которая создалась на основе объединения четвертой и второй редакций. Процесс этой работы закреплен полностью или частично в материалах рукописей, описанных под №№ 5, 2, 6 и 7. Технически это было сделано так. С большей части рукописи № 4 до того места, где рассказывается о встрече жены Позднышева с Трухачевским, была снята копия, значительно потом переработанная и расширенная, и к ней присоединены копия рукописи № 2, начиная с того места, где речь идет о встрече с художником, и последние листы рукописи № 2, оказавшиеся мало исчерканными поправками. Таким образом музыкант был вновь заменен художником, и мотив музыки из повести удален. Роман жены Позднышева с художником и убийство ее рассказано здесь очень близко к тексту второй редакции. Добавлено в этой редакции рассуждение Позднышева о властвовании женщин, о целомудрии, как идеале всякого человека, и о половом воздержании в браке, рассказ его о ссорах с женой, о ревности, о детях (соответственно главам IX, XI, XII, частично XV и XVI окончательной редакции).

В это время Толстой занялся чтением книг о шекерах, американской секте, проповедывавшей безбрачие, общность имущества и обязательный труд для всех членов секты. В то же время он получил от одного шекера письмо с приложением книг и трактатов, посвященных учению шекеров. 9, 10 и 13 апреля и 22 мая Толстой отмечает в дневнике, что читал шекеров. 9 апреля он записывает: «Читал шекеров. Прекрасно. Полное половое воздержание. Как странно, что я теперь, когда занят этими вопросами, получил это», и в записи 13 апреля добавляет: «Всё думаю, и вопрос остается вопросом». 11 апреля он пишет Черткову о том, что, гостя у Урусова, кончил статью об искусстве и комедию «Исхитрилась!» (позднее озаглавленную «Плоды просвещения») и затем добавляет: «И потом писал и пишу повесть, рассказ о любви плотской, о половых отношениях в семье. И это серьезнее. Может быть нужно. И как всегда бывает, когда чем занят хорошим, в этом направлении, поддерживая его, складываются внешние события. На днях получил письма и брошюры от шекеров из Америки. Знаете ли вы их учение? В особенности против брака, т. е. не против брака, а за идеал чистоты сверх брака? Это вопрос, который занимает меня и именно как вопрос» (АЧ). Знакомство с идеями шекеров еще более утвердило Толстого в его взгляде на абсолютное целомудрие, как на то, к чему должен стремиться всякий человек. Этот взгляд заявлен был впервые Толстым в письмах к Черткову от 9 [?] октября и 10 ноября 1888 г.; в первом письме Толстой писал: «Я думаю, что для блага человека, ему, мужчине и женщине, должно стремиться к полной девственности, и тогда выйдет с человеком то, что должно» (АЧ).

О своем согласии с идеями шекеров Толстой писал в октябре 1889 г. шекеру А. Г. Холлистеру, отвечая на его письмо от 23 сентября того же года, следующее: «Прошлую весну я был занят писанием книги о браке [273] и пришел к совершенно новым взглядам на этот вопрос. Одновременно я читал книги, которые смог достать об общинах в Америке... В этих книгах я нашел совершенно новые для меня сведения о шекерах. В то же самое время я получил письмо от одного шекера с книгами, трактатами и тремя фотографиями. Я прочел эти книги и был очень благодарен брату, приславшему их мне [...] Теперь получил ваши книги, трактаты и письмо, прочитал всё это и благодарю вас. Всё это подкрепляет мой взгляд на брак, излагаемый в книге, которую сейчас пишу» (цитируем по копии, хранящейся в АЧ).

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Результатом знакомства с учением шекеров, укрепившим Толстого в его взгляде на брак и целомудрие, были страницы, написанные на эту тему и вошедшие в рукопись № 5. Здесь в тексте, соответствующем XI главе окончательной редакции, на этих страницах читается между прочим следующая фраза: «– А вы знаете, что я убедился, что шекеры правы. – Какие шекеры? – Шекеры, американская секта, проповедующая безбрачие, утверждающая, что Христос был не женат и что Христа не может быть женатого». С другой стороны, на этих страницах Толстой развивал, а иногда только перефразировал мысли на эту тему, высказанные им в письмах к Черткову от 23–25 марта и 9 [?] октября и 10 ноября 1888 г. В этих письмах Толстой отвечал на вопросы и сомнения по поводу целомудрия и брака, высказанные как самим Чертковым, так и сектантом Е. М. Ещенко, корреспондентом Толстого. Таким образом можно думать, что вопросы половой любви, волновавшие Черткова и некоторых других корреспондентов Толстого и вызывавшие последнего на пространные и обстоятельные ответы на них, предопределили собой введение в повесть тех пространных общих рассуждений на тему о половой любви, которые вложены в уста Позднышева.

Сам Толстой косвенно подтверждает зависимость «Крейцеровой сонаты» от тех обращений, с которыми к нему адресовались его корреспонденты. Так, в дневнике под 9 мая 1890 г. он записывает: «Нынче думал: 1) многие из тех мыслей, которые я высказывал в последнее время, принадлежат не мне, а людям, чувствующим родство со мною и обращающимся ко мне с своими вопросами, недоумениями, мыслями, планами. Так, основная мысль, скорее сказать чувство «Крейцеровой сонаты» принадлежит одной женщине, славянке, писавшей мне комическое по языку письмо, но значительное по содержанию, об угнетении женщины половыми требованиями. Мысль о том, что стих Матфея: «если взглянешь на женщину с вождением» и т. д. относится не только к чужим женам, но и к своей, передана мне англичанином, писавшим это. И как много других». [274] Работа над пятой редакцией повести продолжалась, приблизительно, полтора месяца. 9 мая 1889 г. Толстой пишет жене: «Попов сидит и переписывает так называемую «Крейцерову сонату». [275] В рукописях № 5, 6 и 7 как-раз впервые появляется рука Е. И. Попова, на долю которого приходится значительное количество переписанных страниц. 17 мая Толстой отмечает в дневнике: „Утро переписывал и поправлял «Крейцерову сонату»“. В тот же день он пишет П. И. Бирюкову о том, что на время отложил работу над статьей об искусстве и стал писать «Крейцерову сонату». «Это пошло легко» – добавляет он (АТ). Под 18 мая в дневнике читаем: «Писал «Крейцерову сонату» – о целомудрии. Недурно». (Автограф этой главы в рукописи № 5.) 21 мая в дневнике записано: «После кофе пописал немного «Крейцерову сонату», ходил по засеке, записал мысли об искусстве и к «Крейцеровой сонате». Мысли к «Крейцеровой сонате», записанные в записной книжке под тем же 21 мая, следующие: 1) «Женщины унижены сладострастием. Тем же отплачивают, оттого их власть. Как евреи». 2) «Во время беременности я мучал ее нервы и поползновения ревности, потом при некормлении попытка убить». Вторая мысль в рукописных материалах, относящихся к повести, не получила прямого развития, первая же выражена в рукописи № 5. [276] 22 мая в дневнике записано: «Пытался писать. Не идет. Читаю о шекерах». Возможно однако, что Толстой пытался писать в этот день не «Крейцерову сонату», а статью об искусстве. 4 и 5 июня там же Толстой отмечает, что немного поработал над «Крейцеровой сонатой». 6 июня в записной книжке читаем зачеркнутую и никак в рукописях повести не отразившуюся запись: «Сладострастие блудить и развратничать с той, которая имеет власть над тобой – одно. Арапка царица». 8 июня там же запись, которая покрывается в большей своей части текстом рукописей № 5 и отчасти № 6: «К «Крейцеровой сонате». Страшное впечатление 1-й ссоры, страшное впечатление 2-й ссоры, что это не исключение. С 3-й ссоры желание ссориться. Получше, но пошло всё хуже. Ревность – главное. [277] Не удовлетв[оренная?] похоть, друж[ба?]. 10 лет жизни с детьми. Кого оболую ядом ревности, навек чужд и враг. [278] И ревность 3-х сортов. Он унижает, она унижает и настоящая зависть. Караулить. Ревность к брату или другу. [279] Оттого, что решено, что можно.

Настоящая пытка и белый медведь под конец. Пытка, чтоб кончилась, вызвала убийство. Тщеславие ею, но до предела: любуйтесь и завидуйте только. [280] Страх мой оттого, что я видел, как она может лгать, как слова для нее ничего не значат, слова – только украшенья». [281]

В тот же день Толстой записал в дневник: «Переправлял «Крейцерову сонату», но почти что ничего не сделал». Очевидно, записи записной книжки были использованы позднее этого числа. 9 и 10 июня в дневнике также отмечено, что в эти дни писалась «Крейцера соната». 12 июня Толстой писал Бирюкову: «Всё пишу «Крейцерову сонату». Не хорошо» (АТ). 15 июня в дневнике записано: «Все то же. Те же тщетные попытки писать. Впрочем, перестаю пытаться». (Эта запись может

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle относится, впрочем, и к писанию статьи об искусстве.) 20 июня в записной книжке читается такая запись: «К «Крейцеровой сонате». Думал устроить себе дома бордель, да огонь, везде огонь, везде жжет». В тексте рукописного материала повести эта запись никак не расшифрована и не развита. 23 июня в письме к Н. Н. Ге-старшему Толстой пишет: «Пишу и комедию, [282] и повесть и об искусстве», [283] а 24-го записывает в дневник: «Писал «Крейцерову сонату». Подвинулся немного». На следующий день, 25-го, там же записано: «Писал довольно хорошо «Крейцерову сонату». Подвинулся». 2 июля в дневнике следующая запись: «Писал «Крейцерову сонату». Недурно. Кончил всё. Но надо всё теперь сначала поправить. Запрещение рожать надо сделать центральным местом. Она без детей доведена до необходимости пасть. Еще про эгоизм матери. Самопожертвование матери ни хорошо ни дурно, так же, как труд. И то и другое хорошо только, когда разумно, любовно. А труд для себя и самопожертвование для своих исключительно детей – дурно». [284]

Нужно думать, что запись 2 июля указывает на окончание пятой редакции «Крейцеровой сонаты». Вслед за этим Толстой стал довольно интенсивно работать над переделкой этой редакции, и в результате создалась шестая редакция повести, закреплённая текстом частично рукописи № 6, рукописей №№ 7 и 8 и частично рукописи № 9.

Существенные ее отличия от предыдущих сводятся к следующему.

Упоминание о девочке, едущей с Позднышевым, зачеркнуто, но дальше, во второй половине текста, во вставке, Толстой, очевидно по забывчивости, заставляет Позднышева говорить следующее: «Но тут, несмотря на предписание мерзавцев не рожать, она родила вот эту самую крошку» (рукопись № 2, л. 1). Особенно много дополнений сделано во второй половине текста: почти заново написана глава о ревности, о воспитании детей и эгоистической любви к ним матерей, о нравственной высоте девушек. Осуществлено и то, что намечено в записи дневника 2 июля. Вторая часть повести и развязка ее в этой редакции такова. Уехав на съезд мировых судей, Позднышев начинает ревновать жену к Трухачевскому и стремительно уезжает домой. Дома он застаёт жену одну за обычными занятиями, но от тетки узнает, что в его отсутствие был Трухачевский. Жена откладывает условленный заранее отъезд в деревню, муж укрепляется в своих подозрениях. Между супругами происходит бурная ссора и затем примирение. Жена обещает не встречаться с Трухачевским. Через несколько дней Позднышевы уезжают в деревню. Несмотря на запрещение врачей рожать, жена родит девочку, как догадывается Позднышев, не от него. Жизнь в деревне проходит у Позднышева в «пьянстве» охоты, чтения романов, в «пьянстве» курения, еды, вина, карт, – всё это делается для того, чтобы забыться. Однажды жена под разными предлогами с сестрой уехала в город. У Позднышева закрадывается подозрение, что жена не просто это сделала. Подозрение это усиливается после того, как приехавший к нему мировой судья сообщает ему о том, что в город приехал Трухачевский, с тем чтобы дать концерт. Позднышев в волнении, с которым он не в силах совладать. Он не спит ночь, и окружающие замечают его возбуждение. Поздно вечером приезжает жена, и по ее счастливому, удовлетворенному виду Позднышев убеждается в том, что она в город ездила для встречи с Трухачевским и там с ним действительно встретилась. Под маской спокойствия он всё же старается окольными вопросами выяснить, могла ли она видеться наедине с Трухачевским, и убеждается, что это могло быть. Остается последний и самый верный способ узнать истину: будет ли она ночью, как жена Урии, искать сближения с мужем, чтобы скрыть свой грех? Так именно и случается, и Позднышев, окончательно убежденный в измене жены, закалывает ее кинжалом.

К работе над шестой редакцией «Крейцеровой сонаты» относятся следующие записи и упоминания в дневнике, записной книжке и письмах.

3 июля в записной книжке записано: «Эгоизм матери. В роде того, что хорошо труд, но только для чего? И так как дети были эгоизм, то была одна мука». Это вариация записи дневника от 2 июля. И та и другая запись развиты в шестой редакции повести в главе, трактующей о воспитании детей и об эгоизме материнской любви.

4 июля Толстой записывает в дневник: «Утром и вчера вечером много и ясно думал о «Крейцеровой сонате». Соня переписывает, ее волнует, и она вчера ночью говорит о разочаровании молодой женщины, о чувственности мужчин, сначала чуждой, о несочувствии к детям. Она несправедлива, потому что хочет оправдываться, а чтобы понять и сказать истину, надо каяться. Вся драма повести, всё время не выходящая у меня, теперь ясна в голове. Он воспитал ее чувственность. Доктора запретили рожать. Она напитана, наряжена, и все соблазны искусства.

Как же ей не пасть? Он должен чувствовать, что он сам довел ее до этого, [285] что он убил ее прежде, когда возненавидел, что искал предлога и рад был ему. Да, вчера мужики подтвердили, что кликушество бывает только у баб, а не у девок. Стало быть, справедливо, что происходит от половых эксесов». [286]

7 июля с пометкой, к «Крейцеровой сонате» Толстой записывает в записной книжке: «Настроение – дьявол, дура и добра и пронизательна». В тот же день он заносит в дневник: «Думаю о «Крейцеровой сонате». 1) Различие настроений жены – две женщины. [287] 2) Соблазнитель–музыкант своим долгом считает соблазнить. Притом же: не в б[ордель] же ему ездить, еще можно заразиться». 8 июля в записной книжке записано: «У музыканта догмат: соблазнить чужую жену – без этого он не исполнит своей обязанности. И потом куда же ему – не в бордель же идти». О нем рассказывали. [288] Мучения в присутствии человека, которого ревновал». [289]

10 июля в дневнике отмечено: «Перечитывал «Крейцерову сонату» и поправлял недурно». 11 июля в записной книжке записано: «Ревность первая безосновательная – легкая. Ревность, доходящая до подозрения, что она с ним в нужнике. Это я растил своего дьявола». [290] Вслед за тем идет ряд дневниковых записей. 16 июля: «Взялся было за работу – «Крейцера соната» – не идет». 18 июля: «Читал трактаты об искусстве и прочел то, что начато. Начал поправлять, потом начал «Крейцерову сонату». И не мог продолжать ни того ни другого». 19 июля: «После кофе писал «Крейцерову сонату» о детях. [291] Не хорошо, не сильно». Вероятно, записи 21 июля – «Пробовал писать – не мог», 22 июля – «Утро пробовал писать – не мог» и 23 июля – «Утро пробовал писать – мешают» – также относятся к «Крейцеровой сонате». 21 июля Толстой писал Бирюкову: «Я немного пишу «Крейцерову сонату», пишу и о вас думаю и желаю вам прочесть» (АТ). 24 июля в дневнике записано: «Я начал «Крейцерову сонату». Думал: я пишу «Крейцерову сонату» и даже «Об искусстве» – и то и другое – отрицательное, злое, а хочется писать доброе... Поработал над «Крейцеровой сонатой». Кончил начерно. Понял, как всю надо преобразовать, внеся любовь и сострадание к ней».

Закончив начерно работу над повестью 24 июля, Толстой вскоре принялся за ее переработку, которая составила седьмую редакцию «Крейцеровой сонаты». Она закреплена преимущественно в рукописи № 9, датированной 28 августа 1889 г. и озаглавленной «Как муж убил жену», и, вероятно, отчасти в рукописи № 6, текст которой Толстой стал исправлять, судя по дневниковой записи, через два дня после того, как повесть начерно была закончена. А за это время переписчики не могли успеть снять копию с текста рукописи № 6. Но определить, какие исправления в рукописи № 6 относятся к шестой редакции и какие к седьмой, большей частью не представляется возможным. Можно лишь утверждать, что определение того, что такое блудник, впервые встречающееся в рукописи № 6 (см. ниже), судя по дате соответствующей записи в записной книжке, сделано в седьмой редакции.

Намерение «преобразовать» повесть, внеся в нее «любовь и сострадание к ней», т. е. к жене Позднышева, о чем говорится в дневниковой записи 24 июля, Толстым было осуществлено и в работе над седьмой редакцией «Крейцеровой сонаты» лишь в минимальной степени. Оно обнаружилось только в следующих словах Позднышева, в которых передается, его отношение к жене после убийства ее: «Я в первый раз увидел в ней человека, сестру, и не могу выразить того чувства умиления и любви, которое я испытал к ней».

Важнейшие отличия седьмой редакции от предыдущей следующие.

Вслед за эпизодом первой игры Трухачевского с женой Позднышева введен эпизод его визита в отсутствие Позднышева: Позднышев возвращается с выставки домой и застаёт у себя Трухачевского. Это возбуждает его ревность (ср. конец XXI главы в окончательной редакции). Вслед затем идет эпизод ссоры Позднышевых, их примирение и краткий сравнительно с окончательной редакцией эпизод игры «Крейцеровой сонаты». Далее рассказывается об отъезде Позднышева на съезд мировых судей и об его неожиданном возвращении домой. Эпизод обратной поездки из уезда к себе домой и сопутствовавшие ей переживания Позднышева, а также эпизод убийства и всё дальнейшее до конца повести написано заново. Ряд подробностей, имеющих в этих эпизодах в окончательной редакции, здесь еще пока отсутствует. Застав жену наедине с Трухачевским, Позднышев стреляет дважды в убегающего Трухачевского, но не попадает в него, и затем двумя выстрелами смертельно ранит жену. Умиравшая женщина просит у Позднышева прощения, а не выказывает ему свою ненависть, как в окончательной редакции. В начале Толстой решил было рассуждения

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe Позднышева о целомудрии и о браке, вошедшие в окончательной редакции повести в XI главу, перенести в самый конец повести, но затем отказался от этого намерения.

В этой редакции, кроме того, сделан целый ряд смысловых и стилистических исправлений сравнительно второстепенного характера. Общее понятие о них дают описание рукописи № 9 и варианты №№ 13–17.

Работа над седьмой редакцией «Крейцеровой сонаты», судя по дневниковой записи, началась 26 июля 1889 г. В этот день Толстой записывает в дневник: «Начал было поправлять сначала «Крейцерову сонату», но сделал мало». В ближайшие дни уже речь идет не об исправлениях повести, а о писании ее. 27 июля Толстой записывает в дневник: „«Немного пописал «Крейцерову сонату»“; 28-го – „«Писал до завтрака «Крейцерову сонату»“; 29-го – «Писал «Крейцерову сонату». Порядочно», 30-го – „«Писал лучше всех дней «Крейцерову сонату»“; 1 августа – „Записал кое-что к «Крейцеровой сонате»“. В то же время в записной книжке делаются следующие записи. – 28 июля: «Середины нет: страданье от детей или чувственность. Состояние духа вызывающее «Вот еще!» и т. д. Она даже не хороша, а только чтобы не платить в б[ордель]»; [292] 30 июля: «Моя жена. Как он смеет. А почему она моя?»; [293] 1 августа: «К «Крейцеровой сонате». Дети плачут и кричат после того, как убил. И всё сделал этот мерзавец. Так гибнет жена из-за мерзавца, из его экономии. Я бы дал ему 10 рублей за дорогую». [294] 7[?] августа Толстой пишет П. И. Бирюкову: «Сам всё работаю над повестью о браке» (АТ). 11 августа он записывает в дневник: «Ходил за грибами и думал о «Крейцеровой сонате» и об искусстве. «Крейцера соната»: надо сделать бред умирающей, просящей прощение и не верящей тому, что он убил ее». [295] 15 августа там же записано: «Писал, поправлял «Крейцерову сонату». Очень хорошо». 19 августа в записную книжку заносится такая запись: «С тех пор, как я имел двух, я сделался блудник, как морфинист». И под тем же числом эта запись распространяется в дневнике: «Думал к «Крейцеровой сонате»: блудник есть не ругательство, но состояние (думаю то же и блудница), состояние беспокойства, любопытства и потребности новизны, происходящее от общения ради удовольствия не с одной, а с многими. Как пьяница, может воздерживаться, но пьяница – пьяница и блудник – блудник, при первом послаблении внимания падет. Я блудник». Эта запись развита, в свою очередь, в тексте седьмой редакции. [296]

22 августа в записной книжке записано: «Эпиграф к «Крейцеровой сонате» 5 глава Матвея, стихи 28–30. Писать скорей. К «Крейцеровой сонате». Поехал и вернулся». [297] На следующий день в дневник занесено: «Эпиграф к «Крейцеровой сонате» Матвея V, стихи 28 по 30. Глядишь на женщину как на предмет наслаждения, хотя бы то была, и даже тем более, если это твоя жена, то ты прелюбодействуешь и грешешь. При исполнении закона хлебного труда совокупление имеет цель ввеличии наслаждения – помощники, продолжатели, но при избытке – один разврат». [298] 24 августа в дневнике записано: «Немного писал»; 25-го августа там же записано: «Хотел писать – слабость, задремал»; 26-го – «Писал много. Всё не могу кончить»; 28-го – «Встал рано и сейчас же сел за работу и часа 4 писал «Крейцерову сонату». Кончил. Казалось, что хорошо, но пошел за грибами и опять недоволен, не то». В тот же день в записную книжку Толстой записал: «Я рад, что убил, я хоть полюбил ее. А если бы она сама умерла, я бы только радовался. Только теперь я понял, как неизбежно было ее падение от средств мерзавца. Со мной или с другим – всё равно». [299] На следующий день, 29 августа, Толстой отмечает в дневнике: «Немного поправлял до завтрака» и в тот же день записывает: «Думал о том, что я вожусь с своим писаньем «Крейцеровой сонаты» из-за тщеславия; не хочется перед публикой явиться не вполне отделанным, нескладным, даже плохим. И это скверно. Если что есть полезного, нужного людям, люди возьмут это из плохого. В совершенстве отделанная повесть не сделает доводы мои убедительнее. Надо быть юродивым и в писании».

Судя по этой записи, Толстой, закончив 29 августа работу над седьмой редакцией «Крейцеровой сонаты», решил, видимо, не подвергать повесть дальнейшим переделкам. В дневнике под 31 августа записано: „Вечером читал всем «Крейцерову сонату». Поднял всех. Это очень нужно. Решил печатать в «Неделе»“.

Факт чтения повести окружающим и решение ее печатать свидетельствуют о том, что Толстой считал в это время свою повесть уже более или менее законченной. 1 сентября он читал «Крейцерову сонату» вновь – Н. Н. Ге-старшему и сыну Льву Львовичу, о чем говорит дневниковая запись под этим числом: «Вечером читал Н. Н. Ге и Лева, который уезжает завтра «Крейцерову сонату». На всех, и больше всего

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
на меня, произвело большое впечатление: всё это очень важно и нужно. Очень взволновало». 9 сентября Толстой пишет Черткову: «Повесть «Крейцера соната» или «Как муж жену убил» я почти кончил и рад, что написал это. Знаю, что то, что там написано, нужно людям». О том, что повесть «почти кончил», Толстой пишет в письмах и П. И. Бирюкову от 11 сентября (АТ) и Н. Н. Страхову от 12 сентября. [300] Обоим, так же, как и Черткову, он сообщает, что повесть посылает Гайдебурову в «Неделю». Однако вскоре он испытывает неудовлетворенность тем, что им написано.

17 сентября в дневнике им записано: «Перечел «Крейцерову сонату». Очень не понравилось». В связи с этим отправка повести в печать была отложена, и Толстой вновь принялся за работу над ней. 17 сентября он записывает в дневник: «Встал и с охотой взялся за работу над «Крейцеровой сонатой»». Это была работа над восьмой редакцией повести, длившаяся месяц с лишним. Эта редакция распространилась в многочисленных списках и литографированных и гектографированных изданиях и стала достоянием широких читательских кругов. В дальнейшем называем ее общо – «литографированной редакцией». Работа над ней закреплена в рукописях, описанных под №№ 10, 11, 12 и частично 13 и 14 (см. описание рукописей). Текст ее устанавливается в результате сопоставления указанных рукописей с рукописью, описанной под № 15 и с текстами литографированных изданий повести. По сравнению с предшествующей редакцией в ней, в деталях, очень много изменений и дополнений.

Важнейшие отличия восьмой редакции от седьмой сводятся к следующему.

Текст XIV главы, заключающей в себе рассуждения Позднышева о воспитании женщин, значительно дополнен. В тексте XV главы, кроме новых деталей в рассуждениях Позднышева о ревности, в его уста вложены суровые нападки на докторов. Сюда впервые введен эпизод бурной ссоры Позднышева с женой незадолго до появления Трухачевского, ссоры, закончившейся уходом жены к сестре и попыткой отравиться (глава XX). Значительным исправлениям подверглись все последние главы повести, начиная с эпизода появления Трухачевского в доме Позднышева. Прежде всего Толстой еще раз попытался указать на положительные стороны в натуре жены Позднышева на ряду с отрицательными, как это видно из текста варианта № 18. Она, несмотря на ряд отталкивающих качеств, – «в самой глубине души добрый, великодушный, почти святой человек, способный мгновенно, без малейшего колебания и раскаяния, отдать себя всего, всю свою жизнь другому». Отрицательная характеристика двух братьев Трухачевского, бывшая в предшествующих редакциях, зачеркивается. В текст XXIII главы введено рассуждение Позднышева о музыке и его рассказ о впечатлении, произведенном на него исполнением Крейцеровой сонаты. Зачеркнуты следующие слова Позднышева, в которых он передает то, что услышал, подойдя к двери, за которой находились его жена и Трухачевский: «Да, я услышал то, что не оставило во мне ни малейшего сомнения. И они не спешили, не торопились». В результате явное доказательство физической измены жены заменилось лишь более или менее правдоподобной догадкой о такой измене. Орудие убийства – вновь кинжал, а не револьвер. Так же, как и в окончательной редакции, умирающая женщина выказывает Позднышеву свою ненависть, а не просит у него прощения.

К работе над этой редакцией «Крейцеровой сонаты» относятся следующие упоминания.

Вслед за записью 17 сентября в дневнике записано под 18 сентября: «Сел за работу». 19 сентября там же записано: «Усердно писал, поправляя «Крейцерову сонату». До начала действия всё исправно, потом нехорошо». Последнюю запись нужно понимать, очевидно, в том смысле, что «все исправно» до эпизода появления Трухачевского в доме Позднышева, откуда, собственно, и начинается действие. Как-раз эта часть повести, в которой разворачивается «действие», подверглась особенно усиленной переделке.

20 сентября, очевидно в связи с работой над «Крейцеровой сонатой», Толстой записал в дневник: «Писал мало». На следующий день, 21-го, он там же записывает: «Писал немного. Окончательно решил переделать, не надо убийства». Но это решение никак не отразилось в работе над повестью: в рукописном материале, относящемся к «Крейцеровой сонате», нет никаких намеков на то, что Толстой это свое намерение привел в исполнение или даже пытался его осуществить. Нужно думать, что дальше замысла дело не пошло, судя по дневниковой записи следующего дня в которой идет речь о том, что убийство должно быть исключительно из-за ссоры: «Стал заниматься «Крейцеровой сонатой», которая уж совсем не «Крейцера соната». Всё клонится к тому, чтобы убийство было просто из-за ссоры. Прочел историю убившегося мужа и

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe жены, убившей детей, и это еще больше подтвердило».

История, о которой пишет здесь Толстой, – драма, происшедшая в Одессе в семье учителя Заузе. Нелады между супругами привели к тому, что муж повесился, а жена после этого зарезала троих своих детей и затем сама покончила с собой, выбросившись с четвертого этажа. Об этом случае Толстой прочел в № 38 газеты «Неделя» от 17 сентября 1889 г.

Но и эта версия не была никак разработана и не нашла себе никакого отражения в рукописях повести.

23 сентября в дневник записано: «Встал рано, сел за «Крейцерову сонату». Мало сделал. Да, с Бестужевым, который напал на мысль о целомудрии с точки заботы о продолжении рода, говорил следующее: по церковному верованию должен наступить конец света; по науке точно также должна кончиться и жизнь человека на земле и сама земля. Что же так возмущает людей, что нравственная добрая жизнь тоже приведет к концу род человеческий? Может быть, это совпадает. В статье шекеров говорится то же самое. Там говорится: почему же людям воздержанием не избавить себя от насильственной смерти?» Эта запись развита в тексте, относящемся к восьмой редакции повести. [301]

24–25 сентября Толстой пишет Черткову: «Свою повесть о брачных отношениях всё не кончил и всё подвигаюсь. И вам доставлю хоть в черновом виде, как только будет можно» (АЧ). Видимо, с работой над «Крейцеровой сонатой» связана и запись в дневнике от 26 сентября: «Писал много. Вчера и нынче». 27 сентября Толстой пишет Бирюкову: «Я всё поправляю, изменяю, отделяю «Крейцерову сонату». Но мало, лениво пишу» (АТ). 27 сентября в дневнике записано: «Немного пописал. Записал кое-что к «Крейцеровой сонате»». Под этим числом в записной книжке Толстой записал следующее: «Барыня говорит на купца: вот кто мешает. А седой говорит им: вы только держитесь. Все перережутся. А не перережутся – застрелятся, а не застрелятся – проституты, а не проституты – страдальцы. «К[рейцера] с[оната]»: Если есть что похоже, то только по инерции этого самого, но и это распадается. Я 20 раз желал ей смерти, мечтал о своей свободе». Эти записи явственно на работе над текстом повести однако не отразились. Видимо, к работе над «Крейцеровой сонатой» относятся дальнейшие дневниковые записи – 28 сентября – «Немного пописал» и 5 октября – «Писал». 1 октября Толстой записал в дневник: «Утром писал новый вариант «Крейцеровой сонаты» недурно, но лениво. Делаю для людей, и потому так трудно». Вероятно, здесь имеется в виду текст рукописи № 11, в которой написан эпизод ссоры Позднышева с женой незадолго до появления в их доме Трухачевского (глава XX). 9 октября в дневнике, также, очевидно, в связи с работой над «Крейцеровой сонатой», записано: «Много поправил, начало». К этому времени Толстой уже охладел к своей работе над повестью, и это охлаждение, возможно, было результатом общего упадка его настроения. О том и о другом свидетельствуют следующие дневниковые записи. – 10 октября: «Пересматривал и поправлял всё сначала. Испытываю отвращение от всего этого сочинения. Упадок духа большой». 13 октября: «Хорошо поправлял надоевшую повесть». 12 октября в записной книжке Толстой записал: «Должно быть, я вырвал, ужаснувшись, но потом решил, что так надо». [302] Видимо, к работе над повестью относятся дневниковые записи 14 октября – «Я писал» и 15 октября – «Писал». 16 октября в дневнике записано: «Унылость, грусть, раскаяние, только бы вредить себе и другим. Много писал, поправлял «Крейцерову сонату». Давно не испытывал такого подавленного состояния». 18 октября там же отмечено: «Всё так же поправлял, и не без пользы, «Крейцерову сонату», а 21 октября Толстой записывает: «Я очень усердно, до 5 часов, поправлял последнюю часть «Крейцеровой сонаты». Недурно».

Видимо, этим числом нужно датировать окончание работы Толстого над восьмой редакцией «Крейцеровой сонаты», т. е. над той редакцией, которая получила преимущественное распространение в литографированных изданиях и рукописных списках.

После этого работа над повестью была на некоторое время отложена. 31 октября Толстой записывает в дневник: «Вчера получил длинное письмо от Черткова. Он критикует «Крейцерову сонату». Очень верно, желал бы последовать его совету, да нет охоты. Апатия, грусть, уныние». [303]

2 ноября он там же записывает: «Получил письмо от Тани-сестры о чтении «Крейцеровой сонаты». Производит впечатление. Хорошо, и мне радостно». В письме этом, [304] обращенном Т. А. Кузминской к С. А. Толстой, идет речь о чтении на

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
квартире у Кузминских в Петербурге 28 октября списка повести, привезенного М. А. Кузминской и частично ею же исправленного (см. рукопись № 15). На чтении в числе многих других присутствовали Н. Н. Страхов, беллетрист Г. П. Данилевский, поэт А. Н. Апухтин, А. А. Толстая. Читал повесть А. Ф. Кони. [305] Таким образом к 28 октября редакция, легшая в основу литографированных изданий, была переписана и стала достоянием слушателей, а вскоре и читателей. 7 ноября Толстой записывает в дневник: «Получаю письма, что «Крейцера соната» действует, и радуюсь. Это нехорошо». Видимо, вскоре же после окончания работы над восьмой редакцией Толстой принялся за писание «Послесловия» к повести, и дальнейшая работа над самой повестью замедлилась.

Сознавая недостатки своей повести с художественной точки зрения, Толстой однако не чувствовал себя в силах устранить их. В ответ на критические замечания Н. Н. Страхова по поводу «Крейцеровой сонаты», высказанные им в письме от 6 ноября, Толстой писал ему 17 ноября: «Спасибо, Николай Николаевич, за письмо. Я очень дорожил вашим мнением и получил суждение гораздо более снисходительное, чем ожидал. В художественном отношении я знаю, что это писание ниже всякой критики: оно произошло двумя приемами, и оба приема несогласные между собой, и от этого то безобразия, которое вы слышали. Но всё-таки оставляю как есть и не жалею, не от лени, но не могу поправить: не жалею же оттого, что знаю верно, что то, что там написано, не то что бесполезно, а наверное очень полезно людям и ново отчасти. Если художественное писать, в чем не зарекаюсь, то надо сначала и сразу». [306]

Отказавшись от коренной переработки «Крейцеровой сонаты» в плане чисто художественном, Толстой однако не отказывался от мысли вообще о дальнейшей ее переработке и исправлении. Еще до написания письма Страхову он записал в дневник под 12 ноября: „Вписал в «Крейцерову сонату»“. В ноябре же месяце он писал к Т. А. Кузминской: «Отношение мое ко всему, что я пишу, теперь такое, как будто я умер, и я потому ничего не разрешаю и ничего не запрещаю. Личное же мое желание об этой повести то, чтобы ее не давать читать, пока она не исправлена. Всё, что ты писала и пишешь о суждениях о повести, мне очень интересно. Жалею только, что я увлекся теперь другими занятиями и не так занят этой повестью, как прежде». (ГТМ, архив Т. А. Кузминской.)

С 10 по 24 ноября Толстой был поглощен работой над «Историей Фредерикса» – позднее озаглавленной «Дьявол». Всё же и в ноябре месяце работа над повестью шла, как это явствует и из только что приведенных строк письма толстого к Т. А. Кузминской, и из дневниковой записи от 12 ноября, и из следующих слов из письма С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 2 ноября: «Левочка всё сидит над своей повестью и другими работами» (ГТМ, архив Т. А. Кузминской). Но интенсивная работа над переделкой «Крейцеровой сонаты» падает на начало декабря, когда была закончена последняя – девятая по счету редакция повести, закрепленная частично в рукописях №№ 13–15. 5 декабря Толстой записывает в дневник: «Сел за «Крейцерову сонату» и не разгибаясь писал, т. е. поправлял до обеда. После обеда тоже». На следующий день там же им записано: «Встал в 7 и тотчас за работу. Прошелся перед завтраком и опять за работу, и до самого обеда. Просмотрел вычеркнутое. Просмотрел, вычеркнул, поправлял, прибавлял «Крейцерову сонату» всю. Она страшно надоела мне. Главное тем, что художественно неправильно, фальшиво». 7 декабря в дневнике Толстой вновь отмечает, что он «занимался» «Крейцеровой сонатой». Наконец, последняя дневниковая запись, относящаяся к работе над «Крейцеровой сонатой», – 8 декабря: «Поправлял «Крейцерову сонату», Надоела «Крейцера соната»“. Этим числом нужно, видимо, датировать окончание работы Толстого над девятой и последней редакцией «Крейцеровой сонаты». Работа эта закреплена в рукописях, описанных под №№ 13 и 14. (О двух второстепенных стилистических поправках, сделанных Толстым позднее в рукописи № 15, см. ниже.)

Существенные ее отличия от редакции предшествующей сводятся к следующему.

В восьмой (литографированной) редакции, во II главе, адвокат говорит: «Да, бывают критические эпизоды в супружеской жизни. Вот, например, дело Позднышева... Как он из ревности убил жену, – читали вы?» После этого Позднышев решает, что его узнали, и подтверждает, что он, действительно, Позднышев. В окончательной же редакции адвокат говорит лишь следующее: «Да, без сомнения, бывают критические эпизоды в супружеской жизни». Фамилия Позднышева не названа, но мнительность его такова, что в этих словах адвоката он усматривает намек на себя, и открывается.

В XIV главе смягчено рассуждение Позднышева о воспитании девушек, сводящемся, по

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
его мнению, единственно к пленению мужчин, и совершенно выброшено место, где идет речь о страданиях девушек от возбуждения чувственности и о проявлении ее у них в присутствии мужчин: в литографированной редакции идет речь о том, что всякая девушка, даже такая, которая стремится к учености или гражданской доблести, главной задачей своей ставит пленить мужчину, и что из десяти девять невыносимо страдают в период зрелости и потом, если они в двадцать лет не выходят замуж, а в присутствии любого мужчины чрезмерно оживляются и возбуждаются.

Из XV главы исключена большая часть ее, именно почти всё, что говорится о ревности вообще и в частности о ревности Позднышева к своей жене. С другой стороны, в этой главе добавлен рассказ Позднышева о судьбе его детей и сказано, что он едет на юг, где у него есть домик и садик.

Глава XVI, в которой идет речь о воспитании детей, коренным образом переделана и сокращена. Из нее удалено всё, что говорится об отсутствии у матерей духовной любви к своим детям, а также сокращено то место, где сопоставляется любовь к детям у женщин и животных.

В главе XVII в литографированной редакции Позднышев говорит о том, что его жена, выходя замуж, нравственно была несравненно выше его, как всегда всякая девушка несравненно выше мужчины, потому что несравненно чище его, что «рядовая девушка, молодая девушка до двадцати лет, большею частью прелестное существо, готовое на всё самое прекрасное и высокое», и что, наконец, девушка, становясь женщиной, продолжает быть выше мужчины в нашем быту. И далее Позднышев объясняет, почему всё это так. В окончательной редакции вся эта речь Позднышева о преимуществах девушек и женщин над мужчинами исключена.

Вообще окончательная редакция, по сравнению с предшествующей, кратче. В ней, кроме того, некоторые абзацы переставлены иногда из одной главы в соседнюю и сделано много стилистических исправлений.

В письме к Толстому от 25 декабря Чертков просит поблагодарить М. Л. Толстую за переписанный ее рукой экземпляр «Крейцеровой сонаты», на-днях им полученный (вероятно это тот самый экземпляр, описанный под № 15 и содержащий в себе предпоследнюю редакцию повести, который М. А. Кузминской был отвезен в Петербург и затем, очевидно, передан Черткову). Очень высоко расценивая повесть в целом, Чертков указывал на излишество рассудочных отступлений в речах Позднышева, не вяжущихся с его состоянием в момент рассказа. Эти рассуждения, по мнению Черткова, а также А. К. Чертковой и И. И. Горбунова, с которыми Чертков советовался, следовало бы выделить особо. Тут же Чертков предлагает Толстому вернуть ему экземпляр повести с разметками тех мест, которые следовало бы выделить. В заключение он вновь настаивает на необходимости написать послесловие, в котором были бы сведены к единству все мысли, высказанные в повести (АТ).

Но письмо это было получено Толстым уже после того, как им была закончена работа над последней редакцией «Крейцеровой сонаты». Всё же Толстой и после этого не покидал мысли воспользоваться сделанными ему указаниями. В письме к Черткову от 31 декабря он писал: «В том, что вы говорите мне, очень много есть справедливого, и я рад всегда совету от вас. Я Стаховича просил заехать к вам и сказать, что я очень желаю видеть ваши и Ивана Ивановича[307] отметки в моей повести. Непременно воспользуюсь ими» (АЧ).

Как видно из письма Черткова к Толстому от 7 января 1890 г., к этому времени Чертковым был уже отправлен в Ясную поляну экземпляр повести, переписанный М. Л. Толстой и заключающий в себе замечания самого Черткова и И. И. Горбунова. Чертков писал: «Очень прошу вас доставить мне экземпляр, лишь только вы кончите, так как я вам вернул свой, а здесь собираются литографировать эту вещь в первоначальном черновом виде, и мне очень хотелось бы дать им экземпляр в окончательном исправленном виде, если только успею» (АТ). В записи дневника от 10–15 января 1890 г. Толстой отмечает: «Получил письмо от Черткова с заметкой о «Крейцеровой сонате». Судя по этой записи, а также по ниже приводимой цитате письма Толстого к Черткову от 15 января и по тому, что в возвращенном Чертковым экземпляре повести (рукопись № 15) отчеркнутые и зачеркнутые места рукописи были последовательно пронумерованы, Чертков, помимо нескольких замечаний, сделанных на самом экземпляре рукописи, отдельно написал замечания к тем местам повести, которые казались ему спорными. Но эти замечания не сохранились. Одно из

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle замечаний Черткова касалось высказанной в повести мысли о том, что идеал человечества – не плодovitость, а достижение царства небесного. По этому поводу Толстой 15 января писал Черткову: «В памяти у меня, главное, ваши заметки на мою повесть. Всё совершенно верно, со всем согласен, но «Послесловие» хотя и начал писать, едва ли напишу, и потому место о том, что идеал человечества есть не плодovitость, а исполнение закона достижения царства небесного, совпадающего с чистотой и воздержанием, это место надо оставить как есть. Мне тяжело теперь заниматься этим, да и просто не могу, а misunderstanding'ов[308] не минуешь» (АЧ). Здесь же Толстой сообщает о том, что М. Л. Толстая наносит на присланный Чертковым экземпляр повести все поправки, и что этот экземпляр будет Черткову прислан.[309] В нем, как указано было при описании рукописи № 15, были сделаны рукой Толстого лишь две второстепенные стилистические поправки, относящиеся, судя по тому, что они не введены в текст восьмой – литографированной редакции, к январю 1890 г. Пообещав воспользоваться замечаниями Черткова и Горбунова (см. выше, письмо от 31 декабря 1889 г.), Толстой однако не сделал этого и в основном никак не изменил редакции повести, окончательно сложившейся в начале декабря.

–
Но прежде чем повесть была окончательно отделана, текст ее в восьмой редакции стал распространяться в списках, сначала рукописных, а затем, кроме них, еще и в многочисленных литографированных и гектографированных. Все они восходят к списку, переписанному рукой М. Л. Толстой и привезенному в Петербург М. А. Кузминской (рукопись № 15, первый ее слой). Непосредственно вслед за тем, как этот список был прочтен в обществе, собравшемся на квартире у Кузминских, с него стали сниматься копии. По воспоминаниям сотрудника «Посредника» Ю. О. Якубовского, история первоначального распространения «Крейцеровой сонаты» в списках рисуется так.

На следующий день после чтения повести у Кузминских, 29 октября 1889 г., состоялось чтение ее в редакции «Посредника», там же, в Петербурге, по экземпляру Кузминских. Так как его необходимо было срочно вернуть Кузминским, то сейчас же вслед за чтением несколько человек, разделив рукопись по частям, взялись за ее переписку и к утру воспроизвели полный ее список. «Таким образом, – пишет Ю. О. Якубовский, – помимо воли автора, уже на третий день рукопись «Крейцеровой сонаты», в первой версии, получила распространение в Петербурге. К воскресенью уже было готово 300 литографированных списков, которые моментально облетели весь читающий Петербург. Но это оказалось каплей в море; во многих домах списки гектографировались на домашних гектографах и получали немедленное распространение. В книжных магазинах и у букинистов такие списки ценились по 10–15 рублей». [310]

В № 6 еженедельника «Неделя» за 1890 г., стр. 198–199, была напечатана следующая заметка: «В Петербурге идут нескончаемые толки о «Крейцеровой сонате». Черновой набросок ее, неотделанный, незаконченный, прошедший в публику благодаря медвежьей услужливости друзей Л. Н. Толстого, – даже этот черновой список сделался событием. Некоторые нескромные газеты рассказали даже кое-что о содержании «Крейцеровой сонаты»».

А. А. Толстая в своих воспоминаниях так рассказывает о распространении «Крейцеровой сонаты» и «Власти тьмы» сейчас же после того, как эти произведения стали известны в рукописях: «Трудно себе представить, что произошло, например, когда явились «Крейцера соната» и «Власть тьмы». Еще недопущенные к печати, эти произведения переписывались уже сотнями и тысячами экземпляров, переходили из рук в руки, переводились на все языки и читались везде с невероятной страстностью; казалось подчас, что публика, забыв все свои личные заботы, жила только литературой графа Толстого.. Самые важные политические события редко завладевали всеми с такой силой и полнотой». [311]

Из Петербурга литографированные и рукописные списки «Крейцеровой сонаты» в предпоследней редакции стали распространяться по Москве, а затем по провинции. В архиве Толстого в Публичной библиотеке СССР имени В. И. Ленина хранится большое количество писем к Толстому, написанных со всех концов России и из-за границы и являющихся читательскими откликами на «Крейцерову сонату» в ее незавершенной редакции. Уже эта редакция успела породить ряд печатных критических откликов русских и зарубежных авторов, а также несколько беллетристических произведений, в большинстве случаев полемизирующих с основной идеей «Крейцеровой сонаты». Наиболее значительным из таких произведений был один из «Рассказов к стати» („По поводу «Крейцеровой сонаты»“) Лескова, с эпиграфом, взятым из предпоследней

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle редакци толстовской повести: «Всякая девушка нравственно выше мужчины, потому что несравненно его чище. Девушка, выходя замуж, всегда выше своего мужа. Она выше его и девушкой и становясь женщиной в нашем быту». Эти слова, являющиеся слегка перефразированной цитатой из предпоследней редакции «Крейцеровой сонаты», отсутствуют в последней ее редакции, как отсутствует в ней вообще сочувственная оценка девушки и женщины по сравнению с мужчиной, а между тем то и другое определило собой весь тон лесковского рассказа.

Когда Чертковым была привезена в Петербург окончательная редакция «Крейцеровой сонаты», она была прочитана, как сообщает Якубовский, на квартире Черткова. Собралось свыше пятидесяти человек, среди которых были Лесков, Эртель, Леонтьев (Щеглов), Л. Е. Оболенский, Гайдебуров, Рубакин, Хирьяков, Савихин, Меньшиков. Читал хороший чтец Н. И. Горбунов, брат И. И. Горбунова. [312] Автор воспоминаний не сообщает определенно, были ли сделаны после этого списки с окончательной редакции. Среди сохранившихся в различных библиотеках рукописных, гектографированных и литографированных экземпляров повести мы не встречали текстов, восходящих к этой редакции. Когда „Послесловие к «Крейцеровой сонате»“ в предпоследней своей редакции, датированной 6 апреля 1890 г., дошло до столицы, оно также стало распространяться в списках сначала отдельно, а затем в соединении с повестью.

Огромное большинство списков повести, рукописных, литографированных и гектографированных, восходит к тексту списка, переписанного рукой М. Л. Толстой (первый слой рукописи № 15). В процессе переписывания и перепечатывания копий с копий текст, естественно, искажался и в большей или меньшей степени отходил от своего первичного оригинала. Различные списки написаны разными переписчиками; литографированные и гектографированные – воспроизводят текст, написанный от руки или на пишущей машинке. Большинство списков повести датировано 26 августа 1889 г., т. е. тем же числом, каким ошибочно датирована рукопись № 15, переписанная рукой М. Л. Толстой. Некоторые датированы ноябрем 1889 г. На одном известном нам экземпляре стоит в конце текста дата – 1890 г. Ряд экземпляров вовсе не датирован. Заглавие – в большинстве случаев – «Крейцера соната». Один из литографированных списков с этим заглавием, заключающий в себе текст повести с датой 26 августа 1889 г. и «Послесловия» с датой 6 апреля 1890 г. (текст написан на пишущей машинке), заключен в обложку, на которой, кроме заглавия, – литографированный рисунок, изображающий пашущего крестьянина (года издания и указания типографии на обложке нет). Другой, также литографированный список (текст написан первоначально от руки), не имеющий даты в конце повести, но снабженный датой 26 сентября 1890 г. [sic!] в конце «Послесловия», заключен в обложку, на которой отлитографировано заглавие «Крейцера соната 1888 г., или повесть о том, как муж убил свою жену». Заглавие окружает собой рисунок, изображающий фигуру смерти с косою, приподымающую занавес, за которым видна пустая кровать; слева от края фигуры нарисованы соха и лопата, справа – книга и ноты. Внизу обложки – обозначение места и года издания – Москва, 1890.

Текст всех этих списков, содержащих в себе разнородные ошибки и искажения, восходя к первоначальному слою рукописи, написанной М. Л. Толстой, в основном однороден.

Но среди литографированных списков нам встретился один, написанный первоначально от руки (два почерка), в котором первые двадцать глав воспроизводят восьмую, предпоследнюю редакцию, а следующие восемь – редакцию последнюю.

В 1890 г. в берлинском «Библиографическом бюро» был напечатан текст «Крейцеровой сонаты» по одному из списков, восходящих к списку М. Л. Толстой (к первоначальному его слою), Берлин, 1890, книжный магазин Б. Бера (Вальтер Циммерман). В том же году в том же издательстве вышло второе издание повести в соединении с «Послесловием». Текст повести в обоих изданиях один и тот же. В нем большое количество искажений и опечаток. Вероятно, в том же году, также в Берлине (Stuhr'sche Buch-und Kunsthandlung), без обозначения года вышло «новое издание» «Крейцеровой сонаты» вместе с «Послесловием», «пересмотренное и исправленное», как значится на обложке, неким А. Н., учителем русского языка при Королевской военной академии и русским переводчиком при Королевском камергерихте в Берлине. Текст его, содержащий меньшее количество искажений, чем предыдущие два издания, воспроизводит также восьмую, предпоследнюю редакцию повести. Вслед за ней напечатано и «Послесловие». Со второго издания «Библиографического бюро» в Москве был сделан литографированный список, датированный на обложке 1890 г. и озаглавленный «Крейцера соната, или повесть о том, как муж свою жену убил». На

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
обложке же помета: «(с берлинского печатного издания)». Подзаголовок в этом
издании однако нет.

Предпоследняя редакция «Крейцеровой сонаты» распространилась среди читателей помимо какого-либо участия Толстого, даже отчасти вопреки его желанию, как это явствует из его слов в письме к Т. А. Кузминской от ноября 1889 г.: «Личное же мое желание об этой повести то, чтобы ее не давать читать, пока она не исправлена» (ГТМ, архив Т. А. Кузминской).

Впервые вопрос о напечатании повести, в издательстве «Посредник», еще задолго до ее окончания, был поднят Чертковым. В письме к Толстому от 15 мая 1889 г. он писал ему: «Вы очень поддержали бы наши издания, если бы дали нам книжку, написанную вами. Нельзя ли напечатать вам у нас ту повесть о любви, о которой вы мне писали?» (АТ). В ответ на эту просьбу Толстой передал свое согласие через И. И. Горбунова, уехавшего из Ясной поляны в Петербург 20 мая. В письме от 30 мая Чертков благодарит Толстого за согласие: «Меня очень обрадовало – пишет он – то, что вы хотите отдать в наши народные издания вашу повесть о плотской любви». Но впоследствии, по настоянию С. А. Толстой, хотевшей напечатать «Крейцерову сонату» в подготовлявшейся ею тринадцатой части собрания сочинений Толстого, Толстой изменил свое первоначальное намерение: напечатанная отдельным изданием повесть широко разошлась бы и повредила бы распространению того тома сочинений, в котором она была бы потом перепечатана. Поэтому Толстой решил впервые опубликовать ее в еженедельнике П. А. Гайдебурова «Неделя», о чем записал впервые в дневник под 31 августа 1889 г. В письме к Черткову от 10 сентября, сообщая о том, что почти кончил «Крейцерову сонату», он писал ему: «Думаю напечатать всё у Гайдебурова. У него без цензуры. Иначе нельзя. И это решено и решено женою, которая на это согласна» (АЧ).

Но занявшись переработкой повести, Толстой отложил ее печатание.

Между тем друг Толстого Н. Н. Страхов, узнав, что «Крейцера соната» заканчивается писанием, обратился к Толстому в письме от 31 августа 1889 г. с просьбой напечатать ее в «Русском вестнике» на тех условиях, которые поставит сам автор. [313] В ответ на это Толстой написал Страхову 12 сентября: «Свое писание, которое я почти кончил, я с Татьяной Андреевной [314] посылаю в Петербург для напечатания у Гайдебурова. Я выбрал Гайдебурова потому, что его издание бесцензурно и не враждебно христианству. Условия мои одни – то, чтобы не было условий и чтобы тут же заявить, что это сочинение не составляет ничьей собственности, и я прошу всех перепечатывать и переводить его. Говорят, что оно опять нецензурно, принимая во внимание нашу теперешнюю. Вообще вы поможете, я надеюсь и прошу вас, в этом деле, в печатании, в исключении, изменении чего нужно». [315] В ответ на это письмо Страхов в письме от 16 сентября, изъявляя полную готовность быть полезным Толстому в печатании повести, просил его разрешения напечатать «Крейцерову сонату» одновременно с тем, как она будет напечатана в «Неделе» или непосредственно вслед за этим, и в «Русском вестнике». [316] На эту просьбу Толстой ответил Страхову не письменно, а, видимо, через Т. А. Кузминскую, вернувшуюся из Ясной поляны в Петербург. Точное содержание этого ответа однако неизвестно. В письме к Толстому от 27 сентября Страхов, сообщая о том, что Т. А. Кузминская говорила ему о планах издания повести, рекомендует Толстому напечатать ее по очень дешевой цене отдельной книгой, не анонимно, а под своим именем, и объявить, что автор отказывается от прав собственности на свое произведение, позволяя безвозмездно перепечатывать его кому угодно. [317] Очевидно, судя по этому письму, Толстой задумал было напечатать повесть без своего имени и тогда же решил отказаться от права литературной собственности на нее.

Но первоначальные планы печатания повести были изменены в виду решения Толстого напечатать ее в готовившемся сборнике в память умершего 26 декабря 1888 г. редактора «Русской мысли» С. А. Юрьева, с которым Толстой издавна был в приятельских отношениях. 5 декабря Толстой записал в дневник: «Я решил отдать в Юрьевский сборник «Крейцерову сонату», и Соня довольна». 7 декабря 1889 г. С. А. Толстая писала Т. А. Кузминской: «В настоящее время я усиленно переписываю «Крейцерову сонату», которую, к радости своей, выпросила для сборника, издаваемого в память Юрьева и в пользу его семьи, которая очень бедствует. После сборника, который выйдет в ограниченном количестве экземпляров, напечатаю и я в 13-м томе, что мне и выгодно и приятно. А главное, сборник этот дело почтенное, бескорыстное и полезное, а печатать в газетах [318] я всегда ненавижу. Левочка много работает, поправляет, и на-днях отдаем в печать» (ГТМ, архив Т. А.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy@le (Кузминской). В тот же день Толстой писал И. Д. Ругину: «Я решил «Крейцерову сонату» отдать в Юрьевский сборник, и меня мучает то, что это огорчит Гайдебурова. Если можно, смягчите это как-нибудь. Если что еще напишу цензурное, на что надеюсь, то напечатаю у него» (ГТМ).

10 декабря он записывает в дневник: «Вчера получил письмо от Эртеля и Гайдебурова, что «Крейцерову сонату» не пропустят. Только приятно». Через А. И. Эртеля, возвращавшегося из Ясной поляны в Москву, Толстой передал Н. И. Стороженко, одному из инициаторов сборника в память Юрьева, свое желание напечатать повесть в этом сборнике. В письме от 7 декабря Эртель, сообщая Толстому о том, что Стороженко очень обрадован решением Толстого, пишет в то же время о неприятной новости, услышанной им от его приятеля и касающейся «Крейцеровой сонаты»: один из влиятельных членов главного управления по делам печати сообщил этому приятелю, что повесть, известная главному управлению по рукописи, ни в каком случае в России не будет разрешена к печати (АТ). Гайдебуров же в письме от 8 декабря не только ничего не писал о готовящемся цензурном запрещении «Крейцеровой сонаты», но, напротив, просил Толстого подтвердить его намерение печатать повесть в «Неделе». В более позднем письме, от 20 декабря, Гайдебуров действительно сообщал Толстому о цензурных препятствиях к опубликованию повести. Он писал: «Самое неприятное в истории с «Сонатой» вот что. Сегодня ко мне приезжал секретарь здешнего цензурного комитета с официальным поручением от Феоктистова. [319] В виду дошедших до них слухов, что «Соната» появится в «Неделе», мне категорически объявлено, что она ни в каком случае не будет допущена к выпуску в свет и что книжка с этой повестью будет уничтожена: очевидно после этого она уже не может появиться ни в Юрьевском сборнике ни где бы то ни было... Вот поистине плачевный результат преждевременного чтения «Сонаты» в петербургских «сферах». [320] Если бы повесть стала известна цензуре в промежуток тех 4-х дней, когда журнал находится на ее рассмотрении, быть может, эти господа не решились бы ее задержать (тем более, что – как я слышал – вы пишете о ней заключение); теперь же, когда известно мнение Победоносцева и других влиятельных лиц, цензура уже не могла бы, если бы даже хотела, дозволить «Сонату». Таким образом удовлетворение суетного любопытства нескольких десятков слушателей (в том числе прямо вам враждебных) лишило всё русское общество произведения, которого оно ждало с таким напряженным интересом. Мне тяжело передавать вам это, но, повторяю, мне сообщено официально распоряжение цензуры, и я считаю себя не в праве скрыть его от вас» (АТ).

Несмотря на это, Толстой всё-таки не терял надежды напечатать «Крейцерову сонату» в России. В письмах к П. А. Буланже и Л. Ф. Анненковой от 25 декабря он пишет о том, что собирается печатать повесть в сборнике в память Юрьева, но тут же указывает на цензурные препятствия. Непонятно, почему в письме к С. Т. Семенову от того же 25 декабря Толстой пишет о том, что повесть будет напечатана, должно быть, в «Неделе».

Повесть всё же была передана Н. И. Стороженко для напечатания ее в сборнике в память Юрьева. 15 января 1890 г. Толстой писал А. И. Эртелю: «Насчет повести моей: вчера отдал ее Стороженко. Он хочет попытаться пропустить ее с вырезками» (ГТМ). Но так как цензура не давала разрешения на ее напечатание, она в этот сборник не попала, и вместо нее в сборнике были напечатаны «Плоды просвещения». Хлопотать о напечатании «Крейцеровой сонаты» перед высшими петербургскими бюрократическими сферами взялись свояк Толстого А. М. Кузминский, Н. Н. Страхов и Н. И. Стороженко, но хлопоты их оказались безуспешными. 22 января Н. Н. Страхов писал С. А. Толстой: «Недавно был у Победоносцева. Оказалось, что он и не читал «Сонаты Крейцеровой», но что Феоктистов наговорил ему разные ужасы. Я защищал, объясняя ему, в чем нравственный смысл повести. Кто-то мне рассказывал, что Победоносцев потом, ссылаясь на меня, говорил, что не знает, кому верить: Феоктистову или мне. «Не читал и не буду читать» – сказал он мне. – Отчего? – «Зачем я стану наполнять свое воображение тяжелыми и отвратительными образами?» (АТ) [321] 15 февраля 1890 г. Т. А. Кузминская писала С. А. Толстой о том, что «Крейцерову сонату» читали министр внутренних дел И. Н. Дурново, начальник главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов, Победоносцев, государь и государыня. Александр III, по словам Кузминской, был доволен повестью, государыня шокирована; главной же помехой во всем были Победоносцев и Феоктистов. По мнению Т. А. Кузминской, следовало бы просить о напечатании «Крейцеровой сонаты» в собрании сочинений, иначе ее вряд ли пропустят (ГТМ, архив Т. А. Кузминской).

Вскоре же С. А. Толстая обратилась к Дурново с просьбой пропустить «Крейцерову

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
сонату» в составе тринадцатой части собрания сочинений. В ответ на это
феоктистов писал Софье Андреевне в письме от 10 марта: «Г. министр внутренних
дел, получив письмо вашего сиятельства, поручил мне известить вас, что при всем
желании оказать вам услугу, его высокопревосходительство не в состоянии
разрешить к печати повесть «Крейцера соната», ибо поводом к ее запрещению
послужили не одни только, как вы изволите предполагать, встречающиеся в ней
неудобные выражения» (АТ).

До конца 1890 г. вопрос о печатании «Крейцеровой сонаты» не подвинулся вперед.
16 декабря этого года С. А. Толстая в дневнике в числе своих забот упоминает и
„тринадцатую часть с запрещенной «Крейцеровой сонатой».“ [322] Дело в том, что,
печатая тринадцатую часть собрания сочинений своего мужа, С. А. Толстая решила
на ряду с отрывками статей «О жизни», «Плодами просвещения» и др., включить в
него и «Крейцерову сонату», которая и набиралась для тома, несмотря на то, что
цензурное разрешение для ее напечатания получено не было. С середины декабря
1890 г. С. А. Толстая стала держать корректуры этого тома. 12 января 1891 г. она
записывает в дневник о том, что получила корректуру «Крейцеровой сонаты», а
затем 13, 19 и 25 января там же отмечает, что с помощью Т. А. Кузминской
поправляла корректуры «Крейцеровой сонаты» и «Послесловия» к ней. В феврале
большая часть тринадцатой части была отпечатана, но 25 февраля на нее был
наложен арест. 28 февраля С. А. Толстая записывает в дневник: «Из Москвы
известие, что арестован весь XIII том. Не знаю, чем это кончится, и ничего не
решила», [323] а 2 марта она пишет Т. А. Кузминской: «Слышали ли вы в Петербурге
что либо о моем напечатанном тринадцатом томе? В Москве с начала опечатали одну
«Крейцерову сонату», [324] а потом и весь тринадцатый том» (ГТМ, архив Т. А.
Кузминской). Судя по тому, что Софья Андреевна отмечает в записях своего
дневника от 27 мая и 5 июня 1891 г. о чтении ею корректур «Крейцеровой
сонаты», [325] часть тома, содержащая «Крейцерову сонату» и «Послесловие», была
лишь набрана, а не отпечатана. Записи же 27 мая и 5 июня, видимо, обозначают,
что в эти дни читались сверстанные корректуры повести и «Послесловия» к ней. 13
марта С. А. Толстая записывает в дневник: «Еду в Москву, выпущу 12 частей с
объявлением о задержке XIII». 20 марта там же она записывает: «Провела в Москве
15 и 16 число... В Москве узнала, что XIII часть запретили в Петербурге. В Москве
была арестована только «Крейцера соната». Еду в Петербург, употреблю все
старания, чтобы увидеть государя и отвоевать XIII том». [326] При помощи Е. Г.
Шереметевой, двоюродной сестры Александра III, С. А. Толстая добилась с
государем свидания, которое произошло 13 апреля в Петербурге. Предлогом для
свидания была просьба Софьи Андреевны, чтобы Александр III был сам цензором
произведений Толстого. Предварительно С. А. Толстая побывала у феокистова и
добилась у него разрешения выпуска в свет тринадцатой части, за исключением
«Крейцеровой сонаты». Разрешение на печатание последней, но лишь в полном
собрании сочинений, было дано Александром III. В ответ на просьбу быть впредь
цензором художественных произведений Толстого, он, по словам С. А. Толстой,
ответил согласием. [327] В связи с намерением жены хлопотать о выпуске
запрещенного цензурой тома Толстой писал 26 марта 1891 г. Н. Н. Страхову о том,
что Софья Андреевна, к его «великому сожалению», едет в Петербург хлопотать о
выпуске тринадцатого тома. «Вы не можете себе представить – продолжает он, –
какое тут было прежде трагическое, а теперь комическое недоразумение: Софья
Андреевна хлопочет, и как будто для меня, о выходе этого тома, тогда как всё в
выходе этого тома мне только неприятно – прежде очень, но теперь чуть-чуть, но
всё-таки неприятно: неприятно, что выходят отрывки статей с урезками, неприятно,
что продаются мои сочинения, неприятно, что просто появляются теперь, в этой
пошлой форме полного собрания». [328]

15 апреля того же года Толстой писал Черткову: «Жена вчера приехала из
Петербурга, где она видела государя и говорила с ним про меня и мои писанья –
совершенно напрасно. Он обещал ей разрешить «Крейцерову сонату», чему я вовсе не
рад. А что-нибудь скверное было в «Крейцеровой сонате». Она мне страшно
опротивела, всякое воспоминание о ней. Что-нибудь было дурное в мотивах,
руководивших мною при писании ее. Такую злобу она вызвала. Я даже вижу это
дурное. Буду стараться, чтобы впредь этого не было, если придется что кончить»
(АЧ).

Несмотря однако на разрешение Александра III, том с «Крейцеровой сонатой»
задерживался цензурой. 5 мая С. А. Толстая писала Т. А. Кузминской: «Знаешь,
результат моего свидания с государем, говорят, тот, что «Крейцерову сонату»
запретили в Москве бумагой из Петербурга еще строже, чем когда-либо. Я написала
министру. Теперь жду ответа и всё не выпускаю 13-й части» (ГТМ, архив Т. А.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой (Кузминской). Наконец, к 10-му мая от министра внутренних дел И. Н. Дурново было получено разрешение на выпуск в свет тринадцатой части с «Крейцеровой сонатой» и «Послесловием» к ней, о чем была извещена типография, в которой печаталась эта книга. [329] О разрешении печатать «Крейцерову сонату» в тринадцатой части сочинений Толстого известил С. А. Толстая и И. Н. Дурново письмом от 6 мая (АТ). 8 мая 1891 г. последовал циркуляр за № 2217, сообщавший, что «напечатанную в XIII ч. сочинений графа» Л. Н. Толстого повесть «Крейцера соната» министр внутренних дел не признал возможным выпустить в свет отдельным изданием». Циркуляром от 26 сентября того же года за № 4453, со ссылкой на предыдущий циркуляр, вновь предписывалось «не допускать повесть графа Л. Н. Толстого «Крейцера соната» с «Послесловием» отдельным изданием». Наконец, запрещение отдельных изданий «Крейцеровой сонаты» с «Послесловием» было подтверждено и циркуляром от 4 ноября 1893 г. за № 5198. Отменено это запрещение лишь в 1900 г., «по высочайшему повелению», циркуляром от 17 февраля за № 1192. [330]

В июне 1891 г. вышла, наконец, в свет тринадцатая часть сочинений Толстого с «Крейцеровой сонатой» и «Послесловием» к ней, отпечатанная в Москве, в типографии А. И. Мамонтова и помеченная на титульном листе 1890-м годом, а на обложке, отпечатанной в типографии М. Г. Волчанинова, – 1891-м годом. [331] Том поделен на два отдела. В первом напечатаны статьи «В чем счастье?», «О переписи в Москве», отрывки из «Так что же нам делать?», статья «О том, в чем правда в искусстве»; во втором, имеющем подзаголовок «Новейшие произведения» – «Ручной труд и умственная деятельность», «Последние главы из книги «О жизни», «Праздник просвещения 12 января», «Трудолюбие или торжество земледельца», «Плоды просвещения», «Для чего люди одурманиваются?», «Крейцера соната» и «Послесловие» к ней.

Так как этот том вышел в ограниченном количестве экземпляров (3000) и очень скоро разошелся, то С. А. Толстая вскоре же задумала новое издание его. 11 июля она писала Т. А. Кузминской: «13-й том, думают в цензуре, можно будет повторить, и я заказываю» (ГТМ, архив Т. А. Кузминской). 16 июля 1891 г., по возвращении из Москвы в Ясную поляну, Софья Андреевна записывает в дневник: «После ее (А. А. Толстой, Н. Г.) отъезда я на другой день уехала в Москву заказывать 20 000 XIII части к прежним изданиям; ее было только 3000, и все разошлись очень быстро. Пришлось очень утомляться, чтоб найти бумагу готовую, чтоб найти типографию, которая взялась бы сделать в 2 недели». [332] Новое издание тринадцатой части по объему существенно отличалось от предыдущего. В него вошел лишь отдел «Новейших произведений», четыре же статьи, составлявшие первый отдел тринадцатого тома в предыдущем издании и ранее напечатанные в предшествовавших изданиях сочинений, не были включены в том, очевидно, для того, чтобы удешевить его печатание и облегчить для покупателя его приобретение. На обложке тома и на титульном листе к пометке «Произведения последних годов» добавлено «Издание первое». Год издания – 1891, типография – М. Г. Волчанинова. Но набор в обоих изданиях один и тот же, так что, видимо, в типографии Волчанинова лишь вторично печаталась книга, набранная в типографии Мамонтова.

Набор текста «Крейцеровой сонаты» для тринадцатой части, как указано в описании рукописей, производился с оригинала, переписанного рукой С. А. Толстой и содержащего в себе ряд отступлений от последней, авторизованной рукописи повести и, кроме того, очень большое количество ошибок и пропусков, сделанных переписчицей по рассеянности. Количество искажений подлинного толстовского текста в «Крейцеровой сонате», как она была напечатана в тринадцатой части, увеличивается тем, что и последняя авторизованная рукопись заключала в себе, в свою очередь, ряд ошибочных чтений, незамеченных Толстым и переходивших из копии в копию. В правке корректуры Толстой никакого участия не принимал, а С. А. Толстая правила ее исключительно по оригиналу, сданному в набор, в редких случаях внося исправления по собственному почину и таким образом еще увеличивая количество отступлений от подлинного текста.

В результате всего этого текст «Крейцеровой сонаты» в тринадцатой части – издания 1891 г. – включает в себе огромное количество искажений (около 200) сравнительно с подлинным текстом повести, сделанных частью сознательно большей же частью бессознательно.

Приводим все сознательные искажения и важнейшие образцы искажений бессознательных по сравнению с верными чтениями текста рукописи № 14. [333]

Сознательные искажения вызывались прежде всего стремлением С. А. Толстой

Страница 372

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
избегнуть рискованных и в печати неудобных, по ее мнению выражений.

Так, в главе V, стр. 20, строка 20, слова: «за сифилитиков» заменены словами: «за больных известной болезнью»; в главах VI и VII, стр. 22, 23, строки 32, 12, 18, слова: *«нашлепки на зады», *«зада», *«нашлепки» заменены соответственно словами: «турнюры», «турнюра», «турнюры»; в главе XIV, стр. 37, строка 7, слова: *«на придворном бале» заменены словами: «на утонченнейшем бале»; в главе XVIII, стр. 46, строка 26, слова «мерзавцы не велели» заменены словами: «доктора не велели»; в главе XXV, стр. 66, строки 23, 24, слова: *«публичные дома» заменены словами: «известные дома». В следующих трех случаях замены сделаны С. А. Толстой, видимо по мотивам субъективного свойства. Так, в главе XI, стр. 28, строки 31–32, слова: *«надо, чтоб супруги воспитали в себе этот порок» заменены словами: «надо, чтоб супруг воспитал в жене этот порок»; в главе XVI, стр. 42, строки 32–33, слова: «виновата она, сделала не то» заменены словами: «виноваты мы, сделали не то»; в главе XIX, стр. 48, строка 7, к словам: «и тут же неожиданную муку – детей» перед словом «детей» добавлено: «столько».

В одном случае, в тексте X главы, следующее стилистически неотделанное, хотя и авторизованное Толстым место – «Но у нас, когда из десяти брачующихся едва ли есть один, который не только не верит в таинство, но не верит даже в то, что то, что он делает, есть некоторое обязательство», стр. 27, строки 36–38, исправлено так: «Но у нас, когда из десяти брачующихся наверное девять не только не верят в таинство, но не верят даже в то, что то, что они делают, есть некоторое обязательство». В другом случае, в XV главе, фраза: «И всех она кормила сама», стр. 40, строка 15, после слова «всех» логически правильно дополнена словами: «кроме первого», так как выше в той же главе речь идет о том, что жена Позднышева, к которой эта фраза относится, по настоянию докторов не кормила сама первого ребенка.

В последней главе, после слов: «и трясся молча передо мною», стр. 78, строки 1–2, напечатано следующее место, отчеркнутое в рукописи № 14 с пометкой рукой Толстого «пр[опустить]»: «Лицо его сделалось тонкое, длинное, и рот во всю ширину его. – Да, сказал он вдруг. Если бы я знал, что я знаю теперь, так бы совсем другое было бы. Я бы не женился на ней ни за что, и никак не женился бы. – Опять мы долго молчали».

В нескольких случаях С. А. Толстая, видимо также сознательно, сделала некоторые исправления слога, с целью «улучшить» его. Так, в главе I, стр. 10, 11, строки 21, 34, вместо «говорила она» ею написано: «говорила дама», вместо «уговаривал он» – «уговаривал муж», в главе XVIII, стр. 47, строка 14, вместо «мерзавцев» – «мерзавцев-докторов», в главе XIX, стр. 49, строка 4, вместо *«Он – отец» – «Его отец»; в главе XXV, стр. 65, строка 10, вместо «не видно его было», «не видно было Позднышева».

Что касается бессознательных искажений авторского текста, сделанных в рукописи, с которой набиралась повесть, и затем попавших в печатный текст издания 1891 г., то они часто сводятся к пропуску тех фраз и слов, которые начинаются тем же словом, которым начинается следующая за пропущенными словами фраза, или – чаще – кончаются тем словом, которым кончается предшествующая пропущенным словам фраза. Случаи эти следующие. Перед словами: «У нас люди женятся», стр. 15, строка 2, пропущено: *«а у нас их нет».[334] После слов: «делала и говорила», стр. 41, строки 36–37, пропущено: *«она делала и говорила». Перед словами «В городе человек может», стр. 46, строка 10, пропущено: *«в городе несчастным людям жить лучше».[335] После слов: «Узды не было никакой, как» стр. 47, строка 23, пропущено: *«нет никакой». После слов: «Что может удержатъ его?», стр. 64, строка 10, пропущено: *«Ничто. Всё, напротив, привлекает его». После слов: «одну за другой», стр. 66, строка 8, пропущено: *«и одну циничнее другой». После слов: «Страдания были», стр. 67, строка 19, пропущен целый ряд строк, начиная от слов: *«так сильны» и кончая словами: *«к нему же было».[336] В результате этого пропуска и еще нескольких ошибок из оставшихся слов получилась явно лишенная смысла фраза: «Страдание было какое-то странное чувство – и ненависть сознания своего унижения и его побед». После слов: «и явилось странное чувство», стр. 69, строки 36–37, пропущено: *«вы не поверите – чувство». Перед словами: «ее доктор», стр. 75, строка 38, пропущено: *«доктор».[337]

Кроме того, С. А. Толстой при переписке его рукописи № 14 допущены следующие искажения.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoye
Вместо «она сейчас говорит», стр. 10, строки 28–29, напечатано: «жена сейчас говорит»; вместо «пропадет», стр. 12, строки 5–6, – «пропало»; вместо «любовь... любовь... любовь», стр. 12, строка 35, – «любовь... любовь»; вместо «взаимость», стр. 14, строка 14, – «взаимное»; вместо «тут не невероятность», стр. 14, строка 17, – «тут не вероятность»; вместо «и вы, вы», стр. 17, строка 12, – «и вы», вместо *«виделось» стр. 18, строка 25–«предвиделось»; вместо «но и та ведь предвидена», стр. 18, строки 25–26, – «но и то ведь предвидено»; после слов: «нужно для здоровья? – Они», стр. 18, строки 36–37, пропущено: *«А потом с ужасной важностью лечат сифилис. – Да отчего же не лечить сифилис?»[338] (в результате этого пропуска следующая фраза: «А оттого...» логически не связана с контекстом);[339] вместо «отозвать в сторону», стр. 20, строка 12, – «отозвать его в сторону»; вместо *«Ригольбош», стр. 20, строка 17, – «Ригольбож»; вместо «как, уже будучи женихом, я показал», стр. 21, строка 40, «как я, будучи женихом, показал»; вместо «Он издал свой звук, помолчал и отпил еще глоток чаю», стр. 22, строка 8, – «Он издал свой звук, отпил еще глоток чаю и помолчал»; вместо «в самом заманчивом свете», стр. 22, строка 36, – «в самом обманчивом, но привлекательном свете»; вместо «вошла в возраст дева», стр. 24, строка 21, – «Вошла в возраст девка»; вместо «Боже», стр. 25, строка 3, – «Боже мой»; вместо *«сопутствующие таинству», стр. 27, строки 35–36, – «соответствующие таинству»; вместо *«что десяток, другой хочет», стр. 29, строки 20–21, – «что хочет»; вместо *«нарушаешь его», стр. 31, строка 28, – «нарушишь его»; вместо «вследствие прекращения чувственности обнаружившееся наше действительное отношение», стр. 34, строка 30, – «следствие прекращения чувственности, обнаружившее наше действительное отношение»; вместо «как они теперь убивают», стр. 32, строки 23–25, – «как они все теперь убивают»; вместо «мужчина смотрит», стр. 37, строка 2, – «мужчины смотрят»; после слов: «кормила следующих детей», стр. 39, строки 16–17, пропущено: «сама»; вместо «любви и не любви», стр. 39, строка 21, напечатано: «любви или не любви»; вместо «изменяющиеся правила», стр. 42, строка 27, – «сменяющиеся правила»; вместо «начали рожаться дети», стр. 42, строка 31, – «начали рожать детей»; вместо «а не захватил», стр. 42, строка 29, – «а не захватишь»; после слова «говорят верующие», стр. 43, строка 8, пропущено: *«бабы».[340] После слов: «от Бога не уйдешь», стр. 43, строка 9, пропущен значительный по объему конец абзаца, написанный Толстым в рукописи № 14 на обороте листа от слов: *«Она бы думала» и кончая: *«и то не всегда»; вместо «Она, вероятно, считала себя всегда совершенно правой передо мной, а уж я в своих глазах был всегда свят перед нею», стр. 44, строки 23–24, напечатано: «Она считала себя всегда, вероятно, совершенно правой передо мной, а уж я, для себя, был всегда свят перед нею в своих глазах»; вместо «до невозможного», стр. 44, строка 29, – «до невозможности»; вместо «друг другу», стр. 45, строка 26, – «друг друга»; вместо «была уже не то», стр. 48, строка 12, – «была уже не та»; вместо «называется», стр. 49, строки 31–32, – «называют»; вместо «чувствуешь», стр. 50, строка 19, – «чувствуется»; вместо «что они могли выскочить из меня», стр. 50, строки 38–39, – «что они выскочили у меня»;[341] вместо *«недоброжелательно смотрят», стр. 51, строки 18–19, – «неодобрительно смотрят»; вместо «сменяются», стр. 51, строка 20, – «меняются»; вместо «и тут не ложусь», стр. 51, строка 29, – «а тут же ложусь»;[342] вместо «письма», стр. 51, строка 30, – «письмо»; вместо *«Три, четыре часа, ее всё нет», стр. 51, строки 31–32, – «Три, четыре часа, ее нет»; вместо «Около одиннадцати», стр. 51, строка 37, – «Около 11-ти утра»; вместо *«и достигаю того, что бессознательно желаю», стр. 52, строка 8–9, – «и достаточно того, что бессознательно желаю»; вместо «этот человек», стр. 52, строки 38–39, – «тот человек»; вместо «устраивал ему пюпитр, переворачивал страницы», стр. 54, строки 24–25, – «устраивая ему пюпитр, переворачивая страницы»; вместо *«и по своей внешней эlegantности», стр. 55, строка 9, – «по всей внешней эlegantности»; вместо *«сговаривались», стр. 56, строка 36, – «сговорились»; вместо *«хочет скрыть», стр. 58, строка 1, – «хотела скрыть»; вместо *«как кокетка», стр. 58, строка 20, – «как кокетка». После этого слова напечатаны слова: «Только тебе всякая подлость приятна, а мне ужасна», в рукописи № 14 зачеркнутые, затем восстановленные и потом опять зачеркнутые. Вместо *«уже не позволял», стр. 60, строка 23, напечатано: «не позволял»; вместо «зевающего», стр. 61, строка 22, – «зевающих»; вместо «смеющегося», стр. 61, строка 23, – «смеющихся»; вместо «важные поступки», стр. 62, строка 10, – «поступки»; вместо «представлялись совсем в другом свете», стр. 61, строка 20, – «представлялись в другом свете»; вместо *«После этого престо», стр. 61, строка 21, – «После этого allegro»; вместо «вспомнились», стр. 61, строка 34, – «вспоминались»; вместо «известный за дрянного человека», стр. 63, строка 37, – «известного за дрянного человека»; вместо *«куришь», стр. 64, строка 34, – «курил»; вместо *«не вставляя новой», стр. 65, строка 5, – «не вставляя новую»; вместо «забывал, куда я еду», стр. 65, строка 18, – «я забывал, куда еду»;

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle вместо *«Это было очень давно», стр. 66, строка 22, – «Это было давно» вместо «Ничего, ничего подобного нет», стр. 66, строка 32, – «Ничего нет подобного, ничего»; [343] вместо «О как хорошо бы это!», стр. 68, строки 7–8, – «О как хорошо бы это было!»; вместо «Ванька-ключничек», стр. 68, строка 18, – «Ванька-ключник»; вместо «наказать», стр. 69, строка 38, – «доказать»; вместо «на свой диван», стр. 70, строка 31, – «на диван»; вместо «чулках», стр. 71, строки 29, 35, – «носках»; [344] вместо *«только мгновенье», стр. 72, строка 14, – «только мгновенно»; вместо «Иван Федорович», стр. 75, строки 37–38, – «Иван Захарыч»; вместо «бросилось мне в глаза», стр. 76, строка 20, – «бросилось мне»; вместо «всё черное», стр. 76, строка 21, – «всё почерневшее»; вместо «На месте раны было что-то наложено», стр. 76, строки 24–25, – «На место раны было что-то положено»; [345] вместо «удерживать меня», стр. 76, строка 28, – «удержать меня»; вместо *«с запинками проговорила», стр. 76, строка 36, – «с заминками проговорила»; вместо «очевидно, в бреду», стр. 77, строка 21, – «очевидно, уже в бреду»; вместо «Бред продолжался всё время», стр. 77, строка 24, – «Бред продолжался уже всё время»; вместо «померла», стр. 77, строка 25, – «умерла» и т. д.

Целый ряд слов, никак не выделенных Толстым в издании 1891 г., напечатан курсивом.

К этим ошибкам и искажениям текста нужно присоединить те, которые, как сказано выше, вкрались в последнюю авторизованную рукопись № 14 и перешли в рукопись, с которой делался набор, а из нее – в печатный текст. Они отмечаются ниже.

Кроме того, в печатный текст тринадцатой части издания 1891 г. не попало из наборной рукописи следующее: 1) 12-й стих XIX главы «Евангелия» от Матфея («ибо есть скопцы» и т. д.); 2) конец главы VI, стр. 23, строки 14–17, от слов: *«Строго определяя»; 3) слово «проституточных» из главы IX, стр. 26, строка 38; 4) из главы XI, стр. 28, строка 38, стр. 29, строка 5, от слов: *«Моя сестра очень молодая», кончая: «чего он хотел от нее»; 5) конец главы XI, стр. 31, строки 8–20, от слов: *«Так что же странного»; 6) в главе XIII, стр. 35, строки 34–36, от слов *«Я бы им, этим волхвам», кончая: «Что бы они тогда заговорили?» Всё это, кроме слова «проституточных», в оригинале перечеркнуто частью карандашом, частью пером. Судя по легкому нажиму того и другого, зачеркивания сделаны не до сдачи в набор (иначе они были бы сделаны более энергично), а во время работы над корректурой, очевидно рукой С. А. Толстой. Возможность предположения о том, что это было сделано цензурой, отпадает прежде всего потому, что цензура отвергла повесть в целом, а не в частях, и что зачеркнутые места в общем контексте повести с цензурной точки зрения вряд ли могли показаться более одиозными, чем многие другие, незачеркнутые. Нет, в частности, оснований полагать, что замечания цензурного характера Победоносцева, сделанные им в цитированном выше письме к Феоктистову, отразились на тексте повести: они не покрываются теми пропусками, которые в ней сделаны.

Еще до напечатания «Крейцеровой сонаты» в тринадцатой части сочинений Толстого она в последней редакции вместе с «Послесловием» была напечатана в 1890 г. в Женеве, в издании М. К. Элпидина: «Крейцера соната. Графа Л. Н. Толстого. По исправленной рукописи», 8°, 123 стр. В списке, по которому напечатан текст повести в этом издании, отсутствовали многие ошибки списка С. А. Толстой, с которого повесть позже была напечатана в тринадцатой части, но далеко не все. Оригинал элпидинского издания представляет собой случайную комбинацию текста списка С. А. Толстой с текстом последней авторизованной рукописи повести.

Текст «Крейцеровой сонаты», печатавшийся в последующих изданиях сочинений Толстого, принадлежавших С. А. Толстой, до двенадцатого издания 1911 г., представляет собой механическую перепечатку текста тринадцатой части издания 1891 г., [346] от которого пошли и многочисленные перепечатки повести в отдельных изданиях, появлявшихся начиная с 1900 г. Большое количество этих отдельных изданий было обусловлено тем, что Толстой при выходе в свет двенадцатой и тринадцатой частей его сочинений отказался от права собственности как на произведения, помещенные в этих частях, так и на все последующие.

Текст «Крейцеровой сонаты», напечатанный в двенадцатой части двенадцатого издания сочинений Толстого (1911 г.) и перепечатанный в издании И. Д. Сытина под редакцией П. И. Бирюкова («Полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого», т. XII, М. 1913), исправляя многие (но далеко не все) ошибки текста тринадцатой части издания 1891 г. и восстанавливая пропуски, вместе с тем допускает ряд

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
новых, не обоснованных авторизованными текстами словарных различий
сравнительно с авторизованным текстом последней редакции повести. Эти словарные
варианты в огромном большинстве восходят к тексту рукописи, описанной под № 15,
и от него, видимо, зависят. (Перечисление их см. выше при описании рукописи №
15.)

Относительно текста «Крейцеровой сонаты», напечатанного в XII томе «Полного
собрания художественных произведений Л. Толстого», Государственное издательство,
М. – Л. 1928, оговорено, что он печатается по изданию «Сочинений Л. Н. Толстого,
ч. XIII, М., 1891». На самом же деле он является прихотливой комбинацией текста
указанного издания с текстом двенадцатого издания 1911 г. То же нужно сказать и
относительно текста, напечатанного издательством «Огонек» в собрании
художественных произведений Толстого, т. X, М. 1928.

–
Таким образом ни один из печатных текстов «Крейцеровой сонаты» не является
авторитетным (наиболее искажен текст издания 1891 г.). Поэтому в настоящем
издании текст «Крейцеровой сонаты» печатаем по последней авторизованной Толстым
рукописи, описанной под № 14, не принимая однако позднейших поправок, сделанных
в ней в небольшом количестве рукой посторонних лиц. Но так как эта рукопись
представляет собой исправленную копию, в которую из предшествующих
авторизованных копий попали ошибочные чтения, не замеченные Толстым, то текст ее
сверяем с автографическими текстами в их окончательной редакции. [347] В
результате этой сверки в печатный текст сравнительно с рукописью № 14 вносим
следующие исправления. (Не отмечаем нескольких ошибочных чтений рукописи № 14,
исправленных С. А. Толстой в рукописи № 16 или в корректуре.) [348]

В главе I, стр. 8, строка 33, печатаем: «ярманке» вместо «ярмарке» – по рукописи
№ 9, л. [349] 4.

*В главе II, стр. 13, строки 12–13, печатаем: «на два дни, [350] на полчаса»
вместо «на два или на полчаса» – по рукописи № 9, л. 17 и № 12, л. 8.

В той же главе, стр. 13, строка 40, печатаем: «Ах, что вы!» вместо «Ох! что вы!»
– по рукописи № 9, л. 17.

В главе V, стр. 20, строка 2, печатаем: «а как послышишь» вместо «а как
послушаешь» – по рукописи № 4, л. 23 об.

В той же главе, стр. 20, строки 10–11, печатаем: «когда в общество к моей
сестре, дочери вступит такой господин» вместо «когда в обществе к моей сестре,
дочери подступит такой господин» – по рукописи № 13, л. 20 об.

В той же главе, стр. 20, строка 18, печатаем: «следы, нездоровье» вместо «следы
нездоровья» – по рукописи № 13, л. 20 об.

В той же главе, стр. 20, строки 19–20, печатаем: «выданы родителями с восторгом
за сифилитиков» вместо: «выданы родителями с восторгом за больных сифилисом».
Так именно написано рукой Толстого в рукописи № 13, л. 21; в рукописи № 14 С. А.
Толстая вместо «за сифилитиков» написала «за больных» и далее поставила
многоточие, поверх которого Толстой написал «сифилисом». Получилось явно
компромиссное чтение, имеющее смысл не вполне сходный с первоначальным
написанием Толстого.

В той же главе, стр. 21, строка 2, печатаем: «ворочались» вместо «возвращались»
– по рукописи № 12, л. 21.

В той же главе, стр. 21, строки 11–12, печатаем: «ты не слушаешь и не видишь
глупости, а видишь умное» вместо «ты не слушаешь и не слышишь глупости, а
слышишь умное» – по рукописи № 13, л. 22.

В той же главе, стр. 21, строка 22, печатаем: «или тысячу» вместо «и тысячу» –
по рукописи № 13, л. 22.

В той же главе, стр. 21, строки 38–39, печатаем: «Девушки же» вместо «Девушки» –
по рукописи № 12, л. 25.

В главе VI, стр. 12, строка 30, печатаем: «но всякая невинная девушка» вместо
Страница 376

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e
«всякая невинная девушка» – по рукописи № 4, л. 28.

В той же главе, стр. 22, строка 32, печатаем: «От этого эти джерси» вместо «Оттого эти джерси» – по рукописи № 3, л. 7.

В той же главе, стр. 22, строка 36, печатаем: «заманчивом свете» вместо «обманчивом свете» – по рукописи № 6, л. 23 об.

В той же главе, стр. 23, строка 11, печатаем: «грудей» вместо «груди» – по рукописи № 6, л. 24.

В той же главе, стр. 23, строка 17, печатаем: «уважаемы» вместо «обыкновенно уважаемы» – по рукописи № 3, л. 7.

В главе VII, стр. 23, строка 28, после слов «около меня» добавляем «нынче» – по рукописи № 6, л. 25.

В той же главе, стр. 23, строки 34–35, печатаем: «по два фунта мяса, дичи и всякие горячительные яства» вместо «по два фунта мяса и дичи, и рыбы, и всякие горячительные яства» – по рукописям № 6, л. 25 и № 13, л. 26.

В той же главе, стр. 24, строка 10, печатаем: «человека, поглощающего» вместо «человек, поглощающий» – по рукописи № 13, л. 27.

В главе VIII, стр. 24, строка 27, печатаем: «А девки ждут» вместо «А девы ждут» – по рукописи № 4, л. 28 об.

В той же главе, стр. 24, строки 31–32, печатаем: «что это для них всё устроено» вместо «что это так всё для них устроено» – по рукописи № 13, л. 29.

В той же главе, стр. 25, строки 8, 10, 12, печатаем «Лиза», «Лизу» вместо «Лили», – всюду по рукописи № 6, л. 28 об.

В главе IX, стр. 25, строки 19–20, печатаем: «преимущества» вместо «преимущество» – по рукописи № 13, л. 30.

В той же главе, стр. 25, строка 38, печатаем: «того права» вместо «этого права» – по рукописи № 6, л. 29 об.

В той же главе, стр. 26, строка 13, печатаем «работают» вместо: «работает» – по рукописи № 5, л. 5 об.

*В главе X, стр. 27, строка 23, печатаем: «останемся» вместо «остаемся» – по рукописи № 5, л. 10 об.[351]

В главе XI, стр. 29, строка 4, печатаем: «ни за что, ни за что» вместо «ни за что» – по рукописи № 5, л. 6 об.

В той же главе, стр. 30, строки 34–35, печатаем: «положим, они бы достигли после многих тысяч лет цели» вместо «положим бы, достигли после многих тысяч лет» – по рукописи № 12, л. 20.[352]

В главе XII, стр. 33, строка 34, печатаем: «несвойственное» вместо «неестественное» – по рукописи № 5, л. 15.

В той же главе, стр. 33, строка 26, печатаем: «попался» вместо «пропал» – по рукописи № 5, л. 16.

В главе XIII, стр. 36, строка 13, печатаем: «приятно» вместо «приятное» – по рукописи № 4, л. 39 об.

В главе XIV, стр. 37, строк 9–10, печатаем: «уверяли» вместо «уверяют» – по рукописи № 5, л. 14 об.

В той же главе, стр. 37, строка 38, печатаем: «на самую себя» вместо «на себя, самую[353] себя» – по рукописи № 4, л. 37–37 об.

В главе XV, стр. 40, строка 8, печатаем: «а они пропишут» вместо «и они

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
пропишут» – по рукописи № 10, л. 22 об.

В той же главе, стр. 40, строка 11, печатаем: «Но не в этом дело» вместо «Но и не в этом дело» – по рукописи № 10, л. 22 об.

*В главе XVII, стр. 45, строки 12–13, печатаем: «У меня же было свое пьянство – пьянство службы, охоты, карт» вместо «У меня же было свое пьянство: пьянство, служба, охота, карты» – по рукописи № 13, л. 54.[354]

В той же главе, стр. 45, строки 16–17, печатаем: «а мне заседание» вместо «а у меня заседание» – по рукописи № 13, л. 55.

В той же главе, стр. 45, строка 18, после слов: «а я всю ночь не спала с ребенком», исключаем слова: «Эти новые теории гипнотизма, душевных болезней, истеричности – всё это не простая, но вредная, гадкая глупость. Про жену мою Шарко непременно сказал бы, что она была истерична, а про меня сказал бы, что я ненормален, и, пожалуй, стал бы лечить. А лечить тут нечего было». Делаем это на том основании, что в рукописи № 13, л. 55, эти слова вместе с примыкающим к ним довольно большим отрывком отчеркнуты рукой Толстого с пометкой его же рукой «пр[опустить]». Но в рукописи № 14 переписчица С. А. Толстая из всего предназначенного к исключению отрывка переписала указанные слова, очевидно, не заметив, что и они обведены чертой, и к ним также относится пометка «пропустить». Так как в тексте этой главы в рукописи № 14 есть одно лишь исправление рукой Толстого, то можно думать, что он прочел его бегло и не заметил ошибки переписчицы.

В главе XVIII, стр. 45, строка 16, печатаем: «а то сразу две, три знаменитости» вместо «а то и две, три знаменитости» – по рукописи № 13, л. 63.

В той же главе, стр. 46, строка 35, печатаем: «И оправдания свиной жизни для нас уж нет никакого» вместо «И оправданий свиной жизни для нас нет никаких» – по рукописи № 12, л. 53.

*В той же главе, стр. 47, строка 3, печатаем: «совести» вместо «совесть» – по рукописи № 12, л. 53.[355]

*В главе XIX, стр. 48, строка 21, печатаем: «когда есть молодость» вместо «что есть молодость» – по рукописи № 9, л. 58.

*В той же главе, стр. 48, строка 31, печатаем: «свои» вместо «своим» – по рукописи № 10, л. 52.[356]

В той же главе, стр. 49, строка 22, печатаем: «галстука» вместо «галстуков» – по рукописи № 9, л. 59 об.

В той же главе, стр. 49, строка 23, печатаем: «новизне» вместо «новизны» – по рукописи № 13, л. 65.

В той же главе, стр. 49, строка 33, после слова «смысл» добавляем: «дела» – по рукописи № 11, л. 1.

*В той же главе, стр. 49, строка 40, печатаем: «друг к другу» вместо «друг на друга» – по рукописи № 13, л. 67.

В той же главе, стр. 50, строка 2, печатаем: «в последнее время» вместо «последнее время» – по рукописи № 13, л. 67.

В главе XX, стр. 51, строка 28, печатаем: «одиннадцать, двенадцать, час» вместо «Одиннадцать, двенадцатый час» – по рукописи № 13, л. 71.

В той же главе, стр. 51, строка 28, печатаем: «Не иду» вместо «Я не иду» – по рукописи № 13, л. 71.

В той же главе, стр. 51, строка 30, печатаем: «ничего не могу» вместо «но ничего не могу» – по рукописи № 13, л. 71.

В той же главе, стр. 51, строка 37, печатаем: «послом от нее» вместо «от нее послом» – по рукописи № 13, л. 71.

В той же главе, стр. 52, строка 4, после слов: «я смело сказал» добавляем: «говоря с ней» – по рукописи № 13, л. 71.

В той же главе, стр. 52, строка 6, печатаем: «я уже готов» вместо «я уже готов был» – по рукописи № 13, л. 72.

В той же главе, стр. 52, строка 18, печатаем: «вскрикивает»: вместо «выкрикивает» – по рукописи № 11, л. 2.

В той же главе, стр. 52, строка 22, печатаем: «сделалось» вместо «случилось» – по рукописи № 11, л. 2.

В той же главе, стр. 52, строка 25, после слов: «на кровати» добавляем: «без чувств» – по рукописи № 11, л. 2.

В той же главе, стр. 52, строка 26, печатаем: «на столике» вместо «на столе» – по рукописи № 11, л. 2.

В той же главе, стр. 52, строка 27, печатаем: «Еще слезы» вместо «Слезы» – по рукописи № 11, л. 2.

В той же главе, стр. 52, строка 27, печатаем: «И не примиренье» вместо «Не примиренье» – по рукописи № 11, л. 2.

В главе XXI, стр. 53, строка 29, печатаем: «блудники» вместо «безнравственные люди» – по рукописи № 10, л. 54.

В той же главе, стр. 53, строка 37, печатаем: «одинаковость» вместо «как бы одинаковость» – по рукописи № 10, л. 54.

В той же главе, стр. 53, строки 37–38, печатаем: «выражений, взглядов» вместо «выражения взглядов» – по рукописи № 13, л. 77 об.

В той же главе, стр. 53, строка 38, печатаем: «Она краснела – и он краснел» вместо «Она краснела – он краснел» – по рукописи № 13, л. 77 об.

В той же главе, стр. 54, строка 3, печатаем: «ничего бы не было» вместо «ничего бы и не было» – по рукописи № 10, л. 55.

*В той же главе, стр. 54, строка 5, после слов: «сказал я» добавляем: «ей» – по рукописи № 13, л. 77 об. [357]

В той же главе, стр. 54, строка 5, печатаем: «чтоб я боялся» вместо «чтоб боялся» – по рукописи № 13, л. 77 об.

В той же главе, стр. 55, строка 3, печатаем: «Если бы я был чист» вместо «Если бы я сам был чист» – по рукописи № 11, л. 3.

В той же главе, стр. 55, строки 21–24, печатаем: «сношений моих с ним» вместо «сношений с ним» – по рукописи № 12, л. 56.

В той же главе, стр. 55, строка 24, печатаем: «дорогим вином» вместо «дорогими винами» – по рукописи № 13, л. 80.

В той же главе, стр. 55, строка 33, печатаем: «Возвращаюсь с выставки» вместо «Возвращаюсь я с выставки» – по рукописи № 13, д. 80.

В той же главе, стр. 55, строка 33, печатаем: «про себя и его» вместо «про себя и про него» – по рукописи № 13, л. 84.

*В главе XXII, стр. 58, строки 27–28, печатаем: «Она встала, но не ушла» вместо «и не ушла» – по рукописи № 15, л. 79.

В главе XXIII, стр. 60, строка 38, печатаем: «оглянулись» вместо «оглянувшись» – по рукописи № 12, л. 63.

В той же главе, стр. 61, строка 1, печатаем: «Она взяла первый аккорд» вместо

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
«Он взял первые аккорды» – по рукописи № 13, л. 86.

В той же главе, стр. 61, строки 3–4, печатаем: «и ответил роялю» вместо «Рояль ответила ему» – по рукописи № 13, л. 86.

В той же главе, стр. 61, строка 5, печатаем: «Он» вместо «Позднышев» – по рукописи № 13, л. 86.

В той же главе, стр. 61, строка 7, после слов: «Они играли Крейцерову сонату Бетховена» исключаем слова: «продолжал он» – по рукописи № 13, л. 86.

В той же главе, стр. 61, строка 8, печатаем: «У!..» вместо «У! Ууу!» – по рукописи № 9, л. 62 об.

В той же главе, стр. 61, строка 9, печатаем: «Именно» вместо «И именно» – по рукописи № 12, л. 61 об.

В той же главе стр. 61, строка 20, печатаем: «чего не понимаю» вместо «чего я не понимаю» – по рукописи № 12, л. 61 об.

В той же главе, стр. 61, строка 20, печатаем: «что могу» вместо «что я могу» – по рукописи № 12, л. 61 об.

В той же главе, стр. 62, строка 34, печатаем: «открылись, как будто вспомнились» вместо «открывались, как будто вспоминались» – по рукописи № 12, л. 63.

*В главе XXIV, стр. 63, строка 17, печатаем: «чтобы он обещал» вместо «что он обещал» – по рукописи № 12, л. 64.

В той же главе, стр. 63, строки 21–22, печатаем: «без меня был» вместо «был без меня» – по рукописи № 13, л. 88 об.

В той же главе, стр. 64, строка 4, печатаем: «и этому музыканту» вместо «этому музыканту» – по рукописи № 3, л. 13 об.

В главе XXV, стр. 65, строка 15, печатаем: «шпы выпечатываются на масляной дороге» вместо «шины выпечатываются на засаленной дороге» – по рукописи № 12, л. 68.

В той же главе, стр. 66, строки 7–8, печатаем: «было действительность» вместо «было действительностью» – по рукописи № 12, л. 69.

В той же главе, стр. 66, строка 31, после слов: «Нет, это невозможно!» добавляем: «Что я думаю!» – по рукописи № 9, л. 69 об.

В той же главе, стр. 66, строка 33, печатаем: «что-нибудь предполагать подобное» вместо «предполагать что-нибудь подобное» – по рукописи № 9, л. 69 об.

В той же главе, стр. 68, строки 23–24, печатаем: «я не мог бы сказать, чего я хотел. Я хотел, чтоб она не желала того, что она должна была желать» вместо «я не мог бы сказать чего я желал. Я желал, чтоб она не хотела того, что она должна была хотеть» – по рукописи № 12, л. 72.

В главе XXVI, стр. 69, строка 16, печатаем: «его шинель» вместо «шинель» – по рукописи № 12, л. 73.

В той же главе, стр. 69, строка 17, печатаем: «точно я ждал» вместо «потому что ждал» – по рукописям № 9, л. 70 об. и № 12, л. 73.

В той же главе, стр. 69, строки 22–23, печатаем: «как будто желал порадовать» вместо «как будто порадовать» – по рукописи № 9, л. 70 об.

В той же главе, стр. 69, строки 23–24, печатаем: «что есть еще кто» вместо «что есть еще кто-нибудь» – по рукописи № 9, л. 70 об.

В той же главе, стр. 69, строка 24, после слова «кто» добавляем: «никого-с» – по рукописи № 12, л. 73.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
В той же главе, стр. 70, строка 15, печатаем: «я говорил себе» вместо «и я говорил себе» – по рукописи № 12, л. 74 об.

В той же главе, стр. 70, строки 16–17, печатаем: «теперь уж этого не было» вместо «теперь этого уж не было» – по рукописи № 12, л. 74 об.

В той же главе, стр. 71, строка 2, печатаем: «с своей этой талией» вместо «с своей талией» – по рукописи № 12, л. 76.

В той же главе, стр. 71, строка 12, печатаем: «Да, и я сижу» вместо «Да, я сижу» – по рукописи № 9, л. 72.

В той же главе, стр. 71, строка 15, печатаем: «по крайней мере было» вместо «было по крайней мере» – по рукописи № 12, л. 76.

В той же главе, стр. 71, строка 18, печатаем: «выталкивал» вместо «вытолкал» – по рукописи № 12, л. 76.

В главе XXVII, стр. 71, строка 32, печатаем: «страшно острый» вместо «очень острый» – по рукописи № 12, л. 77.

В той же главе, стр. 72, строка 8, печатаем: «не случилось бы» вместо «и не случилось бы» – по рукописи № 12, л. 78.

В той же главе, стр. 72, строка 22, печатаем: «В это же мгновенье» вместо «В это-то мгновенье» – по рукописи № 12, л. 78.

В той же главе, стр. 72, строка 25, печатаем: «начала и она» вместо «начала она» – по рукописи № 12, л. 78.

В той же главе, стр. 74, строка 15, печатаем: «И поступок сознавался» вместо «Поступок сознавался» – по рукописи № 12, л. 80 об.

В той же главе, стр. 75, строки 20–21, печатаем: «и, достав папироски и спички, стал курить» вместо «и достал папироски и спички и стал курить» – по рукописи № 12, л. 81.

В той же главе, стр. 75, строка 23, печатаем: «дружны» вместо «друзья» – по рукописи № 12, л. 81.

В той же главе, стр. 75, строка 17, печатаем: «Я ничего не отвечал, решая вопрос» вместо «Я ничего не ответил и решал вопрос» – по рукописи № 12, л. 81.

В той же главе, стр. 75, строка 27, печатаем: «спрашивал» вместо «спросил» – по рукописи № 12, л. 81.

В главе XXVIII, стр. 76, строка 15, печатаем: «иодоформ, карболка» вместо «иодоформа, карболки» – по рукописи № 12, л. 83.

В той же главе, стр. 76, строка 26, печатаем: «больше» вместо «более» – по рукописи № 9, л. 74.

В той же главе, стр. 76, строка 27, печатаем: «под глазом» вместо «под глазами» – по рукописи № 9, л. 74.

*В той же главе, стр. 77, строка 22, печатаем «Ну, убивай, убивай, я не боюсь... Только всех, всех, и его», вместо «Стреляй, я не боюсь... Только всех убей!» – по рукописи № 15, л. 91.

Оставляем в неприкосновенности указанное выше явно неотделанное и стилистически ошибочное место X главы, стр. 27, строка 36–38: «Но у нас, когда из десяти брачующихся едва ли есть один, который не только не верит в таинство, но не верит даже в то, что то, что он делает, есть некоторое обязательство». Оно в рукописи № 14 получило такую форму в результате исправлений, сделанных рукой самого Толстого. Исправление этого места, сделанное в тринадцатой части издания 1891 г., точно так же, как и другое исправление, сделанное в тексте двенадцатого издания 1911 г. («Но у нас, когда из десяти брачующихся едва ли есть один, который верит если уж не в таинство, то хотя бы в то, что то, [358] что брак есть

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe некоторое обязательство»), мы не принимаем, так как принадлежность их Толстому ничем не может быть доказана.

По той же причине не принимаем и логически правомерного дополнения «кроме первого» после слов: «И всех», стр. 40, строка 15.

В виду того, что предпоследняя, восьмая редакция «Крейцеровой сонаты» получила очень широкое распространение в литографированных и гектографированных изданиях и по существу представляет собой как бы первую печатную публикацию повести, печатаем ее варианты в сопоставлении с окончательным текстом «Крейцеровой сонаты», напечатанным в настоящем издании. При этом текст этой редакции общо называем литографированной редакцией. Так как он не закреплен сплошь в какой-либо одной рукописи (авторизованная рукопись, содержащая его, подверглась дальнейшим исправлениям рукой Толстого, и отдельные ее листы вошли в новую текстовую комбинацию), то устанавливаем его путем сопоставления ряда литографированных изданий с текстом рукописи, описанной под № 15, представляющим собой в первом своем слое авторитетную копию с авторизованной предпоследней, восьмой редакции повести. Текст же рукописи № 15, в свою очередь, контролируем и исправляем при помощи предшествующих ей автографических текстов, как это было сделано и при установлении окончательного текста «Крейцеровой сонаты» в ее последней редакции.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЕ»

Рукописи, относящиеся к «Крейцеровой сонате», хранятся в Государственном Толстовском музее в Москве (сокр. ГТМ), (Архив В. Г. Черткова, папка 14, и основное собрание, папка 27), и в Архиве Толстого в Публичной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (сокр. АТ), папки 54 и 55. Кроме того, часть ценной рукописи – автограф находится у Ст. Цвейга (Зальцбург).

В ряде случаев отдельные рукописи повести разбиты, так что часть рукописи хранится в одном собрании, другая же ее часть – в другом.

1. Автограф ГТМ и АТ на 13 листах в 4° (расшитая тетрадь), исписанных с обеих сторон (2 листа – вставки, хранятся в АТ; основной же текст хранится в ГТМ). Заглавия нет. Первая редакция повести. В рукописи очень много помарок и приписок на полях и между строк. Впервые – по подлинной рукописи, но с пропусками – напечатан в Юбилейном сборнике. «Лев Николаевич Толстой». Собрал и редактировал Н. Н. Гусев. Государственное издательство, М. – Л. 1928, стр. 7–20. По неисправной копии с еще большими пропусками текст этого автографа был напечатан в «Толстовском ежегоднике 1913 года», Спб. 1914, стр. 3–11. Печатаем его полностью.

2. Рукопись АТ и ГТМ на 25 частично нумерованных листах в 4°, исписанных большей частью с обеих сторон рукой Т. Л. и С. А. Толстых и исправленных рукой Толстого. Начало: <«нѣкоторое общеніе»>. Конец: <«что онъ не былъ ея отецъ»>. Не вполне исправная копия автографа. Начало ее (первые 2 листа) и 3 листа из середины перенесены в рукопись, описанную под № 4. На 4-х листах рукой Толстого написана вставка, тут же переписанная рукой С. А. Толстой, причем вторая половина копии этой вставки также перенесена в рукопись № 4. Обратная сторона 4-го листа, занятая вставкой, зачеркнута, зачеркнута и лицевая сторона 5-го листа, на котором – продолжение текста вставки, а обратная сторона этого листа, на котором написано продолжение зачеркнутого текста, вошла в состав рукописи, описанной под № 3. Из крупных исправлений, сделанных в этой рукописи, отметим следующие. Текст от слов: «Да сколько теперь этих разводов», стр. 355, строка 3, кончая; «отчего это прежде не было?», стр. 355, строка 12, заменен вариантом, который печатаем под № 1. Отрывок от слов: «Старик дожидался. Когда затихли», стр. 366, строка 9, кончая: «Что ж она вас ревновала или вы ее?», стр. 357, строка 4, заменен вариантом, который печатаем под № 2. Отрывок от слов: «Он никогда не любил», стр. 360, строка 3, кончая: «Ну уж это я не понимаю», стр. 365, строка 14, зачеркнут и вместо него написан новый текст, покрывающийся текстом окончательной редакции. После слов: «готов показывать и руководить», написанных вместо зачеркнутых: «и такая простота», стр. 364, строка 22, на полях дописан текст, который печатаем в вариантах (№ 3). Абзац: «Но нет, она не сделала»... стр. 365, строки 5–11, заменен новым незаконченным абзацем, который печатаем в вариантах (№ 4). Последний абзац рукописи («На следующей станции» – «что он не был ее отец» стр. 369, строки 24–26) зачеркнут. В этой рукописи Позднышев открывает себя и говорит об убийстве жены, уже не прикрываясь личностью своего знакомого. Слово «Позднышев» и относящиеся к нему «он», «его» и

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoye т. п. заменены всюду словами «я», «меня» и т. п. Исповедь свою он обращает не к трем оставшимся пассажирам, а лишь к рассказчику. В тексте сделан ряд стилистических исправлений. Так, слова «Ну что ж, скучно, известно, а всё же ее жаль, еще жалче. Помочь надо» стр. 357, строки 29–30, исправлены так: Ну что ж, обидно, досадно, а все жь жена, съ ноги не снимешь, какъ сапогъ. Слова «с Евреем свела шашни», стр. 358, строка 17, исправлены так: съ некрещенымъ, съ Евреемъ, съ позволенія сказать, свела шашни. Во фразе «Старик подозвал кондуктора и отдал билет», стр. 358, строка 21, после слова «и» добавлено: ньсколько трясущейся, сморщенной рукой. В конце текста фраза: «Боже мой», что сделал. Я только что, сам не зная зачем, хотел упасть на колени, просить чего то», стр. 369, строки 4–5, исправлена так: Мнѣ не жалко было, Мнѣ было только гадко. И одинъ вопросъ мучаль меня. А что, какъ я ошибся?

Вставку – автограф (беседа Позднышева с рассказчиком в ее начальной стадии) печатаем в вариантах (№ 5), присоединяя зачеркнутый конец этой вставки, попавший в состав рукописи, описанной под № 3.

Варианты №№ 2 и 5 впервые опубликованы в книге «Лев Толстой. Неизданные тексты». Редакция Н. К. Гудзия и Н. Н. Гусева. «Academia» – ГИХЛ, 1933, стр. 55–57, 62–67.

3. Автограф АТ на 18 нумерованных листах в 4°, исписанных с обеих сторон. Незаконченный текст новой – третьей редакции повести. Как и в первом автографе, здесь также нет заглавия. В тексте много исправлений и приписок на полях, ряд мест зачеркнут. Судя по контексту и по цвету чернил, к этой рукописи приложено окончание вставки (около 31/2 страниц), которая (на 4 листах) вошла в состав рукописи, описанной под № 2. Печатаем автограф полностью.

Впервые он частично опубликован в книге «Звенья». Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века, под редакцией Влад. Бонч-Бруевича и А. В. Луначарского. II. «Academia». М. – Л. 1933, стр. 603–611; полностью в книге «Лев Толстой. Неизданные тексты», стр. 31–55.

4. Рукопись ГТМ на 55 частично нумерованных листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой Т. Л., С. А. и Л. Н. Толстых и исправленных рукой Толстого. Начало: «Мы ѣхали 2-е сутки». Конец: «вдруг въ одинъ день». Первые 2 листа взяты из рукописи, описанной под № 2, следующие 15 листов представляют собой копию продолжения той же рукописи: остальные листы являются не вполне исправной копией автографа, описанного под № 3, начиная от слов: «Женился я, как женятся все». Они написаны рукой С. А. Толстой, и здесь, помимо ряда мелких ошибок и описок, следующие более значительные отступления от автографа. Переписчица умышленно заменила выражение «нашлепки на задницы», стр. 377, строка 32, словами: «нашлепки на зады». Быть может, также умышленно не переписаны слова: «Я не зналъ тогда изрѣченія Лесинга, который говорить, что сужденіе каждого мужа о своей женѣ такое: была одна скверная женщина в міръ, и она то и моя жена», стр. 385, строки 12–15. По рассеянности пропущено несколько строк от слов: «И вот, помню раз» кончая: «не слышали друг друга», стр. 388, строки 16–20, так как предшествующая фраза оканчивается также словом «друга». Листы 34, 40, 42 перенесены сюда из рукописи, описанной под № 2, и текст этих листов исправлен применительно к контексту рукописи № 4. 4 листа из этой рукописи, в свою очередь, перенесены в рукопись, описанную под № 7. К разным местам рукописи, начиная с 19-го листа, рукой Толстого написаны вставки на 16 листах. Исправления и дополнения в рукописи сводятся к следующему. В тексте, соответствующем I главе окончательной редакции, значительно переработаны те места, в которых фигурирует пассажир-старик. Многие места, идеализирующие его образ, зачеркнуты. В результате получился новый вариант, который печатаем под № 6. О «господине с хорошими вещами» сказано, что он петербургский адвокат, и в дальнейшем «господин с хорошими вещами» исправлено на «адвокат». На шести листах рукой Толстого написана вставка, довольно близко соответствующая почти всей III главе, всей IV и началу V окончательной редакции. В этой вставке после слов: «свой и наш общественный грех», написано: И про него то мнѣ хочется говорить вамъ всѣмъ. Кабы умѣлъ, я написалъ бы, да и напишу; после слов: «Жрецы науки», стр. 18, строка 35, написано: то есть первые мерзавцы. Извлекаем из нее варианты №№ 7 и 8. Последний в рукописи зачеркнут. Некоторые варианты в этой вставке, не вошедшие в окончательный текст, вошли в текст литографированной редакции. В тексте, соответствующем пятой главе, после слов: «Это была одна из трех дочерей», стр. 376, строка 25, зачеркнуто: «одного среднего чиновника» и

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
написано: когда то знаменитого богатствами, но разорившагося барина. В том же
тексте после слов: «и в трезвые минуты оцените себя», стр. 376, строка 39,
дописано:

Я, разумеется, не понимал тогда того, что я въ дѣйствительности былъ, т. е. что
я былъ гадина, измазанная всѣмъ тѣмъ гноемъ разврата, въ которомъ я барахтался,
гадина, отвратительнѣе которой для дѣвушки трудно себѣ что-нибудь представить.
Да вы не думайте, что я только такая гадина: вы, навѣрно, точно такой же, если
посмотрѣть на себя строго. Я, разумеется, не понималъ этого, но

После слов: «И вот я то», стр. 377, строка 4, дописано: отвратительная гадина въ
дѣйствительности и ничтожный, плохой человекъ по своей оцѣнкѣ, я то. Вставки,
сделанные на полях и на листах в дальнейшем тексте, соответствующем главам
V–VIII, значительно приближают его к тексту этих глав в окончательной редакции.
В части, соответствующей VII главе, нет еще однако текста, соответствующего двум
последним абзацам этой главы (от слов: «Да-с, около меня весной работали
мужики»). Нет и текста, соответствующего IX главе. Дальнейший текст, благодаря
вставке на отдельном полулисте писчей бумаги, приближен к тексту X главы в
окончательной редакции. Из этой вставки извлекаем вариант № 9, исключенный в
ближайшей копии. Будущие главы XI и XII в этой рукописи едва лишь намечены.
Текст, соответствующий главам XIII и XIV, здесь также впервые написан, главным
образом, на отдельных вставных листах. Он следует преимущественно в порядке
обратном расположению текста в этих главах в окончательной редакции и, будучи
кратче последнего, заключает в себе два значительных по объему варианта, которые
печатаем под №№ 10 и 11. В дальнейшем нет уже тех значительных по размерам
вставок и дополнений, какие встречались раньше. Ряд поправок приближает текст к
окончательной редакции, но в целом здесь эта часть повести гораздо ближе к
тексту автографа (рукопись № 3) и литографированному, чем к окончательному
печатному тексту. Зачеркнуты следующие места: от слов: «Я служил тогда
предводителем», кончая: «У нас шел ад» (стр. 337, строки 10–23), от слов:
«Переехали в город», кончая: «и веселились, как мы это называем» (стр. 380,
строки 19–33), от слов: «А она жила. И жила сильно», кончая: «Я видел мою жену и
только» (стр. 381, строки 3–7), от слов: «Она была чистая», кончая: «но
бессознательной, нечаянной» (стр. 381, строки 24–27), от слов: «Я уверен, что
она думала», кончая: «Он помогал» (стр. 383, строки 13–17). Отрывок от слов: «Я
теперь только вспоминаю», кончая: «воображала себе ее» (стр. 386, строка 24–стр.
387, строка 15) отчеркнут с боку чертой с пометкой: «пр[опустить]». Отрывок от
слов: «Она разочаровывается в этом», кончая: «Это была последняя попытка» (стр.
388, строки 4–41) зачеркнут.

Варианты №№ 8, 10 и 11 впервые опубликованы в книге «Лев Толстой. Неизданные
тексты», стр. 68–70.

5. Рукопись АТ и ГТМ на 26 листах в 4°, исписанных большей частью с обеих сторон
рукой П. И. Бирюкова и Е. И. Попова и Толстого и исправленных рукой Толстого.
Начало: «Я тогда перенесъ много». Конец: «Какъ человекъ». Остатки копии,
восходящей в первой большей своей части к первым 42 листам рукописи, описанной
под № 4, во второй же части – к рукописи, описанной под № 2, начиная с 18-го
листа. Дальнейший текст – на 4 последних листах рукописи № 2, которые, очевидно,
первоначально были присоединены к рукописи № 5. Недостающие 27 листов, в том
числе 4 начальных, из этой рукописи перенесены в рукопись, описанную под № 6, и
1 лист в рукопись, описанную под № 7. 9 листов в этой рукописи сплошь исписаны
рукой Толстого. На них написан текст, близко соответствующий главам IX
окончательной редакции (кроме двух последних абзацев, пока еще не имеющих себе
никакого соответствия в рукописи), XI и большей части XII, а также частично
главам XV и XVI. Из текста, соответствующего главе XV, извлекаем вариант № 12.
Варианты, имеющиеся в других главах, будучи исправлены в дальнейших рукописях,
вошли в текст литографированной редакции, в вариантах которой и приводятся.
Большая часть исправлений сделана в направлении к окончательной редакции. Между
прочим исключен вариант № 9.

Вариант № 12 впервые опубликован в книге «Лев Толстой. Неизданные тексты», стр.
71.

6. Рукопись ГТМ и АТ[359] на 58 нумерованных листах в 4°, исписанных с обеих
сторон рукой П. И. Бирюкова, М. Л. Толстой, С. А. Толстой и Б. И. Попова и
исправленных рукой Толстого и, очевидно под его диктовку, в двух местах рукой М.
Л. Толстой. Его же рукой написаны здесь две вставки – одна на 1 листе, другая –

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle на 5 (листья не нумерованы). 27 листов сюда перенесены из рукописи, описанной под № 5, остальные, кроме 6 листов со вставками, – копия первой части той же рукописи и второй части рукописи, описанной под № 4; 8 последних листов из рукописи № 6 перенесены в рукопись № 9. Начало: «Мы ѣхали вторые сутки въ некурящемъ вагонѣ 3-го класса». Конец: «выпилъ залпомъ остывшій стаканъ чаю и продолжалъ». Заглавия нет. Вверху первой страницы рукой Толстого написано: М, V 28 (выписать). Текст, соответствующий первым восемнадцати главам повести в окончательной редакции, поделен на восемнадцать глав, причем деление это не совпадает с окончательным. Важнейшие исправления и дополнения в рукописи таковы. К словам: «Мы ехали вторые сутки» приписано: въ некурящемъ вагонѣ 3-го класса. После слов: «но трое ехало» вместо зачеркнутого: уже вторую ночь написано: отъ самага Кіева. Характеристика внешности дамы-пассажирки исправлена так. Вместо зачеркнутого: молодая, некрасивая дама, скромно но и хорошо одѣтая, съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ, написано: некрасивая молодая дама въ полумужскомъ пальто, по моимъ соображеніямъ акушерка, курсистка или учительница, <но скорѣе всего актриса>. О ее спутнике вместо зачеркнутого: Первый былъ невысокій, въ хорошемъ платьѣ человекъ съ пріятными, мягкими пріемами, лѣтъ 40, съ замѣчательно новыми, чистыми и красивыми вещами, тигровымъ пледомъ и сафьянными мѣшками. – написано: ея знакомый, человекъ лѣтъ 40, съ аккуратными новыми вещами, подушкой, пледомъ, мѣшками. Характеристика внешности Позднышева исправлена близко к окончательной редакции. Вслед за этим дописано:

На немъ было пальто, когда то военное или чиновничье, и такая же фуражка безъ кокарды. Вещи его были старыя, беспорядочныя, но у него все было съ собой, и онъ не выходилъ ѣсть на станціяхъ.

Далее зачеркнуто всё, что говорится о дочери Позднышева.

Вообще в тексте, соответствующем первой главе окончательной редакции, сделано много исправлений и сокращений, большей частью в направлении к окончательной редакции. Дальнейшие исправления текста менее радикальны и в меньшей степени приближают рукопись к тексту окончательной редакции. На первой вставке написан текст, соответствующий большей части VII главы. В тексте, соответствующем главам XIV–XVIII, сделаны существенные исправления и дополнения в направлении к тексту литографированной редакции. Понятие об этих исправлениях и дополнениях дают варианты этих глав, извлеченные из указанной редакции. После слов: «Да, много хуже животного, если человек не человек», зачеркнуто:

И потому тотъ хваленый медовый мѣсяцъ, да и весь первый годъ, да и всѣ года – женатая жизнь моя была мука. Но медовый мѣсяцъ и первый годъ были особенно тяжелы. Внутренній разладъ, въ періоды охлажденія доходившій до бѣшенства, до желанія убѣжать, даже убить себя, былъ ужасенъ. [360] чувство еще не обмозолилось, какъ послѣ, и потому было особенно больно. Все происходило отъ свинной моей жизни.

После слов: «чтобы уметь привлекать к себе мужчин» в рукописи зачеркнуто:

Такъ она выходила замужъ. Она была готова на все высокое, и отъ меня зависѣло указать ей путь и дѣятельность. Но что же я могъ указать ей? Да и къ чему же я сталъ бы ей указывать, если бы я и зналъ? Мнѣ вѣдь нужно было совсѣмъ другое. И она все больше и больше привыкала къ той мысли, что въ ея воздѣйствіи на мужчинъ вообще и на меня въ особенности, что въ этомъ одномъ ея призваніе.

7. Автограф АТ на 4 листах в 4°, исписанных с обеих сторон. В середине два или три листа, заключающие в себе конец XXIII главы, главу XXIV и начало XXV, отсутствуют. Они находятся, судя по опубликованному фотографическому снимку, у Ст. Цвейга (Зальцбург). [361] Начало третьего листа занято зачеркнутым окончанием текста, написанным рукой Е. И. Попова и в основной своей части вошедшим в состав рукописи, описанной под № 5. В начале для обозначения главы поставлена цифра XXII, в середине цифра XXVI. Начало: Да-съ. Такъ все и кончилось». Конец: «но я вырвалъ руку и». фраза не дописана, так как она должна была войти в соединение с ранее написанной редакцией конца повести, начиная со слов: «запустилъ кинжалъ».

8. Рукопись ГТМ на 8 листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой С. А. Толстой и исправленных рукой Толстого. Нумерована по листам (62–69). Начало: «еще сильнѣе разжегшій во мнѣ». Конец: «и нечего бы прощать было». Копия автографа и, начиная со слов: «запустилъ кинжалъ», – последних двух листов рукописи, описанной под № 2. Весь этот текст, представлявший собой по первоначальному

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe замыслу окончание повести в рукописи, описанной под № 9, вначале входил в состав рукописи, описанной под № 6, но затем был удален из нее, причем начало копии, попавшее в рукопись № 9, написанное на обороте листа, первоначально обозначенного цифрой 61, зачеркнуто, а следующий лист оторван так, что края его остались при предыдущем листе. Текст рукописи вместе с зачеркнутым началом ее, находящимся в рукописи № 9, печатаем в вариантах (№ 13), сверяя его с сохранившейся частью автографа. Вариант этот первоначально опубликован в сборнике «Звенья», II, стр. 611–617.

9. Рукопись ГТМ на 76 нумерованных листах – почти все в 4°, исписанных с обеих сторон рукой С. А. Толстой, М. Л. Толстой, В. П. Золотарева, Л. Ф. Анненковой, М. В. Алехина, П. Г. Хохлова и Толстого и исправленных рукой Толстого. Авторские исправления, судя по цвету чернил, производились не менее двух раз. Заключена в обложку, на которой рукой Толстого написано заглавие: «Какъ мужъ убилъ жену». Внутренняя страница второго листа обложки занята концом текста повести, собственноручно, как и предшествующие 6 листов, написанным рукой Толстого. Вслед за эпиграфом из Матфея, V, 28, начало: «Я ѣхалъ въ некурящемъ вагонъ 2-го класса». Конец: «а преимущественно къ своей женѣ». Вслед за этим дата и подпись: «1889, 28 Августа, Ясная Поляна, Л. Т.». Данная рукопись в первой, большей своей части – значительно исправленная и частично дополненная копия рукописи, описанной под № 6. Из нее 23 листа, заключающих в себе большую часть IV главы и глав V–X – по счету рукописи, перенесены в рукописи, описанные под №№ 11 и 12. Вслед за текстом, заключающим в себе копию рукописи № 6, идет 8 листов, перемежающихся двумя вставками и перенесенных сюда из той же рукописи, и 7 листов, на которых рукой Толстого написано новое окончание повести. Исправления и дополнения в рукописи сделаны, большей частью, в направлении к тексту литографированной редакции. Отметим важнейшие.

В тексте, соответствующем главе I после слов: «быстро перебежавшими с предмета на предмет», стр. 753, строка 9, взамен нескольких зачеркнутых строк написано:

Одѣтъ былъ этотъ господинъ въ пальто, очевидно когда то самое модное и дорогое, но очень изношенное; шапка высокая барашковая была такая же – благороднаго происхожденія; такія же были и его вещи съ собой. Но все было старое. Новое было только – жестяной чайникъ и корзинка съ провизіей, совсѣмъ не подходящіе къ его одеждѣ и манерамъ.

Отрывок этот обведен сбоку чертой, рядом с которой Толстой сделал пометку «пр[опустить]». Такой же чертой и пометкой обозначены эпизод с вещами старухи, от слов: «когда в вагон попала старуха», кончая «не то смех, не то рыдание» (стр. 353, строка 23, стр. 8, строка 1) и следующие слова старика-купца, почти заново здесь написанные вместо зачеркнутых:

– Въдѣ это хорошо при празднои жизни сводиться да разводиться. А пора тутъ въ торговомъ дѣлѣ [перестать] эту музыку разводять! Такъ то у насъ одинъ почтенный разорился на отдѣлку отъ этаго самаго. А по моему, дрязги эти оставлять надо, а заниматься дѣломъ, если ты истинный сынъ своего отечества, – заключилъ онъ значительно.

Говоря о спутнице адвоката, Толстой сначала в нескольких местах зачеркнул слово «дама» и заменил его словом «курсистка», но затем «курсистка» зачеркнул и восстановил «дама».

II глава радикально переработана. Так как в ближайшей копии она вновь так же радикально переработана, печатаем ее в вариантах (№ 14). Дальнейшие исправления сделаны в направлении к тексту литографированной редакции.

Из текста, соответствующего XVI и XVII главам, извлекаем варианты №№ 15 и 16. Текст, соответствующий главам XVIII и XIX, значительно дополнен. Дальнейший текст, до XXIII главы, очень близок к тексту литографированной редакции. Текст, соответствующий XXIV главе, значительно кратче текста этой главы в литографированной и окончательной редакциях: в нем отсутствует рассуждение о музыке и эпизод прощания с Трухачевским Позднышева и его жены. В тексте, соответствующем XXIV главе, в связи с письмом, полученным Позднышевым от жены, к словам: что жена хотѣла непременно слышать Трухачевского и привезла его, и они опять играли. Въ письмѣ я замѣтилъ осторожность при упоминаніи Трухачевского и изысканную простоту – дописано: Она писала: играли мы Моцарта, и Трухачевскій хуже игралъ, у него нѣтъ того génie [?], [362] которое нужно для Моцарта. Но

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
затем это ранее написанное и дописанное к нему зачеркнуто и вместо зачеркнутого
написано: о дѣтяхъ, о дядѣ, о нянюшкѣ, о покупкахъ, но ни слова о Трухачевском и
музыкѣ. Это бы все было ничего, но въ письмѣ было что то скрытое, робкое,
нечистое. Я прочелъ письмо, и мнѣ стало ужасно тяжело, и сердце забилось. В
тексте, соответствующем XXVI главе, после слов «и к себе в кабинет», стр. 70,
строки 30–31, вначале было написано:

Тамъ я сѣлъ на свое кресло и закурилъ папиросу. Что дѣлать? Идти къ нимъ,
сдѣлать видъ, что это естественно, заигрались, сидятъ, и потомъ убить его на
дуэли, а ее прогнать? Да, такъ и надо. Но предо мной лежали, какъ я оставилъ
ихъ, охотничьи принадлежности и три ножа. Да, но дуэль съ нимъ? Ложь,
сентиментальная пошлость. Няня. Дѣти. Нѣтъ, нельзя, нельзя. Я схватилъ
грузинскій кривой въ серебряной оправѣ ножъ. Я вынулъ его съ трудомъ и бросилъ
ножны (они завалились за кушетку. Надо будетъ не забыть послѣ поднять ихъ) и
пошелъ къ двери столовой.

Затем это зачеркнуто и после зачеркнутого речь идет о переживаниях Позднышева и
его размышлениях в связи с неверностью жены. После этого написано: Я вскочилъ,
схватилъ кривой грузинскій кинжалъ, выдернулъ изъ ноженъ, но затем вся фраза,
начиная с третьего слова, зачеркнута и вместо зачеркнутого написано: взялъ
револьверъ, который висѣлъ у меня всегда заряженнымъ на стѣнѣ. Несколько ниже
написано: Помню одно, что когда я вынималъ револьверъ, я зацѣпилъ за ковшикъ.
Онъ соскочилъ съ гвоздика, завалился за кушетку. Я себѣ сказалъ: надо будетъ
поднять послѣ, а то забудешь и будешь искать.

В самом начале текста, соответствующего XXVII главе, зачеркнуто:

Я видѣлъ того и другаго. Когда я вошелъ, она сидѣла, почти лежала на диванѣ,
лицомъ къ двери. Смятая прическа, платье, разогрѣвшееся лицо и счастливый,
удовлетворенный взглядъ, направленный на него. Онъ сидѣлъ у стола ко мнѣ спиной
и что то смѣясь говорилъ.

После слов: «и восторга бешенства», стр. 72, строки 29–30, зачеркнуто:

– А ты думала, что ты можешь быть моей женой и любовницей этого? – и чтобы
указать на мерзавца, я размахнулся кинжаломъ съ увѣренностью, что проткну ему
животъ и припилю его къ шкапу, у котораго онъ стоялъ.

Вместо зачеркнутого написано:

– Будетъ лгать. Слушайте, – и поднялъ револьверъ съ намѣреніемъ высказать
прежде,

После слов: «Это была она», стр. 73, строки 2–3, читается следующий вариант:

Я съ дикимъ ругательствомъ, давъ полный ходъ своему бѣшенству и внутренно
радуясь на него, поощряя его, ткнулъ ее локтемъ въ самое лицо и, отбросивъ ее,
выстрѣлилъ въ убѣгающаго два раза. Я видѣлъ, что я не попалъ. Онъ, какъ заяцъ,
побѣжалъ въ переднюю «и когда я прибѣжалъ, уже я слышалъ изъ растворенной двери
его шаги внизъ по лѣстницѣ.

Я остановился». Я хотѣлъ бѣжать за нимъ. Я былъ въ припадкѣ страшнаго на видъ
бѣшенства, но я все помнилъ.

Вслед за этим после сравнения страха и ненависти убитой жены со страхом и
ненавистью крысы всё написанное дальше, от слов «Вася, опомнись, что ты?» и до
конца значительно отличается от соответствующего текста литографированной и
окончательной редакций, и потому печатаем это в вариантах (№ 17).

Варианты №№ 14–17 впервые опубликованы в книге «Лев Толстой. Неизданные тексты»,
стр. 56–62, 71–77.

10. Рукопись АТ, заключающая в себе 49 нумерованных листов в 4° и 12 обрезков,
исписанных с одной стороны рукой В. А. Кузминской, Л. Ф. Анненковой, С. А.
Толстой, В. С. Толстой, М. Л. Толстой, с исправлениями и вставками Толстого на
полях, между строк, на оборотных чистых страницах и на отдельных двух листах.
Остаток копии с рукописи № 9. Начало: «своей женѣ, когда большинство смотреть».
Конец: «и дѣлала видъ, что ей все равно». В рукописи не хватает начальных и

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle конечных листов, а также многих листов в середине. Все они переложены в рукописи, описанные под №№ 12–14. Рукопись начинается с листа, занумерованного цифрой 58 (конец XI главы) и кончается листом, занумерованным цифрой 139 (начало XXIII главы). В рукописи сделаны следующие важнейшие исправления. Текст, соответствующий XIV главе литографированной редакции, увеличен приблизительно вдвое приписками на полях и на оборотной чистой странице. В этом же тексте зачеркнул следующий вариант:

Никогда за всѣ двенадцать лѣтъ, которые я жилъ съ нею, она не пропустила ни одной моды. Изъ всѣхъ книгъ и журналовъ одинъ, съ которымъ она никогда не разставалась, это былъ модный журналъ. Все это, разумѣется, дѣлалось незамѣтно, даже съ видомъ пренебреженія, но результатъ былъ всегда тотъ, что того, что бросали носить, на ней не было, а то, что начинали носить, было на ней, и надѣто къ лицу. Да, самое сильное, никогда не покидавшее ее желаніе было то, чтобы возбуждать во мнѣ и въ другихъ мужчинахъ тѣ чувства, которыя принято называть въ низкой степени «нравиться», въ высшей степени – «влюбленьемъ».

В тексте той же главы дважды слово «мерзавцы» зачеркнуто и вместо этого рукой Толстого написано: «доктора»; в третий раз вместо «мерзавцы эти» написано: «доктора эти милые». В дальнейшем слово «мерзавцы» в применении к докторам также большей частью зачеркнуто. Приписками на полях, на чистой оборотной стороне листа и на отдельной вставке текст, соответствующий XV главе литографированной редакции, также увеличен приблизительно в полтора раза, до полного почти совпадения с текстом этой главы в указанной редакции. В тексте, соответствующем XVI и XVII главам, зачеркнуты варианты, напечатанные под №№ 15 и 16. Из текста, соответствующего XIX главе литографированной и печатной редакций, извлекаем варианты №№ 18 и 19, относящиеся к началу и середине главы; они вписаны в предыдущую рукопись, затем здесь исправлены и в следующей рукописи вариант № 18 исключен, а вариант № 19 обведен чертой с пометкой «пр[опустить]». Такие же черта и пометка относятся и к примыкающему к этому варианту тексту, в котором рассказывается об отце и братьях Трухачевского и о том впечатлении, какое произвело на Позднышева сообщение жены о приезде Трухачевского.

Все остальные исправления, дополнения и сокращения сделаны в направлении к литографированной редакции повести.

11. Автограф АТ на 4 нумерованных (1–3) рукой Толстого листах в 4°, из которых 1 чистый (остальные исписаны с обеих сторон). В нижнем углу рукой Толстого сделана, видимо, посторонняя запись, скорее всего набросок плана письма: «Провѣрка всего вѣнецъ. Въ связи съ грѣхами ищите во внѣ, въ дочери, а истина въ отреченіи». Начало: «Вѣдь на судъ было представлено». Конец: «И я ревновалъ и страдалъ ужасно». Текст автографа, во многих местах исправленный и исчерканный, соответствует частично главе XIX литографированной и печатной редакций (отношение суда к преступлению Позднышева), всей XX, части XXV («Я раз слышал от него в разговоре с холостой молодежью рассуждение о том, что порядочному человеку незачем ездить в дома, всегда можно найти чистую и безопасную женщину из порядочных») и XXI (качества Трухачевского, обусловливавшие его успех у жены Позднышева).

12. Рукопись АТ, без трех начальных листов, заключающая в себе 73 нумерованных листа в 4° и 13 обрезков, исписанных с одной стороны рукой М. Л., Т. Л., С. А. Толстых, В. А. Кузминской, В. В. Рахманова, Л. Ф. Анненковой, с исправлениями и дополнениями на лицевых и оборотных чистых страницах и на отдельных вставных листах рукой Толстого. Окончательная нумерация – синим и красным карандашом (4–173). Начало: [ва]гонъ, а старикъ тоже засмѣялся». Конец: «а преимущественно къ своей женѣ». Недостающие листы в начале и середине рукописи перенесены в рукописи, описанные под №№ 13 и 14. Рукопись составила частично из листов, перенесенных в нее из рукописи, описанной под № 10, частично – из копий отдельных листов этой рукописи. Листы, на которых была написана копия рукописи № 11, включенной первоначально в состав данной рукописи, перенесены из нее в следующую рукопись. В конце рукописи рукой переписчика переписана дата 28 августа 1889 г.

В рукописи очень большое количество исправлений. Почти все они сделаны в направлении к тексту литографированной редакции. Особенно радикальным исправлениям подверглись части рукописи, соответствующие главам II, XII, XVI, XXIII этой редакции. В текст XXIII главы на отдельных вставках введено рассуждение Позднышева о музыке и его рассказ о впечатлении, произведенном на

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoye
него исполнением «Крейцеровой сонаты». Дальнейший текст, и в нем сцена убийства, также подвергся усиленным исправлениям, очень приблизившим его к тексту литографированной редакции (ср. этот последний с текстом варианта № 17). Орудие убийства – револьвер – заменяется кинжалом. Извлекаем отсюда зачеркнутый вариант № 20, соответствующий части текста XXVII главы в окончательной редакции.

13. Рукопись АТ, заключающая в себе 67 листов в 4° и 27 обрезков, исписанных большей частью с одной стороны рукой М. Л., С. А. и Т. Л., Толстых и В. В. Рахманова, с исправлениями и дополнениями на лицевых и оборотных чистых страницах и на отдельной вставке рукой Толстого. Большая часть листов нумерована чернилами и красным и синим карандашом (1–217). Вслед за эпиграфом из «Евангелия» от Матфея, V, 28, рукой Толстого написано: «Гл. XIX, 10, 11, 12», Начало: «Это было ранней весной». Конец: «повторил он то же слово, которым и заключил весь рассказ». В конце дата рукой переписчика – 28 августа 1889 г. В середине рукописи недостает многих листов, которые перенесены в рукопись, описанную под № 14. Кроме того, несколько листов из нее утрачено. Рукопись составила частично из листов, перенесенных в нее из рукописей, описанных под №№ 10 и 12, частично – из копий отдельных листов этих рукописей. Данная рукопись исправлялась Толстым дважды. Это явствует из того, что часть исправлений вошла в литографированную редакцию, часть же, большинство, не вошла и нашла себе место лишь в окончательном печатном тексте. Так, например, в литографированной редакции повесть начинается со слов «В вагон входили и выходили». В рукописи эти слова следуют за зачеркнутыми фразами: «Я ехал в некурящем вагоне 2-го класса. Это было осенью». Вместо зачеркнутого написано: «Это было ранней весной. Мы ехали вторые сутки». Но вновь написанные слова в литографированной редакции отсутствуют, и ими начинается текст окончательной печатной редакции. Таких примеров в рукописи значительное количество; сама же рукопись таким образом представляет собой переходное звено от редакции литографированной к окончательной, печатной.

Большая часть исправлений, а также перестановок в тексте сделана в направлении к окончательной печатной редакции. Из текста, соответствующего XVII главе литографированной и печатной редакций, с пометкой «пр[опустить]» сбоку чертой отчеркнуто всё то, что говорится о нравственном превосходстве девушек и женщин (с начала главы и кончая словами: «разделяло взаимное презрение», стр. 321, строка 30–стр. 322, строка 23), и затем текст от слов: «Эти новые теории гипнотизма», кончая: «делами, которые всегда бывали к спеху», стр. 323, строки 18–41 Существенных вариантов, не покрывающихся текстом литографированной и печатной редакций, в рукописи нет.

14. Рукопись ГТМ на 216 нумерованных листах в 4°, исписанных с одной стороны вперемежку рукой С. А., М. Л. и Т. Л. Толстых, В. А. Кузминской, Л. Ф. Анненковой, В. В. Рахманова, Е. И. Попова и исправленных рукой Толстого. Полный экземпляр повести, образовавшийся частью из листов, извлеченных из рукописей №№ 10, 12, 13, частью из копий отдельных листов этих рукописей. Текст двух первых и двух последних глав не покрывается предшествующими авторизованными текстами; следовательно, часть промежуточного материала между рукописями № 12–14, относившегося к этим главам и содержавшего исправленные рукой Толстого копии, утрачена. В переписанном рукой С. А. Толстой есть ряд отступлений от оригинала, в большинстве характера описок. В соответствии с новой комбинацией, в которую вступили листы из предшествующих рукописей, они часто подвергались новым исправлениям. Кроме того, прежняя нумерация их исправлена. Цифры следуют в таком порядке: 1–12, 25–229, но перерыв в нумерации не нарушает цельности текста. Начало: «Это было ранней весной». Конец: «которым заключил» и весь рассказ». Вслед за этим – ранее поставленная рукой С. А. Толстой дата 29 августа 1889 г. Рукопись поделена, большей частью рукой переписчика, на главы следующим образом. I и II главы рукописи соответствуют тем же главам печатного текста, главы III и IV, первоначально заключавшие в себе тот же текст, что и в печатной редакции соединены в одну главу, занумерованную цифрой III (цифра IV зачеркнута). Далее все цифры, обозначающие главы вплоть до цифры XIX (вслед за цифрой XIX, исправленной на XVIII, идет опять цифра XIX, для обозначения следующей главы) соответственно уменьшены на единицу, но так как в рукописи вслед за главой, обозначенной цифрой XI, следовала глава, обозначенная цифрой XIII, то, начиная с XII главы, вплоть до XXI, счет глав в рукописи и в печатном тексте сравнялся. Следующая XXII глава рукой Толстого обозначена цифрой XXIII (цифра XXII для обозначения главы отсутствует), но следующие две главы обозначены переписчиком одной и той же цифрой XXIV. Для обозначения предпоследней главы поставлена переписчиком опять ошибочно цифра XXVIII вслед за XXVI, но им же она зачеркнута,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle и цифра XXVII поставлена несколько выше, чем она стояла в рукописи и стоит во всех, кроме настоящего, печатных текстах, именно перед словами: «Первое, что я сделал», стр. 71, строка 29. Последняя глава, так же как и в печатной редакции, занумерована цифрой XXVIII.

Важнейшие авторские исправления в этой рукописи сводятся к следующему.[363] В тексте XIII главы слово «мерзавцы» в применении к докторам всюду заменено словами: «милые жрецы науки», «они», «волхвы». В главе XIV вместо зачеркнутого: «ножек Пушкина» написано: «любовных стихов». В той же главе зачеркнуто: Эмансипация женщины не на курсахъ и не въ палатахъ, а въ спальнѣ. Да, борьба съ проституціей не въ домахъ терпимости, а в спальняхъ. Из главы XV исключена вся первая – большая ее часть, в которой говорится о ревности – от слов: «Да, ревность – это еще один из всем известных», кончая: «развращенной брачной жизни»), стр. 314, строка 23–стр. 316, строка 39.[364] В дальнейшем особенно существенные исправления и дополнения сделаны в XVI главе. В нескольких местах рукой С. А. Толстой, В. Г. Черткова и неизвестного сделаны позднейшие поправки, очевидно не проконтролированные Толстым.

15. Рукопись ГТМ, расшитая тетрадь на 96 нумерованных по страницам листах в 4°, исписанных с обеих сторон первоначально рукой М. Л. Толстой (3 последних листа чистые), затем исправленных ее же рукой, рукой М. А. Кузминской и В. Г. Черткова и в двух местах рукой Толстого. Исправления сделаны поверх зачеркнутых строк и на отдельных вставных листах и обрезках бумаги (9 листов, из них один чистый и 4 обрезка).

В конце рукописи рукой М. Л. Толстой написана дата – 26 августа 1889 г. (цифра 26, очевидно, поставлена ошибочно вместо 28). На отдельных страницах сделаны замечания рукой Черткова. Первоначально написанный текстовый слой представляет собой копию рукописи, описанной под № 13 до ее вторичной авторской правки и до изъятия из нее листов, перенесенных в рукопись № 14. Этот текстовый слой должен быть признан особенно авторитетным в смысле наибольшего соответствия утраченной в процессе исправлений автентичной редакции текста, легшего в основу литографированных и затем печатных заграничных изданий. Авторитетность его обуславливается тем, что рукопись написана рукой внимательной и точной в работе переписчицы.

Исправления первоначального текста сделаны по тексту рукописи, описанному под № 14, причем исправления, относящиеся к главам I–XX, сделаны рукой М. Л. Толстой и М. А. Кузминской, к главам XXI, XXIV, XXVII и XXVIII – рукой В. Г. Черткова и к главам XXII и XXVI – рукой М. Л. Толстой и Черткова. Кроме того, рукой Черткова сделаны, видимо, вторичные поправки на протяжении всего текста.

Сравнительно с рукописью № 14 в данном списке, во втором его текстовом слое, следующие отступления, не оправдываемые сохранившимися автографическими текстами: вместо «барашковым воротником», стр. 7, строки 12–13–«барашком»; вместо «известного обоим богача-купца», стр. 8, строка 27, – «известного богача-купца»; вместо «перешли», стр. 15, строка 35, – «пересели»; вместо «переговаривались», стр. 15, строка 36, – «переговорились»; вместо «Что ужасно? – спросил я», стр. 17, строка 16, – «Что ужасно?»; вместо «как это интересно!», стр. 25, строка 8, – «как интересно!»; слово «женились», стр. 27, строка 11, исправлено на «которые женились» (переписчица, очевидно, восстановила слово, зачеркнутое в рукописи № 14); вместо «развенчаются эти волхвы», стр. 36, строки 4–5, написано: «развенчаются эти мерзавцы» («мерзавцы» зачеркнуто Толстым в рукописи № 13 и заменено словом «волхвы»); вместо «за ход в винте», стр. 44, строка 32, – «за ход в винт»; вместо «смотрит на меня», стр. 51, строка 20, – «глядит на меня»; вместо «меня и всех детей», стр. 51, строка 21, – «меня и детей»; вместо «вскрикивает», стр. 52, строка 18, – «выкрикивает»; после слов: «поднялось во мне», стр. 56, строка 9, написано: «что я представил себе», зачеркнутое еще в рукописи № 13; вместо «я был уверен», стр. 56, строка 35, «я видел и был уверен» («видел» зачеркнуто еще в рукописи № 13); вместо «я не помнил», стр. 63, строка 9, – «я же не помнил»; вместо «известный за дрянного», стр. 63, строка 37, – «известный за дурного». Кроме того, в рукописи находим несколько более мелких разночтений. Разночтения частично, видимо, объясняются недосмотром переписчика, частично же тем, что в копии в трех случаях оказались не принятыми в расчет те авторские исправления, которые сделаны были при вторичной правке рукописи № 13. Кроме того, рукой В. Г. Черткова сделано несколько собственных стилистических исправлений. Перед словами: «Было неловко», стр., 15, строки 13–14, им добавлено слово «Всем»; слова: «рядом с Позднышевым»,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
стр. 15, строки 31–32, исправлены: «против Позднышева»; после слов «что наконец», стр. 21, строки 36–37, им же, очевидно, зачеркнуты слова «как англичане»; слова: «Васей (старшим), а она Лизой», стр. 44, строка 1, исправлены: «Лизой, а она Васей»; слова «Если бы оно было одно», стр. 72, строка 8, исправлены: «Если бы было одно только выражение ужаса»; перед словом «показалось», стр. 72, строка 10, добавлено: «так».

Все эти разночтения и поправки Черткова отмечаются потому, что большая часть их вошла в текст «Крейцеровой сонаты», напечатанный в двенадцатой части 12-го издания сочинений Толстого. Рукой же Черткова ряд мест в первоначальном текстовом слое (всего восемнадцать) от нескольких строк до нескольких страниц зачеркнут или отчеркнут синим или красным карандашом, причем все зачеркнутые или отчеркнутые места последовательно перенумерованы. Часть текста от слов: «и даже самым присутствием детей», кончая: «или не пришла няня с ревушим ребенком», стр. 319, строки 17–33, помимо того что зачеркнута, снабжена следующим замечанием В. Г. Черткова: «Это рассуждение мужчины-эгоиста. В богатой обстановке дети изолированы, а в бедной, в хате, – жизнь детей со всеми мелочами вплетена нераздельно в общую жизнь, и всё это должно быть не тягота, а радость». Среди зачеркнутого Чертковым выделена одна фраза – «Всё ничтожно... Важны только доктора, клестри, температура». К ней, впереди ее, им дописаны слова: «Характер, нравственное воспитание, приучение к труду» и сделана пометка: «Эту фразу можно оставить – это характерно». Далее к зачеркнутой Чертковым части текста от слов: «Ведь в самом деле», кончая: «заплатить 100 рублей – она поверит», стр. 320, строки 21–41 им же сделана пометка: «растянутость и повторение».

Рукой Толстого сделаны следующие две поправки. После слов «обиделась и рассердилась», стр. 58, строка 27, дописано: Она встала, но; слова «стрѣляй, я не боюсь... Только всѣх убей» исправлены: Ну убивай, убивай, я не боюсь... Только всѣх, всѣх, и его, стр. 77, строка 22.

Эти исправления, несомненно, сделаны были после того, как в рукопись был нанесен второй текстовый слой, так как их нет в тексте литографированной редакции.

16. Рукопись ГТМ на 100 листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой С. А. Толстой и ею же пронумерованных. Исправлений рукой Толстого нет. Один лист и одна страница – чистые. Цифрой 40 ошибочно пронумерованы два соседних листа, почему последняя цифра нумерации – 99. Судя по типографским пометам и свинцовым пятнам, эта рукопись была в наборе: с нее набирался текст для первого русского издания повести, появившегося в тринадцатой части сочинений Толстого, М. 1891. Судя по тому, что рядом с заглавием, написанным по-русски, стоит и французский перевод его («Une sonate de Beethoven dédiée à Kreutzer»), этот список предназначался первоначально для отсылки Вогюэ, переведшему затем «Крейцерову сонату» на французский язык. Данная рукопись представляет собой копию рукописи, описанной под № 14, изобилующую ошибками и в некоторых случаях сознательными искажениями авторского текста.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЕ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ «ПОСЛЕСЛОВИЯ» К «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЕ»

За писание «Послесловия» к «Крейцеровой сонате» Толстой принялся, видимо, вскоре же после окончания работы над предпоследней, восьмой редакцией повести, вероятно, в конце октября 1889 г. В письме к В. Г. Черткову от 1 ноября этого года в ответ на его письма от 27 и 28 октября, благодаря за критические замечания по поводу «Крейцеровой сонаты» и в связи с его советом написать послесловие к повести, он пишет: «Я даже начал писать послесловие, ответ на вопрос: что думает сам автор о предмете рассказа. Я бы желал написать это. Как Бог даст» (АЧ). Толстой имеет здесь в виду начало работы над рукописью, описанной под № 1 и напечатанной на стр. 416–418. В конце ее собственноручная дата – «6 декабря». В таком случае между началом писания рукописи и окончанием ее прошло больше месяца. Как бы то ни было, несомненно, что рукопись эта была начата до того времени, как стали получаться обращенные к Толстому письма читателей по поводу повести. Это явствует из того, что в копии автографа, описанной под № 2, Толстой к переписанному началу «Послесловия» добавляет: «Так я писал прежде еще, чем рассказ этот стал известен и появились о нем суждения». Далее говорится о том, что суждения эти выражаются в письмах, получаемых автором по поводу повести. О получении же писем по поводу «Крейцеровой сонаты» Толстой записывает в дневник уже 7 ноября («Получаю письма, что «Крейцера соната» действует»).

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle

В упомянутом письме от 27 октября 1889 г. Чертков писал Толстому: «Следовало бы в заключение прибавить в какой-нибудь форме, например, от лица какой-нибудь новой личности, или от автора, или в виде письма от убийцы более всестороннее освещение вопроса, а именно сказать, что полное воздержание лучше всего, но только для тех, кто могут вместить. Посылаю выписки из разных писем. Слишком безусловное требование полного воздержания может оттолкнуть, вместо того чтобы привлечь. Если же полное воздержание показать как венец духовной жизни, то оно даже заманчиво, и вместе с тем становится очевидно обязательство законного супружеского сожития для тех, кто еще не может вместить полного воздержания» (АТ).

В первой же редакции «Послесловия» совет, данный Чертковым, принят Толстым во внимание, и об абсолютном целомудрии здесь Толстой говорит лишь как об идеале, к которому должен стремиться человек. Содержа в себе мысли, вошедшие в окончательную редакцию «Послесловия», «Послесловие» в этой самой ранней редакции, будучи значительно кратче по объему сравнительно со своей завершенной редакцией, не содержит в себе еще ряда конкретных положений, выводов и рассуждений, позднее вошедших в него.

В период работы над первой редакцией «Послесловия» в дневнике под 9 ноября 1889 г. в связи с этой работой сделана следующая запись, лишь частично затем использованная: «Думал, между прочим, для послесловия. Брак был прежде приобретение жены для обладания ею. Опять отношение к женщине установилось войною, пленом. Мужчина себе устроил возможность удовлетворять своей похоти, не думая о женщине: гарем. Единобрачие изменило количество жен, но не отношение к ней. Отношение же истинное – совсем обратное. Мужчина может всегда иметь женщину и всегда может воздерживаться; женщина же (особенно познавшая мужа) с гораздо большим трудом может воздерживаться тогда, когда может иметь общение, что с ней бывает в 2 года раз. И потому если уж кто может требовать удовлетворения, то никак не мужчина, а женщина. Женщина может требовать этого потому, что для нее это не pflichtloser Genuss, [365] как для мужчины, а, напротив, она с болью отдается, не боясь, ожидает и боль, и страдание, и заботы. Кажется, что так формулировать надо брак: сходятся, любя духовно друг друга, мужчина и женщина, и оба обещают друг другу, что если они будут иметь детей, то только друг с другом. Требование же плотского общения должно итти от нее, а не от него».

Набросав начерно «Послесловие», Толстой около двух месяцев не возвращался к этой работе. В письме к нему от 25 декабря Чертков вновь рекомендует написать к повести послесловие: «Очень важно, чтобы вы написали хотя бы коротенькое, но ясное послесловие, примиряющее и сводящее к единству все выраженные в разных местах отрывочные ваши мысли о брачной жизни» (АТ). В ответ на это 15 января 1890 г. Толстой писал Черткову: «Послесловие, хотя и начал писать, едва ли напишу... Мне тяжело теперь заниматься этим, да и просто не могу, а misunderstanding'ов [366] не минуешь» (АЧ).

Но, приехав в конце января в Ясную поляну, Чертков, видимо, вновь стал убеждать Толстого написать послесловие и для того, видимо, чтобы побудить его к дальнейшей работе, собственноручно переписал его черновой автограф. (См. описание рукописей № 2.) Он был исправлен Толстым, вероятно, после отъезда Черткова, должно быть, не ранее 14 января, судя по тому, что в цитированном выше письме к Черткову от 15 января Толстой так говорит о впечатлении Н. И. Стороженко от «Крейцеровой сонаты»: «Вчера только был Стороженко, издатель Юрьевского сборника, и читал и ничего не понял. Он видит пессимизм, и я не могу растолковать ему. С этим надо помириться». В исправленной же копии Черткова на 1-м листе рукой Толстого приписано: «говорится о цинизме, неприличии, о пессимизме, [367] мрачности этого рассказа».

Сделав в копии Черткова исправления, Толстой однако не удовлетворился написанным и почти целиком стал писать «Послесловие» заново, используя из прежде написанного лишь исправленное начало. Работа эта закреплена в автографе, описанном под № 3. Однако эта вторая редакция «Послесловия» (см. стр. 419–424), видимо, не была доведена до конца и в части, написанной Толстым заново, в дальнейшем никак не использована. Существенная ее особенность в том, что она написана в более энергичном и приподнятом тоне, чем редакции предыдущая и последующие. В нее введено было обличение наших социальных порядков, затем зачеркнутое. В изложении отсутствуют следующие друг за другом положения и выводы из них, как это имеет место в последующих редакциях.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoye Видимо, писание второй редакции было начато вскоре же после того, как была исправлена копия первого черного наброска, но не ранее 17 января 1890 г. В этот день Толстой записал в записную книжку: «К послесловию к «Крейцеровой сонате». Не от того, что я сошел с ума и не оттого, что не понимаю, а оттого, что это обличает. Мы живем в разладе мысли и слова и дела и ни в чем больше, как в половых сношениях. Во всем остальном можно, потому что виноваты не мы, поправить не можем мы, а тут только мы». Эта запись развита в рукописи, описанной под № 3. [368]

Но работа над второй редакцией «Послесловия» протекала у Толстого с большим трудом. В дневнике под 29 и 30 января он записывает: «Все эти дни тщетно пытался писать послесловие к «Крейцеровой сонате». На следующий день он пишет Черткову: «Не знаю, напишу ли послесловие. Хочу, но не знаю» (АЧ). 3 февраля в дневнике записано: «Встал рано, пришла ясная мысль о послесловии, но не писалось». В тот же день там же отмечено: «Писал послесловие. Мысли верные, но нет энергии писать». На следующий день, 4 февраля, Толстой уехал на несколько дней в Пирогово к брату и там продолжал работу над «Послесловием». В дневнике в этот день записано: «Много хорошего думалось к послесловию. Записал в книжечке». [369] 5 февраля там же следующая запись: «Всё утро бился с «Послесловием». Да, в евангелии нет указания на брак, есть отрицание его, есть противодействие разврату вождления и развода для тех, которые уже находятся в браке, но учреждения брака, как говорит это церковь, нет и помина. Ничего, кроме нелепого чуда Каны, которое утверждает брак столько же, сколько посещение Закхея утверждает собрание податей». [370]

Большую часть февраля Толстой проболел, и за это время в его дневнике – неоднократные жалобы на свое бездействие и на то, что писание у него не идет. 24 февраля, наконец, он записывает в дневник: «Пробовал писать послесловие». Вероятно, тут идет речь об отделке и дополнении ранее написанного. Между тем Чертков в письме от 4 марта вновь настойчиво просил Толстого окончить набросанное ранее «Послесловие». Вскоре после этого Толстой получил от некоего В. П. Прохорова письмо, датированное 6 марта и посланное в двух экземплярах – один в Ясную поляну, другой в Москву (корреспондент не знал точно тогдашнего местопребывания Толстого). В этом письме Прохоров писал следующее:

«Прочитав «Крейцерову сонату», автор которой, как мне сказали, вы, я не мог хорошенько уяснить себе тех соображений, которые там высказываются относительно брака. Между тем этот вопрос в настоящую минуту для меня весьма интересен и даже важен. Поэтому я хотел бы вас просить, не будете ли вы так любезны письменно сообщить мне основную мысль этой повести с краткими пояснениями или же поручить сделать это кому-нибудь из своих близких. Этим вы окажете мне громадную услугу, которая, быть может, существенным образом отразится на всей последующей моей жизни. Хотя свободного времени у вас, вероятно, очень мало, я всё-таки решаюсь беспокоить вас своей просьбой, в надежде, что вы не откажетесь исполнить ее именно в виду той пользы, которую окажете мне своим ответом. Если вы сочтете почему-либо бесполезным отвечать мне, то, во всяком случае, усердно прошу вас – напишите мне про это, чтобы я знал, почему не получаю ответа. Я сознаю, что не имею решительно никакого права даже и просить у вас ответа, но надежда на то, что этот ответ даст, быть может, совершенно другое направление моей жизни, заставляет меня делать это» (АТ).

В связи с получением этого письма Толстой записал в дневник под 11 марта: «Думал о послесловии в форме ответа на письмо Прок. [371] 1) Не могу ответить, как вам итти в Москву, не зная, где вы. 2) Есть три положения, и с первого не видно того, что видно со 2-го, а со 2-го не видно того, что видно с 3-го, с 3-го же видно и то, что видно со второго и с первого. Не могу я близорукому дать впереди точку направления, которую я вижу, но он не видит. Цель – 1) сам, 2) люди, 3) Бог. Беда думать служить Богу, людям, когда все силы души направлены на служение себе, и думать служить Богу, когда все силы души направлены на служение себе и людям. Надо не итти выше требований своего сознания и не ниже». Еще раньше, под 8 марта, в дневнике записано: «Читал Лескова, письма. Много о «Крейцеровой сонате». Спрашивают: что же следует. Надо послесловие, а не могу».

Видимо, вскоре после этого Толстой начерно набросал «Послесловие в форме ответа Прохорову (рукопись № 7, текст ее напечатан на стр. 425–427)». 14 марта 1890 г. М. Л. Толстая писала В. Г. Черткову о работе отца: «Он всё хочет писать послесловие, но не собирается с силами. Он хочет ответить одному человеку, который спрашивает его, какая основная мысль «Крейцеровой сонаты», и это то

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle письмо, вероятно, и будет послесловие» (АЧ). Но, вероятно, потому, что эта – третья редакция статьи по своему изложению носила характер специфически личного обращения, Толстой не закончил ее и отбросил, использовав высказанные в ней мысли при последующих попытках писать послесловие. На письмо Прохорова Толстой сам, очевидно, не ответил, но, судя по тому, что на обоих экземплярах этого письма рукой М. Л. Толстой сделана пометка «отвечено», ответ адресату, по поручению Льва Николаевича, был написан М. Л. Толстой. Под 16 марта в дневнике записано: «Утром попытался писать послесловие – не пошло».

Неудовлетворенный и начатой третьей редакцией «Послесловия», Толстой начал писание четвертой ее редакции. Под 21 марта он записывает в дневник: «Стал писать послесловие; нет охоты». 25 марта – «Докончил послесловие. Кажется, слабо». Вероятно, этим числом нужно датировать окончание работы над рукописью № 8. В дальнейшем шла обработка и перделка четвертой редакции. Работа эта закреплена в рукописях №№ 9–16 и частично № 17. К ней относится дневниковая запись 28 марта: «Поправлял послесловие». В тот же день Толстой писал И. И. Горбунову: «Моя работа не подвигается, хотя отложил все другие. Во-первых, нездоров всё, а во-вторых, нельзя об этом говорить кое-как. Тут невольно возникло для меня важное и новое соображение, а именно о том, что христианское учение не определяет форм жизни, а только во всех отношениях человека указывает идеал, направление; то же и в половом вопросе» (ГТМ). Далее развиваются мысли, выраженные в «Послесловии» и между прочим используется сравнение идеала целомудрия с высокой колокольней, невидимой человеку невысокого роста. Это сравнение впервые было употреблено в неоконченной третьей редакции в форме письма к Прохорову [372] и затем дважды использовано в черновых вариантах «Послесловия». 31-м марта датирована рукой Толстого рукопись № 9.

В дальнейшем ускорить работу над окончанием «Послесловия» побудил Толстого приезд в Ясную поляну датского переводчика П. Г. Ганзена, который намерен был увезти с собой готовую уже статью. Ганзен пробыл в Ясной поляне с 1 по 6 апреля и за это время пять раз сам переписывал исправленные каждый раз Толстым копии «Послесловия». [373] В дневниковых записях 1, 2, 3, 4 и 5 апреля Толстой отмечает работу над «Послесловием». 7 апреля он записывает в дневник: «Вчера, 6 апреля, утром дописывал, поправлял послесловие. Только что расписался и вполне уяснил себе». 6-м апреля рукой П. Г. Ганзена датирована рукопись № 16, дважды исправленная рукой Толстого. После первой авторской правки с нее снята была Ганзеном копия, которая стала распространяться в списках в литографированных и гектографированных изданиях.

Работа над четвертой редакцией, как это явствует из большого числа рукописей, к ней относящихся, была очень интенсивна. Она сводилась преимущественно к углублению высказанных ранее мыслей и к приведению новых аргументов в пользу той основной точки зрения, которая защищается в «Послесловии». Окончательно были установлены пять положений, вытекающих из повести, и соответствующие им выводы. Абсолютное целомудрие, как конечный идеал человечества, было подчеркнута категоричнее, чем в предшествующих редакциях; обстоятельнее сказано о различии христианского воззрения на жизненные вопросы, в частности на брак, от воззрений нехристианских религий и подчеркнута противоречие между учением о браке Христа и учением церкви. Конечный вывод тот, что «христианского брака никогда не было и не может быть».

Уехав из Ясной поляны, П. Г. Ганзен, не успев переписать последней исправленной Толстым рукописи «Послесловия», увез ее с собой в Петербург, чтобы, переписавши там, сейчас же вернуть ее Толстому. Но не дожидаясь возвращения рукописи, Толстой продолжал работу над «Послесловием», написав к нему большое дополнение, позднее приложенное к концу рукописи № 17 и вновь подвергнутое исправлениям. 7 апреля он записывает в дневник: «Много записал к послесловию», а 8 числа того же месяца пишет Черткову: «К послесловию» нужно много прибавить и разъяснить. Не знаю, удастся ли» (АЧ).

В записи от 7 апреля, видимо, как раз и идет речь о дополнении к «Послесловию», начиная от слов: «Но всё это общие рассуждения», стр. 88, строка 24, где говорится о том, что нельзя принижать идеал Христа до сил и возможностей среднего человека, не могущего вместить требования полного целомудрия. В дальнейшем шла работа над отделкой этой новой – пятой по счету редакции «Послесловия» с указанным дополнением. Записи об этой работе, закреплённой в рукописях №№ 17 и 19–23 – в дневнике под 14, 17, 18, 20–24 апреля. 24 апреля записано: «Утро опять писал, окончил». Толстой торопился закончить работу над

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e «Послесловием», чтобы передать ее Черткову через уезжавшего в Петербург И. И. Горбунова, переписавшего последние его копии и специально для этого задержавшегося в Ясной поляне на два лишних дня. (Черткову «Послесловие» посылалось с тем, чтобы он передал его переводчикам – англо-американскому Диллону и датскому Ганзену.) 25 апреля Толстой пишет П. Г. Ганзену: «Послесловие я опять перерабатывал, и кажется, что оно улучшилось. И кажется тоже, что я уже не в силах более его переделывать».

В дневнике под 25–30 апреля Толстой в связи с «Послесловием» сделал еще такую запись: «К послесловию. Если же пал или пала, то знать, что искупления этого греха нет иного, как освободиться вместе от соблазна похоти и 2) воспитать детей – слуг Богу. 3) Тщеславие есть первое самое грубое орудие совершенствования – орудие против животной похоти. Но потом надо лечиться от лекарства. И это трудно. Боголюбие – больше не знаю». Но первый и второй пункт этой записи развиты в самом начале работы над последней редакцией «Послесловия»: пункт же третий в тексте «Послесловия» не находит себе соответствия.

Дополнение к «Послесловию» написано было, видимо, как возражение Черткову и другим корреспондентам Толстого, говорившим о необходимости указать для большинства людей, не могущих идти по пути абсолютного целомудрия, законность нравственного брака. Уже после того, как это дополнение было начерно написано, Толстой получил от Черткова большое письмо, датированное 12-м апреля, в котором еще раз подробно аргументировалась необходимость такого компромиссного решения вопроса (АТ). В ответ на это письмо Толстой написал Черткову 18 апреля: «Получил ваше письмо и читал с начала [374] и со всем сказанным вполне согласен, но еще кое-что нужно» (АЧ). Однако, несмотря на заявленное согласие с доводами Черткова, он, очевидно еще раз обдумавши вопрос, не изменил своей точки зрения на существо брака. Отвечая на письмо Толстого, Чертков писал: «Пожалуйста, пришлите мне поскорее какое-нибудь окончание «Послесловия» в смысле содержания моего письма, с которым вы согласны. Оба переводчика – англо-американский Диллон и датский Ганзен хотя и на этих днях отослать «Послесловие» в том виде, в каком привез его сюда Ганзен. Поторопитесь же прислать мне хоть полстранички или несколько строк, принимающие во внимание законность нравственного брака для тех сотен миллионов современных людей, которые еще не поднялись до уровня возможно более целомудренного брака. Если вы этого не сделаете, и «Послесловие» разойдется по миру без этой прибавки, то миллионы современных людей, еще живых во плоти, будут оттолкнуты от жизни Христа, а не привлечены к ней» (АТ).

Вместе с рукописью «Послесловия» Толстой передал Черткову через И. И. Горбунова письмо от 25 апреля, в котором просил Черткова не сердиться за свои вины перед ним. Одна из этих вин – «то, что я не мог в «Послесловии» сделать то, что вы хотите и на чем настаиваете, как бы реабилитацию честного брака. Нет такого брака. Но, впрочем, вы увидите» (АЧ). Далее Толстой пишет: «Я не то что доволен послесловием. И форма изложения, и порядок, и мера всё неверно, но мысли, высказанные там, верны, искренни, и я с величайшим напряжением и радостью открывал их». Письмо заканчивается припиской: «Послесловие не присылайте больше мне. Я думаю, что теперь я только буду портить. Если что нескладно, исправляйте с Ваней». [375]

После того как рукопись «Послесловия» была отослана в Петербург, Толстой решил сделать в ней еще две поправки. В письме к Черткову от 4 мая 1890 г. он писал: «В послесловии вычеркните слова «как говорит Матью Арнольд», если помните, где они стоят, и успеете. То же и насчет начала хотел вас просить решить: какое оставить начало – прежнее или теперешнее. Теперешнее как будто нескладно» (АЧ). Слова «методе, как говорит Матью Арнольд» следовали после слов: «а в развитии способа руководства людей», стр. 86, строка 13. Что же касается упоминания о начале, то под «теперешним» нужно понимать начало в диалогической форме: «Читали ли вы последнюю повесть Толстого?» и т. д., написанное в самом раннем автографе, затем упраздненное и замененное другим, более кратким: «Я получил и получаю много писем» и т. д. и потом вновь восстановленное. «Прежнее» начало, таким образом, – то, которое читается в предпоследней редакции «Послесловия»: «Я получил и получаю много писем» (подробнее см. в описании рукописи № 24).

Сделав в тексте «Послесловия» поправки, о которых просил Толстой, Чертков послал Толстому список рукописи № 23. В сопроводительном письме от 11 июня 1890 г. он писал: «Посылаю вам, наконец, список вашего «Послесловия» с теми поправками, которые вы просили меня внести в открытое письмо» (АТ). [376] Это, видимо, тот список, от которого сохранился всего лишь один лист, описанный под № 24. Как

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
указано в описании рукописей, текст списка «Послесловия», переписанного рукой С. А. Толстой (рукопись № 25), содержа в себе несколько ошибок и пропусков, сделанных явно по рассеянности, включает в себе, по сравнению с последней дошедшей до нас авторизованной рукописью «Послесловия», много разночтений, большей частью словарных, которые являются намеренными. Мы не имеем оснований думать, что они являются результатом вмешательства Черткова: во-первых, Чертков никогда не делал в рукописях Толстого сколько-нибудь существенных исправлений, даже словарных, не санкционированных Толстым, во-вторых, в письме Черткова от 11 июня прямо говорится о том, что им сделаны лишь те поправки, о которых Толстой писал в открытом письме, т. е. в письме от 4 мая. Нет также никаких оснований предполагать, что поправки были сделаны С. А. Толстой. Остается решить, что они были сделаны самим Толстым после того, как получен был список, присланный Чертковым, т. е. после 11 июня, и, вероятно, в этом самом утраченном, кроме первого листа, списке. (Другого списка последней редакции «Послесловия» в Ясной поляне не было, и М. Л. Толстая в своем письме потому то и просила Черткова поторопиться выслать список с последней авторизованной рукописи, увезенной в Петербург и И. И. Горбуновым.) Судя по дате, проставленной С. А. Толстой на обложке списка, сделанного ее рукой и сданного в набор (рукопись № 25), последние исправления в тексте «Послесловия» сделаны были Толстым не позднее 23 ноября 1890 г. Исправления эти однако не настолько существенны, чтобы в связи с ними можно было говорить о новой редакции «Послесловия».

Значительно ранее, чем «Послесловие» было отделано, оно стало распространяться в рукописных, литографированных и гектографированных списках в предпоследней, четвертой редакции, датированной 6 апреля 1890 г. – частью отдельно, а большей частью в соединении с предпоследней, восьмой редакцией «Крейцеровой сонаты». Все эти списки восходят к копии, привезенной П. Г. Ганzenом из Ясной поляны в Петербург и в большей или меньшей мере включают в себе искажения текста предпоследней редакции «Послесловия». По одному из таких списков «Послесловие» в этой редакции было напечатано вместе с текстом «Крейцеровой сонаты» в предпоследней, восьмой редакции – в Берлине (Stuhr'sche Buch und Kunsthandlung). На обложке значится: «Граф Л. Толстой. Крейцера соната, с послесловием автора. Новое издание, пересмотренное и исправленное А. Н.» и т. д. (см. выше, стр. 590).

В последней редакции, без цензурных пропусков, «Послесловие» впервые напечатано отдельным изданием в Берлине: «Послесловие к «Крейцеровой сонате». Издание по исправленной рукописи последней редакции». Берлин, 1890, Вальтер Циммерман, и в соединении с «Крейцеровой сонатой» – во втором издании повести берлинского библиографического бюро, Берлин, 1890, и в издании М. К. Элпидина, Женева, 1890. Все эти издания восходят к исправленному в последний раз Толстым, но не дошедшему до нас авторизованному тексту «Послесловия». Судя по тому, что в этих изданиях отсутствует большая часть ошибок, сделанных по рассеянности в списке С. А. Толстой (рукопись № 25), посредствующим звеном между последней, не дошедшей до нас авторизованной рукописью «Послесловия» и текстом этих изданий был не этот список, а какой-то другой или другие, более исправный или исправные, чем список С. А. Толстой. Тексты «Послесловия», напечатанные во втором издании берлинского библиографического бюро и в издании М. К. Элпидина, совершенно совпадают друг с другом, в тексте же отдельного издания есть по сравнению с двумя предыдущими несколько словарных разночтений, объясняемых, видимо, тем, что оно восходит не к тому списку, к которому восходят первые два издания.

Судя по записи С. А. Толстой в ее ненапечатанной автобиографии «Моя жизнь», «Послесловие» первоначально предполагалось напечатать в журнале «Вопросы философии и психологии». Софья Андреевна записывает в октябре 1890 г.: «Послесловие к «Крейцеровой сонате» было отослано в Москву, и Михаил Александрович Стахович писал, что журнал «Вопросы философии» заручился обещанием цензурного комитета пропустить «Послесловие». Об этом особенно хлопотал князь Цертелев». [377] Среди писем к Толстому Н. Я. Грота, редактора журнала «Вопросы философии и психологии», хранящихся в АТ, нет таких, в которых шла бы речь о «Послесловии». Но весьма вероятно, что «Послесловие» предполагалось было напечатать в этом журнале: еще в письме от 26 сентября 1889 г. (АТ) Н. Я. Грот просил Толстого дать ему для журнала «Крейцерову сонату». Что помешало «Послесловию» появиться в «Вопросах философии и психологии», мы не знаем, за неимением данных. В конце концов «Послесловие» в отношении печатания разделило судьбу «Крейцеровой сонаты» и в России впервые появилось в тринадцатой части сочинений (М. 1891 г.) (Подробнее см. выше, стр. 593–595). Здесь оно напечатано, как сказано выше, по неавторизованному списку, написанному рукой С. А. Толстой

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle (рукопись № 25) и заключающему в себе ряд явных ошибок, сделанных переписчицей по рассеянности. Корректурa «Послесловия» правилась С. А. Толстой без участия Толстого, и в ней исправлены лишь явные ошибки, попавшие в рукопись, но и пропущено несколько опечаток. В печатный текст не попал ряд мест, в списке отчеркнутых или взятых в скобки красным карандашом. Вероятно, эти отметки рискованных в цензурном отношении мест сделаны были С. А. Толстой. Думаем так потому, что вместо взятых в скобки слов «церковного, ложно называемого христианским», стр. 85, строка 13, ее рукой написано «и других». Вероятно, также С. А. Толстой в корректуре по цензурным соображениям были исключены слово «единственный» во фразе: «правительства, единственный смысл которых», стр. 79, строки 18–19 и слова «крестись и причащайся», стр. 85, строки 10–12, а слова «совершается за деньги духовенством известная церемония», стр. 87, строка 14, исправлены на «совершается духовенством известный обряд».

В дальнейшем во всех изданиях сочинений Толстого, принадлежавших С. А. Толстой, до двенадцатого издания 1911 года, текст «Послесловия» перепечатывался механически, с исправлением лишь нескольких второстепенных опечаток. Лишь в двенадцатом ее издании больше половины ошибок, допущенных Софьей Андреевной по рассеянности, было исправлено, но все пропуски, обусловленные цензурными соображениями, сохранились и в этом издании. Здесь, кроме того, увеличено количество абзацев. Текст «Послесловия» в издании сочинений под редакцией П. И. Бирюкова представляет собой перепечатку текста двенадцатого издания.

В 1901 г. в издании «Свободного слова» в Англии (Christchurch) вышла брошюра «О половом вопросе. Мысли Л. Н. Толстого, собранные Владимиром Чертковым». В ней, среди другого материала, напечатан текст «Послесловия» без цензурных пропусков и с исправлением, но не систематическим, ошибок предыдущих изданий. В 1906 г. эта брошюра полностью была перепечатана в февральской книжке журнала «Всемирный вестник» (отдельный оттиск – Спб. 1906).

В собраниях художественных произведений Толстого, изданных Государственным издательством (т. XII, М. – Л. 1928, и т. X, приложение к журналу «Огонек», М. 1928) текст «Послесловия» представляет собой случайную комбинацию текста тринадцатой части издания 1891 г. и двенадцатой части издания 1911 г. Все цензурные пропуски сохранились и в этих изданиях.

Таким образом до настоящего издания, текст «Послесловия» без цензурных изъятий в России был напечатан лишь однажды в сборнике мыслей Толстого о половом вопросе, выпущенном в 1906 г. журналом «Всемирный вестник».

Печатаю «Послесловие» в настоящем издании, отправляясь от списка, сделанного рукой С. А. Толстой, описанного под № 25, с которого производился набор статьи в тринадцатой части издания 1891 г.: этот список генетически ближе всего стоит к последней, недошедшей до нас авторизованной рукописи «Послесловия». Ошибки его исправляю по последней дошедшей до нас авторизованной рукописи, описанной под № 23. Ошибки, сделанные в списке С. А. Толстой, устанавливаются путем привлечения к сравнению с рукописями №№ 23 и 25 упомянутых выше заграничных изданий «Послесловия»; совпадение чтений этих изданий с чтениями той или другой рукописи определяет правильное чтение в виду того, что, как сказано выше, заграничные издания восходят к списку последней, не дошедшей до нас авторизованной рукописи «Послесловия» и независимы от списка С. А. Толстой.

Все цензурные пропуски восстанавливаются.

В результате в печатный текст сравнительно с рукописью № 25 вносим следующие исправления. [378]

*Стр. 79, строка 11, после слов: «что половое общение» добавляем: «есть дело необходимое для здоровья и что так как женитьба есть дело не всегда возможное, то и половое общение».

*Стр. 80, строка 22, печатаем: «найдет вокруг себя сотни» вместо «найдет около себя сотни».

*Стр. 81, строки 12–13, печатаем: «в обычай и привычку» вместо «в обычай, привычку».

*Стр. 26, строка 16, печатаем: «и для воспитания» вместо «а для воспитания».

Стр. 83, строка 10, печатаем: «достижение» вместо «достижения».

*Стр. 84, строки 14–15, печатаем: «он бы перестал быть» вместо «он перестал бы быть».

Стр. 84, строки 35–36, печатаем: «Как есть два способа указания пути ищущему указания путешественнику» вместо: «Как есть два способа указания пути путешественнику».

Стр. 84, строка 36, печатаем: «так есть и два способа» вместо «так есть два способа».

*Стр. 85, строки 6–7, печатаем: «которые он должен и которых не должен делать» вместо «которых он должен и не должен делать».

Стр. 85, строка 9, после слов: «отдавай десятину бедным» добавляем: «не прелюбодействуй». Эти слова не вошли ни в одно из печатных изданий; они в рукописи № 23 зачеркнуты Толстым, но затем волнистой чертой под ними восстановлены. Очевидно, переписчики рукописи не обратили внимания на последнее обстоятельство и потому этих слов не переписали.

Стр. 85, строка 21, печатаем: «как Отец ваш небесный» вместо «как совершенен Отец ваш небесный».

Стр. 85, строка 24, печатаем: «видно одно отклонение» вместо «видно только одно отклонение».

Стр. 86, строка 8, печатаем: «не видя позади» вместо «не видя назад».

Стр. 86, строка 20, печатаем: «называемое церковным христианским учением» вместо «называемое церковно-христианским учением».

Стр. 86, строка 39, печатаем: «не видят» вместо «не видя».

*Стр. 87, строка 8, печатаем: «наложничество, многоженство» вместо «наложничество, и многоженство, и многомужество».

Стр. 87, строка 22, перед словом «христианами» добавляем: «истинными». Это слово не вошло ни в одно из печатных изданий; оно в рукописи № 23 зачеркнуто Толстым, но затем восстановлено волнистой чертой под ним.

*Стр. 88, строка 14, печатаем: «а мысли эти противоречат» вместо «а мысли эти противоречивы».

Стр. 89, строки 31–32, печатаем: «что он видит» вместо «что видит».

Стр. 91, строка 22, печатаем: «А то ведь это всё равно» вместо «А это ведь всё равно».

Стр. 91, строка 25, печатаем: «такой человек» вместо «тот человек».

Стр. 91, строка 36, печатаем: «тем нужнее мне совершенный образец» вместо «тем совершеннее мне нужен образец».

*Стр. 92, строка 12, печатаем: «А и то и другое» вместо «И то и другое».

По тем же основаниям, по каким печатаем варианты предпоследней, восьмой редакции «Крейцеровой сонаты», печатаем в сопоставлении с окончательной редакцией «Послесловия» и варианты предпоследней, четвертой его редакции, называя ее общо также литографированной редакцией. Так как и она не закреплена сплошь в какой-либо одной рукописи, то устанавливаем ее путем сопоставления ряда литографированных изданий с текстом рукописи № 18, представляющей собой, как указано при описании этой рукописи, наиболее авторитетный из дошедших до нас списков «Послесловия» в его предпоследней редакции. Текст же рукописи № 18, в свою очередь, контролируем и исправляем при помощи предшествующих ей автографических текстов.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К „ПОСЛЕСЛОВИЮ К «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЕ»“
Рукописи, относящиеся к „Послесловию к «Крейцеровой сонате»“ хранятся в Архиве Толстого в Публичной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (сокр. АТ), папка 51, и в Государственном Толстовском музее в Москве (сокр. ГТМ), Архив В. Г. Черткова, папка 15.

1. Автограф ГТМ на 2 листах большого почтового формата, исписанных с обеих сторон. Заглавие: «Послесловие». В конце собственноручная подпись «Л. Т.» и дата «6 Д[екабря].» Самая ранняя, редакция «Послесловия». Печатаем ее полностью.

Впервые опубликована в книге «Лев Толстой. Неизданные тексты», стр. 77–80.

2. Рукопись АТ на 5 листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой В. Г. Черткова, с исправлениями рукой Толстого. Один лист чистый, один (с началом текста) перенесен сначала в рукопись № 3, а затем в рукопись № 8. Копия предыдущей рукописи. Начало: «какъ на предметъ наслажденія». Конец: «въ одно и то же время». Авторские исправления – преимущественно стилистического характера. Весь материал данной рукописи в процессе дальнейшей работы отброшен.

3. Автограф АТ на 7 листах в 4°, исписанных с обеих сторон, кроме двух последних, оборотные страницы которых частично писаны посторонней рукой и заключает в себе текст прошения, видимо, от лица какого-то крестьянина на имя мирового судьи Крапивенского уезда В. А. Хомякова. Текст автографа, сильно исчерканный, является продолжением текста, написанного на 1-м листе, первоначально входившем в состав рукописи № 2, а затем перенесенном в рукопись № 8. Вместе с предшествовавшим автографу текстом этого листа печатаем его в отделе черновых текстов, так как в процессе дальнейшей работы он был отброшен. Данный текст – вторая, повидимому незавершенная, редакция «Послесловия».

4. Автограф ГТМ на 1 листе в 4°, исписанном с одной стороны. Начало продолжения текста, написанного на 1-м листе, входившем вначале в состав рукописи № 2, а затем перенесенном в рукопись № 8. Продолжение это было написано до авторского исправления этого листа и примыкает к следующим, впоследствии зачеркнутым словам: «чтобы неизбежно придти къ тѣмъ же мыслямъ, къ которымъ пришелъ и я». Печатаем его в вариантах (№ 1).

5. Рукопись АТ на 2 листах в 4°, исписанных с одной стороны рукой В. Г. Черткова. Копия предыдущей со стилистическими поправками рукой Толстого и с началом продолжения текста копии его же рукой на обороте 2-го листа (8½ строк). Начало: «Мысли же эти очень просты». Конец: «устанавливаемому нравственному закону».

6. Автограф ГТМ на 1 клочке бумаги, на котором написано:

Практическіе же выводы, которые неизбежно вытекаютъ изъ этихъ положеній, слѣдующіе. Если правда, что половая похоть есть животное чувство, унижающее человѣка, то 1)

Видимо, это начало продолжения текста автографа, описанного под № 1, или копии его, описанной под № 2.

7. Автограф АТ на 4 листах в 4°, исписанных с обеих сторон, с большим количеством поправок и зачеркиваний. Неоконченное письмо без обращения, написанное в связи с письмом к Толстому В. П. Прохорова, обратившемуся к нему в письме от 6 марта 1890 г. с просьбой разъяснить ему взгляды на брак, выраженные в «Крейцеровой сонате». В начале письма набросан его план:

Что думаетъ авторъ о томъ, что говорить Позднышевъ? Изъ высказываемаго Позднышевымъ что принадлежитъ автору, что вымышленному лицу? Что хотѣлъ сказать авторъ этимъ рассказомъ?

Вслед за этимъ начата и не окончена фраза:

Авторъ хотѣлъ сказать вотъ что: 1) что въ числѣ

Далее следует самое письмо, которое печатаем в отделе черновых текстов. Об этом своем письме Толстой записал в дневнике под 11 марта 1890 г. «думал о «Послесловии» в форме ответа на письмо Прох[орова]». [379]

8. Рукопись АТ на 8 листах в 4°, исписанных, кроме последнего, с обеих сторон. Начало: «Читали вы послѣднюю повѣсть Толстого?» Конец: «и въ холостой и въ женатой жизни». 1-й лист, исписанный рукой Черткова и сильно исправленный рукой Толстого, перенесен сюда окончательно из рукописи № 2; на остальных листах рукой Толстого заново написан текст, продолжающий текст 1-го листа. Нумерована рукой Толстого преимущественно по четвертушкам. В начале 1-й страницы листа, с которого начинается автограф, рукой Толстого написан зачеркнутый текст телеграммы: «Петербург. Лиговка 31. Николаю Ге. Буду дома только второго марта. Толстой». На оборотной, незаполненной текстом странице последнего листа, также рукой Толстого, написано: основа всего: смотрѣть какъ на удовольствіе. Текст данной рукописи представляет собой таким образом почти заново написанную редакцию «Послесловия». От текста окончательной редакции он отличается, главным образом, большей краткостью во второй своей части, после того, как изложены выводы из тех положений, которые вытекают из рассказа. Отсюда извлекаем вариант № 2.

9. Рукопись АТ на 13 листах в 4°, исписанных, большею частью, с обеих сторон рукой А. М. Новикова и Толстого. Вложена в коричневую тетрадную обложку, на которой рукой М. Л. Толстой написано: «Послесловие к «Крейцеровой сонате». 31 марта». Начало: «Читали ли вы послѣднюю повѣсть Толстого?» Конец: «по отношенію къ вопросу о бракѣ». Исписанное Новиковым (на 11 листах) – сильно исправленная и исчерканная рукой Толстого копия предыдущей рукописи; написанное Толстым (на двух отдельных листах, на чистой половине страницы и на обороте листа с копией) – вставки и дополнения к тексту копии. Рукою же Толстого на полях сделан ряд приписок и вставок, затем в большом числе зачеркнутых. Рукопись датирована и подписана рукой Толстого: «31 Мартъ 1890, Ясная Поляна. Левъ Толстой». Извлекаем из нее варианты №№ 3 и 4.

10. Рукопись АТ на 2 листах в 4°. Первый лист исписан с обеих сторон, на втором листе исписана лишь одна сторона. Начало: «3) то, что такъ какъ въ нашемъ обществѣ». Конец: «для воздѣйствія на чувственность мужчинъ». В начале рукой А. Н. Дунаева написано 7½ строк, вероятно под диктовку Толстого, начала 3-го вывода из рассказа, затем рукой Толстого этот текст частью исправлен, частью зачеркнут, и к нему написано его же рукой продолжение. Получился таким образом новый текст третьего вывода взамен соответствующего текста предыдущей рукописи.

11. Рукопись АТ на 35 нумерованных листах в 4°, исписанных рукой М. Л. и Т. Л. Толстых и исправленных рукой Толстого. Вложена в синюю тетрадную обложку, на которой рукой М. Л. Толстой написано «Послесловие». Начало: «Читали ли вы послѣднюю повѣсть Толстого» Конец: «съ ученіемъ, которое мы исповѣдуемъ». В своей первоначальной основе она представляет собой копию рукописи, описанной под № 9, за исключением текста 3-го вывода, который переписан по рукописи № 10. После того как копия была исправлена, отдельные, особенно спешечные поправками листы и части листов заменены копиями, подклеенными на их место, а вынутые листы и части их частью приклеены к оборотным чистым страницам этой же рукописи, частью (5 листов, из них один чистый) просто вложены в нее. На одном из вложенных листов рукой М. Л. Толстой переписана с рукописи № 9 дата 31 марта 1890 г. На замененном же листе ее же рукой дата 2 апреля 1890 г. Исправления в рукописи сделаны в направлении к тексту предпоследней редакции «Послесловия». Важнейшие из них следующие. После слов: «найдетъ вокругъ себя сотни», стр. 80, строка 22, зачеркнуто в изъятой части листа:

Отговорокъ же въ невозможности воздержанія не можетъ быть и потому, что при такой невозможности есть всегда выходъ женитьбы. Все дѣло только въ томъ, что признавать болѣе важнымъ: нравственную чистоту жизни или внѣшнее положеніе.

Вариант № 4 в изъятых листах переделан так, как он читается в варианте № 5. В копии этих листов он зачеркнут, и вместо него написан вариант, который печатаем под № 6.

12. Рукопись АТ на 19 нумерованных по страницам листах в 4°, исписанных большею частью с обеих сторон рукой П. Г. Ганзена, А. Н. Дунаева, М. Л. и С. А. Толстых и исправленных рукой Толстого. Исправления, кроме того (по рукописи № 13), сделаны рукой М. Л. Толстой (на двух отдельных вставках). Рукой Ганзена, видимо под диктовку, написан текст вставки к 11-й странице. Начало: «Читали ли вы послѣднюю повѣсть Толстого?» Конец: «не переставая будетъ осуждаться». Рукопись заключена в обложку, на которой рукой М. Л. Толстой написано:

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
«Послесловие. Черновое». Она представляет собой копию окончательного текста
рукописи, описанной под № 11. Текст на страницах 15–18, в котором сделаны рукой
Толстого большие перестановки, наново частично переписан рукой С. А. Толстой, и
переписанные части текста на этих страницах зачеркнуты. Дата 2 апреля повторена.
В тексте рукописи приведены выдержки двух писем по поводу «Крейцеровой сонаты»,
переписанные рукой М. Л. Толстой – одно – молодого человека, другое – пожилого.
Исправления – дальнейший этап в направлении к тексту предпоследней
(литографированной) редакции «Послесловия». Из рукописи извлекаем варианты №№ 7
и 8.

13. Рукопись ГТМ на 3 нумерованных листах в 4°, исписанных с одной стороны рукой
С. А. Толстой и исправленных рукой Толстого. Заглавие: «Послѣсловіе». Начало:
«Читали ли вы послѣднюю повѣсть Толстого?». Конец: «когда приходится
высказывать». Вместе с рукописью, описанной под № 14, началом которой данная
рукопись является, она представляет собой копию рукописи № 12. Значительная
часть текста, в том числе текст писем, Толстым отчеркнут с пометкой
«пр[опустить]». Затем все 3 листа, а также 4-й, не сохранившийся, были из
рукописи № 14 исключены.

14. Рукопись АТ на 19 нумерованных по листам и по страницам (5–32) листах в 4°,
исписанных частью с одной стороны, частью с обеих, вперемежку рукой С. А.
Толстой, П. Г. Ганзена, А. Н. Дунаева и Т. Л. Толстой и исправленных рукой
Толстого. Нумерация начинается с цифры 5, так как 4 листа (из которых один
утрачен), исключены из рукописи (см. описание предыдущей рукописи). Как сказано
выше, вместе с исключенными листами данная рукопись – копия рукописи, описанной
под № 12. Вслед за заглавием, написанным рукой Толстого, – «Послѣсловіе»,
начало: «Я получилъ и получаю много писемъ». Конец: «съ ученіемъ, которое мы
исповѣдуемъ». Исправления еще больше приближают текст рукописи к тексту
предпоследней редакции. Извлекаем из нее вариант № 9.

15. Рукопись АТ на 12 нумерованных по страницам листах в 4°, исписанных, кроме
последнего, с обеих сторон рукой П. Г. Ганзена и исправленных рукой Толстого.
Начало: «Я получилъ и получаю много писемъ». Конец: «то, къ чему онъ долженъ
стремиться». Датирована рукой переписчика 1–5 апреля 1890 г. На обложке рукой М.
Л. Толстой написано: «Послесловие. 5 апрель». Копия предыдущей рукописи. В
результате авторских исправлений текст данной рукописи очень приблизился к
тексту предпоследней редакции. Существенных вариантов в рукописи нет.

16. Рукопись АТ на 6 нумерованных по страницам листах в 4°, исписанных, кроме
последнего листа, с обеих сторон рукой П. Г. Ганзена и исправленных рукой
Толстого. Начало: «Я получилъ и получаю много писемъ». Конец: «то, къ чему онъ
долженъ стремиться». Датирована рукой переписчика 5 апреля 1890 г. Та же дата
рукой М. Л. Толстой поставлена и на обложке. В середине рукописи, представляющей
собой копию предыдущей, недостает 7 листов, которые перенесены в рукопись,
описанную под № 17. Исправления и перестановки, сделанные в рукописи, сделаны в
направлении к тексту предпоследней редакции.

17. Рукопись АТ на 24 частично нумерованных листах в 4°, исписанных, кроме двух
листов, с обеих сторон рукой П. Г. Ганзена и М. Л. Толстой, исправленных и
сильно дополненных рукой Толстого. Начало: «Я никогда не думалъ». Конец: «А и то
и другое дано намъ». В первоначальном своем составе рукопись образовалась
частично из листов, переложенных сюда из рукописи, описанной под № 16, частично
из копий листов, оставшихся в этой рукописи. Рукой переписчика она датирована
6-м апреля 1890 г. Текст ее, будучи исправлен в первый раз, был положен в основу
литографированных изданий. Вслед затем рукопись подверглась вторичному
исправлению и была значительно дополнена Толстым (8 листов, исписанных
исключительно рукой Толстого). Вторичные исправления и дополнения сделаны в
направлении к окончательной редакции. Из вариантов рукописи, не вошедших в
окончательную редакцию, следует отметить лишь два. После слов: «и вовлечение
мужчин в связь или брак», стр. 82, строка 28, рукой Толстого на полях добавлено:

И это нехорошо, потому что для достиженія этой цѣли мужчины считаютъ
позволительнымъ пользоваться самыми гнусными средствами обмана, лжи, разжиганія
чувственности.

После слов: «Можно не принимать учения Христа», стр. 87 строка 39, в рукописи
написано:

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe не учения Христа, подразумевая подъ этимъ папу, таинства, трицу и т. п., а истиннаго, разумнаго учения.

На обложке, в которую заключена рукопись, рукой И. И. Горбунова написано „Черновые. Послесловие к «Крейцеровой сонате»“, рукой же М. Л. Толстой поставлена дата – 23 апреля 1890 г., видимо с ошибкой не меньше чем на 3 дня, судя по дате обложки ближайшей копии (см. ниже).

18. Рукопись ГТМ на 7 нумерованных по страницам листах большого почтового формата, исписанных с обеих сторон рукой И. И. Горбунова, с поправками рукой В. Г. Черткова. Начало: «Я получилъ и получаю много писемъ». Конец: «Совершенный образец». Дата – 6 апреля 1890 г. На обложке рукой В. Г. Черткова написано: «Список Вани (т. е. И. И. Горбунова, Н. Г.) с списка Ганзена. Начало послано с Ваней к Льву Николаевичу для получения мнения его о моих поправках. Конец отдан Диллону». Исправлений рукой Толстого нет. Эту рукопись привлекаем к работе над историей текста потому, что она представляет собой копию с авторитетной копии рукописи № 17, сделанной до вторичного ее исправления и дополнения Толстым и таким образом, фиксируя первичную стадию в исправлении рукописи, закрепляет собой текст редакции, легший в основу литографированных изданий. То, что она написана рукой И. И. Горбунова, ближайшего сотрудника Толстого, притом для В. Г. Черткова, имеет существенное значение с точки зрения авторитетности текста, ни в одной из авторизованных рукописей не сохранившегося несмешанно с позднейшими наслоениями. Поправок, сделанных рукой Черткова, не отмечаем, так как они, очевидно, на дальнейший ход работы Толстого влияния не оказали.

19. Рукопись АТ на 25 нумерованных листах в 4° (из них один урезан), исписанных с одной стороны рукой М. Л. Толстой, В. В. Рахманова и неизвестного (а) и исправленных рукой Толстого (в нумерации вслед за цифрой 21 ошибочно поставлена цифра 23). Заключена в обложку, на которой рукой М. Л. Толстой написано: «Послесловіе. 20 апреля». Копия части предыдущей рукописи – с начала и кончая словами: «и родъ человѣскій въ опасности» (см. варианты литографированной редакции, стр. 344, строка 26). 9 листов и 2 обрезка, на которых следовал дальнейший текст, кончая словами: «называемая ими церковнымъ бракомъ», – перенесены в рукопись, описанную под № 21. Исправления рукой Толстого, судя по разному цвету чернил (черные и фиолетовые), делались дважды (фиолетовыми чернилами – в первый раз, черными – во второй). Они выразились в смягчении того места, где говорится о взаимном заманивании мужчин и женщин, в перестановке некоторых абзацев и во второстепенных стилистических и смысловых переделках в направлении к окончательной редакции «Послесловия».

20. Рукопись АТ на 15 нумерованных по страницам листах в 4°, исписанных, кроме последнего, с обеих сторон рукой И. И. Горбунова и исправленных рукой Толстого. Тетрадь в коричневой обложке, на которой рукой М. Л. Толстой проставлена дата – 22 апреля. Начало: «Я никогда не думалъ». Конец: «называемая церковнымъ бракомъ». Копия рукописи № 19, сделанная после вторичного ее исправления, далее – копия текста 9 листов, 2 обрезков и нескольких конечных несохранившихся листов, первоначально входивших в состав рукописи № 19, а затем перенесенных в рукопись № 21 и подвергшихся новой правке уже после того, как копия с них была снята, и они были изъяты из рукописи № 19. В нескольких местах в эту рукопись позднее внесены рукой переписчика и М. Л. Толстой поправки, сделанные рукой Толстого в рукописи № 21. Кроме того, несколько исправлений здесь были сделаны Толстым вновь, после того как им была исправлена рукопись № 21. Исправления, сделанные рукой Толстого в направлении к окончательной редакции статьи, не дают существенных смысловых и стилистических вариантов. Кроме исправлений, в тексте рукой Толстого сделаны и перестановки.

21. Рукопись АТ на 25 нумерованных листах в 4° и двух обрезках, исписанных частью с обеих сторон, частью с одной, рукой М. А. Стаховича, Т. Л. и М. Л. Толстых и неизвестного (а) и исправленных рукой Толстого. Один лист чистый, на одном (первом) рукой М. Л. Толстой проставлено заглавие и дата 22 апреля 1890 г. Начало: «Я никогда не думалъ». Конец: «называемая церковнымъ бракомъ». Текст первых 8-ми листов и части 9-го этой рукописи, кончая словами: «Это пятое», представляет собой копию соответствующей части текста рукописи № 19, сделанную до момента вторичного ее исправления. Рукой М. Л. Толстой сюда нанесены исправления, сделанные Толстым в рукописи № 20, и, кроме того, рукой Толстого сделано еще одно новое исправление. С конца 9-го листа, от слов: «Вот то существенное» и до 11 листа включительно, кончая словами: «родъ человеческий в опасности» копия сделана с той же рукописи № 19, но после вторичной ее правки.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Здесь также рукой М. Л. Толстой и И. И. Горбунова нанесены исправления, сделанные Толстым в рукописи № 20, и, кроме того, рукой Толстого сделано еще одно исправление. Далее идут 9 листов и 2 обрезка, перенесенные сюда из рукописи № 19 и подвергшиеся новой правке. Сюда, кроме того, нанесены рукой М. Л. Толстой исправления, сделанные Толстым в рукописи № 19, после того как рукопись № 21 была окончательно исправлена. Наконец, текст последних 3-х листов, от слов: «В этом состоит главное», представляет собой копию последних страниц рукописи № 19, с новыми исправлениями рукой Толстого, не вносящими однако существенных смысловых и стилистических вариантов.

22. Рукопись ГТМ на 12 нумерованных по страницам листах в 4°, исписанных большей частью с обеих сторон рукой И. И. Горбунова и М. Л. Толстой и исправленных (дважды – чернилами и карандашом) рукой Толстого. Начало: ««Я никогда не думалъ...»» Конец: «А и то и другое дано намъ». Вслед за этим рукой М. Л. Толстой дата – 23 апреля 1890 г. Последняя нумерованная страница – 52-я. Страницы 3–24, 33–34, 44–45, 48–49 перенесены в рукопись, описанную под № 23. Описываемая рукопись вместе с изъятыми из нее страницами – копия рукописи № 21 (в первой своей части) и конца рукописи № 17 (во второй части). Исправления сделаны в направлении к окончательной редакции. Существенных смысловых и стилистических вариантов рукопись в себе не заключает.

23. Рукопись ГТМ на 24 нумерованных по страницам листах в 4° большого почтового формата, исписанных, большею частью с обеих сторон рукой И. И. Горбунова и исправленных рукой Толстого. Начало: «Читали вы послѣднюю повѣсть Толстого?» Конец: «А и то и другое дано намъ». Вслед за этим рукой переписчика дата 24-апреля 1890 г. и собственноручная подпись Толстого. На обложке, в которую заключена рукопись, рукой В. Г. Черткова написано: «Л. Н. Последнее Послесловие, привезенное Ваней». Данная рукопись вначале (неполных две страницы) является копией рукописи, описанной под № 13, в дальнейшем, за исключением тех листов, которые переложены сюда из рукописи № 22, копией этой последней. Текст большинства листов, перенесенных в эту рукопись из предыдущей и исписанных с одной стороны, после исправления зачеркнут и переписан на чистых оборотных страницах этих листов. Исправления, сделанные в рукописи, в большинстве преследуют задачу уточнения мысли. Некоторые места из нее исключены. Так, после слов: «Отчего бы это?.. и т. д.,» стр. 416, строка 10, обведено чертой с пометкой «пр[опустить]»:

– Да, но все-таки тамъ есть мысли нравственныя и полезныя.

– Да, но все это до такой степени перемышано съ нелѣпостями, что не стоить говорить про это серьезно и тѣмъ болѣе руководиться въ своей жизни тѣми противными и опыту, и примѣру образованныхъ странъ, и здравому смыслу, и физиологіи мыслями, которыя тамъ высказываются.

После слов: «еще более обязательно в браке», стр. 81, строка 28, зачеркнуто:

и что разсудокъ данъ человѣку, не на то, чтобы стать ниже животнаго, а выше его. Истребленіе же плода съ цѣлью наслажденія и продолженіе общенія во время беременности и кормленія есть превосходеніе животнаго въ животности.

После слов: «уничтожило бы возможность жизни», стр. 84, строка 26, зачеркнуто:

Параллельныя линіи перестанутъ быть параллельными, если онѣ пересѣкутся, но пересѣкаются онѣ въ безконечности, и потому нельзя говорить, что не стоить мнѣ трудиться класть рельсы параллельно, такъ какъ все равно онѣ перестанутъ быть параллельными, пересѣкутся.

Остальные зачеркивания в рукописи менее существенны.

24. Рукопись ГТМ на 1 листе в 4°, исписанном рукой неизвестного (б). Копия начала предыдущей рукописи. В ней зачеркнуто синим карандашом следующее начало:

– Читали вы послѣднюю повѣсть Толстого?

– Нѣтъ, а что?

– Да ужъ до того дописался, что проповѣдуетъ безбрачіе, прекращеніе рода человѣческаго.

– Да, мистицизм до добра не доведетъ. И какая это жалость, что наши русскіе писатели такъ скоро повреждаются въ разсудкъ. Отчего бы это? и т. д.

Такъ скажутъ пожилые вліятельные люди, а молодые, не вѣрящіе себѣ люди, повѣрятъ этому. И мнѣ жалко, что это такъ будетъ, жалко потому, что мнѣ хотѣлось бы, чтобы читатели, особенно молодые, безъ закоренѣлыхъ привычекъ и предвзятыхъ мыслей, оправдывающихъ эти привычки, прямо и просто поняли то, что сказано въ этомъ разсказѣ; а прямо и просто понявъ то, что сказано въ немъ, повели бы болѣе нравственно чистую и потому болѣе радостную жизнь, чѣмъ та, которую велъ я и ведетъ большинство людей нашего міра.

Такъ я писалъ прежде еще, чѣмъ разсказъ этотъ сталъ извѣстенъ и появились о немъ сужденія. Появившіяся сужденія, слышанныя и прочитанныя мною въ письмахъ, которыя я получаю о предметъ моего разсказа, подтвердили и превзошли всѣ мои ожиданія о тѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя онъ вызоветъ.

Я безпрестанно получаю письма отъ незнакомыхъ мнѣ лицъ, и въ особенности отъ молодыхъ людей, съ просьбами объяснить, что именно я хотѣлъ сказать этимъ разсказомъ.

Пишущіе, изложивъ совершенно правильно то, что по ихъ мнѣнію выражаетъ разсказъ, просятъ меня, въ виду того что старшіе не допускаютъ [380] такого пониманія смысла разсказа, подтвердить – правильно ли они поняли въ разсказѣ тотъ самый смыслъ, который я хотѣлъ выразить въ немъ.

И потому постараюсь сдѣлать то, что прежде казалось мнѣ совершенно излишнимъ.

Последние зачеркнутые строки заклеены полоской бумаги, на которой написано другой рукой, также неизвестного: (в):

Я получилъ и получаю много писемъ отъ незнакомыхъ мнѣ лицъ, просящихъ меня объяснить въ простыхъ и ясныхъ словахъ то, что я думаю о предметъ написаннаго мною разсказа подъ заглавіемъ «Крейцера соната». Попытаюсь это сдѣлать, т. е. – и далее – незачеркнутые слова: въ короткихъ словахъ выразить, насколько это возможно, сущность того, что я хотѣлъ сказать въ этомъ разсказѣ. На этихъ словахъ, заканчивающихся листъ, рукопись обрывается. Видимо, мы имеемъ дело лишь с первымъ сохранившимся листомъ утраченной копии рукописи № 23, на который наклеена полоска бумаги, содержащая в себѣ копию начала текста литографированной редакции, с добавлением слов: «т. е.». Происхождение этого листа (и рукописи, к которой онъ относится) уясняется из письма Черткова к Толстому от 11 июня 1890 г. (см. выше, стр. 630).

25. Рукопись ГТМ на 20 нумерованныхъ листахъ в 4°, исписанныхъ с обеихъ сторонъ рукой С. А. Толстой, без исправленийъ рукой Толстого. Начало: «Я получилъ и получаю много писемъ». Конецъ: «И то и другое дано намъ», и вследъ за этимъ дата 24 апреля 1890 г. Заключена в обложку, на которой рукой же Софьи Андреевны написано: «Послесловие к «Крейцеровой сонате». Подъ самый конецъ. Ноябрь 23. 1890 г.». Типографскіе пометки и свинцовые пятна на листахъ указываютъ на то, что с этой рукописи производился набор печатнаго текста.

Отличія текста рукописи № 25 от текста предшествующей ей полной рукописи «Послесловія», описанной подъ № 23, частично лишь объясняются невнимательностью переписчицы, следующие.

Начало статьи то же, что и в предпоследней (литографированной) редакции «Послесловія».

После слов: «что половое общеніе», стр. 79, строка 11, пропущено: «есть дело, необходимое для здоровья, и что такъ какъ женитьба есть дело, не всегда возможное, то и половое общеніе». После слов: «всякій мужчина найдетъ», стр. 80, строка 22, вместо «вокругъ» написано: «около». После слов: «какъ кажется имъ», стр. 80, строка 38, вместо «нарушеніе» – «нарушенія». После слов: «стало входить», стр. 81, строки 12–13, вместо «въ обычаи и привычку» – «въ обычаи, привычку». После слов: «И не хорошо невоздержаніе», стр. 81 строка 21, вместо «во времена» – «во время». После слов: «никогда не облегчаетъ», стр. 83, строка 10, вместо «достиженіе» – «достиженія». После слов: «Но вышло не такъ», стр. 83, строка 27, вместо «Правда, прямо никто не оспариваетъ» – «Никто, правда, не оспариваетъ».

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e
После слов: «будут соединены любовью», стр. 84, строка 19, вместо следующих строк:

«Осуществление этого идеала несовместимо с представлением о жизни, как мы ее понимаем. Представление о движении жизни возможно только при стремлении к идеалу, осуществление которого мы не можем себе представить, и потому стремление к христианскому идеалу во всей его совокупности и к целомудрию, как к одному из условий этого идеала, не исключает возможности жизни. Напротив, отсутствие христианского идеала вообще и одного из условий его – стремления к полному целомудрию уничтожило бы возможность жизни».

написано:

«Весь смысл человеческой жизни заключается в движении по направлению к этому идеалу, и потому стремление к христианскому идеалу во всей его совокупности и к целомудрию, как одному из условий этого идеала, не только не исключает возможности жизни, но, напротив того, отсутствие этого христианского идеала уничтожило бы движение вперед и, следовательно, возможность жизни».

После слов: «нравственного руководства», стр. 84, строки 33–34, вместо «Как есть два способа указания пути ищущему указания путешественнику» написано: «Как есть два способа указания пути путешественнику». После слов: «признаки поступков», стр. 85, строки 5–6, вместо «которые он должен и которых не должен делать» – «которых он должен и которых не должен делать». После слов: «отдавай десятину бедным», стр. 85, строка 9, пропущено: «не прелюбодействуй». Слова «церковного, ложно называемого христианским», стр. 85, строка 13, взяты красным карандашом в круглые скобки и рядом с этими словами на полях рукой С. А. Толстой написано: «и других». После слов: «будьте совершенны», стр. 85, строки 20–21, вместо «как Отец» написано: «как совершен Отец». После слов: «Степень приближения не видна», стр. 85, строки 27–28, вместо «видно одно отклонение» – «видно только одно отклонение». После слов: «что он исполняет всё», стр. 85, строка 36, вместо «Богатый юноша фарисей тоже исполнил» – «Богатый юноша тоже исполнил». После слов: «чувствует себя несовершенным», стр. 86, строка 8, вместо «не видя назад» – «не видя позади». После слов: «в различии способа руководства людей», стр. 86, строка 13, пропущено: «в методе, как говорил Матью Арнольд». Слова: «называемое церковным христианским учением» исправлены на «называемое церковнохристианским учением», стр. 86, строка 20, и заключены красным карандашом в круглые скобки. Текст от слов: «Церковные, называющие себя христианскими, учения», кончая: «быть безгрешною, вполне законною. Но», стр. 68, строки 22–34, обведен сбоку чертой красным карандашом. После слов: «от одного берега отстали», стр. 86, строка 36, вместо «к другому не пристали» написано: «и к другому не пристали». Слова: «чувствуя, что это учреждение не имеет оснований в христианском учении», стр. 86, строки 37–38, взяты красным карандашом в круглые скобки. После слов: «и вместе с тем», стр. 86 строка 39, вместо «не видят» написано: «не видя». Слова «закрытого церковным учением», стр. 87, строки 39–40, зачеркнуты красным карандашом. После слов: «определенное наложничество», стр. 87, строка 8, вместо «многоженство» написано «и многоженство и многомужество». После слов: «Только потому, что», стр. 87, строка 13, пропущено слово «изредка». Слова: «называемая церковным браком» стр. 85 строка 15, взяты красным карандашом в круглые скобки. Текст от слов: «Христианского брака», кончая: «последующих веков», стр. 87, строки 17–23, обведен красной карандашной чертой, сверху его красным карандашом поставлены многоточия во всю строку и в нем после слов: «Так и понималось это всегда», стр. 87, строки 21–22, пропущено слово «истинными», зачеркнутое и затем восстановленное в рукописи № 23. После слов: «а мысли эти», стр. 87, строка 14, вместо «противоречат» написано: «противоречивы». После слов: «сходился со многими женщинами», стр. 89, строка 2, вместо «или хоть до брака с возможностью развода, или хоть до гражданского (идя по тому же пути), до японского на срок почему же и не до домов терпимости?» – «или хотя бы брак с возможностью развода, или хотя бы гражданский, или (идя по тому же пути) хотя бы японский на срок, – почему же не дойти и до домов терпимости?» После слов: «В каком же ни находился человек положении», стр. 89, строка 25, вместо «учения идеала, данного Христом, всегда достаточно» – «всегда достаточно учения идеала, данного Христом». После слов: «руководствоваться тем», стр. 89, строка 31, вместо «что он видит» – «что видит». После слов: «и таково же», стр. 90, строка 1, вместо «к вопросу о браке» – «к целомудрию». После слов: «возвращения и воспитания», стр. 90, строки 33–34, вместо «происшедшего» – «происходящего». После слов: «и прекращению греха», стр. 90, строка 40, вместо «заменой отношений плотской любви» – «заменой отношений». После слов «сестры и брата», стр. 91, строка 2, вместо «И потому неправда, что

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
идеал Христа так высок, совершенен и недостижим, что мы не можем руководиться им» – «И потому неправда то, что мы не можем руководиться идеалом Христа, потому, что он так высок, совершенен и недостижим». После слов: «забава, увлечение», стр. 91, строка 15, вместо «которое можно поправить тем, что мы называем браком» – «которое необязательно поправить тем, что мы называем браком». После слов: «впадения в разврат», стр. 91, строки 20–21, вместо «А то ведь это всё равно» – «А это ведь всё равно». После слов: «Очевидно, что», стр. 91, строка 25, вместо «такой» – «тот». После слов: «Чем слабее моя рука», стр. 91, строка 36, вместо «тем нужнее мне совершенный образец» – «тем совершеннее мне нужен образец». После слов: «руководить его», стр. 91, строка 40, вместо «в его теперешнем возрасте» – «в теперешнем возрасте». После слов: «показывающий направление», стр. 92, строка 12, вместо «И то и другое» – «А и то и другое».

«ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ.»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ КОМЕДИИ «ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ»

За работу над пьесой, которая впоследствии получила название «Плоды просвещения», Толстой принялся под влиянием впечатления, испытанного им в 1880-х гг. от спиритического сеанса, бывшего в Москве на квартире Н. А. Львова, куда Толстой был приглашен по собственной инициативе. Н. А. Львов умер в 1887 г.; следовательно, этот сеанс происходил не позже этого года. На нем, кроме хозяина дома, медиума-любителя и Толстого, присутствовали еще П. Ф. Самарин, К. Ю. Милиоти и Н. В. Давыдов, описавший его.[381] На сеанс Толстой явился уже заранее недоверчиво и отрицательно настроенный к спиритизму. По словам Н. В. Давыдова, он в разговоре с ним еще до сеанса удивлялся тому, как люди могут верить в реальность спиритических явлений: «ведь это всё равно, – говорил он, – что верить в то, что из моей трости, если я ее пососу, потечет молоко, чего никогда не было и быть не может».[382] Сеанс не удался, и на следующий день Толстой подтвердил Давыдову свое мнение о спиритизме: в нем всё или самообман, которому поддаются и медиум и участники сеанса, или просто обман, устраиваемый профессионалами.[383]

Видимо, вскоре же после сеанса у Львова Толстой набросал два плана комедии. Предположение о том, что план комедии был набросан тотчас же после сеанса, находим в воспоминаниях Н. В. Давыдова.[384] Ряд данных заставляет почти с полной достоверностью утверждать, что работа над комедией была начата осенью 1886 г., одновременно или почти одновременно с работой над «Властью тьмы»; спиритический же сеанс на квартире у Н. А. Львова, на котором присутствовал Толстой, происходил, нужно думать, не позднее весны 1886 г.

Данные эти следующие. На недатированном листке почтовой бумаги, хранящемся в Толстовском архиве в Публичной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (папка XXXI) рукой Толстого сделан перечень десяти сюжетов, задуманных им. Здесь на третьем месте записано: «Месть надъ ребенкомъ». Нужно думать, что за этой записью скрывается замысел «Власти тьмы», начатой осенью 1886 г. На четвертом месте стоит «Богачъ», видимо, замысел переделки и окончания легенды Костомарова «Сорок лет», осуществленных также в 1886 г. На шестом месте – «Три загадки» – очевидно, замысел притчи, изложенной Толстым в письме к В. Г. Черткову от 20 июня 1887 г., исправленной им в начале июля того же года и позднее напечатанной под заглавием «Мудрая девица». На седьмом месте записано: «Комедия Спириты». Так пока-что называл Толстой будущие «Плоды просвещения», как явствует из этого перечня, задуманные не позднее 1886 г. к 1886 году нужно отнести и написание двух планов комедии (см. описание рукописей, относящихся к «Плодам просвещения», №№ 1 и 2).

В обоих планах еще нет заглавия комедии. Будущие Звездинцев и Сахатов фигурируют под фамилиями Львова и Самарина, т. е. теми самыми, какие носили живые участники сеанса, на котором присутствовал Толстой. Григорий, Шпюлер, переименованный затем в Гросмана, Василий Леонидыч, Бетси и ряд других персонажей комедии еще не названы. Зато в пьесе, судя по одному зачеркнутому месту, должен был быть выведен медиум Малчик, видимо, соответствовавший тому медиуму, который присутствовал на сеансе у Львова. В комедии он лишь упоминается под фамилией Капчича. В планах действует няня (Прасковья Афанасьевна по первому плану), соответствующая в комедии до известной степени камердинеру Федору Иванычу. В первом плане, до исправления его части, относящейся к 1-му действию, она является инициатором тех «спиритических» проделок с Семеном, благодаря которым мужики получают землю. В исправленном слое этого плана (1-е действие) и во втором плане проделки устраивает Таня, в соответствии с тем, что имеем и во всех редакциях комедии. Эта замена, в связи с тем, что второй план по содержанию вообще ближе к тексту обработанной комедии, и обуславливает собой ту

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e хронологическую последовательность, которая принята нами для обоих планов. Эта последовательность подтверждается и пометкой, сделанной рукой Т. Л. Толстой на оборотной стороне текста с планом, считаемым нами вторым: «1-е Действие, 4 раза переправлено. 1886. 16 ноября. Ясная». Действительно, как видно из описания рукописей, именно второй план заключал в себе третью и четвертую редакцию конспекта 1-го действия.

Как указано в описании рукописей (№ 3), автограф 1-го действия и начала 2-го комедии, которая здесь уже озаглавлена «Исхитрилась!», находится в одной тетради с автографом 1-го действия «Власти тьмы» и написан непосредственно вслед за ним одними и теми же чернилами, с почти тождественными особенностями почерка. 1-е действие «Власти тьмы» было написано в двадцатых числах октября 1886 г. [385] Видимо, вскоре же после этого, вероятно во второй половине ноября, Толстой написал 1-е действие и часть 2-го комедии «Исхитрилась!». В это время он был прикован уже около двух месяцев к постели после тяжелого ушиба ноги. В середине октября его навещал в Ясной поляне А. А. Стахович, читавший ему Островского и Гоголя. Чтение Стаховичем драматических произведений было мастерское, и оно побудило Толстого, как он сам признавался, судя по воспоминаниям Стаховича, взяться за писание пьесы. [386] Вероятно, Стахович и из Гоголя читал его драматические вещи. Из драм Островского Толстой особенно любил «Не так живи, как хочется», высоко ценил и «Ревизора» Гоголя. Возможно, что к писанию драмы его побудило чтение Островского, к работе же над комедией – Гоголя.

В январе 1887 г. уже прошли слухи о написании Толстым комедии. 30 января этого года В. В. Стасов писал Толстому: «Говорят, у вас написана еще какая-то комедия. Жду, не дождусь прочесть и эту вещь. Неужели в 1886 году у нас народилось не два новых Льва, [387] а три? Да всё что-то не верится». [388] Очевидно, Стасов услышал о работе Толстого над будущими «Плодами просвещения». Сам Толстой за несколько дней до представления «Плодов просвещения» в Ясной поляне в письме к Л. Ф. Анненковой от 25 [?] декабря 1889 г. писал: «Я кое-что пишу и между прочим совершенно неожиданно занялся комедией, которая у меня давно была набросана». (ГТМ). Слово «давно» достаточно определенно указывает на то, что речь идет о вещи, начатой за несколько лет до даты написания письма.

Черновой автограф 1-го действия значительно разнится от того, что намечено в обоих планах, а также от окончательного текста 1-го действия комедии. В нем отсутствуют еще следующие персонажи: артельщик от Бурдые, доктор, буфетчик Яков, Петрищев и мисс Брук, позднее замененная Марьей Константиновной. Эпизодически появляется старшая горничная, в следующих редакциях отсутствующая. В связи с этим количество явлений и сцен в автографе 1-го действия значительно меньше, чем в окончательном тексте того же действия. Отдельные сцены и реплики персонажей в подробностях также значительно разнятся от того, что читаем в окончательном тексте. Наиболее значительные особенности текста автографа по сравнению с окончательным текстом сводятся к следующему.

В начале действия Василий Леонидыч не зовет Григория и сам не появляется. Он появляется позднее и ведет разговор с Леонидом Федоровичем и с Бетси, затем исключенный из текста. С мужиками он почти не разговаривает. Таня сообщает мужикам, что им не удастся купить у барина землю, так как духи запрещают ему продать ее, и рассказывает им о том, что такое спиритизм (в окончательном тексте комедии об этом крестьяне узнают лишь во 2-м действии). Она же рассказывает мужикам, как она затягивает барыню. Собираясь помочь мужикам добыть землю, Таня просит отца Семена, чтобы в награду за это он позволил Семену жениться на ней. (В окончательном тексте Таня не ставит никаких условий, а обращается с просьбой помочь ей выйти замуж за Семена к Федору Ивановичу.) Барыня здесь появляется лишь эпизодически; она не волнуется оттого, что мужиков пустили в переднюю, не прогоняет их и не велит делать дезинфекцию. Леонид Федорович в конце концов соглашается отсрочить окончательное решение о продаже земли крестьянам до пятницы, тогда как в окончательном тексте он после совещания с духами категорически отказывает крестьянам в их просьбе. Речи мужиков значительно отличаются от тех речей, какими они говорят в окончательном тексте. 1-й мужик говорит обычной крестьянской речью, без всяких вычур; 2-й мужик не пользуется в своей речи пословицами, меткими выражениями и сравнениями, как в окончательном тексте; 3-й мужик участвует здесь в действии меньше, чем в окончательном тексте. О том, что земля у мужиков малая и т. д., говорит не он, а 2-й мужик. Фамилия «Львов» отсутствует; вместо Львова – Леонид Федорович; но фамилия «Самария» сохранена. Бетси, обращаясь к Василию Леонидычу, спрашивает: «Поедешь нынче к Капнистам?» Капнисты – семья, с которыми Толстые поддерживали в пору писания

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e комедии знакомство. Граф Павел Александрович Капнист в ту пору был попечителем московского учебного округа. В их доме собиралась и веселилась светская молодежь. Присутствие в тексте автографа, как и в планах комедии, фамилий знакомых Толстых указывает на то, что по первоначальному замыслу комедия для печати не предназначалась. [389] Об этом, впрочем, говорит и сам Толстой в письме к профессору Н. П. Вагнеру от 25 марта 1890 г. Оправдываясь перед Вагнером, полагавшим, что он изображен в фигуре профессора-спирита, и сильно этим огорчившимся (см. ниже), Толстой писал ему: «Эта комедия давно была мною написана начерно и заброшена; явилась же она на свет божий нечаянно: дочери попросили ее играть, я стал поправлять, никак не думая, что она пойдет дальше нашего дома, а кончилось тем, что она распространилась. Это оправдание слабое, но всё-таки оправдание: если бы я прямо задумал ее для печати, очень может быть, что я такую не издал ее». [390]

Для 2-го действия в первоначальном автографе было написано лишь 1-е явление и часть 2-го.

Действие происходит в людской. 2-й мужик говорит о своих семейных делах, затем является Таня, напоминает мужикам об уговоре и велит Семену просить сейчас же о женитьбе. На этом текст автографа обрывается.

Написав два плана пьесы, 1-е действие и часть 2-го, Толстой прервал на значительное время работу над комедией. В сохранившемся перечне неосуществленных еще замыслов, датированном концом 1888 г. (рукопись ГТМ), значится и комедия «Исхитрилась!».

Работу над комедией Толстой возобновил лишь в конце марта 1889 г., в то время как он гостил в имении кн. С. С. Урусова, в с. Спасском. Он привез туда корректуры статьи об искусстве и начатую «Крейцерову сонату», над которыми там и работал, но прежде всего он взялся за окончание комедии, которой посвятил почти без перерыва восемь дней, только два раза отвлекшись для работы над корректурами статьи об искусстве. 25 марта он записывает в дневник: «Начал поправлять «Исхитрилась». Эту запись нужно понимать, очевидно, так, что Толстой стал поправлять 1-е действие комедии, написанное давно и переписанное рукой С. А. Толстой (см. описание рукописей, № 4). (Написанное начало 2-го действия не было продолжено и в процессе работы отброшено.) Исправив 1-е действие, он в течение нескольких дней написал начерно остальные три. 26 марта, в связи с работой над комедией, в дневнике записано: «Встал рано, напился чая и стал писать. Довольно хорошо шло». 28 марта там же записано: «Занимался, писал комедию плохо». В следующие два дня в дневнике такие записи: «Сел писать. Всё так же плохо, хотя и много» и «Написал конец 3-го действия. Всё очень плохо». 1 апреля Толстой записывает: «Написал 4-й акт очень плохо... Вечером читал Урусову комедию, он хохотал, и мне показалось сносно». В тот же день он писал жене: «Все предшествующие дни я хотел кончить комедию и нынче дописал последний, 4-й акт, но до такой степени плохо, что даже тебе совестно дать переписывать. По крайней мере, с рук долой. И если захочется другой раз заняться этим, то буду поправлять». [391] Ту же неудовлетворенность написанной комедией Толстой высказал и в письме к В. Г. Черткову от 10 апреля того же года: «Кончил комедию, очень плохо» (АЧ).

Текст комедии в том виде, как он был написан и частью переработан в Спасском, представляет собой следующие особенности.

1-е действие было исправлено так, что оно во многом приблизилось к окончательной его редакции. В него между прочим введены новые персонажи – буфетчик Николай, позднее фигурирующий под именем Якова, приятель Василия Леонидыча Петров, позднее Петрищев (ему усвоены в разговоре с Бетси некоторые реплики, ранее произносившиеся Василием Леонидычем) и доктор; развита сцена встречи барыни с мужиками. Речи 1-го и 2-го мужиков также приближены к тем, какими они говорят в окончательной редакции комедии. 1-й мужик начинает употреблять витиеватые фразы, 2-й – уснащает свою речь пословицами и поговорками. Леонид Федорович окончательно отказывается подписать бумагу и возвращает ее мужикам, а не передает Тане.

Текст следующих действий в основном содержит в себе наиболее существенные моменты комедии, имеющиеся и в окончательной ее редакции. Последующая обработка пьесы свелась преимущественно не к коренным переделкам написанного, не к устранению отдельных ситуаций или существенных для развития действия персонажей,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
а лишь к пополнению текста новыми ситуациями, репликами и новыми персонажами, но так, что ни основной смысл пьесы, ни развертывание ее интриги, ни характеры персонажей не подверглись сколько-нибудь существенным изменениям.

В автографе 2-го действия еще отсутствуют такие персонажи, как старый повар, кучер, баронесса; попрежнему отсутствует мисс Брук, позднее замененная Марьей Константиновной. Фамилия гипнотизера еще не Гросман, а Шпюлер, и он говорит ломаным русским языком. Имя и отчество камердинера «Аркадий Кузмич» изменено на «Федор Иваныч» без соответствующего исправления в тексте 1-го действия. Семен, появляющийся в людской, еще не подвергался предварительным спиритическим опытам, как в окончательной редакции. Буфетчик Николай (позднее Яков) участвует в действии меньше, чем в окончательной редакции. В людскую вместе с Самариным (позднее Сахатовым) входит не Василий Леонидыч, а Петров (позднее Петрищев); они кладут в голенище 3-го мужика ключ (а не в его сумку чайную ложечку); эпизод шуточного обличения 3-го мужика в краже и самооправдания его отсутствует.

В 3-м действии сцена, в которой Бетси обнаруживает проделки Тани, в автографе отсутствует; поэтому Бетси, не очень заинтересованная в сеансе, вместе с Петровым уходит с него (Василий Леонидыч в этой сцене вовсе не упоминается); но, забыв о том, что Бетси и Петров ушли, Толстой заставляет их произнести во время сеанса по одной реплике. Речь профессора здесь гораздо короче, чем в окончательной редакции 3-го действия.

4-е действие значительно кратче того же действия в окончательной редакции. В нем отсутствует эпизод с шарадой; буфетчик, который здесь уже называется Яковым, действует и говорит меньше, чем в печатном тексте, нет разговоров лакеев о том, как господа относятся к заразам; в разговоре с Таней и Яковым барыня не бранит их. Нет сцены появления мужиков, так как они присутствуют с начала действия; однако их участие в действии минимально по сравнению с текстом окончательной редакции. Реплики персонажей здесь также значительно кратче, чем в печатном тексте. С другой стороны, в тексте действия есть сцена приставания Григория к Тане, запугивания ее и расправы Семена с Григорием. В сцене, соответствующей 5-му явлению печатной редакции, появляется офицер, ведущий беседу с Кисленским (позднее Коко Клингеном). Роль офицера впоследствии была уничтожена и слита с ролью Петрищева. Таня, желая оставить службу, обращается к посредству не Федора Иваныча, а экономки, персонажа позднее исключенного из пьесы. Роль дамы здесь – без слов, роль барина без слов отсутствует.

Написав в Спасском начерно комедию, Толстой охладел к ней и долго не принимался за ее обработку. Когда выяснилось, что «Крейцера соната», обещанная Толстым для готовившегося сборника в память С. А. Юрьева, запрещена цензурой к печати, Толстой пообещал вместо нее дать в сборник свою комедию и весной и летом 1889 года несколько раз принимался за ее обработку. Так, видимо к весне этого года относится работа над рукописью, описанной под № 5 и датированной рукой С. А. Толстой 29-м мая 1889 г. В письме к Н. Н. Ге-старшему от 24 июня этого года [392] он упоминает о работе над комедией. 8 июля в связи с этой работой он записывает в дневник: «Думал к комедии: один из мужиков остряк». 1 августа там же записано: «Взялся было за комедию, но противно и совестно».

Работа над пьесой была возобновлена Толстым лишь в декабре по инициативе его дочери Татьяны Львовны, только что вернувшейся из за границы и затеявшей в Ясной поляне домашний спектакль. Об этом Толстой пишет в цитированном письме к Л. Ф. Анненковой от 25 [?] декабря 1889 г.: «Таня дочь затеяла спектакль и попросила у меня [комедию]; я согласился и вот поправил ее кое-как, и вот они играют у нас на праздниках». (ГТМ). (Ср. о том же в упомянутом письме к Н. П. Вагнеру от 25 марта 1890 г.) К продолжению работы над комедией побуждал Толстого и домашний учитель А. М. Новиков, восхищавшийся каждой ее фразой и неоднократно очень усердно переписывавший ее. 12 декабря Толстой записывает в дневник: «Вчера Алексей Митрофанович восхищался моей комедией. Мне неприятно даже вспомнить».

Несмотря на полное охлаждение к своей пьесе и отрицательное отношение к задуманному спектаклю, как к ненужной затее богатых и праздных людей, Толстой всё же под влиянием уговоров молодежи взялся за обработку комедии, не переставая однако испытывать смущение и недовольство этой работой. Под 13–17 декабря он записывает в дневник: «Пробовал поправлять комедию. Остановился на середине 1-го акта». 18 декабря там же записано: «Немного поправлял нынче комедию, 1 акт. Нехорошо». 22 декабря в дневнике следующая запись: «Все три дня поправлял комедию. Кончил. Плохо. Приехало много народу, ставят сцену. Мне это иногда

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle тяжело и стыдно, но мысль о том, чтобы не мешать проявлению в себе божества, помогает». Съехавшаяся в Ясную поляну для участия в спектакле молодежь принялась за переписку текста комедии и отдельных ролей из нее. Исправленные тексты переписывались по несколько раз. Одновременно шли репетиции, на которых присутствовал Толстой и которые давали ему новый материал для исправлений и переработки текста комедии. Эти исправления и переработки иногда делались в применении к индивидуальности того или иного исполнителя роли. Так, талантливое исполнение роли 3-го мужа В. М. Лопатиным заставило Толстого уже в процессе репетиций переработать и увеличить эту роль; также в процессе репетиций была увеличена и роль профессора, исполнявшаяся Н. В. Давыдовым. Во время репетиций была задумана и роль старого повара (записи, относящиеся к ней – в записной книжке под 25 декабря 1889 г.), но в пьесе она была введена уже после яснополянского спектакля. Репетиции происходили и в Туле, где еще находилась часть участников спектакля. 27 декабря Толстой записывает в дневник: «Дети все уехали в Тулу репетировать. Тяжело от лжи жизни, окружающей меня, и того, что я не могу найти приема указать им, не оскорбив их, их заблуждения. Играют мою пьесу и, право, мне кажется, что она действует на них и что в глубине души им всем совестно и оттого скучно. Мне же всё время стыдно за эту безумную трату среди нищеты [...] Вчера была репетиция, пропасть народа, всем тяжело». Под 29–31 декабря в дневнике записано: «Всё время были репетиции, спектакль, суета, бездна народа, и всё время мне стыдно [...] Теперь 8-й час вечера, хочу написать письмо и, если успею, поправлять комедию».

Первое представление комедии в Ясной поляне состоялось 30 декабря 1889 г. До нас не дошел текст пьесы в той его стадии, в какой он исполнялся на яснополянской сцене. Он заключается в рукописях, описанных под №№ 8–11. Но текст этих рукописей, ранее исправленных Толстым, после представления 30 декабря подвергся новым авторским исправлениям, и мы в точности не можем разграничить разновременные стадии этих исправлений. Однако, руководствуясь воспоминаниями участников и зрителей яснополянского спектакля, [393] а также сохранившейся в Государственном Толстовском музее в Москве его афишей, мы можем указать главные особенности текста пьесы, разыгранной в Ясной поляне. Заглавие комедии было уже не «Исхитрилась!», а «Плоды просвещения». Роли артельщика от Бурдые, кучера и баронессы еще отсутствовали. Роль старого повара, предварительные записи к которой были сделаны в записной книжке уже 26 декабря, может быть, ко времени спектакля и была написана, но в спектакль не введена, очевидно, в виду краткости времени, оставшегося до спектакля. [394] Сцена встречи в 1-м действии доктора с Сахатовым была уже введена в текст комедии, хотя и не в той редакции, что в печатном тексте, но сцена, в которой Бетси обнаруживает проделки Тани, еще отсутствовала. Большинство имен действующих лиц звучало так же, как и в печатном тексте комедии, но вместо Гросмана еще фигурировал Шпюлер, говоривший ломаным русским языком с немецким акцентом и притом значительно меньше, чем в печатном тексте, вместо Марьи Константиновны – мисс Брук, произносившая английские фразы.

Участниками спектакля, кроме молодых Толстых, были их знакомые и друзья, большую часть «зеленая» молодежь. Некоторые из актеров были люди среднего возраста, как В. М. Лопатин и Н. В. Давыдов, режиссер спектакля. Особенно удачно выступал В. М. Лопатин, тогда мировой судья, впоследствии актер московского Художественного театра, талантливо проведший роль 3-го мужа. Как удачных исполнителей, авторы воспоминаний называют М. Л. Толстую – кухарку, А. М. Новикова – буфетчика Якова, С. А. Лопухина – Звездинцева, С. Э. Мамонову – толстую барыню, Н. В. Давыдова – профессора Кругосветлова, Т. Л. Толстую – Таню.

Непосредственно вслед за постановкой «Плодов просвещения» на яснополянской сцене Толстой взялся за их переделку и дополнение. Как видно из приведенной записи дневника от 31 декабря, за дальнейшую работу над комедией Толстой принялся на следующий же день после спектакля. Дальнейшие записи дневника, относящиеся к этой работе, следующие. – 3 января 1890 г.: «1-го целый день поправлял комедию, недурно». 4 января: «Грустил о своей дурной жизни и – странное дело – всё придумывал подробности к комедии – недурные». 5–9 января: «Два дня возился с комедией – всё вписывал то, что приходило в голову. Странное художественное увлечение». 11 января: «Опять комедию». 13 января: «Я поправлял комедию». 14 января: «Были Янжул, Стороженко, Самарины, Давыдов, Раевская. Я им читал комедию». 18 января: «Вчера переписывал комедию, а нынче взял опять исправлять. Она плоха». 19 января: «Поправлял комедию и кончил. Плоха комедия». 20 января: «Утром ходил один, и опять пришли разные пустяки о комедии, которые и стал вписывать». 21 января: «Поправлял комедию [...] Странное дело – эта забота о

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
совершенстве формы. Не даром она. Но не даром тогда, когда содержание доброе. Напиши Гоголь свою комедию грубо, слабо, ее бы не читали и одна миллионная тех, которые читали ее теперь. Надо заострить художественное произведение, чтоб оно проникло. Заострить – и значит сделать ее совершенной художественно. Тогда оно пройдет через равнодушие и повторением возьмет свое». 22 января: «Встал рано, поправлял всё утро комедию. Надеюсь, что кончил». 24 января: «Утро поправлял комедию всю сначала. До самого обеда не кончил». 25 января: «Поправлял, сколько помнится, комедию, 4-й акт. Вечер разговаривали и прочел комедию.[395] Всё тщеславие». 7–9 февраля. «Поправлял комедию». 10 февраля: «Переписывали комедию» (Последняя запись, очевидно, обозначает, что в переписке принимал участие и сам Толстой.)

О работе над пьесой Толстой в это время упоминал и в письмах к своим друзьям. 15 января он писал Черткову: «Последнее время комедия, которую у нас играли, так захватила меня, что я более 10 дней всё ею занимался, исправлял, дополнял ее с художественной точки зрения. Вышло всё-таки очень ничтожное и слабое произведение, но дело в том, что я на этом увидал, какое это унижающее душу занятие – искусство. Человеку нынче, завтра умереть, и вдруг он озабоченно записывает фразу, которая в духе известного лица и смешна; и радуешься, что нашёл. Вообще было совестно, но теперь кажется, кончил» (АЧ). 17 января Толстой писал П. И. Бирюкову: «По случаю игры комедии я всё время поправлял ее и даже после исправлял ее. Очень низкое и увлекающее занятие» (АТ). В тот же день он писал В. В. Рахманову: «Занимался глупостями, исправлял комедию» (ИРЛ). В письме к Н. Н. Ге-младшему от 10–18 февраля Толстой пишет: «Я, помяная вас, как вы смеялись, дописал комедию, и совестно» (ИРЛ).

В записные книжки Толстой вносил многочисленные записи отдельных ситуаций, реплик и слов, относящихся к работе над «Флодами просвещения». Из этих записей одна относится к 9–10 апреля 1889 г., остальные – ко времени от 18 декабря 1889 г. до 11 февраля 1890 г. В огромном большинстве случаев они использованы в тексте комедии; неиспользованные записи имеют второстепенное значение.[396]

После яснополянского спектакля в текст пьесы постепенно были введены следующие дополнения и исправления. В состав действующих лиц вошел старый повар и затем артельщик от Бурдые, мисс Брук заменена Марьей Константиновной, введена роль кучера, увеличены роли Шпюлера и профессора, введена сцена, в которой Бетси обнаруживает проделки Тани, в 4-е действие введен эпизод с шарадой,[397] названа фамилия профессора – «Кутлер», исправленная затем на «Кутлеров» и окончательно в списке действующих лиц замененная фамилией «Кругосветлов»; фамилия Шпюлер исправлена на «Гросман», введена роль баронессы; количество явлений в отдельных актах увеличено. (Работа над текстом комедии показана в описании рукописей, относящихся к ней.)

Точное количество редакций текста «Флодов просвещения» не может быть определено, так как одна и та же рукопись часто исправлялась несколько раз и, следовательно, заключает в себе, по меньшей мере, две редакции, если под редакцией понимать всякую переделку текста, хотя бы и не меняющую существенно общего смысла произведения и его композиции (так именно и протекала работа Толстого над «Флодами просвещения»). Во всяком случае, таких редакций всей пьесы в целом было не менее 7-ми – 8-ми, считая и те исправления, которые были сделаны в корректуре. Из всех персонажей комедии в процессе работы над ней наиболее существенной обработке и даже переработке подвергся Шпюлер, переименованный в одной из последних редакций в Гросмана. В первых редакциях это немец, говорящий ломаным русским языком, скорее спирт, чем гипнотизер (он назван спиритом между прочим в списке действующих лиц, написанном рукой С. А. Толстой), нигде не рекомендуемый в качестве известного и популярного отгадывателя мыслей. Постепенно он вырисовывается именно как известный гипнотизер, угадыватель мыслей. Количество и размер его реплик увеличивается, речь становится «ученой» и пересыпается ссылками на западно-европейских теоретиков гипнотизма; ломаный русский язык заменяется обычной разговорной речью и, наконец, фамилия «Шпюлер» заменяется фамилией «Гросман», с ремаркой; «брюнет еврейского типа».

Несомненно, развитие роли Шпюлера и превращение Шпюлера в Гросмана произошло в результате знакомства Толстого с очень известным и популярным в ту пору гипнотизером О. И. Фельдманом.[398] Когда Толстой в Спасском писал продолжение комедии, в котором выступает Шпюлер, он еще не знал Фельдмана или, может быть, знал его лишь по наслышке. Но вернувшись из Спасского в Москву, он вскоре же познакомился с ним. Фельдман был у Толстого дважды – в апреле 1889 г. 17 апреля

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
этого года Лев Николаевич записывает в дневник: «Пришел фельдман, гипнотизер. Шарлатанство, а что не шарлатанство, то не нужно. Свел его к Гроту», 29 апреля в дневнике записано: «После завтрака был фельдман. Пустяки».

Толстой заинтересовался нашумевшим гипнотизером и, как видим, даже отправился с ним к председателю психологического общества Н. Я. Гроту, с тем чтобы Грот устроил заседание общества с участием фельдмана. Когда фельдман в 1891 г., напоминая о своих визитах, обратился к Толстому с письменной просьбой принять у себя одну психически расстроенную девушку, полагая, что это может иметь благотворное влияние на больную, Толстой, отказав в этой просьбе, писал фельдману: «Ваше напоминание о нашем свидании было излишне, потому что я очень хорошо помню приятное и интересное знакомство с вами». [399] В процессе обработки комедии Толстой однако лишь постепенно наделял своего персонажа-гипнотизера чертами сходства с фельдманом. Последним штрихом, устанавливавшим это сходство, было усвоение гипнотизеру – персонажу комедии, фамилии созвучной с фамилией реального гипнотизера и ремарки «брюнет еврейского типа» (фельдман был еврей). [400] Современники же сразу усмотрели в фигуре Гросмана черты популярного гипнотизера, и актер московского Малого театра Гарин-Виндиг, игравший в «Плодах просвещения» роль Гросмана, загримировался под фельдмана, который после этого написал ему резкое письмо и привлек его к суду.

Как сказано выше, и другие персонажи комедии носят на себе черты портретного сходства. Таковы прежде всего Звездинцев и Сахатов, прототипами для которых послужили Н. А. Львов и П. Ф. Самарин. В ранних редакциях пьесы вместо барона Коко Клингена фигурирует Кисленский. Прототипом его был, очевидно, Николай Андреевич Кислинский, сын председателя тульской губернской земской управы – знаменитого Толстого. Прототипом мисс Брук была, вероятно, гувернантка Толстых мисс Лейк, а Марьи Константиновны – жившая в доме Толстых в Ясной поляне с 1887 г. учительница музыки, консерваторка Екатерина Николаевна Кашевская.

Участник спектакля А. В. Цингер сообщает, что в толстой барыне узнавали жену поэта А. А. Фета – Марью Петровну. [401] Другой участник спектакля, непрестанно следивший за процессом создания пьесы, А. М. Новиков пишет: «В пьесе оказалось много тонко подмеченных черт быта Толстых, Раевских, Трубецких, Самариных, философских и других знакомых мне дворянских помещичьих семей». И далее: «Пьеса была живым изображением жизни тогдашнего высшего дворянства, даже фамилии действующих лиц были сначала взяты из действительной жизни... Игнали этих действующих лиц как раз те или почти те, с кого они были списаны (даже прислуга – Яша, Федор Иванович, лакей, повар – служили в доме Толстых)». [402] Как указано в описании рукописей фамилия профессора звучала сначала Кутлер, затем Кутлеров, т. е. созвучно с фамилией знаменитого химика и в то же время спирита академика и профессора – А. М. Бутлерова, умершего в 1886 г. Когда друг А. М. Бутлерова – профессор – зоолог Н. П. Вагнер, убежденный спирит, прослушал в заседании русского литературного общества 12 марта 1890 г. комедию Толстого, ходившую уже в списках по рукам, он в наброске профессора Кругосветлова (тогда фамилия профессора звучала уже так) усмотрел издевательство над собой и Бутлеровым и по этому поводу 13 марта отправил Толстому резкое укорительное письмо, в котором писал: «Вчера я был в заседании Русского литературного общества и слушал вашу комедию «Плоды просвещения». Я пошел слушать это произведение, не веря тому отзыву, который был помещен в «Новом времени». Я говорил себе: «Не может быть! Не может быть, чтобы такой громадный талант, как Толстой, унизил себя до пасквиля на профессоров и ученых. К крайнему сожалению, это оказалось правда! Мне тяжело и больно было слышать, как вы с обычным вам художественным мастерством глумились надо мной и моим покойным другом А. М. Бутлеровым» (АТ). Вагнер был личным знакомым Толстого и, как видно из следующего его письма от 17 апреля (АТ), за несколько лет перед этим беседовал с ним по вопросам спиритизма, тщетно стараясь убедить его в том, что «спиритизм – истина».

В ответ на это письмо в своем письме от 25 марта Толстой просил у Вагнера прощения за доставленное ему огорчение. Свидетельствуя ему свое уважение и любовь и объясняя историю появления комедии на свет (см. выше), писал: «О вас и о Бутлерове я никогда не думал, пиша комедию. Про Бутлерова всё, что я знал, внушало мне уважение к нему, к вам я уже говорил вам, какие я имею чувства. Профессор же является как олицетворение того беспрестанно встречающегося комического противоречия: исповедание строгих научных приемов и самых фантастических построений и утверждений». Оправдывая себя всё увеличивающимся с годами отвращением ко всякого рода суевериям, к которым причислял и спиритизм, Толстой в заключение письма говорит: «Я скажу, как дети: простите, это в первый

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle и последний раз, последний раз потому, что раз высказавшись, я уже не буду никогда впредь говорить с вами о спиритизме, а, если вы не лишите меня своей дружбы и общения, буду общаться с вами теми сторонами, которые у нас согласны». [403]

Работа над отделкой комедии продолжилась, видимо, до апреля 1890 г., а затем в мае и в июне, во время правки корректур. Как видно из письма к Толстому Н. И. Стороженко от 26 апреля 1890 г. (АТ), он накануне получил рукопись «Флодов просвещения», предназначенную для напечатания в сборнике в память С. А. Юрьева. Эта рукопись, содержащая в себе текст последней – докорректурной редакции комедии и, весьма вероятно, собственноручно исправленная Толстым, до нас не дошла. В записях его дневника от 18 и 25 мая и 14 июня упоминается о правке им корректур «Флодов просвещения». Те второстепенные по преимуществу, хотя и довольно многочисленные текстовые отличия, которые существуют между текстом рукописей, описанных под №№ 20–23 (последняя из дошедших до нас рукописных редакций комедии), и печатным текстом комедии, явились в результате работы над пьесой, которая была проделана в тексте, отданном в печать, и в корректурах. Последняя корректура «Флодов просвещения» в верстке до нас не дошла.

Впервые «Флоды просвещения» были напечатаны, видимо без каких-либо цензурных изъятий, в книге «В память Юрьева. Сборник, изданный друзьями покойного». М. 1891, стр. 1–95. В том же году пьеса была перепечатана в тринадцатой части сочинений Толстого (М. 1891).

Но еще до появления в печати комедия стала достоянием читателей и зрителей. Она ходила в списках в редакции, представленной текстом рукописей, описанных под №№ 20–23. (Один из таких списков сохранился в рукописном отделении ГТМ.) Имея в виду такие списки, Толстой писал П. С. Алексееву 9 апреля 1890 г. в связи с запросами переводчиков, обращенными к Алексееву: «По настоящему комедия, которая ходит по рукам, не готова к печати и потому к переводу. Когда она будет печататься (я думаю в сборнике Юрьева), тогда пусть переводят, если думают, что это нужно» (ГТМ).

Успех спектакля в Ясной поляне побудил Н. В. Давыдова просить у Толстого разрешения поставить «Флоды просвещения» в Туле, платно, в пользу исправительного приюта. Толстой согласился с условием, что Давыдов возьмет на себя хлопоты перед драматической цензурой о постановке пьесы на сцене. Благодаря связям Давыдова при дворе, комедия, встретившая первоначально в цензуре настороженное к себе отношение только потому, что ее написал Толстой, была вскоре разрешена к постановке с исключением из текста лишь нескольких слов, в том числе слова «монах», которое прилагалось к имени являющегося на спиритические сеансы Звездинцева духа Николая.

Спектакль был поставлен в апреле 1890 г. в зале дворянского собрания силами актеров-любителей, частично и участников яснополянского спектакля. [404] На одну из репетиций пьесы 12 апреля пришел из Ясной поляны Толстой, отметивший это посещение в дневниковой записи 13 апреля: «Вчера пошел после обеда в Тулу и был на репетиции. Очень скучно. Комедия плоха – дребедень». 19 апреля того же года «Флоды просвещения» были поставлены в Царском селе, в Китайском театре, в пользу бедных города, также силами любителей из аристократических слоев общества, преимущественно царскосельского. Судя по афише спектакля, в тексте пьесы, поставленной в Царском селе, еще отсутствовали роли артельщика от Бурдые и старого повара. На спектакле присутствовали государь с государыней, великие князья с семьями и столичная знать. [405]

Несмотря на то, что драматическая цензура разрешила «Флоды просвещения» к представлению, главное управление по делам печати отменило это разрешение. 26 апреля 1890 г. министр внутренних дел Дурново представил Александру III следующий доклад:

«Пьеса графа Льва Николаевича Толстого «Флоды просвещения» была одобрена драматической цензурой, не нашедшей в ней ничего предосудительного, но главное управление по делам печати приостановило ее в виду толков в некоторых кругах общества, будто автор намеревался осмеять в этой комедии дворянское сословие. Признано было более благоразумным выждать, какое впечатление произведет эта пьеса на публику, для которой она не могла оставаться долго тайной. В настоящее время опыт уже сделан, ибо новое драматическое произведение графа Толстого было

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
разыграно в Москве и некоторых других городах на любительских театрах, а в газетах появились подробные о ней отчеты, причем вовсе не обнаруживается, чтобы общество усмотрело в ней зlostный и оскорбительный для целого сословия памфлет. На основании сего представляется, кажется, возможным разрешить пьесе «Флоды просвещения» для сцены, тем более, что запрещение, лежащее на ней, придает ей искусственно значение, какого она в сущности не заслуживает».

На этом же докладе рукой министра внутренних дел Дурново написано решение Александра III: «Его величество изволит находить эту пьесу неудобною для сцены, на любительских же театрах она может быть разрешена». В виду этого главное управление по делам печати 28 апреля 1890 г. разослало всем губернаторам подписанный Е. М. Феоктистовым циркуляр, запрещающий постановку в театрах «Флоды просвещения» и разрешавший ее к исполнению только на любительских спектаклях. Когда по недосмотру местной власти «Флоды просвещения» были поставлены в марте 1891 г. в харьковском драматическом театре, циркуляром того же Феоктистова от 11 марта 1891 г. было вновь подтверждено запрещение ее постановки в театрах, с разрешением, как и прежде, лишь любительских постановок, но на этот раз с оговоркой: «по усмотрению гг. губернаторов». Постановка «Флоды просвещения» была разрешена сначала лишь в императорских театрах (26 сентября 1891 г. они были поставлены в Александринском театре). С ноября 1893 г. пьеса к постановке в провинции разрешалась в каждом отдельном случае. И только в апреле 1894 г. был разослан общий циркуляр о разрешении «Флоды просвещения» во всех столичных и провинциальных театрах. [406]

Печатаемая в настоящем издании текст комедии по сборнику «В память С. А. Юрьева», в списке действующих лиц исправляем явную опечатку: «Барыня (без слов)» на «Барин (без слов)». В комедии вовсе не фигурирует «барыня без слов», в 14-м же явлении 4-го действия появляется «Барин пожилой» без слов. Появление барина (а не барыни) отмечено собственноручно Толстым в рукописи № 5.

В 17-м явлении 1-го действия, стр. 109, строка 4, «Аксиньи солдатки» исправляем на «Аксиньи солдатки покойной» по рукописи № 4. В 14-м явлении 2-го действия, стр. 172, строки 18–20, «из носу течет» исправляем на «из носу сопли текут» и «Из носу-то течет» на «Сопли-то текут» – по наборной рукописи № 28. Чтения печатного текста принадлежат С. А. Толстой, сделавшей соответствующие поправки в корректуре (№ 29), очевидно, из соображений благопристойности. В 16-м явлении того же действия, стр. 179, строка 12, написание «Рождества» исправляем на «Рождства», – по рукописи № 4. В 19-м явлении 3-го действия в реплике, произносимой Гросманом: «Как вы желаете, чтоб я усыпил субъект» слово «субъект» исправляем на «субъекта» – по рукописи № 22. Искажения вкравлись в результате промахов переписчиков.

Сокращенное обозначение действующих лиц, принятое в тексте сборника «В память С. А. Юрьева», всюду заменяем полным.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ И КОРРЕКТУРЫ, ОТНОСЯЩИХСЯ К «ПЛОДАМ ПРОСВЕЩЕНИЯ»

Все рукописи, относящиеся к «Флодам просвещения», за исключением наборной рукописи, хранящейся в Государственном Литературном музее (шифр 2457/5), и небольшой вставки в несколько строк к 30-му явлению 1-го действия, хранящейся в Государственном Толстовском музее в Москве (папка 19), хранятся в Архиве Толстого в Публичной библиотеке СССР им. В. И. Ленина – папки XXX, 28, 44 и 45. Корректур «Флоды просвещения» в гранках хранятся в Государственном Литературном музее (шифр 2457/3).

1. Автограф на 1 листе *in folio*, исписанном до конца с одной стороны. План всех четырех действий комедии. Судя по цвету чернил и по содержанию, в нем были сделаны исправления и приписки, относящиеся к первому действию, после того как был написан план первых двух действий.

2. Автограф на 1 листе *in folio*, исписанном не до конца с одной стороны. План первых трех действий комедии. Судя по цвету чернил и по содержанию, в нем были сделаны исправления и вставки, после того как он был написан целиком. На оборотной стороне листа рукой Т. Л. Толстой написано: «1-е действие. 4 раза переправлено» и поставлена дата – «1886, 16 ноября. Ясная».

Печатаем оба плана целиком, воспроизводя все существенное из зачеркнутого.

3. Автограф 1-го действия и начала 2-го комедии, озаглавленной здесь

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e
«Исхитрилась!» Занимает лицевые и оборотные стороны листов 12–21 и 27
переплетенной в коленкор тетради и 34 нумерованных листа плотной бумаги в 4°. Текст поделен на явления. В середине текста 1-го действия – план его окончания. На переплете наклеена полоска бумаги, на которой рукой С. А. Толстой написано: «Рукопись драмы «Власть тьмы» и начало неоконченной и неизданной комедии «Исхитрилась». На первых 11-ти листах этой тетради – автограф 1-го действия «Власти тьмы»; листы 22–26 и 28–34 – чистые. На лицевой стороне 12-го листа рукой Толстого написано: Дѣйствіе I. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ «Исхитрилась!» На оборотной стороне этого листа его же рукой сверху страницы написано: Дѣйствующія лица и внизу ее – Дѣйствіе происходитъ въ Петербургъ. Пространство между этими двумя записями не заполнено. Сбоку на полях, против слов 2-го мужика, сделана характеристика всех трех мужиков:

1-й мужикъ – разговорщикъ, поддакиваетъ. 2-й – Семеновъ отецъ – угрюмый, прямой, грубый. 3-й – тихій, кроткій, отъ товарищей не отставалъ.

Ниже, также на полях, после ремарки об уходе наверх Василия Леонидыча, написан план окончания 1-го действия, затем зачеркнутый:

Таня выговариваетъ согласіе отца. Ее зовутъ затягивать. Барыня съ дочкой сходятъ, гримасничаютъ с братомъ, бранят мужиковъ. Выходитъ баринъ. Отказъ. Мужики уходятъ. Таня встречается барина въ сѣняхъ. О Семень. Приходитъ Семень съ запиской. Баринъ уходитъ. Таня ему велитъ. Онъ целуетъ.

В левом верхнем углу той же оборотной страницы написано:

У меня силы нынче, духи. Я тебя такъ располохну. Идетъ жаловаться барину. Семень отосланъ [?].

Из текста этого автографа извлекаем варианты № 1 (1-е действие, л. 16) и № 2 (всё начало 2-го действия, л. 27).

4. Рукопись на 36 нумерованных листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой С. А. Толстой и Толстого. Исправленная автором копия автографа первого действия комедии, описанного выше, и вслед за ней автограф следующих трех действий. На обложке рукой С. А. Толстой написано: «Исхитрилась. 2-я черновая. Май 1889 г.» и рукой Толстого внизу: «Проба пера». На следующем листе, на лицевой его стороне, рукой Софьи Андреевны повторено заглавие и рукой Толстого написано: «Какъ бы смотрѣли на человѣка, котораго всетаки надо съѣсть». На оборотной стороне этого листа перечень действующих лиц 1-го действия, написанный рукой С. А. Толстой. Текст этой рукописи, представляющий собой первую черновую редакцию всей комедии, печатаем целиком.

5. Рукопись на 60 большей частью нумерованных листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой М. Л. и С. А. Толстых, с исправлениями и дополнениями на отдельных вставных листах рукой Толстого. В ремарках, переписанных рукой С. А. Толстой, сделаны некоторые добавления по сравнению с текстом рукописи № 4. Исправления в первом действии, судя по цвету чернил, производились дважды. Копия предыдущей рукописи. На лицевой стороне 1-го листа (обложке) написанное рукой М. Л. Толстой заглавие комедии («Исхитрилась!»), на оборотной – перечень действующих лиц ее же рукой и рукой С. А. Толстой. Рядом с именами персонажей комедии рукой Т. Л. Толстой записаны карандашом имена исполнителей ролей. В конце текста рукой С. А. Толстой дата 29 мая 1889 г. Исправления очень многочисленны. Большая часть из них касается частности комедии. Из более значительных дополнений нужно отметить введение эпизода, соответствующего 5-му явлению 2-го действия (беседа Сахатова с доктором, совершенно отличная от той, какую имеем в окончательной редакции, см. вариант № 3), эпизода с Таней, Григорием и Федором Ивановичем, в следующей рукописи исключенного (см. вариант № 4), и эпизодов, соответствующих явлениям 8-му и 10-му 4-го действия. Эпизод, в котором Таня рассказывает мужикам о затягивании ею барыни, Толстой перенес из 1-го действия во 2-е, сделав в соответствующем месте в тексте 2-го действия отметку: «сцена о затягиваніи». У ряда персонажей изменены их фамилии и имена. Так, фамилия «Самарин» исправлена сначала на «Сахарин», затем на «Сахаров» и, наконец, на «Сахатов»; имя и отчество этого персонажа, обозначенное сначала лишь буквами П. Ѳ. (инициалы имени и отчества Петра Федоровича Самарина), исправлено на «Сергей Иванович». фамилия «Петров» исправлена на «Петрищев». Этот же персонаж заменил собой офицера в 5-м явлении 4-го действия, но здесь он, по забывчивости, Толстым вновь назван Петровым. фамилия «Кисленский» заменена фамилией «Клинген» и добавлено

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle его имя «Коко». Имя и отчество Шпюлера – «Трифон Никифорович» заменено другим – «Антон Борисович»; имя и отчество профессора – «Виктор Александрович» исправлено на «Алексей Владимирович». Имя буфетчика «Николай» всюду переделано на «Яков». В 1-м действии введен новый персонаж – компаньонка Бетси – мисс Брук (позднее вместо нее фигурирует Марья Константиновна); в 4-м действии введен барин без слов и устранен один эпизодический персонаж – экономка; устранена сцена приставания Григория к Тане и следующая за нею сцена расправы Семена с Григорием (вместо этого – жалоба Григория барыне на Семена); добавлено рассуждение лакеев об отношении господ к заразам.

6. Рукопись на 37 нумерованных листах (2 чистых) в 4° (две ученические тетради), исписанных с обеих сторон рукой Т. Л. Толстой, без поправок рукой Толстого. Копия части предыдущей рукописи. Заключает в себе полностью два первых действия и пять явлений 3-го. Привлекаем эту рукопись на том основании, что она воспроизводит лишь первый слой поправок, сделанных в первом действии, и таким образом помогает отграничить этот первый слой от второго. Текст второго и части третьего действия списан с текста, еще не исправленного Толстым. В копии несколько отступлений от оригинала в ремарках и в перечне действующих лиц.

7. Рукопись на 18 листах (два чистые) в 4° (расшитая ученическая тетрадь), исписанных рукой Т. Л. Толстой и А. М. Новикова и исправленных рукой Толстого. Копия первых и последних явлений 1-го действия по рукописи, описанной под № 5. Первые 11 листов не нумерованы, остальные 7 – нумерованы рукой Толстого по страницам (5–18). 7 листов из этой рукописи переложены в рукопись, описанную под № 8. Помимо ряда исправлений, в тексте сделаны сокращения, дополнения и перестановки отдельных явлений. В явление 2-е введен между прочим голос Василия Леонидыча за сценой и написано явление 4-е.

8. Рукопись на 30 нумерованных листах в 4° (ученическая тетрадь с вложенными в нее страницами), исписанных с обеих сторон рукой А. М. Новикова и М. Л. Толстой и исправленных рукой Толстого черными и красными чернилами. Ремарки подчеркнуты красным карандашом. Текст 1-го действия. Первые четырнадцать явлений в рукописи представляют собой копию соответствующей части рукописи, описанной под 7, остальные – соответствующей части рукописи № 5 и остальной части рукописи № 7. 7 листов, как указано, переложены сюда из рукописи № 7. Одного листа недостает. Заглавие «Исхитрилась!» зачеркнуто и вместо него рукой Толстого написано: «Плоды просвещения». Многочисленные исправления в рукописи сделаны большей частью в направлении к окончательной редакции пьесы. Здесь впервые введена сцена, соответствующая 61-му явлению в окончательной редакции (Таня просит Федора Ивановича помочь ей выйти замуж за Семена).

9. Рукопись на 20 нумерованных листах в 4° (два чистые), в тетрадной обложке, исписанных с обеих сторон рукой С. А. Толстой и А. М. Новикова, с исправлениями и дополнениями на трех вставных листах рукой Толстого черными и красными чернилами. В нумерации допущена ошибка: вслед за цифрой 11 идет цифра 13. Ремарки подчеркнуты красным карандашом. Текст 2-го действия. Копия текста того же действия по рукописи, описанной под № 5; эпизод с затягиванием, перенесенный сюда из 1-го действия, переписан по той же рукописи. В ремарках, переписанных рукой С. А. Толстой, несколько лишних слов, не входящих к оригиналу. Исправления и перестановки, сделанные в рукописи, сделаны большей частью в направлении к окончательной редакции 2-го действия. Здесь впервые введена фигура старого повара и написан текст, соответствующий концу 11-го и большей части 12-го явлений в окончательной редакции.

10. Рукопись на 18 нумерованных листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой С. А. Толстой, А. М. Новикова и Т. Л. Толстой и исправленных рукой Толстого черными и красными чернилами. Ремарки подчеркнуты красным карандашом. Текст 3-го действия. Копия текста того же действия по рукописи, описанной под № 5. Исправления сделаны в направлении к окончательной редакции. Извлекаем отсюда сцену (вариант № 5), в следующей редакции зачеркнутую и находившуюся между явлениями 3-м и 4-м (применительно к окончательной редакции).

11. Рукопись на 12 нумерованных листах в 4° (один чистый), исписанных большей частью с обеих сторон рукой М. Л. Толстой и А. М. Новикова и исправленных рукой Толстого черными и зелеными чернилами. Ремарки подчеркнуты красным карандашом. Текст 4-го действия. Копия текста того же действия по рукописи, описанной под № 5. Исправления сделаны в направлении к окончательной редакции. На последнем листе, в конце текста, на полях рукой Толстого помечено: «По той рукописи

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe поправить».

12. Рукопись на 22 нумерованных листах в 4° (один урезан) (расшитая ученическая тетрадь в обложке). Исписана с обеих сторон рукой А. М. Новикова и исправлена рукой Толстого. Текст 1-го действия. Копия рукописи, описанной под № 8. 18 листов отсюда переложены в рукопись, описанную под № 17. В тексте многих ремарок переписчиком сделаны отступления от оригинала с целью уточнения их. Исправления сделаны в направлении к окончательной редакции. В этой рукописи впервые в комедию введена фигура артельщика от Бурдые. Мисс Брук заменена Марьей Константиновной и в соответствии с этим английские фразы, произносившиеся Брук, – русскими; написаны сцены, соответствующие явлениям 43-му и 47-му в окончательной редакции (хрюканье Василия Леонидыча и уход артельщика). Извлекаем отсюда вариант № 6.

13. Рукопись на 9 большей частью нумерованных листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой неизвестного (а), А. М. Новикова и А. В. Цингера, с исправлением рукой Толстого черными и фиолетовыми чернилами. Текст 2-го действия, без начала, конца и с большими пропусками в середине. Большая часть недостающего перенесена в рукопись, описанную под № 18, часть утеряна. Некоторые листы этой рукописи, будучи переписаны и исправлены, вновь переписаны и вновь исправлены. Часть впервые исправленных листов вшита в рукопись № 18. Листы, впервые исправленные, являются копией текста рукописи, описанной под № 9. Исправления – в направлении к окончательной редакции. Здесь впервые введена фигура кучера и написан текст, соответствующий 3-му явлению 2-го действия в окончательной редакции. Ломаная речь Шпюлера заменена обычной; количество его реплик увеличено; он говорит более пространно, ученым языком; гвоздь, попадающий в сапог к мужикам, заменен ложечкой, попадающей в сумку.

14. Рукопись на 10 нумерованных листах в 4° (один урезан) (расшитая ученическая тетрадь с вложенными в нее листами). Исписана с обеих сторон рукой Т. Л. Толстой, С. Э. Мамоновой и А. М. Новикова и исправлена рукой Толстого. Текст 3-го действия. В середине недостает много листов, переложённых в рукописи, описанные под №№ 19 и 22. Копия текста по рукописи, описанной под № 10. Исправления – в направлении к окончательной редакции. На отдельном вставном листе здесь написана рукой Толстого сцена, в которой Бетси обнаруживает проделки Тани; она соответствует 8-му явлению в окончательной редакции.

15. Рукопись на 1 листе в 4°, исписанном с обеих сторон рукой М. К. Рачинской и исправленном рукой Толстого. Конец 5-го явления, 6-е и начало 7-го явления 4-го действия. Здесь рукой Толстого написана сцена с шарадой. Первоначально этот лист входил в состав рукописи, описанной под № 16, но затем, будучи переписан, удален из нее и заменен переписанным.

16. Рукопись на 20 листах в 4°, из которых один урезан (ученическая тетрадь с вложенными в нее листами). Все листы, кроме одного, нумерованы. Исписана с обеих сторон рукой М. К. Рачинской и А. М. Новикова и исправлена рукой Толстого черными и фиолетовыми чернилами. Более крупные исправления переписаны переписчиками, и переписанное наклеено на текст, написанный рукой Толстого. Текст 4-го действия. Вместе с листом, описанным под № 15, данная рукопись – копия рукописи, описанной под № 11. Ремарки переписаны с отступлениями от оригинала. Исправления сделаны большей частью в направлении к окончательной редакции. Рукой М. Л. Толстой в рукопись нанесены исправления, сделанные рукой Толстого карандашом в тексте рукописи, описанной под № 23.

17. Рукопись на 47, частью нумерованных, частью нумерованных листах в 4° (два листа урезаны), в тетрадной обложке, исписанных с обеих сторон рукой А. М. Новикова и М. Л. и С. А. Толстых и исправленных рукой Толстого черными и зелеными чернилами. Более крупные исправления здесь переписаны переписчиками, и переписанное наклеено на текст, написанный рукой Толстого. Текст 1-го действия. Данная рукопись составила из 18 листов, переложённых в нее из рукописи, описанной под № 12, и из копии текста листов, оставшихся в рукописи № 12. В тексте ремарок – отступления от оригинала. Исправления в большинстве – в направлении к окончательной редакции. Рукой М. Л. Толстой в рукопись нанесены исправления, сделанные рукой Толстого карандашом в тексте рукописи, описанной под № 20. Видимо, ее же рукой зачеркнуты некоторые приписки Толстого, переписанные в рукописи № 20 и там, очевидно, автором зачеркнутые. В этих приписках названа фамилия профессора – сначала Кутлер (один раз), затем Кутлеров (2 раза). Извлекаем из этой рукописи вариант № 7, соответствующий 34-му явлению

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
1-го действия в окончательной редакции.

18. Рукопись на 41 нумерованном листе в 4° (один чистый) (ученическая тетрадь с вшитыми и вложенными в нее листами). Исписана большею частью с обеих сторон рукой А. М. Новикова, М. Л., С. А. и Т. Л. Толстых, В. А. Кузминской, А. В. Цингера, неизвестного (б) и М. А. Стаховича и исправлена рукой Толстого. Более крупные исправления здесь переписаны переписчиками, и переписанное частью наклеено на текст, написанный рукой Толстого, частью вшито в тетрадь. В последнем случае переписанное зачеркнуто. Текст 2-го действия. Данная рукопись составилась большей частью из листов, переложённых в нее из рукописи, описанной под № 13, из копий текста начала рукописи, описанной под № 9, и копий текста листов, оставшихся в рукописи № 13. В тексте ремарок обычные отступления от оригинала. Исправления – в направлении к окончательной редакции. Рукой М. Л. и С. А. Толстых в рукопись нанесены исправления, сделанные при первой правке рукой Толстого текста рукописи, описанной под № 21.

19. Рукопись на 36 нумерованных листах в 4° (ученическая тетрадь с вложенными в нее листами). Исписана с обеих сторон рукой А. М. Новикова, Т. Л. Толстой, С. Э. Мамоновой и исправлена рукой Толстого черными и фиолетовыми чернилами. Более крупные исправления здесь переписаны переписчиками, и переписанное наклеено на текст, написанный рукой Толстого. Текст 3-го действия. Данная рукопись составилась из листов, переложённых в нее из рукописи, описанной под № 14, и из копии текста листов, оставшихся в этой рукописи. В тексте ремарок – обычные отступления от оригинала. Исправления большей частью в направлении к тексту окончательной редакции. Здесь между прочим значительно дополнены речи Шпюлера и профессора. Шпюлер подчеркивает, что он не спирт, а гипнотизер. Рукой М. Л. и Т. Л. Толстых и А. М. Новикова и отчасти самого Толстого в рукопись нанесены исправления, сделанные рукой Толстого карандашом в рукописи, описанной под № 22.

20. Рукопись на 29 нумерованных листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой М. Л., Т. Л., С. А. Толстых, Толстого и исправленных рукой Толстого чернилами и карандашом. Текст 1-го действия. Копия рукописи, описанной под № 17, частично сделанная рукой самого Толстого. Карандашные исправления стерты (остались лишь их слабые следы) и переписаны рукой М. Л. Толстой и В. С. Толстой. Кроме того, в рукопись переписчиками вписаны исправления, сделанные Толстым явно не в данной рукописи, а, очевидно, в недошедшей до нас копии с нее. Рукопись представляет собой ученическую тетрадь с вложенными в нее листами. На обложке рукой Толстого написано: «Акт 1», рукой С. А. Толстой – «Последняя редакция». К этой рукописи относится вставка в несколько строк (к 30-му явлению), написанная на клочке бумаги и хранящаяся в Государственном Толстовском музее в Москве (папка 19). В тексте ремарок – отступления от оригинала. Исправления – в направлении к печатному тексту, от которого в рукописи есть еще ряд отличий. Здесь между прочим фамилия «Шпюлер» исправлена на «Гросман». Всё действие разбито на 59 явлений (вместо 62-х в печатном тексте).

21. Рукопись на 24 нумерованных листах в 4° (два последние чистые), исписанных с обеих сторон рукой М. А. Кузминской, А. М. Новикова и С. А. Толстой и исправленных рукой Толстого чернилами и карандашом. Текст 2-го действия. Копия рукописи, описанной под № 18. Карандашные исправления стерты (от них остались лишь слабые следы) и переписаны рукой М. Л. и С. А. Толстых и А. М. Новикова. Кроме того, переписчиками вписаны исправления, очевидно сделанные Толстым в недошедшей до нас копии данной рукописи. На обложке рукописи (ученическая тетрадь) рукой С. А. Толстой написано: «Последняя редакция». Исправления очень приближают текст рукописи к печатному тексту, от которого он отличается небольшими разночтениями. Здесь впервые введено – в 17 явлении – новое действующее лицо – баронесса.

22. Рукопись на 29, большей частью нумерованных листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой Т. Л. Толстой, А. М. Новикова, М. А. Кузминской, В. С. Толстой и М. Л. Толстой и исправленных рукой Толстого чернилами и карандашом. Текст 3-го действия. Копия рукописи, описанной под № 19, за исключением листов, переложённых сюда из рукописи, описанной под № 14. Карандашные исправления стерты и переписаны рукой переписчиков. Кроме того, рукой переписчиков вписаны исправления, которые были, очевидно, сделаны в исправленной Толстым, но не дошедшей до нас копии данной рукописи. На обложке рукописи (ученическая тетрадь с вложенными в нее листами) рукой С. А. Толстой написано: «Последняя редакция». Приближаясь к печатному тексту, текст данной рукописи сравнительно с ним имеет ряд небольших разночтений.

23. Рукопись на 17 нумерованных листах в 4° (четыре чистые), исписанная с обеих сторон рукой А. М. Новикова и исправленная рукой Толстого чернилами и карандашом. Текст 4-го действия. Копия рукописи, описанной под № 16. Карандашные исправления стерты и, за исключением одного, переписаны рукой М. Л. Толстой. Ее же рукой вписаны исправления, очевидно сделанные Толстым в недошедшей до нас копии данной рукописи. На обложке рукописи (ученическая тетрадь) рукой С. А. Толстой написано: «Последняя редакция». По сравнению с печатным текстом в рукописи несколько второстепенных разночтений.

24. Автограф на 2 листах большого почтового формата, исписанных с обеих сторон. Список действующих лиц и их характеристика. По сравнению с печатным текстом в нем следующие отличия (отмечаем лишь существенное). В характеристике А. П. Звездинцевой к словам – «Дама раздражительная» добавлено: «и грубоватая». Все общества, в которых участвует Василий Леонидыч, названы императорскими. Имя, отчество и фамилия профессора не названы. Вместо «Марья Константиновна» Толстым написано «Анна Константиновна», но рукой С. А. Толстой слово «Анна» исправлено на «Марья». Общество устройства ситцевых и коленкорových балов, в котором Петрищев является членом, названо также императорским. О Гросмане (эта фамилия написана здесь вместо зачеркнутой «Шпюлер») не сказано, как в печатном тексте, что он говорит очень громко. О старом поваре сказано, что ему лет 45 (а не 55, как в печатном тексте). О Тане не сказано, что она «в минуты сильного возбуждения радости взвизгивает». О Сахатове сказано, что он бывший министр и не сказано, что он «ничем не занят и всем интересуется». Барин без слов не помечен.

25. Рукопись на 4 листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой А. М. Новикова и исправленных рукой Толстого чернилами и карандашом. Слова, написанные карандашом, обведены рукой М. Л. Толстой по буквам чернилами. На лицевой странице первого листа заглавие – «Плоды просвещения», сверху которого карандашом рукой Толстого написано «Исхитрилась или». Слова эти стерлись. Вернее думать, что они намеренно стерты. На следующих страницах – копия предыдущей рукописи с некоторыми отступлениями: изменен порядок в перечислении действующих лиц, сделаны небольшие добавления к их характеристикам, вошедшие в печатный текст, и названы имя, отчество и фамилия профессора – Алексей Владимирович Кутлеров. С другой стороны, некоторые слова, относящиеся к характеристике персонажей и вошедшие в печатный текст, зачеркнуты. Слово министр (о Сахатове) исправлено Толстым на «товарищ министра», фамилия профессора «Кутлеров» им же исправлена на «Кругосветлов». К характеристике Толстой барыни добавлено им же, что она курит, и к характеристике Гросмана то, что он говорит очень громко. По сравнению с печатным текстом в рукописи имеется несколько второстепенных разночтений.

26. Рукопись на 19 листах в 4° (один чистый). Сшитая тетрадь, исписанная большей частью с обеих сторон рукой Т. Л. Толстой и С. Э. Мамоновой и исправленная в трех местах рукой Толстого. В ней – роль Тани, списанная по рукописям, описанным под №№ 7, 9, 10, 11. Две поправки, сделанные Толстым в конце 2-го явления (слова Григория: «Очень уж ты мнѣ ндрависься» и Тани: «Ну, я въ васъ не нуждаюсь, вотъ и все») в другие рукописи перенесены не были.

27. Рукопись на 6 листах в 4° (один чистый). Сшитая тетрадь, исписанная большей частью с обеих сторон рукой С. Э. Мамоновой и в некоторых местах исправленная рукой Толстого. В ней – роль Толстой барыни, списанная по рукописям, описанным под №№ 9 и 13. Исправления, сделанные здесь Толстым, в другие рукописи перенесены не были.

28. Рукопись на 93 листах в 4° (последний чистый), исписанная большей частью с обеих сторон рукой С. А. Толстой и исправленная карандашом и чернилами рукой Толстого. Текст всех четырех действий. Копия рукописей №№ 20–23, с поправками, сделанными рукой С. А. Толстой и неизвестного по рукописям №№ 24–27. С этой рукописи делался набор для сборника «В память С. А. Юрьева».

29. Корректурa на 49 гранках с многочисленными исправлениями большей частью карандашом, частично чернилами рукой Толстого. Рукой С. А. Толстой и неизвестного обведены чернилами кое-какие неясные карандашные написания Толстого, их же рукой сделаны технические исправления погрешностей набора. В двух случаях, на 27 гранке, в 14-м явлении 2-го действия, рукой С. А. Толстой сделаны словарные исправления: «из носу сопли текут» исправлено ею на «из носу течет» и «Сопли-то текут» – на «Из носу-то течет».

Кроме того, среди рукописей, относящихся к «Плодам просвещения», имеется еще несколько переписанных ролей, но все они без исправлений рукой Толстого.

Некоторое количество рукописей, относящихся к «Плодам просвещения» и исправленных рукой Толстого, до нас не дошло. Кроме упомянутых выше рукописей текста комедии, в которых должны были быть собственноручные исправления Толстого, до нас не дошли списки ряда отдельных ролей, в которых, возможно, были авторские исправления. Так, А. В. Цингер сообщает о том, что исполнявшаяся им роль Григория, переписанная рукой В. А. Кузминской и пополненная двумя репликами рукой Толстого, была взята исполнителем роли себе на память.[407]

—

«ФРАНСУАЗА»

Рассказ «франсуаза» представляет собой свободный перевод рассказа Гюи де Мопассана «Le port» («Порт»). Работа Толстого над «франсуазой» свелась к исправлению не им переведенного текста и к написанию нового конца рассказа, взамен того, который читаем у Мопассана. Она протекала у Толстого почти одновременно с работой над пересказом отрывка из очерка Мопассана «Sur l'eau» («На воде»), озаглавленном «Дорого стоит» (см. ниже).

Первое упоминание о работе над переводом мопассановского «Le port» – в письме Толстого к В. Г. Черткову от 19 октября 1890 г. (дата почтового штемпеля): «Перевожу я вам в «Посредник» ужасной силы и цинизма и глубоко нравственно действующий рассказ Guy Maupassan. На днях пришлю» (АЧ). В записи дневника от 23 октября 1890 г., сделанной после перерыва в восемь дней, Толстой отмечает, что за время с 15 по 23 декабря он, помимо других работ, «поправил рассказ Ги Мопассана – чудный, который перевел А. М.» Под инициалами скрывается, несомненно, как это видно из соседних дневниковых записей, А. М. Новиков, домашний учитель Толстых. Таким образом слова в письме к Черткову «Перевожу... рассказ» нужно понимать не буквально, т. е. не в том смысле, что Толстой единолично перевел рассказ, а так, что Толстой участвовал в переводе, давая, видимо, Новикову указания и перерабатывая его перевод. Следующие дневниковые записи говорят о работе над обоими указанными рассказами Мопассана. 24 октября: «Утром поправил и записал рассказы Ги Мопассана». 25 октября: «Поправил рассказы Мопассана». 26 октября: «Опять поправлял Мопассана».

К рассказу «франсуаза» относится рукопись (хранится в ГТМ (АЧ), папка 17) на 11 нумерованных листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой А. М. Новикова и частично рукой неизвестного и исправленных (карандашом) рукой Толстого. Рукой же Толстого написано заглавие «Всё наши сестры» и приписан новый конец рассказа взамен зачеркнутого прежнего. Начало: «3 мая 1882 года изъ Гавра отплыль». Конец: «и безъ шапки выбъжалъ на улицу».

Кроме того, в архиве В. Г. Черткова хранится копия с недошедшей до нас копии рассказа, в последний раз исправленной Толстым. Она написана рукой А. П. Иванова и представляет собой сшитую тетрадку на 16 листах в 4°, исписанных с обеих сторон. Заглавие рассказа – «У девок» с подзаголовком «Из рассказов Мопассана». На обложке его же рукой написано: «Из рассказов Мопассана» и другой рукой карандашом внизу написано и затем зачеркнуто заглавие: «Роковая встреча». Судя по пометке на обложке (не рукой А. П. Иванова): «Т. XVIII, стр. 25–28», текст этой рукописи должен был лечь в основу подготавливавшегося В. Г. и А. К. Чертковыми собрания сочинений Толстого. Эта копия, хотя она и не авторизована, представляет собой большую текстологическую ценность, так как текст ее, не покрывающийся ни одним печатным текстом «франсуазы», несомненно соответствует окончательному тексту, установленному самим Толстым.

Мы не знаем, является ли текст, написанный рукой А. М. Новикова и неизвестного, тем самым переводом Новикова, о котором Толстой говорит в записи дневника от 23 октября 1890 г. Возможно, что этот текст представляет собой уже копию одной или нескольких недошедших до нас рукописей, содержавших в себе перевод Новикова, исправленный Толстым.

Перевод, написанный рукой А. М. Новикова и неизвестного, близок к подлиннику. В нем лишь в ряде случаев опущены некоторые усложненные образные сравнения и натуралистические описания, имеющиеся в подлиннике. Так, после французского текста, переведенного Новиковым следующими словами: «Корабль вошел в линию, где стояли вдоль набережной бок-о-бок корабли из всех стран света, и большие и

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
малые, всевозможных форм и оснасток», в оригинале следует: «trempant comme une
bouillabaisse de bateaux en ce bassin trop restreint, plein d'eau putride où les
coques se froilent, se frottent, semblent marinées dans un jus de flotte».[408] В
переводе это место опущено. Следующее место: «Quelquefois, au fond d'un
vestibule, apparaissait derrière une seconde porte ouverte soudain et capitonnée
de cuir brun, une grosse fille devêtue, dont les cuisses lourdes et les mollets
gras se dessinaient brusquement sous un grossier maillot de coton blanc. Sa jupe
courte avait l'air d'une ceinture bouffante; et la chair molle de sa poitrine,
de ses épaules et de ses bras, faisait une tache rose sur un corsage de velours
noir bordé d'un galon d'or».[409] Новиковым переведено так: «Иной раз в глубине
сеней нечаянно распахивалась дверь, обитая почерневшей медью. [sic!] Из нее
показывалась полураздетая девка в грубых бумажных обтянутых штанах, в
коротенькой юбке и в бархатном черном нагруднике с золотыми позументами». Слова
«vêtue en gros baby ou en chanteuse de café-concert»[410] переведены: «одетая
арфисткой».

С другой стороны, в тексте, написанном рукой Новикова и неизвестного, кое-где
натуралистические подробности даже усилены. Так, слово «fille»[411] всюду
переведено – «девка»; слова «L'homme, soulevé par ce contact»[412] переведены:
«Парень, размякший от похоти»; слова «pleins de chair de femme»[413] переведены
– «полных бабьего мяса».

В одном случае, видимо намеренно, одно предложение подлинника в переводе
заменено предложением совершенно другим по смыслу. После того как у Мопассана
сказано о том, что каждый матрос выбрал себе в трактире подругу и уж не
расставался с ней весь вечер в подлиннике добавлено: «car le populaire n'est pas
changeant».[414] Вместо этих слов в переводе: «такой был обычай в трактире». В
самом конце рассказа слова подлинника «en pleurant autant que lui jusqu'au
matin»[415] переведены: «и горькими слезами до утра проплакала над ним».

Работа Толстого над рукописью, написанной рукой А. М. Новикова и неизвестного,
свелась в основном к следующему.

Язык перевода упрощен, отдельные фразы частью исключены, частью сжаты, язык
диалогов исправлен в направлении к языку народной речи. Далее Толстым, вместо
зачеркнутого конца рассказа, где говорится о том, что Селестина Дюкло уложили в
комнате франсуазы, и франсуаза проплакала у его постели до утра, написан
самостоятельно новый конец, не находящий себе соответствия в тексте Мопассана.
Три матроса пытаются отвести Дюкло наверх. Он вскакивает вдруг на ноги, бьет по
руке матроса, обнимавшего девушку, отталкивает его от нее и затем говорит ему
укоризненно о том, что девушка – его сестра, и все они чьи-нибудь сестры. Потом
он, разрыдавшись, без шапки выбегает на улицу. После этого зачеркнута фраза:
«Когда товарищи расплатились и вышли за ним, они уже не нашли его». Рассказу
дано заглавие – «Всё наши сестры».

Судя по отличию печатного текста от текста исправленной рукописи, Толстой еще
раз исправил рассказ, в подробностях внеся много изменений. Рукопись с этими
исправлениями до нас не дошла (корректур, по всем видимостям, Толстой не
держал), но сохранилась, как указано выше, копия с этой рукописи, написанная
рукой А. П. Иванова. Судя по тексту этой копии, последние исправления Толстого в
рассказе сводились к следующему. Заглавие «Всё наши сестры» было заменено
заглавием «У девок». Слова: «полных бабьего мяса» заменены словами: «полных
женскими телами», стр. 253, строка 5. После слов: «кто лил себе в глотку вино»,
стр. 253, строки 22–23 исключена морализирующая фраза: «Зверь, сидящий в
человеке, был разнуждан». В рассказе франсуазы о своем падении исключены
следующие слова, имеющие соответствие и во французском тексте: «Эх, видела я
горе. Была в Руане, в Эвре, в Лиле, в Бордо, в Перпиньяне, в Ницце, всё по
домам, а вот теперь здесь в Марселе». Исключены две фразы, в которых говорится о
том, что франсуаза, после того как она и Селестин Дюкло узнали друг друга, всё
еще сидела верхом на коленях у брата. фраза: «И он вдруг схватил своими большими
матросскими лапами ее голову и поцеловал ее» заменена фразой: «и, схватив своими
большими матросскими лапами ее голову, пристально стал вглядываться в ее лицо».

Около 1 ноября или в этот день перевод “Le port” и «дорого стоит» были
отправлены Черткову в Петербург. В письме к нему от 1 ноября (дата почтового
штемпеля) Толстой писал: «Вот два рассказа Мопассана: хорошо бы их напечатать
отдельной книжечкой. Может быть, вы устроите» (АЧ). В ответ на недошедшее до нас
письмо Черткова, в котором Чертков предлагал неизвестные нам соображения

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle относительно напечатания этих рассказов, Толстой писал ему 22 декабря того же года (дата почтового штемпеля): «План ваш насчет помещения Г. де Мопассана очень хорош и так сделайте. Заглавие надо бы переменить. Можно так: «Обычное удовольствие молодых людей» или что-нибудь в этом роде» (АЧ).

В ответном письме Толстого речь идет уже лишь об одном рассказе, переведенном из Мопассана, именно о рассказе, тогда озаглавленном «У девок». Видимо, уже в эту пору выяснилось, что «Дорого стоит» цензурой не будет пропущено.

«У девок» решено было напечатать в газете А. С. Суворина «Новое время», но Суворин настаивал на смягчении некоторых выражений, казавшихся ему неудобными с точки зрения благоприличия, о чем он писал в следующем письме к Черткову от 2 января 1891 г.: «Относительно рассказа Мопассана «Le port», который вы окрестили в такое чрезвычайно тенденциозное заглавие – «Обычное удовольствие молодых людей» и длинное до невозможности, скажу следующее. 1) Заглавие невозможное. Выберите другое – короткое – «Сестры», например. Оно же отвечает и внутреннему смыслу, который прибавил к рассказу Лев Николаевич в конце. Эта прибавка великолепна положительно. 2) Необходимо кое-где смягчить выражения, напр., вместо «девки» иногда употребить слово «женщины», вместо «похоть» сказать как-нибудь иначе (у Мопассана «un appétit d'amour»)[416] и дозволить франсуазе не сидеть «верхом на коленке», хотя у Мопассана это так же. Вот и всё. Такие смягчения необходимы даже для того, чтоб рассказ прочли побольше читателей. Во всяком случае, иначе, как с этими смягчениями, я его печатать не буду, ибо не могу. Мне очень жаль, что Лев Николаевич выпустил последние строки рассказа, где говорится о франсуазе, что она оставалась «au pied de la couche criminelle, en pleurant autant que lui jusqu'au matin». [417] Но это, быть может, так и надо. Относительно подписи вы напрасно беспокоитесь: я очень хорошо понимаю, что под такими пустяками Льву Николаевичу и не следует подписываться. Издавать его отдельно я не стану, а похлопотать в цензуре готов, чтобы его пропустили для ваших книжек. Но приведут ли к чему хлопоты ручаться не могу» (АЧ).

Об этом письме Чертков писал Толстому 6 января 1891 г. следующее: «я получил от Суворина ответ, что он может напечатать «У девок» лишь в том случае, если ему разрешат смягчить немного несколько выражений. Так как он обстоятельно сообщает, что именно он хочет смягчить, из чего видно, что он не исказит смысла содержания, и так как мы навряд ли найдем другой путь для издания этой вещи, то я уведомляю его, что он может это сделать, будучи уверен, что если б я вас спросил об этом, то вы бы согласились бы, и не желая затягивать дела излишнею перепискою» (АТ).

О том же писал Толстому Н. С. Лесков в письме от 4 января 1891 г.: «Слышал от Алексея Сергеевича[418] о присланном ему от Черткова рассказе, составленном вами по Мопассану. Чертков пишет, чтобы «не изменять ни одного слова», а Суворин видит крайнюю необходимость изменить одно слово – именно слово «девка», имеющее у нас очень резкое значение. Я думаю, что эту уступку надо сделать, и советовал Суворину писать об этом прямо вам, так как этак дело будет короче, и есть возможность скорее сговориться». [419] На это письмо Толстой отвечал Лескову в обнаруженном до сих пор письме. 17 января 1891 г. (дата почтового штемпеля) Толстой пишет Черткову: «От Лескова получил известие, что Мопассана рассказ получен у Суворина и что они стесняются изменять; я им послал carte blanche»[420] (АЧ).

В ответ на письмо Толстого Лесков писал 12 января: «Был у Суворина и дал ему прочесть ваше письмо в месте, касающемся рассказа. Суворин был очень рад тому, что этим путем получилась развязка, которой напрасно ожидали от Черткова. Теперь рассказ пойдет на следующей неделе. Изменения будут только в том, что придется выпустить слово «похоть» и заменить слово «девка», имеющее специальное значение, словом «женщина». Что же касается заглавия, то мы его обдумали втроем и остановились на предположенном мною названии по имени, т. е. «Франсуаза». Это – самое удобное, простое, краткое, скромное и «приличное». Кроме того, по этому имени легко будет и вспоминать произведение. Ваше имя нигде упомянуто не будет. Думаю, что всё это сделано как следует. Заглавия вроде «Сестра» или «Ошибка», по-моему, были бы хуже, чем «Франсуаза». [421]

О своих переговорах с Сувориним в связи с печатанием франсуазы в письме к Толстому от 19 января Чертков писал: «В тех изменениях, которые он мне предложил, было чересчур много подлаживания под так называемый «приличный тон», и хотя я, зная, что таково будет и ваше желание, предоставил ему сделать эти

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e изменения, но указал в них на то, что, по моему мнению, ослабляет смысл содержания, и он таким образом знает, что мы следим и дорожим существенными оттенками» (АТ).

Рассказ под заглавием «франсуаза» с пометкой «Рассказ по Мопассану» был напечатан без подписи Толстого в № 5366 «Нового времени» от 5 февраля 1891 г.

Суворин довольно широко использовал данное ему Толстым *carte blanche* и сделал в рассказе исправления, которые должны были придать ему «приличный тон» и которые по своему количеству превышали число тех желательных исправлений, какие были указаны им в письме к Черткову.

Так, слово «девка» всюду, за исключением двух случаев в конце рассказа, заменено словом «женщина»; исключены слова: «и их мучала похоть», стр. 252, строка 9, «размякший от похоти», стр. 252, строка 33, «полных женскими телами», стр. 253, строка 5. Слова «по спальным комнатам», стр. 253, строки 15–16, заменены словами «по отдельным комнатам» и рядом стоящие слова «Из спальных комнат» заменены словом «Оттуда». Исключены слова: «У каждого на коленях сидела девка», стр. 253, строка 21. Слова «Верхом у него на коленке сидела», стр. 253, строки 23–24, заменены словами «С ним сидела».

Кроме того, может быть по небрежности корректуры, допущены некоторые ошибки по сравнению с подлинным текстом Толстого. Так, после слов «а не видал», стр. 254, строка 271, пропущено слово «ты»; после слов «Они пытливо смотрели», стр. 255, строка 2, пропущено «прямо», вместо «не отвечая», стр. 255, строка 9, напечатано: «не отвечала»; после слов «посмотрела прямо», стр. 256, строка 15, напечатано лишнее слово, «ему»; вместо «Товарищи его обратились к нему и уставились на него», стр. 257, строка 30, напечатано: «Товарищи удивились и обратились к нему».

Циркуляром от 15 мая 1895 г. за № 3013 предписывалось «франсуазу» и некоторые другие произведения Толстого «не позволять к печати как в виде отдельных сборников, так и отдельными изданиями». [422]

Из «Нового времени» франсуаза в собрании сочинений Толстого была перепечатана впервые в издании «Сочинения графа Л. Н. Толстого», часть четырнадцатая, издание первое, М. 1895, и в последующих изданиях С. А. Толстой перепечатывалась без изменений. По тексту «Нового времени» рассказ этот под заглавием «Сестры (франсуаза) (по Мопассану)» впервые отдельным изданием был напечатан издательством «Посредник», М. 1905 г. С тем же заглавием «Сестры», но без подзаголовка «франсуаза» он был перепечатан во 2-м издании «Круга чтения», том четвертый, М. 1913. В XII томе «Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого» под редакцией П. И. Бирюкова «франсуаза» напечатана по искусственному тексту, представляющему собою комбинацию текста «Нового времени», подлинного текста Толстого и отчасти текста в незаконченной редакции. Так, слово «женщина» в одних случаях исправлено на слово «девка», в других не исправлено. «Оттуда» исправлено на «Из спальных комнат», но «по отдельным комнатам» вместо «по спальным комнатам» осталось; корректурные ошибки текста «Нового времени» не исправлены, и т. д. Из исключенных Сувориным выражений введены только «и их мучала похоть» и «размякший от похоти». Вместо окончателного «полных женскими телами» напечатано выражение незаконченной редакции: «полных бабьего мяса». Текст «франсуазы» в полном собрании художественных произведений Толстого под редакцией К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, т. X, М. – Л. 1928, напечатан по тексту «Нового времени» (исправлены лишь две корректурные ошибки), а в таком же собрании, данном в приложении к журналу «Огонек», т. X, М. – Л. 1928, – по тексту сочинений Толстого под редакцией Бирюкова.

В настоящем издании текст «франсуазы» печатаем по копии, написанной рукой А. П. Иванова, сверяя ее с текстом исправленной Толстым рукописи, написанной рукой А. М. Новикова и неизвестного. По тексту этой последней рукописи исправляем написанное в копии Иванова слово «стояла» на «стала», стр. 251, строка 26. Так именно написано в исправленной Толстым рукописи рукой Толстого. Так как слово «стала» по контексту здесь подходит больше, чем слово «стояла», то нет оснований думать, чтобы сам Толстой исправил «стала» на «стояла».

Хотя заглавие «франсуаза» дано рассказу не Толстым, а Лесковым, но мы удерживаем его в настоящем издании, так как сам Толстой не остановился на каком-либо определенном заглавии и так как с этим именно заглавием связана длительная

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe традиция. Заглавие «Сестры», видимо, было дано главой издательства «Посредник» И. И. Горбуновым и механически перешло во второе издание «Круга чтения».

«ДОРОГО СТОИТ»

Рассказ «Дорого стоит» представляет собой свободный пересказ отрывка из написанного в форме дневника очерка Гюи де Мопассана «Sur l'eau» («На воде»).

Написав свой пересказ популярным языком, в стиле народных рассказов, Толстой дважды его затем переработал. Переработка сводилась преимущественно к дальнейшему упрощению языка и приближению его к народной разговорной речи.

Работа над пересказом шла у Толстого одновременно с переработкой перевода рассказа Мопассана «Le port», сделанного А. М. Новиковым, в двадцатых числах октября 1890 г., и к этой работе относятся дневниковые записи от 24, 25 и 26 октября, приведенные выше, в комментариях к «Франсуазе».

К рассказу «Дорого стоит» относятся две рукописи, хранящиеся в ГТМ (АЧ), папка 16.

1. Автограф на 4 нумерованных, видимо рукой С. А. Толстой, листах в 4°, исписанных карандашом с обеих сторон. Заглавие: «Дорого стоит». Начало: «Есть между Францией и Италией». Конец: «чтобы отрубить голову человеку». На лицевой стороне первого листа и на оборотной второго некоторые слова стерлись и с трудом поддаются прочтению.

2. Рукопись на 8 нумерованных листах в 4° (один чистый) (считая тетрадь), исписанных с обеих сторон рукой А. П. Иванова, с исправлениями рукой Толстого. Копия с недошедшей до нас исправленной Толстым копии автографа (в тексте, переписанном рукой переписчика, много отступлений от текста автографа). Под заглавием рукой Толстого приписано: «Быль» и на полях «Изъ рассказа Мопасана». Начало: «Есть между Францией и Италией». Конец: «ни на вьчняя тюрьмы».

В пересказе сделаны следующие отступления от французского текста. У Мопассана почти в начале отрывка, как пример снисходительности монашеского князя, приводится следующий эпизод. Один заядлый игрок в рулетку был изгнан из пределов княжества за оскорбление князя. Но через месяц изгнанник переступил запретную границу и отправился в казино. Остановленный чиновником, напомнившим ему, что он изгнан, игрок пообещал вернуться в изгнание с первым же отходящим поездом. Чиновник после этого разрешил ему войти в казино. В дальнейшем изгнанник появлялся там регулярно каждую неделю, встречаемый всё тем же напоминанием чиновника, на которое следовал тот же ответ. Этот эпизод Толстым выпущен. В дополнение к тексту Мопассана в пересказе указано количество населения и войска в Монако и рассказано о том, что такое рулетка, почему ее запретили у маленьких немецких князьков, как она доводит людей до полного разорения и даже самоубийства и почему монашеский князь дорожит ею.

В пересказе, кроме того, сделаны некоторые более мелкие изменения и дополнения, сводящиеся, главным образом, к усилению идейной стороны рассказа в направлении близком к мировоззрению самого Толстого. Так, вместо стоящих в подлиннике слов: «И он обратился с тою же просьбой к итальянскому правительству в надежде, что король будет менее требователен, чем республика» [423] – у Толстого читаем: «Решили послать с тем же к итальянскому королю. Французское правительство – республика, царей не уважает, а король итальянский всё-таки свой брат, авось дешевле возьмет». В ответ на запрос монашеского правительства итальянское правительство в пересказе Толстого отвечает, что гильотину и палача оно пришлет «с удовольствием» (слов, соответствующих словам «с удовольствием» у Мопассана нет). Вместо слов оригинала: «Подумали было поручить казнь простому солдату. Но спрошенный генерал отвечал нерешительно, что его солдаты недостаточно напрактикованы в употреблении холодного оружия, чтоб надлежащим образом исполнить столь трудную задачу» – у Толстого читается: „Думали, думали – нельзя ли как подешевле? Не возьмется ли из солдат кто по-домашнему отрубить голову? Позвали генерала. «Что, не найдется ли солдат такой, чтобы отрубить голову? Всё равно ведь на войне убивают. Солдат на то ведь и готовят». Поговорил генерал с солдатами – не возьмется ли кто? Не взялись солдаты. «Нет, говорят, – мы этого не умеем и не учились»“. Слова пересказа: «собрали комитет, комиссию, подкомиссию» и «И милосердие покажет царь, и расхонов меньше» в тексте Мопассана не находят себе соответствия. Вместо слов подлинника: «Но не было тюрьмы. Пришлось устроить помещение» – в пересказе читаем: «Одно горе, такой тюрьмы

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle особенной нет, чтобы запереть на вечное время. Есть кутузки, так, легонькие, куда на время сажают, а прочной тюрьмы, чтобы навечно запереть, нет такой. Ну, всё-таки приискали помещение». Вместо слов оригинала: «Ну что я стану теперь делать на свободе? Средств у меня нет, семьи тоже» – у Толстого читаем: «Куда я пойду? Вы меня приговором осрамили, меня никто не возьмет теперь, я от всех дел отстал. Вы, говорит, со мной неправильно поступаете. Так делать не годится». В предпоследнем абзаце отрывка у Мопассана сказано, что преступник, изгнанный из Монако, жил на собственной земле, возделывал свой огород и «презирал властелинов». Последние два слова отсутствуют в пересказе. Отсутствует в нем также и последний абзац отрывка, в котором говорится о том, что после этого случая с убийцей монахский суд вошел в соглашение с французским правительством, которое принимает монахских преступников в свои тюрьмы. Вместо этого в пересказе следующий абзац (последний): «Хорошо, что грех случился с ним не там, где не жалеют расходов ни на то, чтобы отрубить голову человеку, ни на вечные тюрьмы».

Слова оригинала «княжество», «князь» заменены всюду словами «царство», «царек», «царь», реже – «королевство», «король» (в ряде случаев «королевство», «королек», «король» исправлены на «царство», «царек», «царь»). Количество диалогов по сравнению с текстом мопассановского отрывка увеличено. В пересказе, кроме того, ряд других второстепенных отступлений от оригинала, преимущественно стилистического характера.

Как видно из цитировавшихся выше, в комментариях к «Франсуазе», строк письма Толстого к Черткову от 1 ноября 1890 г., «Дорого стоит» было отправлено Черткову около этого времени вместе с переводом рассказа «Le port», причем Толстой высказал пожелание напечатать оба рассказа отдельной книжечкой. Очевидно, отвечая на предложение Черткова напечатать оба рассказа в большом журнале или газете, Толстой в письме к нему от 1 декабря того же года не рекомендовал этого делать, ссылаясь на то, что в этих рассказах он кое-что переменял по сравнению с оригиналами.

Вследствие цензурных препятствий «Дорого стоит» в течение долгого времени не появлялось в печати в России. Впервые рассказ был напечатан в 1899 г. в издании В. Г. Черткова, в Англии (Purleigh, Maldon, Essex): «Л. Н. Толстой. Николай Палкин. Работник Емельян и пустой барабан. Дорого стоит», однако с некоторыми явными погрешностями против последней исправленной Толстым копии (см. описание рукописей, № 2): «смирный» вместо «смирный», стр. 260, строка 10, «маленькие» вместо «легонькие», стр. 261, строка 9, «доходы» вместо «приходы», стр. 261, строка 15, «поступили» вместо «поступаете», стр. 261, строка 37, «пенсию» вместо «пенсион», стр. 262, строка 6, «игорный домик» вместо «игорный», стр. 262, строка 15, и другие, более мелкие отступления. [424] Впервые в России «Дорого стоит» с этого издания было перепечатано в издании М. Ключкина. «Дорого стоит» и «другие рассказы», М. 1901 г., затем в двенадцатом издании сочинений Толстого, часть одиннадцатая, М. 1911, но крайне небрежно, с механическими пропусками целых предложений и отдельных слов. Текст этого рассказа во всех последующих изданиях представляет собой механическую перепечатку текста двенадцатого издания. Лишь в издании Государственного издательства под редакцией К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, т. X, М. – Л. 1930, текст рассказа точно перепечатан с издания В. Г. Черткова.

В настоящем издании «Дорого стоит» печатаем по исправленной Толстым копии и по автографу, исправляя одну явную опisku, допущенную в автографе и не исправленную в копии: написание «совсьмъ» во фразе «А что стоит всё совсьмъ, съ проъздомъ, будетъ 12 000 франковъ» заменяем написанием «со всем», как этого требует смысл фразы.

«[О СОСКЕ.]» ВСТАВКА В КНИЖКУ ДОКТОРА Е. А. ПОКРОВСКОГО «ОБ УХОДЕ ЗА МАЛЫМИ ДЕТЬМИ»

6 декабря 1887 г. Толстой пишет В. Г. Черткову: «Я говорил вам, кажется, о книге доктора Покровского Детское воспитание. Это превосходная книга для народа, если ее переделать и сократить, и если даже и не переделывать, то очень полезная книга и в том виде, в каком она теперь. Она есть у меня. Я пришлю вам при случае, если вы нес скоро будете в Москве. Покровский сейчас был у нас и отдает книгу безвозмездно для распространения в народе и даже клише тех рисунков, которых в ней много».

Речь шла о книге Е. А. Покровского «Первоначальное физическое воспитание детей». М. 1888.

По предложению Толстого Е. А. Покровский[425] принялся за составление для народного читателя популярной книжки об уходе за малышами детьми, которая должна была появиться в народном книгоиздательстве «Посредник», в котором Толстой принимал близкое участие. Книжка была готова почти через год после приведенного письма Толстого к В. Г. Черткову.

26 ноября 1888 г. Толстой пишет в Дневнике: «Был Покровский, привез свою статью. Очень уж дурно написано, и опять тот же общий недостаток всех научных знаний, обращенных к массам: или ничего не говорить (вода – мокрая) или не может говорить, потому что на разных языках говорим, разной жизнью живем».

Через два дня, 28 ноября, Толстой записывает: «Кончил чтение Покровского. Очень плохо, научно наивно и бестактно».

И у Толстого является мысль переделать статью Е. А. Покровского таким образом, чтобы она удовлетворяла тем требованиям, какие он предъявлял к книгам для народного читателя.

14 декабря Толстой, как записано им на другой день в Дневнике, читал в газете «Неделя» (1888 г. № 50) статью врача В. О. Португалова «Детская смертность». Вероятно, под влиянием чтения этой статьи возникла у него мысль написать «о соске», о чем записано в Дневнике 15 декабря. Заметка эта предназначалась им для народного журнала «Сотрудник», приобретенного тогда И. Д. Сытиным.

На следующий день, 16 декабря, Толстой опять записывает: «О соске надо, надо. Не писал». Проходит двенадцать дней, и 28 декабря в Дневнике Толстого опять читаем: «Хотел писать о соске, но заснул, и целый день слабость».

Повидимому осуществление этого замысла представляло для Толстого некоторые трудности, потому что 1 января 1889 г. в Дневнике опять записано: «Хотел писать о соске, но не удалось».

Вскоре было получено известие, что издание журнала «Сотрудник» откладывается до июня. Таким образом откладывалось и осуществление замысла Толстого.

В январе 1889 г. целый ряд записей Дневника Толстого (8, 15–16, 17, 19, 21, 24 и 28 января) говорят о его свиданиях с Покровским: или Покровский бывал у Толстого (в Москве), или Толстой ходил к Покровскому. Весьма вероятно, что беседы между ними касались также и той популярной книжки Покровского, которую Толстой решил переделать.

К осуществлению этого замысла Лев Николаевич приступил лишь в феврале 1889 года. 3 февраля в Дневнике Толстого записано: «Целое утро поправлял Покровского до пяти». И на другой день: «Встал очень рано. Очень много работал. И потом кончил Покровского, хорошо... Подъем большой сил физических и умственных. Приятно скромно безлично работать».

5 февраля Толстой пишет П. И. Бирюкову: «Я последние два дня усердно поправлял статью Покровского и вписал там о соске, из которой надеюсь сделать отдельное».

Таким образом то, что Толстой хотел изложить в отдельной заметке для народного журнала, было им написано и включено в исправленную им книжку другого автора.

В марте 1889 г. рукопись Покровского, исправленная и дополненная Толстым, была послана редактору изданий «Посредника» В. Г. Черткову, который писал Толстому 10 марта: «Я очень рад, что вы прислали мне книгу Покровского о физическом воспитании детей. Такая книжка нам очень нужна в нашей серии книжек с полезными сведениями. Только слог местами еще очень неловкий и неподходящий, и потому я решил его исправить, несмотря на то, что это вызовет небольшую задержку. Кстати, переделка той большой его же книги о физическом воспитании, которую вы мне дали, всё продолжается понемногу, и в свое время составит прекрасную и весьма интересную книжку, в которой будет всё хорошее, что имеется в большой, только изложено будет понятнее и короче».

12 марта Толстой отвечает В. Г. Черткову: «Пожалуйста просмотрите, поправьте поскорее книжку Покровского. Он так мил, и мне бы хотелось поскорее напечатать ее».

20 марта В. Г. Чертков пишет Толстому: «Рукопись Покровского исправляется (слог местами очень неудобен) и пополняется Галею.[426]

Она делает эту работу очень хорошо, потому что хорошо знает и интересуется этим вопросом. Она спешит, сколько может... Книга эта так хороша, что жаль было бы выпустить ее, хотя бы первым изданием, не в возможно совершенном виде... Я надеюсь, что исправление брошюры Покровского будет скоро окончено, но если вы предпочитаете, чтобы мы без всякого отлагательства ее напечатали, то сообщите мне, и я пошлю издать ее в том виде, в каком она окажется. Во всяком случае я доставлю ее вам на одобрение поправок».

28 марта В. Г. Чертков опять пишет Толстому: «Галя завтра или послезавтра, вероятно, окончит свою поправку рукописи Покровского. И тогда пошлю вам для окончательного прочтения и отдачи Сытину[427] для напечатания в нашей серии книжек с полезными сведениями».

Рукопись статьи Е. А. Покровского с исправлениями и дополнениями Толстого сохранилась в Архиве В. Г. Черткова; она находится в Институте русской литературы Академии наук (шифр 26. 6. 303). Рукопись содержит 42 лл. in folio, исписанных, кроме последнего, с обеих сторон. На 1 л. заглавие: «Краткие наставления простому народу. Об уходе за детьми. Доктора Е. А. Покровского». Рукою Толстого вычеркнуты слова: «Краткие наставления простому народу», а после слов «Об уходе за» вставлено было сначала карандашом «младенцами», но тут же зачеркнуто, впоследствии же чернилами было вставлено «малыми», так что заглавие в исправленном виде получилось – «Об уходе за малыми детьми». В обозначении автора слово «Доктора» рукою Е. А. Покровского зачеркнуто карандашом и заменено написанными карандашом же словами: «Главного доктора Московской детской больницы». Вверху страницы рукою автора карандашная пометка: «Со всеми поправками я вполне согласен. Всё остальное предоставляю в полное распоряжение графа Л. Н. Толстого.

Е. П.».

Рукопись Е. А. Покровского содержит вступление и 29 глав. Автор ставил своей целью популярно изложить все сведения, необходимые, по его мнению, для того, чтобы крестьянские дети рождались и росли здоровыми. Даваемые им советы обнимают жизнь ребенка от пребывания в утробе матери до самостоятельного хождения. Автором излагаются все подробности кормления детей, их мытья, одевания, сна, пользования воздухом, развлечений, присмотра за детьми, прививания оспы, ухода за зубами и пр. Цель, которой желала служить книга – уменьшение детской смертности в народе. Автор старался писать простым, понятным языком.

На всем протяжении рукописи много поправок карандашом неизвестной рукой. Исправлений Толстого два слоя: карандашом и чернилами. Полагаем, что карандашные поправки сделаны Толстым при первом чтении рукописи 26–28 ноября 1888 г. Находя, что статья Покровского, как записал он в Дневнике, «очень дурно написана», Толстой, читая статью с карандашом в руке, тут же делал небольшие стилистические исправления, имевшие целью устранить некоторую книжность языка Покровского.

Так, выражение «вопиющую бедность» Толстой заменяет словами – «великую бедность»; выражение: «иногда кормят с большим успехом» словами – «так хорошо кормить»; выражение: «словом, служат истинным утешением» – «не мучают, а радуют»; вместо выражения «матери этого класса» – «крестьянки» и т. д. Слова «народ», «простой народ», «русский народ» Толстой везде заменяет словом «крестьяне». Характерная для Толстого поправка: в одном месте (л. 7) Покровский говорит: «в избежание всех этих несчастий наука советует» и т. д. Толстой зачеркивает слова: «наука советует» и вместо них пишет просто: «следует». В некоторых исправлениях сказался Толстой художник; так, выражения: «мутная вода», «грязная вода» заменяются им эпитетом: «гнилая вода». На полях л. 6 обор. имеет пометка: «определить число». Эта заметка указывала автору статьи тот вопрос, которого он, по мнению Толстого, должен был подробнее коснуться (речь шла о половых сношениях беременных и кормящих матерей).

Правка чернилами, произведенная Толстым 3 и 4 февраля 1889 г., была гораздо более значительная. На протяжении почти всей рукописи Толстым делаются не только небольшие стилистические исправления, но и вычеркиваются целые фразы и заменяются новыми предложениями, в которых мысль дается в более кратком и

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
сильном изложении. Уничтожается всё лишнее, ненужное, по мнению Толстого (иногда
целые страницы) для народного читателя. Так как статья Покровского, по словам
Толстого, была написана «очень плохо, научно наивно и бестактно», он приложил
особое старание к исправлению языка и стиля, уничтожая всякое ненужное
многословие. Приведем несколько образцов толстовской правки:

Текст Покровского

Да если бы не было таких любящих и самоотверженных матерей в нашем простом
народе, то, кажется в деревнях у нас детей совсем бы не было (л. 3).

Текст Толстого

Нѣтъ, матери любятъ и жалѣютъ своихъ дѣтей, и только благодаря этой любви и
выращиваются дѣти.

Текст Покровского

какъ притупить ядовитое жало смерти, такъ нещадно поражающее детей нашихъ в
деревнях? (л. 3).

Текст Толстого

что дѣлать, чтобы сохранять больше дѣтскихъ жизней?

Текст Покровского

Точно так же мужчина, коггда слишком рано или слишком поздно женится, не может
быть ни хорошим производителем, ни достаточно заботливымъ и успешнымъ кормильцем
своего потомства.

Текст Толстого

Точно также и дѣти отъ мужчинъ слишкомъ молодыхъ или слишкомъ старыхъ никогда не
бываютъ такъ крѣпки, какъ дѣти отъ отцовъ средняго возраста. А потому, какъ
очень ранніе, такъ и очень поздніе

Текст Покровского

Отсюда ясно, что какъ очень ранние, так и очень поздние браки негодны для
благополучныхъ рождений, и их по справедливости считаютъ не маловажными
источниками для гибели женщин и детей (лл. 5 обор.–6).

Текст Толстого

браки нетолько не производятъ хорошихъ дѣтей, но часто бываютъ причинами гибели
женщинъ и дѣтей.

Текст Покровского

По вступлении в брак между мужем и женой должно быть полное согласие, взаимное
уважение и общая забота о детях, рождающихся от их союза. Как, однако, часто
наши русские мужья грешат против этого своим бессмысленным самодурством, а их
жены – своею неугомонною сварливостью, и что же выходит от такого печального
сожития? – чистый ад для обоих супругов и весьма горькое существование для
рождающихся от них детей (л. 6 обор.).

Текст Толстого

По вступленіи въ бракъ мужъ и жена должны прежде всего заботиться о томъ, чтобы
поддерживать между собою взаимное уваженіе и согласіе. Миръ между супругами есть
первое условіе для успѣшнаго воспитанія дѣтей. Ссоры между родителями,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
происходящія отъ самодурства мужа или отъ сварливости жены, суть главныя
препятствія для правильнаго воспитанія. Когда уже тутъ думать о дѣтяхъ, когда
идеть неугасимая война между мужемъ и женой. Такая жизнь есть чистый адъ для
обоихъ супруговъ и самое горькое существованіе для рождающихся отъ нихъ дѣтей.

Текст Покровского

При кормлении мать должна соблюдать полное душевное спокойствіе (л. 11 обор.).

Текст Толстого

чтобы кормленіе пошло на пользу ребенку, мать должна быть не измучена трудомъ и
не огорчена.

Текст Покровского

При материнском кормлении ребенок видимо крепнет и богатеет силами, не то что на
чужом молоке. Да наконец при материнском кормлении и детей мрет меньше (л. 12).

Текст Толстого

При материнскомъ кормленіи ребенокъ правильно возрастаетъ и рѣдко болѣетъ и
рѣдко умираетъ. Дознано, что больше всѣхъ мрутъ дѣти, воспитываемые на коровьемъ
молокѣ, меньше мрутъ дѣти, воспитываемые не материнскимъ, а чужимъ молокомъ у
кормилицъ, и меньше всего мрутъ дѣти, когда ихъ кормитъ мать.

Текст Покровского

никакихъ капризов (л. 23)

Текст Толстого

никакого привередничанья

Текст Покровского

Невежество повитух вредит детям еще более тем, что (л. 24).

Текст Толстого

Бѣда дѣлается еще больше отъ того, что

Текст Покровского

Наука тоже прямо говорит, что пеленание, и особенно тугое, весьма вредно (л. 27
оборот.).

Текст Толстого

И дѣйствительно, послѣ многихъ наблюденій стало извѣстно, что пеленаніе и
особенно тугое вредно.

Текст Покровского

Вот что значит лишение свежего воздуха для детей! (л. 36).

Текст Толстого

И все это отъ недостатка чистаго воздуха.

Очень значительные исправления, существенно изменяющие не только стиль Е. А.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe Покровского, но оживляющие все изложение и показывающие большое знание подробностей крестьянского быта, сделана Толстым в главе тринадцатой – «Как одевать детей?» Приводим параллельные тексты Е. А. Покровского и Толстого.

Текст Покровского.

Все это, пожалуй, можно оставить без изменения с тем лишь условием, чтобы во всем этом было ребенку тепло и удобно. Но вот наступают годы, когда крестьянский ребенок рвется из своей душной избы на широкую улицу, где простор и приволье, чистый воздух и так много соблазнов для разнообразных детских игр. «Хоть умирать, да быть на этой улице!» думает ребенок и спешит туда, не смотря ни на какое время несмотря ни на какую погоду. Но как он иногда одевается, выходя на эту улицу? В иных семьях найдется разве только один кожан или шуба на все плечи, большие и малые, и притом иногда сильно поношенная. И вот если в дурную или холодную погоду отец или мать не успели раньше захватить на свои

Текст, исправленный Толстым.

И все это хорошо, пока ребенок не ходить и не выбьгает на улицу. Но вот наступают годы, когда крестьянскій ребенокъ рвется изъ избы на улицу, ему хочется и подышать свѣжимъ воздухомъ и посмотреть и поиграть. И ребенокъ не смотря ни на какое время года, не смотря ни на какую погоду выбьгает на улицу. Вотъ тутъ-то и надо для ребенка сдѣлать одежду такую, въ которой онъ бы могъ ходить, бѣгать, не путаясь, не раскрываясь и не озывая, какъ это большей частью бываетъ, когда ребенокъ надѣнетъ отцовскій полушубокъ, который тащится сзади по землѣ, какъ мантия у монаха, залѣзетъ до живота въ широкія валенки взрослога человѣка; или, наоборотъ, зимой въ трескучій морозъ въ одной рубашенкѣ и босой перебирается изъ одной

Текст Покровского.

плечи этого кожуха, то сынок или дочка непременно потянут его на свои плечи, да и марш в нем на улицу. Когда приходится проезжать русские деревни в ненастную погоду, каких только чудных одежд не увидишь на детях: то у какой-либо крошки 2–3 лет дедовская теплая шапка на подобие большой просфоры, покачнувшейся на сторону; то на ком-нибудь видишь отцовский полушубок, который тащится сзади по земле, как мантия у монаха; то маленький мальчик залезет до живота в широкие валенки взрослого человека; или, наоборот, иной молодец зимой в трескучий мороз по глубоким сугробам в одной рубашенке и босой перебирается из одной избы в другую, чтобы на людях скуку развлечь и поиграть со сверстниками. А как часто дети заболевают и даже умирают от такой родительской недоглядки и нерадения о детской одежде и обуви. Русская детская одежда непряхотлива на покрои и на материи, поэтому, кажется, можно было бы для каждого ребенка иметь свою особую, недорогую, но вполне удобную для него одежку: летом мальчику – рубаху да портки, а девочке рубаху да сарафан или платье; для холодного времени – на плечи полушубчик, на ноги – валенки, на голову мальчику – картуз, девочке – платок, вот и всё самое важное. Нужно заботиться о том, чтобы это непременно было у детей и непременно на их рост (л. 23).

Текст, исправленный Толстым.

избы въ другую или бѣгаетъ по улицѣ. Много и много дѣтей заболеваютъ и умираютъ отъ такой родительской недоглядки и нерадѣнїя о дѣтской одеждѣ и обуви. Нельзя оправдываться въ томъ, что у дѣтей нѣтъ по ихъ росту одежды и обуви, недостатками и бѣдностью. Не отъ бѣдности происходитъ то, что ребенку нечего надѣть и онъ заболеваетъ и умираетъ, а отъ незаботливости о дѣтяхъ происходитъ то, что они умираютъ и лишаютъ родителей своихъ помощниковъ. Не много нужно для того, чтобы ребенку перекроить и сшить изъ стараго для cadaго свою одежку: лѣтомъ мальчику – рубаху да портки, а дѣвочкѣ рубаху да сарафанъ или платье; для холоднаго времени – на плечи шубенку или хотъ кафтанчикъ, на ноги – валенки или онучи и лапотки по росту, да на голову мальчику – картузь, дѣвочкѣ – платокъ. И гдѣ есть заботливые родители, понимающіе, что изъ всего ихъ богатства главное богатство дѣти, всегда найдется изъ чего собрать дѣтскую одежду, только бы загодя о ней подумать.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Кроме стилистических исправлений, Толстой сделал в тексте статьи несколько дополнений фактического характера. Так, в перечисление тех причин, от которых грудной ребенок бывает беспокоен, Толстой добавляет (л. 10 обор.): «блохи, клопы».

Не лишена интереса следующая подробность. На лл. 39–40 Е. А. Покровский говорит о случаях рождения детей с прорезавшимися зубами и, как пример, называет Наполеона I. Лицо, редактировавшее статью до Толстого, вычеркнуло упоминание о Наполеоне, сочтя его, очевидно, излишним в народной книжке; Толстой этот пример восстановил.

Помимо дополнений фактического характера, Толстой внес в изложение Покровского ряд собственных мыслей. Таковы, например, следующие:

Половыя сношенія законны только тогда, когда отъ нихъ могутъ произойти дѣти, слѣдовательно незаконны во время беременности и кормленія (л. 6 обор., глава «Что нужно прежде всего, чтобы дѣти рождались здоровыми»).

Надо не торопиться, не дѣлать ничего лишняго, а терпѣть и ждать. Если роды правильные, то какъ бы долго они ни продолжались (иногда двое сутокъ), всякая внѣшняя помощь только вредить матери и ребенку (л. 7 об., глава «Какъ обращаться с новорожденными»).

Будучи принципиальным сторонником кормления детей молоком матери, ожидая этого и от своей жены, Толстой в следующих выражениях протестует против ухода матерей в кормилицы:

Пусть такія матери понимаютъ, что онѣ виновницы смерти своихъ дѣтей и что оставляя своихъ дѣтей и поступая въ кормилицы, онѣ дѣлаютъ самый великій грѣхъ, который можетъ сдѣлать женщина, отступая отъ даннаго ей Богомъ закона (л. 12, гл. «Всегда ли можно матери кормить свое дитя»).

Седьмая глава книжки Покровского называется: «Полезна ли соска?» В эту именно главу Толстой вписал ту свою заметку о соске, о которой несколько раз записывал в Дневнике. В изложении Покровского глава эта заканчивается словами: «Есть страна, называемая Швецией, в которой всякая мать обязательно должна кормить своего ребенка грудью; никаких сосок там не существует, и вот в Швеции из 100 новорожденных не доживает до года только 9 человек, а у нас в России из 100 новорожденных не доживает до года 33, а местами даже 60 человек, и все это главным образом от употребления соски с раннего возраста ребенка». Толстой делает некоторые исправления в этом куске (между прочим, Швецию заменяет Англией и дополняет цифры смертности) и на полях рукописи (л. 17) делает обширную вставку о вреде соски и о безусловной необходимости кормления грудью. Вставка эта не умещается на полях, и Толстой продолжает развивать свою мысль на отдельном листе (40), исписывая его с обеих сторон.

Для связи мы печатаем вставку Толстого вместе с теми им проредактированными строками Покровского, после которых она вписана. Сплошной текст Толстого начинается со слов: «Что губит этих 20 и больше лишних детей»...

В главе девятой, озаглавленной: «Сколько времени следует кормить ребенка грудью?», после слов автора: «никогда никакое кормление не предохраняет женщину от нового зачатия» Толстой вносит добавление:

Предохраняетъ только воздержаніе супруговъ въ то время, когда женщина нужна ребенку какъ кормилица.

К главе семнадцатой: «Хороши ли для ребенка качки?» (так заглавие было изменено Толстым; у Покровского было: «Годны ли для ребенка русские качки?») Толстой делает заключение:

Колыбели вредны; и если мать хочетъ хорошо возрастить своего ребенка, пусть она научается обходиться безъ нихъ.

После Толстого рукопись Е. А. Покровского подверглась еще исправлению неизвестного нам лица. Лицом этим в некоторых местах были внесены незначительные

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle изменения и в поправки Толстого и совсем была вычеркнута сделанная Толстым вставка, начинающаяся словами: «Надо не торопиться» (см. стр. 687).

По поводу заключительной (29-й) главы книжки Покровского между Толстым и В. Г. Чертковым возникла интересная переписка. Глава эта говорит о детских питомниках или яслях в деревне. Сделав общую характеристику яслей и способов ухода в них за детьми, автор говорит: «Питомники этого рода давно уже заведены в деревнях и городах для бедного народа за границей, а благодаря некоторым заботливым земствам, например, Московскому, Пермскому, Симбирскому, Орловскому и другим, подобные питомники с каждым годом всё более развиваются и в наших деревнях. Польза от них, как всякий может видеть, громадная; дети в них не брошены, а переданы на попечение заботливых, толковых, выбранных и одобренных всем миром нянек, у которых ребенок не насидится голодный, холодный, грязный, измученный насекомыми и животными. Помогай бог нашим земствам в этом добром, христианском деле, а нашим крестьянам дай бог скорее уразуметь всю пользу этих питомников для их детей, и дай бог, чтобы они имели силу помогать земству в этом добром деле».

Толстому, очевидно, понравилась идея детских питомников, как она была развита Покровским. Редактируя предыдущую двадцать восьмую главу, называющуюся: «Годны ли для нянек ветхие старухи и малолетки?» Толстой в текст Покровского вносит следующее добавление:

А для ухода за дѣтьми, казалось бы, слѣдовало бы точно также приставить вполне надежных нянекъ, такъ чтобы всякая мать спокойно могла бы уходить на работу. Для такого ухода за дѣтьми устраиваютъ дѣтскіе питомники.

Этими словами Толстой закончил главу, вводя ими читателя в содержание следующей главы, специально посвященной устройству детских питомников.

В. Г. Чертков остался не совсем доволен последней страницей книжки Покровского и взамен ее написал свой новый текст, который и послал Толстому вместе с рукописью Покровского. Толстой начал было исправлять присланное В. Г. Чертковым окончание брошюры, но почувствовал неудовлетворенность своей работой и оставил заключение книжке в том виде, в каком оно было написано Покровским. Об этом он писал В. Г. Черткову 20 апреля: «Покровского заключительную страницу я попытался исправлять, но бросил и всю замарал. По моему, нельзя этого, во 1-х, потому, что это не мысль Покровского, а во 2-х, потому, что я думаю, что мысль питомников сама по себе нравственна: безнравственна при теперешней степени сознания, при которой материнская любовь считается добродетелью, но уже ясно видна следующая ступень, при которой материнская любовь представляется уже не пороком, не добродетелью, а одной из форм проявления личной жизни, которая должна быть подчинена воле Бога. Я отдал статью Покровского печатать. Если вы что имеете возразить о последней странице, то обратитесь к Полушину». [428]

В. Г. Чертков отвечал Толстому 29 апреля: «Покровского книгу я, разумеется, оставляю в том виде, в каком вы ее передали Полушину».

Книжка вышла в 1890 году под заглавием: «Об уходе за малыши детьми». Составлено главным доктором Московской детской больницы Е. А. Покровским. № 509. Москва, типография Вильде. VIII + 100 стр. 16°. В книжке, очевидно в корректуре, был сделан целый ряд дополнений и стилистических изменений текста. Кем именно были сделаны эти изменения и дополнения, многие из которых имеют чисто медицинский характер, сказать не можем. Весьма вероятно, что корректуру читал, кроме редакторов «Посредника», и сам автор. Во всяком случае, по характеру и стилю исправлений и дополнений для нас несомненно, что Толстой корректуры не читал. В некоторых местах книжки подвергся некоторой правке и Толстовский текст. Что касается его вставки о соске, то она напечатана была на стр. 43–46 первого издания книжки с добавлением слов: «Говорят обыкновенно» перед словами: «Что они не глупее нас были», с пропуском слова «святым» перед словом «младенцам», сглаживаньем слога в некоторых местах («Не то что отец, а всякий...» вместо Толстовского: «Не то отец, всякий... и др.) и с несколькими опечатками (из которых самая важная – «Странно сказать» вместо – «Страшно сказать»). По рукописи, хотя и не вполне точно – статейка Толстого, вместе с обстоятельными комментариями, была опубликована В. И. Срезневским в статье «Заметка Л. Н. Толстого об уходе за малыши детьми», напечатанной в сборнике: «Толстой. Памятники творчества и жизни». 3. Редакция В. И. Срезневского, изд. Кооперативного т-ва изучения и распространения творений Л. Н. Толстого. М. 1923, стр. 3–10.

Брошюра Е. А. Покровского выдержала ряд изданий (6 изд. – 1910 г.). Об огромной работе Толстого по редактированию и дополнению книжки, – работе, в которую он вложил всю свою любовь к народу и его детям, свой жизненный опыт и силу своего дарования, – об этой работе не было упомянуто ни в одном издании. Это и соответствовало желанию Толстого «скромно, безлично работать». В собраниях сочинений Толстого его статья о соске до сих пор не включалась.

Что касается замысла Толстого написать отдельно о соске, то он не был осуществлен.

–
ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ Д-РА МЕДИЦИНЫ АЛИСЫ СТОКГЭМ «ТОКОЛОГИЯ, ИЛИ НАУКА О РОЖДЕНИИ ДЕТЕЙ»

В ноябре 1888 г. Толстой получил книгу американской писательницы Алисы Стокгэм (Alice V. Stockham) «Tokology. A book for every woman» [«Токология. Книга для всех женщин».] Книга понравилась Толстому тем, что совершенно совпадала с его взглядами по этому вопросу, и он 17 ноября 1888 г. писал В. Г. Черткову: «О брачной жизни я много думал и думаю, и, как всегда бывало со мной, как я о чем начинаю думать серьезно, так извне меня подстрекают и мне помогают. Третьего дня я получил из Америки книгу одной женщины доктора (она писала мне) под заглавием: «Tokology, a book for every woman», by Alice Stockham, M. D. Книгу вообще превосходную, но главное, трактующую в одной главе о том самом предмете, о котором мы с вами переписывались, и решающую вопрос, разумеется, в том же смысле, как и мы. [429] Радостно видеть, что вопрос давно поднят, и научные авторитеты решают его в том же смысле. Ужасно радостно застать себя в темноте и далеко впереди увидеть свет». [430]

30 ноября Толстой написал автору письмо, которое приводим в переводе с английского:

«Милостивая государыня,

«Я получил вашу книгу «Токология» и очень благодарю вас за ее присылку. Я просмотрел ее и нахожу, насколько я в этом компетентен, что это – действительно книга не только для женщин, но для всего человечества. Без работы в этом направлении человечество не может идти вперед; и мне кажется, что мы очень отстаем особенно в вопросе, обсуждаемом вами в главе XI вашей книги. [431] Странно, но на прошлой неделе я как раз написал длинное письмо одному из моих друзей на ту же тему. Половые отношения без желания и возможности иметь детей хуже, чем проституция и онанизм, и фактически являются и тем и другим. Говорю: хуже, ибо лицо, совершающее эти преступления, не будучи женатым, всегда сознает, что поступает дурно, но муж и жена, совершающие тот же самый грех, воображают, что они совершенно правы и чисты.

«Поэтому книга ваша (не говоря уже о ее больших достоинствах) была мне очень приятна.

«Очень желал бы, чтобы ваша книга продавалась в Москве и Петербурге».

Считая книгу Стокгэм очень полезной для русских читательниц, Толстой посоветовал переводчику, С. Долгову, перевести ее на русский язык, испросив предварительно согласие автора.

В сентябре 1889 г. Алиса Стокгэм посетила Москву. Она желала повидаться с Толстым, но он в то время был в Ясной поляне и написал ей письмо, которым направлял ее к своему хорошему знакомому А. Н. Дунаеву. А. Н. Дунаев, – писал Толстой, – «будет рад помочь вам при посещении Москвы, а также сказать вам всё относительно «Токологии», которую переводит его друг Г. Долгов. Я очень сожалею, что я сейчас не в Москве и не буду иметь возможности познакомиться с вами лично, если Тула вам не по пути и вы не можете заехать к нам. Мы были бы очень рады повидать вас».

По словам С. Долгова в предисловии к «Токологии» (стр. V), Стокгэм провела в Москве несколько недель, стараясь ознакомиться с условиями русской жизни с целью применить русское издание ее книги к особенностям русского быта.

2 октября 1889 г. Стокгэм посетила Ясную поляну. Толстой много беседовал с ней о

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e религиозном движении в Америке, которым она была занята.

Предисловие Толстого было написано 2 февраля 1890 г., как видно из записи его Дневника за этот день: «Приехал Долгов о токологии. Написал предисловие». Оно было напечатано на стр. III–IV книги: «Токология, или наука о рождении детей». Книга для женщин д-ра медицины Алоизы Стокгэм. С разрешения автора перевел с английского С. Долгов. М. 1892. Книга появилась со многими примечаниями, написанными автором специально для русского издания, и переиздавалась несколько раз (4-е издание – 1901 г.). Небезынтересно, что в новом издании книги в подлиннике (Stockham Publishing Co. Chicago. 1902), появившемся после напечатания предисловия Толстого к русскому изданию, это предисловие не появилось. В собрание сочинений Толстого данная статья была включена впервые в 1895 г., в издание, озаглавленное: «Сочинения гр. Л. Н. Толстого». Дополнение к XIII части. Статьи, не вошедшие в прежние издания. М. 1895. Статья занимает здесь стр. 247–248.

Рукописей предисловия Толстого не сохранилось; воспроизводим его по первопечатному тексту.

«ДЛЯ ЧЕГО ЛЮДИ ОДУРМАНИВАЮТСЯ?»

С 1887 года Толстой начинает интересоваться вопросом о борьбе с алкоголизмом. В этом году им было основано общество трезвости, которому он дал название «Согласие против пьянства». В следующем 1888 году им были написаны две статьи против пьянства – «К молодым людям» и «Пора опомниться». В следующем 1889 году им была написана по данному вопросу статья «Праздник просвещения», проредактированы три статьи Ф. А. Желтова о пьянстве, велась переписка с рядом лиц по вопросу о борьбе с пьянством; о вреде вина и табака он говорил даже на волостном сходе, но «получил отпор», о чем записал в Дневнике 3 октября 1889 г.

Первая запись в Дневнике о статье «Для чего люди одурманиваются?» относится к 16 января 1890 г., когда Толстой записывает: «Надо написать... два предисловия: к Балу и к Алексееву». Предисловие «к Алексееву» и было названо впоследствии «Для чего люди одурманиваются?»; статья эта появилась как предисловие к книге доктора П. С. Алексеева «О пьянстве».[432] Однако к исполнению этого намерения Толстой приступает только почти через четыре месяца. 9 апреля 1890 г. Толстой пишет С. А. Рачинскому: «У меня лежит прекрасная статья доктора Алексеева: история борьбы против пьянства; и мне очень хочется написать к ней предисловие. Разумеется, это для образованного класса. Образованные классы в этом отношении очень не образованы. Но всё не успею. Дел набирается перед смертью обратно пропорционально квадрату расстояния».

Однако, уже на другой день, 10 апреля, Толстой принимается за задуманную статью: этим числом помечен автограф, представляющий брошенное начало статьи. 13 апреля Толстой записывает в Дневнике: «Третьего дня писал опять о наркотиках. Не дурно». Не беремся сказать, относится ли запись к последней редакции статьи, или к одному из трех брошенных начал ее. После этого Дневник молчит о работе над статьей вплоть до 1 мая, когда записано: «Писал статью о пьянстве и кончил». Слово «кончил» в данном случае, как и часто у Толстого, означает только то, что статья была вчерне дописана до конца, но не означает того, что была прекращена всякая дальнейшая обработка статьи, занявшая еще много времени.

По записи Дневника, уже 3 мая Толстой «правил статью». 4 мая помечена на обложке сделанная М. Л. Толстой копия статьи. 5 мая Толстой записывает в Дневнике следующие три заметки «к статье о пьянстве»: «1) Человеку нужно разрешить нечто трудное, чтобы идти вперед, надо осветить, и вот он затемняет наркот[иками]. 2) Человек упирается в то же затруднение и не разрешает. Для движения вперед нужна ясность, и то затемняют. 3) Нужно самое острое, его-то сшибают».

Эти мысли были развиты Толстым в пятой (по окончательной редакции) главе статьи. В Дневнике 10 мая находим еще следующую запись к той же статье (вошедшую в ту же главу): «Прелестно и нужно для статьи о пьянстве слова Лесинга: «Многие люди перестают думать тогда, когда думанье начинает быть трудным». Я прибавил бы: и плодотворным».

18 мая, записывая за 7 дней, Толстой, перечисляя свои работы за это время, отмечает и то, что он «начал поправлять предисловие о пьянстве». (14 мая статья переписывается М. Л. Толстой, как это указано ею на одной из обложек черновых рукописей статьи.) После этого в течение нескольких дней читаем в Дневнике почти

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
ежедневные записи о работе над данной статьей. Так, 19 мая Толстой пишет: «Предисловие немного поправлял. Остановился на 2-й части. Надо всё переделать. Очень тэма важна. И то писал только вечером». 21 мая: «Чуть чуть поправил предисловие». 22 мая – опять работа над предисловием; 23 мая Толстой опять «немного» писал предисловие; 25 мая вновь «немного поправлял о дурмане»; 28 мая – также «поправлял статью о пьянстве»; 29 мая – «немного пописал»; 30 мая «сел писать», но помешали; 31 мая – «немного писал статью». После этого следует перерыв в два дня. 3 июня работа продолжалась, как это видно из пометки М. Л. Толстой на обложке одной из копий статьи. По Дневнику, 4 июня Толстой опять «писал», а 5 июня – «кончил статью». 8 июня «немного поправлял уже поправленное», а 10 июня «много поправлял». Запись: «поправлял» имеется также и под 11 июня; эту запись мы считаем последней, несомненно относящейся к статье «Для чего люди одурманиваются?»

13 июля Толстой получает корректуру статьи и в тот же день записывает в Дневнике: «Корректуры статьи от Гольцева. [433] Надо прибавить». На следующий день, 14 июля, пишет: «Сажусь за статью». И позднее в тот же день: «Поправил все корректуры. Не кончил заключение». Затем 19 июля Толстой «писал немного к трезвости», т. е., очевидно, добавление к статье.

При отсылке корректур Толстой написал В. А. Гольцеву следующее письмо: «Посылаю вам, дорогой Виктор Александрович, исправленное предисловие. Я бы не утруждал вас, а послал бы прямо в типографию, но не знаю, в какую, а потому прошу уже вас: 1) попросить в типографии, чтобы, исправив, прислали мне два экземпляра сверстанные, 2) чтобы вы сами, прочтя, решили, что может вызвать запрещение всей книги, и выкинули бы. Когда может выйти книга? Нельзя ли отпечатать предисловие отдельной брошюрой?»

25 июля Толстой с уезжавшим из Ясной поляны переводчиком его сочинений на немецкий язык Р. Левенфельдом отправил В. А. Гольцеву письмо, в котором писал, что просил Левенфельда «кое-что» передать Гольцеву о его статье. Что просил Толстой передать Гольцеву, нам неизвестно.

6 августа Толстой читал сверстанную корректуру статьи, как отмечено у него в Дневнике. 24 или 25 августа Толстой писал В. А. Гольцеву: «В корректуре моего предисловия в выноске 24-й и 25-й стр[аниц] до слова: «Во-вторых», находящегося на 6 строке выноски 25-й страницы, есть поправки. Все эти поправки уничтожить и оставить, как было до поправок. Всё это, разумеется, если еще не отпечатано».

Так как правленных Толстым гранок статьи «Для чего люди одурманиваются?» не сохранилось, то выяснить, какие из своих поправок отменял Толстой этим письмом, невозможно.

Статья Толстого появилась впервые в переводе на английский язык, сделанном Э. Диллоном, в февральском номере лондонского журнала «Contemporary Review», под названием: «Wine Drinking and Tobacco Smoking» [«Питье вина и курение табака»]. Отсюда в обратном переводе с английского статья была напечатана в «Новом времени» 1891 г., №№ 5354, 5355 и 5357 от 24, 25 и 27 января. По подлинному тексту статья была напечатана в виде предисловия к книге: Д-р П. С. Алексеев, «О пьянстве». С предисловием гр. Л. Н. Толстого: «Для чего люди одурманиваются?», изд. редакции журнала «Русская мысль». М. 1891, стр. 1–27. Под статьей дата: 10 июня 1890 г. Вскоре статья появилась и отдельной брошюрой в издании «Посредник» и в том же году была перепечатана в тринадцатой части «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», Москва.

Последовательные рукописи работы Толстого над статьей «Для чего люди одурманиваются?» сохранились, повидимому, все. Они следующие:

1. Первый автограф. 7 лл. 4°, вырванных из тетради и исписанных с обеих сторон. Нумерованы позднее (не автором) – цифрами 1–7. Статья первоначально была озаглавлена: «О употреблении вина». Это заглавие тут же зачеркивается автором и заменяется следующим: «О питье водки, вина, пива, эфира, сока мухомора, опиума, о курении опиума, табаку, всприскивании морфина». Взамен этого пишется третье заглавие: «Что такое одурманивающие вещества?» тут же зачеркивается и заменяется четвертым: «Опьянение».

На протяжении 5 страниц (оборот 3 л. незаполнен) следует общее введение к статье, соответствующее по содержанию первой половине первой главы статьи в

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle окончательной редакции. После этого сделана обведенная кружком пометка: «назадъ» и поставлен знак: # Следующий 4 л. начинается с этого знака: # На лл. 4–7 следует изложение, приближающееся по основным мыслям к 4 главе статьи в окончательной редакции (об изречении Брюллова, об убийстве Раскольниковым старух и о значении мысли для совершения поступков). По обозначениям автора видно, что эта часть статьи была написана ранее, чем та часть, которая впоследствии была нумерована, как лл. 1–3.

На обороте л. 7 имеются следующие заметки планового характера:

опіумъ

хашишъ (счастье)

алкоголь (вино)

табакъ (судья).

Все эти отрывочные, в то время понятные только для автора заметки получили развитие в первой же редакции статьи.

Начало статьи, лл. 1–3, было совершенно оставлено автором. В ГТМ (АЧ 15. 21) имеется копия этого начала, сделанная рукою В. Г. Черткова, но без всяких исправлений автора; очевидно, она им и не просматривалась. Вторая же часть статьи (написанная в действительности раньше первой), переписанная И. И. Горбуновым-Посадовым, вошла в состав ниже описанной рукописи № 3.

Рукопись хранится в ГТМ (АЧ 15. 20).

2. Второй автограф, написанный целиком рукою автора, содержащий 4 исписанных с обеих сторон лл. 4°, вырванных из тетради и нумерованных впоследствии (не автором) цифрами 1–4. Оборот л. 4 заполнен не целиком. По содержанию рукопись соответствует первой главе статьи в окончательной редакции до абзаца, начинающегося словами: «Вся жизнь людская»... Это начало заменило первоначальный набросок начала статьи, описанный нами выше в рукописи № 1, и, переписанное И. И. Горбуновым-Посадовым, вошло в состав рукописи, описанной ниже под № 3.

Рукопись хранится в ГТМ (АЧ 15. 22).

3. Копия, сделанная И. И. Горбуновым-Посадовым с вышеописанных рукописей № 2 и части № 1 (лл. 4–7), с исправлениями и обширными вставками автора. Содержит 18 лл. 4°, нумерованных по страницам цифрами 1–34, со вставкой на отдельном листе на стр. 33. Копия И. И. Горбунова-Посадова занимает страницы 1–12 и 27–32; новый текст Толстого – страницы 13–26 и 32–34. Копия была сделана на линованной бумаге из учебной тетради и первоначально имела свою особую нумерацию: переписанное с рукописи № 2 было нумеровано цифрами 11–17, а переписанное с лл. 4–7 рукописи № 1 имело нумерацию 1–10. Страницы 13 и 16, содержащие начало сделанной автором вставки, написаны на обороте сделанного рукою Т. Л. Толстой (впоследствии по мужу Сухотиной) списка куплетов, которые поют действующие лица «Плодов просвещения». Рукопись заключена в обложку учебной тетради магазина Мюр и Мерилиз в Москве, на которой рукою Толстого помечено: «Предисловіе къ Алексее[ву] о винъ», и во вторую обложку из писчей бумаги, на которой рукою М. Л. Толстой (впоследствии по мужу Оболенской) написано: «Для чего люди одурманиваются? 4 Май».

Первая часть копии, стр. 1–6, была просмотрена автором, судя по чернилам, дважды. Первый просмотр был сделан черными водянистыми отчасти выцветшими чернилами, такими же, какими была сделана копия И. И. Горбунова-Посадова. Второй просмотр, более поздний, был сделан синими чернилами. Этот просмотр синими чернилами доходит до конца статьи. После стр. 12 автором делается синими же чернилами большая вставка в текст на 12 страницах; вновь пишется и конец статьи на 3 страницах. Статья датирована 1 мая 1890 г. Кажется, что был еще третий просмотр, сделанный более густыми и яркими синими же чернилами; возможно, что в этот третий просмотр была сделана и вставка на отдельном листе на страницу 33. Кроме того, на стр. 8 имеется правка черными чернилами текста, написанного синими чернилами.

На полях стр. 13 имеются следующие заметки планового характера:

убійца

шахматы[434]

проститутки

тверез[ому] стыдно

работа умствен[ная]

Скука. Веселье

вина. веселье

опіума. –

Дикіе.

Все эти темы были развиты автором в той обширной вставке, которую он сделал в статье. Свою мысль об одурманивающем действии алкоголя и табака автор иллюстрирует различными примерами; из них вычеркнут следующий:

Игрокъ, проигравшій все, прежде, чѣмъ войти въ комнату къ женѣ и унести потихоньку ея ожерелье, выкуриваетъ папиросу, рискуя выдать себя этим. Ему необходимо это.

По содержанию данная рукопись соответствует главам I–IV окончательной редакции. Из этой рукописи мы даем в вариантах (№№ 1, 2, 4, 7) три вычеркнутые места и одно, отмеченное автором знаком «пр.» (пропустить).

Рукопись № 3, так же, как и все описанные ниже, за исключением №№ 13 и 14, хранится в АТ (п. 29).

4. Копия с предыдущей рукописи, сделанная рукою С. А. Толстой. Заключала первоначально 17 лл. 4°, исписанных с обеих сторон и нумерованных переписчицей. Статья озаглавлена:

«Предисловіе къ статьѣ О Пьянствѣ Док. Алексѣева.

«Для чего люди одурманиваются?»»

В тексте и на полях много исправлений и дополнений автора, причем по чернилам видно, что рукопись просматривалась не менее двух раз: с листа 1 начинаются поправки более яркими черными чернилами, а с листа 5—более бледными, водянистыми чернилами. Исправления второго вида сделаны позднее, чем первого. В исправлениях и дополнениях, сделанных в этой рукописи, автор подробнее обосновывает психологически свой взгляд на причины потребления наркотических веществ; иллюстрирует свою мысль новыми разительными примерами; особенно подробно останавливается на влиянии на психику курения табака.

Говоря о средствах «приведения поступков в согласие с совестью», автор сначала употребляет привычное ему выражение, сказав, что для этого есть только один способ: «тот узкий путь, про который говорит Евангелие». Но это выражение тут же вычеркивается и заменяется более общим: «нравственное просвещение».

В конце статьи переписчица поставила дату переписанной рукописи: «1 мая 1890 г.». Лл. 9–17 в дальнейшем были переложены в рукопись № 5.

Из этой рукописи мы даем в вариантах (№ 6) одно вычеркнутое место.

5. Копия части предыдущей рукописи, сделанная рукою М. Л. Толстой. Содержала первоначально 18 лл. 4°, исписанных с обеих сторон и нумерованных переписчицей. Переписка захватывает лишь лл. 1–8 переписки С. А. Толстой; лл. же 9–17, как менее испещренные поправками автора, были просто переложены переписчицей в данную рукопись и перенумерованы соответственно цифрами 19–27. Рукопись имеет то же заглавие, как и предыдущая. На лл. 1–2 имеются поправки главным образом стилистического характера рукою неизвестного и на лл. 2–7 такого же характера –

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
рукою М. Л. Толстой, сделанные с неизвестного нам источника. Были ли эти поправки продиктованы автором (что мало вероятно), или нанесены автором на не дошедшую до нас рукопись, с которой переписаны на данную, или же, наконец, предложены кем-либо из друзей или знакомых Толстого, читавших статью в рукописи, – во всяком случае исправления эти, не имеющие существенного характера, были Толстым признаны, так как все были оставлены в следующей переписке, внимательно прочитанной автором.

Исправлений рукой самого Толстого в данной рукописи сравнительно немного. Попрежнему автор особенно тщательно дополняет и исправляет ту часть статьи, где им дается психологическое обоснование употреблению наркотиков. Рассказывая об убийстве поваром старухи-барыни, автор на этот раз называет ее фамилию – гр. Толстая.

В данной рукописи впервые появляется деление на главы 1–7, не соответствующее делению окончательной редакции.

Лл. 12–18 вместе с переписанными С. А. Толстой листами, получившими в данной рукописи нумерацию 19–27, были, при дальнейшей переписке статьи, переложены в следующие рукописи.

Из данной рукописи мы даем в вариантах (№ 5) одно зачеркнутое место.

6. Копия лл. 9–10 предыдущей рукописи, сделанная М. Л. Толстой. Была перенумерована переписчицей по листам (исписанным с обеих сторон) цифрами: 91 92, 101, 102. Новая переписка именно листов 9–10 вызвана была, очевидно, тем, что исправлений автора на этих листах было особенно много.

Толстой, перечитывая эту переписку, сделал обширную вставку на отдельном листе (исписав его с обеих сторон) на оборот последнего листа – о характере действия каждого наркотика в отдельности на психику человека.

7. Копия трех лл. предыдущей рукописи, а именно: помеченных цифрами 101 102, и собственноручной вставки автора на одном листе, а также листа 11 рукописи № 5. 7 лл. 4°, исписанных с обеих сторон рукою М. Л. Толстой. Нумерации нет. Непосредственно за этой перепиской следуют служащие ее продолжением лл. 12–16 рукописи № 5.

В рукописи три слоя исправлений автора: 1) синими чернилами; 2) позднее водянистыми, отчасти выцветшими чернилами; 3) еще позднее – более яркими черными чернилами. Исправления касаются, во-первых, психологического обоснования действия наркотиков, во-вторых, описания действия так называемого умеренного потребления наркотических веществ и, в-третьих, действия табака.

Внизу оборота л. 2 на полях переписаны автором с некоторыми дополнениями и изменениями первые 4 строки л. 3; вверху и на полях л. 7 переписаны с изменениями и дополнениями последние 7 строк оборота л. 6. Сделано это потому, что лл. 3–6, говорящие о действии каждого из наркотических веществ в отдельности, хотя и не были автором ни перечеркнуты, ни отмечены знаком «пр.» (пропустить), были отложены и не отданы в переписку, почему и не попали в статью, кроме указанных выше строк, переписанных самим автором на лл. 2 и 7. Это выпущенное автором место, как представляющее несомненный интерес, даем в вариантах под № 8.

8. Копия предыдущей рукописи, а также (по рукописи № 5) всей предыдущей части статьи. Содержала первоначально 17 лл. 4°, исписанных с обеих сторон рукою Т. Л. и М. Л. Толстых. Нумерация по листам цифрами 1–17 рукою М. Л. Толстой. Рукопись заключена в обложку, на которой рукою М. Л. Толстой обозначено: «Для чего люди одурманиваются?» 14 май. 1890 годъ. Ясная Поляна». Ниже ее же рукою проставлено карандашом: «31 Май».

Исправлений автора сравнительно немного; есть целые листы (7–8), им совершенно не тронутые. Обширные исправления начинаются с л. 14 и касаются вопроса умеренного потребления наркотиков и куренья табаку. Исправлений, как и в предыдущих рукописях, два слоя: водянистыми, отчасти выцветшими черными чернилами и – позднее – более яркими черными же чернилами. Лл. 1–6 и 15–17, как, очевидно, менее подвергшиеся исправлениям, при дальнейшей работе были переложены переписчиками в другие рукописи.

9. Копия лл. 12–14 предыдущей рукописи, сделанная рукою неизвестного переписчика и М. Л. Толстой. 3 лл. 4°, из которых два первые нумерованы рукою М. Л. Толстой цифрами 12–13; последний лист остался не нумерованным. Сюда же были переложены из предыдущей рукописи лл. 15–17, а также непосредственно к ним примыкающие по содержанию лл. 17–18 рукописи № 5. Внизу полей оборота л. 17 начат текст пятой главы, тут же зачеркнутый. На отдельном листе, исписывая его с обеих сторон, автор пишет новый текст той же главы, но не удовлетворяется начальными строками, вычеркивает их и пишет новое начало на отдельном листе. Последние строки этой обширной вставки дописываются на л. 19, переложеном сюда из рукописи № 5, так же как и следующие за ним лл. 20–27 той же рукописи.

На всем протяжении рукописи, за исключением лл. 3–27, очень много исправлений автора, сделанных в два приема: более бледными и затем более яркими чернилами. Целые страницы вычеркиваются и заменяются новым текстом на полях. Исправления касаются трех вопросов: умеренного потребления алкоголя, курения табаку и вопроса о том, почему пьют и курят люди с высокими душевными качествами. Вставка автора, открывающая пятую главу статьи, дает характеристику действия каждого из наркотиков в отдельности.

Из выкинутых автором мест особенно интересны его соображения о влиянии курения на шахматную игру. Это место, так же как и четыре другие, также вычеркнутые автором, даем в вариантах (№№ 9–13).

10. Копия части предыдущей рукописи, кончая листом, помеченным цифрой 22. Содержала первоначально 16 лл. 4°, переписанных рукою М. Л. Толстой, и 3 лл. – рукою неизвестного переписчика. Нумерованы М. Л. Толстой. Сюда же были переложены из предыдущей рукописи лл. (по нумерации рукописи № 5) 23–27. На обороте л. 23 Толстой начинает обширное добавление об общем действии на жизнь употребления наркотических средств, продолжая это рассуждение на 3 лл., из которых первые две исписываются им с обеих сторон, а на третьем написано только несколько строк вверху.

Вся рукопись заключена в обложку, на которой рукою М. Л. Толстой написано: «Для чего люди одурманиваются? 31 Май 1890 г.»

11. Копия всей статьи, составленная следующим образом:

- 1) лл. 1–6 (переписка Т. Л. Толстой) – взяты из рукописи № 8;
- 2) лл. 7–19 переписаны вновь рукою М. Л. Толстой и двух неизвестных переписчиков;
- 3) лл. 20–29 и 35–38 – из рукописи № 10.
- 4) лл. 30–34 переписаны вновь рукою Т. Л. Толстой.

Нумерация рукописи начата была М. Л. Толстой, но не была доведена до конца. При пересмотре рукописи Толстой исключил лл. 21–23, говорящие о влиянии на психику человека каждого наркотика в отдельности; листы эти носят следы сгиба пополам, что делалось Толстым в тех случаях, когда те или другие листы вынимались им из рукописи, как ненужные. После этого лл. 25–29 были перенумерованы как лл. 20–25. Следующий лист, начинающий переписку Т. Л. Толстой, был помечен цифрой 26, и на этом нумерация прекратилась. По ошибке два листа были нумерованы одной и той же цифрой 19. Рукопись заключена в обложку, на которой рукою М. Л. Толстой обозначено: «Для чего люди одурманиваются. 3 Июня. 1890 г.»

На всем протяжении рукописи рассеяны более или менее значительные исправления автора; число этих исправлений и их размер наиболее велики в главе о курении табаку. Не безынтересно, что рассказывая об убийстве повара жены своего двоюродного дяди граф. Авдотьи Максимовны Толстой, автор вычеркивает сделанное им в рукописи № 5 указание: «мою родственницу старуху граф. Толстую», заменяя эти слова глухим обозначением: «старую барыню, у которой он [повар] жил». (В корректуре статьи автор восстановил слова: «мою родственницу», но фамилии не указал.)

Из этой рукописи мы даем в вариантах (№№ 14–16, 19) выпущенное автором место о характере действия каждого наркотика в отдельности, а также два вычеркнутые

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle места о влиянии курения табака на умственную деятельность и одно – о значении «чуть-чуточных» изменений в сознании.

12. Копия всей рукописи, сделанная рукою М. Л. Толстой и трех неизвестных переписчиков. 35 лл. 4°, исписанных с обеих сторон и нумерованных переписчиками. Исправления автора, сравнительно немногочисленные в первых трех главах, очень разрастаются, начиная с главы IV. В заключении статьи, развивая мысль о разладе жизни современного человечества с требованиями его сознания, Толстой, как художник, хочет иллюстрировать свою мысль сравнением. Он говорит:

Человѣчество въ наше время представляется мнѣ въ положении натянутой до послѣдней степени тетивы лука.

Сравнение не удовлетворяет и заменяется иным:

засѣваго въ снѣгу паровоза.

Не удовлетворяет и это и заменяется новым:

ставшаго при подъемѣ въ гору вагона конножельзной дороги.

И это сравнение кажется не подходящим, Толстой вычеркивает и его и, оставив метод сравнения, излагает свою мысль в обширной вставке, исписав ею с обеих сторон четвертушку писчей бумаги.

Из данной рукописи мы даем в вариантах (№ 18) одно вычеркнутое место.

13. Копия 10 лл. предыдущей рукописи, а именно лл. 22–29 и лл. 34–35 с собственноручной вставкой к ним автора на одном листе. 12 лл. 4°, исписанных с обеих сторон рукою М. Л. Толстой и ею же нумерованных. На каждом листе исправления автора в виде исключений или вставок отдельных слов и целых предложений.

Эти вновь переписанные листы заменили те листы предшествовавшей рукописи, с которых они были списаны, и таким образом составила полная и последняя копия статьи. Лицевая сторона л. 33, повидимому, значительно исправленная автором и имеющая его собственноручную вставку на отдельном листе, была переписана М. Л. Толстой на согнутом пополам полулисте писчей бумаги; переписка заняла три страницы и оставшейся свободной четвертой страницей была наклеена на л. 33, скрыв таким образом собственноручно исправленный Толстым текст.

Толстой, вероятно, еще раз прошелся по всей рукописи, сделав в ней последние исправления, поставив дату – «10 июня» и сделав подпись: «Л. Толстой». Рукопись в таком виде, содержащая 38 лл. 4° и заключенная в обложку, на которой рукою М. Л. Толстой обозначено: «Для чего люди одурманиваются? 10 Июнь. 1890 г.», хранится в ГТМ (АЧ 15. 24), а 10 лл. рукописи № 12, с которых была сделана новая копия, хранятся в АТ (п. 29) в обложке, на которой рукою М. Л. Толстой написано: «Для чего люди одурманиваются. Июль 1890 г.» Дату в данном случае следует понимать не как время работы автора над данной рукописью, а как то время, когда рукопись была заключена в обложку.

14. Копия всей статьи, сделанная с последней правленной автором копии, со внесением исправлений, сделанных автором в корректуре. Сделана рукою двух неизвестных переписчиков; поправки автора в корректурах внесены рукою М. Л. Толстой. Ею же нумерована рукопись по листам цифрами 1–30, со вставкою на отдельном листе на лист 19. формат рукописи 4°; хранится в ГТМ (АЧ 15. 25). В рукописи две собственноручные поправки Толстого: 1) на об. л. 3 вставлено слово: «стрелкой» после слов: «прикрытой по своему протяжению пластинкой»; 2) на л. 4 слово «и» заменено словом «но» в предложении: «но выступающей и становящейся видной»... Так как обе поправки эти принадлежат автору и сделаны им уже после чтения статьи в корректурах, считаем необходимым внести их в текст статьи.

С последней полной копии была сделана новая копия, которая и была отправлена в набор. Этой копией мы не располагаем, но судя по чистым корректурным гранкам, хранящимся в ГТМ, копия была сделана очень тщательно, но переписчик, повидимому не вполне знакомый со всеми особенностями Толстовской манеры письма, сделал две невольные ошибки. Во-первых, на лл. 23–25 последней копии имеется рассуждение автора о влиянии употребления наркотиков на умственную деятельность людей нашего

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
времени. Рассуждение это было вычеркнуто автором, но затем вновь восстановлено; переписчик, очевидно, не понял восстановительных знаков Толстого и места этого не переписал вовсе, почему оно и не попало в печатный текст. Во-вторых, на лл. 23–24 имеется подстрочное примечание и при нем указание автора о том, чтобы примечание это перенести на другой лист. Переписчик не заметил или не понял этого указания и поместил подстрочное примечание не в надлежащее место, как и было напечатано.

Из исправленной автором корректуры статьи, содержащей 17 гранок, в нашем распоряжении имеется лишь часть гранки 10, хранящейся в АТ (п. 29). Однако, работу автора в корректурах мы легко можем восстановить, сравнив неисправленные автором гранки с печатным текстом. Из этого сравнения видно, что автор сделал много исправлений, но почти исключительно стилистического характера, стараясь выразить свою мысль возможно яснее, сильнее, короче и убедительнее. Этим же вызвано было и исключение некоторых мест, два из которых мы даем в вариантах (№№ 3 и 17).

Что же касается намерения автора «прибавить» что-то в статью, о чем записано у него в Дневнике 13 июля 1890 г., то большая вставка была сделана им только в последнюю (шестую) главу. В вставке этой Толстой на примере войны и военной службы показывает разлад жизни людей нашего времени с их сознанием. Вставка эта повела к исключению из статьи ряда других примеров, иллюстрирующих ту же мысль; это вычеркнутое место мы даем в вариантах (№ 20). Рукопись этой вставки, написанной собственноручно Толстым на 2 лл. писчей бумаги, сохранилась; она находится в той обложке, на которой рукою М. Л. Толстой сделана пометка: «Июль 1890 г.» (АТ, п. 29).

В виду отсутствия последних авторских корректур, печатаем статью по первой публикации (в виде предисловия к книге П. С. Алексеева). Отступления, которые мы делаем от первопечатного текста, следующие:

1) Подстрочное примечание, вследствие ошибки переписчика неправильно помещенное в главе шестой, переносим, согласно указанию автора в последней рукописи, в главу третью;

2) в вышеприведенном письме к В. А. Гольцеву Толстой просил его выпустить те места, которые могут вызвать запрещение цензурой всей статьи. Произведя сравнение первопечатного текста с неисправленными автором корректурными гранками, мы убедились, что В. А. Гольцевым, по цензурным соображениям было выпущено только одно место – рассказывающее о том, как Скобелев при взятии Геок-Тепе перепоил солдат (гл. II). Мы считаем несомненным, что место это было исключено именно по цензурным соображениям, а не выпущено самим автором при чтении корректур, на основании того, что, во-первых, тогдашняя цензура ни в каком случае не пропустила бы этого текста, а во-вторых, сам Толстой, несомненно, очень дорожил этим примером, как лучшей иллюстрацией своих мыслей. Поэтому помещаем это место в текст статьи.

Следовало бы поместить в текст (в главу VI) также и ошибочно пропущенное переписчиком рассуждение автора о влиянии наркотических веществ на умственную деятельность людей нашего времени; но в данном случае нас останавливает то, что в рассуждении этом имеются некоторые шероховатости стиля, которые, вероятно, были бы исправлены автором, если бы он имел возможность прочесть все рассуждение в корректуре. Поэтому считаем более правильным дать это место статьи в вариантах (№ 21).

3) Проследив слово за словом и лист за листом всю работу автора над статьей «Для чего люди одурманиваются?», по всем сохранившимся рукописям, мы убедились, что при переписке статьи было сделано очень много ошибок и пропусков. Большой процент этих ошибок был погашен автором, при исключении им из статьи отдельных слов и целых предложений и замене их другими; но многие остались и, не замеченные автором, переходили из рукописи в рукопись и вошли и в печатный текст. Считая главнейшей задачей нашего издания – дать читателю никем не искаженный подлинный Толстовский текст, исправляем все ошибки переписчиков, вошедшие в печатный текст, по подлинному Толстовскому написанию того или другого слова или слов. Даем список этих исправлений, указывая во всех случаях также и рукопись, на основании которой производится исправление.

В первопечатном тексте

зла

Исправлено в настоящем издании

вреда

По какой рукописи

№ 5 л. 3

Страница 270, Строка 1

В первопечатном тексте

картофеля, конопли, мака, лоз

Исправлено в настоящем издании

картофеля, лоз, конопли, мака

По какой рукописи

№ 5 л. 3

Страница 270, Строка 11

В первопечатном тексте

проживающих

Исправлено в настоящем издании

пропивающих

По какой рукописи

№ 12 л. 3 об.

Страница 271, Строка 6

В первопечатном тексте

противоположным – на зло

Исправлено в настоящем издании

на противоположное зло

По какой рукописи

№ 3 стр. 7.

Страница 271, Строка 25–26

В первопечатном тексте

первого

Исправлено в настоящем издании

первого – приведения поступков в согласие с своей совестью

По какой рукописи

№ 4 л. 5

Страница 272, Строка 11

В первопечатном тексте

отвлекали

Исправлено в настоящем издании

отвлекали внимание

По какой рукописи

№ 7 л. 2

Страница 273, Строка 5

В первопечатном тексте

Трезвому

Исправлено в настоящем издании

Тверезому

По какой рукописи

№ 5 л. 11

Страница 273, Строка 39–40

В первопечатном тексте

людьми профессий, которые

Исправлено в настоящем издании

людьми, профессии которых

По какой рукописи

№ 12 л. 11

Страница 274, Строка 7–8

В первопечатном тексте

настойки

Исправлено в настоящем издании

настойки и вина

По какой рукописи

№ 7 л. 13

Страница 274, Строка 12–13

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
В первопечатном тексте

после... одурманивания не совершено преступление, воровство, убийство

Исправлено в настоящем издании

после... одурманения не совершено преступления, воровства, убийства

По какой рукописи

№ 11 л. 12

Страница 274, Строка 15

В первопечатном тексте

и не вызваны

Исправлено в настоящем издании

а не вызваны

По какой рукописи

№ 11 л. 12

Страница 274, Строка 25

В первопечатном тексте

было бы совестно

Исправлено в настоящем издании

было совестно

По какой рукописи

№ 7 л. 13

Страница 275, Строка 24

В первопечатном тексте

совести

Исправлено в настоящем издании

голоса совести

По какой рукописи

№ 10 л. 14

Страница 275, Строка 29

В первопечатном тексте

особенно тогда

Исправлено в настоящем издании

именно тогда

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой to1stoyLe
По какой рукописи

№ 10 л. 14

Страница 276, Строка 3

В первопечатном тексте

в ее вещах

Исправлено в настоящем издании

в ее имуществе

По какой рукописи

№ 3 стр. 17

Страница 276, Строка 8

В первопечатном тексте

одурманиванию

Исправлено в настоящем издании

одурманению

По какой рукописи

№ 11 л. 16

Страница 277, Строка 38

В первопечатном тексте

менее

Исправлено в настоящем издании

меньше

По какой рукописи

№ 3 стр. 24

Страница 278, Строка 31

В первопечатном тексте

много

Исправлено в настоящем издании

очень много

По какой рукописи

№ 9 л. 19

Страница 279, Строка 9

В первопечатном тексте

представляющиеся

Исправлено в настоящем издании

представляющиеся тебе

По какой рукописи

№ 11 л. 24

Страница 280, Строка 17

В первопечатном тексте

перед ним тут же

Исправлено в настоящем издании

тут перед ним

По какой рукописи

№ 1 л. 6

Страница 281, Строка 12

В первопечатном тексте

или детерминизме

Исправлено в настоящем издании

и детерминизме

По какой рукописи

№ 3 стр. 33

Страница 281, Строка 13

В первопечатном тексте

излишни

Исправлено в настоящем издании

совершенно излишни

По какой рукописи

№ 3 стр. 33

Страница 281, Строка 30–31

В первопечатном тексте

влияя на его духовное существо, и можно двигать, влияя на его животное существо

Исправлено в настоящем издании

влияя на его животное существо, и можно двигать, влияя на его духовную сущность

По какой рукописи

№ 12 л. 34

Страница 282, Строка 8

В первопечатном тексте

какова была бы

Исправлено в настоящем издании

какова бы была

По какой рукописи

№ 3 стр. 26

Страница 282, Строка 15

В первопечатном тексте

делается

Исправлено в настоящем издании

и делается

По какой рукописи

№ 3 стр. 27

Страница 282, Строка 25

В первопечатном тексте

надо было ему

Исправлено в настоящем издании

ему надо было

По какой рукописи

№ 10 л. 9

Страница 282, Строка 29

В первопечатном тексте

кажется

Исправлено в настоящем издании

представляется

По какой рукописи

№ 13 л. 29

Страница 282, Строка 37

В первопечатном тексте

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
хочется

Исправлено в настоящем издании

ему хочется

По какой рукописи

№ 12 л. 29

Страница 282, Строка 38

В первопечатном тексте

от этого

Исправлено в настоящем издании

от этого труда

По какой рукописи

№ 13 л. 29

Страница 283, Строка 5

В первопечатном тексте

к решению

Исправлено в настоящем издании

к разрешению

По какой рукописи

№ 13 л. 29

Страница 283, Строка 12–13

В первопечатном тексте

не подвигаясь к разрешению их

Исправлено в настоящем издании

не подвигаясь в разрешении их

По какой рукописи

№ 12 л. 29

Страница 283, Строка 15

В первопечатном тексте

что делал бы

Исправлено в настоящем издании

что бы делал

По какой рукописи

Страница 283, Строка 18

В первопечатном тексте

войти

Исправлено в настоящем издании

взойти

По какой рукописи

№ 12 л. 30

Страница 283, Строка 29

В первопечатном тексте

одурманению

Исправлено в настоящем издании

одурманиванию

По какой рукописи

№ 12 л. 30

Страница 284, Строка 1

В первопечатном тексте

Эти последствия

Исправлено в настоящем издании

Последствия эти

По какой рукописи

№ 13 л. 23

Страница 284, Строка 5–6

В первопечатном тексте

в ненормальном состоянии

Исправлено в настоящем издании

не в нормальном состоянии

По какой рукописи

№ 12 л. 23

Страница 284, Строка 32–33

В первопечатном тексте

пудов

Исправлено в настоящем издании

и пудов

По какой рукописи

вставка в корректуру

Страница 284, строка 34

В первопечатном тексте

взлезть

Исправлено в настоящем издании

влезть.

По какой рукописи

вставка в корректуру

Кроме рукописей, относящихся к основному тексту статьи «Для чего люди одурманиваются?», сохранились еще рукописи трех оставленных автором начал статьи.

Первая из этих рукописей, хранящаяся в Архиве В. Г. Черткова, находящемся в Гос. Толстовском музее в Москве, начинается словами: «Спросите у человека, в чем его счастье»... Отрывок написан на вырванном из тетради листе, на обороте дневниковой записи от 1 января 1883 года, и датирован 10 апреля 1890 г. Печатаем его в вариантах под № 22.

Второй набросок начинается словами: «Человек жив духом, а не телом». Он содержит 3 лл. 4°, нумерованных автором по страницам цифрами 1–6. Два последние листа написаны на линованной бумаге, вырванной из тетради. Последний (третий) лист имеется в двух редакциях. Первая редакция является продолжением последних строк четвертой страницы, зачеркнутых автором («И доволен и истинно счастлив, спокоен, радостен бывает человек только тогда, когда»). Помещаем набросок в вариантах под № 23, а вторую редакцию последнего листа – под № 24.

Третий набросок начинается словами: «Удивительное дело: жили, жили люди»... Он содержит 2 лл. 4°, из которых первый исписан с обеих сторон. Бумага линованная, очевидно вырванная из тетради. На обоих листах отогнуты поля; но лишь в первом листе поля оставлены незаполненными (за исключением нескольких вставок в основной текст), на втором же листе текст захватывает и отогнутые поля. Помещаем отрывки в вариантах под № 25.

Второй и третий набросок хранятся в АТ (п. 29).

Все три наброска появляются в печати впервые.

Примечания.

Стр. 273, строка 1. Родственница автора, «старая барыня», убитая поваром – вдова знаменитого в свое время и в своем кругу гр. Федора Ивановича Толстого (1782–1846), прозванного «Американцем», упоминаемого Грибоедовым в «Горе от ума» и Пушкиным в «Послании к Чаадаеву». Лев Николаевич, приходившийся ему двоюродным племянником, отзывался о нем в «Воспоминаниях» как о человеке «преступном и привлекательном». Жена его, Авдотья Максимовна, рожд. Тугаева, по происхождению цыганка, вышла за него в 1821 г., убитая была в 1861 г. Толстой был дружен с дочерью гр. Ф. И. Толстого, Прасковьей Федоровной, по мужу – Перфильевой. «Страшную историю» убийства гр. А. М. Толстой Лев Николаевич рассказывал своим ученикам в школе в 1861 г. (см. его «Яснополянская школа в ноябре и декабре 1861 г.», т. 8).

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Стр. 280, строка 12. Раскольников – действующее лицо романа Достоевского
«Преступление и наказание».

Стр. 284, строка 29. Эйфелева башня – сооружение в Париже в 300 метров высоты, сделанное для всемирной выставки 1889 г. Названо по имени строителя, французского инженера Александра Эйфеля.

Стр. 547, строка 44. Жан Жак Пелисье (Pélissier, 1794–1864) – французский маршал, в русско–турецкую войну 1853–1856 гг. начальник всех французских сил под Севастополем, осада которого проводилась им с особенной энергией. Отличился при взятии Малахова кургана, после чего получил титул герцога Малаховского.

–
«ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ПОЛАМИ»

14 октября 1890 г. Толстой пишет в Дневнике: «Третьего дня был доктор Богомольцев, [435] и я с ним переводил статью Диана о половом вопросе очень хорошую. Вчера ее изложил и нынче поправил во время сеанса с Ге». [436]

Книга, о которой писал Толстой, называлась так: «The twain shall be one flesh». Diana, a psycho-physiological essay on sexual relations for married men and women». Burns and Company. New-York. [«и будут два в плоть едину». Диана, психо-физиологический очерк о половых отношениях для вступивших в брак мужчин и женщин».]

15 октября 1890 г. Толстой писал В. Г. Черткову: «Еще получил я статью «Диана» из Америки о половых сношениях и написал изложение ее. Посылаю вам. Надо бы это напечатать и распространить». 19 октября Толстой опять пишет В. Г. Черткову: «Статью Диана я тоже поправлял и в начале вставил место, которое Маша [437] переписет вам, в котором я выгораживаю себя и говорю, что хотя основы этой статьи не христианские, а языческие, она все-таки может быть очень полезна».

С просьбой устроить напечатание этой статьи Толстой обратился к Н. Н. Страхову. 18 октября Толстой писал ему: «Простите, что не отвечаю на ваше письмо, а пишу о деле, утруждая вас просьбой. Я получил статью из Америки, которая показалась мне очень не только интересна, но полезна. Я сделал из нее извлечение и перевел приложенное в конце ее письмо. – Извлечение это мне хотелось бы напечатать. Помогите мне в этом. Прежде всего представляется «Неделя», – в особенности потому, что не хотелось бы обидеть Гайдебурова, [438] если ему это может быть приятно.

Если же Гайдебурову не нужно этого извлечения, то в «Новое время». Письмо же, я думаю, нельзя напечатать по тому, что признано называть неприличие, ни в «Неделе», ни в «Новом времени», хотя бы очень этого хотелось. И потому нельзя ли его пристроить в специальный журнал или газету «Врач» или т. п.». [439]

28 октября Толстой опять пишет Н. Н. Страхову о той же статье: «Изложение брошюры «Дианы» после того, как я послал вам, мне разонравилось. Я много выпустил и смягчил, а то там есть нехорошее – удовлетворение чувственности в разных видах; и я боюсь, что она может подать повод к соблазну, особенно место о малороссийском обычае жениханья. Да и лучше не печатать ее вовсе. Как вы скажете? Если же печатать, то вычеркните, что лишнее». [440]

Ответ Страхова на это письмо неизвестен. Повидимому, письмо Толстого опоздало, и статья под заглавием: «Об отношениях между полами» появилась в № 43 «Недели» за 1890 г., стр. 1368–1370, вышедшем 28 октября. Под статьей дата: 14 октября 1890 г. В 1901 г. статья была перепечатана в сборнике мыслей Толстого, собранном В. Г. Чертковым, «О половом вопросе», изд. «Свободное слово», перепечатывавшемся и в собраниях сочинений Толстого.

31 октября 1890 г. Толстой писал в дневнике: «Статья Дианы напечатана. Мне как-то жутко за нее. И это скверно. Доказательство, что я не вполне для других делал». В тот же день он написал издателям книги «Диана» письмо, которое приводим в переводе: «Я в целости получил ваше письмо и книгу и очень благодарю вас за них. Книга имела большой успех, и я думаю, что ее распространение будет очень полезно. Я тотчас написал небольшую статью о ее содержании и позволил себе присоединить к ней ваше письмо и послал ее в очень популярный журнал («Неделя»), из которого она была перепечатана во многих периодических журналах. Хотя я и не вполне согласен со всеми вашими взглядами, как вы можете видеть из моего

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle послесловия к «Крейцеровой сонате», я нахожу вашу работу очень полезной и еще раз благодарю вас за ее присылку».

Затем 5 ноября, посылая А. М. Калмыковой книжку «Diana», Толстой писал ей: «В «Диане» есть многое нехорошее, я выбрал то, что, по мне, было хорошо. Письмо Борнс прекрасно».

Первого автографа статьи не сохранилось; существуют следующие рукописи данного произведения:

1. Копия рукою Т. Л. Толстой. 10 нумерованных лл. 4°, исписанных, кроме последнего, с обеих сторон. В рукописи немногочисленные (сравнительно) исправления Толстого; на обороте л. 7 его рукой написаны 12 строк. Почти все исправления – стилистического характера. Статья не имеет заглавия; заканчивается словами: «Вот это письмо», после чего поставлено двоеточие. Эти заключительные слова указывают на первоначальное намерение автора включить в свою статью текст того письма Элизы Бёрнс, о котором он писал Страхову. Рукопись хранится в ГТМ (АЧ 15. 16).

2. Копия предыдущей рукописи, сделанная рукою М. Л. Толстой. 8 лл. 4°, исписанных, кроме последнего, с обеих сторон и нумерованных переписчицей. Рукопись заключена в обложку, на которой рукою М. Л. Толстой написано: «13 Ок. 1890 г. Диана»; та же дата поставлена и под статьей. На всем протяжении статьи рассеяны исправления Толстого, имеющие целью более точно, ясно и сильно выразить его мысли. Статья заканчивается, как и в предыдущей рукописи, фразой: «Вот это письмо». Рукопись хранится в ГТМ (АЧ 15. 17).

3. Копия предыдущей рукописи, сделанная рукою М. Л. и Т. Л. Толстых. 10 лл. 4°, исписанных с обеих сторон и не нумерованных, со вставкой на листе почтового формата на оборот л. 2, имеющей целью заменить один абзац. В рукописи сравнительно небольшое количество исправлений Толстого стилистического характера. Между прочим, он вычеркивает введенную автором «Дианы» терминологию: дианизм – для браков духовных и алфизм – для браков плотских. Статья датирована рукою М. Л. Толстой – 14 октября 1890 г. Заключительной фразы: «Вот это письмо» в рукописи уже нет. Рукопись находится у В. Г. Черткова.

4. Копия предыдущей рукописи. 7 лл. почтового размера, исписанных, кроме последнего, с обеих сторон. Лл. 1–2 написаны рукою М. Л. Толстой, лл. 3 и 4 (не целиком) – рукою самого автора, далее опять идет переписка М. Л. Толстой, кроме последнего листа, написанного рукою неизвестной. Рукопись, очевидно, предназначалась первоначально для отсылки в печать. Переписанное рукою М. Л. Толстой представляет довольно точную копию предыдущей рукописи (только на л. 1 слова: «существующий порядок вещей» заменены словами: «привычный потокающий их страстям порядок вещей», – источник этой замены нам неизвестен). Переписка же самого автора, занявшая 3 с небольшим страницы, естественно, внесла в текст некоторые изменения.

На лл. 5–6 имеются исправления и выкидки, сделанные рукою М. Л. Толстой, очевидно, позднее. Эти изменения в тексте описаны нами ниже.

Рукопись не нумерована. Хранится частью (лл. 1–2) в АТ (папка писем Толстого), частью (лл. 3–7) в ГТМ (АЧ 15. 18).

Сравнив печатный текст статьи с текстом этой копии, находим, что в печатном тексте по сравнению с данной копией имеется целый ряд отличий, как в отдельных словах, так и в целых предложениях; так что очевидно, что существовала еще копия, до нас не дошедшая, вновь просмотренная автором, по которой статья и была напечатана.

В виду отсутствия последней авторизованной копии, печатаем статью «Об отношениях между полами» по первопечатному тексту в журнале «Неделя».

Лл. 5–6 рукописи № 4 заключают в себе сделанные рукою М. Л. Толстой, но принадлежащие, несомненно, автору исправления текста, произведенные, повидимому, уже после отсылки статьи в печать. Они следующие:

1) выпущены два предложения: начинающееся словами: «брак поэтому духовный или плотский, есть естественное»... и «Смотря по условиям и темпераменту»... В связи с

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
этим следующее предложение («Так как автор»...) соединено с предыдущим союзом
«но»;

2) в следующем абзаце слова: «половая дѣятельность можетъ производить» заменены
словами: «половая дѣятельность производить»;

3) в том же абзаце слова: «то естественно, онъ нетолько не признаеть
невозможности воздержанія, но считаеть его естественнымъ, необходимымъ условіемъ
разумной половой гигиены для браковъ какъ духовныхъ, такъ и плотскихъ» –
изменены так:

и то, что духовное общеніе даетъ большее удовлетвореніе, чѣмъ плотское, то онъ
нетолько не признаеть невозможности воздержанія отъ плотскаго общенія, но
считаеть его естественнымъ и разумнымъ.

4) в предпоследнем абзаце слова: «направляема на путь любовности» изменены так:

направляема на тотъ путь, на которомъ получается наибольшее удовлетвореніе, на
путь любовности.

5) Конец того же абзаца:

постепенное образованіе привычекъ согласныхъ съ ними, сдѣлають болѣе и болѣе
очевиднымъ благодѣтельность такого измѣненія взгляда.

изменен так:

постепенное образованіе привычекъ, согласныхъ съ ними, все болѣе и болѣе будетъ
избавлять челоѡчество отъ тѣхъ бѣдствій, которымъ оно подвергаетъ себя
нарушеніемъ закона, которому подлежить челоѡкъ въ отношеніи полового
стремленія.

Что касается того письма Элизы Бѣрнс, которымъ заканчивается книга «Диана» и
которое Толстой в своей статье называетъ «замечательнымъ», то существуютъ следующие
рукописи перевода этого письма:

1. Первый черновик, написанный, вероятно, рукою доктора А. М. Богомольца. 8 лл.
4°, нумерованных и исписанных, кроме л. 1, с обеих сторон. В рукописи много
исправлений рукою М. Л. Толстой; ее же рукою на обложке надпись: «Диана».
Рукопись хранится в ГТМ (АЧ 15. 19). Статья озаглавлена: «Частное письмо
родителям, докторам и начальникам школ».

2. Копия с предыдущей рукописи, сделанная рукою С. А. Толстой. 7 лл. 4°,
исписанных с обеих сторон и нумерованных переписчицей. Рукопись проредактирована
Толстым, сделавшим много исправлений, имевших целью улучшение языка и стиля
перевода. Некоторые фразы вычеркнуты, как например эпитет: «превращающая рай
любви в ад страстей» – по отношению половой безнравственности. Рукопись
находится у В. Г. Черткова.

3. Копия предыдущей рукописи, сделанная рукою Е. И. Попова. 6 лл. 4°,
исписанных, кроме последнего, с обеих сторон и нумерованных. Рукопись
составляла часть приготовленного к печати сборника «Тайный порок». На обложке
рукою Толстого написано:

Вѣрно-ли физиологически?

Рукопись находится у В. Г. Черткова.

Письмо Бѣрнс Толстой (или же Н. Н. Страхов по его просьбе) направилъ врачу Е. А.
Покровскому с просьбою напечатать его в редактировавшемся им журнале «Вестник
воспитанія». Е. А. Покровский печатаніе статьи отклонил на том основаніи, как
писал он Толстому 11 ноября 1890 г., что «сущность предмета такова», что «мы
сами, врачи, еще не вполне готовы, чтобы говорить по поводу этого вопроса вполне
убежденно, по крайней мере с некоторых сторон»... «Во всяком случае, – писал Е. А.
Покровский, – не изучивши самъ дела заново и с болѣею основательностью и не
заручившись подкреплениемъ в нем со стороны других, надежныхъ лиц, я пока к
возбужденію этого вопроса в своемъ журнале не приступлю» (АТ).

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Толстой отвечал Е. А. Покровскому 17 ноября. Подлинник ответа неизвестен; сохранился его черновик, написанный на обороте одного из листов статьи «Царство Божие внутри вас», хранящегося в ГТМ (АЧ, п. 20). Толстой писал:

«Очень благодарен вам, уважаемый Егор Арсеньевич, за присылку журнала. Он мне очень понравился, насколько я успел познакомиться с ним. Жена и дочери все читают и тоже благодарят вас за него. У меня много брошюр по тому же предмету, как и брошюра Борнс. Я пришлю их вам на днях. – Очень жалею, что вы не находите удобным печатание письма. Оно может принести пользу».

Письмо Э. Бёрнс, без указания на то, что оно было переведено Толстым, появилось в сборнике: «Тайный порок. Трезвые мысли о половых отношениях», выпуск первый, изд. «Посредник». М. 1894. В примечании редакция привела цитату из статьи Толстого «Об отношениях между полами» с отзывом о письме Бёрнс, но без указания на то, что отзыв принадлежит Толстому.

В виду того, что письмо Э. Бёрнс было переведено Толстым, и он сначала имел в виду включить его в свою статью, даем ее в приложении печатая его по последней просмотренной автором копии.

Примечание.

Стр. 286, строки 25–26. Angèle de Saint-François (а не Françoise, как у Толстого) – французская писательница, автор ряда статей в периодических изданиях по нравственным вопросам. Ей принадлежит статья о «Крейцеровой сонате» под заглавием: «Sonata Kreutzer. Le devoir conjugal, L'amour pur» [«Крейцера соната», Супружеский долг, Чистая любовь] в журнале «L'Etoile» 1890, Novembre. В АТ хранятся четыре письма Angèle de Saint-François (от 17 июня, 22 июля, 25 августа и 30 октября 1890 г.), но в этих письмах упоминаний о тех обществах, о которых Толстой говорит в статье, нет. Упомянутой Толстым брошюры Angèle de Saint-François в Яснополянской библиотеке не сохранилось

ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ В. Г. ЧЕРТКОВА «ЗЛАЯ ЗАБАВА»
4 октября 1890 г. В. Г. Чертков писал Толстому:

«Посылаю вам, не знаю, кстати ли, впрочем, если вы еще не достаточно окрепли для работы, то может быть именно кстати – статью, которую я совершенно неожиданно для себя написал против охоты. Перед выездом из Кисловодска я случайно прочел в одной газете, в которой какой-то охотник с развязностью и самоуверенностью опровергает статью какой-то Куприановой, направленную против охоты. Мне хотелось поддержать протест этой г-жи Куприановой, и я написал в этом смысле небольшое письмо, которое послал в редакцию той же газеты. Не знаю, напечатают ли. Это дало толчок моим мыслям, и во время переезда сюда я вспомнил свое прежнее отношение к охоте и потому изложил свои мысли в той рукописи, которую с этою же почтою посылаю вам заказной бандеролью в Тулу. Мне очень хотелось бы узнать ваше мнение о том, что я написал; если стоит того, то не укажете ли, чем следовало бы дополнить или что выпустить, и вообще стоит ли по вашему мнению поместить эту статью в какой-нибудь газете? Может ли она быть сколько-нибудь полезна? Мне, разумеется, кажется, что да, иначе я этого не написал бы; но очень хотелось бы проверить себя помощью вашего мнения».

15 октября 1890 г. Толстой отвечал В. Г. Черткову:

«Я сейчас кончил поправлять вашу статью об охоте. Она очень хороша, потому что полезна. Я поправлял ее и исключил многое. Не жалеете. Мне кажется, я уверен даже, что так, с этими исключениями, она будет сильнее. Отступления, переносящие интерес в другую область, всегда ослабляют. И заключения не нужно никакого другого. Я последнее время стал не любить эти красноречивые общие заключения. C'est un truc. [441] и когда считаешь французские и в особенности английские статьи с такими заключениями, получишь к ним отвращение. Я написал несколько слов предисловия, для того чтобы дать статье больше распространения».

18 или 19 октября Толстой опять пишет В. Г. Черткову: «Посылаю вам, милый друг, статью об охоте. Сначала мне показалось, что я хорошо поправил ее, но потом я другой раз поправил и увидел, что я плохо поправил ее. Кое-что и лучше, но кое-что и хуже, и потому вы сами поправьте, не стесняясь мною. Но то, что это хорошая статья, я не перестаю думать».

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e
В своем ответном письме В. Г. Чертков писал Толстому:

«Дорогой друг Лев Николаевич, вчера я получил от вас две посылки с статьею о половых сношениях и охоте. А раньше того получил два письма. Не знаю, как и благодарить вас за исправление моей статьи. Помимо того, что она выиграла в цельности и потому в убедительности, поправки ваши очень дороги для меня лично, как указание того, что хорошо и нехорошо при выражении своих мыслей. Я был тронут почти до умиления, увидев, сколько труда вы положили на исправление этой статьи и как вы начали было сами переписывать ее. Вы этим подтверждаете то, что не раз говорили, но что нельзя слишком часто нам напоминать, – что следует от души отдаваться всякой задаче, которая напрашивается в настоящем, не пытаюсь взвешивать ее относительную значительность. И в этом смысле ваше отношение к чужой рукописи ничтожного значения в сравнении с тем, над чем теперь работает ваша мысль, останется живым примером для других... Статью об охоте мне хочется оставить в том виде, в каком вы ее исправили, потому что не чувствую себя в силах еще улучшать то, что уже так удачно улучшено. Сглажу разве только некоторые шероховатости, вызванные затруднительностью уследить за всеми поправками».

Статья В. Г. Черткова с предисловием Толстого появилась в № 5284 «Нового времени» 1890 г. от 13 ноября, а затем была напечатана отдельно издательством «Посредник» и выдержала несколько изданий.

Рукопись статьи с исправлениями Толстого находится в архиве В. Г. Черткова. Первая редакция включает в себе 19 лл. 4°, испещренных сделанными карандашем многочисленными исправлениями Толстого. Самое заглавие статьи – «Злая забава» – принадлежит Толстому; оно появилось вместо вычеркнутого им первоначального заглавия В. Г. Черткова «Зло охоты». Здесь же находится и автограф (на одном л.) предисловия Толстого; имеется и первая редакция этого предисловия, перечеркнутая автором, которую мы даем в вариантах. Предисловие датировано 15 октября 1890 г.

В. Г. Чертков упоминает в своем письме о том, что Толстой сам начал переписывать его статью. Действительно, в рукописи имеется один лист, на котором Толстой, стараясь писать крупным и разборчивым почерком, переписал начало статьи. Однако дальнейшая переписка была им поручена своей дочери Марии Львовне, которая вместе с другой неизвестной нам переписчицей и переписала статью В. Г. Черткова вместе с предисловием к ней. Эта вторая редакция, заключающая 26 лл. 4°, была снова пересмотрена, исправлена и сокращена Толстым, причем просмотр был произведен дважды. Первые карандашные поправки Льва Николаевича были М. Л. Толстой стерты и переписаны чернилами (хотя следы написанных Толстым слов везде сохранились). После этого рукопись была вторично просмотрена и исправлена Толстым чернилами. Печатаем предисловие Толстого по автографу, совпадающему (кроме пунктуации) с первопечатным текстом.

В собрания сочинений Толстого предисловие к «Злой забаве» до сих пор не включалось.

В той тетради типа записной книжки, в которой Толстым были записаны «Воззвание» и неоконченная заметка по поводу дела Скублинской, им была записана также (л. 66 оборот, с противоположной стороны) следующая вставка в статью В. Г. Черткова, начинающаяся с пометки косым крестом:

въдь этого нѣтъ. Ни прогулки, ни катанья, никакія занятія въ саду, въ полѣ среди природы не могутъ замѣнить охотнику удовольствія охоты, особеннаго, спеціальнаго охотничьяго наслажденія, доступнаго только тому, какъ съ сознаниемъ своего превосходства говорятъ охотники, въ комъ есть охотничье чувство.

Въ чемъ же состоитъ это особенное охотничье чувство и вызываемое имъ наслажденіе?

Вставка эта относится к 6 странице рукописи В. Г. Черткова (1 редакция). Здесь рукою Толстого написано:

Говорятъ, важна не сама охота, а условія, сопутствующія ей.

После этих-то слов и следует написанная в записной книжке вставка, вошедшая и в печатный текст статьи В. Г. Черткова.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Так как статья «Злая забава» была трижды проредактирована Толстым, внесшим в текст В. Г. Черткова много исправлений и дополнений, она печатается в дополнительном томе, в числе произведений, проредактированных Толстым.

«ДЬЯВОЛ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ ПОВЕСТИ «ДЬЯВОЛ»

В конце 1880-х и в начале 1890-х гг. Толстой усиленно был занят работами над художественными произведениями и отчасти статьями на тему половой любви. К этому периоду относится написание «Крейцеровой сонаты», «Послесловия» к ней и статьи «Об отношениях между полами», а также начало работы над «Коневской повестью», впоследствии разросшейся в роман «Воскресенье», и «Отцом Сергием». Одновременно Толстой много писал на эту тему в письмах к разным лицам, преимущественно к В. Г. Черткову. На эту же тему написана и повесть, озаглавленная Толстым в исправленной им копии автографа «Дьявол» и в автографе еще не имевшая никакого заглавия. Она была написана начерно в течение двух недель, в промежуток между окончанием предпоследней редакции «Крейцеровой сонаты» и началом работы над последней ее редакцией. В дневниковых записях, связанных с работой над «Дьяволом», эта повесть всюду называется «История Фредерикса» (или «Фридрихса»). К работе над ней Толстой приступил 10 ноября 1889 г. Под этим числом он записал в дневник: «После обеда неожиданно стал писать историю Фредерикса». Эта же дата рукой Толстого поставлена на обложке автографа. О работе над «Историей Фредерикса» далее упомянуто в дневниковых записях от 11, 12, 13 и 14 ноября. 11 ноября в связи с этой работой Толстой записывает в записной книжке: «Всё это происходило между делами, занимавшими [его]. Всплывет и потухнет. Если что беспокоило его иногда, то это муж, и правда ли, что барин...»[442] 18 ноября в дневнике записано: «К Фридрихсу думал, гуляя перед обедом: две жизни представляются ему и два выхода. И наконец – 3-й – себя убить.[443] Много писал Фридрихса», а на следующий день – 19 ноября там же отмечено: «Целое утро писал, кончил кое-как Ф[ридрихса]». Эта же дата рукой Толстого поставлена в конце текста автографа.

В ближайшие дни Толстой исправлял и переделывал написанное. 20 ноября он записывает в дневник: «Сначала переделывал и поправлял Ф[ридрихса], очень хорошо работалось. Ездил в Дворики и дорогой еще больше уяснилось: 1) характер тещи vi]tag, [444] лгунья, дарит и говорит про дареное и 2) его долг, который бы мог утаить, платит, и что нибудь либеральное по отношению мужиков». Там же на следующий день записано: «Писал Фр[идрихса]. Поправлял немного, а жалею, потому что был очень расположен – ясно всё было». Работа над повестью отмечена и в дневниковой записи 22 ноября, а 24 ноября в дневнике записано: «Очень весело и усердно пересмотрел Фр[идрихса]. Сходил еще с детьми на пруд и опять писал и кончил».

Трудно определить, какая часть исправлений была сделана в автографе в процессе его писания и какая после 19 ноября. С уверенностью можно сказать лишь то, что после 19 ноября было написано новое начало повести, в котором фамилия Иртенев заменена новой – Тверетинов, видимо, с целью устранить возможность автобиографического толкования повести (Николенька Иртенев в «Детстве», «Отрочестве», «Юности» для читателя были явно автобиографические персонажи; однако в дальнейшем тексте автографа фигурирует прежняя, неисправленная фамилия – Иртенев). Далее – в процессе исправления, судя по качеству бумаги, положению в рукописи, отсутствию нумерации, был написан текст на листах 7, 8 и 11, именно конец III главы, где речь идет о долге отца Иртенева Есиповой и о материальном положении Иртенева вообще, и начало V главы, в которой говорится о причинах, по которым Иртенев выбрал себе в жены Лизу Анненскую. Кроме того, в процессе исправления были сделаны перестановки в тексте.

В конце января 1890 г. в Ясной поляне гостил В. Г. Чертков. Уезжая, он, видимо, увез с собой автограф повести в Петербург, где вместе с И. И. Горбуновым переписал его и 20 февраля 1890 г. переслал Толстому его копию. В письме к нему, датированном этим числом, Чертков писал: «Посылаю вам переписанную новую повесть вашу» (АТ). Дальше в письме дается очень высокая оценка повести, сопровождаемая упоминанием ее отдельных эпизодов. Последнее и убеждает нас в том, что в цитированных строках письма речь идет именно о «Дьяволе».

Написав начерно повесть, Толстой, как видно будет из дальнейшего, в течение очень многих лет не возвращался к работе над ней, хотя и не считал эту работу завершенной. В письме к П. И. Бирюкову от 17 января 1890 г. он писал: «У меня начаты еще другие художественные работы, всё на тему половой любви (это секрет),

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe и я своим не говорю, и тоже низкое ремесленное занятие, т. к. я вижу, как полезно относиться презрительно» (АТ). В этом письме идет речь, несомненно, об «Истории Фредерикса – Фридрихса», позднее «Дьяволе», и «Коневской повести», позднее «Воскресении». Под 25–30 апреля того же года Толстой записывает в дневник: «Думал за это время к повести Фридрихса. Перед самоубийством раздвоение: хочу я или не хочу? Не хочу, вижу весь ужас, и вдруг она в красной паневе, и всё забыто. Кто хочет, кто не хочет? Где я? Страдание в раздвоении, и от этого отчаяние и самоубийство».

Эта запись, не нашедшая себе отражения в работе над повестью, свидетельствует о том, что в конце апреля 1890 г. Толстой еще не думал о варианте конца повести, в котором Иртенев, вместо того чтобы покончить жизнь самоубийством, убивает Степаниду.

В копии автографа повести, сделанной рукой В. Г. Черткова и И. И. Горбунова, Толстым, как сказано, было проставлено заглавие – «Дьявол», сделано четыре поправки в конце текста, начиная с XIX главы (предыдущие главы им даже не просматривались, что явствует из того, что допущенные в них переписчиками ошибки не были исправлены и пропуски оказались не восстановленными), исключены два места из XX главы, главы XX и XXI слиты в одну и, наконец, написан заново вариант конца повести, в котором Иртенев (Толстой вернулся здесь к первоначальной фамилии героя повести) убивает не себя, а Степаниду. Судя по почерку, всё это было сделано одновременно или почти одновременно.

К какому времени относится работа Толстого над копией автографа?

В письме к Толстому от 6 февраля 1891 г. В. Г. Чертков, говоря о том, что его, как и его друзей – Е. И. Попова и М. Н. Чистякова, волнуют вопросы, затронутые в «Повести об Иртеневе», далее пишет: «Мы естественно иногда духовно беседуем о том, что нас больше всего мучает и расстраивает, и постоянно вспоминаю вашу повесть об Иртеневе; но у меня даже нет здесь черновой, которая хранится в верном месте, у моей матери в Петербурге. А потому обращаюсь к вам с просьбой, дорогой брат наш, дайте нам возможность вторично прочесть эту ужасную историю, прожить с Иртеневым все его страдания и усилить в себе ужас перед этою убийственною похотью – пришлите нам ту рукопись, которую я для вас списал. Я ее вскоре же верну вам, и доверьтесь мне, что дальше нас троих даже слух о существовании этой вещи не пойдет» (АТ). 10 февраля 1891 г. Толстой писал Черткову: «Маша[445] послала вам статьи, которые вы хотели иметь». Возможно, что среди упоминаемых статей была и просимая Чертковым копия повести. Если это так, то, несомненно, Черткову послана была копия повести без поправок Толстого и без варианта ее конца. В исправленной копии этот вариант был переписан рукой Н. Л. Оболенского и вклеен в нее, автограф же его долго оставался у Н. Л. Оболенского и не был в руках Черткова даже в 1911 г., в период редактирования им «Посмертных художественных произведений» Толстого (позднее он поступил в Государственный Толстовский музей в Москве). Доверить же секрет существования повести Оболенскому Толстой мог не ранее, чем Оболенский стал ему близким человеком, т. е. не ранее женитьбы его на дочери Толстого – Марье Львовне или незадолго до этого. Женитьба же эта произошла в 1897 г.; да и почерк, каким написана копия варианта, – почерк зрелого, установившегося человека, а не девятнадцатилетнего юноши, каким в ту пору (1891 г.) был Н. Л. Оболенский, родившийся в 1872 г. Сомнительно, чтобы время написания варианта и время переписки его Оболенским было отделено одно от другого значительным промежутком. Основываясь на этих соображениях, можно утверждать, что второй вариант конца повести не мог быть написан ранее 1896–1897 гг. Но мы имеем все основания полагать, что и до середины июля 1898 г. он не был написан. Следует думать, что заглавие «Дьявол» было дано повести вслед за написанием варианта ее конца, в котором Иртенев так думает о Степаниде: «Есть дьявол. И это она. Он овладел мной. А я не хочу, не хочу. Дьявол, да дьявол». Этот эпитет, данный Иртеневым Степаниде, и подсказал, очевидно, заглавие. Между тем, замыслив напечатать эту повесть в пользу духоборов (см. ниже), Толстой в письме к Черткову от 14 июля 1898 г. называет ее не «Дьявол», а «Иртенев».

Полагаем, что вариант конца повести был написан почти через двадцать лет после написания всего основного ее текста. Такое предположение основывается на знакомстве с почерком автографа варианта. Это почерк очень отличный от почерка, каким писал Толстой в 1890-е годы и очень напоминающий собой почерк, каким написаны многие страницы его дневника за 1909 г. Как раз в этом году, под 19 февраля, Толстой записал в дневник: «Просмотрел «Дьявола». Тяжело, неприятно».

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle

Не к этому ли времени относятся сделанные Толстым поправки в рукописи-копии Черткова-Горбунова, написание варианта конца и установление заглавия повести? Почерк дневниковой записи 19 февраля и нескольких предшествующих и последующих записей очень сходен с почерком, каким сделаны поправки в копии и написан вариант, а написание слов «Дьявол» в копии и «Дьявола» в дневнике почти совпадают графически в мелких подробностях начертания букв. Нужно принять также во внимание, что под словом «просмотрел» Толстой нередко подразумевал не только простой просмотр рукописи, но и исправление ее.[446]

Как видно из цитированных выше писем Толстого к Бирюкову от 17 января 1890 г. и Черткова к Толстому от 6 февраля 1891 г., факт написания повести держался Толстым в большом секрете: автограф ее хранился не в Ясной поляне, а в Петербурге, у Е. И. Чертковой, сам же Чертков гарантировал Толстому максимальное соблюдение тайны. Все это обуславливалось тем, что повесть, внешне связанная с эпизодом из жизни знакомого Толстому лица – Н. Н. Фридрихса, в значительной мере являлась автобиографической, связанной также и с романтическим эпизодом из жизни самого Толстого до женитьбы, известным С. А. Толстой и волновавшим ее и в старости.

Со слов сестры Н. Н. Фридрихса, М. Н. Дурново, сообщенных нам через П. С. Попова А. М. Долининим-Иванским, Н. Н. Фридрихс, судебный следователь в Туле, по натуре человек очень добрый, мягкий и слабохарактерный, сойдясь с крестьянкой из села Кучина Степанидой Мунициной, муж которой ездил извозчиком в Туле, женился затем на девушке недурной собой, но недалеко. Женитьба эта была непонятна для семьи Фридрихса, так как он очень любил Степаниду, как и она его, и не любил жену. Через три месяца после женитьбы Н. Н. Фридрихс убил Степаниду во время молотьбы выстрелом из револьвера в живот. Мотивом убийства была безумная ревность жены к Степаниде. Врачи объяснили преступление Фридрихса тем, что у него был солитер, болезненно действовавший на его психику, и тульский окружной суд оправдал его. Однако муки совести сильно угнетали убийцу; он очень изменился, стал соблюдать все посты, много молился и часто задумывался. В декабре 1874 года, через два месяца после убийства, уезжая от своей сестры из Тулы, он, выйдя на станции Житово, был раздавлен встречным поездом. Обстоятельства катастрофы неясны; она могла быть случайной, так как Фридрихс был очень близорук (носил очки), с другой стороны, из-за сильного мороза, был закутан в башлык и потому мог не расслышать шума приближавшегося поезда.

Как нетрудно видеть, тут немало совпадений с тем, что читается в «Дьяволе», вплоть до сходства внутренней (доброта, слабохарактерность) и внешней (близорукость) характеристики Н. Н. Фридрихса и Иртенева и одинаковости имен возлюбленных того и другого. Гибель Фридрихса, которая могла быть истолкована и как самоубийство, видимо, внушила Толстому первый вариант конца повести, предшествовавшее же этой гибели убийство Степаниды Мунициной – второй вариант.

Об автобиографичности «Дьявола», а также «Воскресения» незадолго до смерти Толстой сам говорил П. И. Бирюкову.

Бирюков так передает слова Толстого: «Вот вы пишете про меня всё хорошее. Это неверно и неполно. Надо писать и дурное. В молодости я вел очень дурную жизнь, и два события этой жизни особенно и до сих пор мучают меня. И я вам, как биографу, говорю это и прошу вас это написать в моей биографии. Эти события были: связь с крестьянской женщиной из нашей деревни, до моей женитьбы, – на это есть намек в моем рассказе «Дьявол». Второе – это преступление, которое я совершил с горничной Гашей, жившей в доме моей тетки. Она была невинна, я ее соблазнил, ее прогнали, и она погибла».[447]

В первом случае Толстой имеет в виду связь с замужней крестьянкой Аксиньей Базыкиной. Об этой связи – записи в его дневниках 1858–1860 гг., иногда с подробностями, через много лет затем повторенными в повести. Так, в дневнике под 10–13 мая 1858 г. записано: «Чудный Троицын день.[448] Вянущая черемуха в корявых рабочих руках, захлебывающийся голос Вас[илия] Дав[ыдкина]. Видел мельком А[ксинью]. Очень хороша. Все эти дни ждал тщетно. Нынче в большом старом лесу.[449] Сноха. Я дурак, скотина. Красный загар, глаза... Я влюблен, как никогда в жизни. Нет другой мысли. Мучаюсь. Завтра все силы». Как в повести влечение Иртенева к Степаниде сменяется равнодушием к ней, с тем чтобы потом вновь вспыхнуть с непреодолимой силой, так и в личной жизни Толстого на смену влечения к Аксинье приходит чувство постылости и даже отвращения к ней, и потом вновь наступает обратный прилив страстной влюбленности в нее. 15–16 июня того же 1858

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
г. в дневнике записано: «Имел А[ксинью]. Она мне постыла»; через год почти, 3 мая 1859 г., такая запись: «Об А[ксинье] вспоминаю только с отвращением, о плечах». 28 мая того же года в дневнике глухая запись: «А[ксинья] уходила к Троице. Сейчас ее видел». Но еще через пять месяцев, 9 октября 1859 г., там же записано: «А[ксинью] продолжаю видеть исключительно. Наконец, 25 и 26 мая 1860 г. в дневнике читаем: «Ее не видал. Но вчера... Мне даже страшно становится, как она мне близка. Ее нигде нет – искал. Уже не чувство оленя, а мужа к жене.[450] Странно, стараюсь возобновить бывшее чувство пресыщенности и не могу. Равнодушие трудовое, непреодолимое больше всего возбуждает это чувство». Почти через пятьдесят лет, 9 июля 1908 г., в своем интимном дневнике сказав о том, что самые темные стороны его поведения, относящиеся к половой жизни, не будут упомянуты его биографами, Толстой продолжает: «И так до связи с крестьянкой Ак[синьей] – она жива!»[451] 13 июня 1909 г. он записал в записной книжке: «Посмотрел на босые ноги, вспомнил Акс[инью], то, что она жива, и, говорят, Ерм[ил] мой сын,[452] и я не прошу у нее прощенья, не покаялся, не каюсь каждый час и смею осуждать других».

Итак, к концу жизни Толстой вспомнил свое давнее увлечение Аксиньей, и это может служить лишним косвенным доводом в пользу предположения о том, что он обратился вновь к повести именно незадолго до смерти.

Нужно думать, что увлечение Аксиньей было не единственным поводом к написанию «Дьявола». В конце 1870-х гг. Толстой очень мучительно переживал чувственное влечение к яснополянкой людской кухарке Домне. 24 июля 1884 г. он писал Черткову: «Скажу вам то, что со мной было и что я никому еще не говорил. Я подпал чувственному соблазну. Я страдал ужасно, боролся и чувствовал свое бессилие. Я молился и все-таки чувствовал, что я бессилен, что при первом случае я паду.[453] Наконец, я совершил уже самый мерзкий поступок, я назначил ей свидание и пошел на него. В этот день у меня был урок со 2-м сыном. Я шел мимо его окна в сад, и вдруг, чего никогда не бывало, он окликнул меня и напомнил, что ныне урок. Я очнулся и не пошел на свидание. Ясно, что можно сказать, что Бог спас меня...[454] Тогда я покаялся учителю, который был у нас, и сказал ему не отходить от меня в известное время, помогать мне. Он был человек хороший, он понял меня и, как за ребенком, следил за мной. Потом я еще принял меры, чтобы удалить эту женщину,[455] и я спасся от греха, хоть не от мысленного, но от плотского, и знаю, что это хорошо» (АЧ). Учитель, о котором идет речь в этом письме, – В. И. Алексеев, занимавшийся в 1877–1881 гг. с двумя старшими сыновьями Толстого. Об этом случае в жизни Льва Николаевича В. И. Алексеев рассказывает в VII главе своих неизданных воспоминаний о Толстом, рукопись которых хранится в Государственном Толстовском музее в Москве. В 1890 г. Толстой, намекая на этот случай, писал Алексееву, что он желает помочь ему в его сомнениях так же, как тот когда-то помог ему.

Так два глубоко волновавших Толстого увлечения, отдаленные друг от друга промежутком в двадцать лет, отложившись в его душевной жизни, на ряду с фактами из биографии Н. Н. Фридрихса, дали материал для «Дьявола».[456]

Ознакомившись с «повестью об Иртеневе», Чертков усиленно советовал Толстому напечатать ее. Об этом он писал ему в письмах от 20 февраля и 21–25 октября 1890 г. В последнем письме Чертков между прочим писал: «Меня из Берлина и Швеции спрашивают переводчики и издатели ваших писаний о будто бы написанном вами «Roman du mariage»[457] – вероятно, это прослышали про вашу повесть об Евгении Иртеневе. Неужели нельзя еще ее выпустить в свет?» (АТ). Но боязнь возбудить у жены тяжелые переживания ревности была причиной того, что Толстой не только не думал о напечатании повести, но и в течение многих лет не притрагивался к ней и продолжал держать ее существование в секрете от окружающих, главным образом от Софии Андреевны.

Лишь в 1898 году, задумав помочь переселявшимся в Америку духоборам, он замыслил для образования переселенческого фонда продать издателем, в числе прочих, и повесть об Иртеневе. 14 июля этого года Толстой писал Черткову: «Так как выяснилось теперь, что много еще не достает денег для переселения духоборов, то я думаю вот что сделать: у меня есть три повести: «Иртенев», «Воскресение» и «Отец Сергий» (я последнее время занимался им и начерно написал конец). Так вот я хотел бы продать их на самых выгодных условиях в английские или американские газеты (в газете, кажется, самое выгодное) и употребить вырученное на переселение духоборов. Повести эти написаны в моей старой манере, которую я теперь не одобряю. Если я буду исправлять их пока останусь ими доволен, я

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoye никогда не кончу. Обязавшись же отдать их издателю, я должен буду выпустить их tels quels.[458] Так случилось со мной с повестью «Казачи». Я всё не кончал ее. Но тогда проиграл деньги и для уплаты передал в редакцию «Русского Вестника». Теперь же случай гораздо более законный. Повести же сами по себе, если не удовлетворяют теперешним требованиям моим от искусства, – не общедоступны по форме, – то по содержанию не вредны и даже могут быть полезны людям, и потому думаю, что хорошо, продав их как можно дороже, напечатать теперь, не дожидаясь моей смерти, и передать деньги в комитет для переселения духоборов» (АЧ).

Однако, перечитав в тот же день «Иртенева», Толстой решает, что его не следует печатать. В приписке к письму читаем: „Нынче же перечел рассказ Иртенева и думаю, что не напечатаю его, а ограничусь «Воскресением» и «Отцом Сергием» [...] «Иртенева» нехорошо печатать, потому что мотив один и тот же, что в «Отце Сергии»“. Следует полагать, впрочем, что от печатания «Иртенева» Толстого удерживало не только им самим указанное обстоятельство, но и то, главным образом, что опубликование повести могло сильно огорчить жену.

Насколько такие опасения имели за собой основания видно из следующего. О связи мужа до брака с Аксиной С. А. Толстая знала из его дневников, с которыми ее ознакомил сам Толстой. Через несколько месяцев после свадьбы Аксины вместе с другой крестьянкой мыла полы в яснополянском доме.[459] Софья Андреевна, увидав ее, испытала острое чувство ревности, о чем говорит запись ее дневника от 16 декабря 1862 г.: «Мне кажется, я когда-нибудь себя хвачу от ревности... Влюблен как никогда!»[460] и просто баба, толстая, белая, ужасно. Я с таким удовольствием смотрела на кинжал, ружья. Один удар – легко. Пока нет ребенка. И она тут, в нескольких шагах. Я просто как сумасшедшая. Еду кататься.

Могу ее сейчас же увидеть. Так вот как он любил ее. Хоть бы сжечь журнал его и все его прошедшее».[461]

Когда весной 1909 г. Софья Андреевна впервые ознакомилась с рукописью «Дьявола», она пришла в сильное возбуждение, результатом которого было тяжелое и очень напряженное объяснение с мужем. В тот же день, 13 мая, Толстой отметил в дневнике, что жена нашла «Дьявола», и «в ней поднялись старые дрожжи».

Впервые «Дьявол» был напечатан в 1-м томе «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого» под редакцией В. Г. Черткова, издание А. Л. Толстой, М. 1911, – по исправленной Толстым копии, сделанной рукой В. Г. Черткова и И. И. Горбунова, сверенной с автографом. Так как в распоряжении редактора не было автографа варианта конца повести, то он был напечатан по списку, не абсолютно точному, сделанному рукой Н. Л. Оболенского. В этом издании в тех случаях, когда одни и те же лица назывались разными фамилиями, фамилии унифицированы. Так, Иртенев, в переделке начала автографа дважды названный Тверетиновым, всюду остается Иртеневым. Муж Степаниды, в начальных главах фигурирующий под фамилией Печникова и в VII, XVIII и XIX главах четыре раза названный Пчельниковым, всюду называется Печниковым. В XII главе сказано, что Степанида была в желтом растеге и в плисовой безрукавке, а несколько ниже, в той же главе первоначально написано, что «за деревьями мелькнула плисовая безрукавка на желтом растеге и красный платок», но затем слово «желтом» зачеркнуто и заменено словом «розовом». В издании А. Л. Толстой растегай в обоих случаях – желтый. (В берлинском издании I-го тома «Посмертных художественных произведений» Толстого (издание «Свободного слова» В. и А. Чертковых, 1912 г.) во втором случае напечатано: «на желтом, розовом растеге».) В главе XIII, в автографе, после слов: «Да, надо сделать это», стр. 502, строка 5, написано: «И решившись на это, он пошел в контору». Но на полях после слов: «Да надо сделать это» сделана вставка: «говорил он себе» и т. д., кончая словами: «всё ради своих мыслей». Редактор выпустил слова «и решившись на это», оговорив в примечании к тексту повести, что вставка заменяет собой эти слова. В той же главе XIII, стр. 502, строка 13, без оговорки явная описка автора «гостью» исправлена на «гостьей». Во II и III главах Тверетинов-Иртенев в автографе обозначен инициалами Е. И. В копии, сделанной рукой В. Г. Черткова, эти инициалы раскрыты как «Евгений Иванович». Так и в издании 1911 г. В автографе имя и отчество тещи Тверетинова-Иртенева всюду написано сокращенно: «В. А.» или «Варв. Алекс.» или «Вар. Ал.» или «Варвара Алекс.» В копии и вслед за ней в данном издании оно раскрыто как «Варвара Алексеевна» (хотя отчество могло бы быть раскрыто и как «Александровна»). Цифровые обозначения большей частью заменены словами, написанными буквами. В примечании к тексту повести приведены два варианта из XX главы, в копии обведенные Толстым чертой с пометкой «пр[опустить]». В текст

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e
повести вкралось несколько ошибок, впрочем, несущественных.

Все дальнейшие публикации «Дьявола» представляют собой перепечатку текста довести в издании А. Л. Толстой. Новая сверка с рукописями (за исключением автографа варианта конца) была произведена лишь при публикации повести в XII томе «Полного собрания художественных произведений» под редакцией Б. Эйхенбаума и К. Халабаева, Государственное издательство, М. – Л. 1928. Здесь восстановлено написание автографа «гостью» и инициалы «Е. И.» во второй и третьей главах раскрыты как «Евгений Иртенев». В главе VI, стр. 402, строка 44, воспроизведена явная описка Толстого: «ни раза», и последний абзац XXI главы основной редакции напечатан исключительно по автографу, с устранением обеих поправок, сделанных Толстым в этом абзаце в копии. В остальном повторены в основном все приемы и особенности издания А. Л. Толстой. В приложении к тому напечатано (неточно) несколько зачеркнутых вариантов автографа повести и один, помеченный Толстым словом: «пр[опустить]».

В настоящем издании текст «Дьявола» печатается по автографу и по исправленной Толстым его копии; вариант конца повести – по автографу. В последнем абзаце повести в копии сделаны рукой Толстого следующие исправления. После слов: «если Евгений Иртенев был душевно-больной», стр. 515, строки 3–4, Толстым вставлено: «тогда, когда он совершил свое преступление»; после слов: «то все люди также душевно больные», стр. 502, строка 4, слова «и из душевно больных самые несомненные это те» исправлены на «самые же душевно-больные это несомненно те». Очевидно, что вставка «тогда, когда он совершил свое преступление» сделана в применении к тексту варианта конца повести (убийство Степаниды). Поэтому исключаем ее из текста основной редакции XXI главы. [462] В XIII главе, в согласии с текстом издания А. Л. Толстой, исключаются слова «и решившись на это», как незачеркнутые явно по рассеянности. В той же главе слово «гостью», как очевидная описка, исправляется на «гостьей». В главах VI и XVIII написания «ни раза» также считаем опiskой по следующим основаниям. Во фразе VI главы автографа, предшествующей фразе со словами «ни раза», написано «ни разу». В зачеркнутой фразе XVIII главы автографа, также предшествующей фразе с написанием «ни раза», было сперва написано «два раза», затем это исправлено Толстым на «ни разу» и далее в этой зачеркнутой фразе встречается еще раз написание «ни разу». Несмотря на то, что герой повести фигурирует у Толстого под двумя разными фамилиями – Тверетинова и Иртенева, мы с уверенностью можем сказать, что Толстой всё же остановился окончательно на второй фамилии: во-первых, «Иртенев» заменен «Тверетиновым» только в переделке начала повести, причем новая фамилия употреблена лишь два раза, во-вторых, в варианте конца повести, написанном, как сказано, значительно позже основного текста и переделки его начала, автор вернулся к фамилии «Иртенев», в-третьих, наконец, в письмах к Черткову 1898 года Толстой, говоря о своей повести, называет ее «Иртенев» и «рассказ Иртенева». На этом основании в тексте настоящего издания фамилия героя всюду – «Иртенев». Что же касается другого случая различия фамилий, принадлежащих одним и тем же лицам («Печников» и «Пчельников»), то оно сохраняется и в тексте настоящего издания, так как неизвестно, какую из этих двух фамилий предпочел бы Толстой при дальнейшей работе над повестью. По той же причине в главе XII растегай остается в одном случае – желтый, в другом – розовый. Инициалы «Е. И.» во II и III главах раскрываются как «Евгений Иванович», в согласии с текстом издания А. Л. Толстой. Основание для такого именно раскрытия их – черновые варианты начала повести, где Иртенев называется Евгением Ивановичем и Евгением Иванычем. Кроме того, чтение «Е. И.» как «Евгений Иртенев», что сделано в издании под редакцией Б. Эйхенбаума и К. Халабаева, сомнительно еще и потому, что двумя заглавными буквами Толстой обычно обозначал не имя и фамилию, а имя и отчество. Вслед за текстом издания А. Л. Толстой сокращенное написание отчества тещи Иртенева условно раскрывается как «Алексеевна».

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПОВЕСТИ «ДЬЯВОЛ»

Рукописи, относящиеся к «Дьяволу», хранятся в Институте русской литературы Академии наук СССР (сокр. ИРЛ) (шифр 22. 5. 5.) и в Государственном Толстовском музее в Москве (сокр. ГТМ) (архив Н. Л. Оболенского, № 77).

1. Автограф ИРЛ на 48 листах в 4°, исписанных, кроме одного с обеих сторон. Первый лист – большого почтового формата, остальные – четвертушки и сложенные пополам полулисты писчего листа (расшитая тетрадь). Рукопись нумерована по страницам, начиная со второго листа, рукой Толстого (1–87), но нумерация не всегда соответствует естественному порядку страниц. Первый лист, представляющий собой вновь написанное начало повести (на нем сверху рукой Толстого написано:

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle «Начало»), а также листы 7-й, 8-й и 11-й, представляющие собой позднейшие вставки, не нумерованы. На обороте последнего листа – начало статьи об искусстве и науке. На переднем листе обложки (заднего не сохранилось) рукой Толстого написано: «10 ноября 1889 г.». На последнем листе, в конце текста, – дата: «19 ноября 1889 г.» и подпись. Заглавия рукопись не имеет. Текст поделен на двадцать две главы. В рукописи очень много исправлений, многое зачеркнуто, много добавлений между строк и особенно на полях. Вместо первоначального зачеркнутого начала, которое печатаем в вариантах (№ 1), написано новое, где фамилия Иртенев в обоих случаях, когда она здесь встречается, заменена фамилией Тверетинов. В дальнейшем важнейшие исправления в рукописи таковы.

После слов: «и куда? как?», стр. 483, строки 32–33, зачеркнуто:

Въ Петербургъ все это организовано. Можно было и такъ и этакъ.

После слов: «А мы давно. Голомъ», стр. 485, строки 31–32, зачеркнуто:

Все это было прекрасно, хорошо, пока онъ не подошелъ и не коснулся ея: но тутъ что [то] сдѣлалось поспѣшное, грубое, звѣрское.

После слов: «заниматься своими делами», стр. 486, строки 1–2 зачеркнут вариант, который печатаем под № 2.

После слов: «скорее устроить это», стр. 487, строка 23, зачеркнуто:

вопервыхъ для того, чтобы избавить Евгенію отъ этихъ унижительныхъ, какъ она считала, денежныхъ заботъ, вовторыхъ, чтобы избавить Евгенію отъ опасностей холостой жизни, которой она особенно боялась въ деревнѣ. Она знала про его отношенія съ Степанидой, какъ все знаетъ въ деревнѣ, и это мучало ее.

После слов: «и всякий разъ черезъ Данилу», стр. 488, строка 22, зачеркнуто приписанное на поляхъ:

Видалъ онъ ее и на работахъ и всегда не могъ не остановиться и не полюбоваться на ея сильныя, ловкіе пріемы работы, которыя дѣлались особенно энергичными, когда она чужая на себѣ его взгляды.

После слов: «Евгений с отвращением отказался», стр. 488, строка 24, зачеркнуто:

Тогда Данила обѣщаль устроить это вечеромъ, ночью, и дѣйствительно устроилъ это. То, что тутъ былъ мужъ, только еще болѣе усилило желаніе Евгенію, и онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, ожидая ее въ эту ночь.

После слов: «свиданья продолжались по-старому», стр. 488, строка 25, зачеркнуто:

Одинъ разъ къ Евгенію пріѣхали сосѣди и даже та самая барышня, его будущая жена, въ самый обѣдъ и въ самое время свиданья,

После слов: «и ничего не останется», думал он», стр. 489, строка 24, зачеркнуто:

Наступила осень, короткіе дни, дожди. Они все таки видались. Но тутъ-то осенью же случилось, что Марья Павловна устроила то, что хотѣла, – помолвку сына съ Лизой Анненской, съ институткой, и со времени этой помолвки свиданія Евгенію съ Степанидой кончились. И по мнѣнію Евгенію, кончились и всякія отношенія съ ней навсегда, какъ они начались и кончились по крайней мѣрѣ съ десятью женщинами, которыхъ зналъ Евгеній.

Вслед затем зачеркнуто первичное начало V главы:

Лиза Анненская была милая дѣвушка, и если Евгеній женился на ней, то совсѣмъ не потому, что у ней были 80 тысячъ, напротивъ, онъ сожалѣлъ, что у ней были эти несчастныя 80 тысячъ. Онъ, какъ отецъ его, хотѣлъ жениться не по расчету, но деньги эти были и въ его положеніи могли пригодиться. Главное было то, что она нравилась ему и представлялась такой женой, которая, какъ онъ себѣ говорилъ, повторяя чьи-то слова, имѣетъ всѣ данныя, чтобы составить счастье челоуѣка.

Зима прошла въ поѣздкахъ въ городъ, болтированіи, знакомствахъ, принятіи должности, ухаживаніи за невѣстой и будущей тещей и, главное, приготовленіи дома

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
для жены.

После слов: «кроткие доверчивые глаза», стр. 490, строки 17–18, зачеркнуто:
и мало измѣняющая лицо улыбка. Голосъ у ней былъ дѣвичій, немного трещащій.

После слов: «духовно же», стр. 490, строка 19, зачеркнуто:

она была изъ того страннаго типа женщинъ, изъ которыхъ выходятъ образцовыя жены и матери, всегда покорныя и вѣрныя мужу и всѣ погруженныя во внутренній міръ хозяйства и дѣтей. Въ институтѣ Лиза училась и наукамъ, и рисовать, и играть, и все она дѣлала посредственно и безъ интереса. Влюблялась <и обожала она тоже умѣренно> безпрестанно, и ей казалось, что всѣ влюбляются въ нее. <Одно, что она любила особенно, это> наряжаться и танцовать на балахъ <и еще хорошія вещи и конфеты> она любила больше всего.

После слов: «встретить такую любовь», стр. 490, строки 47–48; зачеркнуто:
и преданность и чувствовалъ, что онъ не можетъ дать ей того же.

После слов: «еще более тяжелым», стр. 493, строка 31, зачеркнуто:

Но вся эта тяжесть была ничто въ сравненіи съ тѣмъ его чувствомъ любви и уваженія, именно уваженія, которое съ каждымъ днемъ все больше и больше связывало его съ его милой, кроткой, честной и любящей женой.

После слов: «то, что он нашел», стр. 493, строка 43, зачеркнуто:

Вопервыхъ, съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ, онъ ни разу не замѣтилъ въ ней какой-нибудь мысли о себѣ, о своемъ удовольствіи, если не считать того, что она любила иногда наряжаться. Но явно было, что и это она дѣлала только для него, только чтобы ему быть пріятной.

После слов: «он должен был укрощать ее», стр. 494, строка 26, зачеркнуто:

Кромѣ того, свое положеніе хозяйки, несмотря на свою молодость, она приняла какъ нѣчто самое естественное и, очевидно, относилась къ этимъ своимъ обязанностямъ какъ къ чему то священному. Она была слабаго здоровья, и болѣзнь, которую другая перенесла бы легко, очень изнурила ее, и она какъ будто стыдилась этой своей слабости, раскаивалась въ ней и не только не ухаживала за собой, но прямо не берегла себя.

После слов: «чистота, порядок, изящество», стр. 494, строки 29–30, зачеркнуто:

изящно убранная комната, столъ, всегда пріятная бесѣда. Такъ что Евгеній все больше и больше любилъ свои домъ, свое гнѣздо семейное и ту, которая устроила ему его.

Перед словами: «жили они так», стр. 494, строка 45, зачеркнуто:

Все было прекрасно. Они жили въ деревнѣ одни. Даже Варвара Алекс[ѣевна], теща, немного нарушавшая ихъ спокойствіе, уѣхала. Только Марья Павловна, съ которой Лиза была особенно дружна, наѣзжала и жила недѣлями. Жизнь ихъ была самая счастливая и радостная. Дѣятельность Евгенія шла прекрасно.

Здоровье Лизы, несмотря на беременность, было очень хорошо. Связь между супругами устанавливалась все тѣснѣе и тѣснѣе, и ничто не нарушало ее.

После слов: «весело взглянула на него», стр. 496, строка 28, зачеркнуто:

И совершенно неожиданно страстная похоть обожгла его и какъ рукой схватила его за сердце.

После слов: «на поденную в дом», стр. 499, строка 32, зачеркнуто:

не хорошо это. Жена. Да и мнѣ и стыдно и больно.

После слов: «и красный платок», стр. 501, строка 8–9, зачеркнуто:

Отъ нея отдѣлилась бывшая съ ней баба, и она осталась одна.

После слов: «и пошел к ней.», стр. 501, строка 12, зачеркнуто:

Она стояла, улыбаясь и кусая листься.

После слов: «В этот же самый Троицын день», стр. 503, строка 4, зачеркнуто:

Лиза, возвращаясь из лѣсу, гдѣ крестили кукушку, оступилась.

После слов: «сделать предмет шутки». , стр. 505, строка 41, зачеркнуто:

Мысль о Степанидѣ если и приходила в голову, то только въ видѣ <раскаянія>, воспоминанія о чем то тяжеломъ, неприятномъ, но <прошедшемъ, побѣжденномъ>.

После слов: «распоряжался из дома и конторы по хозяйству», стр. 510, строка 37, зачеркнуто:

и съ помощью дядюшки, которому онъ отдавалъ отчетъ каждый день въ своемъ поведеніи, сразу вель себя такъ, что

После слов: «нравственно оживать», стр. 510, строка 38, зачеркнуто:

Онъ видѣлъ два раза Степаниду случайно на работахъ, ни разу не ходилъ туда, гдѣ могъ встрѣтить ее, и с радостью замѣчалъ, что Зачеркнутая первая фраза заменена фразой: Онъ ни разу не видѣлъ Степаниду, также зачеркнутой.

Сбоку на полях, в начале страницы, против зачеркнутых слов написан план текста следующих двух страниц:

Знакомства, новая служба, ребенокъ. Забыль».

В начале XIX главы на полях записана мысль, которая развивается в этой главе:

Вдругъ все устроилось.

После слов: «а я не был свободен», стр. 513, строка 14, зачеркнуто:

я полюбилъ не только ее, я полюбилъ всю ея жизнь.

После слов: «я испытал новое чувство», стр. 513, строки 15–16 зачеркнуто:

зависти къ мужикамъ, былъ счастливъ.

После слов: «чем сотни людей, которых они знали, стр. 515, строки 1–2, зачеркнуто:

и тѣмъ болѣе, чѣмъ тѣ люди, которые всѣ душевныя явленія хотятъ объяснить матерьяльными причинами.

2. Рукопись ИРЛ. Копия предыдущей. Шитая тетрадь в синей обложке. В ней 84 листа в 4°, исписанные, кроме последнего, с обеих сторон рукой В. Г. Черткова и (в значительно меньшей части) И. И. Горбунова с несколькими поправками рукой Толстого. К 81 листу относится вставка-вариант – на двух листах большого почтового формата, исписанная на трех страницах рукой Толстого и условными значками прикрепленная к тексту рассказа между словами «так жить нельзя», стр. 513, строка 37 и «В[арвара] А[лексеевна] уверяла», стр. 514, строка 42 (хранится в ГТМ, Архив Н. Л. Оболенского). В конце вставки рукой Толстого помечено: «Въ рукопись, знакъ # на предпоследн[ей] страниц[ѣ]». Вставка эта, будучи переписана рукой Н. Л. Оболенского на 4 листах в 4° (с одной стороны) была вклеена в тетрадь между предпоследним и последним листом. На ней вслед за текстом карандашом рукой А. К. Чертковой написано: «2-й вариант, прибавленный Л. Н-чем в? году и вписан сюда рукой Н. Л. Оболенского. Оригинал неизвестно где». В копии есть погрешности; некоторые слова остались неразобранными и заменены точками. На первой странице рукописи рукой Толстого написано заглавие – «Дьяволь».

Исправления рукой Толстого (всего в четырех местах) сделаны начиная с конца XIX главы. Аккуратно зачеркнутая по строкам в VII главе часть текста от слов: «Сверх

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle всего этого» и кончая словами: «чего он желал», стр. 494, строки 27–32, зачеркнута, несомненно, не рукой Толстого, а, вероятно, переписчика. В XX главе два листа обведены Толстым чертой с пометкой «пр[опустить]». Первое – самое начало главы:

И опять началось старое, но съ удесятеренной силой. Вечеромъ онъ думаль, думаль страшныя вещи. Онъ думаль о томъ, какъ пуста, скучна его жизнь, и какъ настоящая жизнь тамъ, съ той сильной, бодрой, всегда веселой женщиной. Взять ее, посадить въ телѣжку и на поѣздъ, и въ степь или въ Америку, и кануть въ воду. Да, уже такая [мысль] приходила ему въ голову.

Второе – после слов: «и он коснется ее тела...», стр. 513, строка 9:

– Что за вздоръ я думаль! Этого нельзя, – вдругъ воскликнулъ онъ. – Надо точно обдумать все, ясно обдумать. И онъ пошелъ въ поле и сталъ думать.

Эти слова приходились на конец XX главы. Чертой с пометкой: «пропустить» обведены не только они, но и следующая за ними цифра XXI. Таким образом главы XX и XXI слиты в одну, следующая цифра, обозначающая главу XXII, не исправлена на XXI, но текст естественно разделился теперь на двадцать одну главу вместо двадцати двух глав автографа.

–
ПРЕДИСЛОВИЕ К «СЕВАСТОПОЛЬСКИМ ВОСПОМИНАНИЯМ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ОФИЦЕРА» А. И. ЕРШОВА

31 октября 1857 г. Толстой записывает в Дневнике: «Прочел... Севастополь Ершова – хорошо».

Запись касалась статьи: «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера» Е. Р. Ш-ова, тетради шестая и седьмая, помещенной в «Библиотеке для чтения» 1857 г., ноябрь, стр. 1–56. (Первые пять тетрадей этих воспоминаний были напечатаны в «Библиотеке для чтения» за 1856 и 1857 гг.). В следующем 1858 г. воспоминания эти вышли отдельным изданием под заглавием: «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера». Сочинение Е. Р. Ш-ова. В семи тетрадях. Спб., с посвящением А. В. Дружинину.

Проходит тридцать лет, и 12 января 1889 г. Толстой записывает в Дневнике: «Ершов с книгой». Запись указывает на то, что в этот день у Толстого был автор «Севастопольских воспоминаний» А. И. Ершов[463] и просил его написать предисловие к новому изданию у А. С. Суворина его книги. Толстой принимается за перечитывание книги Ершова, о чем свидетельствует запись в Дневнике 13 января: «Читал Ершова», и другая того же числа: «Дома dokonчил Ершова».

На другой день, 14 января Толстой уже записывает: «Хочу писать предисловие Ершову». Более поздняя запись того же числа говорит: «Писал очень усердно. Но слабо. И не выйдет так».

Итак, первая редакция предисловия к книге Ершова была написана 14 января 1889 г. Однако Толстой остался недоволен написанным, что видно из записи Дневника 16 января: «Хотел писать предисловие, но, обдумав, решил, что надо бросить написанное и писать другое».

Но Толстой не сразу принимается за новую редакцию статьи.

30 января А. С. Суворин пишет Толстому следующее письмо: «Лев Николаевич, я обращаюсь к вам с большой просьбой такого рода. Не знаете ли вы, где г. Ершов, автор «Севастопольских воспоминаний»? Я взялся напечатать его книжку, а он говорил мне, что вы обещали дать ему предисловие к ней. Возвращаясь около двух недель тому назад из Москвы, я встретил его на железной дороге. Он тоже ехал в Петербург и говорил, что у вас предисловие почти окончено. С того времени я не видал его, он не заходил ни ко мне, ни в типографию, и не присылал своего адреса. Между тем книга окончена набором и стоит без движения, а часть ее отпечатана. Будьте добры, Лев Николаевич, уведомить меня, где автор и будет ли ваше предисловие или нет?» (АТ).

Толстой отвечает Суворину 31 января 1889 г.: «Об Ершове ничего не знаю. Предисловие к его книге я написал было, но оно не годится; желаю переделать или написать вновь и поскорее прислать вам». [464]

Около того же времени Толстой получил письмо от П. И. Бирюкова, который писал: «Был у меня Ершов и очень просил, когда буду писать вам, напомнить о предисловии к его книге. По тому, что он рассказывал, мне кажется, у вас должно выйти очень хорошо. А вы долго не сидите над ним, а поскорее кончайте» (АТ). Толстой отвечает П. И. Бирюкову 5 февраля: «Предисловие Ершову надеюсь, что напишу».

10 февраля Толстой вновь принимается за статью, о чем говорит запись в Дневнике этого дня: «Сел за работу. Написал предисловие начерно».

Затем опять следует перерыв, и только 18 февраля Толстой опять записывает: «Несмотря на то, что мало спал, поправил все предисловие. Предисловие разрастается». О работе над предисловием говорят еще записи Дневника от 22 февраля 1889 г.: «Предисловие поправлял», и от 11 марта: «Вчера писал предисловие порядочно». Толстой не был доволен написанным, что видно из записи 14 марта 1889 г.: «Прочел вчера свое предисловие Суворину. Оно совсем не хорошо».

После этого ни в письмах, ни в Дневниках нет никаких упоминаний о работе над этой статьей.

Итак, дневниковые записи позволяют установить следующие последовательные даты работы Толстого над предисловием к «Севастопольским воспоминаниям артиллерийского офицера» А. И. Ершова: первая редакция была написана 14 января 1889 г.; вторая – 10 февраля; третья – 18 и 22 февраля; четвертая и последняя – 10 марта.

Сохранились следующие рукописи «Предисловия к «Севастопольским воспоминаниям» А. И. Ершова»:

1. Первая редакция. 5 лл. 4°, исписанных целиком рукою автора с обеих сторон. Между 2 и 3 лл. (после слов: «обходить это, упоминая только в общих чертах» и перед словами: «Мальчик из военно-учебного заведения».. в автографе не хватает некоторого количества листов. Первый л. рукописи хранится в АТБ (п. 67), остальные – в ГТМ (АЧ 104. 27; инв. № 1370.)

В виду того, что первая редакция была совершенно переработана автором, и следующая редакция была почти целиком написана вновь, помещаем первую редакцию полностью в вариантах. Недостающие листы восполняем по рукописи № 2.

2. Копия с первого автографа, сделанная М. Л. Толстой, с исправлениями и вставками автора. 11 лл., исписанных с обеих сторон, из которых 4 лл. – почтового размера, а остальные – 4°. Хранится, как и рукописи №№ 3 и 4, в АТ (п. 67). Перечитывая копию, Толстой произвел совершенную переработку всего текста: из 10 страниц 8 были зачеркнуты целиком, 2 – значительно переработаны, и лишь первая страница в большей своей части была оставлена в прежнем виде. Взамен зачеркнутого Толстой написал новый текст на 4 лл. почтового размера и новый конец статьи на 5 страницах.

В самом начале статьи, проводя аналогию между тем, что описывает в своей книге Ершов, и своим собственным душевным состоянием на войне, Толстой говорит:

Я испыталъ это состояніе уже не мальчикомъ – а когда мнѣ было 24 года, и испыталъ его на Кавказѣ не при такихъ страшныхъ условіяхъ, при которыхъ довелось испытать его Ершову, и потому могъ больше сознать его.

Место это тут же вычеркивается.

Особенно тщательно вырисовывает автор образ молодого, только что кончившего курс офицера, отправляющегося в Севастополь. Он придает ему черты нарочитой молодцеватости, заставляя его думать про себя:

«Гдѣ вы, дѣвки, гдѣ вы, бабы, вотъ онъ я».

Вычеркнув это восклицание, автор через несколько строк вычеркивает и следующее большое описание:

Мальчикъ <20 лѣтъ>, только что вылупившійся изъ корпуса въ только что

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
обновленный новенький офицерский мундирчик, мальчик, не могущий собрать роту
отъ удовольствия при видѣ дѣлающихъ ему честь солдатъ, только что восхитившій
своихъ домашнихъ – мать, <кузин> сестру и ея знакомую дѣвушку своимъ
воинственнымъ видомъ и разговорами и пробивающимися усиками, мальчикъ, еще
только притворяющійся большимъ, но въ сущности дитя, которому такъ естественна
еще какъ ребенку ласка матери, что онъ боится ея и хочетъ

(фраза осталась неоконченной.)

3. Копия с предыдущей рукописи, сделанная Татьяной Львовной и Софьей Андреевной Толстыми. 8 лл. 4°, исписанных с обеих сторон, и 1 л. заключения, собственноручно написанный автором. На всем протяжении рукописи, кроме первой страницы, оставшейся нетронутой, много исправлений и дополнений Толстого. Особенное внимание автор уделяет той части статьи, в которой срывается маска с так называемого «героизма» на войне, с того, что называется «военными подвигами». Большие куски вычеркиваются, чтобы уступить место еще более сильному выражению той же мысли. Так, после изложения тех сомнений молодого офицера, которые должны были в конце концов разрушить его патриотическое самообольщение, вычеркивается:

Такъ говорила сначала совѣсть юношѣ, но онъ опять одинъ. Хотя всѣ думаютъ то же, но всѣ скрываютъ и всѣ больше и больше подогрѣваютъ восхваленія геройству, и юноши попадаютъ на этотъ слѣдующій обманъ и вступаютъ во второе ужасное нравственное состояніе. Выборъ, стоящій передъ юношей, такой: прямо признаться, что онъ дуракъ дуракомъ попался въ страшный обманъ и въ продолженіи семи мѣсяцевъ дѣлалъ скверное дѣло, которое онъ впередъ никогда не будетъ дѣлать и никому не совѣтуеть дѣлать.

Далее автор характеризует то второе, ужасное, по его словам, нравственное состояние, при котором возвратившийся с войны юноша, под влиянием всеобщего восхваления, признает ту роль героя, которую ему приписывают, и старается «сам перед собой скрыть то, что он очень хорошо знает и описать и себе и другим свое участие в войне не как постыдное пребывание в подлой и глупой ловушке, а как что-то неопределенно геройское». Далее вычеркивается:

И вотъ является описаніе осады. Я испыталъ и то и другое состояніе и знаю ихъ. Второе хуже перваго. Надо описать, какъ я какъ дуракъ попался и какъ слабый человекъ, подчиняясь волѣ и обману другихъ, не смотря на самыя страшныя опасности, пребывалъ въ этомъ состояніи, но описать это надо такъ, какъ будто я не былъ уловленъ обманомъ, а проводилъ это время на войнѣ въ тѣхъ ужасныхъ занятіяхъ, въ которыхъ я проводилъ его, по своему собственному желанію, по высшимъ и всѣмъ понятнымъ соображеніямъ.

Давая общую характеристику такого рода сочинений, к какому он относил «Севастопольские воспоминания» Ершова, автор вычеркивает из этой характеристики следующую фразу:

Умалчивается и обходится самый первый и существенный вопросъ, который представляется человеку при чтеніи того, что описывается: предполагается этотъ вопросъ рѣшеннымъ въ извѣстномъ смыслѣ.

Вместо слов: «этотъ вопросъ рѣшеннымъ в известномъ смысле», на полях автор делает следующую вставку, которую, однако, тут же и зачеркивает:

что та истина, простая, ясная истина, которая всѣмъ извѣстна, не есть вся истина, а есть еще другая, которая часто противоположна съ первой, но что это ничего не мѣняетъ и что есть очень простое рѣшеніе, примиряющее объ истины, и что рѣшеніе это всѣмъ извѣстно.

Наконец, перерабатывается заключение статьи. Целиком вычеркивается прежнее заключение, в котором автор проводил аналогию между «Севастопольскими воспоминаниями» Ершова и своими «Севастопольскими рассказами», а также давал характеристику прежним военно-историческим сочинениям:

Таково мое описаніе Севастополя и таково же описаніе Ершова. Эти описанія отличаются отъ тѣхъ наивныхъ, уже выведшихся у насъ изъ употребленія со временъ Михайловскаго–Данилевскаго[465] и Богдановича,[466] тѣмъ, что они не рѣжутъ ушей фальшью, а говорятъ что-то похожее на правду; но они не правдивы по существу,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle они скрывают главное, заслоняя его побочнымъ. Описанія эти поучительны только какъ психологический матерьяль.

Вместо этого заключения Толстой дает следующее:

Нѣтъ тутъ никакой фатальности, есть одно невѣжество дикости. Дикость поступковъ на войнѣ и хитрость дикаря во время мира при сужденіяхъ о войнѣ.

Не удовлетворяясь и этимъ заключеніемъ, Толстой зачеркиваетъ и его и даетъ новое:

Пора намъ знать, что разрѣшенія этого нѣтъ, и фатальности нѣтъ никакой, и что въ войнѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего иного, кромѣ проявленія самыхъ низкихъ животныхъ свойствъ челоука и что

Не доканчивая мысль, авторъ вычеркиваетъ ее и пишетъ заключение заново, исписывая сначала прямыми, а затемъ косыми строчками все поля и свободный низ обратной страницы восьмого листа рукописи, и на отдельномъ листе записываетъ свой разговоръ съ юнкеромъ, рассказывавшимъ про Скобелева, и этимъ заканчиваетъ статью.

4. Копія съ предыдущей рукописи, сделанная рукою С. А. Толстой. 16 лл. 4, исписанныхъ съ одной стороны. Только листы 2 и 15 совершенно не тронуты авторомъ; все остальные более или менее значительно исправлены и переработаны. Изъ вычеркнутыхъ местъ предыдущей редакціи отмечаемъ следующие:

а) Описывая душевное состояніе прибывшаго въ Севастополь молодого офицера, оглядывающагося на свою только что оставленную мирную жизнь, Толстой вычеркиваетъ фразу: «жизнь была полна радостей» и заменяетъ ее следующимъ образнымъ выраженіемъ:

Жизнь не переставая пѣла ему какую то радостную и торжественную пѣснь.

Затемъ вычеркиваетъ и это и пишетъ взаменъ следующие простые слова: «все это можетъ быть было и мелочно, и смѣшно, и тщеславно, но все это было невинно и потому мило».

Вследъ за этимъ вычеркивается еще следующее место:

И вотъ онъ въ Севастополь, гдѣ уже видѣлъ и раненыхъ, и воза труповъ; въ Севастополь, гдѣ вся жизнь съежилась, сжалась и свелась къ одному – къ усиліямъ скрыть свой страхъ передъ страданіями и смертью.

И вотъ съ этимъ наполняющимъ душу страхомъ выказать свой страхъ онъ всякую минуту ожидаетъ того, что его пошлютъ туда, на бастіоны.

б) Изъ общей характеристики книги Ершова вычеркивается:

И вотъ начинается то второе ужасное нравственное состояніе, при которомъ юноша старается самъ передъ собой скрыть то, что онъ очень хорошо знаетъ, и описать и себѣ и другимъ свое участіе въ войнѣ не какъ постыдное пребываніе въ подлой и глупой ловушкѣ, а какъ что то неопредѣленно геройское.

Дѣлается то, что въ болыпинствѣ случаевъ дѣлается во всѣхъ тѣхъ писаніяхъ, которыя для скрытія отъ людей истины наполняютъ міръ.

Предполагается, что тотъ самый основной вопросъ, который первый представляется при обсужденіи или описаніи какого либо предмета, вопросъ о томъ, почему произошло то, что произошло, и зачѣмъ я дѣлалъ то, что я дѣлалъ, вопросъ этотъ предполагается рѣшеннымъ и рѣшеніе это всѣмъ извѣстнымъ, и дѣлается видъ, что то самое противорѣчіе, разрѣшеніе котораго и составляетъ весь интересъ предмета, вовсе и не существуетъ, что про это противорѣчіе совѣстно даже говорить, что это извѣстно всѣмъ образованнымъ людямъ.

в) Говоря объ отношеніи защитниковъ Севастополя къ войнѣ, авторъ касается и общаго отношенія къ войнѣ людей нашего времени:

Нельзя найти самыхъ дикихъ людей, которые бы стали воевать только вслѣдствіе своей національной ненависти. Могли еще воевать люди, когда они страстно желали для своего блага цѣли, достигаемой войной, но этаго не могло быть въ Ахаль-Теке, [467] ни въ Болгаріи, [468] ни даже у нѣмцевъ, завоевывающихъ

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Рейнь, [469] тѣмъ менѣе это могло быть у насъ, убивавшихъ Англичанъ и Французовъ
для того, чтобы ключи отъ храма носились бы въ другомъ карманѣ.

Толстой вычеркивает всё это место и основную мысль его излагает в нескольких строках, откидывая отклонения об Ахал-Теке, немцах и пр. и сводя все рассуждения к автору разбираемого сочинения.

г) На следующей странице рукописи, после упоминания о том, что в книге Ершова «делаются краткие намеки на любовь к царю, к отечеству», Толстой вычеркивает следующее предложение:

Но только намеки именно потому, что если бы это высказывать прямо и ясно, то ложь этаго была бы слишком очевидна.

Эта резкая формулировка заменяется смягченной фразой, вызванной отчасти, быть может, и цензурными соображениями:

Чувствуется, что это только <отговорка> дань условіямъ, въ которыхъ находится авторъ.

д) Из дальнейшего разоблачения патриотических сочинений о войне, восхваляющих самопожертвование военных, автором вычеркивается следующее поставленное в скобки предложение:

(не говорится о томъ, что нѣтъ свободной жертвы, а принудительная, что нѣтъ повода къ жертвѣ и что нѣтъ жертвы, а есть взаимное убійство).

е) Наконец, из заключения статьи исключается следующий большой кусок:

И вотъ являются эти, исполненныя неясности, подразумѣваній, мнимыхъ сожалѣній передъ жестокостью войны и признанія ея необходимости, патриотическихъ намековъ и умолчаній, легкихъ и шуточныхъ картинокъ, долженствующихъ составлять контрастъ съ значительностью самаго дѣла – описанія. Дѣлаются даже намеки на состраданіе (это верхъ ловкости и смѣлости) къ убитымъ, на недоумѣніе передъ жестокостью войны, но опять не договаривается и подразумѣвается, что разрѣшеніе противорѣчій между свойственнымъ челоуку состраданіемъ и разумностью и христіанствомъ, не позволяющимъ убивать, да еще безъ причины, братьевъ, и организованнымъ убійствомъ слишкомъ просто и извѣстно каждому. И что тутъ есть нѣкоторая поэтическая фатальность.

И молодыя поколѣнія читаютъ и воспитываются въ этомъ лицемѣріи, и плоды этаго лицемѣрія – ужасны. И до чего довело людей фарисейство, до какого извращенія понятій!

Вся эта характеристика известного рода сочинений о войне, прежде всего относящаяся к той книге А. И. Ершова, предисловием к которой должна была служить статья, автором вычеркивается, и мысль, заключенная в этих словах, излагается в значительно смягченном виде, без упоминания о «лицемерии» и «фарисействе».

Заключение статьи оставлено то же – рассказ юнкера о том, как Скобелев под Геок-Тепе перепоил солдат, чтобы они перерезали мирное население. Автор только к словам: «Вот где ужас войны!» приписывает еще: «Какие миллионы работников Красного Креста залечат те раны, которые кишат в этом слове, произведении целого воспитания», подписывает свою фамилию и ставит дату: «10 М[арта] 89».

Этим днем, повидимому, работа над статьей закончилась.

В следующем 1890 году Толстой, повидимому, думал вновь взяться за предисловие к книге Ершова. В январе этого года Мар. Льв. Толстая писала сестре Татьяне Львовне, находившейся в то время в Москве: «Пойди пожалуйста в дом [Хамовнический дом Толстых] и поищи везде у папа рукописи и привези все, что найдешь. Нам надо его начатое предисловие к Рассказам о Севастополе Ершова... Poiщи хорошенько» (ГТМ).

Неизвестно почему: потому ли, что Толстой остался недоволен своей статьей, или потому, что она вышла нецензурна, или, быть может, статья затерялась, но написанное Толстым предисловие в печати в то время не появилось, и книга Ершова вышла без него под следующим заглавием: «Севастопольские воспоминания

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle артиллерийского офицера». Сочинение А. И. Ершова (Е. Р. Ш-ова). В семи тетрадях, изд. второе А. С. Суворина. Спб. 1891. Статья Толстого появилась впервые лишь в 1902 г. в издании «Свободного слова» (Christchurch, Nants, England) в брошюре под заглавием: Л. Н. Толстой, «Против войны», где статья занимает страницы 1–8. В России впервые в – «Сочинениях графа Л. Н. Толстого», изд. двенадцатое, ч. семнадцатая, М. 1911.

Мы печатаем статью по подлинным рукописям автора, исправляя некоторые неточности и восстанавливая пропуски, имевшиеся в той копии, с которой производилось издание «Свободного слова». Исправляем также неверную дату, под которой была напечатана статья. Толстой подписал статью сокращенной датой: «10 М. 89», причем под буквой «М» следует, как это ясно из дневниковой записи, разуместь март 1889 г.; переписчик же, очевидно, расшифровал «М» как «май», и статья появилась в издании «Свободного слова» с неверной датой 10 мая 1889 г.

Примечания.

Стр. 524, строки 26–28. «Одно словечко... пожалуйста, повесьте». Имеется в виду факт, рассказанный в «Русской старине» 1888, ноябрь, в записках известного художника Василия Васильевича Верещагина (1848–1904), озаглавленных: «Воспоминания художника Вас. Вас. Верещагина. Набег на Адрианополь в 1877 году». Здесь Толстой на страницах 466–468 прочитал: «Привели к Струкову[470] двух албанцев, отчаянных разбойников, по уверению болгар, вырезывавших младенцев из утроб матерей. Генерал приказал связать их покрепче, и драгуны, поставивши ребят спинами вместе, стянули локтями так, что они совсем побагровели и двинуться потом не могли... Я просил Струкова повесить их, но он не согласился, сказал, что не любит расстреливать и вешать в военное время и не возьмет этих двух молодцов на свою совесть, а передаст их Скобелеву, пускай тот делает, что хочет.

– «Хорошо, – отвечал я, – попрошу Михаила Дмитриевича: от него задержки, вероятно, не будет.

– «Что это вы, Василий Васильевич, сделались таким кровожадным? – заметил Струков. – Я не знал этого за вами.

«Тогда я признался, что еще не видел повешения и очень интересуюсь этою процедурю.

«Скобелев приехал к вечеру... Я попросил Скобелева повесить помянутых двух разбойников; он ответил: «Это можно» и, призвавши командира стрелкового батальона, полковника К., приказал нарядить полевой суд над обоими схваченными албанцами и прибавил:

– «Да пожалуйста, чтобы их повесить.

– «Слушаю, ваше превосходительство, – был ответ.

«И я считал, что дело мое в шляпе, то есть что до выхода нашего из Адрианополя я еще увижу эту экзекуцию и после передам ее на полотне. Не тут-то было: незадолго перед уходом, найдя обоих приятелей всё в том же незавидном положении и осведомившись: «Разве их не будут казнить?» – я получил в ответ: «Нет». Узнавши о назначении полевого суда, С-в просил Михаила Дмитриевича, для него, не убивать этих двух кавалеров, и очень вероятно, что они и по сию пору здравствуют и похваляют милосердие русского начальства».

Стр. 524, строки 36–37. «Великий инквизитор» – V глава пятой книги первой части романа Достоевского «Братья Карамазовы».

Стр. 524, строка 46. Геок-Тепе – название трех селений в Ахал-Текинском уезде Закаспийской области; под этим именем известно также укрепление, построенное текинцами для обороны этих селений против русских. Укрепление было взято русскими войсками под начальством генерала Скобелева 12 января 1881 г.

Стр. 524, строка 46. Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882) – генерал-адъютант, участник Хивинской экспедиции 1873 г., Кокандской 1875–1876 гг., Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., где получил большую известность, благодаря ряду удачных дел, Текинской экспедиции 1881 г. Толстой чувствовал сильнейшую антипатию к личности и деятельности «белого генерала», как звали Скобелева, и отказался с

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
ним познакомиться, когда это предлагал ему Д. Д. Оболенский (Кн. Д. Д. Оболенский, «Отрывки» – «Международный толстовский альманах», составленный П. Сергеевко, изд. «Книга». М. 1909, стр. 244).

«[ВОЗЗВАНИЕ.]»

Об этой статье имеется следующая запись в Дневнике Толстого от 25 мая 1889 г.: «С утра взялся писать в книжечке воззвание. Чувствую, что жить недолго, а сказать еще, кажется, многое нужно. Но здоровья нет. Нет умственной энергии». И позднее в тот же день: «Написал несколько страничек в маленькой книжечке. По крайней мере не испортил – можно продолжать».

Быть может к этой же статье относится и запись от 2 сентября: «Писал в книжечку манифест и написал кое-что». И наконец с большой долей вероятия относим к этой статье запись в Дневнике от 3 декабря 1889 г. – о продолжении работы над «воззванием».

Существуют две рукописи этой неоконченной статьи:

1. Первый автограф. Написан в переплетенной тетради, типа записной книжки, содержащей всего 66 лл. Рукопись хранится в ГТМ (инв. № 97). На 1 л. рукою М. Л. Толстой помечено: «Переписано». Далее на лл. 2–9 идет текст данной статьи. На л. 10 написано заглавие статьи:

Къ Христіанамъ призываемымъ въ солдаты:

Однако, самой статьи под таким заглавием не начато. Лл. 11–23 не заполнены. Лл. 24–33 заняты наброском статьи по поводу дела Скублинский (см. стр. 536–540). Вся остальная часть книжки не заполнена, за исключением л. 66, на котором с обратной стороны написана карандашом вставка в статью В. Г. Черткова «Злая забава» (см. стр. 726).

Статья не имеет заглавия и начинается датой 25 мая 1889 г. В тексте много исправлений автора стилистического характера; некоторые места вычеркнуты. Так, в описании бедственности жизни людей нашего времени автором вычеркнуты следующие строки, мысль которых развита им в дальнейшем:

Живуть въ безумной роскоши <богачи> цари и ихъ начальники, министры, генералы, чиновники, богачи, купцы и въ нищеть живутъ рабочіе. Одни умирають отъ скуки и изнѣженности, другіе по 15, 12 часовъ работаютъ тяжелую одуряющую работу. И между тѣми и другими страхъ и ненависть. И тѣ [и] другіе живутъ большую часть жизни въ тѣсныхъ и душныхъ городахъ, предаваясь пьянству и разврату, а въ деревняхъ работаютъ женщины, дѣти, старики, жалуясь на свою судьбу.

После слов: «сделать в этой жизни», перед абзацем, начинающимся троекратным повторением призыва: «Одумайтесь», автором сделана обведенная кружком пометка:

Не съ этого ли начать?

Вся статья написана черными чернилами. Два последние слова: «указывает его», очевидно, позднее вычеркнуты фиолетовыми чернилами и этими же чернилами заменены словами: «ведет к нему».

2. Копия с предыдущей рукописи, сделанная рукою В. Г. Черткова. 12 лл. 4°, исписанных с одной стороны, с заметками на полях В. Г. Черткова и исправлениями Толстого. Хранится в ГТМ (АЧ). На обложке рукою В. Г. Черткова написано синим карандашом: «Обращение» и ниже черным карандашом его же рукою: «К людям-братьям». Исправлений Толстого сравнительно немного; последние 3 лл. остались совершенно нетронутыми. После даты автором вычеркнуто начало статьи, имеющее характер дневниковой записи. В дальнейшем изложении четыре места отмечены пометкой «пр.», что значило: пропустить.

Исправления Толстого в этой рукописи были сделаны в ноябре 1891 года. В то время он работал над статьей «Царство Божие внутри вас» и писал В. Г. Черткову, что не находит подходящего заключения к этой статье. В. Г. Чертков 12 ноября послал ему рукопись «Воззвания», предлагая воспользоваться ею как заключением. Толстой отвечал ему 25 ноября: «Благодарю за присылку обращения. Я понимаю, что хорошо бы было заключить этим или таким же; но не знаю, выйдет ли».

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
К этому времени, очевидно, и относятся исправления Толстого в статье, которой он, однако, как заключением к работе «Царство Божие внутри вас», не воспользовался.

Статья впервые появилась в X томе «Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, запрещенных русской цензурой», под редакцией В. Г. Черткова, изд. «Свободное слово». Christchurch. 1904, стр. 143–147, под названием: «Обращение к людям-братьям». В России впервые в журнале «Новая пашня» 1907, 3, стр. 2–3. В собрания сочинений Толстого, выходящие в России, статья не входила вплоть до посмертного (двенадцатого) издания С. А. Толстой 1911 г., где она помещена в шестнадцатой части.

Мы печатаем статью по второй рукописи, исправляя ошибки переписчика по оригиналу Толстого. Печатаем под тем заглавием (ставя его в прямые скобки), под которым она значится в дневниковой записи Толстого 25 мая 1889 г.

Примечания.

Стр. 532, строка 15. Имеется в виду стих 10 псалма 89: «Дней лет наших – семьдесят, а при большей крепости – восемьдесят лет».

Стр. 532, строка 25–26. Речь идет о проповеди Иоанна Крестителя, по Евангелиям – предшественника Иисуса Христа. Употребленное Толстым слово «одумайтесь» есть буквальный перевод стоящего в этом месте в греческом тексте слова μετάνοεῖτε переведенного в каноническом Евангелии словом «покайтесь». (Евангелие от Матфея, III, 2.)

–

«[CARTHAGO DELENDA EST.]»

Эта неоконченная статья была начата 30 ноября 1889 г., как помечено автором в начале рукописи и отмечено в Дневнике. Статья печатается по подлинной рукописи автора, 2 лл. 4°, хранящейся в Институте русской литературы Академии наук (шифр – 22. 5. 30). 1 л. исписан с обеих сторон; оборот 2 л. не заполнен. Рукопись составляет часть архива В. Г. Черткова. Заглавия не имеет. За фразой: «Carthago delenda est», начинающей статью, в рукописи сначала следовали слова: «говорил Сципи[он]». [471] Слова эти тут же были вычеркнуты автором, и подучилось впечатление, что фраза: «Carthago delenda est», оставшаяся одна посредине строки, является заглавием статьи. Быть может, это неожиданно для самого автора появившееся заглавие показалось ему удачным, так как он трижды: в 1891, 1896 и 1898 гг. начинал статью под таким заглавием (из этих попыток только одна – статья 1898 г. – была доведена до конца, см. том 31).

Набросок был опубликован В. Г. Чертковым в № 305 газеты «Речь» от 7 ноября 1913 г. под заглавием: «Carthago delenda est». В собрании сочинений Толстого данная статья не включалась.

Не считая по рукописи автора бесспорным, что первые слова статьи являются в то же время ее заглавием, помещаем то заглавие, под которым статья была напечатана В. Г. Чертковым, в прямых скобках.

Сверив первую публикацию с подлинной рукописью автора, мы устранили некоторые пропуски и неточности текста.

–

«[ПО ПОВОДУ ДЕЛА СКУБЛИНСКОЙ.]»

В феврале 1890 г. во всех русских газетах появились сенсационные сообщения о том, что в Варшаве раскрыта шайка злодеев, с акушеркой Марианной Скублинской во главе, которая занималась приемом на выкармливание младенцев и затем замаривала их голодом. Газеты сообщали, что преступление было раскрыто случайно – вследствие происшедшего 6 февраля пожара того дома, в котором жила Скублинская. При прекращении огня пожарные на чердаке наткнулись на труп ребенка; вызванное этим исследование чердака обнаружило еще шесть детских трупики. Затем трупы были найдены зарытыми на дворе дома, замурованными в стене, брошенными в отхожее место. В самой квартире Скублинской оказались также трупы и, кроме того, еще живые младенцы в таком состоянии, что из пяти четверо неизбежно должны были умереть. Всех трупов найдено было 76; но полагали, что это была только небольшая часть жертв шайки. Один из ее членов, «работавший» на нее всего три месяца, показал, что за этот срок он вынес из дома и зарыл на кладбище до пятидесяти

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
детских трупов. Промысел Скублинской состоял в том, что она помогала родителям отделяться от новорожденных детей. Она брала на себя комиссионерство по пристройке детей в воспитательный дом, а на ряду с этим принимала детей и к себе и жестоким обращением и голодом доводила их до смерти. Трупы хранились некоторое время в квартире, затем переносились кучею к соучастнику столяру, резались на части и кусками набивались в гроба. Таким образом, имея свидетельство о смерти одного ребенка, преступники хоронили на кладбище столько трупов, сколько их разрезанных могло поместиться в гробу. Если нельзя было достать свидетельство о смерти, трупы выбрасывались на улицы того квартала, где жила шайка, или прятались в разных частях дома. В шайке состояло десять человек, из которых трое малолетних.

Таковы были сенсационное известия из Варшавы, в короткое время облетевшие всю Россию. Некоторое время во всех кругах, читавших газеты, только и разговору было, что о Скублинской. В течение нескольких лет изображение Скублинской показывали в музеях-паноптикумах.

Судебное разбирательство дела Скублинской происходило в Варшавском окружном суде 23–26 октября того же 1890 г. без участия присяжных заседателей. На суде многое из тех сенсаций, которыми были наполнены газеты об этом деле, не подтвердилось. Свидетели противоречили друг другу; разошлись между собою и эксперты. Никакого разрезания трупов установлено не было. Совокупность всего прошедшего на суде производила впечатление, что Скублинская действительно промышляла приемом детей и пристройкой их в воспитательные дома, обходилась с ними преступно небрежно, очень мало кормила, вследствие чего, разумеется, многие умирали, но прямого намерения убивать детей на суде обнаружено не было, хотя образ действий Скублинской нельзя было не признать косвенным детоубийством. Суд приговорил Скублинскую и ее главную соучастницу к трем годам тюремного заключения, одного из обвиняемых – к заключению в арестантские роты на два с половиной года, восемь – к тюремному заключению от трех до шести месяцев, четверо были оправданы.

Статья Толстого была начата в разгар всеобщих толков и рассуждений по поводу Скублинской. В противовес общим осуждениям и ужасам относительно поступков Скублинской Толстой указывает ту почву, на которой вырастают такие преступления, как дело Скублинской. Он указывает, что вся жизнь господствующих классов покоится на системе преступлений, перед которыми бледнеют дела Скублинской и ей подобных.

Статья была написана, повидимому, в один присест, но не закончена и брошена на половине фразы. Повидимому, Толстой не отдавал ее в переписку. Статья была написана в той тетради типа записной книжки, в которой незадолго до этого была начата и другая также не доконченная статья, которую Толстой в Дневнике называл «Воззвание». Тетрадь эта описана нами на стр. 736; статья о Скублинской занимает здесь лл. 24–32, исписанные с обеих сторон, причем оборот л. 32 заполнен не весь. Заглавия статья не имеет и вся целиком написана рукою автора, с небольшим сравнительно количеством исправлений преимущественно стилистического характера.

В Дневнике Толстого имеются следующие две записи об этой статье. 17 февраля 1890 г.: «Нынче прочел ужасы дѣтоубійства въ Варшавѣ и по этому случаю писалъ утромъ – не знаю, что выйдетъ». 18 февраля: «Прочелъ о Скублинской въ Варшавѣ. Я писалъ обвинительный актъ: правительству, церкви и общественному мнѣнію – нехорошо... (Все это было 17-го)».

Статья была опубликована впервые В. Д. Пестовой в книге: Лев Толстой, «Неизданные тексты». Редакция Н. К. Гудзия и Н. Н. Гусева, изд. «Academia» – ГИХЛ, 1933, стр. 333–339.

Примечания.

Стр. 536, строка 19–21. События, упоминаемые Толстым: убийство крестьянами управляющего и приговор убивших к повешению – произошли в 1887 г. 14 апреля 1887 г. крестьянами был убит управляющий имением Долгоруково Инсарского у. Пензенской губ. Алексей Васильевич Станиславский. Имение принадлежало Наталье Алексеевне Огаревой, рожд. Тучковой (1829–1913), жене Н. П. Огарева, а затем подруге А. И. Герцена. Поводом к столкновению крестьян с управляющим послужило то, что Станиславский приказал загнать крестьянский скот за потраву барских полей, после чего пятнадцать человек крестьян с палками и кольями явились на барский двор. Станиславский вышел к ним с двуствольным ружьем, и начались крупные объяснения.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle

После сочтенного им за дерзость ответа одного крестьянина Станиславский схватил его за бороду, повалил и начал бить ружейным прикладом. Крестьянин стал кричать, чтобы ударили в набат, а другой побежал в деревню, крича, что управляющий убил мужика. По набату собралась на двор толпа человек в триста. Увидав толпу, Станиславский стал удаляться к дому, но ему заградили путь; он шел с поднятым ружьем, а у противников его были палки, цепи и т. п. орудия. Дошло до рукопашной, Станиславского ударили палкой, а он выстрелом убил крестьянина. Тут озлобление дошло до высшей степени, Станиславского загнали в овраг и зверски убили. Дело разбиралось временным отделением Казанского военно-окружного суда в Пензе 22–26 сентября 1887 г. Обвиняемых было тридцать человек, из них четырнадцать были признаны виновными в умышленном убийстве и приговорены к смертной казни; старшина и староста – за бездействие власти – к заключению в исправительные арестантские отделения на три и три с половиною года, остальные четырнадцать человек были оправданы. Обвиненные подали «на высочайшее имя», после чего двенадцати осужденным смертная казнь была заменена каторгой: трем – без срока и девяти – на 20 лет. Два же были казнены 10 ноября 1887 г. на дворе Пензенской губернской тюрьмы палачом, выписанным из Варшавы (который уже совершал смертную казнь в одной из южных губерний).

Толстой был очень взволнован и возмущен этим делом и долго не мог его забыть. 7 августа 1890 г. он писал о нем американцу Джону Кеннану, известному своей книгой «Сибирь и ссылка». Выразив ему свою благодарность, «как и все живые русские люди, за оглашение совершающихся в теперешнее царствование ужасов», Толстой писал: «Вы, верно, слышали про страшную историю повешения в Пензе двух крестьян из семи, приговоренных к этому за то, что они убили управляющего, убившего одного из них. Это было в газетах и даже при том освещении, которое дано этому правительственными органами, возбуждает страшное негодование и отвращение особенно в нас, русских, воспитанных в сознании того, что смертная казнь не существует в нашем законодательстве». («Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка», изд. Academia. М. – Л. МСМXXX, стр. 27.)

В 1892 г., когда Н. А. Огарева вступила с ним в переписку, прося пожертвовать в Долгоруковскую школу его книги, Толстой просил ее указать, у кого он может узнать подробности об убийстве управляющего в ее имении. Н. А. Огарева в двух обширных письмах (от 1 и 13 июля 1892 г.) рассказала подробно об убийстве и о суде. (Письма эти напечатаны в сборнике: «Письма Толстого и к Толстому» – «Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина», ГИЗ. 1928, стр. 197–208.) Рассказ ее показался Толстому пристрастным в ее пользу. Дело это так врезалось Толстому в память, что он рассказывал его подробности еще 26 июня 1904 г., т. е. через 17 лет (см. А. Б. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», т. I, изд. Центрального товарищества Кооперативное издательство и издательство «Голос Толстого». М. 1922, стр. 135–136). По записи А. Б. Гольденвейзера, причина столкновения крестьян с управляющим, по словам Толстого, была в том, что в имении Огаревой–Тучковой были луга, которыми поконом века пользовались крестьяне, но которые юридически принадлежали помещице. С этих-то лугов и был загнан крестьянский скот.

Стр. 538, строки 4–5. Упоминание о том, что политических арестованных в местах заключения «секут безразлично мужчин и женщин», вызвано было событиями на Каре. 7 ноября 1889 г. по постановлению приамурского генерал-губернатора барона Корфа была высечена ста ударами розг, за оскорбление действием коменданта каторжной тюрьмы Масюкова, отбывавшая на Каре свой срок заключения ссыльно-каторжанка Н. К. Сигида. Надежда Константиновна Сигида, рожд. Малоксиано, р. в Таганроге в 1863 г. была учительницей в городской школе в Таганроге, Арестована была в 1886 г. по делу народвольческой типографии. В 1887 г. была присуждена в 8 годах каторжных работ. После экзекуции Н. К. Сигида отравилась мышьяком и 10 ноября умерла. Кроме нее, отравились еще каторжанки: Марья Павловна Ковалевская, рожд. Воронцова, сестра известного экономиста народника Владимира Павловича Воронцова, писавшего под инициалами В. В. (р. 1849 г.), Надежда Семеновна Смирницкая (р. в 1854 или 1852 г.) и Мария Васильевна Калюжная (р. 1864 г.). Все трое умерли: Ковалевская – 11 ноября, Калюжная и Смирницкая – 12 ноября. В мужской тюрьме на Каре приняли яд (морфин) семеро заключенных; из них умерли: Иван Васильевич Калюжный и Сергей Николаевич Бобохов. Подробнее см. в книге: «Карийская трагедия 1889. Воспоминания и материалы», ГИЗ. П. 1920.

События на Каре были известны Толстому во время писания статьи о Скублинской.

Стр. 540, строка 34. Эмануил Сведенборг 1688–1772) – шведский теософ, основатель

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
дныне существующей в Англии, Америке и Южной Германии секты сведенборгиан. По
учению Сведенборга, бог имеет определенную форму, которая есть форма
человеческого тела. Материя, как самостоятельное бытие, вовсе не существует.
Есть три сферы бытия: небеса, ад и промежуточный мир духов. Записано много
рассказов о ясновидении и духовидении Сведенборга.

–

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

В настоящий указатель введены имена личные в географические, названия исторических событий (войн, революций и т. п.), учреждений, издательств, заглавия книг, названия статей, журналов, газет, произведений слова, скульптуры, музыки, имена героев художественных произведений не Толстого и Толстого, когда они упоминаются не в тех произведениях, где они выведены, а также, когда они приведены в комментарии. Знак || означает, что цифры страниц, стоящие после него, указывают на страницы текста не Толстого.

Абрамович Д. И. (ред.) См. «Письма русских писателей к А. С. Суворину».

Адвокат – действующее лицо в «Крейцеровой сонате». См. Толстой «Крейцера соната».

Адрианополь – город в Турции – || 735.

Азия – 553.

Александр I (1777–1825) – || 731–732.

Александр III (1845–1894) – (с 1881 г.) – || 594–596, 660, 661.

Александринский театр в Петербурге – || 661.

Алексеев Василий Иванович (1848–1919) – учитель сыновей Толстого в 1877–1881 гг. – || 588, 719, 720.

Алексеев Петр Семенович – || 693.

– Библиография его сочинений о борьбе с алкоголизмом – || 693.

– «О пьянстве» – || 693, 695, 696, 702.

Алехин Митрофан Васильевич (р. 1857 г.) – единомышленник Толстого – || 616.

Америка – 51, 267, 286, 548, || 571, 573, 691, 692, 706, 721, 744.

Англия – 265, 270, 286, 548, || 688, 717, 744.

Андреев-Бурлак Василий Николаевич (1843–1888) – актер и чтец – || 564, 568, 569.

Анненкова Леонида Фоминшна (1844–1914) – единомышленница Толстого || 616, 619–621.

Анненская Лиза. См. Иртенева.

Апухтин Алексей Николаевич (1841–1893) – поэт – || 584.

Аркадий Кузмич – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Арнольд Матью (1822–1888) – английский поэт и религиозный мыслитель – || 631, 645.

Артельщик от Бурдые – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Архив Т. А. Кузминской в Государственном Толстовском музее в Москве – || 584, 585, 590, 592, 594–597.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Архив Толстого – в Публичной библиотеке СССР имени Ленина (АТ) – || 561, 572, 574, 575, 577, 579, 580, 582, 584, 587, 589, 591–593, 596, 610, 611, 613, 619, 620, 625, 628, 631–633, 636–641, 648, 655, 659, 662, 675, 697, 701, 705, 708, 710, 715, 716, 721, 730.

Архив Е. М. Феоктистова – в Институте русской литературы Академии наук СССР – || 594.

Архив В. Г. Черткова – в Государственном Толстовском музее (АЧ) – || 561, 571, 573, 582, 584, 587, 591, 596, 610, 626, 629–631, 636, 655, 671, 674, 675, 680, 696, 701, 708–710, 720, 721, 730.

Африка – 553.

Ахал-Теке – оазис в Центральной Азии – || 734.

Баден – || 734.

Базыкин Ермил – яснополянский крестьянин – || 719.

Базыкин Тимофей Ермилович – яснополянский крестьянин – || 719.

Базыкина Аксинья (рожд. Аниканова) – яснополянская крестьянка – || 718–722.

Баллу (Балу) Адин (1803–1890) – руководитель американской религиозной общины, апологет христианского учения о непротивлении злу насилем – || 693.

Балу. См. Баллу Адин.

Барин без слов – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Баронесса – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Барыня. См. Звездинцева А. П.

Берлин – || 590, 720.

Бёрнз Э., «Частное письмо родителям, докторам и начальникам школ» – || 707–710.

Берс Софья Андреевна. См. Толстая С. А.

Бестужев-Рюмин Василий Николаевич (1835–1910) – племянник декабриста, начальник тульского оружейного завода – || 582.

Бетси – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Бетховен Людвиг (1770–1827) – («Крейцера соната») – 56, 61, 62, 64, 383–384, || 567, 568, 581, 608, 620.

«Библиотека для чтения», журнал – || 729.

Библия – 411.

Бирюков Павел Иванович (1860–1931) – друг и биограф Толстого – || VIII, 568, 569, 574, 575, 577, 579, 580, 582, 603, 614, 715, 717, 718.

– «Биография Л. Н. Толстого, т. III. Государственное издательство». М. 1922 – || 569, 718.

Блаватская Елена Петровна (1831–1891) – писательница, путешественница, основательница теософического общества – || 647.

Бобохов Сергей Николаевич (1858–1889) – народник, в 1879 г. за вооруженное сопротивление при аресте приговоренный к смертной казни, замененной двадцатью

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe годами каторги – || 744.

Богданович Модест Иванович – || 732.

– (Библиография его исторических сочинений.) – || 732.

Богомолец Александр Михайлович – || 706, 709.

Богомолец София Николаевна (рожд. Присецкая) – || 705.

Болгария – || 734.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич – || 612, 717.

Бордо – || 673.

Борнс Элиза. См. Бёрнс Э.

Бразилия – 251.

Бред (Брэд – Braid) Джемс (1795–1860) – английский врач, открывший в 1841 г. явления гипноза – 213.

Брук мисс. См. Марья Константиновна.

Брюллов Карл Павлович (1799–1852) – художник, автор известной картины «Последний день Помпеи» – 279–280, || 695.

Буланже Павел Александрович (1864–1925) – близкий знакомый Толстого – || 593.

Бурдые Марья Петровна – содержательница портновского заведения дамских платьев, находившегося в Москве в Газетном переулке – 100, 103, 110, 112, 121, 126, 139, 141, 480, || 649, 654, 656, 660, 665.

Бутлеров Александр Михайлович (1828–1886) – химик, профессор – || 659.

Буэнос-Айрес – 251.

«В память С. А. Юрьева». Сборник, изданный друзьями покойного. М. 1890 – || 592, 593, 626, 652, 659–662, 670.

Вагнер Николай Петрович (псевд. «Кот-Мурлыка») (1829–1907) – зоолог и писатель – || 650, 659.

Валлас (Wallace, Уоллес) Альфред-Россель (1823–1913) – английский естествоиспытатель, приверженец и пропагандист спиритизма – 112.

Ванька-ключник – герой многочисленных песен, выступающий в качестве любовника жены или дочери хозяина и хвастающий этой связью – 68.

Варвара Алексеевна – действующее лицо в рассказе «Дьявол». См. Толстой «Дьявол».

Варшава – 536, || 741–743.

Варшавский окружной суд – || 741.

Василий Леонидыч – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Василий Николаевич – действующее лицо в рассказе «Дьявол». См. Толстой «Дьявол».

«Великий инквизитор» Достоевского. См. Достоевский Ф. М., «Братья Карамазовы».

Венера Милосская – одна из наиболее известных античных статуй, изображающая богиню любви (IV–III в. до н. э.). Находится в Париже, в Лувре – 37, 310, 394.

Верещагин Василий Васильевич – || 735.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe

– «Воспоминания» – || 736.

«Вестник воспитания», журнал – || 681, 710.

Вогюэ, виконт Эжен Мельхиор де (1848–1910) – французский писатель и критик – || 624.

Волчанинова М. Г. типография – в Москве – || 597.

Вольтер (Франсуа-Мари-Аруэ) (1694–1778) – 463.

«Вопросы философии и психологии» – журнал – || 633.

Воронцова Марья Павловна. См. Ковалевская М. П.

Воронцов Василий Павлович (1847–1917) – один из главнейших представителей народничества, писавший под инициалами В. В. – || 744.

«Врач», журнал – || 707.

«Всемирный вестник», журнал – || 634.

Второй мужик – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Гавр – торговая гавань во Франции – 251, || 671.

Гайдебуров Павел Александрович (1841–1893), редактор еженедельной газеты «Неделя» – || 581, 589, 591–593, 706–707.

Галя. См. Черткова А. К.

Гамлет – трагедия (1602) В. Шекспира. См. Шекспир.

Ганзен Петр Готфридович (1845–1930) – датчанин, журналист, переводчик Толстого – || 629, 630, 632, 639, 640.

– «Пять дней в Ясной поляне» – || 629.

Гарибальди Джузеппе (1807–1872) – итальянский политический деятель, борец за освобождение Италии – || 729.

Гарин-Виндиг Дмитрий Викторович – артист Малого театра в Москве с 1888 г. – || 658.

Гартман Эдуард фон (1842–1906) – немецкий философ – 29, 306.

Гаша. См. Трубецкая А. М.

Ге Николай Николаевич (1831–1894) – художник, друг Толстого – || 580, 706.

Геог-Тепе. См. Геок-Тепе.

Геок-Тепе (Геог-Тепе) – 273, 524, 539, || 703, 735, 737.

Германия – || 734, 744.

Герцен Александр Иванович (1812–1870) – || 742.

Главное управление по делам печати – || 592, 660, 661.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) – || 649.

– «Ревизор» – || 649.

Гольденвейзер А. Б. «Вблизи Толстого» – || 743.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe

Гольцев Виктор Александрович – || 694–695, 703.

Горбунов И. И. См. Горбунов-Посадов И.

Горбунов Николай Иванович (1861–1932) – чтец, актер, музыкант – || 589.

Горбунов-Посадов Иван Иванович (р. 1864 г.) – друг и единомышленник Толстого, писатель – || 586, 587, 589, 591, 630–632, 640–642, 695–697, 715–717, 722, 727.

Государственный Литературный музей в Москве – || 662.

Государственный Толстовский музей в Москве (ГТМ) – || 561, 563, 569, 592, 593, 595–597, 610–612, 614, 616, 621, 622, 624, 629, 636, 637, 639, 642–644, 651, 653, 654, 660, 662, 667, 671, 696, 701–702, 704, 708–710, 716, 720, 724, 727, 730, 735, 738–739.

Грачевка или Драчевка – улица в Москве – 37, 310.

Грибоедов А. С., «Горе от ума» – || 704.

Григорий – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Гросман (Шпюлер) – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Грот Николай Яковлевич (1852–1899) – профессор философии, редактор журнала «Вопросы философии и психологии» – || 633, 657, 658.

Гудзий Н. К. (ред.). См. «Лев Толстой. Неизданные тексты».

Гусев Н. Н. (ред.) См. «Лев Толстой. Неизданные тексты».

Д. Л. «Пьесы Льва Толстого в цензуре (архивные фрагменты)» – || 661.

Давид (XI–X в. до н. э.) – царь иудейский – || 405, 532.

Давыдкин Василий – || 719.

Давыдов Николай Васильевич (1848–1920), – судебный деятель, друг семьи Толстых – || 647, 653–655, 660.

– «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом» – || 647, 654.

– «Из прошлого» – || 647, 654, 660.

Дама (барыня) – действующее лицо в «Крейцеровой сонате». См. Толстой «Крейцера соната».

Данилевский Григорий Петрович (1829–1890) – писатель || 584.

Дворики – поселок близ деревни Воробьевки в трех верстах от Ясной поляны – || 715.

Деменка – село в четырех верстах от Ясной поляны – 441, 445.

Диллон Эмилий Михайлович (р. 1854 г.) – английский журналист-корреспондент, переводчик Толстого на английский язык – || 630, 640, 695.

Дитерихс Анна Константиновна. См. Черткова А. К.

Доктор – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Долгов Сергей Михайлович – переводчик, в частности книги А. Стокгэм «Тологу, a book for every woman» – || 572, 692.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Долгоруково, имение Н. А. Огаревой-Тучковой – || 742–743.
Долинин-Иванский Андрей Михайлович – || 718.
Домна, кухарка – || 719.
«Домострой» – памятник русской письменности половины XVI в., приписываемый священнику Сильвестру – 12, 27, 355, 358, 361, 378, 392, 406, 414, || 566.
Дон-Жуан – герой испанской легенды, тип человека, вся жизнь которого исчерпывается увлечениями женщинами – 21, 302.
Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) – 386, 532.
– «Братья Карамазовы» («Великий инквизитор») – 524, || 737.
– «Записки из мертвого дома» – 386.
– «Преступление и наказание» (Раскольников) – 280, || 695, 705.
Дружинин Александр Васильевич (1824–1864) – литературный критик и беллетрист – || 729.
Дунаев Александр Никифорович (1850–1920) – друг семьи Толстых, близкий Толстому по взглядам, директор Московского торгового банка – || 638, 639, 692.
Дурново Иван Николаевич (1834–1903) – министр внутренних дел – || 594–596, 661.
Дурново Мария Николаевна, рожд. Фридрихс – || 718.
Дюкло Селестин – действующее лицо в рассказе «Франсуаза». См. Толстой «Франсуаза».
Ева – библейская «прародительница» – 11.
«Евангелие» – 31, 83, 88, 307, 343, 426, || 594.
Европа – 9, 35, 247, 259, 311, 382, 407, 421.
Елена (Элена) – в греческой мифологии дочь Юпитера и Леды, известная красотой жена Менелая – 295, 409.
Ершов Андрей Иванович – 520, 526, || 729.
Е. Р. Ш-ов «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера». См. Ершов А. И. «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера».
Ершов А. И. «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера» – 520–529, || 729–735.
Есипова – из рассказа «Дьявол». См. Толстой «Дьявол».
Ещенко Емельян Максимович (р. 1845?) – сектант, корреспондент Толстого – || 572.
Жданов В. А., «Любовь в жизни Толстого». М. 1928 – || 720.
Житово – станция Московско-Курской ж. д. – || 718.
Закаспийская область – || 737.
Закхей – мытарь, удостоившийся внимания Христа по сказанию «Евангелия» – || 628.
Зальцбург – || 610, 616.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Заузе (1856–1889) – учитель в Одессе – || 582.

Звездинцев Леонид Федорович (Львов) – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Звездинцева А. П. – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

«Звенья» сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века, под редакцией В. Д. Бонч-Бруевича и А. В. Луначарского. II. М. – Л. 1933. – || 612, 646.

Золотарев Василий Петрович (р. 1866 г.) – единомышленник Толстого – || 616.

Иванов Александр Петрович (ум. 1911 г.), переписчик – || 671–673, 677.

Иерусалим – 426, 522, 523.

«Известия общества Толстовского музея» М. 1911 – || 650.

Иисус Христос (Христос) – 84–92, 168, 183, 244, 307, 343–349, 417, 423, 426, 427, 430, 431, 524, 530–532, 539, || 572, 630, 646, 739.

Институт русской литературы Академии наук СССР (ИРЛ) – || 561, 655, 724, 727, 740.

Иоанн Креститель – по «Евангелиям» еврейский пророк, предшественник Иисуса Христа – 532, || 739.

От Иоанна «Евангелие» – 87.

Иркутская губерния – 538.

Иртенев Евгений – действующее лицо в рассказе «Дьявол». См. Толстой «Дьявол».

Иртенев Николенька – действующее лицо в «Детстве и Отрочестве» и «Юности». См. Толстой «Детство», «Отрочество» и «Юность».

Иртенева (Лиза Анненская) – действующее лицо в рассказе «Дьявол». См. Толстой «Дьявол».

Италия – 259, || 568, 678.

К., командир стрелкового батальона – || 736.

Кавказ – || 731.

Казанский военно-окружной суд – || 743.

Казанский окружной суд – 375.

Калюжная Марья Васильевна – 744.

Калюжный Иван Васильевич (1858–1889), – народоволец, приговоренный в 1883 г. к 15 годам каторги по процессу семнадцати – || 744.

Кана Галилейская – город, упоминаемый в «Евангелии», как место, где Христос «обратил» воду в вино – || 628.

Кант Иммануил (1724–1804) – 277, 547.

«Критик чистого разума» – 547.

Кантор Р. «Толстой и цензура» – || 597, 676.

Капнист гр. Павел Александрович (1842–1904) – знакомый Толстых, попечитель

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Московского учебного округа – || 650.

Капнисты графы – лица, упоминаемые в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Капчич (Малчич) – действующее лицо в «Плодах просвещения» См. Толстой «ПЛОДЫ просвещения».

Кара – приток Шилки в Забайкальской области; на берегу ее были расположены каторжные тюрьмы для политических заключенных – || 706, 744.

«Карийская трагедия 1889 г.», изд. ГИЗ. П. 1920 – || 744.

Карфаген – древнее финикийское государство, находившееся в Африке близ нынешнего Туниса. После трех продолжительных войн Карфаген был разрушен римлянами в 146 г. до н. э. – 543, || 740.

Катон (234–149 до н. э.) – государственный деятель древнего Рима – || 740.

Кауфман Л. «Современный Калиостро (О. И. Фельдман)» – || 657, 658.

Кашевская Екатерина Николаевна. См. Фридман Е. Н.

Кеннан Дж. «Сибирь и ссылка» – || 743.

Киев – 371, || 615, 706.

Кисленский. См. Клинген Коко.

Кисленский Николай Андреевич (1864–1900) – || 658.

Кисловодск – || 711.

Китай – 61, 251.

Китайский театр – в Царском селе – || 660.

Клинген Коко (Кисленский) – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Ковалевская (рожд. Воронцова) Марья Павловна – || 744.

Кокандская экспедиция 1875–1876 гг. – || 737.

Комарова Варвара Дмитриевна (псевд. Владимир Каренин) – литературовед – || 649.

Кони Анатолий Федорович (1844–1927) – сенатор, писатель, близкий знакомый Толстого – || 584.

– «На жизненном пути», т. 2, СПб. 1912 – || 584.

Константин – один из византийских императоров – 215.

Копет-даг, горы в Асхабадском уезде – || 734.

Корф барон, Андрей Николаевич, приамурский генерал-губернатор – || 744.

Костомаров Н. И. «Сорок лет» – || 648.

Крапивенский уезд – 636.

«Крейцера соната» (1803) Бетховена. См. Бетховен Л.

«Критика чистого разума». См. Кант.

Кругосветлов Алексей Владимирович (Кутлеров, Кутлер) – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Крукс Вильям (1832–1919) – английский физик и химик, на писавший ряд статей в
защиту спиритизма – 112.

Крым – 509, 510, 526.

Кузминская Вера Александровна (р. 1871 г.) – племянница Толстого – || 619–621,
669.

Кузминская Мария Александровна. См. Эрдели М. А.

Кузминская Татьяна Андреевна (Таня) (1846–1925) – свояченица Толстого – || 568,
584, 591–597.

Кузминские – || 584, 588, 593.

Кузминский Александр Михайлович (1843–1917) – сенатор, свояк Толстого – || 593,
594.

Кунавино – предместье Нижнего Новгорода – 8, 12, 292, 294

Куприанова, автор статьи об охоте – 711.

Курск – 136.

Курская губерния – 106, 134, 135.

Кутлеров Алексей Владимирович. См. Кругосветлов.

Кухарка – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды
просвещения».

Кучер – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды
просвещения».

Кучино – деревня Крапивенского уезда б. Тульской губ. – || 718.

Левенфельд Рафаил (ум. 1910 г.) – немецкий биограф и переводчик Толстого – ||
695.

Лейк мисс – англичанка в доме Толстых – || 658.

Ленинград – || 683.

Ленинградский архив Главного управления по делам печати – || 661.

Леонтьев (псевд. Щеглов) Иван Николаевич (1855–1911) – писатель – || 589.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) (стихотворение «Отчизна», цит.). Толстой
вложил в уста Петрищева цитату, в которой смешаны слова из Лермонтова («но
странную любовь») со второй строкой стихотворения Пушкина «Я памятник себе
воздвиг» – 231.

Лесинг. См. Лессинг.

лесков Николай Семенович (1831–1895) – писатель – || 589, 628, 675, 677.

– «По поводу «Крейцеровой сонаты» (из «Рассказов кстати») – || 589.

Лессинг (Лесинг) Готгольд Эфраим (1728–1781) – немецкий драматург, философ, и
литературный критик – 282, 385, 545, 612, || 694.

лиговка – улица в Петербурге – || 637.

лиль – || 672.

Лопатин Владимир Михайлович (р. 1861 г.) – артист – || 653, 654.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
– «Из театральных воспоминаний» – || 654.

Лопухин Сергей Алексеевич (1853–1911) – товарищ прокурора в Туле, позднее сенатор – || 654.

от Луки «Евангелие» – 345 (цит.).

Луначарский А. В. (ред.). См. «Звенья».

Львов Николай Александрович (1834–1887) – || 647, 648, 658.

Львов. См. Звездинцев.

Лясотта Юлий Иванович – скрипач, учитель сыновей Толстого Льва и Михаила – || 568.

М. «Комментарий к «Крейцеровой сонате» – «Неделя» 1892, № 4 – || 575.

Магомет (Мохаммед) (570–632) – основоположник ислама, почитаемый мусульманами, как «пророк Аллаха» – 265, 311, 431.

Малахов курган – в русско-турецкую войну 1854–1855 гг. главный форт Севастопольской крепости, взятый англо-французскими войсками 27 августа 1855 г. – || 705.

Малоксиано Надежда Константиновна. См. Сигида Н. К.

Малчич. См. Капчич.

Малый театр – в Москве – || 658.

Мальтус Роберт (1776–1834) – английский экономист – 344.

Мамонова Софья Эммануиловна (р. 1860 г.) – знакомая Толстых – || 654, 666, 667, 669.

Мамонтова А. И. – типография – 597.

Марья Константиновна – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Марья Федоровна (государыня) (1847–1928), жена Александра III – || 594, 660.

от Марка «Евангелие» – 85 (цит.), 345 (цит.).

Марсель – 251, 252, 255, || 671.

Масюков – комендант каторжной тюрьмы на Каре – || 744.

от Матфея «Евангелие» 7 (цит.), 85 (цит.), 87, 88, 291, 338, 343, 345, 348, 414 (цит.), 417, 423, 430–432, 481 (цит.), || 572 (цит.), 580 (цит.), 594, 602, 616, 621, 738.

Менелай – легендарный древне-греческий герой, спартанский царь, муж Елены – 295, 409.

Меньшиков Михаил Осипович (1859–1919) – журналист – || 589.

Мергасова Варвара Ивановна. См. Молоствова В. И.

Милиоти Константин Юрьевич – || 647.

Миссисипи – река в Северной Америке – 441.

Михайловский-Данилевский Александр Иванович – || 732.

– Библиография его исторических сочинений – || 732.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle

Модзалевский Б. Л. (ред.). См. «Лев Толстой и В. В. Стасов», а также «Толстовский музей», т. II.

Молоствовва Варвара Ивановна, рожд. Мергасова (1803–1881) – || 650.

Молоствовва Зинаида Модестовна. См. Тиле З. М.

Монако – княжество на берегу Генуэзского залива – 259, || 679.

Мопассан Гюи де (Guy de Maupassan) (1850–1893) – 251, 259, || 670–676, 678, 679.

– «Порт» – || 671, 678, 680.

– «На воде» – || 670, 678–679.

Москва – 8, 52, 65, 97, 166, 327, 456, 485, 508, || 568–570, 589, 592, 595–597, 628, 633, 657, 667, 684–690, 696, 704; 716, 720, 730, 735.

Московская детская больница – || 681, 683, 690.

Московское земство – || 689.

Моцарт Вольфганг Амадей (1756–1791) – 54, || 617.

Муницына Степанида (ум. в 1874 г.) – || 717.

Мюр и Мерилиз, магазин в Москве – || 696.

Нагорнов Ипполит Михайлович, свойственник Толстого – || 568.

Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – || 688, 732.

«Неделя» – газета, выходившая в Петербурге под редакцией П. А. Гайдебурова – || 580–582, 588, 591–593, 706–707.

Нижегородская ярмарка – 8, 292.

Николай. См. Яков.

Николай I (1796–1855) (с 1825 г.) – || 528–529.

Ницца – || 673.

«Новая пашня», журнал – || 739.

Новиков Алексей Митрофанович (1865–1927) – учитель в семье Раевских и Толстых (с 1889 по 1892 г.), позднее доктор медицины и профессор – || 638, 653, 658, 664–673, 677, 678.

– «Зима 1889–1890 гг. в Ясной поляне. (Картины яснополянской жизни в 1890-х годах)» – || 654.

«Новое время» – газета, издававшаяся А. С. Сувориным в Петербурге – || VII, 659, 660, 674, 676, 707, 712.

Оболенская Марья Львовна, рожд. Толстая (1871–1906), вторая дочь Толстого – || 586–590, 614, 616, 619–623, 629, 632, 638–642, 654, 663–669, 680, 694, 696, 698–702, 706, 708–709, 712, 716, 717, 730, 735, 737.

Оболенский кн. Дмитрий Дмитриевич (р. 1844) – старый знакомый Толстого – || 737.

– «Новая комедия гр. Л. Н. Толстого» – || 654.

– «Отрывки» – || 737.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Оболенский Леонид Егорович (1845–1906) – писатель – || 589.

Оболенский Николай Леонидович (р. 1872 г.) – зять Толстого – || 716, 717, 722, 724, 728.

Огарева Наталья Алексеевна, рожд. Тучкова – || 742–744.

Огарев Николай Платонович (1813–1877) – друг Герцена, поэт и политический деятель – || 742.

Одесса – 213, || 582, 658.

Оксман Юлиан Григорьевич – || 594.

«О половом вопросе. Мысли графа Л. Н. Толстого, собранные В. Г. Чертковым» – || VII, 634.

Орлов М. Н. «Воспоминания о Л. Н. Толстом» – || 654.

Орловское земство – || 689.

Островский Александр Николаевич (1823–1886) – драматург – || 649.

– «Не так живи, как хочется» – || 649.

Офицер – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Павел (I в.) – апостол – 423.

«Пантеон литературы» 1889, № 2 – || 564.

Париж – 28, 49, 53, 311, 382, 405, || 658, 705.

Парис – в греческой мифологии сын Приама и Гекубы; благодарная за присуждение ей золотого яблока богиня Афродита помогла П. похитить Елену – 295, 409.

Пелисье (Pélissier) Жан Жак – 547, || 705.

Пенза – 393, 536, || 743.

Пензенская губерния – || 742.

Пензенская губернская тюрьма – || 743.

Первый мужик – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

«Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым». См. «Толстовский музей», т. II.

Пермское земство – || 689.

Перпиньян – главный город департамента Восточных Пиренеев во Франции – 254, || 673.

Перфильева Прасковья Федоровна, рожд. гр. Толстая (1831–1887) – || 705.

Пестова Варвара Дмитриевна – || 742.

Петербург – 280, 355, 389, 395, 434, 481, 483, 494, || 584, 586, 588, 589, 591, 595, 596, 630–632, 637, 662, 674, 706, 715–717, 724, 729, 730.

Петербургский университет – 96, 481.

Петрищев (Петров) – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Петров. См. Петрищев.

Петровский Федор Александрович – || 657.

Петропавловская крепость в Петербурге, место заключения политических, считавшихся особенно опасными – 538.

Печников (Пчельников) – действующее лицо в рассказе «Дьявол». См. Толстой «Дьявол».

Пирогово – имение брата Толстого Сергея Николаевича в 35 верстах от Ясной поляны – || 627.

Пироне Жозефина Карловна, содержательница обувной мастерской в Москве, поставщица императорских театров – 107.

«Письма русских писателей к А. С. Суворину». Подготовил к печати проф. Д. И. Абрамович, изд. Госуд. публич. библ. в Ленинграде. л. 1927 – || 730.

Платон (р. 430 или 427, ум. 347 до н. э.) – греческий философ – 287.

Победоносцев Константин Петрович (1827–1906) – обер-прокурор святейшего синода – || 593, 594, 596, 602.

Позднышев – действующее лицо в «Крейцеровой сонате». См. Толстой «Крейцера соната».

Позднышева – действующее лицо в «Крейцеровой сонате». См. Толстой «Крейцера соната».

Покровский Егор Арсеньевич – || 681–688, 689–690, 710.

– «Краткие наставления простому народу. Об уходе за малыми детьми». См. Покровский Е. А. «Об уходе за малыми детьми»

– «Об уходе за малыми детьми» («Краткие наставления простому народу. Об уходе за малыми детьми») – 265, || 681–690.

– «Первоначальное физическое воспитание детей» – || 681–682.

Полушин Н., сотрудник «Посредника» – || 690.

– «Исай, эфиопский царь», пьеса для народного театра – || 690.

– «Омут», пьеса для народного театра – || 690.

– Польша – 477.

Попов Евгений Иванович (р. 1864 г.) – единомышленник Толстого, писатель, переводчик и педагог – || 573, 574, 614, 621, 709, 716.

Попов Павел Сергеевич – || 718.

«Посредник» – издательство – || 588, 591, 681–683, 690, 712.

Португало В. О., «Детская смертность», статья – || 681.

Прасковья Афанасьевна – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Приказчик – действующее лицо в «Крейцеровой сонате». См. Толстой «Крейцера соната».

Профессор-спирит. См. Кругосветлов.

Прохоров В. П. – || 628, 629, 637.

«Псалтырь» – сборник гимнов иудейской церкви, входящий в состав «Библии»,
Страница 487

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
приписываемый Давиду – || 739.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – 310.

– «Послание к Чаадаеву» – || 705.

– Стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (цит.). Толстой вложил в уста Петрищева вторую строку стихотворения Пушкина, которую Петрищев присоединил к цитате из Лермонтова – 231.

Раевская Елена Павловна, рожд. Евреинова (1840–1907) – жена друга Толстого И. И. Раевского – || 655.

Раевские – || 658.

Раскольников. См. Достоевский «Преступление и наказание».

Раскольников Ф. «Цензурные мытарства Л. Н. Толстого – драматурга» – || 661.

Рассказчик – из «Крейцеровой сонаты». См. Толстой «Крейцера соната».

Рахманов Владимир Васильевич (1865–1918) врач, близкий Толстому по взглядам – || 620, 621, 641.

Рачинская Марья Константиновна. См. Толстая гр. М. К.

Рейн – река в Германии – || 733.

Рейхстаг («рейхстаг») – германский парламент – 411.

Ренан Жозеф-Эрнест (1823–1892) – французский историк и филолог – 429.

Репин Илья Ефимович (1844–1930) – художник – || 568, 569.

«Речь», газета – || 740.

Рига – || 693.

Ригольбош – прозвище, присвоенное себе парижской каскадной танцовщицей и певицей Маргаритой Бодель, выступавшей в 1850 и 1860-ых гг. (rigolo – смешной, boche – грубый); имя имеет нарицательное значение, обозначая парижский тип танцовщицы – 20, || 600.

Рим – || 729.

Розанов Василий Васильевич (1856–1919) – писатель – || 575.

– «Литературные изгнанники», т. I, Спб. 1913 – || 575.

Россия (Русь) – 49, 265–267, 522, 529, 537, 540, 548, || VII, 573, 589, 592, 593, 634, 688, 733, 739, 741.

Руан – || 673.

Рубакин Николай Александрович (р. 1862 г.) – библиограф и писатель – || 589.

Ругин Иван Дмитриевич (р. 1866 г.) – единомышленник Толстого – || 592.

Русанов Гавриил Андреевич (1844–1907) – друг Толстого – || 563, 564.

«Русская мысль», журнал – || 592.

«Русская старина», журнал – || 735.

«Русский вестник», журнал – || 591, 721.

«Русское дело», журнал – || 564.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe

Русское литературное общество – || 659.

Русско-турецкая война 1853–1856 гг. – 520–523, 526–529, || 705, 732–734.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. – 529, || 734, 737.

Русь. См. Россия.

Савихин – псевдоним писателя Василия Ивановича Иванова (р. 1858 г.) – || 589.

Садовая улица в Москве – 465.

Сальпетриер – госпиталь близ Парижа – 186, || 658.

Самарин Петр Федорович (1830–1901) – помещик, был Тульским губернским предводителем дворянства – || 647, 658, 664.

Самарин. См. Сахатов.

Самарины – || 655.

Саразате (де) Пабло (1844–1908) – испанский скрипач, концертировавший в России в 1879 и 1883 гг., затем в 1898 г. – 224.

Сахатов (Самарин, Сахарин, Сахаров) – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Сведенборг Эмануил – 540, || 744.

Севастополь – порт на берегу Черного моря, крепость в русско-турецкую войну 1853–1856 гг. – 520–523, 526–529, 547, || 705, 729, 731–741.

Семен – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Семенов Сергей Терентьевич (1868–1922) – писатель – || 593.

Семипалатинская область – || 705.

Сенат – высшее правительственное законодательно-судебно-административное учреждение в дореволюционной России – 322.

Сергеенко П. (сост.), «Международный толстовский альманах» – || 737.

Сигида Надежда Константиновна, рожд. Малоксиано – || 744.

Симбирское земство – || 689.

Сингапур – главный город одноименного острова в восточной Азии, торговый порт – 251.

Скобелев Михаил Дмитриевич – 273, 524, 539, || 703, 733–737.

Скублинская (Скуплинская) Марианна – 536–540, || 741–742.

Скуплинская М. См. Скублинская М.

Смирницкая Надежда Семеновна – || 744.

Сократ (469–399 до н. э.) – греческий философ – 479.

Соллогуб гр. Федор Львович (1848–1898) – литератор-дилетант, автор шарады, использованной Толстым в «Плодах просвещения» – || 656–657. – (Шарада «Арена», цит.) – 232, || 656, 657.

«Сотрудник», народный журнал – || 681.

Спасское – имение кн. С. С. Урусова Морозовской волости, Дмитровского уезда, Московской губернии – || 569, 570, 651, 652, 657.

Спенсер Герберт (1820–1903) – английский мыслитель, один из основоположников эволюционной теории – 289.

Спиноза Барух (1632–1677) – 547.

– «Этика» – 547.

Средиземное море – 259.

Срезневский Всеволод Измайлович – || 690.

– «Заметка Л. Н. Толстого об уходе за малыми детьми – || 690.

– «История Фредерикса» – || 720.

Станиславский Алексей Васильевич – || 742–743.

«Старая барыня». См. Толстая гр. Авдотья Максимовна.

Старик-купец – действующее лицо в «Крейцеровой сонате». См. Толстой «Крейцера соната».

Старый повар – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) – искусствовед, близкий знакомый Толстого – || 649.

Стахович Александр Александрович (1830–1913) – театрал, старинный знакомый Толстого – 649.

– «Клочки воспоминаний» – || 649.

Стахович Михаил Александрович (1861–1923) – близкий знакомый семьи Толстых, орловский предводитель дворянства, впоследствии член государственного совета, при «временном» правительстве финляндский генерал-губернатор – || 587, 633, 641, 667.

Степанида – действующее лицо в рассказе «Дьявол». См. Толстой «Дьявол».

Степанов Леонид. См. Позднышев.

Стокгэм Алиса Б. (1833–1902) – американская писательница – || 573, 574, 692.

– «Токология, или наука о рождении детей» – 268, || 691–692.

Стороженко Николай Ильич (1836–1906) профессор истории всеобщей литературы Московского университета – || 592, 593, 626, 655.

Страхов Николай Николаевич (1828–1896) – писатель, философ и литературный критик, друг Толстого – || 575, 584, 585, 591, 593, 707, 709.

Струков Александр Петрович, генерал – || 736.

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – публицист, издатель газеты «Новое время» – || VII, VIII, 674–676, 729–730.

Сухотина Татьяна Львовна, рожд. Толстая (р. 1864 г.), старшая дочь Толстого – || 568, 611, 612, 620, 621, 638, 639, 641, 648, 653, 655, 662–669, 680, 696, 699, 700, 707, 708, 731, 735.

Сципион Публий Корнелий, Африканский, Старший (р. ок. 235, ум. ок. 183 до н. а.) – римский полководец – 534, || 740.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Сытин Иван Дмитриевич (р. 1851 г.) – || 682, 683.

Таганрог – || 744.

«Тайный порок. Трезвые мысли о половых отношениях», сборник – || 709–710.

Таня – действующее лицо в «Плодах просвещения» См. Толстой «Плоды просвещения».

Таня. См. Сухотина Т. Л.

Тверетинов. См. Иртенев.

Текинская экспедиция 1881 г. – || 737.

Тиле Зинаида Модестовна, рожд. Молоствова (1829–1897) – || 650.

Тимофей – яснополянский кучер – || 659.

Толстая гр. Авдотья Максимовна, рожд. Тугаева («старая барыня», «барыня») – 273, 275, || 691, 692, 698, 700.

Толстая гр. Александра Андреевна (1817–1904) – двоюродная тетка Толстого – || 584, 588, 597.

Толстая Александра Львовна (р. 1884 г.) – младшая дочь Толстого – || 722–724.

Толстая Вера Сергеевна (1865–1923) – племянница Толстого – || 619, 667, 668.

Толстая Марья Константиновна, рожд. Рачинская (1865–1900) – первая жена С. Л. Толстого – || 666.

Толстая Марья Львовна. См. Оболенская М. Л.

Толстая гр. Прасковья Федоровна. См. Перфильева П. Ф.

Толстая Софья Андреевна, рожд. Берс (1844–1919) (София) – жена Л. Н. Толстого – || VII, 564, 713, 584, 585, 591–600, 602–606, 611, 612, 614, 616, 619–621, 624, 632–634, 639, 644, 645, 651, 652, 657, 662, 663, 665–668, 671, 676, 678, 697, 698, 709, 718, 721, 722, 731, 733, 739.

– «Воспоминания С. А. Толстой» – «Власть тьмы» – || 649.

– «Дневники Софии Андреевны Толстой. 1866–1891 гг.» издание М. и С. Сабашниковых. М. 1928 – || 564, 595, 620, 649.

– «Дневники С. А. Толстой. 1891–1897 гг.», М. 1929 – || 595–597.

– «Моя жизнь», ч. III – || 598, 633.

– «Первое представление комедии графа Л. Н. Толстого – «Плоды просвещения» – || 654.

Толстая Татьяна Львовна. См. Сухотина Т. Л.

Толстая дама – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды просвещения».

«Толстовский ежегодник 1913 года». Спб. 1914 – || 611.

«Толстовский музей» т. I. Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой 1857–1903. Спб. 1911 – || 588.

«Толстовский музей», т. II. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым 1870–1894. С предисловием и примечаниями Б. Л. Модзалевского. Изд. о-ва Толстовского музея. Спб. 1914 – || 580, 582, 585, 591, 592, 596, 707.

Толстой Илья Львович (1866–1933) – второй сын Толстого – || 720.

Толстой Лев Львович (р. 1869 г.) – третий сын Толстого – || 580.

– «В Ясной поляне» – || 654.

Толстой Л. Н. «Богач» – || 648.

– «В чем счастье»? – || 597.

– «Власть тьмы» – || 588, 648, 649, 662.

– [«Воззвание»] – || 713, 742.

– «Война и мир» – || 732–733.

– «Воскресение» (Коневская повесть) – || 714, 716, 718, 721.

– «Воспоминания» – || 705.

– «Детство», «Отрочество» и «Юность» – || 715.

– «Для чего люди одурманиваются?» – || 597.

– Дневники и записные книжки – || 569, 571, 572, 574–583, 592, 625–630, 647, 651, 653, 655–657, 671, 678, 681–683, 692–695, 702, 706, 707, 714–719, 729, 730, 738, 740, 742.

– «Дорого стоит» – || 671, 674, 678–680.

– «Дорого стоит» и другие рассказы, М. 1901 – || 680.

– «Дьявол» (История Фридерикса, Повесть об Иртеневе, Смерть Иртенева) – || 563, 585, 714–724, 728. – Варвара Алексеевна – || 722, 724. – Василий Николаевич – || 720. – Есипова – || 715. – Иртенев Евгений (Тверетинов) – || 715–724. – Иртенева (Лиза Анненская) – || 715. Печников (Пчельников) – || 722, 724. – Степанида – || 716–719, 721, 722.

– «Идиллия» – || 720.

– «История Фридерикса» См. «Дьявол».

– «Исхитрилась!» См. «Плоды просвещения».

– «К молодым людям» – || 693.

– «Казачья» – || 721.

– «Как муж жену убил». См. «Крейцера соната».

– «Коневская повесть». См. «Воскресенье».

– «Крейцера соната» («Как муж жену убил») – 286, || 563–628, 633, 636, 639, 644, 710, 715. – Адвокат – || 570, 585, 586. – дама – || 570, 582. – Позднышев (Степанов) – || 564–568, 570, 571, 575, 578, 579, 581–586. – Позднышева – || 564–568, 570, 571, 575–578, 579, 581, 583, 586. – Приказчик – || 570. – Рассказчик – || 566, 567. – Старик-купец – || 565, 566, 570, 582. – Трухачевский – || 564–568, 570, 571, 575, 577–579, 581–583.

– «Крейцера соната». Берлин. 1890. книжный магазин Бера (Вальтер Циммерман) – || 590.

– «Крейцера соната», издание 2-е, в соединении с «Послесловием». Берлин, 1890 – || 590, 633.

– «Крейцера соната». Графа Л. Н. Толстого. По исправленной рукописи. Издание М. К. Элпидина. Genève. 1890 – || 602.

– «Крейцера соната». Новое издание, пересмотренное и исправленное А. Н.,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle учителем русского языка при Королевской военной академии и русским переводчиком при Королевском Камергерихте в Берлине. Берлин. Stühr'sche Buch und Kunsthandlung – || 590, 632, 633.

– «Круг-чтения». Том четвертый. Изд. 2-е. М. 1913 – || 676, 677.

– «Мечь над ребенком» («Власть тьмы») – 648.

– «Неизданные тексты». Редакция Н. К. Гудзия и Н. Н. Гусева. Academia. 1933 – || 612, 614, 619, 636, 742.

– «Николай Палкин. Работник Емельян и пустой барабан. Дорого стоит». Изд. Владимира Черткова, Purleigh Maldon Essex England. 1899 – || 680.

– «О жизни» – || 595, 597.

– «О переписки в Москве» – || 597.

– «О половом вопросе» – || 707.

– «О том, в чем правда в искусстве» – || 597.

– «Об искусстве» – || 575, 651.

– «Об отношениях между полами» – || 714.

– «Отец Сергей» – || 714, 721.

– Письма и телеграммы Толстого:

Алексееву. В. И. – || 563, 710.

Алексееву П. С. – || 660.

Анненковой Л. Ф. – || 593, 649.

Бёрнс Э. – || 707.

Бирюкову П. И. – || 574, 575, 577, 579, 580, 582, 655, 682, 715, 717, 730.

Буланже П. А. – || 593.

Вагнеру Н. П. – || 650, 653, 659.

Ганзену П. Г. – || 630.

Ге Н. Н. (младшему) – || 637, 655.

Ге Н. Н. (старшему) – || 575, 652.

Гольцеву В. А. – || 694, 695, 702.

Горбунову-Посадову И. И. – || 629.

Калмыковой А. М. – || 707.

Кеннану Дж. – || 743.

Кузминской Т. А. – || 590.

Лескову Н. С. – || 675.

Огаревой-Тучковой Н. А. – || 743.

Покровскому Е. А. – || 710.

Рахманову В. В. – || 655.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Рачинскому С. А. – || 693.

Ругину И. Д. – || 592.

Русанову Г. А. – || 563, 564.

Семенову С. Т. – || 593.

Стокгэм А. – 691, 692.

Страхову Н. Н. – || 580, 584, 591, 596, 706–708.

Суворину А. С. – || 730.

Толстой С. А. – || 572–574, 596, 651.

Фельдману О. И. – || 658.

Холлистеру А. Г. – || 571.

Черткову В. Г. – || 571–573, 582, 584, 587, 591, 596, 625, 627, 631, 648, 651,
655, 671, 674, 676, 680, 682, 690, 691, 706, 711, 712, 715, 719, 739.

Эртелю А. И. – || 593.

– Письма к Толстому:

Бирюкова П. И. – || 730.

Вагнера Н. П. – || 659.

Гайдебурова П. – || 592.

Грота Н. Я. – || 633.

Лескова Н. С. – || 675.

Огаревой-Тучковой – || 743.

Покровского Е. А. – || 710.

Прохорова В. П. – || 628.

Стасова В. В. – || 649.

Страхова Н. Н. – || 584, 585, 591.

Стороженко Н. И. – || 659.

Суворина А. С. – || 729, 730.

Черткова В. Г. – || 583, 586, 587, 591, 625, 626, 628, 631, 632, 674, 675, 682,
683, 690, 711, 712, 715, 716, 720, 739.

Эртеля В. П. – || 592.

– «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862–1910 гг.». Изд. 2-е. М. 1915 – ||
572–574, 596, 651.

– «Письма Толстого и к Толстому». Юбилейный сборник. Труды Публичной библиотеки
СССР имени В. И. Ленина. ГИЗ. М. – Л. 1928 – || 675, 743.

– «Плоды просвещения» («Спириты», «Исхитрилась») – || 589, 593, 595, 597,
647–699, 696. – Аркадий Кузмич – || 652. – Артельщик от Бурдые – || 649, 654,
656, 660, 665.

– Барин без слов – || 652, 662, 664, 669. – Баронесса – || 652, 654. – Бетси –
|| 648–652, 654, 656, 664, 666. – Василий Леонидович – || 648, 649, 651, 652,

- ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
663–665, 668. – Второй мужик – || 649–652, 666. – Григорий – || 648, 649, 652, 663, 664, 669. – Гросман (Шпюлер) – || 648, 652, 654, 656, 657, 664, 666–668. – Доктор – || 649, 651, 654, 663. – Звездинцев Леонид Федорович (Львов) – || 648–651, 654, 658, 660. – Звездинцева А. П. – || 650–652, 663, 668. – Капнисты графы – || 650. – Капчич (Малчич) – || 648. – Клинген коко (Кисленский) – || 652, 658, 664. – Кругосветлов Алексей Владимирович (Кутлеров, Кутлер) – || 650, 652, 656, 657, 659, 664, 666–669. – Кухарка – || 654. – Кучер – || 652, 654, 656, 666. – Марья Константиновна – || 649, 652, 654, 656, 658, 664, 665, 668. – Офицер – || 652, 662. – Первый мужик – || 649–652, 666. – Петрищев (Петров) – || 649, 651, 652, 664, 668. – Прасковья Афанасьевна – || 648. – Сахатов (Самарин, Сахарин, Сахаров) – || 648, 650, 652, 654, 658, 663, 669. – Семен – || 648, 650, 652, 664. – Старый повар – || 652–654, 656, 659, 660, 665, 668. – Таня – || 648, 650–652, 654–656, 663, 664, 666, 668, 669. – Толстая дама – || 654, 655, 658, 669. – Третий мужик – || 649–654, 666. – Федор Иванович – || 648, 650, 652, 658, 663, 664. – Экономка – || 664. – Яков (Николай) – || 647, 649, 652, 654, 656, 658, 662, 664.
- «Поликушка» – || 720.
- «Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого, запрещенных русской цензурой» – || 739.
- «Полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого». Под редакцией и с примечаниями П. И. Бирюкова. Издание Т-ва И. Д. Сытина, т. XII. М. 1913 – || 603, 634, 676, 677.
- «Полное собрание художественных произведений Льва Николаевича Толстого». Редакция проф. И. И. Гливенко и проф. М. А. Цявловского. Приложение к журналу «Огонек». ГИЗ. М. – л. 1928 – || 603, 634, 677.
- «Полное собрание художественных произведений» Л. Толстого. Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. ГИЗ. М. – лгр. 1928 – || 603, 634, 676, 680, 723, 724.
- [«По поводу дела Скублинской»] – || 713, 738.
- «Пора опомниться» – || 693.
- «Послесловие к «Крейцеровой сонате» – 286, || 563, 587, 589, 590, 595–597, 602, 625–646, 707, 714.
- «Послесловие к «Крейцеровой сонате». Издание по исправленной рукописи последней редакции». Берлин. 1890, Вальтер Циммерман – || 633.
- «Посмертные художественные произведения» Толстого. Изд. А. Л. Толстой. М. 1911 – || 716, 722–724.
- «Посмертные художественные произведения» Толстого. Изд. «Свободное слово», Берлин. 1912 – || 722.
- «Праздник просвещения 12 января» – || 597, 693.
- «Против войны» – || 735.
- «Ручной труд и умственная деятельность» – || 597.
- «Севастопольские рассказы» – || 732.
- «Сестры (Франсуаза) (по Мопассану)» «Посредник». М. 1905 – || 676, 677.
- «Смерть Ивана Ильича» – || 564, 649.
- «Сочинения графа Л. Н. Толстого» [Изд. двенадцатое]. Типография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°. Москва. 1911 – || VII, 598–603, 605, 610, 624, 634, 635, 680, 736, 739.
- «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть тринадцатая. Произведения последних годов». Москва. Типография А. И. Мамонтова и К°. 1890 – || VII, 591, 592,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e
595–598, 610, 633, 660.

– «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть тринадцатая. Произведения последних годов». Издание первое. Москва. Типография М. Г. Волчанинова. 1891 – || 597.

– «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть тринадцатая. Произведения последних годов». Издание второе. Москва. Типо-литография Т-ва Кушнерева. 1891 – || 605, 607, 695.

– «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть тринадцатая. Произведения последних годов». Издание третье. М. 1891 – || 605.

– «Сочинения». Дополнение к XIII части. М. 1895 – || 692.

– «Сочинения графа Л. Н. Толстого», часть четырнадцатая, издание первое. М. 1895 – || 676.

– «Спириты». См. «Плоды просвещения».

– «Так что же нам делать?» – || 597.

– «Тихон и Маланья» – || 720.

– «Три загадки» («Мудрая девица») – || 648.

– «Трудолюбие или торжество земледельца» – || 597.

– «Убийца жены» – || 563.

– «Франсуаза» («У девок», «Всё наши сестры», «Обычное удовольствие молодых людей», «Ошибка», «Сестры») – || 671, 677, 678. – (Дюкло Селестин) – || 673. – (Франсуаза) – || 673, 674.

– «Царство Божие внутри вас» – || 710, 739.

– «Яснополянская школа в ноябре и декабре 1861 года» – || 705.

– «Carthago delenda est», статья 1891 г. – || 740.

– «Carthago delenda est», статья 1896 г. – || 740.

– «Carthago delenda est», статья 1898 г. – || 740.

«Из переписки Л. Н. Толстого». – «Вестник Европы», 1915, № 3 – || 563, 564.

«Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка». Вступительная статья и примечания С. П. Яремича – изд. «Academia». М. – Л. 1930 – || 575, 652, 743.

«Лев Толстой и В. В. Стасов». Переписка 1878–1906. Редакция и примечания В. Д. Комаровой и Б. Л. Модзалевского. Изд. «Прибой». Л. 1929 – || 649.

«Толстой. Памятники творчества и жизни», 3, ред. В. И. Срезневского – || 690.

«Толстой и о Толстом». Новые материалы. Редакция Н. Н. Гусева. М. 1924 – || 622.

«Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник». Собрал и редактировал Н. Н. Гусев. ГИЗ М. – Л. 1928 – || 611, 659.

Толстой Сергей Львович (род. 1863 г.) – старший сын Толстого – || 566, 694.

– «Музыка в жизни Л. Н. Толстого» – || 568.

Толстой гр. Сергей Николаевич (1826–1904) – || 627.

Толстой гр. Федор Иванович – || 704, 705.

Толстые гр. – || 654, 658.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
Третий мужик – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды
просвещения».

Троице-Сергиевская лавра («Троица») – монастырь в городе Сергиеве в 68 верстах
от Москвы – || 572, 718.

Труба – Трубная улица в Москве, где были сосредоточены дома терпимости – 37,
310.

Трубецкая Агафья Михайловна – горничная, бывшая крепостная кн. Трубецких – ||
718.

Трубецкие кн. – || 658.

Трухачевский – действующее лицо в «Крейцеровой сонате». См. Толстой «Крейцера
соната».

Тугаева Авдотья Максимовна. См. Толстая гр. А. М.

Тула – 536, || 653, 660, 692, 711, 718.

Тульская губерния – 538.

Тульская губернская земская управа – || 658.

Тульский исправительный приют – || 660.

Тульский окружной суд – || 718.

Тульское дворянское собрание – 660.

Тучкова Наталья Алексеевна. См. Огарева Н. А.

«Тысяча и одна ночь» – сказки Шехерезады, сборник восточных сказок – 315.

Урия Хаттеянин – воин царя Давида. Во 2-й книге «Царств» рассказывается о том,
что Давид, похитив Вирсавию, жену Урии, сожительствовал с ней и затем в сражении
распорядился поставить Урию на самом опасном месте, где Урия был убит – 58, 404,
405, || 576.

Урусов кн. Сергей Семенович (1827–1897) – друг Толстого – || 569, 571, 651.

Федор Иванович – действующее лицо в «Плодах просвещения».

См. Толстой «Плоды просвещения».

Фельдман О. И. – гипнотизер – 657, 658.

– «Отношение Толстого к гипнотизму» – || 658.

Феоктистов Евгений Михайлович (1828–1898) – начальник главного управления по
делам печати – || 592–596, 602, 661.

Фердинанд I (1861–1918) – с 1887 г. князь болгарский – 151.

Фет Марья Петровна, рожд. Боткина (1828–1894) – || 658.

Философовы – || 658.

Франко-прусская война. 1870–1871 гг. – 528, || 734.

Франсуаза – действующее лицо в рассказе «Франсуаза». См. Толстой «Франсуаза».

Франция – 251, 259, 286, 389, 548, || 568, 678.

Фридман Екатерина Николаевна, рожд. Кашевская – преподавательница музыки в семье
Страница 497

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe Толстых – || 658.

Фридрихс Марья Ивановна, рожд. Григорьева – || 718.

Фридрихс Николай Николаевич (1849–1874) – || 717, 718, 720.

Фрина – афинская гетера – 37, 310.

Харьковский драматический театр – || 661.

Хивинская экспедиция 1873 г. – || 737.

Хирьяков Александр Модестович (р. 1862 г.) – литератор, исследователь творчества Толстого – || 589.

Холлистер Алонзо (р. 1830 г.) – шекер – || 571.

Хомяков Василий Алексеевич – помещик, сосед Толстых – || 636.

Хохлов Петр Галактионович (1864–1896) – единомышленник Толстого – || 616.

Христос. См. Иисус Христос.

Художественный театр – в Москве – || 652.

Царское село – || 660.

Царьград (иначе Константинополь) – 215.

Цвейг Стефан (р. 1881 г.) – современный немецкий писатель – || 610, 616.

Цертелев кн. Дмитрий Николаевич (1852–1911) – философ и поэт – || 633.

Цингер Александр Васильевич (р. 1870 г.) – племянник И. И. Раевского, физик – || 654, 658, 665, 667, 669.

– «В Ясной поляне четверть века назад». – || 654.

– «У Толстых» – || 654.

Черниговская губерния – || 706.

Чертков Владимир Григорьевич (р. 1854 г.) – друг и единомышленник Толстого, писатель – || VII, 564, 566, 583, 584, 586, 587, 589, 591, 622–624, 627, 629–632, 636, 637, 640–642, 672, 674, 676, 680, 682, 683, 689, 690, 696, 704, 707–709, 712, 714–717, 720, 727, 739, 740.

– «Злая забава» («Зло охоты») – || 711–713, 738.

– «Зло охоты». См. «Злая забава».

Черткова Анна Константиновна, рожд. Дитерихс («Галя») (1859–1927) – жена В. Г. Черткова, писательница – || 586, 672, 682, 683, 728.

Черткова Елизавета Ивановна, рожд. Чернышева–Кругликова (1832–1922) – || 716, 717.

Чикаго – 245.

Чистяков Матвей Николаевич (1854–1920) – || 716.

Чита – || 693.

Шарко Жан (1825–1893) – французский невропатолог – 35, 184, 186, 213, 224, 323,

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
606.

Швеция – || 688, 720.

Шекспир Вильям (1564–1616) – 449.

Шереметева гр. Елена Григорьевна, рожд. гр. Строганова (1861–1908) – внучка
Николая I, дочь вел. кн. Марии Николаевны – 595.

Шлиссельбургская (Шлюсельбургская) крепость близ Петербурга, место заточения
считавшихся особенно опасными политических – || 538.

Шлюсельбургская крепость. См. Шлиссельбургская крепость.

Шопенгауэр Артур (1778–1860) – немецкий философ – 29, 306.

Эвре – главный город департамента Эры во Франции – || 671.

Эйфелева башня в Париже – 264, || 705.

Эйфель Александр – || 705.

Экономка – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды
просвещения».

Эльзас-Лотарингия – || 734.

Эрдели Мария Александровна. рожд. Кузминская (р. 1869 г.) племянница Толстого –
|| 584, 586, 588, 622, 629, 667, 668.

Эрнст Гейнрих Вильгельм (1814–1868) – скрипач и композитор – 62.

Эртель Александр Иванович (1855–1908) – писатель – || 589, 592, 593.

«Этика». См. Спиноза.

Южно-русский рабочий союз – революционная организация – || 706.

Юм Даниэль Дуглас (1833–1886) – английский медиум – 114, 192, 461.

Юнона – в римской мифологии богиня, жена Юпитера – 448.

Юрьев Сергей Андреевич (1821–1888) – литератор, редактор журнала «Русская мысль»
– || 592.

Юшкова Пелагея Ильинишна (1801–1875) – тетка Толстого – || 718.

Яков (Николай) – действующее лицо в «Плодах просвещения». См. Толстой «Плоды
просвещения».

Якубовский Юрий Осипович (1857–1929) – единомышленник Толстого – || 588, 589.

– «Л. Н. Толстой и его друзья. За 25 лет (1886–1910)» – || 588.

Ялта – 510.

Янжул Иван Иванович (1846–1915) – профессор финансового права Московского
университета – || 655.

Яремич С. П. См. «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка».

Ясная поляна – || 564, 568, 573, 575, 587, 591, 592, 616, 628–630, 632, 638,
648, 649, 653, 654, 658, 660, 662, 692, 695, 699, 715, 717.

Carthago. См. Карфаген.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle

«Convenzionelle Luegern. См. Nordau M.

«Einige Handschriften in der Sammlung von Dr. Stefan Zweig in Salzburg» – || 616.

Guy Maupassan. См. Мопассан Гюи де.

Nordau Max (псевдоним М. Зюдфельда) (1849–1923) – немецкий писатель–публицист, сионист. Его книга «Die konventionellen Lügen der Kulturmenschheit» («Условная ложь современной цивилизации») вышла в 1883 году и выдержала до двадцати изданий – 414.

Pélissier. См. Пелисье Ж. Ж.

Saint-François Angèle de – 286, || 710.

«Sonata Kreutzer. Le devoir conjugal. L'amour pur» – || 710.

Société d'amour pur – общество во Франции – 286.

Stockham Alice B., «Tokology. A book for every woman» – || 691.

«The twain shall be one flesh».

Diana, a psycho-physiological essay on sexual relations for married men and women» – 286–287, || 706–707.

Tolstoy L., «Wine Drinking and Tobacco Smoking» – || 695.

СОДЕРЖАНИЕ

(из 27-го тома Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого)

Предисловие к двадцать седьмому тому... VII

Редакционные пояснения... IX

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

**** Крейцера соната (1887[?] – 1889)... 5

Послесловие к «Крейцеровой сонате» (1889–1890)... 79

Плоды просвещения (1886, 1889–1890)... 93

**** Франсуаза (1890)... 251

Дорого стоит (1890)... 259

СТАТЬИ.

*** [О соске.] Вставка в брошюру Е. А. Покровского «Об уходе за малыми детьми». (1889)... 265

Предисловие к книге д-ра медицины Алисы Стокгэм «Токология, или наука о рождении детей». (1890)... 267

Для чего люди одурманиваются? (1890)... 269

** Об отношениях между полами (1890)... 286

Предисловие к статье В. Г. Черткова «Злая забава» (1890)... 290

ВАРИАНТЫ ЛИТОГРАФИРОВАННЫХ РЕДАКЦИЙ.

Варианты литографированной редакции «Крейцеровой сонаты»... 291

Варианты литографированной редакции, Послесловия к «Крейцеровой сонате»... 339

НЕЗАКОНЧЕННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОПУБЛИКОВАННОЕ.

** Первая редакция «Крейцеровой сонаты»... 353

** Третья (незаконченная) редакция «Крейцеровой сонаты»... 370

*,** Варианты к «Крейцеровой сонате»... 389

** Первая редакция „Послесловия к «Крейцеровой сонате»“... 416

* Вторая редакция „Послесловия к «Крейцеровой сонате»“... 419

* Третья (незаконченная) редакция „Послесловия к «Крейцеровой сонате»“... 425

* Варианты „Послесловия к «Крейцеровой сонате»“... 428

* Первый план комедии «Плоды просвещения»... 433

* Второй план комедии «Плоды просвещения»... 436

* Первая редакция «Плодов просвещения» («Исхитрилась!»)... 438

* Варианты к «Плодам просвещения»... 476

**Дьявол (1889, 1909 [?])... 481

* Варианты к повести «Дьявол»... 518

Предисловие к книге А. И. Ершова «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера» (1889)... 520

* Первая редакция предисловия к книге А. И. Ершова «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера» (1889)... 526

[Воззвание] (1889)... 530

** [Carthago delenda est] («Жизнь, та форма жизни»...) (1889)... 534

** [По поводу дела Скублинской] (1890)... 536

* Варианты к статье «Для чего люди одурманиваются?» (1890)... 541

* Вариант предисловия к статье В. Г. Черткова «Злая забава» (1890)... 554

Приложение.

Частное письмо родителям, докторам и начальникам школ. Элизы Бёрнз... 555

КОММЕНТАРИИ.

Н. К. Гудзий.

«Крейцера соната»... 563

„Послесловие к «Крейцеровой сонате»“... 625

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
«Плоды просвещения»... 647

«Франсуаза»... 671

«Дорого стоит»... 678

Н. Н. Гусев и В. Д. Пестова.

«[О соске]». Вставка в брошюре доктора Е. А. Покровского «Об уходе за малыши детьми»... 681

Предисловие к книге д-ра медицины Алисы Стокгэм «Токология или наука о рождении детей»... 691

«Для чего люди одурманиваются?»... 693

«Об отношениях между полами»... 706

Предисловие к статье В. Г. Черткова «Злая забава»... 711

Н. К. Гудзий.

«Дьявол»... 714

Н. Н. Гусев и В. Д. Пестова.

Предисловие к «Севастопольским воспоминаниям артиллерийского офицера» А. И. Ершова... 729

[«Воззвание»]... 738

«[Carthago delenda est.]» «Жизнь, та форма жизни»... 740

«[По поводу дела Скублинской]»... 741

Указатель собственных имен... 745

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фототипия фотографического портрета Толстого 1889 года (размер подлинника) – между XI и 1 стр.

Автотипия с рукописи шестой–седьмой редакции «Крейцеровой сонаты», написанной рукой М. Л. Толстой и исправленной рукой Толстого (размер подлинника) – между 408 и 409 стр.

Автотипия с рукописи (автографа) первого плана «Плодов просвещения» (размер подлинника) – между 534 и 535 стр.

Автотипия с рукописи (автографа) варианта конца «Дьявола» (размер подлинника) – между 238 и 239 стр.

Настоящее юбилейное издание первого полного собрания произведений Л. Н. Толстого печатается на основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1925 г. и 8 августа 1934 г.

6-я – 10-я тысяча. Набрано во 2-й типографии „Печатный двор“ треста „Полиграфкнига“. Ленинград, Гатчинская, 26. Гослитиздат № 120. Уполномоч. Главлита № Б-21062. Тираж 5000 экз. Формат бумаги 68×1001/99. 50,5 уч. авт. л. 48,5 печ. л. Отпечатано с матриц в типографии им. Лоханкова. Ленинград, ул. Правды, 15. Заказ № 3621.

Корректор М. А. ПЕРФИЛЬЕВА.

*

Техническая редакция Н. И. ГАРВЕЯ.

Примечания

1

[Вино, женщины и песня,]

2

[нарастая]

3

[Игра слов: Не столько у мамы Гасовой, сколько у папы Гасова и даже не папы Гасова, а у сына Гасова.]

4

[игры слов?]

5

[Перестаньте, вы становитесь невыносимы!]

6

[J'ai cessé – я перестал. Далее игра созвучий. J'ai bébé – буквально – я имею малютку.]

7

[преувеличенная стыдливость]

8

[плотный завтрак.]

9

[Готово.]

10

[Скажите, ему платят?]

11

[Не смогу вам сказать.]

12

[Он из господ?]

13

[О, да.]

14

[Это сверхъестественно. Не правда ли? Как это он находит?]

15

[Не смогу вам сказать. Мой муж вам это объяснит. Простите.]

16

[Поразительный!]

17

[Восхитительно! Ему не больно?]

18

[Ничуть.]

19

[У вас счастливая рука].

20

[А он очень хорош.]

21

[деверь.]

22

[поразительное]

23

[кувырком.]

24

[я остаюсь при своем мнении.]

25

[не обмани.]

26

(Мне до смерти надоел ваш коко.)

27

[Обычно он точен...]

28

[Перестань, прислуга.]

29

[моя красавица.]

30

[мой дорогой;]

31

[А это мне нисколько не улыбается, нисколько, нисколько!]

32

[проявления.]

33

[мое второе]

34

[мое первое]

35

[припев:]

36

[прелестно!]

37

[До свиданья.]

38

[благодарствуйте, тысячу раз благодарствуйте.]

39

(благодарствуйте, тысячу раз благодарствуйте. До вторника.)

40

В рукописи далее зачеркнуто: ядовитой соск[ой].

41

Быть хорошо рожденным – право каждого ребенка.

42

[север]

43

[юг]

44

Но отчего же люди непьющие и некурящие находятся часто на умственном и нравственном уровне несравненно низшем против людей пьющих и курящих? И почему люди пьющие и курящие часто проявляют самые высокие и умственные и душевные качества? Ответ на это, во-первых, тот, что мы не знаем той степени высоты, до которой достигли бы люди пьющие и курящие, если бы они не пили и не курили. Из того же, что люди духовно сильные, подвергаясь принижающему действию одурманивающих веществ, всё-таки произвели великие вещи, мы можем заключить только то, что они произвели бы еще большие, если бы они не одурманивались. Очень вероятно, как мне говорил один мой знакомый, что книги Канта не были бы написаны таким странным и дурным языком, если бы он не курил так много. Во-вторых же, надо не забывать того, что чем ниже умственно и нравственно человек, тем меньше он чувствует разлад между сознанием и жизнью и потому тем меньше он испытывает потребность одурманивания и что потому так часто и бывает то, что самые чуткие натуры, те, которые болезненно чувствуют разлад жизни и совести, предаются наркотикам и погибают от них.

45

[система двух детей в семье]

46

[потому что это нелепо.]

47

Зачеркнуто: отставной морякъ, худой, черный

48

Зач.: пѣвица

49

Зач.: очень

50

Зач.: бывшій профессоръ химіи въ одномъ изъ военныхъ училищъ,

51

Зач.: изъ-подъ густыхъ бровей, съ твердо сложеннымъ ртомъ

52

Зач.: необыкновенно

53

Зачеркнуто: съ которыми и тотъ и другая легко заводили знакомство.

54

Зач.: а съдой господинъ залилъ себя ошибкой очень крѣпкаго чая, котораго нельзя было разбавить, и предложилъ мнѣ. Я выпилъ два стакана и почувствовалъ нервное опьянѣніе. Кажется, съ господиномъ было тоже.

55

Зач.: маленькій старичокъ съ рѣденькой бородкой, весь въ морщинахъ и съ крошечными глазками,

56

Зач.: прямо надѣтомъ на голову.

57

Зач.: Старикъ тотчасъ же хотѣлъ идти прочь, но вездѣ ему говорили, что занято, и онъ вернулся опять. – Что дѣлать, какъ нибудь усядемся. Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ. Когда пришелъ господинъ съ дамой, старичекъ сказалъ, что онъ бы не сълъ, да негдѣ.

58

Зач.: Господинъ съ хорошими вещами попробовалъ разспросить старика, куда, что, но старикъ коротко отвѣчалъ.

59

Зачеркнуто: Случилось, что какъ разъ мущина защищалъ жену, а женщина защищала мужа.

60

Зач.: брака нѣтъ настоящаго,

61

Зач.: Напротивъ. Не живутъ такъ, а всѣ, и разводные, женятся. – Да развѣ это бракъ? – сказалъ старикъ. И вдругъ оживился и разговорился. – Это видимость одна. Развѣ это бракъ? И прежде то, когда въ первый разъ женились, не было брака, а былъ одинъ обрядъ. Оттого и нѣтъ согласія между супругами. – Какой же вы разумѣете бракъ? – сказалъ господинъ съ хорошими вещами. – Бракъ передъ

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Богомъ, а не передъ людьми. – То есть какже это? – А такъ, чтобы бракъ былъ безъ
плотской любви, человѣческой

62

Зач.: а по собачьи, прости Господи

63

Зач.: – Да такъ безъ любви. Безъ этой самой любви, про которую въ романахъ
описываютъ.

64

Зач.: Къ удивленію моему, и черный господинъ перевернулся и слушалъ.

65

Зачеркнуто: забыли люди, что отъ брака человѣческая душа рождается. Кабы собачья
душа рожалась, тогда бы и собачью сватъбу можно бы людямъ дѣлать, а то надо намъ
какъ нибудь не по собачьи, а по людски.

66

Зач.: что любви собачьей не было, а по божьи любили, какъ Богъ велѣлъ.

67

Зач.: – Ну а ссоры были? – Ссоры? Были. Да какія же ссоры? Въ нашемъ быту тоже
говорять, бить надо жену. Это глупость одна, неразуміе. Я ни разу не билъ.
Скотину – и ту добромъ возьмешь, а колыми паче человѣка. Богъ миловалъ. А ссоры
бывали. А рука моя на ней не была. – Ну какія же ссоры? Ну, расскажите самую
большую вашу ссору. Старикъ подумалъ. – Нельзя, чтобы не разойтись въ семьяхъ.
Да вотъ изъ за сына было. Тоже отъ глупости. Ну, назвалъ ее дурой, правда. Тоже
потомъ по ея же сдѣлалъ. Мягче, у нихъ сердце материнское. – Ну, и долго
продолжалось? – Да какъ за чаемъ это у насъ зашло, подулся я вечеръ, ну а спать
пошли, попрощался я съ ней и развязалъ грѣхи. – Нѣтъ, это ужъ когда вы старые
были. А въ молодости ссоръ неужели не было? – сказалъ господинъ съ хорошими
вещами.

68

Зачеркнуто: Кума у меня была, овдовѣла. Дѣла у нея были. Пошелъ къ ней, да
замѣшался. Чаекъ съ ней попили. Пришелъ домой, а она не въ себя. Попрекаетъ
меня всѣмъ. И то нехорошо, и это нехорошо что за чудо, думаю. Что ее укусило? Да
и догадался. А у меня и въ умѣ не было. «Ахъ, – говорю – ты глупая. Да у меня и
въ умѣ нѣтъ. И ходить къ ней не буду. Пуцай къ тебѣ придетъ».

69

Зачеркнуто: – Да, разсудилъ, – рѣзкимъ голосомъ сказалъ черный, но такъ, что
нельзя было понять, одобрительно или неодобрительно онъ говорить. Скорѣе похоже
было, что неодобрительно.

70

Зачеркнуто: – Да, тому, у кого въ жилахъ не кровь, а вода – тогда такъ. А то
разжечь себя сперва дали, чтобы половина сгорѣла, а потомъ устроиться удобно.

71

Зач.: – И будемъ страдать. Если мы точно любили по собачьи, такъ и будемъ
страдать по собачьи, а по человѣчески нельзя, по человѣчески можно только тогда,
когда есть любовь человѣческая. И тогда ужъ я отдамъ ее для ея счастья, а самъ
не женюсь. А буду при ней жить ея счастьемъ. Да! Тогда можно. Вздоръ! Это не то.
А я вамъ расскажу, какъ это есть и бываетъ... да! – Онъ съль противъ насъ на мѣсто
старика и сталъ рассказывать. – Да чтожъ! А! расскажу про одного тоже моего
пріятеля. Только подробно. Бываетъ вотъ какъ. Онъ женился

72

Зачеркнуто: – Отказался, потому что ему все равно было. Онъ не любилъ. Да съ, рыбамъ разойтись можно, а людямъ нельзя. Да съ. А вы не слыхали про дѣло Познышева? – Нѣтъ. – Того, что судили въ К. судѣ. – Нѣтъ. – Ну вотъ какъ у него, тогда какъ? – Въ чемъ же это дѣло было? – Дѣло было... – Онъ сѣлъ, оперся локтями на руки и, глядя пристально на меня, именно на меня, сталъ рассказывать. – Дѣло ужасное и поучительное. Дѣло было вотъ какъ. Познышевъ – человекъ какъ всѣ, университетскій, ученый химикъ, читалъ лекціи въ заведеніи высшемъ въ одномъ. Человекъ – ну какъ всѣ. И... Ну вотъ былъ Познышевъ человекъ какъ всѣ и воспитанъ какъ всѣ. Ну и же[нился]

73

Зач.: – Значить, онъ и не любилъ никогда своей жены, и собачьей любовью не любилъ. Кабы любилъ, онъ бы не отдалъ, не могъ отдать. Побѣдить эту собачью любовь ничѣмъ нельзя... А? – Онъ вскрикнулъ. – Только одной настоящей любовью. Какъ старикъ говорилъ. Тогда не разойдешься по добру – по здорову. Нельзя. А кто разошелся, тотъ и сначала сошелся – такъ даже и по вашему – скверно, даже ниже романсовъ.

74

Зач.: а убиваютъ другъ друга.

75

Зач.: Такъ людямъ не свойственно – нынче сойтись, а завтра разойтись. Если ужъ про людей говорить, какъ людямъ свойственно, то человекъ свойственно отдать все другому, а себѣ ничего не взять,

76

Зач.: животная (романсы).

77

Зачеркнуто: а умереть или убѣть.

78

Зач.: А если можетъ отдать, такъ не по разсудку, а потому, что есть выше чувство.

79

Зач.: ножомъ, кинжаломъ, выпустилъ кишки женѣ,

80

Зач.: – Да отчего же? – А оттого что не могъ иначе сдѣлать человекъ, когда онъ вышелъ. изъ состоянія рыбы, дошелъ до животнаго – любить, а не дошелъ до человека.

81

Зач.: – Вы не понимаете, а я понимаю, потому что моя фамилія Познышевъ, я самый и убилъ ее. – Онъ вскрикнулъ. – Да съ. Меня оправдали, а дѣло все осталось какъ было. И если человекъ любить, то убѣть. Извините, не буду стѣснять васъ больше. И онъ ушелъ на свое мѣсто. Всѣ затихли, перевели разговоръ на другое. Дама съ господиномъ потомъ стали шептаться. Я сѣлъ на свое мѣсто рядомъ съ нимъ.

82

Зач.: купеческая дочка, богатая

Зач.: (собачья любовь)

84

Зачеркнуто: – Да что же, это не любовь, – сказала дама. Черный вздрогнул от досады, но даже и не оглянулся на даму, а все время обращался только къ господину съ хорошими вещами. – Не любовь? Каждому кажется, что его любовь – любовь, поэзія, а чужая – такъ себѣ, собачья. Такъ и имъ казалось. Я такъ описываю, а у него такъ въ душѣ такіе романсы распѣвались, не хуже другихъ. Только я то знаю, что подѣ этими романсами было. Ну, такъ и жилъ, блаженствовалъ. Думаетъ:

85

Зачеркнуто: незамѣтныхъ, невидныхъ, невыразимыхъ страданій много.

86

Зачеркнуто: И вотъ тутъ въ голову засѣла эта забота: что между ними? Были, казалось ему, всѣ признаки – очень ужъ она проста и спокойна съ нимъ, не дорожить нисколько его присутствіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ или иначе, а все вмѣстѣ. Тоже развивалъ, что то читаль. Тутъ – онъ мнѣ говорилъ – онъ мучался ужасно. Признаться не то что ей, себѣ страшно, потому что признаться

87

Зач.: Онъ некрасивъ былъ. Тутъ онъ мнѣ рассказывалъ, да, онъ мнѣ рассказывалъ, въ чемъ была ужасная вещь.

88

Зачеркнуто: только такой слѣпой, замуривающей глаза именно когда надо смотрѣть, могъ не видѣть этаго.

89

Зач.: но не признавался себѣ.

90

Зач.: Были еще такія обстоятельства, которыя вызвали его подозрѣніе. Прошло часа три, ей бы надо вернуться. Нѣту.

91

Зач.: Какъ рѣшить? Случайно или нѣтъ? Есть связь, нѣтъ?

92

Зач.: Онъ говорилъ мнѣ, что страдалъ такъ, какъ не вѣрилъ, чтобъ могъ страдать человекъ. Онъ страдалъ потому, что не позволялъ себѣ вѣрить. Еслибъ онъ повѣрилъ, онъ бы... Ну, да и тутъ съ нимъ разъ чуть не сдѣлалось страшное. Онъ самъ уѣхалъ въ городъ. Поѣхалъ, и вдругъ ему пришло въ голову, что онъ тамъ съ нею. Онъ только вошелъ въ городскую квартиру, сѣлъ, и вдругъ на него нашель ужасъ. Она съ нимъ. Она одна, ночь. Она пустить его къ себѣ. Ай! Ай! Она моя, и онъ возьметъ ее. Ай! Ай! животное заговорило. Я вскочилъ. Да, вскочилъ и побѣжалъ. Взялъ извозчика: «Пошелъ на дачу прямо». Къ двумъ часамъ я пріѣхалъ. Прошелъ на цыпочкахъ черезъ садъ и, прежде чѣмъ войти въ комнату жены, пошелъ къ себѣ и взялъ ривольверъ, вышелъ, но потомъ вернулся и положилъ ривольверъ и взялъ кинжалъ со стѣны. И даже рѣшилъ, что надо кривизной кверху, чтобы снизу пороть животъ, кишки чтобъ вышли. Вотъ оно какъ у него выходило по здравому разсудку. Онъ вошелъ къ ней. Она была одна и спала. Она ахнула, увидавъ его. Въ первую минуту ему жалко было, что не пришлось дать ходу тому животному, но потомъ проснулось другое. Оно все одно – это только два конца его. Романсы и убійство. Да съ! Это было передъ отѣздомъ съ дачи, и онъ переѣхалъ на зиму, ничего не узнавъ, любила ли она. – Да что же, была ли невѣрность? – спросила дама. Онъ вскрикнулъ. – А это я впослѣдствіи буду имѣть честь вамъ доложить, –

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
сказаль онъ ибыстро всталъ, пошелъ къ своей дѣвочкѣ и, вернувшись, продолжалъ –
Вотъ такъ то радостно они

93

Зачеркнуто: А коли ты дѣлала по здравому разсудку, такъ и я же сдѣлаю (У!) по
тому же разсудку: брошу и уѣду. Куда? Только то, что ему приказываль разсудокъ,
было такъ страшно, что онъ

94

В подлиннике: его.

95

Зач.: таже сладость, и послѣ мука, и тѣже примиренья.

96

Зачеркнуто: 2 года.

97

Зач.: – Вы такъ хорошо рассказываете, – сказалъ Господинъ съ хорошими вещами. –
У! хорошо? – Да. Мнѣ, чтобы живѣй представить себѣ весь романъ, хотѣлось бы
очеркъ ея характера. – Да, – подтвердила дама. – Ея характера? У! – Онъ
помолчалъ. – Это была прелестная женщина, не одной внѣшностью. Нѣтъ, человекъ
она была хорошій, мягкій, добрый, не пылкая, напротивъ, скорѣе холодная, но
добрая, съ [I неразобр.], что она хотѣла быть всегда лучше въ смыслъ доброты. И
наивная и лживая до невозможности. Не всегда лживая, но когда нужно, она такъ
лгала удивительно. А добрая, очень добрая, и жалкая (У!) жалкій звѣрокъ. Откуда
ей было быть другой?

98

Зач.: Говорятъ, что женщины дурныя. Неправда, прекрасныя звѣрки. Только
неученыя, прежде были ученые, а теперь неученыя. – Чтожъ, женщины – не люди? –
сказала дама. – Да и мужчины такіе же звѣрки. И онъ, этотъ господинъ, былъ такой
же звѣрь.

99

Зачеркнуто: я тоже былъ у него. Онъ цѣлые дни проводилъ въ питомникъ, прививаль.
И онъ былъ спокойнѣе.

100

Зач.: собачьей. Онъ тутъ

101

Зач.: мой сладкій кусокъ,

102

зач.: Но оказалась любовь къ грибамъ. Она пошла съ дѣвушкой

103

Зач.: схватилъ подсвѣчникъ, швырнулъ ей въ лицо

104

Зачеркнуто: а могъ только самъ помогать другимъ, что и дѣлалъ.

105

Зачеркнуто: очень простая: здоровый, широкоплечій, полногрудый, небольшой

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
ростомъ, расширѣвшій съ годами (за 40) черноватый человекъ, русая съ просѣдою
бородка, вьющіеся порѣдѣвшіе волосы, чувственный прекрасный ротъ и сильная,
ловкая и нервная жилистая рука. Движенія его были точны и скромны, но быстры и
ловки.

106

Зач.: Это былъ человекъ страстный и очень чувствительный, который, очевидно,
былъ у себя въ твердой власти.

107

Зач.: – Она спитъ покойно, но только бы кто не взошелъ. Въ темнотѣ не увидятъ. Я
сейчасъ вернусь. – Я посижу тутъ, – сказала я. Онъ скоро вернулся съ чайникомъ
воды и расположился пить чай.

108

Зачеркнуто: И я началъ громить существующій порядокъ вещей.

109

Зачеркнуто: – Но скажите, – сказала онъ, – есть въ вашемъ чувствѣ къ ней
чувственность? – Чувственность? – Я засмѣялся презрительно. – Тѣни нѣтъ, не
можетъ быть. Я знаю, что я хочу быть ея мужемъ, но чувственность? Похожаго нѣтъ.
Вотъ не думаль, что вы такъ судить будете.

110

Зач.: насмѣшливо

111

Зач. – Въ томъ ужасъ, что эта любовь, эгоистическая, а потому чувственная, – не
любовь, а злоба – ненависть. Вотъ что эта любовь.

112

Зач.: Ну, такъ я расскажу вамъ. Я давно, да кажется, 4 года не рассказывалъ
никому, самъ себя не вспоминалъ и хотѣлъ все вспомнить, все снова пережить.
Хотите, я вамъ скажу?

113

Зач.: Мнѣ теперь 43 года.

114

Зач.: что я удивительно возвышенный, прекрасный молодой человекъ, такой
прекрасный и возвышенный, что я умилялся, глядя на самого себя, мнѣ совѣстно
было, что я такъ прекрасенъ. Прекрасенъ я себя представлялся ужъ тѣмъ, что я,
если не богатый, то независимый человекъ, хорошо образованный, женюсь безъ
малѣйшаго разсчета, по любви, на бѣдной дѣвушкѣ, прекрасенъ тѣмъ, что я не сгнилъ
отъ разврата, не предавался безобразнымъ формамъ разврата, какъ большинство
моихъ сверстниковъ, и считалъ моихъ любовницъ до 30 лѣтъ не сотнями, а только
десятками, главное же – я былъ прекрасенъ тѣмъ, какъ подъ вліяніемъ «романсовъ»
представлялъ себя свою любовь къ моей будущей женѣ. Я былъ твердо увѣренъ въ
томъ, что никто никогда не могъ не только имѣть, но и вообразить такихъ чистыхъ
и возвышенныхъ чувствъ, которыя я все время моей молодости лелѣялъ къ своей
будущей женѣ.

115

Зачеркнуто: Въдъ мы всѣ такъ воспитаны, такъ воспитаны.

116

Зач.: Я влюбился.

117

В подлиннике: волнами, но это слово в копии рукой Толстого исправлено на: волосами.

118

Зач.: все, все

119

Зач.: Я понялъ что то чудесное,

120

Зач.: Не я достоинъ. О томъ, что я достоинъ быть ея мужемъ, не было и мысли.

121

[секрет комедии,]

122

[новобрачной]

123

Зачеркнуто: и негодованія. Это не могло быть.

124

Зач.: Я не ревновалъ ее, но она ревновала безтолково и отношенія наши портились. Кромъ того,

125

Взяты в квадратные скобки слова, отсутствующие в автографе, вписаны в копии рукой С. А. Толстой и при исправлении копии Толстым оставлены в неприкосновенности.

126

Взяты в квадратные скобки слова, отсутствующие в автографе, вписаны в копии рукой С. А. Толстой и при исправлении копии Толстым оставлены в неприкосновенности.

127

Зачеркнуто: и тутъ началось! Жена моя, моя жена была <очень красивой>, что называется хорошенькой дѣвушкой (она вышла замужъ 18 лѣтъ), но въ 30 лѣтъ, переставъ рожать, она была замѣчательно красива.

128

Зач.: Такъ шло все до переѣзда нашего на лѣто 4 года тому назадъ въ деревню.

129

Зачеркнуто: къ намъ мой пріятель

130

Зач.: богатый, бывшій кавалергардъ, страстный любитель музыки и хорошій аматерь.

131

Зачеркнуто: телеграмма. Трухачевъ пріѣзжаетъ съ женой. Не знаю

132

Зачеркнуто: малѣйшихъ

133

Зач.: дрянному

134

Зачеркнуто: б...

135

В подлиннике: онъ

136

Зачеркнуто: Хорошій, да очень хорошій она была человекъ, какъ всѣ люди, а особенно дѣвушки.

137

Зач.: Она была такая и изъ такихъ прекрасная.

138

Зачеркнуто: и о томъ, что многого я не могъ сдѣлать, какъ хотѣлъ, о несправедливостяхъ

139

Зач.: – Но развѣ нельзя этаго, такъ, чтобы не было несправедливости? – Нѣтъ, но я хочу оставить, хочу устроить такъ свою жизнь независимо.

140

Зач.: устроить жизнь такъ, чтобы она была прекрасна и чиста.

141

Зач.: вѣрила мнѣ, что я устрою ее такъ и

142

После этих слов на полях вписано и затем зачеркнуто – Да и всѣ живутъ, – сказала дама. – Я не про васъ говорю, да вѣдь мы знаемъ, какъ живутъ, когда любви нѣтъ, – живутъ, потому что терпятъ, а ненавидятъ другъ друга. – Нѣтъ, помилуй Богъ. Намъ Богъ далъ, мы съ старухой мирно прожили и теперь живемъ. – Да вѣдь никто не скажетъ. – Отчего же, я скажу. – Ну, по правдѣ скажите, – улыбаясь сказала дама, – вѣдь были ссоры, было горе. – Ссоры? А вотъ какъ передъ Богомъ скажу. Въ 53 года одинъ разъ побранилъ за сына. Забаловался, я пригрозилъ. Ну, а материнское сердце мягче. Огорчилась она, это было. – Ну чтоже, и она по вашему сдѣлала? – А вотъ и нѣтъ, а я по ее сдѣлалъ. – Ну, да вѣдь бываютъ исключенія. – Нѣтъ, сударыня, если законъ помнятъ люди, такъ легко жить. – Ну а ревность? – улыбаясь сказала дама. – Ревность? – повторилъ старикъ, вздохнувъ.

143

Зачеркнуто: Одни этотъ законъ принимаютъ только для видимости, а въ дѣйствительности развратъ. Вѣнцы надѣваютъ хорошо какъ на десятую (въ рукописи: съ десятой), а то на сотую женщину, а она послѣ наверстываетъ. А другіе

144

Зач.: – Но отчего же любовь приведетъ къ убійству? – должна неизбежно. Такъ. Назвали Познышева. – Познышевъ я. Я убилъ. И знаю, что нельзя не убить. И еслибъ

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
опять сначала, я бы опять убил. И вы бы убили, коли вы не рыба. Да впрочем, вам, может, неприятно говорить с убийцей? – Нет, извините меня, я не знаю как это, но у меня к вам какое-то особенное чувство... Я замял[ся], но он понял по моему взгляду, что я полюбил его. – Да с, они толкуют, я любил и убил. Теперь я не то бы сдлал. Да отчего же? – ответил он себя. – Я расскажу вам. Хотите? О Боже мой, Боже мой! Когда, как я, пробил эту стну обману своим преступлением, страданием, изкальчился сам, пробивая ее, то видишь всю эту лож ясно, как есть, и ужасаешься на людей, как они не видят того гною, в котором они живут и которым храблятся. Вы молоды, вам понадобится. Вместо этого на полях написан новый текст, также зачеркнутый – да, что мне изменила жена, так я знаю. Хотите – я вам расскажу, как это бывает. Я сказал, что если это не тяжело ему. – Нет, мне нужно, нужно рассказывать, особенно как расшевеливать это все, как теперь. Моя фамилия П[ознышев].

145

Зачеркнуто: – Вы слышали, может быть? – сказал он и сердито оглянулся на кондуктора. В Пензе я знал одного П[ознышева], – сказал я. – Нет, это другие. Так вы не слышали этой фамилии? – Нет. – Ну так я расскажу вам, как меня обманула жена, изменила мне, и что я испытал. Кто не испытал, тот не знает. Вот как это, господа. А я знаю.

146

Зачеркнуто: как Венера милосская.

147

Зач.: видимо, был в нервном возбуждении.

148

Зач.: Так вот я и расскажу.

149

Переделано: 30 из 23.

150

Зачеркнуто: – Отчего разошлась? – спросила дама. – Да все от этого самого, – сказал старик. – Нету страха теперь. – А в старину то как же было? – Да так и было.

151

Зачеркнуто: Это все равно, как сказать, у меня дядя гастроном, он не любит есть, но любит готовить, нюхать.

152

Зачеркнуто: я полюбил эту женщину и потому навязал ей себя. Я, считая ее совершенством и любя, следовательно желая ей добра, связал ее на вки с собой, невинное существо с изгвазданным в гноу развратником. Это был первый признак моей любви. Второй признак был ужасень. И это признак любви, я думаю, всех мужей, за исключением 1 из миллиона, признак этот состоял в том, что

153

Зач.: доброта. Она уже была трону[та] этим нынешним направлением свободы женской и образования и, разумеется, от этого только казалась глупее, чем была от природы.

154

В подлинника: могут.

155

От слов: неужели она такая кончая: и два яда слились въ моемъ сердць: – текста автографа недостает. Недостающее печатаем по авторизованной копии.

156

Зачеркнуто: – Но есть же между людьми то чувство, которое люди называютъ любовью и которое длится не мѣсяцы и недѣли, – сказала дама, – а всю жизнь, чувство, изъ за котораго люди жертвуютъ собой, дѣлаютъ преступленія. Есть это чувство или нѣтъ? – Нѣтъ, – смѣло отвѣчалъ онъ. – Есть другое чувство, во имя котораго люди жертвуютъ собой и дѣлаютъ преступленія, только это совсѣмъ не любовь, а злость, гордость. Преступленія? – повторилъ нервный господинъ и вдругъ поблѣднѣлъ. – Преступленія! Преступленія дѣлаются не по любви. – Вы вѣрно знаете? – Да, преступленья дѣлаются отъ гордости, злости, отъ животности.

157

Зачеркнуто: – Но есть же между людьми то чувство, которое люди называютъ любовью и которое длится не мѣсяцы и недѣли, – сказала дама, – а всю жизнь, чувство, изъ за котораго люди жертвуютъ собой, дѣлаютъ преступленія. Есть это чувство или нѣтъ? – Нѣтъ, – смѣло отвѣчалъ онъ. – Есть другое чувство, во имя котораго люди жертвуютъ собой и дѣлаютъ преступленія, только это совсѣмъ не любовь, а злость, гордость. Преступленія? – повторилъ нервный господинъ и вдругъ поблѣднѣлъ. – Преступленія! Преступленія дѣлаются не по любви. – Вы вѣрно знаете? – Да, преступленья дѣлаются отъ гордости, злости, отъ животности.

158

Зачеркнуто: А предоставьте дѣло одной любви, какъ вы говорите, то сейчасъ же челоувѣчество падеть ниже собакъ. Куда до собакъ – собаки гораздо выше, – говорилъ онъ, разгараясь все болѣе и болѣе. Мало того, что люди падаютъ ниже звѣрей, они перерѣжутъ другъ друга.

159

Зач.: – т. е. предпочтеніе одного передъ всеми, которое длится всю жизнь? – Есть, слава Богу, рѣдко, потому что если бы это было часто, то большинство людей перерѣзало бы другъ друга.

160

В подлиннике: Эленой

161

Зачеркнуто: Мушина имѣлъ бы такую увѣренность только тогда, когда бы онъ вѣрилъ, что его дѣятельность столь же несомнѣнна и значительна, какъ и ея дѣятельность. А гдѣ же такая дѣятельность? Есть только одна дѣятельность, равная этой, какъ сказано въ библіи, – работать хлѣбъ, но мы этого не дѣлаемъ. Любя своего мужа, каждая женщина сначала вѣритъ, что его дѣятельность столь же важная, какъ и ея, но по томъ, когда дѣло дойдетъ до дѣла, когда обѣ дѣятельности столкнутся и придется жертвовать одной изъ двухъ, да и притомъ еще установится враждебность, она сейчасъ же видитъ пустоту, случайность, произвольность, обходимость всякой мужской дѣятельности и начинаетъ презирать ее.

162

Зачеркнуто: ты отмстиль, стрѣляль, какой вздоръ. И докторъ говорить.

163

Зач.: и всякій бредъ. Я не дождался ея смерти, хотя

164

[увеселительная прогулка.]

165

В рукописи большая часть XII главы и часть XIII, где Позднышев говорит о безбрачии, как об идеале, к которому должны стремиться люди, отчеркнута, и отчеркнутое снабжено собственноручной пометкой Толстого: отсюда все отчеркнутое въ заключеніе. Пометка эта однако зачеркнута.

166

Зачеркнуто: первое, было: высокая, черноглазая, черноволосая, съ длинными красивыми членами, круглымъ лицомъ, съ вздернутымъ носомъ, съ прекрасными чувственными губами, съ медленными граціозными движеніями. Такова она была снаружи. Внутри же это была очень грубая, добрая, лънивая, чувственная и безпомощная женщина.

167

Зач.: и съ своей кузиной.

168

Зач.: Николинька.

169

Зач.: Маня.

170

В подлиннике: законною

171

В подлиннике: такого

172

Зачеркнуто: о которомъ говоритъ этотъ сумашедшій или мистикъ,

173

В подлиннике: дѣятельности

174

Зачеркнуто: обреченныхъ на униженіе и погибель, и ежегодно миліоновъ преступленій уничтоженія плода, онанизма, простого [и] усложненнаго разжиганіемъ похоти мужчинъ съ мужчинами и женщинъ съ женщинами, на распространяющуюся сифилитическую болѣзнь <на полнѣйшее распаденіе семейной жизни>, на признаваемую такъ называемыми лучшими представителями мысли, художниками и поэтами законность наслажденія блудной похотью,

175

Взятое в ломаные скобки зачеркнуто поперечной чертой. В зачеркнутом еще ранее зачеркнуто по строкамъ следующее: спросятъ у васъ, какъ пройти или проѣхать, положимъ, въ Іерусалимъ, зная мѣсто, въ которомъ находится Іерусалимъ, вы скажете, что Іерусалимъ на юговостокъ и можете [?] указать линію направленія. Но это вы можете сдѣлать только тогда, когда спрашивающій стоитъ рядомъ съ вами.

176

Зачеркнуто: монахи

177

Зачеркнуто.: Половая страсть какъ была, такъ и есть одною изъ самыхъ низкихъ животныхъ потребностей.

178

Зачеркнуто: скучаетъ. Професоръ. Пріѣхалъ Малчичъ.

179

Зачеркнуто: няня

180

Зач.: прося[тъ].

181

Зач.: землю просить. Гости уѣзжаютъ. «Позвать».

182

Зач.: Отказываетъ и уходитъ въ уборную, беретъ столъ. Отка[зываетъ.] (Няня одна). «Погоди жъ ты, добромъ не хотѣлъ. Я Семки велю». Беретъ столъ и азбуку. Пишетъ. Получаетъ отвѣтъ: нельзя. Няня. «Не велить».

183

Зач.: Такъ, няня, ты на меня не серчай, это противъ моихъ правилъ. Да. А этаго племянника посмотрѣть можно». Лакею звонить. «Пошли Семена».

184

Зачеркнуто: н[ня]. «Ну погоди жъ».

185

Зач.: Аф[анасьевна] приходитъ. «Отказа[лъ]. Да погоди жъ, будетъ вамъ дѣло».

186

Зач.: Лакей приноситъ письмо Малчичу.

187

Зач.: Барыня зоветъ всѣхъ въ гостиную.

188

Зач.: «Некого благодарить: это должно было. Професоръ тутъ»

189

Зач.: чувствуешь, когда это дѣлается съ тобой? Ты самъ не двигался?» «Да я не чувствую».

190

Поверх зачеркнутыхъ строкъ другими чернилами написано: н[ня]. «Отчего не вѣрить? Вотъ Сем[еновъ] столъ прыгалъ». Поверх зачеркнутыхъ строкъ другими чернилами позднее написано: н[ня] приходитъ въ кабинетъ. «Я вамъ доложить пришла. Страсть. Обѣдать съ Семеномъ нельзя».

191

[До вечера.]

192

[Я не могу решиться одинъ на такое важное дело.]

193

[Вы спросите у духов?]

194

[Конечно. Я спрошу совета у моей матери.]

195

[А жена хорошо себя чувствует?]

196

[Между нами говоря, она чувствует себя хорошо, но микробы – это наше несчастье.]

197

[Это – бедствие.]

198

[Долги на честное слово.]

199

В подлиннике: Петровъ.

200

[Что они подумают?]

201

В подлиннике очевидная описка: какъ

202

В подлиннике: того

203

[Но у него вши.]

204

[Это ничего, по крайней мере будет смешно.]

205

Далее, внизу страницы, очевидно для памяти, записан план дальнейшего: За ноги держится, отыскиваетъ ключъ, удивленіе всѣхъ. Всѣ уходятъ. Барыня выгоняетъ мужиковъ. Таня имъ велитъ приходиться завтра. 3-й актъ. Семень поссорился съ Григоріемъ и проситъ разсчета.

206

[Будьте осторожны. Они могут быть больны.]

207

[из добрых побуждений]

208

[Это мне действует на нервы.]

209

[Это меня мало интересует, вот и всё.]

210

[Извините. Вы остаетесь?]

211

[как он чувствует себя непринужденно.]

212

[Название игры.]

213

[Люди.]

214

В подлиннике ошибочно: офицеръ.

215

[Конечно. Я искренно тронута. Осторожно.]

216

[Тысячу раз спасибо.]

217

В дальнейшем вместо фамилии Печников – фамилия Пчельников. Ред.

218

С этого места начинается вариант конца повести.

219

См. стр. 513.

220

Во внутренних ломаных скобках – первый слой зачеркнутого.

221

Зачеркнуто: нестолько того ребенка мальчика офицера (ему 19 лѣтъ), который 6 мѣсяцовъ самъ не понимая, зачѣмъ, <какъ угорѣлый> мыкался по разнымъ бастионамъ Севастополя, сколько душевное состояіе того тоже еще мальчика офицера, который, вернувшись оттуда, <хочетъ уяснить и описываетъ свои впечатлѣнія, тщетно хочетъ уяснить смыслъ того, что онъ тамъ дѣлалъ. Онъ былъ на войнѣ, на настоящей войнѣ. Какая же еще война, если не война то, что происходило [въ] Крыму въ 1854, 5 годахъ и гдѣ были убиты 500 000 людей, т. е. столько, что если ихъ положить <рядомъ, то можно ихъ уложить на 500 верстъ> на полъ также часто, какъ кладутъ кучи навоза, то ихъ надо разложить на 2000 десятинъ? Стало быть я былъ на войнѣ, говорить себѣ юноша, я совершилъ тотъ подвигъ, къ которому готовился. Всѣ говорятъ, что подвигъ былъ великій. Меня 100 разъ чуть не убили, убили моихъ товарищей сотни тысячъ – все это было. Но гдѣ же была та война съ подвигами, къ которой я готовился? Никакихъ подвиговъ не было, а была гадость, гадость, со всѣхъ сторонъ гадость. Но можетъ быть эта гадость-то и есть подвиги. Можетъ быть. Давай попробую описывать гадости, какъ подвиги, можетъ быть выйдетъ. Пробую. Люди слушаютъ, читаютъ и говорятъ, что хорошо. Это самое и надо. Ну и давай описывать. И описываетъ бѣдняжка, какъ бьютъ людей, и люди лѣзутъ туда, гдѣ ихъ бьютъ, какъ бьютъ товарищей, а люди не оглядываются на нихъ, не помогаютъ, а только стараются не видѣть, а всѣ озабочены чѣмъ то другимъ. Это

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
другое – это славная защита Севастополя. Но зачѣмъ эта защита, когда Севастополь
всетаки взяли? Такъ [1 неразобр.] защищали. Зачѣмъ вся эта жестокость и
глупость? Но это не надо говорить, надо обходить это, упоминая только въ общихъ
чертахъ.> не столько хочеть уяснить самъ себѣ прожитое имъ, сколько передать все
испытанное въ такомъ видѣ, чтобы одобреніе другихъ устранило бы необходимость
уясненія.

222

Зачеркнуто: болѣе другаго

223

Написано: дѣятельности

224

Зачеркнуто: 20 лѣтъ едва вылупившійся

225

Зач.: кадетскаго мундирчика

226

Зачеркнуто: И отъ этаго эта неопредѣленность и нѣкоторая дорогая черта
гуманности въ всѣхъ и въ этомъ описаніи Севастопольской войны, черта къ
сожалѣнію утраченная.

227

Зач.: Поразительна судьба войнъ.

228

Зачеркнуто: (Ночью слышалъ голосъ, требующій обличенія заблужденій міра.)
Нынѣшнею ночью голосъ говорилъ мнѣ что настало время обличить зло міра. И въ
самомъ дѣлѣ нечего

229

Далее обведено чертой и отмечено на полях пометкой пр[опустить]: и не только
(христіанамъ, но магометанамъ, буддистамъ, конфуціанцамъ, браманистамъ),
русскимъ, французамъ, англичанамъ, нѣмцамъ, американцамъ, но и туркамъ,
татарамъ, японцамъ, китайцамъ, индейцамъ

230

Далее обведено чертой и отмечено на полях пр.: и только тѣмъ, что живутъ не
такъ, какъ должно, какъ имъ хочеться и какъ указываетъ имъ мудрость людская:
учители челоѳчества Индейскіе, Китайскіе, Греческіе, Еврейскіе и яснѣ всѣхъ
Христось, котораго болѣе 400 миліоновъ въ Европѣ и Америкѣ христіанъ признають
<своимъ> Богомъ.

231

Зач.: всѣ наши дѣла, затѣи, не могутъ быть окончены нами,

232

Далее обведено чертой и отмечено на полях пр.: и какъ легко и радостно дѣлать
это и какая счастливая бы была жизнь людская, если бы люди дѣлали это; и нѣтъ
этого въ жизни.

233

Зачеркнуто: Не въ одной нашей землѣ и вокругъ насъ, а

234

Далее обведено чертой и отмечено на полях пр.: которую они ведутъ, закуривая ее табакомъ, хашишемъ, опиумомъ, морфиномъ и алкоголемъ: виномъ, пивомъ, водкой.

235

Зач.: самозванными

236

Зачеркнуто: Опомнитесь, одумайтесь, братья, остановимся на томъ пути, по которому идемъ, чтобы посмотрѣть, не ведетъ ли насъ этотъ путь въ погибель. <Наш р[усскій] писатель сказалъ:> Подумай о томъ, что такое твоя жизнь, <какъ сказалъ Д[остоевскій]>. Подумай только о томъ, что

237

[Карфаген должен быть разрушен.]

238

Зачеркнуто: говорилъ Сцип[іонъ].]

239

Зач.: этаго хочеть кто нибудь, не потому, что есть другая форма жизни, которой кто нибудь хочеть замѣстить теперешнюю форму жизни, а

240

Зач.: или варва[ры]

241

Зач.: лучшихъ передовыхъ людей, тѣ[хъ], которые составляютъ общественное мнѣніе

242

Зач.: ужъ нетолько брошена въ горно, но вынута и ударена уже молоткомъ. Ужъ прежнюю подкову нельзя соблюсти, надо перековывать ее и дѣлать изъ нее новое.

243

Зач.: матерьяльный

244

Зач.: нравственнымъ, что матерьяльныя блага челоѣчества увеличились несоразмѣрно съ умѣньемъ пользованія, распредѣленіемъ этихъ благъ, съ нравственнымъ прогрессомъ.

245

Написано: постромкамъ

246

Зачеркнуто: впередъ, какъ фась, – можно идти впередъ, но назадъ нельзя.

247

Написано: и эти

248

Переделано из: такой; далее зачеркнуто: нѣжности

249

[справедливо или нет]

250

Написано: преступникахъ

251

Написано: правительства

252

Зачеркнуто: – Это благодѣяніе дѣлается гражданамъ для того, чтобы защитить ихъ отъ гибели.

253

Переделано из: просвѣтительная нравственная. Далее зачеркнуто: поддерживаемая

254

Переделано из: правительствомъ. Далее зачеркнуто: христіанская церковь? съ такимъ высокимъ и понятнымъ людямъ нравственнымъ ученіемъ,

255

Зачеркнуто: для образованія этихъ людей военной силы и чиновниковъ и судейскихъ, дѣлающихъ непрерывающа нелѣпое и подлое дѣло, для этаго

256

[многие люди перестаютъ думать там, где размышление начинаетъ представлять для нихъ трудности]

257

Написали: говорящаго

258

Зачеркнуто: Потому что заглохла въ немъ или совсѣмъ замерла душа Божія

259

Зачеркнуто: красивая одежда

260

Зачеркнуто: Сомнѣніе это есть зерно. Оно пуститъ ростокъ и рано ли, поздно ли разростется.

261

См. т. 7 настоящего издания.

262

«Из переписки Л. Н. Толстого». – «Вестник Европы», 1915, № 3, стр. 19.

263

Ср. выше, стр. 88.

264

«Из переписки Л. Н. Толстого». – «Вестник Европы», 1915, № 3, стр. 15. Толстой в
Страница 522

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
этом письме отвечает на запрос, обращенный Русановым к В. Г. Черткову в письме к
последнему от 27 февраля 1889 г.: «На-днях я прочитал в «Пантеоне литературы»,
что будто он (т. е. Толстой, Н. Г.) пишет повесть, посвященную анализу любви.
Правда ли это?» (АЧ). В «Пантеоне литературы» (февральская книжка за 1889 г.,
стр. 22) в отделе «Современная летопись» была напечатана следующая заметка: «Гр.
Л. Н. Толстой, по словам «Русского дела», работает в настоящее время над новой
повестью. По размерам своим и отчасти по характеру новое произведение великого
художника ближе всего, по слухам, подходит к повести «Смерть Ивана Ильича»,
разница только в том, что последняя была посвящена анализу смерти, а новая дает
анализ чувства любви. Она уже почти кончена, но строгий к себе художник не
желает ее скоро выпустить. Он хочет ее глубже продумать и заняться ее тщательной
отделкой». Заметка эта – почти буквальная перепечатка сообщения, впервые
напечатанного в № 51 «Русского дела» за 1888 г., от 17 декабря, стр. 10.

265

«Дневники С. А. Толстой. 1860–1891 гг.» Издание М. и С. Сабашниковых М. 1928,
стр. 160.

266

Ibid., стр. 142.

267

Однако в тексте ее читаем следующие слова Позднышева: «Ведь вы помните, что если
женятся по домострою, как он говорил» (стр. 378). Это, видимо, бессознательная
реминисценция 1-й и 2-й редакций повести, где фигурирует старик-пассажир.

268

Точнее – для введения в повесть мотива музыки и для связи повести с определенным
музыкальным произведением – именно с сонатой Бетховена, посвященной Крейцеру.

269

Еще в 1876 г. летом в Ясной поляне гостил свойственник Толстого И. М. Нагорнов,
талантливый скрипач, пользовавшийся большим успехом в Италии и во Франции. По
словам С. Л. Толстого, он играл в Ясной поляне «Крейцерову сонату», и эта игра
также произвела на Толстого большое впечатление. С. Л. Толстой далее высказывает
предположение, не зародилась ли уже тогда у Толстого мысль написать повесть на
эту тему и не был ли Нагорнов до известной степени прототипом Трухачевского (См.
С. Л. Толстой. «Музыка в жизни Л. Н. Толстого». – «Лев Николаевич Толстой». Юбилейный
сборник. Собрал и редактировал Н. Н. Гусев. Госуд. издат. М. 1929,
стр. 30). Определеннее об этом говорит С. А. Толстая в своих неизданных записках
«Моя жизнь». «Как то летом приехал к нам И. М. Нагорнов, брат мужа племянницы
Вари, рожденной гр. Толстой. Этот ипполит Нагорнов учился в парижской
консерватории, был пошлого, смазливого типа, который Лев Николаевич воспроизвел
в скрипаче «Крейцеровой сонаты». Человек он был добродушный, совсем
необразованный и до того духовно бедный, что не знаешь, о чем с ним говорить. На
иностранном языке он говорил прекрасно. Но когда он играл на скрипке, все
приходили в восторг, начиная с Льва Николаевича. Лев Николаевич, занимавшийся
тогда усердно музыкой, сам аккомпанировал Нагорнову на фортепьяно... Начиная с
маленькой одиннадцатилетней моей Тани и кончая сестрой моей Таней, Варя
Нагорнова, гувернантка – все были влюблены в Ипполита Нагорнова в дни его
пребывания в Ясной поляне. Но влюбиться в Нагорнова, как человека, было
невозможно. У меня было к нему какое-то брезгливое чувство; что-то в нем было
нечистое, чувственное и грязное, как раз те свойства, которые я ненавижу... Какое
странное впечатление произвела тогда на всех соната Крейцера! Еще тогда,
вероятно, она вдохновила и Льва Николаевича». («Моя жизнь», т. III, стр.
464–466.)

270

П. И. Бирюков. «Биография Л. Н. Толстого», т. III. Госуд. издат, М. 1922, стр.
106–107. Тут же Бирюков утверждает, что своим назначением – быть прочитанной
актером с эстрады – предопределилась и форма повести, от диалога переходящая в
длинный монолог с незначительными репликами собеседника.

271

См. Комментарий к Дневникам Толстого 1888–1889 гг., том 50 настоящего издания.

272

[холодно]

273

т. е. «Крейцеровой сонаты».

274

В АТ хранится письмо, о котором говорит Толстой. Оно не подписано и, вероятно, судя по некоторым особенностям языка, написано чешкой. На нем дата – 15 февраля 1886 г. и место написания – лавра (видимо, Троице-Сергиева лавра). Воспроизводим большую часть письма, в которой идет речь о положении замужней женщины, не сохраняя особенностей его орфографии. «Мужчина – это натуральный, от природы данный покровитель женщины. Для этой обязанности он получил силу, здоровье, ровное настроение духа, ему природа предоставила трудиться и наслаждаться. Посмотрим, как человек-мужчина исполнил и исполняет эти обязанности. Каково было обращение и заботы мужчины около женщины в древности, это всем известно, но смешно и удивительно для меня, если настоящее положение женщин с малым исключением считается лучшим. Прежде мужчины пользовались ее физической силой и злоупотребляли ею, сегодня будто немножко смотрят за здоровьем матери, но тогда, когда оно уже разрушено. Мужчины не пренебрегают такими средствами, ловушками, лишь бы только стащить женщину с пьедестала чистоты в безнравственную лужу, и это делается с самыми красивейшими, здоровейшими девушками, и в некоторых случаях является ребенок, то все страшнейшие последствия поступка тяготят на женщине (на слабой воле женщины опирается счастье мужчины). Если же несчастная из стыда или недостатка бросит ребенка, то, кроме душевных пыток, и закон ее страшно наказует. Где отец? Где Амор? Где человек? Где мужчина, как покровитель и помощник при воспитании ребенка? Наконец, дети незаконный бывают самый лучший и здоровейший. Теперь же женщина замужняя: обыкновенно девушка невинная достается в когти зверя, на всё готового для своих удовольствий, не щадившего здоровья женщины-матери, заставляющего эту мать работать и работать, будто этого нужно для ее здоровья и родов. Безумный! Матери беременной нужно движение, а не работа. Если хозяин хочет получить от коровы или лошади здорового жеребца, то не заставляет ее работать, а ухаживает и ласкает и проч. Пока женщина не беременна, она старается свои качества души и тела обнаружить; у беременной ее все силы умственные и физические сосредоточиваются внутри для передачи их будущему ребенку. Поэтому кто заставляет женщину-мать напрягать ее силы физические или умственные или обращается с ней жестоко, эгоистически, без внимания, тот грешит страшно, непростительно в отношении человечества и будущего поколения. И если вы присмотрелись к жизни крестьян, жизни среднего сословия, то и согласитесь с этим, что там женщина мученица, что она работает сто раз больше мужа лентяя, что она этим мужем бывает избита накануне родов, что она должна родить через [год], а наиболее через два, где по закону природы она может и должна родить только раз на шесть – семь лет. Люди отбежали от природы, и она их наказала слепотой. Люди не делаются лучшими, а слабшими вообще. Любви научить нельзя, а ее произвести надо – в мощи человека сотворить людей, каких нужно. Человек, который от природы получил всё, что ему следовало: здоровье, умственные и нравственные качества, не будет никому и ничего завидовать и с самой тяжелой жизнью примирится и будет доволен, лишь бы только мог дышать свежим воздухом и тем самым чувствовать близость бога около себя. Воспитание играет тут только второстепенную роль. Сколько теперь намножилось ученых негодяев! Это вы лучше мне знаете. Неужели не стоит позаботиться об улучшении роду человеческого и что предки наши тисачами лет портили и терали, теперь, когда мы знаем, в чем счастье, а в чем несчастье, открыть эту тайну и построить новое здание на новых условиях. Все видим, что старое строение валится; социалисты и nihilists берутся за новую постройку, но они грубо ошибаются: не католицизмом, не переворотом, соединенным с brutальной силой и пролитием крови, а многолетним умным и усердным трудом и жертвами с эгоизму и сыбаритизму можно постепенно восстановить потеранную правду, и любовь, и счастье. Это всё может иметь место только тогда, когда женщину перестанут оскорблять, когда все стремления и заботы сосредоточатся около ней, когда женщина будет даваться мужчине только в награду за его благородные подвиги, за

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
его сердечный труд около блага всего человечества. Женщина должна быть законом людей ограждена от насилия, от злоупотребления святынь сил природы, от произвола дурного обращения. И так, разумный учреждения – это первый шаг на этом пути. Для этого нужны миллионы. Мы не сеем, а хотим жать. Мы портим, ломаем, топтаем, а хотим, чтобы росло и развивалось». Можно думать, что поддержку себе в своих взглядах на воздержание в брачной жизни и импульс для энергичной защиты этих взглядов Толстой нашел в книге А. Стокгэм «Tokology, a book for every woman», которая была прислана ему автором в середине ноября 1888 г. и о которой он писал Черткову 17 ноября того же года: «Третьего дня я получил из Америки книгу одной женщины-доктора (она писала мне) под заглавием «Tokology, a book for every woman» Стокгэм; книгу вообще превосходную в отношении гигиеническом, но, главное, трактующую в одной главе о том самом предмете, о котором мы с вами переписывались, и решающую вопрос, разумеется, в том же смысле, как и мы» (АЧ). Толстой имеет здесь в виду главу XI этой книги, озаглавленную «Целомудрие в супружеских отношениях». Мысли, высказанные Толстым в «Крейцеровой сонате» и затем в «Послесловии» к ней по вопросу о целомудрии в брачной жизни настолько близки, иногда даже по форме, к мыслям на этот счет Стокгэм, что можно, кажется, говорить не только о случайном совпадении высказываний обоих авторов. (Главы повести, трактующие об этом предмете, написаны были вчерне после прочтения Толстым книги Стокгэм.) Осенью 1889 г. Стокгэм, приехав в Россию, побывала у Толстого в Ясной поляне. В 1891 г. «Токология» появилась в русском переводе С. Долгова с очень сочувственным предисловием Толстого. О возможном влиянии книги Стокгэм на Толстого в период писания им «Крейцеровой сонаты» см. также в заметке М. „«Комментарий к «Крейцеровой сонате»“, напечатанной в № 4 «Недели» за 1892 г., стр. 127–130.

275

«Письма графа Л. Н. Толстого к жене 1861–1910 г.», изд. 2, М. 1915, стр. 339.

276

Ср. л. 5: «С одной стороны совершенно справедливо, что женщина угнетена, презрена, с другой стороны – что она властвует, точно так же, как евреи. Как они своей властью отплачивают за свое угнетенье, так и женщины».

277

Ср. рук. № 5, лл. 15 об. – 16: «Но наступила 3-я ссора, и я уже не ужасался, а понял, что так это будет всегда, что будет то, чего я никак не ожидал, что ссориться будем, и что дело только в том, как бы ссориться получше. И так мы всё время. Даже первое время хуже, чем после... Рассудок не успевал подделывать под желание язвить друг друга достаточных поводов».

278

Ср. рук. № 6, л. 47 об.: «Ядовитость этого чувства ужасна: стоило мне излить это чувство хоть раз на какого-нибудь человека, стоило раз заподозрить человека в замыслах на мою жену, и уже навеки этот человек будет для меня испорчен, точно серной кислотой облит».

279

Ср. рук. № 5, л. 20: «Он унижает меня и ее. И я отплачиваю ему. Или она переоделась, я отношу это к присутствию его, и является оскорбление от нее. Как она может так унижать меня, ставя меня в такое подлое положение – подозревань, подкарауливань. Главное дело в том, что все мужчины – я помню чувство к моему лучшему другу – я знаю, как смотрят на женщин».

280

Ср. рук. № 5, л. 2: «Завидовать мне даже я не позволяю».

281

Ср. рук. № 5, л. 20 об.: «А еще мучало меня то, что она при других мужчинах говорила то, что она, бывало, говорила мне, или то, чего, я знаю, она не думала, и я видел, что слова ее ничего не значат, что и слова ее, как и одежда, – это

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
только средство заманить, понравиться».

282

«Исхитрилась» – позднее «Плоды просвещения».

283

«Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка», изд. «Academia», М. – Л. 1930, стр. 126.

284

Н. Н. Страхов, вернувшись из Ясной поляны, где он гостил у Толстого, 4 июля 1889 г. писал В. В. Розанову: «Моя поездка была преблагополучная: насладился Толстым довольно, хоть и не досыта... Он теперь весь погрузился в писание повести о том, как муж убил неверную жену» (В. В. Розанов. «Литературные изгнанники», т. I, Спб. 1913, стр. 184).

285

Ср. рук. № 6, л. 44: «Как же им не испортиться, когда они, бедные, все попадают в руки и в воспитание мужчин?... виновата же была, разумеется, не она, а весь мир, ее прошедшее и я. Она была такая же, как и все, и я вместе со всем миром сделал из нее то, что она стала. С молодости она была воспитана так, что все ее интересы сосредоточивались в ней, в ее внешности, в искусстве нравиться мужчинам. Она с молодости была обучена только тому, чем можно было пленять, так что могла прельщать прекрасным выговором, и сверх того пенью и игре на фортепиано, которыми она могла прельщать мужчин. Все знания – языки, литература, все таланты, рисование, музыка (в которой она отличалась) были изучаемы только для этого».

286

Ср. рук. № 6, л. 42: «И оттого в нашем быту истерики, нервы, а в крестьянском – кликуши. Вы заметьте, у девок нет кликушества, только у баб, и у баб, живущих с мужьями. Ясно отчего».

287

Ср. рук. № 9, л. 58–58 об.: «Надо сказать какие два существа была моя жена..., внутри же это была очень грубая, добрая, нежная, чувственная и беспомощная женщина».

288

См. ниже примечание к записи записной книжки от 28 июля 1889 г.

289

В рук. № 6, л. 47, идет речь о ревности.

290

Ср. рук. № 6, л. 46 об.: «Но я говорю о той сравнительно легкой, безосновательной ревности, которая неизбежно сопутствует всякому безнравственному супружеству. В период этой моей безосновательной ревности к ней я всю ее развенчал, опозорил в моем воображении... Я впадал в прорытую уже прежнюю колею грязных подозрений о ней..., воспитывал того страшного дьявола, который, когда явился повод, сорвался с цепи и пошел чертить».

291

Текст автографа в рук. № 6, лл. 49–53.

292

Ср. рук. № 9, л. 69: «Брат Трухачевского, я помню, раз на вопрос о том, посещает ли он публичные дома, сказал, что порядочный человек не станет ходить туда, где можно заболеть, да и грязно и гадко, когда всегда можно найти порядочную

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
женщину. И вот он, его брат, нашел мою жену. Правда, она уже не первой молодости
– зуба нет одного сбоку, и есть пухлость некоторая», думал я за него, но что
делать, надо пользоваться тем, что есть».

293

Эта запись развита в рук. № 9, лл. 69 об. – 70, в той части текста, где описываются переживания Позднышева во время его возвращения домой из уезда по железной дороге.

294

Эта запись в рукописях не находит себе соответствия.

295

О бреде умирающей впервые речь идет в рук. № 9, л. 75 об.

296

Ср. рук. № 6, л. 20 об.: «я стал тем, что называется блудником. Быть блудником есть физическое состояние, подобное состоянию пьяницы. Пьяницу тянет выпить, ему вода неприятна даже. Как морфинист, пьяница, курильщик уже ненормальный человек, так и человек, познавший нескольких женщин для своего удовольствия, уже не нормальный, а испорченный навсегда человек – блудник. Как пьяницу можно узнать тотчас же по лицу, точно так же и блудника. Пьяница может воздерживаться, бороться, но уже никогда он не может свободно относиться к предлагаемым напиткам, точно так же и блудник: он может воздерживаться, бороться, но простого, ясного, чистого отношения к женщине, братского, у него уж никогда не будет. По тому, как человек взглянет, оглядит молодую женщину, сейчас можно узнать блудника, и я стал блудником и остался таким».

297

т. е. Позднышев поехал в уезд и внезапно вернулся.

298

Ср. рук. № 9, л. 76: «Да, надо понять настоящее значение, что слова Евангелия Мф. V, 28, о том, что «всякий, кто смотрит на женщину с похотью, прелюбодействует», относятся не к одной посторонней, а преимущественно к своей жене».

299

Эта запись в рукописях не находит себе соответствия.

300

«Толстовский музей», т. II. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894. С предисловием и примечаниями Б. Л. Модзалевского. Изд. о-ва Толстовского музея. Спб. 1914, стр. 391.

301

Ср. рук. № 10, л. 7: «Что же тут странного? По всем учениям церковным придет конец мира, по всем учениям научным неизбежно то же самое. Что странного? По учению нравственному неизбежно то же самое».

302

Автографического текста, развивающего эту запись, не сохранилось, но в копиях, в соответствии с этой записью, читается: «Ужас этого сознания я помню и потому заключаю и даже вспоминаю смутно, что, воткнув кинжал, я тотчас же вытащил его, желая поправить сделанное и остановить». Эта фраза без изменения вошла в восьмую и девятую редакции повести.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoye
303

Здесь речь идет о письмах Черткова от 27 и 28 октября. В них Чертков сообщал о своем впечатлении от повести, прочитанной им по черновой рукописи. В первом письме Чертков указывает на то, что рассуждения и мысли Позднышева о половом вопросе слишком вплетены в самое повествование его о том, как он убил жену, вследствие чего повествование теряет в живости и естественности, а рассуждения стесняются необходимостью не быть слишком подробными и обстоятельными, чтобы не противоречить характеру и состоянию рассказчика. Чертков рекомендовал сосредоточить все рассуждения Позднышева о половой жизни в первой части повести, так чтобы они изредка прерывались вопросами, одобрениями или возражениями со стороны слушателя, во второй же части, по мнению Черткова, Позднышев, в подтверждение своих взглядов, должен был рассказать свою жизнь и то, как он убил жену, не вдаваясь ни в какие теоретические размышления о брачной жизни. Далее Чертков рекомендует в заключение в какой-либо форме дать более всестороннее освещение вопроса (АТ). Во втором письме Чертков рекомендует показать дальнейший духовный рост личности Позднышева и пробуждение в нем истинного христианина (АТ). В ответ на эти письма Толстой писал Черткову: «Ваши фантазии и критики, особенно в первом письме, все справедливы. Спасибо за них, я хочу воспользоваться ими. Я даже начал писать послесловие, ответ на вопрос: что думает сам автор о предмете рассказа. Я бы желал написать это. Как Бог даст» (АЧ).

304

Хранится в ГТМ (архив Т. А. Кузминской).

305

Об этом см. еще письмо Н. Н. Страхова к Толстому от 6 ноября 1889 г. («Толстовский музей», т. II, стр. 394–397) и А. Ф. Кони. «На жизненном пути», т. 2, Спб 1912, стр. 8.

306

«Толстовский музей», т. II, стр. 397. Страхов в своем письме, давая очень высокую общую оценку повести, сделал по поводу ее критические замечания, смысл которых сводится к следующему. Форма рассказа от лица героя очень связывает автора, а у слушателя являются вопросы – кто собеседник, почему рассказчик долго не приступает к делу, а ведет рассуждения об общих вопросах. Неясно далее, видит ли себя Позднышев в истинном свете и сломлен ли его эгоизм, или он остается до конца нераскаявшимся. Развязка происходит слишком быстро после того, как появляется музыкант. Поэтому герой кажется человеком не вполне нормальным и непомерноревнивым, тогда как он человек обыкновенный и к тому состоянию, которое привело его к убийству, пришел постепенно. Длинные рассуждения, предшествующие рассказу об убийстве, глубокие и важные сами по себе, теряют силу от ожидания, в котором находится слушатель. Их следовало бы распределить между отдельными эпизодами, которые однако не мог продолжительно рассказывать убийца, больше всего занятый последним эпизодом – убийством. Вместе с тем Страхов приходит в восхищение от богатства содержания повести, особенно от рассуждений о докторах, о музыке, о детях, об абсолютном половом воздержании. (Ibid., стр. 395.)

307

И. И. Горбунова.

308

[кривотолков]

309

В конце января Чертков сам приехал в Ясную поляну и помог М. Л. Толстой закончить нанесение поправок в этот экземпляр, который он и увез с собой. (См. описание рукописи № 15.)

310

Ю. О. Якубовский. «Л. Н. Толстой и его друзья. За 25 лет (1886–1910)». –

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
«Толстовский ежегодник 1913 года». Спб. 1914, стр. 12.

311

«Толстовский музей», т. I. Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой
1857–1903. Спб. 1911, стр. 56.

312

«Толстовский ежегодник 1913 года», стр. 13.

313

«Толстовский музей», т. II, стр. 390.

314

Т. А. Кузминской.

315

«Толстовский музей», т. II, стр. 391.

316

Ibid., стр. 392.

317

«Толстовский музей», т. II, стр. 393.

318

Намек на «Неделю», которая была изданием типа еженедельной газеты.

319

Е. М. Феоктистов – начальник главного управления по делам печати.

320

Гайдебуров намекает на чтение повести у Кузминских.

321

Вскоре однако Победоносцев ознакомился с «Крейцеровой сонатой» и свои соображения по поводу повести сообщил в следующем письме к Феоктистову от 6 февраля 1890 г.: «Что сказать вам, почтеннейший Евгений Михайлович? Прочел я первые две тетради: тошно становилось – мерзко до циничности показалось. Потом стал читать еще (сразу всё читать душа болит)» и мысль стала проясняться. Только в три приема прочел всё – и задумался... Да, надо сказать – ведь всё, что тут писано, – правда, как в зеркале, хотя я написал бы то же самое совсем иначе, а так, как у него написано, хоть и зеркало, но с пузырьком – и от этого кривит. Правда, говорит автор от лица человека больного, раздраженного, проникнутого ненавистью к тому, от чего он пострадал, но все чувствуют, что идея принадлежит автору. И бросается в глаза сплошь почти отрицание. Положительного идеала автор почти не выставляет, хотя изредка показывает его проблесками. Вначале купец поминает о таинстве, но лицо этого купца двоится, ибо он представлен циником кунавинского разгула. Правда, сам Познышев в одном месте говорит: иное дело если смотреть на брак как на таинство, да кто нынче так смотрит? Правда, в конце видим что-то похожее на раскаяние, как будто Познышев хочет сказать: я виноват. (И подлинно в сущности он виноват во всем, хотя всё больше свалено на несчастную жену, которая, может быть, только нежничала с Трухачевским, и от мужа зависело только пожалеть ее и во время остановить – не свирепым укором, а ласкою.) Итак, независимо от правды фактической, явная фальшь в концепции автора относительно идеи. Всё это так... «E pur si muove!» [А всё-таки она вертится!]) И всё-таки правда, правда в этом негодовании, с которым автор относится к обществу и его быту, узаконяющему разврат в браке. Произведение могучее. И когда я спрашиваю

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle себя, следует ли запретить его во имя нравственности, я не в силах ответить да. Оболживит меня общий голос людей, дорожащих идеалом, которые, прочтя вещь негласно, скажут: а ведь это правда. Запретить во имя приличия – будет некоторое лицемерие. Притом запрещение, как вы знаете, не достигает цели в наше время. Невозможно же никоим способом карать за сообщение и чтение повести гр. Толстого. Знаю, что это чтение никого не исправит, что во многих читателях оно достигнет противоположной цели, усугубив еще ту двойственность – негодование на похоть и казнь – с продолжением похоти и зла, раздутого идеала с мерзкою действительностью в жизни. И не разделяю мнение тех, кои готовы возвестить эту повесть на степень какого-то евангелия идеальной нравственности. Тем не менее думаю, что нельзя удержать это зеркало под спудом. Но думаю, что необходимо, во имя самых основных требований приличия общественного, потребовать некоторых изменений в тексте. Нельзя забыть, что эта вещь будет в руках у всех – у юношей и девиц, и будет громко читаться. Публичного ее чтения ни в коем случае допустить нельзя. Есть слова и фразы положительно невозможные в печати. Я отметил их на поле словом: нельзя. Таковы, напр., фразы о предохранительном клапане. И к чему это? Неужели этим дорожит автор? Затем – не согласится ли Толстой (или Кузминский – неужели он не поймет?) совсем выпустить XI главу о медовом месяце? Тут есть и фразы скверные и совсем отчаянные рассуждения о продолжении рода человеческого и о воздержании от деторождения. Это нехорошо и фальшиво. Притом невольно думается, что эти рассуждения сходятся с гнусною практикой многих сектантов – и шекеров, и федосьевцев, и скопцов, коих верование, быв идеализировано (а ведь к идеализации все способы – даже самый разврат), сводится к тем же рассуждениям. Между тем известно, что в действительности с этой идеализацией уживается и таится под нею самый скотский разврат. Увы! как гр. Толстой, подобно всем сектантам, забывает слово св. писания: «всяк человек есть ложь». И потому истинную правду и истинный идеал человек должен искать не в своем чувстве и сознании, а вне себя и над собою. Наконец, мне представляется неприличным выписывать в эпиграфе словесный текст Евангелия. Пусть бы обозначил хоть правильно цитату: Ев. Мат., V, 28, XIX. А настоящим, не ложным и не надутым эпиграфом к повести была бы поговорка: нечего на зеркало пенять, когда рожа крива». (ИРЛ, архив Е. М. Феоктистова, Сообщено нам Ю. Г. Оксманом.)

322

«Дневники С. А. Толстой. 1860–1891», стр. 168 и 171; «Дневники С. А. Толстой, 1891–1897», часть вторая, М. 1929, стр. 1–2.

323

«Дневники С. А. Толстой», часть вторая, стр. 13.

324

«Крейцера соната» с «Послесловием» к ней в тринадцатой части была напечатана в конце тома и потому ее легко было изъять оттуда.

325

«Дневники С. А. Толстой», часть вторая, стр. 44 и 48.

326

«Дневники С. А. Толстой», часть вторая, стр. 17.

327

Об этом свидании С. А. Толстая подробно рассказывает по второй части своих «Дневников», стр. 23–35. О нем заранее не был осведомлен Победоносцев, который в письме к Александру III от 1 ноября 1891 г. выражает по этому поводу свое сожаление, говоря, что если бы он знал о намерении Александра III дать Софье Андреевне аудиенцию, он стал бы умолять его не делать этого. В письме далее идет речь о широком распространении тринадцатого тома и о пагубном влиянии на умы сочинений Толстого вообще. (См. «Письма Победоносцева к Александру III», т. II, изд. «Новая Москва». М. 1926, стр. 251–254.)

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
328
«Толстовский музей», т. II, стр. 427.

329

См. письмо Толстого к С. А. Толстой от 11 мая 1891 г. («Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», стр. 354) и запись в дневнике С. А. Толстой от 15 мая 1891 г. «Дневники С. А. Толстой», часть вторая, стр. 41.

330

Р. Кантор. «Толстой и цензура». – «Вестник литературы», 1920, № 11 (23), стр. 10–11.

331

Несколько ранее часть экземпляров этого тома вышла без «Крейцеровой сонаты» и «Послесловия».

332

«Дневники С. А. Толстой», часть вторая, стр. 57.

333

В двенадцатом издании сочинений Толстого, М. 1911, верные чтения частично С. А. Толстой восстановлены. Такие восстановленные чтения ниже отмечаем звездочкой.

334

В двенадцатом издании: «а у нас нет».

335

В двенадцатом издании: «легче».

336

В двенадцатом издании здесь после слова «больше», стр. 67, строка 22, пропущено: «колебаться».

337

В двенадцатом издании слово «доктор» напечатано после «ее доктор».

338

В двенадцатом издании после слова «не лечить» слово «сифилис» пропущено.

339

Относим этот пропуск к числу ошибок, а не сознательных отступлений в целях избежать употребления слова «сифилис», так как далее всё же это слово переписано. В оригинале перед этим пропущенным переписчицей местом и после него текст зачеркнут, и этим, видимо, объясняется недосмотр переписчицы.

340

В двенадцатом издании: «и бабы».

341

В двенадцатом издании: «что они могли выскочить у меня».

342

В двенадцатом издании «а так не ложусь».

343

В двенадцатом издании: «Ничего, ничего нет подобного».

344

Эта замена сделана в корректуре.

345

В двенадцатом издании: «На место раны было что-то наложено».

346

В них было исправлено лишь несколько второстепенных опечаток.

347

Этого нельзя однако сделать в отношении двух первых и двух последних глав, так как, как указано при описании рукописей, автографические тексты в их последней редакции, относящиеся к этим главам, частично утрачены или еще не обнаружены.

348

Звездочкой отмечены исправления, вошедшие в текст «Крейцеровой сонаты», напечатанный в двенадцатом издании сочинений Толстого, М. 1911.

349

Здесь и в дальнейшем словом «лист» обозначаем любого размера бумажную единицу в две страницы.

350

В двенадцатом издании – «дня».

351

Это исправление сделано впервые в тексте третьего издания тринадцатой части, М. 1891, стр. 295.

352

Во втором издании тринадцатой части (М. 1891, стр. 299) исправлено: «достигли бы цели после многих тысяч лет».

353

Во втором издании тринадцатой части, стр. 309, исправлено: «самое».

354

Во всех последующих изданиях С. А. Толстой – до двенадцатого – напечатано: «У меня ж было свое: пьянство, служба, охота, карты».

355

Это исправление сделано впервые в тексте второго издания тринадцатой части, стр. 322.

356

Это исправление сделано впервые там же, стр. 325.

357

Это добавление впервые сделано в тексте второго издания тринадцатой части, стр. 333.

358

Здесь слова: «что то», очевидно, опечатка.

359

В АТ хранится вставка к этой рукописи, написанная рукой Толстого на 1 листе.

360

В подлиннике: были ужасны.

361

См. «Einige Handschriften in der Sammlung von Dr. Stelan Zweig in Salzburg». «Philobiblon». Zeitschrift für Bucherliebhaber, 1930, Heft 7, стр. 286.

362

[дарования,]

363

Исправлений вовсе нет в главах I, II, VII и VIII.

364

Она опубликована в сборнике «Толстой и о Толстом». Новые материалы. Редакция Н. Н. Гусева, М. 1924, стр. 9–12. Не перепечатаем ее в настоящем издании в виду того, что текст ее мало чем отличается от текста восьмой (литографированной) редакции повести, приводимого в отделе вариантов этой редакции (см. стр. 314–316).

365

[безответственное наслаждение,]

366

[кривотолков]

367

Курсив редактора.

368

Ср.: «Дело ведь не в том, сумасшедший или мистик Толстой, а в том, справедливо ли то, что он говорит», стр. 420, строки 11–12, и далее, от слов: «Разлад и противоречие» кончая: «что он исповедует», стр. 421, строки 4–14.

369

Под этим числом в записной книжке записано: «1) Идет прогресс. 2) Прогресс обозначается половыми сношениями. 3) Сколько мы знаем, 3 фазиса: а) смешение полов, в) многоженство, брак для мужчины, с) единобрачие; а) идеал зверя, в) идеал мирского человека языческого мира, с) идеал христианства. 4) Мы стоим на перепутьи. Идеал христианства требует уничтожения языческого; но языческий держится там хуже, чем когда он был идеалом признанным (педерастия и т. п. тайны). Предстоит же сознание христианского идеала и движение вперед к осуществлению его. 5) Христианский же идеал есть не брак, а брак, как уступка, входит в христианский идеал. Вместо этого поставлен идеалом брак с языческой основой наслаждения. Для тех, которые не верят этому руководству, идеалом христ[ианским] выставл[яются] хоть похожие принципы, только назвав их по ихнему и скрыв от них их христианское происхождение, если без этого они не могут понять». Эти мысли развиты в рукописи № 3. См. стр. 422–424.

370

Эта мысль развита в конце рукописи № 3. См. стр. 423–424.

371

Ошибочно, вместо: Прох[орова].

372

См. стр. 426.

373

Подробнее об этом в воспоминаниях П. Г. Ганзена «Пять дней в Ясной поляне», «Исторический вестник», 1917 г., январь, стр. 140–161.

374

Чертков просил Толстого читать его письма не с конца, а с начала.

375

И. И. Горбуновым.

376

т. е. в открытом письме от 4 мая.

377

Машинописная копия, хранящаяся в АТ, т. V, стр. 302.

378

Звездочкой отмечаем исправления, вошедшие в текст «Послесловия», напечатанный в двенадцатом издании сочинений Толстого, М. 1911.

379

В подлиннике ошибочно: Прок.

380

Дальнейшие слова, заклеенные полоской бумаги с новым, написанным на ней текстом, извлекаем из рукописи, описанной под № 23.

381

Впервые это описание сделано в статье Н. В. Давыдова «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом», напечатанной в «Сборнике воспоминаний о Л. Н. Толстом». Книгоиздательство «Златоцвет», М. 1911, стр. 20–21. Здесь ошибочно сеанс приурочен к 1889 г. Во второй редакции этой статьи, напечатанной в книге Н. В. Давыдова «Из прошлого», М. 1914, стр. 287 и сл., эта ошибка исправлена, и сеанс приурочен просто к 1880-м годам. Но здесь Давыдов далее допускает новую ошибку, утверждая, что первое представление «Флодов просвещения» в Ясной поляне происходило в следующую зиму после сеанса. На самом же деле, как увидим ниже, между сеансом и постановкой комедии в Ясной поляне прошло более трех лет.

382

Н. В. Давыдов. «Из прошлого», стр. 287.

383

Ibid., стр. 288. Еще в 1884 г., в своем дневнике, под 19 апреля, Толстой записал: «Львов рассказывал о Блавацкой, переселении душ, силах духа, белом слоне, присяге, новой вере. Как не сойти с ума при таких впечатлениях?»

384

Ibid., стр. 288.

385

По одному свидетельству С. А. Толстой это было 20 октября («Воспоминания С. А. Толстой». «Власть тьмы». – «Толстовский ежегодник 1912 г.» М. 1912, стр. 17), по другому – 27 октября («Дневники С. А. Толстой. 1860–1891», стр. 134).

386

А. А. Стахович. «Клочки воспоминаний». – «Толстовский ежегодник 1912 г.», стр. 27.

387

Стасов под «двумя новыми львами» понимает, несомненно, «Смерть Ивана Ильича» и «Власть тьмы», написанные в 1886 г.

388

«Лев Толстой и В. В. Стасов». Переписка 1878–1906. Редакция и примечания В. Д. Комаровой и Б. Л. Модзалевского. Изд. «Прибой», л. 1929, стр. 77.

389

Однако и в окончательном тексте комедии удержалась одна фамилия, принадлежавшая знакомому Толстому семейству. В 35-м явлении 1-го действия Бетси спрашивает у Петрищева: «а скажите, вы вчера были у Мергасовых?», на что Петрищев отвечает каламбуrom. Мергасова – девичья фамилия матери З. М. Молоствовой – В. И. Молоствовой. В З. М. Молоствову Толстой был влюблен в свои студенческие годы.

390

«Известия общества Толстовского музея», 1911, № 2, стр. 3.

391

«Письма графа Л. Н. Толстого к жене 1862–1910 г.», стр. 336.

392

См. «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге». Переписка. Вступительная статья и примечания С. П. Яремича. «Academia», М. – Л. 1930, стр. 126.

393

Ср. Кн. Д. Д. Оболенский «Новая комедия гр. Л. Н. Толстого». – «Новое время», 1890, № 4766, от 5 января. Гр. С. А. Толстая, Первое представление комедии графа, Л. Н. Толстого – «Плоды просвещения». – «Солнце России», 19, 12, № 145 (46) от 7 ноября, стр. 9–11. Н. В. Давыдов «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом» – «Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом». К-во «Златоцвет». М. 1911, стр. 20–25. Его же. «Лев Николаевич Толстой» – статья в книге «Из прошлого», М. 1914, стр. 287–291. В. М. Лопатин. «Из театральных воспоминаний». – «Международный Толстовский альманах», составленный П. Сергеенко. Изд. «Книга». М. 1909, стр. 98–104. А. В. Цингер. «У Толстых». Там же, стр. 374–381. Его же. «В Ясной поляне четверть века назад». – «Русское слово» 1914, № 360, от 31 декабря. Гр. Л. Л. Толстой. «В Ясной поляне». Изд. «Пламя». Прага, 1923, стр. 63–65. А. М. Новиков. «Зима 1889–1890 гг. в Ясной поляне, картины яснополянской жизни в 90-х годах». – «Лев Николаевич Толстой». Юбилейный сборник. Собрал и редактировал Н. Н. Гусев. Государственное издательство. М. – Л. 1928, стр. 212–214. М. Н. Орлов. «Воспоминания о Л. Н. Толстом». – «Новые пропилеи». Под редакцией М. О. Гершензона, М. 1923, стр. 92–94.

394

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
По воспоминаниям А. В. Цингера, Н. В. Давыдов, режиссер яснополянского
спектакля, просил не разучивать новых вставок и исправлений, сделанных Толстым в
процессе последних репетиций. Исключение было сделано лишь для роли 3-го мужика.
«Русское слово», 1914, № 360, от 31 декабря.

395

Н. С. Лескову и В. Г. Черткову, гостившим тогда у Толстого.

396

Записи записных книжек 1889–1890 гг., относящиеся к работе над комедией, см. в
50 и 51 томах настоящего издания.

397

Источником большей части текста этой шарады является шарада, написанная знакомым
семьи Толстых гр. Ф. Л. Соллогубом, племянником автора «Тарантаса» гр. В. А.
Соллогуба. Начало этой шарады (1-я сцена) таково:

Сцена 1. Необитаемый остров.

Хор Дикарок:

Ах аппетит
Меня мутит
И очень есть желаю,
Хожу, гляжу,
Не нахожу,
Кого жевать не знаю.
Вот попугай.
Лови, хватай.
Но, ах, закуски мало!
Смотри, вон плот
Вдали плывет
На нем два генерала.
Аре: Спрячьтесь, подруги, за кустами!

(Дикарка Аре влюбляется по мере приближения генералов и пишет письмо.)

Я вам пишу, чего же боле?
Плывете вы оттоль, отколе
Не приплывал еще никто.
Уже я мучаюсь! За что?
За что люблю я вас – не знаю,
И вас пока не различаю,
Но вижу – вы два генерала,
Таких досель я не видала,
А потому пишу с размаху:
Иль вас любить – или на плаху!
Жду вас у леса в пустыре,
Вся ваша – юная АРЭ!
Генералы сходят на берег и поют:

Мы два генерала
Судьба нас связала
На остров послала!
Баобдил (за кустом):

А я, Баобдил,
Свой нож наточил!!!
(Выход дикарок, приветствие генералам, дикарки наперерыв кокетничают с
генералами и уводят Дон-Педро. Аре спасает Дон-Жуана.)

Аре (Дон-Жуану): Не правда ли, ты сделаешь меня цивилизованной?

я твоя Аре?

Дон-Жуан: Да, ты моя Аре...

(к публике с дьявольской усмешкой):

...стантка!!!

Текст второй части шарады «Фруктов просвещения» (слог «на») не зависит от шарады Соллогуба. В ней (сцена 2-я) в соответствие со стихами.

Как прекрасна натураи т. д. читаем:

(Дон-Жуан и Нанна на лестнице).

Дон-Жуан:

Вот на небе блесит луна яркая,
А на сердце горит любовь жаркая.
Я надеюсь на эту прелестницу.
Она пустит меня и на лестницу!

398

Об О. И. Фельдмане см. статью Л. Кауфмана «Современный Калиостро. О. И. Фельдман». – «Волны», 1912, № 8, стр. 73–80.

399

О свиданиях с Толстым О. И. Фельдман рассказал в заметке «Отношение Толстого к гипнотизму». – «Международный Толстовский альманах», стр. 354–358. По словам Фельдмана, Толстой был знаком с литературой гипнотизма и особенно интересовался вопросом о свободе личности у загипнотизированных.

400

В 18-м явлении 2-го действия Гросман говорит: «В Сальпетриере 3000 больных, и я прослушал полный курс»; в 19-м явлении 3-го действия он же говорит: «Так я употреблю свой способ, который я демонстрировал в Одессе». Автор указанной статьи о Фельдмане А. Кауфман сообщает, что Фельдман работал под руководством Шарко в госпитале Сальпетриер близ Парижа, а впервые выступил в роли гипнотизера в Одессе.

401

«Русское слово», 1914, № 360, от 31 декабря.

402

«Лев Николаевич Толстой». Юбилейный сборник. Собрал и редактировал Н. Н. Гусев. Указ. статья, стр. 212–213. В 11-м явлении 3-го действия названо имя кучера – Тимофей. Таково было действительное имя яснополянского кучера.

403

«Известия общества Толстовского музея», 1911, № 2, стр. 3–4.

404

См. Н. В. Давыдов. «Из прошлого», 290–291.

405

Отчет о спектакле см. в «Новом времени» от 20 апреля 1890 г.

406

В ленинградском архиве главного управления по делам печати хранится особая папка

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyLe
с надписью «О снятии с репертуара пьесы «Плоды просвещения» графа Льва
Толстого». Документы этой папки, приведенные выше, напечатаны в статье Ф.
Раскольникова «Цензурные мытарства Л. Н. Толстого-драматурга». – «Красная новь»,
1928, кн. 11, стр. 139–142. Ср. еще Д. Л. «Пьесы Льва Толстого в цензуре
(архивные фрагменты)». «Красная газета» (вечерний выпуск), № 5 от 6 января 1926
Г.

407

«Русское слово», 1914, № 360, от 31 декабря.

408

[погруженные, будто в приготовленную из судов похлебку, в этот очень тесный док,
наполненный гнилой водой, в которой их корпуса соприкасаются и трутся друг о
друга и кажутся замаринованными в выделяемом ими соку.]

409

[Порой в глубине сеней за внезапно открывшейся второй дверью, обитой коричневой
кожей, появлялась толстая полураздетая девица, массивные бедра и толстые икры
которой резко обрисовывались под грубым трико из белой материи. Ее короткая юбка
походила на оттопыренный пояс, а рыхлое мясо груди, плечей и рук розовым пятном
выделялось на черном бархатном корсаже, обшитом золотым позументом.]

410

[наряженная толстым baby или кафешантанной певичкой]

411

[девушка, девица]

412

[парень, возбужденный этим прикосновением]

413

[полные женского мяса]

414

[потому что простой народ не переменчив.]

415

[проплакав, так же как и он, до утра]

416

[любственное вождение]

417

[у преступного ложа, проплакав, так же как и он, до утра.]

418

А. С. Суворина.

419

«Письма «Толстого и к Толстому». Юбилейный сборник. Труды публичной библиотеки
СССР имени В. И. Ленина. Государственное издательство. М. – Л. 1928. стр. 77–78.

420

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
[предоставил свободу действий.]

421

«Письма Толстого и к Толстому», стр. 87–88.

422

Р. Кантор. «Толстой и цензура». – «Вестник литературы», 1920, 11(23), стр. 11.

423

Все цитаты из Мопассана взяты здесь из книги «Гюи де Мопассан. На воде. Сборник рассказов. Перевод с французского Л. П. Никифорова и др. с предисловием Л. Н. Толстого». Издание «Посредника». М. 1894. (Перевод точный.)

424

В архиве В. Г. Черткова сохранилась копия рукописи, описанной под № 2, исписанная рукой Т. Л. и М. Л. Толстых. В ней указанные отступления издания Черткова отсутствуют, за исключением двух – «смиранный» и «поступили» (очевидные описки). Это убеждает нас в том, что варианты чертовского издания не могут быть приписаны Толстому.

425

Егор Арсеньевич Покровский (1835–1895) – врач (с 1860 г.), главный врач детской больницы в Москве, автор многих книг и статей по медицине, в 1890–1895 гг. редактор-издатель основанного им журнала «Вестник воспитания».

426

«Галя» – жена В. Г. Черткова. Анна Константиновна, рожд. Дитерихс (1859–1927), деятельная сотрудница «Посредника».

427

Иван Дмитриевич Сытин (р. 1850 г.) – московский издатель, в то время финансировавший «Посредник».

428

Н. А. Полушин – сотрудник «Посредника», автор народных драматических сцен: «Омут», «Исай, эфиопский царь» и др. В то время работал в издательстве Сытина.

429

См. ниже письмо Толстого к автору «Токологии».

430

«Толстовский ежегодник 1913 года», изд. Общества Толстовского музея в С. Петербурге и Толстовского общества в Москве. Спб. (1914), отдел «Письма», стр. 71.

431

Глава XI книги Стокгэм озаглавлена: «Chastity in the Marriage Relations». [«Целомудрие в супружеских отношениях».]

432

Врач Петр Семенович Алексеев (1849–1913) в 1889–1894 гг. состоял помощником врачебного инспектора в Чите, затем до конца жизни на той же должности в Риге. Написал ряд книг и статей о пьянстве: «Успех в борьбе с пьянством» – «Московские ведомости» 1887 № 336 от 6 декабря; «О вреде употребления крепких напитков», М. 1888; «Чем помочь великому горю? Как остановить пьянство?» М. 1888; «Вино и здоровье» Грайворон. 1895; «Алкоголизм». Рига. 1898; «Терапия алкоголизма», Спб.

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoy1e
1899 и др.

433

Виктор Александрович Гольцев (1850–1906) – писатель, в то время редактор журнала «Русская мысль». Книга П. С. Алексеева вышла в издании редакции этого журнала.

434

Написано: хахматы

435

Александр Михайлович Богомолец (а не Богомольцев, как у Толстого) род. в 1850 г., происходил из дворян Черниговской губ., был вольно-практикующим врачом. В 1880 г. привлекался по делу о «преступном кружке» в Киеве. В 1883–1886 гг. был в административной ссылке в Семипалатинской области, после чего ему было запрещено проживать в столицах. Жена его (с 1876 г.) София Николаевна, рожд. Присецкая (1845–1892 г.), в 1881 г. была приговорена к 10 годам каторжных работ за участие в «Южно-русском рабочем союзе». За попытку побега и постоянные протесты срок каторжных работ был увеличен ей на 6 лет. Умерла на Каре от туберкулеза. А. М. Богомолец приезжал к Толстому просить его содействия в том, чтобы ему было позволено приехать в Петербург хлопотать о разрешении поехать к жене.

436

Художник Николай Николаевич Ге в то время лепил бюст Толстого.

437

«Маша» – вторая дочь Толстого Мария Львовна, впоследствии по мужу Оболенская (1871–1906).

438

Павел Александрович Гайдебуров (1841–1893) – журналист, издатель сочувственного Толстому еженедельного органа «Неделя».

439

«Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», 1870–1894, изд. Общества Толстовского музея. Спб. 1914, стр. 416.

440

Там же. стр. 418.

441

[Это – ловкий прием.]

442

Эта запись развита в IV главе «Дьявола»: «Главное, что смущало Евгения, то это был муж [...] Мысль о муже с тех пор еще более мучала его. Случилось ему раз быть у Данилы, и Данила разговорившись, прямо сказал ему: – А Михайла наемни спрашивал меня, правда ли, что барин с сына женой живет... в продолжение лета много разных вещей очень сильно занимали его: и устройство нового хутора, и уборка, и постройка, и, главное, уплата долга и продажа пустоши. Всё это были предметы, которые поглощали его всего, о которых он думал ложась и вставая. Всё это была настоящая жизнь. Сношения же – он даже не называл это связью – с Степанидой было нечто совсем незаметное. Правда, что когда приступало желание видеть ее, оно приступало с такой силой, что он ни о чем другом не мог думать, но это продолжалось недолго, устраивалось свиданье, и он опять забывал ее на неделю, иногда на месяц». Буквально так же и в автографе.

443

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
Эта запись развита в XX главе «Дьявола»: «Да, две жизни возможны для меня: одна та, которую я начал с Лизой: служба, хозяйство, ребенок, уважение людей [...] А другая жизнь – это тут же. Отнять ее у мужа, дать ему денег, забыть про стыд и позор и жить с ней [...] Только два выхода: жену убить или ее. Да еще... Ах, да третий есть: себя». Буквально так же и в автографе.

444

[вульгарный,]

445

Марья Львовна Толстая, дочь Толстого.

446

В. Д. Бонч-Бруевич сообщил нам, что работая в 1899 г. в издательстве В. Г. Черткова, в Англии, он прочел повесть Толстого по списку, озаглавленному «Смерть Иртенева». Это заглавие, конечно, не авторское: оно условно дано повести, быть может, переписчиком лишь для самого общего обозначения сюжета. Тем не менее это заглавие несохранившегося списка показательно в том отношении, что с несомненностью свидетельствует о том, что в 1899 г. второй вариант конца повести, в котором самоубийство Иртенева заменилось убийством Степаниды, Черткову еще не был известен, как не было известно и заглавие «Дьявол».

447

П. И. Бирюков. Биография Л. Н. Толстого. т. III, М. 1922, стр. 317.

448

Ср. главу XII повести, в которой рассказывается о том, как в Троицын день, впервые после женитьбы, при виде пляшущей Степаниды Иртенева обожгла «страстная похоть», и он понял, что ему «нельзя избавиться от нее».

449

Ср. главы III и IV; в них говорится о том, что свиданья Иртенева со Степанидой происходили почти всегда в лесу.

450

Ср. главу XX: «С тех пор, как я сошелся с ней, я испытал новое чувство, настоящее чувство мужа».

451

Аксинья Базыкина умерла в 1919 г.

452

Толстой ошибся: имя сына Аксиньи не Ермил, а Тимофей. Ермилом звали ее мужа.

453

Ср. гл. XV повести: «Он чувствовал, что теряет волю над собой, становится почти помешанным [...] Он знал, что стоило ему столкнуться с ней где-нибудь близко, в темноте, если бы можно, прикоснуться к ней, и он отдастся своему чувству [...] Каждый день он молился Богу о том, чтобы он подкрепил, спас его от гибели [...]»

454

Ср. гл. XVI: «– Приходи в шалаш, – вдруг, сам не зная как, сказал он [...] Она закусила платок, кивнула глазами и побежала туда, куда шла, – в сад к шалашу, а он продолжал свой путь с намерением завернуть за сиреневым кустом и итти туда же. – Барин, – послышался ему сзади голос. – Барыня зовут, на минутку просят зайти. Это был Миша, их слуга. «Боже мой, второй раз Ты спасаешь меня», подумал Евгений и тотчас же вернулся. Жена напоминала ему, что он обещал в обед снести

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyle
лекарство больной женщине, так вот она просила его взять его.

455

В главе XVII Иртенев открывает свою тайну дядюшке, просит его помочь ему и не оставлять его одного. В главе XVIII Иртенев просит приказчика Василия Николаевича удалить Степаниду и всё ее семейство из деревни, в которой Иртенев жил.

456

Об этом см. еще В. И. Срезневский. «История Фредерикса» Л. Н. Толстого. «Мир приключений», 1928, № 7, стр. 4–7 и В. А. Жданов. «Любовь в жизни Толстого», книга первая, М. 1928, стр. 52–53, 77–82. Можно думать, что образ Аксиньи нашел отражение в черновых вариантах «Поликушки», а также в рассказах «Идиллия» и «Тихон и Маланья». (См т. 7 настоящего издания.)

457

[Роман на тему о браке]

458

[как они есть.]

459

Ср. сходный эпизод в IX главе «Дьявола».

460

Цитата из дневника Толстого от 10–13 мая 1858 г.

461

Дневник С. А. Толстой. 1860–1891. Издание М. и С. Сабашниковых, М. 1928, стр. 58.

462

Так сделано и в тексте издания А. Л. Толстой. В тексте же издания Государственного издательства под редакцией Б. Эйхенбаума и К. Халабаева в последнем абзаце основной редакции XXI главы исключены обе поправки Толстого. Для исключения второй поправки не видим оснований: во-первых, она не противоречит тексту основной редакции последней главы, во-вторых, в таком случае, в интересах последовательности, из основного текста повести пришлось бы исключить и все остальные поправки, сделанные Толстым в копии.

463

Андрей Иванович Ершов (1834–1907) – участник Севастопольской обороны. В 1858 г. вышел в отставку и поселился в Петербурге. Одно время заведывал метахромотипией; уезжал за границу, где участвовал в походах Гарибальди на Рим; позднее жил литературным трудом и частными уроками.

464

«Письма русских писателей к А. С. Суворину». Подготовил к печати проф. Д. И. Абрамович, изд. Государственной публичной библиотеки в Ленинграде. Л. 1927, стр. 180.

465

Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1790–1848) – генерал-лейтенант, военный писатель, автор книг: «Описание Отечественной войны 1812 года» (1839), «Описание войны 1813 года» (1840), «Описание Турецкой войны 1806–1812 годов» (1843), «Описание первой войны императора Александра с Наполеоном 1805 года» (1843) и др. Толстой пользовался сочинениями Михайловского-Данилевского как

ое собрание сочинений в 90 томах. Том 27. Произведения, 1889–1890. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
материалом для «Войны и мира».

466

Модест Иванович Богданович (1805–1882) – генерал-лейтенант, военный писатель, автор сочинений: «История отечественной войны 1812 года» (1859–1860), «История войны 1813 года» (1862–1863 гг.), «История царствования императора Александра I и Россия в его время» (1869–1871), «Восточная война 1853–1856 годов» (1876) и др. Толстой пользовался сочинениями Богдановича при создании «Войны и мира».

467

Ахал-Теке – оазис к северу от гор Копет-Даг, населенный текинцами. Был занят русскими войсками под начальством генерала Скобелева в 1881 г.

468

Разумелась Русско-турецкая война 1877–1878 гг., официальной целью которой выставлялось освобождение болгар из-под власти турок.

469

Рейн служит границей, отделяющей Эльзас-Лотарингию от Бадена. Эльзас-Лотарингия была присоединена к Германии после франко-прусской войны 1870–1871 гг.

470

Александр Петрович Струков (1840–1911) – в 1877 г. генерал-майор свиты, впоследствии генерал-адъютант и генерал от кавалерии.

471 Упоминание Сципиона в данном случае ошибочно: фраза – «Ceterum censeo Carthaginem delendam esse» [«Впрочем, я думаю, что Карфаген следует разрушить»] принадлежит не Сципиону, а Катону (234–149 до н. э.), который, будучи непримиримым врагом карфагенян, каждую свою речь заканчивал этими словами.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!